42 7/78

Н. Я. СТРАХОВ

42 7/78

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ОТЧЕТОВЪ

ЛИЦЪ,

ОТПРАВЛЕННЫХЪ

Россия

МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЗА ГРАНИЦУ,

ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ПРОФЕССОРСКОМУ ЗВАНІЮ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

(Съ марта по іюль 1864 года).

961/2

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ РОГАЛЬСКАГО И К°.
1864.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія
на 1864 годъ.

277599

СОДЕРЖАНІЕ.

Извлеченіе изъ отчетовъ: СТРАН.

А. Стоянова . . . . . 1 и 637
А. Деларю 9
А. Копылова. . . . . 20, 108 и 410
К. Нейлисова . . . . . 42 и 235
А. Вериго . . . . . 46 и 372
Г. Спасскаго - Автономова 49
Н. Бугаева . . . . . 52 и 405
В. Стадіона . . . . . 55 и 471
Н. Михайлова . . . . . 72 и 625
П. Степанова . . . . . 84 и 410
В. Лебедева 86
С. Автократова . . . . . 94 и 572
Я. Вальца . . . . . 98 и 423
Ѳ. Гарничъ - Гарницкаго 110
І. Шиховскаго . . . . . 111 и 408
А. Думашевскаго 112
М. Стефановича . . . . . 121 и 435
А. Бесселя 135
Н. Таганцева 137
В. Власьева . . . . . 149 и 437
Н. Головкинскаго . . . . . 162 и 467
Л. Ждановича . . . . . 165, 416 и 467
М. Авенаріуса . . . . . 169 и 563
В. Хорошевскаго 175
О. Паульсона 176
П. Алексѣева . . . . . 177 и 466
Н. Мельникова . . . . . 178 и 510
В. Бильбасова . . . . . — и 573
В. Васильевскаго 215

Извлеченія изъ отчетовъ:

	стран.
Д. Лебедева	222 и 515
А. Ильина	224 и 517
А. Миротворцева	232
А. Коркина	264 и 558
А. Бабухина	271
Н. Яковлева	272 и 409
А. Новоселова	273
М. Троицкаго	296 и 519
Ѳ. Тихановича 2-го	303 и 507
И. Зарубина	309 и 608
М. Владиславлева	335
А. Іонина	353 и 511
В. Имшенецкаго	358 и 401
М. Вольскаго	362
Л. Шварца	367 и 619
Л. Модзалевскаго	373 и 493
А. Пассовера	396
Н. Бакста	403
А. Чистякова	470
Н. Залѣскаго	525

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ОТЧЕТОВЪ

ЛИЦЪ, ОТПРАВЛЕННЫХЪ ЗА ГРАНИЦУ, ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ПРОФЕССОРСКОМУ ЗВАНІЮ.

1) Адъюнкта Стоянова.

Истеченіе 3-хъ-мѣсячнаго срока (отъ 22-го ноября 1863 до 22-го февраля настоящаго года) налагаетъ на меня обязанность представить 2-й отчетъ о своихъ занятіяхъ.

Избирая Парижъ мѣстомъ для работъ по возложенному на меня порученію, я естественно остановился на исторіи французскаго права, которая входитъ, какъ одна изъ главнѣйшихъ частей, въ цѣлую программу моихъ занятій. Лекціи въ École de droit и отчасти въ Collège de France (курсъ г. Лабулэ), а также собственныя работы надъ доступными здѣсь литературными и законодательными источниками моего предмета, представились прямыми путями къ моей цѣли.

Что́ касается лекцій въ парижскомъ юридическомъ факультетѣ, то необходимость сосредоточиться на главномъ предметѣ заставила меня обратить исключительное вниманіе на историческіе курсы гг. профессоровъ *Вальроже* (*Valroger*, Histoire du droit romain et du droit français) и *Шамбеллана* (*Chambellan*, Droit français étudié dans ses origines féodales et coutumières). Но, вынужденный оставить въ сторонѣ экзегетическія и догматическія лекціи почтенныхъ профессоровъ «наполеоновскаго кодекса» и «римскаго права», я счелъ своею обязанностію ознакомиться съ чтеніями гг. профессоровъ *Ортолана* (Droit criminel et législation pénale comparée) и *Бёдана* (*Beudant*, Introduction générale à l'étude du droit).

Лекціи гг. профессоровъ Вальроже и Шамбеллана заняли меня съ двухъ сторонъ: 1) со стороны *метода* преподаванія, 2) со стороны ихъ *содержанія*. Г. Вальроже началъ чтеніе своего курса

отдѣльными характеристиками, гдѣ коснулся политическаго, юридическаго и общественнаго быта кельтовъ, галловъ и германцевъ. Затѣмъ, сдѣлавши нѣсколько замѣчаній относительно исторіи римскаго права и государства, перешелъ къ эпохѣ римскаго владычества въ Галліи и особенно долго остановился на вопросѣ объ императорской администраціи въ древней Франціи. По всему вѣроятію, г. профессоръ даетъ этой части своего курса значеніе «введенія въ исторію французскаго права». Нетрудно понять пользу и даже необходимость такого изложенія, если припомнить, что взаимная переработка нѣсколькихъ разноплеменныхъ элементовъ юридическаго быта въ форму національныхъ учрежденій составляетъ всю исторію французскаго права до начала XIX столѣтія. Вотъ почему можно только одобрить, съ методологической точки зрѣнія, желаніе профессора возстановить, историческимъ анализомъ, истинное значеніе каждаго изъ тѣхъ элементовъ, которые вошли въ юридическую жизнь Франціи.

Въ какой же степени достигнута эта цѣль въ слышанныхъ мною лекціяхъ?—На первой очереди въ исторіи французскаго права стоитъ вопросъ о вліяніи греческаго элемента на Галлію, черезъ Массилію. Вопросъ этотъ, антикварный для юриста-практика, имѣетъ интересъ для юриста-историка, который долженъ преслѣдовать чисто научныя цѣли въ работахъ своихъ. А между тѣмъ г. Вальроже остановился, сколько мнѣ кажется, на индефферентной точкѣ зрѣнія юриста-практика. Онъ сказалъ лишь нѣсколько словъ о томъ, что была Массилія и что исторія ея мало изслѣдована, по бѣдности классическихъ источниковъ. Во всякомъ случаѣ, не смотря на краткость указаній Страбона, Вал. Максима и даже самаго Юстина, добросовѣстныя работы нѣкоторыхъ французскихъ и германскихъ ученыхъ даютъ средства гораздо яснѣе возстановить политическую и юридическую организацію этой колоніи, родственную связь ея, по законодательству, съ Аѳинами и, наконецъ, позднѣйшія международныя отношенія къ римлянамъ. Все это могло бы имѣть интересъ для французскихъ студентовъ, тѣмъ болѣе, что въ средневѣковыхъ статутахъ и наконецъ въ самомъ языкѣ провансальцевъ остались слѣды греческаго вліянія. О вліяніи этомъ писались спеціальныя сочиненія еще въ XVI столѣтіи. Наконецъ, греческое происхожденіе многихъ обычаевъ, вошедшихъ въ морское право XII и XIII столѣтія, составляетъ фактъ, который не считаютъ миѳомъ весьма серіозные ученые.

Изложеніе юридическаго быта древнихъ германцевъ также отличалось, сколько мнѣ кажется, особенною краткостію. Характеристика политическихъ, семейныхъ, имущественныхъ отношеній, замѣтки о судѣ—все это имѣло сжатую, сухую форму изложенія по рубрикамъ.

Несравненно полнѣе были чтенія о галльскомъ элементѣ въ исторіи французскаго права. Здѣсь г. Вальроже явился открытымъ противникомъ теорій *Амедея Тьери* и *Генриха Мартена* (Henri Martin), разбору которыхъ посвятилъ онъ особенныя лекціи. Коренной недостатокъ этихъ теорій заключается, по мнѣнію г. Вальроже, въ легендарномъ и сказочномъ характерѣ тѣхъ источниковъ, откуда черпали знаменитые французскіе историки.

Желая доказать свое мнѣніе, г. Вальроже сдѣлалъ любопытную характеристику древне-галльской поэзіи и литературы, на основаніи изслѣдованій французскихъ, германскихъ и англійскихъ ученыхъ. Наконецъ, пользуясь Цезаремъ и другими источниками, профессоръ весьма ясно и обстоятельно изобразилъ политическій и юридическій бытъ древнихъ галловъ.

Но отдавая справедливость этой части въ лекціяхъ Г. Вальроже, я думаю, что профессоръ исторіи французскаго права не можетъ обходить вопроса о столкновеніи древне-галльскихъ обычаевъ съ римскимъ и германскимъ элементами. Мнѣ кажется, что можно было ярче и подробнѣе обрисовать любопытную картину поглощенія галльскаго элемента римскою цивилизаціею. Думаю, наконецъ, что здѣсь было бы удобно разобрать отвергаемыя теперь теоріи *Бернарди*, *Гролея* (Bernardi, Grosley) и послѣдователей ихъ, относительно галльскаго происхожденія многихъ коренныхъ учрежденій французскаго обычнаго права (le retrait lignager, la communauté entre époux etc.).

Лекціи объ императорской администраціи были довольно полны и любопытны. Съ особеннымъ вниманіемъ разсмотрѣнъ былъ вопросъ о финансовомъ управленіи въ римской имперіи вообще и въ Галліи въ особенности. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же самаго о лекціяхъ по предмету муниципій, колоната, летовъ, fundi limitrophi и друг. любопытныхъ учрежденій, которыя занимаютъ такое видное мѣсто въ исторіи права, потому что стоятъ на рубежѣ между галло-римскою цивилизаціею и германскимъ міромъ.

Вообще лекціи г. Вальроже, излагаемыя въ ясной, сжатой и нѣсколько сухой формѣ компендія, имѣютъ несомнѣнное достоинство,

какъ руководство для французскихъ студентовъ. Ненужно забывать, что, до послѣдняго времени, здѣсь болѣе всего занимались догматическимъ изученіемъ отечественнаго и римскаго права. Конечно, преподаватели, подобные *Giraud*, могли дѣлать много полезныхъ историческихъ замѣчаній, излагая догму права, а также открывая такъ называемыми *Institutions historiques* свои курсы. Во всякомъ случаѣ, учрежденіе спеціальной каѳедры по исторіи права расширило университетскую программу парижскаго факультета. Польза, которую можетъ извлечь изъ этого талантливая молодежь французская, была, давно уже и обстоятельнѣе чѣмъ кѣмъ нибудь, указана и разъяснена *Генр. Климратомъ*.

Что́ касается курса Шамбеллана, то методологическая идея, которая могла руководить при учрежденіи каѳедры этого профессора, кажется мнѣ раціональною и согласною съ направленіемъ французовъ. Практическія соображенія никогда не покидали здѣсь самыхъ ревностныхъ защитниковъ научныхъ интересовъ въ юриспруденціи. Французскіе ученики и послѣдователи Савиньи энергически и талантливо отстояли права исторіи, забытыя въ отечествѣ Дюмулена, Делорьера, Брекиньи и Луазеля. Но расширяя и утверждая основы историческаго изученія, французскіе поборники этого метода никогда не останавливались на идеѣ «исторіи права ради одной исторіи». За такъ называемыми объективными, независимо-научными цѣлями, французы всегда указывали на другую цѣль, болѣе практическую: исторія права остается для нихъ лучшимъ пособіемъ къ уясненію современнаго законодательства. Невозможность совмѣстить такое дѣло въ однѣхъ рукахъ должна вызывать раздѣленіе труда въ отдѣльныхъ каѳедрахъ.

Къ такимъ предположеніямъ пришелъ я, стараясь понять смыслъ и внутреннюю связь тѣхъ лекцій по исторіи права, которыя слышалъ я въ Парижѣ. Лекціи г. Шамбеллана начаты были съ разъясненія коренныхъ учрежденій семейнаго права. Достигнуть цѣли своей желалъ г. профессоръ посредствомъ историческаго анализа данныхъ учрежденій въ обычаяхъ, законодательныхъ памятникахъ и въ юридическихъ сочиненіяхъ отъ среднихъ вѣковъ до конца XVIII и начала XIX столѣтій. — Нѣтъ надобности много говорить о томъ, какъ важно можетъ быть значеніе подобныхъ лекцій, даже при ограниченной программѣ ихъ. Не выходя изъ предѣловъ гражданскаго кодекса, такой курсъ представилъ бы любопытную, *внутреннюю* исторію французскаго права. Выполненіе такого плана

послужило бы лучшимъ средствомъ къ уясненію началъ современнаго законодательства въ его «обычныхъ и феодальныхъ источникахъ». Г. Шамбелланъ какъ профессоръ, безспорно, владѣетъ большимъ запасомъ фактовъ по своему предмету. Только крайняя недобросовѣстность можетъ отнять у него заслугу внимательнаго изученія средне-вѣковыхъ памятниковъ и всей обширной позднѣйшей литературы по обычному праву. Но особенныя свойства предмета этой каѳедры требуютъ, для указанныхъ мною и весьма почтенныхъ качествъ, поддержки со стороны педагогическаго таланта, которымъ такъ блистательно владѣютъ нѣкоторые французскіе профессоры. Въ самомъ дѣлѣ, ясность, точность и простота изложенія дѣлаются вопросами первой важности при чтеніи такого предмета, какъ внутренняя исторія французскаго права. Запутанность, сложность, мелочныя особенности и противорѣчія въ учрежденіяхъ различныхъ территорій обычнаго права представляютъ громадныя затрудненія для преподавателя. Здѣсь нужно соединить рѣдкія свойства ловкаго казуиста и тактъ историческій. Постепенное разростаніе системы обычнаго права составляетъ процессъ, уловить смыслъ котораго можетъ только особенный даръ исторической проницательности. — Слушая лекціи, о которыхъ говорю я въ настоящемъ отчетѣ, я не замѣчалъ въ нихъ ясной характеристики данныхъ юридическихъ учрежденій. Трудно было иногда угадать, гдѣ живое учрежденіе, а гдѣ сухая формула его. Нерѣдки были нарушенія исторической послѣдовательности, причемъ особенно страдала та хронологія, которую Іерингъ — по моему мнѣнію, удачно — назвалъ «внутреннею хронологіею» въ исторіи права. Оттого-то бывало такъ трудно — схватить и прослѣдить постепенный ходъ юридическаго начала въ обычаѣ, въ законодательномъ актѣ, въ доктринѣ юристовъ. Большею частью, весь этотъ историческій матеріалъ находился, если можно такъ выразиться, in statu juxta-positionis. — Другое обстоятельство, которое можетъ вредить курсу г. Шамбеллана, зависитъ отъ посторонней причины. Я разумѣю здѣсь соединеніе, въ одномъ и томъ же году, для однихъ и тѣхъ-же слушателей, двухъ курсовъ гг. Вальроже и Шамбеллана. Нужно замѣтить, что курсы эти читаются, какъ говорятъ здѣсь, «pour la 4-me année», т. е. для студентовъ, завершающихъ уже свое юридическое образованіе. Чтенія эти — ступень къ диплому докторскому. Зная это, я съ любопытствомъ наблюдалъ сжатый, чисто компендіарный методъ г. Вальроже. Элементарный характеръ этихъ

лекцій не заставлялъ меня предполагать особенно-сильныхъ историческихъ свѣдѣній въ докторантахъ. Какъ же согласить такое сопоставленіе элементарнаго изложенія г. Вальроже съ фактическою роскошью историческаго комментарья г. Шамбеллана. Позволяю себѣ думать, что польза отъ обѣихъ каѳедръ была бы несравненно замѣтнѣе при иномъ соотношеніи ихъ во времени. Ясный, сжатый курсъ г. Вальроже былъ бы важнымъ пособіемъ для трудной работы г. Шамбеллана, если бы чтенія перваго профессора предшествовали лекціямъ послѣдняго. Вообще мнѣ кажется, что нѣтъ возможности ограничивать однимъ годомъ — и притомъ годомъ заключительнымъ — все историческое образованіе студентовъ. Я скорѣе бы понялъ чтеніе философіи права, особенно въ французскомъ смыслѣ теоріи законодательства, на послѣднемъ курсѣ юридическаго факультета. Дѣльное пропедевтическое изложеніе основныхъ юридическихъ понятій даетъ уже средства студенту понимать исторію права. Между тѣмъ обильный запасъ историческихъ фактовъ, усвоенныхъ и переваренныхъ при методическомъ, поспѣшномъ ихъ изученіи, сообщитъ большую ясность и живой интересъ юридико-философскимъ выводамъ. Случается, что послѣдніе остаются всегда темными и отвлеченными формулами внѣ живой картины юридическаго быта народовъ.

Оканчиваю настоящій отчетъ мой нѣсколькими, по возможности краткими, замѣчаніями о лекціяхъ гг. Ортолана, Бёдана и Лабулэ.— Намекъ на сравнительное законодательство въ факультетской программѣ привлекъ меня на лекціи уголовнаго права г. Ортолана. Я надѣялся встрѣтить нѣчто подобное тому методу, который заинтересовалъ меня у *Тиссо* въ одномъ изъ извѣстныхъ его сочиненій. Но то, что я слышалъ, было, собственно говоря, изложеніемъ началъ одного французскаго уголовнаго кодекса. Преподаваніе почтеннаго профессора, кажется мнѣ, ближе всего подходитъ къ тому методу, который можно назвать: *le commentaire raisonné du code pénal*, примѣняемый къ французскому способу выраженій. Видно по всему, что Ортоланъ старается дать своему курсу основу философскую. Система лекцій его нисколько не отступаетъ отъ той системы, которая принята профессоромъ въ руководствѣ, давно уже извѣстномъ въ Россіи.

Историческій элементъ былъ весьма незначителенъ въ слышанныхъ мною лекціяхъ. Изложеніе профессора отличается замѣчательною доступностію, логичною стройностію и внѣшнимъ изяще-

ствомъ рѣчи. Преклонныя лѣта не ослабили энергіи нравственныхъ началъ и живости гуманнаго чувства — качествъ, которыя дѣлаютъ особенно симпатичными лекціи Ортолана. Сколько мнѣ кажется, вліяніе ихъ на студентовъ значительно.

Г. Бёданъ читаетъ тотъ курсъ, который соотвѣтствуетъ нашей энциклопедіи, только въ сокращенномъ объемѣ. Содержаніе лекцій, гдѣ излагались, весьма дѣльно и ясно, начальныя понятія о правѣ, о законѣ и т. д. не представило, конечно, ничего новаго. Методъ профессора очень хорошъ. Г. Бёданъ вполнѣ владѣетъ тѣмъ даромъ сжатаго, логическаго изложенія, который составляетъ существенное и одинаково цѣнное условіе для юриста - профессора и для юриста-адвоката.

Изъ публичныхъ курсовъ, которые читаются въ Парижѣ, я избралъ для постояннаго посѣщенія, лекціи г. Лабулэ по исторіи *«государственнаго устройства Соединенныхъ Штатовъ»* и по *«уголовному англійскому судопроизводству»*. Слушая этого даровитаго профессора, я обращалъ особенное вниманіе на то, какъ проводитъ онъ сравнительный методъ въ своихъ лекціяхъ. Г. Лабулэ не идетъ въ этихъ сравненіяхъ далѣе параллелей между избранными имъ странами (т. е. Англіею, Америкою) и своимъ отечествомъ. Діалектическая ловкость и остроуміе, съ которыми направляетъ онъ сравнительный анализъ свой, могутъ быть названы замѣчательными. Я не знаю ни одной лекціи, въ которой не былъ бы затронутъ какой нибудь живой вопросъ для французовъ. Чтенія по исторіи конституціи Соединенныхъ Штатовъ высказываютъ громадное политическое образованіе. Обширный предметъ самостоятельно переработанъ сильною, ясною головою, которая такъ счастливо совмѣщаетъ въ себѣ таланты блестящаго публициста-оратора съ трезвою логикою юриста. Такія качества дѣлаютъ особенно привлекательными лекціи Лабулэ, не смотря на то, что онѣ имѣютъ форму общедоступныхъ бесѣдъ съ пестрою и непритязательною аудиторіею. Мнѣ кажется только, что, излагая свой предметъ, г. Лабулэ увлекается въ иныхъ случаяхъ подробностями общей исторіи Соединенныхъ Штатовъ и отчасти замѣняетъ этимъ картину историческаго развитія американской конституціи. Думаю, что болѣе сосредоточенное изложеніе необходимо; во 1-хъ, потому что ближе идетъ къ цѣли подобнаго курса — *объяснить* процессъ историческаго сложенія одной изъ замѣчательнѣйшихъ конституцій; во 2-хъ, потому, что внѣшняя обстановка и характеры главныхъ дѣятелей

американской революціи болѣе или менѣе извѣстны большинству слушателей. — Лекціи объ англійскомъ уголовномъ судопроизводствѣ имѣютъ задачею своею — представить исторію и современное состояніе англійскаго законодательства, по возможности сравнивая его съ французскимъ. По видимому, Блакстонъ служитъ главнымъ пособіемъ для г. Лабулэ въ его лекціяхъ, особенно любопытныхъ для французовъ: послѣдніе быть можетъ, слишкомъ заперты въ догму собственнаго кодекса, благодаря добрымъ старымъ преданіямъ Ecole de droit. Потому то я думаю, что польза отъ сравнительнаго метода г. Лабулэ неизчислима въ странѣ, гдѣ не трудно открыть стремленіе — нѣсколько слегка и даже свысока глядѣть на учрежденія другихъ народовъ. — Лекціи г. Лабулэ могутъ быть названы мужественнымъ и талантливымъ протестомъ противъ такого направленія. Убѣдиться въ этомъ можно изъ слѣдующихъ замѣчаній, которыя приведу я, сохраняя смыслъ, изъ вступительной лекціи профессора. Дѣло въ томъ, что въ прошедшемъ году Лабулэ имѣлъ намѣреніе посвятить свои чтенія разбору Монтескьё, но въ настоящемъ году соображеніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ привело его къ переменѣ предмета. Работѣ надъ Монтескьё предпочелъ профессоръ Лабулэ работу надъ уголовнымъ судопроизводствомъ Англіи. Почему? объясняя это, Лабулэ указалъ на тѣ особенности, которыя проявлялись до сихъ поръ въ общественной и политической жизни французскаго народа. Живая, энергическая натура француза обыкновенно приводила его къ двумъ противоположнымъ состояніямъ: политическаго энтузіазма и политической апатіи. Французы или шли съ отвагою пылкой мысли впередъ, — и тогда не было преградъ для нововводителей. Затѣмъ состояніе, которое Лабулэ удачно назвалъ политическою лихорадкою, приводило націю къ энергіи. По мнѣнію профессора, отечество его пережило уже, въ настоящее время, свой послѣдній пароксизмъ пассивнаго состоянія. Наступили минуты, когда стремленіе къ лучшему должно сдѣлаться общимъ или, по крайней мѣрѣ, господствующимъ во французскомъ обществѣ. — При такихъ обстоятельствахъ, профессоръ считаетъ какъ нельзя болѣе умѣстнымъ и своевременнымъ, изученіе уголовныхъ законовъ Англіи. Важность уголовнаго кодекса, который ставитъ грани для всѣхъ видовъ правъ и интересовъ въ обществѣ, особенно усиливается тамъ, гдѣ снова поднялись вопросы о прогрессѣ политическомъ, гражданскомъ и экономическомъ. Англія и Америка — страны, гдѣ исторія удовлетворительнѣе, чѣмъ

гдѣ нибудь на западѣ Европы, установила отношенія между карательнымъ закономъ и лучшими интересами общества.

Отсюда необходимость изучить эти отношенія для французскаго народа, если только онъ желаетъ успѣшнаго и практическаго конца своимъ новымъ и трезвымъ стремленіямъ. Такова исходная точка, отъ которой пошелъ г. Лабулэ въ своихъ лекціяхъ и которую проводитъ онъ съ замѣчательнымъ постоянствомъ и яснымъ пониманіемъ своего дѣла.

Такимъ образомъ старался я, до послѣдняго времени, раздѣлять занятія мои въ Парижѣ между посѣщеніемъ лекцій и собственными кабинетными работами надъ обширною литературою моего предмета. Наблюденіе методовъ преподаванія и ознакомленіе съ матеріалами собственной спеціальности считаю я главными сторонами моего дѣла заграницей. Предыдущее изложеніе достаточно объяснитъ, почему имѣю я право сосредоточиваться теперь болѣе всего на собственныхъ работахъ своихъ. Источники, которые изучаю я здѣсь, могутъ быть подведены подъ слѣдующія категоріи: 1) общая исторія Франціи; 2) средневѣковые литературные и законодательные памятники французскаго права; 3) литература по исторіи французскаго права въ замѣчательнѣйшихъ сочиненіяхъ XVII и XVIII столѣтія и позднѣйшаго времени. О дальнѣйшихъ занятіяхъ моихъ въ Парижѣ и, быть можетъ, въ Тулузѣ, буду имѣть честь извѣстить въ отчетѣ за слѣдующіе три мѣсяца.

Парижъ, $\frac{\text{6-го Марта}}{\text{26-го Февраля}}$ 1864 года.

2) Кандидата Даніила Деларю.

Я уже имѣлъ честь доносить департаменту въ предъидущихъ отчетахъ своихъ, что занимаюсь теоріей алгебраическаго рѣшенія уравненій; но я не входилъ въ подробное, обстоятельное изложеніе сущности и цѣли, предпринятой мною работы. Я впрочемъ и не могъ сдѣлать этого тогда, потому что трудъ мой былъ далеко не оконченъ: я не имѣлъ еще никакихъ опредѣленныхъ результатовъ. Не скажу, чтобы и въ настоящую минуту цѣль, которую я имѣлъ въ виду, была мною достигнута, чтобы изслѣдованія мои привели меня къ новымъ, неизвѣстнымъ доселѣ выводамъ — сказать этого я не имѣю никакого права: все, чего я достигъ, кажется, это разъяснить найденное другими геометрами, и связать часто разъеди-

ненныя изслѣдованія ихъ въ одно цѣлое. Чтобы заняться самостоятельнымъ изслѣдованіемъ вопроса, необходимо прежде всего хорошо изучить то, что́ ужь сдѣлано для его рѣшенія; только послѣ этого можно предпринять самостоятельную работу. До этого времени я собственно и занимался только изученіемъ извѣстнаго. Тѣмъ не менѣе и эта работа представляла свои трудности: чтобы представить въ цѣлости все сдѣланное уже геометрами въ теоріи алгебраическаго рѣшенія уравненій, нужно было пополнить нѣкоторые пробѣлы, подчинить одному общему анализу то, что́ было выведено различными между собой пріемами. Сдѣлать это мнѣ, кажется, удалось отчасти, и въ настоящемъ отчетѣ я постараюсь охарактеризовать направленіе и сущность своихъ занятій и указать на главнѣйшіе выводы, къ которымъ они меня привели.

Съ того времени, какъ знаменитый норвежскій геометръ *Абель* доказалъ невозможность рѣшить въ радикалахъ общія алгебраическія уравненія степеней выше четвертой, естественно возникъ вопросъ: «опредѣлить общія условія разрѣшимости алгебраическихъ уравненій въ радикальныхъ формулахъ». Рѣшеніемъ этого вопроса занялся прежде другихъ самъ *Абель*. Онъ нашелъ цѣлый классъ алгебраическихъ уравненій всѣхъ степеней, которыя разрѣшимы въ радикалахъ, и подробно изслѣдовалъ ихъ въ мемуарѣ своемъ «*sur une classe particulière d'équations résolubles algébriquement*» (Oeuvres complètes, T. II, p. 114 etc.). Но онъ не ограничился этимъ и сталъ стремиться къ рѣшенію вышепостановленнаго вопроса вообще. Хотя ему и не удалось вполнѣ достигнуть желаемой цѣли, тѣмъ не менѣе, неоконченный мемуаръ его «*sur la résolution algébriques des équations*» (Oeuvres compl. T. II, p. 185 etc) и нѣкоторыя мѣста изъ его писемъ къ Креллю (Oeuvres complètes, T. II, p. 255) ясно показываютъ, что онъ былъ на пути къ ней и что только ранняя смерть остановила его. Здѣсь высказаны имъ нѣкоторыя общія предложенія, весьма замѣчательныя; къ сожалѣнію однако, онъ не оставилъ доказательствъ ихъ. Другъ Абеля и издатель его сочиненій, *Голмбой*, пытался возстановить потерянныя мѣста изслѣдованій Абеля, по сохранившимся ихъ отрывкамъ; но онъ не успѣлъ въ этомъ. Сдѣлать это отчасти удалось ужь позже *Мальмстену*, профессору въ Христіаніи. Въ мемуарѣ своемъ подъ заглавіемъ: «*In solutionem aequationum algebraicarum disquisitio*» (Crelle's Journal, T. *XXXIV*, p. 46 etc.) Мальмстенъ, между прочимъ, впервые доказалъ слѣдующую теорему Абеля:

«Если несократимое алгебраическое уравненіе простой степени, вида

$$x^{\mu} + p.\, x^{\mu-1} + qx^{\mu-2} + \ldots\ldots + tx + u = 0,$$

разрѣшимо въ радикалахъ, ему непремѣнно должна удовлетворять формула

$$x = -\frac{p}{\mu} + \sqrt[\mu]{R_1} + \sqrt[\mu]{R_2} + \ldots\ldots + \sqrt[\mu]{R_{\mu-1}},$$

гдѣ количества $R_1, R_2, \ldots R_{\mu-1}$ суть корни уравненія степени $(\mu-1)^{ой}$, коеффиціенты котораго раціонально зависятъ отъ коеффиціентовъ $p, q, \ldots t, u$ даннаго».

На этой теоремѣ онъ основалъ общее доказательство невозможности рѣшать въ радикалахъ всѣ уравненія, степени которыхъ простыя числа большія 3-хъ. Въ изслѣдованіяхъ своихъ Мальмстенъ слѣдуетъ совершенно пути, указанному своимъ извѣстнымъ соотечественникомъ.

Иной пріемъ для розысканія условій разрѣшимости въ радикалахъ алгебраическихъ уравненій данъ французскимъ геометромъ *Галоа*. Вмѣсто того, чтобы стремиться открыть самую общую форму радикальныхъ функцій и искать потомъ, какимъ алгебраическимъ уравненіямъ и при какихъ именно условіяхъ онѣ удовлетворяютъ, какъ это дѣлалъ Абель, Галоа прямо старается опредѣлить, какія дѣйствія нужно совершить надъ коеффиціентами уравненія, чтобы выразить въ нихъ его корни; потомъ онъ ищетъ, когда эти дѣйствія ограничиваются простыми раціональными алгебраическими дѣйствіями и извлеченіемъ радикаловъ. Главнымъ результатомъ его изслѣдованій было слѣдующее предложеніе:

«Для того, чтобы несократимое алгебраическое уравненіе простой степени было разрѣшимо въ радикалахъ, *необходимо* и *достаточно*, чтобы между корнями его существовала такая зависимость, что, зная два изъ нихъ, можно было бы выразить въ нихъ раціонально всѣ остальные корни».

Это предложеніе, получившее названіе теоремы Галоа, было отчасти извѣстно и Абелю; именно, Абель зналъ, что такой зависимости между корнями уравненія достаточно для его разрѣшимости въ радикалахъ (Oeuvres complètes, T. II, p. 255); но Галоа первый показалъ, что такое условіе вообще и необходимо. Мемуаръ Галоа помѣщенъ въ XI томѣ журнала Льювиля (стр. 417 etc.).

Предложенія Абеля и Галоа составляютъ и по сіе время два главныхъ результата, которые найдены въ общей теоріи алгебраическаго рѣшенія уравненій. Только въ 1853 году берлинскій ученый Кронеккеръ сдѣлалъ важный шагъ впередъ, показавъ, что всѣ уравненія простыхъ степеней, разрѣшимыя въ радикалахъ, находятся въ тѣсной связи съ тѣми уравненіями, которыя были изслѣдованы Абелемъ въ его мемуарѣ: *sur une classe particulière d'équations résolubles algébriquement*, и которыя онъ называетъ поэтому *абелевскими уравненіями*. Кронеккеръ нашелъ именно, что рѣшеніе всѣхъ уравненій простыхъ степеней, разрѣшимыхъ въ радикалахъ, сводится на рѣшеніе абелевскихъ уравненій. Такимъ образомъ онъ ближе, точнѣе опредѣлилъ самый характеръ разрѣшимыхъ уравненій простыхъ степеней.

Изслѣдованія Абеля, Мальмстена, Галоа и Кронеккера составляютъ все, что́ сдѣлано до настоящаго времени для опредѣленія общихъ условій разрѣшимости алгебраическихъ уравненій въ радикалахъ. Изслѣдованія нѣкоторыхъ другихъ геометровъ, по спеціальности своей, не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ этому общему вопросу. Таковы изслѣдованія германскаго ученаго *Гессе* (Crelle's Journal Bd. XXXIV und Bd. XLI) и парижскаго академика *Эрмита (Sur la théorie des équations modulaires et la résolution de l'équation du cinquième degré.* Paris, 1859). Первый изъ нихъ доказалъ, что уравненія шестой и девятой степеней, между корнями которыхъ существуетъ зависимость, требуемая теоремой Галоа, разрѣшимы въ радикальныхъ формулахъ; а второй показалъ, что корни общаго уравненія пятой степени выражаются въ его коеффиціентахъ посредствомъ эллиптическихъ трансцендентныхъ; изслѣдованіе его можно разсматривать поэтому, какъ новое доказательство невозможности общаго рѣшенія въ радикалахъ для уравненій высшихъ степеней. Результаты, добытые обоими геометрами, представляютъ, безъ сомнѣнія, интересъ и по отношенію къ общей теоріи алгебраическаго рѣшенія уравненій: мемуары Гессе показываютъ, что теорема Галоа имѣетъ мѣсто не для однихъ уравненій простыхъ степеней, а изслѣдованіе Эрмита открываетъ совершенно новый рядъ вопросовъ касательно алгебраическихъ уравненій; но результаты эти еще слишкомъ частны, чтобы можно было въ настоящее время перейдти отъ нихъ къ какимъ бы то ни было общимъ заключеніямъ. Пока мы еще ничего не знаемъ относительно общихъ условій разрѣшимости уравненій, степени которыхъ числа сложныя; по-

этому уравненія шестой и девятой степеней, рѣшенныя Гессе, остаются одиночными фактами. Что̀ касается до изслѣдованія Эрмита, то оно ужь по самой цѣли свой расходится съ трудами Абеля и Галоа: рѣшеніе, къ которому оно приводитъ, отнюдь не алгебраическое.

Въ настоящее время вопросъ о розысканіи общихъ условій разрѣшимости алгебраическихъ уравненій сложныхъ степеней, можно сказать, совершенно еще не тронутъ. Абель высказалъ, правда, нѣкоторыя довольно общія предложенія относительно этихъ уравненій; но они и понынѣ еще никѣмъ не доказаны. Сколько кажется, для опредѣленія условій разрѣшимости уравненій сложныхъ степеней, необходимо рѣшить предварительно тотъ же вопросъ для уравненій простыхъ степеней; а это еще не сдѣлано вполнѣ. Теперь, только теорія алгебраическаго рѣшенія уравненій простыхъ степеней представляетъ извѣстную степень развитія и можетъ быть изложена болѣе или менѣе цѣльно.

Работа моя и имѣла цѣлью соединить все, что̀ сдѣлано для открытія общихъ условій разрѣшимости уравненій простыхъ степеней; уравненія сложныхъ степеней мнѣ пришлось оставить пока въ сторонѣ. Какъ я ужь сказалъ выше, предложенія Абеля и Галоа составляютъ, вмѣстѣ съ критеріумами Кронеккера, главные результаты, полученные по сіе время. По самой сущности своей результаты эти находятся въ тѣсной взаимной связи; но они были получены различными пріемами. Мнѣ хотѣлось поэтому достигнуть того, чтобы подчинить доказательства предложеній Абеля и Галоа одному общему анализу и вывести, вмѣстѣ съ тѣмъ, главнѣйшіе изъ критеріумовъ Кронеккера. Этого я, кажется, и достигъ.

Мемуаръ Абеля *«sur la résolution algébrique des équations»* былъ возстановленъ отчасти, какъ я ужь сказалъ выше, Мальмстеномъ, подъ заглавіемъ: *«In solutionem aequationum algebraicarum disquisitio»*. Трудъ Мальмстена упрекаютъ однако въ неясности; такъ Кронеккеръ замѣчаетъ, что доказательство, данное этимъ ученымъ теоремѣ Абеля, требуетъ пополненій. Дѣйствительно, мы находимъ въ мемуарѣ Мальмстена нѣкоторыя неточности, затемняющія его выводы; но неточности эти не нарушаютъ справедливости его заключеній, и легко могутъ быть устранены. Именно, вмѣсто вполнѣ яснаго и строгаго опредѣленія *порядковъ* радикальныхъ функцій, которое высказано Абелемъ, Мальмстенъ даетъ опредѣленіе совершенно неточное; это главный источникъ встрѣчающихся у него въ мемуарѣ неясностей. Сверхъ того, въ доказательствѣ теоремы Абеля, онъ

даетъ для корней уравненія не самую общую форму ихъ. Онъ именно пишетъ, вмѣстѣ съ Абелемъ,

$$x = A + \sqrt[\mu]{R_1} + \sqrt[\mu]{R_2} + \ldots\ldots + \sqrt[\mu]{R_{\mu-1}},$$

въ то время, какъ выкладка даетъ вообще

$$x = A + \omega^m \sqrt[\mu]{R_1} + \omega^{2m} \sqrt[\mu]{R_2} + \ldots + \omega^{(\mu-1)m} \sqrt[\mu]{R_{\mu-1}},$$

гдѣ ω есть мнимый корень уравненія $z^\mu - 1 = 0$. Эта послѣдняя формула даетъ всѣ корни уравненія, когда полагать послѣдовательно $m = 0, = 1, = 2, = \ldots = \mu - 1$; формула Мальмстена выражаетъ только случай, когда $m = 0$.

Сдѣланныя два замѣчанія составляютъ все, что́ можно сказать существеннаго противъ мемоара Мальмстена; правда, остается желать еще упрощенія въ доказательствѣ абелевой теоремы, которое довольно сложно; но это ужь дѣло второстепенной важности.

Придерживаясь строго основныхъ опредѣленій, данныхъ Абелемъ радикальнымъ функціямъ, но въ остальномъ слѣдуя Мальмстену, я пришелъ къ выводу теоремы Абеля въ слѣдующей формѣ:

«Если несократимое алгебраическое уравненіе простой степени, вида

$$1)\quad x^\mu + px^{\mu-1} + qx^{\mu-2} + \ldots\ldots + tx + u = o,$$

разрѣшимо въ радикалахъ, ему непремѣнно будетъ удовлетворять формула

$$2)\quad x = -\frac{p}{\mu} + \omega^m \sqrt[\mu]{R_1} + \omega^{2m} \sqrt[\mu]{R_2} + \ldots + \omega^{(\mu-)m} \sqrt[\mu]{R_{\mu-1}},$$

гдѣ ω мнимый корень уравненія $z^\mu - 1 = 0$, а количества $R_1, R_2, \ldots R_{\mu-1}$ таковы, что ихъ симетрическія функціи опредѣляются раціонально въ коеффиціентахъ даннаго уравненія и въ извѣстныхъ величинахъ». Далѣе послѣдовательно $m = 0, = 1, \ldots = \mu - 1$ и, чрезъ $x_0, x_1, x_2, \ldots x_{\mu-1}$ означивъ корни уравненія (1), получимъ:

$$3)\quad \begin{cases} x_0 = -\frac{p}{\mu} + \sqrt[\mu]{R_1} + \sqrt[\mu]{R_2} + \ldots + \sqrt[\mu]{R_{\mu-1}} \\ x_1 = -\frac{p}{\mu} + \omega \sqrt[\mu]{R_1} + \omega^2 \sqrt[\mu]{R_2} + \ldots + \omega^{\mu-1} \sqrt[\mu]{R_{\mu-1}} \\ \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots \\ x_{\mu-1} = -\frac{p}{\mu} + \omega^{\mu-1} \sqrt[\mu]{R_1} + \omega^{2(\mu-1)} \sqrt[\mu]{R_2} + \ldots + \omega^{(\mu-1)(\mu-1)} \sqrt[\mu]{R_{\mu-1}} \end{cases}$$

Послѣ этого, замѣтивъ, что для того, чтобы уравненіе (1) дѣйствительно разрѣшалось въ радикальныхъ формулахъ, необходимо, чтобы количества $R_1, R_2, \ldots R_{\mu-1}$ были радикальными функціями коеффиціентовъ $p, q, \ldots t, u$, ищу условій, при которыхъ это должно быть. Прежде всего изъ формулъ (3-хъ) вывожу выраженіе R_k въ корняхъ уравненія (1); получаю слѣдующую общую формулу:

$$4)\ R_k = \frac{1}{(\mu)\,\mu}\left[x_0 + \omega^{-k} x_1 + \omega^{-2k} x_2 + \ldots + \omega^{-(\mu-1)k} x_{\mu-1}\right]^{\mu},$$

которая показываетъ, во 1-хъ, что $R_{\mu+1} = R_1, R_{\mu+2} = R_2, \ldots$, и вообще $R_{n\mu+k} = R_k$, и во 2-хъ, что количества R_k могутъ быть разсматриваемы, какъ нѣкоторыя функціи корней уравненія (1), не измѣняющіяся замѣщеніями вида $(x_\lambda, x_{\lambda+c})$, гдѣ c постоянное количество, величина котораго не зависитъ отъ величины λ. Потомъ ищу, какія замѣщенія измѣняютъ одно R въ другія. Нахожу, что эти замѣщенія непремѣнно вида $(x_\lambda, x_{a\lambda})$, гдѣ a постоянное количество. Если a первообразный корень μ, то изъ одного R получаются всѣ остальные, повторяя это замѣщеніе.

Условіе для разрѣшимости несократимаго уравненія простой степени, требуемое теоремой Абеля, состоитъ въ томъ, чтобы симетрическія функціи количествъ $R_1, R_2, \ldots R_{\mu-1}$ опредѣлялись раціонально въ коеффиціентахъ этого уравненія. Но предъидущія замѣчанія показываютъ, что симетрическія функціи количествъ $R_1, R_2, \ldots R_{\mu-1}$ могутъ еще быть опредѣлены, какъ нѣкоторыя функціи корней даннаго уравненія, не измѣняющіяся замѣщеніями видовъ $(x_\lambda, x_{\lambda+c})$ и $(x_\lambda, x_{a\lambda})$, гдѣ $a^{\mu-1} \equiv 1 \pmod{\mu}$; слѣдовательно всегда должны существовать такія функціи корней разрѣшимаго уравненія простой степени, не измѣняющіяся замѣщеніями этихъ двухъ видовъ, которыя будутъ опредѣляться раціонально въ коеффиціентахъ уравненія и въ величинахъ извѣстныхъ. Но это заключеніе приводитъ къ другому, болѣе общему. Дѣйствительно, всѣ вообще функціи корней даннаго уравненія, не измѣняющіяся замѣщеніями видовъ $(x_\lambda, x_{\lambda+c})$ и $(x_\lambda, x_{a\lambda})$, будутъ функціями *подобными* симетрическимъ функціямъ количествъ $R_1, R_2, \ldots R_{\mu-1}$ и поэтому выразятся раціонально въ этихъ послѣднихъ, а слѣдовательно также опредѣлятся раціонально въ коеффиціентахъ даннаго уравненія и въ величинахъ извѣстныхъ. Такимъ образомъ приходимъ естественно къ слѣдующему общему заключенію:

«Если несократимое алгебраическое уравненіе простой степени разрѣшимо въ радикалахъ, функціи его корней, не измѣняющіяся замѣщеніями видовъ $(x_\lambda, x_{\lambda+c})$ и $(x_\lambda, x_{a\lambda})$, гдѣ $a^{\mu-1} \equiv 1 \pmod{\mu}$, будутъ раціонально опредѣляться въ коеффиціентахъ самаго уравненія и въ величинахъ извѣстныхъ».

Нетрудно показать послѣ этого, что высказанное условіе не только необходимо, но и достаточно для разрѣшимости уравненій простыхъ степеней. Для этого нужно только доказать, что когда условіе это имѣетъ мѣсто, т. е. когда функціи корней уравненія, не измѣняющіяся замѣщеніями видовъ $(x_\lambda, x_{\lambda+c})$ и $(x_\lambda, x_{a\lambda})$, дѣйствительно опредѣляются раціонально, количества $R_1, R_2 \ldots R_{\mu-1}$ всегда выражаются радикальными формулами въ коеффиціентахъ даннаго уравненія. Этого я достигаю, доказавъ, что выраженія вида

$$\left[R_k + \alpha R_{ak} + \alpha^2 R_{a^2k} + \ldots + \alpha^{\mu-2} R_{a^{\mu-2}k}\right]^{\mu-1},$$

гдѣ α мнимый корень уравненія $z^{\mu-1} - 1 = 0$, всегда въ такомъ случаѣ выражаются раціонально въ коеффиціентахъ даннаго уравненія. Это непосредственно влечетъ за собой равенства

$$R_{ak} = \varphi(R_k),\ R_{a^2k} = \varphi(R_{ak}), \ldots R_k = \varphi(R_{a^{\mu-2}k}),$$

гдѣ φ означаетъ раціональную функцію. Послѣднія равенства показываютъ, что количества $R_1, R_2, \ldots R_{\mu-1}$ суть корни *абелевскаго* уравненія, степени $(\mu-1)^{ой}$, съ раціональными коеффиціентами, т. е., что они дѣйствительно опредѣляются радикальными формами.

На основаніи всего предшествующаго говорю:

1) «Для разрѣшимости въ радикалахъ несократимаго алгебраическаго уравненія простой степени

$$x^\mu + px^{\mu-1} + qx^{\mu-2} + \ldots\ldots + tx + u = 0$$

необходимо и *достаточно*, чтобы раціональныя функціи корней его, не измѣняющіяся замѣщеніями видовъ $(x_\lambda, x_{\lambda+c})$ и $(x_\lambda, x_{a\lambda})$, гдѣ $a^{\mu-1} \equiv 1 \pmod{\mu}$, опредѣлялись раціонально въ коеффиціентахъ его $p, q, \ldots t, u$ и въ величинахъ извѣстныхъ», и

2) «Если это условіе имѣетъ мѣсто, то общее выраженіе корней даннаго уравненія будетъ

$$x = -\frac{p}{\mu} + \omega^m . \sqrt[\mu]{R_1} + \omega^{2m} . \sqrt[\mu]{R_2} + \ldots\ldots + \omega^{(\mu-1)m} . \sqrt[\mu]{R_{\mu-1}},$$

гдѣ количества $R_1, R_2, \ldots R_{\mu-1}$ корни абелевскаго уравненія $(\mu-1)$ой степени, съ коеффиціентами раціонально зависящими отъ коеффиціентовъ даннаго».

Эти два заключенія непосредственно вытекаютъ изъ изслѣдованій Галоа и Кронеккера. Галоа показалъ именно, что *группа* разрѣшимаго алгебраическаго уравненія простой степени должна заключать только замѣщенія вида $(x_\lambda, x_{a\lambda+c})$, а Кронеккеръ первый замѣтилъ, что количества $R_1, R_2, \ldots R_{\mu-1}$ суть корни абелевскаго уравненія съ раціональными коеффиціентами. Поэтому мнѣ принадлежитъ только выводъ этихъ предложеній изъ теоремы Абеля.

Полученные ужь выводы содержатъ все, что́ необходимо для непосредственнаго доказательства теоремы Галоа. Пріемъ, употребленный для этой цѣли парижскимъ академикомъ Эрмитомъ (*Cours d'algèbre supérieure, par J. A. Serret; deuxième édition, note* XIII, p. 569 etc.), примѣняется здѣсь весьма удобно и безъ всякихъ измѣненій. Только доказательство достаточности условія, требуемаго теоремой Галоа для разрѣшимости уравненій простыхъ степеней, можетъ быть нѣсколько обобщено. Именно, вмѣсто *разрѣшающей функціи* Лагранжа (*la résolvante*) достаточно взять какую бы то ни было раціональную функцію корней даннаго уравненія, не измѣняющуюся замѣщеніями вида $(x_\lambda, x_{\lambda+c})$. Разсуждая надъ ней, какъ Эрмитъ это дѣлаетъ надъ *разрѣшающей*, придемъ къ заключенію, что допущеніе условія, что всѣ корни даннаго уравненія выражаются раціонально въ двухъ изъ нихъ, необходимо влечетъ за собою существованіе выше постановленнаго условія, чтобы всѣ функціи корней, не измѣняющіяся замѣщеніями видовъ $(x_\lambda, x_{\lambda+c})$ и $(x_\lambda, x_{a\lambda})$, опредѣлялись раціонально; а это послѣднее условіе не только необходимо, но и достаточно.

Теорема Кронеккера, «что всякое разрѣшимое въ радикалахъ уравненіе простой степени μ всегда можетъ быть разсматриваемо, какъ *абелевское* уравненіе, если только *причислить* къ нему нѣкоторое количество ϱ, которое само есть корень *абелевскаго* уравненія, степени $(\mu-1)$ой, съ раціональными коеффиціентами», доказывается послѣ этого также въ нѣсколько почерковъ пера.

Вотъ тѣ выводы, къ которымъ привели меня до сихъ поръ мои занятія по теоріи алгебраическаго рѣшенія уравненій. Быть можетъ, со временемъ мнѣ удастся добиться результатовъ болѣе существенныхъ; во всякомъ случаѣ я твердо намѣренъ продолжать

начатыя мною занятія. Но, пока, я счелъ не безполезнымъ изложить по возможности цѣльно и полно то, что̀ сдѣлано до этого времени для опредѣленія условій разрѣшимости уравненій простыхъ степеней; этотъ трудъ мой, гдѣ нашли мѣсто и доказательства выше мною приведенныхъ заключеній, я надѣюсь представить, немедленно по возвращеніи на родину, какъ разсужденіе для полученія степени магистра математики.

Кромѣ этого, занятія мои состояли еще въ слушаніи лекцій, читаемыхъ въ Collège de France академиками Льювилемъ и Бертраномъ. Я желалъ также прослушать курсъ высшей геометріи извѣстнаго Шаля, преподаваемый имъ въ Сорбоннѣ; но, къ сожалѣнію, мнѣ пришлось отказаться отъ этого намѣренія. Лекціи Шаля совпадали съ лекціями Бертрана, и мнѣ нужно было выбрать, кого изъ нихъ слушать. Я счелъ болѣе полезнымъ для себя слѣдить за лекціями послѣдняго, такъ какъ онъ излагаетъ спеціальный вопросъ, съ которымъ я былъ весьма мало знакомъ, въ то время, какъ лекціи перваго мало отличаются отъ его печатнаго трактата высшей геометріи.

Я не буду входить въ подробное описаніе слушаемыхъ мною лекцій, а скажу о нихъ только нѣсколько словъ. Я укажу именно на тѣ стороны лекцій обоихъ геометровъ, Льювиля и Бертрана, которыя показались мнѣ особенно замѣчательны.

Въ этотъ семестръ Льювиль избралъ предметомъ для своихъ лекцій теорію чиселъ, которою онъ, какъ извѣстно, занимается спеціально. Онъ собственно предпринялъ объяснять и коментировать извѣстное сочиненіе Гаусса: «*Disquisitiones arithmeticae*»; но онъ предпослалъ этому общее введеніе, весьма интересное во многихъ отношеніяхъ. Высказавъ бѣгло главнѣйшія основныя предложенія теоріи чиселъ, Льювиль нѣсколько долѣе остановился на изслѣдованіи свойствъ нѣкоторыхъ численныхъ функцій. Такъ, между прочимъ, онъ замѣтилъ, что всѣ почти формулы разложенія эллиптическихъ функцій весьма легко и изящно получаются пріемами теоріи чиселъ. «До сихъ поръ», говорилъ онъ, «геометры часто прибѣгали къ пріемамъ анализа собственно для рѣшенія вопросовъ теоріи чиселъ; такъ поступали Эйлеръ, Якоби и многіе другіе; но также точно и, наоборотъ, теорія чиселъ даетъ средства для изслѣдованія вопросовъ анализа собственно. Въ настоящее время она можетъ дать даже болѣе для анализа, чѣмъ анализъ для нея». Въ подтвержденіе этой мысли, на

которую профессоръ особенно напиралъ, онъ привелъ нѣсколько весьма характеристичныхъ примѣровъ. Не могу не пожалѣть только о томъ, что Льювиль слишкомъ мало остановился на этомъ столь любопытномъ вопросѣ, что онъ не развилъ высказанной имъ мысли, а ограничился только бѣглыми замѣчаніями, частными примѣрами. Вообще, во вступленіи къ своему курсу, имъ было высказано много самыхъ любопытныхъ замѣчаній; но всѣ они были высказаны бѣгло, какъ бы мелькомъ. Теперь Льювиль объясняетъ и коментируетъ сочиненіе Гаусса. Лекціи его, сколько мнѣ кажется, отличаются вообще замѣчательнымъ свойствомъ: онѣ преимущественно интересуютъ не тѣмъ, что̀ въ нихъ собственно излагается, а тѣмъ, на что̀ въ нихъ бѣгло намекается профессоромъ; эти намеки и указанія всегда заключаютъ что̀ нибудь новое, зарождаютъ въ слушателяхъ много мыслей.

Предметъ лекцій Бертрана — математическая теорія распредѣленія электричества по поверхности проводниковъ. Онъ имѣетъ, по видимому, главною цѣлью познакомить своихъ слушателей со всѣми замѣчательнѣйшими изслѣдованіями ученыхъ по этому вопросу. Изложеніе его не отличается особенно строгою послѣдовательностью въ цѣломъ: лекціи его, въ совокупности взятыя, не составятъ систематитескаго изложенія этого отдѣла науки. Бертранъ излагаетъ сущность изслѣдованій каждаго ученаго отдѣльно; но онъ сравниваетъ ихъ труды, указываетъ на прогрессивное развитіе каждой мысли. Въ этомъ главный интересъ его лекцій; онѣ даютъ отчетливое понятіе о томъ, что̀ и какъ сдѣлано въ наукѣ по этому вопросу, и указываютъ на то, что̀ еще остается сдѣлать. Вообще, какъ спеціальный курсъ, лекціи Бертрана превосходны; хотя онѣ и не представляютъ строго систематическаго изложенія всего вопроса, онѣ превосходно его обрисовываютъ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ.

Вотъ все, что̀ могу сказать теперь о своихъ занятіяхъ. По окончаніи семестра, думаю съѣздить недѣли на три въ Лондонъ, чтобы собрать свѣдѣнія о современной англійской математической литературѣ и пріобрѣсти необходимыя мнѣ книги. Послѣ этого ужь проѣду въ Германію, гдѣ располагаю провести все остальное время моей командировки.

Парижъ, $\frac{\text{7-го марта}}{\text{24-го февраля}}$ 1864 года.

3) Кандидата А. Копылова.

Вопросъ о поземельной собственности у древнихъ Германцевъ [1])

Родовой бытъ, этотъ первоначальный общественный порядокъ каждаго человѣческаго общества, данъ людямъ самой природой. Тотъ же законъ, по которому отъ одной пары людей происходитъ семейство, дѣйствуетъ и на то, что это семейство, съ теченіемъ времени, увеличиваясь, обращается въ родъ. Чѣмъ древнѣе время, тѣмъ болѣе встрѣчаемъ мы въ родѣ сознаніе общаго родства и происхожденія отъ одного родоначальника. Съ теченіемъ времени это сознаніе болѣе и болѣе теряется, и наконецъ въ общинѣ, выросшей изъ извѣстнаго рода, является помимо мысли о родствѣ, понятіе о себѣ, какъ объ одномъ общемъ цѣломъ, такимъ образомъ образуется племя, служащее, въ свою очередь переходной единицей для составленія высшей единицы — народа [2]).

При этомъ постепенномъ развитіи общественныхъ формъ много времени можетъ пройти, покамѣстъ общество сдѣлается осѣдлымъ. Уже до этого времени мы встрѣчаемъ народы, состоящіе изъ племенъ, и племена, состоящія, въ свою очередь, изъ родовъ. Все это ведетъ кочевую или полукочевую жизнь и имѣетъ организацію, формы которой заимствованы у семьи, первоначальной доисторической единицы общественнаго развитія. Съ теченіемъ времени родовая организація можетъ слабѣть и принимать въ себя искусственныя измѣненія [3]) и наконецъ наступаетъ время, когда родовое начало, если не совершенно удаляется, то, по крайней мѣрѣ, отходитъ на второй планъ. Это — наступленіе осѣдлой жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, введеніе въ общественную организацію новыхъ началъ, данныхъ почвою. Родовыя отношенія замѣняются отношеніями, вытекающими изъ общаго сожительства на извѣстномъ пространствѣ земли. Бо̀льшія единицы (племена) состоятъ уже не изъ родовъ, какъ прежде, а

---

[1]) Эта статья написана по поводу занятій г. Копылова въ тюбингенской исторической семинаріи профессора Паули. *Ред.*

[2]) См. *Wilda* Geschichte des Strafrechts der alten Germanen. стр. 121 и слѣд.

[3]) Такимъ измѣненіемъ могло быть, напр., соединеніе извѣстнаго числа родовъ въ отдѣлъ, выставляющій во время войны положенное число вооруженныхъ людей. *Гнейстъ* объясняетъ этимъ образомъ происхожденіе центенъ, которыя современемъ изъ военныхъ отдѣловъ обратились въ территоріальные округи. См. Gneist, Geschichte und heutige Gestalt der Englischen Communalverfassung, 2-te Auflage 1863, Bd. 1, s. 9.

изъ деревенскихъ общинъ. Въ послѣднихъ, взамѣнъ прежнихъ частныхъ союзовъ между членами рода, образуются мало-по-малу новые союзы между сосѣдями (vicini), которые во многихъ мѣстахъ пріобрѣтаютъ немаловажное участіе въ общинномъ управленіи и судѣ.

Что подобный порядокъ образованія общественныхъ формъ представляется самымъ естественнымъ, и, что первоначальное занятіе земли, при первомъ прочномъ поселеніи на одномъ мѣстѣ, производилось уже до этого времени образовавшимися общинами — объ томъ нѣтъ спора. Едва ли бы кто теперь сталъ поддерживать мнѣніе, высказанное Möser'омъ въ его Оснабрюкской исторіи и пользовавшееся въ свое время довольно значительнымъ авторитетомъ. Мнѣніе это — что первоначальная обработка земли производилась людьми, жившими не въ деревенскомъ союзѣ, а въ отдаленныхъ другъ отъ друга и ничѣмъ другъ съ другомъ несвязанныхъ жилищахъ, равно, какъ то, что только въ позднѣйшее средневѣковое время люди для взаимной безопасности вышли изъ своихъ разсѣянныхъ жилищъ и поселились вмѣстѣ въ деревняхъ — такъ невѣроятно, что остроумное опроверженіе Г. Л. Ф. *Маурера* кажется намъ совершенно излишнимъ [1]). Другое дѣло — вопросъ, когда кончился родовой и начался слѣдующій періодъ? Прилагая этотъ вопросъ къ нѣмецкой исторіи и ища на него отвѣта въ трудахъ ученыхъ изслѣдователей германской старины, мы встрѣчаемъ сильное несогласіе. Начиная съ послѣднихъ годовъ прошедшаго столѣтія, написано множество книгъ, въ которыхъ тщательно обсуждается этотъ весьма важный для уясненія послѣдующаго юридическаго быта большей части Европейскихъ государствъ вопросъ. Именно идетъ дѣло о томъ — имѣли ли германцы съ древнѣйшихъ поръ, то есть со времени первыхъ сколько нибудь достовѣрныхъ свѣдѣній объ ихъ жизни въ Европѣ, осѣдлый бытъ и частную поземельную собственность, или осѣдлость и упомянутый видъ собственности явились позднѣе и когда именно?

---

[1]) Ф. *Маурерѣ* въ своемъ «Einleitung zur Geschichte der Mark, Hof, Dorf und Stadt-Verfassung, § 2» обращаетъ вниманіе на тѣ послѣдствія, которыя явятся, если принять мнѣніе Мёзера. Прійдется объясняя себѣ позднѣйшее образованіе деревень, принять весьма сомнительное происшествіе — срытіе первоначальныхъ жилищъ для того только, чтобы выстроить ихъ на другомъ мѣстѣ. Притомъ, вѣроятно ли, чтобы кто нибудь оставилъ свою землю, надъ коей до сихъ поръ распоряжался по произволу, чтобы получить новую, въ опредѣленныхъ и разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ участкахъ, надъ которыми онъ долженъ былъ имѣть лишь зависящее отъ воли своихъ новыхъ товарищей право распоряженія.

Здѣсь было бы неудобнымъ приводить всю громадную литературу, образовавшуюся по этому предмету; потому ограничусь обозначеніемъ лишь главнѣйшихъ борцевъ, принадлежащихъ къ двумъ крайнимъ лагерямъ. Одни защищаютъ теперь господствующее (по числу послѣдователей) мнѣніе, что древніе германцы со времени первыхъ достовѣрныхъ о нихъ свѣдѣній являются народомъ осѣдлымъ съ частной поземельной собственностью. Другіе отвергаютъ это.

Въ главѣ перваго направленія слѣдуетъ, по всей справедливости, поставить знаменитаго *К. Ф. Эйхгорна*, изложившаго свой взглядъ въ извѣстной «Deutsche Staats und- Rechts Geschichte» (1 изд. 1808 г.). Эйхгорнъ а за нимъ его главнѣйшіе послѣдователи *Вайцъ* [1]), *Ландау* [2]), *Блунчли* [3]), *Книссъ* [4]) и *Кембль* [5]) видятъ въ древней Германіи, уже во времена Цезаря и Тацита, то марковое устройство, котораго господство въ XII и XIII вѣкахъ представляется несомнѣннымъ. Считаемъ нужнымъ привести главныя основанія этого устройства.

Древне-германскій поземельный бытъ, говоритъ эйхгорнова школа, составляетъ отличительную черту германской цивилизаціи. Марковое устройство занимаетъ средину между римскимъ аграрнымъ устройствомъ, обезпечивающимъ лицу полное и исключительное господство надъ землею, и славянской поземельной общиной, недопускающей вовсе личнаго владѣнія, а лишь поперемѣнное пользованіе участками общей земли. Жилище и дворъ каждаго члена марки принадлежатъ ему исключительно и не налагаютъ на него никакихъ особыхъ обязанностей по отношенію къ сосѣдямъ. Можно сказать, что здѣсь личное владѣніе дошло до степени римскаго *dominium*. Напротивъ, въ пахатномъ полѣ Markgenosse, хотя и имѣетъ собственно ему и его наслѣдникамъ принадлежащій участокъ, однако въ обработываніи этого участка и пользованіи имъ

---

[1]) Въ извѣстной Verfassungs-Geschichte. Bd. I., а также въ статьяхъ, озаглавленныхъ «zur deutschen Rechts Geschichte и помѣщенныхъ въ Schmidt, Zeitschrift für Geschichte, III. 1845 преимущественно противъ Зибеля и въ Allgemeine Monatsschrift. 1854.

[2]) Dr. Georg Landau, Die Territorien in Bezug auf ihre Bildung und ihre Entwickelung. Hamb. und. Gotha. 1854.

[3]) Статья въ Münchener Ueberschau der deutschen Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Bd. II. 1855.

[4]) K. Knies, Die politische Ekonomie vom Standpuncte der geschichtlichen Methode. Brauns. 1853.

[5]) I. M. Kemble, the Saxons in England. 1. II. Lond. 1849.

подчиненъ извѣстнымъ правиламъ, вытекающимъ изъ воли цѣлой общины и гарантирующимъ общія выгоды. Наконецъ, необработанная земля, луга и лѣса не принадлежатъ никому лично, а составляютъ общественную собственность, находящуюся въ общемъ пользованіи всѣхъ членовъ марки.

Первоначальное основаніе нѣмецкихъ деревень, по мнѣнію этой школы, относится къ первому продолжительному занятію почвы нѣмецкими племенами. Уже до этого времени племя представляетъ не безпорядочную массу людей, а устроенное общество. Часто принесенный порядокъ сохранялся въ деревняхъ во всей своей силѣ, но иногда, при основаніи деревни, онъ былъ измѣняемъ. Друзья и родичи являлись по большей части вмѣстѣ и основывали деревню, или деревню населяли люди, происходившіе изъ разныхъ семействъ, но связанные между собою участіемъ въ дружинѣ какого нибудь вождя. Въ слѣдствіе этого часто новая деревня получала названіе или рода или дружино-начальника. Конечно, могло и нѣсколько родовъ соединиться въ одну деревню, какъ, съ другой стороны, большая дружина могла образовать нѣсколько деревень. Какъ бы то ни было, каждая однажды образовавшаяся деревня составляла органическое цѣлое—деревенскую общину, представлявшую самую низшую ступень общественнаго управленія.

По своему внѣшнему виду деревня представляла три составныя части.

1. Прежде всего при основаніи деревни выбирали мѣсто для помѣщенія на немъ деревни въ тѣсномъ смыслѣ (villa), т. е. жилищъ для жителей съ окружающими эти жилища дворами и огородами.

2. Вслѣдъ затѣмъ опредѣлялись поля для обработки. Ни одинъ изъ жителей деревни не имѣлъ права лично выбрать для себя поле и огородить его. Напротивъ, избраніе мѣста для обработки и раздѣленіе его на участки для членовъ общины, равно и однажды навсегда предпринятое распредѣленіе этихъ участковъ зависѣло отъ воли всей общины. Такъ какъ землепашество древнихъ германцевъ происходило, какъ думаютъ Эйхгорнъ и его послѣдователи, по системѣ такъ называемаго трехпольнаго хозяйства, то являлась потребность въ трехъ, по крайней мѣрѣ, общихъ большихъ пахатныхъ поляхъ, изъ которыхъ одно, по очереди, должно было въ данномъ году содержать въ себѣ лѣтній посѣвъ, другое — зимній, третье наконецъ оставалось подъ паромъ. Весьма часто полей было не

три, а болѣе, но это не нарушало порядка трехпольнаго хозяйства. Въ такомъ случаѣ не одно поле, а два и даже болѣе могли быть заняты подъ какой нибудь изъ двухъ видовъ посѣва или же оставались подъ паромъ.

Хотя каждое изъ большихъ полей раздѣлялось на участки (такъ называемые Gewanne), а тѣ, въ свою очередь, на участки меньшаго объема, составлявшіе полную собственность отдѣльныхъ членовъ деревенской общины, тѣмъ не менѣе каждое большое поле разсматривалось, какъ одно общее цѣлое [1]). Послѣднее выражалось, какъ въ томъ, что принадлежащіе отдѣльнымъ лицамъ участки не могли быть огорожены, и лишь все поле имѣло одну общую ограду, такъ и въ томъ, что каждый владѣлецъ при обработкѣ своихъ участковъ подчинялся общимъ, для всѣхъ обязательнымъ правиламъ. Такъ, напр., если въ слѣдствіе очереди или распоряженія общины извѣстное поле должно было идти подъ лѣтній посѣвъ, то владѣлецъ одного изъ находящихся на немъ участковъ не имѣлъ права противиться общей волѣ и опредѣлять свой участокъ подъ зимній. Также отъ воли всей общины зависѣло опредѣленіе — кто изъ сосѣдей долженъ пользоваться остающейся въ данномъ году подъ паромъ землей сосѣда. Напротивъ, въ своемъ правѣ на владѣніе участкомъ и пользованіе его произведеніями каждый отдѣльный владѣлецъ былъ независимъ отъ воли остальныхъ членовъ общины. Участокъ его, разъ навсегда, при основаніи деревни былъ отданъ ему и составлялъ его поземельную собственность.

3. Наконецъ, кромѣ пахатныхъ полей къ деревнѣ принадлежали еще луга и лѣса, которые не дѣлились на участки, а составляли общую собственность всей деревни — Almende или марку въ тѣсномъ смыслѣ. Пользованіе Almende принадлежало на равномъ правѣ всѣмъ членамъ деревенской общины. Впрочемъ и здѣсь пользованіе ограничивалось постановленными общиной правилами, опредѣлявшими, сколько каждый могъ нарубить дровъ для своей надобности, какое количество свиней могъ пасти въ лѣсу и проч. Обыкновенно пахатныя поля были расположены ближе къ деревнѣ (жилищамъ), нежели Almende; послѣдняя окружала деревню и поля и составляла границу съ землей, непринадлежавшей общинѣ. Оттого слово *марка*

---

[1]) При раздѣленіи поля на Gewanne принималась во вниманіе разница въ производительности разныхъ частей поля. Каждый имѣлъ свою часть во всѣхъ Gewanne, и потому не могло быть случая, чтобы одному досталась лучшая земля, чѣмъ другому.

означаетъ: a) всякую границу вообще; b) общественную землю (Almende), принадлежащую деревнѣ; наконецъ, въ болѣе общемъ значеніи, c) всю землю деревенской общины.

До сихъ поръ говорилось объ одной лишь низшей единицѣ общественнаго союза деревенской общины. На ряду съ этой общиной встрѣчаются съ самыхъ древнихъ поръ бо́льшія единицы — hundertschaft (hundred, herade, centena, pagus у Цезаря и Тацита) [1]), состоящія изъ извѣстнаго количества деревень [2]) и еще большія — Gau (Gaugemeinde или Völkerschaft, scir, civitas у римскихъ писателей), состоящія изъ центенъ. Какимъ образомъ образовались *Гау* и *центены*, ранѣе ли или позже осѣдлаго быта, объ этомъ могутъ быть одни лишь предположенія. Одни предполагаютъ, что большіе союзы образовались не позже меньшихъ [3]), другіе, въ томъ числѣ и Эйхгорнъ, держатся противнаго мнѣнія [4]). Подобно тому, какъ поземельный участокъ деревенской общины назывался маркой (Dorfmarke), то же названіе марки получили и поземельные участки высшихъ общинъ (Hundertschaftsmarke, Gaumarke). Это обстоятельство легко объясняется тѣмъ, что показанное уже значеніе марки, какъ границы и ограничиваемой этой границей земли, также хорошо можетъ быть отнесено къ центенѣ и гау, какъ и къ обыкновенной деревнѣ. Впрочемъ, могъ быть и ближайшій поводъ къ такому совпаденію названій. Часто, напр., случалось, что центена по отношенію къ ея составной части — деревенской общинѣ играла ту же роль, какую послѣдняя занимала въ отношеніи къ своимъ отдѣльнымъ членамъ, т. е. кромѣ извѣстнаго количества деревень могла еще входить въ составъ центены земля, составлявшая собственность (Almende) всѣхъ деревень. Знаменитый въ исторіи примѣръ такого

---

[1]) На счетъ того, что подъ цезаревымъ выраженіемъ pagus, на сколько оно относится къ германцамъ, нужно понимать hundertschaft, представлены доказательства у *Тудихума* въ его «Altdeutscher Staat» стр. 25 и слѣд. Противъ пониманія въ этомъ же смыслѣ подобнаго выраженія Тацита, возраженій, сколько мнѣ извѣстно, не существуетъ.

[2]) У многихъ какъ напр. *Вайца* въ Verfass: Gesch. стр. 29 и у *Блунчли* въ Münchener Ueberschau стр. 296, бо́льшія общины (центены) обнимаютъ въ себѣ не однѣ деревни, но и отдѣльныя одиночныя хозяйства (Einzelhöfe).

[3]) Это можно видѣть у Блунчли въ вышеназванной статьѣ, гдѣ онъ, между прочимъ принимаетъ, что дружина могла образовать нѣсколько деревень.

[4]) *Eichhorn*, D. Rechtsgeschichte, § 14. a. Также у Kemble, The Saxons in England описанъ образъ превращенія малыхъ марокъ въ бо́льшія. См. нѣмецкій переводъ *Brandes'a*, стр. 33 и слѣд.

марковаго устройства представляетъ швейцарскій кантонъ Швицъ, гдѣ и теперь еще обширная Almende принадлежитъ нѣсколькимъ деревнямъ вмѣстѣ.

Что́ марковое устройство въ томъ видѣ, въ какомъ мы его изложили, существовало въ Германіи въ послѣдствіи, послѣ великаго переселенія народовъ — объ этомъ, конечно, не можетъ быть спора. Собственно это обстоятельство и было главной причиной предположенія, что подобное устройство было и прежде великаго переселенія; ибо, какимъ образомъ, при молчаніи историческихъ свидѣтельствъ, объяснить возникновеніе подобнаго устройства въ позднѣйшее время, если оно не было свойственно древнимъ германцамъ съ самаго начала ихъ исторической жизни? Но съ другой стороны, согласны ли съ предположеніемъ о существованіи марковаго устройства у древнѣйшихъ германцевъ тѣ немногочисленныя свѣдѣнія о нихъ, которыя мы имѣемъ отъ римскихъ писателей, въ особенности главныхъ авторитетовъ въ этомъ дѣлѣ, Цезаря и Тацита? Да, притомъ, какъ примирить съ осѣдлымъ бытомъ то постоянное движеніе племенъ, изъ коего вытекаетъ такъ называемое великое переселеніе народовъ? Послѣднее обстоятельство составило уже для Эйхгорна немаловажное затрудненіе и было причиной того особеннаго значенія, которое этотъ ученый придалъ древнегерманскому гелейту. Извѣстно, какое вліяніе имѣла эта теорія Эйхгорна на послѣдующія историко-юридическія изслѣдованія и сколько она породила ложныхъ взглядовъ. Только въ послѣднее время, благодаря замѣчательнымъ трудамъ *П. Рота*, ея господство рушилось [1]).

Указаніемъ слабыхъ сторонъ представленнаго нами ученія наука въ особенности обязана *Зибелю*, котораго «Entstehung des deutschen Königthums» и «Deutsche Geschlechtsverfassuug» (въ Schmidt, Zeitschrift für Geschichte. III. 1845) имѣли вліяніе даже на такихъ первостепенныхъ ученыхъ, какъ *Я. Гриммъ* [2]). Зибель видитъ у древнихъ

---

[1]) Упомянутые труды *Рота* — «Geschichte des Beneficialwesens». 1850. и новѣйшій «Feudalität und Unterthanenverband». Значеніе, которое Эйхгорнъ придаетъ гелейту заключалось, какъ извѣстно, въ томъ, что гелейты, а не племена нужно принимать за причину основанія новыхъ государствъ въ V вѣкѣ.

[2]) Извѣстно что Я. Гриммъ, державшійся сначала Эйхгорновыхъ началъ, принялъ въ послѣдствіи мнѣніе объ отсутствіи у древнихъ германцевъ частной поземельной собственности и даже нашелъ новое подтвержденіе этого въ извѣстномъ мѣстѣ Горація Carm. III. 24. 11; мѣсто это, впрочемъ, покамѣстъ приноситъ мало

германцевъ, почти до самаго великаго переселенія, совершенное отсутствіе частной поземельной собственности и господство родоваго быта. По его мнѣнію бо́льшія и меньшія общины образуются подъ вліяніемъ не мѣстныхъ, а родовыхъ отношеній: именно, изъ соединенія родовъ образуется центена, а изъ соединенія центенъ— племя [1]). Это образованіе совершается притомъ такъ, что при соединеніи родовъ въ центену одинъ родъ получаетъ исключительное значеніе предъ прочими, и изъ него потомъ постоянно избираются начальники или старѣйшины [2]). Также точно при соединеніи центенъ въ племя одна изъ центенъ пріобрѣтаетъ подобное значеніе [3]).

Въ слѣдствіе этого, такъ какъ и при раньшемъ образованіи родовъ изъ семействъ дѣйствуетъ тотъ же законъ, мы встрѣчаемъ въ позднѣйшей формаціи — племени привилегированную центену, въ ней подобный же родъ, и въ родѣ подобное же семейство, изъ котораго избираются короли всего племени, и члены котораго имѣютъ значеніе эделинговъ или nobiles [4]). Понятно, что выросшая изъ этихъ условій королевская власть имѣетъ патріархальный характеръ и не похожа на власть государя въ позднѣйшемъ значеніи этого слова. Возвышеніе этого значенія королевской власти, измѣнившее этотъ первоначальный видъ общества, произошло по мнѣнію Зибеля лишь въ послѣднее время великаго переселенія народовъ, подъ вліяніемъ римскихъ понятій о правителѣ и государствѣ. Также и марковое устройство явилось послѣ великаго переселенія.

Не смотря на весь талантъ Зибеля, блистательно обнаружившійся въ обоихъ названныхъ сочиненіяхъ, теорія этого ученаго особеннаго успѣха не имѣла и не принята ни однимъ изъ доселѣ мнѣ извѣстныхъ германистовъ. Причина та, что она основана преи-

---

пользы, ибо тождественность упоминаемыхъ въ немъ гетовъ съ готами сомнительна.

[1]) Подъ родомъ Зибель разумѣетъ не естественное развѣтвленіе семейства, а позднѣйшую формацію. По его мнѣнію это — общество людей, которые могутъ и не сознавать между собою родства, но все таки не могутъ выбрать для своего внѣшняго устройства другой формы, какъ ту, которую представляетъ естественный родъ; ибо въ началѣ исторической жизни нѣтъ другой общественной формы, исключая той, коей закончена доисторическая жизнь т. е. формы семьи. Sybel, Entstehung d. d. k. 18.

[2]) См. Sybel, Entst. d. deutsch. Königthums стр. 83.

[3]) Ibid. стр. 129.

[4]) Ibid. стр. 130, гдѣ въ доказательство приводятся Вандальскіе *Асдинги*.

мущественно на теоретическихъ предположеніяхъ, опирающихся на толкованіи разныхъ темныхъ мѣстъ изъ хроникъ и законовъ, а не на несомнѣнныхъ историческихъ фактахъ. Другое дѣло — та часть труда автора, гдѣ онъ разбираетъ и опровергаетъ мнѣніе о существованіи у древнихъ германцевъ частной поземельной собственности. Здѣсь доказательства Зибеля такъ ясны и убѣдительны, а вмѣстѣ съ тѣмъ приведены съ такой логической послѣдовательностью, что не могли не доставить этому ученому значительнаго ряда послѣдователей.

Мы уже упоминали, что главными источниками нашихъ свѣдѣній о древней Германіи служатъ извѣстія, сообщаемыя Цезаремъ и Тацитомъ. Послѣдователи Эйхгорнова направленія подтверждаютъ свою теорію цитатами, взятыми преимущественно изъ Тацита и объясняемыми ими согласно ихъ ученію. На Цезаря они обращаютъ гораздо меньше вниманія. Между тѣмъ, у Цезаря встрѣчаются два очень важныя мѣста, бросающія на исторію нашего вопроса совершенно другой свѣтъ. Первое изъ этихъ мѣстъ (B. G. IV, 1) передаетъ о германскомъ племени свевахъ слѣдующее: «составляющихъ частную собственность и отдѣленныхъ полей у нихъ (т. е. свевовъ) вовсе нѣтъ; также нельзя имъ оставаться болѣе года на одномъ и томъ же мѣстѣ для жительства». Другое мѣсто (B. G. VI. 22.) еще важнѣе потому, что въ немъ говорится о германцахъ вообще. Мѣсто это, по мнѣнію Зибеля, подтверждаетъ отсутствіе не только частной, но и общинной поземельной собственности: «никто не имѣетъ опредѣленнаго участка поля, ни собственныхъ границъ; но начальники и старшины ежегодно указываютъ сшедшимся вмѣстѣ родамъ и семействамъ землю въ такомъ количествѣ и на такомъ мѣстѣ, какъ найдутъ нужнымъ и по истеченіи года заставляютъ переходить на другое мѣсто». Въ этой послѣдней цитатѣ, переводя выраженіе «сшедшимся вмѣстѣ родамъ и семействамъ», мы употребили тотъ переводъ латинскаго текста, который сдѣланъ Зибелемъ, принимающимъ, какъ уже выше замѣчено, родъ за высшую единицу общественнаго союза, заключающую въ себѣ низшія единицы—семейства [1])! Такимъ образомъ это мѣсто, по мнѣнію Зибеля,

---

[1]) Sybel въ Entst. d. deutsch. Königthums, стр. 15 дѣлаетъ изъ выраженія «gentibus cognationibusque qui una coierint» слѣдующій выводъ: уже одно сопоставленіе въ этой фразѣ обоихъ выраженій gens и cognatio показываетъ, что Цезарь имѣлъ въ виду не одни естественныя семейства, но и политическія общины (gens въ смыслѣ Зибеля).

содержитъ въ себѣ ясное доказательство того, что во времена Цезаря не только семейства, но и цѣлые роды, соотвѣтствующіе у Зибеля той формѣ общественнаго союза, которая у защитниковъ мѣстнаго начала принадлежитъ деревенской общинѣ, не имѣли поземельной собственности и переходили съ мѣста на мѣсто. Обыкновенно говоритъ Зибель, случалось такъ, что цѣлое племя [1]) двигалось и по занятіи новыхъ мѣстъ происходило двойное раздѣленіе земли: роды (gentes) получали свои участки и въ нихъ отдѣльныя семейства (cognationes) получали свои. По прошествіи года все приходило въ новое движеніе.

Свидѣтельство Тацита, какъ полагаетъ Зибель, говоритъ не въ пользу существованія частной поземельной собственности. Вотъ что сообщаетъ Тацитъ въ извѣстномъ мѣстѣ 26-й главы своей Германіи: Пахатныя поля *попеременно* занимаются всѣми, по числу обработывающихъ и дѣлятся между занявшими по достоинству. Пространство полевой земли облегчаетъ раздѣлъ. Ежегодно мѣняются назначенные для посѣва участки, и еще остается довольно пахатной земли». Отсюда можно заключить, что каждый земледѣлецъ, по прошествіи года, мѣнялъ свой участокъ на другой, и это подкрѣпляетъ свидѣтельство Цезаря на столько, на сколько послѣднее относится къ отдѣльнымъ лицамъ. Единственная перемѣна, которая, по мнѣнію Зибеля, произошла въ періодъ времени между Цезаремъ и Тацитомъ — та, что во время Тацита родовыя общины осѣлись уже на своихъ мѣстахъ такъ, что движеніе цѣлыхъ племенъ, центенъ или родовъ происходитъ не періодически, а въ слѣдствіе какихъ либо чрезвычайныхъ причинъ [2]). Напротивъ, внутри каждаго рода, превратившагося теперь въ мѣстную общину (vicus) по прежнему происходитъ правильное ежегодное передвиженіе съ участка на участокъ. Это, какъ бы остатокъ прежняго обычая. Что касается до осѣдленія цѣлыхъ общинъ, то на это обстоятельство, по мнѣнію Зибеля, могли имѣть вліяніе мѣры римскаго правительства, закрывшія германцамъ путь чрезъ западную и южную границы и такимъ образомъ на время остановившія дви-

---

[1]) Считаемъ нужнымъ оговориться, что употребляя выраженія племя и переводя имъ нѣмецкія выраженія Völkerschaft, grosse Gau и т. п., мы разумѣемъ подъ нимъ, какъ легко замѣтить, первоначальное небольшое племя, а не позднѣйшее — большое (франки, саксы и пр.), составлявшееся изъ соединенія первоначальныхъ.

[2]) См. Sybel, Entstehung d. d. K. стр. 8.

женіе; пока въ слѣдствіе напора новыхъ силъ не рушилась преграда, и съ ней не началась агонія древней имперіи [1]).

Изъ извѣстныхъ мнѣ нѣмецкихъ писателей, которыхъ мнѣнія о значеніи свидѣтельствъ Цезаря и Тацита совершенно или въ главныхъ основаніяхъ подходятъ къ Зибилеву мнѣнію, первымъ, по времени, является *Дальманъ*, объявившій въ своей исторіи Даніи [2]), что онъ всегда полагалъ нужнымъ — свидѣтельства Цезаря и Тацита о земледѣліи и сельскомъ населеніи Германіи того времени понимать буквально. Затѣмъ *Гаупп*ъ въ своемъ сочиненіи «Die germanische Ansiedelungen und Landtheilungen in den Provinzen des römischen Westreiches» опровергаетъ эйхгорнову теорію трехпольнаго хозяйства и выражаетъ мнѣніе, что безпристрастная оцѣнка извѣстій Цезаря и Тацита не поведетъ къ другому результату, кромѣ заключенія, что частной поземельной собственности въ настоящемъ смыслѣ этого слова у германцевъ цезарева и тацитова времени не было [3]). Г. Л. Ф. *Мауреръ* [4]), хотя и относитъ свидѣтельство Цезаря къ однимъ лишь свевамъ, но въ слѣдъ за тѣмъ сейчасъ же говоритъ, что германскія племена селились родами и сначала лишь на короткое время, уходя, какъ только начинало тѣснить сильнѣйшее племя, или недоставало пастбищъ. Кромѣ того на страницѣ 6-й у того же писателя встрѣчаются слѣдующія слова: «это вытекаетъ изъ свойственнаго *всѣмъ германцамъ* цезарева времени, въ особенности же свевамъ, ежегоднаго передѣла владѣній, системы, которая существовала въ Германіи и во время Тацита, кромѣ того по всей вѣроятности существовала въ Даніи, и продолжается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи до нашихъ дней». Наконецъ, *Фр. Тудихумъ*, въ Der altdeutsche Staat. Giessen. 1862, доказываетъ весьма обстоятельно отсутствіе частной поземельной собственности во времена Цезаря и Тацита, при чемъ подробно разбираются извѣстія

---

[1]) Для слѣдующаго за Тацитомъ времени до конца великаго переселенія народовъ прямыхъ доказательствъ отсутствія у тогдашнихъ германцевъ частной поземельной собственности представить нельзя; но уже самый характеръ этого періода, какъ времени постоянныхъ передвиженій цѣлыхъ племенъ, говоритъ противъ возможности образованія подобной собственности. Оттого нѣкоторые противники эйхгорнова ученія, какъ напр. Мауреръ, образованіе марковаго устройства относятъ ко времени послѣ великаго переселенія.

[2]) Geschichte von Dänemark. 1840. T. I. c. 132.

[3]) Die germ. Ansied. стр. 50. № 2.

[4]) V. Maurer, Einleitung zur Gesch. der Dorf. Mark etc. стр. 4.

обоихъ историковъ, и приводится относящаяся къ этому вопросу литература.

Представленные и развитые Зибелемъ и другими доводы не остались со стороны противнаго ученія безъ возраженія. Приверженцы этого ученія продолжаютъ по прежнему не давать извѣстіямъ Цезаря того рѣшительнаго значенія, какое придаетъ имъ Зибель. Одни объясняютъ извѣстія Цезаря простою ошибкой; другіе полагаютъ, что знаменитый римскій полководецъ знакомъ былъ лишь съ бытомъ свевовъ, военно-организованнаго народа, который осѣдлой жизни предпочиталъ постоянные набѣги на сосѣдей, и потому, будучи въ постоянномъ движеніи, могъ и не имѣть частной поземельной собственности. Гораздо болѣе вниманія посвящается Тациту. Двѣ важныя фразы, содержащіяся въ вышеприведенномъ мѣстѣ 26-й главы, разсматриваются, какъ неимѣющія связи между собою и объясняются согласно ученію школы. Такъ первая изъ этихъ фразъ «Agri pro numero cultorum ab universis in vices occupantur» рисуетъ, по мнѣнію Вайца [1]), не ежегодно повторяющійся фактъ, а однажды навсегда употребленный порядокъ при первомъ занятіи пустопорожней земли. Была кромѣ того попытка иначе читать это мѣсто, о чемъ скажемъ послѣ. Другая фраза «Arva per annos mutant et super est ager» объясняется такимъ образомъ, какъ бы она представляла не перемѣну участковъ между членами деревенской общины, а очередную въ разные годы обработку частей, принадлежащихъ тому же самому хозяину, т. е. такъ, какъ этого требуютъ правила трехпольнаго хозяйства [2]). Такимъ образомъ, если и приходится защитникамъ частной поземельной собственности приписывать Цезарю незнаніе или ошибку, то за то Тацита они находятъ вполнѣ подтверждающимъ ихъ теорію.

Возражатели Зибеля не оставили безъ отвѣта и тѣхъ косвенныхъ доказательствъ, которыя онъ и нѣкоторые изъ принявшихъ его сторону, приводятъ изъ быта другихъ народовъ (въ особенности изъ славянскихъ племенъ) и позднѣйшаго германскаго быта. Что̀ касается до славянской поземельной общины, которую Зибель, со словъ Цейсса, приводитъ въ параллель извѣстіямъ Цезаря, то

---

[1]) Waitz, Verfassungs-Geschichte Bd. 1. s. 23; также статья его въ Allgemeine Monatsschrift. 1854. s. 109 und folg.

[2]) Въ слѣдствіе подобнаго толкованія этого мѣста *Вайцъ* въ своей Verfass. Geschichte переводитъ его: Jährlich wechseln sie die Felder und ein Theil des Ackers *liegt brach*». стр. 27. Точно также и *Эйхгорнъ*.

Ландау на это отвѣчаетъ, что земледѣльческій бытъ славянъ вовсе не соотвѣтствуетъ картинѣ Цезаря и потому подобный бытъ никакъ нельзя принимать за основаніе позднѣйшаго аграрнаго устройства германцевъ [1]). Также точно и позднѣйшій примѣръ трехъ округовъ зарейнской Пруссіи (Отвейлеръ, Саарлуи и Мерцигъ), гдѣ до настоящаго времени пахатная земля составляетъ общую собственность цѣлой деревни и періодически по жребію дѣлится между поселянами, не составляетъ, по мнѣнію Блунчли, убѣдительнаго доказательства того, что подобная система въ древнее время была всеобщей. Одиночные, изъ особыхъ мѣстныхъ причинъ вытекающіе случаи, говоритъ Блунчли, не могутъ въ виду другаго, вездѣ, у самыхъ различныхъ племенъ принятаго порядка, составлять общее правило. Древнѣйшіе акты не имѣютъ въ себѣ никакихъ слѣдовъ подобныхъ передѣловъ. Конечно, нельзя сказать, чтобы возможность образованія частной поземельной собственности въ участкѣ, переходившемъ прежде по жребію отъ одного лица къ другому, была немыслима; но съ другой стороны невѣроятно, чтобы это преобразованіе, если только оно случилось въ историческое время, могло совершенно укрыться отъ ясныхъ свидѣтельствъ исторіи. А между тѣмъ несомнѣнно, что исторія, начиная съ того достовѣрнаго времени, когда германцы прочно осѣлись на своихъ мѣстахъ, представляетъ намъ образовавшуюся уже частную собственность поземельныхъ участковъ. Какъ въ теченіи всего средневѣковаго времени, такъ и съ самаго начала, германскій и славянскій способы раздѣла и обработки полей опираются на различныхъ началахъ [2]).

Остается упомянуть еще о мнѣніяхъ, занимающихъ средину между двумя крайними ученіями. Изъ числа тѣхъ, которыя мнѣ извѣстны, мнѣніе *Дана* [3]) согласно съ тѣмъ, что извѣстіе Цезаря относится не къ однимъ свевамъ, а къ германцамъ вообще, и что поэтому существованіе частной поземельной собственности у германцевъ цезарева времени ни откуда не видно; но, полагаетъ да-

---

[1]) См. Allgemeine Monatsschrift. стр. 107.

[2]) *Bluntschli* въ Münchener Ueberschau, стр. 309. Мнѣніе выставленное здѣсь этимъ писателемъ, что исторія застаетъ германцевъ осѣдлыми и съ частной поземельной собственностью, не подкрѣплено никакими доказательствами и оттого вовсе не убѣждаетъ.

[3]) F. *Dahn*, Die Könige der Germanen. Münch. 1861. прим. на 3 стр. и статья того же ученаго въ Münch. Gelehrt. Anz. 1859. № 50—55, написанная по поводу Виттерсгеймовой исторіи переселенія народовъ.

лѣе этотъ ученый, въ теченіи 150 лѣтняго промежутка между Цезаремъ и Тацитомъ въ древне-германскомъ быту произошли важныя измѣненія, и упоминаемый родъ собственности у Тацита уже является. *Цёпфль* въ своей Deutsche Rechtsgeschichte не только видитъ у Цезаря отсутствіе частной поземельной собственности, но и извѣстіе 26-й главы Германіи считаетъ доказательствомъ того, что во время Тацита участки пахатной земли подвергались ежегодному передѣлу. Тѣмъ не менѣе, Цёпфль находитъ въ тацитово время и частную поземельную собственность, разумѣя подъ послѣдней жилища и окружающіе ихъ дворы. Въ доказательство этого приводится мѣсто изъ 16-й главы Германіи «Colunt discreti ac diversi etc». Вообще, нужно признаться, чти мнѣніе Цёпфля представляется намъ довольно неудачной попыткой примирить оба противуположныя направленія. Цёпфль принимаетъ извѣстія Тацита «Agri pro numero cultorum ab universis in vices occupantur» и «Arva per annos mutant et super est ager» за свидѣтельство объ ежегодной мѣнѣ поземельныхъ участковъ между членами общины, и въ то же время видитъ у древнихъ германцевъ и трехпольное хозяйство. Спрашивается, какія же у него основанія принимать сходство тогдашняго хозяйства съ трехпольнымъ? Конечно, характеръ учебника ни сколько не требуетъ, чтобы въ немъ помѣщались самостоятельныя изслѣдованія, прокладывающія новые пути въ наукѣ; но за то и матеріалъ, помѣщаемый въ подобныхъ книгахъ, долженъ заключать въ себѣ не гипотезы, а факты, неподлежащіе сомнѣнію; въ противномъ случаѣ, необходимо убѣдительное объясненіе обстоятельствъ, заставившихъ автора принять свой особенный взглядъ, хотя бы онъ и не былъ согласенъ съ высказанными доселѣ въ наукѣ.

Изъ сказаннаго доселѣ достаточно ясны, какъ я полагаю, начала, которыхъ держатся оба противныя ученія. Будетъ не лишнимъ, съ своей стороны, сказать по этому поводу нѣсколько словъ не для того, конечно, чтобы попытаться открыть что́ либо новое въ вопросѣ, котораго ясное и несомнѣнное разрѣшеніе затрудняетъ лучшихъ европейскихъ ученыхъ, а лишь съ цѣлью — ближе показать въ какомъ отношеніи стоятъ оба ученія къ тѣмъ главнымъ историческимъ свидѣтельствамъ, которыя мы имѣемъ о тогдашней Германіи.

Начнемъ съ Цезаря. Страннымъ и непослѣдовательнымъ кажется намъ увѣреніе защитниковъ частной поземельной собственности, что Цезарь въ извѣстіяхъ о данномъ вопросѣ недостовѣ-

ренъ, что онъ могъ сдѣлать ошибку и частное (бытъ свевовъ) принять за общее. Спрашивается—какое основаніе для подобнаго мнѣнія? Если принять недостовѣрность Цезаря въ этомъ случаѣ, то что́ же можетъ ручаться за достовѣрность его въ другихъ случаяхъ? Между тѣмъ, мы видимъ, что писатели, отказывающіеся вѣрить истинѣ его извѣстій о земледѣльческомъ бытѣ древнихъ германцевъ только потому, что эти извѣстія несогласны съ ихъ теоріей, ссылаются на него въ другихъ случаяхъ, когда онъ подтверждаетъ ихъ взглядъ. Такъ напр. Вайцъ приводитъ противъ Лебеля свидѣтельство Цезаря, отказывающее древнимъ германцамъ въ царяхъ [1]). Также точно и Лебель, будучи тоже приверженцемъ эйхгорнова ученія, пользуется извѣстіемъ Цезаря о principes. Если такъ, то почему же сомнѣваться въ вѣрности свидѣтельства Цезаря въ вопросѣ о поземельной собственности. Мы знаемъ, что онъ имѣлъ полную возможность узнать истину, ибо не только воевалъ съ германскими племенами въ Галліи, но и два раза былъ за Рейномъ. Также точно совершенно произвольнымъ представляется намъ отнесеніе его свидѣтельства къ однимъ свевамъ только потому, что они представлены у него безпокойнымъ, нападающимъ на сосѣдей племенемъ. Уже Зибель выставилъ на видъ обстоятельство, что Цезарь имѣлъ дѣло не съ одними свевами и бѣгущими отъ нихъ узипетами, но также съ хатами, херусками и сикамбрами. Припомнимъ, кромѣ того, отношенія Цезаря къ убіямъ, въ землѣ которыхъ римскій полководецъ распоряжался въ 53-мъ году походомъ противъ свевовъ. Уже одно это обстоятельство наводитъ на мысль, что Цезарь долженъ былъ знать бытъ нѣкоторыхъ германскихъ племенъ не хуже, чѣмъ бытъ свевовъ.

Такимъ образомъ, намъ кажется, что нѣтъ достаточныхъ основаній не вѣрить свидѣтельствамъ Цезаря или перетолковывать ихъ въ духѣ напередъ принятаго ученія. Нельзя поэтому не признать заслуги Зибеля, обратившаго вниманіе на значеніе великаго историка въ данномъ вопросѣ, хотя опять трудно согласиться со многими частными выводами, дѣлаемыми Зибелемъ изъ обоихъ мѣстъ коментарій. Разсмотримъ эти мѣста.

Первое мѣсто (IV, 1), которое мы уже приводили въ переводѣ, говоритъ: «privati ac separati agri apud eos (т. е. свевовъ) nihil est;

---

[1]) См. Schmidt, Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. III. 302.

neque longius anno remanere uno in loco incolendi causa licet». Другое мѣсто (VI, 22) относится, какъ уже выше упомянуто, къ германцамъ вообще: «neque quisquam agri modum certum, aut fines habet proprios; sed magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum, qui una coierint, quantum et quo loco visum est agri atribuunt, atque in anno post alio transire cogunt». Затѣмъ въ слѣдующихъ строкахъ приводятся причины такого порядка: «eius rei multas adferunt causas: ne adsidua consuetudine capti studium belli gerendi agricultura commutent; ne latos fines parare studeant potentioresque humiliores possessionibus expellant; ne accuratius ad frigora atque aestus vitandos, aedificent; ne qua oriatur pecuniae cupiditas, qua ex re factiones dissensionesque nascuntur; ut animi aequitate plebem contineant, quum suas quisque opes cum potentissimis aequari videat».

Эти мѣста кажутся Зибелю убѣдительнымъ доказательствомъ отсутствія частной поземельной собственности у тогдашнихъ германцевъ и безпокойнаго бродячаго быта ихъ. Съ первымъ нельзя не согласиться. Чтобы отвѣтить на второе, нужно прежде всего условиться, какъ понимать это движеніе. Имѣло ли оно видъ постояннаго движенія на пространствѣ, занятомъ извѣстнымъ племенемъ, или племя въ цѣломъ своемъ составѣ переходило по прошествіи года на новое до сихъ поръ имъ незанятое мѣсто; другими словами — имѣло ли племя извѣстныя границы или нѣтъ? Только на первое можно согласиться въ виду ясныхъ историческихъ свидѣтельствъ, содержащихся у того же Цезаря. Такъ, напр. въ 4-й главѣ IV книги. B. G. встрѣчается, что узипеты и тенктеры воевали многіе годы съ свевами прежде, чѣмъ принуждены были оставить свои мѣста [1]). Спрашивается, обнаружитъ ли подобное упорство народъ, который ежегодно мѣняетъ свое пребываніе. Въ 7-й главѣ четвертой книги, посланные тѣхъ же самыхъ племенъ объявляютъ, что они противъ своей воли принуждены были оставить отечество, и, что римляне, если хотятъ быть ихъ друзьями, должны назначить имъ поля или предоставить имъ пользоваться тѣмъ, что они добыли оружіемъ [2]). Въ 19-й главѣ той же книги мы находимъ, что убѣгающіе въ лѣсъ свевы оставляютъ укрѣпленныя мѣста —

---

[1]) Cap. IV. «In eadem causa fuerunt Usipetes et Tenchteri, quos supra diximus, quo complures annos Suevorum vim sustinuerunt; ad extremum tamen agris expulsi et multis Germaniae locis triennium vagati ad Rhenum pervenerunt».

[2]) «Haec tamen dicere: venisse invitos, eiectos domo». Cap. VII.

oppida [1]). Основаніе подобныхъ мѣстъ было бы непонятнымъ, если не предположить долговременнаго пребыванія основавшихъ въ одной и той же мѣстности. Наконецъ, если бы племена не жили въ опредѣленныхъ постоянныхъ предѣлахъ, то, какъ бы могъ Цезарь такъ положительно указывать границы свевовъ, какъ это у него является въ 3-й главѣ IV книги [2]).

Такимъ образомъ, намъ кажется несомнѣннымъ, что во время Цезаря племя усѣлось уже въ опредѣленныхъ предѣлахъ и только въ слѣдствіе какихъ нибудь чрезвычайныхъ обстоятельствъ должно было бросать эти предѣлы и переходить на другое мѣсто. Другое дѣло—передвиженія отдѣльныхъ общинъ въ предѣлахъ извѣстнаго племени. Что подобныя передвиженія ежегодно повторялись, ясное мѣсто Цезаря не оставляетъ сомнѣнія. Рождается только вопросъ, что̀ это были за общины; другими словами — что̀ нужно разумѣть подъ Цезаревыми gentes cognationesque, qui una coierint?

Зибелево объясненіе этого мѣста уже извѣстно. Этотъ ученый разумѣетъ подъ gentes роды, а подъ cognationes семейства и видитъ поэтому здѣсь двойное дѣленіе поземельныхъ участковъ: во первыхъ, каждый родъ перемѣняетъ мѣсто, во вторыхъ, внутри рода каждое отдѣльное семейство по прошествіи года получаетъ новый участокъ. Нѣкоторые изъ новыхъ писателей, какъ напр. Рюкертъ, въ Culturgeschichte des deutschen Volks, и Вайцъ, въ Allgemeine Monatsschrift, обратили особенное вниманіе на выраженіе «qui una coierint» и полагаютъ что это выраженіе не позволяетъ въ данномъ мѣстѣ отдѣлять gentes отъ cognationes, ибо относится не къ каждому изъ этихъ названій порознь, а къ обоимъ вмѣстѣ взятымъ. Какой бы смыслъ, говоритъ *Рюкертъ* (стр. 53), имѣло выраженіе cognationes, qui una coierint, то есть семейства изъ одного и того же рода, сошедшіяся вмѣстѣ? Подобныя семейства, какъ составныя части рода, должны быть, уже въ слѣдствіе этого одного, вмѣстѣ; потому Рюкертъ думаетъ, что подъ «gentes cognationesque, qui una coierint» должно полагать единицы, связанныя не родственнымъ союзомъ, а мѣстнымъ. Намъ кажется это опроверженіе Зибеля не

---

[1]) Cap. XIX. «Hoc ab iis cognovit: Suevos posteaquam per exploratores pontem fieri comperissent, more suo concilio habito nuncios in omnes partes dimisissent uti de oppidis demigrarent» etc.

[2]) Cap. III. «Itaque una ex parte a Suevis circiter milia passuum sexcenta agri vacare dicuntur. Ad alteram partem succedunt Ubii» etc.,

очень сильнымъ, ибо здѣсь упущено изъ виду, что и Зибель подъ своими родами разумѣетъ не натуральные роды, да кромѣ того «qui una coierint» въ этой фразѣ можетъ относиться лишь къ слову *homines;* въ такомъ случаѣ gentes cognationesque явятся составною частью homines qui una coierint т. е. людей живущихъ вмѣстѣ (племя или его часть). Впрочемъ и Зибель для своей теоріи не приводитъ никакихъ доказательствъ и свое заключеніе основываетъ лишь на томъ, что у Цезаря оба названія стоятъ рядомъ, что́, впрочемъ, само по себѣ еще ничего не значитъ. Намъ кажется, что можно подъ gentes понимать роды, т. е. собранія извѣстнаго числа семействъ, сознающихъ между собою родство и поэтому находящихся между собою въ ближайшихъ сношеніяхъ, по поводу разныхъ касающихся ихъ дѣлъ, чѣмъ съ другими семействами; cognationes, напротивъ, могутъ быть эти другія семейства, не сознающія родства съ семействами перваго вида (родовыми въ тѣсномъ смыслѣ), но, тѣмъ не менѣе, составляющія съ ними одну общину, въ слѣдствіе принятія изъ другаго рода или какихъ либо другихъ причинъ. Такимъ образомъ, община могла быть составлена изъ gentes и cognationes, и это могло выражаться въ самомъ способѣ поселенія: gentes, то есть родственныя семейства, селятся рядомъ и превращаются съ теченіемъ времени въ новыя отдѣльныя деревни, cognationes особенно отъ gentes; но какъ тѣ, такъ и другія входятъ въ одну и ту же общину, подлежатъ одному и тому же общинному управленію и, съ переходомъ общины на другое мѣсто, получаютъ новые участки. Только общину эту не должно отождествлять съ цѣлымъ племенемъ, какъ это допускаетъ *Вайцъ* [1]). Племя, какъ мы видѣли, остается постоянно въ границахъ своей области. Скорѣе слѣдуетъ согласиться съ *Тудихумомъ*, что подобная община была большею составною частью племени, въ родѣ, напримѣръ *центены* [2]). Что́ касается до назначенія участковъ родамъ или отдѣльнымъ семействамъ общины, то эта сторона вопроса для насъ тоже неясна. Намъ кажется весьма вѣроятнымъ, что во время Цезаря земля могла постоянно составлять общинную собственность и дѣлиться на участки не для отдачи въ пользованіе, а для обработки; только полученный отъ этой обработки общими силами доходъ дѣ-

---

[1]) Allgemeine Monatsschrift. 1854. 106.

[2]) *Thudichum.* Altdeutsch. Staat. s. 94: «Dieser Vorgang ist vollkommen gut innerhalb der Zentmark möglich. Также Rückert, Cultur-Gesch. № 5 къ 53 стр., называетъ эту общину nächste Unterabtheilung des Stammes.

лился бы въ такомъ случаѣ между семействами общины и составлялъ бы ихъ частную собственность. По крайней мѣрѣ, такое состояніе кажется самымъ естественнымъ при томъ обычаѣ, который по описанію Цезаря существовалъ у свевовъ — дѣлить народонаселеніе на двѣ части, изъ коихъ одна занималась военнымъ дѣломъ, а другая обработывала землю для себя и для первой части [1])

Переходимъ теперь къ знаменитому свидѣтельству 26-й главы тацитовой Германіи, которое до сихъ поръ составляетъ непреодолимое затрудненіе для переводчиковъ и изслѣдователей; можно сказать, что всѣ многочисленныя объясненія этого мѣста не привели пока ни къ какому положительному результату, такъ что доселѣ приходится ограничиваться одними лишь предположеніями. Тацитъ говоритъ: «Agri pro numero cultorum ab universis in vices occupantur, quos mox inter se secundum dignationem partiuntur. Facilitatem partiendi camporum spatia praebent: Arva per annos mutant et super est ager. Nec enim cum ubertate et amplitudine soli contendunt, ut pomaria conserant et prata separent et hortos rigent, sola terrae seges imperatur». Мы уже знаемъ, какъ оба ученія толкуютъ главныя мѣста этого свидѣтельства. Нужно признаться, что трудно рѣшить, кто правъ. Нѣкоторые, какъ напр.: *Книссъ* (Die politische Econom. стр. 142, № 2-й), при объясненіи *arva* per annos mutant et super est *ager*, обратили вниманіе на различіе между ager и arvum [2]), но и это лишъ дало той и другой сторонѣ новые доводы противъ противнаго ученія. Такъ, послѣдователи ученія о существованіи въ древнѣйшее время марковаго устройства воспользовались различіемъ между ager и arvum, чтобы показать, что у Тацита нѣтъ рѣчи о ежегодной перемѣнѣ жилищъ, а говорится лишь о мѣнѣ пахатныхъ участковъ [3]). Замѣчаніе безъ сомнѣнія вѣрное, но по моему мнѣнію лишнее, ибо и противники ученія о частной поземельной собственности не отвергаютъ того, что во время Тацита образовались уже осѣдлыя деревенскія общины [4]). Дѣло въ томъ только, что, по мнѣнію послѣд-

---

[1]) См. Thudichum. Altdeut. Staat. 123. На 126 стр. этого же сочиненія въ № 2 указано, что выраженіе Цезаря (VI, 22) «quum suas quisque opes cum potentissimis aequari videat» не противорѣчитъ общей обработкѣ, ибо opes можетъ означать доходъ, полученный частнымъ лицемъ изъ общей обработки.

[2]) *Varro*, de re rust. 1, 29; «seges dicitur, quod aratum satum est; arvum quod aratum, necdum satum est; novalis, ubi satum fuit antequam secunda aratione renovetur. Arvum, значитъ, — вспаханное и назначенное для посѣва поле.

[3]) *Waitz*, Allg. Monatsschrift. 1854. 109.

[4]) *Sybel*, Entst. d. d. K. стр. 8.

нихъ, частныя лица въ этихъ деревенскихъ общинахъ не имѣли поземельной собственности, а получали участки на время. Въ свою очередь, защитникамъ марковаго устройства, въ слѣдствіе того же различія между ager и arvum, было указано, что они выраженіе «super est ager» ошибочно переводили «ein Theil des Ackers liegt brach» [1]); такъ что, слѣдовательно, во всей фразѣ рѣшительно нѣтъ ничего такого, что́ бы могло намекать на трехпольное хозяйство. Не болѣе счастливы были попытки объяснить это мѣсто при помощи слѣдующей фразы «nec enim cum ubertate» etc. Какъ впрочемъ кажется, эта фраза болѣе говоритъ противъ частной поземельной собственности, чѣмъ за. Она помѣщена для того, чтобы объяснить почему, не смотря на ежегодную мѣну пахатныхъ участковъ, оставалось еще довольно земли. Очевидно, что если бы эти участки были не участки, занимаемые на новомъ мѣстѣ, а, напротивъ, съ самаго основанія деревни принадлежавшіе хозяину, объясненіе возможности мѣны тѣмъ, что еще остается много поля было бы совершенно не кстати.

Также точно въ пользу отсутствія частной поземельной собственности говоритъ первая фраза, «agri pro numero cultorum ab universis *in vices* occupantur». Собственно говоря, это мѣсто и не оставляло бы никакого сомнѣнія, если бы противъ чтенія *in vices* не существовало бы возраженія, основаннаго на томъ, что въ нѣкоторыхъ манускриптахъ вмѣсто in vices стоятъ другія выраженія. Такъ, напр. въ Бамбергской рукописи вмѣсто *in vices* стоитъ просто *vicis*, чѣмъ и воспользовался Вайцъ въ первомъ томѣ своей Verfassungs-Geschichte. Однако большинство ученыхъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе *in vices*, да и самъ Вайцъ въ свой статьѣ, въ Allgemeine Monatsschrift, соглашается, что его прежнее чтеніе имѣетъ весьма мало ручательствъ за собою. По свидѣтельству *Герлаха*, въ кодексахъ Vatic *b.*, Vatic *c.*; Florent., Vindob., Harl., Anglic., Monac., Tarnes., Stuttgard., Turic. и изданіяхъ Spir., Bonon., и Kathar., стоитъ просто *vices*; въ кодекс. Vatic. *a*, Vatic. *d*, Venet., и изданіяхъ Norimberg., Roman. и Paris. — *in vices;* въ cod. Humelian. — *vice*; въ cod. Bamberg. — *vicis;* въ изд. Puteol., Monac., Vien., Rhen., равно какъ у Пассовія и Вальха — *per vices* [2]). Изъ сравненія представленныхъ здѣсь кодек-

---

[1]) Такъ переводитъ Вайцъ въ 1-мъ томѣ своей Verfass. Gesch., но въ позднѣйшей статьѣ въ Allg. Monatsschr. сознаетъ свою ошибку.

[2]) См. C. Corn. Tacit. Germania, emend. et not. crit. instr. Fr. Dor. *Gerlach.* Basileae 1835. прим. къ стр. 39-й.

совъ видно, что въ большей части рукописей стоитъ просто *vices*, но, какъ объясняетъ Герлахъ, это произошло лишь по случаю выпущенія слога *in* предъ *vices*, что́, въ свою очередь, явилось слѣдствіемъ сходства буквъ въ двухъ первыхъ слогахъ. Такимъ образомъ, наибольшая вѣроятность принадлежитъ тому тексту, который говоритъ противъ частной поземельной собственности.

Какъ мы уже имѣли случай выше упомянуть, нѣкоторые для уясненія даннаго вопроса прибѣгаютъ къ мѣсту, заключающемуся въ XVI главѣ Германіи. Вотъ это мѣсто: «Nullas Germanorum populis urbes habitari satis notum est; ne pati quidem inter se iunctas sedes. Colunt discreti ac diversi, ut fons, ut campus, ut nemus placuit. Vicos locant, non in nostrum morem connexis et cohaerentibus aedificiis: suam quisque domum spatio circumdat, sive adversus casus ignis remedium, sive inscitia aedificandi». Датскій ученый *Мольбехъ*, въ своей статьѣ объ устройствѣ германскихъ и скандинавскихъ племенъ въ древнѣйшее время [1]), опровергая мнѣніе о первоначальномъ жительствѣ германцевъ на отдѣльныхъ не имѣющихъ другъ съ другомъ связи участкахъ (Мёзеровы Einzelhöfe), высказалъ предположеніе, что слова «colunt discreti ac diversi могутъ относиться не къ отдѣльнымъ дворамъ, а къ цѣлымъ деревнямъ, которыя живутъ discreti ac diversi. Подобное толкованіе представляется невѣрнымъ, если обратить вниманіе на то, что фраза colunt discreti ac diversi и проч. находится, какъ это видно изъ мѣста, занимаемаго ею въ связи, какъ съ предъидущей фразой — ne pati quidem inter se iunctas sedes, такъ и съ послѣдующей — vicos locant non in nostrum morem *connexis et cohaerentibus aedificiis;* другими словами, во всѣхъ этихъ трехъ фразахъ идетъ рѣчь объ одномъ и томъ же предметѣ (строеніи жилищъ древнихъ германцевъ). Впрочемъ, отвергая Мольбехово толкованіе, мы, тѣмъ не менѣе, вовсе не встрѣчаемъ у Тацита, что разстояніе, которое раздѣляетъ жилища, принадлежитъ кому нибудь изъ хозяевъ и употребляется имъ въ качествѣ пахатнаго поля. Защитники Мёзеровой теоріи отдѣльныхъ дворовъ тоже пользуются этимъ мѣстомъ у Тацита тоже несправедливо. Не прибѣгая къ Мольбехову толкованію, весьма легко уничтожить ихъ ссылку на Тацита, ибо въ слѣдующей уже за discreti ac diversi

---

[1]) См. Archiv für Gesch. der Herzogthümer Schleswig, Holstein und Lauenburg, herausgegeb. von Dr. R. Falk. 5 Iahrg. 1 Heft, 89.

фразѣ «*Vicos* locant non in nostrum morem connexis et cohaerentibus aedificiis» указывается уже на существованіе деревень.

Такимъ образомъ, изъ Тацита нельзя заключить, что въ 150 лѣтній срокъ времени, прошедшій между Цезаремъ и этимъ писателемъ, произошли въ быту германцевъ какія нибудь важныя событія, поведшія къ установленію частной поземельной собственности. Свидѣтельства римскихъ писателей, жившихъ въ это время, тоже не даютъ никакого повода принять подобную перемѣну; эти свидѣтельства, напротивъ, представляютъ, можетъ быть и неточныя въ частностяхъ, но совершенно согласныя въ общей характеристикѣ извѣстія, рисующія древнихъ германцевъ полудикимъ и бродячимъ народомъ. Такъ напр., Страбонъ, писавшій свою географію во время правленія Тиберія, слѣдовательно почти въ срединѣ упомянутаго времени, сообщаетъ (VII, 1) о жизни свевовъ слѣдующее: «Общая всѣмъ свевскимъ племенамъ особенность состоитъ въ томъ, что свевы легко мѣняютъ свои жилища. Причина—бѣдность ихъ быта, такъ какъ они не обработываютъ земли и не имѣютъ ничего цѣннаго, но живутъ въ хижинахъ и снабжаютъ себя лишь дневнымъ пропитаніемъ». Если здѣсь извѣстіе о томъ, что германцы не обработываютъ земли и не можетъ быть вѣрнымъ ибо противорѣчитъ предшествовавшимъ извѣстіямъ Цезаря, то общая характеристика, сдѣланная Страбономъ, согласна, какъ съ Цезаремъ, такъ и съ другими писателями и показываетъ какое понятіе о германцахъ имѣли въ современномъ римскомъ обществѣ [1]). Мы не видимъ поэтому основанія принять ученіе, пытающееся занять средину между обоими крайними ученіями. По нашему мнѣнію, вѣроятнѣе всего, что въ тацитово время также точно, какъ и въ цезарево частной поземельной собственности еще не было.

Тѣмъ не менѣе, безъ перемѣнъ, и довольно важныхъ, не обошлось. У Цезаря мы видимъ — господство родовыхъ еще отношеній внутри германскаго племени. Мѣстный элементъ въ слѣдствіе правильнаго ежегоднаго передвиженія устроенныхъ на родовыхъ началахъ общинъ не получилъ еще значенія. У Тацита является другое. Не только племена, но и составныя ихъ части центены, и деревенскія общины, находятся уже на постоянныхъ мѣстахъ и если передвигаются, то не иначе, какъ въ слѣдствіе какихъ нибудь чрез-

---

[1]) Подобныя же свѣдѣнія о кочевомъ бытѣ германцевъ можно найти и у Сенеки. Sen. de Provid. 4: «Nulla illis domicilia, nullae sedes sunt, nisi quod lassitudo in diem posuit».

вычайныхъ обстоятельствъ. Родовой характеръ общиннаго устройства, надъ которымъ начинается преобладаніе мѣстнаго вліянія, слабѣетъ, и первые слѣды этого ослабленія обнаруживаются въ возвышеніи личности отдѣльнаго общинника. Поля занимаются уже такъ, что при этомъ занятіи имѣется въ виду каждый работникъ общины (pro numero cultorum). Внутри общины продолжается по прежнему перемѣна участковъ, въ слѣдствіе утвердившагося правила, что земля принадлежитъ всѣмъ. Но существовавшаго во время Цезаря стремленія къ уравненію бѣдныхъ съ богатыми [1]) болѣе не существуетъ; напротивъ, во время Тацита участки, находящіеся въ пользованіи членовъ общины, являются уже разной величины: это видно изъ того, что общинники имѣютъ у себя несвободныхъ людей, которымъ предоставляютъ за плату пользоваться частью своей земли [2]). Еще одинъ шагъ, и подобный порядокъ могъ обратиться въ средневѣковое марковое устройство. Только, когда? На этотъ вопросъ положительно отвѣчать нельзя: вѣроятнѣе всего — въ первое время по окончаніи великаго переселенія народовъ.

Тюбингенъ, 14-го января 1864 года.

4) Кандидата Нейлисова.

Въ Index lectionum Берлинскаго университета на лѣтній семестръ 1864 года напечатана небольшая критическая статья, разбирающая одно мѣсто изъ Эврипидова «Бѣшенаго Геркулеса», именно ст. 458 и слѣд. Судя по глубокой и объемлющей учености, проявляющейся въ этой статьѣ, и по нѣкоторымъ встрѣчающимся въ ней рѣзкимъ выраженіямъ, смѣло можно приписать ее профессору Гаупту, хотя имя автора и не выставлено. Содержаніе этой статьи въ главнѣйшихъ чертахъ слѣдующее:

Мегара, потерявъ всякую надежду на возвращеніе Геркулеса изъ царства Плутона, обращается къ своимъ сыновьямъ съ слѣдующими словами:

---

[1]) B. G. VI. 22. Ut animi aequitate plebem contineant, quum suas quisque opes cum potentissimis aequari videat.

[2]) Можетъ быть разница въ положеніи между богатыми и бѣдными и полученіе первыми большаго количества земли и были причиною Тацитова выраженія: «quos mox inter se secundum *dignationem* partiuntur»; другіе, напр. *Тудихумъ*, подъ dignatio разумѣютъ оцѣнку — не значенія человѣка, а свойствъ дѣлимой между общинниками земли.

ἦ πολύ με δόξης ἐξέπαισαν ἐλπίδες,
ἣν πατρὸς ὑμῶν ἐκ λόγον πότ' ἤλπισα.
σοὶ μὲν γὰρ Ἄργος ἔνεμ' ὁ κατθανὼν πατήρ,
Εὐρυσθέως δ' ἔμελλες οἰκήσειν δόμους,
τῆς καλλεκάρπου κράτος ἔχων Πελασγίας,
στολήντε θηρὸς ἀμφέβαλλεσῷ κάρᾳ
Λέοντος, ᾗπεραὐτὸς ἐξωπλίζετο·
σὺ δ' ἦσθα Θηβῶν τῶν φιλαρμάτων ἄναξ,
ἔγκληρα πεδία τἀμὰ γῆς κεκτημένος,
ὡς ἐξέπειθες τὸν κατασπείραντά σε,
εἰς δεξιὰν δὲ σὴν ἀλεξητήριον
ξύλον καθίει Δαιδάλου ψευδῆ δόσιν.
σοὶ δ' ἣν ἔπερσε τοῖς ἑκηβόλοις ποτὲ
τόξοισι δώσειν Οἰχαλίαν ὑπέσχετο.
τρεῖς δ' ὄντας ὑμᾶς τριπτύχοις τυραννίσιν
πατὴρ ἐπύργου, μέγα φρονῶν εὐανδρίᾳ.

Первые два стиха обратили на себя вниманіе англичанина Мусгравія, которому слишкомъ смѣлое и отчасти необыкновенное соединеніе словъ показалось подозрительнымъ. Потому онъ счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ конъектурѣ *ἦ πολύ με πράξεις ἐξέπαισαν ἐλπίδος.* Напротивъ, Германнъ всякую перемѣну считаетъ излишнею, а слова *ἐλπίδες με ἐξέπαισαν δόξης*, которыя означаютъ точно то же, что̀ *ἐλπίδες με ἔψευσαν δόξης*, объясняетъ такъ spes mea frustrata est opinionem meam. Дѣйствительно, *πράξεις* Мусгравія очень вяло, а въ выраженіи *ἐλπίδες με ἐξέπαισαν δόξης* нѣтъ ничего такого, чего поэтъ не могъ бы себѣ позволить. Вѣдь Тибуллъ сказалъ еще гораздо смѣлѣе (1,1,7): nec spes destituat (me), sed frugum semper acervos praebeat, гдѣ Диссенъ безъ всякой необходимости думаетъ объ олицетворенной богинѣ Spes. Но все таки стихи Еврипида невѣрны, потому что едва ли можно саазать *δόξαν ἐλπίζειν.* Наукъ предлагаетъ *αἱ τύχαι.* Это не очень счастливая конъектура: она устраняетъ поэтическое *ἐλπίδες μὲ ἐξέπαισαν δόξης*, оставляя невѣрное *δόξαν ἐλπίζειν.* Чтеніе Кирхгофа лучше: *ἦ πολύ με τῆς τότ' ἐξέπαισας ἐλπίδος. Ἐξέναισας* относится къ словамъ *ὦ μοῖρα δυστάλαινα*, которыя стоятъ нѣсколько выше, въ ст. 454. Но цѣлое это мѣсто исцѣляется совершенно, ежели произвести очень незначительную перемѣну въ мѣстоименіи *ἥν*, именно, если читать *ἃς.* Возстановленные такимъ образомъ два стиха

ἦ πολύ με δόξης ἐξέπαισαν ἐλπίδες,
ἃς πατρὸς ὑμῶν ἐκ λόγων πότ' ἤλπισα

правильны во всѣхъ отношеніяхъ.

Здѣсь удержано истинно поэтическое ἐλπίδες ἐξέπαισάν με δόξης, а δόξαν ἐλπίζειν, камень преткновенія, замѣнено совершенно правильнымъ и изящнымъ выраженіемъ ἐλπίδας ἐλπίζειν. Правда, и конъектура Кирхгофа вводитъ ἐλπίδας ἐλπίζειν, но она слишкомъ насильственна.

Далѣе, оба стиха

εἰς δεξίαν δὲ σὴν ἀλεξητήριον
ξύλον καθίει, Δαιδάλου ψευδῆ δόσιν,

которые между прочимъ приведены Беркомъ въ защиту рукописнаго чтенія у Пиндара (Nem. 4,59) τᾷ Δαιδάλου δὲ μαχαίρᾳ φύτευέ οἱ θάνατον ἐκ λόχου Πελίαο παῖς, также невѣрны. Подъ Дедаломъ должно, по мнѣнію Берка, разумѣть Вулкана, который называется этимъ именемъ на одномъ вазовомъ изображеніи у Милленя (13, 48) и у Эврипида — именно въ нашемъ еще спорномъ мѣстѣ. Стихи Эврипида подтверждаются словами Діодора Сицилійскаго (4, 14), который разсказываетъ о Геркулесѣ, что ἐτίμησαν αὐτὸν δωρεαῖς οἰκείαις ἕκαστος τῶν θεῶν, Ἀθηνᾶ μὲν πέπλῳ, Ἥφαιστος δὲ ῥοπάλῳ καὶ θωρακι. Но въ приведенномъ мѣстѣ Пиндара, Германнъ и Бёкъ справедливо читаютъ τᾷ δαιδάλῳ τε μαχαίρᾳ, указывая на то, что первоначально ΔΑΙΔΑΛΟΙ (= δαιδάλῳ) уже въ древности очень легко могло быть перемѣнено въ ΔΑΙΔΑΛΟΥ, что́ же касается вазоваго изображенія, то Отто Янъ доказалъ, что оно никакъ не можетъ служить доказательствомъ тому, что поэты называли Вулкана Дедаломъ. Но ежели даже допустимъ, что Эврипидъ подъ Дедаломъ разумѣлъ Вулкана, то какимъ образомъ онъ о подаренной Вулканомъ Геркулесу палицѣ, при помощи которой Геркулесъ восторжествовалъ надъ многочисленными врагами и которою онъ убилъ столько чудовищъ — какимъ образомъ, говоримъ, поэтъ могъ назвать эту палицу Δαιδάλου ψευδῆ δόσιν? Нѣкоторые толкователи, понимая эту несообразность, говорятъ, что Мегара называетъ палицу ψευδῆ δόσιν, потому что ей столь же мало, какъ и владычеству надъ Ѳивами суждено перейти къ сыну Геркулеса, а послѣ Δαιδαλου они ставятъ запятую. Но расположеніе словъ въ этихъ стихахъ такого рода, что безъ этого явнаго намека, даннаго постановленною послѣ Δαιδάλου запятою, каждый читатель соединитъ это слово съ слѣдующимъ ψευδῆ δόσιν, а не съ предъидущимъ ἀλεξητήριον ξύλον. Слѣдовательно, Эврипидъ никакъ не могъ написать Δαιδάλου ψευδῆ δόσιν. Издатель Эврипидовыхъ трагедій Пфлукъ предлагаетъ ἀλεξητήριον ξύλον καθίει Μαινάλου, вѣроятно на

томъ основаніи, что у Проперція Геркулесъ убиваетъ Кака Менальскою палицею. Но извѣстно, какъ часто римскіе поэты упоминаютъ разныя мѣстности и ставятъ географическіе эпитеты, не соединяя съ ними никакого опредѣленнаго значенія. Тотъ же самый Проперцій (1, 3, 5) говоритъ nec minus assiduis Edonis fessa choreis | qualis in herboso concidit Apidano, хотя мы ничего не знаемъ о поклоненіи Діонису въ Өессаліи. Но поэта нельзя обвинять, ежели онъ смѣшиваетъ мѣстности и упоминаетъ Өессалію вмѣсто Өракіи. Слѣдовательно и въ Maenalius ramus Проперція (4, 9, 15) должно видѣть не болѣе какъ epitheton ornans, и никакъ нельзя заключать изъ этого мѣста, что Геркулесъ дѣйствительно вырѣзалъ себѣ палицу на горѣ Меналѣ, а еще менѣе можно пользоваться этимъ мѣстомъ для возстановленія правильнаго чтенія въ стихахъ Эврипида. Наконецъ, въ словахъ *ἀλεξητήριον ξύλον Μαινάλου* родительный падежъ никакъ не можетъ имѣть значеніе прилагательнаго имени. Слова эти значатъ clava quae Menalo munimento est, но не могутъ означать Maenalium Herculis munimentum. Потому нѣтъ сомнѣнія, что единственно вѣрная конъектура принадлежитъ Германну, который читаетъ *εἰς δεξιὰν δὲ σὴν ἀλεξητήριον | ξύλον καθίει δαίδαλον, ψευδῆ δόσιν.* Возраженіе же Эльмелея, будто трагики употребляли только форму *δαιδάλεος*, не *δαίδαλος*, опровергается стихомъ Эсхила (Eum. 635) *ἐν δ' ἀτέρμονι | κόπτει πεδήσασ' ἄνδρα δαιδάλῳ πέπλῳ.* Что разумѣлъ Эврипидъ подъ именемъ *δαίδαλον ἀλεξητήριον ξόλον*, съ достовѣрностью нельзя сказать, не безъ основанія однако можно думать о палицѣ, въ которую были вбиты какіе нибудь металлическіе гвозди. Геродотъ объ ассирійскихъ воинахъ, служившихъ въ Ксерксовомъ войскѣ, говоритъ (7, 63), что они между прочимъ имѣли *ῥόπαλα ξύλων τετυλωμένα σιδήρῳ.* Что такой обычай существовалъ не у однихъ только варваровъ, но также у грековъ геройскаго времени, доказываетъ гомеровское *σκῆπτρον χρυσείοις ἥλοισι πεπαρμένον* и слова Алкифрона (3, 55), который циническаго философа Панкрата, подражавшаго Геркулесу, описываетъ такимъ образомъ: *ἐξαίφνης δὲ καὶ Παγκράτης ὁ κύων ῥύμῃ τοὺς πολλοὺς παρωσάμενος εἰσήῤῥησε, στελέχῳ πρινίνῳ ἐπερειδόμενος· ἦν γὰρ ἀντὶ τοῦ πυκνώματος τῶν ὀζῶν χαλκοῖς τισιν ἥλοις ἐμπεπαρμένην φέρων βακτηρίαν, καὶ τὴν πήραν δὲ διάκενον καὶ πρὸς τὰ λείψανα εὐζωνως ἠρτημένην.*

Наконецъ, должно сказать еще нѣсколько словъ объ одномъ обстоятельствѣ, на которое толкователи не обратили надлежащаго вниманія. Сначала Мегара въ пяти стихахъ говоритъ, что Геркулесъ одного изъ своихъ сыновей, будущаго короля Арголиды, облекъ

шкурою Немейскаго льва, очевидно потому, что этотъ левъ былъ аргосское чудовище. Въ слѣдующихъ пяти стихахъ другой сынъ вмѣстѣ съ владычествомъ надъ Ѳивами получаетъ палицу. Отношеніе между Ѳивами и палицею Геркулеса объяснилъ Эккель, указавъ на одну ѳиванскую монету, на которой находится изображеніе віотійскаго щита, а на щитѣ палица. Эккель остроумно доказалъ, что гербъ віотійскихъ щитовъ была палица Геркулеса, такъ какъ Геркулесъ родился въ Ѳивахъ. Слѣдовательно, Эврипидъ могъ быть увѣренъ, что зрители понимали, на какомъ основаніи онъ второму сыну Геркулеса даетъ въ наслѣдство царство ѳиванское и вмѣстѣ съ тѣмъ палицу героя. О третьемъ сынѣ говорится, только въ двухъ стихахъ, что ему была обѣщана Эхалія, завоеванная нѣкогда Геркулесомъ при помощи его лука. Очень вѣроятно, что здѣсь утрачены три стиха, въ которыхъ поэтъ говорилъ о доставшемся третьему сыну въ наслѣдство и лукѣ отца. Только такимъ образомъ возстановляется внѣшняя, такъ сказать математическая, симметрія этихъ стиховъ.

5) Кандидата А. Вериго.

Въ предъидущемъ отчетѣ я имѣлъ честь сообщить департаменту, что при дѣйствіи амальгамы натрія на нитробензоль получаются азобензидъ и бензидинъ. Оба эти вещества были сожжены съ хромовокислою окисью свинца и металлическою мѣдью, при чемъ получены слѣдующіе результаты: 0.2742 гр. красныхъ кристалловъ дали 0.7941 гр. CO_2 или $C = 0.216572$ гр. и 0.1527 гр. HO или $H = 0.016966$ гр.

	вычислено:		найдено:
C_{12}	144	79,12	78,98
N_2	28	15,39	—
H_{10}	10	5,49	6,18
	182	100	

0.2794 гр. серебристобѣлыхъ кристалловъ дали 0.7962 гр. CO_2 или $C = 0.217145$ гр. и 0.1750 HO или $H = 0.019444$ гр.

	вычислено:		найдено:
C_{12}	144	78,26	77,72
N_2	28	15,22	—
H_{12}	12	6,52	6,95
	184	100	

Вслѣдъ затѣмъ я испробовалъ дѣйствіе амальгамы натрія на моно и динитроазобензидъ, но образующіеся продукты не поддаются ближайшему изслѣдованію. Я замѣчу только, что при дѣйствіи амальгамы натрія на алькогольный щелочный или подкисленный уксусною кислотою растворъ мононитроазобензида происходитъ фіолетовое окрашиваніе, динитроазобензидъ показываетъ это окрашиваніе лишь въ щелочномъ растворѣ.

При дѣйствіи амальгамы натрія на алькогольный растворъ бинитробензоля осаждается отъ прилитія воды зеленоватый аморфный порошекъ, ни въ чемъ нерастворимый; не имѣя такимъ образомъ средства получить это тѣло въ чистомъ видѣ, я не занялся его изслѣдованіемъ.

Я сказалъ уже въ предъидущемъ отчетѣ, что подобно водороду бромъ прямо присоединяется къ азобензиду, и получающійся при этомъ продуктъ по перекристаллизованіи изъ алькоголя имѣетъ видъ мелкихъ иголъ золотистаго цвѣта. По аналогіи тѣло это должно имѣть составъ $C_{12} H_{10} N_2 Br_2$, въ случаѣ же замѣщенія въ азобензидѣ водорода бромомъ продуктъ имѣлъ бы составъ $C_{12} H_8 Br_2 N_2$, что́ соотвѣтствуетъ слѣдующему процентному содержанію:

продуктъ прямаго присоединенія:		продуктъ замѣщенія:	
C_{12}	42,10	C_{12}	42,35
H_{10}	2,92	H_8	2,35
N_2	8,20	Br_2	47,06
Br_2	46,78	N_2	8,24
	100,00		100,00

Опредѣленіе брома съ помощію амальгамы натрія дало результатъ, неподходящій ни къ одной изъ этихъ формулъ, но дѣйствіе натрія было неполное, какъ видно изъ слѣдующаго. Отъ дѣйствія амальгамы натрія бромоазобензидъ переходитъ чрезъ замѣщеніе брома водородомъ въ бензидинъ, который совершенно безцвѣтенъ, между тѣмъ какъ вещество, осадившееся изъ раствора отъ прибавленія воды, окрашено въ желтоватый цвѣтъ. Чтобы убѣдиться въ присутствіи бензидина, я растворилъ часть этого вещества въ алькоголѣ и прибавилъ къ раствору сѣрной кислоты; при этомъ получился бѣлый осадокъ, растворимый въ кипящемъ слабомъ амміакѣ—изъ аммоніакальнаго раствора осаждаются при охлажденіи бѣлые чешуйчатые кристаллы (бензидинъ). Другую часть вещества

я испыталъ на бромъ. Для этого вещество было нагрѣто съ натріемъ, продуктъ растворенъ въ водѣ, къ раствору прибавлено азотнокислаго амміака (для освобожденія отъ синерода) и затѣмъ растворъ выпаренъ досуха на водяной банѣ; водный растворъ остатка даетъ съ азотнокислымъ серебромъ бѣлый осадокъ, нерастворимый въ амміакѣ. Затѣмъ брома въ бромоазобензидѣ было произведено посредствомъ сжиганія съ известью. Это сожженіе дало слѣдующіе результаты: 0.1631 гр. вещества дали 0.1784 гр. AgBr или Br = 0.075915 гр. или 46,55%, что́ весьма хорошо подходитъ къ процентному содержанію продукта прямаго присоединенія брома. Сожженіе съ хромовокислою окисью свинца и металлическою мѣдью дало слѣдующее: 0.2780 гр. вещества дали 0.4298 гр. CO_2 или C = 0.117218 гр., и 0.0679 H_2O или H = 0.007544 гр.

	вычислено:	найдено:
C_{12}	42,10	42,16
H_{10}	2,92	2,71
N_2	8,20	—
Br_2	46,78	46,55

При двухъ другихъ анализахъ вслѣдствіе недостаточнаго количества металлической мѣди получилось нѣсколько болѣе углерода, водорода же 2,95 и 3,19%.

Полученный такимъ образомъ продуктъ прямаго присоединенія брома къ азобензиду довольно трудно растворимъ въ алькоголѣ; изъ раствора онъ выдѣляется въ видѣ желтоватыхъ, золотистыхъ иголъ. Кристаллы эти при нагрѣваніи плавятся (около 205°) и возгоняются въ видѣ длинныхъ слабо желтыхъ иголъ. Въ эфирѣ тѣло это также трудно растворимо. Крѣпкая сѣрная кислота растворяетъ его при нагрѣваніи, принимая красный цвѣтъ; отъ прибавленія воды изъ раствора выдѣляются свѣтло-бурыя клочья. Крѣпкая азотная кислота растворяетъ бромоазобензидъ при нагрѣваніи вполнѣ. Растворъ выдѣляетъ при охлажденіи соломенно-желтыя, шелковистыя иглы. Эти кристаллы были промыты сначала азотною кислотою, а затѣмъ водою и высушены надъ сѣрною кислотою.

Сожженіе съ хромовокислою окисью свинца и металлическою мѣдью дало слѣдующее: 0.2193 гр. вещества дали 0.3040 гр. CO_2 или C = 0.829091 гр., и 0.0437 гр. H_2O или H = 0.004855. Результаты анализа близко подходятъ къ процентному содержанію мононитропродукта.

	вычислено:		найдено:
C_{12}	144	37,21	37,80
H_9	9	2,33	2,21
N_3	42	10,85	—
Br_2	160	41,34	—
O	32	8,27	—
	387	100,00	

Полученный такимъ образомъ нитропродуктъ имѣетъ видъ длинныхъ соломенно-желтыхъ шелковистыхъ иголъ, весьма легко растворимыхъ въ алькоголѣ. При нагрѣваніи кристаллы эти сначала плавятся (около 159°), затѣмъ образовавшаяся жидкость кипитъ и при дальнѣйшемъ нагрѣваніи разлагается.

Я надѣялся получить этотъ мононитропродуктъ и динитропродуктъ чрезъ прямое присоединеніе брома къ моно и динитроазобензиду, но бромъ не дѣйствуетъ при обыкновенныхъ условіяхъ на эти оба тѣла.

Я дѣйствовалъ еще бромомъ на бензидинъ, надѣясь чрезъ замѣщеніе водорода получить субститутъ тождественный или изомерный съ продуктомъ прямаго присоединенія брома къ азобензиду. Бромъ дѣйствуетъ весьма энергически на бензидинъ, при чемъ повидимому происходитъ газоотдѣленіе и получается зеленоватый порошекъ, почти совершенно нерастворимый въ водѣ, алькоголѣ и эфирѣ. Крѣпкая азотная кислота растворяетъ этотъ продуктъ при нагрѣваніи, принимая кровавый цвѣтъ; отъ прилитія воды изъ раствора осаждаются бурыя клочья. Крѣпкая сѣрная кислота также растворяетъ этотъ продуктъ съ краснымъ цвѣтомъ и отъ воды выдѣляетъ зеленоватыя клочья.

Промежутокъ между обоими семестрами до $^{8}/_{20}$ апрѣля я проведу въ Цюрихѣ, потому что мнѣ предстоитъ возможность заниматься въ это время въ лабораторіи профессора Вислиценуса.

Цюрихъ, $^{4}/_{16}$ марта 1864 года.

6) Магистра Спасскаго Автономова.

Въ продолженіи втораго полугодія моей командировки, съ 15-го сентября я находился постоянно въ Тегеранѣ, гдѣ занялъ особую квартиру и занимался изученіемъ персидскаго языка. Въ теченіи этого полугодья я успѣлъ перемѣнить двухъ учителей и теперь

остановился на третьемъ; въ Персіи вообще трудно достать съ разу хорошаго преподавателя. Первый учитель мулла Абульхосонъ, занимавшійся со мною пять недѣль, былъ турокъ, родомъ изъ Тавриза и имѣлъ очень дурное произношеніе по персидски, что и заставило меня его оставить; второй испаганецъ Хаджи Мирза Мамедъ Али, отличный знатокъ персидской литературы, занимавшійся нѣкогда съ профес. Березинымъ и Диттелемъ, а потомъ съ г-мъ Берте, оказался очень слабымъ въ арабскомъ языкѣ. Наконецъ, по моей просьбѣ, второй мунши русской миссіи въ Тегеранѣ, Мирза Абдульвегабъ, рекомендовалъ мнѣ молодаго ахунда Мамедъ Али, которымъ надѣюсь, что останусь доволенъ, потому что̀ онъ слушаетъ нѣсколько разъ въ недѣлю уроки лучшихъ здѣшнихъ муштегидовъ, т. е. докторовъ курана, и сверхъ арабскаго и персидскаго языка знаетъ также Адербеиджанскій турецкій, что̀ для меня очень важно.

Жестокій тифъ, которымъ я заболѣлъ въ началѣ января текущаго года, заставилъ меня на время прекратить совершенно свои занятія, которыхъ я по разстроенному здоровью не могу начать снова ранѣе, чѣмъ черезъ три недѣли.

Предметомъ моихъ занятій въ прошлое полугодье было изученіе лучшихъ персидскихъ писателей и поэтовъ съ помощью моихъ наставниковъ; при этомъ вниманіе мое было обращено главнымъ образомъ на тѣ особенности и идіотизмы языка, пониманіе которыхъ доступно только на мѣстѣ. Надѣюсь, что къ концу моего пребыванія въ Персіи у меня наберется порядочный запасъ такого рода матеріаловъ, которые будутъ важнымъ пособіемъ при составленіи будущаго персидско-русскаго словаря, въ которомъ давно уже чувствуютъ потребность наши оріенталисты.

Классическіе персидскіе авторы, какъ прозаики, такъ и стихотворцы, любятъ слишкомъ часто щеголять малоупотребительными словами и оборотами, пониманіе которыхъ недоступно иногда самымъ образованнымъ персамъ безъ помощи хорошаго словаря; кромѣ того, персидская литература, существующая уже болѣе девяти вѣковъ, богата главнымъ образомъ такими сочиненіями, языкъ которыхъ вовсе не похожъ на существующій теперь. Все это взятое вмѣстѣ представляетъ столько трудностей для спеціалиста, поставившаго себѣ задачею вполнѣ овладѣть своимъ предметомъ, что преодолѣніе ихъ требуетъ времени и усиленныхъ занятій; я на

сколько могъ старался преодолѣть эти трудности. Между поэтами персидскіе критики выше всѣхъ ставятъ Низамѝ. Существуетъ полуперсидская полуарабская шутка по поводу сравненія Низамѝ съ прочими персидскими литературными знаменитостями. Вотъ она: хотя послѣ пророка (Магоммеда) не должно было являться болѣе пророкамъ, они однако явились; ихъ трое: Саади, Фердоуси и Анвери. Затѣмъ слѣдуетъ вопросъ: чтó же Низамѝ? зачѣмъ его пропустили? Отвѣтъ: Низамѝ богъ между поэтами, какъ же можно ставить его имя на ряду съ пророками. На этого то олимпійца обратилъ я главное вниманіе и, съ помощью Хаджи Мирзы Мамедъ Али, прочелъ самое трудное изъ его сочиненій: Мантикуттеиръ, т. е. разговоры птицъ. Это рядъ отдѣльныхъ разсказовъ, не имѣющихъ между собою никакой наружной связи, кромѣ общаго направленія убѣдить читателя въ ничтожности всего земнаго, скоропреходящаго и въ высокомъ значеніи однихъ нравственныхъ достоинствъ. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности, которыя завлекли бы меня слишкомъ далеко. Довольно сказать, что Низамѝ, жившій въ XII вѣкѣ нашей эры на Кавказѣ въ своемъ родномъ городѣ Гянджѣ (нынѣшнемъ Елисаветополѣ) былъ суфа, т. е. мистикъ. Это одно могло бы послужить темою для цѣлой диссертаціи. Кромѣ Низамѝ, я читалъ и читаю постоянно знаменитаго лирика, анакреона Персіи, Хафиза, который жилъ въ XIV столѣтіи, моралиста Саади XIII вѣка, мистика Джелаледдина Руми и прочихъ представителей персидскаго парнаса; а этотъ парнасъ одинъ изъ многочисленнѣйшихъ въ свѣтѣ. Изъ прозаиковъ я выбралъ пока двухъ историковъ: Миръ Ховеида (Мирхонда), жившаго въ концѣ XIV вѣка, и Мирзу Мегди Хана, секретаря и панегириста Надиръ Шаха. Сочиненія перваго: Раузетъалефа, т. е. Рай чистоты, обнимаетъ всеобщую исторію въ мусульманскомъ смыслѣ со временъ Адама до эпохи, въ которую жилъ самъ авторъ. Изложеніе его отличается простотою; языкъ очень обыкновенный, авторъ прерываетъ часто свой разсказъ цитатами изъ курана и приводитъ нерѣдко двустишія и четырехстишія собственнаго сочиненія, весьма впрочемъ посредственныя. Совершенной противоположностью отличается велерѣчивый исторіографъ Надиръ Шаха; слогъ его цвѣтистъ, наполненъ странными метафорами и гиперболами. На каждой строчкѣ встрѣчаются арабскія и древнеперсидскія слова самыя малоупотребительныя; за то Мегди Ханъ настоящій художникъ въ изложеніи своихъ мыслей, обладая строгой логической послѣдовательностью.

Въ настоящее время я занимаюсь разборомъ персидскихъ народныхъ сказокъ, предметъ до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, нетронутый ни однимъ изъ европейскихъ оріенталистовъ. Результатомъ моихъ занятій будетъ особая статья о персидской народной литературѣ.

Тегеранъ, 7-го февраля 1864 года.

7) Магистра Бугаева.

Бертранъ въ своихъ лекціяхъ о распредѣленіи электричества на поверхности проводниковъ въ связи съ вопросами анализа, встрѣчающимися при этомъ, представилъ ясное и полное изложеніе этой теоріи въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ настоящее время.

Самый способъ его изложенія носилъ на себѣ отпечатокъ историческаго развитія этой теоріи, что́, вмѣстѣ съ научнымъ значеніемъ ея для математической физики, придавало его чтеніямъ особенный интересъ. Дѣйствительно, помимо трудовъ Куломба и Кавендиша, теорія эта уже въ той формѣ, въ какой она была предложена Пуассономъ, принадлежитъ къ одной изъ совершеннѣйшихъ математическихъ теорій. Въ этомъ изслѣдованіи Пуассона видѣнъ примѣръ того, какъ, углубляя и расширяя частный вопросъ, можно дойти до весьма общихъ заключеній. Аналитическія основанія этой теоріи, имѣющей тѣсное отношеніе къ теоріи притяженія тѣлъ, значительно развиты и обобщены трудами Гаусса, Плана, Грина, Морфи, Шаля.

Послѣ краткаго историческаго обзора и предварительныхъ теоремъ, Бертранъ приступилъ къ изложенію мемуара Грина. Выведя общую теорему Грина, принадлежащую на столько же интегральному исчисленію, на сколько и теоріи статическаго электричества, онъ показалъ, какъ эта теорема можетъ послужить основаніемъ для дальнѣйшаго развитія этой теоріи. За мемуаромъ Грина онъ перешелъ къ изслѣдованіемъ Томсона, которыя повели весьма простымъ путемъ къ нахожденію величины нѣкоторыхъ опредѣленныхъ интеграловъ. Въ числѣ аналитическихъ вопросовъ, находящихся въ связи съ теоріею статическаго электричества, онъ изложилъ теорію функцій Лежандра, предпославъ ее мемуару Пуассона. Самый же мемуаръ Пуассона далъ ему поводъ остановиться на другомъ аналитическомъ вопросѣ, состоящемъ въ томъ, чтобы опредѣлить видъ

функціи, если подъ знакомъ функціи входятъ величины, находящіяся въ различной зависимости отъ перемѣннаго; при этомъ онъ впрочемъ не вдавался ни въ какія общія соображенія, а ограничился рѣшеніемъ частной задачи, предложенной въ мемуарѣ Пуассона. Изъ геометрическихъ методовъ онъ останавливался преимущественно на пріемахъ Шаля. Кромѣ того, съ своей стороны онъ иногда, рядомъ съ изложеніемъ теоремы какого нибудь ученаго, предлагалъ свои доказательства, основанныя на болѣе простыхъ соображеніяхъ. Изъ изслѣдованій Морфи онъ заимствовалъ теорію лейденской банки. Однимъ словомъ, можно сказать, что Бертранъ не оставилъ безъ вниманія и строгаго разбора почти ни одного изъ англійскихъ и французскихъ писателей, трудившихся по этому вопросу. Умолчаны были развѣ только труды нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ германскихъ математиковъ, какъ Клаузіуса, но это умолчаніе могло быть чисто случайнымъ и не вредило въ значительной степени ни историческому характеру лекцій, ни богатству ихъ научнаго содержанія.

Я уже упомянулъ въ прешедствующемъ отчетѣ, что Ламе весьма мало отступалъ въ своихъ лекціяхъ отъ изданнаго имъ сочиненія объ упругости, до тѣхъ поръ, пока дѣло шло объ общихъ основаніяхъ этой теоріи. Этого нельзя сказать про его дальнѣйшій курсъ. Начиная съ приложенія теоріи упругости къ теоріи свѣта, сдѣланы имъ были значительныя измѣненія и отступленія отъ вышеупомянутаго сочиненія. Нѣкоторыя части, какъ напримѣръ статья о кристаллахъ трипреломляющихъ (cristaux triréfringents), о работѣ волнъ, были имъ введены почти вновь, нѣкоторыя же статьи, составляющія содержаніе послѣднихъ главъ сочиненія, были опущены. Во второй половинѣ своего курса Ламе изложилъ теорію упругости въ криволинейныхъ координатахъ. Этотъ отдѣлъ своего курса онъ раздѣлилъ на три главы. Въ первой, посвятивъ нѣсколько лекцій криволинейнымъ координатамъ, онъ выразилъ общія уравненія въ случаѣ постоянной упругости, вмѣстѣ со всѣми формулами, относящимися къ этой теоріи, въ ортогональныхъ координатахъ. Во второй, онъ сдѣлалъ приложеніе вышевыведенныхъ формулъ къ нѣкоторымъ частнымъ системамъ координатъ. Въ послѣдней, онъ занялся преимущественно разборомъ условій равновѣсія упругости сферической оболочки. Курсъ Ламе, отличаясь серьёзностью и полнотою, необходимо требовалъ предварительнаго знакомства съ его сочиненіями по упругости и криволинейнымъ координатомъ: «Leçons

sur les coordonnées curvilignes». Только при подобномъ условіи можно было вполнѣ сознательно оцѣнить ту пользу, которую могутъ принести его чтенія по богатству содержанія, обилію общихъ мыслей и замѣчательной группировкѣ, съ которой былъ имъ расположенъ научный матеріалъ.

Ліувилль приступилъ къ самой теоріи чиселъ послѣ введенія, содержаніе котораго я уже изложилъ въ предшествующемъ отчетѣ. Въ этомъ введеніи онъ старался раскрыть ту внутреннюю связь, которую теорія чиселъ имѣетъ съ другими частями математическаго анализа, и для того, чтобы лучше обнаружить эту связь, онъ съ намѣреніемъ выбиралъ наиболѣе яркіе, наиболѣе знаменательные научные факты. По самому характеру этой цѣли Ліувилль ограничивался иногда въ введеніи только однимъ изложеніемъ нѣкоторыхъ свойствъ числовыхъ функцій, не вдаваясь въ подробный и отчетливый выводъ этихъ свойствъ, для чего часто требовались такія средства и такіе методы изъ теоріи чиселъ, знанія которыхъ онъ не могъ предполагать въ своихъ слушателяхъ, начиная свой курсъ.

Показавъ важность изученія свойствъ числовыхъ функцій, и объяснивъ на нѣкоторыхъ частныхъ функціяхъ, что пріемы при изслѣдованіи ихъ могутъ быть на столько же общи, на сколько они считаются общими въ другихъ отрасляхъ анализа, Ліувилль приступилъ къ изложенію сочиненія Гаусса «Disquisitiones arithmeticae». Извѣстно, что Гауссъ въ этомъ сочиненіи развилъ самостоятельно нѣкоторые отдѣлы и предлагалъ во многихъ случаяхъ пріемы, независимо отъ изслѣдованій предшествующихъ ему ученыхъ. Такъ какъ я познакомился съ этимъ сочиненіемъ Гаусса нѣсколько раньше лекцій Ліувилля, то его чтенія получили для меня двойной интересъ. Держась тому порядку изложенія, который предложенъ Гауссомъ, Ліувилль не ограничивался только его методами, а рядомъ, параллельно, излагалъ пріемы другихъ ученыхъ, а частію и свои. Многочисленныя историческія замѣчанія, указанія на различные методы, на оттѣнки въ доказательствахъ, дѣлали изъ лекцій Ліувилля богатый источникъ свѣдѣній. Для сочиненія Гаусса по теоріи чиселъ конечно трудно найти лучшаго толкователя. Ліувилль въ своихъ лекціяхъ изложилъ въ настоящій семестръ только четыре отдѣла вышеупомянутаго сочиненія Гаусса, то есть до квадратичныхъ формъ и обѣщалъ продолженіе въ слѣдующій семестръ.

Занятія свои въ библіотекахъ Сорбонны и женевьевской я сосредоточилъ на изученіи мемуара Ампера: Considérations générales sur

les intégrales des équations aux differentielles partielles, а дома на изученіи прошлогоднихъ лекцій Бертрана объ интеграціи уравненій съ частными производными.

Парижъ, марта $^{3}/_{15}$ 1864 года.

8) Доктора медицины В. Стадіона.

Зимній семестръ къ концу, и, собираясь вскорѣ отправиться черезъ Гейдельбергъ въ Парижъ, я, передъ выѣздомъ своимъ изъ Берлина, честь имѣю препроводить въ департаментъ отчетъ о своей дѣятельности за истекшіе 3 мѣсяца (декабрь 1863, январь и февраль 1864 года).

Въ прошедшемъ своемъ отчетѣ изъ Вѣны я исчислилъ тѣ предметы, которымъ преимущественно посвящено было мое вниманіе въ продолженіе зимняго семестра. То были: терапевтическая клиника проф. Оппольцера, накожныя болѣзни у проф. Гебры, грудныя болѣзни у проф. Духека; кромѣ того я участвовалъ въ курсахъ ларингоскопіи, электротерапіи и ушныхъ болѣзней. Объ изложеніи всѣхъ этихъ предметовъ, за исключеніемъ ушныхъ болѣзней, и о своемъ участіи въ нихъ я уже распространился въ предшествовавшемъ отчетѣ. Здѣсь я хочу только прибавить, что самую существенную и осязательную пользу я извлекъ изъ клиники Оппольцера и изъ клиники накожныхъ болѣзней проф. Гебры. Отличительныя преимущества обѣихъ этихъ клиникъ состоятъ въ объективности и наглядности, свойства неоцѣнимыя для современнаго врача. Исключая однакожъ клиники Оппольцера, которая продолжается сплошь 10 мѣсяцевъ сряду, всѣ другіе предметы излагались въ курсахъ съ ограниченными, бо́льшею частію шести или восьминедѣльными, сроками; только курсъ накожныхъ болѣзней проф. Гебры продолжался 4 мѣсяца, т. е. до исхода января. Такимъ образомъ съ наступленіемъ февраля, у меня осталась всего одна клиника Оппольцера. Не смотря однакожъ на отличное изложеніе и на рѣдкій матеріалъ этого клинициста, я не считалъ для себя выгоднымъ ради одной терапевтической клиники остаться въ Вѣнѣ до самаго конца семестра. Я поэтому рѣшился переѣхать въ Берлинъ, и меня наиболѣе къ тому побудило желаніе мое познакомиться съ клиникою проф. Фрерихса. Во время моего пребыванія въ Берлинѣ съ сентября 1862 до половины марта 1863 г. проф. Фрерихсъ одержимъ былъ такою осиплостью голоса, что онъ въ продолженіи цѣлаго семестра не

въ состояніи былъ открыть своихъ лекцій, и я тогда посѣщалъ только клинику проф. Траубе. Тѣмъ не менѣе, меня постоянно занимала мысль познакомиться съ клиническимъ преподаваніемъ проф. Фрерихса, личности, столь извѣстной своими классическими произведеніями въ области научной медицины. Принимая однакожъ въ соображеніе, что мнѣ предстоитъ еще побывать въ Парижѣ, и что лѣтній и послѣдній свой семестръ я, по всей вѣроятности, проведу въ Тюбингенѣ, въ лабораторіи проф. Гоппе, я увидѣлъ, что только удѣляя часть текущаго зимняго семестра, я пріобрѣту возможность вторично побывать въ Берлинѣ, недѣль хоть 5 и такимъ образомъ пополнить пробѣлъ въ клиническихъ своихъ этюдахъ.

Прежде однакожъ, чѣмъ коснусь нынѣшняго своего пребыванія въ Берлинѣ, да будетъ мнѣ позволено сказать нѣсколько словъ о предметѣ, которому я въ послѣднее время своего пребыванія въ Вѣнѣ посвятилъ свое вниманіе, и о которомъ не упомянулъ въ предшествовавшемъ своемъ отчетѣ.

Между спеціалистами, развивающимися подъ сѣнію Оппольцеровской клиники, чуть ли не самое видное мѣсто занимаетъ д-ръ Полицеръ, молодой и даровитый доцентъ отіятріи. Усвоивъ себѣ, по указаніямъ Оппольцера, патолого-анатомическія свѣдѣнія по своей спеціальности, занимавшись нѣкоторое время въ лабораторіи извѣстнаго вѣнскаго физіолога, проф. Людвига, физіологіею слуховаго органа, довершивъ наконецъ путешествіемъ въ Англію, гдѣ отіятрія наиболѣе развита, клиническія свои познанія, онъ нынѣ занимаетъ видное мѣсто между отіятрами Германіи. Въ настоящее время д-ръ Полицеръ имѣетъ въ клиническомъ отдѣленіи проф. Оппольцера амбуляторію съ довольно обильнымъ матеріаломъ, дающимъ ему возможность ознакомить съ ушными болѣзнями туземныхъ и пріѣзжихъ врачей. Его курсы продолжаются всего отъ 5—6 недѣль, но, принимая во вниманіе ограниченный объемъ самаго предмета, необыкновенную простоту и несложность терапевтическихъ пріемовъ, наконецъ чисто демонстративный, практическій образъ изложенія, время это совершенно достаточно, чтобъ доставить каждому врачу руководную нить, по которой впослѣдствіи ему не трудно довершить спеціальное свое развитіе. Но и тотъ, кто не намѣренъ спеціально заниматься леченіемъ ушныхъ болѣзней, пріобрѣтетъ большую пользу, если только ознакомится съ методомъ изслѣдованія слуховаго органа. Положеніе этого органа въ непосредственной близости мозга, тонкость костной пластинки, отдѣляющей барабан-

ную полость отъ полости черепа, отчасти общность сосудовъ, близость лицеваго нерва, наконецъ, глубокое вліяніе галлюцинацій и пораженій слуха на психическое настроеніе—все это нерѣдко ставитъ болѣзни внутренняго уха и болѣзни мозга и его оболочекъ въ тѣсную, а иной разъ даже въ причинную между собою связь. Изъ спиртныхъ препаратовъ д-ра Полицера легко убѣдиться, какъ относительно не рѣдко пораженія и нагноеніе барабанной полости сообщаются оболочкамъ мозга и вызываютъ смертельную Meningitis; какъ пораженія лицеваго нерва и параличъ снабженныхъ имъ частей порождаются измѣненіями скалистой части височной кости. Изъ этихъ препаратовъ также видно, что въ нѣкоторыхъ, хоть и весьма рѣдкихъ, случаяхъ мозгъ отдѣленъ отъ барабанной полости одною только перепончатою перегородкой, что́ еще нагляднѣе представляетъ близкую смежность этихъ двухъ частей. Если еще припомнить, что otorrhöa составляетъ, особенно у дѣтей, явленіе довольно частое, и что otorrhöae эти именно даютъ поводъ къ продолжительнымъ и органическимъ болѣзнямъ уха и къ хроническимъ измѣненіямъ оболочекъ мозга; то тогда еще понятнѣе становится, какъ важно для врача имѣть ясныя понятія объ анатомическихъ и анатомо-патологическихъ данныхъ слуховаго органа, и быть въ состояніи тщательно изслѣдовать пораженныя или подозрительныя части. Искусственное освѣщеніе наружнаго ушнаго прохода *до* барабанной перепонки, а въ случаяхъ прободанія, или недостатка сей послѣдней, и до самой внутренней стѣнки барабанной полости, совершается нынѣ очень просто помощію каучуковыхъ вороночекъ разнаго размѣра и вогнутаго зеркала безъ всякихъ лампъ, при одномъ только дневномъ свѣтѣ. Все затрудненіе лишь въ надлежащей оцѣнкѣ видѣнныхъ измѣненій, особенно барабанной перепонки, какъ напр. мути, налетовъ, воспаленія, абсцессовъ, омѣлотворенія etc. въ веществѣ этой перепонки. Но, при внимательномъ и часто повторенномъ изслѣдованіи подобныхъ больныхъ, затрудненія эти скоро превозмогаются. Кромѣ искусственнаго освѣщенія, въ распоряженіи врача находится еще катетеризація Евстафіевой трубы, чтобъ убѣдиться о ея проходимости, или засореніи. Операція эта, сколько мнѣ извѣстно, всегда считалась между врачами чѣмъ то труднымъ и особенно серіознымъ, и, не считая спеціалистовъ, наврядъ ли кто нибудь не только изъ обыкновенныхъ врачей, но даже изъ клиническихъ преподавателей рѣшился бы и съумѣлъ бы катетеризовать Евстафіеву трубу, еслибъ это понадобилось. Тѣмъ не менѣе, въ

бо́льшей части случаевъ безвредная эта операція производится и безъ особенныхъ затрудненій и съ совершеннымъ успѣхомъ. Сначала меня поразила легкость и вѣрность, съ которою д-ръ Полицеръ катетеризовалъ Евстафіеву трубу у своихъ больныхъ; но попробовавъ это самъ, и сдѣлавъ то же самое разъ 10 или 15 съ совершеннымъ успѣхомъ, я убѣдился, что только одно незнаніе топографическихъ отношеній, и недовѣріе къ самимъ себѣ удерживаетъ врачей отъ частаго примѣненія этой полезной и безбольной операціи. Въ случаяхъ, гдѣ катетеризмъ по какимъ либо случайнымъ и и необыкновеннымъ причинамъ встрѣтилъ бы большія затрудненія, не трудно удостовѣриться о свойствѣ этихъ причинъ помощію риноскопіи (Rhinoscopia). Риноскопія даетъ намъ возможность *зрѣніемъ* изслѣдовать носовую часть глотки, преимущественно же засоренія, съуженія, сращенія Евстафіевой трубы, ея направленіе etc., такъ что, комбинируя риноскопію съ катетеризмомъ, всегда можно будетъ уяснить себѣ сущность отклоненій въ данномъ случаѣ. Я долженъ здѣсь однакожъ упомянуть, что д-ръ Полицеръ никогда не употребляетъ риноскопіи и даже относится объ ней не съ особенно большими ожиданіями; но это объясняется отчасти тѣмъ, что катетеризмъ въ большинствѣ случаевъ удается ему и безъ риноскопіи, отчасти однакожъ и тѣмъ, что, пріучившись разъ къ извѣстнаго рода пріемамъ, мы неохотно прибѣгаемъ къ другимъ, требующимъ новаго рода снаровки. Риноскопіи всего года два или 3 отъ роду, и нельзя удивляться, при ея молодости, если даже лица, находящіяся въ непосредственной близости ея мѣсторожденія, не успѣли еще убѣдиться въ пользѣ, отъ нея ожидаемой.

Кромѣ катетеризма Полицеръ употребляетъ еще другой способъ, чтобъ проникнуть струею воздуха въ Евстафіеву трубу. Способъ этотъ, очень остроумно имъ самимъ придуманный, называется у него *«простымъ пріемомъ»* einfaches Verfahren. Дѣйствительно, проще этого пріема, кажется, и придумать нельзя. Къ нему прибѣгаютъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда барабанная перепонка прободена, или если ея ужъ вовсе нѣтъ, когда именно желаютъ или удостовѣриться въ проходимости Евстафіевой трубы, или же вызвать эту проходимость, если она прекращена вслѣдствіе засоренія трубы слизью, слизистыми, гнойными либо кровяными пыжами (Pfröpfe). Тогда поступаютъ слѣдующимъ образомъ, при чемъ я, ради примѣра, полагаю, что имѣемъ дѣло съ *лѣвымъ* ухомъ. Больной сильно наклоняетъ голову на правое плечо, такъ что ушная раковина приходитъ въ бо-

лѣе горизонтальное положеніе. Въ наружный ушной проходъ вливаютъ нѣсколько любой жидкости (воды, либо слабаго раствора сѣрнокислаго цинка, уксуснокислаго свинца etc.), такъ чтобы она стояла въ уровень съ incisura intertragica. Больному тогда даютъ порядочный глотокъ воды въ ротъ, но съ тѣмъ, чтобъ онъ глоталъ по данному сигналу, *не раньше*. Затѣмъ въ лѣвую ноздрю, держась основанія носовой полости, вводятъ костяную трубочку на подобіе катетера, къ наружному концу которой герметически прикрѣпленъ полый каучуковый шаръ, около 3-хъ дюймовъ въ поперечникѣ. Въ носу, катетеръ доводится примѣрно до лѣвой хоанны, либо даже до половины лѣвой нижней раковинки, за тѣмъ крѣпко сжимаютъ ноздри пальцами лѣвой руки, такъ чтобъ катетеръ *плотно* былъ охваченъ стѣнками носа. Когда все это сдѣлано, то больнаго, по данному сигналу, заставляютъ глотать воду, находящуюся у него во рту, и въ *тотъ же моментъ* правою рукою крѣпко сдавливаютъ каучуковый балонъ. Этимъ операція кончена. Дѣло въ томъ, что во время глотанія воды, мягкое небо помощію мускуловъ levator et tensor palati mollis подымается вверхъ и взадъ, и герметически отдѣляетъ носовую часть глотки, въ которой находится отверстіе Евстафіевой трубы, отъ гортанной. Когда въ этотъ моментъ сжимаютъ каучуковый шаръ, то вдавливаемый воздухъ, не находя себѣ ни съ какой стороны выхода, втѣсняется, не смотря на сопротивленія сгущеннаго гноя, либо слизистыхъ пыжей, въ евстафіеву трубу, отбрасывая эти массы въ барабанную полость, либо въ ноздреватое вещество сосковиднаго отростка; самъ же воздухъ при этомъ направляется черезъ барабанную полость къ наружному ушному проходу, гдѣ онъ съ всплескиваніемъ подымается на жидкости въ видѣ пузырьковъ. На бумагѣ это кажется довольно сложнымъ, но на дѣлѣ ничего нѣтъ проще этого. Я не разъ примѣнилъ этотъ способъ даже у 5 лѣтнихъ дѣтей, которыя охотно подвергаются этой операціи, не дѣлающей имъ ни малѣйшей боли. Все дѣло въ томъ, чтобы глотаніе воды и сжатіе балона совершались равновременно въ одинъ и тотъ же моментъ; но больные вскорѣ пріучаются глотать по командѣ врача, и тогда операція удается правильно всякій разъ. Преимущество ея состоитъ въ томъ, что она несравненно легче производится, чѣмъ катетеризація, такъ какъ тутъ трубочка не вводится въ Евстафіеву трубу, а только прямо въ носъ, чѣмъ устраняются всѣ затрудненія, обыкновенно встрѣчаемыя при катетеризаціи. Жидкость въ барабанной полости и въ наружномъ ушномъ проходѣ всту-

паетъ вслѣдъ затѣмъ безпрепятственно въ прочищенную Евстафіеву трубу, и вмѣстѣ она служитъ контролемъ, что операція удалась, ибо, въ случаѣ неудачи, пузырьковъ на ея поверхности не видно. Не разъ я былъ свидѣтелемъ изумительнаго и мгновеннаго дѣйствія этого простаго пріема. Слуховая дистанція, бывшая *до* операціи всего фута въ 2 или въ 3, нерѣдко *тотчасъ послѣ* операціи возвысилась на 15, 20 футовъ, и даже на 4 сажени. Само собою разумѣется, что въ этихъ случаяхъ тупость слуха зависѣла лишь отъ засоренія Евстафіевой трубы, а не отъ органическихъ измѣненій лабиринта, слуховаго нерва, либо отъ анкилоза слуховыхъ косточекъ etc.

И такъ, освѣщеніе наружнаго ушнаго прохода помощію вогнутыхъ зеркалъ, катетеризація, и *простой способъ* д-ра Полицера— вотъ что составляетъ основу діагностики и вмѣстѣ и леченія ушныхъ болѣзней. Къ послѣднему, т. е. къ леченію, надобно еще развѣ отнести и примѣненіе искусственныхъ барабанныхъ перепонокъ, отъ которыхъ я видѣлъ несомнѣнную пользу. Сознаюсь, что курсъ ушныхъ болѣзней меня въ высшей степени занималъ, и я очень благодаренъ д-ру Полицеру за возбужденіе во мнѣ интереса къ отіятріи, удостоившейся до сихъ поръ такъ мало вниманія со стороны врачей. Еще во время своего пребыванія въ Вюрцбургѣ я намѣренъ былъ заниматься болѣзнями уха у д-ра Трельча (Tröltsch), въ настоящее время безспорно перваго отіятра Германіи. Но отчасти мнѣ нелегко было тогда отрываться отъ своихъ занятій по гистологіи, отчасти меня отстращала скудость матеріала, которымъ располагаетъ д-ръ Трельчъ, вслѣдствіе чего, онъ вынужденъ ограничиваться болѣе теоретическимъ изложеніемъ своего предмета. Частная практика д-ра Трельча очень значительна, такъ какъ имя его, какъ отіятра, распространено даже и за предѣлы Германіи; но въ его клинику, по небольшому населенію города, мало попадается больныхъ, и лекціи его лишены того чисто-демонстративнаго характера, который свойственъ изложеніямъ д-ра Полицера.

Вотъ что мнѣ осталось прибавить въ дополненіе своего отчета о занятіяхъ моихъ въ Вѣнѣ.

Третьяго февр. нов. стиля прибылъ я въ Берлинъ. На слѣдующій день я представился профессорамъ: Вирхову и Фрерихсу, отъ которыхъ я тотчасъ получилъ разрѣшеніе слѣдить за ихъ лекціями до исхода семестра.

Обращусь къ самому главному для меня, къ клиникѣ проф. Фрерихса, ради которой я собственно и переѣхалъ въ Берлинъ.

Клиника проф. Фрерихса имѣетъ какой то особенный, отличительный характеръ, и именно характеръ той личности, которая ею завѣдываетъ. Холодный, безстрастный, чинный, необыкновенно самоувѣреный, проф. Фрерихсъ придаетъ всей своей клиникѣ какой то особый отпечатокъ чинности и невозмутимости. Всѣ слушатели размѣщены по мѣстамъ, какъ въ обыкновенной аудиторіи; самъ профессоръ находится на особаго рода возвышеніи, окруженномъ просторною перегородкою. Внутри этой ограды, кромѣ ассистентовъ, доступъ дозволенъ только иностраннымъ врачамъ, число которыхъ простирается до 30, и которые тоже размѣщены на стульяхъ. Больные вносятся на носилкахъ въ это огражденное мѣсто. Проф. Фрерихсъ дѣлаетъ свои клиническія изложенія никакъ не безъ мѣры. Онъ никогда не посвящаетъ своимъ слушателямъ болѣе *одного* часу, и открываетъ свою клинику всего 5 разъ въ недѣлю, такъ что онъ въ недѣлю читаетъ всего 5 часовъ, въ то время какъ проф. Оппольцеръ напр. читаетъ 20 часовъ въ недѣлю.

Все это однакожъ относится къ наружной обстановкѣ. Что́ же до внутренней, то и тутъ замѣчается значительное отступленіе отъ общепринятаго въ другихъ клиникахъ. Окруженный немалымъ числомъ свѣдущихъ и опытныхъ ассистентовъ и помощниковъ, проф. Фрерихсъ значительно себѣ облегчаетъ свою задачу. Чуть только вносятъ новаго больнаго, какъ одинъ изъ ассистентовъ читаетъ уже прежде составленную, сжато и кратко написанную анамнестику и этіологію даннаго случая, и важнѣйшія явленія изъ настоящаго состоянія. Пульсъ, дыханіе, температура и весь наружный habitus уже опредѣлены; составъ мочи, если понадобилось, уже разобранъ; если къ изслѣдованію примѣняется микроскопъ, дѣло тоже уже сдѣлано. Все это совершается, такъ сказать, закулисно. Профессору остается за тѣмъ лишь пополнить изслѣдованіе и наложить діагнозъ. Это ученый профессоръ дѣлаетъ съ возможною объективностью, но и съ возможнымъ сбереженіемъ времени, ни минуты не теряя даннаго случая изъ виду и не вдаваясь ни въ какія разсужденія, не строго относящіяся къ дѣлу.

Очевидно, что при такихъ условіяхъ только совершенно подготовленный врачъ, только человѣкъ, которому хорошо извѣстны и способъ экзаменовать больнаго, и техника различныхъ способовъ изслѣдованія, и оттѣнки всей физіономіи и обстановки больнаго,

можетъ извлекать дѣйствительную пользу изъ клиники проф. Фрерихса. Подобнаго рода врачамъ нужно только знать *какой оцѣнкѣ* подвергаются найденныя измѣненія, въ какой они связи и послѣдовательности представляются, и какіе изъ нихъ *выводы* дѣлаетъ клиницистъ. Что̀ же до студентовъ, то большинству изъ нихъ, если не всѣмъ, клиника проф. Фрерихса на врядъ ли приноситъ много пользы, такъ какъ она предполагаетъ запасъ предварительныхъ свѣдѣній, которыхъ у молодыхъ медиковъ обыкновенно нѣтъ. Въ этомъ именно и состоитъ вся разница между изложеніемъ проф. Оппольцера и проф. Фрерихса. Проф. Оппольцеръ, не смотря на то, что клиника его посѣщается множествомъ врачей, все таки имѣетъ въ виду настоящихъ своихъ учениковъ; проф. Фрерихсъ, напротивъ, не смотря на то, что клиника его ежедневно посѣщается сотнею студентовъ, все таки дѣлаетъ клиническія свои изложенія только для врачей.

Что̀ до меня, то, слѣдя за изложеніемъ проф. Фрерихса 8 лѣтъ послѣ того, какъ я оставилъ университетскую скамью, и $1\frac{1}{2}$ года послѣ того, какъ я за границей занимаюсь клиническою медициной, я только могу сказать, что она мнѣ показалась безподобною. Матеріалъ, которымъ располагаетъ проф. Фрерихсъ, обиленъ, и не смотря на то, что ежедневно круглымъ счетомъ представляются 3 паціента, представленные случаи всегда важны и интересны. Въ тѣ 4 недѣли, въ продолженіе которыхъ я посѣщалъ лекціи ученаго профессора, мнѣ удалось видѣть 3 случая размягченія мозга; 2 случая Hemiplegiae вслѣдствіе эмболіи въ артеріяхъ мозга; три случая choreae, совершенно между собою различные: одинъ общей choreae, другой одно(лѣво)сторонней choreae, третій разъ наконецъ chorea была у 16-ти лѣтней дѣвушки, съ правильными мѣсячными, гдѣ болѣзнь приняла до того острое теченіе, что, вслѣдствіе истощенія нервныхъ центровъ, вскорѣ наступила смерть. Этіологія не показала никакого сколько нибудь важнаго момента, къ которому можно было бы отнести тяжкую болѣзнь; къ состоянію внутреннихъ органовъ тоже нельзя было придраться. Интересны результаты вскрытія. Головной и спинной мозгъ показываютъ анемію, во всемъ остальномъ совершенно нормальны и образцовой консистенціи; за то въ сердцѣ найдены были слѣдующія измѣненія: утолщеніе эндокардія въ лѣвомъ предсердіи; незакрытіе овальной диры; на двустворчатой заслонкѣ небольшіе наросты въ видѣ бородавокъ; но, что̀ у 16-ти лѣтней дѣвушки страннѣе всего: ожиренія аорты около отвер-

стій межреберныхъ артерій. Очевидно, что при жизни существовала сильная ирритація въ сердцѣ. Это, конечно, не объясненіе, а только фактъ, но замѣчательный въ томъ отношеніи, что chorea здѣсь происходила не отъ *первичнаго* измѣненія нервныхъ центровъ. Далѣе, видѣнъ мною 2 раза ракъ желудка, одинъ разъ съ послѣдовательнымъ ракомъ печени; 1 разъ аневризмъ дуги и нисходящей части аорты. Болѣзнью этой была одержима женщина 51 года. Главные симптомы были: боль въ груди по *правой* сторонѣ грудины спереди и сверху; поясничная боль (Gürtelschmerz) въ уровень съ седьмыми ребрами, въ послѣднее время затрудненное глотаніе (dysphagia). При изслѣдованіи помощію перкуссіи показалась большая тупость звука по правой сторонѣ грудины въ уровень съ 1 и 2 межреберными пространствами; сзади и *слѣва* отъ позвоночнаго столба, во всю длину грудной полости, тупость звука и чувствительность при перкуссіи; сверхъ того діастолическій шумъ около верхушки сердца. Кашель и одышка существовали при нормальныхъ легкихъ; двойнаго толчка сердца здѣсь однакожъ не было. Дисфагія происходила отъ давленія аневризма aortae descendentis на пищепріемникъ. Къ сожалѣнію, больная не желала остаться въ клиникѣ, и тотчасъ послѣ лекціи выписалась.

Два раза Melituria. Одинъ больной испражнялъ отъ 6000—7000 куб. цент. мочи и до 5%, т. е. около фунта, сахару въ сутки; другой, побывшій уже нѣкоторое время въ клиникѣ, испражнялъ отъ 3000—4000 кубич. цент. мочи и около 230 граммовъ сахару въ сутки. У послѣдняго однакожъ туберкулозъ въ легкихъ развился въ сильной степени, какъ и вообще бо̀льшая часть діабетиковъ погибаетъ отъ туберкулоза. Оба получали adstringentia и на ночь Morphium. Далѣе:

1 разъ Perityphlitis; 1 разъ typhlitis stercoralis; 2 раза Nephritis parenchymatosa, въ томъ числѣ одинъ разъ съ Hydrops pericardii и сильною ипертрофіею лѣваго желудочка; 1 разъ Purpura hämorrhagica у 18-ти-лѣтней швеи вслѣдствіе цынги. Больная въ одно и и то же время получила и эхтимозы на оконечностяхъ, и мѣсячное и обильныя кровотеченія съ носа. Эхтимозы находились также и на соединительной оболочкѣ лѣваго глаза. Пятна здѣсь представлялись съ рѣдкою и образцовою отчетливостью; величиною они были съ булавочную головку, отчасти и съ льняное семя; темносиняго цвѣта и совершенно круглой формы. Десны не были поражены. Другой случай Purpura simplex былъ у 19-ти-лѣтней дѣвушки

безъ пораженія слизистыхъ оболочекъ. При употребленіи желѣза, она вскорѣ выздоровѣла.

1 разъ Parotitis polymorpha у 19-ти-лѣтней горничной, послѣ пневмоніи. Вслѣдствіе давленія опухоли на vena jugul. произошелъ застой крови въ мозгу, а отъ этого опять головная боль и головокруженіе. При этомъ случаѣ проф. Фрерихсъ сообщилъ, что, будучи въ 1849 г. во время войны съ Даніею въ Гольштиніи, онъ видѣлъ эту болѣзнь въ эпидемической формѣ между военными, у которыхъ она бо́льшею частію сосредоточивалось въ яичкахъ. По Фрерихсу, Parotitis эта состояла лишь въ серозной инфильтраціи сумки слюнной желѣзы, въ то время какъ вещество ея нисколько не было поражено. Болѣзнь, и въ эпидемической своей формѣ, не имѣетъ ничего тревожнаго и допускаетъ хорошій прогнозъ. Далѣе:

1 разъ Pyopneumothorax вмѣстѣ съ Pericarditis; 1 разъ Pyopneumothorax самъ по себѣ; 2 раза Pneumothorax, оба раза вслѣдствіе туберкулоза; 1 разъ Diphtheritis in isthmo faucium. Сверхъ того, по нѣсколько случаевъ тифа, пневмоніи, бронхопневмоніи, бугорчатки, icterus catarrhalis etc. Интересенъ былъ одинъ случай пневмоніи, гдѣ инфильтрація, находясь въ центральныхъ частяхъ легкихъ, не давала никакихъ отклоненій при изслѣдованіи помощію аускультаціи и перкуссіи. Болѣзнь была узнана тѣмъ не менѣе по лихорадкѣ, по возвышенію температуры (40, 6° C) и по свойству мокротъ.

Въ случаяхъ, которые имѣли смертельный исходъ, проф. Фрерихсъ, присутствуя самъ при вскрытіи, сообщалъ на другой день аудиторіи сжатый, но очень ясный эпикритическій разборъ даннаго случая, и сличалъ поставленный при жизни діагнозъ съ результатами вскрытія. Надобно отдать справедливость знаменитому клиницисту, что всегда почти вскрытіе подтверждало его діагнозы самымъ блестящимъ образомъ. Я не пропускалъ ни одного клиническаго вскрытія и могъ удостовѣриться въ этомъ, какъ очевидецъ, а не только изъ однѣхъ реляцій профессора. Сдѣлавъ epicrisis, проф. Фрерихсъ всегда поручаетъ старшему своему ассистенту разносить и показать студентамъ измѣненные органы, что́ очень полезно тѣмъ изъ слушателей, которые не присутствовали при вскрытіи, или стояли слишкомъ поодаль отъ секціоннаго стола, а эти всегда составляли самое значительное большинство.

Если я изъ клиники Фрерихса извлекъ весьма существенную пользу, то я бо́льшею частію этимъ обязанъ моему сближенію съ его ассистентами. Зная по опыту, какъ важно для полнаго пони-

манія болѣзненнаго процесса самому прослѣдить дѣло, прежде чѣмъ больной представляется въ аудиторіи, я учавствовалъ въ вечернихъ визитаціяхъ ассистентовъ, гдѣ изслѣдовались поступившіе въ теченіе дня больные. Такимъ образомъ, я имѣлъ возможность составить себѣ самостоятельное сужденіе о каждомъ больномъ и сравнить въ послѣдствіи на сколько мои заключенія совпадали съ заключеніями проф. Фрерихса. Къ немалому своему удовлетворенію я находилъ, что, за исключеніемъ двухъ-трехъ сложныхъ случаевъ, діагнозы мои всегда подтверждались выводами самаго профессора. Но тамъ даже, гдѣ проф. Фрерихсъ пришелъ къ другимъ заключеніямъ, я имѣю поводъ думать, что болѣе продолжительное наблюденіе непремѣнно бы вывело меня изъ заблужденія. Такъ напр., у одного сапожника 38 лѣтъ было мною принято послѣ изслѣдованія Perityphlitis; проф. Фрерихсъ однакожъ, основываясь на томъ, что, при ощупываніи, контуры слѣпой кишки представляются вполнѣ ясно, заключилъ, что тутъ не можетъ быть эксудата въ соединительной ткани, окружающей слѣпую кишку, а что тупость звука при перкуссіи, опухоль, боли in regione ileocoecali должны быть отнесены къ Typhlitis stercoralis, т. е. къ воспаленію слѣпой кишки вслѣдствіе сильнаго накопленія кала. Успѣшное дѣйствіе слабительныхъ и скорый возвратъ больнаго къ нормальному состоянію показали, что правъ былъ проф. Фрерихсъ, а ошибался только я. Но и безъ содѣйствія профессора дѣло, безъ сомнѣнія, вскорѣ бы мнѣ уяснилось. Совершенно неузнанъ былъ мною только аневризмъ, о которомъ я упомянулъ выше. Дисфагія заставила меня принять здѣсь органическое измѣненіе пищепріемника. Но эта довольно грубая ошибка съ моей стороны объясняется тѣмъ, что я до сихъ поръ ни разу не наблюдалъ при жизни аневризма аорты, и что совокупность явленій, сопровождающихъ эту болѣзнь, не была здѣсь ясно выражена. Впрочемъ, я изслѣдовалъ больнаго всего только одинъ разъ.

Въ пополненіе приведенной мною клинической казуистики, я хочу еще упомянуть и слѣдующій случай. 23-го февраля представлена была 26-ти лѣтняя швея, чувствовавшая себя всегда здоровой и съ правильными мѣсячными. Недѣли 3 тому назадъ, она стала чувствовать боль in regione iliaca sinistra; боль эта до сихъ поръ не унялась. При изслѣдованіи, въ этомъ мѣстѣ находится явная опухоль. При давленіи на эту опухоль снизу вверхъ и сверху внизъ, положеніе portionis vaginalis остается неизмѣннымъ, вслѣдствіе чего участіе матки въ опухоли устраняется. Осязаемые контуры опухоли

не соотвѣтствуютъ также и яичнику. Затѣмъ проф. Фрерихсъ отнесъ опухоль къ *лѣвой* почкѣ, т. е. принялъ *подвижность* лѣвой почки, спустившейся ниже нормальнаго своего положенія, не смотря на то, что подвижность эта въ большинствѣ случаевъ замѣчена въ *правой* почкѣ. Сравнительное изслѣдованіе помощію перкуссіи regionis renalis съ обѣихъ сторонъ дѣйствительно показало бо́льшую звучность *слѣва*, чѣмъ справа. Нельзя сказать, чтобъ діагнозъ здѣсь былъ выше всякаго сомнѣнія; но случай этотъ доказываетъ, что, не смотря на то, что проф. Фрерихсъ останавливается на каждомъ больномъ не болѣе 15 минутъ, ни что существенное не ускользаетъ отъ его опытнаго взгляда, и принимаются въ соображеніе всѣ возможности.

Словомъ, не смотря на неудобства, съ которыми сопряжено всякое передвиженіе изъ города въ городъ, особенно въ теченіе семестра, я совершенно доволенъ своимъ переѣздомъ въ Берлинъ; а если о чемъ нибудь жалѣю, то развѣ о томъ, что мнѣ суждено было посѣщать клинику проф. Фрерихса только 4 недѣли, а не цѣлый семестръ. Проф. Фрерихсъ закрылъ свою клинику цѣлою недѣлею раньше другихъ профессоровъ, а именно: 4-го марта нов. стиля.

Кромѣ терапевтической клиники, я посѣщалъ лекціи проф. Вирхова, особенно его демонстративный курсъ, о значеніи и свойствахъ котораго я уже имѣлъ случай распространиться въ своихъ отчетахъ съ 1862 года. И теперь, какъ тогда, лекціи этого знаменитаго человѣка показались мнѣ неизчерпаемымъ источникомъ поученія. Цѣлый рядъ самыхъ рѣдкихъ и интересныхъ измѣненій во всѣхъ органахъ человѣческаго тѣла представлялся глазамъ слушателей и подвергался самому подробному, ясному и мастерскому анализу Вирхова. Вотъ весьма сокращенный перечень этихъ случаевъ:

Cysticerci въ мозгу. — Diphtheritis прямой и толстой кишки. — Абсцессы въ мозгу. — Фолликулярные абсцессы въ кишкахъ, или какъ это прежде называли: Enterophthisis. — Дермоидная киста въ яичникѣ, въ которой содержались 3 зуба, огромный пакетъ длинныхъ, бѣлокурыхъ волосъ фунта въ $1\frac{1}{2}$ вѣсомъ, и фунтовъ съ 6 жидкости, оказавшейся того же состава, какъ vernix caseosa, и чрезвычайно походившій на жидкій творогъ. Я присутствовалъ при вскрытіи; больная лежала въ клиническомъ отдѣленіи проф. Фрерихса. Послѣ троекратной пункціи вмѣстѣ съ твороговидною жидкостью выходили и волоса. Свойство болѣзни было такимъ образомъ узнано *при жизни*. — Phlebitis puerperalis. — Ruptura spontanea musculi recti abdominis съ послѣ-

дующимъ затѣмъ Haematoma.—Ракъ печени, послѣдовательно послѣ рака желудка.—Endocarditis mitralis ulcerosa съ омѣлотвореніемъ изъязвленной поверхности.—Meningitis purulenta (изъ клиники Фрерихса).—Endocarditis съ эмболіею. — Желтое размягченіе мозга (съ клиники Фрерихса).—Hydronephrosis cum phthisi renum.—Graviditas extrauterina, плодъ находился 3 года въ полости брюшины.—Hydronephrosis cum Nephritide purulenta, одна почка была по крайней мѣрѣ вчетверо больше нормальной.—Neuroma nervi optici.—Rhachitis.—Tabes заднихъ пучковъ (funiculi) спиннаго мозга (изъ клиники Траубе), гдѣ бѣлое вещество между задними рогами превращено въ прозрачную, студенистую массу, словомъ атрофія чувствительности.—Diphtheritis кишечнаго канала.—Obliteratio venae cavae inferioris (изъ клиники проф. Траубе), на наружныхъ покровахъ живота caput Medusae.—Cancer mammae по нѣсколько разъ.—Cancer Ventriculi нѣсколько разъ и различнаго свойства.—Aneurysma sacciforme aortae, соотвѣтственно тремъ sinus valsalvae. Одинъ изъ мѣшковъ расширился до конуса легочной артеріи, сросся съ нимъ и показываетъ два небольшихъ отверстія, помощію которыхъ аорта находится въ прямомъ сообщеніи съ конусомъ легочной артеріи.—Apoplexia cerebri haemorrhagica.—Aneurysma valvulare aortae.—Echynococcus въ печени, съ 5-ю большими камнями въ желчномъ пузырѣ.—Tuberculosis почекъ, мочеточниковъ, пузыря и предстательной желѣзы самаго необыкновеннаго вида. Одна почка была величиною и вѣсомъ съ печень, вообще самыхъ колосальныхъ размѣровъ, какіе только попадались когда нибудь даже Вирхову. На разрѣзѣ почка эта представляла septa или loculi, соотвѣтственно долькамъ почекъ, наполненные густою творогообразною массою. Другая почка тоже была сильно увеличена, хотя гораздо меньше этой, и только отчасти инфильтрована туберкулозными массами.—Arthritis nodosa, особенно колѣнное сочлененіе.—Obliteratio cystis felleae желчными конкрементами.—Pericarditis haemorrhagica вслѣдствіе скорбута, cor rillosum; hypertrophia ventr. sinistri.—Туберкулъ въ сердцѣ, на внутренней оболочкѣ лѣваго желудочка, что̀ замѣчено Вирховымъ чуть ли не въ первый разъ.—Polypi colli uteri.—Perimetritis chronica, atrophia uteri et ulcera tuberculosa vaginae, случай необыкновенно рѣдкій.—Atrophia renum въ такой сильной степени, что каждая почка едва имѣла 3-ю часть нормальнаго своего объема. Acne hypertrophica colli uteri etc.

Я здѣсь привелъ едва половину тѣхъ случаевъ, которые подробно отмѣчены въ моемъ дневникѣ, и которые я имѣлъ случай видѣть

у проф. Вирхова въ теченіе однѣхъ только 5 недѣль. Ни одно сочиненіе, ни одна аудиторія, ни одинъ преподаватель патологической анатоміи во всемъ медицинскомъ мірѣ не даетъ того, что́ посѣтителямъ своимъ представляетъ демонстративный курсъ Вирхова, и не даромъ врачи и профессоры со всѣхъ концовъ Европы стекаются въ аудиторію этого мастера своего дѣла.

Какъ въ прошедшемъ году, такъ и теперь я старался тщательно слѣдить за классическими вскрытіями Реклинггаузена. Къ сожалѣнію, клиника Фрерихса (отъ 11 — 12½) какъ разъ совпадала съ тѣмъ временемъ, когда въ «charité» обыкновенно дѣлаются вскрытія, такъ что при многихъ изъ нихъ я не имѣлъ возможности присутствовать. Тѣмъ не менѣе были дни, гдѣ я все таки могъ видѣть 3 и даже 4 вскрытія, которыя всегда содержали въ себѣ много поучительнаго.

Во время нынѣшняго моего пребыванія въ Берлинѣ, я познакомился съ невропатологическими лекціями профессора Ремака. Извѣстно, что профессоръ Ремакъ давно уже оставилъ въ сторонѣ свои эмбріологическія и гистологическія изслѣдованія, гдѣ онъ пріобрѣлъ себѣ всеобщую извѣстность, чтобы посвятить себя исключительно постоянному току, въ отношеніи его вліянія на нервную систему. Но извѣстно также, что произведенія Ремака по этой части не принесли ему много славы и принимаются медицинскою публикою Берлина съ величайшимъ недовѣріемъ. Сто́итъ только побывать раза два-три на лекціи этого преподаванія, чтобы объяснить себѣ недовѣріе врачебной публики. Рѣдко гдѣ можно встрѣтить такое сочетаніе мощнаго таланта, самобытности, изумительной многосторонности и глубины свѣдѣній съ самою неукротимою, самою необузданною фантазіею, и пылкостью нрава, доходящею почти до болѣзненнаго. При такихъ условіяхъ, увлеченія, разумѣется, неминуемы. Тѣмъ не менѣе, личность профессора Ремака заслуживаетъ гораздо болѣе снисходительнаго сужденія. Онъ положительно никого не желаетъ ввести въ заблужденіе, а если онъ когда нибудь кого обманывалъ, то единственно свою собственную личность, принимая фантомы пылкаго своего воображенія за реальности. Экзаменовавъ разъ при мнѣ женщину, жаловавшуюся на корчи въ нижнихъ конечностяхъ, онъ, долго не разсуждалъ, тотчасъ принялъ myelitis chronica, и порѣшилъ, что поражена intumescentia lumbalis. Въ это время я замѣтилъ, что у больной зрачки необыкновенно расширены, и, зная по опыту, какъ часто ленточныя глисты вызываютъ корчи

нижнихъ конечностей, мнѣ показалось, что корчи здѣсь могутъ имѣть другую причину. Послѣ нѣкоторой нерѣшимости, я рискнулъ замѣтить это ученому профессору. Ремакъ вспыхнулъ, но, сдѣлавъ надъ собою усиліе, онъ все таки рѣшился спросить больную на счетъ глистъ. Оказалось, что паціентка дѣйствительно лѣтъ 10 уже, какъ страдаетъ глистами, и что она ихъ имѣетъ и теперь. Не спорю, что вмѣстѣ съ глистами все таки могла быть и myelitis chronica, но Ремакъ принялъ myelitis на основаніи одной корчи, не соображаясь съ тѣмъ, что явленіе это можетъ зависѣть и отъ другихъ причинъ. Въ данномъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что профессоръ Ремакъ не принялъ бы myelitis chron., еслибъ онъ съ самаго начала зналъ о существованіи у больной ленточныхъ глистъ. Вотъ другой случай, отчасти подобнаго рода: у одной больной невральгія въ верхней лѣвой конечности. Профессоръ Ремакъ думаетъ, что это зависитъ отъ пораженія ganglii thoracici superioris. Но отъ чего опять зависитъ пораженіе этого гангліа? Конечно, не иначе какъ отъ опухоли in mediastino postico. Сказано, сдѣлано. Ремакъ постукиваетъ немного верхушку лѣваго легкаго, прикладываетъ слегка ухо, и рѣшаетъ, что у больной туберкулозъ, что вслѣдствіе этого образовались твердые узлы въ верхушкѣ лѣваго легкаго и утолщенія плевры, которыя производятъ давленіе на ganglion thoracicum superius. Но какъ я внимательно ни изслѣдовалъ больную, мнѣ не удалось найти ни въ верхушкѣ лѣваго легкаго, ни въ легкихъ вообще, ничего такого, съ чего бы можно было заключить о присутствіи въ нихъ туберкуловъ, а еще менѣе утолщенія плевры. Ясно было, что профессоръ Ремакъ предавался самообольщенію. Допустивъ разъ пораженіе ganglii thoracici superioris, его воображенію мгновенно такъ живо представилось, какъ несчастный этотъ ганглій сжатъ прилегающими частями, что присутствіе опухоли стало для него выше всякаго сомнѣнія; а въ верхушкѣ легкаго какая опухоль, кажется, естественнѣе, какъ не туберкулозная?

За исключеніемъ этихъ печальныхъ увлеченій слишкомъ пылкаго воображенія, лекціи Ремака имѣютъ много истинно превосходнаго и живительнаго. Разъ онъ случайно распространился о diabetes melitus и вошелъ въ подробный разборъ нашихъ свѣдѣній объ этой болѣзни. Онъ такъ ясно доказалъ несостоятельность предположеній, будто сущность diabetes mel. заключается въ измѣненіяхъ почекъ либо печени, онъ такъ живо представилъ весь ходъ опытовъ Бернара и развилъ при этомъ такую изумительную массу свѣ-

дѣній по нервной физіологіи и патологіи, что трудно было не согласиться съ нимъ, что diabetes ничто иное какъ болѣзнь нервной системы, очень быть можетъ даже болѣзнь продолговатаго мозга, и что гораздо болѣе пользы можно ожидать для больныхъ отъ постояннаго тока, чѣмъ отъ Карлсбадскихъ водъ. Случилось такъ, что какъ разъ на слѣдующій день и профессоръ Фрерихсъ коснулся того же вопроса. Онъ говорилъ, какъ обыкновенно, сжато, невозмутимо, практично, съ олимпическимъ спокойствіемъ. Но судя съ безпристрастіемъ, пальму первенства все таки надо было присудить Ремаку, какъ по глубинѣ, такъ и по необыкновенной самобытности и новизнѣ взгляда.

Господствующая идея у Ремака та, что въ бо́льшей части болѣзней существуетъ преобладающее участіе или нервныхъ центровъ, или же *мѣстное* участіе периферическихъ нервовъ въ видѣ Neuritis. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно было осязать вмѣстѣ съ нимъ набуханіе напр. nervi brachialis, nervi ulnaris etc. Въ общности своей взглядъ этотъ не совершенно новъ; но въ частностяхъ въ немъ есть бездна невѣдомыхъ до сихъ поръ особенностей. При этомъ Ремакъ доходитъ до такихъ тонкихъ вопросовъ, затрогиваетъ такіе темные, никѣмъ еще необъясненные пункты общей патологіи, что нельзя удивляться, если нѣкоторыя его замѣчанія, именно по своей новизнѣ и необычайности, возбуждаютъ къ себѣ мало довѣрія. Такъ напр.. онъ говоритъ о болѣзняхъ нервныхъ узловъ, и нервныхъ сплетеній, какъ о дѣлѣ совершенно общеизвѣстномъ, между тѣмъ какъ ни въ одномъ руководствѣ патологіи ничего объ этомъ не упоминается. Онъ также думаетъ дѣйствовать на гангліи и даже на нѣкоторыя вѣточки сочувственнаго нерва *мѣстно*, черезъ кожу, помощію постояннаго тока, что̀ многими также считается химерою. Онъ допускаетъ, подобно Шифу, эстезодическое вещество (ästhesodische Substanz) въ спинномъ мозгу, которое имѣетъ будто свойство *проводить* чувствительность къ мозгу, не будучи само чувствительнымъ. Наконецъ, спинной мозгъ дѣлится у него на какіе-то поясы (Zonen) гдѣ надобно отъискивать центральное происхожденіе периферическихъ нервовъ, но въ такомъ видѣ, что это нисколько не соотвѣтствуетъ общепринятымъ положеніямъ. — Другіе вопросы, которые себѣ задаетъ профессоръ Ремакъ, тоже не отличаются особенною разрѣшимостью. Такъ напр., онъ спрашиваетъ, почему иной разъ въ пневмоніи, при огромномъ объемѣ инфильтраціи, не бываетъ одышки, иной-же разъ, при инфильтраціи весьма ограничен-

наго объема, замѣтна самая сильная одышка. Онъ на это отвѣчаетъ, что разъ вмѣстѣ бываетъ воспаленіе nervi vagi, другой разъ этого не бываетъ. Подобнымъ образомъ мы также видимъ, что объемистыя воспаленія брюшины производятъ относительно мало боли, между тѣмъ какъ въ другой разъ очень небольшія пораженія этой оболочки сопряжены съ самою жестокою болью. Ремакъ опять отвѣчаетъ, что въ одномъ случаѣ мы имѣемъ neuritis въ области plexus coeliaci, другой разъ нѣтъ. Единственную въ такихъ случаяхъ панацею Ремакъ, разумѣется, видитъ въ постоянномъ токѣ. Очевидно, что трудно рѣшить a priori на сколько Ремакъ во всемъ этомъ правъ. Только одно дальнѣйшее безпристрастное изслѣдованіе въ состояніи изъяснить дѣло. Пока, можно только сказать, что соотечественники Ремака черезъ мѣру пренебрегаютъ его взглядами на нервную патологію, и что не все у него лишь химера и самообольщеніе. Чтó до меня, то я во всякомъ случаѣ не жалѣю того времени, которое я посвятилъ его лекціямъ, и обратилъ бы на нихъ свое вниманіе еще болѣе, еслибъ долѣе остался въ Берлинѣ.

Чтó до постояннаго тока въ частности, то я видѣлъ изумительные и несомнѣнные отъ него успѣхи въ случаяхъ Tabetis dorsualis, choreae, atrophiae musculorum progressivae, hemiplegiae и различныхъ контрактуръ отъ неизвѣстныхъ причинъ.

Одинъ случай особенно разителенъ: въ амбулаторіи Ремака представился при мнѣ мальчикъ 17-ти лѣтъ, который съ 7-го своего года, т. е. 10 лѣтъ сряду, одержимъ сильною мѣстною chorea въ обоихъ musculis pectoralibus majoribus. Конвульсивно сокращаясь по 70 разъ въ минуту, они безъ умолку потягиваютъ оба плеча къ груди. Сокращенія нисколько не унимаются, если больной приводитъ руки въ отвѣсное положеніе, т. е. подымаетъ ихъ выше головы. Больной жалуется, что онъ очень несчастливъ, такъ какъ вслѣдствіе своей болѣзни, онъ не можетъ ни учиться писать, ни заниматься какимъ бы то ни было ремесломъ. — Само собою разумѣется, что постоянный токъ тутъ же былъ примѣненъ къ дѣлу. Положительный полюсъ приложенъ былъ къ остистымъ отросткамъ 5 и 6 шейныхъ позвонковъ, негативный къ пораженнымъ мускуламъ. Токъ былъ не совсѣмъ постоянный, а болѣе лябильный (labil). Сеансъ продолжался минутъ 8 или 10. — На другой день мы видѣли того же больнаго, и вмѣсто 70 сокращеній въ минуту, мы только насчитали 26, а главное: сокращенія были *несравненно слабѣе*, чѣмъ наканунѣ. Когда мы видѣли больнаго въ 3-ій разъ, то

у него было 18 сокращеній въ минуту и сокращенія простирались лишь на portio clavicularis обоихъ мускуловъ. Наконецъ, когда я видѣлъ больнаго въ послѣдній разъ (5-ый сеансъ), у него было всего 12 сокращеній въ минуту, но такъ слабо, что они болѣе замѣтны были глазу наблюдающаго, чѣмъ самому больному, и ограничивались только верхнимъ краемъ ключичной порціи. Нѣтъ сомнѣнія, что больной освободится отъ своего недуга окончательно.

Ремакъ торжествовалъ, тѣмъ болѣе что больной только что былъ 6-ть недѣль въ леченіи у знаменитаго профессора Ромберга, какъ извѣстно, небольшаго приверженца постояннаго тока. Ромбергъ давалъ больному Tinct. Fowleri, какъ видно было изъ подлиннаго рецепта. Все дѣйствіе мышьяка въ этомъ случаѣ ограничивалось тѣмъ, что у бѣднаго мальчика порядочно пострадало пищевареніе.

Мимоходомъ замѣчу, что я видѣлъ совершенно подобнаго рода случай въ Вѣнѣ, съ тою только разницею, что chorea сосредоточилась въ другомъ мускулѣ. Въ амбулаторію Оппольцера привезли изъ Песта дѣвочку лѣтъ 14, у которой недѣль 6 уже какъ появились конвульсивныя сокращенія *Diaphragmatis*. Сокращенія эти повторялись отъ 18—20 разъ въ минуту, вызывали всякій разъ быстрое и глубокое вдыханіе и сопровождались неминуемою при такихъ условіяхъ вибраціею голосовыхъ связокъ. То было нѣкотораго рода *икотка*, сопряженная не съ выдыханіемъ, а на оборотъ, съ *вдыханіемъ* и съ необыкновенно пронзительнымъ звукомъ. Пестскіе врачи употребили уже безъ успѣха всѣ наркотическія средства, поэтому Оппольцеръ передалъ больную прямо въ руки электротерапевта. Тотъ пользовалъ паціентку постояннымъ токомъ, но тоже безъ успѣха. Надобно однакожъ замѣтить, что у Оппольцера постояннымъ токомъ занимается не какой нибудь Ремакъ, а новичекъ; а дѣло, какъ извѣстно, мастера боится.

Во время своего пребыванія въ Берлинѣ, я изготовилъ небольшую статью подъ заглавіемъ: «случай непосредственнаго сообщенія между полостями сердца», которую недавно отправилъ въ С.-Петербургъ, въ редакцію Военно-Медицинскаго журнала.

Берлинъ, $^{2}/_{14}$ марта 1864 года.

9) Кандидата Николая Михайлова.

Выѣхавъ изъ Праги въ первыхъ числахъ сентября прошедшаго года, отправился я въ Пестъ-Будимъ, гдѣ пробылъ нѣсколько дней.

Оттуда проѣхалъ въ Новый Садъ. Былъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ Фружской горы. Поѣздка заняла весь сентябрь. Цѣлью остановки въ Пестъ-Будимѣ и Новомъ Садѣ было ознакомленіе со словаками и австрійскими сербами, подъученіе словацкаго и сербскаго языковъ и пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ книгъ. Въ монастыряхъ Фружской горы я, кромѣ того, имѣлъ въ виду состояніе искусства у здѣшнихъ православныхъ славянъ. Октябрь, ноябрь и декабрь проведены были мною въ Вѣнѣ. Курсы Эйтельбергера («Исторія живописи со временъ Константина В. до настоящаго времени» и «Ученіе о стилѣ: идеалъ въ изобразительныхъ искусствахъ») и Лютцова («Исторія древнаго искусства») не представляли особеннаго интереса и не были выслушаны мною. Слѣдя за текущею литературою по своей спеціальности, занимался я изученіемъ произведеній искусствъ, хранящихся въ Бельведерѣ и въ значительныхъ частныхъ собраніяхъ, въ галереяхъ Лихтенштейна, Эстергази, Чернока и др. Осматриваніе галерей и музеевъ съ научною цѣлью — работа медленная, недозволяющая тотчасъ окончательныхъ выводовъ, допускающая только замѣтки для собственнаго употребленія и то съ осторожностью. Съ января текущаго года нахожусь въ Баваріи. На короткіе сроки останавливался въ Нюренбергѣ (германскій музей), Аугсбургѣ и Регенсбургѣ. Нынѣ нахожусь въ Мюнхенѣ, занимаясь главнымъ образомъ въ Глиптотекѣ и въ Пинакотекахъ. При семъ слѣдуетъ библіографическая замѣтка.

«*Исторія изобразительныхъ искусствъ въ королевствѣ Баварскомъ отъ зачатковъ ихъ до настоящаго времени — д-ра I. Зиггарта, профессора философіи въ королевскомъ Фрейзингскомъ лицеѣ*». Мюнхенъ. I, 1862, VIII, 288; II, 1863, 289—798.

Заводимъ рѣчь о названной книгѣ не съ тѣмъ, чтобы, на основаніи ея, дать очеркъ историческаго развитія изобразительныхъ искусствъ въ Баваріи, но просто съ тѣмъ, чтобы поговорить о томъ, какъ до сихъ поръ составляются подобныя книги, каковъ предлагаемый въ нихъ матеріалъ, какъ онъ группируется и показывается, и къ какому результату приходитъ прочитавшій такую книгу.

Книга Зиггарта имѣетъ права на вниманіе: авторъ — докторъ и профессоръ философіи, извѣстный уже кое-какими трудами и по исторіи искусствъ; работалъ, какъ знатокъ дѣла, по соизволенію и съ поддержкою короля, которому и посвящена книга; а главное — въ книгѣ почти 800 страницъ; на 800 страницахъ, умѣючи, сказать можно много.

Книга, видимо, составилась, какъ и всякая книга, такимъ образомъ: авторъ почитывалъ сочиненія по исторіи искусствъ. Свѣтила и авторитеты въ этой области извѣстны: это — Шнаазе и Куглеръ, отчасти Фёрстеръ съ исторіей нѣмецкаго искусства, Ваагенъ съ исторіей нѣмецкихъ и нидерландскихъ школъ живописи и другими трудами и пр. Въ этихъ книгахъ авторъ особенно замѣчалъ то, что̀ касалось исторіи искусствъ въ Баваріи. Кромѣ того, историкъ искусства въ Баваріи находится въ сравнительно выгодномъ положеніи; предварительныхъ работъ сдѣлано уже достаточно. Нѣкоторые города, и между ними такъ называемые Kunststädte — Мюнхенъ, Нюрнбергъ, Вюрцбургъ, Регенсбургъ и др., — имѣютъ уже историковъ; замѣчательные храмы, замѣчательныя постройки, съ хранящимися въ нихъ созданіями искусства, также нашли отдѣльныхъ историковъ, описаны, фотографированы, или инымъ образомъ приведены въ извѣстность. Авторъ воспользовался и этимъ. Онъ пересмотрѣлъ хроники, занимался въ архивахъ списками гражданъ и цеховъ. Но всего этого еще недостаточно. Нужно было самому видѣть самыя произведенія искусствъ — и это главное. Съ этою цѣлію авторъ, задумавъ серьёзно писать книгу, предпринялъ поѣздку по Баваріи. Эта работа, кто знаетъ ее, нелегкая. Въ области настоящаго баварскаго королевства собранія съ произведеніями искусствъ не рѣдкость; ихъ можно встрѣтить не только въ Мюнхенѣ, но и во многихъ малыхъ городахъ, въ общественныхъ хранилищахъ и въ частныхъ рукахъ. Но не всѣ эти собранія наполнены исключительно созданіями національнаго искусства; въ нихъ хранится и чужое; даже большей-то части своего и недостаетъ. Недостающимъ нужно пользоваться изъ вторыхъ рукъ, или, гдѣ и это неудобно, совсѣмъ обходить его. Большія постройки, соборы, церкви, стоятъ большею частію на лицо, стоятъ — гдѣ построены, хотя и реставрированныя, обстроенныя, профанированныя. Матеріалъ это такой крупный, что его нельзя не замѣтить: въ счетѣ не собьешься. Другаго рода дѣло — произведенія скульптуры: они мельче, разбросаннѣе, противъ всепожирающаго времени неустойчивѣе, уже подвижны, и въ счетѣ ихъ теряешься. То же, и еще въ бо̀льшей мѣрѣ, нужно сказать и о созданіяхъ живописи. Что̀ оставалось на своихъ мѣстахъ, что̀ не ушло изъ Баваріи, то авторъ могъ осмотрѣть. Видѣлъ онъ все это, разумѣется, мимоходомъ, не въ томъ порядкѣ, какъ бы хотѣлось, какъ лучше, а въ томъ, какъ ему все это представлялось на пути, какъ все это уже сгруппировалось, завися въ группировкѣ

большею частію отъ случая. Какъ распоряжался авторъ обозрѣваемымъ матеріаломъ, что́ онъ замѣчалъ на немъ, какъ группировалъ для того, чтобъ и самому было удобнѣе обозрѣть его и другимъ удобнѣе показать — это видно изъ книги.

Книга раздѣлена на три большіе отдѣла, излагающіе развитіе баварскаго искусства въ трехъ главныхъ фазахъ или эпохахъ. Эпохи эти, какъ извѣстно, — *романизмъ*, кончающійся въ Баваріи съ первой половиной XIII вѣка, *готизмъ*, продолжающійся до 1530 г., и *новое время* съ *новѣйшимъ*, *возрожденія*. Этимъ тремъ отдѣламъ предшествуетъ четвертый — краткое изображеніе древне-христіанскаго искусства, византизмъ, въ эпоху до карловинговъ и карловинговъ. Каждая изъ трехъ главныхъ эпохъ подраздѣлена опять на три части: Въ эпохѣ романизма авторъ отличаетъ «eine Morgenzeit» (960 — 1100), гдѣ зародыши романскаго стиля слабо пробиваются, «die Mittagszeit» (1100 — 1200) — процвѣтаніе романизма, и «die Abendzeit» или переходную эпоху (1200 — 1260) романскаго стиля въ готику. Въ готизмѣ, на томъ же основаніи, что все имѣетъ начало, средину и конецъ, принимаются тоже три эпохи: ранняя готика (1260 — 1300), неразвившаяся вполнѣ; цвѣтущій періодъ готики (1300 — 1400) съ предвѣстниками ея упадка; періодъ упадка готики (1400 — 1530) съ предвѣстниками возрожденія въ области искусствъ подъ вліяніемъ классической древности. Три періода новаго искусства слѣдующіе: эпоха возрожденія въ собственномъ смыслѣ (1530 — 1650), переходъ сначала подъ вліяніемъ французовъ въ рококо-стиль (1650 — 1770), упадшій отъ собственной тяжести, а потомъ въ такъ называемый Zopfstyl (1770 — 1810), стиль академій, эклектизма. Съ 1810 года идетъ эпоха новѣйшаго самостоятельнаго искусства. Въ каждомъ изъ этихъ девяти отдѣловъ сдѣлано по три рубрики — для архитектуры, скульптуры и живописи. Въ каждой изъ этихъ 27-ми рубрикъ подѣлано множество мелкихъ рубрикъ по всѣмъ направленіямъ, гдѣ больше, гдѣ меньше, смотря по тому, гдѣ сколько представлялось возможности къ дѣленію; троить уже нельзя было, даже невозможно было удержать симметрію въ числѣ и порядкѣ рубрикъ. Если рѣчь идетъ объ архитектурѣ, то, конечно, сначала указываются соборы, церкви, капеллы; далѣе, общественныя, частныя постройки, притомъ въ извѣстномъ порядкѣ: въ верхней Баваріи, въ нижней Баваріи, въ Швабіи, въ Пфальцѣ, верхнемъ Пфальцѣ, у франковъ; въ странахъ, переходы отъ города къ городу. Если рѣчь идетъ о скульптурѣ, то, при

переходахъ изъ страны въ страну, изъ города въ городъ, отъ зданія къ зданію, показываются произведенія пластики сначала деревянныя, потомъ каменныя, металлическія, изъ слоновой кости и т. п. При такихъ же переходахъ показываются и произведенія живописи по сортамъ: стѣнная живопись, живопись на деревѣ или на полотнѣ, на стеклѣ, миніатюры, ковры—шитье, тканье, вязанье и пр. Представляется, что у историка былъ ящикъ, а въ немъ множество малыхъ ящиковъ съ надписями, соотвѣтствующими указаннымъ рубрикамъ; въ эти ящики онъ складывалъ билетики съ замѣтками для памяти; по мѣрѣ того какъ вкладывались билетики, само собою писалась уже и книга, съ послѣднимъ вложеннымъ билетикомъ книга была уже кончена; оставалось въ порядкѣ пересмотрѣть билетики, переписать ихъ въ тетради, вставивъ въ разныхъ мѣстахъ приличныя фразы, дополнивъ изъ общаго запаса памяти разныя пробѣлы размышленіями, передачею впечатлѣній и т. д. Такими распорядками авторъ выгадалъ одно: обо *всемъ* видѣнномъ и вычитанномъ онъ могъ упомянуть въ своей книгѣ. Видѣлъ онъ многое. Это причина полноты книги.

Отдѣлу архитектуры сравнительно дано болѣе мѣста, потому что и созданія ея крупны, неподвижны, и предварительныхъ работъ сдѣлано больше. Кромѣ того, архитектура, по многимъ причинамъ, любимица нѣмецкихъ ученыхъ; она уже дала имъ готику — источникъ похвалъ, гордости, толстыхъ книгъ; отъ нея они надѣются на многое и въ будущемъ; теперь стараются выдумать новый стиль (съ параболами и гиперболами), который бы могъ соотвѣтствовать духу новаго времени и стать достойно рядомъ съ готикой. Такъ Зиггарту представлялась возможность говорить долго о созданіяхъ архитектуры. Но не особенно много сказалъ онъ и о нихъ. Распространяясь собственно о замѣчательныхъ постройкахъ, авторъ приводитъ годъ основанія ихъ, рядъ архитекторовъ, иногда и рабочихъ, трудившихся надъ постройкой, время отстройки разныхъ частей, годъ освященія и т. п. Иногда пытается описать зданіе, пересчитываетъ составныя части его, указывая на принадлежность ихъ къ тому или другому стилю. Но описать зданіе невозможно; нужно говорить слишкомъ много для того, чтобъ воображеніе читателя (въ особенности не архитектора), на основаніи сказаннаго, воспроизвело описываемую постройку. И Лютцову въ «Meisterwerke der Kirchenbaukunst» не удалось это. Такое описаніе всего легче замѣняется хорошимъ и отчетливымъ рисункомъ. Въ книгѣ Зиггарта

отдѣлъ объ архитектурѣ богаче и рисунками; но опять таки странность: частности—карнизы, консоли, капители, цокели, колонны и въ особенности окна на рисункахъ встрѣчаются чаще, нежели цѣльный внутренній или внѣшній видъ зданія. Объяснить это можно однимъ: рисунокъ окна дать легче, нежели цѣльный видъ зданія, и цифру рисунковъ, выставляемую на оберткѣ, легче перевести за сотню. Но и такимъ образомъ въ книгѣ представлены немногія церкви и постройки; о большей части сказано, что построены тогда-то, тамъ-то, въ такомъ стилѣ. Значенія храмовъ, хотя бы для религіи, не видать; значенія зáмковъ и другихъ построекъ для жизни, для народа тоже не видать; за мистическимъ и символическимъ толкованіемъ стилей не видать народа съ его жизнію. Два-три раза историкъ проговорился объ участіи народа въ постройкахъ, объ участіи денежномъ, вызванномъ духовною властью обѣщаніемъ отпущенія грѣховъ, разрѣшеніемъ масла въ постные дни. Только такія замѣтки и даютъ возможность переноситься въ народъ.

О скульптурѣ и живописи историкъ говоритъ меньше, чѣмъ объ архитектурѣ. Болѣе вниманія посвящено цвѣтущему періоду готики. Новое искусство, ко всеобщему соболѣзнованію, у историковъ въ забросѣ. Рисунковъ къ произведеніямъ живописи и скульптуры приложено меньше, нежели къ тексту въ отдѣлахъ объ архитектурѣ; новый періодъ почти обойденъ ими. Непонятно, почему напр. окна церкви, рядъ колоннъ съ ихъ продольными и поперечными разрѣзами интереснѣе какого нибудь произведенія пластики или живописи; почему тѣ необходимо показать въ рисункѣ, а эти нѣтъ. Непонятно, почему какой нибудь епископскій посохъ, кадильница являются въ рисункахъ, а цѣлый рядъ интересныхъ пластическихъ и живописныхъ изображеній обойденъ ими; непонятно, почему новыя и новѣйшія произведенія не стоятъ копіи въ книгѣ; всеобщей извѣстности ихъ предполагать нельзя. Приложеніе рисунковъ чисто произвольное; а историку должно быть извѣстно, какъ важна эта статья въ книгахъ подобнаго рода.

Проведя скульптуру и живопись, параллельно архитектурѣ, по періодамъ романизма, готизма и ренессансизма и по всѣмъ ихъ подраздѣленіямъ, авторъ указывалъ только на внѣшнюю сторону произведеній; разница только та, что въ архитектурѣ эти три стиля рѣзко отличаются одинъ отъ другаго, а въ пластикѣ и живописи такихъ рѣзкихъ отличій, параллельно архитектурѣ, указать нельзя, особенно въ существенныхъ частяхъ; задачи и средства этихъ

искусствъ немножко различны. Авторъ провелъ параллель не вполнѣ, даже и съ его точки зрѣнія; пластика и живопись помѣщены съ архитектурою въ строго параллельныя рубрики больше по соотвѣтствію времени, чѣмъ по соотвѣтствію внѣшнихъ признаковъ. Внутреннее же соотвѣтствіе изъ книги тутъ усмотрѣть весьма трудно.

Разсортировавъ произведенія пластики и живописи на каменныя, деревянныя, металлическія, изображенныя на стѣнѣ, въ книгѣ, на полотнѣ и т. п., Зиггартъ опять получилъ возможность упомянуть легко и мимоходомъ обо всемъ, что́ видѣлъ и вычиталъ. При такой сортировкѣ онъ могъ бы дать историческій очеркъ техники въ разныхъ родахъ художественной дѣятельности; техническія затрудненія вездѣ свои и устранялись различно; но авторъ не далъ исторіи техники, потому что и не имѣлъ ее въ виду. А то, что́ онъ имѣлъ въ виду, ему не удалось; матеріалъ разрозненъ неестественно; показанный въ этомъ видѣ, онъ не даетъ возможности прочитать того, что́ за нимъ скрывается. Читатель переводится отъ изображенія къ изображенію. Ему говорятъ, что такая-то́ картина или статуя изображаетъ то-то, находится тамъ, художникъ вотъ кто, явилось произведеніе въ томъ-то году; рисунокъ правильный, краски наложены отлично, работа тщательная, руки удались, складки на платьѣ (это особенно важно) еще неестественны и пр. При символическихъ и аллегорическихъ картинахъ, конечно, идутъ гаданія и предположенія. Но и такія подробности встрѣчаются не вездѣ. Большая часть изображеній съ какимъ нибудь прилагательнымъ «замѣчательное произведеніе, отличная картина» и т. п., а всего чаще голикомъ приведены съ одною надписью или подписью, съ указаніемъ мѣста ихъ нахожденія и именъ художниковъ. Предпочтеніе послѣдняго способа историческаго изложенія можно разительно доказать цифрами. Читатель-профанъ, диллетантъ или знатокъ — немного выиграетъ изъ чтенія такой книги.

Между тѣмъ задача историка не такъ трудна.

Изображенія пластики или живописи, какъ извѣстно, представляютъ избранную тему въ *одинъ моментъ*. Задача художника, умѣючи, выбрать этотъ моментъ и передать его; задача изслѣдователя объяснить избранный и изображенный моментъ вполнѣ, объяснить, какъ онъ вытекъ изъ предшествовавшихъ моментовъ, какіе моменты влечетъ за собою. Имѣть дѣло съ рядомъ изображеній, значитъ имѣть дѣло съ рядомъ отмѣченныхъ ими моментовъ. Историкъ дол-

женъ показать, откуда взяты эти моменты—изъ области фантазіи, идеала, или они принадлежатъ цѣликомъ дѣйствительности, протекшей или текущей жизни. Такое изложеніе имѣло бы болѣе интереса. Мы видѣли бы искусство — выразителя народной жизни идеальной и дѣйствительной со всѣми ея сторонами, во всѣхъ явленіяхъ; видѣли бы искусство въ его значеніи для народа; видѣли бы цивилизующій элементъ художественной дѣятельности въ народѣ. Всего этого въ книгѣ нѣтъ; отношенія искусства къ народу, народа къ искусству не видать. А вѣдь искусство существуетъ не для того только, чтобъ украшать стѣны, веселить взоры и вызывать разныя восклицанія. Зиггартъ почти нигдѣ не объясняетъ момента, передаваемаго пластическимъ или живописнымъ изображеніемъ. Голыя подписи «мадонна, поклоненіе пастырей, портретъ» и т. п. не передаютъ изображаемаго момента; даже попытки фразою мимоходомъ «описать» изображенія не намекаютъ на изображаемый моментъ; а этотъ моментъ, содержаніе изображенія, долженъ быть опредѣленъ точно—въ немъ вся сила, для него существуетъ изображеніе. Въ книгѣ, напр., встрѣчаешься очень часто съ какою нибудь темою изображеній; хочешь знать, отъ чего оно такъ часто встрѣчается; данныхъ для этого въ книгѣ нѣтъ. Рѣшаешь на обумъ — это, знать, любимая тема; но отъ чего и у кого — у художниковъ или у публики? Одна и та же тема прошла чрезъ всѣ вѣка; хочешь знать, какъ изображалась она, въ какихъ моментахъ представлялась, какъ видоизмѣнялась, въ чемъ видоизмѣнялась— въ существенномъ или въ частностяхъ, и отъ чего; желаніе, кажется, приличное, но данныхъ для отвѣта въ книгѣ нѣтъ; скорѣе и больше данныхъ найдемъ для отвѣта на вопросъ — когда начались и кончились фигуры съ вытянутымъ или приплюснутымъ ростомъ, когда кончились неестественныя, неопредѣляющія матеріи, складки на платьяхъ изображаемыхъ фигуръ.

Авторъ написалъ исторію искусства *въ Баваріи.* Гдѣ побудительная причина этому? Соизволеніе и поощреніе короля, патріотизмъ, соперничество съ Саксоніею, Австріею и Пруссіею? Или искусство именно въ области нынѣшней Баваріи съ древнѣйшей поры и до настоящаго времени развивалось такъ замкнуто и самобытно, что можетъ и должно быть разсмотрѣно отдѣльно? Послѣднее не доказано книгою. Авторъ отрѣзалъ исторію искусства въ Баваріи отъ исторіи его не только у чужихъ, но даже и у соплеменныхъ народовъ; отъ послѣдней всего болѣе. Тамъ еще онъ

намекаетъ: такъ-то прошелъ и господствовалъ у насъ византизмъ, такъ пришло возрожденіе изъ Италіи, такъ явилось зло-рококо отъ французовъ; но что̀ въ баварскомъ искусствѣ одинаковаго съ нѣмецкимъ искусствомъ вообще, что̀ и почему принадлежитъ *только* Баваріи, этого не видно; а это именно и хочешь найти въ такой спеціальной книгѣ. Два-три раза авторъ проговорился, что вотъ тутъ-то и видѣнъ баварецъ, тутъ и видѣнъ швабъ, но проговорился голословно по поводу двухъ-трехъ произведеній. Ограничивъ такимъ образомъ область изслѣдованія, историкъ могъ бы поглубже вникнуть въ свой предметъ и показать *баварское.*

Замѣчательно появленіе книги и въ томъ отношеніи, что она пока существуетъ одиноко: исторіи саксонскаго, прусскаго, австрійскаго искусства еще не существуетъ въ такихъ размѣрахъ; нѣтъ также исторіи литературы или музыки не только саксонской, прусской или австрійской, но и баварской. Такое одиночное явленіе какъ-то странно потому, быть можетъ, что непривычно. Пойдетъ дѣло къ спору, если примѣръ подѣйствуетъ на сосѣдей.

Что̀ же есть въ книгѣ Зиггарта? Есть въ книгѣ роспись именамъ художниковъ. Авторъ даже похвалился въ одномъ мѣстѣ, что ему посчастливилось открыть массу неизвѣстныхъ еще именъ. Считая это очень важнымъ открытіемъ, онъ постарался вмѣстить въ книгу именъ какъ можно болѣе. Въ древнихъ эпохахъ онъ жалуется, что именъ художниковъ дошло очень мало, назвать некого, личность художника не получила значенія; въ другихъ случаяхъ онъ замѣчаетъ, что именъ художниковъ дошло такъ много, что нѣтъ возможности переписать ихъ всѣ. Приступая къ изложенію художественной дѣятельности эпохи, страны или города, историкъ напередъ десятками и массами приводитъ голыя имена, прибавляя, что онъ знаетъ и другія, но не приводитъ ихъ; о произведеніяхъ этихъ художниковъ рѣчь идетъ послѣ особо. Въ росписи именъ въ концѣ книги, опустивъ имена художниковъ, произведенія которыхъ или неизвѣстны или не дошли до насъ, историкъ все таки насчитываетъ болѣе 460 именъ, занесенныхъ въ книгу. О всякомъ что̀ нибудь сказано; читателю нужно помнить и различать это. Ну, быть можетъ, нѣкоторыя и голыя имена дадутъ будущему историку въ руки нить къ далнѣйшему изслѣдованію. Далѣе, есть въ книгѣ каталогъ, далеко неполный, произведеніямъ искусствъ съ обозначеніемъ мѣстъ ихъ нахожденія и съ замѣтками, о которыхъ мы уже говорили; есть біографическія замѣтки, всякія — о Вольгемутѣ, Фи-

шерѣ, Дюрерѣ, о Крафтѣ ихъ, конечно, больше; все это можно бы возвратить туда, откуда взято—въ біографіи и спеціальные словари; тамъ это полнѣе и лучше. Разсказано также въ книгѣ и нѣсколько анекдотовъ. Сгруппирована въ сноскахъ необширная библіографія. Можно кое-гдѣ встрѣтить интересный новый матеріалъ для науки объ искусствѣ. Единственное нововведеніе, которое сдѣлалъ авторъ, это болѣе частыя, нежели у другихъ историковъ, указанія на плату архитекторамъ и рабочимъ при постройкахъ, указаніе на плату живописцамъ и скульпторамъ, вообще, на цѣнность произведеній. Хотя эти отрывочныя указанія не даютъ возможности сдѣлать особенные выводы даже и для Баваріи, но все таки переносятъ въ былое время, выражая, хотя въ деньгахъ, отношеніе публики къ искусству. Встрѣчаемъ въ книгѣ также и общіе, прямые или косвенные, выводы, напр., такіе, что во времена политическаго спокойствія и благоденствія искусства въ народѣ процвѣтаютъ; во времена политическихъ невзгодъ художественная дѣятельность пріостановливается; во время войнъ созданія искусствъ гибнутъ. Мѣстами книга очень похожа на вегвейзеръ.

Разработка исторіи искусствъ въ Германіи, гдѣ она образцова, движется пока по старой колеѣ, проложенной Куглеромъ. Тутъ Шнаазе, по его громадности, останется надолго виднымъ и безъ подражателей. Въ послѣднее время работъ сдѣлано немного, но онѣ замѣтны; онѣ результатъ продолжительныхъ занятій, но изъ нихъ непосредственные результаты еще неизвлекомы. Лотцъ, напр., въ своей «Статистикѣ нѣмецкаго искусства въ средніе вѣка и въ XVI столѣтіи» далъ перечень всего, за чѣмъ призналъ названіе произведенія искусства, не въ отдѣльной мѣстности, но во всей Германіи въ алфавитномъ порядкѣ городовъ и мѣстечекъ. При каждомъ произведеніи указана и литература о немъ—цѣлыя сочиненія и отдѣльныя мѣста въ сочиненіяхъ. Двѣ толстыя книги назначаются быть настольными для художниковъ, любителей искусствъ и ученыхъ. Трудъ доктора, конечно, не безполезенъ, но не идетъ дальше каталога и библіографіи. Образчикомъ обслѣдованія матеріала представили мы книгу Зиггарта. Рядомъ съ ней можно поставить «Исторію Пластики» Любке. Книга писана по пріемамъ Куглера. Въ своемъ руководствѣ къ исторіи изобразительныхъ искусствъ Любке сократилъ такое же руководство Куглера, а въ «Исторіи пластики» распространилъ одинъ изъ отдѣловъ его. Трудъ вышелъ какъ-бы самостоятельный. Въ сравненіи съ Зиг-

гартомъ Любке ограничилъ свою задачу однимъ родомъ искусства, но распространилъ ее на время и мѣсто; задача вышла все таки обширнѣе, а потому книга вышла отрывочнѣе и поверхностнѣе. Беккеръ въ своихъ книгахъ «Искусство и художники 16, 17 и 18 вѣковъ» далъ рядъ біографическихъ очерковъ и характеристикъ. Эти книги, какъ и предшествовавшія имъ «Charakterbilder aus der Kunstgeschichte», пригодны для чтенія такъ называемой образованной публики и для учащагося юношества. По прочтеніи ихъ задуматься не надъ чѣмъ. Гораздо ниже книгъ Беккера и даже очень низко стоитъ странная компиляція Бруннера «Kunstgenossen der Klosterzelle» — тоже характеристика и голыя скудныя біографическія замѣтки. Въ pendant къ замѣчательному спеціальному труду Старка «Ніоба и Ніобиды», о которомъ мы уже упоминали, явилось сочиненіе «Лаокоонъ» Ратгебера, автора извѣстнаго уже многими трудами. Этимъ двумъ группамъ, Ніобѣ съ дѣтьми и Лаокоону съ сыновьями, посчастливилось, хотя не одинаково, привлечь вниманіе изслѣдователей. Многіе живые и интересные вопросы, не изъ древности, не находятъ изслѣдователей. Въ «Лаокоонѣ» Ратгебера кое что очень интереснаго и для Лаокоона, т. е. для исторіи миѳа о Лаокоонѣ, для изображенія этого миѳа въ искусствѣ; многое, конечно, результатъ догадокъ и предположеній, плодъ фантазіи. Но за то замѣчательна и образцова книга въ другихъ отношеніяхъ. Она невольно переноситъ читателя въ ученый міръ, отражаетъ въ себѣ оригинала-автора съ его отношеніями къ собратіямъ; она образчикъ многихъ крайностей. Съ этой стороны, книга — находка. Явилась она во всеоружіи и со всѣми аттрибутами учености: безчисленное множество цитатъ на греческомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, италіанскомъ и англійскомъ языкахъ; есть образчики цитатъ на еврейскомъ и (кажется) арабскомъ языкахъ. Большая часть ихъ, вѣроятно, переписана изъ другихъ книгъ. Чаще всего авторъ ссылается на собственные ученые труды. Постоянно встрѣчаешь: это я высказываю первый, это мною первымъ было замѣчено и высказано еще тогда-то, этого небось, мои предшественники не замѣтили, столько столѣтій господствовали объ этомъ ложныя мнѣнія, теперь я первый подаю нить къ настоящему изслѣдованію, до сихъ поръ смотрѣли на это ложно, лишь только въ 19-мъ столѣтіи и въ 1862 году, по моей милости, уясняется взглядъ на это и т. п. Нѣтъ недостатка въ выходкахъ противъ ученой братіи. Обо всѣмъ авторъ заводитъ рѣчь очень издалека; обо многомъ

говоритъ пространно, неизвѣстно для чего. Въ книгѣ встрѣчаются разныя разности, не касающіяся Лаокоона. Третью долю книги о Лаокоонѣ занимаетъ такъ названная «Chlangenbuch» между тѣмъ какъ все то, что̀ можетъ быть допущено въ книгу, помѣщается на трехъ страницахъ; авторъ вообще любитъ заговариваться до невѣроятности о змѣяхъ. Способъ изложенія съ крупнымъ и мелкимъ текстомъ, мозаичный, постоянно тезисообразный, также оригиналенъ; авторъ почему-то назвалъ его «treppenförmig» и рекомендуетъ его какъ единственно-приложимый. И оцѣнилъ авторъ свою книгу (200 стр., безъ рисунковъ) въ 4 талера. Мы распространились о книгѣ, потому что она дѣйствительно интереснѣе съ этой стороны, какъ содержащая въ себѣ, конечно, въ послѣднихъ крайностяхъ, всѣ грѣшки нѣмецкой науки или лучше ученыхъ нѣмецкихъ. Если мы къ названнымъ книгамъ присоединимъ еще *«Монограммистовъ»* (3-я часть) Наглера, *«Живописца-гравера»* (4 т.) Пассавана, то можно будетъ сказать, что тутъ все, что̀ вышло въ обозрѣваемой нами области замѣчательнаго, обобщающаго и спеціализирующаго, въ нѣмецкой ученой литературѣ за прошлый годъ. Затѣмъ, вышли три біографіи художниковъ; между ними обширнѣйшая Ричеля, писанная Оперманомъ, потомъ I. А. Клейна, мюнхенскаго живописца и гравера, и I. М. Фольтца изъ Нördлингена, иллюстратора многихъ книгъ и періодическихъ изданій въ теченіи полувѣка. Существенную часть двухъ послѣднихъ книгъ составляютъ, доведенные до возможной полноты, каталоги композицій, гравюръ и иллюстрацій Клейна и Фольтца. Просмотрѣвъ эти интересные каталоги, естественно желаешь просмотрѣть и сборникъ перечисленнаго въ каталогѣ; но для публики ихъ не существуетъ ни въ отдѣльномъ изданіи, ни въ общественныхъ хранилищахъ. Что такія изданія нужны, что они могутъ и должны быть сдѣланы, это доказывается уже сдѣланными изданіями подобнаго рода, возбудившими живой интересъ; къ примѣру—изданіе композицій и иллюстрацій Рихтера. Затѣмъ, были описаны соборы и церкви—въ Магдебургѣ, Шпейерѣ, Эсслингенѣ и Іенѣ; собрано и обнародовано нѣсколько научнаго матеріала въ формѣ Beiträge и Nachträge, въ отдѣльныхъ книгахъ, брошюрахъ, альбомахъ, газетахъ и пр; было сказано и напечатано нѣсколько чтеній и рѣчей, касающихся вопроса объ искусствѣ съ той или другой стороны; наконецъ, нужно упомянуть текстъ къ атласамъ для исторіи искусствъ и къ нѣкоторымъ, отдѣльно или въ коллекціяхъ изданнымъ, произведеніямъ.

Между тѣмъ какъ исторія искусствъ движется медлено, однообразно, какъ бы выполняя единственную задачу—приведенія матеріала въ извѣстность, освѣщая его нѣсколько группировкою произведеній въ хронологическомъ или иныхъ порядкахъ,—теорія искусствъ, эстетика, становится разнообразнѣе, подвижнѣе. Здѣсь больше попытокъ, больше стремленій, самостоятельности. Отъ праздничныхъ рѣчей, обдуманныхъ и составленныхъ наканунѣ праздника, отъ разныхъ одинакихъ чтеній, какъ «das Schöne ist schwer» Форхгаммера, отъ монографій въ родѣ «die Lehre vom Schönen bei Plotin» въ системѣ—Бреннинга, отъ компиляцій въ родѣ «die Idee des Schönen» въ ея развитіи у древнихъ и до нашего времени—Куна, многаго надѣяться нельзя. Въ книжечкѣ Киттлица «Психологическія основы для новой философіи искусства» уже видна самостоятельность, цѣльность взгляда, попытка новая. Чтобъ показать разнообразіе въ этой области, достаточно упомянуть три эстетики, еще некончившіяся въ печати: извѣстный трудъ Семпера «Стиль въ техническихъ и тектоническихъ искусствахъ», «Эстетику» (1-я половина) Köстлина и Vorschule der Esthetik (3 выпуска изъ 10-ти) Эккардта. Эти три эстетики привлекаютъ къ себѣ вниманіе уже оригинальностью: вездѣ свой матеріалъ, свой исходный пунктъ, свой методъ изложенія, свои результаты. Послѣдняго слова въ наукѣ, конечно, не скажешь. Историки искусства переписываютъ другъ друга; въ исторіи искусствъ на такое разнообразіе указать нельзя. И настоящей исторіи искусствъ ожидаешь отъ эстетика, а не отъ историка—исключительно. Такъ, эстетикъ М. Каррегеръ своимъ послѣднимъ сочиненіемъ возбудилъ большія надежды и ожиданія; такъ и отъ книги эстетика Эккардта «Weltgeschichte der Kunst», изъ которой публикѣ данъ еще одинъ отрывокъ для праздничной рѣчи, ждешь не только бóльшаго, чѣмъ, напр., отъ продолженія «Исторіи живописи» Ваагена, или отъ будущей, стоящей на очереди, исторіи живописи Любке, но вообще ждешь выхода изъ старой колеи, по которой вяло и медленно движется исторія искусствъ. Но трудъ Каррегера и «Weltgeschichte der Kunst» Эккардта еще въ далекомъ будущемъ.

Мюнхенъ, 26-го февраля 1864 года.

10) Кандидата П. Степанова.

Придерживаясь строго своего намѣренія представлять въ отчетахъ департаменту исключительно программу моихъ занятій, ре-

зультатъ которыхъ можетъ выразиться только впослѣдствіи, я думаю и теперь сказать въ немногихъ словахъ о направленіи моихъ работъ въ послѣднее время.

Зимній семестръ я снова провелъ въ Гиссенѣ; имѣя здѣсь возможность свободно располагать для своихъ занятій всѣми средствами сравнительно-анатомическаго и зоологическаго кабинетовъ и пользуясь при этомъ постоянно помощью профессора Лейкарта, мнѣ нечего и думать было о перемѣнѣ мѣста. Кабинеты же, какъ сравнительно-анатомическій, такъ и зоологическій, хотя и не принадлежатъ къ числу самыхъ богатыхъ, но отличаются чрезвычайно удачнымъ выборомъ болѣе характерныхъ животныхъ формъ и анатомическихъ препаратовъ; такимъ образомъ, занимаясь прошлою зимой систематикою и анатоміею рыбъ, я имѣлъ подъ рукой главныхъ представителей всѣхъ семействъ этого обширнаго класса. Но самыя замѣчательныя собранія принадлежатъ группамъ животнаго царства, которыя профессоръ самъ разработывалъ; такъ, изъ червей находятся здѣсь всѣ почти болѣе или менѣе характерныя формы. Полное собраніе губокъ, подаренное зоологическому кабинету проф. Шмидтомъ, дало мнѣ также возможность вполнѣ ознакомиться съ животными этого класса.

Большая часть времени однако въ прошломъ семестрѣ была посвящена на занятія по микроскопической анатоміи; я старался познакомиться съ главными пріемами гистологическихъ изслѣдованій при помощи профессора Лейкарта и прекраснаго руководства, изданнаго недавно Frey'емъ. Собраніе микроскопическихъ препаратовъ, принадлежащее профессору, служило мнѣ при этомъ съ большою пользою.

Кромѣ практическихъ занятій въ лабораторіи, я посѣщалъ также часть лекцій сравнительной анатоміи и систематической зоологіи профессора Лейкарта.

Лекціи систематики Лейкарта не имѣютъ собственно никакого научнаго значенія; цѣль ихъ — познакомить слушателей наглядно съ главными представителями животныхъ формъ, смыслъ организаціи которыхъ онъ подробно разбираетъ въ своемъ курсѣ сравнительной анатоміи. Особенное вниманіе профессоръ обращаетъ на типическое строеніе главныхъ отдѣловъ животнаго царства и потомъ знакомитъ бѣгло съ ихъ болѣе характерными членами. Такое изложеніе систематики находитъ свое полное оправданіе въ

томъ, что курсъ этотъ назначенъ въ Гиссенѣ почти исключительно для студентовъ медицинскаго факультета.

Лекціи сравнительной анатоміи профессора Лейкарта заслуживаютъ полнаго вниманія какъ по особенной способности преподавателя удачно группировать означаемые имъ факты, такъ и по богатству мыслей, которыя онъ проводитъ въ своемъ курсѣ. Я удерживаюсь отъ критическаго разбора этихъ лекцій, а указывать здѣсь въ общихъ словахъ на ихъ достоинства — не считаю нужнымъ.

Время между зимнимъ и лѣтнимъ семестрами я думаю провести въ Парижѣ и Лондонѣ. Въ Парижѣ мнѣ желалось бы, на сколько позволитъ время, прослѣдить методы преподаванія нѣкоторыхъ профессоровъ и продолжать мои занятія въ Кламарѣ; въ Лондонъ же влечетъ меня исключительно желаніе ознакомиться на мѣстѣ съ самымъ богатымъ изъ зоологическихъ садовъ.

Парижъ, 14-го марта 1864 года.

11) Кандидата В. Лебедева.

На дняхъ кончились лекціи въ Гейдельбергскомъ университетѣ. Составляя себѣ общую идею о прослушанныхъ курсахъ, трудно остаться совершенно довольнымъ. Виной тому чрезвычайная ихъ элементарность. Мы приходимъ въ нѣмецкій университетъ въ ожиданіи услышать самые полные разработанные курсы и вмѣсто того находимъ зачастую чуть чуть только не конспектъ науки. Конечно, есть блестящія исключенія, но по моему предмету я еще не былъ такъ счастливъ, чтобъ попасть на такое исключеніе. Спеціальные курсы читаются по большей части доцентами обязательно и публично, слѣдовательно даромъ и конечно не всегда усердно. Таковъ былъ въ этомъ семестрѣ курсъ доцента Ласпейреса о банкахъ и монетѣ, т. е. почти ничего не было прочтено. А этотъ доцентъ — человѣкъ очень трудолюбивый, и другой курсъ — хозяйственной политики, который онъ читалъ privatim, былъ очень удовлетворителенъ.

Конечно, главная причина краткости курсовъ — это чтеніе всего предмета въ одинъ семестръ, которое въ свою очередь условливается, независимо отъ обычая, еще и чрезвычайнымъ размноженіемъ въ послѣднее время читаемыхъ предметовъ. Недавно мнѣ случилось прочесть брошюру профессора философіи въ Килѣ Thaulow'a, который жалуется на сильное уменьшеніе числа слушателей

философскихъ предметовъ противъ прежняго времени. Причину этого онъ полагаетъ именно въ размноженіи предметовъ преподаванія; все время у студента уходитъ на его спеціальные Fachcollegia; на слушаніе постороннихъ предметовъ недостаетъ времени, особенно у юристовъ, у которыхъ до 24 часовъ въ недѣлю поглощаютъ пандекты. Какъ увеличилось число читаемыхъ предметовъ въ послѣднее время, можно видѣть изъ того, что въ Кильскомъ университетѣ, напримѣръ, въ 1831 году на лѣтній семестръ было объявлено 86 курсовъ, при числѣ студентовъ 311; на лѣто 1861 г. объявлено 118 курсовъ, при числѣ студенттовъ—178. Классическаго triennium стало уже недостаточно; большею частью слушаютъ 4 и 5 лѣтъ. Разумѣется, немыслимое дѣло — сократить число преподаваемыхъ предметовъ, ради возстановленія равновѣсія между временемъ студента и его colleg'ами. Науки должны развиваться и по мѣрѣ развитія выдѣлять новые, спеціальные отдѣлы, выработывающіеся въ свою очередь въ самостоятельную науку. Нѣмецкій же университетъ есть первый и самый удобный посредникъ между представителями науки и обществомъ. Конечно, въ многихъ случаяхъ книга дастъ пожалуй больше, чѣмъ лекція; но книга во первыхъ не всякому доступна по цѣнѣ; потомъ, чтеніе книги — занятіе болѣе трудное, чѣмъ слушаніе устнаго изложенія предмета; она не такъ скоро усвояется, какъ лекція. «Книга», говоритъ авторъ брошюры, «не можетъ быть академической лекціей: этимъ университетъ далъ бы себѣ смертный приговоръ. Назначеніе лекцій не только изложеніе науки въ самомъ современномъ ея видѣ, но и возбужденіе въ слушателѣ ближайшаго интереса къ ней, охоты къ самостоятельному углубленію въ науку». Но для этой послѣдней цѣли лекціи очевидно не должны ограничиваться сухимъ, элементарнымъ изложеніемъ предмета; онѣ должны быть на столько подробны, чтобъ вниманіе слушателя не утомлялось сухой систематикой, безъ плоти и крови, равно какъ и не отвлекалось бы слишкомъ въ сторону отъ главнаго предмета лекціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по моему мнѣнію, лекція должна наводить слушателя не только на отвлеченные вопросы науки; напротивъ, она должна ставить его лицомъ къ лицу съ текущими вопросами, показывать ему, какъ разрѣшить ихъ на основаніи научныхъ данныхъ и т. д. Конечно, всего этого можно требовать и отъ книги; но книга больше, чѣмъ лекція требуетъ стройности въ изложеніи, а отступленіями можетъ совсѣмъ затемнить сущность дѣла; въ бесѣдѣ переходъ отъ одного

предмета къ другому, сглаживаніе этихъ скачковъ гораздо легче, чѣмъ на письмѣ. Но sunt certi fines, quos ultra citraque nequit consistere rectum: задача профессора удержаться въ этихъ предѣлахъ.

Обращаюсь еще разъ къ названной брошюрѣ. Чтобъ возстановить сказанное равновѣсіе, авторъ находитъ необходимымъ класть въ основаніе лекцій очеркъ (Grundriss) науки, по тѣмъ предметамъ, гдѣ это возможно; лекціи такимъ образомъ служили бы только для поясненій непонятнаго или, лучше сказать, для наполненія той рамки, которую дастъ такой Grundriss. Мысль — сходная съ недавно выраженною г. Пироговымъ. Но главная выгода, которой ожидаетъ отъ этой мѣры авторъ брошюры, — у него не спеціальные курсы, а возможность сократить число часовъ преподаванія, дать студенту время на слушаніе предметовъ общаго образованія. Въ юридическомъ факультетѣ существуютъ такъ называемые Grundriss'ы; но это не болѣе, какъ краткая программа науки. Grundriss въ смыслѣ сжатаго изложенія науки въ ея главныхъ догмахъ представляетъ, напримѣръ, вышедшій въ прошедшемъ году Grundriss der Volkswirtschaftslehre — Manholdt'a. По моему мнѣнію такой очеркъ науки будетъ болѣе полезенъ самому профессору, чѣмъ студенту. Послѣднему я лучше порекомендую хорошее полное руководство, если таковое существуетъ. Нельзя отвергать, что сильно завлекаетъ въ наукѣ наглядность ея практическаго примѣненія, а Grundriss этого дать не можетъ. Профессору же такой очеркъ можетъ быть полезенъ въ томъ отношеніи, что, ставя передъ его глазами всю науку въ цѣломъ, облегчить ему трудъ дать болѣе стройные размѣры своимъ чтеніямъ.

Скажу еще нѣсколько словъ о прослушанныхъ мною курсахъ. Лекціи Дицеля дали мнѣ именно Grundriss, — хорошую систему науки. Конечно, система эта не новоизобрѣтенная, но, по моему мнѣнію, она соединяетъ въ себѣ все лучшее изъ другихъ. Послѣ общаго введенія и историческаго очерка развитія финансовой науки, профессоръ перешелъ къ разсмотрѣнію сущности государственнаго быта и вывелъ изъ него необходимость существованія финансоваго хозяйства. Затѣмъ перешелъ къ самому изложенію послѣдняго и началъ общимъ обзоромъ государственныхъ потребностей. Сюда же вошла статья о бюджетѣ и счетоводствѣ. Далѣе слѣдовала статья о финансовомъ бытѣ (Finanzwesen) — который былъ опредѣленъ, какъ совокупность учрежденій и правилъ, посредствомъ которыхъ государство получаетъ нужныя ему средства, и подраздѣленъ на 1)

организмъ финансоваго вѣдомства и 2) предметы государственныхъ доходовъ. Сюда примкнулъ историческій очеркъ финансоваго быта и обзоръ литературы науки. Затѣмъ приступлено къ подробностямъ; изложены сперва разные виды государственныхъ расходовъ, потомъ — доходовъ съ обычными подраздѣленіями. Наконецъ, послѣдній отдѣлъ курса составило разсмотрѣніе способовъ удовлетворенія чрезвычайныхъ потребностей государства и довольно подробное изложеніе ученія о государственномъ кредитѣ, съ самостоятельной точки зрѣнія профессора. Не берусь дѣлать подробный разборъ курса; ограничусь только замѣчаніемъ, что при видимомъ стараніи втиснуть свое изложеніе въ семестральные предѣлы, профессоръ рѣдко вдавался въ отступленія; однако часто можно было услышать самостоятельную мысль. За то съ другой стороны я иногда былъ пораженъ пропускомъ очень не пустыхъ вещей, которыя профессоръ можетъ быть предполагалъ, но не имѣлъ права предполагать, извѣстными своимъ слушателямъ. Фактическая сторона была очень не богата.

Позволяю себѣ упомянуть еще о лекціяхъ хозяйственной политики (или Praktische Nationalöconomie — какъ онъ ее назвалъ) Ласпейреса. Этотъ не гнался за изложеніемъ всего, что́ входило въ его курсъ (предметъ этотъ, кажется, не обязателенъ для студентовъ); но за то тѣ отдѣлы, которые были имъ прочитаны, обработаны очень удовлетворительно и подробно, какъ напримѣръ статья о лѣсномъ хозяйствѣ, о патентахъ, о литературной собственности. Трактуя о послѣдней онъ между прочимъ высказалъ оригинальную мысль, что желательно бы было уничтоженіе права литературной собственности. Слышать это отъ молодаго доцента, котораго, можно сказать, существованіе такъ тѣсно связано съ правомъ литературной собственности — было довольно странно. Въ пользу своего мнѣнія онъ приводитъ то, что съ уничтоженіемъ гонорарія книги станутъ дешевле; что опасаться прекращенія охоты писать нечего; писать все таки будутъ по внутреннему побужденію, и право умственной собственности въ высшемъ его значеніи будетъ существовать, какъ неотъемлемое; но вмѣстѣ съ тѣмъ свобода перепечатки уничтожитъ всю массу дрянныхъ книгъ, издаваемыхъ единственно для спекуляціи. Возраженіе, будто расходы перваго издателя не будутъ окупаться, онъ опровергаетъ тѣмъ, что этотъ издатель всегда успѣетъ, до выхода перепечатки, продать нѣсколько сотъ экземпляровъ, чѣмъ и вознаградятся его из-

держки. Это подтверждаетъ онъ примѣромъ голландскихъ книгопродавцевъ, которые довольствуются сбытомъ 300—400 экземпляровъ, и, не смотря на то, въ Голландіи издается множество ученыхъ работъ. Наконецъ, за особенно хорошія сочиненія онъ предлагаетъ давать національныя награды, какъ это дѣлается въ Англіи за полезныя изобрѣтенія. Все это хорошо, но много ли найдется такихъ счастливцевъ, которыхъ сочиненія будутъ удостоены такой награды, и сколько тутъ оставляется на произволъ удостоивателей, которые не всегда же непогрѣшимы.... Не лучше ли, чтобъ эту награду давала автору сама публика, покупая его книгу?— Подробно былъ разсмотрѣнъ вопросъ о таможенномъ союзѣ, вопросъ очень интересный по тѣмъ обстоятельствамъ, вслѣдствіе которыхъ союзъ подвергся кризису. О кризисѣ этомъ написана масса брошюръ и статей, и только въ послѣднее время вопросъ о немъ отодвинулся нѣсколько на задній планъ, чтобъ дать мѣсто вопросу новѣйшему—датскому. Первая идея о таможенномъ союзѣ принадлежитъ, какъ извѣстно, Фридриху Листу; по его настояніямъ образовался въ 1819 году южно-германскій торговой союзъ. Но только въ 1826 году явился первый зародышъ таможеннаго союза, съ разными переходами развивавшійся до 1842 года, когда онъ охватилъ собой почти всю Германію за исключеніемъ Ганновера и нѣсколькихъ мелкихъ государствъ. Основныя положенія союзнаго трактата таковы, что не могли не повести къ непріятнымъ столкновеніямъ и черезъ то—къ кризису; это было уже въ 1854 г. предъ истеченіемъ 12-ти лѣтняго срока отъ возобновленія договора въ 1842 г.; то же повторилось и въ послѣднее время—въ 1862 году. Главное правило трактата—liberum veto: ни одно изъ основныхъ положеній его не можетъ быть измѣнено ни въ одной части безъ единогласнаго согласія всѣхъ союзниковъ. Впрочемъ, можетъ быть все шло бы мирно, еслибъ не явилась агитаторомъ Австрія. Вліяніе Пруссіи на дѣла союза ей конечно не можетъ быть пріятно. Австрія воспользовалась первымъ представившимся случаемъ, въ 50-хъ годахъ, разорвать таможенный союзъ. Она предложила Германіи торговый трактатъ, который бы тѣсно связалъ австрійскіе и нѣмецкіе интересы, а съ 1859 года произвести совершенное слитіе Австріи съ Германіей въ таможенномъ отношеніи. Предложенія Австріи нашли сочувствіе въ нѣкоторыхъ южно-германскихъ государствахъ, и Пруссія была поставлена въ очень непріятное положеніе. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ Пруссія заключила

наконецъ (19 февраля 1853 года) съ Австріей торговый трактатъ на 12 лѣтъ. Въ трактатѣ этомъ однако ничего не было сказано о таможенномъ слитіи Австріи съ Германіей. Послѣ этого шага Пруссіи, государства, несоглашавшіяся прежде признать дѣйствительнымъ для союза торговый договоръ Пруссіи съ Ганноверомъ (1851 года)—вслѣдствіе чего Пруссія объявила свой выходъ изъ союза къ 1854 году—теперь признали, что Пруссія ихъ удовлетворила и договоромъ 4-го апрѣля 1853 года союзъ возобновленъ еще на 12 лѣтъ, съ тѣмъ, что если за два года до окончанія срока никѣмъ не будетъ заявлено о прекращеніи силы договора, онъ остается въ силѣ на слѣдующія 12 лѣтъ и т. д. Опастность распаденія союза въ тотъ разъ миновала. Нынѣшнее критическое положеніе союза въ сущности сходно съ тогдашнимъ. Ему необходима реформа; онъ основанъ на договорахъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ государствъ; у него есть общая, единая область, но нѣтъ единаго управленія. Дѣла его обсуждаются въ формѣ конференцій изъ уполномоченныхъ (съѣзжающихся ежегодно въ іюнѣ). Въ случаѣ разногласія государствъ сзывается чрезвычайная конференція. Чуть расходятся интересы контрагентовъ, самыя полезныя мѣры должны быть бросаемы вслѣдствіе чьего нибудь несогласія. Къ тому же въ дѣлахъ таможеннаго союза правительства не подлежатъ контролю камеръ и нерѣдко дѣйствуютъ вопреки общимъ народнымъ желаніямъ. Короче, формальныя средства союза не соотвѣтствуютъ его матеріальнымъ цѣлямъ. Всѣ эти неудобства особенно ясно обнаружились по поводу прусско-французскаго торговаго договора, 3-го августа 1862 года. Договоръ этотъ явился настоятельно необходимымъ въ слѣдствіе англо-французскаго договора 23-го января 1860 года, договора, которымъ начинается новая эпоха въ исторіи европейской торговой политикѣ. Съ этого дня Англія разорвала послѣднюю связь съ охранительной политикой, а Франція отъ запретительной системы перешла къ умѣренно-охранительной. За этимъ договоромъ послѣдовали договоры Франціи съ Белгіей и съ Италіей. Такимъ образомъ на западѣ Европы образовалась большая замкнутая торговая область изъ самыхъ промышленныхъ государствъ міра. Еслибъ таможенный союзъ не вошелъ въ сдѣлку съ Франціей, онъ бы закрылъ себѣ огромный рынокъ; не было сомнѣнія, что и ему слѣдуетъ проститься со своей ржавой охранительной системой. Таковъ былъ взглядъ Пруссіи на дѣло. По изъявленіи готовности французскимъ кабинетомъ войти въ переговоры, Прус-

сія сообщила о томъ членамъ союза и, получивъ ихъ согласіе, въ январѣ 1861 г. приступила къ переговорамъ. Дѣло теперь зашло уже такъ далеко, что патріотическимъ сомнѣніямъ относительно сдѣлки съ Франціей не должно бы быть мѣста; но онѣ явились еще позже, благодаря стараніямъ Австріи. Въ апрѣлѣ 1862 года Пруссія разослала союзникамъ проектъ трактата, испрашивая ихъ мнѣній. Большинство государствъ (70% населенія Германіи), общественное мнѣніе, политико-экономическій конгрессъ въ Веймарѣ, торговый съѣздъ въ Мюнхенѣ — одобрили трактатъ. Но правительства ганноверское, кургессенское, баварское, вюртембергское и гессенъ-дармштадтское рѣшительно отказали въ своемъ согласіи. И вотъ начало кризиса. Въ 1866 году надо ожидать или распаденія таможеннаго союза или преобразованія его на новыхъ началахъ. Распаденіе союза, возобновленіе таможенныхъ границъ между его государствами является, въ общемъ мнѣніи, чистой невозможностью, нелѣпостью; слѣдовательно должна произойти только реформа къ лучшему. Какія же были причины этой распри въ союзѣ? Иные обвиняютъ Пруссію въ самовольныхъ поступкахъ при заключеніи французскаго трактата, — это не правда; рядъ документовъ доказываетъ, что Пруссія не сдѣлала ни шагу безъ вѣдома и согласія союзниковъ. Если уяснимъ себѣ связь, существующую между таможеннымъ союзомъ и политическимъ положеніемъ германскаго бунда, то причины разногласія выступятъ довольно опредѣленно. Пруссія основала таможенный союзъ, Пруссія поддерживала его существованіе, какъ органъ своего вліянія на Германію, не безъ значительныхъ жертвъ съ своей стороны. И въ самомъ яблокѣ раздора — французскомъ трактатѣ — она имѣла въ виду больше интересы южно-германскихъ государствъ, чѣмъ свои собственные. Но въ то же время трактатомъ этимъ поддерживалось и упрочивалось вліяніе ея въ союзѣ. Надобно было ожидать, что предстоящее возобновленіе договора таможеннаго союза произойдетъ не иначе, какъ подъ вліяніемъ прусскихъ идей. А прусскія идеи, по мнѣнію противниковъ Пруссіи, начавъ таможенными реформами, кончили бы пожалуй реформой самаго бунда. Надо было остановить это. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ явилась, разумѣется, Австрія. Она выступила на сцену съ депешей 10-го іюля 1862 г., заключавшей въ себѣ проектъ австрійско-нѣмецкаго таможеннаго союза. Благовидныя предложенія ея однако таковы, что можно смѣло сказать, что, войдя въ союзъ, она съ своими южно-герман-

скими единомышленниками будетъ постоянной препоной всякому развитію германской торговли въ смыслѣ свободы. Кто хотя отчасти знакомъ съ прогибитивными стремленіями юга Германіи и съ духомъ австрійскихъ таможенныхъ постановленій, тотъ не усумнится, что именно такихъ результатовъ надо ждать отъ вступленія Австріи въ союзъ. Удивительно поэтому, что Шеффле, одинъ изъ даровитѣйшихъ экономистовъ Германіи, ратуетъ противъ французскаго трактата, за одно съ югомъ Германіи и съ Австріей; между тѣмъ какъ и прошлогодній конгрессъ нѣмецкихъ экономистовъ въ Дрезденѣ подтвердилъ важность значенія этого трактата, выразивъ въ то же время желаніе реформы таможеннаго союза на болѣе прочныхъ основаніяхъ. Какъ произойдетъ эта реформа, будетъ ли она совершенно изолированной или соединится, какъ ожидаютъ и желаютъ нѣкоторые, съ реформой самаго бунда, покажетъ будущее. Нечего и упоминать, что всѣ благомыслящіе люди Германіи раздѣляютъ эти надежды и желанія.

Также довольно подробно былъ разсмотрѣнъ въ слушанномъ мною курсѣ вопросъ о рабочемъ классѣ, въ послѣдніе два года надѣлавшій такъ много шуму въ Германіи, особенно благодаря соціалистическимъ стремленіямъ Лассаля и организаціи самостоятельныхъ рабочихъ ассоціацій Шульце-Деличемъ. По этимъ вопросамъ написано такъ много, и особенно брошюръ, что одинъ обзоръ этой литературы могъ бы составить порядочную книгу. Изъ наиболѣе удачныхъ брошюръ я могу назвать: Die Arbeiterfrage — Max'a Wirth'a и Die deutsche Arbeiterbewegung — Bernard'a Miller'a. Полное, подробное сочиненіе объ ассоціаціяхъ, съ историческимъ и критическимъ взглядомъ — это книга Pfeiffer'a: Über Genossenschaftswesen (Leipzig, 1863). Не какъ объ ученой вещи, а какъ о хорошемъ разсказѣ, стоитъ упомянуть о книгѣ Siegmund'a Engländer'a: Geschichte der französischen Arbeiter-Assoziationen (Hamburg, 1864). Не желая слишкомъ расширить предѣлы отчета, я не вхожу въ разборъ этихъ сочиненій. Если позволитъ время, я посвящу этому предмету особую статью: вопросъ объ ассоціаціи намъ очень близокъ; нашъ народъ самъ, безъ содѣйствія образованныхъ классовъ, выработалъ свою ассоціацію — артель. Это позволяетъ думать, что рабочія товарищества привились бы у насъ очень хорошо; но, разумѣется, не прямо пересаженныя съ западно-европейской почвы на русскую, а измѣненныя соотвѣтственно духу и потребностямъ народа.

Гейдельбергъ, мартъ 1864 года.

12) Кандидата Серафима Автократова.

Послѣдняго слова въ философіи еще не сказалъ ни одинъ философъ; оно всегда заключается въ совокупности всѣхъ философскихъ стремленій и изслѣдованій даннаго времени и всѣхъ предыдущихъ. Поэтому ни въ одной другой наукѣ не имѣетъ такой важности ея исторія и литература, какъ въ философіи. Знать философію — значитъ знать ея исторію по источникамъ и всѣ философскія изслѣдованія своего времени. Тѣмъ не менѣе, при изученіи философіи, въ извѣстное время та или другая область изслѣдованій, то или другое направленіе необходимо получаютъ перевѣсъ надъ прочими.

Я далъ въ своихъ занятіяхъ перевѣсъ извѣстной области и направленію философскихъ изслѣдованій сообразно съ моимъ понятіемъ о настоящемъ состояніи нашей философіи и ея ближайшихъ потребностяхъ.

При всемъ уваженіи къ трудамъ русскихъ философовъ, тотъ, кто желаетъ работать на одномъ съ нами поприщѣ, не можетъ упускать изъ виду, что у насъ еще нѣтъ философіи. Причина этого главнымъ образомъ заключается въ томъ, что мы старались болѣе стать на высоту современнаго философскаго сознанія, чѣмъ подвесть подъ эту высоту надлежащій фундаментъ, — старались болѣе заимствовать готовыя прославленныя философіи, чѣмъ обработывать тѣ источники, изъ которыхъ и у насъ можетъ и должно развиться самостоятельное философствованіе.

Новые народы начали образованіе своихъ философій усвоеніемъ древней. И въ настоящее время изученіе древней философіи у нихъ лежитъ въ основаніи университетскаго образованія. Гербартъ имѣлъ полное право сказать, что нѣмецкіе университеты основываются на пандектахъ, Августинѣ и Аристотелѣ. Кромѣ лекцій по исторіи философіи вообще, здѣсь постоянно читаются лекціи о томъ или другомъ древнемъ философѣ, о томъ или другомъ его трудѣ. На большей части конверсаторіевъ читаются и обсуждаются тоже древніе философы. Множество переводовъ, комментаріевъ, изслѣдованій дѣлаютъ для молодаго нѣмца изученіе древней философіи несравненно болѣе легкимъ, чѣмъ оно можетъ быть теперь у насъ. На русскій языкъ переведенъ только Платонъ. Поэтому изученіе философіи у насъ начинается нерѣдко Гегелемъ и оканчивается Фейербахомъ.

Въ ближайшемъ прошедшемъ у насъ господствовало философствованіе изъ понятій, заимствованныхъ у Волфа, Шеллинга и Гегеля. Опытная философія имѣла очень немногихъ представителей. Между тѣмъ, даже признавая необходимость и законность спекуляціи, нельзя не желать, чтобы наше первоначальное философствованіе имѣло характеръ болѣе опытный, чѣмъ спекулятивный. И вообще заимствованныя понятія у послѣдователей утрачиваютъ ту силу и плодотворность, которую имѣли у своихъ творцовъ, и очень часто или ведутъ къ полному застою мысли, или вырождаются въ пустословіе, равно вредное и для науки, и для жизни. Но всего чаще такъ бываетъ при заимствованіи спекулятивныхъ системъ, которыя даютъ законченный кругъ готовыхъ понятій, и требуютъ только ихъ усвоенія. Такія системы не десятилѣтія, а цѣлыя тысячелѣтія господствуютъ надъ умами, отъ времени до времени забываются, появляются вновь, но при всемъ томъ не пріобрѣтаютъ ничего для своего внутренняго развитія. Опытное направленіе философіи конечно не исключаетъ этой опасности, но самой своей незаконченностью вызываетъ напряженіе собственныхъ силъ начинающаго философа, требуетъ отъ него не одного усвоенія, а дальнѣйшей самостоятельной работы.

Заимствуя философію, мы заимствовали и философскій языкъ. Шеллингисты и гегелисты считали даже полезнымъ и необходимымъ обогатить русскій языкъ терминологіей, которая, какъ очевидно теперь, и самой наукѣ принесла болѣе вреда, чѣмъ пользы. Шеллингизмъ и гегелизмъ имѣли богатое внутреннее содержаніе, очень талантливыхъ представителей, не могли жаловаться на недостатокъ сочувствія въ публикѣ, между тѣмъ не оставили послѣ себя никакихъ прочныхъ слѣдовъ, даже не были поняты. Помимо общихъ соображеній объ отношеніи философіи къ языку, одинъ этотъ опытъ довольно ясно показываетъ, что прочное и благотворное значеніе у насъ можетъ пріобрѣсть только та философія, которая признаетъ нашъ языкъ одной изъ своихъ исходныхъ точекъ, основаній, а не безразличнымъ орудіемъ для изложенія тѣхъ или другихъ нѣмецкихъ системъ.

Вообще, философія получитъ у насъ право гражданства, сдѣлается одной изъ необходимыхъ и плодотворныхъ силъ нашего образованія только тогда, когда будетъ развиваться на основаніяхъ классической философіи, опыта и нашего языка.

Сообразно съ такимъ понятіемъ о ближайшихъ задачахъ, надъ

которыми должна работать наша философія, я главнымъ образомъ занимался и занимаюсь изученіемъ древней философіи, и усвоеніемъ методовъ и результатовъ опытнаго философскаго изслѣдованія.

Не безъ отношенія къ этому понятію, изъ множества нѣмецкихъ философовъ и философій*) я избралъ теперь для особаго изученія

---

*) Въ настоящее время преподаютъ философію: въ *Берлинѣ:* Алтгаузъ, Гелферихъ, Геннингъ, Гото, Меркеръ, Мишле, Вердеръ, Мейеръ, Групе, Тренделенбургъ; въ *Лейпцигѣ*: Фехнеръ, Дробишъ, Циллеръ, Аренсъ, Вейсе, Фрицше, Германъ, Зейдель; въ *Боннѣ:* Брандисъ, Калкеръ, Кноодтъ, Шаарпшмидтъ, Макс. Фишеръ, Нейгейсеръ, Стретеръ; въ *Галлѣ:* Герлахъ, Эрдманъ, Шаллеръ, Улрици, Гаймъ, Аллинъ: въ *Гёттингенѣ:* Моллеръ, Риттеръ, Штейнъ, Тейхмиллеръ, Боцъ, Лангенбекъ, Лотце; въ *Гейдельбергѣ:* Лемке, Рабусъ, Вундтъ, Шлифаке, Рёдеръ, Цёпфль, Рейхлинъ-Мелдегъ, Целлеръ; въ *Прагѣ*: Дастихъ, Эрлихъ, Каулихъ, Леонарди, Лёве, Фолкманъ; въ *Вѣнѣ:* Барахъ-Раппапортъ, Эйтелбергеръ-фонъ-Эдельбергъ, Лоттъ, фонъ-Люцовъ, Циммерманъ; въ *Мюнхенѣ:* Бекерсъ, Берацъ, Каррьеръ, Фрошаммеръ, Губеръ, Прантль; въ *Тюбингенѣ*: Фихте, Рейфъ, Кёстлинъ; въ *Іенѣ*: Куно Фишеръ, Шейдлеръ, Фортляге; въ *Грейфсвальдѣ:* Байеръ, Георге, Суземиль; въ *Ростокѣ:* Франке, Вейнголцъ; въ *Гиссенѣ:* Шиллингъ, Леон. Шмидтъ, Браубахъ, Ноакъ; въ *Эрлангенѣ:* Гейдеръ, Шмидтъ; въ *Марбургѣ*: Юсти, Форлендеръ, Вайцъ, Вейсенборнъ; въ *Мюнстерѣ:* Гагеманъ, Шлиттеръ, Штекль; въ *Цюрихѣ:* Гзель-Фелсъ, Кимъ, Шлехтъ; въ *Бернѣ:* Геблеръ, Лазарусъ, Рисъ, Трексель; въ *Бреславлѣ:* Бернаисъ, Бранисъ, Элвенихъ, Огинскій; въ *Кёнигсбергѣ:* Фридрихъ, Розенкранцъ, Ибервегъ; въ *Килѣ:* Іессенъ, Алберти, Гармсъ, Тауловъ, Фолквардсенъ; въ *Инсбрукѣ:* Вилдауэръ; въ *Браунсбергѣ:* Геркратъ; въ *Грацѣ:* Наловскій; въ *Вюрцбургѣ:* Гофманъ, въ *Базелѣ:* Стеффенсенъ; во *Фрейбургѣ:* Зенглеръ. Изъ нихъ принадлежатъ къ школѣ *Гегеля:*

Алтгаузъ, Гелферихъ, Геннингъ, Гото, Меркеръ, Мишле, Вердеръ, Розенкранцъ, Тауловъ, К. Фишеръ, Байеръ, Стретеръ, Эрдманъ, Шаллеръ, Бацъ, Целлеръ, Вейсенборнъ;

Новогегеліанской: Вейсе, Фихте, Улрици, Георге, Бранисъ;

Гербарта: Аллинъ, Шиллингъ, Наловскій, Вайцъ, Фолкманъ, Лоттъ, Циммерманъ, Лазарусъ, Дробишъ, Циллеръ;

Баадера: Леон. Шмидтъ, Каррьеръ, Фрошаммеръ, Гофманъ, Зенглеръ, Пейпъ;

Краузе: Леонарди, Шлифаке, Цёпфль, Рёдеръ, Аренсъ;

Фриза: Шейдлеръ, Калкеръ, Герлахъ, Риттеръ;

Рейнгольда: Вейнголцъ, Форлендеръ, Фортляге;

Бенеке — Ибервегъ;

Матеріалистической: Ноакъ;

Фехнера: Вундтъ;

Лотце: Лангенбекъ.

Независимо отъ существующихъ школъ обработываютъ философію: Групе, Тренделенбургъ, Рейеръ, Фехнеръ, Лотце и др., которыхъ трудно причислить къ какой нибудь школѣ, и еще труднѣе къ самостоятельнымъ мыслителямъ.

Въ настоящей философской литературѣ, изъ людей, непреподающихъ фило-

философію Лотце. Эта философія безусловный идеализмъ, признающій всѣ права, и строго выполняющій требованія опытнаго изслѣдованія. Впрочемъ, содержаніе лотцевой философіи у насъ уже очень извѣстно; потому я не буду теперь входить о немъ въ подробности — тѣмъ болѣе, что уже печатается III томъ Микрокозмоса, который вполнѣ долженъ выяснить его основную идею.

На этотъ разъ я напишу нѣсколько словъ о томъ, какъ Лотце преподаетъ свою философію.

Преподаватель философіи, какъ бы онъ ни былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что его система есть подлинное выраженіе единой истинной философіи, обязанъ ввести своихъ слушателей въ интересы и другихъ даже враждебныхъ ему системъ. Быть вполнѣ убѣжденнымъ въ истинѣ своей системы и вмѣстѣ безпристрастнымъ въ отношеніи къ другимъ можетъ только тотъ преподаватель, система котораго стоитъ выше философскихъ противорѣчій извѣстнаго времени, разрѣшаетъ ихъ. Именно въ такомъ отношеніи стоитъ монадологическій идеализмъ Лотце къ гербартову реализму и гегелеву идеализму, которые теперь господствуютъ въ нѣмецкой философіи. Въ его системѣ одинаковое существенное значеніе имѣютъ и идея и механизмъ ея осуществленія, изслѣдованіе и цѣлей и причинъ.

Поэтому Лотце, хотя считаетъ гегелизмъ въ его настоящей формѣ отжившимъ свое время, и не находитъ особенной чести въ томъ, чтобы быть послѣднимъ изъ гербартистовъ; тѣмъ не менѣе, ясно понялъ, опредѣлилъ и усвоилъ своей философіи истинныя стороны того и другаго направленія.

Между тѣмъ гегелисты еще доселѣ ничему не научились у гербартистовъ, и наоборотъ.

Философскія лекціи назначаются для студентовъ всѣхъ факультетовъ. Профессору, который образовалъ свою философію подъ вліяніемъ только одного рода научныхъ изслѣдованій, трудно и едва ли возможно — хорошо войдти въ философскіе интересы химиковъ, филологовъ, историковъ и пр., со всѣми говорить понятнымъ для нихъ языкомъ, для всѣхъ въ одинаковой совершенной мѣрѣ облегчать приложеніе общихъ философскихъ началъ къ част-

---

софію, извѣстны немногіе — гербартистъ Тило, гегелистъ Лассаль, новогегелистъ Виртъ, атомистъ Дроссбахъ, во многихъ пунктахъ сближающійся съ Фехнеромъ А. Бастіанъ, матеріалистъ Ванеръ и Фейербахъ.

нымъ областямъ и способамъ изслѣдованія. Монадологическій характеръ лотцевой философіи ставитъ её въ согласіе съ атомизмомъ естествознанія, идеалистическій — съ предположеніями нравственныхъ наукъ. Многосторонности философской теоріи у Лотце соотвѣтствуетъ и многосторонность знанія. Съ равною легкостію и основательностью онъ входитъ въ самыя разнообразныя изслѣдованія — филологическія, анатомическія и т. д. Поэтому его преподаваніе привлекаетъ студентовъ всѣхъ факультетовъ — особенно медиковъ, которые и въ Германіи довольно равнодушны къ философіи. Съ такой пользой для самыхъ разнородныхъ слушателей преподавать философію, какъ Лотце, можетъ только тотъ, кто рѣшится въ теченіе многихъ лѣтъ съ трудами преподаванія соединять труды студенчества (въ Германіи нерѣдко такъ дѣлаютъ не только молодые доценты, но и профессоры).

Лотце придаетъ большое значеніе языку. По его мнѣнію, большуя часть споровъ и заблужденій въ нравственныхъ наукахъ должно приписать некритическому, противному здравой логикѣ словоупотребленію.

Самъ Лотце избѣгаетъ терминологіи философскихъ школъ, новыхъ терминовъ, и употребляетъ обыкновенный языкъ наукъ, подвергнутый строгой логической и стилистической обработкѣ.

Вообще, по педагогическому достоинству своей системы, которая гармонически соединяетъ въ себѣ начала господствующихъ нынѣ враждебныхъ философій, начала философіи сближаетъ съ началами наукъ вообще, и умѣнью владѣть языкомъ, Лотце занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между нѣмецкими профессорами философіи*).

Гёттингенъ, $^{14}/_{26}$ марта 1864 года.

13) Магистра Я. Вальца.

Въ Берлинъ я прибылъ $^{17}/_{29}$ декабря 1863 г. и здѣсь, благодаря рекомендаціи профессора С.-Петербургской лѣсной академіи Мерк-

*) Фехнеръ и въ указанныхъ отношеніяхъ и по силѣ мысли нисколько не уступаетъ Лотце. Но онъ философствуетъ болѣе какъ ученый и человѣкъ, чѣмъ какъ профессоръ, стремится болѣе изслѣдовать новое, чѣмъ повторять старое, и не скрываетъ своей вражды ко всей господствующей философіи (Carthaginem esse delendam, говоритъ онъ о ней). Все это дѣлаетъ изъ него, по здѣшнимъ понятіямъ, плохаго профессора, который осуждается безвозмездно читать двѣ лекціи въ недѣлю.

лина, мнѣ легко было познакомиться съ мѣстными ботаниками, такъ что чрезъ нѣсколько дней я могъ приступить къ слушанію лекцій и практическимъ занятіямъ. Мои занятія до конца настоящаго семестра заключались: a) въ слушаніи лекцій, b) практическихъ работахъ подъ руководствомъ здѣшнихъ ученыхъ, c) чтеніи ботаническихъ сочиненій и d) посѣщеніи засѣданій ботаническаго общества, учрежденнаго для изслѣдованія провинціи Бранденбурга и сосѣднихъ странъ.

a) Лекціи я слушалъ: α) у профессора Al. Braun'a — о листорасположеніи по $1^1/_2$ часа въ недѣлю, по частной ботаникѣ по 4 ч. въ недѣлю и посѣщалъ его конверсаторіумъ по 1 ч. въ недѣлю; β) у доктора Hanstein'a анатомію и физіологію растеній по 4 ч. въ недѣлю; γ) у доктора Ascherson'a privatissim по ботанической систематикѣ по 3 ч. въ недѣлю и δ) у профессора du Bois Reymond — «нѣкоторые новѣйшіе результаты естествознанія» по 1 часу въ недѣлю.

На своихъ лекціяхъ профессоръ Al. Braun характеризовалъ отдѣлы, классы, подклассы, порядки, семейства и важнѣйшіе роды растеній, придерживаясь системы, имъ же составленной, и обращая особенное вниманіе на растенія важныя въ медицинскомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Излагаемое онъ демонстрировалъ на рисункахъ, заимствованныхъ изъ различныхъ сочиненій или сдѣланныхъ съ натуры, а также черченіемъ на доскѣ, и на экземплярахъ гербарія и живыхъ растеніяхъ университетской оранжереи. Заслуги Braun'a въ наукѣ на столько извѣстны, что я считаю совершенно излишнимъ распространяться о достоинствѣ его лекцій, а замѣчу только, что кромѣ многихъ другихъ ихъ достоинствъ, необыкновенная наглядность и новость системы, которая только на дняхъ появилась къ печати*), дѣлали ихъ для меня особенно интересными, и что мнѣ остается только сожалѣть, что такъ какъ я прибылъ въ Берлинъ въ половинѣ семестра, то и не могъ прослушать полнаго курса, а только о растеніяхъ односѣмянодольныхъ и двусѣмянодольныхъ.

На лекціяхъ своихъ Braun имѣлъ въ виду растительное царство вообще и кромѣ того желалъ пройти полный курсъ, а потому не могъ касаться особенныхъ подробностей, касающихся европейской

*) Dr. Paul Ascherson — Flora der Provinz Brandenburg, der Altmark und des Herzogthums Magdeburg. 1864. 1-e Abth. p. 22—67.

флоры вообще и германской въ особенности. Вотъ почему по совѣту Braun'а я обратился за помощью къ Dr. Ascherson'у, съ которымъ и продолжаю заниматься изученьемъ сосудистыхъ растеній европейской флоры вообще и германской въ особенности. Dr. Hanstein читалъ отдѣльно анатомію и физіологію растеній. Курсъ анатомическій я засталъ уже близкимъ къ концу, а физіологическій прослушалъ сполна. Dr. Hanstein нѣсколько подробнѣе изложилъ о процессѣ питанія растеній и передалъ существенное касательно ихъ размноженія. Остальныхъ же вопросовъ онъ коснулся только вскользь. Не смотря на это, однакоже обширность знаній Hanstein'а давала ему возможность въ немногихъ словахъ передавать многое. Совершенное отсутствіе фразерства, строгая послѣдовательность и увлекательная живость изложенія составляли наружныя достоинства его лекцій; что́ же касается до ихъ содержанія, то я достаточно его охарактеризую, прибавивъ къ сказанному касательно ихъ объема, что Dr. Hanstein не находится ни въ той крайности, въ которой была старая физіологическая школа, ни въ той, въ которую впали Schleiden и его послѣдователи, а соединяетъ въ себѣ оба упомянутыхъ направленія, обладая глубокими свѣдѣніями какъ по опытной физіологіи, такъ и въ микроскопическихъ изслѣдованіяхъ.

Du Bois Reymond задачей своего курса поставилъ объяснить всѣ проявленія органической жизни, включая, разумѣется, и человѣческую, какъ произведеніе физическихъ и химическихъ силъ. Такъ какъ онъ спеціально занимается животной физіологіей, то жизни растеній на своихъ лекціяхъ онъ изрѣдка касался. Тѣмъ не менѣе однакоже курсъ этотъ могъ принести пользу не только ботанику, но каждому хотя нѣсколько знакомому съ естествознаніемъ, по тѣмъ общимъ взглядамъ, которые въ немъ сообщались. Слушая Reymond'а не знаешь чему болѣе удивляться, блестящимъ ли внѣшнимъ достоинствамъ его рѣчи или богатству содержанія и обширности его свѣдѣній по разнороднѣйшимъ отраслямъ человѣческаго знанія. Различныя отрасли наукъ естественныхъ, исторія, литература, археологія и т. д. — все входило въ его лекціи и при этомъ онъ не ограничивался пустыми фразами, а, избѣгая ихъ, приводилъ факты, которые лучше всякихъ фразъ могли разъяснить слушателямъ его взглядъ на извѣстный предметъ.

Кромѣ упомянутыхъ лекцій, я посѣщалъ еще ботаническій конверсаторіумъ Braun'а и еще былъ на нѣсколькихъ лекціяхъ другихъ профессоровъ ботаники, чтобы составить себѣ понятіе о пре-

подаваніи ботаники въ Берлинскомъ университетѣ. Всѣхъ профессоровъ ботаники по недостатку времени еще посѣтить не успѣлъ, а былъ только на нѣсколькихъ лекціяхъ Berg'а и Karsten'а. Проф. Berg читалъ частную ботанику, имѣя въ виду преимущественно или, правильнѣе выражаясь, исключительно растенія медицинскія и вообще полезныя для человѣка. При изложеніи онъ придерживался своего руководства и демонстрировалъ излагаемое черченьемъ на доскѣ и на экземплярахъ гербарія. — Профессоръ Karsten читалъ медицинскую ботанику и занимался со студентами ботаническими упражненіями (Botanische Uebungen). Лекцій его я не посѣщалъ, а былъ раза два на упражненіяхъ, которыхъ отличіе отъ лекцій я впрочемъ опредѣлить не могъ. На одномъ изъ этихъ упражненій онъ по рисункамъ объяснилъ характеристику хвойныхъ растеній, ихъ группъ и важнѣйшихъ родовъ и затѣмъ вкратцѣ коснулся характеристики семействъ Cycadeae, Loranthaceae и Balanophoreae, которыя по его мнѣнію какъ между собою, такъ и съ хвойными имѣютъ то общее, что у всѣхъ сѣмянныя почки сидятъ не внутри сомкнутаго плодника, а на открытыхъ плодолистикахъ. — Лекцій проф. Koch'а, читавшаго сельско-хозяйственную ботанику, я посѣтить не могъ.

Что́ касается до ботаническаго конверсаторіума Braun'а, то онъ заключался въ томъ, что профессоръ возбуждалъ различные вопросы, представляющіе въ настоящее время особенный интересъ; затѣмъ, кто нибудь изъ посѣтителей обработывалъ одинъ изъ этихъ вопросовъ и дѣлалъ о немъ устное сообщеніе, которое и служило предметомъ диспутовъ между излагавшимъ, слушателями и профессоромъ, и такимъ образомъ вопросъ разъяснялся. Я считаю излишнимъ распространяться о пользѣ такихъ конверсаторіумовъ, которые въ Берлинскомъ университетѣ существуютъ по разнообразнѣйшимъ предметамъ, а у насъ, насколько мнѣ извѣстно, еще не введены; а ограничусь перечнемъ сдѣланныхъ сообщеній: Dr. Hegelmeyer говорилъ о Mycetozoen, при чемъ коснулся вопроса о различіи животныхъ и растеній. Поводомъ къ этому сообщенію послужила послѣдняя статья проф. Цѣньковскаго; при томъ же самъ Dr. Hegelmeyer дѣлалъ наблюденія надъ этими все еще загадочными организмами. Студентъ Hartig сообщилъ послѣднія наблюденія своего отца надъ движеніемъ сока въ растеніяхъ, демонстрируя излагаемое на препаратахъ, имъ привезенныхъ изъ Брауншвейга. Студентъ Pansch говорилъ о флорѣ альпъ и полярныхъ странъ,

предметахъ своихъ спеціальныхъ занятій. Студентъ Zentner разобралъ мнѣнія Liebig'a и Mulder'a касательно питанія растеній. Профессоръ Braun еще возбудилъ слѣдующіе вопросы, особенно интересные въ настоящее время: о диморфизмѣ цвѣтковъ (статьи Darwin'a и Mohl'a), о вліяніи предшествовавшихъ геологическихъ эпохъ на современное географическое распространеніе растеній и о теоріи Darwin'a; но вопросы эти по недостатку времени не были обсуждаемы. На этихъ же бесѣдахъ Braun нерѣдко показывалъ получаемые имъ новые ботаническіе журналы и сочиненія, при чемъ съ особенною подробностью онъ говорилъ объ уродливостяхъ по поводу сочиненія Baillon — Adansonia 3 v. 1863 г. и сдѣлалъ подробное сообщеніе о работѣ Kühn'a — Untersuchungen über die Entstehung etc. des Mutterkarns и въ заключеніе всѣхъ бесѣдъ и лекцій онъ прочелъ лекцію о такъ называемой ледовитой эпохѣ и ея вліяніи на географическое распространеніе растеній.

b) Практически занимался я подъ руководствомъ Dr. Hanstein'a въ королевскомъ гербаріѣ и подъ руководствомъ члена академіи наукъ Dr. Pringsheim'a въ его лабораторіи.

α) Подъ руководствомъ Dr. Hanstein'a я занимался микроскопическими наблюденіями, предметъ которыхъ составляли сосудистые пучки папоротниковъ, а именно ихъ строеніе и распредѣленіе. При этой работѣ я пользовался сочиненіями и статьями Desfontaines, Mirbel, Link, De Candolle, Brogniard, Meyen, Treviranus, Mohl, Mettenius, Hofmeister, Vriese, Harting, Stenzel и др. — До сихъ поръ наблюденія мои ограничились изслѣдованіемъ вай нѣсколькихъ папоротниковъ и затѣмъ въ послѣднее время я перешелъ къ стеблю Selaginella. Что́ касается до вай, то у всѣхъ мною изслѣдованныхъ видовъ касательно распредѣленія сосудистыхъ пучковъ мы различаемъ два типа. Примѣромъ перваго можетъ служить Scolopendrium officinale, а втораго Polystichum falcatum, Pol. Filix mas и др. У Scolopendrium officinale мы находимъ только одинъ центральный пучекъ (въ черешкѣ и главномъ нервѣ), отъ котораго идутъ вѣтви въ пластинку, а у папоротниковъ, принадлежащихъ ко второму типу, мы различаемъ въ черешкѣ нѣсколько пучковъ расположенныхъ въ видѣ дуги, занимающей спинку и бока черешка. Изъ нихъ два ближайшіе къ брюшной сторонѣ ваи достигаютъ наибольшей толщины, и по мѣсту ими занимаемому я ихъ называю краевыми.

Вообще же толщина пучковъ и число ихъ у различныхъ видовъ различное. Эти пучки не идутъ однакоже совершенно раздѣльно

отъ основанія къ вершинѣ черешка, а число ихъ измѣняется, что́ между прочимъ происходитъ отъ слитія двухъ пучковъ въ одинъ, такъ напр. у P. falcatum въ основной части черешка 6-ть сосудистыхъ пучковъ, а между 4-ю и 5-ю лопастями (pinnae) мы замѣчаемъ только пять пучковъ, что́ происходитъ вслѣдствіе соединенія двухъ ближайшихъ къ спинкѣ (спинкоположныхъ) пучковъ въ одинъ. Это соединеніе, какъ и послѣдующія, впрочемъ не всегда случается въ упомянутомъ мѣстѣ, а иногда нѣсколько выше, или нѣсколько ниже. Выше 11-й лопасти соединяется пучекъ, образовавшійся отъ слитія двухъ спинкоположныхъ съ однимъ изъ пучковъ лежащихъ между краевыми и спинкоположными (пучковъ средней пары), такъ что остается только четыре пучка; вблизи, но все таки нѣсколько ниже 19-й лопасти соединяются между собой пучки средней пары такъ, что остается только три пучка, затѣмъ часто одною или двумя парами лопастей выше снова происходитъ раздѣленіе этого пучка на два, которые затѣмъ у слѣдующей пары снова соединяются; еще выше одною или двумя парами лопастей соединяется этотъ третій пучекъ съ однимъ изъ двухъ краевыхъ, такъ что остаются только два пучка, которые уже не соединяются, а одинъ изъ нихъ входитъ въ предпослѣднюю лопасть, а другой въ вершинную и при этомъ раздѣляется на два. — Такое слитіе пучковъ служитъ причиной, что число ихъ, замѣчаемое на поперечныхъ разрѣзахъ, сдѣланныхъ на различной высотѣ, бываетъ различно; но это различіе въ числѣ еще зависитъ отъ отдѣленія отъ существующихъ пучковъ вѣтвей, идущихъ въ лопасти, а также вѣтвей, служащихъ для соединенія одного пучка съ другимъ. Въ лопасти идутъ вѣтви, отдѣляющіяся отъ краевыхъ пучковъ, а именно для каждой по одной, такъ что вблизи лопастей, но уже ниже наружнаго возвышенія, идущаго отъ основанія лопасти, мы замѣчаемъ по одному малому пучку то вблизи праваго то вблизи лѣваго, или вблизи того и другаго изъ краевыхъ пучковъ. Эти отдѣлившіяся вѣтви на нѣкоторомъ протяженіи идутъ въ черешкѣ, а затѣмъ отгибаются въ лопасть. Что́ же касается до взаимнаго соединенія пучковъ посредствомъ вѣтвей, то оно происходитъ между всѣми пучками; только оба краевые пучки не соединяются между собою непосредственно, а посредствомъ всѣхъ остальныхъ пучковъ, такъ что вся сосудистая система черешка ваи является въ видѣ широкопетлистой сѣти, обнимающей спинку и бока черешка и открытой къ брюшной сторонѣ ваи, т. е. къ сторонѣ обращенной къ оси. Большіе пучки за-

нимаютъ края этой сѣти, отчего я и назвалъ ихъ краевыми. Соединеніе пучковъ происходитъ такъ, что отъ одного пучка отдѣляется вѣтвь, которая, круто поднимаясь вверхъ, соединяется съ ближайшимъ пучкомъ. Отъ этого число пучковъ, замѣчаемыхъ на поперечныхъ разрѣзахъ, увеличивается; такъ напр. у P. falcatum вмѣсто 6-ти мы замѣчаемъ 7 и 8-мъ. Въ этомъ отдѣленіи вѣтвей для взаимнаго соединенія пучковъ нельзя замѣтить строгаго порядка. Вообще оно происходитъ такъ, что отъ одного изъ двухъ краевыхъ идетъ вѣтвь къ ближайшему средней пары, отъ котораго къ ближайшему спинкоположному и т. д. пока не дойдетъ до втораго краеваго и тогда въ обратномъ порядкѣ; но изъ этого, такъ сказать, идеальнаго порядка исключенія многочисленны. Эти исключенія проявляются различно, а именно: a) въ скачкахъ, т. е. послѣ отдѣленія вѣтви, идущей напримѣръ отъ одного изъ краевыхъ къ ближайшему средней пары, отдѣляется вѣтвь не отъ послѣдняго къ ближайшему спинкоположному, а или отъ одного изъ спинкоположныхъ къ другому, или къ ближайшему средней пары, или отъ этого ближайшаго средней пары къ ближайшему къ нему второму краевому; b) отступленія проявляются въ томъ, что поворотъ въ направленіи порядка отдѣленія вѣтвей происходитъ до совершенія полнаго полукруга, т. е. положимъ, что у P. falcatum отъ одного краеваго идетъ вѣтвь къ ближайшему средней пары, отъ этого къ ближайшему спинкоположному и далѣе не продолжается въ томъ же направленіи, а идетъ по направленію противоположному, а именно отъ втораго спинкоположнаго къ первому и т. д. Это измѣненіе направленія можетъ повторяться нѣсколько разъ и совершаться разнообразно; c) отступленія проявляются такъ, что отъ одного и того же пучка два раза сряду отдѣляется вѣтвь по направленію къ одному и тому же пучку.

Что̀ касается состава пучковъ, то у всѣхъ вай папоротниковъ, изслѣдованныхъ мною, а также въ стеблевыхъ органахъ Selaginella stolonifera они состоятъ изъ одеревенѣлыхъ лѣстничныхъ, спиральныхъ, кольчатыхъ и сѣтчатыхъ клѣточекъ, которыя Caspary*) называетъ celullae condutrices, и которыя можно назвать сосудистыми, такъ какъ онѣ замѣняютъ сосуды, и изъ тонкостѣнныхъ не одеревенѣлыхъ клѣточекъ. Вокругъ пучка, составленнаго изъ этихъ эле-

*) Ueber die Gefässbündel der Pflanzen. Aus dem Monatsberichte der K. Ak. der Wiss. zu Berlin. 10 Juli 1862.

ментовъ, находятся въ ваяхъ папоротниковъ бурыя толстостѣнныя клѣточки, расположенныя группами или образующія цѣльное влагалище. Мои изслѣдованія подтверждаютъ также совершенный недостатокъ сосудовъ, вмѣсто которыхъ мы находимъ упомянутыя сосудистыя клѣточки, которыя или косвенно усѣчены на краяхъ, или же заострены. Это уже отчасти высказалъ Muhl *) и затѣмъ окончательно Caspary **). Діаметръ этихъ клѣточекъ различенъ. Различіе же въ ихъ расположеніи совпадаетъ съ различіемъ въ числѣ и расположеніи пучковъ. У папоротниковъ, имѣющихъ въ черешкѣ ваи сосудистую сѣть, а также у Selaginella онѣ занимаютъ средину пучка, образуя связную группу, въ которой мы замѣчаемъ кой гдѣ или единичныя тонкостѣнныя клѣточки или ихъ пучки, состоящія изъ 2-хъ, 3-хъ или 4-хъ. — Эта группа сосудистыхъ клѣточекъ окружена тонкостѣнными. Онѣ имѣютъ форму или цѣльнаго эллипса, какъ у Selaginella, или же эллипса, содержащаго вблизи одного изъ концовъ большаго діаметра косвенный выемъ, занятый тонкостѣнными клѣточками. Впрочемъ, многіе мелкіе пучки черешка вай папоротниковъ, принадлежащихъ къ этому типу, имѣютъ совершенно круглую форму. и сосудистыя клѣточки образуютъ въ нихъ правильную круглую группу. — Что̀ касается пучковъ вай втораго типа, то у Sc. officinale единственный пучекъ ваи имѣетъ форму четыреугольника, имѣющаго на каждой изъ четырехъ сторонъ небольшой выемъ, занятый утолщенными бурыми клѣточками (въ пучкахъ же 1-го типа эти бурыя клѣточки образуютъ цѣльное влагалище вокругъ каждаго). Въ этомъ четыреугольникѣ, почти до начала пластинки ваи, сосудистыя клѣточки образуютъ двѣ дуги, обращенныя одна къ другой своими выпуклыми частями. Эти двѣ дуги въ упомянутой части ваи не соединены между собой, а промежутки между ними, равно какъ все остальное пространство четыреугольника, заняты тонкостѣнными клѣточками. Далѣе же вверхъ эти двѣ дуги между собою соединены, такъ что группа сосудистыхъ клѣточекъ представляетъ сходство съ буквою H. Тонкостѣнныя клѣточки въ пучкахъ того и другаго типа по всей вѣроятности играютъ роль рѣшетчатыхъ клѣточекъ (Siebröhren, Siebzellen), т. е. служитъ для движенія обработаннаго сока. Тѣмъ не менѣе однакоже, этого названія имъ дать нельзя, потому что ни на продольныхъ, ни на поперечныхъ стѣнкахъ своихъ онѣ не содержатъ (Sieb-

*) Vermischte Schriften.

**) Op. c.

poren) рѣшетчатыхъ поръ. Концы ихъ или косвенно усѣчены, или болѣе или менѣе сильно заострены. Иногда заостреніе очень тонко и длинно. Стѣнки ихъ болѣе или менѣе тонки, не представляютъ слоевъ утолщенія, тягучи и нерѣдко волнисты. — Въ противоположность стѣнкамъ сосудистыхъ клѣточекъ, которыя до и послѣ кипяченія въ ѣдкомъ кали, отъ іода и сѣрной кислоты, а также отъ Chlorzinkjodlösung получаютъ желтовато-бурый или золотисто-желтый цвѣтъ, стѣнки этихъ клѣточекъ получаютъ при дѣйствіи упомянутыхъ реактивовъ синій цвѣтъ. Какъ исключеніе можно разсматривать сосудистыя клѣточки Selaginella stolonifera, которыхъ стѣнки послѣ кипяченія въ ѣдкомъ кали окрашиваются подобно стѣнкамъ тонкостѣнныхъ клѣточекъ. Отъ сахару и сѣрной кислоты содержимое тонкостѣнныхъ клѣточекъ получаетъ красивый розовый цвѣтъ, что́ показываетъ богатство азотистыхъ матерій. Эта окраска вызывается таже упомянутыми реактивами и въ прозенхиматическихъ клѣточкахъ коры, но въ нихъ она касается не столько содержимаго, какъ внутренняго слоя ихъ стѣнокъ, сильно разбухающаго при этомъ. Еще слѣдуетъ замѣтить касательно тонкостѣнныхъ клѣточекъ, что имѣющія малый діаметръ расположены ближе къ сосудистымъ клѣточкамъ, а имѣющія большой діаметръ занимаютъ болѣе периферическое положеніе. Клѣточки, образующія влагалища, или группами расположенныя вокругъ сосудистаго пучка, имѣютъ стѣнки бурыя, сильно утолщенныя и иногда пористыя. Иногда утолщеніе ихъ стѣнокъ доходитъ до того, что почти изчезаютъ внутреннія ихъ пустоты. Если онѣ образуютъ влагалище, то оно состоитъ изъ одного или двухъ, или трехъ рядовъ клѣточекъ; но обыкновенно число этихъ рядовъ различно даже у одного и того же пучка и на одномъ и томъ же разрѣзѣ. Стѣнки ихъ или однообразно утолщены, или обращенныя къ пучку боковыя сильно утолщены и буры, а обращенныя кнаружи развѣ только слабо утолщены и безцвѣтны. Принадлежатъ ли эти клѣточки сосудистымъ пучкамъ или онѣ образуются изъ паренхимы? Рѣшить этотъ вопросъ можетъ только исторія развитія. Для рѣшенія этого вопроса, а также для того, чтобы ближе ознакомиться съ развитіемъ осевыхъ и периферическихъ органовъ папоротниковъ вообще, я обратился къ изслѣдованію точки роста стебля, избравъ на первый разъ Selaginella stolonifera и задавъ себѣ первой задачей опредѣленіе порядка дѣленій клѣточекъ. Собранные мною факты я еще однакоже не считаю вполнѣ достаточными для рѣшенія этого перваго вопроса.

Вышепоименованная работа, которой существенные результаты я привелъ, кромѣ ознакомленія съ самимъ предметомъ, служила для меня средствомъ къ пріобрѣтенію различныхъ практическихъ пріемовъ, необходимыхъ для изслѣдователя. Въ этомъ же послѣднемъ отношеніи между прочимъ очень полезны были для меня.

β) Занятія подъ руководствомъ Dr. Pringsheim'a. Предметомъ ихъ было опредѣленіе прѣсноводныхъ мѣстныхъ водорослей. Я долженъ былъ этимъ ограничиться, потому что время не благопріятствовало къ изслѣдованію исторіи ихъ развитія. Опредѣлялъ же я живыя водоросли, находившіяся въ лабораторіи Dr. Pringsheim'a, а также найденныя мною въ оранжереяхъ королевскаго ботаническаго сада, и при опредѣленіи ихъ, кромѣ указаній и сочиненій моего руководителя, я еще пользовался сочиненіями Kützing'a, Robenhurst'a, Naegeli, Braun'a, de Bary, Ralfs'a и др. Хотя, вслѣдствіе неблагопріятнаго времени года, матеріалъ для занятій и не былъ слишкомъ обиленъ, тѣмъ не менѣе однакоже я познакомился со многими формами мѣстныхъ водорослей и пріобрѣлъ нѣкоторый навыкъ въ ихъ опредѣленіи. Исчислять формы, мною опредѣленныя, а также упоминать о нѣкоторыхъ наблюденіяхъ, касающихся развитія водорослей, считаю излишнимъ, потому что послѣднія еще крайне отрывочны, а первое не можетъ быть ни для кого интереснымъ.

c и d) Кромѣ посѣщенія лекцій и практическихъ занятій, я по возможности старался также пополнять свои ботаническо-литературныя свѣдѣнія, при чемъ я имѣлъ въ виду сочиненія, касающіяся вопросовъ, составляющихъ предметы моихъ спеціальныхъ трудовъ, вновь появляющіеся ботаническіе сочиненія и журналы, а также нѣкоторыя сочиненія уже прежде вышедшія, но остававшіяся для меня неизвѣстными, а тѣмъ не менѣе интересныя. — Слѣдить за ходомъ современной литературы, кромѣ ботаническаго конверсаторіума, о которомъ я уже упоминалъ, мнѣ много содѣйствовали существующій въ Берлинѣ Botanischer Lesezirkel и собранія ботаническаго общества, учрежденнаго для изслѣдованія провинціи Бранденбурга и сосѣднихъ странъ. На эти собранія Braun приносилъ всѣ ботаническія новости, имъ получаемыя. Кромѣ того, собранія эти были для меня интересными и въ другомъ отношеніи. Здѣсь дѣлались научныя сообщенія, демонстрировались различные предметы и т. д.; такъ напр. Martens показывалъ собранныя имъ во время его поѣздки въ Китай и Японію морскія водоросли изъ родовъ Sargassum, Laurencia, Sphaerococcus, Halymenia, Chauvinia и др.,

при чемъ объяснялъ ихъ приготовленіе въ пищу. Онъ же показывалъ плоды и сухіе экземпляры одно — и дву сѣмянодольныхъ растеній, имъ собранные на островахъ Индѣйскаго океана. Профессоръ Braun показывалъ экземпляры Nasturtium anceps изъ различныхъ мѣстъ, при чемъ выразилъ свое мнѣніе, по которому эта форма ни что иное какъ помѣсь между N. sylvestre и N. amphibium. Dr. Ascherson прочелъ описаніе одной изъ своихъ экскурсій на островъ Сардинію и т. д. Засѣданія общества и занятія съ докторомъ Ascherson'омъ продолжаются и во время наступившихъ ферій. Въ настоящее каникулярное время я у себя на дому продолжаю свои микроскопическія наблюденія и кромѣ того занимаюсь чтеніемъ ботаническихъ сочиненій.

Весь будущій семестръ я полагаю провести въ Берлинѣ.

Берлинъ, $^{14}/_{26}$ марта 1864 года.

14) Кандидата А. Копылова.

Во второй половинѣ прошедшаго зимняго семестра я продолжалъ слушать тѣ же лекціи въ тюбингенскомъ университетѣ, о которыхъ упоминалъ въ прошломъ отчетѣ, и къ сдѣланной мною характеристикѣ этихъ лекцій прибавить нечего. Курсъ профессора *Паули* знакомилъ меня по прежнему съ литературой нѣмецкой исторіи, описаніемъ разныхъ важнѣйшихъ событій нѣмецкой государственной жизни, народнымъ развитіемъ, наконецъ характеристикой наиболѣе замѣчательныхъ дѣятелей и ихъ трудовъ. Другой курсъ (профессора *Тудихума*) помогалъ изучать постепенное развитіе формъ нѣмецкаго государственнаго устройства. Главнымъ пособіемъ для дополненія чтеній перваго изъ названныхъ преподавателей служили труды Гизебрехта и Палацкаго, для чтенія втораго — Эйхгорнова Rechtsgeschichte и Фиккера, «vom Reichsfürstenstande».

Историческая семинарія профессора *Паули*, какъ и бо́льшая часть подобныхъ учрежденій въ нѣмецкихъ университетахъ, не столько имѣетъ назначеніемъ познакомить занимающихся съ фактическими подробностями какой нибудь эпохи, сколько освоить ихъ съ правильными пріемами разработки историческаго матеріала. Главнымъ предметомъ занятій, въ которыхъ постоянно участвовало шесть человѣкъ, былъ разборъ хроники *Нитара*. Обыкновенный пріемъ профессора заключался въ томъ, что онъ постоянно во время чтенія обращался къ какому нибудь изъ слушателей съ вопросами, требуя

объясненія попадающихся именъ и терминовъ, указанія и объясненія событій, хотя и не упоминаемыхъ въ хроникѣ, но тѣсно связанныхъ съ встрѣчающимися въ ней лицами и событіями *), указанія мѣстностей на картѣ, описанія государственнаго и церковнаго устройства того времеки, наконецъ мнѣнія о вѣрности событій, сообщаемыхъ хронистомъ. Въ виду подобныхъ вопросовъ и обнаруженнаго профессоромъ желанія, чтобы каждый изъ занимающихся давалъ бы тоже подобнаго рода вопросы по поводу неясныхъ или особенно его интересующихъ предметовъ, занимающійся видѣлъ необходимость употребить часть времени на домашнее подготовленіе какихъ нибудь четырехъ или пяти главъ, разбиравшихся въ семинарскомъ собраніи. Обыкновенно подобное домашнее приготовленіе заключалось въ сравненіи текста разбираемой хроники съ другими хрониками, разсказывающими о тѣхъ же событіяхъ, при чемъ, если между разными текстами встрѣчалось противорѣчіе, разрѣшеніе послѣдняго дѣлалось при помощи карты (если противорѣчіе было географическаго свойства), *Бёмеровыхъ Regest*'ъ (если являлось хронологическое сомнѣніе), заключенія о большей или меньшей вѣроятности, вытекающей изъ самаго хода событій, положенія писателя, степени его достовѣрности и т. п. Постоянно употребляемыми мной для сравненія хрониками были жизнеописанія Лудовика Благочестиваго, составленныя *Теганомъ* и *Анонимомъ*, *Бертиніанскіе* (съ оффиціальнымъ значеніемъ) *Анналы* и продолженіе ихъ, приписываемое *Пруденцію троаскому*, наконецъ *Annales Fuldenses*. Изъ новѣйшихъ сочиненій, разсматривающихъ эту эпоху, приходилось пользоваться сочиненіями *Гфрёрера* и *Дюмлера*. Такимъ образомъ, результатами подобныхъ занятій явились — знакомство съ названными сочиненіями и сдѣланная на основаніи этихъ сочиненій критическая провѣрка матеріала, нужнаго для изученія тогдашней эпохи.

Домашнія мои занятія, кромѣ чтенія названныхъ сочиненій, были направлены главнымъ образомъ на изученіе англійской государственной исторіи, при чемъ пособіями служили труды *Лаппенбергъ-Паули*, *Гнейста*, *Филипса* и *Крабба* (исторія англійскаго права), для временъ Нормандской династіи и Плантагенетовъ тѣ же сочиненія *Гнейста* и *Крабба*, кромѣ того *Ранке* и *Галламъ* для но-

*) Такъ, напр., по поводу упоминанія именъ Арх. *Эбо* Реймскаго и *Отгара* Майнцскаго былъ подробно разобранъ вопросъ о лже-исидоровыхъ декреталіяхъ и проч.

ваго времени и *Мей* для новѣйшаго. Изученіемъ названныхъ сочиненій я счелъ возможнымъ заключить мои занятія по этой части, потому что ни время, ни мѣстныя обстоятельства не позволяютъ мнѣ войти глубже въ этотъ предметъ и приняться за болѣе основательное изученіе источниковъ. Притомъ самое мое знакомство съ послѣдними весьма неполно и основывается лишь на тѣхъ свѣдѣніяхъ, какія даны трудами Лаппенберга и Паули. Поэтому я предполагаю дальнѣйшія занятія по этой части предоставить времени, а покамѣстъ, въ будущемъ семестрѣ, приняться за изученіе французской государственной исторіи.

Считаю умѣстнымъ еще упомянуть о томъ, что мое семинарское сочиненіе «Die Frage vom Privatgrundeigenthum bei den alten Germanen» представлено мною въ февралѣ въ редакцію журнала министерства народнаго просвѣщенія съ просьбой помѣстить его, какъ дополненіе къ отчету о моей семинарской дѣятельности*). Сочиненіе это, котораго разборъ занялъ три послѣднія семинарскія засѣданія, подверглось сильнымъ возраженіямъ со стороны профессора Паули, принадлежащаго по своимъ мнѣніямъ къ среднему изъ трехъ описанныхъ мною направленій. Самымъ главнымъ изъ возраженій было то, что я свидѣтельства Тацита о данномъ вопросѣ заимствовалъ лишь изъ «Германіи» этого писателя, оставивши безъ вниманія его другіе труды.

Тюбингенъ, 25-го марта 1864 года.

15) Магистранта Ѳ. Гарничъ-Гарницкаго.

Въ февралѣ мѣсяцѣ я переѣхалъ изъ Гейдельберга въ Парижъ, гдѣ гораздо болѣе удобствъ для химика, занимающагося самостоятельными изслѣдованіями, хотя съ другой стороны работы здѣсь обходятся несравненно дороже нежели въ Германіи. Работаю я въ лабораторіи профессора Вюрца. Въ это короткое время мнѣ удалось сдѣлать двѣ очень интересныя работы:—первая синтезъ молочной кислоты, вторая синтезъ бензойной кислоты. Молочную кислоту я получилъ при дѣйствіи хлоро-окиси углерода на этильалкоголь. При этомъ реакція происходитъ такъ, что сперва образуется молочный хлоръ ангидридъ, который съ избыткомъ алкоголя даетъ молочный эѳиръ, разлагающійся съ водою на алкоголь и молочную

*) Напечатано въ апрѣльской книжкѣ. *Ред.*

кислоту. $C_2 H_6 O + COCl_2 = HCl + C_3 H_5 O_2 Cl$, который съ $C_2 H_6 O$ даетъ $C_3 H_5 (C_2 H_5) O_3 + HCl$, а съ $H_2 O = C_3 H_6 O_3$ и $C_2 H_6 O$.

Бензойную кислоту я получилъ при дѣйствіи на бензинъ хлорокиси углерода. Реакція при этомъ происходитъ такъ, что получается хлористый бензоилъ, который съ водой даетъ бензойную и соляную кислоты, т. е. $C_6 H_6 + COCl_2 = HCl + C_7 H_5 OCl$, который съ $H_2 O = C_7 H_6 O_2$ и HCl.

А такъ какъ этилевый алкоголь и бензинъ можно получить изъ простыхъ неорганическихъ элементовъ, то слѣдовательно, на основаніи моихъ работъ, можно получить искусственно и такія сложныя органическія тѣла, какъ молочная и бензойная кислоты.

Кромѣ занятій въ лабораторіи, я посѣщаю еще лекціи органической химіи Бертело, и лекціи неорганической химіи Вюрца.

Парижъ, $^{14}/_{26}$ марта 1864 года.

16) Магистранта Іосифа Шиховскаго.

Въ теченіи послѣдняго триместра занятія мои состояли въ продолженіи того, чѣмъ я занимался и въ предъидущемъ триместрѣ. Только, такъ какъ въ настоящее время кончился зимній семестръ, то я позволяю себѣ сказать еще нѣсколько словъ о лекціяхъ, прослушанныхъ мною въ теченіе сего послѣдняго.

Курсъ профессора Моммзена, «исторія первыхъ временъ римской имперіи», доведенный имъ до правленія императора Траяна включительно, былъ интересенъ для меня въ двоякомъ отношеніи. Во 1-хъ, по многимъ новымъ взглядамъ профессора Моммзена какъ на лица, такъ и на значеніе иныхъ событій изложенной имъ эпохи. Во 2-хъ, по критической оцѣнкѣ источниковъ на отдѣльныхъ примѣрахъ, черезъ что профессоръ Моммзенъ вводилъ своихъ слушателей въ самый методъ критической разработки историческаго матеріала.

О курсѣ профессора Дройзена, «новая исторія со времени реформаціи до начала XVIII столѣтія», можно сказать, что онъ былъ очень общій и отличался только хорошимъ изложеніемъ.

Курсъ профессора Барта, «исторія географическихъ открытій», доведенный имъ до перваго кругосвѣтнаго путешествія Магелана и его спутниковъ, напротивъ отличался болѣе интересомъ содержанія, чѣмъ своимъ изложеніемъ.

Доцентъ Дегенкольбъ изложилъ «римскія учрежденія» совершенно сообразно съ цѣлью подобныхъ лекцій. Такъ, онъ ясно и

отчетливо представилъ историческій ходъ развитія римскихъ гражданскихъ учрежденій и, объясняя отдѣльно каждое изъ нихъ, постоянно цитировалъ мѣста самихъ источниковъ, на основаніи коихъ выводилъ свои опредѣленія.

Въ семинаріи профессора Моммзена я по прежнему принималъ участіе.

Домашнія мои занятія главнымъ образомъ состояли, какъ и въ теченіи предъидущаго триместра, въ изученіи исторіи римской имперіи по источникамъ, какъ то: Тациту, Діону Кассію, Светонію и другимъ. При этомъ я не упускалъ изъ виду и новѣйшихъ монографій касательно этого предмета. Такъ, укажу на слѣдующія: *Egger:* Examen critique des historiens anciens de la vie et du règne d'Auguste. Paris 1844. — *H. Lehmann:* Claudius und Nero und ihre Zeit. Послѣдняго сочиненія вышла только первая часть: Claudius und seine Zeit. Gotha 1858. и *A. Imhof:* C. Flavius Domitianus. Сіе послѣднее, не смотря на свой малый объемъ, очень вѣрно характеризуетъ правленіе Домиціана и даетъ живое понятіе о состояніи современнаго ему общества.

Берлинъ, $^{19}/_{31}$ марта 1864 года.

17) Кандидата Арнольда Думашевскаго.

Въ послѣднемъ отчетѣ своемъ я писалъ, что я остался въ Гейдельбергѣ и на истекшій зимній семестръ главнымъ образомъ ради курса г. Рено — *французское гражданское право.* О немъ то я и хочу поговорить теперь.

Какъ при чтеніи общегерманскаго права (см. мой отчетъ за апрѣль — іюнь мѣсяц. прошлаго года) г. Рено предполагаетъ въ своихъ слушателяхъ знакомство съ римскимъ правомъ, такъ точно онъ при чтеніи французскаго права исходитъ изъ предположенія, что слушатели его знакомы уже не только съ римскимъ, но и съ общегерманскимъ правомъ, и потому онъ читаетъ имъ только то, что составляетъ особенность кода наполеонова — *французское* право. Этимъ объясняется то обстоятельство, что г. Рено успѣваетъ прочесть въ теченіе *одного* семестра, по *шести* часовъ въ недѣлю, цѣлый курсъ французскаго права, который во Франціи читается въ теченіе *шести* семестровъ или *трехъ* академическихъ годовъ.

Такой характеръ чтеній г. Рено оправдывается и дѣлается возможнымъ не только принятымъ въ германскихъ университетахъ

порядкомъ слушанія лекцій, но и *существомъ* предмета чтеній г. Рено.

Скажу нѣсколько словъ о томъ и другомъ.

Германскіе университеты не раздѣлены на курсы, слѣдовательно въ нихъ нѣтъ формальнаго, такъ сказать, казеннаго порядка слушанія лекцій; но обычай замѣнилъ здѣсь оффиціальную регламентацію и установилъ извѣстный порядокъ, котораго рѣдкій студентъ не соблюдаетъ и за которымъ нельзя не признать ни разумности, ни цѣлесообразности.

Въ каждомъ же почти германскомъ университетѣ кромѣ римскаго и общегерманскаго правъ читается еще то или другое мѣстное право (Particularrecht), и иногда и нѣсколько таковыхъ. Такъ, въ прусскихъ университетахъ читается прусское земское право и рейнское право, въ австрійскихъ — австрійское, въ баварскихъ — баварское и пр.

По сказанному обычаю къ слушанію этого мѣстнаго права студенты приступаютъ уже послѣ курсовъ римскаго и общегерманскаго права.

Баденское же земское право есть ни что иное, какъ кодъ наполеоновъ въ *оффиціальномъ* нѣмецкомъ переводѣ съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, но съ сохраненіемъ даже порядка и числа нумеровъ статей кода.

Слѣдовательно и здѣсь студенты приступаютъ къ слушанію французскаго права, на которое они смотрятъ какъ на свое земское право, уже послѣ римскаго и общегерманскаго, а потому то и предположеніе г. Рено не есть только одна презумпція, но и дѣйствительный фактъ.

Но еще болѣе оправдывается характеръ чтеній г. Рено *существомъ* самаго предмета его лекцій.

Жизнь запада сложилась изъ двухъ элементовъ — римскаго и германскаго. Это конечно обнаружилось и на правѣ западныхъ народовъ. Дѣйствительно, весь юридическій бытъ западной Европы и даже всѣ современные кодексы суть ни что иное, какъ болѣе или менѣе удачное смѣшеніе и объединеніе римскаго и германскаго правъ.

Уже по одному этому общему правилу можно было бы предполагать, что и кодъ наполеоновъ долженъ быть ни что иное, какъ такого рода амальгама.

Но это дѣйствительно такъ и есть. Кодъ наполеоновъ не есть новое созданіе, а только приведенное въ систему и формулированное право, господствовавшее во Франціи до изданія кода. До этого же времени состояніе права во Франціи было такое же, какъ и въ Германіи, т. е., дѣйствующимъ правомъ было римское, германское и, если можно такъ назвать, *указное*. Разница только въ томъ, что въ Германіи германское право выразилось въ видѣ ландрехтовъ и мѣстныхъ статутовъ, а во Франціи въ видѣ *coutumes;* указное же въ Германіи проявлялось въ *имперскихъ* указахъ различнаго наименованія, во Франціи же въ *королевскихъ* указахъ.

Но и это указное право было также большею частью не что либо новое, а только соединеніе сказанныхъ двухъ главныхъ элементовъ.

Особенность Франціи, до изданія кода, состояла еще въ томъ, что она дѣлилась въ юридическомъ отношеніи на двѣ части — на область римскаго права (pays du droit écrit) и область обычнаго (германскаго) права (pays du droit coutumier). Но это дѣленіе не должно понимать такъ строго, какъ это можно бы было заключить изъ этихъ названій. Дѣленіе это не значитъ, что въ одной части Франціи дѣйствовало только римское право, а въ другой только обычное право, а только то, что въ одной мѣстности преобладало первое, а въ другой — второе.

При редакціи же кода имѣли въ виду не создать новое право для французовъ, а только систематизировать и формулировать то право, которое уже существовало во Франціи, и такимъ образомъ составить единое право для всего государства.

Но во Франціи, какъ уже было сказано, кромѣ общаго для всего государства римскаго и указнаго, существовало еще множество мѣстныхъ правъ (coutumes). Какъ же было тутъ поступать? Какія coutumes принять и какія кассировать? Редакторы поступили здѣсь очень консервативно. Исходя отъ основной мысли *не создать*, а *составить* право, они принимали ту или другую coutume не по произволу или личному усмотрѣнію, а принимали только тѣ coutumes, которыя имѣли силу у наибольшей части населенія Франціи и, слѣдовательно, имѣли преимущественное право на названіе общефранцузскаго права, — а такъ какъ coutume de Paris во многихъ юридическихъ институтахъ имѣло въ этомъ отношеніи преимущество предъ всѣми другими, то редакторы изъ него большею частью и черпали.

Уже по этому характеру самаго матеріала кода онъ долженъ

былъ заключать въ себѣ элементы римскій и германскій. Но этому содѣйствовало еще другое, внѣшнее обстоятельство. Случилось такъ, что два изъ главныхъ редакторовъ кода явились здѣсь представителями этихъ двухъ элементовъ. *Тронше* былъ изъ сѣвера Франціи, области обычнаго права, а *Порталесъ* изъ юга, области римскаго права, и, слѣдовательно, каждый невольно вносилъ въ кодъ тотъ элементъ, который преобладалъ въ его мѣстности.

Исходя изъ этихъ соображеній, г. Рено не изчерпываетъ въ своихъ лекціяхъ всего матеріала кода, но во многихъ институтахъ онъ отсылаетъ своихъ слушателей къ римскому или общегерманскому праву, если кодъ сходится съ тѣмъ или другимъ правомъ. Такъ онъ всю *особенную* часть французскаго права успѣлъ пройти сравнительно въ очень короткое время, такъ какъ ему очень часто приходилось повторять: «М. м. Гг., здѣсь кодъ слѣдуетъ римскому праву», или «это общегерманскій институтъ, который вы знаете уже изъ другаго курса» и т. под.

Такая система чтеній имѣетъ, какъ и все на свѣтѣ, свою хорошую и дурную стороны.

Такой курсъ недостаточенъ конечно для будущаго практика, которому предстоитъ примѣнять французское право въ судѣ, какъ судьѣ или адвокату. Баденцы большею частью и слушаютъ французское право не въ гейдельбергскомъ, а въ фрейбургскомъ университетѣ, гдѣ оно читается спеціально какъ *«баденское земское право»*, по 12 часовъ въ недѣлю, при чемъ обращается особое вниманіе на дополненія и измѣненія, сдѣланныя въ баденскомъ оффиціальномъ переводѣ кода наполеонова.

Но для изучающаго французское право не съ практическою цѣлью, а въ видахъ сравнительнаго изученія права, какъ вспомогательнаго средства, такой курсъ какъ не можетъ быть болѣе кстати. Онъ не только знакомитъ съ французскимъ правомъ и его особенностями, но и представляетъ самый удобный случай уловить особенности и другихъ правъ — римскаго и общегерманскаго.

Это о внѣшней сторонѣ чтеній г. Рено.

Скажу теперь еще нѣсколько словъ объ ихъ внутренней, догматической сторонѣ. Но здѣсь я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе для лучшаго уясненія той особенности этой стороны чтеній г. Рено, на которую я хочу обратить здѣсь вниманіе.

Въ области общегерманскаго права, какъ науки, существуютъ теперь два-три, назовите ихъ какъ хотите, стана, лагеря, школы —

все равно. Я разумѣю здѣсь *романистовъ* и *германистовъ*, но не какъ профессоровъ римскаго или германскаго права и не какъ ученыхъ, занимающихся тѣмъ или другимъ правомъ, а какъ два направленія въ области единаго общегерманскаго права.

Дѣло вотъ въ чемъ.

Извѣстно, что одна изъ особенностей римскаго права состоитъ въ богатствѣ и выработкѣ принциповъ, началъ. Римское право ставитъ во главѣ каждаго института то или другое начало, которое оно потомъ съ неумолимою послѣдовательностью проводитъ по всему данному институту. Такъ оно учитъ, напр., что *собственность* есть *полное* господство человѣка надъ данною вещью, а потому, наприм. recte dicimus, cum fundum *totum* nostrum esse, etiam quum ususfructus alienus est, quia ususfructus *non* dominii pars, sed servitutis est. Далѣе: servitus servitutis esse *non* potest; servitus in faciendo consistere *non* potest. Далѣе: *nemo* pro parte testatus, pro parte intestatus decedere potest и пр. и пр.

Другая особенность римскаго права состоитъ въ томъ, что оно строго различаетъ и отдѣляетъ личныя права отъ вещныхъ и частное отъ публичнаго.

Но вотъ явились германцы, которые не только не знали всѣхъ этихъ теорій римскихъ юристовъ, но и знать не хотѣли. Юридическій бытъ ихъ складывался въ такія формы, которыя не вмѣщались ни въ одну изъ этихъ римскихъ теорій.

Пока жизнь германцевъ складывалась и текла только въ силу законовъ, присущихъ человѣческой природѣ и окружающаго насъ внѣшняго міра, безъ вліянія на нихъ сознанія человѣкомъ этихъ же законовъ,—никто конечно не замѣчалъ этихъ несообразностей юридическаго быта германцевъ.

Но когда нѣмцы стали научно разработывать свое право, т. е., когда они начали систематизировать и формулировать тотъ юридическій матеріалъ, который успѣла выработать германская жизнь, они и стали замѣчать эти несообразности, которыя и сдѣлались причиною сказаннаго раскола.

Понятно, что къ разработкѣ германскаго права могли приступить только романисты, т. е., только тѣ юристы, которые до того времени занимались только римскимъ правомъ. Еще болѣе понятно, что эти романисты смотрѣли на германскій юридическій бытъ сквозь римскую доктрину—а черезъ эти очки имъ все являлось здѣсь въ самомъ несообразномъ видѣ.

Оказывалось, что германскій юридическій бытъ и знать не хотѣлъ всѣхъ этихъ римскихъ *«non»* и *«nemo»*. У него выходило, напр., что servitus in faciendo consistere posse, и под.

Далѣе, римское право различаетъ и отдѣляетъ вещное право отъ личнаго, и частное отъ публичнаго; германское же перемѣшало все это самымъ безцеремоннымъ образомъ.

Какъ же тутъ быть? Подъ какія категоріи подвести тѣ или другіе институты германцевъ, не подходящіе ни подъ одну изъ римскихъ теорій? Куда отнести, напр., ну хотя право суда помѣщика надъ своими крестьянами (Patrimonialgerichtsbarkeit), всѣ реальныя тяги (Reallasten), ленное право, разные германскіе союзы (Verband) и пр.?

Нѣкоторые юристы стали выдумыватъ для германскихъ институтовъ особыя техническо-юридическія названія; такъ, напр., для выраженія имущественныхъ отношеній въ ленномъ правѣ они выдумали названія *dominium directum et utile*, *Ober-* und *Nutz-Eigenthum;* для имущественныхъ отношеній членовъ разныхъ германскихъ союзовъ— *Gesammt-* und *Sondereigenthum;* для самихъ этихъ союзовъ они отыскали названіе *Genossenschaft*, отличное и отъ римскаго *universitas* и отъ *societas*, и под.

Другіе же юристы возмущались и возмущаются и теперь всѣми этими новыми терминами и отвергаютъ ихъ, какъ несогласные съ римскою догмою.

Эти то два класса юристовъ и суть представители тѣхъ двухъ направленій въ германскомъ юридическомъ мірѣ, о которыхъ я говорилъ выше, и которыя ведутъ между собою очень интересную борьбу.

Такъ, напр., германисты говорятъ: *Ober-* und *Nutz-Eigenthum»*— «нелѣпость», возражаютъ имъ романисты: *«Eigenthum»* по латыни значитъ *«dominium»*, а *dominium* есть *полное* (въ предѣлахъ *общихъ* законовъ) господство лица надъ вещью; значитъ два права собственности на одинъ и тотъ же предметъ быть не могутъ. Можетъ быть *condominium — pro parte*, или *pro indivisu*, могутъ быть jura in re aliena — но двухъ правъ собственности на одинъ и тотъ же предметъ, повторяемъ, быть не можетъ. То же, что̀ вы называете *Ober-* и *Nutzeigenthum* есть не что иное, какъ римское *condominium* или *jus in re aliena* — и въ доказательство своихъ словъ романисты тычатъ имъ какимъ нибудь Павломъ и всѣмъ corpus juris civilis.

Неправда ваша, возражаютъ имъ германисты; вотъ Павлъ для насъ не указъ; у насъ, въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Мюнхенѣ или Франкфуртѣ — словомъ, *въ области германскаго права* должно слушаться не Павла, а нашихъ *германскихъ* шпигелей и ландрехтовъ, — по этимъ же существуетъ не только *condominium*, но и *dominium directum et utile* и пр. Германское понятіе *Eigenthum* гораздо шире и эластичнѣе римскаго *dominium*, и потому вотъ corpus juris civilis для насъ не указъ.

Точно такіе же споры ведутся между романистами и германистами относительно многихъ другихъ пунктовъ гражданскаго права; напр. въ ученіи объ юридическихъ лицахъ, о сервитутахъ и пр.

Все изложенное мною здѣсь о господствующихъ въ общегерманскомъ правѣ двухъ направленіяхъ имѣетъ однакожъ цѣлью не характеризированіе этихъ направленій, а только показать характеръ юридической критики германскихъ юристовъ и дать мнѣ возможность и право сдѣлать слѣдующій выводъ: германскіе юристы при разработкѣ положительнаго права исходятъ изъ предвзятыхъ, напередъ составленныхъ теорій и желаній и неумолимо отвергаютъ въ немъ все то, что не согласно съ тѣми или другими.

Такъ романисты хотѣли бы вездѣ провести свою римскую догму, а германисты желали бы въ свою очередь по возможности расширить свое родное право, чтобы выжить чужеземное, римское, — а главное, доказать, что германское право выше, развитѣе, нравственнѣе — словомъ, несравненно лучше римскаго.

Было бы конечно слишкомъ наивно приписывать этотъ характеръ юридической науки въ Германіи винѣ германскихъ юристовъ, ихъ личному капризу. Всякій фактъ, всякое явленіе на землѣ не падаетъ къ намъ изъ хрустальнаго неба магометова, и выростаетъ у насъ же на землѣ, изъ другихъ же фактовъ, изъ другихъ явленій.

Это относится и къ нашему предмету. И характеръ германской юридической науки есть слѣдствіе неумолимое, какъ и все въ природѣ, другихъ предшествовавшихъ данныхъ, въ разъясненіе которыхъ я, впрочемъ, входить здѣсь не могу, ибо это увлекло бы меня слишкомъ далеко.

Словомъ, этотъ характеръ не только вполнѣ законенъ относительно общегерманскаго права какъ фактъ, но даже отчасти и умѣстенъ здѣсь.

Но если эта предвзятость теорій умѣстна въ общегерманскомъ правѣ, не имѣющемъ, какъ извѣстно, полныхъ и твердыхъ источниковъ, а созданномъ большею частью только теоріею, то она навряд ли умѣстна при разработкѣ французскаго права, имѣющаго такой полный, абсолютный и конкретный источникъ — *Code Napoléon*.

Въ общегерманскомъ правѣ юристу приходится отыскивать общегерманскіе принципы въ сонмѣ источниковъ, самыхъ разнообразныхъ, неполныхъ, составленныхъ въ самыя различныя времена, при различныхъ обстоятельствахъ и разными лицами.

Понятно, что здѣсь юристъ нерѣдко находится въ необходимости и въ правѣ не признать того или другаго положенія, того или другаго источника.

Совершенно другое дѣло французское право. Оно заключается въ *одномъ* источникѣ—кодѣ наполеоновомъ, составленномъ въ *одно*, и притомъ въ новѣйшее время, людьми юридически хорошо образованными, полномъ и имѣющемъ *исключительную* законную силу.

Спрашивается же, можетъ ли, вправѣ ли и здѣсь юристъ опрокидывать, не признавать цѣлаго ряда статей этого положительнаго источника, если онѣ несогласны съ его теоріею, и признать ихъ ошибкою редакціи? Думаю нѣтъ.

Разработывающій положительное право можетъ указать на тотъ или другой промахъ редакціи въ какой либо статьѣ. Это понятно, ибо нѣтъ въ Европѣ ни одного кодекса, гдѣ бы нельзя было указать на большее или меньшее количество такихъ ошибокъ редакціи.

Такъ напр., въ нашемъ сводѣ ихъ не мало. Какъ на образецъ я укажу на ст. 515 т. X. Эта ст. говоритъ: «*Владѣніе*, когда оно соединено въ одномъ лицѣ съ *правомъ собственности*, есть существенная *часть* сего права». По ст. же 420 право собственности *заключаетъ* уже въ себѣ и пользованіе, и распоряженіе и *владѣніе*. Значитъ, эти *три* частныя права суть *части* одного верховнаго права — права собственности. Слѣдовательно, по ст. 515 выходитъ: 1) что единица (право собственности) можетъ заключать въ себѣ цѣлое (пр. соб.) и еще *часть* (владѣніе)—нѣчто въ родѣ *все* съ $1/2$; и 2) что *цѣлое* (пр. соб.), когда оно соединено съ своею *частью* (владѣніе), составитъ только «существенную *часть*» этого же цѣлаго.

Это очевидно ошибки редакціи.

Но основной принципъ ученой юридической интерпретаціи состоитъ въ томъ, что за нимъ *de jure* должно предполагать здра-

вый смыслъ, т. е., должно предполагать, что законъ ошибокъ не дѣлаетъ, и только при самой неумолимой, очевидно, должно допускать это.

Г. же Рено, увлекаемый своими предвзятыми теоріями, доходитъ до того, что не только признаетъ то или другое выраженіе кода ошибкою редакціи, но и считаетъ себя вправѣ опрокидывать цѣлый рядъ статей, высказывающихъ извѣстный принципъ, послѣдовательно проводимый кодомъ вездѣ, гдѣ только приходится приложить его, и признать ихъ ошибкою редакціи.

Какъ на одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ образцовъ такого рода интерпретаціи г. Рено, я укажу на ученіе его о переходѣ права собственности по французскому праву.

Вопросъ здѣсь вотъ въ чемъ:

Гдѣ тотъ моментъ, та грань, та демаркаціонная линія, за которою при переходѣ права собственности прекращается право одного лица, прежняго собственника, и начинается право собственности другаго лица, новаго пріобрѣтателя?

Важность этого вопроса извѣстна каждому цивилисту.

Кодъ наполеоновъ спеціально говоритъ объ этомъ въ ст. 1136—1141. Въ первыхъ четырехъ изъ этихъ статей явно высказано, что по коду моментъ этотъ есть именно *моментъ совершенія* (perfectio) того договора, по которому собственность переходитъ.

При этомъ кодъ какъ здѣсь, такъ и вездѣ, гдѣ ему приходится говорить объ отчужденіи права собственности, не дѣлаетъ различія въ этомъ отношеніи между вещами движимыми и недвижимыми.

Со всѣмъ этимъ согласенъ и г. Рено; но основываясь на началѣ ст. 2279, гдѣ говорится — «En fait de meubles la possession vaut titre»; г. Рено утверждаетъ, что по французскому праву права собственности на *движимыя* вещи переходятъ не по договору, а *только по передачѣ* — и всѣ статьи кода, утверждающія, какъ сказано, совершенно противное, онъ признаетъ ошибкою редакціи — и все это *только* на основаніи *единственнаго* мѣста ст. 2279.

Это рѣзкое мнѣніе г. Рено, стоящее въ такомъ полномъ разладѣ съ положительными статьями кода, побудило меня обратиться къ г. Рено въ одно изъ моихъ посѣщеній у него на дому за личнымъ объясненіемъ. Но, къ сожалѣнію, я нашелъ въ его отвѣтахъ только ту же предвзятость теорій, о которыхъ я говорилъ выше.

На мои сомнѣнія онъ прямо отвѣтилъ мнѣ: «Да помилуйте, объ этомъ и спора не должно быть; это такъ: это *неполное германское начало*, выразившееся въ нѣмецкихъ юридическихъ пословицахъ: Hand muss Hand waschen», «Wo einer seinen guten Glauben gelassen, da muss er ihn wieder suchen», и въ франц.—Les meubles n'ont point de suite». *Это же самое начало* и высказано кодомъ въ выраженіи: «En fait de meubles и пр.».

Что противъ этого можно много чего возражать — это понятно; но я имѣю здѣсь цѣлью не критиковать кодъ и не полемизировать съ г. Рено, а только показать *характеръ* чтеній г. Рено. Этого же послѣдняго, думаю, я достигъ, а потому и перехожу къ другому предмету.

Съ окончаніемъ семестра я на дняхъ оставляю Германію, и считаю своимъ долгомъ заявить свою искреннюю признательность тѣмъ гг. профессорамъ, съ которыми я имѣлъ удовольствіе сблизиться, за ихъ полную готовность быть полезными своими указаніями и совѣтами и за тотъ радушный пріемъ, который я встрѣчалъ и въ ихъ семейномъ кругу.

Гейдельбергъ, $^{8}/_{20}$ марта 1864 года.

18) Кандидата М. Стефановича.

Конецъ лѣтняго семестра я провелъ въ Берлинѣ, гдѣ занимался — кромѣ слушанія лекцій избранныхъ мною профессоровъ, о которыхъ я имѣлъ честь говорить въ предъидущемъ отчетѣ,—изученіемъ отношеній Россіи къ западнымъ державамъ. Источниками служили мнѣ между прочимъ акты историческіе, относящіеся къ Россіи, извлеченные изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ *А. И. Тургеневымъ*, и Monuments historiques relatifs aux régnes d'Alexis Michaelowitsch, Teodor III et Pierre le Grand, czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples par *Augustin Thèiner*. Rome. 1859. Кромѣ того, въ королевской библіотекѣ я имѣлъ возможность сравнить наши лѣтописи, изданныя археографическою коммиссіею, съ западно-европейскими хрониками и другими лучшими изданіями историческихъ матеріаловъ.

Уже болѣе ста лѣтъ, какъ изслѣдованіе русской старины начало принимать серьезное направленіе, и наша историческая литература въ состояніи указать на труды нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ, которые могутъ стать на ряду съ лучшими произведеніями

германской исторіографіи; нѣкоторые вопросы въ нашей наукѣ рѣшены совершенно самостоятельно, независимо отъ теорій западныхъ ученыхъ; на нѣкоторыя стороны прошедшей жизни русскаго народа наши ученые обратили существенное вниманіе, опредѣлили историческое ихъ значеніе и стараются дать имъ права гражданства въ одно время и въ той степени, какъ это сдѣлала германская наука. Казалось бы при всемъ этомъ, когда нѣкоторыя частности нашей исторіи являются теперь въ такомъ радужномъ цвѣтѣ, полагать должно, что самое существенное доведено до значительнаго совершенства и не представляетъ никакихъ трудностей при пользованіи имъ. Я говорю о нашихъ лѣтописяхъ и другихъ историческихъ источникахъ, изданныхъ въ Россіи. Совершенствомъ обработки историческаго матеріала опредѣляется и степень состоянія самой науки, и, на оборотъ, сырость его, если такъ можно выразиться, скажетъ всякому, что наука еще находится на первыхъ ступеняхъ своего развитія и есть только цѣховая собственность небольшаго кружка ученыхъ.

Стоитъ только взглянуть на наши лѣтописи, чтобы убѣдиться въ первобытномъ, до историческомъ ихъ состояніи, не говоря уже о сравненіи ихъ съ подобными западно-европейскими изданіями. Есть истины старыя какъ свѣтъ и ясныя до того, что казалось бы неловкимъ и говорить о нихъ; но, встрѣтясь съ дѣйствительностію, видимъ, что, не смотря на свою старость и ясность, эти истины существуютъ только de jure, и не видно еще предѣла, когда начнется давно желанное у насъ осуществленіе ихъ на дѣлѣ.... Изданіе западно-европейскихъ хроникъ, напр. Перца «Monumenta» и другихъ историческихъ матеріаловъ въ родѣ извѣстнаго Inscriptions antiques de Lyon par *A. Boissieu* 1846—54, извѣстны у насъ со времени появленія ихъ въ свѣтъ; всѣ, кто ими пользовался, признали ихъ неоспоримыя достоинства; при всемъ томъ это нисколько не помѣшало нашимъ лѣтописямъ надолго оставаться въ первобытномъ состояніи, въ состояніи сырого матеріала, нуждающагося въ долговременной и тщательной разработкѣ, чтобы сдѣлаться доступнымъ по крайней мѣрѣ образованному большинству, интересующемуся родною стариною.

При каждомъ изъ новѣйшихъ изданій западно-европейскихъ хроникъ находятся подробныя указанія на параллельныя мѣста другихъ хроникъ и сказаній, въ примѣчаніяхъ можно найти краткія объясненія темныхъ и двусмысленныхъ мѣстъ, попадающихся въ

хроникахъ, ссылки на сочиненія и монографіи, въ которыхъ эти мѣста подробно объясняются, и вообще указанія на литературу вопросовъ, которые были затрогиваемы въ наукѣ по поводу самой хроники и ея содержанія; кромѣ того, въ концѣ приложены подробные указатели содержанія хроникъ *); такъ что начинающему изучать какой нибудь отдѣлъ западно-европейской исторіи стоитъ только взять лучшее изданіе хроникъ и, при его помощи, онъ легко можетъ оріентироваться въ предметѣ своихъ занятій. Не то у насъ. Списки нашихъ хронографовъ изданы въ томъ видѣ, въ какомъ они найдены археологами и переданы въ коммиссію, съ тою только разницею, что при изданіи были попытки сдѣлать сводъ, въ которомъ, неизвѣстно почему, одно выброшено, а другое прибавлено, да въ такъ называемыхъ примѣчаніяхъ показаны безчисленныя разнообразія буквъ, встрѣчающіяся въ различныхъ спискахъ; а если и попадаются объясненія казавшихся издателямъ темныхъ мѣстъ, то эти объясненія такого рода, что съ первой же страницы отобьютъ у всякаго охоту дальше въ нихъ и заглядывать. Напр., на первыхъ листахъ Воскресенскаго списка находится такое курьезное объясненіе: *собравъи*, по мнѣнію издателей, нужно читать: *собравъ и*; тогда какъ по смыслу очень просто читается: *собра въи* (вои), какъ и написано въ изданіи Миклошича: *Chronica Nestoris, textum russico-slovenicum*. 1860. Такихъ объясненій безчисленное множество, не говоря уже о томъ, что на параллельныя мѣста другихъ сказаній и на литературу предмета не было и желанія сдѣлать указаній. Отъ этого происходитъ, что большая часть приступающихъ къ изученію русской исторіи, вмѣсто того, чтобъ начинать съ лѣтописей и на историческія монографіи смотрѣть какъ на пособіе, на оборотъ, лѣтописями пользуются только какъ пособіями для повѣрки выводовъ позднѣйшихъ писателей и ограничиваются большею частію чтеніемъ только того изъ источниковъ, на что есть указанія въ прочитанныхъ ими монографіяхъ или какой нибудь *исторіи Россіи*, и наполняютъ свои *сочиненія* фразами, заслоняющими собою сущность дѣла. Естественно, при такой системѣ занятій наука мало выигрываетъ. Въ Германіи этого быть не можетъ. При помощи только однихъ источниковъ каждый желающій заниматься наукою можетъ, какъ мы выше сказали, оріентироваться въ предметѣ сво-

*) Арх. коммиссія, при изданіи *актовъ историческихъ, юридическихъ и археографической экспедиціи*, тоже сдѣлала указатели *именъ*, попадающихся въ актахъ; но эти указатели очень мало облегчаютъ пользованіе этими изданіями.

ихъ занятій, въ историческихъ семинаріяхъ профессора разскажутъ ему все, что̀ есть хорошаго и дурнаго, годнаго и негоднаго въ литературѣ изучаемаго имъ отдѣла, все, что̀ наука сдѣлала по этому предмету и что̀ еще остается сдѣлать. Каждый студентъ поэтому, приступая къ спеціальной работѣ, вполнѣ владѣетъ запасомъ предварительныхъ пособій и находится внѣ возможности запутаться въ массѣ матеріала. Нѣтъ слова, что и у насъ есть подобные руководители, но ихъ можно сосчитать по пальцамъ, и притомъ не болѣе двухъ трехъ мѣстностей въ обширной Россіи, гдѣ сосредоточены эти личности, могущія своими совѣтами и указаніями облегчить трудъ приступающихъ къ спеціальнымъ занятіямъ. Такимъ образомъ при разработкѣ нѣкоторыми личностями отдѣльныхъ частей русской исторіи и при существованіи и теперь такихъ свѣтлыхъ личностей, наука русской исторіи до сихъ поръ есть достояніе далеко не многихъ, даже очень незначительнаго меньшинства; большинство же обречено только на чтеніе и страдательное восприниманіе чужихъ выводовъ; оттого у насъ такъ много фразъ и такъ мало дѣла.

Императорская академія наукъ, какъ кажется, въ силу этого обстоятельства, по предложенію г. академика *Куника*, поручила младшему библіотекарю императорской публичной библіотеки *Э. И. Боннелю* заняться разработкою и изданіемъ сказаній, относящихся къ исторіи Лифляндіи подъ именемъ: *Russisch-livländische Chronographie* *). Г. акад. *Куникъ* въ Beiträge zur russischen Chronographie, помѣщенномъ въ Bulletin de l'académie Impériale des sciences de St. Pe-

*) Г. Боннель еще прежде извѣстенъ былъ по слѣдующимъ монографіямъ, помѣщеннымъ имъ 1) въ газетѣ Das Inland: а) Begründung der römisch-deutschen Herrschaft in Livland durch den rigaschen Bischof Albert 1; б) Von der Entwicklung und Verwirklichung der Idee des geistlichen Ritterthums; в) Ueber die Frage, ob es unter den Esten, Liwen und Letten einen Adel gegeben hat; г) Ueber den Grafen Bernhard von Lippe. 2) Въ Бюллетенѣ академіи наукъ: Die Chronologie Heinrichs des Letten verglichen mit den russischen Chroniken. 3) Въ Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-Ehst und Kurlands: а) Ueber Mindow; б) Heinrich der Löwe als Vorbereiter der deutschen Herrschaft in Livland идр. Жаль только, что на первый разъ академія предложила для изслѣдованія и изданія предметъ второстепенный въ русской исторіи; но можно надѣяться, что она предложитъ разработку изданія источниковъ, относящихся собственно къ русской исторіи. Особенно этого можно надѣяться теперь, когда редакція изданій 2-го отдѣленія академіи наукъ находится въ рукахъ извѣстнаго знатока нашихъ древностей *И. И. Срезневскаго.* Всю надежду на подобныя изданія мы возлагаемъ на академію наукъ потому, что при средствахъ нашихъ спеціалистовъ, они не возможны для частнаго лица.

tersburg, T. V, такъ опредѣляетъ цѣль, содержаніе и методъ изданія г. Боннеля: лифляндскіе историки, говоритъ онъ, не обращали вниманія на русскіе источники, русскіе историки не пользовались лифляндскими, оттого въ изслѣдованіяхъ тѣхъ и другихъ естественно произошли пробѣлы. На этомъ основаніи, чтобы достигнуть строгой истины въ исторіи, необходимо сравненіе тѣхъ и другихъ. Въ настоящемъ изданіи должно быть обращено вниманіе на хронографію ни исключительно русскую, ни исключительно лифляндскую, но на ту и другую вмѣстѣ. На основаніи отношеній трехъ остзейскихъ провинцій къ прилежащимъ къ нимъ русскимъ территоріямъ, должны быть разсмотрѣны мсточники, касающіеся послѣдовательно отношеній этихъ земель между собою. Кромѣ этихъ послѣднихъ въ предстоящемъ изданіи должно быть обращено вниманіе и на ганзейскія, такъ какъ сношенія общества der gemeinen deutschen Kaufleute, предшествовавшаго Ганзѣ и самой Ганзы съ Новгородомъ, Псковомъ, Витебскомъ, Полоцкомъ и Смоленскомъ происходили отчасти при содѣйствіи и при посредствѣ лифляндскихъ городовъ. Что же касается до метода обработки отдѣльныхъ извѣстій, то конечно она не распространится на всѣ моменты историческаго изслѣдованія, но преимущественно будетъ имѣть въ виду хронологическія извѣстія: тутъ будетъ идти дѣло о равно замѣчательныхъ для Россіи и Лифляндіи фактахъ, встрѣчающихся въ русскихъ, лифляндскихъ, ганзейскихъ, папскихъ и др. источникахъ и документахъ; они будутъ сравнены между собою, провѣрены, и въ возможной краткости будетъ возстановлена историческая истина. При этомъ тамъ, гдѣ факты, сообщаемые разными сказаніями, противорѣчатъ другъ другу или хронологически разнятся, должны быть представлены критическія изслѣдованія объ этомъ новѣйшихъ историковъ, или по крайней мѣрѣ указанія на нихъ. Этой книги, замѣчаетъ акад. *Куникъ*, конечно не станутъ читать любители диллетанты, но для науки она принесетъ болѣе существенную пользу, чѣмъ всѣ популярныя монографіи, которыхъ значеніе изчезаетъ вмѣстѣ съ новымъ поколѣніемъ; эта книга понадобится во всякое время всякому, интересующемуся русско-лифляндскою исторіею; ибо она облегчитъ трудъ чтенія и изслѣдованія источниковъ этого отдѣла исторіи». Совершенно справедливо. Въ изданіи г. Боннеля «Russisch-livländische Chronographie» совершенно выполнена задача, предложенная г. Куникомъ, и оно можетъ служить ключемъ къ изученію русско-нѣмецкаго отдѣла русской исторіи. Это сочиненіе распадается

на слѣдующіе отдѣлы: первый «Chronographie» представляетъ въ обыкновенной формѣ хронологическихъ таблицъ результаты науки, при чемъ находятся ссылки на источники и указанія на второй отдѣлъ, называемый «Commentar», который въ краткихъ очеркахъ содержитъ результаты изслѣдованій различныхъ ученыхъ о предметахъ, изложенныхъ въ первомъ отдѣлѣ. Въ концѣ книги приложенъ самый подробный указатель предметовъ, содержащихся въ книгѣ, что́ существенно облегчаетъ пользованіе ею. Не время и не мѣсто разбирать здѣсь подробно содержаніе этого вполнѣ цѣннаго произведенія и указывать на его достоинства и недостатки, безъ которыхъ конечно не могъ обойтись первый опытъ у насъ въ этомъ родѣ; укажемъ только на то, что́, по видимому, не имѣетъ большаго значенія, но бросается въ глаза не столько намъ русскимъ, сколько нѣмцамъ, *для которыхъ*, скажемъ мимоходомъ, *кажется и написана книга*: это цитаты на русскомъ лѣтописномъ языкѣ. Издавая книгу на нѣмецкомъ языкѣ, автору слѣдовало, чтобы быть понятымъ, перевесть и выписки изъ нашихъ лѣтописей; а теперь книга эта не удовлетворила нѣмцевъ и только немногимъ русскимъ принесетъ пользу, судя по незначительной распространенности у насъ нѣмецкаго языка. Вообще, странно видѣть изданія русской академіи на чужихъ языкахъ. Впрочемъ мы должны признать, что изданія сочиненій по русской исторіи *и* на иностранныхъ языкахъ имѣютъ для насъ значеніе; такія сочиненія могутъ поближе познакомить иностранцевъ съ нашею стариною и уничтожить совершенно превратное, даже оскорбительное для насъ о ней мнѣніе, основанное на укоренившемся предубѣжденіи, которымъ страдаютъ нѣкоторые даже первоклассные германскіе ученые, тѣмъ болѣе что въ такомъ случаѣ предубѣжденія этихъ господъ не будутъ закономъ для массы ихъ слушателей и читателей и не будутъ переходить какъ завѣтное преданіе отъ предковъ къ потомкамъ. Теперь же, пользуясь невѣжествомъ большинства въ русской исторіи, нѣкоторые нѣмецкіе профессора говорятъ о нашихъ предкахъ такія вещи, что не возьмешь въ толкъ, откуда зашли въ ихъ головы подобныя понятія.

Въ послѣдніе три мѣсяца, излагая исторію европейскихъ государствъ XVI и XVII вѣковъ, *проф. Дройзенъ* коснулся нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ фактовъ изъ русской исторіи этого времени, преимущественно отношеній Россіи къ западнымъ государствамъ; при этомъ счелъ долгомъ представить своимъ слушателямъ картину

тогдашняго внутренняго состоянія Россіи. Не станемъ подробно передавать здѣсь составленной имъ характеристики нашего отечечества; она недостойна такого профессора какъ г. Дройзенъ, потому что въ ней до невозможности искажена историческая истина.

Никто конечно не станетъ отрицать, что наша древняя, особенно московская Русь не можетъ быть названа обѣтованною страною благочестія; напротивъ, мы убѣждены, что она не порадуетъ собою ея изслѣдователя: въ это время слѣды татарщины даютъ себя знать во всѣхъ сферахъ государственной и частной жизни русскаго народа. Но, наслѣдовавъ отъ татаръ много черныхъ сторонъ, наши предки сохранили и много свѣтлаго изъ дотатарскаго періода своего бытія, и, стряхивая татарщину, они съ особеннымъ чаяніемъ лучшей жизни обращались къ старинѣ, въ которой думали найти идеалы для темнаго настоящаго. Конечно, не все хорошее можетъ быть такимъ во всѣ эпохи народной жизни. Наши лучшіе люди того времени очень хорошо понимали это и начали пристально смотрѣть на западъ, и его нравы и обычаи мало по малу незамѣтно, не смотря на романтическое направленіе большинства, противодѣйствовавшаго всему новому и особенно *латинскому*, начали входить къ намъ. Все это произвело явленіе, общее всякому народу въ переходную эпоху его исторической жизни — смѣшеніе, броженіе, даже нѣкотораго рода хаосъ, для приведенія котораго въ порядокъ потребовалась могучая рука Петра Великаго и который (хаосъ) конечно поразитъ изслѣдователя своею мрачностію; но, всмотрѣвшись въ него, разглядѣвши внимательно всѣ стороны тогдашней жизни русскаго народа, не забывая ни времени, ни обстоятельствъ, обусловливающихъ эту жизнь, мы скорѣе будемъ сострадательны къ ихъ печальному бытію и удивляться богатырской силѣ русскаго народа, котораго не въ состояніи были сломить никакія бѣды и несчастія.... «Отдаленность времени, скажемъ словами Ог. Тьери, ослабляетъ для насъ впечатлѣніе, нѣкогда произведенное бѣдствіями, особенно въ томъ случаѣ, когда забытіе отчасти скрываетъ и, такъ сказать, обезцвѣчиваетъ страданія людей, уже давно умершихъ; но, при чтеніи древнихъ памятниковъ, гдѣ эти страданія описаны подробно, простосердечно, предъ нами оживаютъ эти люди прошлыхъ вѣковъ, и чувство состраданія становится совмѣстно съ безпристрастіемъ историка, и исторія дѣлается человѣчнѣе, не теряя характера справедливости и добросовѣстности». (Исторія завоев. Англіи норман.).

Нисколько не претендуя на состраданіе проф. Дройзена къ состоянію нашихъ предковъ въ XVI и XVII вѣкахъ, мы надѣялись отъ него по крайней мѣрѣ справедливости и добросовѣстности. Къ несчастію, надежды наши не оправдались. По его словамъ, исторія едва ли въ состояніи указать на подобныхъ варваровъ, какими были русскіе въ описываемую имъ эпоху. Въ одной только исторіи Австріи допускаетъ Дройзенъ возможность фактовъ, могущихъ соперничать съ проявленіями жизни древняго русскаго народа. Неблаговоленіе его къ Австріи понятно: онъ не можетъ хладнокровно относиться къ этой полунѣмецкой державѣ какъ нѣмецъ вообще и какъ пруссакъ, которому хочется видѣть императорскую корону на головѣ прусскаго короля и доставить Пруссіи гегемонію въ Германіи. Но между Россіею и Пруссіею кажется нѣтъ ничего общаго. Развѣ только въ этомъ случаѣ можетъ имѣть мѣсто зависть или безотчетная робость нѣмцевъ предъ постепенно возрастающимъ могуществомъ Россіи, которое растетъ не по днямъ, а по часамъ, благодаря тому, что во главѣ прогрессивнаго движенія русскаго народа стоитъ теперь само правительство (чего въ Пруссіи со времени Фридриха В. не было) и быстрыми шагаами ведетъ его къ цивилизаціи, исполняя такимъ образомъ завѣщаніе, данное ему Петромъ Великимъ. Но подобныя чувства недостойны образованнаго человѣка вообще, а тѣмъ болѣе историка, на котораго должно бы отрадно дѣйствовать прогрессивное движеніе какого бы то ни было народа, будь это монголы, камчадалы и т. д. и т. д.

Во всякомъ стремленіи московскихъ государей сблизиться съ западомъ Дройзенъ видитъ напоръ варварской Москвы на западную Европу*); такъ что въ этомъ отношеніи онъ сошелся съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ. «Мы еще разъ подтверждаемъ ва-

---

*) Подобный взглядъ на Россію высказалъ Гейдельбергскій проф. *Гервинусъ* въ *Einleitung in die Geschichte des neunzehnten Jahrhunderts;* только онъ пошелъ еще далѣе проф. Дройзена и посягательство Россіи на западную Европу влагаетъ въ сознаніе и въ литературу русскаго народа и доводитъ это до позднѣйшихъ временъ. «Русскіе, говоритъ онъ: (стр. 160) allen europäischen Stämmen an Cultur und Religion feindselig gegenüberstehen. Es sind rohe Massen in *unwirthlichen Gebieten* (sic?) die zum Verlassen mehr auffordern, als zum Bleiben. Massen die handlich in der Hand eines Despoten oder Eroberers sind, von einem Glauben zusammen gehalten, dessen alleiniges Haupt, der Czar, alle weltliche und geistliche Macht in jenem furchtbaren Verbande besitzt, der von den Universalherrschern des Westens so eifrig gesucht ward. Was die Gefahr noch immer höher steigert: in diesen slavischen Stäm-

шему величеству, писалъ Сигизмундъ къ англійской королевѣ Елисаветѣ по поводу ея союза съ Іоанномъ Грознымъ, что царь московскій врагъ всякой свободы, ежедневно умножаетъ силы свои отъ выгодъ торговли и сообщенія съ образованными европейскими народами..... Мы надѣялись единственно на свое превосходство въ искусствахъ и знаніяхъ, но скоро онъ все узнаетъ и *въ безумной гордости устремится на христіанство* (Hakluyts Navigations)». Весьма вѣроятно, что сходство проф. Дройзена съ королемъ Сигизмундомъ въ этомъ отношеніи совершенно случайное. По всему видно, что онъ не читалъ этого письма; онъ не предполагаетъ даже, чтобы либеральная Елисавета могла вступить въ сношенія съ варварскою Москвою, и союзъ англичанъ съ русскими объясняетъ тѣмъ, что въ Англіи въ это время царствовала кровожадная Марія съ такимъ же Филиппомъ. Онъ не обратилъ вниманія, что эти сношенія были торговыя, были выгодны болѣе для англичанъ, чѣмъ для русскихъ и начались совершенно случайно. Извѣстно, что торговая компанія англичанъ въ царствованіе Эдуарда отправилась искать новыхъ торговыхъ пунктовъ и прямаго болѣе удобнаго пути въ Персію и Индію съ грамотою отъ короля къ различнымъ владѣтелямъ, въ которой онъ проситъ ихъ покровительства компаніи. Купцы эти попали въ Бѣлое море, дали о себѣ знать царю и вручили ему Эдуардову грамоту. Грозный царь не замедлилъ дать имъ благопріятный отвѣтъ. Возвратившись въ отечество, начальникъ компаніи Ченслеръ не засталъ Эдуарда въ живыхъ и представилъ преемницѣ его Маріи отвѣтную грамоту московскаго царя. Съ этого

---

men wird das Gefühl eines feindlichen Gegensatzes gegen Europa, einer grossen Gemeinsamkeit, eines weltgeschichtlichen Berufs, die ueberbildete Gesellschaft zu verjüngen, durch eine panslavistische Literatur und Politik unterhalten, was den Zusammenstoss zweier verschiedenen Staatsprinzipien zugleich zu einem grossen Kampfe der Volksstämme zu machen droht. Dies ist noch nicht alles, was die Aussichten Russlands ins Gränzenlose auszudehnen verspricht. Auch im Räumlichen ist dieselbe Gunst der Verhältnisse zu bemerken, wie in den Beziehungen des Staats, der Stämme, der Religionen. Schon hat Russland die Türkei um grosse Gebiete in Asien und Europa beraubt, es hat in allen griechischen Bekennern im Oriente natürliche Verbündete. Gelänge es ihm bei einer glücklichen Gelegenheit, das türkische Reich zu verschlingen, so hätte es ausser diesem unschätzbaren Erwerbe im Rücken das grösste, der Wiedergebur bedürftige Festland, das ihm eine unermessliche, zusammenhängende Herrschaft, eine umweit nützlichere und sicherere Machtausdehnung entgegenböte, als sie je Spanien oder England in ihren Pflanzstaaten besessen haben».

времени и начался непрерывный рядъ сношеній англійскихъ королей съ московскими царями, которыхъ они величаютъ Emperor of all Russia (Сбор. Тургенева Т. II), продолжавшійся до царствованія Алексѣя Михайловича, нехотѣвшаго было имѣть дѣло съ народомъ, убившимъ своего короля Карла I; но Алексѣй Михайловичъ умѣлъ цѣнить важность торговыхъ выгодъ для своего народа и потому опять разрѣшено было англичанамъ являться въ Россію. Такимъ образомъ не только Марія, но Елизавета и Кромвель не задумывались заключать союзъ съ Россіею; а англичане очень интересовались выгоднымъ для нихъ союзомъ съ Россіею; они постоянно желали выманить у нашихъ царей монопольное право торговли въ Бѣломъ морѣ, которое бы исключало входъ въ наши гавани кораблей другихъ европейскихъ народовъ, что̀ конечно имъ не удалось. Очевидно, или всѣ эти и подобные факты были неизвѣстны проф. Дройзену или онъ съ умысломъ скрылъ ихъ. Вообще, во всѣхъ фактахъ русской исторіи, передаваемыхъ имъ, видна чрезвычайная легкость пониманія нашей прошедшей жизни. На самозванца онъ смотритъ только какъ на креатуру поляковъ и іезуитовъ. Запорожскіе казаки, по его словамъ, обязаны своимъ происхожденіемъ Стефану Баторію, который вооружилъ 40,000 мужиковъ въ видѣ ополченія; съ этого времени и завелась такъ называемая *Запорожская сѣчь*. Казаки, говоритъ онъ, смѣсь татаръ, московитовъ и поляковъ, *получили отъ польской короны* демократическое устройство (Verfassung), которое перешло потомъ въ необузданный произволъ: они самовольно начали громить турковъ и татаръ, дружественныя сношенія съ которыми для поляковъ были необходимы, чтобы развлекать силы московитовъ. Поляки начали удерживать казаковъ; но, найдя въ нихъ непослушаніе, сопротивленіе панской волѣ, произвели во всей Украинѣ *кровавую баню* (эти послѣднія слова были такъ мягко высказаны, что кровавая баня имѣла въ устахъ Дройзена смыслъ розогъ, которыми поляки отечески посѣкли казаковъ за шалости). Это раздражило буйныхъ казаковъ, и они, по совѣту Хмѣльницкаго, присоединились къ Москвѣ и тѣмъ сдѣлали ее еще страшнѣе. Уже Михаилъ Романовъ, національный русскій царь, съ восшествіемъ котораго на престолъ соединилась въ однихъ рукахъ свѣтская и духовная власть, не смотря на значительныя потери и ослабленіе государства въ смутное время, былъ очень силенъ; потому что русскій народъ подъ его властію тѣсно сплотился въ одно цѣлое для противодѣйствія внѣшнимъ антинаціональнымъ посягательствамъ, и

съ этого времени русское государство постепенно усиливалось и дошло наконецъ до того громаднаго могущества, въ какомъ видимъ его теперь. (Это послѣднее совершенно справедливо!) При помощи казаковъ, московиты начали тревожить татаръ, турокъ; торговый союзъ съ Англіею научилъ цѣнить морскіе берега ихъ; поэтому Москва начала систематически пробираться къ Балтійскому морю, для чего вела почти непрерывныя войны съ поляками и шведами, которые одни на своихъ плечахъ выдерживали напоръ варварской Москвы на образованный западъ. Густавъ Адольфъ, величайшій политикъ своего времени, очень хорошо понималъ все зло, которое можетъ потерпѣть западная Европа отъ этихъ варваровъ, и всѣми силами старался прогнать ихъ подальше отъ Балтійскаго моря. Къ несчастію, не всѣ правители имѣютъ такой проницательный политическій взглядъ; и рано или поздно Москва достигла своего, и теперь мы видимъ собственными глазами результаты ея стремленій!.... (Что́ теперь видитъ г. Дройзенъ, трудно рѣшить!) Такова нить его чтеній о Россіи XVI и XVII вѣковъ. На сколько тутъ правды и истины, не трудно судить; стоитъ только прочитать грамоты нашихъ царей къ западнымъ государямъ и наказы посламъ, легко можно видѣть, что далеко не монгольскія стремленія побуждали московскихъ государей сближаться съ западомъ. Долго замкнутая въ душной сферѣ татарщины, Россія желала свѣта и чистаго воздуха и обратилась къ западной Европѣ, какъ любознательный ученикъ къ опытному наставнику. Не угрозы, не коварныя цѣли, а просьбы объ установленіи торговыхъ сношеній, да чтобы государи не отказали прислать въ Россію мастеровъ, художниковъ, лекарей и другихъ знающихъ людей, заключаются въ наказахъ и грамотахъ нашихъ царей — къ Максимиліану, Карлу V (1550 г.) (см. Preusisches Archiv von Traber, у Гадебуша Livl. Jahrbücher) къ Карлу II Испанскому и Лудовику XIV (см. Récit du voyage de Pierre Potemkin, ambassadeur de tzar Alex. Michaelowitsch en 1668 — Голицина) и т. д. «Великій государь, Его царское Величество, сказано въ наказѣ Потемкину, съ ихъ королевскими Величествами хочетъ быть въ братской дружбѣ и любви; чтобы безъ всякаго опасенія приходили отъ королевскихъ величествъ въ великое русское государство послы и посланники и чтобы французскіе и испанскіе торговые люди со всякими товарами пріѣзжали торговать въ Московское государство». Никакія завоевательныя стремленія не были и не могли быть причиною сношеній московскихъ государей съ западными державами, если обратить вниманіе

на сознаніе нашими царями своей слабости въ сравненіи съ западомъ и на необходимость управиться съ востокомъ, вслѣдствіе чего они и хлопотали, чтобы узнать хитрость европейскаго искусства. Только поляки и шведы были предметомъ завоевательныхъ помысловъ нашихъ государей; потому что они заслоняли отъ насъ западъ, пресѣкали всѣ пути къ необходимому съ нимъ сообщенію, къ обмѣну произведеній труда, къ участію въ успѣхахъ знанія и искусства. Даже мысли Петра Великаго не шли далѣе турковъ и шведовъ, чтобы, ослабивши войною эти два народа, имѣть свободный входъ въ Балтійское и Черное моря; но и онъ не вполнѣ былъ увѣренъ, что лично ему удастся совершить это дѣло. «Мы, слава Богу, зѣло въ изрядномъ состояніи нашли флотъ, пишетъ Великій Петръ къ Виніусу 3-го ноября 1698 г. Только облакъ сумнѣнія закрываетъ мысль нашу, да укоснѣетъ сей плодъ нашъ, яко финиковъ, котораго насаждающій не получаетъ видѣть. Обаче надѣемся на Бога съ блаженнымъ Павломъ: подобаетъ дѣлателю отъ плода вкусити». Кромѣ пріобрѣтеній морскихъ береговъ, которые бы сдѣлали для Россіи безпрепятственными мирныя сношенія съ западною Европою, у Петра Великаго была одна мысль, выходящая изъ мирныхъ намѣреній — это освободить со временемъ единовѣрную Грецію отъ ига варваровъ, чего желала въ то время вся Европа. «Послѣдуя Божію слову, пишетъ онъ къ патріарху Адріану изъ Амстердама 10 сент. 1697: бывшему къ пророку Адаму, мы трудимся; что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути, дабы, искусясь совершенно, могли возвратясь противъ враговъ имени І. Христа побѣдителями, а христіанъ, тамо будущихъ, освободителями благодатію его быть: чего до послѣдняго издыханія желать не перестану». Ни одного факта, могущаго доказать противное, исторія наша не имѣетъ. Нужно совершенно не знать ее, чтобы приписывать русскому народу небывалыя свойства, какъ это дѣлаетъ почтенный профессоръ Дройзенъ *).

Коснувшись исторіи русскаго народа, проф. Дройзенъ не могъ

---

*) Мы имѣемъ нѣсколько фактовъ, которые говорятъ въ пользу того, что г. Дройзенъ не очень знакомъ даже съ самими ходячими за границею сочиненіями о Россіи. Для знакомства съ исторіею полтавской битвы онъ рекомендуетъ своимъ слушателямъ History of Peter the Great Гордона, который, какъ извѣстно, умеръ до начала войны съ Швеціею, когда еще не былъ окончательно заключенъ миръ съ Турціею и Петръ ждалъ съ нетерпѣніемъ вѣстей отъ Украинцева изъ Константинополя.

пройти молчаніемъ значенія нѣмцевъ для Россіи. «Россія, говоритъ онъ, служитъ живымъ доказательствомъ цивилизаторскаго назначенія нѣмецкаго народа: безъ него Россію постигла бы участь турковъ»... Эта мысль присуща едва ли не всѣмъ нѣмцамъ, писавшимъ о Россіи, начиная съ генералъ-фельдмаршала Миниха до настоящаго времени, съ тою только разницей, что большая часть ихъ не сходятся во времени, когда началось это воспитаніе и возвеличеніе нѣмцами Россіи. Минихъ, какъ извѣстно, своему времени приписываетъ это вліяніе нѣмцевъ. «Императрица Анна, говоритъ онъ, возвеличила Россію потому только, что важнѣйшія государственныя должности поручила иностранцамъ, преимущественно нѣмцамъ» (Tagebuch des G. F. G. v. Münnich). По мнѣнію Германа (Beiträge zur Geschichte des Russischen Reiches 4—5) правительство русское было представителемъ прогрессивнаго движенія русскаго народа, что́ и сообщило ему такую власть, какая когда либо существовала; но эта власть нисколько не вредна была для народа; напротивъ, она примирила его съ враждебными ему иностранными народами, *«которые возвысили русскую націю на ту степень цивилизаціи, которая бы безъ нихъ не была бы доступна для русскихъ»*. Ради нѣмцевъ Германнъ дѣлаетъ русскому правительству московскаго періода всѣ возможныя извиненія: «Selbst der Despotismus, говоритъ онъ, wenn er das Moment der Bewegung in sich sehliesst, ist besser, als eine in sich verdumpfte republicanische Anarchie». Онъ сочувствуетъ даже теперь самостоятельности нѣмецкаго ордена, потому что этотъ фактъ сдѣлалъ нѣмцевъ *непосредственными цивилизаторами и миссіонерами русскаго народа.*

Одинъ боннскій профессоръ въ предисловіи къ лекціи проф. Лоренца (Der falsche Demetrius. Berlin 1862 4—5), читанной этимъ послѣднимъ въ Боннѣ въ мартѣ 1861 г., тоже, какъ «eine unbestrikene Thatsache выставляетъ, dass die fortschreitende geistige Entwicklung Russlands wesentlich durch deutschen Einfluss, besonders durch die seit Anfang dieses Jahrhunderts nach Russland berufenen deutschen Gelehrten gefördert ward».

Такое восхваленіе своихъ соотечественниковъ понятно совершенно: всякому свое мило. Кромѣ того, придавая своей націи побольше историческаго значенія, каждый нѣмецъ думаетъ казаться нѣсколько значительнѣе въ суммѣ личностей составляющихъ человѣчество. Нужно же чѣмъ нибудь наверстать свою политическую слабость.

Никто конечно не станетъ отрицать участія нѣмцевъ въ циви-

лизаціи русскаго государства, хотя никто не станетъ и приписывать имъ абсолютнаго значенія, conditio sine qua non, въ этомъ дѣлѣ. Но что́ еще для насъ страннѣе, это то, что нашлись люди, которые съ полнымъ убѣжденіемъ говорятъ, что *папство* принимало самое дѣятельное участіе въ преобразованіи Россіи Петромъ В. и его преемниками. Г. Theiner, издатель «Monuments historiques», говоря о реформаторской дѣятельности Петра В., присовокупляетъ: «Mais tout en demeurant justes envers la mémoire de Pierre le Grand nous ne pouvons meconnâitre la large part, que prit la papauté à l'exaltation nouvelle et definitive de son empire» (стр. 7 предисловіе).

Передавая здѣсь характеръ чтеній проф. Дройзена о Россіи, мы все таки остаемся при прежнемъ мнѣніи, высказанномъ нами въ предъидущихъ отчетахъ, что методъ и пріемы его историческаго изслѣдованія и изложенія (если исключить его чтенія о Россіи), пока исторія не найдетъ другихъ точекъ опоры, останутся для насъ надолго поучительны. Историкъ, конечно, не можетъ избѣжать личнаго отношенія къ предмету изученія, не можетъ не питать любви или ненависти къ людямъ, съ которыми знакомитъ его исторія, и это не будетъ *признакомъ незрѣлости ученыхъ пріемовъ и идей*, какъ думаетъ г. Буслаевъ; а покажетъ только, что историкъ живо заинтересованъ вопросами народной жизни. Находя въ прошедшемъ съ одной стороны проблески современныхъ движеній и благодѣтельныхъ для человѣчества явленій, а съ другой вооруженное противодѣйствіе и вражду къ этимъ зародышамъ цивилизаціи и лучшаго порядка вещей, онъ не можетъ не сочувствовать первымъ и не относиться антипатично къ послѣднимъ, если онъ сохранилъ свѣжесть сердца и теплоту пониманія и не страдаетъ умственнымъ или душевнымъ безсиліемъ. На этомъ основаніи мы вполнѣ оправдываемъ антипатіи проф. Дройзена къ позорнымъ проявленіямъ жизни извѣстныхъ народовъ. Извинительна была бы его антипатія и къ нашимъ предкамъ, если бы, при изложеніи ихъ исторіи, онъ выполнилъ всѣ условія, необходимыя для историка, именно: если бы онъ серьезно узналъ всѣ факты, относящіеся къ исторіи Россіи излагаемой имъ эпохи, справедливо оцѣнилъ ихъ, ничего не прибавляя и ничего не скрывая; вообще, если бы онъ не посягнулъ на историческую истину. При этомъ, дѣлая приговоръ о нашихъ предкахъ, ему слѣдовало бы обратить вниманіе на обстоятельство, о которомъ много говорили въ исторической литературѣ, но которое рѣдко примѣняется къ дѣлу, что какъ въ настоящеее время про-

ступокъ извѣстнаго лица или общества судится по законамъ страны, къ которой они принадлежатъ, — никто не станетъ судить магометанина по законамъ христіанскимъ и на оборотъ, — такъ и при исторической оцѣнкѣ нельзя судить отступленій отжившихъ людей отъ законовъ разума и совѣсти по кодексу какого нибудь прусскаго законодательства и т. д. Ни одного изъ этихъ условій не выполнилъ проф. Дройзенъ, излагая исторію нашихъ предковъ; онъ просто ратовалъ и донкихотствовалъ противъ какихъ то фантастическихъ московитовъ, которые въ дѣйствительности не существовали. Слѣдовательно, мы вправѣ сказать, что эти его чтенія были въ пору журнальной болтовнѣ, но недостойны серьезнаго германскаго историка....

Въ заключеніе да будетъ позволено привести поучительныя слова незабвеннаго Т. Н. Грановскаго: «Тотъ не историкъ, кто неспособенъ перенести въ прошедшее живаго чувства любви къ ближнему и узнать брата въ отдаленномъ отъ него вѣками иноплеменникѣ. Тотъ не историкъ, кто не съумѣлъ прочесть въ изучаемыхъ имъ лѣтописяхъ и грамотахъ начертанныя въ нихъ яркими буквами истины: въ самыхъ позорныхъ періодахъ жизни человѣчества есть искупительныя, видимыя намъ на разстояніи столѣтій стороны, и на днѣ самаго грѣшнаго предъ судомъ современниковъ сердца таится какое нибудь одно лучшее и чистое чувство».

Нѣкоторое время я намѣренъ пробыть въ Парижѣ для ознакомленія съ характеромъ преподаванія исторіи въ французскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Парижъ, 1-го апрѣля 1864 года.

19) Кандидата Александра Бесселя.

Минувшій зимній семестръ я провелъ въ Парижѣ, слушая лекціи въ Сорбоннѣ и Collège de France и пользуясь въ то же время литературными средствами многочисленныхъ библіотекъ. Въ Сорбоннѣ читаются учебные курсы, поэтому нельзя ожидать тамъ подробной разработки спеціальныхъ вопросовъ. Но интересно слушать ученаго, работавшаго почти по всѣмъ отраслямъ науки, и тогда, когда онъ говоритъ о знакомомъ предметѣ. Первое мѣсто между такими профессорами принадлежитъ Ліувилю. Онъ читалъ, какъ я уже имѣлъ честь сообщить, раціональную механику. Программа его лекцій не имѣла ничего необыкновеннаго; изложеніе же его отлича-

лось особеннымъ стараніемъ объяснить всякое новое понятіе, всякій новый способъ такимъ образомъ, чтобы каждому слушателю, знакомящемуся въ первый разъ съ излагаемымъ предметомъ, было легко вполнѣ усвоить ихъ себѣ. Это обнаружилось всего яснѣе, когда Ліувиль приступилъ къ началу возможныхъ перемѣщеній, которое въ самомъ дѣлѣ обыкновенно поражаетъ учащихся. Онъ показалъ сперва, что это начало, въ приложеніи къ одной матеріальной точкѣ, есть ничто иное, какъ новый способъ выражать предварительно извѣстныя условія равновѣсія; потомъ доказалъ его для системы точекъ съ полными связями (système à liaisons complets), и наконецъ для какой угодно системы точекъ. Динамику прочелъ онъ довольно коротко, но намѣренъ дополнить сообщенныя свѣдѣнія въ теченіи втораго (лѣтняго) семестра, который преимущественно посвящается имъ на разборъ примѣровъ. Кромѣ Ліувиля я слушалъ въ Сорбоннѣ еще Серре, которому въ началѣ семестра поручена каѳедра чистой математики, вакантная послѣ выхода Лефебюра де Фурси. Серре открылъ курсъ дифференціальнаго исчисленія въ началѣ января. Но не смотря на то, что онъ началъ читать цѣлымъ мѣсяцемъ позже открытія семестра, онъ успѣлъ прочесть весьма полный курсъ дифференціальнаго исчисленія съ приложеніемъ къ разложенію функцій въ ряды, къ опредѣленію наибольшихъ и наименьшихъ величинъ и къ геометріи, и познакомилъ слушателей съ функціями комплексныхъ аргументовъ и съ употребленіемъ однородныхъ координатъ. Особенно подробно изложилъ онъ теорію кривыхъ въ пространствѣ и кривыхъ поверхностей, именно теорію соприкасанія.

Между тѣмъ какъ лекціи Сорбонны назначены болѣе для учащихся, въ Collège de France читаются лекціи болѣе для спеціалистовъ. Здѣсь излагаются подробно частные вопросы. Въ нынѣшнюю зиму Ліувиль читалъ теорію чиселъ. Въ высшей степени интересными были его вступительныя лекціи. Онъ указывалъ въ нихъ на тѣсную связь, существующую между вопросами, кажущимися совершенно различными при первомъ взглядѣ, основываясь на свойствахъ числовыхъ функцій (fonctions numériques), составляющихъ главный предметъ его занятій въ послѣднее время. Тутъ же онъ указалъ на роль, которую эти числовыя функціи играютъ въ теоріи эллиптическихъ функцій. Окончивъ предварительныя разсужденія, онъ приступилъ къ изложенію теоріи сравненій по Гаусу (disquisitiones arithmeticae). Онъ остановился на законѣ взаимности двухъ простыхъ чиселъ, обѣщая изложить лѣтомъ теорію квадратичныхъ формъ.

Бертранъ, излагая теорію распредѣленія электричества по поверхности проводниковъ, далъ полнѣйшій обзоръ содержанія всѣхъ сочиненій и мемуаровъ, писанныхъ по этому предмету. Слѣдуя попеременно мемуарамъ Грина, Морфи, Гаусса онъ изложилъ теорію потенціала, доказалъ теоремы, относящіяся къ дѣйствію наэлектризованнаго проводника на точку, находящуюся внутри или внѣ какой угодно данной поверхности уровня, разобралъ потомъ изысканія Шаля и далъ теорію Лежандровыхъ функцій X_n, которая послужила вступленіемъ въ изложеніе работъ Пуассона. Обративъ особенное вниманіе на аналитическое достоинство Пуассонова мемуара, Бертранъ возвратился къ изслѣдованіямъ Грина, изложилъ его теорію распредѣленія электричества по поверхности двухъ наэлектризованныхъ сферъ, дѣйствующихъ одна на другую чрезъ вліяніе, и въ заключеніе предложилъ теорію Лейденской банки по Морфи.

Независимо отъ слушанія лекцій, я занимался чтеніемъ различныхъ мемуаровъ. Библіотеки въ Парижѣ весьма удобны въ томъ отношеніи, что всякая требуемая книга выдается немедленно. Я разобралъ основательно капитальный мемуаръ Ампера объ интегрированіи уравненій съ частными производными, напечатанный въ X и XI томахъ «Journal de l'école polytechnique», прочелъ статьи Лакруа, на которыя ссылается Амперъ, и изслѣдованія Абеля объ эллиптическихъ функціяхъ. Въ послѣднее время, желая вполнѣ познакомиться съ литературою предмета, избраннаго мною для магистерской диссертаціи—теоріи Абелевыхъ функцій—я началъ читать мемуары Якоби, помѣщенные въ IX, XIII, XXIV, XXX, XXXII томахъ журнала Креля. Главнѣйшій изъ нихъ «De functionibus duarum variabilium quadrupliciter periodicis, quibus theoria transcendentium Abelianarum innititur», основывающійся частію на разложеніи функцій по sin. и cos. кратныхъ дугъ, побудилъ меня прочесть изящный мемуаръ Дирихле «Sur la convergence des séries trigonométriques» (Crelle, IV).

Парижъ, $^7/_{19}$ марта 1864 года.

20) Кандидата Н. Таганцева.

Съ окончаніемъ зимняго семестра я оставилъ Лейпцигъ и отправился въ Гейдельбергъ, гдѣ и останусь это лѣто.

Въ промежутокъ между лекціями я намѣренъ осмотрѣть тюрьмы и суды какъ Бадена, такъ и сосѣднихъ государствъ: Вюртемберга

и Баваріи. До сихъ поръ я былъ только въ тюрьмѣ для малолѣтнихъ преступниковъ въ швабскомъ Галлѣ (Hall, кор. Вюрт.), въ Zuchtpolizeihaus'ѣ для мужчинъ, тоже въ Галлѣ, — и для женщинъ въ Гейльброннѣ (Heilbronn, к. В.). Осмотръ же тюремъ первой величины, и въ особенности сосѣдней знаменитости — Брухзаля я отложилъ на нѣкоторое время, потому что онъ, какъ и подобаетъ всякой знаменитости, доступенъ не совсѣмъ легко. Посѣтители должны довольствоваться по большей части самымъ поверхностнымъ осмотромъ, а такой меня вовсе не интересуетъ; для болѣе же подробнаго необходимо получить какое нибудь рекомендательное письмо. На основаніи сего я и отложилъ поѣздку въ Брухзаль до знакомства съ Миттермайеромъ, или съ кѣмъ нибудь другимъ изъ здѣшнихъ криминалистовъ.

Впрочемъ, осмотръ тюремъ второстепенныхъ представляетъ свой особенный, самостоятельный интересъ. Хорошее практическое знакомство съ ними было бы весьма полезно для насъ въ будущемъ; тѣмъ болѣе, что и въ литературѣ рѣчь идетъ главнымъ образомъ о Zuchthaus'ахъ, а тюрьмы для наказаній за проступки и нарушенія остаются постоянно на второмъ планѣ. А между тѣмъ онѣ построены на началахъ особенныхъ, да и требованія-то отъ нихъ отчасти иныя.

Понятно, что если продолжительность наказанія бываетъ среднимъ числомъ около 4-хъ мѣсяцевъ, то говорить о нравственномъ поднятіи преступника, о его перевоспитаніи и т. п. немножко трудновато. Совершенно вѣрно замѣтилъ директоръ тюрьмы въ Гейльброннѣ, Кёстлинъ, что онъ считаетъ даже достаточнымъ, если его тюрьма не ухудшаетъ заключенныхъ. Правда, что это качество отрицательное, но оно далеко не маловажно, такъ какъ уничтожить кратковременныя тюремныя наказанія въ современныхъ уголовныхъ кодексахъ — вещь почти невозможная, а ввести келейное заключеніе [1]) будетъ значительно дороже и притомъ поможетъ ли оно дѣлу, еще вопросъ сомнительный. Директора говорили, что они хлопочутъ ввести отдѣленіе на ночь, по оборнской системѣ, такъ какъ это, по ихъ мнѣнію, особенно нужно для мужчинъ. Потомъ необходимо болѣе приспособить самое помѣщеніе, такъ какъ, наприм., тюрьма въ Гейльброннѣ помѣщается въ зданіи бывшаго монастыря.

---

[1]) Во всѣхъ подобныхъ Zuchtpolizeihaus'ахъ Германіи существуетъ система полнаго общенія.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы эти тюрьмы не имѣли и положительныхъ качествъ въ особенности для лицъ приговоренныхъ къ болѣе продолжительнымъ срокамъ. Постоянная работа, пріученіе къ порядку и аккуратности, наконецъ, отчасти вліяніе проповѣди [1]), учителей [2]) и т. д. всегда приносятъ свои плоды. Оттого подобныя заведенія и оставляютъ по себѣ пріятное воспоминаніе, особенно какъ припомнишь подобное же у себя дома. Здоровый воздухъ, чистое, опрятное помѣщеніе (первое даже лучше во всѣхъ этихъ тюрьмахъ, чѣмъ въ Моабитѣ), пища [3]), правда, не особенно питательная, но во всякомъ случаѣ не хуже той, которую они имѣли-бы на свободѣ [4]), и наконецъ правильно устроенная работа. Во всѣхъ этихъ тюрьмахъ полагается по закону на работу 8-мь часовъ, но въ дѣйствительности заключенные работаютъ болѣе; впрочемъ, какъ говорили директоры, по собственной ихъ волѣ. Время арестантовъ распредѣляется такъ: 1 часъ въ день на ѣду, 1 часъ на школу и 1 часъ на прогулку, а затѣмъ остальное на работу. У мужчинъ главное занятіе составляютъ: столярничество, портняжничество, сапожничество, плетеніе корзинъ и т. д.; у женщинъ — шитье, работа въ кухнѣ и прачешной; сверхъ того, и тѣ и другія работаютъ въ огородахъ и садахъ. Потомъ въ каждой тюрьмѣ есть особенный отдѣлъ работъ, принаровленныхъ къ мѣстнымъ потребностямъ, такъ напр. въ Лейпцигской тюрьмѣ (осмотрѣнной мною прежде) нѣсколько арестантовъ занимались выдѣлкою курительныхъ свѣчекъ, въ Гейльброннѣ—особенныхъ башмаковъ съ деревянными подошвами, которые идутъ даже въ пограничную Францію.

---

[1]) 2 раза въ недѣлю.

[2]) На посѣщеніе школы полагается 1 часъ ежедневно. Посѣщеніе обязательно для всѣхъ моложе 30-ти лѣтъ.

[3]) По большей части Wasser-suppe или румфордскій, или различныя Gemüse изъ овощей воздѣланныхъ самими же арестантами; мясо дается по воскресеньямъ и праздникамъ.

[4]) Новѣйшія медицинскія изслѣдованія о вліяніи различныхъ родовъ пищи на заключенныхъ находятся у Marcard'a—Beiträge zur Gefängnisskunde. 1864. стр. 8—30. Онъ доказываетъ, что, употребляемая теперь въ тюрьмахъ, растительная пища должна вредно дѣйствовать на заключенныхъ, потому что она содержитъ слишкомъ много крахмала, очень не много жира и почти полное отсутствіе креатинина; въ пищѣ, по его мнѣнію, заключается одна изъ причинъ сильнаго развитія въ тюрьмахъ легочныхъ и желудочныхъ болѣзней. По его разсчету даже со стороны экономической введеніе животной пищи не представитъ особенныхъ затрудненій, потому что потребуетъ увеличенія расходовъ не болѣе $9^1/_2$ талеровъ на человѣка въ годъ.

Въ школѣ ограничиваются самымъ элементарнымъ образованіемъ, чтеніемъ, письмомъ и счетомъ, но больше трудно и требовать, принявъ во вниманіе время, которое удѣляется на обученіе, и возрастъ заключенныхъ.

Здоровье заключенныхъ весьма удовлетворительно, больныхъ среднимъ числомъ около 3%. Особенныхъ душевныхъ болѣзней почти не бываетъ, но раздражительность и даже небольшія галлюцинаціи, какъ говорилъ Кёстлинъ, господствуютъ почти у $1/3$ заключенныхъ, но только въ дѣйствительныя болѣзни они не переходятъ. Впрочемъ, причина этого заключается не въ особенно хорошемъ устройствѣ тюрьмы, а въ кратковременности заключенія.

Система, по которой устроены эти тюрьмы, не принадлежитъ ни къ оборнской, ни къ пенсильванской—это просто улучшенная система старо-нѣмецкихъ тюремъ. Преступники спятъ вмѣстѣ, или по большимъ отдѣленіямъ, смотря по количеству заключенныхъ. Работаютъ они по отдѣленіямъ, сообразно съ родомъ работъ, подъ наблюденіемъ особенныхъ надзирателей; обязанность молчанія не существуетъ. Келейное заключеніе употребляется только какъ наказаніе [1]). Впрочемъ въ Лейпцигской тюрьмѣ принята нѣсколько иная система. Заключенные спятъ и работаютъ въ однѣхъ и тѣхъ же комнатахъ, человѣка по 2 или по 3. Нужно замѣтить, что въ Лейпцигской тюрьмѣ работа вообще не обязательна, потому что она назначена для наказанныхъ за полицейскіе проступки.

Наконецъ, одна изъ пріятныхъ сторонъ осмотра подобныхъ тюремъ заключается въ томъ, что тутъ вовсе не стараются товаръ лицомъ показать, какъ напр. въ Моабитѣ; я видѣлъ эти тюрьмы въ ихъ будничномъ видѣ, да и сами директора вовсе и не выдавали ихъ за образецъ и старались иногда сами обратить вниманіе на ихъ недостатки. Вообще нельзя не быть благодарнымъ за радушный пріемъ, который они дѣлаютъ иностранцу и за ихъ полную готовность показать все сколько нибудь замѣчательное и интересное въ тюремномъ устройствѣ.

Перехожу къ тюрьмѣ для малолѣтнихъ.

«Отъ хорошаго воспитанія дѣтей зависитъ будущность государствъ», гласитъ одна чуть-ли уже не школьная истина. А между тѣмъ въ обществахъ, не говоря уже о недостаточности воспитанія

---

*) Другія дисциплинарныя наказанія: хлѣбъ и вода, темный арестъ и тѣлесное наказаніе, впрочемъ послѣднее съ каждымъ годомъ примѣняется рѣже и рѣже.

всѣхъ классовъ вообще, мы встрѣчаемся съ значительною массою дѣтей, къ которымъ общественная жизнь была такъ сурова, что отняла у нихъ даже возможность получить хоть какое нибудь воспитаніе.

Рядъ лишеній и бѣдствій преслѣдуетъ ихъ съ колыбели; оставленные не только безъ образованія, но и безъ всякаго нравственнаго воспитанія, преслѣдуемые гнетомъ бѣдности, заразою среды, они рано попадаютъ на дорогу порока и преступленій и вслѣдъ затѣмъ появляются на скамьѣ обвиненныхъ въ уголовныхъ судахъ. Стоитъ только хоть мелькомъ взглянуть на уголовную статистику малолѣтнихъ преступниковъ, чтобы убѣдиться въ сказанномъ. Во Франціи напр. на 1000 обвиненныхъ дѣтей приходится 475 дѣтей преступниковъ, нищихъ, публичныхъ женщинъ, или же совсѣмъ не имѣющихъ родителей сиротъ, подкидышей; затѣмъ 500 человѣкъ, которыхъ родители живутъ дневнымъ заработкомъ и наконецъ 25, родители которыхъ имѣютъ какое нибудь состояніе; счастливая часть всѣхъ этихъ малютокъ случайно попадаетъ подъ покровительство частнаго лица, или въ какое нибудь благотворительно-воспитательное заведеніе и тѣмъ спасается отъ общей участи, но другая половина, лишенная всякаго надзора и заботы, начинаетъ нищенствовать по улицамъ большихъ городовъ, по большимъ дорогамъ и мало по малу привыкаетъ къ бродяжничеству; болѣе ловкіе и смышленые начинаютъ заниматься мелкимъ воровствомъ, поощряемые и нерѣдко принуждаемые къ тому отцами и матерями; рядомъ съ этимъ появляются развратъ и преступленія еще болѣе худшія, въ которыхъ примѣръ, желанія и приказанія родителей играютъ всегда не послѣднюю роль.

Каковъ бы не былъ взглядъ на уголовное право вообще, на цѣль и характеръ наказанія, когда рѣчь заходитъ о преступленіяхъ такого рода—разница мнѣній сглаживается и развѣ какой нибудь рьяный теоретикъ, особенно изъ защитниковъ разныхъ абсолютныхъ справедливостей, станетъ отвергать, что наказаніе для малолѣтнихъ должно имѣть только характеръ исправительно-воспитательный. Почти всѣ законодательства Европы смотрятъ на это дѣло именно съ послѣдней точки зрѣнія, и тюрьмы или колоніи для малолѣтнихъ распространяются мало по малу. Разумѣется, степень достоинства ихъ весьма различна, но во всѣхъ видахъ онѣ представляютъ одно изъ учрежденій, перенесеніе котораго на нашу почву было бы въ высшей степени желательно. Вюртембергскій

уголовный кодексъ 1839 года, дѣйствующій съ нѣкоторыми измѣненіями и донынѣ, содержитъ въ себѣ слѣдующія постановленія о малолѣтнихъ преступникахъ (§ 95 и 96).

Дѣти, моложе 10-ти лѣтъ, находятся въ состояніи полной невмѣняемости, а потому и не наказуемы; но въ извѣстныхъ случаяхъ они могутъ быть подвергнуты полицейско-исправительнымъ мѣрамъ. (95 §).

(§ 96). Преступники отъ 10—16 лѣтъ, хотя и находятся въ состояніи вмѣняемости, но подвергаются значительно уменьшеннымъ наказаніямъ, а именно:

1) Вмѣсто смертной казни и пожизненнаго заключенія въ исправительный домъ они подвергаются заключенію отъ 5-ти до 15-ти лѣтъ; временное же заключеніе сокращается въ размѣрѣ отъ $1/4$ до $3/4$ и притомъ оно никогда не можетъ превышать 12-ти лѣтъ.

Кромѣ того, судьямъ позволено замѣнять исправительный и рабочій домы простою тюрьмою—срокомъ до 6-ти лѣтъ.

2) Всѣ эти наказанія должны отбываться въ особенныхъ отдѣленіяхъ окружныхъ тюремъ, и притомъ не влекутъ за собою обезчещивающихъ послѣдствій.

3) Денежныя наказанія уменьшаются въ размѣрѣ одинаковомъ съ тюремнымъ заключеніемъ.

Несовершеннолѣтніе, старѣе 10-ти лѣтъ, но не получившіе развитія необходимаго для сознанія преступности дѣянія, подводятся подъ § 95.

Согласно съ 2-ю статьею 96 §, съ 15-го мая 1839 г. было назначено для малолѣтнихъ особое отдѣленіе рабочаго дома въ Людвигсбургѣ, при которомъ оно и существовало до 1846 г. Въ этомъ году была окончена окружная тюрьма (Kreisgefängniss) въ Галлѣ, одинъ изъ флигилей которой былъ назначенъ спеціально для малолѣтнихъ преступниковъ, которые и были переведены туда изъ Людвигсбурга.

Въ 1851 г. былъ данъ этой тюрьмѣ новый уставъ, сохранившій силу и до настоящаго времени [1]).

---

[1]) Довольно подробное описаніе тюрьмы и ея внутренняго быта съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ статистическихъ свѣдѣній было сдѣлано директоромъ ея Ейтеромъ — Jeitter, Die K. Württembergische Strafanstalt für jugendliche Verbrecher in Schwäbisch - Hall — 1863.

Галльская тюрьма назначена для малолѣтнихъ преступниковъ обоего пола, лютеранскаго, католическаго и іудейскаго вѣроисповѣданій; впрочемъ, число лицъ принадлежащихъ къ послѣднему очень незначительно: съ основанія тюрьмы было всего 13-ть человѣкъ, а въ настоящее время ни одного. Что́ касается до католиковъ, то они составляютъ $^1/_3$ тюремнаго населенія.

Помѣщеніе тюрьмы расположено слѣдующимъ образомъ:

Флигель состоитъ изъ 3-хъ этажей и кромѣ того подъ нижнимъ этажемъ находится еще помѣщеніе для дровъ; затѣмъ, въ нижнемъ этажѣ находятся рабочія комнаты для мальчиковъ—и комната для оберъ-надзирателя. Впрочемъ, теперь, вслѣдствіе незначительнаго количества заключенныхъ, малютки работаютъ въ одной комнатѣ, а остальныя пусты. Въ томъ же этажѣ находятся магазины для склада одежды, рабочихъ матеріаловъ и т. п.

Во 2-мъ этажѣ помѣщаются спальня и рабочія комнаты для дѣвочекъ, комната надзирательницы, лазаретъ и складочные магазины.

Въ 3-мъ—спальня для мальчиковъ и надзирателя; 2 одиночныя кельи для дисциплинарныхъ наказаній и лазаретъ. Кромѣ того, здѣсь же помѣщается церковь, которая служитъ для обоихъ вѣроисповѣданій, а также и для находящихся въ Zuchtpolizeihaus'ѣ.

Въ передней части флигеля помѣщаются квартира директора, канцелярія, квартира оберъ-надзирателя и католическаго учителя.

Вообще, весь персоналъ тюремныхъ чиновниковъ состоитъ: изъ директора, который въ то же время директоръ Zuchtpolizeihaus'а; оберъ-надзирателя, который кромѣ того учитъ дѣтей столярному ремеслу; 2-хъ надзирателей, изъ которыхъ одинъ садовникъ, а другой переплетчикъ; кромѣ того, 2 духовныхъ—католическій и лютеранскій; 2 учителя—католическій и лютеранскій; врачъ и наконецъ портной и сапожникъ, которые приходятъ изъ города.

Въ настоящее время тюрьма даже слишкомъ просторна сравнительно съ числомъ находящихся въ ней арестантовъ. такъ какъ число малолѣтнихъ преступниковъ Вюртемберга съ каждымъ годомъ уменьшается въ довольно значительной пропорціи. Такъ, до 1848 г. среднее число малолѣтнихъ преступниковъ было 35-ть въ годъ; затѣмъ, волненія 1848 и 49 годовъ произвели довольно сильное вліяніе на состояніе земледѣлія и торговли; къ этому присое-

динились неурожаи 1851 и 52 годовъ, такъ что число преступниковъ стало мало по малу увеличиваться, а именно:

съ 1851—52	(съ іюля по іюль)	среднимъ	числомъ	было	40
» 1852—53	»	»	»	»	»	75
» 1853—54	»	»	»	»	»	76
» 1854—55	»	»	»	»	»	142.

Это былъ maximum, съ тѣхъ поръ число преступниковъ стало уменьшаться, а именно:

съ 1855—56	(съ іюля по іюль)	среднимъ	числомъ	было	112
» 1856—57	»	»	»	»	»	73
» 1857—58	»	»	»	»	»	58
» 1858—59	»	»	»	»	»	45
» 1859—60	»	»	»	»	»	44
» 1860—61	»	»	»	»	»	31
» 1861—62	»	»	»	»	»	36
» 1862—63	»	»	»	»	»	24.

и наконецъ теперь снизошло до 17-ти человѣкъ,—14-ть мальчиковъ и 3 дѣвочки.

Это явленіе очень утѣшительно и вообще нужно прибавить, что процентъ малолѣтнихъ преступниковъ на все народонаселеніе Бадена очень незначителенъ, сравнительно съ другими государствами, особенно съ Франціею. Но для объясненія этого нужно замѣтить слѣдующее: во 1-хъ по 95-й статьѣ вюртембергскаго кодекса дитя моложе 10-ти лѣтъ вовсе не можетъ быть позвано въ судъ, между тѣмъ какъ во Франціи напр. подобныхъ сроковъ не существуетъ, и обвиненіе ведется иногда противъ дитяти 6-ти или 7-ми лѣтъ [1]). Но главное состоитъ въ томъ, что въ Галлѣ содержатся только дѣти, признанныя виновными въ сознательномъ преступленіи, между тѣмъ какъ напр. во французскія колоніи судьи могутъ посылать административнымъ путемъ и дѣтей, дѣйствовавшихъ не сознательно (Code pénal art. 66), и наконецъ туда же могутъ отправить родители своихъ дѣтей въ силу ст. 375 и слѣдующихъ (Code civil, кн. I, гл. IX — De la correction paternelle).

---

[1]) Lamarque: Des colonies penitentiaires et du patronage des jeunes libérés стр. 73.

Внутренняя жизнь тюрьмы идетъ слѣдующимъ образомъ:

Встаютъ дѣти зимою въ 6-ть, а лѣтомъ въ 5-ть часовъ. Послѣ умыванья, молитвы, уборки постели и завтрака начинается работа. При моемъ посѣщеніи въ тюрьмѣ были слѣдующаго рода работы: 6-ть мальчиковъ занимались въ саду, или, правильнѣе, огородѣ приготовленіемъ земли для посѣва; при нихъ былъ особенный надзиратель. Садъ расположенъ напротивъ тюрьмы, очень недалеко, такъ что директоръ легко можетъ видѣть изъ своей квартиры, что́ дѣлаютъ тамъ мальчики. Затѣмъ, въ мастерской 3 занимались переплетомъ книгъ, тоже подъ руководствомъ особеннаго надзирателя. Работа была очень чистенькая, хотя самому старшему изъ мальчиковъ было не болѣе 12-ти лѣтъ. 3 занимались дѣланіемъ сапоговъ и 2 столярничали—дѣлали стулья; вмѣстѣ съ каждымъ отдѣленіемъ работалъ и его смотритель. Всѣ 8-мь мальчиковъ помѣщались въ одной общей рабочей комнатѣ; надзоръ за ними при такомъ числѣ былъ очевидно очень легокъ. Въ женскомъ отдѣленіи было всего 3 дѣвочки, которыя вмѣстѣ съ надзирательницею занимались шитьемъ. Всѣ дѣвочки были очень молоды; самой старшей было 13-ть лѣтъ, въ тюрьмѣ сидѣли онѣ очень недолго, менѣе 2-хъ лѣтъ, и между тѣмъ ихъ работа была очень недурна. Работаютъ всѣ заключенные, или для удовлетворенія потребностей самаго заведенія, или же на продажу; доходъ съ работы идетъ въ пользу тюрьмы.

Въ рабочихъ комнатахъ было довольно тепло и свѣтло, воздухъ былъ тоже довольно порядочный, но вѣроятно этого не можетъ быть въ сырую пору и зимою, потому что вся вентиляція состоитъ въ отворяніи оконъ. Работа продолжается утромъ до 8 ч. лѣтомъ и до $8^1/_2$ зимою. Во время работы они могутъ говорить между собою только о необходимыхъ предметахъ, но за то имъ дозволено пѣть что нибудь, разумѣется, по выбору и подъ руководствомъ надзирателя.

Отъ $8^1/_2$ часовъ до $11^1/_2$ дѣти учатся въ школѣ; католики и протестанты отдѣльно. Предметы обученія: чтеніе, письмо, грамматика и ариѳметика, географія и краткая исторія Вюртемберга. Кромѣ того, библейская исторія и ученіе о христіанскихъ обязанностяхъ и наконецъ обученіе церковному пѣнію. Каждое полугодіе бываетъ испытаніе подъ руководствомъ директора.

Устройство обученія въ тюрьмахъ вообще вещь не легкая, а для малолѣтнихъ эти затрудненія еще болѣе увеличиваются. Пре-

ступники должны учиться вмѣстѣ, не смотря на различіе возраста, степени образованія, даже различія нарѣчій, кратковременности пребыванія въ тюрьмѣ и т. д.

Я не могу не обратить вниманія на странное положеніе вюртембергскаго кодекса, по которому всѣ несовершеннолѣтніе преступники должны оставаться въ тюрьмѣ для малолѣтнихъ до истеченія срока ихъ наказанія; вслѣдствіе этого и выходитъ, что напр. 15-тилѣтній мальчикъ, совершившій отцеубійство и приговоренный по ст. I 96 § къ 15-ти лѣтнему заключенію, долженъ оставаться до 30-ти лѣтъ въ тюрьмѣ для малолѣтнихъ; а я думаю, что подобное соединеніе возрастовъ отъ 10-ти до 30-ти, при полномъ общеніи заключенныхъ даже ночью, вещь весьма неудобная.

Отъ 11½ до 12-ти заключенные обѣдаютъ. Пища ихъ вообще состоитъ въ слѣдующемъ: утромъ они получаютъ для завтрака 1½ шопена Wassersuppe; за обѣдомъ 1½ шопена румфордскаго супа, или бобовъ, гороха, какихъ нибудь мучныхъ кушаньевъ или другаго Gemüse. По воскресеньямъ и праздникамъ они получаютъ ¼ фунта мяса, кромѣ того, работающіе на свободѣ получаютъ ежедневно особенную прибавку къ пищѣ; потомъ, находящіеся въ лазаретахъ получаютъ пищу сообразно съ родомъ и степенью ихъ болѣзни. Затѣмъ, послѣ обѣда въ 4 часа они получаютъ въ видѣ полдника ½ фунта хлѣба (хлѣбъ состоитъ изъ ⅓ ржаной и ⅔ полубѣлой муки). Вечеромъ, для ужина они получаютъ снова 1½ шопена Wassersuppe. Впрочемъ, нѣсколько разъ въ году имъ дѣлается къ ужину прибавка на счетъ тюрьмы изъ порціи молока, или масла, или стакана пива. До 1860 года кормленіе арестантовъ отдавалось на подрядъ, послѣ этого года оно было передано въ руки тюремнаго начальства, и съ тѣхъ поръ, по словамъ Ейтера, оно не только подешевѣло, но и улучшилось въ качествѣ. До 1860 года ежедневное пропитаніе арестанта стоило 7 крейцеровъ, а теперь оно упало до 4½.

Отъ 12-ти до 1 часу дѣти выходятъ въ сады (отдѣльный для мальчиковъ и дѣвочекъ), гуляютъ, ухаживаютъ за цвѣтами и т. д. Кромѣ того, для мальчиковъ заведена гимнастика по методу штудгартскаго профессора Егера (Jäger).

Затѣмъ отъ 1 часу до 8 снова идетъ работа съ небольшими перерывами.

Этотъ порядокъ занятій измѣняется только по праздникамъ, когда главная часть времени посвящается богослуженію, чтенію религіозныхъ книгъ и т. д.

Для прилежныхъ въ работѣ и школѣ и отличающихся притомъ благонравіемъ поведенія—введена система наградъ, а именно: переводъ въ классъ исправленныхъ, отличающійся отъ другихъ особенными внѣшними знаками, правомъ нѣкотораго надзора за другими и т. д. Затѣмъ, особенныя денежныя преміи, или награды предметами, устраиваемыя на счетъ тюремъ—но выше всѣхъ наградъ стоитъ, разумѣется, помилованіе.

Къ числу наградъ или правильнѣе къ числу средствъ, содѣйствующихъ нравственному исправленію виновныхъ, нужно отнести право вести переписку съ домашними и право видѣться съ ними. Разумѣется, и то и другое допускается только съ соблюденіемъ извѣстныхъ мѣръ предосторожности. Письма получаемыя и отправляемыя прочитываются кѣмъ нибудь изъ чиновниковъ. При посѣщеніяхъ обыкновенно присутствуетъ директоръ; можно говорить только на обыкновенномъ языкѣ безъ условныхъ знаковъ, посѣщеніе не можетъ продолжаться болѣе $1/4$ часа. Число посѣщеній, равно какъ и писемъ; ограничивается 4-мя въ годъ. Впрочемъ, въ видахъ поощренія для ведущихъ себя особенно хорошо число это можетъ быть увеличено, хотя съ другой стороны директоръ можетъ и совершенно уничтожить это право въ видѣ наказанія.

Къ дисциплинарнымъ наказаніямъ относятся: 1) дурная пища, т. е. сажаніе на хлѣбъ и на воду, впрочемъ не долѣе 8-ми дней; 2) заключеніе въ одиночную свѣтлую келью; 3) заключеніе въ темную келью (Dunkelarest) съ лишеніемъ постели и всякаго сидѣнья; 4) тѣлесное наказаніе не болѣе 26-ти розогъ. Относительно послѣдняго въ регламентѣ сдѣланы довольно подробныя постановленія о длинѣ и толщинѣ прутьевъ, о предосторожностяхъ при наказаніи и т. д. Впрочемъ, въ дѣйствительности, въ послѣдніе годы оно не прилагалось.

Я представлю здѣсь небольшую табличку дисциплинарныхъ наказаній за послѣдніе годы [1]).

---

[1]) Цифры я взялъ изъ статьи Ейтера.

ГОДЫ.	ЧИСЛО ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ.		ТѢЛЕСНОЕ НАКАЗАНІЕ.		ТЕМНЫЙ АРЕСТЪ.		ОДИНОЧНОЕ ЗАКЛЮЧЕН.		ДУРНАЯ ПИЩА.		ИТОГО.
	МУЖЧ.	ЖЕНЩ.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	
1850—51	26	7	—	—	9	2	—	—	15	2	28
51—52	32	8	—	—	10	5	—	1	20	10	46
52—53	50	15	—	—	13	2	2	—	62	10	88
53—54	58	18	—	—	10	2	3	—	70	12	97
54—55	113	24	1	1	15	4	—	—	102	3	126
55—56	91	21	1	—	42	2	—	—	111	15	203
56—57	62	12	—	—	28	—	—	—	137	2	167
57—58	49	9	—	—	14	—	—	—	44	2	60
58—59	38	6	—	—	13	—	3	—	39	2	56
59—60	37	7	—	—	6	5	3	—	31	14	59
60—61	25	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—
61—62	30	6	—	—	2	—	1	—	2	—	5

Такимъ образомъ мы видимъ, что число дисциплинарныхъ наказаній, сравнительно съ числомъ заключенныхъ, уменьшалось все болѣе и болѣе;—что въ 1860—61 не было совсѣмъ ни одного наказанія, а въ 1861—62 только 5-ть.

Вредное вліяніе тюрьмы на здоровье всего сильнѣе обнаруживается въ малолѣтнихъ преступникахъ, такъ какъ и на свободѣ этотъ возрастъ всего труднѣе охранить отъ разныхъ болѣзней. Среднимъ числомъ ежедневно больныхъ за послѣдніе годы было:

1858—59 . . . 2,14
1859—60 . . . 1,47
1860—61 . . . 0,87
1861—62 . . . 0,15

Изъ особенныхъ эпидемическихъ болѣзней, господствовавшихъ въ тюрьмѣ, нужно упомянуть только тифъ въ 1852—53. Душевныхъ болѣзней въ собственномъ смыслѣ этого слова, по словамъ Ейтера, замѣчено не было.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ привести статистику расходовъ на тюрьму за послѣдніе 5-ть лѣтъ.

ГОДЫ.	ЧИСЛО ЗАКЛЮЧЕН.	ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЙ РАСХОДЪ.				РАСХОДЪ НА 1 ЧЕЛОВ.		
		ПРИХОДЪ.		РАСХОДЪ.		ВЪ ГОДЪ.		ВЪ ДЕНЬ.
		флорин.	крейц.	флорин.	крейц.	флорин.	крейц.	крейц.
1851—58	58	11,029	27	10,015	35	109	44	18
58—59	45	9,688	45	8,785	25	137	14	22
59—60	44	8,548	53	8,469	56	113	25	18
60—61	31	7,530	7	7,389	26	158	47	26
61—62	36	7,574	14	7,574	33	160	23	24

Гейдельбергъ, 18/30 марта 1864 года.

21) Кандидата В. Власьева.

Очеркъ исторіи обязательнаго призрѣнія въ Англіи до конца XVII вѣка.

Обязательное призрѣніе въ Англіи было слѣдствіемъ законовъ о бродягахъ, и долго постановленія о призрѣніи составляли лишь восполненіе къ законамъ о бродягахъ. Первоначальныя попытки организовать призрѣніе имѣли главною цѣлью устранить бродяжничество нищихъ.

Появленіе свободы, первые проблески которой въ Англіи относятся къ половинѣ XIII вѣка *), а полное развитіе къ концу среднихъ вѣковъ **) имѣло своимъ послѣдствіемъ страшное развитіе бродяжничества и нищенства. Въ 1376 году, въ царствованіе Эдуарда III, коммуны жалуются на то, что слуги и рабочіе покидаютъ

*) Эденъ говоритъ, что около 1257 года встрѣчается, что если servile tenent работалъ передъ половиною лѣта, то получалъ за это плату; въ царствованіе же Эдуарда I могъ нанять за себя рабочаго. Около Эдуарда II 1307—1327 были servile tenents of mannors, владѣвшіе небольшими участками земли съ обязанностью въ извѣстное время года помогать владѣльцу въ обработкѣ его земли. Sir. J. M. Eden. History of the labouring classes v. 1. стр. 12.

**) Эденъ говоритъ, что огромныя потери людей, причиненныя войнами Генриха V и послѣдующею борьбою между домами Іорка и Ланкастера, между прочим содѣйствовали освобожденію всей націи.

службу изъ ничтожнѣйшихъ причинъ и ведутъ потомъ праздную жизнь, бродя партіями по странѣ; многіе становятся нищими, другіе staff-strikers, большая же часть берется за разбой. Законодательство пыталось противодѣйствовать этому статутами о рабочихъ и законами о бродягахъ; первые, до самаго начала новой исторіи т. е. до усиленія королевской власти при Тюдорахъ, имѣли въ виду исключительно интересъ высшихъ классовъ. Статуты опредѣляютъ величину заработка платы, подвергаютъ наказаніямъ рабочихъ, отказывающихся отъ работы, или требующихъ высшей противъ закономъ опредѣленной платы и воспрещаютъ дачу милостыни здоровымъ нищимъ.

Первый статутъ этого рода относится къ 1349 году — «статутъ о рабочихъ» Эдуарда III. Статутъ между прочимъ воспрещаетъ давать милостыню здоровымъ нищимъ, говоря, что такъ какъ многіе здоровые нищіе, пока могутъ жить нищенствомъ, отказываются отъ работы, предаваясь лѣни и пороку, а иногда чинятъ воровства и другія противозаконныя дѣйствія, то никто, подъ страхомъ тюремнаго заключенія, не долженъ давать чего либо такимъ, которые могутъ работать, или покровительствовать имъ въ ихъ лѣни, чтобы такимъ образомъ принудить ихъ трудомъ снискивать средства своего существованія. Далѣе статутъ говоритъ, что каждый мужчина или женщина, свободные или крѣпостные, не живущіе торговлею, не занимающіеся ремеслами и не имѣющіе капитала, которымъ могли бы жить, ни поземельной собственности, обработкой которой могли бы заниматься, должны служить тому, кто ихъ позоветъ, за такую плату, какая давалась обыкновенно въ этомъ мѣстѣ. Новымъ статутомъ 1350 года опредѣлена такса заработной платы для разнаго рода рабочихъ и велѣно приводить ихъ два раза въ годъ къ присягѣ въ томъ, что они будутъ исполнять постановленія статута. Въ 1360 году постановлено наказывать рабочихъ и ремесленниковъ, уходящихъ отъ своей работы, выжиганіемъ на лбу F—in token of falsity. Статутомъ Ричарда 1388 введены пашпорты для рабочихъ. Лицъ, пойманныхъ безъ такого пашпорта, постановлено сажать въ острогъ, пока не представятъ обезпеченія въ томъ, что возвратятся къ своей работѣ или въ свою слободу, изъ которой ушли, равно какъ воспрещено брать рабочихъ безъ такихъ пашпортовъ подъ страхомъ наказанія по усмотрѣнію судей.

Статутъ 1388 года, къ которому относятъ обыкновенно начало законовъ о призрѣніи въ Англіи, первый поднялъ вопросъ о нищихъ неспособныхъ къ работѣ. Статутъ постановилъ, что они должны

оставаться въ тѣхъ городахъ и слободахъ, въ которыхъ они жили во время изданія статута; если же жители городовъ и слободъ не хотятъ или не могутъ содержать ихъ, то они должны въ теченіи 40 дней по изданіи статута идти въ слободы, сотни или мѣста, въ которыхъ родились. Ограничивая свободу ихъ передвиженія, законодательство не могло оставить безъ вниманія и средствъ ихъ существованія. Уже въ 1392 году встрѣчаемъ подтвержденіе закономъ стараго церковнаго правила, что часть приходскихъ доходовъ должна быть посвящаема призрѣнію бѣдныхъ. Законодательство этого времени не думало еще о введеніи новыхъ началъ призрѣнія, а старалось ограничиться лишь устраненіемъ злоупотребленій, вкравшихся въ учрежденія, имѣвшія своею цѣлью призрѣніе. Такъ, съ этою цѣлью наряжена въ 1414 году Генрихомъ V коммиссія для изслѣдованія злоупотребленій въ управленіи имуществомъ благотворительныхъ учрежденій. Въ наказѣ коммиссіи говорится: «великія злоупотребленія существуютъ въ управленіи многихъ госпиталей, основанныхъ въ честь Господа и Пресвятой его матери, въ помощь и спасеніе душъ основателей, для пропитанія больныхъ, какъ мужчинъ и женщинъ съ ребенкомъ, для прокормленія, помощи и успокоенія другихъ. Эти госпитали въ настоящее время по большей части въ запустѣніи, а имущества и доходы ихъ расточены и расхищены на другія цѣли, какъ духовными такъ и свѣтскими лицами. Вслѣдствіе чего много мужчинъ и женщинъ умерло въ великой бѣдности по недостатку помощи, пропитанія и призрѣнія, къ неудовольствію Божескому и къ душевной погибели таковыхъ расточителей».

Законодательство не долго могло оставаться при этомъ признаніи лишь за неспособными къ работѣ нищими права на общественное призрѣніе. Съ конца XV вѣка начинается въ англійскомъ сельскомъ хозяйствѣ переходъ отъ средневѣковой системы къ новой. Вмѣстѣ съ этимъ переворотомъ начинается и сельскій пролетаріатъ, составляющій одну изъ самыхъ мрачныхъ сторонъ англійской жизни. Законодательство XVI вѣка представило массу законовъ, стремившихся остановить централизированіе поземельной собственности въ рукахъ большихъ землевладѣльцевъ и постепенное уничтоженіе крестьянскихъ участковъ. Лишь съ ослабленіемъ королевской власти при Стюартахъ, когда усилилась власть аристократіи, прекращается это стремленіе законодательства. Первый актъ объ этомъ относится къ 1488 г. и касается острова Уайта. Актъ говоритъ, что много деревень и слободъ на островѣ Уайтѣ снесены и что поля превращены

въ пастбища. Въ актѣ 1489 говорится, что вслѣдствіе этого праздность, источникъ и причина всякаго рода преступленій, возрастаетъ со дня на день, ибо гдѣ въ другомъ селѣ 200 человѣкъ были заняты и жили законнымъ трудомъ, тамъ теперь заняты 2 или 3 пастуха, остальные же впали въ праздность. Статутъ воспрещаетъ арендовать ферму на островѣ Уайтѣ, рента которой превышаетъ 10 марокъ. Собственники же земель должны сохранять и поддерживать дома и строенія необходимые для земледѣлія и хозяйства.

Мы приведемъ еще одно извлеченіе изъ статута Генриха VIII 1533—34 г. наиболѣе характеристичнаго въ этомъ отношеніи. Статутъ говоритъ: многіе подданные, которымъ Богъ по своему милосердію даровалъ великое изобиліе движимаго имущества, со дня на день изыскивали и изобрѣтали пути и средства, какъ бы собрать и объединить въ немногихъ рукахъ какъ наибольшее число фермъ такъ и хижинъ, въ особенности же овецъ, превращая такія земли, сколько могли пріобрѣсти, въ пастбища, а не въ пахоту, вслѣдствіе чего не только снесли церкви и слободы и возвысили прежнія ренты, или, лучше сказать, довели ихъ до такихъ необыкновенныхъ размѣровъ, что ни одинъ бѣдный человѣкъ не можетъ посягнуть на нихъ, но подняли цѣны на всякаго рода хлѣбъ, скотъ, шерсть, свиней, гусей, куръ, яйца, почти удвоили старыя цѣны, которыя были разумны *), почему огромная масса жителей не можетъ достать пищи, питья и одежды, необходимыхъ для нихъ самихъ, ихъ женъ и дѣтей, но такъ убита бѣдностью и нуждою, что со дня на день берется за воровство, разбой или другія преступленія, или скорбно умираетъ отъ голода и холода. Указывая далѣе, что главная причина этого заключается въ огромныхъ барышахъ, какіе даютъ овцы, такъ что нѣкоторые имѣютъ 24,000, другіе 20,000, 10,000, 6,000, 5,000 а другіе болѣе или менѣе, статутъ постановилъ, что никто не долженъ имѣть болѣе 2,000 овецъ подъ штрафомъ 3 шиллинговъ 4 дени за каждую штуку выше этого числа.

Возлѣ этого явленія законодательство не могло оставаться при своемъ прежнемъ началѣ, что только неспособные къ работѣ нищіе имѣютъ право жить на счетъ призрѣнія. Статутъ 1535—36 года Генриха VIII предписываетъ уже мерамъ, балли, констеблямъ и другимъ должностнымъ лицамъ городовъ, слободъ, приходовъ, забо-

*) При обсужденіи этого факта мы не должны опускать изъ вниманія, что наплывъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ Америки началъ обнаруживать свое дѣйствіе.

титься и о помѣщеніи за постоянную работу бродягъ и здоровыхъ нищихъ.

Не смотря на это расширеніе задачи, законодательство, касаясь призрѣнія, имѣетъ въ виду лишь организовать добровольное призрѣніе такъ, чтобы оно не противодѣйствовало его мѣрамъ для прекращенія бродяжничества, которое по видимому встрѣчало особенное препятствіе въ благотворительности религіозныхъ учрежденій. О вредномъ вліяніи, какое имѣла раздача милостыни религіозными учрежденіями, Галламъ говоритъ: «нѣтъ сомнѣнія, что многіе больные нищіе существовали ихъ милостынею; но духъ слѣпаго милосердія, проповѣдываемый римскою церковью, составляетъ причину, а не изцѣленіе отъ нищенства и бродяжничества, которое стремились подавить постоянные и очень строгіе законы» *). Генрихъ VII постановилъ, что нищіе, неспособные къ работѣ, должны имѣть дозволеніе для прошенія милостыни и должны просить только въ своихъ приходахъ или мѣстахъ жительства; въ противномъ случаѣ съ ними должно быть поступаемо какъ съ бродягами. Генрихъ VIII, въ статутѣ 1535 года, о которомъ мы сейчасъ говорили, предписываетъ устроить въ приходахъ ящики для сбора подаяній, назначенныхъ для призрѣнія больныхъ и занятія работою способныхъ къ работѣ, а пасторамъ предписываетъ увѣщевать отъ времени до времени народъ къ подаяніямъ. Подаянія эти должны быть вносимы въ книгу, которая должна быть на сохраненіи двухъ или трехъ церковныхъ старостъ. Старосты могутъ вручить ее на сохраненіе лицу незаинтересованному въ дѣлѣ; при этомъ статутъ по видимому обнаруживаетъ стремленіе отстранить духовенство отъ распоряженія суммами. Въ случаѣ избытка сборовъ, они должнъ быть назначены на вспомоществованіе сосѣднихъ приходовъ. Но статутъ прибавляетъ, что никто не долженъ быть принуждаемъ къ какому либо взносу, который долженъ быть совершенно въ его волѣ. Далѣе постановляетъ, что всѣ учрежденія политическія и религіозныя, которыя должны раздавать деньги, хлѣбъ и проч., должны отдавать все это въ общіе ящики. Мировымъ судьямъ дано право отбирать дѣтей отъ 5-ти до 13-ти лѣтъ, нищенствующихъ и праздношатающихся и отдавать ихъ въ ученіе хозяйству или ремесламъ. Деньги на одежду должны быть взяты изъ приходскихъ ящиковъ.

Съ отобраніемъ имуществъ у монастырей и уничтоженіемъ ихъ,

---

*) Hallam — Constitutional History of England. v. I, стр. 79.

законодательство быстро переходитъ отъ прежнихъ своихъ попытокъ лишь организовать призрѣніе добровольное такъ, чтобы оно лучше удовлетворяло требованіямъ времени и не было бы источникомъ нищенства и бродяжничества, къ установленію обязательнаго призрѣнія. Непосредственнымъ поводомъ къ этому было, по видимому, усиленіе нищенства и бродяжничества послѣ уничтоженія монастырей, которое заставило около 500,000 человѣкъ, по исчисленію англійскихъ историковъ, добывать трудомъ средства своего существованія *), такъ что законодательство не могло расчитывать, что добровольное милосердіе удовлетворитъ усилившимся потребностямъ. Съ другой стороны, государство, отобравшее монастырскія имущества, на которыхъ лежала также обязанность призрѣнія, какъ бы этимъ самымъ принимало на себя и обязанность, которая лежала на этихъ имуществахъ.

Статутъ 1551 года, Эдуарда VI, предписывалъ мерамъ и другимъ высшимъ должностнымъ лицамъ въ городахъ, а пасторамъ и церковнымъ старостамъ въ приходахъ, созывать ежегодно въ Тройцынъ день домохозяевъ и жителей приходовъ для выбора изъ среды себя двухъ или болѣе способныхъ лицъ въ сборщики подаяній для призрѣнія бѣдныхъ. Эти сборщики должны въ слѣдующее воскресенье вѣжливо спрашивать каждаго мужчину и женщину о томъ, сколько они хотятъ давать еженедѣльно для призрѣнія бѣдныхъ и должны вносить эту сумму въ книгу. Далѣе статутъ постановляетъ, что если кто либо будетъ отказываться отъ взносовъ, будучи въ состояніи, или будетъ отговаривать другихъ, то пасторъ и церковный староста должны вѣжливо увѣщевать его, если же не успѣютъ въ этомъ, то епископъ долженъ послать за нимъ и стараться также убѣдить его. Статутъ Елисаветы, 1562 года, переходитъ уже окончательно къ установленію обязательнаго призрѣнія, постановивши, что если увѣщанія епископа останутся напрасными, то онъ долженъ обязать упорствующее лице, подъ штрафомъ 10 ливровъ, явится въ ближайшее засѣданіе мировыхъ судей, которые должны также сначала попытаться убѣдить такое лицо, въ случаѣ же неуспѣха должны опредѣлить сумму, какую такое лицо должно вносить, въ случаѣ же отказа уплатить, по жалобѣ сборщиковъ и церковныхъ старостъ, могутъ приговорить его къ тюремному заключенію до уплаты.

---

*) Церковь владѣла до реформы $^1/_5$ частью поземельной собственности королевства, не говоря о другихъ доходахъ ея, какъ то десятины и др.

Статутомъ 1572 года предписано мировымъ судьямъ собирать свѣдѣнія въ своихъ округахъ о всѣхъ престарѣлыхъ бѣдныхъ, неспособныхъ къ работѣ и больныхъ нищихъ, рожденныхъ въ ихъ округахъ, или которые жили въ нихъ въ теченіи 3-хъ предъидущихъ лѣтъ, и вносить ихъ имена въ заведенную для этого книгу. Судьи должны назначить приличное мѣсто въ своихъ округахъ для помѣщенія такого народа, если приходы, въ которыхъ они будутъ найдены, не заботятся о нихъ. По опредѣленіи величины расходовъ еженедѣльныхъ на призрѣніе и содержаніе этихъ бѣдныхъ, судьи могутъ облагать жителей округовъ недѣльнымъ взносомъ, и должны назначить лицо для сбора и раздачи этихъ взносовъ согласно съ постановленіями мировыхъ судей. Статутъ этотъ, замѣчательный по попыткѣ установить округъ мировый какъ единицу призрѣнія, вызванъ былъ бѣдностью многихъ приходовъ. Эта бѣдность была причиною, почему и прежде законодательство не могло провести постановленій, чтобы нищіе не просили сами милостыни, а получали бы помощь изъ сборовъ, и должно было дѣлать исключенія изъ своихъ правилъ. Статуты 1575 и 1597 года возвратились снова къ приходу, какъ повинной единицѣ. Эти статуты взошли безъ всякихъ почти измѣненій въ статутъ 1601 года, составляющій эпоху въ исторіи англійскаго законодательства о призрѣніи, и доселѣ еще сохранившій свою силу.

Статутъ 1601 года, къ которому мы теперь переходимъ, завершаетъ и консолидируетъ результаты предшествующей законодательной дѣятельности. Начала, выработанныя этою дѣятельностію, различіе между нищими способными къ работѣ и нищими неспособными къ работѣ, и о призрѣніи первыхъ лишь работою, признаніе прихода, какъ единицы повинной, нравственная обязанность котораго переходила постепенно въ законную—составили основу статута.

Статутъ постановляетъ: «четыре, три или два достаточныхъ домохозяевъ, за печатью и подписью двухъ или болѣе мировыхъ судей, должны быть ежегодно назначаемы въ недѣлю пасхи и вмѣстѣ съ церковными старостами должны быть надзирателями бѣдныхъ—overseers».

«Они должны отъ времени до времени, съ согласія мировыхъ судей, принимать мѣры для приведенія въ исполненіе разныхъ постановленій статута. Они должны еженедѣльно или иначе собирать въ каждомъ приходѣ—облагая податью каждаго жителя, пастора, викарія и др., каждаго собственника или арендатора земли, домовъ,

десятинъ, каменноугольныхъ копей и продажнаго дровянаго лѣса — такую сумму денегъ, какую сочтутъ нужною для слѣдующихъ цѣлей:

1) «Для занятія работою дѣтей, родители которыхъ не въ состояніи содержать и воспитывать ихъ».

2) «Для занятія всѣхъ такихъ лицъ, женатыхъ и не женатыхъ, которыя не имѣютъ средствъ содержать себя и не имѣютъ обыкновеннаго ежедневнаго промысла для пріобрѣтенія средствъ своего существованія».

3) «Для пріобрѣтенія надлежащаго количества льна, пеньки, шерсти, пряжи, желѣза и другихъ товаровъ и матеріаловъ для занятія бѣдныхъ».

4) «Для необходимаго призрѣнія увѣчныхъ, больныхъ, старыхъ, слѣпыхъ и другихъ между ними бѣдныхъ и неспособныхъ къ работѣ».

Статутъ предписываетъ далѣе надзирателямъ бѣдныхъ собираться вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ, въ приходской церкви послѣ обѣдни для обсужденія разныхъ мѣръ, которыя должны быть приняты. По истеченіи года своей службы и послѣ того, какъ будутъ назначены новые надзиратели, они должны представить двумъ мировымъ судьямъ вѣрный и полный отчетъ обо всѣхъ деньгахъ, ими собранныхъ, а также о всѣхъ матеріалахъ, которые находятся въ ихъ рукахъ или даны бѣднымъ для обработки, и обо всѣхъ другихъ вещахъ, касающихся ихъ должности. Въ случаѣ опущеній или нерадѣнія какого либо рода, что́ должно быть доказано передъ двумя мировыми судьями, они подлежатъ штрафу въ 20 шиллинговъ.

Церковнымъ старостамъ и надзирателямъ дано также право — съ согласія двухъ мировыхъ судей отдавать дѣтей, которыхъ родители не могутъ содержать, въ ученіе по договору, гдѣ они найдутъ удобнымъ — мальчиковъ до 24 лѣтъ, дѣвочекъ до 21 года или до замужества. Договоры эти должны имѣть такую же силу, какъ если бы ребенокъ, будучи совершеннолѣтнимъ, самъ заключилъ его.

Въ случаѣ бѣдности какого либо прихода, когда жители его не въ состояніи собрать между собою достаточной суммы для означенныхъ дѣтей, то какой либо другой приходъ или приходы сотни могутъ быть обложены податью, и должны уплатить церковнымъ старостамъ и надзирателямъ бѣдныхъ означеннаго прихода такую сумму денегъ, какую сочтутъ нужною мировые судьи. Въ случаѣ несостоятельности приходовъ сотни графство должно придти на помощь.

Мировые судьи получили право посылать въ исправительный домъ, или обыкновенную тюрьму, бѣдныхъ, которые будутъ отказываться отъ работы, назначенной имъ надзирателями *). Имъ предоставлено также право, въ случаѣ неуплаты кѣмъ либо подати, взыскивать ее съ его имущества, или подвергать тюремному заключенію до уплаты какъ слѣдующей суммы, такъ и недоимокъ.

Лицамъ, недовольнымъ раскладкою подати или чѣмъ либо другимъ, предоставлено аппелировать въ генеральныя засѣданія мировыхъ судей, которыя рѣшаютъ дѣло по своему усмотрѣнію.

Но возлѣ этихъ постановленій, дававшихъ бѣднымъ право на призрѣніе общества, статутъ опредѣляетъ обязанность родственниковъ, повторяя постановленія статута 1597—98 г., поводомъ къ чему были злоупотребленія, возникшія вмѣстѣ съ установленіемъ обязательнаго призрѣнія. Статутъ 1597 года говорилъ только объ обязанностяхъ родителей содержать своихъ дѣтей и обратно; статутъ 1601 года распространяетъ эту обязанность также на дѣдовъ и бабокъ той и другой стороны, если они имѣютъ достаточное состояніе.

Статутъ 1601 года, завершившій дѣятельность предыдущаго законодательства и легшій въ основаніе дальнѣйшаго развитія, не скоро однако былъ приведенъ въ исполненіе по всей странѣ. Говорятъ что 20, 30, 40 лѣтъ послѣ его изданія были мѣста, въ которыхъ не была еще собираема подать для бѣдныхъ. Эденъ приводитъ памфлетъ, приписываемый Деккеру, въ которомъ говорится, что «хотя число бѣдныхъ ежедневно увеличивается, но все клонится къ худшему для нихъ. Такъ какъ не только не было сбора для нихъ послѣдніе семь лѣтъ во многихъ приходахъ, особенно въ сельскихъ, но многіе приходы высылаютъ своихъ бѣдныхъ да и своихъ праздныхъ рабочихъ, которые не хотятъ работать, или по какой либо причинѣ нуждаются въ работѣ, чтобы они такимъ образомъ нищенствовали, мошенничали и воровали для поддержанія своего существованія, такъ что страна страшно зачумлена ими. Такимъ образомъ, уже съ самаго начала мы замѣчаемъ со стороны приходовъ разнаго рода увертки, чтобы освободить себя отъ тяжести призрѣнія.

---

*) Устройство исправительныхъ домовъ было предписано впервые статутомъ, 1575—76 года, Елисаветы, положившимъ такимъ образомъ начало исправительной системы.

Правительство, побуждаемое развитіемъ нищенства и бродяжничества, которое съ развитіемъ общественной жизни еще болѣе усиливалось и слагалось даже въ промыселъ, принимало видимо со своей стороны мѣры для приведенія въ исполненіе статута, равно какъ для устраненія злоупотребленій, которыя рано уже появились. Мы упомянемъ здѣсь лишь о коммиссіи, назначенной Карломъ I, изъ членовъ тайнаго совѣта, для приведенія въ исполненіе законовъ о призрѣніи. Наказъ, данный этой коммиссіи, особенно интересенъ, ибо полагаетъ причину дурнаго исполненія законовъ въ томъ же, въ чемъ впослѣдствіи коммиссія 1832—въ отсутствіи центральнаго контроля надъ мѣстными властями. Въ немъ говорится, что причина дурнаго исполненія заключается въ нерадивости мировыхъ судей и другихъ должностныхъ лицъ, проистекающей изъ того, что судьи или подвергаются незначительнымъ наказаніямъ или же никакому, а также отчасти въ томъ, что судьи властью своею держатъ своихъ подчиненныхъ въ страхѣ, вслѣдствіе чего на нихъ не представляется никакихъ жалобъ и они остаются ненаказанными. Король, говорится далѣе, не находитъ другаго средства для приведенія въ исполненіе этихъ законовъ, какъ поручить надзоръ спеціальному попеченію лицъ, занимающихъ главныя мѣста и должности возлѣ королевской особы. Назначеніе этой коммиссіи относится къ тому времени, когда Карлъ I распустилъ парламентъ и управлялъ государствомъ самовластно. Коммиссія оставалась очень не долго и не имѣла никакихъ результатовъ.

Полное приведеніе статута въ исполненіе по всей странѣ историки относятъ къ 60 годамъ XVII столѣтія. Доказательствомъ этому можетъ служить статутъ 1662 года Карла II, который съ одной стороны самъ служилъ для лучшаго исполненія закона Елисаветы, а съ другой наказывалъ уже стремленіе приходовъ освободиться отъ нищихъ, которыхъ они должны были призрѣвать. Актъ Карла II, «о лучшемъ призрѣніи нищихъ», извѣстный обыкновенно подъ именемъ акта о мѣстѣ жительства—Settlement act—вмѣстѣ съ актомъ 1601 года Елисаветы составляетъ фундаментъ англійскаго законодательства о призрѣніи доселѣ. Судьба этихъ актовъ впрочемъ различна. Въ то время, какъ статутъ Елисаветы считается доселѣ необходимымъ и вполнѣ разумнымъ, актъ Карла II, какъ мы увидимъ ниже, подвергается почти общему порицанію.

Говоря о огромномъ числѣ нищихъ, актъ видитъ источникъ этого, во 1-хъ, въ нѣкоторыхъ недостаткахъ закона о мѣстѣ жительства

нищихъ; во 2-хъ въ недостаткѣ надлежащихъ постановленій о призрѣніи и занятіи ихъ работою въ такихъ приходахъ и мѣстахъ, въ которыхъ они по закону имѣютъ мѣсто жительства, что̀ заставляетъ многихъ изъ нихъ становиться неисправимыми бродягами (rogues) а другихъ гибнуть въ нуждѣ; въ 3-хъ, отъ нерадиваго исполненія законовъ и статутовъ, которые изданы для поимки бродягъ и мошенниковъ и для пользы нищихъ.

Статутъ говоритъ далѣе, что бѣдные, не будучи стѣснены въ своемъ переходѣ изъ одного прихода въ другой, стараются селиться въ такихъ приходахъ, въ которыхъ больше общинныхъ и пустопорожнихъ земель для постройки хижинъ и болѣе лѣса, который можно жечь и истреблять, а когда ихъ уничтожатъ, то идутъ въ другіе приходы и становятся такимъ образомъ бродягами. Приходамъ между тѣмъ непріятно запасать матеріалъ, чтобы его истребляли посторонніе. Для отвращенія этого, статутъ постановилъ, что «по жалобѣ церковнаго старосты или надзирателей бѣдныхъ (overseers) какого либо прихода мировому судьѣ, въ теченіи сорока дней послѣ того какъ какое либо лицо или лица придутъ селиться, какъ выше сказано, на какомъ либо участкѣ, годовая рента котораго ниже 10 фун. ст., два мировые судьи, изъ которыхъ одинъ долженъ быть изъ округа, въ которомъ такой приходъ лежитъ, могутъ дать предписаніе о удаленіи и конвоированіи его или ихъ въ приходъ, въ которомъ онъ или они имѣли въ послѣднее время законное мѣсто жительства, если не представятъ обезпеченія, что не лягутъ на приходъ». Лицамъ, недовольнымъ приговоромъ, предоставлено аппелировать въ квартальныя засѣданія.

Предыдущіе статуты, если касались мѣста жительства, то имѣли въ виду лишь бродягъ и неспособныхъ къ работѣ нищихъ, какъ напр. статутъ Эдуарда VI, предписывающій, что бродяги должны быть заклеймены литерою U и отправлены на мѣсто рожденія, гдѣ должны работать, какъ рабы жителей мѣста, неспособные же къ работѣ должны быть препровождены въ мѣста ихъ рожденія и призрѣваемы тамъ милостынею. Актъ же 1662 года распространилъ это на всѣхъ лицъ, не имѣющихъ участка, дающаго 10 ф. ст. годовой ренты, т. е. весь рабочій классъ былъ подведенъ подъ это ограниченіе и стѣсненъ въ своемъ передвиженіи, т. е. въ средствѣ достать себѣ работу. Какъ бы предусматривая неудобство, которое долженъ былъ вызвать, статутъ дѣлаетъ далѣе, (3 section) исключеніе изъ этого правила, говоря, что не смотря на этотъ актъ, каж-

дое лицо или лица могутъ законно отправляться въ какое либо графство, приходъ или мѣсто, чтобы работать во время жатвы или въ другое время для работы, только должны имѣть удостовѣреніе отъ церковныхъ старостъ и одного изъ надзирателей бѣдныхъ въ томъ, что они имѣютъ жилище и законное мѣсто жительства въ приходѣ. Это ограниченіе, которое повидимому было введено депутатами землевладѣльческими, не имѣло на практикѣ результата хорошаго, ибо приходскія власти не давали свидѣтельства рабочимъ хорошимъ, дурныхъ же старались всякими путями сбыть; отсюда тьма тяжбъ между приходами. Съ другой стороны, и сами рабочіе старались всякими путями ослабить законъ. Такъ, скоро послѣ изданія статута, законодательство должно было принять мѣры для устраненія злоупотребленій со стороны бѣдныхъ. Такъ въ актѣ 1685 года Іакова II говорится, что бѣдныя лица, приходя въ приходъ, обыкновенно скрываются, почему и постановилъ, что 40 дней пребыванія въ приходѣ, для пріобрѣтенія мѣста жительства, должны считаться со времени представленія письменнаго заявленія съ обозначеніемъ дома, въ которомъ онъ или она живетъ, числа лицъ, изъ котораго состоитъ семья, одному изъ церковныхъ старостъ или надзирателей. Въ 1691 году новая формальность: 40 дней должны считаться съ публикаціи письменнаго заявленія, представленнаго перковному старостѣ или надзирателю, который долженъ прочитать его публично въ ближайшій праздникъ непосредственно послѣ божественной службы въ церкви или капеллѣ прихода, и оно должно быть внесено въ книгу, заведенную для бѣдныхъ. Впрочемъ, эта послѣдняя формальность касается не бѣдныхъ, но приходскихъ должностныхъ лицъ, ибо вслѣдствіе злоупотребленій съ ихъ стороны законодательство начинало предоставлять около этого времени контроль и участіе въ управленіи дѣломъ призрѣнія приходамъ, но вмѣстѣ съ этимъ актъ 1691 г. установляетъ новые титулы для пріобрѣтенія законнаго мѣста жительства: общественная годовая служба въ приходѣ въ теченіи цѣлаго года даетъ мѣсто жительства; лице, платящее общественныя подати и приходскіе сборы, также должно считаться имѣющимъ законное мѣсто жительства; наемъ въ услуженіе въ какомъ либо приходѣ лица неженатаго и договоръ объ ученіи и жительство ученика въ приходѣ также имѣютъ то же слѣдствіе. Далѣе статутъ налагаетъ штрафъ въ 5 фунт. на приходскія должностныя лица, если они откажутся принять лице, удаленное по закону изъ какого либо прихода. Штрафъ этотъ долженъ идти въ пользу бѣднаго прихода.

Не смотря на увеличеніе способовъ пріобрѣтенія мѣста жительства статутомъ 1691 года, новый статутъ 1696 года долженъ былъ обратить вниманіе на вредное вліяніе этихъ законовъ на рабочихъ. Статутъ 1696 года «о устраненіи нѣкоторыхъ недостатковъ въ законахъ о призрѣніи» говоритъ, что много бѣдныхъ лицъ на счету прихода или мѣста, въ которомъ они живутъ, единственно по недостатку работы, въ то время какъ они могли бы въ другомъ мѣстѣ, гдѣ можно найти достаточную работу, содержать себя и свое семейство, не будучи въ тяжесть никакому приходу. Не будучи въ состояніи представить обезпеченія, какое можетъ быть потребовано отъ нихъ для поселенія, между тѣмъ какъ свидѣтельства, обыкновенно даваемыя въ такихъ случаяхъ, сводятся въ простое письменное заявленіе, они принуждены жить въ своихъ приходахъ, не получая дозволенія жить въ другомъ мѣстѣ, хотя во многихъ мѣстахъ, гдѣ развитіе промышленности могло бы занять много новыхъ рукъ, нуждаются въ рабочихъ. Мѣры, постановленныя статутомъ, принесли также мало пользы. Вопросъ о мѣстѣ жительства доселѣ еще нерѣшенъ вполнѣ, хотя послѣ реформы 1834 года прежнія начала и подверглись большимъ измѣненіямъ.

Вредное вліяніе законовъ о мѣстѣ жительства на рабочій классъ въ настоящее время заставило публицистовъ требовать совершеннаго ихъ уничтоженія. Статутъ Карла II подвергается общему порицанію. Оставя въ сторонѣ ближайшій поводъ къ его изданію, желаніе жителей Лондона и Уестминстера свалить своихъ нищихъ на сельскіе приходы *), мы не должны упускать изъ виду во 1-хъ, что начала этого статута сохранили еще до сихъ поръ свою силу, и до реформы 1834 года самый статутъ подвергался измѣненіямъ лишь въ частностяхъ; во 2-хъ, что, по признанію самыхъ противниковъ,

*) Кудъ, въ своемъ отчетѣ 1851 года, въ которомъ разработана и исторія законовъ о мѣстѣ жительства, приписываетъ составленіе и проведеніе этого акта въ парламентѣ столичнымъ депутатамъ, которые желали освободиться отъ постоянно возрастающаго числа бѣдныхъ въ Лондонѣ и Уестминстерѣ и желали получить право удалять ихъ въ сельскіе приходы. Доказательство этого происхожденія видитъ въ ограниченіи власти удалять 10-ю фунт. годоваго дохода, ибо 10 фунт. нельзя было принять за предѣлъ въ сельскихъ приходахъ, гдѣ хижины низшаго рода рабочихъ и другихъ, о которыхъ приходскія должностныя лица могли думать, что они лягутъ на приходъ, рѣдко въ это время давали больше 20 шиллинговъ ренты, принадлежащіе же ремесленникамъ и промышленникамъ не болѣе какъ 2 или 3 раза противъ этого. Raport to the Poor Law Boord in the Law of settlement by George Cood. ordered by the House of Lords to be printed. 1851.

статутъ Елисаветы 1601 г. получилъ полное примѣненіе лишь послѣ акта Карла II. Система мѣстнаго обязательнаго призрѣнія возможна только при строгой опредѣленности о принадлежности какого либо лица къ союзу, на который возложена обязанность призрѣнія. Это одна изъ причинъ, почему законы о мѣстѣ жительства доселѣ остаются въ силѣ въ Англіи. Другой вопросъ — какой союзъ будетъ положенъ въ основаніе — приходъ ли или союзъ нѣсколькихъ приходовъ (union).

Въ заключеніе настоящаго очерка мы приведемъ величину издержекъ на призрѣніе. Вѣрныхъ данныхъ о количествѣ подати мы не имѣемъ, а только приблизительное исчисленіе и то за послѣдніе годы XVII столѣтія. Въ 1677 году Яронтонъ въ своемъ сочиненіи, England's Improvements by Sea and Land *), цѣнитъ издержки на призрѣніе въ 700,000 фунт. Въ таблицѣ Георга Кинга, величина подати для бѣдныхъ въ Англіи и Уельсѣ въ концѣ царствованія Карла II (1680—1685) полагается въ 665,362 фунта **). Кингъ въ своей таблицѣ опредѣляетъ число населенія въ 1686 г. въ Англіи и Уельсѣ въ $5^1/_2$ мил., кладя въ основу своего изчисленія число домовъ, внесенныхъ въ податные списки, которое равнялось въ 1566 году 1,300,000 и полагая на каждый домъ 4,17 жителей.

22) Кандидата Головкинскаго.

Въ теченіи окончившагося зимняго семестра я съ особеннымъ интересомъ и пользою слушалъ курсъ проф. Квенштедта объ ископаемыхъ позвоночныхъ животныхъ. Особенно благопріятно было для меня то обстоятельство, что проф. Квенштедтъ обыкновенно не читаетъ этотъ курсъ и потому долженъ былъ самъ готовиться къ лекціямъ и разбирать относящуюся сюда часть коллекціи. Присутствуя при этихъ приготовленіяхъ и нерѣдко участвуя въ разборѣ окаменѣлостей, я имѣлъ возможность близко познакомиться съ методомъ палеонтологическихъ опредѣленій. Отъ какой либо спеціальной научной работы я намѣренно уклонялся, не смотря на приглашенія проф. Квенштедта: спеціальное изслѣдованіе пріятнѣе и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, благодарнѣе равномѣрнаго занятія наукою, но я увѣренъ, что послѣднее лучше соотвѣтствуетъ цѣли готовящагося къ преподаванію. Признаюсь, даже при стараніи, та-

*) Sir F. M. Eden State of the Poor т. I. стр. 198 и 230.
**) Ibid.

кая равномѣрность достигается не вполнѣ, но только приблизительно.

Поговорить обстоятельно о курсѣ проф. Квенштедта и о палеонтологіи вообще, весьма затруднительно по самой сущности предмета: мы имѣемъ здѣсь дѣло, по большей части, съ неясными отпечатками и изуродованными обломками, которыхъ значеніе вырабатывается только весьма тщательнымъ сравненіемъ и мелочными наблюденіями. Весь этотъ матеріалъ представляетъ на столько бѣдные, на столько, сами по себѣ, безмолвные отрывки минувшей органической жизни, что онъ, по сію минуту, съ успѣхомъ служитъ опорою совершенно противуположнымъ теоретическимъ взглядамъ. Войти въ сферу этой науки (кромѣ чисто-описательной ея части, о которой говорить, конечно, нечего) — значитъ немедленно стать между враждебныхъ лагерей и слѣдовательно необходимо опредѣлить ихъ отношеніе другъ къ другу, а замѣшательство здѣсь такъ велико и нѣкоторыя изъ основныхъ понятій такъ постепенно переходятъ въ область другихъ наукъ, что пришлось бы идти слишкомъ далеко и говорить слишкомъ долго, или ограничиться повтореніемъ нѣкоторыхъ общихъ мѣстъ.

Я хочу однако сказать нѣсколько словъ о томъ геологическомъ вопросѣ, который надѣлалъ столько шума въ послѣднее время. Я разумѣю ископаемаго человѣка. Рѣдко геологическія открытія возбуждали такъ много вниманія, какъ это послѣднее. Послѣ долгихъ сомнѣній и шумныхъ споровъ, существованіе человѣка въ дилювіальную эпоху, можно сказать, окончательно признано большинствомъ геологовъ во Франціи и Англіи; только одинъ, Эли-де-Бомонъ, упорно отвергаетъ новый научный фактъ. Въ Германіи число ученыхъ pro и contra находится въ обратномъ отношеніи: только немногіе признали открытіе; большинство относится къ нему недовѣрчиво. Къ послѣднимъ принадлежитъ и проф. Квенштедтъ. Онъ ссылается на человѣческія кости, лежащія глубоко въ плотной, однородной глинѣ, близь Роттенбурга, но несомнѣнно принадлежащія, какъ исторически извѣстно, концу прошлаго столѣтія и указываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на зубы мамонта, часто находимые въ самыхъ новыхъ наносахъ Неккара; онъ показывалъ даже мѣдную пуговицу, слишкомъ явнаго происхожденія, найденную въ сталактитовой пещерѣ, близь Эрпфингенъ, вмѣстѣ съ костями Ursus spelaeus. Извѣстенъ также случай нахожденія желѣзной подковы глубоко въ глинѣ, содержащей кости вымершихъ животныхъ. Имѣя въ виду эти факты,

скептики говорятъ: нахожденіе костей человѣка вмѣстѣ съ костями вымершихъ животныхъ въ пещерахъ, также мало доказываетъ, какъ приведенныя выше подкова и пуговица; каменныя оружія могли быть погребены въ новыхъ наносахъ, содержащихъ остатки животныхъ, *вымытыя* водами изъ первичнаго мѣстонахожденія, или могли проникнуть сверху, сквозь рыхлый наносъ — явленіе, наблюдаемое нерѣдко; знаки на костяхъ, приписываемые человѣку, могутъ происходить отъ зубовъ животныхъ, глодавшихъ эти кости; наконецъ, необыкновенная форма череповъ, найденныхъ въ нѣкоторыхъ пещерахъ, тоже не составляетъ положительнаго доказательства, потому что хотя типическая форма черепа для каждой рассы дѣйствительно существуетъ, но между милліонами людей возможны варіаціи этой формы до неопредѣленной границы. Все это, конечно, очень справедливо, и каждый отдѣльный фактъ, говорящій въ пользу существованія дилювіальнаго человѣка, въ виду этихъ возраженій, теряетъ силу положительнаго доказательства; но дѣло въ томъ, что сила не въ отдѣльныхъ фактахъ, а въ ихъ совокупности. Случайная комбинація, повторяющаяся сто разъ, перестаетъ быть случайною, по той простой причинѣ, что это многократное, правильное повтореніе составляетъ единственное отличіе законнаго отъ случайнаго. Проф. Квенштедтъ выразилъ, наконецъ, предположеніе, что, быть можетъ, не человѣкъ жилъ въ эпоху мамонтовъ, а мамонтъ дожилъ до человѣческаго періода, т. е., не появленіе человѣка отодвигается въ далекое прошедшее, но изчезновеніе мамонтовъ придвигается ближе къ намъ. Но если дилювіумъ, какъ нѣкоторый геологическій періодъ, имѣетъ опредѣленный признакъ (что́ положительно необходимо), то это, конечно, ни что другое, какъ существованіе Elephas primigenius и Rhinoceros tichorhinus; слѣдовательно, какъ бы долго послѣдніе ни жили, дилювіума пережить они не могли, потому что онъ ими опредѣляется. Ясно, что здѣсь споръ становится болѣе логическимъ, чѣмъ геологическимъ, и это доказываетъ искусственную натянутость возраженія. Подобное удлиненіе или укорачиваніе дилювіальнаго періода есть только субъективная игра отвлеченныхъ представленій, никакимъ образомъ не касающаяся вопроса: *существовалъ ли человѣкъ въ дилювіальный періодъ, т. е. одновременно съ El. primigenius* и *Rh. tichorhinus?* Какъ давно это было — годамя никто не мѣрилъ, но что очень давно и весьма задолго до историческихъ временъ — это несомнѣнно слѣдуетъ изъ значительнаго измѣненія гидро- и орографическаго ха-

рактера странъ съ того времени... Впрочемъ скептицизмъ нѣмецкихъ ученыхъ есть понятная осторожность натуралистовъ-практиковъ, которые хотятъ прежде осязать предметъ и потомъ уже признать его дѣйствительно существующимъ. Пока дилювіальныя кремневыя оружія не будутъ найдены въ Германіи, недовѣріе продержится долго, изчезая только мало по малу; но, по всей вѣроятности, открытія не замедлятъ и здѣсь: кромѣ Франціи и Англіи, кремневыя оружія уже найдены въ Испаніи и Италіи.

Другаго характера причины оппозиціи Эли-де-Бомонъ. Не разбирая основательно цѣлаго дѣла, онъ опровергаетъ одиночные факты, по приведенному выше методу, побуждаемый, главнымъ образомъ, двумя основными тезисами: 1) геніальный Кювье отвергалъ ископаемаго человѣка, слѣдовательно признать его—значитъ компрометировать геніальность Кювье; 2) дилювіумъ, какъ особый періодъ, по освященнымъ временемъ геологическимъ принципамъ, отдѣленъ отъ насъ не просто длиннымъ рядомъ тысячелѣтій, но катастрофой, за которой царствовалъ совершенно иной порядокъ вещей, иныя силы, а это не совмѣстно съ существованіемъ человѣка... Положеніе Эли-де-Бомонъ въ вопросѣ объ ископаемомъ человѣкѣ сходно съ положеніемъ другаго знаменитаго ученаго, Ричарда Овена, въ спорѣ о строеніи мозга обезьянъ, надѣлавшемъ также не мало шума.

А между тѣмъ, пока многіе ученые еще колеблются признать за дилювіальнымъ человѣкомъ право на существованіе, уже новое открытіе Денойе грозитъ отодвинуть человѣка еще глубже въ геологическія времена—въ періодъ пліоценовый.

Располагая отправиться на дняхъ во Францію, я намѣреваюсь посѣтить и долину Соммы, столь знаменитую по вопросу объ ископаемомъ человѣкѣ, сдѣлавшемуся едва не моднымъ.

Тюбингенъ, $^{13}/_{25}$ марта 1864 года.

23) Кандидата Льва Ждановича.

Вторую половину истекшаго зимняго семестра я оставался въ Гейдельбергѣ и продолжалъ слушать курсъ финансовъ у проф. Дитцеля.

О достоинствѣ его лекцій и о его научномъ направленіи я достаточно писалъ въ моемъ прошломъ отчетѣ; остается только сказать теперь о томъ, что́ слышалъ я отъ него въ этотъ триместръ;

онъ прочелъ: о налогахъ и о государственномъ кредитѣ. Чтенія его о налогахъ отличались элементарностью и краткостью изложенія, доходившею до конспектности. Для слушателей, начинающихъ заниматься наукою, я нахожу полезнымъ прослушать подобный сокращенный курсъ; потому, что онъ, открывая имъ систему и указывая на источники разработки науки, заставляетъ ихъ не ограничиваться однимъ только посѣщеніемъ лекцій, а наводитъ на необходимость самостоятельно заниматься наукою. Это въ особенности пригодно для нѣмецкихъ студентовъ, избалованныхъ пространною диктовкою почти каждаго предмета и придерживающихся исключительно какого нибудь одного Lehrbuch'а, указываемаго имъ профессоромъ (большею частью того Lehrbuch'а, по которому читаетъ самъ профессоръ). У Дитцеля этого нѣтъ; во 1-хъ потому, что онъ почти ничего не диктуетъ и читаетъ такъ быстро, что записывать за нимъ весьма трудно, а во 2-хъ, онъ не держится исключительно какого нибудь одного учебника; правда, что онъ часто ссылается на Штейна и Умпфенбаха, но при этомъ цитируетъ довольно и другихъ источниковъ. Поэтому, каждый изъ его слушателей по необходимости долженъ самъ знакомиться съ финансовою литературою, если желаетъ полно и отчетливо изучить науку. Вмѣстѣ съ тѣмъ, краткій, но основательный разборъ финансовыхъ взглядовъ и теорій, содержащійся въ лекціяхъ профессора Дитцеля, и ссылки на различныя монографіи служатъ подготовкою и указаніемъ для домашнихъ занятій студентовъ.

Правда, что съ другой стороны подобный методъ чтенія лекцій не совершенно удовлетворителенъ для тѣхъ слушателей, которые уже знакомы съ общими положеніями науки и которымъ бы хотѣлось прослушать предметъ полно и всесторонно, или по крайней мѣрѣ нѣкоторые отдѣлы онаго спеціально разработанными; а такого рода чтеній по экономическимъ наукамъ, къ сожалѣнію, здѣсь въ прошломъ семестрѣ не было; ибо Рау и Дитцель читали общіе курсы, а Ласпейресъ, хотя и обѣщалъ прочесть, кромѣ общаго курса политической экономіи, спеціальный курсъ о существѣ денегъ и банковъ (Geld- und Bankwesen), но обѣщанія своего не исполнилъ, прочитавъ только объ этихъ предметахъ нѣсколько отрывочныхъ и незаконченныхъ лекцій.

Въ ученіи о налогахъ, проф. Дитцель хотя не высказалъ ничего особенно новаго, за то и не упустилъ вбросить въ него краткое изложеніе существующихъ взглядовъ на податныя системы и на

примѣненія ихъ къ практикѣ въ нѣкоторыхъ государствахъ. Онъ особенно останавливался на разборѣ income-tax въ Англіи, классной подати въ Пруссіи и на системѣ косвенныхъ налоговъ во Франціи. Господствующая мысль, которую онъ проводилъ чрезъ весь отдѣлъ о налогахъ, была — что налогъ долженъ примѣняться не къ отдѣльнымъ родамъ доходовъ частнаго лица, а къ совокупности всѣхъ его доходовъ вмѣстѣ; поэтому, онъ не видитъ основанія, чтобы налогъ на доходы съ недвижимой собственности и съ капиталовъ былъ бы правомѣрнѣе налога личнаго; ибо каждое лицо обладаетъ извѣстною способностью труда, который, наравнѣ съ силами земли и капиталомъ, есть также факторъ производства; поэтому нѣтъ никакого экономическаго основанія освободить отъ налога трудъ, подвергая оному землю и капиталъ. Кромѣ того, онъ говоритъ, что самый доходъ отъ земли и капитала обусловливается количествомъ и качествомъ труда ихъ эксплуатирующаго; слѣдовательно, въ каждомъ доходѣ кроются не одни проценты съ видимыхъ и осязаемыхъ капиталовъ, но большею частью проценты съ капитала неосязаемаго — съ труда физическаго и умственнаго. Отдѣлить одни отъ другихъ невозможно, поэтому обложеніе налогомъ производствъ должно соразмѣряться не съ величиною ихъ основныхъ и оборотныхъ капиталовъ, а съ ихъ доходами, какъ съ результатами соединенія вмѣстѣ всѣхъ 3-хъ факторовъ производства.

Отсюда естественно вытекаетъ необходимость общаго подоходнаго налога, а гдѣ онъ не введенъ или же гдѣ введеніе его очень трудно, то тамъ, при существованіи налоговъ съ недвижимости и капиталовъ, совершенно законно, со стороны экономической и юридической, существованіе налоговъ личнаго и промысловаго; хотя, къ сожалѣнію, эти два рода налоговъ имѣютъ еще до сихъ поръ много противниковъ, въ особенности же у насъ въ Россіи. Главные нападки на промысловый и личный налогъ вытекаютъ изъ фальшивой экономической мысли (или лучше сказать фальшивой филантропической), что трудъ, какъ способность болѣе прирожденная чѣмъ пріобрѣтенная, не долженъ нести на себѣ податной тягости наравнѣ съ землею и капиталомъ — вещами пріобрѣтаемыми, и будто бы болѣе нуждающимися въ помощи и покровительствѣ государства, чѣмъ трудъ. Здѣсь, какъ видно, кромѣ неясности понятія о покровительствѣ государства, упускается изъ виду весьма важное обстоятельство: что трудъ также производителенъ какъ земля и капиталъ, и что всякій доходъ помимо источниковъ его происхожденія обя-

занъ своимъ возникновеніемъ и существованіемъ гражданскому и государственному порядку, храненіе и усовершенствованіе котораго лежитъ не на какихъ нибудь отдѣльныхъ личностяхъ въ государствѣ, а на соединенныхъ матеріальныхъ и моральныхъ усиліяхъ и стремленіяхъ всего общества.

Не говоря ничего болѣе о несостоятельности сказаннаго положенія вообще, прибавлю только, что личная и промысловая подать имѣютъ у насъ въ Россіи гораздо болѣе правъ на существованіе, чѣмъ въ какомъ нибудь другомъ государствѣ; ибо со времени уничтоженія крѣпостнаго права, при недостаточности капиталовъ въ Россіи и при обиліи земель, трудъ имѣетъ у насъ болѣе монопольный характеръ, чѣмъ капиталъ и поземельная собственность. Кромѣ того, есть много другихъ экономическихъ чисто мѣстныхъ причинъ, которыя, обусловливая производительность труда въ Россіи, совершенно оправдываютъ существованіе у насъ личной и промысловой подати; напримѣръ, несоразмѣрность населенія съ пространствомъ территоріи, отсюда постоянный запросъ на трудъ и значительная его производительность; отсутствіе машинъ въ области сельско-хозяйственнаго производства; большее развитіе труда ремесленнаго, нежели фабричнаго; а самое главное,—это болѣе правильное распредѣленіе богатствъ между сословіями, чѣмъ въ западной Европѣ, и поэтому, не только отсутствіе экономической зависимости рабочаго населенія сельскаго и городскаго отъ капиталистовъ и богатыхъ землевладѣльцевъ, а скорѣе наоборотъ—зависимость послѣднихъ отъ первыхъ, или, какъ я сказалъ прежде, монополія труда; и проч.

Въ доказательство законности налога на трудъ (въ формѣ подати личной или промысловой, или той и другой вмѣстѣ) съ точки зрѣнія права, пр. Дитцель говоритъ: что наибольшую массу услугъ своихъ, вещественныхъ и невещественныхъ, государство оказываетъ именно тому классу народа, который исключительно существуетъ трудомъ, классу самому многочисленному во всѣхъ государствахъ, и что, безъ участія самаго этого класса въ государственныхъ издержкахъ, были бы немыслимы и тѣ услуги, которыя онъ получаетъ отъ государства и самое государственное существованіе. Статистическія данныя краснорѣчиво говорятъ о томъ, какъ не возможно удовлетворить государственнымъ потребностямъ на счетъ однихъ только капиталистовъ и зажиточныхъ поземельныхъ владѣльцевъ; въ Пруссіи напр. тѣ и другіе относятся къ рабочему населенію го-

родовому, мелкоземельному и безземельному сельскому, почти какъ 5:95. Жаль, что соціалисты мало даютъ оцѣнки этому факту, или лучше сказать, не съ той стороны оцѣниваютъ его.

Ученіе о налогахъ пр. Дитцель изложилъ въ слѣдующемъ порядкѣ: a) налоги прямые: съ недвижимости, съ труда, съ капитала и общій подоходный налогъ; b) налоги косвенные, какъ дополненіе прямыхъ: тарифы, акцизы и налоги на предметы роскоши; c) налоги взымаемые съ актовъ, констатирующихъ переходъ имущества отъ одного лица къ другому, или всякую другую сдѣлку по имуществу или по услугѣ; такъ какъ каждый переходъ имущества изъ рукъ въ руки (кромѣ наслѣдства по закону), или каждая свободная имущественная сдѣлка между двумя лицами предполагается совершающеюся на основаніи обоюдныхъ выгодъ или обоюднаго прибытка; то на основаніи законности подоходнаго налога, сборъ съ означеннаго рода актовъ, какъ налогъ на вновь образовавшійся доходъ, долженъ быть отнесенъ къ системѣ податей, а не къ системѣ пошлинъ. Всѣ же прочіе сборы за пользованіе разнаго рода государственными учрежденіями, Дитцель относитъ къ пошлинамъ, о которыхъ и читалъ особый отдѣлъ въ предшествовавшемъ триместрѣ.

О взглядѣ проф. Дитцеля на государственный кредитъ я писалъ уже въ прошломъ моемъ отчетѣ; скажу теперь только, что къ общему ученію о государственномъ кредитѣ, онъ прибавилъ въ своихъ лекціяхъ довольно подробное изложеніе самаго механизма совершенія займовъ, погашенія оныхъ и устройства погасительныхъ кассъ.

Кромѣ лекцій Дитцеля я посѣщалъ еще лекціи Ласпейреса, Блунчли и Цёпфля (Zöpfl); послѣднихъ двухъ по государственному праву.

Гейдельбергъ, $^{17}/_{29}$ марта 1864 года.

24) Кандидата М. Авенаріуса.

Занятія мои въ послѣдній семестръ, проведенный въ Берлинѣ, ограничивались почти исключительно экспериментальными работами въ лабораторіи профессора Магнуса. Въ настоящемъ отчетѣ я постараюсь въ нѣсколькихъ словахъ представить результаты этихъ работъ; болѣе подробно они изложены мною въ статьѣ, находящейся теперь въ печати, для майской книжки Pogg. Annal.

Разсматривая условія образованія электричества отъ прикосновенія разнородныхъ тѣлъ, нѣкоторыя соображенія показали, что

температура, при которой происходитъ это прикосновеніе, не можетъ остаться безъ вліянія на степень напряженія полученнаго здѣсь свободнаго электричества. Разсматривая потому электровозбудительную силу отъ прикосновенія какъ функцію теплоты *), мнѣ удалось, помощью термоэлектрическихъ токовъ, опредѣлить видъ ея, а именно алгебраическая цѣлая функція отъ температуры прикосновенія, употребленная для выраженія электровозбудительной силы, т. е. уравненіе вида

$$E = a + bt + ct^2 \quad . \; . \; . \; . \; . \; . \; . \; . \; . \; . \; . \; . \; . \quad (1)$$

послужило къ объясненію всѣхъ явленій термоэлектрическихъ токовъ. Но такъ какъ эти явленія обусловливаются только относительнымъ значеніемъ постоянныхъ b и c, то для термоэлектрическихъ токовъ достаточно было ограничиться этимъ опредѣленіемъ, что̀ и было сдѣлано въ первой работѣ.

Опредѣленіе же полной электровозбудительной силы, зависимой отъ всѣхъ 3-хъ постоянныхъ, т. е. опредѣленіе коэффиціентовъ a, b и c (выраженныхъ въ одной и той же единицѣ) было цѣлью послѣдней работы.

Постоянная a опредѣлялась электрометромъ Кольрауша **), при помощи его конденсатора ***), при чемъ всѣ полученныя численныя величины выражались въ процентахъ электрическаго напряженія опредѣленнаго Даніеля элемента.

Постоянныя b и c опредѣлялись гальванометромъ Видемана, помощью термоэлектрическихъ токовъ; окончательно полученныя для нихъ численныя величины представляютъ процентное ихъ содержаніе въ электровозбудительной силѣ того же Даніеля элемента.

Такъ какъ электрическое напряженіе, какого бы ни было источника электричества, прямо пропорціонально его электровозбудительной силѣ, то отсюда понятно, что опредѣленныя такимъ образомъ, относительно какихъ нибудь двухъ металловъ, постоянныя a, b и c, будучи поставлены въ ур. (1), дадутъ выраженіе, соотвѣтствующее электровозбудительной силѣ отъ прикосновенія этихъ металловъ при температурѣ t, выраженной въ процентахъ Даніеля элемента.

---

*) Pogg. Annal. Bd. CXIX. S. 406.
**) Pogg. Annal. Bd. LXXII. S. 353.
***) Pogg. Annal. Bd. LXXXVIII. S. 1.

Такимъ образомъ были найдены численныя величины для электровозбудительныхъ силъ слѣдующихъ 4-хъ паръ маталловъ:

1) стали и нейзильбера,
2) стали и цинка,
3) цинка и мѣди,
4) мѣди и стали.

Кромѣ того, я счелъ нужнымъ для одной пары металловъ повѣрить электрометромъ полную электровозбудительную силу, зависящую отъ 3-хъ постоянныхъ a, b, c, и перемѣнной t, т. е. повѣрить формулу вида (1) (въ которой постоянныя были опредѣлены названными пріемами) при различныхъ значеніяхъ t.

Произведенныя наблюденія привели къ слѣдующимъ результатамъ:

1) Сдѣланное, вслѣдствіе наблюденій надъ термоэлектрическими токами, предположеніе, что электровозбудительная сила отъ прикосновенія металловъ есть функція 2-й степени отъ температуры, подтвердилось непосредственными опредѣленіями ея, при различныхъ температурахъ, электрометромъ.

2) Полученныя для электровозбудительныхъ силъ цинка и стали, цинка и мѣди, мѣди и стали выраженія вида

$$E_1 = a_1 + b_1 t + c_1 t^2$$
$$E_2 = a_2 + b_2 t + c_2 t^2$$
$$E_3 = a_3 + b_3 t + c_3 t^2$$

дали 3 уравненія

$$a_1 = a_2 + a_3$$
$$b_1 = b_2 + b_3$$
$$c_1 = c_2 + c_3,$$

что́ доказываетъ справедливость закона Вольты для какой ни есть температуры прикосновенія металловъ.

3) Ни одно изъ уравненій вида (1), полученныхъ для наблюденныхъ металловъ, не даетъ, въ случаѣ $E = 0$, вещественныхъ корней; что указываетъ на невозможность измѣненія положенія этихъ металловъ въ рядѣ Вольты, т. е. однажды, при какой ни есть температурѣ, установленный рядъ, остается тѣмъ же для всѣхъ температуръ.

Для испытанныхъ металловъ онъ будетъ:

+ Цинкъ, нейзильберъ, мѣдь, сталь.

4) Электровозбудительная сила термоэлектрическихъ токовъ опредѣляется уравненіемъ:

$$E = (t_2 - t_1)\,[b + c\,(t_1 + t_2)], \quad \ldots\ldots\ldots \quad (2)$$

гдѣ t_1 и t_2 температуры спаевъ, b и c постоянныя, имѣющія тождественныя значенія съ тѣми же буквами въ уравненіи (1).

Какія бы ни были b и c, всегда можно удовлетворить уравненію $E = 0$, для чего только стоитъ t_1 и t_2 дать такія значенія, чтобъ уравненіе

$$t_1 + t_2 = -\frac{b}{c}$$

имѣло мѣсто.

Это показываетъ, что нѣтъ металла, котораго положеніе въ термическомъ рядѣ было бы постоянно; почему каждый термическій рядъ имѣетъ значеніе только тогда, когда, во 1-хъ, опредѣлена температура постояннаго спая и, во 2-хъ, опредѣлены предѣлы измѣненія температуры спая нагрѣтаго.

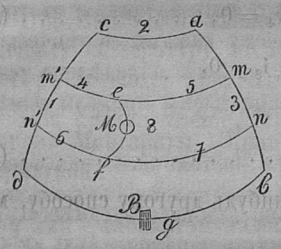
Если положить напр., что температура постояннаго спая удерживается при 0^0, и вычислить, въ этомъ предположеніи, по полученнымъ уравненіямъ для 4-хъ испытанныхъ металловъ, ихъ положеніе въ термическомъ ряду, то всего окажется этихъ рядовъ 7, изъ которыхъ каждый имѣетъ мѣсто въ опредѣленныхъ предѣлахъ измѣненія температуры нагрѣтаго спая. Но такъ какъ слѣдствія, выводимыя изъ поставленныхъ уравненій, нельзя распространять на случаи измѣненій температуръ, значительно отличающихся отъ тѣхъ, при которыхъ были сдѣланы наблюденія, то я здѣсь ограничиваюсь приведеніемъ слѣдующихъ 4-хъ термическихъ рядовъ:

Ниже — $5{,}3^0$	Отъ — $5{,}3^0$ до 448^0	Отъ 448^0 до 661^0	Выше 661^0
+	+	+	+
Сталь	Сталь	Цинкъ	Цинкъ
Мѣдь	Цинкъ	Сталь	Мѣдь
Цинкъ	Мѣдь	Мѣдь	Сталь
Нейзильберъ	Нейзильберъ	Нейзильберъ	Нейзильберъ
—	—	—	—

Лекціи я посѣщалъ только профессора Куммера, о которыхъ распространяться считаю излишнимъ, такъ какъ слушавшіе его въ прошлогоднемъ семестрѣ математики, вѣроятно, достаточно охарактеризовали его способъ изложенія.

Физическія собранія у Магнуса я посѣщалъ по прежнему, и здѣсь мнѣ въ послѣднее время пришлось разобрать новѣйшую работу Де-ла-Рива объ опредѣленіи сопротивленія металловъ при различныхъ температурахъ *). Де-ла-Ривъ прибѣгнулъ къ способу Томсона **). Способъ этотъ, въ случаѣ опредѣленія сопротивленій незначительныхъ, даетъ результаты несравненно болѣе точные, чѣмъ извѣстный, обыкновенно употребляемый способъ Weatston'a, но въ то же время способъ этотъ такъ мало извѣстенъ, что я считаю не безполезнымъ изложить здѣсь главныя его основанія.

Пусть *ab* данная проволока, проводимость которой слѣдуетъ опредѣлить, *cd* проволока сопротивленія извѣстнаго. Концы проволоки *ab* и какія нибудь ея части *m* и *n* соединяютъ съ концами проволоки *cd* и нѣкоторыми частями ея *m'* и *n'*. Проволока *ca* произвольной длины, сопротивленія вообще незначительнаго; также произвольно сопротивленіе проводника *dgb*, заключающаго въ себѣ гальваническую баттарею; проволоки же *mm'* и *nn'*, раздѣленныя въ *e* и *f* на пропорціональныя между собою части (напр. $\frac{me}{m'e} = \frac{nf}{n'f} = p$), необходимо представляютъ сопротивленія огромныя. Наконецъ, соединены между собою части *e* и *f* проводникомъ, заключающимъ въ себѣ мультипликаторъ.



Весь опытъ ограничивается тѣмъ, что увеличеніемъ или уменьшеніемъ длины *mn* приводятъ показаніе стрѣлки мультипликатора въ проводникѣ *ef* на 0^0. Въ этомъ случаѣ сопротивленіе проволоки *mn* равно сопротивленію проволоки *m'n'* помноженному на p.

Дѣйствительно, пусть въ проволокахъ

$$\begin{array}{cccccccc} 1 & 2 & 3 & 4 & 5 & 6 & 7 & 8 \\ n'm', & m'm, & mn, & m'e, & em, & n'f, & fn, & ef \end{array}$$

соотвѣтствующія имъ сопротивленія и напряженія тока будутъ:

$$\begin{array}{cccccccc} w_1 & w_2 & w_3 & w_4 & w_5 & w_6 & w_7 & w_8 \\ i_1 & i_2 & i_3 & i_4 & i_5 & i_6 & i_7 & i_8. \end{array}$$

*) Comptes rendus. 1864.

**) Phil. Mag. (4) XXIV. 149—162. W. Thomson. On the measurement of electric resistance.

На основаніи уравненій Кирхгофа*) имѣемъ:

$$i_1 = i_2 + i_4,\ i_2 + i_5 = i_3,\ i_4 = i_5,\ i_6 = i_7,$$

откуда и $i_1 = i_3$.

Для круговаго проводника $n'm'ef$ должно существовать уравненіе:

$$i_1 w_1 + i_4 w_4 + i_8 w_8 - i_6 w_6 = 0, \text{ или}$$

$$i_1 w_1 + i_4 w_4 - i_6 w_6 = 0 \ldots\ldots\ldots\ldots \alpha)$$

Точно также для проводника $emnf$ имѣемъ:

$$i_3 w_3 - i_7 w_7 \mp i_8 w_8 + i_5 w_5 = 0, \text{ или}$$

$$i_3 w_3 - pi_6 w_6 + pi_4 w_4 = 0, \ldots\ldots\ldots\ldots (\beta)$$

такъ какъ

$$w_7 = pw_6,\ w_5 = pw_4,\ i_8 = 0.$$

Наконецъ, изъ уравненій (α) и (β)

$$w_3 = pw_1 \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots (3)$$

Опредѣляя сопротивленіе по какому нибудь другому способу, мы получаемъ уравненіе вида

$$x + A = mw,$$

если чрезъ w означить сопротивленіе нормальной проволоки, чрезъ m ея длину, чрезъ x сопротивленіе испытуемаго тѣла. Въ A здѣсь будетъ заключаться сопротивленіе, какъ проволоки или другаго проводника, непосредственно соединеннаго съ испытуемымъ тѣломъ, такъ и сопротивленіе, соприкасающихся поверхностей проводниковъ, зависящее отъ большей или меньшей чистоты этихъ поверхностей, почему A будетъ вообще величиною перемѣнною, и при очень незначительномъ x главныя погрѣшности въ вычисленіи сопротивленія будутъ зависѣть именно отъ этого A. Въ формулѣ же Томсона (3) этотъ членъ пропадаетъ; измѣненіе сопротивленія отъ измѣненія поверхностей, входя въ составъ сопротивленія mm' и nn', по своей относительной малости, не имѣетъ вліянія на точность результатовъ.

Уже сказаннаго, я думаю, достаточно, чтобъ видѣть преимущество способа Томсона опредѣленія незначительныхъ сопротивленій передъ всѣми другими, извѣстными для этого, способами.

---

*) Pogg. Annal. Bd. LXIV. S. 513.

Лѣтній семестръ я думаю провесть въ Гейдельбергѣ, до начала же мая я остаюсь въ Парижѣ, гдѣ нахожусь уже въ настоящее время, надѣясь и въ теченіи одного мѣсяца немного познакомиться съ способомъ преподаванія здѣсь физическихъ наукъ.

Парижъ, $^{28}/_{16}$ марта 1864 года.

25) Кандидата В. Хорошевскаго.

(О занятіяхъ за границей съ $^{8}/_{20}$ ноября 1863 года по $^{19}/_{31}$ марта 1864 года).

Въ послѣдніе четыре мѣсяца, проведенные мною большею частію въ Прагѣ (нѣсколько времени я пробылъ въ Вѣнѣ), я изучалъ чешскую литературу по главнѣйшимъ памятникамъ, начиная съ самыхъ древнихъ временъ до XV столѣтія. Параллельно съ этимъ, собирая матеріалы для исторіи польскаго языка, я занимался «Псалтыремъ Маргариты». Кромѣ того, слѣдилъ за текущей чешской литературой.

Послѣдовательность моихъ занятій я прервалъ на нѣкоторое время для провѣрки мнѣнія Палацкаго о казакахъ, высказаннаго имъ въ его исторіи Чехіи (Dil 4, částka 1, въ концѣ). По мнѣнію Палацкаго казачество было подражаніемъ, копіей чешскихъ военныхъ ротъ, образовавшихся по смерти Жижки. Мнѣніе свое онъ основываетъ 1) на сходствѣ устройства чешскихъ ротъ и казацкой общины и 2) на сходствѣ употреблявшейся этими военными обществами тактики (какъ чешскія роты, такъ и казаки ограждали себя въ битвахъ возами). Но самое сходство устройства и тактики не рѣшаетъ еще дѣла, если нѣтъ положительныхъ, фактическихъ доказательствъ заимствованія. Гипотеза Палацкаго, если бы не получила окончательной доказательности, то по крайней мѣрѣ значительно выиграла бы въ силѣ, если бы можно было доказать пребываніе чеховъ среди казаковъ. Г. Эрбенъ совѣтовалъ мнѣ искать слѣдовъ этого въ документахъ, хранящихся въ чешскомъ музеѣ въ ящикѣ, заключающемъ «Zápisy 1412—1525». Просмотрѣвъ ихъ внимательно, я нашелъ въ нихъ только любопытныя свидѣтельства того, что чешскія роты находились въ службѣ польскаго короля Казиміра, но въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы онѣ были въ какихъ либо сношеніяхъ съ казаками.

26) Магистра О. Паульсона.

Профессоръ Лейкартъ былъ такъ любезенъ, что предоставилъ мнѣ изслѣдовать Protopterus aunecteus. Я успѣлъ прослѣдить одну кожу и сообщу теперь вкратцѣ результатъ.

Protopterus безъ сомнѣнія рыба и потому интересно, что въ epidermis его, въ первый разъ, положительно, найдены железы, выдѣляющія слизь. Epidermis довольно толста и состоитъ изъ трехъ родовъ клѣточекъ. Самый нижній слой, непосредственно прилегающій къ cutis, состоитъ изъ удлиненныхъ клѣточекъ, затѣмъ, слѣдуютъ нѣсколько рядовъ круглыхъ, имѣющихъ часто отростки, и наконецъ самый наружный слой представляетъ клѣточки съ кутикулярнымъ наслоеніемъ, какъ у миноги; между послѣдними открываются железы, образовавшіяся изъ клѣточекъ непосредственно лежащихъ подъ наружнымъ слоемъ. Железы занимаютъ всю высоту epidermis и очень похожи на колбообразныя тѣла, описанныя М. Шульцомъ въ epidermis миноги, имѣютъ только совершенно обратное положеніе и значеніе.

Что̀ касается до epidermis прочихъ рыбъ, то пока могу замѣтить только, что М. Шульцъ ошибается, сравнивая шаровидныя, гомогенныя тѣла съ колбообразными тѣлами миноги, потому что первыя не находятся ни въ какой связи съ нервами, напротивъ подымаются, по мѣрѣ возобновленія epidermis, вверхъ и наконецъ сбрасываются.

Въ Гиссенскомъ сравнительно-анатомическомъ музеумѣ нашелся новый интересный видъ изъ Bdellostoma съ 10 жаберными мѣшками съ каждой стороны, названный мною Bdellostoma Baeri и будетъ скоро описанъ и напечатанъ вмѣстѣ съ предъидущую работою.

Считаю долгомъ также сообщить главные результаты работы Гензена надъ слуховымъ органомъ.

Келликеръ полагалъ, что соединительная ткань, окружающая зародышный лабиринтъ, развивающійся изъ роговаго слоя въ видѣ пузыря, распадается на 3 слоя, изъ которыхъ внутренній окружаетъ перепончатый лабиринтъ, наружный становится будущимъ periost'омъ костянаго либиринта, а средняя часть, принимая строеніе такъ называемой студенистой соединительной ткани, въ началѣ сильно размножается, а потомъ мало по малу изчезаетъ и тѣмъ обусловливаетъ образованіе двухъ пустотъ: барабанную лѣстницу и лѣстницу преддверья.

1) По Гензену только что упомянутая надкостная плева Келликера не образуется in loco, но внѣдряется въ улиточное пространство чрезъ Aquaeductus cochleae и составляетъ продолженіе наружнаго perichondrium лабиринтоваго хряща. Студенистая же соединительная ткань есть продолженіе пробки изъ той же ткани, выполняющей Aquaeductus cochleae. И такъ, здѣсь происходитъ процессъ сходный съ образованіемъ стекловиднаго тѣла въ глазу.

2) Ligamentum spirale, хрящевые зубы, соединительная ткань Membranae Reisneri и Membranae basilaris составляютъ одинъ слой— Stratum conjunctivum canalis cochlearis, происшедшій отъ уплотненія и видоизмѣненія, въ извѣстныхъ частяхъ, внутренняго слоя студенистой соединительной ткани.

3) Кортіевъ органъ со всѣми прилегающими къ нему клѣточками, Гензенъ разсматриваетъ какъ одно цѣлое, подъ названіемъ: Papilla spiralis и различаетъ въ ней: сводообразныя волокна, клѣточки Corti (принимаемыя имъ за конечныя нервныя клѣточки, непосредственно прилегающія къ Membrana reticularis), клѣточки Дейтерса, палочковидныя клѣточки и наконецъ самыя наружныя: подпорныя клѣточки (Stutzzellen). Послѣднія образуютъ самую высокую точку Papillae и суть ни что иное какъ клѣточки, описанныя прежде подъ названіемъ Клаудіуса.

4) Membrana Corti выполняетъ совершенно Sulcus spiralis. На зубахъ перваго порядка и въ спиральномъ жолобѣ Memb. Corti фиксирована, а остальная ея часть свободна и лежитъ на палочкахъ Laminae reticularis.

5) Canalis cochlearis сообщается съ sacculus hemisphaericus посредствомъ короткаго канала, назв. canalis reuniens.

6) Относительно окончанія нервовъ нѣтъ ничего новаго.

28-го Марта 1864 года.

27) Кандидата Петра Алексѣева.

Такъ какъ въ февралѣ посланъ мною отчетъ въ департаментъ, то теперь я ограничусь краткимъ извѣщеніемъ. Тотчасъ по окончаніи семестра въ Гёттингенѣ я отправился въ Парижъ, гдѣ и началъ заниматься въ лабораторіи А. Вюрца, (въ École de Médécine) одного изъ знаменитѣйшихъ химиковъ новѣйшаго времени. Его лабораторія представляетъ весьма много удобствъ для занимающихся спеціальными работами. Въ лабораторіи, по пріѣздѣ, я имѣлъ воз-

можность заниматься только въ продолженіи недѣли, и теперь она закрыта на нѣсколько дней по случаю праздниковъ.

О работахъ моихъ я только замѣчу, что изслѣдованіе продуктовъ возстановленія нитробензола, скоро у меня будетъ приведено къ окончанію. О другихъ же буду имѣть честь писать департаменту въ слѣдующемъ моемъ отчетѣ.

Въ мартовской книжкѣ Annalen der Chemie und Pharmacie нынѣшняго года напечатаны мои статьи: 1) *О продуктахъ возстановленія нитроанисовой кислоты* и 2) *объ новомъ изомерѣ бензиля*, сдѣланныхъ мною еще въ Тюбингенѣ.

Изъ лекцій здѣсь я намѣренъ посѣщать только лекціи *Бертело* въ Collège de France, если онѣ будутъ представлять интересъ для меня.

Занятія въ лабораторіи здѣсь обходятся довольно дорого, около 200 фр. въ мѣсяцъ.

Парижъ, $^{14}/_{26}$ марта 1864 года.

28) Кандидата Н. Мельникова.

Занимавшись до сихъ поръ преимущественно сухопутными и прѣсноводными животными, настоящую весну я рѣшился посвятить ближайшему ознакомленію съ морской фауной.

Мѣстомъ своихъ занятій избралъ я Неаполь, какъ одинъ изъ удобнѣйшихъ для этого пунктовъ. Здѣсь, впродолженіе всего марта, апрѣля, а по словамъ Панчери, здѣшняго профессора сравнительной анатоміи, даже до половины мая мѣсяца, можно доставать большинство интереснѣйшихъ представителей фауны Средиземнаго моря. Кромѣ того, въ Неаполѣ, какъ значительномъ городѣ, нельзя остаться безъ нужныхъ для работъ реактивовъ и необходимой посуды. Пріѣхавши еще въ первый только разъ работать на морѣ, я не намѣренъ спеціализировать своихъ занятій, а буду стараться ознакомиться, по возможности, съ большимъ числомъ морскихъ животныхъ. На сколько удастся достигнуть цѣли, буду имѣть честь сообщить въ слѣдующемъ отчетѣ.

29) Магистра В. Бильбасова.

Мнѣ пріятно начать рядъ отчетовъ о моихъ занятіяхъ за границею рѣчью о двухъ достойнѣйшихъ представителяхъ двухъ знаменитыхъ университетовъ — я разумѣю проф. Берлинскаго универ-

ситета Пипера и Московскаго — Буслаева. Оба они, не смотря на разныя каѳедры ими занимаемыя, сходятся по своимъ занятіямъ къ одной точкѣ; одинъ исходя изъ Рима, другой изъ Византіи, идутъ къ одной цѣли, разработываютъ одинъ предметъ: оба они, одинъ въ Берлинѣ, другой въ Москвѣ, слѣдятъ за исторіей развитія средневѣковаго [1]), точнѣе, церковно-христіанскаго искусства. Они не сходны лишь по обширности задачи, которую каждый изъ нихъ предложилъ себѣ; и на это, конечно, имѣла вліяніе не только разная мѣстность, изъ которой они исходятъ, Римъ и Византія, но и самая мѣстность ихъ дѣятельности, Берлинъ и Москва; въ то время какъ Пиперъ, проф. столичнаго университета Пруссіи, занимаясь средневѣковымъ, дореформаціоннымъ періодомъ искусства, долженъ былъ обратить свое вниманіе на всѣ три части пластическаго искусства — архитектуру, скульптуру и живопись, Буслаевъ, проф. столичнаго университета Россіи, долженъ былъ ограничить курсъ своихъ изслѣдованій иконописью, вѣрнѣе, церковною живописью. Въ настоящее же именно время оба они предложили себѣ одну и ту же задачу, оба заняты учрежденіемъ такъ называемыхъ «христіанскихъ музеевъ». Пиперъ уже давно открылъ такой христіанскій музей (christliches Museum) при берлинскомъ университетѣ и хлопочетъ теперь сдѣлать подобные музеи доступными для простаго народа; Буслаевъ напечаталъ въ 6 № Современной лѣтописи нѣсколько словъ о необходимости учрежденія такихъ музеевъ въ Россіи.

Я не могу при этомъ отказать себѣ въ удовольствіи поблагодарить Ѳ. И. Буслаева, который, проѣздомъ чрезъ Берлинъ, познакомилъ меня съ Пиперомъ и тѣмъ доставилъ мнѣ возможность ближе ознакомиться съ христіанскимъ искусствомъ въ школѣ такого знатока христіанскихъ древностей и искусства, каковъ проф. Пиперъ. Теперь, по окончаніи занятій христіанскимъ искусствомъ въ семинаріи [2]) Пипера, считаю не лишнимъ передать болѣе подробно вы-

---

[1]) Въ избѣжаніе недоразумѣній, спѣшу привести справедливое замѣчаніе Буслаева, что какъ въ отношеніи искусства, такъ и во многихъ другихъ, XVI и XVII вѣка древней Руси соотвѣтствуютъ болѣе отдаленной эпохѣ въ образованіи западной Европы, именно XIV, XIII и даже XII вѣку. Позднѣйшія литературныя и художественныя данныя, входившія къ намъ изъ Европы чрезъ Польшу въ XVII вѣкѣ, довольно органически принимались русскою жизнью, и вслѣдствіе того какъ бы опускались нѣсколькими столѣтіями въ средневѣковую даль. Истор. очерки рус. народн. слов. и иск. т. II, стр. 346.

[2]) Die archäologischen und patristischen Uebungen, privatissime und gratis, Mittwochs von 1—2 Uhr. Кромѣ того Пиперъ объявилъ въ нынѣшнемъ семестрѣ два

несенное мною изъ этой семинаріи, изъ этого перваго въ Европѣ христіанскаго музея. Настоящій отчетъ распадается на слѣдующія части: I. Важность изученіи христіанскаго искусства для занятій исторіею среднихъ вѣковъ; II. Значеніе Рима для христіанскаго искусства и вообще для эпохи древнихъ и преимущественно среднихъ вѣковъ; III. Отношеніе христіанскихъ древностей къ классическимъ; IV. Подробное описаніе христіанскаго музея, основаннаго Пиперомъ, при берлинскомъ университетѣ; V. Занятія послѣдняго собранія семинаріи Пипера; и VI. Письмо Буслаева изъ Праги, помѣщенное въ 6-мъ № Современной лѣтописи.

I.

Жизнь всякаго народа сказывается въ его памятникахъ литературныхъ и художественныхъ. Если искусство представляетъ намъ идеи и понятія своего времени въ чувственныхъ и пластическихъ образахъ, то въ средніе вѣка западной Европы, — искусство по преимуществу должно было принять церковно-христіанскій характеръ.

Искусство, какъ и наука, служитъ само себѣ цѣлью, заключаетъ само въ себѣ цѣль; цѣль же христіанскаго искусства лежитъ внѣ его, за предѣлами искусства; эта цѣль — назиданіе и возбужденіе. Христіанское искусство вытекаетъ изъ христіанскаго духа, оно составляетъ одну изъ тѣхъ формъ, въ которую вылились христіанскія идеи, въ которой онѣ получили свою плоть. Собственно христіанское искусство свободно и неограниченно, какъ свободны самыя христіанскія идеи; церковно-христіанское же искусство стѣснено и ограничено церковнымъ типомъ, оно не выходитъ за предѣлы священнаго преданія: «священное преданіе уже дано: надобно какъ можно ближе держаться его въ произведеніяхъ искусства, чтобъ уловить чертами и красками истину писаній [1])». Это стѣсненіе, ограниченіе свободы художнической фантазіи состоитъ, по старинному русскому выраженію, въ *истинствованіи*, въ описываніи божества *по подобію*; оно впрочемъ не касается внѣшней обстановки лицъ и событій, не даетъ живописи характера строго-историческаго. О

курса: Die theologische Encyclopädie und Methodologie, два часа въ недѣлю, и Die Dogmengeschichte, пять разъ въ недѣлю. Послѣдній курсъ не состоялся за недостаткомъ слушателей.

[1]) Буслаевъ, Очерки, т. II, стр. 419.

такомъ стѣсненіи говоритъ Стоглавъ въ 43 главѣ и наши Подлинники или руководства для живописцевъ. Такое же несвободное отношеніе художника къ изображаемому имъ представленію встрѣчаемъ мы въ теченіе долгаго времени и на западѣ: отношеніе художника къ изображенію, изображенія къ оригиналу и наконецъ обоихъ, и художника и изображенія, къ церкви были заранѣе обозначены. Этотъ церковный, служебный характеръ искусства ясно высказался въ одномъ актѣ седьмаго вселенскаго собора (787 г.); въ этомъ актѣ именно говорится: «Изображеніе священныхъ лицъ и событій не подлежитъ вымыслу художника, но подчиняется признанному законоположенію и традиціи каѳолической церкви.... Древніе отцы уже изобразили ихъ на стѣнахъ церквей; и въ новѣйшемъ изображеніи должна быть представляема ихъ мысль, ихъ традиція, а не художника; ибо художнику принадлежитъ лишь внѣшняя сторона искусства, расположеніе же дано уже св. Отцами, зиждителями церкви» [1]). Къ XIII ст. это несвободное отношеніе художника къ предмету имъ изображаемому уже значительно измѣнилось; художникъ становится свободнѣе, онъ выбираетъ то или другое событіе новаго и ветхаго завѣта и изображаетъ его по своему усмотрѣнію [2]). Конечно, разсматривая матеріалъ, завѣщанный намъ церковно-христіанскимъ искусствомъ среднихъ вѣковъ, нельзя не признать, что Римъ менѣе стѣснялъ фантазію художника, давалъ ему болѣе свободы, нежели Византія, что наконецъ и по самому духу христіанскаго ученія, розно понимаемому западомъ и востокомъ Европы, христіанское искусство на западѣ получило болѣе широкія, болѣе свободныя начала; оно воспользовалось не только кистью, но и рѣзцомъ, между тѣмъ какъ на востокѣ оно было ограничено довольно скупою, сравнительно съ западомъ, традиціею искусства, унаслѣдованнаго имъ вмѣстѣ съ догматами отъ греко-восточной церкви [3]).

---

[1]) Non est pictorum adinventio imaginum actura, sed catholicae ecclesiae approbabilis legislatio et traditio... Igitur eorum (sanctorum patrum) est ingenium et traditio, et non pictoris: nam pictoris sola ars est: dispositio (διάταξις) manifestum est quod sit sanctorum patrum qui dedicaverunt. Mansi, Conc. ampl. coll., XIII, 252.

[2]) Sed et diversae historiae tam Novi quam Veteris Testamenti pro voluntate pictorum depinguntur: nam pictoribus atque poetis quaelibet audendi semper fuit aequa potestas. Durandus Rationar. div. offic. Lib. I, c. 3, § 22. Piper, Ueber den christlichen Bilderkreis, 1852, S. 60.

[3]) Говоря о средневѣковомъ христіанскомъ искусствѣ мы разумѣемъ лишь западное; что́ же касается до восточнаго, то мы ограничимся лишь указаніемъ на

Значеніе памятниковъ искусства, какъ историческаго матеріала, въ которомъ вылѣплены и обрисованы идеи и понятія своего времени, несомнѣнно; но особенно дорогъ этотъ матеріялъ для исторіи среднихъ вѣковъ: въ то время какъ анналы, хроники и мемуары были доступны слишкомъ ограниченному числу людей, въ то время какъ перомъ ихъ водило личное чувство, субъективный взглядъ монаха, — памятники искусства выставлялись на показъ, подвергались критикѣ общественныхъ взглядовъ; ничто не только само по себѣ ложное, но даже искаженное, не было терпимо, вызывало порицаніе и было уничтожаемо. Еще болѣе справедливо это относительно церковно-христіанскаго искусства среднихъ вѣковъ. Предназначенное не только для вѣрующихъ въ церкви, но и для проходящихъ мимо церковнаго зданія, христіанское искусство представляло собою какъ бы евангельскую вѣсть къ христіанскому народу; оно должно было возбудить къ добру, укрѣпить въ вѣрѣ, поощрить къ обращенію. Съ такимъ назначеніемъ, съ такою цѣлію, при той щепетильной раздражительности религіознаго чувства, которая отличаетъ средніе вѣка, могло-ли христіанское искусство воплотить въ себѣ ложь противъ принятаго мнѣнія, неправду противъ установленнаго пониманія? — Занимающійся исторіею не можетъ пройти мимо богатаго матеріала, предлагаемаго ему искусствомъ; занимающійся же исторіею среднихъ вѣковъ не долженъ упустить изъ виду памятниковъ христіанскаго искусства: въ нихъ онъ находитъ выраженіе религіозныхъ убѣжденій, такъ глубоко пронизывавшихъ жизнь средневѣковаго человѣка; въ нихъ онъ находитъ разрѣшеніе тѣхъ религіозныхъ недоразумѣній и сомнѣній, кои такъ долго волновали западную Европу и разрѣшились наконецъ реформаціоннымъ движеніемъ XVI столѣтія. Не только нельзя пренебречь этимъ матеріаломъ, но должно пожалѣть, что искусство не коснулось этой черты средневѣковой жизни. Мы должны сожалѣть, что искусство не возпроизвело тѣхъ мотивовъ средневѣковыхъ стихотворныхъ сказокъ, по которымъ папа представлялся однимъ изъ четырехъ звѣрей Апокалипсиса [2]); что искусство пренебрегло тѣми нападками и исправленіями, которымъ под-

---

«Историч. Очерки» Буслаева. Въ Русск. Бесѣдѣ за 1859 г., кн. 16, помѣщена статья «Значеніе византійской живописи въ исторіи искусства» Э. Д — М. — Редакція въ свое время находила эту статью прекрасною и замѣчательною, какъ въ отношеніи исторіи художества, такъ и въ отношеніи пониманія его.

[1]) Gautier Mapes. Apocalipsin. Ibid. XXII, 160.

вергалось св. писаніе [1]) въ средніе вѣка, когда многіе смѣялись надъ нимъ и упреждали въ этомъ отношеніи Вольтера. Нельзя наконецъ не пожалѣть, что искусство пренебрегло чудными мотивами такъ называемыхъ «праздниковъ глупцовъ» (festum fatuorum)[2]), этихъ, по видимому, наивныхъ остатковъ языческихъ праздниковъ въ честь Сатурна (festa saturnaliorum), которые начинались и заканчивались въ церкви, предъ святымъ алтаремъ. Чтó бы кто ни говорилъ противъ этихъ fêtes des foux, никто не будетъ отрицать, что эти глупцы высказывали много ума при своихъ торжественныхъ процессіяхъ, по улицамъ городовъ, изъ церкви въ церковь, съ флагами и знаменами, на которыхъ красовался принятый имъ девизъ — Numerus Stultorum Infinitus Est.

II.

Въ Римѣ замираетъ классическое искусство древняго міра, въ Римѣ же зарождается христіанское искусство среднихъ вѣковъ. Признавая огромное значеніе Рима для христіанскаго искусства, Пиперъ напечаталъ въ послѣднемъ № Евангелическаго Календаря [3]) небольшую монографію — Римъ, вѣчный городъ [4]); въ ней собраны всѣ важнѣйшія извѣстія древнихъ и новыхъ писателей о названіи города Рима« вѣчнымъ» городомъ, мы же обратимъ вниманіе на роль

---

[1]) Imagines cordis sui in paginis Sacrae scripturae depingunt, literam renitentam suis adinventionibus accomodant. Petri Blesensis Sermo XII (Bibl. M. Patrum, XXIV 1402).

[2]) Mémoires pour servir à l'histoire de la fête des foux, qui se faisoit autrefois dans plusieurs Eglises, par M. Du-Tilliot. Lauzanne et Génève, 1741.

[3]) Ewangelischer Kalender, herausgegeben von Dr. Ferd. Piper. Календарь этотъ издается Пиперомъ съ 1850 года, небольшими книжками до 15 печатныхъ листовъ. Въ немъ, кромѣ церковнаго и астрономическаго календарей, помѣщаются въ отдѣлѣ «Vermischte Aufsätze» различнаго рода статьи духовнаго содержанія, нерѣдко съ рисунками и указаніями на памятники христ. искусства.

[4]) Rom, die ewige Stadt, von F. Piper, въ Ew. K. 1864, 17—120. Въ этой статьѣ разсматриваются два вопроса: а) происхожденіе названія Рима «вѣчнымъ» городомъ и б) значеніе этого вѣчнаго города. Въ первомъ отдѣлѣ обозрѣваются три эпохи: древній міръ, средніе вѣка съ паденія З. Р. И. и новые вѣка, начиная съ XVI ст.; во второмъ, разсматривается значеніе вѣчнаго города на сколько проявилось оно въ искусствѣ, потомъ приводится мнѣніе иностранцевъ о Римѣ — чтó составляетъ наименѣе интересную часть статьи — наконецъ обрисовывается Римъ какъ «высшая школа». Въ этой статьѣ, какъ и во многихъ другихъ, высказывается извѣстная уже ученость ея автора, но кромѣ того она отличается отъ другихъ статей Пипера бóльшимъ безпристрастіемъ.

Рима въ исторіи какъ древней, такъ и средневѣковой эпохи [1]), посмотримъ, не напрасно-ли онъ усвоилъ себѣ гордый титулъ «Roma aeterna», и на сколько былъ правъ народный трибунъ Капулей (445 г. до Р. Х.), говоря, что Римъ построенъ на вѣчность — in aeternum urbe condita.

Римъ по праву можетъ гордиться титуломъ вѣчнаго города, такъ какъ ему два раза принадлежало господство надъ образованнымъ міромъ: въ первый разъ — въ силу абсолютнаго государства, во второй — въ силу абсолютной церкви. Изъ всѣхъ городовъ міра, Римъ едва-ли не долженъ занять первое мѣсто по своему историческому значенію. Между древними городами Азіи многіе были замѣчательны своимъ великолѣпіемъ, могуществомъ, продолжительнымъ существованіемъ — Вавилонъ, Ниневія, Тиръ, Персеполь, — но всѣ они замѣчательны какъ цивилизующіе центры лишь своего роднаго края, лишь своего народа; они почти ничего не дали міру, и міръ имъ мало чѣмъ обязанъ. Одинъ лишь азіатскій городъ можетъ имѣть притязаніе на міровое значеніе [2]). Іерусалимъ, главный городъ немногочисленнаго іудейскаго народа, былъ средоточіемъ вѣрованія въ Единаго Бога; изъ этого города вышло христіанство, и Іерусалимъ, какъ памятникъ совершеннѣйшей религіи, какая только появлялась до настоящаго времени на земномъ шарѣ, христіанству же обязанъ возрожденіемъ своей всемірно-исторической жизни въ средніе вѣка: христіанство ввело его въ сношенія съ Римомъ и поставило въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ на ряду съ вѣчнымъ городомъ. Нѣкогда римляне разрушили этотъ городъ; іудейскій народъ разбрелся по всему міру, и значеніе Іерусалима какъ святаго города перешло въ Римъ, въ этотъ новый Іерусалимъ; но въ XI ст. снова подымаетъ свою главу старый Іерусалимъ, благоговѣніе запада переносится отъ гроба св. Петра на гробъ Іисуса Христа и, въ теченіи продолжительнаго періода крестовыхъ походовъ, Іерусалимъ становится святымъ городомъ христіанскаго народа, театромъ великой борьбы Азіи съ Европой, средоточіемъ великаго движенія поколебавшаго міръ, пока наконецъ въ XIII ст. онъ снова падаетъ

---

[1]) Ferd. Gregorovius — Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. Vom fünften bis zum sechszehnten Jahrh. Stuttgart, 1862. До настоящаго времени издано четыре тома, до начала XIII ст.

[2]) Jerusalem und Rom, die Städte der heil. Gräber, въ Hist. polit. Blätern, herausgeg. von Philipps und Görres. Bd. XI, 1843, S. 1 — 23.

и падаетъ уже навсегда, вмѣстѣ съ изчезновеніемъ той идеи, которая находила въ немъ свое символическое выраженіе.

Изъ Азіи мы должны перейти прямо въ Европу: ни одинъ изъ городовъ, процвѣтавшихъ нѣкогда въ Африкѣ — Мемфисъ, Ѳивы, Карѳагенъ, Александрія — ни одинъ изъ нихъ не можетъ спорить съ Римомъ, не можетъ быть поставленъ на ряду съ нимъ.

Но въ Европѣ мы встрѣчаемъ городъ, который, какъ Іерусалимъ въ Азіи, единственный изъ городовъ Европы можетъ имѣть притязаніе раздѣлить съ Римомъ всемірно-историческую славу послѣдняго. Аѳины издавна предъявляли свое притязаніе на міровое значеніе, какъ святилище европейской культуры; Аѳины и Римъ неразрывно связаны въ представленіи каждаго, и при имени одного изъ этихъ городовъ воспоминаніе непремѣнно вызоветъ образъ другаго; оба эти города наполняютъ собою такъ называемую классическую древность, оба они дополняютъ другъ друга, только въ нихъ обоихъ, какъ въ великихъ созданіяхъ культуры, сказывается вполнѣ человѣческая мощь. Аѳины возбуждаютъ къ себѣ восторженную любовь человѣческаго рода, Римъ — благоговѣйное удивленіе. Всѣ благороднѣйшіе и честнѣйшіе труды мысли и фантазіи соединились въ Аѳинахъ въ одинъ центральный огнь культуры, который своею теплотою и свѣтомъ пробудилъ человѣка, улучшилъ его земное состояніе; въ Аѳинахъ же, на агорѣ, въ ея вѣчно волнуемой государственной жизни, нашли себѣ практическое осуществленіе основные законы свободы, этого не тайнаго секрета могущества и благосостоянія народовъ и людей. Эта небольшая республика пріобрѣла себѣ то идеальное, миролюбивое господство надъ всѣмъ человѣчествомъ, которое не поддается никакому вычисленію, такъ какъ оно, касаясь духовнаго образованія народовъ, продолжается по-нынѣ и ему можно предсказать конецъ лишь съ концемъ человѣческаго рода.

Не то былъ городъ Римъ. Обозрѣвая внѣшнюю сторону его жизни, должно сознаться, что ему нѣтъ въ мірѣ равнаго по той политической дѣятельности, по тому мужеству, по той мудрости наконецъ, съ которою онъ покорилъ полъ-міра, раззорилъ или разграбилъ наиболѣе цвѣтущія націи, въ томъ числѣ и Грецію, и, обозрѣвая эту сторону жизни Рима, столь противуположную жизни Аѳинъ, невольно призадумаешься надъ этимъ порабощеніемъ народовъ деспотизмомъ силы, которое не разъ срывало грѣшное про-

клятіе съ языка историковъ [1]). — При воспоминаніи о богатыхъ культурныхъ продуктахъ Аѳинъ, открывается все убожество Рима относительно высшихъ идей цивилизаціи: Римъ проявилъ великое политическое стремленіе къ завоеванію и владычеству, великое практическое требованіе разума, онъ создалъ великое законодательство, проникнутое исполинскимъ творчествомъ, не упустившее изъ виду даже мелкихъ юридическихъ отношеній; но ему не дано было самостоятельно образовательныхъ элементовъ для болѣе свободной умственной дѣятельности, и въ этомъ отношеніи въ Римѣ встрѣчаются лишь идеи усвоенныя имъ, заимствованныя имъ отъ чуждыхъ ему образованностей. Зарожденіе Рима изъ затемненнаго миѳомъ зародыша, его постепенное возростаніе, наконецъ господство одного города надъ половиной міра — все это составляетъ изумительное явленіе въ исторіи человѣческаго рода; даже самое христіанство должно было войти въ міровой городъ, какъ въ мѣсто приготовленное для него исторіей, для того, чтобъ оно могло распространиться по всѣмъ областямъ обширной имперіи [2]), для того, чтобъ изъ развалинъ Рима могъ создаться величавый образъ той церкви, моральное господство которой надъ міромъ прошло чрезъ всѣ средніе вѣка.

Какъ же обозначить тотъ принципъ древняго Рима, въ силу котораго весь міръ подчинялся одному городу? какъ начертить тѣ элементы, изъ которыхъ былъ скованъ геній римскаго народа? Вопросъ, до крайности трудный для разрѣшенія. Это была абсолютная центральная сила, которая побѣждаетъ съ неудержимою властью, которая все притягиваетъ къ себѣ и все помѣщаетъ въ себя. Но эта сила разлагалась у римлянъ на отдѣльныя качества: ее можно услѣдить въ военной способности и дисциплинѣ, въ духѣ предпріимчивости относительно внѣшнихъ завоеваній, въ непоколебимости и мудрости, въ высочайшей способности организировать и колонизировать, но болѣе всего замѣтна она въ той лишь римской націи

---

[1]) Всегда вѣрные изложенію Грегоровіуса, мы не могли въ данномъ случаѣ согласиться съ нимъ, такъ какъ не считаемъ проклятіе задачею историка; впрочемъ, дѣлая частное замѣчаніе, должно прибавить, что нельзя не благодарить его за возможно-безпристрастное изложеніе.

[2]) Ut in magno silentio ac pace latissima inoffense et celeriter novi nominis gloria et annuntiatae salutis velox fama percurreret: vel etiam ut discipulis ejus per diversas gentes euntibus, ultroque per cunctos salutis dona offerentibus, abeundi ac disserendi, quippe romanis civibus inter cives romanos, esset tuta libertas. Oros., Hist. VI, 1.

свойственной способности, въ силу которой Римъ допустилъ внутрь своихъ городскихъ стѣнъ языки, нравы, искусства и религіи чуждыхъ ему народовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не утерялъ своего полнаго энергіи національнаго чувства. Въ побѣдѣ Рима надъ благородными и свободнѣйшими народами, которые, какъ напр. Греки, далеко превосходили Римъ силою своихъ идей, въ этой побѣдѣ многіе хотятъ видѣть простую побѣду матеріальной силы надъ духомъ, хотятъ видѣть въ ней лишь разлагающій элементъ; но едва ли это справедливо. Скорѣе это была побѣда практическаго разума, высшая моральная сила котораго проявилась въ римскомъ правѣ, въ образованіи понятій лица, общества и государства; это тотъ прозаическій разумъ, который въ народной жизни долженъ быть поставленъ выше фантазіи и ея созданій, какъ бы ни были они прекрасны, какъ бы ни манили своею чарующею прелестью. Такъ сложились всѣ обстоятельства, къ тому клонились они, чтобъ основать всемірное владычество одного города. Смѣшны и наивны безпомощные вздохи о судьбѣ земли, которой царство мирнаго, образовательнаго генія свободы и наукъ было слишкомъ скоротечно, между тѣмъ какъ римское цезарство и слѣдовавшее за его паденіемъ такъ называемое варварство было слишкомъ продолжительно; смѣшно и наивно сожалѣніе, что міръ былъ покоренъ и управляемъ не дружественною силою культуры, обоготворенной въ лицѣ акропольской Паллады, но порабощенъ въ потокахъ крови силою, обоготворенною въ лицѣ капитолійскаго Юпитера.

Жизнь человѣчества есть продуктъ разнообразнѣйшихъ противуположностей; гніеніе смерти тотчасъ проникаетъ то общество, въ которомъ уничтожены эти противуположности. Деспотизмъ римскаго цезарства, какъ древній фатумъ, поглотилъ прекрасные оазы эллинской культуры; источники свободы, національности, патріотизма, знанія, источники всѣхъ гражданскихъ доблестей были мало по малу задушены этимъ однообразіемъ римской централизаціи; города, муниципіи, народы снизошли на степень малодушнаго и тупоумнаго стада, которое совершенно подпало однообразному управленію безчисленнаго множества чиновниковъ: народъ сталъ наконецъ нуждаться въ этомъ чиновническомъ надзорѣ. Хотя образованіе и законы римской имперіи, вмѣстѣ съ извѣстнаго рода традиціонною терпимостью, не допустили римскаго владычества унизить покоренныя области до крайнихъ предѣловъ восточнаго рабства, тѣмъ не менѣе, по внутреннему своему положенію, покорен-

ныя націи были порабощены и изнурены до крайности. Тогда-то міровая культура обратилась въ міровую пустыню, въ которой погибла вся сила, движеніе, вся разнородность націй, пока не появились толпы алчныхъ варваровъ, которые освободили человѣчество отъ римскаго деспотизма и тѣмъ спасли подвластныя Риму націи отъ конечной погибели. Но дорого заплатило человѣчество за свое избавленіе отъ римскаго ига: оно заплатило уничтоженіемъ цивилизаціи. Погребальный свѣточъ Рима былъ зажженъ вмѣстѣ съ ужасными воинскими танцами варваровъ и дикою бакханаліей смерти. Прошли и эти труднопереживаемыя человѣчествомъ столѣтія возрожденія; новый процессъ развитія вознаградилъ потерю, понесенную человѣчествомъ, и въ экономіи человѣческаго развитія оказалось нѣсколько процентовъ чистаго дохода: свободолюбивые германцы вызвали вновь къ жизни особенности національнаго духа и, укрѣпляя все болѣе и болѣе эти противуположности, твердо и съ успѣхомъ противустали римскому принципу централизаціи, который вторично сложился въ Римѣ и вновь требовалъ всеобщаго подчиненія, но уже не въ силу абсолютнаго государства, а въ силу абсолютной церкви.

Таково значеніе Рима въ вѣка древности; та же сила, но инаго свойства, то же владычество, но инаго характера, сдѣлали Римъ вторично властелиномъ міра и придали ему особенное значеніе въ эпоху среднихъ вѣковъ. Тихо и незамѣтно наступилъ періодъ такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ. Гдѣ его начало для Рима — трудно сказать: въ то время какъ городъ сталъ упадать, въ немъ въ то же время зарождалась новая жизнь, и за исторіей его паденія должна слѣдовать исторія его возникновенія; эти два, равно великія историческія событія, тѣсно связаны между собою, — нѣтъ и не можетъ быть между ними промежутка; нельзя и не зачѣмъ отыскивать тотъ моментъ, въ который капитолійскій Юпитеръ уступилъ свое мѣсто ватиканскому Петру. Новая религія, разгромившая и римскій городъ и римское государство, вызвала къ жизни новый городъ, который возникъ какъ бы изъ катакомбъ, изъ этихъ подземныхъ арсеналовъ христіанства. Начало новаго Рима, подобно рожденію древняго, затемнено миѳомъ: какъ Ромулъ и Ремъ были миѳическими основателями древняго Рима, такъ св. апостолы Петръ и Павелъ стали легендарными зодчими средневѣковаго Рима, которому было суждено достичь значенія новой главы запада и святаго города среднихъ вѣковъ.

Средніе вѣка называютъ обыкновенно варварскими или романтическими: варварскими, потому что на развалинахъ древней цивилизаціи поселилось невѣжество, суевѣріе, фанатизмъ, беззаконная сила; романтическими, потому что въ жизни общества проявилась неограниченная и чудная страстность, общество проникалось мистическимъ стремленіемъ къ сверхъестественному и изъ сферы дѣйствительности перенеслось въ сумрачный и очарованный кругъ фантазіи. Средніе вѣка представляютъ постоянную ломку, вѣчное броженіе [1]), благотворную борьбу противуположностей [2]); они являютъ новыя начала, неизвѣстныя древности. Міръ оцѣпенѣлъ подъ римскимъ деспотизмомъ; потокъ переселенія народовъ, какъ стихійный переворотъ, взволновалъ весь міръ и паденіе великаго организма, называемаго римскою имперіею, привело человѣческій духъ въ лихорадочное броженіе. Но христіанство, величайшій изъ моральныхъ переворотовъ, посѣяло въ міръ новое, дотолѣ невѣдомое ему чувствованіе нравственной свободы, и средніе вѣка являются какъ результатъ этихъ двухъ великихъ историческихъ фактовъ. Средніе вѣка были періодомъ бурнаго сопротивленія и страстнаго стремленія къ осуществленію христіанскаго идеала. Глубоко проникнутые религіознымъ чувствомъ, средніе вѣка были абсолютнымъ вѣкомъ церкви, это были «золотые дни духовенства»: между тѣмъ какъ всѣ другія человѣческія стремленія слабѣютъ и разлагаются, церковь стоитъ неизмѣнно и, выполняя свою задачу, медленнымъ, нерѣдко мучительнымъ путемъ религіозныхъ законовъ, вѣрованій, надеждъ и угрызеній совѣсти ведетъ народы къ высшему существованію.

Дѣтское благоговѣніе средневѣковыхъ народовъ къ г. Риму не имѣло границъ. Въ Римѣ они видѣли тотъ ковчегъ завѣта христіанской культуры, въ которомъ заключены законы, грамоты, символы христіанства; въ Римѣ они видѣли тѣхъ мучениковъ и князей-апостоловъ, которые обладаютъ сокровищницей всѣхъ сверхъестественныхъ благъ: Римъ былъ для нихъ новыми Дельфами, новымъ Іерусалимомъ, средоточіемъ божественнаго управленія человѣческимъ родомъ, всеобщею церковью, во главѣ которой стоялъ первосвящен-

---

[1]) Il n'y a rien d'arreté rien de précis au moyen-âge; tout est changeant, mobile; la société ressemble à l'enfant qui grandit, — à quelques années de distance, elle n'est plus la même. Laurent, H. du dr. des g., VII, 41.

[2]) Dans ces temps là (moyen-âge) il n'y avait guère d'usages qui fussent précisement les mêmes. Montesquieu, Esprit d. L. XXVIII, 27.

никъ Новаго Завѣта, представляющій Христа на землѣ. Всякая высшая духовная и свѣтская власть получаетъ предъ римскимъ алтаремъ свое божественное посвященіе; всякая несправедливость получаетъ предъ римскимъ трибуналомъ свой судейскій приговоръ. Разрѣшеніе отъ грѣховъ, священническій санъ, императорское достоинство, наконецъ цивилизація, — все это въ глазахъ средневѣковыхъ народовъ имѣло свой источникъ на холмахъ Рима, и оттуда уже распространялось по всему міру. Епископства, монастыри, миссіи, школы, библіотеки, всѣ образовательныя учрежденія исходили изъ этого мистическаго города; его монахи и священники, какъ нѣкогда консулы и преторы, появлялись въ провинціяхъ и возвращались въ Римъ. Языкъ культа, какъ и языкъ школъ, исходилъ изъ Рима, духовная и мірская литература, музыка, математика, грамматика, искусство долгое время были изъ Рима. Смертные остатки Рима съ благоговѣніемъ переносились за море, въ далекія земли, и почитались какъ священные остатки на отдаленнѣйшихъ алтаряхъ Британіи и Германіи. Обитатели крайнихъ границъ востока и сѣвера, едва знавшіе имя сосѣдняго города, всѣ знали о Римѣ; всѣмъ былъ знакомъ громовый звукъ *Roma*, уже много столѣтій раздающійся на землѣ; восторженная фантазія этихъ народовъ рисуетъ Римъ, какъ «красотой блистающій эдемъ, котораго золотыя врата ведутъ на небо». И Римъ дѣйствительно въ продолженіе многихъ столѣтій среднихъ вѣковъ былъ законодателемъ, учителемъ, матерью народовъ; средневѣковый Римъ въ своемъ лицѣ являлъ тройственное единство, пріуготовленное имъ для своихъ питомцевъ: духовное — въ папскомъ достоинствѣ; мірское — въ императорскомъ, символъ котораго, императорская корона, принималась германскими королями въ Римѣ, отъ св. Петра; и наконецъ — та культура, которая была оставлена древнимъ Римомъ въ наслѣдство всей землѣ. Такимъ образомъ, въ средніе вѣка вторично вышла изъ Рима централизація, и католическое главенство является крайнею необходимостью для грубыхъ и невѣдавшихъ законовъ столѣтій, такъ какъ оно спасло единство христіанства: безъ абсолютной церкви, безъ епископовъ, пропитанныхъ римскимъ духомъ, которые силою духовныхъ Сципіоновъ и Маріевъ подавляли мятежническія попытки провинцій отложиться отъ ортодоксальнаго ученія, христіанская церковь распалась бы на сотни отдѣльныхъ религій и другихъ порожденій національной фантазіи. Это благодѣтельное вліяніе римской церкви, въ настоящее время многими

легко забывается въ виду того зла, какой Римъ нанесъ человѣчеству, слишкомъ щепетильно поддерживая свою церковную опеку, даже въ то время, когда она, съ развитіемъ общества, стала не только ненужною, но положительно вредною: теологическія сѣти [1]), раскинутыя римскою церковью надъ народами среднихъ вѣковъ, стали невыносимыми, и уже въ XIII ст. Бэконъ прорывалъ ихъ новымъ духомъ свободнаго изслѣдованія. — Здѣсь вторично была повторена судьба Рима и міра, вторично люди германскаго племени разрушили однообразный абсолютъ втораго Рима и смѣлою революціею завоевали себѣ свободу вѣры и знанія. Реформаціоннымъ движеніемъ XVI ст. заканчиваются средніе вѣка, точнѣе, начинаются новые.

Такое значеніе Рима для среднихъ вѣковъ не осталось безъ вліянія и на христіанское искусство: какъ и вся жизнь средневѣковаго общества въ теченіи многихъ вѣковъ получала иниціативу, первый толчекъ, въ Римѣ, такъ въ Римъ же текли, на Римѣ отражались и всѣ результаты, добытые средневѣковою жизнію остальной Европы. Въ катакомбахъ, въ *Roma subterranea* находимъ мы первые слѣды христіанскаго искусства; въ Римъ же обращаемся мы, желая услѣдить вѣяніе новаго духа въ христіанскомъ искусствѣ: на «рафаелевой библіи», въ Ватиканѣ, въ папской придворной капеллѣ (Сикстъ IV) почіетъ геній величайшаго изъ живописцевъ, умѣвшаго въ высшей степени сочетать «священную наивность, религіозное вдохновеніе съ искреннею любовью къ природѣ и миѳологической древности».

III.

Если главная задача исторической части теологіи заключается въ разъясненіи вѣрованій древнихъ христіанъ, въ изслѣдованіи, какъ эти вѣрованія выразились въ ученіи и въ жизни, преимущественно же въ богослуженіи и его обрядовой сторонѣ, то источникомъ для выполненія такой задачи должны служить ей не только письмен-

---

[1]) Parcourez l'histoire du V au XVI siècle; c'est la théologie qui possède et dirige l'esprit humain; toutes les opinions sont empreintes de théologie; les questions philosophiques, politiques, historiques sont toujours considerées sous un point de vue théologiques. L'eglise est tellement souveraine dans l'ordre intellectuel, que même les sciènces mathématiques et phisiques sont tenues de se soumettre à ses doctrines. L'esprit théologique est en quelque sorte le sang qui a coulé dans les veines du monde européen jusqu'à Bacon et Descartes. Guizot, Hist. de la civil. en Europe, 166.

ные памятники, но и всякое извѣщеніе, въ которомъ высказались мысль и дѣло вѣрующихъ, по которому эта мысль и это дѣло могутъ быть узнаны. И здѣсь конечно на первомъ планѣ должны быть поставлены памятники искусства, предлагающіе богатый матеріалъ историку церкви: священныя зданія и ихъ украшенія, церковная утварь, рисунки, встрѣчаемые въ священныхъ книгахъ, — все это матеріалъ для историка церкви. И не только въ церкви, матеріалъ подобнаго рода отыскивается и въ частной жизни, такъ какъ религіозныя вѣрованія и обряды переплетаютъ всю жизнь человѣка, отъ колыбели до могилы, и даже преслѣдуютъ его за порогомъ земной жизни, — украшенія гробовъ дорогихъ сердцу составляютъ колыбель христіанскаго искусства. Въ этомъ отношеніи особенное значеніе получаютъ произведенія скульптуры и живописи, такъ какъ они заимствуютъ свои сюжеты по преимуществу изъ св. писанія, непосредственно рисуютъ передъ нами картину представленій ветхаго и новаго завѣта, какъ-то понималось прошлыми вѣками. Публичный характеръ обрядовой стороны религіи и щепетильное рвеніе религіознаго чувства къ неизмѣняемости внѣшнихъ формъ ручается за истинность представленій въ памятникахъ искусства.

Такое важное значеніе памятниковъ христіанскихъ было впервые сознано и доказано проф. Пиперомъ въ предложеніи его министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія фонъ Ладенбергу, 31-го дек. 1848 года, въ которомъ онъ доказывалъ необходимость основать при берлинскомъ университетѣ христіанскій музей; и въ 1850 году музей былъ основанъ [1]). Главная цѣль христіанскаго музея — служить пособіемъ при изученіи историческомъ теологіи, особенно же при изученіи христіанскихъ древностей. Это собраніе, какъ уже показываетъ самое названіе музея «христіанскимъ», должно заключать въ себѣ христіанскіе памятники, преимущественно же произведенія христіанскаго искусства, не исключая и надписей.

Италія и южная Франція были первыми колоніями первыхъ христіанъ, прибывшихъ изъ малой Азіи въ западную Европу: въ Италіи и южной Франціи должно искать и первыхъ памятниковъ христіанскаго искусства, и перваго рвенія къ сохраненію ихъ. Папа Бенедиктъ XIV основалъ въ 1756 году *Museum Sacrum* или *Christia-*

[1]) Das christliche Museum der Universität zu Berlin und die Errichtung christlicher Volksmuseen, von F. Piper. Статья эта, вмѣстѣ съ планомъ берлинскаго христіанскаго музея, помѣщена въ Evangel. Kalend. Jahrb. f. 1857, S. 55 — 88.

тит, въ ватиканскомъ дворцѣ; затѣмъ, въ 1854 году папа Пій IX основалъ въ латеранскомъ дворцѣ новый музей для вновь найденныхъ памятниковъ христіанскихъ древностей. Въ южной Франціи находится нѣсколько такихъ музеевъ для древне-христіанскихъ и средне-вѣковыхъ памятниковъ, въ Марселѣ, Арлѣ, Э (Aix), Нарбоннѣ и самый замѣчательный конечно *Musée Cluny* въ Парижѣ, основанный въ 1844 г. Цѣль этихъ музеевъ — сохраненіе оригинальныхъ произведеній древне-христіанскаго искусства; собраны они почти безъ всякаго выбора — здѣсь собрано все изъ древняго періода, даже самое незначительное, даже сомнительное; эти музеи составлены безъ критики.

Не то христіанскій музей берлинскаго университета. Тутъ собраны не оригиналы, этотъ музей довольствуется копіями, снимками, слѣпками: не тратя суммъ на покупку всегда дорогихъ оригиналовъ, онъ заботится лишь о вѣрности снимка. Съ другой стороны, ничто не вошло въ этотъ музей, не будучи предварительно подвергнуто строгой критикѣ, цѣлесообразному выбору; только наиболѣе характеристичное могло найти здѣсь себѣ мѣсто. Этотъ музей долженъ дать полное понятіе объ общемъ развитіи христіанскаго искусства, основавъ свои заключенія на близкомъ знакомствѣ съ отдѣльными частями его. Если христіанскій музей, основанный Пиперомъ, на столько отличается отъ подобныхъ музеевъ Италіи и Франціи, то не менѣе того отличается онъ и отъ общихъ музеевъ, освовываемыхъ правительствами въ большихъ городахъ, и которыми такъ богата Европа. Общіе музеи служатъ отчасти изученію искусства, отчасти эстетическому наслажденію: христіанскій же музей собралъ памятники не ради искусства, но по преимуществу ради заключающагося въ нихъ содержанія, ради христіанскихъ идей, которыя высказываются въ этихъ памятникахъ. Но и искусство исключено не вполнѣ: здѣсь обращено вниманіе и на то, что́ преобладаетъ въ памятникѣ — искусственная техника, содержаніе или то и другое, техника и мысль, находятся въ равновѣсіи, такъ что сквозь искусственную форму ясно просвѣчиваетъ христіанская мысль, что́ уже должно отнести къ высшему совершенству искусства. Наконецъ, христіанскій музей долженъ служить не эстетическому наслажденію, но учебнымъ пособіемъ для студентовъ теологическаго факультета при берлинскомъ университетѣ.

Этотъ христіанскій музей помѣщается въ зданіи университета и занимаетъ двѣ небольшія комнаты; памятники расположены въ

хронологическомъ порядкѣ; надъ каждымъ отдѣломъ, на верху стѣны помѣщена надпись. Въ первой, меньшой комнатѣ собраны слѣдующіе отдѣлы:

I. *Христіанская архитектура и церковная утварь* (Christliche Architectur und kirchliches Geräth). Важнѣйшіе планы и виды церквей, какъ напримѣръ Софійскаго собора въ Константинополѣ, церкви св. Марка въ Венеціи, и замѣчательнѣйшихъ построекъ готическаго стиля; тутъ же планъ знаменитаго с. галленскаго монастыря, 820 г. Различные снимки и слѣпки церковной утвари, по преимуществу употребляемой при крещеніи и причащеніи; нѣкоторыя принадлежности алтаря.

II. *Предвѣстіе христіанства; переходъ къ монотеизму* (Vorstufe des Christenthums; Uebergang zum Monotheismus). Памятники языческой, греческо-римской древности, высказывающіе взглядъ на божество болѣе возвышенный, чѣмъ языческая точка зрѣнія, высказывающіе признаки почитанія Единаго Бога или предзнаменованіе близкаго уже откровенія. Такъ между прочимъ, рисунки изъ Помпеи, олимпійскій Юпитеръ, Fortuna primigenia, слѣпки монетъ, копіи надписей, фигуры вѣчности и провидѣнія встрѣчающіяся на римскихъ монетахъ, монеты изъ Рима и Вероны съ посвященіемъ «высочайшему Богу» и «великому, вѣчному Богу». Это же возвышеніе надъ языческою народною религіею заставило внести въ христіанскій музей бюсты нѣкоторыхъ философовъ языческой древности, напримѣръ Платона и Софокла. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи христіанскій музей оставляетъ еще многаго желать, глазъ не встрѣчаетъ многаго, что́ имѣетъ право встрѣтить въ этомъ отдѣлѣ [1]).

III. *Надписи изъ древнѣйшаго періода христіанства* (Inschriften aus dem christlichen Alterthum). По преимуществу надгробныя надписи древнихъ христіанъ [2]); эти надписи сняты на бумагу и вдѣ-

---

[1]) «Со временемъ тутъ же будетъ помѣщенъ и Виргилій, котораго въ средніе вѣка почитали пророкомъ, предсказывавшимъ между язычниками о Христѣ, и который вообще до XIV вѣка казался чародѣемъ и человѣкомъ вѣщимъ, связывавшимъ въ своемъ ученіи языческую древность съ христіанствомъ». Буслаевъ, Совр. Лѣт, № 6, стр. 4. Какъ бы ни смотрѣли средніе вѣка на Виргилія, онъ *не будетъ и не можетъ быть тутъ помѣщенъ:* ни живопись, ни изваяніе не оставили намъ изображенія Виргилія. Намъ положительно извѣстно, что не Виргилій, а Эсхилъ будетъ тутъ помѣщенъ, слѣпокъ котораго уже заказанъ Пиперомъ въ Римѣ.

[2]) Die Grab-Inschriften der alten Christen, von F. Piper; въ Ewang. Kalend. 1855, S. 28—58. Здѣсь объяснены 63 надписи съ древнехристіанскихъ гробницъ изъ Рима, Флоренціи, Полы, Chiusi, Palazzuolo (въ Сициліи) и др. мѣстъ.

ланы въ рамки въ между двухъ стеколъ, такъ что видны обѣ стороны, что́ не мало облегчаетъ чтеніе ихъ; здѣсь собраны надписи двухъ родовъ; греческія, изъ Рима и Флоренціи, и латинскія, изъ Рима и Неаполя.

Надгробными надписями оканчиваются памятники, помѣщенные въ первой комнатѣ. Должно сознаться, что выборъ памятниковъ изъ классической древности, которую не всегда правильно называютъ языческою, показываетъ глубокое знаніе до-христіанскаго искусства. Всѣ эти планы церквей, слѣпки утвари, бюсты, монеты, надписи развѣшены по стѣнамъ; нижняя часть стѣны занята шкапами, въ которыхъ сложены великолѣпныя изданія различнаго рода миніатюръ и другіе рисунки, начиная съ знаменитаго сирійскаго Евангелія 586 г. [1]) и ирійскихъ (Scottice scripti) миніатюръ [2]), до недавно полученнаго великолѣпнаго изданія фотографическихъ миніатюръ греческихъ рукописей, изд. въ Москвѣ на русскомъ и французскомъ языкахъ [3]).

Вторая, бо́льшая комната вся занята христіанскими скульптурными и живописными памятниками; они расположены по времени и, гдѣ то было возможно, по содержанію.

I. *Христіанскія гробницы первыхъ вѣковъ.* (Christliche Grab-Denkmäler aus den ersten Jahrhunderten). Бумажные оттиски съ древнехристіанскихъ надгробныхъ камней съ символическими фигурами и надписи съ древнехристіанскихъ гробницъ. Здѣсь же помѣщенъ слѣпокъ съ знаменитаго саркофага Юнія Басса [4]), по обѣимъ сторонамъ котораго помѣщены слѣпки другаго саркофага, изъ латеранскаго музея, такъ что всѣ эти части представляютъ полный видъ древняго саркофага. Здѣсь же снимокъ съ стѣнной картины

---

[1]) Sacrosancta quattuor Evangelia Domini nostri Jesu Christi a Rabula Calligrapho Syriacae scripta in Monasterio S. Johanni in Zagba, urbe Mesopotamiae. (Bibliothecae Mediceae, Laurentianae et Palatinae codicum MMS. orientalium catalogus, recensuit et notis illustravit A. F. Gorio curante).

[2]) Bilder und Schriftzüge in den irischen Manuscripten den schweizarischen Bibliotheken gesammelt und mit Bemerkungen herausgegeben von Dr. F. Keller. (Mittheilungen der antiquarischen Gesellschaft in Zürich, B. 7, H. III, 1851).

[3]) Copies photographiées des miniatures des manuscrits grecs conservés à la Bibliothèque synodale, autrefois patriarchale de Moscou. Publié par le Musée de Moscou. Pr. livr. 1862. Къ сожалѣнію, это изданіе стало библіографическою рѣдкостью вслѣдъ за выходомъ.

[4]) Junius Bassus, префектъ г. Рима, ум. въ 359 г., вскорѣ послѣ принятія крещенія.

изъ неапольскихъ катакомбъ. Вокругъ саркофага и картины развѣшаны снимки древнехристіанскихъ геммъ и монетъ.

II. *Памятники христіанскаго искусства до начала XV ст.* (Denkmäler der christlichen Kunst bis in's XIV Jahrhundert). Древнехристіанскіе и средневѣковые памятники до обновленія искусства. За недостаткомъ мѣста на предъидущей стѣнѣ, здѣсь же помѣщенъ миланскій саркофагъ, на которомъ изображенъ Іисусъ Христосъ, во время поклоненія волхвовъ, одинъ, безъ Богоматери. Главное содержаніе этого отдѣла — изображеніе мозаикъ изъ Константинополя, Равенны и Рима, копіи миніатюръ изъ Парижа и слѣпки съ изображеній на слоновой кости изъ Кельна (aus dem Wallrafschen Museum zu Köln), металлическія таблицы изъ Берлина, Вольфенбюттеля и Трира, наконецъ копіи раскрашенныхъ рисунковъ изъ Веймара (aus der Goetheschen Sammlung zu Weimar). Этотъ отдѣлъ начинается консуларскими диптихами («двойныя доски, съ изображеніями, оклады, складни») далѣе—три таблицы греческой работы, наконецъ—четыре таблицы латинской работы изъ Милана. Въ произведеніяхъ западнаго искусства выбраны представленія изъ жизни Іисуса Христа, въ естественномъ порядкѣ, отъ Благовѣщенія до Вознесенія Господня. Отдѣлъ этотъ заканчивается изображеніями апостоловъ и учителей церкви.

III. *Памятники христіанскаго искусства въ XV ст.* (Denkmäler der christlichen Kunst aus dem XV Jahrhundert). Гравюры и литографіи съ картинъ кельнской школы, Мемлинга и Fra Angelico da Fiesole.

IV. *Памятники христіанскаго искусства въ Италіи XVI ст.* (Denkmäler der christlichen Kunst in Italien aus dem XIV Jahrhundert). Гравюры главныхъ произведеній Микель-Анжело и Рафаеля: сперва рядъ картинъ представляющихъ эпоху творенія и до-историческую эпоху человѣчества; затѣмъ, главные моменты изъ евангелической эпохи.

V. *Памятники протестантскаго искусства.* (Denkmäler der protestantischen Kunst). Гравюры главнѣйшихъ произведеній (религіознаго содержанія) Дюрера и Луки Кранаха. Далѣе нѣкоторыя произведенія новѣйшаго искусства, расположенныя по предметамъ ветхаго (Каульбахъ), новаго завѣта и церкви. Тутъ же помѣщены знаменитыя произведенія: Лессинга — I. Гуссъ, Кенига — Лютеръ и Меланхтонъ надъ переводомъ библіи, портретъ Кальвина по юбилейскому медальону изъ Женевы и A. H. Franck по статуѣ Раубаха.

Къ этому богатому сборнику памятниковъ, по преимуществу посвященныхъ библейской исторіи и христіанскому вѣрованію, присоединена небольшая группа копій замѣчательныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Группа эта, не составляющая существенной необходимости и пособія при изученіи исторической части теологіи, крайне убога: четыре греческихъ учителей церкви по мозаикамъ Софійскаго собора, Карлъ Лысый по современной миніатюрѣ [1]), Бонавентура по Фьезоле, Данте по рисунку Giotto, Карлъ Великій Дюрера.

Вотъ подробное описаніе христіанскаго музея при берлинскомъ университетѣ, основаннаго Пиперомъ. Его содержаніе вполнѣ объясняетъ его цѣль — это музей, основанный спеціально съ теологическою цѣлью, для занятій лицъ, готовящихся въ духовное званіе, для будущихъ предигеровъ, и «для внушенія молодымъ умамъ художественнаго воодушевленія въ религіозномъ духѣ». Сообразно этому, въ этомъ же музеѣ собираются тѣ изъ студентовъ теологическаго факультета, которые занимаются въ семинаріи Пипера (die archäolog. und patrist. Uebungen). Здѣсь, во время моего пребыванія въ Берлинѣ, одинъ часъ въ недѣлю, Пиперъ показываетъ въ хронологическомъ порядкѣ памятники христіанскаго искусства, объясняетъ ихъ св. писаніемъ и обращаетъ вниманіе своихъ слушателей преимущественно на вѣрность памятника св. писанію, на согласіе его съ ученіемъ св. отцевъ; при чемъ догматическая сторона конечно преобладаетъ надъ остальными двумя, исторической и чисто-искусственной. Удивляться этому нельзя, скорѣе можно было бы удивляться, еслибъ его частныя занятія со студентами теологическаго факультета приняли какой либо иной характеръ.

Въ указанной нами выше статьѣ, Пиперъ предложилъ подробный планъ устройства христіанскихъ музеевъ для народа (Volksmuseen); такъ какъ при его составленіи имѣлся въ виду лишь германскій народъ, то онъ не имѣетъ общаго значенія и поэтому, оставляя въ сторонѣ подробное его описаніе, изложу вкратцѣ мнѣнія о пользѣ и значеніи подобныхъ музеевъ, высказавшіяся въ одно изъ засѣданій семинаріи. Такъ какъ въ семинаріи Пипера въ прошлый семестръ было два иностранца — одинъ американецъ и одинъ русскій; то Пиперъ, желавшій какъ можно ближе ознакомить «сво-

---

[1]) Это изображеніе Карла Лысаго взято изъ Dissertatio in aureum, ac pervetustum SS. Evangeliorum codicem MS. Monasterii S. Emmerami Ratisbonae. Auctore Petro Colomanno Sanftl, 1786.

ихъ гостей изъ далекихъ странъ» съ новымъ проектомъ устройства христіанскихъ музеевъ для народа, назначилъ особаго рода ученый турниръ, въ которомъ офиціальные защитники и оппоненты разсматривали вопросъ о подобныхъ народныхъ музеяхъ. Задача предложенная Пиперомъ — Für und gegen die Anlegung von christlichen Volksmuseen — особенно интересна въ томъ отношеніи, что высказываетъ взглядъ на подобные музеи самихъ теологовъ, будущихъ основателей христіанскихъ музеевъ по другимъ городамъ Пруссіи и, если можно, Германіи; и не только по городамъ, при университетахъ и гимназіяхъ, но и по селамъ, при народныхъ школахъ. Передаю вкратцѣ сущность бывшаго диспута.

«Пластическія изображенія священныхъ событій, святыхъ лицъ и ихъ подвиговъ предлагали искони богатый матеріалъ для внушенія народу чистыхъ христіанскихъ идей и созерцаній, для популярной ясности понятій и главныхъ основаній христіанскаго ученія. Между тѣмъ какъ сухое устное преподаваніе, абстрактное понятіе, философское изложеніе ученія необходимо представляетъ извѣстнаго рода трудности, нерѣдко же возбуждаетъ совершенно неясныя представленія о предметѣ, — образное представленіе предлагаетъ матеріалъ, который легко видитъ глазъ и умъ схватываетъ безъ особеннаго напряженія. Педагогическое значеніе подобныхъ пластическихъ представленій неоспоримо: онѣ сильнѣе запечатлѣваютъ въ умѣ тѣ истины христіанскаго ученія, которыя, высказываясь въ сухой формѣ устнаго преподаванія, требуютъ несравненно бо̀льшаго напряженія. И польза эта касается не только ума, но и чувства (Gemüth): цѣлостность впечатлѣнія, которая никогда не можетъ быть достигнута устнымъ или письменнымъ изложеніемъ, чрезъ чувственное созерцаніе предмета врѣзывается глубоко въ сердце и сопутствуетъ ему въ продолженіи всей жизни—матеріалъ добытый умомъ не можетъ спорить въ устойчивости съ матеріаломъ, который добытъ сердцемъ. Такое чувственное содержаніе возбуждаетъ въ сердцѣ дитяти глубокое религіозное благоговѣніе, въ сердцѣ юноши — благоговѣйное почитаніе и уваженіе.

«Церковная исторія, разсказанная живописью и скульптурою, была бы важнымъ учебнымъ пособіемъ. Конечно, въ памятникахъ искусства нашли себѣ выраженіе современные споры различныхъ ученій церкви, но, не говоря уже о томъ, что въ этихъ же памятникахъ мы находимъ также и объясненіе этихъ спорныхъ пунктовъ, выборъ памятниковъ зависитъ отъ насъ и конечно долженъ

согласоваться съ цѣлью народныхъ музеевъ. Не преувеличивая можно сказать, что хронологически расположенные памятники христіанскаго искусства можно назвать поучительнѣйшимъ комментаріемъ на св. писаніе, одинъ взглядъ на которые болѣе поучаетъ, чѣмъ многотомное, испещренное цитатами сочиненіе.

«Такое облегченіе представляютъ «христіанскіе музеи». Они предлагаютъ надежную помощь учащимся и учащимъ, школьнику и учителю, студенту и профессору. Сухое выведеніе (deductio) понятій христіанскаго ученія, холодное поученіе слова утомляетъ духъ и ослабляетъ силы; чувственное же созерцаніе предметовъ христіанской религіи освѣжаетъ духъ, не утомляя мысли, предлагаетъ не длинный рядъ умозаключеній, но всецѣло схваченный результатъ; если книга можетъ отталкивать, то произведеніе искусства можетъ лишь привлекать. Христіанскій музей разумно соединяетъ въ себѣ строгую науку съ наслажденіемъ художественнаго чувства (Kunstgenuss); онъ подкрѣпляетъ запоминаніе, освѣжаетъ и укрѣпляетъ «религіозную потребность сердца».

Такъ понимаетъ пользу христіанскихъ музеевъ вся немногочисленная семинарія проф. Пипера. И конечно, въ главномъ нельзя съ этимъ не согласиться: для университетскаго преподаванія теологіи, какъ науки, христіанскій музей при университетѣ имѣетъ такое же значеніе, какъ анатомическій для преподаванія анатоміи. Возраженій на это не было и не могло быть представлено: отвергать вообще значеніе христіанскихъ музеевъ, значитъ отвергать вообще теологію, что́ впрочемъ успѣшнѣе всего могло быть достигнуто теологомъ — Лютеръ былъ монахъ августинскаго ордена.

Существеннѣйшія замѣчанія были сдѣланы относительно учрежденія подобныхъ музеевъ для народа, при народныхъ школахъ (Volkschule): а) «какъ необходимы христіанскіе музеи, такъ равно необходимы музеи искусства и исторіи, и наконецъ необходимѣе изъ всѣхъ музеи по естественнымъ наукамъ; б) живописныя картины и скульптурные слѣпки св. лицъ и священныхъ событій могутъ быть уравнены народомъ съ самими лицами и событіями, — на рафаэлевой Мадоннѣ можетъ повториться исторія вероникoвой копіи; и вообще вѣрное пониманіе христіанскихъ древностей требуетъ серьезной предварительной подготовки, которую трудно встрѣтить въ народѣ и безъ которой почти неизбѣжны недоразумѣніе и профанація; наконецъ, в) едва ли матеріальныя средства общины (Gemeinde) и духовный интересъ къ подобному учрежденію довольно

сильны, чтобъ польза могла выкупить затраченный капиталъ». Не трудно догадаться, въ какомъ смыслѣ были опровергнуты эти возраженія: «такъ какъ религіозное сознаніе народа составляетъ святую и драгоцѣннѣйшую его собственность, которая очищаетъ и руководитъ его во всѣхъ прочихъ отправленіяхъ жизни и такъ какъ христіанскій музей преимущественно посвященъ этой религіозной сторонѣ, то ему принадлежатъ наши первыя средства, наша первая забота, короче первый капиталъ». Подобное замѣчаніе не допускаетъ опроверженій; въ немъ, искренно или умышленно, дѣлается довольно наивная ошибка: то, что́ въ первомъ случаѣ ставится какъ вопросъ подлежащій разрѣшенію, во второмъ принимается какъ неопровержимо доказанное положеніе.

Что учрежденіе христіанскихъ музеевъ при университетахъ, какъ пособіе для теологическаго факультета, приноситъ большую пользу, въ этомъ едва ли кто либо сомнѣвается въ настоящее время; что подобныя же учрежденія при народныхъ школахъ принесутъ вредъ— это кажется въ равной же мѣрѣ несомнительно.

Въ своей статьѣ объ учрежденіи народныхъ музеевъ [1]), Пиперъ исходитъ изъ довольно по видимому свободнаго начала, именно, что «искусство не должно быть лишь сладкимъ блюдомъ для стола вельможи и богача, оно должно составлять здоровую пищу для всякаго; подобно второй природѣ, оно должно какъ солнце распространять свой свѣтъ на большаго и малаго, на богатаго и бѣднаго [2])». Какъ ни идеально такое развитіе народа, при которомъ искусство становится для него здоровою пищею, слѣдовательно насущною потребностію, тѣмъ не менѣе оно желательно и должно сдѣлать честь тѣмъ, которые стремятся къ его совершенію. Единственный путь къ тому, Пиперъ видитъ въ христіанскомъ искусствѣ, и въ этомъ

---

[1]) Die Errichtung christlicher Museen für die Schule und Gemeinde, von F. Piper. Ewang. Kalend. 1857, S. 69 — 88.

[2]) Die Kunst soll nicht bloss ein Confect für die Tafeln der Grossen und Reichen, sie soll eine kraftvolle Speise für alle sein; eine zweite Natur gleichsam soll sie, wie die Sonne ihren Glanz ueber Grosse und Kleine, ueber Reiche und Arme verbreiten. (Cornelius въ торжественной рѣчи «Ueber die unermessliche Bedeutung der Kunst für die Culturentwickelung der Völker», помѣщенной въ Augsb. Allgem. Zeit. vom 31 mai 1855, S. 2406). Если обратить вниманіе на то, что сладкое блюдо за столомъ вельможъ и богачей заключаетъ собою сытный обѣдъ, то конечно трудно будетъ найти такого злодѣя, который не пожелалъ бы видѣть того же за столомъ не-вельможи и не-богача; но съ однимъ условіемъ sine qua — чтобъ ему предшествовалъ сытный обѣдъ.

съ нимъ нельзя не согласиться: «христіанство каждаго уже вводитъ, болѣе или менѣе, въ область искусства»; ближайшее средство — учрежденіе христіанскихъ народныхъ музеевъ.

Мы беремъ этотъ фактъ самъ по себѣ, не касаясь вопроса о томъ, на сколько народъ удовлетворенъ въ болѣе существенныхъ нуждахъ и составляютъ ли памятники христіанскаго искусства столь важный предметъ для народа, чтобъ ему должно было посвятить наши первые капиталы. Но чтобъ вѣрно понять мысль и цѣль Пипера, необходимо познакомиться со взглядомъ его на христіанское искусство, какъ на предметъ, который долженъ привести народъ къ вышеупомянутому идеальному состоянію.

Первая, важнѣйшая цѣль подобныхъ христіанскихъ музеевъ для народа состоитъ въ поддержаніи и развитіи не художественнаго, но религіознаго чувства; подобный музей не имѣетъ цѣлью объяснять народу рисунокъ и колоритъ: народъ читаетъ св. писаніе не для того, чтобъ научиться читать и писать. Пиперъ видитъ въ памятникахъ христіанскаго искусства лишь вторую библію, «библію народа» [1]), по прекрасному выраженію папы Григорія В. Казалось бы въ XIX ст. не приходится ссылаться на VI вѣкъ и тѣмъ болѣе въ протестантской странѣ; но «пластическое изображеніе въ немногихъ чертахъ заключаетъ много смысла, оно предлагаетъ кратчайшій путь къ познанію; потребность въ наглядномъ представленіи также сильна въ XIX вѣкѣ, какъ была въ предъидущихъ, народу именно принадлежитъ способность поучаться изъ образныхъ представленій [2]); наконецъ, не видя въ произведеніяхъ христіанскаго искусства иной цѣли кромѣ религіознаго наставленія, Пиперъ не видитъ «никакой разницы между книгою и снимкомъ, слѣпкомъ съ произведенія христіанскаго искусства» [3]). Не интересъ историческаго значенія этихъ произведеній заставляетъ Пипера такъ горячо желать близкаго знакомства народа съ ними; эти произведенія должны получить въ глазахъ народа тотъ же смыслъ, какой имѣли они въ средніе вѣка; рисунокъ рая долженъ говорить народу о блаженномъ состояніи безгрѣшныхъ, ада — о наказаніи подпавшихъ грѣху [4]).

---

[1]) Gregor. M. Ep. Lib. XI, Ep. 13. Durandus, Ration., Lib. 1, c. 3.

[2]) F. Piper, Ueber die Gründung d. christl. archäol. Kunstsamml. u. s. w. S. 12.

[3]) Ewang, Kal., Jahrh. für 1857, S. 78. Въ этомъ взглядѣ необходимо исправить вкравшуюся ошибку: памятники древне-христіанскаго искусства не въ состояніи дать народу того, что предлагаютъ ему результаты науки XIX ст.

[4]) *Paradisus* depingitur, ut aspicientes ad delectationem praemiorum alliciat; *Infer-*

IV.

Мы не разъ упоминали о семинаріи Пипера; теперь хотимъ показать, какую пользу приноситъ она, и на сколько важно христіанское искусство для занимающагося исторіею среднихъ вѣковъ; избираю послѣднее засѣданіе семинаріи.

Изъ числа тайнъ евангельскаго ученія, самая высочайшая тайна, наименѣе поддающаяся усиліямъ человѣческаго ума, безъ сомнѣнія тайна воплощенія Сына Божія.

Мы опускаемъ догматическую сторону этого вопроса, по преимуществу занимавшую теологическую семинарію Пипера; мы умолчимъ о мнѣніяхъ Иренея, Оригена, Кирилла іерусалимскаго, Василія В., Григорія Нисскаго и многихъ другихъ писателей церкви и обратимъ вниманіе на то разрѣшеніе этихъ вопросовъ, какое предлагаетъ намъ поэзія и искусство среднихъ вѣковъ [1]).

Честь одного изъ самыхъ поэтическихъ разрѣшеній подобной нелегкой задачи принадлежитъ великому дѣятелю среднихъ вѣковъ, знаменитому бойцу христіанскаго ученія, труды и усилія котораго не напрасно даровали ему величайшій титулъ, какимъ лишь могли наградить средніе вѣка, не напрасно назвавшіе его *святымъ* Бернардомъ.

Въ половинѣ XII ст., Бернардъ, аббатъ монастыря Клерво (Clairvaux), говорилъ своимъ слушателямъ проповѣдь въ день Благовѣщенія [2]). Бернардъ остановился на 11 ст. 84 Пс.: «Милость и истина стрѣтятся, правда и миръ облобызаются». Въ этомъ стихѣ онъ видѣлъ тайну полную глубокаго смысла; онъ предвидѣлъ въ этомъ тѣ четыре добродѣтели, въ которыхъ заключалось истинное спасеніе, и именно въ ихъ совокупности, такъ какъ взятыя порознь они теряли силу своей добродѣтельности. Человѣкъ, говорилъ Бернардъ, получилъ отъ Бога прежде всего *милосердіе* (misericordia), какъ кормилицу, которая ему предшествуетъ и за нимъ слѣдуетъ,

---

nus, ut ex formidine paenarum a vitiis deterreat. Durandus, Ration. div. offic. Lib. 1, cap. 3, § 21. F. Piper. Ueber den christlichen Bilderkreis, S. 55. Но если Пиперъ ссылается при этомъ на извѣстіе XIII ст., то и мы сошлемся на XIII ст., — мы укажемъ на поэтическое сказаніе объ адѣ и раѣ, въ которомъ высказанъ иной взглядъ и о которомъ мы имѣли уже случай упоминать. В. Бильбасовъ, Крестовый походъ Фридриха II, стр 157 — 158.

[1]) Der Rathschluss der Menschwerdung und Erlösung, von F. Piper. Ewang. Kal. Jahrb. f. 1859, 17 — 42.

[2]) Bernardi Serm. 1. in annuntiat. b. Mariae, Op. ed. Mabillon, v. 1, p. 979—983.

защищаетъ и охраняетъ его; *истину* (veritas), какъ воспитательницу, которая ведетъ его къ познанію высшей истины; правду, *справедливость* (justitia), которая должна управлять человѣкомъ и отводить его отъ грѣха, въ который онъ могъ бы впасть, еслибъ познавъ добро, онъ не проявилъ бы его въ дѣлахъ; наконецъ миръ, *миролюбіе* (pax), какъ успокоеніе, высшая услада. «Чего не доставало еще человѣку—восклицаетъ Бернардъ—если милосердіе охраняло его, истина наставляла, справедливость руководила имъ, миролюбіе услаждало его»?

Но съ грѣхопаденіемъ первыхъ человѣковъ, они утеряли вмѣстѣ съ раемъ и эти четыре добродѣтели: они утеряли справедливость—преступивъ законъ своего Бога; милосердіе—Ева принесла все свое потомство въ жертву своей страсти; истину—вопреки угрозъ Господа, Ева повѣрила лжи змія; миролюбіе—«безбожные не знаютъ мира» [1]).

Бернардъ въ немногихъ словахъ представилъ своимъ слушателямъ исторію человѣчества отъ грѣхопаденія до искупленія, при чемъ выставилъ борьбу и примиреніе этихъ четырехъ добродѣтелей, какъ божественныхъ свойствъ: онъ называетъ ихъ дочерьми Господа и дѣлитъ попарно—съ одной стороны ставитъ онъ истину и справедливость, съ другой милосердіе и миролюбіе, какъ молочныя сестры первыхъ. Затѣмъ онъ переходитъ къ загадочнымъ словамъ псалмопѣвца и изъ представленія примиренія четырехъ добродѣтелей, высказаннаго въ 84 пс., выводитъ, что этому примиренію должна была предшествовать распря.

Между добродѣтелями былъ жаркій споръ, говоритъ Бернардъ: истина и справедливость мучили падшихъ человѣковъ, милосердіе же и миролюбіе напротивъ того щадили ихъ, сочувственно относясь къ ихъ несчастію. Но такъ какъ первыя двѣ сестры-добродѣтели не переставали свирѣпствовать противъ виновныхъ и продолжали наказывать ихъ, прибавляя къ настоящимъ страданіямъ угрозы наказанія въ будущей жизни, то молочныя ихъ сестры «постучались въ сердце отца», и просили его помиловать грѣшныхъ, говоря, что они уже довольно страдали. Господь не могъ внять этой просьбѣ, не обижая другихъ двухъ сестеръ; Онъ мудро повелѣлъ предстать предъ себя всѣмъ четыремъ, и вотъ предъ лицемъ своего Бога повели споръ четыре сестры-добродѣтели.

---

[1]) Исаія, 57, 21.

Первая изъ сестеръ выступаетъ милосердіе и говоритъ, что люди продолжительнымъ страданіемъ искупили уже свою вину и должны быть помилованы. На это истина отвѣчаетъ: «Слово, которое ты изрекъ, Господь, должно быть приведено въ исполненіе,—Адамъ долженъ умереть со всѣмъ своимъ потомствомъ, такъ какъ онъ вкусилъ отъ запрещеннаго тобою плода». «Зачѣмъ же, Отецъ, зачѣмъ породилъ Ты меня на свѣтъ—восклицаетъ милосердіе—если я должна уже погибнуть; сама истина знаетъ, что Твое милосердіе должно погибнуть навсегда, если ужъ Ты навсегда отвергнешь отъ себя сожалѣніе». «Но кто же не знаетъ—возразила на это истина, что если преступникъ будетъ избѣгать своего осужденія, то истина, Господь, погибнетъ и ужъ во вѣки ее не будетъ»!

Все это слышалъ херувимъ и предложилъ отослать спорящихся къ Соломону (т. е. къ Богу-Сыну), говоря, что «Отецъ и не судитъ никого, но всякій судъ отдалъ Сыну [1])». Предстали спорящія предъ ликъ Бога-Сына. «Милосердіе требуетъ, сказала истина, чтобъ преступившіе законъ своего Бога были пощажены и не щадитъ тѣмъ сестры своей истины». «Ну а ты, возразила сестра милосердіе, ты не щадишь обѣихъ сестеръ, ни милосердія, ни миролюбія: ты до того свирѣпствуешь противъ преступниковъ, что наносишь ущербъ обѣимъ сестрамъ! Чтó я сдѣлала тебѣ дурнаго? Имѣешь чтó противъ меня—скажи мнѣ; не имѣешь—зачѣмъ гонишь меня»? Вообще споръ сталъ касаться личностей и неизвѣстно, чѣмъ окончился бы, еслибъ миролюбіе не вмѣшалось въ это дѣло: «оставьте, пожалуйста перестаньте; такая перебранка намъ не прилична: добродѣтелямъ неприлично спорить».

Тогда склонилъ голову судья и сталъ чертить по землѣ; сестра милосердіе сидѣла ближе всѣхъ и повѣдала всѣмъ приговоръ Бога-Сына: «Одна сестра говоритъ: я погибла, если Адамъ не умретъ; другая же говоритъ: я погибла, если Адамъ не удостоится милосердія. *И приключится блаженная смерть*, и каждая изъ сестеръ получитъ, чтó желаетъ». Всѣ сестры дивились слыша слово высокой премудрости, уничтожавшее даже поводъ къ спору и жалобамъ. Сестры не могли однако хорошенько понять значенія *блаженной смерти:* смерть сама по себѣ ужасна, какимъ же образомъ можетъ быть она блаженствомъ? Но судья сказалъ: «ужасна смерть грѣшниковъ, но блаженна смерть праведниковъ,—она есть дверь

---

[1]) Іоан., 5, 22.

жизни, врата величія». Всѣ согласились съ этимъ, но не поняли, какъ же она возможна. «Она возможна, если кто, самъ по себѣ не заслуживающій смерти, умираетъ изъ любви», сказалъ премудрый судія и всѣ согласились. Но гдѣ тотъ безвинный, который согласился бы умереть не изъ вины, но по любви, по доброй волѣ? Истина и милосердіе отправились искать по всей вселенной, не найдется ли гдѣ такого безвиннаго, который принялъ бы на себя блаженную смерть. Истина прошла всю землю и не нашла никого, ни даже ребенка, жившаго лишь одни сутки, который былъ бы вполнѣ чистъ и непороченъ; милосердіе исходило все небо и нашло, что и ангелы страдаютъ, если не порочностію, то недостаточною любовью. Нѣтъ, такая побѣдная смерть предоставлена не людямъ и не ангеламъ, но другому, котораго любовь готова положить душу свою за друзей своихъ» [1]). Къ назначенному дню возвратились обѣ сестры, истина и милосердіе, предъ престолъ судьи; обѣ были опечалены, не найдя того, чего искали. И сказала тогда третья сестра, миролюбіе: «Вы не знаете и не думаете! Нѣтъ творящаго такое добро, нѣтъ кромѣ одного [2]). Кто далъ совѣтъ, поможетъ на дѣлѣ». (qui consilium dedit, ferat auxilium).

Царь Соломонъ (т. е. Іисусъ Христосъ, судья) услышалъ слова ихъ и сказалъ: «Мнѣ жалко, что я создалъ людей. Страданіе назначено мнѣ; на мнѣ лежитъ претерпѣть страданіе покаяться за людей которыхъ я создалъ» [3]). И сказалъ онъ: «Я иду; ибо если чашѣ сей пройти мимо меня, я осушу ее». И снисходитъ Христосъ на землю: милость и истина идутъ предъ лицемъ Его [4]), благость уготовляетъ ему престолъ; миръ шелъ съ царемъ и ангелы восклицали: миръ на землѣ и въ человѣкахъ благоволѣніе [5]). Тогда-то «милость и истина срѣтились, правда и миръ облобызались»!

Такъ, соединяя въ себѣ высшую идею божественности и окруженный всѣми добродѣтелями, снизшелъ Христосъ на землю, чтобъ

---

[1]) Joan., 15, 13.—У Бернарда слова эти измѣнены.

[2]) Пс. LII, каѳ. 4. Въ латинскомъ текстѣ Пс. сказано: Non est qui faciat bonum, non est usque ad unum, что дословно-вѣрно переведено въ русскомъ переводѣ; Бернардъ же послѣ *bonum* вставилъ *hoc*, отчего смыслъ всего стиха значительно измѣнился: *usque ad* допускаетъ исключеніе въ пользу одного.

[3]) Genes. VI, 7. Въ текстѣ проповѣди трудно уловимая игра словъ: *Poenitet* me fecisse hominem. *Poena*, inquit, me *tenet*, mihi incumbit sustinere *poenam*, *poenitentiam* agere pro homine quem creavi.

[4]) Пс. 88, 15.

[5]) Лук. 2, 14.

страданіемъ искупить родъ человѣческій, не могшій уже вмѣстить въ себѣ всѣхъ четырехъ добродѣтелей, спутниковъ истиннаго спасенія. Вотъ причина воплощенія, этой божественной мистеріи христіанской религіи; вотъ въ чемъ заключалась необходимость высокой цѣны искупленія, вотъ кому была принесена она. XII-й вѣкъ, составляющій переходную эпоху въ исторіи среднихъ вѣковъ, не много представилъ примѣровъ подобнаго объясненія, въ которомъ поэтическое чувство примиряется съ суровымъ взглядомъ великаго аскета среднихъ вѣковъ. Это объясненіе, разъ данное, было принято всѣми, было живо до тѣхъ поръ, пока въ человѣчествѣ была жива любовь къ подобнымъ вопросамъ; съ новой эрой, отмѣченной реформаціоннымъ движеніемъ, эта поэтическая притча Бернарда не утеряла своей прелести; какъ и прежде, ею воспользовалась народная фантазія.

Эта притча Бернарда послужила предметомъ для живописи; многія св. книги среднихъ вѣковъ были изукрашены миніатюрой, въ которой представленъ тотъ моментъ, когда истина и милосердіе являются къ Іисусу Христу съ грустью объявляя, что ни на землѣ, ни на небѣ нѣтъ достойнаго быть виновникомъ блаженной смерти. Въ срединѣ сидитъ Іисусъ Христосъ, Онъ окруженъ ангелами, въ лѣвой рукѣ земной шаръ, правая покоится на груди; на лѣво отъ него двѣ молодыя женщины—Justitia и Veritas, на право двѣ другія—Pax и Mis(er)icordia, всѣ онѣ въ коронахъ, лица и руки обращены ко Христу, который, выслушавъ ихъ нерадостную вѣсть о состояніи земли и неба, говоритъ, что принимаетъ на себя великую, нетрудную для него роль искупленія [1]). Эта же притча была внесена въ знаменитое по своей распространенности въ средніе вѣка сочиненіе пресвитера Якова (1378 г.) Consolatio peccatorum; это сочиненіе было переведено на нѣмецкій, французскій, фламандскій, италіанскій, испанскій языки, вслѣдствіе чего притча Бернарда получила всеобщую извѣстность. Вѣроятно уже изъ этого «утѣшенія грѣшныхъ» перешла она въ средневѣковую поэзію, первымъ памятникомъ которой въ этомъ отношеніи служитъ нѣмецкая риѳмованная поэма, пользовавшаяся общею любовью въ свое время и начинающаяся словами:

---

[1]) Описано по рисунку помѣщ. въ Ewang. Kal. 1859. S. 24. Рисунокъ взятъ изъ одной италіанской рукописи 1476 г., хранящейся въ королевской частной библіотекѣ въ Туринѣ, гдѣ эта миніатюра приложена къ переводу притчи Бернарда — lo principio della incarnatione.

Sich huob vor gotes trône
ein gespraeche schône [1]).

Этотъ же мотивъ встрѣчается въ одной нюрнбергской рукописи XV ст. [2]). Но наибольшую популярность пріобрѣла эта притча сперва чрезъ одну нидерландскую пасхальную драму, поставленную на сцену средневѣковаго театра въ полов. XIV ст. — Das Gespräch zwischen Gott und den beiden Tugenden, der Iutbarmicheit und der Wairheit [3]), потомъ чрезъ нижнегерманскую драму половины XV ст. — Der Sündenfall [4]). Эта послѣдняя писана риѳмованными стихами; передаю въ кратцѣ ея содержаніе, чтобъ показать близость къ притчѣ Бернарда.

Давидъ и архангелъ Михаилъ являются къ Господу и просятъ Его снисспослать милость для нихъ и всего рода человѣческаго, на что Господь отвѣчаетъ:

Misericordia mea et veritas mea cum ipso.
Wärheit unde rechtferdicheit,
Frede unde barmherticheit,
De schullen all mit om wesen,
Dat mynslike geslechte dat schall genesen.

Вслѣдъ за этимъ начинается споръ правды съ милостью, при чемъ правда говоритъ:

In eternum, domine, veritas tua permanebit.
Lätet rechtferdicheit allen mynschen lîden
So blîft juwe wärheit tô êwigen tîden.

Споръ съ обѣихъ сторонъ подкрѣпляется цитатами изъ св. писанія и оканчивается приговоромъ Іисуса Христа объ искупленіи смертію праведнаго:

Misericordia et veritas obviaverunt sibi, justicia et pax osculate sunt.
Nu wil ik de rechtferdicheit keisen

---

[1]) Не напечатана до настоящаго времени. Massmann упоминаетъ объ ней въ Zeitschr. für deutsches Alterth. herausg. von Haupt. II B., S. 137, Anm. 1.

[2]) «Das Gespräch der vier Tugenden im Auszuge», напечатанный Массманомъ въ Zeitschr. für deut. Alterth. herausg. von Haupt, ib.

[3]) Издана Захеромъ (Zacher) въ журналѣ Гаупта Bd. II, S. 302.

[4]) Der Sündendenfall und Marienklage. Zwei niederdeutsche Schauspiele, herausgeg. von Schönemann, S. 116—119.

Ok schal barmherticheit nicht vorleisen.
Mîne lêve dochter beide,
Hôret, unde ik juk twei hir scheide:
Fiat mors bona et habeat utraque quod petiit,
Dat is dar de macht anne lît,
Ex caritate morietur ille qui morti nil tenetur,
Sic quia mors eterna morietur.
Hôret nu tô, mîne lêven frunde,
Wat îk juk geve vor eine orkunde
Eîn gût dôt schal bolde
Komen, dat des god gewolde,
Unde de, de des dôdes nicht is schuldich,
De schal sterven unde wesen duldich,
Unde dat schal schein in lêfmodicheit
To trôste der mynschen sâlicheit.
Dusse dôt de schal dar nôden,
Den êwigen dôt denne wedder doden,
Sus schal de mynche nicht vorderben
Edder des êwigen dodes sterven.

Такъ перешла притча Бернарда въ драматическую поэзію. Если въ средневѣковыхъ драмахъ эти четыре добродѣтели, какъ свойства божества, появляются въ человѣческихъ образахъ, съ цѣлью разрѣшить вопросъ о воплощеніи Сына Божія, то въ другой области искусства онѣ являются въ образѣ *охотничьихъ собакъ*, при чемъ главная цѣль — разрѣшеніе мистеріи воплощенія — остается неизмѣняемою. Такъ эти четыре сестры — добродѣтели св. Бернарда въ общеизвѣстной «охотѣ на единорога» — die Jagd des Einhorns.

Въ западной Европѣ сохранилось еще до настоящаго времени довольно древнее, не сложное сказаніе: «неизвѣстно гдѣ и когда находился единорогъ необыкновенной силы; храбрость и мужество охотниковъ не могли одолѣть его; однажды этотъ единорогъ подошелъ къ дѣвѣ, и вся его дикость и сила пропали: онъ положилъ голову на грудь прекрасной дѣвы и былъ лишь такимъ образомъ уловленъ своими преслѣдователями. Это сказаніе встрѣчается у христіанскихъ писателей съ конца VI и начала VII вѣка, у Григорія В. и Исидора севильскаго [1]). Долгое время эта сказка наме-

[1]) Gregor. M. Moral., Lib. XXXI, c. 15, § 29. Op. 1,1010.—Isidor., Etymol. Lib. XII, c. 2, § 13. Op. (ed. Arcv.) IV, 53.

кала на іудейскій народъ и по преимуществу на исторію Саула, но позже она была примѣнена къ воплощенію Сына Божія и ея мотивы перешли тогда въ поэзію и искусство. Она была помѣщена въ извѣстномъ «Physiologus» и оттуда перешла въ германскую поэзію среднихъ вѣковъ.

Конрадъ вюрцбургскій (XIII ст.) въ своей «Золотой кузницѣ» представляетъ Бога-Отца «небеснымъ ловчимъ», кой посылаетъ свое единородное Дитя на землю:

des himels einhürne,
der wart in daz gedürnem,
dirre wilden verlt gejaget
ich meine dô der himeljeger
jagte sîn einbornez kint
uf erden nach gewinne.
Christ Jêsus, den din lip gebar.
der leite sich in dîne schôz,
dô des vaters minne grôz
in jagete zuo der erden.

Тотъ же мотивъ встрѣчается у Румеланда (Rumeland), современника Конрада, въ одной названной пѣснѣ Маріи:

einborner Gottes sun, do jagte dich herabe
die vater, wan er aus verlôs vil nôte,
er jagte dich unz an den lip
der reinen meit, als man daz einhorn jeite.

Затѣмъ Румеландова поэма прямо примыкаетъ къ сказкѣ объ единорогѣ:

Ein tier hat grinwelichen zorn,
des alle jegere grûwet, daz ist der einhorn;
man jagte in lange, in getorfte nieman vahen.
Doch vieng in, als ist mir geseit,
ein edele, reine, lûter, unbevollen meit,
seht, dâ begunde ez siner müede nâhen:
er leit sich in der meide schôz
unt gap sich âne wunden ir gevangen [1]).

Это представленіе было любимымъ мотивомъ XV ст. — Генрихъ фонъ Лауфенбергъ упоминаетъ объ этой сказкѣ въ своемъ стихотвореніи о рожденіи Іисуса Христа:

Der einhürn hüt gevangen ist
in mägden schos mit grossem list,
der ist gewesen ihessus wist,
die maget du, Maria bist.

[1]) v. d. Hagen Minnes. Th. 11, S. 368.

Реформація не уничтожила сказки объ единорогѣ: мотивы ея встрѣчаются въ XVI ст. въ одной церковной пѣснѣ, передѣланной со свѣтской, съ небольшими измѣненіями; она не требуетъ уже переложенія, языкъ ея удобопонятенъ:

Es wolt gut Jäger jagen
wol (wohl) in des Himels thron,
was begegnet jhm auff der Heyden?
Maria die Jungkfray schon.
Den Jäger den ich meine
der is ves wol bekant.
err jagt mit einem Engel,
Gabriel ist ers genant.
Der Engel bliess ein hörnlein,
es laut sich (tonte) also wol:
Gegrüsset sevest du, Maria,
du bist aller gnaden voll. u. s. w. [1])

Одновременно съ этими стихотвореніями сказка объ охотѣ на единорога перешла и въ область пластическаго искусства. Древнѣйшій памятникъ этого содержанія находится въ одной монастырской рукописи (antiphonarius) XII ст.; подобною же миніатюрою украшалась до XVI ст. вышеприведенная церковная пѣснь. Первое скульптурное произведеніе относится также къ началу XII ст.—въ гмюндской (Gmünd) церкви св. Іоанна. Но лишь съ XIV вѣка встрѣчаются изображенія полной охоты съ четырьмя собаками. Это изображалось такъ: св. Марія въ видѣ прекрасной женщины съ распущенными волосами стоитъ на колѣняхъ; на головѣ у нея вѣнецъ, надъ вѣнцемъ голубь; руками она обнимаетъ голову единорога, переднія лапы котораго покоятся на колѣняхъ Маріи; позади — Архангелъ Гавріилъ: въ лѣвой рукѣ у него рогъ, въ который онъ трубитъ; изъ рога вылетаетъ извѣстное привѣтствіе: ave gratia plena deus tecum; въ правой — четыре собаки на сворѣ, въ зубахъ у каждой свертокъ, на которомъ написана одна изъ четырехъ сестеръ добродѣтелей св. Бернарда — Veritas, Pax, Misericordia и Justitia. Значеніе этихъ четырехъ добродѣтелей до настоящаго времени не было понято и лишь впервые разъяснено Пиперомъ, при помощи притчи св. Бернарда, — они обозначаютъ божественныя качества,

[1]) Wackernagel, l. c., S. 127.

при помощи которыхъ разрѣшился вопросъ о воплощеніи: праведности божіей (justitia и veritas) и любви (pax и misericordia) къ падшему человѣчеству было достаточно, чтобъ Богъ-Сынъ принялъ плоть человѣческую.

Объясненіе мистеріи воплощенія, предложенное св. Бернардомъ, пережило реформацію: въ 1562, въ Витенбергѣ появилось драматическое сочиненіе Луки Майена (Lucas Maien) — Ein Schöne vund newe Comedien, Von der wunderbarlichen vereinigung Göttlicher gerechtigkeit und barmhertzigkeit, wie dieselben in der seligkeit, und erlösung des Menschen, zusammenkomen, und in Gottes gericht vermischt werden, aus S. Bernhards genomen, Sampt derselbigen Predigt S. Bernhardi, von der Menschwerdung Christi, verdeutscht und zusamen gezogen. И не только въ XVI ст., мысль св. Бернарда можно услѣдить въ объясненіи мистеріи воплощенія позднѣйшими вѣками; но эти объясненія, касаясь уже вопроса чисто теологическимъ образомъ, не могутъ имѣть здѣсь мѣста.

V.

Въ 6-мъ № Соврем. Лѣтоп. за нынѣшній годъ помѣщено письмо Буслаева «Изъ Праги», отъ 8 февр. (27 янв.), въ которомъ преимущественное вниманіе обращено на христіанскій музей, основанный Пиперомъ при берлинскомъ университетѣ.

Этотъ христіанскій музей, «основанный для пособія въ преподованіи богословія въ связи съ христіанскимъ искусствомъ», особенно интересовалъ Буслаева «какъ вообще по важности въ ученомъ отношеніи», такъ и потому, что, по мнѣнію Буслаева, «для удовлетворенія господствующихъ на Руси религіозныхъ потребностей, рано ли, подно ли, придется и у насъ основать подобный же музей». При основаніи въ Россіи подобныхъ музеевъ, «мы русскіе, воспользовавшись историческою системою христіанскаго музея при берлинскомъ университетѣ и внесши все общехристіанское и существенно важное изъ позднѣйшихъ вѣковъ, мы, подобно музею Пипера, должны дать своему музею свой мѣстный и національный характеръ». Далѣе Буслаевъ высказываетъ цѣль учрежденія подобныхъ музеевъ: «такой музей можетъ быть отличною школою и центромъ для предполагаемаго у насъ иконописнаго братства или для какого либо другаго подобнаго учрежденія, имѣющаго своею цѣлью поддержаніе и развитіе въ народѣ религіозно-художественныхъ идей». Это довольно скромное назначеніе христіанскаго музея, какъ школы и

мѣста засѣданія иконописнаго братства, должно принять вскорѣ самое широкое развитіе: «такіе музеи могутъ быть заведены сначала при университетахъ, при академіи художествъ (гдѣ уже положено начало такому собранію), при иконописномъ братствѣ; потомъ они распространятся дальше, появятся въ свѣтскихъ и духовныхъ школахъ. Наглядное обученіе, сообщаемое такимъ музеемъ, можетъ быть доступно даже простому народу».

Всякая потребность, господствующая въ народѣ, должна быть удовлетворена, и «рано ли, поздно ли», но чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше — потребность не ждетъ: преступленіе есть лишь послѣдствіе неудовлетворенной потребности; неудовлетвореніе же религіозной потребности влечетъ за собою самыя тяжелыя для народной жизни, трудно переживаемыя послѣдствія — отщепенство, расколъ, ересь. Для удовлетворенія религіозной потребности на Руси, Буслаевъ предлагаетъ устроить, подобно тому какъ то Пиперъ сдѣлалъ въ Берлинѣ, при русскихъ университетахъ «поэтическое собраніе памятниковъ христіанскихъ, столько же для изученія богословія и искусства, сколько для внушенія молодымъ умамъ художественнаго воодушевленія въ религіозномъ духѣ».

Наука никогда еще не становилась въ разрѣзъ, не шла противъ религіи, понимаемой въ строгомъ, серьозномъ ея значеніи; напротивъ того, ничто иное какъ наука доставила возможность въ до-христіанскомъ мірѣ — болѣе и болѣе приближаться къ чистымъ понятіямъ объ одной великой причинѣ, какъ краеугольномъ камнѣ религіи, въ христіанскомъ — дѣлала болѣе и болѣе доступными великія истины высочайшей изъ религій. И взглядъ Буслаева, что удовлетвореніе религіозныхъ потребностей народа должно исходить изъ университетовъ, какъ нельзя болѣе вѣренъ и справедливъ: дѣйствительно, одна лишь наука способна на столь великое и трудное дѣло; съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться. Но вѣрное вообще, положеніе это становится ложнымъ по отношенію къ Россіи и русскимъ университетамъ, находящимся въ особомъ положеніе. При русскихъ университетахъ нѣтъ теологическаго факультета; устройство христіанскихъ музеевъ, имѣющихъ цѣлью быть пособіемъ при изученіи исторической части теологіи, въ университетахъ, въ которыхъ неизвѣстна теологія какъ наука, — является аномаліей, положительною невозможностію [1]): это равняется устройству

[1]) Съ этимъ вполнѣ согласенъ и здѣшній проф. Пиперъ; но смотря на этотъ вопросъ съ совершенно особенной точки зрѣнія, Пиперъ находитъ, что подобные

анатомическихъ музеевъ при нашихъ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ. Берлинскій университетъ съ самаго основанія считалъ теологическій факультетъ одною изъ своихъ частей и лишь не очень давно открытъ при немъ христіанскій музей,—но устраивать христіанскій музей ранѣе теологическаго факультета не представляется никакой возможности.

Говорить о христіанскихъ музеяхъ въ «свѣтскихъ и духовныхъ школахъ», по нашему крайнему разумѣнію, совершенно излишне: вопросъ этотъ могъ быть поднятъ здѣсь на западѣ, гдѣ на каждомъ шагу чувствуется, что тутъ прошла уже исторія, гдѣ чувствуется память чего-то, гдѣ вѣками собрана довольно тяжелая масса извѣстнаго рода традицій, отъ которыхъ человѣку не всегда легко освободиться; тѣмъ не менѣе, подобнымъ народнымъ музеямъ можно навѣрное предсказать неуспѣхъ даже въ Пруссіи. Не станемъ же подымать въ Россіи, непричастной въ этомъ отношеніи традиціямъ запада, старый вопросъ, такъ безпокоющій немолодую уже Европу.

Еще одно, послѣднее замѣчаніе. Въ настоящемъ отчетѣ я не разъ уже имѣлъ случай упоминать объ евангелическомъ календарѣ (Ewangelischer Kalender), издаваемомъ Пиперомъ; упоминая объ этомъ календарѣ, Буслаевъ прибавляетъ: «Нашъ русскій Календарь, нѣтъ сомнѣнія, необыкновенно много выигралъ бы, если бы, по примѣру Пиперова Евангелическаго, ежегодно пускалъ въ оборотъ многочисленной публики свѣдѣнія о русскихъ святыняхъ, объ иконописи, о древностяхъ христіанскихъ и т. д.». Въ этой же статьѣ Буслаевъ обращаетъ особенное вниманіе на евангелическій календарь нынѣшняго года, по поводу помѣщенной въ этой книжкѣ статьи Пипера «Римъ, вѣчный городъ» (Rom, die ewige Stadt).

Нашъ русскій календарь имѣетъ много недостатковъ; Буслаевъ находитъ, что онъ въ нѣкоторомъ отношеніи можетъ быть исправленъ евангелическимъ календаремъ Пипера; обратимъ на это вниманіе и, для сравненія этихъ календарей, посмотримъ на книжки 1864 года; избираемъ именно ту книжку евангелическаго календаря, на которую указываетъ Буслаевъ и которая дѣйствительно дѣльнѣе всѣхъ предъидущихъ годовъ.

музеи должны имѣть мѣсто при русскихъ университетахъ, какъ историческое пособіе для изученія среднихъ вѣковъ. Тутъ есть большая доля правды, но вопросъ до того измѣненъ, что, откровенно сознаваясь, мы еще не въ состояніи дать на него какой либо положительный отвѣтъ.

Въ евангелическомъ календарѣ на 1864 г. помѣщены: 1) церковный и астрономическій календарь на 1864 годъ съ объясненіями (стр. 1—14); 2) Римъ, вѣчный городъ, статья Пипера (стр. 17—120) и 3) жизнеописаніе двѣнадцати святыхъ и другихъ слугъ христіанской церкви (стр. 120—220). — Въ русскомъ мѣсяцесловѣ на 1864 г. помѣщены, кромѣ неизмѣнныхъ отдѣловъ нашего календаря, слѣдующія статьи: 1) Куликовская битва, Н. И. Костомарова (стр. 1—24) и 2) О первоначальномъ состояніи человѣка въ Европѣ, Ак. К. М. Бэра (стр. 25—65).

Календарь—книга универсальная, общепонятная. Въ послѣдней книжкѣ евангелическаго календаря, за исключеніемъ статей, которыя писаны для извѣстнаго рода читателей, одна лишь статья Пипера — Римъ, вѣчный городъ — можетъ обратить на себя вниманіе; мы о ней уже упоминали: это серьозная, ученая статья, отличающаяся всѣми достоинствами самостоятельнаго труда; за нее будутъ благодарны ея автору спеціалисты-археологи, но, конечно, публика — говорю о той германской публикѣ, для которой издается евангелическій календарь — ее не прочтетъ, она недостаточно подготовлена для подобнаго чтенія; короче, это вовсе не календарная статья. Относительно же статей, помѣщенныхъ въ русскомъ календарѣ на 1864 г., мы осмѣливаемся утверждать, что во всѣхъ пятнадцати книжкахъ евангелическаго календаря не найдется ни одной статьи, которая могла бы быть поставлена даже на ряду со статьей Бэра. Многое можно сказать противъ «Куликовской битвы»; но какъ поэтическій разсказъ объ одной изъ народныхъ святынь, статья эта конечно произведетъ болѣе благопріятное вліяніе, чѣмъ всѣ жизнеописанія, такъ щедро помѣщаемыя въ евангелическомъ календарѣ.

Намъ заимствовать изъ евангелическаго календаря нечего, и незачѣмъ ставить намъ его въ примѣръ; еванг. календарь имѣетъ свою спеціальную цѣль. Серьозная и глубокая ученость Пипера заставляетъ обращать на нее вниманіе; но на немъ-то по преимуществу отразился теологизмъ евангелическаго исповѣданія, составляющій символъ вѣры его издателя. Разъ ставъ на эту точку, изъ которой онъ исходитъ, Пиперъ дѣйствительно «съ спокойнымъ сознаніемъ и душевной ясностію» преслѣдуетъ свою цѣль и съ этой стороны онъ правъ и достоинъ подражанія; но его евангелическій календарь можетъ служить примѣромъ для нашего русскаго календаря лишь по своей цѣлесообразности, но не по самой цѣли. Всегда

чуткіе къ хорошимъ сторонамъ западной жизни, мы безъ негодованія изучаемъ и ея темныя, гнилыя складки, которымъ исторія даетъ не только объясненіе, но даже оправданіе; но изучаемъ мы ихъ не для подражанія, скорѣе въ предостереженіе. Безспорно, содержаніе еванг. календаря чрезвычайно важно; но оно на столько спеціально, что не можетъ имѣть мѣста въ русскомъ календарѣ. Да и незачѣмъ русскому календарю вдаваться именно въ эту спеціальность: ему есть что̀ сказать русскому народу, есть на чемъ остановить вниманіе здраваго русскаго смысла. Татарское иго и крѣпостное право, уже ставшія окаменѣлыми преданіями иной эпохи, оставили за собой громадный матеріалъ, и съ нимъ-то народъ долженъ быть прежде всего ознакомленъ, чтобъ они послужили ему какъ предостереженіе, и уже въ этомъ смыслѣ стали-бы святынями народной жизни.

Берлинъ, $\frac{\text{5-го апрѣля}}{\text{24-го марта}}$ 1864 года.

30) Старшаго учителя Василья Васильевскаго.

(О занятіяхъ за мѣсяцы январь, февраль и мартъ 1864 года).

Въ прошедшемъ отчетѣ я сказалъ, что занятія мои въ этотъ періодъ времени будутъ главнымъ образомъ домашнія, т. е. независимыя отъ университета. Это я имѣлъ въ виду, когда и мѣстомъ своего пребыванія избиралъ Лейпцигъ. Тамошній университетъ не считаетъ въ составѣ своемъ ни одного изъ современныхъ корифеевъ исторической науки въ Германіи. Курсы не подходили даже къ плану моихъ главныхъ занятій, который образовался у меня послѣ двухъ семестровъ, проведенныхъ при берлинскомъ университетѣ. Лекціи Рошера по политической экономіи входили въ него только не прямымъ образомъ. А отъ исторической семинаріи Вутке, въ которой онъ занимался разборомъ источниковъ для нѣмецкой исторіи, я долженъ былъ положительно отказаться.

Я вполнѣ сознаю, что кромѣ пріобрѣтенія положительныхъ, фактическихъ знаній, кромѣ оживляющаго и возбуждающаго къ мысли и труду вліянія самыхъ лекцій, читаемыхъ такими учеными, какъ Моммзенъ, Ранке, Дройзенъ и др., кромѣ расширяющаго пониманіе знакомства съ политическимъ и соціальнымъ положеніемъ той или другой страны (исторію которой можетъ быть и придется потомъ преподавать), кромѣ очень выгодной возможности слѣдить или на-

чать слѣдить за ходомъ ученой литературы въ самомъ центрѣ ученой дѣятельности, что кромѣ этихъ и другихъ выгодъ занятіе при германскихъ университетахъ даетъ драгоцѣнную возможность — знакомиться подъ руководствомъ опытныхъ мастеровъ историческаго искусства съ самыми пріемами, техникой науки. Этому послѣднему даже удобнѣе учиться не у первостепенныхъ знаменитостей, не въ большихъ университетахъ. Во всякомъ изъ нихъ существуютъ конверсаторіи, упражненія въ исторической критикѣ и пр. — Но, разумѣется, подобнаго рода занятія только тогда могутъ быть вполнѣ серьезными и полезными, когда участвующіе въ нихъ достаточно владѣютъ матеріаломъ и приносятъ полный интересъ къ дѣлу. Нельзя, конечно, изучать основательно дѣло, не учившись пріемамъ, какъ изучаютъ; но также точно нельзя и не мыслимо изучать одни пріемы безъ матеріала, безъ интереса къ дѣлу, къ тому, что̀ достигается пріемами. Въ частности и въ приложеніи къ себѣ — я долженъ сознаться, что и интересъ къ спеціальному изученію нѣмецкой исторіи у меня не успѣлъ пробудиться, и знакомство съ первоначальными источниками германской исторіи я считаю менѣе полезнымъ для себя, чѣмъ изученіе источниковъ древней.

Въ послѣднее время я остановился преимущественно на изученіи Поливія и Тацита — именно двухъ писателей, которые, сколько мнѣ извѣстно, менѣе всего разработывались критикой исторической, не избираются, или, по крайней мѣрѣ, не избирались предметомъ спеціальныхъ курсовъ. Между прочимъ можетъ быть и потому, что они считались болѣе легкими, не представляли на каждомъ шагу спорныхъ и затруднительныхъ вопросовъ, гдѣ бы могъ найдти приложеніе весь громадный аппаратъ нѣмецкой филологической учености. Разумѣется, что у насъ ради этой самой причины они всего удобнѣе могли бы быть избраны орудіемъ для знакомства и съ древней исторіей, и съ пріемами ея изученія, съ критикой источниковъ. По грѣхамъ нашимъ, по грѣхамъ отцовъ и дѣдовъ нашихъ — русскіе историки — не всегда сильные филологи.

Ученая литература о Поливіѣ сравнительно не очень богата. Я успѣлъ познакомиться съ трудами Нитша (Polybius. Zur Geschichte antiker Politik und Historiographie), Вурма (der politische Standpunkt des Polybius), Лароша (Characteristik des Polybius), Маркгаузера (der Geschichtsschreiber Polybius, seine Weltanschauung und Staatslehre), Брандштеттера (die Geschichten des Aetolischen Landes, Volkes und Bundes, nebst historiographischer Abhandlung über Polybius). Сочиненій

Мерлекера (de rebus Achaicis libri III, и Geschichte des achäisch—ätolischen Bundesgenossenkrieges) и Лукаса (über Polybius' Darstellung des Ätolischen Bundes) я не могъ до сихъ поръ найдти. Все это — сочиненія не новыя (послѣднее Маркгаузера 1858 г.) и потому, конечно, извѣстныя всѣмъ, кому приходилось заниматься этимъ предметомъ. Не останавливаясь на нихъ, я укажу на вещь очень полезную, съ которой я познакомился случайно. Это — итальянскій переводъ Поливія d. Cohen'a (Le Storie di Polybio da Megalopoli volgarizzate sul testo greco dello Schweighäuser e corredate di note dal dottore Cohen). Изданіе Швейгейзера—чрезвычайно дорого и недоступно. Другія — безъ критико-историческихъ примѣчаній. Нѣмецкій переводчикъ Поливія—Гаакъ отказался не только отъ своего первоначальнаго плана — издать переводъ съ подробными комментаріями, съ приложеніемъ картъ, плановъ, монетъ, но и отъ даннаго въ первой книжкѣ обѣщанія присоединить по крайней мѣрѣ краткія указанія для тѣхъ, кто хочетъ болѣе внимательно изучать автора. О французской обработкѣ Дом-Тилльe и Фоляра, перепечатанной въ Bibliothèque historique et militaire, Гаакъ отзывается очень дурно. Слѣдовательно, переводъ Cohen'a — съ чрезвычайно богатыми и обстоятельными объясненіями, касающимися текста и, главнымъ образомъ, вещественнаго содержанія — драгоцѣнное пособіе для историческаго изученія Поливія. Онъ изданъ, между прочимъ, вмѣстѣ съ сочиненіями Маккіавелли, Гвиччардини, Чезаре Бальбо, Маколея и пр. въ очень замѣчательной и дешевой «популярной (!) библіотекѣ писателей древнихъ и новыхъ» въ Туринѣ.

При чтеніи Поливія параллельно съ Титомъ Ливіемъ я долженъ былъ естественно остановиться на вопросѣ объ отношеніи Ливія къ Поливію. Фактъ большой зависимости Ливія отъ Поливія бросается въ глаза самъ собой, при первомъ, поверхностномъ знакомствѣ съ обоими. Но для исторической критики конечно мало одного общаго предположенія, что Ливій вмѣстѣ съ другими источниками пользовался и Поливіемъ. Нужно было точнѣе опредѣлить объемъ и способъ пользованія. Въ этомъ частномъ случаѣ—вопросъ тѣмъ интереснѣе и тѣмъ важнѣе, что изъ всѣхъ источниковъ, которыми пользовался Ливій, отъ одного Поливія до насъ дошла значительная по крайней мѣрѣ часть его произведеній. Методъ, которымъ пользовался главный римскій историкъ при своей работѣ, происхожденіе и образованіе его исторіи, ея достовѣрность и достоинство — всѣ эти вопросы могутъ быть рѣшены, слѣдовательно,

только изъ сравненія обработки Ливія съ сохранившимися частями Поливія. До сихъ поръ главнымъ пособіемъ при изученіи этого вопроса были труды Лахмана. Но, не смотря на ихъ большое достоинство, точнаго и положительнаго рѣшенія въ нихъ нѣтъ. Въ прошедшемъ году явились два замѣчательныхъ изслѣдованія по этому вопросу: Nissen, kritische Untersuchungen über die Quellen der vierten und fünften Decade des Livius (Berlin, 1863) и Peter, Livius und Polybius—Über die Quellen des XXI und XXII Buchs des Livius (Halle, 1863). Первое особенно заслуживаетъ большаго вниманія. Чтобъ показать это, я не много остановлюсь на немъ. Вотъ къ какому — въ высшей степени интересному заключенію — приходитъ Ниссенъ послѣ внимательнаго, микроскопическаго сличенія тѣхъ частей въ четвертой и пятой декадѣ Ливія, которыя имѣютъ одно содержаніе съ фрагментами Поливія — отношенія Рима къ эллино-восточному міру. «Послѣ всесторонняго разсмотрѣнія оказывается, что всѣ выдѣленные отрывки (у Ливія) о римско-эллинистской исторіи принадлежатъ вполнѣ Поливію. Масса матеріала, которая говоритъ о *простомъ переводѣ* (Ливіемъ Поливія) такъ велика и при внимательномъ изученіи дѣйствуетъ такъ убѣдительно, что уже и прежніе филологи замѣтили фактъ полной зависимости Ливія отъ Поливія. Спрашивается только, какъ объяснить этотъ фактъ. Рейске по своему обыкновенію очень рѣзко отзывается о такой обработкѣ источниковъ, другіе называли Ливія плагіаторомъ, Валезій — обезьяной Поливія... Въ настоящее время взглядъ на отношенія Ливія къ своимъ источникамъ, и спеціально къ Поливію, основывается на работахъ Лахмана. Но отъ систематической исторической критики Лахманъ былъ далекъ, и притомъ допустилъ важную ошибку, принимая, что Поливій уже съ начала 3-й декады, служилъ главнымъ источникомъ для Ливія съ XXI декады, и опредѣляя по этому методъ пользованія изъ сравненія 3-й книги Поливія съ XXI и XXII Ливія. Еще хуже, когда нѣкоторые начинаютъ въ ошибкахъ, стилистическихъ и риторическихъ измѣненіяхъ, которыя дѣлаетъ Ливій при переводѣ, находить таинственное вліяніе глубокой учености, кропотливое пользованіе неизвѣстными намъ источниками. Приписывая такіе пріемы Ливію, безсознательно наносятъ бо́льшую несправедливость его памяти, чѣмъ Валезій и др. Ливій не есть плагіаторъ, еще менѣе фокусникъ между историками. Онъ просто стоитъ подъ вліяніемъ того же основнаго закона, который господствуетъ во всей исторіографіи — до развитія

новой науки. Ранке первый и на цѣломъ рядѣ писателей XV и XVI вѣка блестящимъ образомъ показалъ, какъ они пользуются трудами своихъ предшественниковъ, просто выписывая изъ нихъ. За нимъ Штенцель, Пертцъ, Дальманъ, Лаппенбергъ, Вайцъ, Зибель, Гизебрехтъ — преслѣдовали этотъ принципъ далѣе, и еще болѣе подтвердили его. Онъ сдѣлался основнымъ, краеугольнымъ камнемъ, на которомъ основываются критическіе труды германистовъ. Если критика средневѣковыхъ источниковъ въ слѣдствіе большой массы матеріала, находящагося въ распоряженіи, и грубой формы, въ которой указанный законъ прилагается, гораздо легче, чѣмъ историческихъ преданій древности, то можно бы, кажется, ожидать, что бо́льшая трудность вполнѣ будетъ уравновѣшена болѣе многочисленными рабочими силами, обращенными на разработку древности. На дѣлѣ было не такъ. Съ разныхъ сторонъ выставлялось предположеніе, что принципъ пользованія источниками, открытый на средневѣковыхъ хронистахъ, имѣетъ силу и въ приложеніи къ древней исторіографіи. Многочисленные факты говорили въ пользу этой ипотезы, но положительно она не была до сихъ поръ доказана. Вопросъ объ источникахъ того или другаго писателя трактовался обыкновенно съ совершенно общихъ точекъ зрѣнія, выходя изъ недоказанныхъ предположеній. Только послѣдовательная историческая критика, при недостаткѣ внѣшнихъ пособій, сходящая до послѣднихъ мелочей, обнимающая съ другой стороны довольно большую сферу, можетъ дать значительные и вѣрные результаты. Изъ предшествовавшаго изслѣдованія оказалось, что Ливій большую часть 4 и 5-й декады взялъ безъ существенныхъ измѣненій изъ Полвія. Этотъ фактъ прямо ведетъ къ заключенію, что и другими источниками онъ пользовался точно также, т. е. просто выписывалъ, дѣлая только стилистическія измѣненія — въ латинскихъ. Сравненіе и повѣрка нѣсколькихъ источниковъ одного за другимъ, предложенія за предложеніемъ, въ древности было почти невозможно уже въ слѣдствіе техническихъ трудностей: нужно только представить себѣ неудобный форматъ свитковъ; при томъ никакого раздѣленія на главы, обозначенія страницъ, никакихъ указателей. Равнымъ образомъ невозможно — по крайней мѣрѣ на долгое время — только по памяти выработывать изъ различныхъ представленій свое собственное. Слѣдовательно, оставалось положить въ основаніе одинъ главный источникъ, и потомъ исправлять его по другимъ, или по собственному усмотрѣнію.

Такимъ образомъ авторъ давалъ только улучшенное изданіе своего главнаго источника, если взять близкое намъ сравненіе. Естественно, что такой пріемъ могъ прилагаться къ каждому опредѣленному отдѣлу, и главные руководители могли мѣняться. Но изъ такъ обработанныхъ отдѣловъ выростала постепенно книга, изъ книгъ цѣлое произведеніе». Этотъ же самый самый способъ работы можно найдти у Діодора, Аппіана, Павзанія, Діона Кассія.

На основаніи своихъ изслѣдованій объ отношеніи Ливія къ Поливію и къ анналистамъ, Ниссенъ анализируетъ потомъ во второй части сочиненія всѣ 15-ть книгъ (XXXI—XLV) Ливіевой исторіи, разлагая ихъ на составныя части, указывая, что̀ принадлежитъ Поливію и что̀ римскимъ анналистамъ. Нечего говорить, какъ это можетъ быть полезно при историческихъ работахъ.

Петеръ выходитъ, какъ уже видно изъ заглавія его изслѣдованія, изъ другаго пункта. Онъ принимаетъ мнѣніе Лахмана и старается доказать его болѣе подробнымъ и систематическимъ образомъ. Если бъ ему удалось доказать, что Ливій въ самомъ дѣлѣ началъ пользоваться Поливіемъ, какъ главнымъ источникомъ, уже съ XXI книги, то, очевидно, и взглядъ Ниссена былъ бы сильно поколебленъ въ той самой обѣщающей и, нужно думать, плодотворной для будущихъ трудовъ сущности, которую я передалъ выше*). Тогда нужно будетъ допустить все таки гораздо большую долю самостоятельности у Ливія. Но я замѣчу только то, что большое сходство Поливія и Ливія съ начала третьей декады нужно доказывать, и потомъ, когда оно будетъ доказано, развѣ не допускаетъ оно другихъ объясненій? Напр., объясненіе Нитша, что тотъ и другой, и Поливій и Т. Ливій, пользовались однимъ общимъ источникомъ—Фабіемъ Пикторомъ. Я не нахожу, что Петеръ вполнѣ устранилъ это объясненіе. Не вѣрнѣе ли точка исхода у Ниссена? Сомнѣнія въ томъ, что Поливій былъ источникомъ для Тита Ливія въ четвертой и пятой декадѣ, быть не можетъ, тѣмъ болѣе, что Т. Ливій самъ ссылается на него, цитируетъ нѣсколько разъ (чего въ третьей декадѣ онъ не дѣлаетъ). Поэтому не лучше ли тщательно опредѣлить пріемы, способъ и признаки ливіевыхъ заимствованій, и перейдти отсюда къ вопросу объ отношеніи Патавина

*) Нужно, впрочемъ, замѣтить, что оба сочиненія не имѣютъ никакого прямаго отношенія одно къ другому. Они писаны и вышли въ одно время.

къ Поливію? На чрезвычайно проницательномъ и остроумномъ изслѣдованіи Ниссена мы видимъ, что неудобство — только фрагментарныхъ остатковъ Поливіевой прагматіи въ части, соотвѣтствующей XXXI — XLV книгамъ Ливія, не уничтожаетъ возможности дойдти до твердыхъ и положительныхъ результатовъ.

Кстати здѣсь припомнить, что трудолюбивый директоръ королевской школы въ Пфортѣ написалъ также въ прошедшемъ году книжку, посвященную спеціально разбору Моммзена, т. е. его римской исторіи. Въ числѣ самыхъ тяжелыхъ обвиненій, по счастію вовсе несправедливыхъ, онъ укоряетъ Моммзена въ произвольномъ, неправильномъ обращеніи съ источниками. Для доказательства онъ разбираетъ именно начало второй пунической войны, сличая разсказъ Моммзена съ источниками. Здѣсь опять играетъ большую роль то предположеніе — недоказанное, по моему убѣжденію — что Титъ Ливій и Поливій стоятъ въ самомъ тѣсномъ отношеніи между собой. Я могу позволить себѣ привести примѣръ, въ какой степени справедливы иногда упреки Петера. Онъ говоритъ, что Моммзенъ въ самомъ началѣ допускаетъ произвольное, отступающее отъ источниковъ, предположеніе о самостоятельномъ, независимомъ положеніи Баркидовъ въ Испаніи. Но 1) всѣ источники говорятъ, что Гамилькаръ передалъ команду въ Испаніи сначала своему зятю Газдрубалу, потомъ она переходитъ къ сыну перваго, Аннибалу. То, что такія отношенія частныхъ лицъ къ государству бываютъ вредны — ничего не доказываетъ; 2) потомъ Фабій прямо говоритъ въ мѣстѣ приводимомъ у Поливія (III, 8), что Аннибалъ началъ войну противъ воли кароагенскаго правительства, и въ разсказѣ Ливія этотъ взглядъ очень часто выступаетъ на видъ... Или, что̀ касается сраженія при Требіи, то Нибуръ, Кронъ, Нимейеръ, Cohen — тоже принимаютъ, что поле сраженія было на лѣвомъ берегу... То обвиненіе, что книга Моммзена можетъ быть вредна для школы, по меньшей мѣрѣ странно. Если, напр., изъ книги Моммзена выходитъ и такая печальная истина, что Macht geht vor Recht, какъ сказалъ прусскій министръ палатѣ, то Моммзенъ нисколько не виноватъ, если такъ было въ римской исторіи.

Іена, 5-го апрѣля 1864 года.

31) Кандидата Дмитрія Лебедева.

Во вторую половину зимняго семестра я продолжалъ заниматься въ Карлсруэвской политехнической школѣ теоріею машинъ и теоріею ихъ построенія. Большая часть времени моихъ занятій была посвящена послѣдней, вслѣдствіе самаго метода ея изученія, который главнымъ образомъ состоитъ въ практическихъ занятіяхъ рѣшеніемъ задачъ о построеніи машинъ.

Несовершенства науки о машинахъ вообще, проистекающія частію отъ недостаточной извѣстности физическихъ и химическихъ свойствъ тѣхъ веществъ, которыя употребляются какъ матеріалы для постройки машинъ, частію же и отъ невозможности выразить всѣ уже извѣстныя свойства языкомъ анализа, дѣлаютъ теорію построенія машинъ наукою полуэмпирическою. Многія правила этой науки, даже нѣкоторыя изъ тѣхъ, которыя касаются самыхъ элементарныхъ частей машинъ, найдены ощупью (напр., правила построенія винтовъ); другія же, имѣющія теоретическое основаніе, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ должны быть измѣнены, и предѣлы этого измѣненія указываются только практикою.

Если къ сказанному прибавимъ еще то, что требованія, которымъ должны удовлетворять нѣкоторыя части машинъ, не вполнѣ достаточны для опредѣленія ихъ формы, то будетъ ясно, что при построеніи машинъ весьма многое зависитъ отъ опытности и вкуса конструктора. При такомъ состояніи науки о построеніи машинъ, единственный надежный способъ изучить ее основательно состоитъ въ составленіи проектовъ машинъ подъ руководствомъ опытнаго въ своемъ дѣлѣ конструктора.

Въ теченіе первой половины зимняго семестра и перваго мѣсяца второй я вычертилъ: два винта (одинъ съ плоскими нарѣзками, другой съ острыми), различныя соединенія помощью винтовъ, соединенія помощью заклепокъ, пять родовъ сочлененій валовъ, обыкновенную подушку для лежачаго вала съ точкою опоры внизу, двѣ подушки съ опорою сверху, подушку для стоячаго вала, подушку съ конической выстилкою для горизонтальнаго вала, подушку для турбины, сложную подушку для трехъ горизонтальныхъ валовъ, изъ коихъ два лежатъ по одному направленію, а третій перпендикуляренъ къ нимъ, нѣсколько шатуновъ, двѣ рукоятки (одна для случая желѣзнаго вала, а другая для чугуннаго), кривошипъ, нѣсколько видовъ Kreuzkopf, два эксцентрика, четыре

коромысла и различные роды зубчатыхъ колесъ, поршней и клапановъ.

Ознакомившись такимъ образомъ вполнѣ съ построеніемъ простыхъ частей машинъ для всѣхъ важнѣйшихъ случаевъ, я перешелъ въ февралѣ къ рѣшенію задачъ о построеніи цѣлыхъ машинъ. Оставивъ пока въ сторонѣ водяныя колеса, турбины и машины, приводимыя въ движеніе человѣческою силою, я занялся непосредственно паровыми машинами, какъ болѣе сложными и болѣе важными. Приступая къ рѣшенію задачъ о построеніи цѣлыхъ машинъ, я обратился къ конструктору школы, г. Scheep'у, съ просьбою руководить моими занятіями. Готовность, съ которою онъ уступилъ моей просьбѣ, и вниманіе, которое онъ оказывалъ мнѣ во все время моихъ занятій, заставляютъ меня искренно благодарить его.

Онъ далъ мнѣ задачу построить простую горизонтальную машину высокаго давленія безъ расширенія и безъ сгущенія, съ полезнымъ дѣйствіемъ въ 6-ть лошадиныхъ силъ.

Образцомъ общаго расположенія частей должна была служить одна изъ машинъ эттлингеской бумагопрядильной фабрики въ 3,5 силъ.

Руководствуясь сочиненіями Редтенбахера (Resultate für den Maschinenbau) и Рюло (der Constructeur), я принялъ для различныхъ частей заданной мнѣ машины слѣдующіе размѣры:

	сантим.
діаметръ пароваго цилиндра	18
высота его	38
толщина стѣнокъ	1,8
толщина стержня пароваго поршня	5
длина шатуна	90
толщина его въ срединѣ	4,4
діаметръ вала	6
длина рукоятки	15
діаметръ оси регулятора	1,44
діаметръ его шаровъ	5,4
длина ручекъ маятниковъ	18
число оборотовъ регулятора въ 1″	74
радіусъ фрикціоннаго круга вала	6,6
радіусъ такого же круга на стержнѣ регулятора	5,4
длина всей машины	180

Сообразуясь съ машиною эттлингеской фабрики, я проектировалъ цилиндръ, подставку всей машины и подушку вала, какъ одно

цѣлое, консоль же регулятора, какъ отдѣльную часть. Паровой поршень я проектировалъ наипростѣйшаго — шведскаго устройства.

Составленіе чертежей различныхъ деталей этой машины заняло у меня все время послѣднихъ недѣль семестра. Составленіемъ же чертежа всей машины въ $1/3$ ея настоящей величины я занимаюсь въ настоящее время.

Вычисленія и составленія чертежей машинъ составляли, такъ сказать, практическую сторону моихъ занятій. Кромѣ этого я посѣщалъ лекціи Грасгофа о теоріи машинъ на 1-мъ и на 2-мъ курсахъ и о теоріи построенія машинъ на первомъ.

Въ предъидущемъ моемъ отчетѣ я писалъ, что лекціи построенія машинъ читались до новаго года конструкторомъ школы, г. Scheep'омъ. Съ новаго же года этотъ предметъ перешелъ къ Грасгофу.

Грасгофъ избралъ предметомъ своихъ чтеній о теоріи построенія машинъ активныя части машинъ. Въ теченіи 2-хъ мѣсяцевъ второй половины зимняго семестра онъ успѣлъ прочесть только о треніи, о сопротивленіи веревокъ и изъ частей машинъ шипы, стержни, шатуны и сочлененія валовъ.

На первомъ курсѣ, въ теоріи машинъ, онъ читалъ теорію сгибанія кривыхъ пластинокъ и, какъ приложеніе ея, теорію цѣпей и крюковъ. Послѣ того онъ перешелъ къ сложной твердости т. е. къ равновѣсію упругаго тѣла, подверженнаго дѣйствію какихъ нибудь внѣшнихъ силъ. До окончанія семестра онъ успѣлъ вывести только такъ называемыя уравненія равновѣсія элементарнаго параллелепипеда.

На второмъ курсѣ Грасгофъ читалъ объ устройствѣ печей, о прохожденіи тепла черезъ стѣнки сосудовъ, о котлахъ паровыхъ машинъ и теорію распредѣленія пара.

Парижъ, $\frac{\text{21-го марта}}{\text{2-го апрѣля}}$ 1864 года.

32) Старшаго учителя А. Ильина.

(О занятіяхъ съ 23-го декабря 1863 по 1-е апрѣля 1864 г.).

Въ предъидущемъ моемъ отчетѣ, отъ 23-го декабря минувшаго года, я сообщалъ о томъ, что посѣщаю лекціи г. профессора Шейбнера по теоріи эллиптическихъ функцій и опредѣленныхъ интеграловъ. Я продолжалъ посѣщать ихъ до окончанія семестра въ

здѣшнемъ университетѣ (15-го марта) и постараюсь теперь сдѣлать очеркъ содержанія ихъ въ послѣдніе три мѣсяца семестра. Я уже упоминалъ о томъ, какой планъ изложенія принялъ г. Шейбнеръ, и что успѣлъ онъ изложить въ первые два мѣсяца. Приведя съ большою подробностью изслѣдованія о разложеніи въ ряды функціи $\psi(x, h) = (1 - e^{2x\pi i})(1 - e^{2h\pi i}e^{2x\pi i})(1 - e^{4h\pi i}e^{2x\pi i}) \ldots$ in inf., и особенно подробно разобравъ свойства четырехъ частныхъ случаевъ этой функціи, соотвѣтствующихъ положеніямъ $x = h$, $\frac{h}{2}$, $h + \frac{1}{2}$, $\frac{h+1}{2}$ и ихъ видоизмѣненіямъ, давъ выраженія въ видѣ рядовъ для ихъ произведеній, степеней, отношеній и логариѳмовъ, г. Шейбнеръ изложилъ за тѣмъ вопросъ о преобразованіи функцій $\psi(h, h)$, $\psi(\frac{h}{2}, h)$, $\psi(h + \frac{1}{2}, h)$, $\psi(\frac{h+1}{2}, h)$ и главнѣйшихъ ихъ комбинацій въ другія, подобныя же, но съ другимъ аргументомъ, связаннымъ съ прежними извѣстными условіями. Преобразованія этого рода послужили какъ средство усиливать сходимость выведенныхъ имъ рядовъ, и основаніемъ къ переходу къ опредѣленнымъ эллиптическимъ интеграламъ. Послѣдняго г. Шейбнеръ достигнулъ на основаніи уравненія Якоби, связывающаго три изъ упомянутыхъ выше четырехъ функцій, и Гауссова розъисканія средней ариѳметическо-геометрической величины между попарными соединеніями ихъ. Сдѣлавъ затѣмъ нѣсколько замѣчаній о дифференціальныхъ уравненіяхъ, которымъ удовлетворяютъ эти функціи, и указавъ въ этомъ отношеніи преимущественно на труды Борхардта, г. Шейбнеръ перешелъ къ теоріи эллиптическихъ трансцендентныхъ. Основываясь на данномъ имъ прежде выраженіи, удовлетворяющемъ функціональному уравненію $\frac{\varphi(x+h)}{\varphi(x)} = \frac{\pi}{\sin \pi x}$, онъ показалъ, что всегда можетъ составить такія четыре функціи, выражающіяся рядами, попарныя отношенія которыхъ будутъ двояко-періодическія функціи, съ вещественнымъ и мнимымъ модулями періодичности, далъ выраженія въ видѣ рядовъ для этихъ четырехъ функцій, которыя Якоби назвалъ эллиптическими трансцендентными, нѣкоторыя ихъ свойства, формулы преобразованія этихъ формулъ въ подобныя же, но съ другимъ аргументомъ, формулы для произведенія двухъ и болѣе такихъ функцій. Послѣднее привело непосредственно къ дифференціальнымъ уравненіямъ, которымъ удовлетворяютъ попарныя отношенія разобранныхъ функцій, и интегрированіе которыхъ приводитъ къ эллиптическимъ интеграламъ перваго рода, чѣмъ и обнаружилась близкая связь эллип-

тическихъ функцій, опредѣляемыхъ этими интегралами, съ упомянутыми двояко-періодическими функціями. Придя такимъ путемъ къ эллиптическому интегралу перваго рода, г. Шейбнеръ показалъ, какимъ образомъ можно въ немъ самомъ открыть причину двоякой періодичности вытекающихъ изъ него эллиптическихъ функцій.

Затѣмъ онъ изложилъ теорію сложенія эллиптическихъ аргументовъ въ функціяхъ перваго рода и перешелъ къ разложенію вообще двояко-періодическихъ функцій въ ряды. Этою статьею закончился его курсъ въ прошедшемъ семестрѣ. Въ будущемъ, лѣтнемъ, семестрѣ г. Шейбнеръ предполагаетъ продолжать лекціи по тому же предмету (по 2 лекціи въ недѣлю) и развить нѣкоторыя наиболѣе важныя статьи. Методъ изложенія, котораго держался г. Шейбнеръ въ своихъ лекціяхъ, есть, по его словамъ, собственно методъ преподаванія Якоби, ученикомъ котораго былъ г. Шейбнеръ. Этотъ методъ не есть наиболѣе естественный, такъ какъ результаты, которыхъ достигли геометры въ теоріи эллиптическихъ функцій, были найдены совершенно обратнымъ путемъ изъ непосредственнаго разбора, такъ называемыхъ, эллиптическихъ интеграловъ. Способъ же этотъ изложенія ведетъ изложеніе совершенно съ обратнаго конца и приводитъ къ первоначальнымъ изслѣдованіямъ. Но нельзя не сознаться, что легкость и простота изложенія по этому способу заставляетъ предпочесть его болѣе естественному — историческому. Примѣромъ подобнаго же изложенія можетъ служить не большой, но превосходный очеркъ теоріи эллиптическихъ функцій, сдѣланный членомъ парижской академіи наукъ, Эрмитомъ, въ видѣ прибавленія къ послѣднему изданію курса дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія, Лакруа. Въ этомъ очеркѣ Эрмитъ двумя путями входитъ въ теорію эллиптическихъ функцій. Одинъ изъ этихъ путей принадлежитъ Якоби и сходенъ съ тѣмъ, котораго держался г. Шейбнеръ въ своихъ лекціяхъ, другой основывается на теоремѣ Ліувилля: цѣлая монодромная функція не можетъ имѣть болѣе одного періода и что, слѣдовательно, двояко-періодическая функція должна быть необходимо дробною, оба пути приводятъ автора къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Затѣмъ Эрмитъ излагаетъ алгебрическія соотношенія и дифференціальныя уравненія между якобіевыми эллиптическими трансцендентными H и Θ, откуда вытекаютъ три извѣстныя эллиптическія функціи. Потомъ онъ даетъ теорему Абеля, разбираетъ эллиптическія функціи втораго и третьяго вида, разложеніе въ ряды. Этотъ краткій очеркъ

(менѣе 10 листовъ) представляетъ въ изящной и легкой формѣ всѣ важнѣйшіе результаты трудовъ Абеля, Якоби, Гудерманна, Вейерстрасса и др. и, по словамъ самаго автора, содержитъ все, необходимое для изученія теоріи преобразованія эллиптическихъ функцій. Не лишнимъ считаю прибавить, что эта статья Эрмита существуетъ въ отдѣльномъ нѣмецкомъ переводѣ Natani: Uebersicht der Theorie der Elliptischen Functionen. Natani приложилъ притомъ къ переводу краткія основанія теоріи функцій мнимыхъ перемѣнныхъ, о многозначности опредѣленныхъ интеграловъ, взятыхъ между мнимыми предѣлами, о разложеніи функцій въ ряды и о приведеніи къ эллиптическимъ интеграламъ интеграловъ алгебрическихъ функцій, содержащихъ квадратный корень изъ полинома четвертой степени.

Въ лекціяхъ по теоріи опредѣленныхъ интеграловъ г. Шейбнеръ излагалъ преимущественно вопросы, бывшіе въ связи съ его лекціями по эллиптическимъ функціямъ, какъ, напримѣръ, въ изложеніи вопроса о преобразованіи эллиптическихъ трансцендентныхъ. Замѣчу еще, что хотя г. Шейбнеръ далеко не изчерпалъ предмета, выбраннаго имъ для лекцій, однако далъ богатый матеріалъ къ дальнѣйшимъ занятіямъ, и сводъ его лекцій приноситъ мнѣ въ настоящее время большую пользу въ занятіяхъ.

Къ настоящему моему отчету я хочу присоединить небольшой разборъ двухъ сочиненій, съ которыми я познакомился въ послѣднее время и которыя, по моему мнѣнію, принадлежатъ къ однимъ изъ лучшихъ изъ изданныхъ отдѣльно въ прошедшемъ году. Упомянутыя сочиненія суть: Салмона: Vorlesungen zur Einführung in die Algebra der linearen Transformationen, и Кантора: Mathematische Beiträge zum Cultur-Leben der Völker. Первое изъ этихъ сочиненій принадлежитъ собственно англійской литературѣ и издано въ нѣмецкомъ переводѣ Фидлеромъ, который равнымъ образомъ познакомилъ и съ другими сочиненіями того же автора, пользующимися большимъ авторитетомъ: аналитическою геометріею коническихъ сѣченій и аналитическою геометріею пространства. Содержаніе сочиненія Салмона есть собственно ученіе объ опредѣлителяхъ и ихъ приложеніяхъ къ такъ называемой «алгебрѣ линейныхъ преобразованій». Слѣдующее можетъ дать понятіе о ней: если мы будемъ разсматривать нѣкоторое уравненіе, какъ аналитическое выраженіе нѣкотораго геометрическаго очертанія, отнесеннаго къ нѣкоторой системѣ координатъ, то изслѣдованіе уравненія можетъ

привести насъ къ опредѣленію двоякаго рода свойствъ геометрическихъ; одни изъ нихъ могутъ быть таковы, что существуютъ только при извѣстномъ положеніи координатной системы; другія таковы, что не зависятъ отъ него. Въ послѣднемъ случаѣ алгебрическія преобразованія не могутъ имѣть вліянія на геометрическія свойства, доставляемыя изслѣдованіемъ. Способы находить аналитическія выраженія, неизмѣняющіяся съ измѣненіемъ координатной системы (инварьянты и коварьянты), служащія къ открытію геометрическихъ истинъ путемъ чистаго анализа, и составляютъ алгебру линейныхъ преобразованій, и сочиненіе Салмона предназначено служить сборникомъ свѣдѣній и методовъ для изученія геометріи съ этой точки зрѣнія. Все сочиненіе раздѣлено на 15-ть уроковъ (Vorlesungen), изъ которыхъ первые четыре содержатъ собственно ученіе объ опредѣлителяхъ и соотвѣтствуютъ первымъ восьми параграфамъ извѣстнаго сочиненія Бальцера по тому же предмету. Но въ способахъ первоначальнаго изложенія того и другаго автора мы замѣчаемъ существенную разницу. Бальцеръ очевидно имѣлъ въ виду изложить теорію опредѣлителей, независимо отъ обстоятельствъ, приведшихъ къ открытію, основываясь только на началахъ комбинатуарнаго анализа. Если этотъ взглядъ и строже, дозволяя избѣгать наведеній, и возводитъ это ученіе на степень самостоятельной теоріи, тѣмъ не менѣе, нельзя не согласиться, что при этомъ теряется бо́льшая часть ясности и простоты изложенія, такъ важныхъ для начинающихъ, для которыхъ собственно и предназначено его сочиненіе, въ чемъ я убѣдился собственнымъ опытомъ, изучая теорію опредѣлителей по этому сочиненію. Несравненно проще приступаетъ Салмонъ къ изложенію. Онъ называетъ опредѣлителемъ результатъ исключенія n перемѣнныхъ изъ n однородныхъ уравненій первой степени, выражающійся очевидно нѣкоторою функціею однихъ коеффиціентовъ уравненій. Чтобы показать видъ этой функціи, онъ тотчасъ же исключаетъ двѣ перемѣнныя изъ двухъ однородныхъ уравненій, три — изъ трехъ и т. д., тотчасъ же при этомъ изъ свойствъ уравненій выводитъ основныя свойства этой функціи изъ коеффиціентовъ и такимъ путемъ наведенія показываетъ, что и исключеніе n перемѣнныхъ изъ n однородныхъ уравненій приведетъ къ результату того же вида и тѣхъ же свойствъ. Исходя изъ того же опредѣленія, Salmon разсматриваетъ сумму и произведеніе опредѣлителей и вслѣдъ затѣмъ излагаетъ свойства ортогональныхъ подстановокъ, которыя Бальцеръ, соо-

бразно своему плану, относитъ къ числу приложеній теоріи опредѣлителей. Далѣе слѣдуютъ свойства частныхъ опредѣлителей, опредѣлителей системы элементовъ, сопряженной съ данной, симметричныхъ и косыхъ опредѣлителей. Въ объясненіяхъ Салмонъ необыкновенно простъ и ясенъ и въ этомъ отношеніи опять долженъ быть предпочтенъ Бальцеру; какъ примѣръ, могутъ служитъ 3, 4, 7 и 8 §§ сочиненія Бальцера и 3, 4 Vorlesungen Салмона. Слѣдующія главы посвящены теоріи исключенія, ученію о дискриминантахъ, инварьянтахъ и коварьянтахъ однородныхъ алгебрическихъ функцій или формъ, квадратичныхъ, кубичныхъ и биквадратичныхъ, съ двумя, тремя и четырьмя перемѣнными, и общей теоріи квадратичныхъ формъ съ n перемѣнными. Не смотря однако на всѣ достоинства изложенія и богатство собранныхъ матеріаловъ, нельзя не упомянуть объ одномъ весьма важномъ недостаткѣ сочиненія— о поражающемъ множествѣ новыхъ терминовъ и новыхъ обозначеній. Это обстоятельство созналъ и переводчикъ, старавшійся, сколько возможно, упростить терминологію автора и приложившій въ разныхъ мѣстахъ текста необходимыя объясненія. Обиліе новыхъ терминовъ чрезвычайно затрудняетъ чтеніе, и въ этомъ отношеніи сочиненіе Бальцера, сходное во многомъ съ разбираемымъ сочиненіемъ, имѣетъ несравненное преимущество. Бальцеръ самъ упоминаетъ въ введеніи къ своему сочиненію, что старался какъ можно рѣже прибѣгать къ новымъ терминамъ и обозначеніямъ, такъ какъ, по его словамъ, математическимъ наукамъ новѣйшаго времени рѣшительно угрожаетъ опасность сдѣлаться недоступными для большинства по невѣроятному обилію новыхъ терминовъ, расширяющихъ болѣе и болѣе и безъ того обширный математическій словарь. И дѣйствительно, одинъ поверхностный взглядъ на новѣйшую математическую литературу убѣждаетъ въ этомъ, а теорія опредѣлителей, ихъ приложеній, новѣйшая геометрія и особенно все выходящее изъ подъ пера англійскихъ ученыхъ представляютъ въ этомъ отношеніи блестящее подтвержденіе.

Замѣчу еще, что сочиненіе Бальцера, кромѣ этого преимущества — простоты терминологіи, важно по множеству указаній на труды ученыхъ, которыми онъ пользовался.

Перейду теперь къ другому замѣчательному труду изъ области математическо-историческихъ розъисканій, къ сочиненію д-ра Кантора: Mathematische Beiträge zum Cultur-Leben der Völker. Д-ръ Канторъ — профессоръ математики при гейдельбергскомъ университетѣ

и вмѣстѣ съ Шлемильхомъ и Калемъ издаетъ журналъ Zeitschrift für Mathematik und Physik. Многіе отрывки его сочиненія были ранѣе помѣщены въ этомъ журналѣ.

Цѣль сочиненія: представить ходъ развитія математическаго образованія народовъ. Авторъ исходитъ изъ того положенія, что умственная жизнь народовъ столь же мало представляетъ замкнутую область, какъ и ихъ политическая жизнь; что въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣ періоды, когда народы сталкивались между собою, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, пріязненныхъ или враждебныхъ, необходимо долженъ былъ происходить между ними обмѣнъ въ ихъ понятіяхъ, и что, обратно, если мы замѣчаемъ сходство въ какой либо области умственнаго развитія народовъ — это не есть случайность, но необходимое слѣдствіе или взаимнаго вліянія, или общаго происхожденія. Эта идея послужила основаніемъ къ сравнительнымъ розъисканіямъ въ области религіи, искусства и филологическимъ въ тѣсномъ смыслѣ. Очевидно, что та же идея должна подать поводъ къ сравнительнымъ изысканіямъ въ другихъ сторонахъ развитія народовъ. Весьма естественно, что при столкновеніяхъ какъ народовъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ, должны были являться такія соотношенія, которыя необходимо предполагаютъ существованіе у нихъ математическаго образованія, хотя бы въ простѣйшемъ видѣ, какъ-то главныя начала науки объ измѣреніи, счисленіи и, что прежде всего, существованіе численныхъ знаковъ. Изложить послѣдовательное развитіе этой стороны умственнаго образованія народовъ — предложилъ себѣ г. Канторъ. По его мнѣнію, прежде всего должна имѣть мѣсто исторія образованія численныхъ знаковъ; она должна служить какъ бы сѣтью, по которой можно расположить всю ткань изысканій. Частью въ хронологическомъ порядкѣ, частью въ географическомъ, тѣсно связанномъ съ первымъ, г. Канторъ излагаетъ видъ и форму знаковъ, ихъ образованіе, видоизмѣненія, способы вычисленія съ ними, развитіе геометрическихъ понятій у египтянъ, вавилонянъ, китайцевъ, индѣйцевъ, грековъ, римлянъ, арабовъ и у европейскихъ народовъ до первой половины тринадцатаго столѣтія. При этомъ необходимо вошли въ составъ сочиненія очерки жизни лицъ наиболѣе способствовавшихъ къ развитію математическихъ свѣдѣній, какъ-то Пиѳагора, Герберта, Леонарда Пизанскаго, а также многихъ другихъ, болѣе краткіе; обзоромъ ученія Леонарда Пизанскаго оканчивается сочиненіе. Въ концѣ приложены обшир-

ныя примѣчанія и указанія на источники. Авторъ представляетъ свой трудъ только, какъ попытку систематическаго изложенія разрозненныхъ изслѣдованій по этой части, и говоритъ, что по его мнѣнію многаго остается еще требовать и ожидать. Предоставляя судить объ этомъ лицамъ спеціально занимающимся подобными изслѣдованіями, мы съ своей стороны не можемъ не выразить удивленія, какъ массѣ свѣдѣній обладаемыхъ авторомъ, такъ и громадности выполненнаго имъ труда. Должно принять въ соображеніе, что въ этой части исторіи математики весьма мало существуетъ систематическихъ трудовъ, чему представляетъ препятствіе рѣдкое соединеніе въ одномъ и томъ же лицѣ математическаго и филологическаго образованія. Рѣдкій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ г. Woepke, бывшій профессоръ боннскаго университета, издавшій, сколько мнѣ извѣстно, до 18-ти сочиненій по исторіи математики. Существуютъ также по этой части труды знаменитаго французскаго геометра Шаля, а также труды французскихъ ученыхъ Vincent и Martin de Rennes и германскихъ Фридлейна, Криста, Бернацкаго и др. Появленіе сочиненія Кантора пробудило большой интересъ. Профессоръ Фридлейнъ въ послѣднемъ нумерѣ журнала Zeitschrift für Mathematik посвятилъ особую статью сравнительному обзору результатовъ, которыхъ достигли въ своихъ изслѣдованіяхъ гг. Канторъ и Woepke, несогласные между собою во многихъ отношеніяхъ, какъ напримѣръ, въ вопросѣ о происхожденіи нашей системы численныхъ знаковъ. Въ свою очередь, профессоръ Фридлейнъ не становится на сторону ни того, ни другаго, но отдаетъ должную справедливость и благодарность многосложному труду г. Кантора, представляющему большой интересъ во многихъ отношеніяхъ.

Въ заключеніе упомяну о только что появившемся трудѣ члена парижской академіи наукъ Бертрана: Traité de calcul différentiel, составляющемъ первую часть предпринятаго имъ полнаго трактата о дифференціальномъ и интегральномъ исчисленіи. Имя автора ручается за сочиненіе, и особенно интересно будетъ появленіе второй части, которая будетъ содержать интегральное исчисленіе и куда, какъ я уже сообщалъ однажды, войдутъ новѣйшія изслѣдованія по интегрированію частныхъ дифференціальныхъ уравненій.

Лейпцигъ, $\frac{\text{24-го марта}}{\text{5-го апрѣля}}$ 1864 года.

33) Старшаго учителя Аѳ. Миротворцева.

Въ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ отчетовъ своихъ я имѣлъ случай сдѣлать нѣсколько замѣчаній объ историческихъ семинаріяхъ, замѣчаній, впрочемъ, краткихъ и не совсѣмъ опредѣленныхъ, по свойству самаго предмета. Назначеніе этихъ семинарій, какъ извѣстно, состоитъ въ приготовленіи къ такъ называемой исторической критикѣ, къ умѣнью обращаться съ историческимъ матеріаломъ. Но историческая критика не есть особая наука, предполагающая опредѣленныя правила и законы обусловливаемые личнымъ взглядомъ и умѣньемъ каждаго, выборомъ предмета и проч. При лейпцигскомъ университетѣ подобныя семинаріи устроены у двухъ профессоровъ: Вутке (die Historische Gesellschaft) и Брандеса (die Germanistische Gesellschaft). Профессоръ Брандесъ недавно издалъ два отчета о своихъ занятіяхъ по семинаріи. Въ нихъ, между прочимъ, онъ доказываетъ необходимость избирать для этихъ занятій по преимуществу отечественную исторію, исключаетъ изъ нихъ новую исторію, какъ наиболѣе трудную по характеру самыхъ событій, по меньшей доступности историческаго матеріала. Болѣе удобствъ, по его мнѣнію, представляютъ, въ этомъ отношеніи, древняя и средняя исторія; почему онъ и останавливается на средневѣковой исторіи Германіи, раздѣляя ее при этомъ на 6-ть періодовъ, такъ что весь кругъ его историческихъ работъ въ семинаріи продолжается 6-ть семестровъ, или 3 года. Чтó касается до историческихъ лекцій въ этомъ университетѣ, то, какъ я уже замѣтилъ прежде, онѣ далеко не такъ замѣчательны, какъ въ другихъ университетахъ. Нѣкогда плодовитая и разносторонняя дѣятельность профессора Ваксмута принадлежитъ уже теперь къ преданіямъ ученаго міра, и его теперешнія лекціи не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ направленіемъ, которымъ отличаются его сочиненія, и съ которыми я счелъ нужнымъ болѣе или менѣе ознакомиться. Здѣсь я имѣю въ виду особенно его сочиненіе Europäische Sittengeschichte, сочиненіе не вполнѣ соотвѣтствующее своему названію, и далеко не выполняющее своей задачи, при всей огромной эрудиціи автора, чтó можно, кажется, сказать и о другомъ многотомномъ сочиненіи, посвященномъ тому же предмету, хотя и подъ другимъ названіемъ— Allgemeine Culturgeschichte der Menschheit Клемма. Безспорно, лучшимъ сочиненіемъ по этому предмету остается книга Шерра, Deutsche Kultur und Sittengeschichte, гдѣ задача ограничена одною нѣ-

мецкою исторіей, яснѣе понята, и потому лучше выполнена. Для культурной исторіи Германіи XVIII вѣка сочиненіе Карла Бидермана Deutschlands politische, materielle und sociale Zustände im 18 Jahrhundert.

Главнѣйшія мои занятія во время прошедшаго зимняго семестра относились къ исторіи реформаціи. Въ предъидущемъ году я успѣлъ ознакомиться съ реформаціей болѣе съ общей ея стороны, какъ съ явленіемъ болѣе церковнымъ, въ связи съ предшествовавшимъ вызвавшимъ ее развитіемъ, успѣлъ перейти къ исторіи Германіи въ эту эпоху, и потомъ, по общепринятому порядку, долженъ былъ обратиться къ исторіи этого явленія въ другихъ странахъ. Такимъ образомъ я остановился на исторіи Италіи въ эпоху возрожденія и во время ближайшее къ реформаціи, ограничивъ впрочемъ свои занятія главнымъ образомъ исторіей папства и флорентійской республики въ это время. Наибольшее вниманіе могъ обратить на нѣкоторыя личности папъ изъ послѣдняго періода предъ реформаціей, служившихъ представителями извѣстнаго особаго направленія въ исторіи папства, на исторію Саванароллы, которому посвящены были въ недавнее время въ итальянской исторической литературѣ очень дѣльныя изслѣдованія. Изъ нихъ ближе я успѣлъ пока ознакомиться съ книгою *Вилляри* La Storia di Girolamo Savonarola et de'suoi tempi, которая составляетъ самый полный сводъ всѣхъ научныхъ выводовъ о значеніи этой личности, съ присоединеніемъ многихъ новыхъ документовъ и сдѣланныхъ изъ нихъ заключеній. Желая современемъ ближе ознакомиться съ знаменитою школою итальянскихъ историко-политиковъ (Макіавелли, Гвичардини, Джанотти), съ характеромъ и отношеніемъ ея къ позднѣйшему времени, я приступилъ къ изученію Макіавелли, взявъ въ руководство извѣстную и дѣльную объ немъ монографію Мундта Macchiavelli und der Gang der europäischen Politik. Ознакомился съ нѣкоторыми изданіями Гашара, относящимися къ исторіи Испаніи въ эпоху реформаціи. Въ прошедшемъ году г. Гашаръ издалъ сочиненіе Don Carlos et Philippe II, которое въ связи съ другими его изданіями, относящимися къ этой эпохѣ, имѣетъ не малый интересъ. Взятая отдѣльно, книга эта представляетъ самое полное изслѣдованіе о Донъ-Карлосѣ, и кажется высказываетъ послѣднее слово о судьбѣ и значеніи этой личности, но можно сказать, на половину наполнена совершенно ненужными и довольно скучными подробностями, почему Баумгартенъ — въ Preussische Jahrbücher 1863 г., ноябрь —

замѣчаетъ, что книга написана для большаго свѣта, и высказываетъ надежду, что послѣ этой книги, и почти одновременно вышедшаго вторымъ изданіемъ сочиненія Moüy Don Carlos, и многихъ замѣчательныхъ прежнихъ (Прескотта, Мотлея и др.), изслѣдованія о Донъ-Карлосѣ можно считать поконченными. — Чрезвычайно любопытно сочиненіе, вышедшее въ Женевѣ 1862 г. подъ заглавіемъ: Quelques pages d'histoire exacte par Galiffe, изображающее состояніе религіозныхъ и политическихъ партій въ Женевѣ при Кальвинѣ, и отношеніе этого реформатора къ тогдашней національной партіи. Считая знакомство свое съ исторіею реформаціи далеко непоконченнымъ, и желая продолжать его въ принятомъ для себя порядкѣ, я въ то же время нахожу для себя наиболѣе важнымъ и необходимымъ изученіе новаго времени, т. е. по преимуществу исторіи XVIII столѣтія и слѣдующей затѣмъ эпохи, на что̀ указываетъ мнѣ и современная историческая литература, по преимуществу относящаяся къ этому времени. Но съ другой стороны, это дѣло представляетъ и наиболѣе трудностей. Для болѣе или менѣе серьезнаго пониманія этого времени, наименѣе разработаннаго, необходимо знакомство если не съ прежними, то съ вновь издающимися во множествѣ документами, мемуарами разныхъ государственныхъ людей, публицистовъ, политиковъ, экономистовъ, пріобрѣтеніе коихъ, въ полномъ ихъ составѣ, выше средствъ частнаго человѣка, по крайней мѣрѣ моихъ, но составляетъ существенную необходимость для нашихъ библіотекъ. Мои же занятія, по этому періоду, ограничивались пока чтеніемъ нѣкоторыхъ общихъ сочиненій и знакомствомъ съ нѣкоторыми вновь выходящими наиболѣе важными, пополняющими пробѣлы въ прежнихъ изслѣдованіяхъ.

Изъ нихъ считаю не лишнимъ указать особенно на слѣдующія: Les Assemblées provinciales sous Louis XVI par M. Leonce de Lavergne; часть этого сочиненія печаталась прежде въ видѣ отдѣльныхъ статей, въ Revue des Deux-Mondes. Другое сочиненіе относящееся къ тому же времени, но о другомъ предметѣ, Шассена Les Élections de 1789. Помимо разности политическихъ взглядовъ и убѣжденій авторовъ — экономиста и историка — обѣ книги серьезно научнаго достоинства, но послѣдняя, сколько мнѣ кажется, во многихъ отношеніяхъ, выше первой, такъ что самъ г. де Лавернь, въ одной изъ книжекъ Revue des Deux-Mondes, отзывается объ ней съ почтительнымъ уваженіемъ, хотя получилъ прежде довольно безцеремонный отзывъ о своей книгѣ отъ Шассена. Въ нѣкоторыхъ изъ рецензій,

помѣщавшихся въ разныхъ газетахъ и журналахъ на книгу Шассена, упрекаютъ автора, между прочимъ, за то, что онъ, поставляя себѣ задачею изобразить избирательное движеніе во Франціи предъ 1789, счелъ нужнымъ ограничиться, главнымъ образомъ, выборами парижскими и ліонскими, чтó иначе сдѣлано въ книгѣ Лаверня, относительно его предмета; но это-то преимущество послѣдней книги и дѣлаетъ ее особенно сухою, монотонною. Между тѣмъ, книга Шассена написана ясно и занимательно, изложена сжато и строго-научно, и снабжена многими чрезвычайно любопытными документами. Очень полезна также, особенно при двухъ первыхъ, книга Мерилю Les Parlements de France depuis Philippe le Bel jusqu'en 1789, par Mérilhou. Я не успѣлъ еще внимательно просмотрѣть эту книгу, но могу сказать, что она гораздо интереснѣе другихъ книгъ объ этомъ предметѣ, излагаетъ исторію этого учрежденія не отдѣльно, а въ связи съ общею государственною жизнію Франціи. — Обращаю также вниманіе на книгу Бернгарди Geschichte Russlands und der europäischen Politik in den Jahren 1814 — 1831, составляющую продолженіе общей государственной исторіи новѣйшаго времени, изъ которой до сихъ поръ явились: Рохау, исторія Франціи отъ 1814—1852, 2 части; Рейхлина исторія Италіи, 2 части; Шпрингера исторія Австріи отъ 1809 г. Бернгарди не касается внутренней исторіи Россіи, но изображаетъ только исторію русской политики съ 1814, и отношеніе ея къ европейскимъ дѣламъ, и вообще излагаетъ совершенно спокойно и не враждебно для Россіи. Особенно живо изображена дѣятельность Вѣнскаго конгресса, съ большимъ знаніемъ дѣла и тонкимъ пониманіемъ мудреныхъ политическихъ комбинацій. Упоминаемыя мною сочиненія, равно и другая болѣе спеціальная монографія, требовали бы подробнаго разбора, но я считаю это болѣе удобнымъ сдѣлать въ видѣ отдѣльныхъ статей. Остальное время я намѣренъ заниматься въ Берлинѣ, и, если позволятъ обстоятельства, сдѣлать экскурсію въ другіе ближайшіе университетскіе города, чтó я предполагалъ сдѣлать изъ Лейпцига, но по разстроившемуся состоянію здоровья не могъ исполнить.

Берлинъ, 5-го апрѣля 1864 года.

34) Кандидата К. Нейлисова.

Въ теченіе второй половины зимняго семестра я продолжалъ слушать лекціи упомянутыхъ мною въ послѣднемъ отчетѣ профес-

соровъ, изъ которыхъ Гауптъ окончилъ объясненіе Аристофановыхъ птицъ, Бёкъ прочиталъ государственныя древности Крита, Спарты и Аѳинъ, а Момзенъ довелъ исторію римскихъ императоровъ до Марка Аврелія. Послѣ представленной мною въ послѣднемъ отчетѣ характеристики этихъ профессоровъ, теперь мнѣ почти ничего не остается говорить о нихъ, и потому я ограничусь нѣсколькими словами на счетъ профессора Гаупта.

Лекціи этого профессора въ высшей степени полезны и занимательны, но для того чтобы быть надлежащимъ образомъ поняты, предполагаютъ достаточное приготовленіе и довольно значительный запасъ свѣдѣній со стороны слушателей. Требуя отъ своихъ слушателей точнаго и основательнаго знакомства съ греческою грамматикою, онъ при чтеніи Аристофана объясняетъ только нѣкоторыя трудныя конструкціи и обороты, а главное вниманіе обращаетъ на разборъ различія чтеній въ рукописяхъ и на сдѣланныя новѣйшими учеными конъектуры. Такимъ образомъ онъ излагаетъ исторію и литературу каждаго почти стиха и показываетъ сколько стоитъ трудовъ и усилій, чтобы возстановить правильный текстъ и устранить многочисленныя ошибки, вкравшіяся уже въ древнее время. Что́ касается Аристофана, то многія еще мѣста остаются темными и неисправленными, и нѣтъ никакой даже надежды на удовлетворительное ихъ объясненіе, пока не будутъ открыты новыя какія нибудь рукописи этого автора. Школа голландскихъ филологовъ новѣйшаго времени, во главѣ которыхъ стоитъ Кобетъ, много занималась критикою Аристофанова текста. Кобетъ оказалъ въ этомъ отношеніи большія услуги, но всѣ почти его послѣдователи страдаютъ тѣмъ недостаткомъ, что они вездѣ подозрѣваютъ испорченность и во что бы то ни стало хотятъ исправлять. Гауптъ весьма часто разбиралъ конъектуры этихъ ученыхъ, съ цѣлію предостеречь слушателей отъ такихъ опрометчивыхъ попытокъ, которыя обращаютъ критику въ игрушку и ставятъ ее на ту степень субъективности, на которой она находилась передъ Бентлеемъ. Разумная критика состоитъ въ томъ, чтобы держаться дипломатически переданнаго чтенія до тѣхъ поръ, пока точныя доказательства не убѣдятъ въ его невѣрности и ошибочности. Но критическое направленіе лекцій Гаупта никогда не доходитъ до сухости и убивающей мелочности; напротивъ, онъ никогда не упускаетъ изъ вида и эстетической стороны. Здѣсь онъ обращаетъ вниманіе на характеры дѣйствующихъ лицъ, отъ вѣрнаго пониманія которыхъ часто зави-

ситъ и вѣрное распредѣленіе стиховъ, на основную идею комедіи, которая не смотря на всѣ эпизоды послѣдовательно проводится до самаго конца, на возвышенную поэзію, господствующую въ хорическихъ пѣсняхъ. Но есть у Аристофана и слабыя мѣста, остроты посредственныя и натянутыя, которыя впрочемъ объясняются тѣмъ, что поэтъ, хорошо зная вкусъ своей публики, долженъ былъ иногда приносить ему дань и потому прибѣгалъ къ средствамъ, которыя въ строгомъ смыслѣ не могутъ быть названы художественными. Вообще прослушавъ у Гаупта объясненіе одной Аристофановой комедіи, достаточно можно ознакомиться съ пріемами, потребными для критическаго занятія этимъ авторомъ. Главнѣйшія замѣчанія, сдѣланныя Гауптомъ при объясненіи «Птицъ», я прилагаю при настоящемъ отчетѣ въ отдѣльномъ приложеніи.

Домашнія мои занятія состоятъ преимущественно въ изученіи греческихъ трагиковъ и ораторовъ, изъ которыхъ послѣдніе очень важны и для древностей. При изученіи трагиковъ я убѣдился въ необходимости ближе познакомиться съ наукою метрики, безъ которой невозможно вѣрно понимать лирическія части трагедій, какъ относительно критики текста, такъ и относительно здѣсь преимущественно проявляющейся гармоніи между содержаніемъ и формою. Потому я намѣренъ въ теченіе лѣтняго семестра слушать этотъ предметъ у профессора Бёка.

Сверхъ того я продолжалъ посѣщать здѣшнія гимназіи, чтобы ознакомиться ближе съ методомъ преподаванія въ нихъ древнихъ языковъ. Успѣхи учениковъ въ этомъ предметѣ зависятъ, сколько я могъ замѣтить, главнымъ образомъ отъ слѣдующихъ причинъ: 1) отъ значительнаго числа положенныхъ на этотъ предметъ уроковъ, 2) отъ обилія руководствъ и пособій, на что училищныя начальства обращаютъ большое вниманіе, 3) отъ отличной подготовки преподавателей, изъ которыхъ каждый обладаетъ обширными и основательными въ своемъ предметѣ свѣдѣніями. Притомъ преподаватели не стѣснены никакою программою, но пользуются совершенною свободою примѣняться къ потребностямъ и развитію своего класса. При такомъ способѣ преподаванія разумѣется не можетъ быть строго ученой послѣдовательности и точно опредѣленнаго масштаба требуемыхъ отъ учениковъ свѣдѣній, но это нисколько не вредитъ преподаванію, такъ какъ въ двухъ послѣднихъ классахъ ученики имѣютъ случай выполнить всѣ пробѣлы. Здѣсь же они повторяютъ грамматику, особенно синтаксисъ, въ

систематическомъ порядкѣ. При этомъ случаѣ я долженъ замѣтить, что грамматика Крюгера, не смотря на большія ея достоинства, для гимназій оказывается несоотвѣтственною. Строгая система, проведенная въ этомъ руководствѣ до малѣйшихъ даже подробностей, съ трудомъ только можетъ быть понята учениками; кромѣ того, при наведеніи справокъ, они совершенно теряются среди множества приводимыхъ примѣровъ. Наконецъ, при этихъ примѣрахъ не выставлены подлежащія главы и параграфы изъ греческихъ авторовъ, что̀ затрудняетъ отыскиваніе этихъ примѣровъ въ самыхъ источникахъ. Такое мнѣніе о грамматикѣ Крюгера я слышалъ уже отъ профессора Ричля, а что̀ касается Гаупта, то онъ отзывается объ ней гораздо еще невыгоднѣе, въ свойственныхъ ему рѣзкихъ выраженіяхъ. Отличнымъ руководствомъ я считаю грамматику Курціуса, которая однако здѣсь вовсе не употребляется, такъ какъ многіе филологи считаютъ положительно вреднымъ вносить въ гимназическое преподаваніе древнихъ языковъ какіе бы то ни было, хотя самые вѣрные и неопровержимые выводы и результаты сравнительной лингвистики. Это мнѣніе опровергнулъ впрочемъ самъ Курціусъ въ изданныхъ имъ въ прошедшемъ году «Erläuterungen zu meiner griechischen Schulgrammatik», гдѣ авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, какимъ образомъ должно пользоваться его руководствомъ. Вообще, сколько мнѣ кажется, изъ всѣхъ существующихъ въ Германіи греческихъ грамматикъ руководство Курціуса удобнѣе другихъ можетъ быть примѣнено къ потребностямъ русскихъ гимназій.

Берлинъ, $^{11}/_{23}$ марта 1864 года.

Приложеніе.

Замѣчанія къ птицамъ Аристофана.

Ст. 548. Въ большей части прежнихъ изданій стоитъ *ἀλλά τί χρὴ δρᾶν σοδίδασκε παρών*, что̀ грамматически правильно, такъ какъ въ косвенномъ вопросѣ (quaestio obliqua) можетъ стоять не только *ὅστις* но и *τίς* напр. *εἰπέ μοι, ὅστις εἶ* или *τίς εἶ*. Но Брункъ нашелъ въ сличенномъ имъ Cod. Parisin. *ἀλλ ὅ τι χρὴ δρᾶν*, что̀ и принято въ текстъ всѣми слѣдующими издателями. Какъ написалъ Аристофанъ, *τί* или *ὅ τι*, этого разумѣется нельзя рѣшить, да наконецъ это и все равно; но чтеніе *ὅ τι* болѣе удостовѣрено дипломатическими доказательствами. Кромѣ Paris. оно стоитъ еще въ Rav. и Venet., а *τί* въ болѣе молодыхъ рукописяхъ.

Ст. 551 и слѣд. . . . . *τὸν ἀέρα* . . . . .

περιτειχίζειν μεγάλαις πιλίνθοις ὀπταῖς ὥσπερ Βαβυλῶνα, т. е. *ὥσπερ Βαβυλὼν περιτετειχισμένη ἐστίν*, сжатость выраженія или извѣстнаго рода аттракція, нерѣдко встрѣчающаяся и у прозаиковъ. Вообще аттракція, въ обширномъ смыслѣ этого слова, есть неточность грамматической конструкціи, и происходитъ оттого, что извѣстное слово въ рѣчи оказываетъ вліяніе и на тѣ слова, которыя въ строго грамматическомъ смыслѣ не должны бы были отъ него зависѣть. Такъ въ нашемъ стихѣ глаголъ *περειτειχίζειν* управляетъ не только словами *τὸν ἀέρα* и *πᾶν τουτὶ τὸ μεταξύ*, но распространяетъ свою силу и на слова *ὥσπερ Βαβυλῶνα*, которыя собственно должны бы были составлять отдѣльное предложеніе. Принимаемая въ такомъ смыслѣ, аттракція почти совпадаетъ съ такъ называемою *ἔλλειψις* или *βραχυλογία*.

Ст. 553. *ὦ Κεβριόνα καὶ Πορφυρίων ὡς σμερδαλέον τὸ πόλισμα.*

Πορφυρίων имя одного изъ гигантовъ, воевавшихъ противъ олимпійскихъ боговъ. О Кебріонѣ схоліастъ говоритъ, что онъ также былъ гигантъ. Но такъ какъ ни у Гезіода, ни у Эсхила, вообще ни у одного писателя, упоминающаго о гигантомахіи, не встрѣчаемъ никакого гиганта этого имени, то извѣстіе схоліаста дѣлается болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Не смотря на то, Берглеръ, а за нимъ нѣкоторые другіе комментаторы, объясняютъ этотъ стихъ такъ: сооруженное вами (птицами) укрѣпленіе будетъ для боговъ такъ страшно, какъ были страшны гиганты Кебріонъ и Порфиріонъ. Это объясненіе, влагающее въ слова Аристофана такой смыслъ, какого въ нихъ вовсе нѣтъ, очевидно проистекаетъ оттого, что Берглеръ слишкомъ много повѣрилъ схоліасту. Ужъ гораздо проще то объясненіе, по которому Евельпидъ, вмѣсто того, чтобы сказать вообще, «о птицы» и проч., называетъ двухъ отдѣльныхъ птицъ, какъ бы представителей цѣлаго птичьяго рода. Дѣйствительно, птица *πορφυρίων* встрѣчается въ нашей же комедіи, но о птицѣ *κεβριόνης* мы ровно ничего не знаемъ: она вымышлена новѣйшими учеными. Потому и это объясненіе неудовлетворительно, и приведенный здѣсь стихъ остается темнымъ. Достовѣрно только то, что Аристофанъ намекаетъ здѣсь на какое нибудь мѣсто неизвѣстнаго намъ драматика или лирика, что̀ должно заключать изъ долготы буквы *ε* передъ *βρ*. У трагиковъ эти буквы производятъ позицію въ нѣкоторыхъ именахъ собственныхъ, а у комиковъ только тогда, когда они пародируютъ слова другаго писателя. Первый обратилъ вниманіе на этотъ предметъ Порсонъ. Слово *πόλισμα*, какъ

показалъ Германнъ въ примѣчаніяхъ къ Эврипидовымъ Финикіянкамъ, значитъ собственно городскія укрѣпленія, munimentum urbis.

Ст. 555. Въ прежнихъ изданіяхъ состояло κἂν μὲν μὴ 'φῇ (отъ ἐφίημι) μηδ' ἐθελήσῃ и т. д., что́ Брункъ перемѣнилъ на φῇ. Слова μὴ φάναι составляютъ одно понятіе и означаютъ отказывать, negare. Рукописи въ этомъ случаѣ не могутъ служить критеріей, потому что въ нихъ стоятъ однѣ буквы, ΦΗΙ, безъ всякихъ удареній, но Брункова конъектура даетъ несравненно лучшій смыслъ. Смова μὴ φῇ μηδ' ἐθελήσῃ почти формулическое выраженіе.

Ст. 565 и слѣд.—Схоліастъ замѣчаетъ, что Аристофанъ посвящаетъ Афродитѣ птицу φαληρίς, такъ какъ звукъ этого слова напоминаетъ о словѣ φαλῆς, прожорливому Геркулесу — какимъ его представляютъ комики, а отчасти и Эврипидъ въ Алкестидѣ — прожорливаго λάρος, наконецъ любострастному Зевесу любострастнаго ὀρχίλος,

Ст. 571..... κολοιούς означаетъ здѣсь вообще птицъ. Подобнымъ образомъ выше, въ ст. 480, сказано ὁ Ζεὺς ἀποδώσει τὸ σκῆπτρον τῷ δρυκολάπτῃ вмѣсто τοῖς ὄρνισιν, или въ ст. 305 послѣ ἰοὺ τῶν ὀρνέων прибавлено еще ἰοὺ τῶν κοψίχων.

Ст. 575. Этотъ стихъ въ прежнихъ изданіяхъ читается такъ:

Ἶριν δέ γ' Ὅμηρος ἔφασκ' ἰκέλην εἶναι τρήρωνι πελείῃ,

но такъ какъ Гомеръ (Il. V, 778) ничего подобнаго не говоритъ объ Иридѣ, а только о Юнонѣ и Аѳинѣ, при томъ не уподобляетъ этихъ богинь голубямъ, а только ихъ походку сравниваетъ съ полетомъ голубей — τὼ δὲ βάτην τρήρωσι πελειάσιν ἴθμαθ' ὁμοῖαι — то уже Брункъ Ἶριν перемѣнилъ въ Ἥρην, а изъ εἶναι сдѣлалъ ἴέναι. Мейнеке, еще ближе къ гомеровскому выраженію, пишетъ βῆναι. Гауптъ замѣчаетъ только, что непремѣнно должно писать Ἥραν и πελείᾳ, такъ какъ Аристофанъ, не съ точностью цитируя слова Гомера, а приводя только ихъ содержаніе, никакъ не могъ употребить іонической формы. — Слѣдующій стихъ (576) Мейнеке приписываетъ еще Питетеру. Но если бы Питетеръ, упомянувъ, что летаютъ Гермесъ, Эротъ и другіе боги, окончилъ свою аргументацію такъ ὁ Ζεὺς δ' ἡμῖν οὐ βροντήσας πέμπει—конъектура Кёхли вмѣсто рукописнаго πέμψει — πτερόεντα κεραυνόν, то эти слова были бы очень вялы, и не совсѣмъ даже понятны. Изъ того, что молнія называется крылатою, еще ничего не слѣдуетъ; вѣдь молнія не богъ, и ничего не доказываетъ въ пользу крылатости боговъ. Потому Гауптъ, удерживая рукопис-

ное πέμψει, цѣлый этотъ стихъ влагаетъ въ уста Евельпиду. Тогда смыслъ совершенно ясенъ: послѣ доказательства Питетера, что боги крылаты, Евельпидъ съ свойственною его характеру смѣшною глупостью говоритъ «чтобы только Зевесъ не поразилъ насъ крылатою молніею».

Ст. 579. Въ словѣ ἀγρῶν буква α употреблена долгою передъ γρ, что комики позволяютъ себѣ только, когда пародируютъ стихи лириковъ или трагиковъ. Но слова ἐκ τῶν ἀγρῶν ἀνακάψαι, заключающія столь обыкновенную мысль, и притомъ выраженную въ столь прозаической формѣ, едва ли приличествовали высокому слогу лирики или трагедіи. Потому Гауптъ находитъ невозможнымъ видѣть здѣсь пародію, и вмѣсто ἀγρῶν читаетъ ἔργων. Слово это означаетъ между прочимъ обработанное поле (ἄροτος, arvum), и употребляется въ этомъ смыслѣ не только у Гезіода, но и въ прозѣ, напр. у Ксенофонта.

Ст. 586. Мѣсто очевидно испорченное, удовлетворительное исправленіе котораго однако еще не удалось. Питетеръ говоритъ: а ежели тебя (корифея) люди будутъ считать богомъ, Жизнію, или Геей, или Кроносомъ, или Посидономъ, то они будутъ пользоваться благами и т. д. — Олицетвореніе жизни (βίος) довольно странно; не менѣе странно, что при исчисленіи боговъ ничего не говорится о Зевесѣ. Потому очень вѣроятно, что вмѣсто βίον стояло одно изъ именъ Зевеса; но какъ именно написалъ Аристофанъ, трудно рѣшить. Беркъ вмѣсто σὲ θεὸν σὲ βίον предлагаетъ ὕπατον σὲ θεόν, Кёхли σὲ θεὸν σ' Ἅιδην, но эти конъектуры слишкомъ смѣлы; кромѣ того, о богѣ Ἅιδης здѣсь не можетъ быть рѣчи, потому что этотъ богъ непріязненъ людямъ, и отъ него они не могутъ ожидать ничего добраго.

Ст. 591..... ἀγέλη μία κιχλῶν. Здѣсь буквы χλ составляютъ позицію, что не согласуется съ просодіею комиковъ; потому должно принять конъектуру Добре, который пишетъ κίγκλων (отъ nomin. κίγκλος). Должно также замѣтить, что дрозды (κίχλαι) питаются не насѣкомыми (κνῖπες καί ψῆνες), но растеніями и ягодами. Потому Эпихармъ называетъ ихъ τὰς ἐλαιοφιλοφάγους κιχήλας.

Ст. 593. Вмѣсто τὰ μέταλλ' и въ слѣдующемъ стихѣ τάς τ' ἐμπορίας Кобетъ предлагаетъ τὰ μὲν ἄλλ' и τὰς δ' ἐμπορίας. Но нѣтъ никакой необходимости отступать отъ рукописнаго чтенія, которое даетъ самый прекрасный смыслъ. И схоліастъ читалъ μέταλλα, что видно изъ его объясненія, гдѣ онъ упоминаетъ о Лаврійскихъ рудникахъ.

Ст. 604. Этотъ стихъ, довольно испорченный въ рукописяхъ, Мейнеке пишетъ такъ: *ἢν εὖ πράττωσ᾽, οὐχ ὑγίεὶ, αὖ μεγάλη τοῦτ᾽ ἐστί σάφ᾽ ἴσθι*, гдѣ одно слово *αὖ* нѣсколько тяжело и натянуто — извѣстно, какъ часто уже въ древности это слово было вставляемо для выполненія стиха; гораздо удовлетворительнѣе чтеніе Кобета *ἢν εὖ πράττωσ ὀυχὶ μεγάλη τοῦτ᾽ ἐσθ᾽ ὑγίεια* и т. д.

Ст. 608. *παρ᾽ ὅτου;* принадлежитъ Беккеру; въ рукописяхъ невѣрно стоитъ *παρὰ τοῦ;* ежели вопрошаемый повторяетъ слова вопрошающаго, то въ этомъ случаѣ употребляются не вопросительныя мѣстоименія и нарѣчія, но неопредѣленныя, слѣдовательно не *τίς, ποῦ* и т. д., но *ὅστις, ὅπου* и проч. Это должно объяснить тѣмъ, что отвѣтъ вопрошаемаго есть собственно косвенный вопросъ. Напр. *τίς εἶ;* — *ὅστις;* то есть *ἐρωτᾷς ἐμε ὅστις εἰμί.* Такъ на вопросъ Стрепсіада (Arist. Nub. 214) *ἢ Λακεδαίμων ποῦ᾽σθ᾽;* ученикъ Сократа отвѣчаетъ *ὅπου᾽ στίν;* или (ibid. 1248) *ΣΤΡΕΨ. τουτὶ τί ἐστι; ΠΑΣΙΑΣ τοῦθ᾽ ὅ τι ἐστί;* и проч. Согласно этому правилу должны быть исправлены тѣ немногія мѣста у Аристофана, гдѣ въ подобныхъ вопросахъ еще осталось вопросительное мѣстоименіе или нарѣчіе.

Ст. 609. Аристофанъ говоритъ о воронѣ, что она живетъ *πέντ᾽ ἀνδρῶν γενεάς*, не *ἐννεα* какъ сказано у Гезіода, очевидно потому, что это слово не идетъ въ стихъ. Слѣдовательно, замѣчаніе схоліаста, который въ этомъ измѣненіи числа видитъ какую то остроту и говоритъ о комикѣ, что онъ *ψεύδεται ποίζων*, одно только пустословіе. Вообще, уже въ древности, въ каждомъ словѣ Аристофана хотѣли непремѣнно открыть остроту. Объясненія древнихъ грамматиковъ иногда чрезвычайно странны и даже нелѣпы; иногда они стараются объяснить вещи совершенно случайныя и потому не допускающія никакого объясненія. Въ примѣръ привожу здѣсь разсказъ грамматика Апіона о его разговорѣ съ явившеюся ему, вставшею изъ гроба, тѣнью Гомера. На вопросъ Апіона, почему Иліада начинается словомъ *μῆνιν*, Гомеръ отвѣчалъ, что онъ съ перваго же раза хотѣлъ показать, сколько всего онъ напишетъ пѣсней (*μή*—48)!

Ст. 619..... *ὡς Ἄμμων᾽ ἐλθόντες*, вмѣсто находящагося въ прежнихъ изданіяхъ *εἰς Ἄμμων᾽*, пишетъ Мейнеке на основаніи лучшихъ рукописей. Древніе Аттики, то есть трагики, комики и Ѳукидидъ, выражали направленіе къ лицу предлогами *ἐπί, πρός, ὡς*, и нѣтъ ни одного достовѣрнаго примѣра въ пользу употребленія въ этомъ смыслѣ предлога *εἰς*. Потому можно сказать *εἰς Ἄμμωνος* (scil. *ἱερόν*), *εἰς*

διδασκάλου (scil. οἰκίαν), но говорится ἐπί, πρός или ὡς Ἄμμωνα, διδάσκαλον и проч.

Ст. 623. ἀνατείνοντες τῷ χεῖρ Мейнеке, вмѣсто ἀνατείναντες. Причастіе аориста никогда не выражаетъ сопровождающаго обстоятельства, но только дѣйствіе предшествующее выраженному главнымъ глаголомъ дѣйствію. Ἀνατείνοντες τῷ χεῖρ совершенно соотвѣтствуетъ нашему «съ поднятыми руками», или латинскому porrectis manibus, между тѣмъ какъ ἀνατείναντες значитъ собственно «предварительно поднявъ руки», posteaquam manus porreximus. Что́ касается латинскаго прошедшаго причастія въ конструкціи ablat. absol., то первый Титъ Ливій началъ употреблять его для выраженія сопровождающаго обстоятельства. См. примѣчанія Вейсенборна къ Ливію, l. 21, c. 1.

Ст. 624. ἀγαθῶν διδόναι τὸ μέρος (слѣдующую мнѣ долю, partem quae mihi obtingere debet) Мейнеке, вмѣсто τι μέρος. И схоліастъ, какъ видно изъ его объясненія, τὸ πρέπον μόριον, читалъ τὸ μέρος.

Ст. 634. ἐαν σύ..... ἴῃς поправилъ Порсонъ. Въ рукописяхъ желательное наклоненіе ἴοις, которое никакъ не можетъ стоять при союзѣ ἐάν. Кромѣ того, въ рукописяхъ ἦν, къ чему Германнъ по требованію стиха прибавилъ частицу περ — ἦν περ, однако конъектура Мейнеке ἐάν гораздо легче и заслуживаетъ преимущество.

Ст. 638..... ἐνὶ σοὶ τάδε πάντ' ἀνάκειται Гамакеръ, вмѣсто ἐπὶ σοί и т. д. Ἀνακεῖσθαι по смыслу то же что́ ἀνατεθεῖσθαι, а этотъ глаголъ принимаетъ дальнѣйшее дополненіе въ дательномъ падежѣ (ἀνατιθέναι τί τινι), напр. въ ст. 546 нашей комедіи ἀναθεὶς σοι τὰ νοττία, или Nub. 1453 ὑμῖν ἀναθεὶς ἅπαντα τἀμὰ πράγματα и проч.

Ст. 639. Рукописное чтеніе οὐχὶ νυστάζειν ἔτι ὥρα даетъ очень хорошій смыслъ и грамматически совершенно правильно; потому Порсонъ безъ всякой необходимости вставилъ γ' между νυστάζειν и ἔτι, единственно на томъ основаніи, что Плутархъ (vit. Nic. 8) приводитъ этотъ стихъ въ такомъ видѣ. Однако у Плутарха слова эти испорчены—у него стоитъ νυστάζειν γέ πω, не дающее никакого смысла, а кромѣ того Плутархъ, приводя этотъ стихъ едва ли справлялся съ экземпляромъ Аристофановыхъ комедій, а просто полагался на свою память, причемъ онъ легко могъ измѣнить что нибудь. Потому непремѣнно должно слѣдовать рукописямъ, тѣмъ болѣе что частица ἔ была бы здѣсь вовсе неумѣстна.

Ст. 641. Соединеніе частицъ δὲ τε у комиковъ неупотребительно; потому Мейнеке пишетъ πρῶτον δέ γε εἰσέλθετ' и т. д. Но гораздо лучше конъектура Рейзига πρῶτον δ' ἴτε, εἰσέλθετ' и проч.

Ст. 644. *καὶ τοὔνομ' ἡμῖν φράσατον* — и скажите каждый свое имя — совершенно привильно и удостовѣрено всѣми рукописями. Не смотря на это, голландецъ Герверденъ, безъ всякаго основанія, требуетъ здѣсь двойственнаго числа и пишетъ *τὼνόματ'*. Очень ясно, что подобнаго рода конъектуры только искажаютъ текстъ. Впрочемъ, этимъ недостаткомъ страдаютъ почти всѣ послѣдователи Кобета. Опроверженіемъ Герверденовой конъектуры могутъ между прочимъ служить слова Аполлонія Родосскаго, который, приступая къ исчисленію Аргонавтовъ говоритъ *νῦν ὄνομα μυθησαίμην ἄν*, не *ὀνόματα*.

Ст. 656. . . . . *ἄγε δὴ Ξανθία*
καὶ Μανόδωρε λαμβάνετε τὰ στρώματα.

Въ Равеннской рукописи стоитъ при этихъ стихахъ объясненіе *ὀνόματα τῶν θεραπόντων τῶν μετὰ Πειθεταίρου καὶ Εὐελπέδου ἀφιγμένων*, и на основаніи этой схоліи всѣ издатели принимаютъ, что Питетеръ и Евельпидъ являются на сцену въ сопровожденіи двухъ рабовъ. Но весьма странно было бы предположить, что въ продолженіе цѣлой сцены рабы ровно ничего не дѣлаютъ: вѣдь Питетеръ и Евельпидъ сами несутъ всѣ свои приборы (ст. 43 и слѣд.); когда имъ угрожаетъ опасность отъ птичьяго хора, они не призываютъ рабовъ въ помощь; наконецъ они вооружаются сами противъ птицъ (ст. 357 и слѣд.), безъ всякаго содѣйствія со стороны рабовъ. Потому Дройзенъ совершенно справедливо говоритъ, что эти слова Питетера обращены не къ пришедшимъ съ нимъ рабамъ, но къ театральнымъ служителямъ, которые выходятъ и уносятъ снаряды обоихъ Аѳинянъ, теперь уже ненужные на сценѣ. Точно такое же мнѣніе, независимо отъ Дройзена, высказалъ Германнъ въ неизданныхъ къ Аристофану примѣчаніяхъ, которыя хранятся у Гаупта. Онъ сравниваетъ это мѣсто съ подобнымъ въ комедіи «Миръ», гдѣ сидящій на большомъ жукѣ Тригей, подымаясь на воздухъ, говоритъ *μηχανοποιέ, πρόσεχε τὸν νοῦν* — машинистъ, смотри, то есть чтобъ я не ушибся.

Ст. 663. *ἐκβίβασον αὐτοῦ πρὸς θεῶν αὐτήν* (*τὴν ἀηδόνα*) и т. д. *αὐτου* зависитъ отъ *ἐκβιβάζειν*, или же можетъ быть принято за нарѣчіе — educ huc, ut sit hic. Слѣдовательно всѣ конъектуры, какъ напр. *ἐκβίβασον ὦ τᾶν πρὸς θεῶν*, или *ἐκβίβασον δῆτ' αὐτὴν πρὸς θεῶν* и проч., совершенно излишни.

Ст. 666. Вмѣсто *τοῖς ξένοις* прежнихъ изданій Мейнеке пишетъ *τοῖν ξένοιν*, такъ какъ въ цѣлой комедіи, вездѣ, гдѣ говорится о

Питетерѣ и его товарищѣ, употребляется двойственное число, напр. ст. 112, 113, 127, 317 и проч.

Ст. 671. *ἐγὼ μὲν αὐτὴν κἂν φιλῆσαί μοι δοκῶ* — частица *ἄν* при неокончательномъ наклоненіи здѣсь необходима; *ἂν φιλῆσαι*=*ὅτυ φιλησαιμ' ἄν*, точно также какъ въ ст. 669 сказано *ὅτι διαμηρίζοιμ' ἄν*.

Ст. 676 — 800. Слѣдуетъ такъ называемая парабаза (*παράβασις*), составляющая древнѣйшую часть аттической комедіи, ея основаніе и такъ сказать ядро, вокругъ котораго кристаллизировался драматическій разговоръ. Въ нашей комедіи полная парабаза, состоящая изъ всѣхъ семи частей: *κομμάτιον* (676—684), собственная *παράβασις* (685—721), *μακρόν* (723—737), *στροφη* (738—750), *ἐπίῥῥημα* (751—769), *ἀντῳδή* (770—784), *ἀντεπιῥῥημα* (785—800). Собственная парабаза называется также анапестами, потому что она по большей части бываетъ написана анапестическимъ размѣромъ.

Ст. 683. *καλλιβόαν κρέκουσ' αὐλόν* — *κρέκειν*, латинское pulsare, говорится собственно о струнныхъ инструментахъ, потомъ per catachresin и о духовыхъ. И по-латыни pulsare употребляется о духовыхъ инструментахъ, напр. pulsata classica у Тибулла.

Ст. 685. *ἄνδρες ἀμαυρόβιοι* Мейнеке, вмѣсто *ἡμερόβιοι*, что̀ было бы здѣсь неумѣстнымъ, такъ какъ въ ст. 687 стоитъ *ἐφημέριοι*. *Ἀμαυρόβιοι* читалъ и схоліастъ, какъ видно изъ его объясненія *ἐν σκότῳ ζῶντες*. *Φύλλων γενεᾷ προσομοιοι* гомеровское выраженіе, И. VI, 146 sqq.

Ст. 692. *παρ' ἐμοῦ Προβίκῳ κλάειν εἴπητε τὸ λοιπόν* — *παρ' ἐμοῦ* должно соединять не съ предъидущимъ *εἰδότες ὀρθῶς*, но съ *εἴπητε* — чтобы вы, узнавъ отъ меня и т. д., сказали Продику отъ моего имени и проч. Потому Гауптъ предпочитаетъ находящуюся въ нѣкоторыхъ рукописяхъ разстановку *Προβίκῳ παρ' ἐμοῦ* и т. д. Надъ Продикомъ Аристофанъ издѣвается также въ Облакахъ, ст. 361, гдѣ онъ сравниваетъ его съ Сократомъ. Извѣстно, что Аристофанъ смотрѣлъ на Сократа какъ на главу софистовъ.

Ст. 695. Олицетворенной ночи здѣсь приписываются крылья *νὺξ μελανόπτερος*,—точно такъ какъ Эсхилъ приписываетъ ей глаза—*κελαινῆς νυκτὸς ὄμμα* (Pers. 428). Это выраженіе объясняли совершенно невѣрно или tenebrae noctis или luna. Ночь, подобно каждому антропоморфическому божеству, имѣетъ у поэтовъ глаза и другія части тѣла.

Ст. 698. *χάει πτερόεντι μιγείς νοχίῳ* и т. д. Хаоса никакъ нельзя назвать крылатымъ, потому что хаосъ не имѣетъ никакихъ опредѣленныхъ формъ и очерковъ, это rudis indigestaque moles. Потому

невозможно не согласиться съ Германномъ, который *πτερόεντι* измѣняетъ въ *ἠερόεντὶ*. Эта конъектура вполнѣ подтверждается другимъ эпитетомъ хаоса *νύχιον*. Гамакеръ предлагаетъ здѣсь писать не *μιγεὶς χαέι νυχίῳ*, но *νύχιος*, такъ чтобы это прилагательное согласовалось съ *ἔρως* — cupido nocte compressit noctem. Конъектура Гамакера даетъ хорошій смыслъ, однако она не вызвана никакою внутреннею необходимостью, такъ что рѣшительно нѣтъ причины уклоняться отъ согласнаго чтенія всѣхъ рукописей.

Ст. 704. *ὡς δ' ἐσμὲν ἔρωτος πολλοῖς δῆλον* — *πολλοῖς* тоже что *διὰ πολλῶν*, multis de causis — многое доказываетъ, что мы происходимъ отъ Эрота.

Ст. 711. *πηδάλιον ναυκλήρῳ φράζει κρεμάσαντι καθεύδειν* — у грековъ въ древнѣйшія времена существовалъ обычай вынимать на зиму изъ кораблей рули и вѣшать ихъ надъ очагомъ, чтобы они тамъ сохли. Гезіодъ (oper. et dies), упоминая объ этомъ обычаѣ, говоритъ, что рули вѣшались *ὑπὲρ καπνοῦ*. Вмѣсто *κρεμάσαντι* нѣкоторые издатели пишутъ *κρεμάσαντα*, что̀ также правильно.

Ст. 712. *Ὀρέστη χλαῖναν ὑφαίνειν ἵνα μὴ ῥιγῶν ἀποδύῃ* — упоминаемый здѣсь Орестъ былъ бродяга и ночной грабитель (*Λωποδύτης*), о которомъ Аристофанъ говоритъ въ Ахарнянахъ (1089) *μεθύων Ὀρέστης μαινόμενος*. Схоліастъ объясняетъ *ὁδὲ Ὀρέστης οὗτος προσποιούμενος μωρίαν τοὺς παριόντας ἀπέδυεν*. Но это объясненіе вѣроятно выдумка самого схоліаста; острота же состоитъ именно въ томъ, что Аристофанъ назвалъ бродягу *Ὀρέστης μαινόμενος*.

Ст. 717. *ἐλθόντες γὰρ πρῶτον ἐπ' ὄρνις οὕτω πρὸς ἅπαντα τρέπεσθε*.

Винит. множ. *ὄρνις* не удостовѣренъ достаточно, и потому лучше читать *ὄρνεις*. Вмѣсто *ἅπαντα* въ нѣкоторыхъ рукописяхъ стоитъ *τᾶργα*, принятое и многими издателями; но *τᾶργα* попало въ текстъ изъ объясненія схоліаста, который говоритъ *ἅπαντα ἤγουν τὰ ἔργα*.

Ст. 721..... *καλεῖτε ὄνον ὄρνιν* — то есть *ὄνος οἰωνος ἐστιν*. Схоліастъ, объясняя, какимъ образомъ начали видѣть въ ослѣ предвѣщаніе, разсказываетъ слѣдующее: изнуренный оселъ упалъ, но тотчасъ же всталъ на ноги. Тогда погонщикъ обратился къ своему товарищу и сказалъ *βλέπε, ὄνος ὢν ἀνέστη*. Эти слова услышали нѣкоторые прохожіе, шедшіе навѣстить больнаго пріятеля, и приняли ихъ за счастливое предзнаменованіе. Больной дѣйствительно выздоровѣлъ, а ослы вошли съ этого времени въ число предзнаменовательныхъ животныхъ (*οἰωνοι*, omina). Очевидно, что цѣлый этотъ разсказъ выдуманъ схоліастомъ; притомъ предзнаменовательная сила заключается

не въ томъ, что оселъ всталъ, а въ томъ, что слова *βλέπε, ὄνος ὢν ἀνέστη,* можно прочитать такъ *βλέπε, ὁ νοσῶν ἀνέστη.* Не смотря на то, почти всѣ издатели Аристофана повторили этотъ не очень умно выдуманный разсказъ схоліаста. Гауптъ объясняетъ это мѣсто тѣмъ, что греки какъ въ полетѣ птицъ, такъ и въ крикѣ осла видѣли предзнаменованіе, при чемъ онъ ссылается на Іоанна Златоустаго. Что́ касается разсказовъ схоліастовъ, то особенно подозрительны тѣ, которые сообщаются безъ всякаго опредѣленія времени и мѣста.

Ст 723 и слѣд.—*ἢν οὖν ἡμᾶς νομίσητε θεούς,*
ἕξετε χρῆσθαι μάντεσι μούσαις
αὔραις ὥραις χειμῶνι θέρει
μετρίῳ πνίγει κοὐκ ἀποδράντες и т. д.

Такъ стихи эти читаются въ рукописяхъ; но очевидно, что это мѣсто испорчено. Потому Мейнеке, слѣдуя Гамакеру, выбрасываетъ слова *ἕξετε....* до *και* и читаетъ *ἢν οὖν ἡμᾶς νομίσητε θεούς,*
οὐκ ἀποδράντες и т. д.

Однако такая критика слишкомъ насильственна, и потому должно стараться объяснить чтеніе рукописей. Что́ касается стиха *ἕξετε χρῆσθαι μάντεσι μούσαις,* то онъ содержитъ очень понятную и совершенно правильно выраженную мысль. Аристофанъ говоритъ, что птицы будутъ служить людямъ въ качествѣ предвѣщательныхъ музъ — poteritis nobis uti tanquam fatidicis musis. Поэтъ называетъ птицъ *μάντεις,* потому что птицы предвѣщаютъ будущее, однѣ крикомъ, другія полетомъ; столь же хорошо онъ могъ назвать ихъ *μοῦσαι,* потому что птицы поютъ. Ежели слѣдовательно слово *μοῦσαι* принять въ значеніи *μέλποντες, ᾄδοντες,* то стихъ этотъ дастъ самую прекрасную мысль, и вмѣстѣ съ тѣмъ устранится возраженіе Гамакера, который говоритъ, что музы не предсказывали будущаго. Но слѣдующій стихъ испорченъ. Испорченность эта вѣроятно произошла оттого, что кто нибудь приписалъ *ὥραις* какъ объясненіе слова *αὔραις,* а потомъ *ὥραις* было внесено въ самый текстъ и вытѣснило то слово, которое слѣдовало за *αὔραις.* Беркъ полагаетъ, что Аристофанъ высказалъ слѣдующую мысль: мы (птицы) принесемъ вамъ не слишкомъ холодную зиму и не слишкомъ жаркое лѣто, и *ὥραις* измѣняетъ въ *ἦρος,* а послѣ *χειμῶνι* ставитъ запятую. О птицахъ, которыхъ появленіе предвѣщаетъ времена года и погоду, поэтъ могъ сказать per licentiam poeticam, что онѣ *производятъ* времена года и погоду. Съ Беркомъ согласенъ въ сущности Гауптъ, который предлагаетъ незначительное измѣненіе въ словахъ и читаетъ такъ:

ἕξετε χρῆσθαι μάντεσι μούσαις,
αὔραισι θέρους χειμῶνι, θέρει
μετρίῳ πνίγει κοὐκ ἀποδράντες и проч.

При такомъ чтеніи съ большею рѣзкостью противополагаются два времени года, зима и лѣто. Между возраженіями Гамакера противъ этихъ стиховъ должно упомянуть еще объ одномъ. Онъ говоритъ, что нельзя сказать *μέτριον πνῖγος*, что́ было бы contradictio in adjecto. Но стихотворцы не держатся съ такою боязливостью строгихъ правилъ логики; притомъ и въ прозѣ это слово употребляется въ соединеніи съ прилагательнымъ, означающимъ степень, именно Платонъ нѣсколько разъ говоритъ *δεινὸν πνῖγος*.

Ст. 731. *πλουθυγίειαν, βίον, εἰρήνην*. Въ рукописяхъ послѣ *πλουθυγίειαν* стоитъ еще *εὐδαιμονίαν*, что́ очевидно неболѣе какъ объясненіе слова *πλουθυγίεια*, и потому выброшено уже Кобетомъ изъ текста. Притомъ ежели оставить *πλουθυγίειαν εὐδαιμονίαν*, то стихъ былъ бы просодически неправиленъ: въ словѣ *ὑγίεια*, у трагиковъ и у Аристофана, всегда короткое *α*, между тѣмъ какъ согласно размѣру стиха слѣдовало бы читать *πλουθυγίειᾶν εὐδαιμονίαν*.

Ст. 734. *γάλα ὀρνίθων* — пословица для выраженія величайшаго блаженства, точно также какъ латинское lac gallinaceum. Невозможное же, несбыточное и не существующее означаетъ *ὄνου πόκαι*.

Ст. 737 — 750. Цѣлая эта *στροφή* одно воззваніе, состоящее изъ звательнаго падежа съ его опредѣленіями, но безъ глагола (verbum finitum). Въ грамматическомъ отношеніи съ этою строфою можно сравнить воззваніе хора къ Зевесу въ Эсхиловомъ Агамемнонѣ (345 — 351), гдѣ также нѣтъ глагола. Подъ именемъ *μοῦσα λοχμαία* Аристофанъ разумѣетъ поэтически олицетворенное пѣніе птицъ, а не какую нибудь лѣсную нимфу, какъ объясняли нѣкоторые издатели. Прилагательное *ποικίλη* (въ ст. 738) означаетъ въ этомъ мѣстѣ не versicolor, но varios cantus edens. Подъ именемъ *μητὴρ ὀρεία* (ст. 746) должно разумѣть богиню Кибелу.

Ст. 749. *ὥσπερεὶ μέλιττα* — такъ уже Рейске исправилъ ошибочное чтеніе рукописей *ὥσπερ ἡ μέλιττα*.

Ст. 750. . . . . *ἔνθεν* . . . . .

Φρύνιχος ἀμβροσίων μελέων ἀπεβόσκετο καρπὸν ἀεὶ φέρων γλυκεῖαν ᾠδάν.

Здѣсь говорится о трагикѣ Фринихѣ, въ драмахъ котораго преобладалъ элементъ лирическій. Вполнѣ серьезный тонъ строфы и соотвѣтствующей ей антистрофы никакъ не позволяетъ думать о

комикѣ Фринихѣ, современникѣ Аристофана. Потому нельзя согласиться съ Дройзеномъ, который въ этомъ стихѣ видитъ насмѣшку надъ Фринихомъ, будто бы пользовавшимся чужими произведеніями. *Φέρων* Германнъ перемѣняетъ въ *φέρβων*, чтобы произвести метрическое соотвѣтствіе между словами строфы *φέρβων γλυκεῖαν ᾠδάν* и словами антистрофы *Μοῦσαί τ' ἐπολόλυξαν*. Кромѣ того *φέρβων* продолжаетъ метафору находящуюся въ словахъ *ἀπεβόσκετο καρπόν* и гораздо картиннѣе прозаическаго *φέρων*.

Ст. 762. *εἰ δὲ τυγχάνει τις ὢν Φρύξ . . . . . φρυγίλος ὄρνις οὗτος ἔσται.* Острота посредственная, заключающаяся въ подобозвучіи словъ *Φρύξυ φρυγίλος*. Равнымъ образомъ острота въ словахъ *φυσάτω πάππους* (въ ст. 765) основана на двоякомъ значеніи *πάππος* — avus и avis.

Ст. 770 и слѣд. Конструкція словъ такая *κύκνοι ἴακχον Ἀπόλλω το ιάδε*, потому что при глаголѣ *ἰακχειν* или *ἰάχειν* стоитъ винительный и лица и вещи (*ἰάχειν τινά τι*, напр. *ἰάχειν Ἀπόλλω ὕμνον*).

Ст. 781. *μέλος Χάριτες Μοῦσαί τ' ἐπωλόλυξαν.*
Ολολύζειν и *ὀλολυγμός* означаютъ каждый громкій крикъ, не только плачевный, но и радостный. Такъ напр. Эсхилъ говоритъ *ὀλολυγμὸν εὐφημοῦντα ἐπορθιάζειν* (Agam. 28).

Ст. 787. . . . . *πεινῶν τοῖς χοροῖσι τῶν τρυγῳδῶν ηχθετο.* — Въ рукописяхъ стоитъ *τραγῳδῶν*, но едва ли Аристофанъ смѣется здѣсь надъ трагедіею; напротивъ, онъ шутитъ надъ собственною своею комедіею, во время самаго ея представленія, и спрашиваетъ зрителей, не надоѣла ли она имъ и не чувствуютъ ли они уже голода. Потому Гауптъ пишетъ *τρυγῳδῶν*, и съ нимъ согласенъ Мейнеке, *Τρυγῳδία* то же что *κωμωδία*. Схоліастъ Ахарнянъ (ст. 463) говоритъ: *τρυγῳδία κωμῳδία, ἤτοι διὰ τρύγα ἔπαθλον λαμβάνειν, τουτέστι νέον οἶνον, ἢ διὰ τό, μὴ ὄντων προσωπείων τὴν ἀρχήν, τρυγὶ χρίεσθαι τὰς ὄψεις.* — Заупе же, защищая чтеніе *τραγῳδῶν*, доказываетъ, что комедіи игрались только послѣ обѣда, а трагедіи передъ обѣдомъ, и что потому зрители могли проголодаться только во время представленія трагедіи. Но противъ Заупе замѣчаетъ Гауптъ, что онъ дѣлаетъ кругъ въ доказательствѣ, основывая свое мнѣніе о времени представленія комедій и трагедій именно на этихъ еще спорныхъ словахъ Аристофана *πεινῶν τοῖς χοροῖσι τῶν τραγῳδῶν ἤχθετο. . . . . ἠρίστησεν ἄν* и т. д.

Ст. 800. . . . . *ξουθὸς ἱππαλεκτρυών* изъ Мирмидоновъ Эсхила (fragm. 130), гдѣ говорится, что на кормѣ корабля находилось изображеніе этой вымышленной птицы (navis insigne). Слово это Аристофанъ при-

водитъ еще въ «Лягушкахъ» (ст. 932) и въ «Мирѣ» (ст. 1177), гдѣ оно означаетъ трусливаго хвастуна (*κᾆτα φεύγει πρῶτος, ὥσπερ ξουθὸς ἱππαλεκτρυὼν τοὺς λόφους σειων*).

Ст. 805.... *εἰς εὐτέλειαν χηνί συγγεγραμμένῳ* схоліастъ объясняетъ *χὴν εὐτελῶς γεγραμμένος*, то есть изображеніе гуся намалеванное за дешевую цѣну. Но такъ какъ предлогъ *σύν* въ сложномъ глаголѣ не даетъ здѣсь смысла и такъ какъ схоліастъ говоритъ также *γεγραμμένος*, не *συγγεγραμμένος*, то Гауптъ предлагаетъ читать *σύ γε γεγραμμένῳ*.

Ст. 808. *τάδ' οὐχ ὑπ' ἄλλων ἀλλὰ τοῖς αὐτῶν πτεροῖς.*

Также изъ Мирмидоновъ Эсхила, гдѣ разсказывается, что пораженный орелъ, увидѣвъ на пронзившей его стрѣлѣ орлиныя перья, сказалъ: меня постигло это несчастіе *οὐχ ὑπ' ἄλλων ἀλλὰ τοῖς αὐτοῦ πτεροῖς.* — *Αὐτῶν* относится къ первому лицу и стоитъ въ значеніи *ἡμῶν αὐτῶν.*

Ст. 815. Острота основана на двоякомъ значеніи слова *σπάρτη* — имя города и веревка скрученная изъ растенія *σπάρτος*. Изъ такихъ веревокъ (*σπάρται*) дѣлали родъ переплета и клали на него тюфякъ. И глаголъ *τίθεσθαι* употребленъ въ двоякомъ значеніи—*ὄνομα τίθεσθαι* и *σπάρτην τίθεσθαι χαμεύνῃ.* — Причастіе *ἔχων* равняется сокращенному предложенію — *ἔχων* (то есть *εἰ εἶχον*) *οὐκ ἂν θείμην.*—Вмѣсто *παυ γε*, которое употребляется только въ утвердительныхъ отвѣтахъ, Гауптъ читаетъ *'γὼ πάνυ*. При этомъ чтеніи устраняется также повтореніе частицы *γέ*.

Ст. 820. *καλὸν σύ γ' ἀτεχνῶς καὶ μέγ' ηὗρες τοὔνομα.*—Въ рукописяхъ стоитъ *καλόν γ'ἀτεχνῶς* и т. д., что несогласно съ правилами комической просодіи, такъ какъ у комиковъ muta ante liquidam никогда не составляетъ позиціи. Потому Брункъ между *καλόν* и *γ'* вставилъ *σύ*, такъ чтобы второй слогъ въ словѣ *ἀτέχνῶς* былъ коротокъ.

Ст. 822 и слѣд. *ἵνα καὶ τὰ Θεογένους τὰ πολλὰ χρήματα*
τά τ' Αἰσχίνου γ' ἅπαντα.

Смыслъ этихъ стиховъ понятенъ. Аристофанъ, издѣваясь надъ аѳинянами Ѳеогеномъ и Эсхиномъ, которые хвастались не существовавшими у нихъ богатствами, говоритъ: въ городѣ *Νεφελοκοκκυγία*, слѣдовательно въ утопіи, находятся большія богатства Ѳеогена и все состояніе Эсхина. Но слова этихъ стиховъ испорчены. Именно при частицѣ *τέ* (*τέ* particula utimur ubi obiter tantum aliquam rem adjungimus, quae cum antecedentibus non necassario cohaeret, говоритъ

Германнъ) никогда не можетъ стоять γέ (γέ particula vim intensivam habet); кромѣ того, ἅπαντα сильнѣе нежели τά πολλά χρήματα, между тѣмъ какъ въ предложеніи присоединенномъ при помощи частицы τέ слѣдуетъ ожидать такого слова, которое по объему было бы меньше чѣмъ τά πολλὰ χρήματα и относилось бы къ нему какъ понятіе видовое къ родовому. Уже Добре предложилъ такое чтеніе

ἵνα καὶ τοῦ Θεογένους τά πολλὰ χρήματα
τοῦ τ' Αἰσχίνου τὰ πάντα.

Однако эта конъектура, устраняющая только частицу γέ, слишкомъ насильственна, а притомъ противоположность между τᾶ πολλὰ χρήματας и πάντα остается. Потому Гауптъ, не измѣняя перваго стиха, предлагаетъ читать слѣдующій стихъ такимъ образомъ: τὰ τ' Αισχίνου τάλαντα. Слово τάλαντα должно принимать въ значеніи χρήματα τινα.

Ст. 824. Совершенно испорченное мѣсто, котораго удовлетворительное возстановленіе никому еще не удалось. При μὲν οὖν никакъ не можетъ стоять καί, а слово λῷστος совсѣмъ неупотребительно у комиковъ. Беркъ читаетъ правда κάλλιστον μὲν οὖν.
τὸ Φλέγρας πεδίον и т. д., но смыслъ этихъ словъ совершенно непонятенъ, а кромѣ того трудно предположить, чтобы переписчики изъ обыкновеннаго κάλλιστος сдѣлали λῷστος, которое рѣшительно ни одного раза не встрѣчается у Аристофана. Что́ касается словъ ἀλαζονευόμενοι καθυπερηκόντισαν (ст. 825), то ихъ должно понимать такъ: ἀλαζονείᾳ ἐνίκησαν.

Ст. 836. Это мѣсто темно и еще не объяснено достаточнымъ образомъ. Но ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться съ Сюверномъ, который, стараясь открыть въ каждомъ словѣ нашей комедіи политическій намекъ, говоритъ, что Аристофанъ подъ словомъ ὁ θεος, которое очевидно относится къ ὄρνις τοῦ γένους τοῦ περσικοῦ, разумѣетъ Алкивіада, а слова οἰκεῖν ἐπὶ πετρῶν употребляетъ въ значеніи στῆναι ἐπὶ τοῦ βήματος.

Ст. 837—845. Эта комическая тирада заключаетъ условный знакъ, чтобы Евельпидъ оставилъ сцену. Такъ какъ въ древней комедіи были только три актера, то актеръ игравшій роль Евельпида долженъ былъ удалиться, чтобы потомъ выйти на сцену въ ролѣ жреца.

Ст. 843. Вмѣсто ἐς θεούς должно читать ὡς θεούς потому что предлогъ εἰς не употребляется у древнихъ Аттиковъ для означенія направленія къ лицу. Ежели Эврипидъ говоритъ о Зевесѣ, что онъ

въ видѣ лебедя *εἰς λήδαν ἔπτατο* (Hel. 18), то здѣсь *εἰς* употреблено въ совершенно другомъ значеніи.

Ст. 847. *οὐδὲν γὰρ ἄνευ σοῦ γ' ὧν λέγω πεπράξεται.* Такъ читаетъ Кобетъ вмѣсто рукописнаго *ἄνευ σοῦ τῶν ἃ λέγω.* Впрочемъ и поэты и прозаики на всегда пользуются аттракціею, и потому Аристофанъ очень хорошо могъ написать этотъ стихъ такимъ образомъ, какъ онъ стоитъ въ рукописяхъ.

Ст. 850. *παῖ, τό κανοῦν αἴρεσθε καί τὴν χέρνιβα* — поэты часто соединяютъ множественное число глагола съ единственнымъ числомъ подлежащаго. Точно также и у римлянъ, напр. ibitis sine me Messala per undas.

Ст. 857. Въ рукописяхъ стоитъ *συνᾳδέτω δὲ Χαῖρις ᾠδάν.* Но такъ какъ этотъ Херидъ былъ не пѣвецъ а игрокъ на флейтѣ (*Χαῖρις δὲ αὐλητὴς Θηβαῖος ἄμουσος* — Schol. ad Acharn. 813), то Германнъ предлагаетъ читать *συναυλεόετο δὲ Χαῖρις ᾠδᾷ* (т. е. *τῇ ἡμετέρᾳ*). Конъектура Германна возстановляетъ также метрическое сотвѣтствіе между этимъ стихомъ строфы и стихомъ антистрофы (902) *γένειόν τ' ἐστὶ καὶ κέρατα,*

Ст. 860 и слѣд. *τουτὶ μά Δὶ ἐγὼ πολλά δὴ καὶ δεινὰ ἰδὼν*
οὔπω κόρακ' εἶδον ἐμπεφαρβειωμένον.

Здѣсь анаколутія, нерѣдко встрѣчающаяся и у поэтовъ и у прозаиковъ. Начавъ словами *τουτί .... πολλὰ.... ἰδὼν,* Аристофанъ долженъ былъ продолжать такъ *οὔπω εἶδον,* и потомъ прибавить какъ приложеніе (*ἐπεξήγησις*) *κόρακα ἐμπεφορβειωμένον.* Вмѣсто того онъ изъ этого приложенія сдѣлалъ отдѣльное, самостоятельное предложеніе и такимъ образомъ нарушилъ строгую грамматическую связь.

Ст. 865 и слѣд. Слова жреца, которыя не облечены въ метрическую форму, составляютъ пародію на государственныя молитвы или на общественное богослуженіе аѳинянъ. Какъ при торжественныхъ жертвоприношеніяхъ сначала призывали боговъ, потомъ героевъ, особенно мѣстныхъ, такъ и здѣсь жрецъ молится сначала богинѣ Вестѣ (*Ἑστία ὀρνίθειος*) и другимъ птицамъ, возведеннымъ въ санъ олимпійскихъ боговъ, а потомъ птицамъ-героямъ и ихъ дѣтямъ (ст. 881 — *καὶ ἥρωσιν ὄρνισι καὶ ἡρῶων παισι*). — Слово *σουνιέραξ* (ст. 869) звукомъ напоминаетъ Посидона *σουνιάρατος,* (Equit. 560), котораго призывали при Сунійскомъ мысѣ отправлявшіеся въ дальнѣйшій путь мореплаватели, а *ἄναξ πελαργικέ* то есть царь журавлей, какъ называется ястребъ, очень близко подходитъ къ *πελαγίκός.* Рав-

нымъ образомъ Діонисомъ или Сабазіемъ называется птица *φρυγίλος* (ст. 875), потому что при словахъ *φρυγίλῳ σαβαζίῳ* зрители невольно припоминали себѣ Фригійскаго Сабазія.

Ст. 894. *ἐγὼ γάρ αὐτὸς τουταγὶ θύσω.* Такъ какъ приносится въ жертву козелъ (cf. v. 959 — *μὴ κατάρξῃ τοῦ τράγου*), то здѣсь безъ всякаго сомнѣнія должно читать не *τουτογί* но *τουτονί.*

Ст. 904 и слѣд. Роль выводимаго на сцену поэта заключаетъ ѣдкую сатиру на лирическую литературу того времени, особенно на многочисленныхъ дитирамбистовъ, которые испещряли свои пѣсни стихами изъ Гомера, Симонида, Пиндара и другихъ знаменитыхъ поэтовъ. Такъ, являющійся здѣсь поэтъ называетъ себя *Μουσάων θεράπων ὀτρηρός, κακὰ τὸν Ὅμηρον* (ст. 909), потомъ говоритъ, что онъ сочиняетъ различныя хорическія пѣсни въ родѣ Симонида (*μέλη κατὰ τὰ Σιμωνίδον* — ст. 919), наконецъ щеголяетъ стихами изъ одъ Пиндара (ст 926 и слѣд. и ст. 941 и слѣд.)

Ст. 905. *Νεφελοκοκκυγίαν ..... κλῆσον ὦ Μοῦσα τεαῖς ἐν ὕμνων ἀοιδαῖς.* Значеніе предлога *ἐν* подходитъ здѣсь весьма близко къ *διά* cum genit. — Еще яснѣе мы видимъ это значеніе предлога *ἐν* въ слѣдующемъ стихѣ Эврипида *αὕτη μέν (Δημήτηρ) ἐν ξηροῖσιν ἐκτρέφει βροτούς* (Bacch. 277) и въ выраженіяхъ *αἰνεῖσθαι ἐν λόγοις, ὑμνεῖν ἐν μολπαῖς.*

Ст. 911..... *δοῦλος ὢν κόμην ἔχεις.*

Изъ этого мѣста видно, что рабы носили коротко выстриженные волоса. *Κόμην* употреблено sensu praegnanti, въ значеніи длинные волоса, какъ и въ «Облакахъ» *κόμην ἔχων* (ст. 14).

Ст. 915. *οὐκ ἐτὸς ὀτρηρόν καὶ τὸ Δηδάριον ἔχεις,* Схоліастъ говоритъ *ὀτρηρὸν Δησάριον ἀντὶ τοῦ τετρωμένου.* Но такое объясненіе, основывающееся на парономазіи между этими двумя словами, слишкомъ искусственно; скорѣе *Δηδάριον ὀτρηρον* значитъ vestis in aëre volitans.

Ст. 926 и слѣд. — Эти стова, съ которыми Пиндаръ обращается къ Гіерону, дитирамбистъ переноситъ на Питетера, не смотря что онъ нисколько не *ὁμώνυμος ζαθέων ἱερῶν.* Слова *ἐμὶν τεῖν* (въ ст. 930), не идущія въ конструкцію и не дающія смысла, прежніе издатели исключали изъ текста; но Брункъ обратилъ вниманіе на то, что они превосходно характеризуютъ осмѣиваемыхъ Аристофаномъ дитирамбистовъ, которые кстати и не кстати вклеивали доризмы. Я припоминаю здѣсь о Лукіанѣ, который риторамъ своего времени даетъ между прочимъ такой совѣтъ: *καὶ ἐπὶ πᾶσι τά ὀλίγα ἐκεῖνα ὀνόματα ἐπιπολαζέτω καὶ ἐπανθείτο, καὶ συνεχὲς τό ἄττα καὶ τὸ δήπουθεν, κἂν μηδὲν αὐτῶν δέῃ καλὰ γὰς ἔστι καὶ εἰκῆ λεγόμενα.* — Равнымъ образомъ слово

τόδε (въ ст. 936 и 937) не ошибка переписчиковъ, но повторено Аристофаномъ съ намѣреніемъ.

Ст. 936. πάντως δέ μοι ριγῶν δοκεῖς. Ῥιγῶν должно принимать не за причастіе, но за неокончательное наклоненіе. Ῥιγῶν (infin.) δοκεῖς значитъ algere mihi videris, а ῥιῶν (partic.) δοκεῖς значитъ apparet te algere.

Ст. 941 и слѣд. — Пародія на стихи Пиндара, который о Стратонѣ, возницѣ Гіерона, получившемъ отъ своего господина пару муловъ, но безъ колесницы, говоритъ

νομάδεσσι γαρ ἐν Σκύθαις
ἀλᾶται Στρατων,
ὅς ἁμαξοφόρητον οἶκον οὐ πέπαται.

Ст. 946. ξυνῆχ' ὅτι βούλει и т. д. конъектура Кобета, вмѣсто рукописнаго ξύνιημί. По требованію стиха второй слогъ въ этомъ словѣ долженъ быть коротокъ, что́ несогласно съ просодіей древнихъ Аттиковъ, у которыхъ всегда ξυνῖημι не ξυνίημι.

Ст. 951. πεδία πολυπορα читаетъ Германнъ; въ рукописяхъ πολύσπορα и πολύπορα. Но воздушное пространство, въ которомъ находится нововыстроенный городъ, можетъ быть названо только πολύπορον (multos aditus habens), а никакъ не тѣми эпитетами, которые стоятъ въ рукописяхъ. Впрочемъ, цѣлое это мѣсто еще темно.

Ст. 961. τά θεῖα μή φαύλως φέρε — не пренебрегай изрѣченіями боговъ.

Ст. 962. ἄντικρυς значитъ здѣсь «прямо, ясно». Такъ объясняетъ и схоліастъ ἄντικρος διαρ'ρήδην.

Ст. 966. ἀλλ' οὐδέν οἷόν ἐστ' ἀκοῦσαι τῶν ἐπῶν.

Почти всѣ издатели, между ними Брункъ и Диндорфъ, согласны съ объясненіемъ схоліаста, который говоритъ ἀλλ' οὐδέν κωλῦόν ἐστιν. Но гораздо лучше объясняетъ эти слова Германнъ такимъ образомъ: οὐδὲν τοιοῦτόν ἐστιν οἷον ἀκοῦσαι (nihil praestabilius est quam ipsa oraculi verba audire). Слова оракула называются ἔπη, потому что они облечены въ форму гексаметровъ.

Ст. 971 и слѣд. — Неокончательныя наклоненія θῦσαι и δόμεν стоятъ въ значеніи повелительнаго. Такое употребленіе неокончательнаго наклоненія есть не болѣе какъ эллиптическій образъ выраженія, обратившійся въ формулу. Очень хорошо говоритъ Клотцъ (adnot. ad Eurip. Phoen. 188): etiam ibi, ubi certa lege infinitivus pro imperativo ponitur, hoc non fit nisi ita, ut factum simplex ponatur, quasi

conveniens praesenti conditioni rerum, non ut infinitivus aliquam imperandi vim habeat.

Ст. 977. Предвѣщатель называетъ Питетера *θέσπιε κοῦρε*, не смотря что онъ старикъ и лысый. Въ этомъ контрастѣ и состоитъ острота.

Ст. 978. *αἰετόσεν νεφέλῃσι.* Изъ предвѣщаній Вакида (*Βάκις*) самое знаменитое было объ орлѣ въ облакахъ, упоминаемое также въ «Всадникахъ» (1013). Схоліастъ говоритъ, что оно было слѣдующее:

εὔδαιμον πτολίεθρον Ἀθηναίης ἀγελείης,
πολλὰ ἰδὸν καὶ πολλὰ παθὸς καίπολλὰ μογῆσαν,
αἰετὸς ἐν νεφίλῃσι γενήσεαι ἤματα πάντα

Ст. 986. *οὐδὲν λέγειν* формулическое выраженіе, означающее говорить пустяки.

Ст. 990. *οἴμοι δειλαιος.* Въ словѣ *δείλαιος* предпослѣдній слогъ употребляется короткимъ.

Ст. 993. *τί δ' αὖ δὺ δράσων;* подразумѣвается *ἥκεις.* Въ рукописяхъ *τί αὖ*, позднѣйшіе издатели вставили *δ'*. Но послѣ *τί* hiatus позволителенъ. Въ томъ же стихѣ нѣкоторыя рукописи читаютъ *βουλεύματος*, другія *βουλήματος.* Вѣрнѣе *βούλευμα*, такъ какъ *βούλημα* впервые встрѣчается у Аристотеля.

Ст. 995. *γεωμετρῆσαι βούλομαι τὸν ἀέρα.*
Γεωμετρεῖν собственно значитъ измѣрять землю; но съ теченіемъ времени вторая составная часть получила перевѣсъ надъ первою, и значеніе слова *γῆ* совсѣмъ здѣсь изчезло. Потому и можно сказать *γεωμετρεῖν τὸν ἀέρα.* Точно такимъ же образомъ слово *βουκολεῖσθαι* значитъ вообще пастись (*βοῦς* vocabuli significatione plane obliterata), напр. у Гомера (П. 20, 221) *τοῦ τρισχίλιαι ἵπποι ἕλος κάτα βουκολέοντο.* Этою утратою значенія одной части сложнаго слова объясняются также *νέκταρ ἑφνοχόει* у Гомера (П. 4, 3), у Филострата *ἱπποκόμος τῶν καμήλων* (Vit. Apoll.), *ἱπποβουκόλοε* у Эврипида (Phoen. 28), въ значеніи конюхи.

Ст. 996. *κατὰ γύας* конъектура Германна, вмѣсто рукописнаго *κατ' ἀγυιὰς*, что́ даетъ нехорошій смыслъ и нарушаетъ размѣръ.

Ст. 1009. *ἄνθρωπος Θαλῆς* — cf. Nub. 180, гдѣ Стрепсіадъ восклицаетъ *τί δῆτ' ἐκεινον τὸν Θαλῆν θαυμάζομεν; Ἄνθρωπος* принадлежитъ Бентлею; въ рукописяхъ стоитъ *ἄνθρωπος*, но членъ здѣсь необходимъ.

Ст. 1024. *φαῦλον βιβλίον Τελέου τι* — коммиссаръ (*ἐπίσκοπος*) говоритъ, что онъ приходитъ противъ своего желанія, вслѣдствіе утвержден-

наго народнымъ вѣчемъ предложенія Телеаса. *Βιβλίον* здѣсь то же что *ψήφισμα*. Неопредѣленное мѣстоимѣніе *τί* означаетъ въ нашемъ мѣстѣ, что коммиссаръ не хочетъ подробнѣе говорить о предложеніи Телеаса, потому что оно для него непріятно.

Ст. 1040. *χρῆσθαι... τοῖς αὐτοῖς μετροῖσι καὶ σταθμοῖσι καὶ ψηφίσμασι* и т. д. Въ двухъ городахъ могутъ быть введены одинаковыя мѣры, вѣсы, даже законы (*νόμοι*), но никакъ не *ψήφισματα*, которыя распространяются на отдѣльные случаи и сами вызываются случайнымъ образомъ. Потому должно согласиться съ Беркомъ, который вмѣсто *ψηφίσμασι* пишетъ *νομίσμασι*. — Такъ, жители колоній пользовались одинаковыми съ метрополіею правами, вѣсами и мѣрами и т. д., и такъ какъ городъ *Νεφελοκοκκυγία*, основанный двумя аѳинянами, былъ колоніею Аѳинъ, то слѣдовало бы ожидать *χρῆσθαι* и т. д. *καθάπερ Ἀθηναῖοι*. Но Аристофанъ говоритъ *Ὀλοφύξιοι* (жители города *Ὀόφυξος* при подошвѣ Аѳонской горы), чтобы приготовить отвѣтъ Питетера *ὠτοτύξιοι* (отъ глагола *ὀτοτύζω*, который самъ произведенъ отъ междометія *ὀτοτοῖ*). Измѣненіе нѣкоторыми издателями *Ὀλοφύξιοι* въ *Ὀλολύξιοι* разрушаетъ весь юморъ.

Ст. 1044. *οὗτος τί πάσχεις* — что съ тобою? не съ ума ли ты сошелъ? — Еще чаще въ этомъ значеніи употребляется формула *τί παθών;* — Что́ касается выраженія *τί μαθών*, то Германнъ доказываетъ, что оно вовсе не существуетъ и только описка вмѣсто *τί παθων*. Главнѣйшимъ этому мнѣнію доказательствомъ служитъ то, что нигдѣ не встрѣчается *τί μανθάνεις* въ такомъ смыслѣ какъ *τί πάσχεις*.

Ст. 1052. *ἀπολῶ σε καὶ γράφο σε μυρίας δραχμάς*.

Такъ какъ «преслѣдовать кого нибудь судебнымъ порядкомъ, обвинить кого нибудь» (litem alicui intendere) значитъ не *γράφειν τινά*, но *γράφεσθαί τινα*, то разные издатели различнымъ образомъ старались исправить этотъ стихъ и ввести въ него или *γράφομαι* или *γράψομαι*. Гауптъ считаетъ всѣ перемѣны излишними и объясняетъ этотъ стихъ такъ: коммиссаръ говоритъ, что онъ хочетъ разорить Питетера и сдѣлать предложеніе (*γράφω* должно здѣсь принимать въ смыслѣ legem ferre, какъ часто у ораторовъ), чтобы онъ десять тысячъ драхмъ заплатилъ, но Питетеръ прерываетъ его рѣчь. Такимъ образомъ отъ *γραφω* зависитъ предложеніе, поставленное въ accus. cum infin., подлежащее котораго есть *σέ*, а глаголъ, если бы онъ былъ высказанъ, былъ бы *δοῦναι* или что нибудь подобное (perdam te et legem feram, ut decem milia drachmum... scil. solvas). Еще должно замѣтить, что *γράψω* относится къ *ἀπολῶ*, какъ

причина къ слѣдствію, и что собственно слѣдовало бы сказать *ἀπολῶ σε, γράψω γάρ*. Но коммиссаръ сильно взволнованъ и потому не обращаетъ вниманія на строго логическое сочетаніе предложеній.

Ст. 1054. *μέμνησ' ὅτε τῆς στήλης κατετίλας ἑσπέρας;* Сикофантическая клевета, но опасная въ то время, когда народъ былъ взволнованъ поруганіемъ статуй Гермеса.

Ст. 1058. *ἤδη 'μοί* и т. д. Здѣсь никакъ не можетъ стоять энклитическое *μοί*, потому что при немъ не могло бы быть приложенія *τῷ παντόπτῃ καὶ παντάρχῃ*. Первый обратилъ на это обстоятельство вниманіе Мейнекѣ и написалъ *'μοί*.

Ст. 1064 и слѣд. *κτείνων παμφύλων γένναν*
θηρῶν, οἳ πάντ' ἐν γαίᾳ
ἐκ κάλυκος αὐξανόμενον γένυσι παμφάγοις
δένδρεσί τ' ἐφεζόμενα καρπὸν ἀποβόσκεται.

Хотя соединеніе причастія *ἐφεζόμενα* (neutr. plur.) и *ἀποβόσκεται* съ мужескимъ родомъ *οἳ* не безъ примѣра, и можетъ быть объяснено большею свободою поэтической рѣчи или еще проще такъ называемою конструкціею *κατὰ σύνεσιν* (*παμφύλων γένναν θηρῶν* по значенію равняется *παντοδαπὰ θηρία*), нельзя однако не принять прекрасной конъектуры Германна, который вмѣсто *οἳ* пишетъ *ἃ* (scil. *γέννα*), а *ἐφεζόμενα* перемѣняетъ въ *ἐφημένα*.

Ст. 1070. *ὑπ' ἐμᾶς πτέρυγος ἐκ φοναῖς ὄλλυται* — конъектура Рейзига, вмѣсто рукописнаго *ἐν φοναῖς ὄλλυται*. Но *ὄλλυται ὑπὸ πτέρυγος* не имѣетъ смысла, такъ какъ птицы истребляютъ насѣкомыхъ не крыльями, а клювомъ. Потому безъ всякаго сомнѣнія слѣдуетъ писать *φάρυγος*.

Ст. 1090. *χλαίνας οὐκ ἀμπισχνοῦνται* — Гаунтъ предлагаетъ писать *ἀμπισχνούμεθ'*, такъ какъ въ слѣдующихъ стихахъ вездѣ первое лице, *ἡμᾶς, ἐνναίω, χειμάζω, βοσκόμεθα*.

Ст. 1093. . . . *ἀνθηρῶν λειμώνων*
φύλλων κόλποις ἐνναίω.

Такое соединеніе нѣсколькихъ зависящихъ одинъ отъ другаго родительныхъ падежей встрѣчается нерѣдко у греческихъ поэтовъ, напр. въ нашей же комедіи *δαίμονος πεδαρσίου δίνης πτερωτὸς φθόγγος* (1196), и потому въ этомъ стихѣ нечего измѣнять. Но во всякомъ случаѣ очень привлекательна конъектура Берка *εὐφύλλοις κόλποις ναίω·*

Ст. 1130 и слѣд. *ΑΓΓΕΛΟΣ*
τὸ δὲ μῆκός ἐστι, καὶ γὰρ ἐμέτρησ' αὐτ' ἐγώ,
ἑκατοντορόγυιον.

ΠΕΙΘΕΤΑΙΡΟΣ
ὦ Πόσειδον τοῦ μάκρους.

Слово μῆκος означаетъ здѣсь не длину, но вышину, что̀ замѣтили уже древніе толкователи. Прилагательное μακρός употребляется въ значеніи высокій и глубокій у Гомера, напр. οὐρανός μακρός, φρείατα μακρά, и въ трагической поэзіи въ словѣ οὐρανομήκης. Но слѣдующее въ отвѣтѣ Питетера слово τὸ μάκρος противорѣчитъ всякой аналогіи. Именно въ прилагательномъ μακρός, подобно какъ въ ἐχθρός, αἰσχρός и проч., буква ῥ не входитъ въ составъ корня, а есть извѣстнаго рода суффиксъ, и потому ея нѣтъ въ произведенныхъ отъ этихъ словъ существительныхъ τὸ ἔχθος, αἶσχος. Такимъ точно образомъ отъ μακρός происходитъ существительное τὸ μῆκος, а не τὸ μάκρος. На этомъ основаніи Диндорфъ перемѣнилъ τοῦ μάκρους въ τοῦ μακροῦ (scil. τείχους), другіе въ ὡς μακρόν, наконецъ нѣкоторые утверждали, что это изобрѣтенное Аристофаномъ слово, для возбужденія смѣха. Противъ этого Гауптъ замѣчаетъ, что во первыхъ во всѣхъ рукописяхъ стоитъ τοῦ μάκρους. Во вторыхъ τοῦ μάκρους и τὸ δὲ μῆκος защищаютъ взаимно одно другое, такъ какъ поэтъ вмѣсто μῆκος очень легко могъ бы сказать τὸ ὕψος. Наконецъ и грамматикъ Геріоданъ читалъ μάκρους. Именно, объясняя гомеровское слово τὸ στένος и замѣчая при этомъ, что существительныя средняго рода на ος никогда не имѣютъ ударенія на послѣднемъ слогѣ, онъ приводитъ нашъ стихъ: οἷον παρ᾽ Ἀριστοφάνει ὦ Πόσειδον τοῦ μάκρους. Слѣдовательно, въ этомъ стихѣ ничего не слѣдуетъ перемѣнять. Слово же μάκρος, по мнѣнію Гаупта, простонародное, и употреблено Аристофаномъ съ намѣреніемъ: Питетеръ до такой степени удивленъ словами вѣстника, что произноситъ слово чуждое литературному языку. Объясненіе Гаупта мнѣ кажется совершенно удовлетворительнымъ, и въ подтвержденіе его мнѣнія можно привести ту аналогію, что Эсхилъ въ возвышенномъ слогѣ трагедіи употребилъ междометіе ἰοῦ (Agam. 22), принадлежащее комедіи.

Ст. 1146. . . οἱ χῆνες . . . ἐνέβαλλον αὐτοῖν τοῖν ποδοῖν. — Αὐτοῖν конъектура Мейнеке вмѣсто стоящаго въ однѣхъ рукописяхъ αὐτοῖς, а въ другихъ αὐτόν (scil. τὸν πηλόν).

Ст. 1147. τί δῆτα πόδες ἂν οὐκ ἂν ἐργασαίατο. Схоліастъ замѣчаетъ, что существовала пословица τί χεῖρες οὐκ ἂν ἐργασαίατο;

Ст. 1168. ἀλλ᾽ ὅδε φύλαξ γὰρ τῶν ἐκεῖθεν ἄγγελος
ἐσθεῖ πρὸς ἡμᾶς δεῦρο πυῤῥίχην βλέπων.

Ἀλλὰ γάρ соотвѣтствуетъ латинскому at enim и есть эллиптическое выраженіе, гдѣ не высказывается, а только подразумѣвается то предложеніе, которое заключаетъ объясняющую причину и вводится союзомъ *γαρ*. Такъ въ нашемъ примѣрѣ *ἀλλ' ὅδε φύλαξ ἐσθεῖ, ὁρῶ γάρ.* — *Ὅδε φύλαξ τῶν ἐκεῖθεν ἐσθεῖ* есть аттракція, происходящая изъ смѣшенія двухъ конструкцій: *ὅδε φύλαξ, τῶν ἐκεῖ ὄντων τις, ἐκεῖθεν ἐσθεῖ.* Такая аттракція встрѣчается нѣсколько ниже (ст. 1171) *τῶν θεῶν τις τῶν παρὰ τοῦ Διὸς εἰσέπετο*, и нерѣдко у прозаиковъ. Напр. Исократъ говоритъ (Paneg. 174) *περὶ παντὸς ποιητέον ὅπως τὸν ἐνθένδε πόλεμον εἰς τὴν ἤπειρον διοριοῦμεν*, и въ другомъ мѣстѣ (ibid 187) *τὴν εὐδαιμονίαν τὴν ἐκ τῆς Ἀσίας εἰς τὴν Εὐρώπην εἰ διακομίσαιμεν.* — *Πυῤῥίχην βλέπων* — съ грознымъ, воинственнымъ видомъ — патетическое выраженіе, подобно Эсхиловскому *φόβον βλέπειν* (Sept. 500). Собственно комедіи и именно Аристофану принадлежатъ выраженія *βλέπειν νᾶπυ* (Equit. 631 — смотрѣть сентябремъ), *ὀρίγανον* (Pac. 603 — смотрѣть пѣтухомъ), *κάρδαμα* (Vesp. 455), *θυμβροφάγον* (Ach. 254) и т. п.

Ст. 1201. . *Λέγειν ἐχρῆν ὁπόθεν πότ' εἶ.* Беркъ между *λέγειν* и *ἐχρῆν* вставляетъ *σ'*, что однако вовсе ненужно, такъ какъ въ греческомъ языкѣ мѣстоименія личныя часто пропускаются. Гораздо лучше другая конъектура Берка *ὁπόθεν πέτει* вмѣсто *ὁπόθεν πότ' εἶ.* Беркъ говоритъ, что такъ какъ Ирида отвѣчаетъ *παρὰ τῶν θεῶν ἔγωγε*, то въ вопросѣ Питетера долженъ стоять глаголъ означающій движеніе. Слѣдовательно *εἶ* не можетъ быть второе лице отъ *εἰμί.* И отъ *εἶμι* нельзя производить здѣсь *εἶ*, такъ какъ у Аттиковъ *εἶμι* имѣетъ всегда значеніе будущаго времени. Мнѣ кажется однако, что вульгату можно объяснить и оправдать, ежели *εἰμί* принять здѣсь въ значеніи adesse. Тогда будетъ удержана и частица *ποτέ*, хорошо оканчивающая слѣдующіе одинъ за другимъ вопросы нетерпѣливаго Питетера — unde tandem advenisti?

Ст. 1234. *ΠΕΙΘΕΤΑΙΡΟΣ*

τί σὺ λέγεις; ποίοις θεοῖς;

ΙΡΙΣ

οἵοισιν; ἡμῖν τοῖς ἐν οὐρανῷ θεοῖς.

Въ рукописяхъ стоитъ *ποίοισιν*, что Мейнеке перемѣнилъ въ *οἵοισιν.* Но его чтеніе неудовлетворительно, а слѣдуетъ непремѣнно писать *ὁποίοισιν*, согласно тому правилу, что въ отвѣтахъ повторяющихъ слова вопроса, стоятъ мѣстоименія и нарѣчія неопредѣленныя, *ὅστις, ὅπου, ὁποῖος* и проч. Въ словѣ *ὁποῖς* средній слогъ въ этомъ стихѣ должно употребить короткимъ.

Ст. 1237. *οἷς (θεοῖς) θυτέον αὐτούς (ανθρώπους).* Это чтеніе Равеннской рукописи заслуживаетъ преимущество передъ чтеніемъ другихъ рукописей *αὐτοῖς.* При такъ называемыхъ adjectiva verbalia на *τέος* дѣйствующее лице стоитъ обыкновенно въ дательномъ падежѣ, но иногда и въ винительномъ, что̀ объясняется значеніемъ этихъ adjectiva verbalia: именно, означая необходимость и заключая такимъ образомъ и значеніе глаголовъ *δεῖ* и *χρή*, они принимаютъ и ихъ управленіе. Такъ, самъ Аристофанъ говоритъ *ποίαν ὁδὸν νῷ τρεπτέον* (Equit. 72), Платонъ *οὐδενὶ τρόπῳ φαμὲν οἑκόντας ἀδικητέον εἶναι* (Crit. p. 49 A) и проч. Въ нашемъ стихѣ винительный падежъ необходимъ, такъ какъ два дательные *οἷς* и *αὐτοῖς* сдѣлали бы это мѣсто неяснымъ.

Ст. 1243. *παῦε τῶν παφλασμάτων. Παύω* иногда употребляютъ комики и трагики вмѣсто *παύεσθαι*, напр. *δρομαίων δ' ὅτε πολυπλανήτων μάτηρ ἔπαυσε πόνων* у Эврипида (Hel. 1320). Еще чаще это употребленіе встрѣчается у позднѣйшихъ писателей, особенно у Лукіана.

Ст. 1244. . . . . *πότερα Λυδὸν ἢ Φρύγα*
ταυτὶ λέγουσα μορμολύττεσθαι δοκεῖς;

Пародія на Эврипидову Алкестиду, гдѣ Феретъ на упреки своего сына Адмета отвѣчаетъ (ст. 675):

ὦ παῖ, τίν' αὐχεῖς, πότερα Λυδὸν ἢ Φρύγα
κακοῖς ἐλαύνειν ἀργυρώνητον σέθεν.

Ст. 1262. *ἀποκεκλῆκαμεν διογενεῖς θεούς* — хористъ здѣсь значитъ exulcsos volumus.

Ст. 1282. *ἐλακωνομάνουν ἅπαντες* и т. д. Осмѣиваемую здѣсь лакономанію, которая продолжалась и въ позднѣйшее время, Демосѳенъ въ рѣчи противъ Конона описываетъ слѣдующимъ образомъ (34): *μεθ' ἡμέραν μὲν ἐσκυθρωπάκασι καὶ λακωνίζειν φασὶ καὶ τρίβωνας ἔχουσι καὶ ἁπλᾶς ὑποδέδενται, ἐπειδὰν δὲ συλλεγῶσι καὶ μετ' ἀλλήλων γένωνται, κακῶν καὶ αἰσχρῶν οὐδὲν ἐλλείπουσιν.*

Ст. 1288. *Κατῆρον* пишетъ Кобетъ вмѣсто рукописнаго *κατῆραν*, такъ какъ въ цѣломъ разсказѣ глашатая употребляются imperfecta, *ἐπέτονθ', ἐνέμοντ', ὠνομάζετο* и проч.

Ст. 1303. Смыслъ этого стиха требуетъ непремѣнно чтенія *ἢ πτεροῦ τι κἂν σμικρὸν προσῇ*, не *καὶ σμικρὸν προσῇν.*

Ст. 1308. *οὔ τἄρα* Эльмслей, вмѣсто рукописнаго *οὐδ' ἄρα.*

Ст. 1316. *κατέχουσι δ' ἔρωτες ἐμᾶς πόλεως* — глаголъ *κατέχειν* здѣсь вполнѣ соотвѣтствуетъ латинскому obtinere.

Ст. 1335. Строфическіе стихи 1313 — 1322 соотвѣтствуютъ антистрофическимъ 1325—1334. Но соотвѣтствіе нарушается стихами

1323 и 1324. Это замѣтилъ уже Порсонъ, и полагалъ, что передъ ст. 1335 стояли еще два стиха, соотвѣтствовавшіе строфическимъ 1323 и 1324. Но что̀ заключали утраченные стихи? Что нибудь въ родѣ *βλακικῶς διακονεῖς*? Это было бы излишнее повтореніе. Кромѣ того, ежели обратить вниманіе на ст. 1336, то увидимъ, что въ немъ повторяются слова *δειλός* и *βραδύς*, употребленныя нѣсколько выше (ст. 1328 и 1329), и что онъ содержитъ объясняющую причину предъидущаго стиха *οὔ . . . σχήσομαι*. Но эти слова и безъ того ясны и не нуждаются ни въ какомъ прибавленіи. На этомъ основаніи Гауптъ полагаетъ, что стихъ 1336 составленъ какимъ нибудь древнимъ грамматикомъ. Ежели его выбросить, а стихи 1322 и 1323 соединить въ одинъ, то возстановляется самое точное соотвѣтствіе между строфою. Именно, стиху

ὡς βλακικῶς διακονεῖς, οὐ θᾶττον ἐγκονήσεις

будетъ соотвѣтствовать стихъ

οὔ τοι μὰ τὰς κερχνῇδας ἔτι σοῦ σχήσομαι,

недостающую стопу котораго легко выполнить словомъ *κάκιστε* или чѣмъ нибудь подобнымъ.

Ст. 1344. *ὀρνιθομανῶ ἀρ καὶ πέτομαι καὶ βούλομαι*
οἰκεῖν μεθ' ὑμῶν и т. д.

Такъ какъ отцеубійца выше въ статьѣ 1337 сказалъ *γενοίμαν αἰετός, ὡς ἂν ποταθείην*, то онъ теперь никакъ не можетъ сказать *πέτομαι*, такъ какъ его желаніе еще не исполнено. На этомъ основаніи нѣкоторые издатели принимали слово *πέτομαι* въ значеніи suspensus sum, gestio. Но это объясненіе слишкомъ искусственно, и потому Гауптъ предлагаетъ слѣдующее чтеніе

ὀρνιθομανῶ γὰρ καὶ πέτεσθαι βούλομαι
κῷκεῖν μεθ' ὑμῶν.

Ст. 1380. *ὄρνις γενέσθαι βούλομαι λιγύφθογγος ἀηδών.*

Кромѣ *λιγύφθογγος* въ рукописяхъ стоятъ еще слова *λιγύμοχθος*, очевидно испорченное, и *λιγύμυθος*. Это послѣднее и должно быть принято въ текстъ, такъ какъ Аристофанъ пародируетъ здѣсь высокопарный слогъ дитирамбическихъ поэтовъ. Притомъ переписчики изъ *λιγύφθογγος* никакъ не сдѣлали бы *λιγυμυθος*, но на оборотъ *λιγύφθογγος* есть объясненіе рѣдко встрѣчающагося *λιγύμυθος*.

Ст. 1467. *οὐκ ἀπολιβάξεις ὦ κάκιστ' ἀπολούμενος;*

Слова эти не могутъ быть вѣрны, такъ какъ въ такомъ соедине-

ніи непремѣнно долженъ стоять звательный падежъ *ἀπολουμενε*. Между тѣмъ всѣ рукописи согласны въ чтеніи *ἀπολούμενος*. Германнъ предлагаетъ весьма удачную конъектуру:

οὐκ ἀπολιβάξεις; ἦ κάκιστ' ἀπολούμενος
πικρὰν τάχ' ὄψει и т. д.

Ст. 1474. *καρδίας ἀπωτέρω* и т. д. Греческое слово *καρδία* совершенно соотвѣтствуетъ латинскому cor, которое въ переносномъ смыслѣ означаетъ умъ, разсудокъ. Такъ, юристъ Aelius Sextus называется у Эннія homo cordatus, то есть ловкій человѣкъ (Cic. Tuscul. 1, 9, 18); такъ Плавтъ говоритъ о смышленномъ рабѣ, что у него cor modeste situm est (Menaechm. 878).

Ст. 1481. *τὰς ἀσπίδας φυλλορροεῖ*. Въ глаголѣ *φυλλορροεῖν* первая составная часть потеряла всякое почти значеніе, и потому поэтъ могъ сказать *φυλλορροεῖν ἀσπίδας*. Можно сравнить выраженія *οἰνοχοεῖν νέκταρ, γεωμετρεῖν ἀέρα* и проч., о которыхъ было упомянуто въ примѣчаніи къ ст. 995.

Ст. 1498. *πηνίκ' ἐστὶν ἄρα τῆς ἡμέρας*. Союзъ *ἄρα* никакъ не можетъ стоять здѣсь: *ἄρα* всегда выводитъ заключеніе изъ чего нибудь предшествовавшаго, а въ нашемъ мѣстѣ нѣтъ никакого умозаключительнаго соединенія мыслей. Германнъ вмѣсто *ἄρα* предлагаетъ читать *γάρ*.

Ст. 1514. *πηνίκ' ἄττ' ἀπώλετο*. Выраженіе *πηνίκα ἄττα* объясняетъ Германнъ (Ad Viger. adnot. 37). Онъ говоритъ, что *ἄττα* собственно означаетъ *ἄτινα*, и вездѣ, гдѣ это значеніе ясно проявляется, пишется съ густымъ придыханіемъ, напр. *ἄττα ποτὲ διελέχθη*. Но гдѣ это значеніе выступаетъ не такъ рѣзко, тамъ пишется *ἄττα*. Слѣдовательно *ἔλεγεν ἄττα* собственно значитъ не *ἔλεγέ τινα*, но *ἔλεγεν ἅτινα ἔλεγεν* (что̀ можно сравнить съ выраженіями *ἔπλευσ', ὅπως ἔπλευσα* или *ἔπραξεν ἃ ἔπραξεν*). Когда такимъ образомъ утратилось сознаніе собственнаго значенія этого слова, то начали соединять его съ такими словами, къ которымъ оно въ строгомъ смыслѣ вовсе не идетъ, и такимъ образомъ *ἄττα* получило по видимому значеніе *ποτέ*, по крайней мѣрѣ его иначе перевести нельзя (*πηνίκ' ἄττα*, quanto tandem, когда же именно). Слѣдовательно *πηνίκ' ἄττ' ἀπώλετο* = *πηνίκ' ἀπώλετο ἅτινα* (= *ὅντινα τρόπον*) *ἀπώλετο*.

Ст. 1550. *Φέρε* означаетъ здѣсь дать, подать.

Ст. 1559 и слѣд. *σφάγὶ ἔχων κάμηλον ἀ —*
μνόν τιν', ἧς Λαιμοὺς τεμὼν ὦσ —

περ ποθ' οὑδυσσεὺς ἀπῆλθε,
κᾆτ' ἀνῆλθ' αὐτῷ и т. д.

Очевидно, что цѣлое это мѣсто есть подражаніе Гомеру, который описываетъ жертвоприношеніе Одиссея въ преисподней. Но здѣсь текстъ испорченъ въ двухъ мѣстахъ, во первыхъ въ *κάμηλον ἀμνόν τιν'*, потомъ въ *ἀπῆλθε*. Соединеніе словъ *κάμηλον ἀμνόν τιν'* очень странно едва ли даже правильно. Потому Гауптъ полагаетъ, что должно писать *κάμηλον ἄρνειον*, что̀ означаетъ то же самое что *κάμηλον ἄῤῥενα*. При такомъ чтеніи это мѣсто близко подходитъ къ гомеровскому, гдѣ Одиссей приноситъ въ жертву *ὄϊν ἄῤῥενα*. Далѣе говорится, что Пизандръ *ἀπῆλθε*, то есть ушелъ. Но въ какомъ случаѣ никто не могъ бы ему *ἀνελθεῖν*. И это слово должно исправить на основаніи гомеровскаго разсказа. Тамъ объ Одиссеѣ говорится, что онъ послѣ закланія жертвы *ἀπονόσφιν ἐτράπετο*, то есть отворотился. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Аристофанъ сказалъ здѣсь о Пизандрѣ *ἀπέστη*, что̀ равняется гомеровскому *ἀπονόσφι τραπέσθαι*.

Ст. 1582. *ἀλλ' ἐπικνῶ τὸ σίλφιον*. По этому чтенію Питетеръ говоритъ эти слова про себя; но смыслъ гораздо лучше, ежели понимать ихъ какъ данное Питетеромъ повару приказаніе. На этомъ основаніи Гауптъ предпочитаетъ здѣсь повелительное наклоненіе *ἐπίκνη*.

Ст. 1629. *φησί μ' εὖ λέγειν πάνυ*—такъ Добре исправилъ рукописное *φησὶν εὖ* и т. д. *Φησὶν εὖ λέγειν* значитъ: «онъ говоритъ, что его мнѣніе справедливо»; что̀ не даетъ здѣсь никакого смысла.

Ст. 1637. *τὸ κατάχυσμα χρὴ ποιεῖν γλυκύ* = *τὸ κατάχυσμα χρὴ ποιεῖν ὥστ' εἶναι γλυκύ*.

Ст. 1671. *Λίκίαν βλέπων* хорошо объясняетъ схоліастъ: *ὡς τυπτήσων τινά*.

Ст. 1674. Мейнеке пишетъ

δίκαὶ ἔμοιγε καὶ πάλιν δοκεῖς λέγειν
περὶ τῆς κόρης и т. д.,

но нѣтъ никакой причины уклоняться отъ чтенія Равеннской рукописи *καὶ πάλαι*.

Ст. 1692. На приглашеніе Посидона идти вмѣстѣ съ нимъ и съ Питетеромъ (*οὐκ εἶ μεθ' ἡμῶν;*) Геркулесъ отвѣчаетъ *εὖ γε μεντἂν διετέθην*. Такъ стоитъ въ рукописяхъ. Слова эти заключаютъ ироническій отказъ и значатъ: худо было бы со мною, если бы я пошелъ вмѣстѣ съ вами. Но смыслъ этого мѣста совершенно пере-

мѣняется и получаетъ гораздо болѣе юмора, ежели съ Гамакеромъ читать διετέθμν. Тогда слова Геркулеса значатъ: а я бы здѣсь, то есть въ кухнѣ, хорошо распорядился.

Ст. 1721. περιπέτεσθε
μάκαρα μάκαρι σὺν τύχᾳ.

Здѣсь употреблена для женскаго рода форма μάκαρ, не обыкновенная μάκαιρα. Кобетъ читаетъ μακαίρᾳ σὺν τύχᾳ, но эта конъектура разрушаетъ размѣръ: приведенные здѣсь стихи трохеическіе съ разрѣшенными арзисами.

μ̆ᾰκᾰρᾰ μ̆ᾰκᾰρῐ σ̄ῡ̄ν τῡ̆χᾳ.

Ст. 1753. Въ рукописяхъ этотъ стихъ читается такъ:

διὰ σὲ τὰ πάντα κρατήσας.

Диндорфъ справедливо замѣтилъ, что διά испорчено, такъ какъ въ дактилическихъ стихахъ никогда не разрѣшаются арзисы — только одинъ разъ Пиндаръ позволилъ себѣ это, и то въ собственномъ имени. Потому Диндорфъ вмѣсто διά ставитъ эолическое ζά. Но эта форма не встрѣчается ни у одного аттическаго поэта. Гауптъ полагаетъ, что διά попало въ текстъ вслѣдствіе непонятаго переписчиками значенія прилагательнаго δῖος, а слова σὲ τὰ вставлены уже позже для выполненія стопы. На этомъ основаніи онъ пишетъ такимъ образомъ:

δῖα δὲ πάντα κρατήσας.

Чтеніе это и Мейнеке принялъ въ свой текстъ.

35) Магистра А. Коркина.

(О занятіяхъ за границею отъ 23-го ноября 1863 по 1-е апрѣля 1864 года).

Изъ лекцій нынѣшняго зимняго семестра я посѣщалъ лекціи Куммера и Кронекера. Такъ какъ Куммеръ при изложеніи свойствъ гипергеометрическаго ряда мало отступалъ отъ своего мемуара объ этомъ предметѣ*), то я не считаю необходимымъ говоритъ объ этомъ. Особенный интересъ имѣютъ лекціи Кронекера о приложеніяхъ анализа безконечно-малыхъ къ теоріи квадратичныхъ формъ, какъ по оригинальности его пріемовъ, такъ и по сущности самаго предмета,

*) Über die hypergeometrische Reihe. Journal von Crelle, Band XV.

показывающаго связь между двумя, по видимому весьма отдаленными, частями анализа: интегральнымъ исчисленіемъ и теоріей чиселъ. Сначала онъ долженъ былъ изложить элементарную часть теоріи двойныхъ квадратичныхъ формъ, для того чтобы потомъ приступить къ счету классовъ, на которые дѣлятся формы даннаго опредѣлителя, при помощи анализа безконечно-малыхъ. Кронекеръ удержалъ номенклатуру и обозначенія Гаусса *), принятыя въ настоящее время всѣми. Приведя основныя понятія теоріи двойныхъ квадратичныхъ формъ и сдѣлавъ необходимыя отредѣленія, онъ показалъ раздѣленіе формъ на классы и классовъ на порядки **). Здѣсь отдѣляются формы собственно и несобственно первообразныя отъ другихъ формъ того же опредѣлителя. Потомъ Кронекеръ рѣшилъ вопросъ о равносильности (aequivalentia) и нашелъ число классовъ для формъ *ancipites*, которыя приводятся къ двумъ видамъ (a, o, c) и (2b, b, c) ***) и поэтому проще другихъ формъ. Далѣе, онъ приступилъ къ рѣшенію главнѣйшихъ вопросовъ относительно какихъ либо двойныхъ квадратичныхъ формъ. Здѣсь изложеніе его совершенно оригинально. Не прибѣгая ни къ формамъ приведеннымъ, ни къ разложенію корней квадратныхъ уравненій въ непрерывную дробь, онъ доказалъ, что число классовъ для даннаго опредѣлителя всегда конечное и что уравненіе $t^2 - Du^2 = 1$ при положительномъ D имѣетъ безконечное множество рѣшеній въ цѣлыхъ числахъ относительно t и u. Далѣе Кронекеръ показалъ, что для рѣшенія вопроса о равносильности двухъ данныхъ формъ требуется конечное число дѣйствій. Этотъ вопросъ относительно двухъ формъ (a, b, c) и (A, B, C) опредѣлителя $D = b^2 - ac = B^2 - AC$ приводится къ рѣшенію слѣдующихъ трехъ уравненій въ цѣлыхъ числахъ:

$$aA = (ax + by)^2 - Dy^2,$$
$$B = axz + b(xv + yz) + cyv,$$
$$xv - yz = 1,$$

гдѣ неизвѣстныя суть x, z, y, v. При отрицательномъ D, очевидно, существуетъ конечное число системъ xzyv, удовлетворяющихъ этимъ тремъ уравненіямъ, ибо первому изъ нихъ возможно удовлетворить только конечнымъ числомъ системъ x y. При положи-

*) Disquisitiones arithmeticae. Sectio V.

**) Disqu. arithm. § 223 et 226.

***) Disqu. arithm. § 257, 258, 259.

тельномъ D, напротивъ, получается безконечное множество системъ $x\,z\,y\,v$. Чтобы показать, что здѣсь все таки требуется конечное число дѣйствій для обнаруженія равносильности или неравносильности формъ (a, b, c) и (A, B, C), Кронекеръ доказалъ, что въ первомъ случаѣ всегда существуетъ одна, и только одна, система $xzyv$, удовлетворяющая условіямъ $y \geqq o$, $ax + by > \frac{T}{U}y$, гдѣ T и U суть наименьшія положительныя и цѣлыя рѣшенія уравненія $t^2 - Du^2 = r^2$, а r есть единица или два, смотря потому, будутъ ли данныя формы (a, b, c) и (A, B, C) собственно или несобственно первообразныя. Отсюда уже легко слѣдуетъ, что величина y въ этой системѣ будетъ менѣе чѣмъ $\frac{U}{r}\sqrt{aA}$. Этого же достаточно, чтобы видѣть, что данный вопросъ приводится къ конечному числу дѣйствій.

Сдѣлавъ такимъ образомъ общее обозрѣніе теоріи двойныхъ квадратичныхъ формъ, Кронекеръ приступилъ къ главному предмету своихъ лекцій — къ счету классовъ. Эту трудную задачу рѣшилъ въ первый разъ Дирихле, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ послѣдователей Гаусса*). Чтобы изъяснить основную идею изысканій Дирихле, вообразимъ два ряда чиселъ

$$\alpha_1,\ \alpha_2,\ \alpha_3, \ldots\ldots$$
$$\beta_1,\ \beta_2,\ \beta_3, \ldots\ldots$$

такіе, что всякое число, входящее въ первый рядъ, входитъ и во второй рядъ, и притомъ сколько разъ оно заключается въ первомъ ряду, столько же разъ заключается и во второмъ. Очевидно, что законъ составленія чиселъ α можетъ быть весьма различенъ отъ закона составленія чиселъ β. Возьмемъ теперь функцію $\psi(x, \varrho)$, содержащую, кромѣ перемѣнной x, нѣкоторую произвольную величину ϱ и такую, что ряды

$$\psi(\alpha_1, \varrho) + \psi(\alpha_2, \varrho) + \psi(\alpha_3, \varrho) + \ldots.$$
$$\psi(\beta_1, \varrho) + \psi(\beta_2, \varrho) + \psi(\beta_3, \varrho) + \ldots.$$

суть сходящіеся, независимо отъ расположенія членовъ. Тогда, очевидно, мы получимъ равенство

$$(1)\quad \psi(\alpha_1, \varrho) + \psi(\alpha_2, \varrho) + \ldots = \psi(\beta_1, \varrho) + \psi(\beta_2, \varrho) + \ldots$$

*) Recherches sur diverses applications de l'analyse infinitésimale à la théorie des nombres. Journal von Crelle, XIX et XXI.

Положимъ теперь, что какъ первая такъ и вторая часть уравненія (1) можетъ быть разложена по возрастающимъ степенямъ ϱ, такъ что оно обратится въ слѣдующее

$$U_{p_1}\varrho^{p_1}+U_{p_2}\varrho^{p_2}+\ldots=V_{p_1}\varrho^{p_1}+V_{p_2}\varrho^{p_2}+\ldots$$

Тогда мы будемъ имѣть уравненія

$$U_{p_1}=V_{p_1},\quad U_{p_2}=V_{p_2},\ \ldots$$

которыя выразятъ нѣкоторые законы, относящіеся къ числамъ α и β. Составимъ теперь систему формъ или собственно или несобственно первообразныхъ, опредѣлителя D

(2) $$(a_1,\ b_1,\ c_1),\ (a_2,\ b_2,\ c_2),\ldots\ (a_i,\ b_i,\ c_i),$$

представляющихъ различные классы или собственно или несобственно первообразные. Числа, представляемыя этими формами, можно вообще изобразить черезъ rm, гдѣ r по прежнему есть единица или два. Предположивъ m числомъ взаимно простымъ съ $2D$ и замѣтивъ, что каждое число rm имѣетъ $\tilde{\iota}.2^{\tilde{\alpha}}$ представленій формами (2), гдѣ $\tilde{\iota}$ есть число рѣшеній уравненія $t^2-Du^2=r^2$ въ цѣлыхъ и $\tilde{\alpha}$ число различныхъ простыхъ чиселъ, входящихъ въ m, мы легко по предыщему получимъ уравненіе

(3) $$\Sigma\psi(a_1x^2+2b_1xy+c_1y^2)+\Sigma\psi(a_2x^2+2b_2xy+c_2y^2)+\ldots$$
$$+\Sigma\psi(a_ix^2+2b_ixy+c_iy^2)=\tilde{\iota}.\Sigma 2^{\tilde{\alpha}}\psi(rm)$$

Суммы, входящія въ первую часть, распространяются на всѣ x и y, для которыхъ числа

$$\frac{a_1x^2+2b_1xy+c_1y^2}{r},\quad \frac{a_2x^2+2b_2xy+c_2y^2}{r},\ \ldots\ \frac{a_ix^2+2b_ixy+c_iy^2}{r}$$

суть взаимно простыя съ $2D$, и числа x и y также взаимно простыя, такъ что въ суммѣ

$$\Sigma\psi(a_\lambda x^2+2b_\lambda xy+c_\lambda y^2)$$

числа x и y дѣлаютъ выраженіе

$$\frac{a_\lambda x^2+2b_\lambda xy+c_\lambda y^2}{r}$$

взаимно простымъ съ $2D$, оставаясь сами взаимно простыми. При D положительномъ нужно прибавить условія

$$y \geqq o, \quad a_\lambda x + b_\lambda y > \frac{T}{U} y,$$

гдѣ по прежнему T и U суть наименьшія положительныя цѣлыя рѣшенія уравненія $t^2 - Du^2 = r^2$. Тогда при D положительномъ нужно сдѣлать $\tilde{\iota} = 1$.

Сумма, входящая во вторую часть уравненія (3), распространяется на всѣ числа m, состоящія изъ произведенія простыхъ нечетныхъ чиселъ, относительно коихъ D есть квадратичный вычетъ. Уравненіе (3) можно проще написать такъ

$$(4) \qquad \sum_\lambda \sum_{x,y} \psi\,(a_\lambda x^2 + 2b_\lambda xy + c_\lambda y^2) = \tilde{\iota}.\ \Sigma\, 2^{\tilde{\alpha}} \psi\,(rm)$$

Полагая $\psi(z) = \frac{1}{z^{1+\varrho}}$ и преобразуя вторую часть этого уравненія въ безконечныя произведенія, какъ дѣлаетъ Дирихле, или вводя въ функцію $\psi(z)$ нѣкоторыя произвольныя величины и потомъ располагая ими приличнымъ образомъ, какъ дѣлаетъ Кронекеръ, мы преобразуемъ уравненіе (4) въ слѣдующее

$$(5) \quad r^{1+\varrho} \sum_\lambda \sum_{x,y} (a_\lambda x^2 + 2b_\lambda xy + c_\lambda y^2)^{-(1+\varrho)} = \tilde{\iota}.\ \sum_{n',n} \frac{1}{n'^{1+\varrho}}.$$

$$.\ \sum_n \left(\frac{D}{n}\right) \frac{1}{n^{1+\varrho}}$$

гдѣ $\varrho > o$, и суммы, входящія во вторую часть, распространяются на всѣ n' и n положительныя и взаимно простыя съ $2D$. Числа же x и y для даннаго λ удовлетворяютъ условіямъ

$$y \geqq o, a_\lambda x + b_\lambda y > \frac{T}{U} y,$$

если $D > o$, и всегда дѣлаютъ выраженіе $\frac{1}{r}(a_\lambda x^2 + 2b_\lambda xy + c_\lambda y^2)$ взаимно простымъ съ $2D$. Условіе, по которому x и y оставались между собою взаимно простыми, здѣсь не существуетъ.

Разложеніе обѣихъ частей уравненія (5) по степенямъ ϱ весьма трудно. Дирихле вычисляетъ только первый членъ пропорціональный величинѣ $\frac{1}{\varrho}$, умножая уравненіе (5) на ϱ и заставляя ϱ стремиться къ нулю. Весьма замѣчательно, что предѣлъ выраженія

$$(6) \qquad \varrho . \sum_{x,y} \left(\frac{a_\lambda x^2 + 2b_\lambda xy + c_\lambda y^2}{r} \right)^{-(1+\varrho)}$$

независитъ отъ a_λ, b_λ, c_λ, а только отъ опредѣлителя D. Пусть будетъ этотъ предѣлъ $A(D)$, и означимъ число классовъ представляемыхъ формами (2), черезъ $H_r(D)$, тогда предѣлъ первой части уравненія (5) умноженной на ϱ при $\varrho = 0$ будетъ $A(D) . H_r(D)$.

Пусть будутъ теперь $p_1, p_2, \ldots, p_k$ простыя числа, входящія въ D съ нечетными показателями, и q_1, q_2, q_l простыя числа, которыя входятъ въ D въ четныхъ степеняхъ, такъ что

$$D = \pm p_1^{2m_1+1} p_2^{2m_2+1} \ldots p_k^{2m_k+1} . q_1^{2n_1} q_2^{2n_2} \ldots q_l^{2n_l}$$

Пусть будетъ $P = p_1 p_2 \ldots p_k$, $Q = q_1 q_2 \ldots q_l$; тогда будетъ

$$(7) \qquad \text{пред.} \sum_n \left(\frac{D}{n}\right) \frac{1}{n^{1+\varrho}} = \Pi \left(1 - \left(\frac{\pm P}{q}\right)\frac{1}{q}\right) . \sum_n \left(\frac{\pm P}{n}\right)\frac{1}{n},$$

гдѣ нужно взять при P верхній знакъ, если $D > 0$, и нижній, если $D < 0$. Произведеніе Π распространяется на всѣ числа $q_1 q_2 \ldots q_l$. Съ другой стороны будетъ

$$(8) \qquad \text{пред.} \ \varrho \sum_{n, n', 1+\varrho} \frac{1}{} = \Pi \left(1 - \frac{1}{s}\right),$$

Знакъ произведенія распространяется на всѣ различныя простыя числа s, входящія въ $2D$, включая сюда и число 2.

Такимъ образомъ, число классовъ $H_r(D)$ выразится слѣдующимъ образомъ

$$(9) \quad H_r(D) = \tau \Pi \left(1 - \frac{1}{s}\right) . \Pi \left[1 - \frac{1}{q}\left(\pm \frac{P}{q}\right)\right] . \frac{\sum_n \left(\pm \frac{P}{n}\right)\frac{1}{n}}{A(D)},$$

Остается найти $A(D)$ и преобразовать безконечный рядъ $\sum_n \left(\frac{\pm P}{n}\right)\frac{1}{n}$ въ конечную сумму, ибо послѣднее всегда возможно. Такова общая идея, на которой основывается нахожденіе числа классовъ. Не вдаваясь въ подробности сейчасъ сказанныхъ преобразованій, что̀ выходило бы изъ предѣловъ отчета, я замѣчу, что Кронекеръ привелъ къ одному виду величину $A(D)$, какъ для положительныхъ такъ и для отрицательныхъ опредѣлителей.

Ищемъ всѣ возможныя s, удовлетворяющія уравненію

$$e^{\pm s} = \frac{t \pm u\sqrt{D}}{r}$$

и соотвѣтствующія всѣмъ возможнымъ t и u, подъ которыми разумѣемъ цѣлыя рѣшенія уравненія $t^2 - Du^2 = r^2$ *). Означимъ черезъ $\sigma(r, D)$ ту изъ величинъ s, для которой $\frac{s}{\sqrt{D}}$ есть наименьшее дѣйствительное и положительное число, тогда, какъ при $D > 0$, такъ и при $D < 0$, число классовъ $H_r(D)$ выразится такъ

$$(10) \qquad H_r(D) = \frac{2\sqrt{D}.\,\Pi\left[1 - \left(\frac{\pm P}{q}\right)\frac{1}{q}\right]}{\sigma(r, D)\left[2 - \left(\frac{r}{D}\right)\right]} \cdot \sum_n \left(\frac{\pm P}{n}\right) \cdot \frac{1}{n}$$

Существенную разницу можно замѣтить въ выраженіи $H_r(D)$ для D отрицательнаго и для D положительнаго. Въ первомъ случаѣ $H_r(D)$ представляется непосредственно въ видѣ цѣлаго числа, тогда какъ во второмъ оно содержитъ трансцендентныя числа.

Кронекеръ закончилъ свои въ высшей степени интересныя лекціи рѣшеніемъ трехъ вопросовъ, поставленныхъ Гауссомъ: 1) сравненіемъ числа классовъ при одномъ и томъ же опредѣлителѣ и при различныхъ r и сравненіемъ этого числа при различныхъ опредѣлителяхъ; 2) опредѣленіемъ числа классовъ тѣхъ формъ, кои способны представлять полный квадратъ; 3) опредѣленіемъ числа родовъ (Genera), на которые раздѣляются классы при данномъ опредѣлителѣ **).

Съ своей стороны, занимаясь интегрированіемъ дифференціальныхъ уравненій, я нашелъ нѣкоторые весьма общіе случаи, въ которыхъ заключаются и линейныя уравненія съ перемѣнными или постоянными коэфиціентами, гдѣ, зная одинъ первый интегралъ, можно посредствомъ простыхъ дифференцированій и алгебраическихъ исключеній получать другіе.

Эти результаты, составляющіе дополненіе къ тѣмъ, о которыхъ я говорилъ въ предыдущемъ отчетѣ, я сообщу впослѣдствіи.

---

*) Число e есть основаніе Неперовыхъ логариѳмовъ.

**) Результаты, найденные Гауссомъ, можно видѣть въ Disqu. arith. § 252—256, 261, 287, 301.

36) Доктора медицины А. Бабухина.

Прошлый зимній семестръ я провелъ въ Вюрцбургѣ. Занятія мои состояли въ слѣдующемъ:

1) Слушалъ у H. Muller'a курсы общей гистологіи и анатоміи органовъ чувствъ.

2) Практически изучалъ исторію развитія куринаго зародыша по экземплярамъ, заготовленнымъ мною въ лѣтнемъ семестрѣ, и приготовлялъ препараты, объясняющіе главнѣйшія фазы развитія.

3) Приготовлялъ микроскопическіе препараты по всѣмъ отдѣламъ гистологіи человѣка и низшихъ животныхъ.

4) Началъ изслѣдованія надъ развитіемъ ретины у млекопитающихъ животныхъ.

5) Спеціально занимался изслѣдованіемъ развитія глаза вообще и преимущественно хрусталика и сосудистой оболочки. Этими изслѣдованіями я окончательно и неоспоримо доказываю (противоположно мнѣнію Kölliker'a и многихъ другихъ гистологовъ), что собственно тѣло хрусталика развивается изъ задней стѣнки зародышеваго пузыря линзы, передняя же стѣнка превращается въ эпителіальный покровъ, облекающій внутреннюю поверхность передней стѣнки хрусталиковой сумки. Весь хрусталикъ и по окончаніи развитія представляетъ въ генетическомъ отношеніи полый шаръ, у котораго задняя стѣнка чрезвычайно утолщена, передняя же несообразно утончена. Въ справедливости сказаннаго воззрѣнія на развитіе линзы убѣдился и Kölliker на моихъ препаратахъ. Далѣе, я положительно и наглядно для всякаго доказываю, что сосудистая оболочка глаза развивается изъ тѣхъ же элементовъ, изъ которыхъ образуется склеротика.

6) Занимался изготовленіемъ пояснительныхъ рисунковъ къ исторіи развитія ретины.

7) Приготовилъ къ печати статью о развитіи ретины, хрусталика и сосудистой оболочки. Эта статья предварительно была прочтена въ засѣданіи Вюрцбургскаго физико-медицинскаго общества, и въ настоящее время печатается въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ.

По крайнему недостатку времени, поглощаемому безпрерывными практическими работами, я позволяю себѣ въ настоящей запискѣ ограничиться только общимъ перечнемъ своихъ занятій за послѣдніе

три мѣсяца и нахожусь вынужденнымъ отложить подробныя свѣдѣнія до болѣе благопріятнаго времени (я полагаю не далѣе конца мая).

Теперь я нахожусь въ Неаполѣ, гдѣ занимаюсь изслѣдованіемъ низшихъ морскихъ животныхъ.

37) Титулярнаго совѣтника Яковлева.

Честь имѣю довести до свѣдѣнія департамента народнаго просвѣщенія, что я въ настоящее время нахожусь въ Парижѣ, гдѣ намѣренъ пробыть все время лѣтняго семестра. Предшествовавшій семестръ окончился въ половинѣ марта. Съ его окончаніемъ нѣкоторые изъ профессоровъ закончили также свои чтенія въ этомъ академическомъ году. По обыкновенію здѣсь принятому, во время зимняго семестра въ Сорбоннѣ читаютъ профессора, составившіе себѣ извѣстность въ ученомъ мірѣ своими трудами и педагогическими достоинствами. На лѣтній семестръ ихъ мѣста занимаютъ другіе, которые еще начинаютъ свои профессорскія карьеры. Съ этой перемѣной измѣняется предметъ, объемъ и характеръ преподаванія. Но нѣкоторые изъ профессоровъ удерживаютъ за собою чтенія впродолженіи обоихъ семестровъ. Въ составѣ профессоровъ, чтенія которыхъ я посѣщалъ регулярно, произошла только одна перемѣна. Мѣсто г. Пюизё заступилъ Г. Бріо. г. Пюизё, какъ я сообщилъ уже въ прошломъ моемъ рапортѣ, излагалъ теорію пертурбаціоннаго движенія луны. Въ своихъ чтеніяхъ онъ представилъ всѣ извѣстные до сихъ поръ способы вычисленія неравенствъ этой планеты, между которыми способъ Делонэ занялъ почетное мѣсто, и имъ былъ заключенъ курсъ чтеній Пюизё. Г. Бріо началъ излагать курсъ сферической и практической астрономіи, слѣдуя историческому ходу ихъ развитія. Курсъ его есть, собственно говоря, элементарный; но способъ изложенія, сопровождаемый опытами и показываніемъ инструментовъ и небесныхъ картъ, чрезвычайно интересенъ. Такъ во время второй своей лекціи г. Бріо показывалъ приборъ, служащій для доказательства обращенія земли около оси и основывающійся на постоянствѣ плоскости колебанія маятника: приборъ этотъ устроенъ въ небольшихъ размѣрахъ и впродолженіи времени получаса онъ далъ отклоненіе плоскости колебанія, замѣтное для всей аудиторіи и очень близко согласовавшееся съ формулой, относящейся къ этому отклоненію для Парижа.

Вообще надобно сказать, что опытная часть доведена здѣсь до высокой степени совершенства. Г. Льювилль читаетъ обыкновенно въ Сорбоннѣ впродолженіи обоихъ семестровъ. Въ прошедшій семестръ онъ изложилъ начала статики и динамики; въ настоящее время онъ занимается примѣненіемъ этихъ началъ къ различнымъ частнымъ случаямъ и затѣмъ перейдетъ къ гидростатикѣ и гидродинамикѣ. Въ концѣ прошедшаго семестра въ Сорбоннѣ открытъ курсъ блестящихъ лекцій дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія г. Серре.

Кромѣ посѣщенія помянутыхъ лекцій я занимался исключительно механикой, потому что чтенія г. Пюизё въ Сорбоннѣ и г. Серре въ коллегіи требовали значительныхъ знаній изъ механики.

Парижъ, 27-го марта 1864 года.

38) Старшаго учителя А. Новоселова.

Въ послѣднемъ отчетѣ я довольно подробно изложилъ содерженіе лекцій профессора Курціуса по исторіи греческой литературы, чтобы показать направленіе и характеръ его чтеній. Изъ него уже видно было, что профессоръ не пренебрегаетъ ничѣмъ, чтобы достигнуть двоякой цѣли: 1) познакомить своихъ слушателей вообще съ развитіемъ и ходомъ греческой литературы и 2) указать средства и пособія для самостоятельной разработки какого либо вопроса тому, кто пожелалъ бы взяться за это дѣло. Поэтому онъ дѣлилъ свои чтенія очень подробно на періоды, отдѣленія и параграфы, указывалъ на нерѣшенные и спорные вопросы и предпосылалъ каждому періоду и каждому писателю лучшія изданія классиковъ и лучшія сочиненія по тому или другому вопросу, съ краткими критическими замѣчаніями объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ. Въ этомъ направленіи пр. Курціусъ продолжалъ свои чтенія и до конца семестра. Въ числѣ вопросовъ изъ перваго періода греческой литературы съ особенною подробностью былъ разсмотрѣнъ имъ гомеровскій вопросъ. Профессоръ Курціусъ спеціалистъ въ разработкѣ этого, цѣлые 50 лѣтъ рѣшаемаго вопроса. Для нагляднаго и яснаго пониманія хода этого вопроса и для легкаго ознакомленія съ его настоящимъ положеніемъ, могутъ служить, кромѣ статьи этого профессора, указанной мною въ предыдущемъ отчетѣ, еще двѣ очень хорошія брошюры Боница и Якоба La Roche. Первая вышла 2-мъ изданіемъ въ 1864 г. съ заглавіемъ: Ueber den Ursprung

der Homerischen Frage, а 2-я, явившаяся въ 1863 г., носитъ названіе: Ueber die Entstehung der Homerischen Gedichte.

При обозрѣніи втораго періода литературы — аттическаго, профессоръ Курціусъ показалъ внутреннія и внѣшнія причины, по которымъ аттика сдѣлалась средоточіемъ и высшимъ проявленіемъ эллинскаго образованія и почему Аѳины далеко оставили за собою остальныя государства Греціи относительно цивилизаціи; за тѣмъ онъ обозрѣлъ направленіе всѣхъ отраслей греческой литературы, обращая впрочемъ, согласно своей программѣ, преимущественное вниманіе на поэзію. Взглядъ его на эпоху Перикла и на писателей того періода не представлялъ прелести новизны, за которою многіе гоняются въ ущербъ истинѣ; притомъ же, послѣ классическихъ трудовъ Грота, Эрнеста, Курціуса, Бернгарди, Гот. Мюллера и д., трудно сказать что нибудь новое правдивое. За то ясность и мѣрность изложенія у профессора Курціуса такова, что въ этомъ отношеніи не остается желать ничего больше. Подробнѣе о достоинствахъ его чтеній я говорилъ уже въ прошломъ отчетѣ. Здѣсь прибавлю только, что онъ въ своихъ чтеніяхъ по преимуществу держался взгляда Бернгарди, хотя нерѣдко и не соглашался съ нѣкоторыми мнѣніями этого послѣдняго. Въ послѣднемъ случаѣ онъ дѣлалъ свои замѣчанія и опроверженія всегда въ предѣлахъ умѣренности и полнаго уваженія къ трудамъ этого корифея исторіи греческой литературы. Той же умѣренностію въ полемикѣ отличается онъ и въ отношеніи трудовъ всѣхъ другихъ ученыхъ. Онъ всегда чуждъ мелкаго самолюбія — прибѣгать къ неприличнымъ выходкамъ и колкостямъ противъ своихъ ученыхъ противниковъ. Обращаюсь, однако, снова къ обозрѣнію чтеній профессора Курціуса.

Съ потерею независимости Греціи исчезъ въ греческой литературѣ чисто эллинскій духъ. Значеніе Аѳинъ, какъ центра греческой образованности, пало. Греческая цивилизація теряетъ свой мѣстный, аттическій колоритъ, переходя за предѣлы греческаго міра, ко дворамъ царей Азіи, Египта и Македоніи; она дѣлается мало по малу достояніемъ всего древняго міра. Аристотель стоитъ на рубежѣ двухъ періодовъ: заключая чисто аттическій періодъ, онъ въ то же время начинаетъ собою новую, всемірную эпоху греческаго образованія и, такъ сказать, даетъ тонъ этой послѣдней. За нимъ продуктивная сила Греціи почти изчезаетъ, но въ замѣнъ ея является другая, почти незнакомая грекамъ прежняго времени, репродуктивная сила. Школьныя и ученыя студіи замѣняютъ со-

бою прежнюю практическую науку. Главнымъ ихъ средоточіемъ служитъ Александрія, отъ чего и самая эпоха (отъ 330—30 г.) носитъ названіе александрійской. Впрочемъ, и въ этотъ періодъ еще видна свѣжесть силъ, которыя дѣйствуютъ на поприщѣ греческой культуры. Онѣ произвели даже новую отрасль поэзіи — буколическую: но главною ихъ заслугою все таки остаются ученые труды, безъ которыхъ греческая древность осталась бы для насъ на половину непонятою. Съ этой точки зрѣнія проф. Курціусъ представилъ писателей александрійскаго періода очень наглядно, показывая въ нихъ это репродуктивное по преимуществу направленіе и подражаніе древнимъ.

Въ 4-мъ періодѣ греческой литературы (30—330), Александрія, какъ прежде Аѳины, потерявъ свою самостоятельность, естественнымъ образомъ лишается бо́льшей части своего образовательнаго вліянія и ученаго значенія. Ближайшимъ центромъ греческой образованности, сливающейся съ римскою, становится Римъ. Римскіе цезари, начиная съ Августа, являются покровителями гуманизма и поддерживаютъ его наперекоръ прежнему чисто римскому специфическому образованію. Прежніе Graeculi становятся годъ отъ году вліятельнѣе и задаютъ тонъ римской литературѣ и римскому образованію. Характеристическая черта этого періода греческой литературы, сравнительно съ предыдущимъ, та, что форма, которою пренебрегали писатели александрійскаго періода, теперь снова дѣлается предметомъ такой же заботливости со стороны писателей, какъ и содержаніе, и нерѣдко даже преобладаетъ надъ послѣднимъ. Во второмъ вѣкѣ по Р. Х., именно при Антонинахъ, греческая образованость даже получаетъ въ имперіи перевѣсъ надъ римскою, благодаря особому покровительству императоровъ, которые ревностно заботились объ учрежденіи школъ и библіотекъ съ направленіемъ по преимуществу греческимъ. Въ концѣ же этого періода греческое и римское направленіе снова уравновѣшиваются. Вотъ точка зрѣнія, съ которой проф. Курціусъ смотрѣлъ на ходъ греческой литературы въ этомъ періодѣ.

Послѣдній періодъ греческой литературы, до паденія восточной имперіи, былъ разсмотрѣнъ профессоромъ очень кратко по недостатку времени. Греческая литература этого періода, по его мнѣнію, можетъ быть названа только отчасти античною; она состоитъ въ продолженіи и подражаніи предыдущему періоду и потому важна, главнымъ образомъ, какъ источникъ для этого послѣдняго.

Богословіе и другія религіозныя сочиненія, какъ имѣвшія своей основой христіанское вѣроученіе, не относятся къ области античной греческой литературы; напротивъ, они стоятъ даже въ прямой враждѣ къ этой послѣдней; для нашего предмета ими можно пользоваться только на столько, на сколько въ нихъ встрѣчается упоминаніе о языческихъ обычаяхъ, обрядахъ, вѣрованіяхъ и т. п. Съ этого же времени область употребленія греческаго языка начинаетъ съуживаться; въ Римѣ латинскій языкъ дѣлается единственнымъ языкомъ и письменнымъ и разговорнымъ; на всемъ западѣ латинское образованіе становится господствующимъ, и одна Византія остается мѣстомъ греческо-христіанской цивилизаціи, пока наконецъ турецкое владычество изгоняетъ и отсюда послѣдніе остатки древне-греческихъ студій. Таковъ общій очеркъ лекцій проф. Курціуса и его взглядъ на ходъ и развитіе греческой литературы и образованности.

Кромѣ проф. Курціуса, я посѣщалъ лекціи Фриче, читавшаго Ѳеокрита. Фриче считается въ ученомъ мірѣ первымъ знатокомъ этого поэта; его дессертація de poëtis bucolicis graecis и его превосходное изданіе «идиллій Ѳеокрита» съ нѣмецкими объяснительными примѣчаніями уже слишкомъ извѣстны, чтобы нужно было еще распространяться объ ихъ достоинствѣ. Теперь онъ готовитъ ученое изданіе того же поэта, которое должно появиться не позже августа нынѣшняго года. У проф. Клёца, я время отъ времени слушалъ объяснительныя чтенія элегій Катулла.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ упомянуть о нѣкоторыхъ лучшихъ трудахъ по части греческой филологіи, которые появились въ Германіи въ прошломъ году. Подробный же перечень и рекомендацію многихъ другихъ, я оставляю до болѣе удобнаго и свободнаго времени. По исторіи греческой литературы и греческ. древностей: 1) Attische Studien von Ernest Curtius. 2) Abriss der griechischen und römischen Alterthümer und Literaturgeschichte von Haacke, трудъ, предназначенный для гимназій, очень добросовѣстный, но слишкомъ краткій и сжатый, чтобы онъ могъ вполнѣ достигать своей цѣли. 3) Второе, обработанное вновь и снабженное указателемъ изданіе исторіи греческой литературы Мунка. Первое изданіе этой образцовой въ своемъ родѣ книги уже извѣстно въ Россіи, даже существуетъ переводъ одной ея части, но, къ сожалѣнію, такой невѣжественный и безсмысленный, что можетъ только оттолкнуть читателя отъ этого труда. Мы снова рекомендуемъ его для нашихъ

университетовъ и гимназій. 4) Очень хорошая монографія: Келлера, Untersuchungen über die Geschichte der griechischen Fabel. 5) Второе, исправленное, согласно съ новѣйшими изслѣдованіями, изданіе 2-го тома греческихъ древностей Шёмана. Изъ изданій классиковъ наиболѣе замѣчательны: 1) Acharnenses Aristophanis, изд. Мюллеромъ. 2) Demosthenis oratio in Midium cum annotatione critica et exegetica, Буттмана. Оба ученыя изданія. Изъ множества новыхъ руководствъ для гимназій, я укажу только на греческую грамматику Курціуса, какъ лучшую. Въ нынѣшнемъ году она явилась уже шестымъ изданіемъ и исправленная. Она предназначена для школъ. Это самостоятельный трудъ и плодъ глубокихъ филологическихъ знаній. Рекомендовать ее для перевода на русскій языкъ, какъ лучшее руководство для нашихъ гимназій, я считаю своей обязанностью.

При отчетѣ я посылаю одинъ отрывокъ изъ своихъ трудовъ «о публичныхъ библіотекахъ и школахъ въ римской имперіи».

Берлинъ, $^{7}/_{19}$ апрѣля 1864 года.

Нѣсколько словъ о публичныхъ библіотекахъ и высшихъ школахъ въ періодъ всемірнаго владычества Рима.

Обычай заводить библіотеки начался въ Римѣ еще во времена республики. Съ тѣхъ поръ, какъ греческое образованіе стало проникать въ римское общество и мало по малу сдѣлалось потребностью всего высшаго класса, многіе изъ римскихъ аристократовъ начали, при помощи ученыхъ и грамотныхъ рабовъ, переписывать для себя разныя произведенія частію своей, а еще болѣе греческой литературы и такимъ образомъ составлять частныя библіотеки. Распространенію этого обычая много содѣйствовало заведеніе въ послѣдніе годы республики книжныхъ лавокъ, гдѣ можно было по довольно дешевой цѣнѣ покупать разныя книги. Когда же римское владычество проникло и на востокъ, то образованныя страны Греціи, Малой Азіи и Египта сдѣлались новымъ источникамъ для пополненія, увеличенія и даже основанія новыхъ библіотекъ въ Римѣ. Начавшись въ послѣдній періодъ республики, упомянутый обычай дѣлается во время Августа уже повсемѣстнымъ у римскихъ вельможъ. Собираніе книгъ является теперь предметомъ не только потребности, но и простой моды; въ каждомъ аристократическомъ домѣ, говоритъ Шлоссеръ, библіотека считалась въ эту пору такою же необходимостью, какъ и изящныя ванны. Въ нѣкоторыя изъ этихъ библіотекъ былъ открытъ доступъ и постороннимъ лицамъ. Пер-

вымъ изъ такихъ, извѣстныхъ намъ, владѣльцевъ библіотеки является знаменитый римскій вельможа и первый богачъ между современниками, Лукуллъ. Послѣ войны съ понтійскимъ царемъ Митридатомъ великимъ, онъ вывезъ въ Римъ огромный запасъ книгъ, которыя захватилъ у этого царя вмѣстѣ съ другими сокровищами. Изъ нихъ то Лукуллъ и составилъ библіотеку, которая хотя и оставалась его собственностію, но была открыта для всякаго желающаго. Онъ самъ, отличный знатокъ греческаго языка, охотно дѣлилъ въ ней время съ учеными греками [1]). Подобный разсказъ мы находимъ у Плутарха [2]) и Страбона [3]) о другомъ римскомъ вельможѣ. Во время покоренія Аѳинъ, Сулла захватилъ собраніе книгъ, хранившихся у Апелликона, и въ числѣ многихъ другихъ вывезъ еще не изданныя сочиненія великаго греческаго философа. О судьбѣ этихъ сочиненій извѣстно слѣдующее. Многія изъ нихъ, которыя Аристотель не счелъ нужнымъ обнародовать, были завѣщаны имъ одному изъ его учениковъ Теофрасту, а этотъ послѣдній передалъ ихъ, при своей смерти, Секспису, потомство котораго и хранило этотъ подарокъ, какъ фамильную драгоцѣнность. Наконецъ, изъ опасенія, чтобы эти сочиненія не попали въ руки пергамскихъ царей, наслѣдники Сексписа скрыли ихъ въ подземной кладовой. Въ продолженіи болѣе ста лѣтъ они и оставались тамъ, пока, наконецъ, Апелликонъ купилъ это сокровище, уже на половину истребленное молью и сыростью. Сулла, захвативъ эти остатки, приказалъ сдѣлать со многихъ изъ нихъ списки, а остальную часть подарилъ Андронику Родосскому, которымъ она и была издана. Эти-то остатки, вмѣстѣ съ многими другими произведеніями греческихъ писателей, и легли въ основаніе другой, извѣстной намъ, частной библіотеки въ Римѣ, обыкновенно называемой Сулловой.

Не много позже Юлій Цезарь является уже съ планомъ учрежденія публичной библіотеки. Его намѣреніе было устроить, по образцу александрійской библіотеки, заведеніе, въ которомъ были бы собраны всѣ греческія и римскія произведенія, и поручить надзоръ за нимъ знаменитому ученому тогдашняго времени М. Т. Варрону [4]). Но, кажется, смерть помѣшала осуществленію этого громаднаго плана. Уже Азиній Полліонъ взялся за исполненіе цезаревой мысли

---

[1]) Isidor VI, 4.

[2]) Plut. in Sulla cap. 1. p. 468.

[3]) Strab. XIII. p. 906.

[4]) Sueton. Caes. cap. 44.

и основалъ большую публичную библіотеку. Такимъ образомъ это была, по всей вѣроятности, первая по времени публичная библіотека всемірной столицы древняго міра. Но особенною славою пользовалась въ древности библіотека, основанная первымъ римскимъ императоромъ. Она была устроена въ портикахъ огромнаго храма, который Августъ воздвигъ на холмѣ палатинскомъ въ память своей побѣды при Акціумѣ и посвятилъ Аполлону [1]). Эта библіотека носила названіе палатинской и, кажется, существовала еще при Константинѣ Великомъ, хотя нѣкоторые, безъ достаточныхъ основаній, предполагаютъ, что она сдѣлалась жертвою нероновскаго пожара. Палатинская библіотека содержала въ себѣ какъ латинскія, такъ и греческія произведенія, а потому имѣла двойныхъ надзирателей: одному поручено было завѣдываніе отдѣломъ греческой литературы, а другому—римской. Августъ не ограничился одною библіотекой; ея невмѣстительность, при огромномъ накопленіи книгъ, а, можетъ быть, другія соображенія побудили его устроить вторую, хотя и менѣе извѣстную, но весьма значительную. Помѣщеніе этой библіотеки находилось близъ Марцеллова театра въ портикѣ Октавіи, который также принадлежалъ храму. Само собою понятно, что учрежденіе подобныхъ библіотекъ имѣло огромное вліяніе на современную образованность. Достаточно замѣтить только, что публичныя библіотеки въ древнемъ Римѣ, какъ и въ Греціи представляли гораздо больше значенія, чѣмъ у насъ. Онѣ назначались не только для справокъ, чтенія и выписокъ изъ книгъ, но и служили мѣстомъ свиданія ученыхъ и чѣмъ то въ родѣ нашихъ академій, гдѣ образованные люди, встрѣчаясь другъ съ другомъ, разсуждали о разныхъ предметахъ науки.

И такъ, первымъ императоромъ былъ поданъ примѣръ, отъ котораго его преемники уже не отступали, если не всегда по любви къ наукѣ, то, по крайней мѣрѣ, изъ тщеславія и, можетъ быть, изъ желанія подражать божественному Августу. Почти всѣ они старались или объ умноженіи библіотекъ, или о поддержаніи ихъ. Самые худшіе изъ римскихъ цезарей поддерживали это новое учрежденіе императорскаго Рима. Уже первый преемникъ Августа, Тиберій, по свидѣтельству Геллія [2]), основалъ новую библіотеку въ построенной

---

[1]) Lürsen, de templo et bibliotheca Apollinis Palatini и de bibliothecis urbis Romae. 1719 г.

[2]) Noctes Att. XIII. 19.

имъ части Палладіума и извѣстной подъ именемъ Aedes Tiberiana. За нею по порядку времени слѣдуетъ библіотека устроенная въ храмѣ Мира; основаніе ея приписываютъ императору Веспасіану [1]).

Страшные пожары, свирѣпствовавшіе въ Римѣ при Неронѣ и Титѣ, одинъ въ продолженіи шести дней, а другой — въ теченіе цѣлыхъ трехъ сутокъ, конечно, не могли не повредить публичнымъ библіотекамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, кромѣ вышеупомянутыхъ, существовало не мало и другихъ, по крайней мѣрѣ частныхъ, собраній книгъ, которыя также должны были пострадать отъ этого огня. Чтобы вознаградить, сколько можно, эти потери, преемникъ Тита Домиціанъ, по свидѣтельству Светонія, послалъ переписчиковъ во многіе города, особенно въ Александрію, съ цѣлію снять новыя копіи съ тѣхъ сочиненій, экземпляры которыхъ были уничтожены въ Римѣ пожарами, и провѣрить старыя съ подлинными рукописями [2]).

Императоръ Ульпій Траянъ (98 — 117 г.) пошелъ по слѣдамъ Веспасіана въ заботахъ о наукѣ и о народномъ образованіи и въ этомъ отношеніи сдѣлалъ еще болѣе, чѣмъ предшественники. Онъ является основателемъ новой библіотеки, названной по его имени Ульпійскою. Эта библіотека считалась самою знаменитою и громадной въ Римѣ во всѣ остальныя столѣтія древности. Она особенно славилась богатствомъ такъ называемыхъ libri Lintei и была мѣстомъ собранія ученыхъ. Позже она была перемѣщена въ Діоклитіановскія бани; здѣсь, по крайней мѣрѣ, находилась она въ царствованіе Максиміана, какъ свидѣтельствуетъ Флавій Вопискъ Сиракузскій, современникъ этого императора [3]), слѣдовательно въ концѣ III и въ началѣ IV вѣковъ. Существовала еще въ Римѣ библіотека капитолійская (Bibliotheca Capitolina); но кѣмъ и когда она основана, достовѣрно неизвѣстно. Одни видятъ въ ней коллекцію книгъ, сдѣланную еще Суллою, другіе приписываютъ ее то Цезарю, то Домиціану, то Адріану; но все это однѣ гипотезы, не подкрѣпленныя достаточными доказательствами. Кѣмъ бы ни была она основана, но извѣстно только, что уже при Коммодѣ (180—192 г.) она вся сгорѣла до основанія отъ паденія на капитолій молніи [4]).

---

[1]) Ibidem. V. 21.
[2]) Sveton. Dom. cap. 20.
[3]) Fl. Vop. in Prob. c. 2.
[4]) Oros. VII. 16.

Въ III вѣкѣ Римъ украсился новою библіотекой, которая хотя и оставалась частною собственностью, но была предназначена для всеобщаго пользованія. Эта библіотека принадлежала одному изъ императоровъ, Гордіану младшему и заключала въ себѣ до 62,000 томовъ. Она досталась ему по завѣщанію отъ его бывшаго наставника Серена Самоникійскаго [1]), и была помѣщена во дворцѣ Помпея, наслѣдованномъ фамиліей Гордіановъ. Въ началѣ IV вѣка въ Римѣ существовало 29 однихъ публичныхъ библіотекъ [2]).

Но богатый запасъ книгъ, хранившихся въ библіотекахъ Рима, не былъ единственнымъ, особенно если мы припомнимъ, что въ тогдашнее время и самъ Римъ, и многіе другіе города замѣняли собою наши университетскіе — и были обыкновенными мѣстами, куда стекались массы молодыхъ людей для полученія высшаго образованія. Естественно, что и тамъ, по образцу столицы, могли образовываться библіотеки по крайней мѣрѣ частныя, и въ бо́льшихъ, или меньшихъ размѣрахъ. Такіе города, какъ напр. Аѳины, Массилія, бывшія въ этотъ періодъ одними изъ главныхъ сосредоточій образованія и науки, почти неизбѣжно предполагаютъ ихъ существованіе. Оно тѣсно связано съ тогдашними способами занятій въ школахъ. Древнѣйшіе писатели были главными и почти единственными источниками, изъ которыхъ черпалось тогдашнее высшее образованіе. Поэты и прозаики древнихъ, свободныхъ Аѳинъ были образцами, по которымъ старались развивать себя. Тогдашняя декламація пересыпалась отрывками изъ древнихъ трагиковъ и ораторовъ. Этотъ обычай иногда заходилъ такъ далеко, что многіе учились говорить словами и цѣлыми оборотами прежнихъ писателей. Впрочемъ, на основаніи этого обычая нельзя представлять себѣ слишкомъ большаго объема и разнообразія въ содержаніи библіотеки. Въ нихъ главнымъ образомъ должны были существовать тѣ изъ древнихъ авторовъ, которые преподавались тогда въ школахъ; а это преподаваніе ограничивалось кругомъ тѣхъ древнихъ писателей, которые были канонизированы александрійскими учеными и тѣмъ самымъ какъ бы рекомендованы для изученія, преимущественно предъ прочими. Эти то канонизированныя произведенія древности и составляли главный и необходимый предметъ тогдашнихъ частныхъ библіотекъ, и, по мѣрѣ увеличенія запроса въ тогдашнихъ

---

[1]) Jul. Capitol. in Gordian. c. XVIII.

[2]) P. Victor de regionibus Urbis.

школахъ на первыя, должны были возрастать въ числѣ и объемѣ послѣднія.

Не одинъ Римъ имѣлъ въ эту эпоху и публичныя библіотеки. Онѣ существовали въ Александріи и въ Византіи. Самая блестящая эпоха и ученая слава Александріи принадлежатъ главнымъ образомъ предыдущему періоду и именно времени царствованія первыхъ Птоломеевъ, хотя, въ разсматриваемый нами періодъ, этотъ городъ уступалъ развѣ одному Риму въ средствахъ образованія. Еще Птоломей (321 — 283 до Р. Х.) первый, избравшій Александрію своей столицей, положилъ начало знаменитому Александрійскому музею, который былъ достроенъ сыномъ его Птоломеемъ Филадельфомъ. Этотъ музей стоялъ въ лучшемъ кварталѣ города, называемомъ Брухіонъ и примыкалъ къ огромному царскому дворцу и разнымъ общественнымъ зданіямъ. Въ лучшей части музея и помѣщалась библіотека, основанная Птоломеемъ 1-мъ и значительно умноженная его сыномъ. Кромѣ помѣщенія библіотеки, въ немъ находились всевозможныя пособія для занятія науками; такъ что этотъ музей можно назвать и университетомъ и академіей наукъ. Одна часть строенія была занята помѣщеніями и столовыми для ученыхъ, которые содержались на счетъ казны, другая залами для учебныхъ занятій и лекцій, наконецъ третья была отведена для переписчиковъ книгъ и для работниковъ въ родѣ нашихъ переплетчиковъ. Кромѣ этихъ помѣщеній при музеѣ находились еще портики и сады, въ которыхъ ученые и наставники читали свои лекціи, прогуливаясь взадъ и впередъ съ своими слушателями.

Впрочемъ, какъ ни великъ былъ музей, но вслѣдствіе постояннаго накопленія книгъ, помѣщеніе, назначенное въ немъ для библіотеки, вскорѣ оказалось недостаточнымъ. По этому часть ихъ, составлявшая вторую коллекцію, была перемѣщена въ одно изъ роскошнѣйшихъ зданій Александріи, въ храмъ Юпитера Серапійскаго, стоявшій въ предмѣстьи города, которое называлось Рокатисъ и примыкало къ Брухіону. Судьба перваго собранія, простиравшагося, какъ обыкновенно полагаютъ, до 700,000 томовъ, извѣстна: во время, такъ называемой, Александрійской войны, когда Цезарь былъ осажденъ въ самой Александріи египетскими полководцами, солдаты его зажгли зданіе музея, съ частью котораго сгорѣла и библіотека.

Послѣ этого въ Александріи осталась одна Серапійская библіотека, которая, при всемъ своемъ богатствѣ, не пользовалась такой извѣстностью, какъ первая. Не много позже впрочемъ потеря эта

была вознаграждена до нѣкоторой степени, благодаря дружбѣ Клеопатры съ Антоніемъ, въ угодность которой онъ подарилъ Александріи очень богатую коллекцію книгъ, захваченныхъ имъ въ Пергамѣ. Эта коллекція простиралась до 120,000 томовъ. Составляла ли Пергамская коллекція особую библіотеку въ оставшейся отъ пожара части музея, или была соединена съ Серапійскою, на этотъ весьма важный для науки вопросъ нѣтъ рѣшительнаго отвѣта со стороны древности, хотя обыкновенно и принимаютъ второе предположеніе. Впрочемъ, если согласиться и съ первымъ, то существованіе этой новой библіотеки должно ограничить временемъ Авреліана, когда, по случаю страшныхъ волненій, возникшихъ въ Александріи между язычниками и христіанами, была уничтожена вся часть города, называемая Брухіумъ, при чемъ не былъ пощаженъ и музей. Такимъ образомъ и во времена римскихъ императоровъ, Александрія имѣла, если не двѣ, то одну, очень значительную библіотеку. Тоже нужно замѣтить и объ Антіохіи Сирійской, которая имѣла довольно большую книжную коллекцію, хранившуюся въ храмѣ Трояна.

Константинопольская библіотека была, по времени основанія, послѣднею изъ всѣхъ, извѣстныхъ намъ, публичныхъ библіотекъ, существовавшихъ въ древнемъ мірѣ. Такой ничтожный городокъ, какимъ была Византія въ эпоху всемірнаго владычества Рима, могъ подняться, только благодаря такому важному событію, какъ перенесеніе въ него императорской резиденціи и избраніе его столицею государства. Неожиданно пріобрѣвши такое высокое значеніе и увеличившись вдругъ цѣлыми 100,000 жителей, Византія уже не могла долго оставаться безъ тѣхъ насущныхъ средствъ образованія, каковыми являлись тогда въ большихъ городахъ библіотеки. Въ какомъ размѣрѣ и когда именно начали устроиваться здѣсь частныя бибіотеки, мы не знаемъ; но публичная появляется уже при сынѣ Константина Великаго Констанціѣ, который положилъ ей основаніе. Главная же заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ знаменитому покровителю наукъ и классической литературы императору Юліану. Для помѣщенія библіотеки онъ построилъ великолѣпныя галлереи или портикъ, собралъ всѣвозможныя рукописи и помѣстилъ ихъ въ этомъ новомъ зданіи. Мало по малу Юліановская библіотека возрасла до 120,000 томовъ. Она содержала въ себѣ произведенія какъ греческихъ, такъ и римскихъ писателей. Во времена Валента при ней существовало извѣстное число переписчиковъ, именно трое латинистовъ и семеро грековъ, которые получали жалованье изъ

императорскаго фиска и были обязаны приготовлять новые списки и заботиться объ исправленіи старыхъ. Вотъ почти все, что̀ извѣстно намъ о числѣ и объемѣ библіотекъ, особенно публичныхъ, существовавшихъ въ періодъ римской имперіи въ древнемъ мірѣ! Но и этихъ скудныхъ свѣдѣній, которыя сохранила намъ древность, достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ значительны были въ эту эпоху коллекціи книгъ. Бо́льшая часть ихъ еще существовала и въ концѣ древнихъ вѣковъ, пока наконецъ времена варварства и войнъ мало по малу не уничтожили этихъ сокровищъ древней мудрости. Когда именно и какъ это случилось, мы упомянемъ объ этомъ послѣ, а теперь обратимся къ другому столь же сильному, но болѣе живому средству образованія въ разсматриваемую нами эпоху—къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, или школамъ.

Главными предметами преподаванія въ эту пору была грамматика, риторика и философія. Къ нимъ по мѣстамъ примыкали медицина и юриспруденція. Форма преподаванія и теперь оставалась прежнею; она дышала духомъ республики, духомъ того вѣка, когда знакомство съ великими образцами краснорѣчія и поэзіи клалось въ основаніе образованія будущаго оратора и государственнаго человѣка, и когда занятіе философіей считалось потребностью для пріобрѣтенія богатаго запаса идей и для доставленія зрѣлости уму, качествъ столь же необходимыхъ государственному человѣку, какъ пища для его фантазіи, вмѣстѣ съ отличнымъ знаніемъ роднаго языка. По этому то греческая ученость такъ и нравилась республиканскому Риму; по этому то она такъ быстро и прививалась къ нему; отъ того то мы и встрѣчаемъ еще въ домахъ Сципіоновъ и Марцелловъ греческихъ грамматиковъ и софистовъ, которые посредствомъ практическихъ упражненій воспитываютъ и приготовляютъ будущихъ государственныхъ людей и гражданъ республики. Но республика погибаетъ, является монархія, а форма обученія удерживаетъ свой прежній характеръ, какъ ни мало на первый взглядъ соотвѣтствуетъ она новой формѣ правленія и новому строю всего государства. Знакомство съ литературой составляетъ по прежнему необходимое условіе тонкаго образованія, и хотя потребности въ государственныхъ ораторахъ уже не существуетъ, но за краснорѣчіемъ все таки остается его слава тѣмъ болѣе, что оно еще и теперь находитъ приложеніе въ судахъ. Если оратору теперь уже нѣтъ возможности обвинять предъ народомъ Верреса и громить Антонія и

Катилину съ высоты публичной трибуны, то, по крайней мѣрѣ, для него остается еще средство отличиться и пріобрѣсти общественное одобреніе посредствомъ художественнаго изложенія, хотя бы и вымышленныхъ, предметовъ рѣчи. По этому мы и находимъ почти во весь періодъ имперіи ораторскія школы въ самомъ цвѣтущемъ состояніи.

Пока воспитаніе и образованіе, пріуроченное къ жизни и вытекавшее изъ ея духовныхъ потребностей, было въ согласіи съ самыми государственными формами и находило свою опору въ условіяхъ самой конституціи Рима, пока оно было ею вызываемо, поддерживаемо и развиваемо, дотолѣ каждый гражданинъ самъ собою заботится о своемъ образованіи и объ образованіи своихъ дѣтей, не требуя содѣйствія, или постояннаго и прямаго вмѣшательства государственной власти въ это дѣло. Государство въ свою очередь и не считало нужнымъ дѣлать это. Отъ того во время республики были только частные, приватные учителя. Монархія же мало по малу создала публичныхъ учителей, поставила ихъ въ зависимость отъ правительственной власти и дала имъ жалованье. Это явленіе, чуждое всѣмъ предыдущимъ вѣкамъ древности, начинаетъ теперь болѣе и болѣе пріобрѣтать силы и дѣлается во всѣ послѣдующіе вѣка господствующимъ въ Европѣ.

Сначала существовалъ обычай, по которому города, или общины сами собою приглашали къ себѣ риторовъ и грамматиковъ, и за извѣстную плату поручали имъ обученіе юношества. Но вскорѣ сенатъ, какъ власть правительственная, получилъ въ этомъ дѣлѣ вліяніе, и право избранія и опредѣленія наставниковъ мало по малу перешло отъ городовъ къ этому органу государственной власти. Что же касается до императоровъ, то они, покрайней мѣрѣ позже, предоставляли себѣ лично только право утвержденія избранныхъ сенатомъ. Такъ одно изъ постановленій Юліана прямо говоритъ: «начальники школъ и наставники должны прежде всего отличаться нравственностью, а потомъ краснорѣчіемъ. А такъ какъ я (т. е. императоръ) не имѣю возможности быть самъ въ каждомъ городѣ, то повелѣваю, чтобы никто изъ желающихъ учить не проскакивалъ случайно въ эту должность, но имѣлъ одобреніе сената и получалъ декретъ отъ куріаловъ, съ общаго согласія вельможъ. Этотъ декретъ долженъ быть доставляемъ ко мнѣ на утвержденіе» [1])... Изъ этого

[1]) Cod. Theod. XIII, III. 5.

постановленія можно видѣть, что правительственная власть надъ учителями и школами существовала и прежде, но что распоряженія ея въ этомъ дѣлѣ не всегда точно исполнялись.

Ставя подъ свой контроль школы, императоры, въ видахъ покровительства образованію а, можетъ быть, и для пріобрѣтенія большаго вліянія на нихъ, начали назначать учителямъ жалованье. Конечно, все это сначала зависѣло скорѣе отъ личности императора, чѣмъ отъ цѣлой правительственной системы, неотступно преслѣдующей ту или другую цѣль, и потому иногда случалось, что то, что одни государи давали, другими было отнимаемо. Отъ того и жалованье ассигновывалось учителямъ большею частью не изъ государственной, а изъ императорской казны. Все таки фактъ совершился.

Первый примѣръ назначенія учителямъ жалованья представляетъ императоръ Веспасіанъ. Светоній говоритъ [1]), что этотъ государь, особенно покровительствовавшій талантамъ и наукѣ, первый началъ выдавать учителямъ краснорѣчія жалованье изъ своей собственной казны (fiscus). Это новое постановленіе расширялось въ той мѣрѣ, въ какой тотъ или другой изъ государей являлся другомъ науки и отличался щедростью къ ея распространителямъ. Такъ, императоръ Адріанъ (117 г.) можетъ быть названъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ римскихъ правителей въ этомъ отношеніи. Получивъ скорѣе научное, чѣмъ свѣтское образованіе, онъ и на престолѣ считалъ научныя и литературныя занятія своею любимою дѣятельностью; самыми приближенными его лицами были ученые. Онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ со многими литературными знаменитостями своего времени. Онъ платилъ постоянное жалованье не только риторамъ, но и грамматикамъ и поэтамъ, щедро поддерживалъ существовавшія учебныя заведенія и основывалъ новыя школы и академіи, какъ напр. въ Римѣ Атеней или мѣсто собранія ученыхъ, которое походило во многомъ на Александрійскій музей. Антонинъ Пій пошелъ еще далѣе въ этомъ дѣлѣ. Онъ не ограничилъ своей щедрости одними риторами и грамматиками, но распространилъ ее и на преподавателей философіи и не въ одномъ толькѣ Римѣ, но и по всѣмъ провинціямъ. Онъ далъ учителямъ не только содержаніе, но и поднялъ ихъ значеніе. «Rhetoribus et philosophis per omnes provincias et honores et salaria detulit» [2]). Подобныя же свѣдѣнія сооб-

---

[1]) Sveton. Vespas. 18.

[2]) Jul. Capitol. in Antonino Pio C. XI.

щаетъ Діонъ Кассій [1]) о Маркѣ Авреліѣ, который особенно заботился объ улучшеніи учебныхъ заведеній въ Аѳинахъ: онъ далъ имъ учителей, назначивъ послѣднимъ годовые оклады за преподаваніе. Впрочемъ, главнымъ предметомъ заботы императоровъ въ этомъ отношеніи оставался Римъ, который, дѣйствительно, и имѣлъ для науки важнѣйшее значеніе, чѣмъ всѣ другіе города запада.

Какія требованія и условія ставились со стороны правительства всякому, пріѣзжавшему въ Римъ учиться, мы знаемъ изъ одного, дошедшаго до насъ, декрета Валентиніана перваго къ префекту Рима Олибрію. «Всѣ пріѣзжающіе въ городъ съ желаніемъ учиться должны прежде всего представить начальнику ценза (magister census) вмѣстѣ съ паспортомъ и документъ, въ которомъ бы съ точностью были означены мѣсто жительства и день рожденія. Затѣмъ они должны немедленно объявить, какими науками по преимуществу они предполагаютъ заниматься. Далѣе, долженъ быть учрежденъ строгій надзоръ за ихъ нравственностію, за посѣщеніемъ ими общественныхъ мѣстъ и зрѣлищъ, а тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся виновными въ дурномъ поступкѣ, публично наказывать и высылать изъ города. Дальше двадцатаго года они недолжны оставаться въ Римѣ. Цензовой секретаріатъ (officium censuale) долженъ ежемѣсячно составлять объ нихъ указатели, и каждогодно доставлять императорскому архиву списки о поведеніи и занятіяхъ ихъ, чтобы на основаніи этого документа можно было судить о способности и годности каждаго изъ нихъ» [2]). Таковы были въ Римѣ постановленія относительно учениковъ. Что же касается до учителей, то изъ постановленій Ѳеодосія I «de studiis liberalibus urbis Romae et Constantinopolis» извѣстно, что въ Римѣ тогда были публичные и приватные преподаватели. Публичные учили въ капитоліи. Число ихъ было также опредѣлено вышеупомянутымъ статутомъ, именно десять латинскихъ и столько же греческихъ грамматиковъ, три преподавателя латинской риторики и пять греческой, одинъ преподаватель философіи и два юриста [3]).

Но Римъ не былъ единственнымъ городомъ, въ которомъ учреждались подобныя публичныя школы. Уже во времена Плинія Медіоланъ славился какъ пунктъ литературнаго движенія и образова-

---

[1]) Dio Cass. L. LXXI. Op. p. 814.
[2]) L. 1. Cod. Theod. de Studiis lib. urbis Romae etc.
[3]) Cod. Theod. XIV, IX. 3.

нія, куда молодые люди стекались съ разныхъ концовъ Италіи для изученія наукъ [1]). Здѣсь преподавались всѣ тогдашнія науки за исключеніемъ юриспруденціи. Но когда именно Медіоланъ началъ становиться средоточіемъ умственнаго движенія и когда пала эта его слава, нельзя опредѣлить. Извѣстно только, что уже во времена Августина (въ началѣ V вѣка), по свидѣтельству этого писателя, бывшаго учителемъ въ Миланѣ, нужно было обращаться къ римскому префекту съ просьбою, чтобы онъ позаботился о пріисканіи учителей риторики для этого города [2]). Но изъ того же сочиненія Августина видно, что въ то время, какъ на сѣверѣ Италіи просвѣщеніе нуждалось въ такой поддержкѣ, учебныя заведенія въ Африкѣ были въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Не только въ главномъ городѣ этой провинціи, но и въ самыхъ небольшихъ городкахъ, какъ напр. Мадаура, существовали публичныя учебныя заведенія. Самъ Карѳагенъ, по свидѣтельству Сальвіана [3]), имѣлъ все необходимое для изученія наукъ—школы свободныхъ искусствъ, залы для философіи и гимназіи какъ для изученія языковъ, такъ и для образованія нравственности. Здѣсь мы также находимъ публичныхъ преподавателей философіи, реторики и грамматики, которые получали жалованье. Недоставало одного—дисциплины между студентами, которая была въ большомъ упадкѣ, не смотря на существованіе гимназій для усовершенствованія нравственности. Въ сочиненіи Августина «признаніе» [4]), которое вообще представляетъ богатый источникъ для знакомства съ воспитательной и учебной стороной тогдашняго времени, встрѣчается любопытный разсказъ о причинахъ, побудившихъ его, при выборѣ мѣста занятій, промѣнять въ молодости родной городъ на Римъ. Онъ говоритъ тамъ, что онъ потому отправился въ Римъ, что здѣсь удобнѣе заниматься и что въ этомъ городѣ не существуетъ обычая, чтобы молодые люди дерзко врывались въ аудиторіи чужихъ учителей и производили безпорядки, что, обыкновенно, случается въ Карѳагенѣ, гдѣ установленный учителемъ порядокъ былъ часто нарушаемъ подобнымъ нахальствомъ и дерзостью. Впрочемъ и въ римскихъ школахъ молодежь позволяла себѣ безпорядки, только въ другомъ родѣ. Такъ, по словамъ того же пи-

---

[1]) Plin. Epist. IV. 13.

[2]) Augustin. Confess. V. 13.

[3]) De gubernatione Dei L. VII.

[4]) August. Confess. L. V.

сателя, слушатели вдругъ толпою порѣшатъ неплатить своему учителю заработанныхъ имъ денегъ, и перейдутъ къ другому.

На всемъ западѣ едва ли гдѣ, за исключеніемъ Италіи, можно было встрѣтить такъ много учебныхъ заведеній, какъ въ Галліи, особенно въ ея южныхъ частяхъ. Уже во времена Страбона, современника Августа, Массилія, (нынѣшній Марсель) была мѣстомъ литературнаго движенія и преподаванія философіи. Здѣсь было основано заведеніе для обученія греческой литературы и искусства, которое знатные римляне предпочитали даже аѳинскимъ школамъ. Примѣръ Массиліи не остался безъ вліянія на другіе сосѣдственные города Галліи, и вскорѣ являются новыя школы въ Ліонѣ, Отенѣ, Арлѣ, Нарбонѣ, Тулузѣ, Бордо, а въ началѣ IV вѣка въ Безансонѣ, Пуатье, Ангулемѣ и въ особенности въ Трирѣ, сдѣлавшемся, со времени Константина Великаго, столицей Галліи. Во всѣхъ этихъ городахъ, за исключеніемъ Массиліи и Ліона, латинская ученость и литература получили перевѣсъ надъ греческой съ перваго же раза и преподавались тамъ съ такимъ успѣхомъ, что даже молодые люди изъ самой Италіи ѣздили туда для основательнаго изученія латинскаго языка. Что же касается до Массиліи и Ліона, то здѣсь греческая литература сначала имѣла рѣшительное преобладаніе надъ латинскою, и эти города оставались главнымъ сосредоточіемъ греческой науки на всемъ западѣ до времени Трояна, когда, подъ вліяніемъ этого императора, направленіе и здѣсь измѣнилось въ пользу латинской образованности. Во всѣхъ этихъ школахъ, посѣщаемыхъ не только молодежью, но и взрослыми людьми, преподавали риторику, грамматику, философію и медицину. Благосклонность и щедрость императоровъ поддерживали это цвѣтущее состояніе наукъ въ здѣшнихъ краяхъ. Учителя избирались городскими властями, были освобождаемы отъ постоевъ и другихъ общественныхъ повинностей и получали часто очень значительные оклады жалованья. Такъ напр., знаменитый учитель Отенской школы Евменъ, жившій около 300 г. по Р. Х., имѣлъ болѣе 7000 руб. сереб. годоваго жалованья. Главныя свѣдѣнія объ этомъ даетъ намъ одинъ изъ рескриптовъ Валента и Граціана, сохранившійся въ кодексѣ Ѳеодосія. Этимъ рескриптомъ приказывается префекту Галлій «во всѣхъ значительныхъ городахъ его округа назначить грамматиковъ и риторовъ учителями греческой и римской литературы. Имъ должно быть выдаваемо жалованье изъ фиска: ораторамъ двадцать, а грамматикамъ какъ греческимъ, такъ и латинскимъ, по обыкновенію, нѣсколько

менѣе — именно двѣнадцать аннонъ. Это постановленіе должно простираться на всѣ главные города (metropoles). Въ Трирѣ же, какъ знаменитѣйшемъ изъ городовъ, оклады должны быть возвышены такъ, чтобы риторъ получалъ тридцать, латинскій грамматикъ — двадцать, а греческій — если только найдется достойный для этой каѳедры — двѣнадцать аннонъ». Отсюда видно, что на каждый изъ этихъ городовъ полагалось по одному профессору риторики и по два профессора грамматики.

На востокѣ же главными пунктами, гдѣ сосредоточивалось образованіе и гдѣ существовали учебныя заведенія, были Аѳины, Александрія, Антіохія, Бейрутъ и Константинополь.

Творческая дѣятельность Греціи замерла еще съ потерею самостоятельности этой страны. Искусство почти во всѣхъ его видахъ, доведенное здѣсь до совершенства, пало со смертію Александра Великаго. Въ этомъ отношеніи всемірное значеніе Аѳинъ кончилось еще задолго до разсматриваемой нами эпохи. Во весь же Александрійскій періодъ, вплоть до періода римской имперіи, Аѳины, какъ и вся Греція, были постояннымъ мѣстомъ внутреннихъ волненій и войнъ грековъ — то другъ съ другомъ, то съ иноземными завоевателями. При такихъ условіяхъ у грековъ недоставало времени въ эту эпоху даже для ученыхъ занятій, блестящій образецъ которыхъ представляла Александрія. Переставъ быть самостоятельными, Аѳины не вдругъ, однако, лишились всего своего прежняго политическаго значенія. Въ нихъ продолжали существовать политическія партіи; самъ городъ переходилъ изъ рукъ въ руки, — отъ одного честолюбца къ другому; могла ли послѣ этого наука найти себѣ здѣсь особенно радушный пріемъ?

Дѣйствительно, только во времена императоровъ, когда Римъ обхватилъ своимъ владычествомъ почти весь, извѣстный тогда, міръ и сравнялъ Грецію съ другими своими провинціями, когда мало по малу, подъ этимъ желѣзнымъ гнѣтомъ, изчезла въ свободолюбивой нѣкогда Элладѣ надежда на самостоятельность, Аѳины являются на востокѣ первымъ мѣстомъ науки и образованія. Вмѣсто политическаго движенія здѣсь поднимается литературное, которое растетъ все болѣе и болѣе. Во II и III вѣкахъ по Р. Х. здѣсь снова воскресаетъ философія. Неоплатоническая, стоическая и другія секты являются каждая съ своими представителями и учителями, которые предлагаютъ желающимъ свои системы. Рядомъ съ философіей идетъ преподаваніе риторики и грамматики, и эти послѣд-

нія науки вскорѣ получаютъ рѣшительное преобладаніе надъ первою, особенно съ тѣхъ поръ, какъ знатная римская молодежь бросилась толпами въ этотъ городъ для изученія греческаго языка и литературы, знаніе которыхъ считалось необходимымъ условіемъ всякаго образованнаго человѣка. Царствованіе Адріана было самымъ цвѣтущимъ временемъ для риторики, къ которой примыкала и другая отрасль ея — діалектика. Нѣкоторые изъ аѳинскихъ риторовъ пріобрѣтали небывалое значеніе. Ихъ стекались слушать молодые люди со всѣхъ концовъ тогдашняго образованнаго свѣта. На ихъ публичныхъ лекціяхъ, которыя читались за деньги, публика тѣснилась также, какъ теперь въ большихъ городахъ на концертахъ знаменитыхъ пѣвцовъ, или на театральныхъ представленіяхъ. Какъ велико было число посѣтителей въ аѳинскихъ академіяхъ и школахъ, можно судить по тому богатству, какое накопляли тогда риторы. Такъ напр., одинъ изъ нихъ, Полемонъ, окружалъ себя во время путешествій почти царскимъ величіемъ. Сопровождаемый множествомъ невольниковъ и богатоубранныхъ лошадей, онъ ѣздилъ на великолѣпной колесницѣ. Другой, риторъ Иродъ Аттическій считался богатѣйшимъ человѣкомъ своего времени.

Въ III и IV вѣкахъ ученое и учебное значеніе Аѳинъ возрастаетъ болѣе и болѣе и распространяется по всей Греціи. Живую картину тогдашняго состоянія студій въ Аѳинахъ рисуетъ Евнапій въ жизнеописаніи ритора Проэресія и Юліана, бывшихъ публичными преподавателями въ этомъ городѣ. Изъ него видно, что публичные преподаватели были назначаемы на каѳедры, что ихъ слушатели дѣлились по націямъ, — именно Востокъ принадлежалъ Епифанію; Аравія — Діофанту; Понтъ, вся передняя Азія, Египетъ и отдаленная Африка — Проэресію. Соревнованіе этихъ наставниковъ другъ съ другомъ было такъ велико и имѣло такое значеніе для публики, что не только въ Аѳинахъ, но и внѣ этого города повсюду образовывались партіи, которыя стояли то за одного, то за другаго изъ нихъ. Вся Греція принимала участіе въ ихъ преніяхъ и, какъ нѣкогда на олимпійскія игры, греки стремились теперь въ Аѳины, чтобы присутствовать при диспутахъ на соисканіе разныхъ ученыхъ должностей. Подобные споры и пренія нерѣдко переходили въ Аѳинахъ въ настоящія общественныя волненія, въ которыхъ участвовали то разныя партіи студентовъ — возставая одни противъ другихъ, то жители и студенты — другъ противъ друга. Вражда партій и проистекавшіе отсюда безпорядки иногда были здѣсь такъ сильны, что на-

мѣстники Греціи принуждены были прибѣгать къ полицейскимъ и судебнымъ мѣрамъ для возстановленія спокойствія. Такъ, упомянутый знаменитый риторъ — Проэресій долженъ былъ, по зависти своихъ товарищей и ожесточенію студентскихъ партій, оставить Аѳины вслѣдствіе повелѣнія намѣстника. Впрочемъ, по вступленіи въ должность новаго проконсула, онъ былъ возвращенъ съ тріумфомъ. Изъ этого факта видно также, что тогдашнія школы въ Аѳинахъ стояли подъ надзоромъ и вліяніемъ намѣстниковъ, хотя это вліяніе, по всей вѣроятности, ограничивалось только полицейскимъ вмѣшательствомъ для сохраненія, или возстановленія порядка и спокойствія въ городѣ. Блестящій періодъ Аѳинъ продолжался до времени Юстиніана.

Что касается Александріи, то хотя ученая слава этого города уже значительно уменьшилась въ этомъ періодѣ, но школы и теперь еще продолжали существовать здѣсь. Можетъ быть, онѣ не имѣли уже прежняго блеска, и самое число ихъ было теперь, конечно, ограниченнѣе, чѣмъ прежде: но и въ этотъ періодъ за ними оставалось то преимущество предъ учебными заведеніями другихъ городовъ, что преподаваніе сохранило здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, научный характеръ и распространялось не только на грамматику и риторику, но и на математику, философію, а съ половины II вѣка и на медицину, состояніе, которое является здѣсь въ самомъ блестящемъ видѣ въ два послѣдніе вѣка древняго міра.

Значеніе Константинополя въ разсматриваемомъ нами отношеніи подымается съ тѣхъ поръ, какъ Константинъ Великій въ 330 г. сдѣлалъ его столицей имперіи. Правда, услуги, оказанныя этимъ городомъ наукѣ и образованію, принадлежатъ болѣе позднѣйшему періоду: но начало процвѣтанія этой новой столицы въ научномъ отношеніи падаетъ на IV вѣкъ. Константинъ самъ нечуждъ былъ образованію и потому покровительствовалъ наукѣ, освобождая публичныхъ преподавателей и учителей отъ разныхъ общественныхъ повинностей. Онъ хотѣлъ, чтобы новый Римъ, какъ можно болѣе походилъ на старый, и потому, среди множества заимствованныхъ оттуда учрежденій, имъ были пересажены въ новую столицу ученыя и учебныя заведенія. По образцу римскаго капитолія онъ устроилъ такой же и въ Константинополѣ, и какъ въ томъ помѣщалась зала, въ которой грамматики и риторы преподавали свои уроки, то и новый получилъ такое же назначеніе. Эта публичная школа носила названіе аудиторіи. Въ ней, какъ и въ римскомъ капитоліѣ,

полагалось три латинскихъ ритора и десять латинскихъ грамматиковъ, пять греческихъ риторовъ и десять такихъ же грамматиковъ. Сверхъ этихъ каѳедръ въ Константинополѣ были учреждены каѳедры юриспруденціи и философіи; для первой назначались два преподавателя, а для послѣдней — одинъ. Въ силу постановленія Ѳеодосія и Валента, о которомъ мы упоминали выше, здѣсь требовалось, чтобы каждый учитель имѣлъ свою аудиторію въ предупрежденіе безпокойства какъ для него самаго такъ и для слушателей, или для того, чтобы различіе языковъ не могло причинять замѣшательства. Хотя это постановленіе относится ко времени Ѳеодосія, но первое учрежденіе этого института, по всей вѣроятности, принадлежитъ Константину Великому. По крайней мѣрѣ упоминаніе объ этихъ публичныхъ аудиторіяхъ встрѣчается уже въ періодъ семейства Константина В., именно въ нихъ воспитывались Юліанъ и Кресцентъ. Эта школа была единственнымъ общественнымъ учебнымъ учрежденіемъ въ городѣ, какъ видно изъ упомянутаго декрета Ѳеодосія младшаго. Всѣмъ другимъ наставникамъ, которые желали бы учить публично внѣ этого заведенія, и которые, по обычаю тогдашняго времени, водили за собою толпы слушателей для возбужденія къ себѣ уваженія, преподаваніе было запрещено. Но это запрещеніе, само собою разумѣется, не исключало возможности и права частнаго обученія. Частныя школы существовали при этомъ безъ всякаго стѣсненія.

Остальныя страны востока, особенно Азія, не отставали отъ западныхъ въ учрежденіи публичныхъ школъ. Азія давала тогда лучшихъ наставниковъ. Бо̀льшая часть славнѣйшихъ риторовъ, какъ напр. Либаній и др., были родомъ изъ Азіи. Въ IV вѣкѣ въ Антіохіи были четыре ритора, которые преподавали публично и получали жалованье отъ города. Впрочемъ Антіохія этого времени не обнаруживала особенной ревности къ поддержанію учебныхъ заведеній. Либаній — урожденецъ этого города оставилъ намъ въ своей рѣчи περὶ ῥητόρων очень интересныя извѣстія вообще о тогдашнемъ методѣ занятій, — и изъ его жалобъ на недостатокъ и печальное положеніе риторовъ - преподавателей видно, что студіи въ его родномъ городѣ были въ незавидномъ состояніи. Но въ противоположность Антіохіи возвышается въ это время другой, сосѣдственный ей, городъ въ Финикіи — Бейрутъ, и науки берутъ въ немъ иное направленіе, чѣмъ въ другихъ городахъ. Вмѣсто грамматики и риторики здѣсь является на первомъ планѣ юриспруденція, и Бейрутъ пріобрѣтаетъ себѣ славу школой права, которая достигаетъ въ

IV вѣкѣ самаго цвѣтущаго состоянія. Въ этомъ отношеніи Бейрутъ много обязанъ императорамъ, которые предоставили ему вмѣстѣ съ Римомъ и Константинополемъ исключительное право служить мѣстомъ, гдѣ юриспруденція могла преподаваться публично. Впрочемъ, если право и было здѣсь главнымъ предметомъ публичнаго преподаванія, то никакъ нельзя сказать, чтобы оно было и единственнымъ. Не говоря уже о томъ, что славнѣйшіе юристы были обыкновенно вмѣстѣ и риторами, извѣстно также, что нѣкоторые знаменитые риторы тогдашняго времени были или уроженцы этого города, или жили въ немъ.

Мы коснулись всѣхъ главныхъ пунктовъ, гдѣ въ концѣ древнихъ вѣковъ сосредоточивалось просвѣщеніе и гдѣ существовали публичныя учебныя заведенія. Конечно, эти пункты не были единственными; но и указанія этихъ однихъ достаточно для того, чтобы видѣть, какъ широко разлито было образованіе въ разсматриваемый нами періодъ и какъ много хранилось въ этихъ учрежденіяхъ сокровищъ древней мудрости. Этимъ замѣчаніемъ мы и могли бы покончить нашу задачу, если бы не думали, что сдѣланный нами очеркъ публичныхъ библіотекъ и учебныхъ учрежденій будетъ неполонъ безъ указанія на конечную судьбу большей части изъ нихъ. Въ эпоху переселенія народовъ и наступившія затѣмъ времена варварства погибла большая часть библіотекъ; учебныя и ученыя заведенія закрылись или насильственно, или сами собою.

Вторженіе варваровъ въ имперію было причиной погибели библіотекъ и закрытія публичныхъ школъ — этихъ живыхъ хранилищъ древней литературы. Особенно часты и страшны сдѣлались эти нашествія съ V вѣка. Мы отмѣтимъ только главныя изъ нихъ. Для Греціи было особенно бѣдственно вторженіе готѳовъ въ ея предѣлы подъ предводительствомъ Алариха. Всѣ города древней Греціи, за исключеніемъ Ѳивъ, подверглись ихъ грабежу и опустошеніямъ. Но, къ счастію для науки, варвары пощадили Аѳины за то, что онѣ добровольно покорились имъ. За то Аргосъ, Коринѳъ, Спарта и другіе испытали всѣ ужасы безпощаднаго опустошенія. Еще печальнѣе было положеніе Рима, который трижды въ одно и тоже столѣтіе подвергался нападенію варваровъ. Сначала тотъ же Аларихъ съ толпами разныхъ народовъ вторгся въ него въ 410 г. Его войско въ продолженіи трехъ дней грабило несчастный городъ, и. судя по огромному количеству полчищъ, нельзя заподозривать въ преувеличеніи дошедшія до насъ извѣстія о тогдашнихъ пожарахъ,

грабежахъ и разрушеніи памятниковъ науки и особенно произведеній искусства. Чрезъ 45 лѣтъ Римъ долженъ былъ вынести еще ужаснѣйшее опустошеніе отъ вандаловъ. Вандалы, въ жилахъ которыхъ текла смѣсь германской и сарматской крови, отличались отъ всѣхъ народовъ германскаго происхожденія особенною грубостью и жестокостью; этого характера не измѣнила въ нихъ и христіанская религія, которую они приняли во время своихъ переселеній. Король ихъ Гейзерихъ, соединявшій въ себѣ дикость варвара съ коварствомъ и мстительностію испанца и жестокостью африканскаго тиранна, былъ приглашенъ въ 455 г. въ Римъ императрицей Евдоксіей, которая думала найти у него помощь противъ убійцы своего мужа. Гейзерихъ явился на этотъ призывъ, но единственно только изъ расчетовъ на богатую добычу, и безпрепятственно вступилъ въ Римъ, который не имѣлъ ни императора, ни войска. Четырнадцать дней грабили вандалы городъ и перетащили на свои корабли не только все движимое имущество частныхъ лицъ, но и общественныя сокровища, древнія статуи, украшавшія улицы Рима и вызолоченную кровлю капитолія. Во время же переѣзда вандаловъ въ Африку погибли самые драгоцѣнные памятники искусствъ, потому что нагруженный ими корабль потонулъ во время плаванія. Въ 472 году Римъ снова былъ разграбленъ и опустошенъ огнемъ и мечемъ. Виновникомъ этого былъ готоъ Рицимеръ. Моровая язва, развившаяся во время осады города, сдѣлала это третье опустошеніе Рима еще болѣе ужаснымъ; народъ тысячами умиралъ отъ заразы, и самъ виновникъ этого несчастія сдѣлался ея жертвою. Наконецъ въ 476 г. существованіе западной римской имперіи кончилось; съ этимъ вмѣстѣ кончились частыя и страшныя потрясенія, которыя испытывалъ Римъ. Съ этой стороны наука скорѣе выиграла, чѣмъ проиграла, съ паденіемъ имперіи.

Но едва ли гдѣ походы варваровъ были такъ гибельны для науки, какъ въ Африкѣ, куда римскій полководецъ Бонифацій, вслѣдствіе своей вражды съ императрицей Плацидіей, указалъ дорогу вандаламъ. Во время этого нашествія (429 г.) вся африканская провинція, доселѣ находившаяся въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, обратилась въ пустыню. Всѣ города были заняты и разграблены; ихъ жители или погибли въ самыхъ звѣрскихъ мукахъ, или обращены въ рабство, ихъ земли были отняты и раздѣлены между завоевателями, на которыхъ туземцы должны были работать, какъ илоты. Само собою понятно, что это нашествіе положило конецъ цвѣту-

щему состоянію наукъ и образованія въ Африкѣ: школы закрылись, книжныя собранія погибли, и древняя наука изчезла тамъ навсегда.

Нашествіе гунновъ было особенно разрушительно и бѣдственно для просвѣщенія въ верхней Италіи и Галліи. Два цвѣтущіе города первой, Медіоланъ и Аквилея, славившіеся ученостью, были разрушены ими до основанія. Та же судьба постигла и большую часть городовъ Галліи. Походы Аттиллы были гибельны для науки особенно потому, что этотъ варваръ повсюду проходилъ не только съ мечемъ, но и съ огнемъ. О походахъ другихъ варварскихъ народовъ я не упоминаю. Но если и къ этимъ общественнымъ бѣдствіямъ присоединить еще частые пожары и страшныя землетрясенія, случавшіяся по преимуществу въ Азіи, и обращавшія цѣлые города въ груду развалинъ, то совершенно понятно будетъ, почему, подъ вліяніемъ такихъ ужасныхъ невзгодъ, просвѣщеніе падало ниже и ниже, школы закрывались одна за другою и сокровища древней мудрости, хранившіяся въ библіотекахъ, изчезали одни за другими, такъ что уже въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ, еще до походовъ аравитянъ, большей части этихъ живыхъ свидѣтелей древней цивилизаціи уже не существовало. И когда аравитяне, подъ вліяніемъ Ислама, вооружились противъ всего, что̀ не носило на себѣ его печати, когда ихъ калифы начали свои опустошительные походы съ огнемъ и мечемъ противъ христіанской и древне-языческой цивилизаціи—они нашли въ предметахъ послѣдней очень скудную пищу для своего фанатизма. Еще ранѣе магометанъ, новые народы и новая (христіанская) религія слишкомъ ревностно потрудились надъ уничтоженіемъ сокровищъ древней мудрости, чтобы мы вправѣ были обвинять въ этомъ однихъ магометовъ и омаровъ. Эти послѣдніе добивали уже лежачаго. . . .

39) Причисленнаго къ министерству магистра Троицкаго.

Имѣю честь при семъ препроводить въ департаментъ министерства характеристику «Изъ чтеній по психологіи профессора Дробиша» для отчета о моихъ занятіяхъ въ Лейпцигѣ.

Изъ чтеній по психологіи профессора Дробиша.

Руководство къ психологіи, изданное въ 1852 году профессоромъ Дробишомъ, ясностію и общедоступностью изложенія психо-

логическихъ началъ гербартовой системы, способствовало наиболѣе къ ознакомленію нѣмецкой публики съ этою дотолѣ малоизвѣстною системою и привлеченію на ея сторону многихъ новыхъ ученыхъ въ Германіи.

Психологія Гербарта есть безъ сомнѣнія самое замѣчательное явленіе во всей нѣмецкой психологической литературѣ, старой и новой. Неудивительно поэтому, что, за исключеніемъ немногихъ слѣдовъ чистаго нѣмецкаго идеализма, всѣ позднѣйшія попытки психологіи въ Германіи оказались въ большей или меньшей зависимости отъ опыта Гербарта, — какъ психологическіе труды Бенеке, Лётца, Фехнера и другихъ. Въ настоящее время, ученіе Гербарта, кромѣ проф. Дробиша въ Лейпцигѣ, имѣетъ много другихъ представителей въ различныхъ германскихъ университетахъ, какъ Вайцъ, Фолькманъ, Шиллингъ, Наловскій и др., и — свой особый литературный органъ въ *журналѣ точной философіи*, издаваемомъ проф. Аллиномъ и Циллеромъ.

Чтенія по психологіи проф. Дробиша интересовали насъ именно мастерскимъ изложеніемъ этой науки по началамъ Гербарта. Мы выбираемъ изъ этихъ чтеній центральный пунктъ гербартіанской психологіи, — ученіе о *законахъ перемѣны представленій*.

Психологія Гербарта основана на началахъ опыта и метафизики и для пониманія сказанныхъ законовъ, оправдываемыхъ опытомъ, необходимо однакоже имѣть передъ глазами гербартову метафизику души, такъ называемый гербартіанцами *монадизмъ* или *спиритуалистическій монизмъ*, т. е. представлять душу какъ существо простое, въ ряду другихъ существъ ей однородныхъ, но съ безчисленнымъ множествомъ качественныхъ разностей и проницаемыхъ другъ для друга, — чѣмъ, при простотѣ души, объясняется разнообразіе ея состояній.

Мы ощущаемъ не вдругъ даже однородное, и такъ какъ мы ощущаемъ только наши собственныя состоянія, то изъ этого слѣдуетъ, что душа не можетъ, вслѣдствіе внѣшнихъ впечатлѣній, особенно разнородныхъ, войти заразъ во всѣ отвѣчающія имъ внутреннія состоянія, т. е. отвѣтить имъ одновременно нѣсколькими, особенно разнородными, представленіями. (Проф. Дробишъ ссылается при этомъ на извѣстное замѣчаніе астронома Бесселя, изъ котораго, скажемъ мимоходомъ, гейдельбергскій доцентъ Вундтъ жалкимъ умничаньемъ вывелъ ученіе о скорости мысли). Этотъ законъ

представленій, въ такой или другой мѣрѣ, проходитъ по всей области представленія.

Представленія могутъ изчезать на нѣкоторое время или — *забываются;* но, появляясь въ сознаніи снова, они тѣмъ самымъ убѣждаютъ, что ихъ временное изчезновеніе не было совершеннымъ уничтоженіемъ, что они оставались въ душѣ и ждали только удобнаго случая, чтобы выйти снова на свѣтъ сознанія или стать *воспоминаніемъ.*

Воспроизведеніе забытыхъ представленій есть или непосредственное, т. е. при помощи новыхъ одинаковыхъ съ ними ощущеній, или — посредственное, т. е. въ силу такъ называемаго *сочетанія* (Assotiation) представленій, основаннаго на законахъ *соединенія* и *сліянія* ихъ. Притомъ, воспроизведенныя представленія являются или одновременно, т. е. группами, или послѣдовательно, т. е. рядами, иначе — въ порядкѣ времени, въ какомъ они прежде соединялись другъ съ другомъ. Каждое воспроизведенное представленіе можетъ вызывать новыя, и на этихъ законахъ воспроизведенія основанъ и тотъ ходъ представленій, который мы называемъ *теченіемъ мыслей.*

Послѣднее событіе требуетъ во многихъ отношеніяхъ подробнѣйшаго изслѣдованія. Прежде всего, подозрительно различіе между представленіями *сознательными и безсознательными;* сознаніе не есть свѣтлое поле въ темной области души, и представленія не путешествуютъ изъ перваго въ послѣднюю и обратно, потому что сознанія нельзя отдѣлить отъ представленій и внѣ представленій нѣтъ новаго наблюдателя для нихъ. Второй вопросъ: почему въ сознаніи является всегда сравнительно малое количество представленій, изъ числа постоянно пребывающихъ въ душѣ? Третій: почему наблюденія непосредственно вызываютъ только представленія сходныя съ ними или противоположныя и никогда разнородныя?

Что касается перваго пункта, то присутствіе въ душѣ такъ называемыхъ безсознательныхъ представленій будетъ понятно, если мы различимъ двоякое состояніе душевной дѣятельности, лежащей въ основѣ представленій, и именно a) состояніе дѣятельности *свободной*, несвязанной и b) состояніе дѣятельности связанной или *стѣсненной.* Дѣятельность свободная есть настоящее, подлинное *представленіе* и даетъ сознательныя представленія; напротивъ, дѣятельность стѣсненная есть одно *стремленіе* къ представленію, которое или вовсе не выступаетъ въ сознаніи или выступаетъ только

какъ *чувство*. Но стѣсненіе не есть уничтоженіе или уменьшеніе дѣятельности; оно продолжается по прежнему, безъ всякаго ослабленія, только не обнаруживается, или пребываетъ въ душѣ въ видѣ скрытнаго стремленія, которое впрочемъ тотчасъ же превращается въ дѣятельность свободную или настоящее представленіе, какъ скоро уничтожилась причина стѣсненія. Слѣдовательно, такъ называемыя безсознательныя представленія означаютъ не то, что представленія могутъ нѣкоторое время оставаться безсознательными, а — состояніе полнаго стѣсненія дѣятельности представленія. Безсознательныя представленія суть только расположенія души къ сознательнымъ или настоящимъ представленіямъ. Это двоякое состояніе душевной дѣятельности совершенно сходно съ двоякимъ состояніемъ дѣятельности физическихъ силъ, — въ состояніи покоя и движенія тѣлъ.

Спрашивается теперь: что же стѣсняетъ эту дѣятельность представленій? Нельзя не согласиться, что причины стѣсненія суть ближайшимъ образомъ физическаго свойства, какъ напр. утомленіе нервовъ и мозга и проч. Но и въ состояніи полной физической свѣжести, мы никогда не можемъ выйти за предѣлы извѣстнаго ограниченнаго числа современныхъ представленій и неизмѣримое множество послѣднихъ остается всегда за порогомъ сознанія. Причина этого должна очевидно лежать въ свойствѣ самыхъ представленій и заключается въ томъ, что современныя дѣятельности представленія различнаго качества и содержанія не мирятся одна съ съ другою и сильнѣйшія между ними стѣсняютъ слабѣйшія и вытѣсняютъ послѣднія изъ сознанія.

Нѣтъ никакого основанія, чтобы представленія простыя съ одинаковыми качествами или разнородныя стѣсняли другъ друга. Напротивъ, представленія *однородныя*, какъ напр. чувственные образы цвѣтовъ, тоновъ и проч., — представленія, которыя сводятся къ извѣстнымъ рядамъ или порядкамъ, — суть всегда разныя и слѣдовательно болѣе или менѣе противоположныя. Эти противоположности выражаютъ противоположность дѣятельностей представленія, въ силу чего послѣднія, если онѣ возбуждаются въ одно и то же время, должны мѣшать одна другой и слѣдовательно стѣснять одна другую.

Чѣмъ больше противоположности между двумя представленіями, тѣмъ больше испытываемая ими сумма стѣсненія.

Если два представленія имѣютъ равную степень напряженія, то сумма стѣсненія раздѣляется между обоими въ равной мѣрѣ.

Если же, напротивъ, — неравную, то участіе обоихъ въ общей суммѣ стѣсненія будетъ въ обратномъ отношеніи степени ихъ напряженія; т. е., изъ слабѣйшаго представленія будетъ болѣе стѣснено и вытѣснено, чѣмъ изъ сильнѣйшаго.

Изъ этого слѣдуетъ непосредственно, что какъ бы ни были неравны степени напряженія двухъ представленій, слабѣйшее между ними никогда не можетъ быть совершенно вытѣснено изъ сознанія сильнѣйшимъ. Напротивъ, понятно, что если даны будутъ три или многія простыя и противоположныя представленія неравной степени напряженія, то одно или нѣсколько слабѣйшихъ представленій, чрезъ соединенное дѣйствіе сильнѣйшихъ, могутъ быть стѣснены совершенно, а слѣдовательно, и вытѣснены изъ сознанія. (Подробнѣйшее опредѣленіе этихъ отношеній есть задача математики и входитъ въ особую дисциплину математической психологіи).

Какъ скоро каждое изъ данныхъ въ одно и то же время представленій подверглось извѣстному стѣсненію, соотвѣтственно ихъ взаимнымъ отношеніямъ по степени напряженія и противоположности, то въ самыхъ этихъ представленіяхъ не остается никакого основанія къ такому или другому измѣненію этого взаимнаго стѣсненія. Въ этомъ состояніи полной или удѣльной стѣсненности, и въ послѣднемъ случаѣ съ соотвѣтственнымъ уменьшеніемъ первоначальной ясности, представленія остаются дотолѣ, пока не прибудутъ вновь представленія имъ противоположныя. Это состояніе представленій называется ихъ *равновѣсіемъ*.

Въ состояніе равновѣсія приходятъ представленія не вдругъ, а постепенно, по мѣрѣ того, какъ увеличивается ихъ стѣсненіе; это — *изчезновеніе* представленій или, выражаясь образно, погруженіе ихъ за порогъ ихъ сознанія, на дно сознанія. По мѣрѣ того какъ, при новыхъ условіяхъ, стѣсненіе представленій уменьшается, они достигаютъ снова большей и большей свободы и ясности; это — *возникновеніе* представленій.

Изчезаніе и возниканіе представленій, разсматриваемыя вмѣстѣ, составляютъ то, что называется *движеніемъ* представленій. Всякое движеніе представленій, данныхъ въ одно время, имѣетъ цѣлію ихъ равновѣсіе и продолжается дотолѣ, пока послѣднее не достигнуто.

Простыя представленія *одного и того же рода*, пришедши въ состояніе равновѣсія, сливаются другъ съ другомъ въ одно сложное представленіе. Такимъ образомъ, всѣ воззрѣнія (Anschauungen)

состоятъ изъ безчисленнаго множества слитыхъ элементарныхъ представленій, разрознить которыя уже не возможно.

Простыя представленія *одного и того же свойства* не имѣютъ, какъ замѣчено выше, причины стѣснять другъ друга и потому безпрепятственно сливаются въ одно представленіе, степень напряженія котораго дается суммою степеней напряженія его составныхъ частей.

Простыя представленія *разнороднаго качества* точно также безпрепятственно соединяются другъ съ другомъ и образуютъ представленія соединенныя, или неоднородныхъ составныхъ частей.

На соединеніи и сліяніи представленій основаны наши представленія чувственныхъ вещей съ разнородными признаками.

Сложныя представленія, данныя въ одно и то же время и имѣющія противоположныя составныя части, должны стѣснять другъ друга, точно также какъ это мы видѣли доселѣ на простыхъ. Поэтому, при трехъ или болѣе сложныхъ представленіяхъ, слабѣйшія могутъ быть совсѣмъ вытѣснены изъ сознанія сильнѣйшими. Это стѣсненіе можетъ относиться и къ нѣкоторымъ долямъ сложнаго представленія, вслѣдствіе чего послѣднее утрачиваетъ свою ясность или дѣлается неопредѣленнѣе. Составныя доли такого представленія, въ силу взаимной связи, помогаютъ другъ другу въ противодѣйствіи стѣсненію. Отселѣ всякое простое представленіе вытѣсняется труднѣе изъ сознанія, если оно соединено или слито съ другими.

Остается отвѣтить на третій вопросъ, — о причинѣ непосредственнаго вызова представленій одинаковыхъ или противоположныхъ. Причина этого кроется въ изложенныхъ доселѣ законахъ взаимодѣйствія представленій. Если какое нибудь представленіе A, двумя или многими представленіями B, C... вытѣснено совершенно изъ сознанія и затѣмъ получено вновь одинаковое съ A представленіе A', то естественно, что представленія B, C.. раздѣлятъ свою стѣсняющую силу между A и A' и слѣдовательно представленіе A, въ силу полученной свободы и положительной помощи отъ A', вступитъ въ сознаніе. Подобное же должно быть, если представленія A и A' только подобны другъ другу или противоположны.

Что касается до вызова представленій посредствомъ установившагося сочетанія ихъ, т. е. вслѣдствіе соединенія и сліянія ихъ, то вообще ясно, что каждое представленіе, вызванное непосред-

ственно, будетъ стремиться вмѣстѣ съ собою поднять въ сознаніи и другія представленія, вытѣсненныя съ нимъ въ одно время; но въ энергіи этого стремленія есть важныя разницы.

Если изъ двухъ представленій A и B, вступившихъ безпрепятственно въ сочетаніе и затѣмъ вытѣсненныхъ изъ сознанія, одно воспроизводится непосредственно, то, по мѣрѣ собственнаго освобожденія, послѣднее будетъ стремиться на столько же освободить и другое.

Если не цѣлое A, а только извѣстный остатокъ его a вступилъ когда нибудь въ сочетаніе съ B, то, при непосредственномъ вызовѣ a, послѣднее будетъ стремиться поднять въ сознаніи все B.

Если же въ послѣднемъ случаѣ непосредственно будетъ вызвано не a, а B, то послѣднее будетъ стремиться поднять въ сознаніе не все A, а только именно этотъ остатокъ его a, вслѣдствіе чего a не можетъ подниматься безпрепятственно.

Вотъ почему мы легче и яснѣе воспроизводимъ послѣдующее, чѣмъ предъидущее.

Начала сочетанія и стѣсненія, равно какъ и условливаемыхъ ими состояній равновѣсія представленій, точно также важны для пониманія духовной жизни, какъ начала притяженія и отталкиванія для объясненія явленій физическихъ. Къ этимъ психологическимъ началамъ приводимъ изслѣдованія событій забвенія и воспоминанія; но они согласуются притомъ и съ монадистическимъ взглядомъ на душу. Въ самомъ дѣлѣ, если душа есть существо простое, но открытое внѣшнимъ впечатлѣніямъ, то послѣднія, раздражая ее и вызывая противодѣйствіе, должны тѣмъ самымъ приводить ее въ разнообразныя внутреннія состоянія, отвѣчающія ихъ собственной разности; въ то же время простота или недѣлимое единство души должно побуждать ее, сводить это разнообразіе внутреннихъ состояній или простыхъ представленій къ единству. Качества простыхъ представленій, какъ состояній вполнѣ зависимыхъ отъ внѣшнихъ впечатлѣній, неизмѣнны. Вслѣдствіе стремленія души къ единству представленій, одинаковыя и разнородныя между ними входятъ между собою въ различныя сочетанія; а представленія однородныя, въ силу противоположности или непримиримости ихъ качествъ и въ силу неизмѣнности послѣднихъ, должны стѣснять другъ друга и такимъ образомъ вытѣснять изъ сознанія.

Лейпцигъ, $^{13}/_{1}$ апрѣля 1864 года.

40) Магистра Тихоновича 2-го.

Ознакомившись съ чисто-химическими методами, я рѣшился въ послѣднее время, какъ видно изъ предъидущаго отчета, обратить особенное вниманіе на способъ веденія животнаго анализа. Конечно и въ Гейдельбергѣ можно было бы позаняться этимъ отдѣломъ, наприм. въ лабораторіи Каріуса или Эрленмейера, гдѣ я дѣйствительно и видѣлъ нѣкоторыхъ практикантовъ, студировавшихъ зоохимію; но чтобы вполнѣ усвоить методъ веденія животнаго анализа, нужно непремѣнно избирать для занятій въ этомъ направленіи физіологическую лабораторію, въ которой практическія упражненія по зоохиміи производятся во всевозможныхъ направленіяхъ. Изъ множества лабораторій въ Германіи, назначенныхъ для этой цѣли, по свѣдѣніямъ собраннымъ мною, простѣйшею, дешевѣйшею и наиболѣе доступною оказалась тюбингенская. Тюбингенъ, впрочемъ, представлялъ мнѣ еще и другое удобство: въ немъ двѣ лабораторіи съ довольно противоположными направленіями: одна чисто-химическая, подъ управленіемъ Штрекера, а другая химико-физіологическая, директоромъ которой проф. Гоппе. Понятно, что, занимаясь въ одной изъ этихъ лабораторій, напр. въ лабораторіи Гоппе, въ то же время возможно посѣщать лабораторію Штрекера. Слѣдовательно, представлялся удобный случай изучить сравнительно методъ, употребляемый тѣмъ и другимъ профессоромъ при практическихъ упражненіяхъ медиковъ и натуралистовъ. Но не одни эти обстоятельства побуждали меня ѣхать въ Тюбингенъ. Я имѣлъ въ виду позаняться еще нѣкоторое время поляризаціонными явленіями. Извѣстно, какую важную роль играетъ поляризація свѣта при распознаваніи многихъ углеводовъ, бѣлковыхъ веществъ, азотнокислыхъ эѳировъ (нитроманнитъ и его дериваты), эѳирныхъ маслъ и проч. и проч. Со времени же классическихъ работъ Біота многіе инструменты, употребляемые съ упомянутою цѣлію, значительно усовершенствованы; на эти то усовершенствованія я и хотѣлъ обратить особенное вниманіе. Лабораторія Гоппе представляла въ этомъ случаѣ наиболѣе удобствъ, потому что самъ профессоръ, занимаясь этимъ отдѣломъ, сколько мнѣ извѣстно изъ журналовъ, пріобрѣлъ хорошіе инструменты, какъ я слышалъ отъ другихъ. Если же ко всему тотчасъ сказанному присоединить еще и то обстоятельство, что въ лабораторіи Гоппе съ нѣкоторымъ удобствомъ можно заниматься и чисто-химическими работами, то и понятно,

почему я рѣшился провести цѣлый семестръ въ Тюбингенѣ. Ожиданіе мое болѣе или менѣе выполнилось. Въ самомъ дѣлѣ, въ лабораторіи Гоппе я нашелъ большинство инструментовъ, интересовавшихъ меня. Кромѣ поляризаціонныхъ аппаратовъ Митчерлиха Wentzke [1]) и особеннаго снаряда, употребляемаго проф. при своихъ изслѣвованіяхъ [2]), я нашелъ еще нѣкоторые, хотя менѣе цѣнные инструменты, но не менѣе полезные при химическихъ работахъ. Такъ напр., вмѣсто либиховыхъ шариковъ, употребляемыхъ въ большинствѣ германскихъ лабораторій, у него введены геслеровы, вмѣсто аппарата Дюма—Симпсона. При органическомъ анализѣ, при сожженіи, вмѣсто печей Гофмана у него примѣнены газовыя печи Десаги. Впрочемъ гофмановскія печи гораздо удобнѣе, хотя и цѣнность ихъ гораздо выше. Не менѣе вниманія заслуживаетъ также воздушный насосъ, о которомъ я намекнулъ еще въ прошедшемъ отчетѣ. Два громадныхъ поршня, помѣщающихся въ горизонтально прикрѣпленныхъ къ столу цилиндрахъ, приводятся въ движеніе посредствомъ огромнаго колеса [3]). Въ то же время, помощію зубчатаго колеса, кривошипа и шатуна двигается грасмановскій кранъ, сообщающійся съ трубками, открывающимися подъ колоколами. Движеніе, сообщаемое колесу, передается разомъ и поршню и крану, такъ что работающему предстоитъ только одинъ трудъ, именно подвигать колесо, что очень легко и удобно выполняется. При этомъ снарядѣ имѣется три большихъ стеклянныхъ колокола. Просушиваніе вещества, даже въ большой массѣ, надъ сѣрною кислотою производится въ этомъ снарядѣ очень удобно. Такой инструментъ крайне необходимо бы было имѣть при каждой лабораторіи. Снарядъ этотъ, какъ говорилъ профессоръ Гоппе, устроенъ его братомъ. Считаю здѣсь неизлишнимъ сообщить также о довольно оригинальномъ способѣ аналитическомъ, употребляемомъ профессоромъ при его розысканіяхъ надъ кристаллами крови. Кристаллы крови представляютъ весьма большую драгоцѣнность въ ученіи о бѣлковыхъ веществахъ. Въ самомъ дѣлѣ, бѣлковыя вещества, въ большинствѣ случаевъ, будучи аморфными тѣлами, не давая опредѣленныхъ правильныхъ соединеній, имѣя огромный пай и пока-

---

[1]) Съ которыми я продѣлалъ все интересовавшее меня.

[2]) Этотъ снарядъ описанъ имъ въ Journal für practisch. Chem. LXXXIX. 5. Снарядъ даетъ весьма точные результаты. 121 статья носитъ названіе: Ueber Circumpolarisations-Verhältnisse der Gallonsäuren und ihrer Zersetzungs-Producte.

[3]) Сообщаю здѣсь краткое описаніе, считая неудобнымъ приложить рисунокъ.

зывая особенную наклонность при дѣйствіи на нихъ химическихъ реагентовъ доставлять гибель продуктовъ, представляли бездну трудностей при рѣшеніи вопроса относительно ихъ состава и ихъ функцій химическихъ. Съ другой же стороны, важная ихъ роль въ организмѣ животныхъ и растеній побуждала многихъ химиковъ и физіологовъ изыскивать всевозможныя средства къ изслѣдованію превращенія этихъ веществъ, дабы на основаніи метаморфоза рѣшить ихъ составъ и ихъ функціи. Вотъ почему мы встрѣчаемъ въ отдѣлѣ бѣлковыхъ веществъ огромное число экспериментовъ, предпринятыхъ съ различными цѣлями и ни одного, исключая можетъ быть дѣйствія слабой соляной и сѣрной кислотъ, бросающаго хотя какой нибудь свѣтъ на ихъ составъ. Понятно теперь, какова радость была физіологовъ, когда они нашли въ крови кристалическое тѣло, принадлежащее, вѣроятно, къ бѣлковымъ веществамъ. Они надѣялись при помощи этихъ кристалловъ рѣшить физіологическую и химическую функцію бѣлковыхъ веществъ. Но тутъ опять новое препятствіе. Кристаллы эти очень трудно, или почти невозможно, получить чистыми; нельзя отдѣлить ихъ изъ жидкости, въ которой они кристализовались. Не только при нагрѣваніи, но даже при обыкновенной температурѣ, въ безвоздушномъ пространствѣ (хотя въ послѣднемъ случаѣ весьма медленно), они постоянно распадаются. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ и воспользовался Гоппе. Именно: кристаллами наполняетъ либиховскій сушильный аппаратъ [1]), сообщающійся толстою каучуковою трубкою съ другимъ аппаратомъ, напоминающимъ собою сѣченовскій, но только простѣйшаго устройства [2]). Сначала производится въ снарядѣ Гоппе безвоздушное пространство при помощи ртути, на подобіе того, какъ это дѣлается въ сѣченовскомъ аппаратѣ, потомъ мало по малу либиховскій аппаратъ нагрѣвается въ водяной ваннѣ до 40°. Отдѣляющіеся газы собираются въ безвоздушномъ пространствѣ и потомъ, переведенные въ эвдіометры, анализируются, какъ обыкновенно. Слѣдовательно, въ сущности дѣла, здѣсь производится то же самое, что и при анализѣ газовъ крови. Этотъ методъ можетъ быть съ большею пользою употребленъ и въ чисто-химическихъ работахъ, гдѣ имѣютъ дѣло съ крайне неустойчивыми тѣлами [3]). Не менѣе

[1]) Eine sogenannte Liebig'sche Trockenröhre.

[2]) Для ясности я назову его аппаратомъ Гоппе.

[3]) Само собою понятно, что такъ какъ тѣло, т. е. кристаллы крови, было несовершенно чистое, то и изслѣдованія надъ нимъ заслуживаютъ только нѣкоторой

оригиналенъ также способъ опредѣленія дифузіи жидкостей. Берется стекляный четырехъ-угольный ящикъ, раздѣленный на С. С., вливается въ него концентрированный растворъ сахара, а потомъ осторожно прибавляется другая жидкость, такъ однакожъ, чтобы обѣ жидкости въ первый моментъ не смѣшивались а оставались бы только въ прикосновеніи; далѣе, помощію поляризаціоннаго аппарата [1]) опредѣляется непосредственно количество сахара въ одномъ и томъ же объемѣ жидкости передъ опытомъ и по истеченіи нѣкотораго времени. При этомъ изслѣдованіи, натурально, употребляется сахариметръ (напр. Wentzke), котораго шкала непосредственно выражаетъ количество сахара въ данномъ объемѣ. Такъ какъ въ лабораторіи производились отъ времени до времени съ физіологическою цѣлію операціи надъ животными, то натурально, что и на это я обратилъ также свое вниманіе. Кромѣ непрерывныхъ занятій по лабораторіи, я во все время пребыванія своего въ Тюбингенѣ, посѣщалъ еще общество профессоровъ, собиравшееся обыкновенно по вторникамъ вечеромъ. Въ этихъ собраніяхъ при мнѣ были читаны: 1) Проф. Гоппе — о распространеніи фосфорной кислоты и ея соединеніи на земной поверхности и объ отношеніи ея къ растеніямъ и животнымъ; 2) Моль — о смерти растеній; 3) Клейнъ, ассистентъ Брунса, о хлороформѣ и разныхъ наркотическихъ средствахъ, употребляемыхъ при операціяхъ; 4) проф. Niemeyer (Нимейеръ) — о примѣненіи электричества къ медицинѣ; 5) Тафель — біографія Максимиліана 1-го; 6) Кестлинъ — сказанія о Фаустѣ и пр. Изъ сказаннаго легко понять, что въ этомъ обществѣ собирались профессоры всѣхъ факультетовъ: юристы, медики, филологи..... Собраніе происходило въ гостинницѣ, въ маленькой комнатѣ и открывалось обыкновенно чтеніемъ какой нибудь статьи, по окончаніи которой подымался жаркій споръ и отпускались иногда

степени вѣроятности. Примѣненія подобнаго снаряда при чисто-химическихъ работахъ возможны только все таки при одномъ обстоятельствѣ, при совершенно чистомъ тѣлѣ.

[1]) Изъ поляризаціоннаго аппарата для этого случая вынимается трубка, въ которой содержится при обыкновенныхъ изслѣдованіяхъ испытуемая жидкость; мѣсто этой трубки занимается упомянутымъ ящикомъ. Слѣдовательно порядокъ при установкѣ аппарата такой: трубка съ поляризеромъ, ящикъ, трубка съ анализеромъ. И такъ, стало быть, не трогая ящика съ мѣста, передвигая только вверхъ и внизъ обѣ трубки поляризаціоннаго аппарата, можно непосредственно опредѣлять количество сахара въ различныхъ слояхъ жидкости и въ различное время.

весьма сильныя Witze, если предметъ былъ общедоступный или — разсужденія о политикѣ и Шлезвигъ-Голштейнѣ, если читанное было слишкомъ спеціально. Цѣль этихъ собраній, основанныхъ, какъ мнѣ передавали, Штрекеромъ, слѣдующая: обмѣнъ мыслей, взаимное сближеніе, знакомство съ движеніемъ всѣхъ отраслей наукъ. Это особенно полезно въ Тюбингенѣ, гдѣ жизнь въ высшей степени замкнута. Для меня посѣщеніе этихъ собраній особенно полезно было въ томъ отношеніи, что здѣсь представлялся случай нѣсколько разъ поговорить съ Штрекеромъ.

Лекціи здѣсь, также точно какъ и вездѣ [1]), читаются элементарно; но при этомъ ясно, отчетливо и сопровождаются умно выбранными экспериментами. Весьма часто, впрочемъ, профессоры бываютъ поставлены въ необходимость читать элементарно. Живя въ Германіи долгое время, я познакомился со многими студентами, и вотъ что я могу сказать объ нихъ. Корпоратисты, почти всѣхъ корпорацій [2]) кромѣ посѣщенія пивницъ (Bierwirthschaft), царапанія себѣ рожъ рапирами, спусканія кредиторовъ съ лѣстницъ, дрессировки собакъ и иныхъ прочихъ добродѣтелей въ этомъ родѣ, рѣшительно больше ничѣмъ не занимаются. Чтобы коротко и ясно обрисовать научную дѣятельность этихъ господъ, я замѣчу слѣдующее: каждый студирующій обязанъ заявить въ университетѣ [3]), какого профессора лекціи онъ намѣренъ слушать, въ противномъ же случаѣ онъ встрѣтитъ затрудненіе относительно проживанія въ университетскомъ городѣ. Въ этомъ случаѣ корпоратисты записываются на лекціи къ тому профессору, у котораго подешевле, т. е. который меньше беретъ за лекціи. Будетъ ли это математика, физика, философія, еврейскій языкъ или санскритъ — это все равно, лишь бы отдѣлаться отъ квестуры, получить позволеніе жить въ городѣ и производить всякія нахальства. Это достаточно характеризуетъ любовь этихъ господъ къ наукѣ. Что же касается до студентовъ некорпоратистовъ и фармацевтовъ, посѣщающихъ обыкновенно лекціи химіи и физики, то каждый можетъ составить понятіе о степени ихъ подготовки научной уже изъ того, что напр. лекціи Штрекера, читавшаго очень ясно, отчетливо и весьма мало уклонявшагося отъ написаннаго имъ учебника, они находятъ слишкомъ

---

[1]) См. предъидущіе отчеты.

[2]) Я говорю, почти всѣхъ корпорацій.

[3]) Квестурѣ.

теоретическими (zu theoretisch). Натурально впрочемъ, что здѣсь, также точно какъ и вездѣ, между этою толпою встрѣчается очень много людей истинно образованныхъ и преданныхъ наукѣ. На этихъ то въ большинствѣ случаевъ и обращается особенное вниманіе профессора. Въ зимнемъ же семестрѣ читались публичныя лекціи въ музеумѣ. Гоппе читалъ о горѣніи металловъ съ опытами. Нимейеръ о народныхъ средствахъ. Филологи и юристы не остались тоже въ долгу. Изложеніе этихъ лекцій ясно, доступно для каждаго и просто. Въ заключеніе своего отчета я упомяну еще, хотя вкратцѣ, о порядкѣ здѣшнихъ занятій въ лабораторіяхъ и о своихъ самостоятельныхъ работахъ. Натуралисты продѣлываютъ сначала качественный анализъ, потомъ органическія сожженія, далѣе слѣдуютъ упражненія въ количественномъ анализѣ и наконецъ дается самостоятельная работа. Медики — качественный анализъ, животный анализъ, спеціальныя работы. Профессоръ присутствуетъ постоянно самъ при работахъ и по два, по три раза подходитъ къ практиканту съ вопросами: ну, что хорошенькаго получили? У Штрекера въ этомъ семестрѣ было около 40—50 работающихъ; слѣдовательно, понятно, какова дѣятельность была профессора, если къ каждому онъ подойдетъ 3 раза. Дѣйствительно, Штрекеръ присутствуетъ въ лабораторіи, начиная съ 2-хъ до 5-ти и даже позже, и принимаетъ самое дѣятельное и любезное участіе въ работающихъ. Лабораторіи открыты каждый день. Спеціалисты могутъ работать цѣлый день, а для начинающихъ назначается послѣобѣденное время. Что касается до самостоятельной работы, то и она подвинута мною тоже довольно далеко. Въ послѣднее время я изучилъ обстоятельно тѣ химическія и физическія свойства нитроманнита, которыя еще неопредѣленны, какъ-то: его растворимость въ спиртѣ, эѳирѣ; удѣльное извращеніе имъ поляризаціоннаго свѣта; отношеніе его къ пятихлористому фосфору, хлоръ-окиси угля, къ ѣдкому кали. Кромѣ того получилъ въ большомъ количествѣ, около 200 граммовъ, уже прежде описанное мною тѣло состава: $Є_6 H_9 (No_2)_5 Ѳ_5$ [1]). Изучилъ удѣльную степень извращенія имъ поляризаціоннаго свѣта, растворимость его въ спиртѣ, эѳирѣ, водѣ. Въ настоящее время изучаю дѣйствія на него возстановляющихъ, сѣрнистоводороднаго сѣрнистаго аммонія. Убѣдился вполнѣ, что при

---

[1]) Въ своей статьѣ я его обозначаю: $Є_6 H_9 (NѲ_3)_5$. Лучше принимать эту формулу: $Є_6 H_9 (NѲ_2)_5 Ѳ_5$.

дѣйствіи амміака на нитроманнитъ дѣйствительно образуются амиды, между которыми, по всей вѣроятности, находится тѣло, стоящее по своимъ химическимъ свойствамъ близко къ левцину. На дняхъ приступаю къ обстоятельному изученію тѣла, описаннаго мною подъ именемъ азотнокислаго манитана. Наиболѣе разработанную часть этого труда напечатаю въ послѣднихъ числахъ мая или первыхъ іюня въ спеціальномъ журналѣ.

Въ послѣднее время призванъ изъ Гиссена въ Гейдельбергъ Германнъ Коппъ. Желая имѣть хотя краткое понятіе о томъ, какъ онъ будетъ читать исторію химіи, т. е. въ какомъ направленіи, я остаюсь въ Гейдельбергѣ до 1-хъ чиселъ мая, потомъ переѣзжаю на короткое время къ Колбе въ Марбургъ.

Гейдельбергъ, $^{5}/_{17}$ апрѣля 1864 года.

41) Доктора Зарубина.

(За январь, февраль и мартъ 1864 года).

Въ предъидущихъ замѣткахъ я сообщалъ, что я, избравши для постояннаго посѣщенія клинику профессора Нелатона, употребляю свободное время на ознакомленіе съ парижскими госпиталями. Едва ли гдѣ нибудь въ другомъ городѣ чувство гуманности развито сильнѣе, чѣмъ въ Парижѣ. Здѣсь около тридцати гошпиталей, изъ которыхъ многіе громадныхъ размѣровъ. Войти въ подробности ихъ устройства и внутренней жизни невозможно, не переступя границъ простыхъ замѣтокъ; поэтому я ограничусь только общимъ взглядомъ на нѣкоторыя подробности ихъ. Кромѣ собственныхъ больницъ, въ Парижѣ много пріютовъ (hospices), съ больничными отдѣленіями. Въ этихъ пріютахъ помѣщаютъ навсегда, кормятъ и содержатъ людей изувѣченныхъ, слабыхъ или дряхлыхъ, лишенныхъ средствъ къ существованію. Между ними особенно замѣчательны: hospices de la viellesse, des incurables, des invalides.

Гошпитали расположены большею частью въ отдаленныхъ, менѣе многолюдныхъ частяхъ города, вдали отъ шума и запертаго, болѣе или менѣе подверженнаго порчѣ воздуха. Почти при каждомъ находятся чистые, широкіе дворы съ небольшими садиками. Внутреннее устройство больницъ, смотря по происхожденію ихъ, удовлетворяетъ болѣе или менѣе требованіямъ гигіены. Хуже всѣхъ тѣ, которыя были устроены изъ другихъ заведеній, напр. изъ бывшихъ монастырей и т. п. Гошпитали древнѣйшіе, напр. Hôtel-Dieu, стоятъ

уже выше ихъ по своимъ удобствамъ. Но самымъ лучшимъ устройствомъ, наибольшею чистотою отличаются гошпитали недавней постройки. Палаты, въ которыхъ лежатъ больные, вообще большія; нѣкоторыя такъ велики, что вмѣщаютъ въ себѣ 100—150 больныхъ. Въ этомъ значительный недостатокъ парижскихъ гошпиталей. При громадномъ скопленіи больныхъ, съ тяжелыми болѣзнями, невозможно сохранить чистоту воздуха, не смотря на хорошую, по видимому, вентиляцію. Кровати поставлены на довольно близкомъ разстояніи другъ отъ друга, поэтому вонючая, убійственная атмосфера, которая развивается иногда вокругъ больныхъ, страдающихъ мочевыми органами или изнурительными гноеніями, достается на долю и ближайшихъ сосѣдей ихъ. Устройство кроватей вездѣ одинаково; онѣ желѣзныя, съ занавѣсками. Признавая удобство послѣднихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, нельзя не замѣтить, что онѣ, вмѣстѣ съ кроватями, представляютъ родъ палатокъ, нагроможденныхъ одна подлѣ другой, и много мѣшаютъ провѣтриванію, препятствуя правильному теченію воздуха. Впрочемъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ залъ въ Charité, Hôtel-Dieu, Midi, гошпитальный воздухъ вездѣ довольно сносенъ. Палаты содержатся вообще опрятно, а въ нѣкоторыхъ, особенно новыхъ гошпиталяхъ, почти безукоризненно чисто. Надзоръ за этимъ лежитъ на обязанности сестеръ милосердія, которыя находятся во всѣхъ гошпиталяхъ.

Хирургическіе больные бездѣ отдѣлены отъ терапевтическихъ. Хотя есть госпитали съ спеціальнымъ назначеніемъ, напр. для накожныхъ, сифилитическихъ болѣзней, но размѣщеніе больныхъ, дѣлаемое изъ центральнаго бюро (bureau central d'admission), не всегда бываетъ правильно. Глазные больные всегда перемѣшаны съ собственно хирургическими. Французы, вообще наклонные къ спеціальностямъ, не допускаютъ еще спеціальнаго изученія глазныхъ болѣзней. Фоллэнъ, которому факультетъ поручаетъ дирижировать дополнительною глазною клиникою, дѣйствуетъ въ hôpital du Midi, гдѣ глазныхъ больныхъ, кажется, меньше, чѣмъ въ какомъ нибудь другомъ гошпиталѣ. Самъ онъ того убѣжденія, что окулистика не должна составлять спеціальности ни въ преподаваніи, ни въ практикѣ; потому что исторія глазныхъ болѣзней тѣсно связана съ общею патологіею, съ золотухою, сифилосомъ, diphtheritis, nephritis albuminosa, diabetes, мозговыми, сердечными и другими болѣзнями. Но если судить съ этой точки зрѣнія, то нельзя допускать никакой спеціальности въ медицинѣ.

Въ нѣкоторыхъ гошпиталяхъ я могъ сдѣлать очень интересныя и поучительныя наблюденія. Намѣреваясь говорить преимущественно о клиникѣ Нелатона, я упомяну и о нихъ. Профессоръ Нелатонъ пользуется величайшимъ уваженіемъ въ Парижѣ. Студенты, особенно ученики его, можно сказать, даже пристрастны къ нему. Каждое убѣжденіе его они считаютъ почти закономъ, каждое сужденіе почти окончательнымъ приговоромъ. Изучая хирургію, они стараются изучить преимущественно Нелатона, вмѣняютъ себѣ въ непремѣнную обязанность знать всѣ его способы операцій, отдаютъ предпочтеніе его взглядамъ на болѣзни и высоко цѣнятъ его діагностическія или терапевтическія замѣтки о нихъ. На самомъ дѣлѣ, Нелатонъ представляетъ личность, достойную изученія. Онъ вмѣщаетъ въ себѣ всю французскую хирургію, со всѣми ея исключительностями и спеціальностями; при этомъ онъ знакомъ довольно хорошо съ современнымъ состояніемъ практической хирургіи, и за предѣлами Франціи. При отчетливомъ знаніи практической науки, при громадной опытности, онъ отличается необыкновенною скромностью и, не стѣсняясь, сознается въ неумѣньи разрѣшить тотъ или другой вопросъ, представляющійся ему у постели больныхъ. Въ этомъ чрезвычайно важная черта Нелатона, какъ учителя. Указывая ученикамъ на слабыя стороны науки, открывая передъ ними мало или вовсе незатронутые пункты ея, онъ приглашаетъ ихъ къ дѣятельности, къ работѣ и предлагаетъ путь, по которому они могутъ слѣдовать и дойти до чего нибудь. Инструктивность его бесѣдъ привлекаетъ въ его клинику множество посѣтителей; въ амфитеатрѣ его тѣснятся не одни только изучающіе хирургію, тамъ сидятъ весьма часто и другіе спеціалисты. Каждый охотно стремится къ нему, потому что надѣется услышать какую нибудь полезную мысль или поучиться методѣ изслѣдованія больныхъ. Въ діагностикѣ Нелатонъ отличается большою точностію и умѣньемъ выбираться на настоящую дорогу въ трудныхъ обстоятельствахъ. Въ каждой болѣзни онъ старается отдѣлять существенныя явленія отъ менѣе важныхъ и отыскивать такіе признаки, которые составляютъ характерное отличіе ея отъ другихъ. Даже въ случаяхъ простыхъ, нетрудныхъ для распознаванія, онъ признаетъ необходимымъ обратить вниманіе на такія явленія болѣзни, которыя могутъ порождать большія или меньшія сомнѣнія въ вѣрности діагноза. Въ случаяхъ затруднительныхъ онъ анатомически анализируетъ болѣзнь, разсматриваетъ пораженныя ткани, разбираетъ припадки,

которые обнаруживаются при заболѣваніи ихъ, и путемъ исключенія доходитъ до истиннаго свойства и мѣста страданія. Хотя, вслѣдствіе этого, діагностика иногда дѣлается очень медленно, но за то она выходитъ свѣтлою и почти всегда безошибочною. Сказанное здѣсь въ общихъ чертахъ будетъ подтверждено тѣми наблюденіями и замѣтками, которыя я представлю въ сжатомъ, по возможности, видѣ. Я выберу наиболѣе замѣчательныя.

Polypus naso-pharyngeus. Нелатонъ не знаетъ ни одного достовѣрнаго наблюденія, гдѣ полипъ развился бы у женщины или въ пожилыхъ лѣтахъ. Основываясь на этомъ, онъ считаетъ правиломъ, почти безъ изключенія, что polypus naso-pharyngeus составляетъ болѣзнь мужескаго пола и молодаго возраста. Эта практическая замѣтка не безъ важности въ діагностическомъ отношеніи. Если представится больной, переживший 40 лѣтъ, съ носоглоточною опухолью, которая даетъ поводъ къ частымъ кровотеченіямъ, то можно быть *почти* совершенно увѣреннымъ въ томъ, что у него не фиброзная опухоль, а ракъ. Если же, по чрезвычайно рѣдкому исключенію, опухоль окажется фиброзною, то она будетъ ничто иное, какъ продолженіе прежняго страданія, дальнѣйшее развитіе полипа, получившаго начало еще въ молодыхъ лѣтахъ. Замѣчено также, что полипъ развивается преимущественно у людей простаго, бѣднаго класса. У людей богатыхъ, у людей постоянно живущихъ въ хорошихъ условіяхъ, Нелатонъ ни разу не видалъ этой болѣзни. Слѣдовательно, предрасположеніе къ ней зависитъ нѣкоторымъ образомъ отъ условій жизни. Вотъ все, что̀ извѣстно объ этіологіи этого полипа.

Въ анатомическомъ отношеніи отъ отличается отъ другихъ фиброзныхъ опухолей направленіемъ и расположеніемъ волоконъ. Полипъ глоточный состоитъ изъ фиброзныхъ волоконъ, которыя отвѣсно направляются книзу отъ основанія черепа и идутъ большею частью параллельно, не завиваясь въ клубки, съ концентрическимъ расположеніемъ слоевъ. Сосуды слѣдуютъ ходу волоконъ и иногда развиваются очень сильно. Послѣ срѣзыванія опухоли они остаются зіяющими среди плотной фиброзной ткани и поэтому могутъ давать большія кровотеченія. Объ исходномъ пунктѣ этихъ опухолей мнѣнія расходятся. Кромѣ весьма рѣдкихъ исключеній, онѣ берутъ начало на нижней поверхности основнаго отростка затылочной кости. Нѣкоторые же хирурги утверждаютъ, что полипы могутъ начинаться на передней поверхности позвоночнаго столба. По мнѣнію

Нелатона, въ этомъ разногласіи виновата ошибка въ оцѣнкѣ кажущагося положенія опухоли. При обыкновенномъ держаніи головы, горизонтальная линія, проведенная чрезъ верхушку язычка (uvula), соотвѣтствуетъ бугорку перваго шейнаго позвонка. Если отклонить голову назадъ, то эта линія упадетъ на основной отростокъ затылочной кости. Упущеніе изъ виду этого обстоятельства можетъ быть причиною ложныхъ заключеній. Но есть и другія причины. Можетъ случиться, что опухоль, отодвигая слизистую оболочку, спускается книзу и, кажется, находится на позвоночномъ столбѣ. Можетъ случиться также, что опухоль, подверженная вліянію воздуха, воспаляется, изъязвляется, соотвѣтственная часть глотки также изъязвляется, и опухоль, прилегая къ ней, сростается съ нею. Въ такихъ случаяхъ положеніе опухоли на позвоночномъ столбѣ есть результатъ послѣдовательнаго приращенія, а не исходная точка ея.

Въ исторіи развитія глоточнаго полипа чрезвычайно замѣчательны миграціи его. Начавшись на нижней поверхности основнаго отростка, полипъ выполняетъ скоро полость глотки. Выполнивши ее, онъ стремится проникнуть въ тѣ мѣста, гдѣ находитъ меньше всего препятствій. Первое отверстіе, которое онъ встрѣчаетъ на пути, есть заднее отверстіе носовой полости, потомъ основно-небная дыра (foramen spheno-palatinum). Проникнувши въ эту послѣднюю, полипъ выходитъ въ челюстную яму. Отсюда онъ не можетъ подниматься вверхъ или выдаваться прямо кнаружи чрезъ скуловую дугу, потому что встрѣчаетъ сильное сопротивленіе въ височномъ мускулѣ. Чаще всего онъ подвигается напередъ, за вѣнечнымъ отросткомъ нижней челюсти, и является на уровнѣ съ коренными зубами. Есть еще одно мѣсто, чрезъ которое полипъ можетъ мигрировать въ челюстную яму, именно позади евстахіевой трубы. Чрезъ основно-челюстную трещину (fissura spheno-maxillaris) онъ можетъ пробраться въ полость орбиты и произвести exophthalmus.

Носо-глоточный полипъ составляетъ всегда очень тяжелое страданіе. Предоставленный произвольному развитію, онъ рано или поздно влечетъ больнаго къ смерти, вслѣдствіе кровотеченій или гнилостнаго отравленія, при частичныхъ омертвѣніяхъ его. Иногда, очень рѣдко, нервные припадки убиваютъ больныхъ. Они зависятъ отъ прониканія полипа чрезъ основную полость въ черепъ, послѣ пробуравленія турецкаго сѣдла. Вообще, по наблюденіямъ Нелатона, всѣ больные имъ умираютъ, не достигши зрѣлаго возраста.

Оперативное леченіе этого рода полиповъ весьма затруднительно.

Вырываніе ихъ недѣйствительно. Лигатура часто недостаточна, по причинѣ обширныхъ прирощеній полипа къ позвоночному столбу. Achille Flobert первый сдѣлалъ резекцію верхней челюсти для открытія пути къ полипу, но такая операція черезъ чуръ сильно поражаетъ больнаго и не безопасна. Способъ Лангенбека, остеопластическая резекція челюсти, по мнѣнію Нелатона, даетъ мало поля для дѣйствія; способъ Huguier — также. Нелатонъ отдаетъ преимущество своему способу. Онъ состоитъ въ разрѣзѣ мягкаго нёба, въ резекціи нёбныхъ отростковъ, въ вырѣзываніи полипа и послѣдовательномъ разрушеніи основанія его ѣдкими средствами. Послѣ выздоровленія больному даютъ обтураторъ нёба,

Опухоль икры. Въ клинику пришелъ больной съ опухолью на задней поверхности голени, немного ниже подколѣнной ямки. Опухоль была величиною въ голову взрослаго человѣка, различной консистенціи. Въ нижней половинѣ она была довольно мягкая, съ зыбленіемъ, хотя не очень яснымъ. Въ верхней было одно мѣсто, твердое какъ камень. Подвижность опухоли ничтожная. Нелатонъ надѣялся сохранить ногу этому больному, но на всякій случай выпросилъ у него согласіе на ампутацію, если опухоль будетъ въ тѣсной связи съ костями.

При вылущиваніи оказалось, что опухоль была покрыта мышечнымъ слоемъ, который состоялъ изъ растянутаго икроножнаго мускула. Сепаровка ея сначала была довольно легка, но въ глубинѣ сдѣлалась очень затруднительною, потому что опухоль давала отъ себя отростокъ, который пробивался въ промежутокъ между костями и выступалъ на переднюю поверхность голени. Нелатонъ, желая избѣжать поврежденія сосудовъ, хотѣлъ отдѣлить опухоль только отъ m. soleus. При этомъ онъ вскрылъ полость, изъ которой вылилось много бурой, кровянистой жидкости. Полость заходила подъ m. soleus и внѣдрялась въ промежутокъ между костями. Это была киста. Въ верхней части опухоли было отложеніе извести. Профессоръ думалъ, что эта опухоль развилась на счетъ мышечной ткани; одна часть ея была кистная, другая жидкая, а третья каменистая. Такого рода опухоли еще не описаны; по этому не дано названія вырѣзанной.

Рана перевязана корпіею, напитанною чистымъ алькоголемъ (способъ перевязки, довольно уважаемый въ Парижѣ). У больнаго чрезъ нѣсколько часовъ появился бредъ. Нелатонъ подозрѣвалъ, что онъ происходилъ отъ остраго отравленія алькоголемъ, котораго

потребовалось очень много при перевязкѣ огромной раны. Этотъ пунктъ требуетъ вниманія и разслѣдованія.

Рана не имѣла того тяжелаго, дурнаго запаха, который обыкновенно бываетъ слышенъ при первыхъ перевязкахъ большихъ ранъ. Алькоголь долженъ предотвращать путресценцію; оттуда, по мнѣнію Нелатона, меньше опасности воспаленія венъ и піэміи. Въ этомъ достоинство перевязки ранъ алькоголемъ. Больной выздоровѣлъ.

На сколько профессоръ былъ консервативенъ въ этомъ случаѣ, на столько онъ былъ расточителенъ въ другомъ. Онъ сдѣлалъ ампутацію голени, при каріозномъ пораженіи таранной кости (у взрослаго). Основываясь на невозможности опредѣлить въ точности состояніе поверхностей состава голени съ стопою, онъ предпочелъ произвести ампутацію голени въ нижной трети, даже не пытаясь дѣлать вылущиваніе стопы, тяжелость котораго, по его мнѣнію, не меньше первой операціи.

Онъ прибѣгнулъ къ способу съ двумя лоскутами, вырѣзанными снаружи внутрь; передній лоскутъ длиною около 3-хъ сант., задній немного короче. Мягкія части и кости были отняты по обыкновеннымъ правиламъ. Выгода этого способа должна состоять въ томъ, что рубецъ, по заживленіи раны, бываетъ поперечный и не лежитъ на костяхъ въ тѣхъ точкахъ, гдѣ главнымъ образомъ опираются протетическіе аппараты. Нелатонъ видѣлъ много разъ, какъ болѣзненно бываетъ соприкосновеніе рубца, образовавшагося впереди разрѣза большеберцовой кости, съ искусственными ногами; были даже случаи, гдѣ послѣ ампутаціи, сдѣланной по способу Ленуара, больные предпочитали деревяшку протетическимъ аппаратамъ. И другіе хирурги наблюдали также не разъ, что способъ Ленуара, давая отличные результаты на трупѣ, имѣетъ большія неудобства на живомъ. Послѣ заживленія раны, остается рубецъ на передней поверхности большеберцовой кости, который стремится прирости къ гребешку ея и находится именно на точкахъ, которыми опирается культя, при управленіи искусственнымъ членомъ. Для уменьшенія неудобствъ, Сунаръ предложилъ употребленіе эллиптическаго способа. Вырѣзывая лоскутъ, 4—5-ти сант. длиною, на передненаружной поверхности голени, онъ раздѣляетъ покровы циркулярно на остаткѣ члена, при основаніи лоскута. Но и этотъ способъ имѣетъ неудобства на нижней части голени, гдѣ мягкія части состоятъ почти исключительно изъ кожи, сухихъ жилъ и апоневроза и гдѣ

только одна кожа можетъ быть употреблена съ дѣйствительною пользою. Извѣстно, что длинные лоскуты, выкроенные изъ одной кожи, имѣютъ большую наклонность къ гангренѣ, между тѣмъ какъ лоскуты не много короткіе избѣгаютъ опасности ея.

Опухоли лимфатическихъ железъ и сосудовъ. Въ клиникѣ было три замѣчательныхъ случая болѣзней лимфатической системы. Одинъ больной пришелъ съ опухолью въ лѣвомъ паху. Онъ разсказалъ, что лѣвое яичко еще съ дѣтства находилось у него въ паховомъ каналѣ и не причиняло ему особенныхъ безпокойствъ. Съ нѣкотораго времени опухоль, которую оно образовало, стала увеличиваться, не вызывая впрочемъ болей. При поступленіи больнаго въ клинику, опухоль была плоская, овальная, лежавшая непосредственно на пупартовой связкѣ. Покровы были совершенно здоровы и подвижны. Никакихъ признаковъ воспаленія. Верхняя часть опухоли казалась менѣе плотною, флюктуирующею. При давленіи ея, больной чувствовалъ боль, совершенно такую, какая является при давленіи яичка. Если стараться изолировать эту часть отъ остальной опухоли то можно было сдѣлать между ними небольшой промежутокъ, который представлялся почти пустымъ. Нелатонъ видѣлъ случаи, гдѣ яичко, вышедши изъ паховаго канала, заворачивалось кверху, по направленію къ верхней передней подвздошной ости. Такое положеніе яичка онъ предполагалъ и въ данномъ случаѣ, основываясь на чувствительности верхняго отдѣла опухоли. Что же тогда нижняя часть опухоли? Это могла быть грыжа, слѣдовавшая за яичкомъ; въ такомъ случаѣ при паховомъ отверстіи надо было бы чувствовать ту часть ея, которая была въ связи съ кишечнымъ каналомъ. Но при точнѣйшемъ изслѣдованіи, паховое кольцо найдено пустымъ; слѣдовательно, опухоль нельзя было принять за грыжу. Можно было предполагать жирную опухоль, которая развилась по сосѣдству съ яичкомъ.

При этомъ профессоръ разсказалъ слѣдующій случай. Однажды пришелъ къ нему за совѣтомъ молодой человѣкъ, который имѣлъ совершенно подобную опухоль, на томъ же мѣстѣ, такого же физическаго свойства, съ тою только разницею, что опухоль была чувствительна и очень тяготила больнаго. Считая опухоль простою, удаленіе ея не опаснымъ, Нелатонъ предложилъ операцію. Послѣ разрѣза покрововъ вытекла бѣлая жидкость, совершенно похожая на молоко; собранная, она составила около полуфунта. Опухоль оказалась со многими пещерами, наполненными этою жид-

костью. Удаленіе ея было весьма трудно и сопровождалось огромнымъ кровотеченіемъ, которое упорно продолжалось долгое время и остановлено было только хлористымъ желѣзомъ. Черезъ два или три часа послѣ операціи кровь показалась снова въ большомъ количествѣ. Такія кровотеченія повторялись нѣсколько разъ и заставляли прибѣгать къ тампонаціи. Развилась флегмонозная рожа, и на 14-й день больной умеръ. При обдукціи нашли, что у него была подобная опухоль, не большой величины, на другой сторонѣ. Sappey отпрепаровалъ и инъецировалъ ее ртутью. Это была опухоль лимфатическихъ железъ, состоявшая въ гипертрофіи ихъ и въ расширеніи лимфатическихъ сосудовъ. Препаратъ, единственный въ своемъ родѣ, хранится въ дюпюитреновскомъ музеѣ.

Нелатонъ подозрѣвалъ и въ данномъ случаѣ подобную кавернозную лимфатическую опухоль. Онъ не совѣтуетъ трогать такихъ опухолей, считая ихъ весьма опасными и трудными въ оперативномъ отношеніи. Больному предложено носить давящую повязку.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ него поступила въ клинику женщина съ чрезвычайно странными опухолями въ паховыхъ областяхъ. Опухоли различной, но вообще не большой величины, выдавались подъ кожею; нѣкоторыя соединялись другъ съ другомъ тонкими, извилистыми ходами; какъ тѣ, такъ и другія просвѣчивали чрезъ кожу, отъ этого цвѣтъ покрововъ представлялся пестрымъ, мраморнымъ, темноватымъ. Опухоли сидѣли въ подкожной клѣтчаткѣ, были не одинаковой консистенціи, на однихъ мѣстахъ мягкія, на другихъ плотныя. При дѣланіи діагностики Нелатонъ разобралъ всѣ ткани, которыя могли болѣть въ этомъ случаѣ. Можно было предполагать, что здѣсь расширеніе венъ, съ свертками крови; но, при образованіи свертковъ крови въ венахъ, опухоли представляютъ зеленоватый цвѣтъ, который измѣняется совершенно также, какъ цвѣтъ кровяныхъ подтековъ. Исключивши кожу и венозную систему, Нелатонъ остановился на лимфатической и принялъ опухоль за страданіе железъ, съ расширеніемъ сосудовъ и образованіемъ пигмента (tumeur ganglionaire melanique). Такъ какъ опухоли были на обоихъ пахахъ, распространялись на животъ и на бедра, и такъ какъ можно было прощупать непрерывное продолженіе ихъ въ брюшную полость, то всякое оперативное дѣйствіе Нелатонъ считалъ неумѣстнымъ и объявилъ болѣзнь неизлечимою.

Въ третьемъ случаѣ страданія лимфатическихъ железъ (tumeur ganglionaire fibroplastique) была произведена операція. Больной, 22-хъ

лѣтъ, имѣлъ опухоль въ лѣвой паховой области. Опухоль, по разсказамъ его, появилась еще на 17-мъ году жизни и росла очень медленно. При поступленіи больнаго въ клинику, она была величиною въ кулакъ, почти круглая, шаровидная. Кожа, покрывавшая ее, отличалась немного цвѣтомъ отъ сосѣдней; она была слегка синевата, что зависѣло отъ ризвитія въ ней сѣти венозныхъ сосудовъ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ она представлялась здоровою, не была отечная, ни уплотненная, двигалась свободно надъ опухолью. Опухоль лежала непосредственно ниже пупартовой связки, какъ разъ надъ бедренными сосудами. Она была не одинаковой консистенціи, но вообще довольно упругая, плотная. При ощупываніи она представлялась одиночною, безъ бугроватостей, которыя указывали бы на сліяніе нѣсколькихъ долей вмѣстѣ. Положеніе ея было стойкое, движенія вверхъ и внизъ, направо и налѣво весьма ограниченныя. Стараясь приподнять опухоль, можно было подойти пальцемъ подъ нее и прощупать, что она соединялась съ глубже лежащими частями посредствомъ корешка. Сама по себѣ она не вызывала никакихъ болей, и при давленіи была почти безболѣзненная.

Судя по признакамъ и мѣсту, можно было сказать прямо, что опухоль получила начало въ лимфатическихъ железахъ. Нелатонъ не допускалъ здѣсь золотушной опухоли, на томъ основаніи, что золотушныя измѣненія железъ никогда не бываютъ солитарными; обыкновенно страдаетъ нѣсколько железъ въ одно время, иногда на различныхъ частяхъ тѣла. Кромѣ того, золотушныя опухоли не могутъ оставаться долго, не подвергаясь регрессивному метаморфозу, не переходя въ нарывъ и не открываясь наружу. Что касается до гипертрофической опухоли, то Нелатонъ также не хотѣлъ принять существованія ея. Гипертрофическія опухоли бываютъ скученныя, вслѣдствіе чего представляются бугристыми, они увеличиваются въ объемѣ довольно быстро, и нѣтъ предѣловъ ихъ разростанію. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ они достигаютъ иногда колоссальныхъ размѣровъ и убиваютъ больныхъ, не дѣлаясь стаціонарными. Исключивши эти два рода опухолей, профессоръ принялъ здѣсь болѣе злокачественное новообразованіе, именно фибропластическую опухоль. Опредѣливши свойство опухоли, онъ рѣшился сдѣлать операцію. Если бы опухоль была гипертрофическая, то, по его мнѣнію, можно было бы оставить въ покоѣ на нѣсколько времени; но злокачественныя опухоли нужно стараться удалять какъ можно раньше.

Что касается до операціи, то она была весьма опасна, потому что легко можно было поранить большіе сосуды, особенно бедренную вену. Такъ такъ опухоль, сидѣла непосредственно ниже пупартовой связки, то бедренная вена могла быть повреждена выше вливанія въ нее venae saphenae. Въ прежнее время чрезвычайно боялись поврежденія бедренной вены. Ру, имѣвшій нѣсколько несчастныхъ случаевъ лигатуры бедренной вены, сдѣланной для остановки кровотеченія изъ нея, считалъ раненіе этой вены всегда смертельнымъ, потому что перевязка ея влечетъ за собою гангрену всего члена отъ прекращеннаго отлива крови. Нелатонъ думаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мнѣніе Ру совершенно справедливо, но далеко не во всѣхъ. Кровообращеніе можетъ совершаться чрезъ анастомозы другихъ венъ. При опытахъ на трупахъ, Нелатонъ перѣвязывалъ бедренную вѣну и дѣлалъ инъекцію чрезъ vena saphena. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ инъекціонная жидкость быстро переходила въ нижнюю полую вену, въ другихъ, напротивъ, нисколько не проникала. Объяснить послѣднее явленіе не трудно. Кровь не можетъ принимать въ венахъ обратнаго направленія, подобно тому, какъ это дѣлается, при развитіи коллятеральнаго кровообращенія, въ артеріяхъ; въ венахъ заслонки препятствуютъ этому, но они не всегда бываютъ достаточно развиты.

Въ случаяхъ раненія бедренной вены нѣкоторые хирурги дѣлали боковую лигатуру. Нелатонъ видѣлъ нѣсколько подобныхъ случаевъ у Ру; всѣ они окончились смертью больныхъ, потому что, по отпаденіи лигатуры, въ венѣ образовалась еще большая дыра, которая давала страшное кровотеченіе. На этомъ основаніи, Нелатонъ скорѣе рѣшается перевязать всю вену, чѣмъ положить боковую лигатуру.

Опухоль была удалена съ артистическую ловкостью, которою всегда отличается Нелатонъ. Бедренная артерія и вена были открыты, но раненію подверглись только не важные сосуды (abdominales, pudendae externae).

Exostoses. Въ клиникѣ представлялся однажды больной съ множественными экзостозами, — никакого леченія. Другой больной былъ съ экзостозомъ на большомъ пальцѣ ноги. Экзостозы послѣдняго рода *всегда* бываютъ на тыльной поверхности втораго состава и *почти всегда* ближе къ наружному краю части кости, слѣдующей за шейкою. Они въ первый разъ описаны Дюпюитреномъ. Въ анатомическомъ отношеніи замѣчательны тѣмъ, что покрыты бываютъ

слоемъ хряща. Опухоли остаются всегда меленькими, однако они чрезвычайно мучатъ больныхъ, подверженныхъ тяжелымъ работамъ. Удаленіе ихъ очень просто. Обрѣзываютъ ноготь и посредствомъ долота сбиваютъ опухоль. Рана кости закрывается посредствомъ грануляцій.

Въ ученіи о происхожденіи экзостозовъ еще много темнаго. При старомъ раздѣленіи ихъ, допускали цѣлую группу идіопатическихъ экзостозовъ, происхожденіе которыхъ объясняли какимъ-то діатезомъ. Soulier предложилъ недавно объясненіе этихъ наростовъ.

Группируя извѣстные случаи идіопатическихъ экзостозовъ, онъ замѣтилъ симметрію, готорая господствовала при развитіи этихъ произведеній, такъ что имъ приличнѣе было бы названіе нормальныхъ отростковъ, чѣмъ какое нибудь другое. Въ множественныхъ экзостозахъ можно также отыскать извѣстный порядокъ, который управляетъ происхожденіемъ ихъ. Частость симметрическихъ экзостозовъ у дѣтей, на уровнѣ нижняго конца бедра, верхняго конца плечевой кости, т. е. тамъ, гдѣ развитіе кости самое дѣятельное, гдѣ промежуточный между эпифизомъ и діафизомъ хрящъ самый обильный, должна необходимо вселить мысль, что экзостозъ происходитъ отъ избыточнаго развитія хряща, быстро переходящаго въ кость. Такого рода экзостозы, разумѣется, должны оставаться стаціонарными, послѣ того какъ окончился процессъ окостѣненія конца кости. И на самомъ дѣлѣ, леченіе, направляемое всегда безъ всякаго успѣха противъ золотухи, наслѣдственнаго сифилиса и т. п. могло бы служить, за недостаткомъ другихъ, доказательствомъ того, что экзостозы имѣютъ тѣсную связь съ процессомъ образованія и развитія кости, а не съ какимъ нибудь воображаемымъ діатезомъ.

Кисты яичниковъ. Я видѣлъ въ клиникѣ Нелатона двухъ женщинъ съ кистами яичниковъ (три у Вельпо, одну у Шассеньяка). Діагностика этихъ опухолей не всегда бываетъ легка. Особенно у жирныхъ женщихъ можно ошибаться въ распознаваніи, когда больная стоитъ. Но если положить ее на спину, то брюшные мускулы разслабляются, стѣнки живота дѣлаются мягкими, вялыми, и какъ бы толсты онѣ ни были, чрезъ мягкую массу ихъ можно чувствовать стѣнку болѣе резистентную, болѣе упругую. Эта резистентная стѣнка представляется кистою.

Нелатонъ дѣлаетъ обыкновенно впрыскиваніе іода въ кисты яичниковъ. При этомъ онъ обращаетъ большое вниманіе на свойство

жидкости, содержавшейся въ кистѣ. Если жидкость серозная, прозрачная, очень тонкая, какъ при hydrocele, то можно быть вполнѣ увѣреннымъ въ благопріятномъ результатѣ впрыскиванія. Если же киста наполнена жидкостью густою, вязкою, тягучею, то впрыскиваніе іода будетъ совершенно безполезно. (Консистенція жидкости опредѣляется, смотря по тому, тянется ли она нитью съ пальца, обмоченнаго въ нее).

Операція эта, какъ показали наблюденія, дѣйствуетъ только палліативно, поэтому приходится повторять ее. Въ клинику была принята больная, 36 лѣтъ, у которой на 24-мъ году былъ сдѣланъ первый проколъ кисты, съ впрыскиваніемъ іода. Больная какъ будто вылечилась отъ болѣзни на довольно продолжительное время. Но къ исходу 7-го года послѣ операціи опухоль яичника образовалась вновь. Сдѣлано второе впрыскиваніе іода. Третье впрыскиваніе было произведено черезъ 3 года, четвертое черезъ 14 мѣсяцевъ. Таковъ обыкновенный ходъ болѣзни, при леченіи ея іодными впрыскиваніями. Промежутки между ними дѣлаются постоянно все меньше и меньше; и наконецъ впрыскиваніе уже не оказываетъ никакого дѣйствія. Что нужно дѣлать послѣ впрыскиванія? Нужно ли скоро повторять его или ожидать? Вотъ правило, котораго съ давнихъ поръ держится Нелатонъ. Случается, что въ первые 5—6 недѣль послѣ операціи въ опухоли вновь собирается жидкость, но количество ея не увеличивается; напротивъ, опухоль, оставаясь нѣкоторое время одинаковой величины, начинаетъ мало по малу уменьшаться и совсѣмъ опадаетъ. Въ другихъ случаяхъ увеличеніе количества жидкости идетъ безостановочно впередъ; въ этихъ послѣднихъ нужно производить новое впрыскиваніе. Такимъ образомъ нужно умѣть наблюдать больныхъ и, если жидкость не увеличивается въ опухоли, ожидать 3, 4 даже 5 мѣсяцевъ; если же напротивъ количество ея возрастаетъ постоянно, опять дѣлать проколъ и впрыскивать іодъ.

Нелатонъ употребляетъ для прокола длинный и тонкій троакаръ и вдвигаетъ трубочку его далеко, до самаго дна кисты. Животъ сдавливается по немногу со всѣхъ сторонъ, чтобы выпустить жидкость, по возможности, до послѣдней капли. Растворъ іода смѣшивается пополамъ съ водою. Первое впрыскиваніе часто свертываетъ только бѣлокъ оставшейся въ кистѣ жидкости; поэтому надо выпустить іодный растворъ и сдѣлать второе и даже третье впрыскиваніе.

У другой больной, поступившей въ клинику, жидкость, выпущенная изъ кисты, была густая, тягучая, коллоидная. Этой не было дѣлано впрыскиваніе іода.

Что касается до оваріотоміи, то Нелатонъ неохотно рѣшается на нее. Онъ сдѣлалъ 8 оваріотомій, изъ нихъ 4 съ успѣхомъ. Операція, по мнѣнію его, чрезвычайно тяжелая, страшная, поэтому мы имѣемъ право производить ее толлко въ тѣхъ случаяхъ, когда больной предстоитъ вѣрная и близкая опасность. Вельпо дѣлаетъ приговоръ еще строже. По его мнѣнію, il vaut mieux laisser les malades mourir, que les tuer. При условіяхъ, обѣщающихъ успѣхъ, операція не необходима; когда же она дѣлается необходимою, она почти всегда влечетъ за собою смерть. Однакожъ опыты англійскихъ хирурговъ громко говорятъ, что такой приговоръ рѣшительно не основателенъ. Backer-Brown произвелъ до апрѣля 1862 года 42 оваріотоміи, которыя онъ обнародовалъ въ подробномъ описаніи, съ статистическою таблицею. Изъ этой таблицы выходитъ, что изъ 42 больныхъ онъ спасъ 22. Но надо замѣтить, что пропорція успѣховъ увеличивается по мѣрѣ того, какъ приближается къ послѣднимъ годамъ, по мѣрѣ того, какъ совершенствуется способъ самой операціи. Spencer Wells произвелъ первую операцію въ 1858 году. Съ этого времени до іюля 1863 онъ сдѣлалъ 70 оваріотомій, изъ которыхъ 48 съ отличными результатами. Но если разложить это число, то увидимъ, что на 50 первыхъ операцій, показанныхъ въ таблицѣ, публикованной Спенсеромъ въ концѣ 1862 г., было 33 выздоровленія и 17 несчастныхъ исходовъ; между тѣмъ какъ на 20 послѣднихъ операцій, сдѣланныхъ въ первые шесть мѣсяцевъ 1863 г., выходитъ 15 выздоровленій и только 5 смертельныхъ исходовъ. Изъ этого видно, что пропорція выздоровленій увеличивается такъ чувствительно, что теперь можно сказать, что этотъ хирургъ спасаетъ 3 больныхъ изъ 4, или 75 изъ 100. Tyler Smith началъ дѣлать оваріотомію подъ конецъ 1860. Онъ обратился къ ней потому, что постоянно, въ теченіи 20 лѣтъ своей практической жизни, видѣлъ неудачи отъ другихъ методовъ леченія. Отличные результаты, полученные имъ, не заставили его раскаяваться. Оперировавши 17 больныхъ, онъ потерялъ только 3, слѣдовательно онъ спасаетъ 4 изъ 5, или 82-хъ изъ 100.

Сравнивая оваріотомію съ другими большими операціями, мы находимъ, что она, въ такомъ видѣ, какъ она практикуется и успѣваетъ въ послѣдніе годы въ Англіи, даетъ гораздо меньше смерт-

ности, чѣмъ операція ущемленной грыжи, литотомія у взрослыхъ, перевязка подключичной артеріи, ампутація бедра и пр.; т. е. чѣмъ большая часть тяжелыхъ операцій, производимыхъ почти ежедневно, съ цѣлью удаленія неизлечимыхъ поврежденій, при которыхъ онѣ составляютъ единственную надежду на спасеніе больныхъ.

Мнѣ приходилось иногда слышать отъ людей солидныхъ, что только англійская брюшина переноситъ такъ легко оваріотомію. Однакожъ попытки, изрѣдка дѣланныя тамъ и сямъ, показываютъ, что и нѣмецкая, и французская брюшина также въ состояніи переносить эту операцію. Въ послѣднее время Serres (d'Uzès) сдѣлалъ оваріотомію съ блестящимъ исходомъ и, по просьбѣ Нелатона, разсказалъ этотъ случай въ клиникѣ его.

Изъ развитія воспаленія брюшины послѣ герніотоміи и другихъ операцій, при которыхъ почти всегда приходится имѣть дѣло съ *больною* оболочкою, заключаютъ, что вскрытіе ея, для отыскиванія кистъ яичниковъ, неизбѣжно должно сопровождаться такими же послѣдствіями. Но опытъ показываетъ, что до сихъ поръ не точно опредѣляли причины воспаленія брюшины и смертельности его въ различныхъ случаяхъ. Судя по успѣхамъ, получаемымъ въ послѣднее время оваріотоміею, можно думать, что причины воспаленія не столько въ разрѣзѣ брюшины, сколько въ раздраженіи, получившемъ начало еще до операціи подъ вліяніемъ травматизма или прогрессивнаго воспаленія внутренностей, или инородныхъ тѣлъ, особенно гноя.

Въ случаяхъ брюшныхъ ранъ, съ выпаденіемъ кишекъ или поврежденіемъ ихъ, сопровождаемымъ изліяніемъ фекальной метеріи, кровотеченіемъ или воспаленіемъ, условія далеко не такія, какъ въ случаяхъ разрѣза брюшины, *относительно здоровой*, и отнятія опухоли, играющей въ отношеніи къ ней роль инороднаго тѣла. Упускаютъ также изъ виду, что при ущемленной грыжѣ, когда операція не дѣлается въ первые часы послѣ ущемленія, уже существуетъ воспаленіе кишечныхъ оболочекъ, что привычка вызывать слабительными сокращенія кишекъ помогаетъ только распространенію, а не уменьшенію его, что продолжительныя и безплодныя попытки вправливанія прибавляютъ къ ущемленію еще вліяніе травматизма. Упускаютъ также изъ виду, что въ случаяхъ разрыва кистъ, изліянія крови или гноя въ полость брюшины, опасность зависитъ отъ присутствія этихъ инородныхъ тѣлъ, отъ ихъ постояннаго соприкосновенія съ нею и отъ раздраженія, вызываемаго ими.

Фистулы. Въ клинику явилась однажды женщина, среднихъ лѣтъ, прося помощи противъ фистулезнаго отверстія, которое уже съ давнихъ поръ безпокоило ее постояннымъ, хотя и незначительнымъ отдѣленіемъ жидкости, и не закрывалось, не смотря на употребленіе различныхъ средствъ. Отверстіе, небольшой величины, съ твердыми, мозолистыми краями, находилось немного ниже подъязычной кости (fistula subhyoidea). Изъ него выдавались грануляціи и вытекала свѣтлая жидкость, тягучая какъ слизь. Нелатонъ затруднялся объяснить происхожденіе этой фистулы. Boyer описываетъ подобнаго рода фистулы. Мальтенъ считаетъ причину ихъ въ страданіи серозной сумки, находящейся на щито-подъязычной перепонкѣ. Но Нелатонъ отвергалъ эту теорію для даннаго случая, потому что изъ фистулы отдѣлялась жидкость слизистаго свойства. Онъ предполагалъ, что какой нибудь изъ слизистыхъ фолликуловъ, расположенныхъ подъ языкомъ, заболѣлъ и образовалъ кисту, которая, вскрывшись, поддерживала фистулу своимъ отдѣленіемъ. При леченіи, онъ считалъ необходимымъ вскрыть фистулезный ходъ, дойти до источника отдѣленія жидкости и удалить его. Во время зондированія фистулы, а еще болѣе при разрѣзѣ покрововъ надъ нею, онъ убѣдился, что свищевой ходъ не переступалъ подъязычной кости; поэтому его мнѣніе о происхожденіи фистулы было ошибочно. Удаливши, сколько можно, стѣнки фистулезнаго хода, онъ прижегъ остатки ихъ ѣдкимъ кали, надѣясь этимъ разрушить ихъ окончательно. По отпаденіи струпа, на третій день, показалась опять тягучая жидкость; такимъ образомъ надежда на излеченіе больной поколебалась.

Такъ какъ предполагаемая причина фистулы оказалась невѣрною, то Нелатонъ не могъ отыскать никакой другой. Онъ припомнилъ изъ своей практики два случая также странныхъ и также упорныхъ фистулъ. Одинъ разъ больной имѣлъ свищевое отверстіе какъ разъ на срединѣ наружной лодышки. Нелатонъ лечилъ его прижиганіями въ теченіи цѣлаго года, проникалъ при этомъ въ самую ткань кости, но фистула все таки не заживала. Больному, вѣроятно, наскучило леченіе, и онъ скрылся изъ виду. Другой разъ фистула была на внутренней поверхности большеберцовой кости, ниже сухожильнаго растяженія, извѣстнаго подъ названіемъ гусиной лапы. Отверстіе было значительно ниже сухихъ жилъ, поэтому болѣзнь нельзя было отнести къ страданію серозной сумки, находящейся подъ ними, тѣмъ болѣе, что фистула вела прямо въ ткань

кости. Этотъ случай также долго противостоялъ всякому леченію; наконецъ Нелатону пришло на мысль снять поверхность кости, выстилавшую фистулу, и больной черезъ нѣсколько времени совершенно выздоровѣлъ. Такимъ образомъ нужно было только удалить оболочку, отдѣлявшую жидкость, чтобъ достигнуть излеченія болѣзни. Имѣя въ виду эти два случая и взявши во вниманіе, что въ новомъ фистулезный ходъ не переходилъ подъязычной кости, Нелатонъ склоненъ былъ думать, что, можетъ быть, и здѣсь страданіе исходило отъ тѣла подъязычной кости. Дальнѣйшія наблюденія и опыты хирурговъ должны разъяснить эти загадочныя фистулы.

Другой случай очень рѣдкой фистулы представилъ больной, у котораго, послѣ покушенія на самоубійство, осталось отверстіе гортани, на углѣ щитообразнаго хряща (fistula laryngea). Освѣживши края ея, Нелатонъ вырѣзалъ по сосѣдству круглый лоскутъ кожи переложилъ его на отверстіе и пришилъ. Лоскутъ первое время казался довольно подозрительнымъ и ослаблялъ увѣренность въ успѣхѣ операціи; онъ былъ сѣръ, темноватъ въ нижней части, однакожъ помертвѣлъ на весьма незначительномъ пространствѣ, такъ что остальная часть его совершенно закрывала фистулу.

Одинъ разъ была произведена операція fistulae vesicovaginalis по американскому способу (Sims). Объ этомъ способѣ я буду говорить въ другое время.

Neuralgia nervi trigemini. Больной, молодой человѣкъ, получилъ эту боль 10 лѣтъ назадъ. Боль, чрезвычайно сильная, появлялась приступами и чрезъ нѣсколько дней прошла; по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ снова возвратилась и опять на короткое время. Послѣ этого промежутки между возвратами дѣлались все меньше и меньше, и наконецъ боль сдѣлалась почти постоянною. Не проходило дня, въ который больной не подвергался бы приступамъ боли. Мѣсто, на которомъ сначала показалась боль, была подбородочная сторона, потомъ regio infraorbitalis, подъ конецъ къ нимъ присоединилась и щечная область. Больной былъ до появленія боли совершенно здоровъ, поэтому боль нельзя было поставить въ зависимость отъ сифилиса, ломоты, лихорадки или другой какой нибудь болѣзни. Всѣ средства были употребляемы противъ нея безъ малѣйшаго успѣха. Единственное облегченіе испытывалъ больной отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, но пользоваться этимъ средствомъ не могъ, потому что, послѣ кратковременнаго отдыха, боль возвращалась еще съ большею жестокостью. Больной, изнуренный сильно, при-

ѣхалъ изъ отдаленной провинціи въ Парижъ съ настоятельною просьбою освободить его отъ страданій посредствомъ операціи.

Нелатонъ три раза въ жизни своей сдѣлалъ невротомію съ успѣхомъ, во всѣхъ другихъ (около 20) безъ всякой пользы. Онъ производилъ всегда резекцію нервовъ, потому что простой разрѣзъ, по мнѣнію его, рѣшительно безполезенъ. Въ данномъ случаѣ онъ также считалъ необходимымъ дѣлать резекцію нервовъ. У больнаго можно было отыскать три исходныхъ точки болей, соотвѣтственно тремъ нервнымъ вѣтвямъ: mentalis, infraorbitalis и buccalis. Всѣ эти нервы нужно было открыть и оперировать. Что касается до подбородочнаго нерва, то отыскиваніе его не сопряжено ни съ какими затрудненіями. Переднее подбородочное отверстіе находится подъ первымъ кореннымъ зубомъ. Стоитъ только разрѣзать слизистую оболочку на этомъ мѣстѣ, отпрепаровать ее немного отъ челюсти и нервъ обнаженъ. Nervus infraorbitalis открывается также легко. Подъорбитальное отверстіе лежитъ на отвѣсной линіи, проходящей чрезъ соединеніе внутренней трети нижняго края глазной впадины съ двумя наружными. Разрѣзъ дѣлать параллельно краю орбиты, лучше немного выше, чѣмъ ниже. Если случится, что разрѣзъ сдѣланъ высоко, то можно отсепаровать немного покровы книзу; если же разрѣзъ сдѣланъ низко, то онъ упадаетъ на развѣтвленія нерва, между тѣмъ какъ его нужно схватить тотчасъ при выходѣ изъ кости. Остается nervus buccalis. Казалось бы, трудно добраться до него, однакожъ и здѣсь немного затрудненій. Выходя изъ fossa zygomatica, онъ заворачивается впереди вѣнечнаго отростка нижней челюсти и внѣдряется въ щеку. Для обнаженія его надо только сдѣлать вертикальный разрѣзъ, со стороны рта, по переднему краю вѣнечнаго отростка. Всѣ эти нервы Нелатонъ открылъ и вырѣзалъ изъ нихъ по куску, длиною около сантиметра. Больной на этотъ день не имѣлъ приступа болей; на другой день также. Но черезъ два дня боли возвратились опять, хотя не съ прежнею жестокостью. Такимъ образомъ, казалось, операція осталась безъ вліянія на болѣзнь. Больной выпущенъ изъ клиники, утѣшенный тѣмъ, что болѣзнь пройдетъ мало по малу съ теченіемъ времени. Но черезъ шесть недѣль онъ извѣстилъ Нелатона письмомъ, что онъ совершенно вылеченъ, потому что, современи возврата домой, онъ ни разу не испытывалъ болей.

Aneurysma arteriae ischiaticae. Больной, лѣтъ 30, пять лѣтъ назадъ упалъ и ударился сѣдалищною частью объ острое тѣло. На мѣстѣ

ушиба образовалась опухоль, которая не безпокоила его въ первое время, при его работахъ. Но появившіяся боли заставили его обратиться за помощью въ hôpital de la Pitié, гдѣ Sappey и Laugier діагностировали аневризму сѣдалищной артеріи. Sappey перевязалъ эту артерію, значительною сепаровкою и прижиманіемъ ея убѣдившись предварительно въ томъ, что она была въ связи съ аневризматическимъ мѣшкомъ. Тотчасъ послѣ операціи прекратились біенія опухоли, но подъ конецъ третьяго дня они появились снова, на 5-й день опухоль стала опять увеличиваться. Sappey предложилъ тогда больному операцію по старинному способу Антиллуса; но больной не согласился и вышелъ изъ госпиталя. Чрезъ нѣсколько времени однакожъ онъ принужденъ былъ поступить къ клинику Нелатона. Болѣзнь представляла нѣсколько особенностей, которыя заслуживали вниманія. Во первыхъ, слабость біеній была такая, какая очень рѣдко бываетъ въ аневризматическихъ опухоляхъ. Замѣчательно было также, что опухоль, при давленіи, уменьшалась немного въ объемѣ. Это заставляло думать, что она состояла не изъ одного мѣшка, какъ обыкновенная аневризма, а изъ нѣсколькихъ. Какъ бы то ни было, но существованіе аневризмы здѣсь было несомнѣнно. Но что дѣлать противъ нея? Arteria ischiatica уже была перевязана. Давленіе трудно переносится на этомъ мѣстѣ, не говоря уже о томъ, что оно не останавливаетъ коллятеральнаго прилива крови, потому что біенія опухоли не прекращаются. Перевязать ли arteriam iliacam internam? Но если перевязка сѣдалищной артеріи не остановила прилива крови къ опухоли, то перевязка arteriae hypogastricae еще менѣе въ состояніи сдѣлать это. При томъ нужно взять во вниманіе опасность этой опереціи, вслѣдствіе отдѣленія брюшины на значительномъ пространствѣ, за которымъ можетъ послѣдовать воспаленіе подрбюшинной клѣтчатки. По розысканіямъ Нелатона, эта артерія перевязана 8 разъ, изъ которыхъ только три вѣнчались успѣхомъ,—результатъ не очень блистательный. Такимъ образомъ на перевязку arteriae hypogastricae нельзя было рѣшиться, а тѣмъ болѣе на старинный способъ Антиллуса, который сопровождается почти всегда страшнымъ а иногда быстро смертельнымъ кровотеченіемъ.

Нелатонъ рѣшился дѣлать впрыскиваніе полуторохлористаго желѣза. Три года назадъ онъ въ первый разъ сдѣлалъ впрыскиваніе желѣза въ аневризму сѣдалищной артеріи; больной совершенно выздоровѣлъ. Чтобы этотъ способъ былъ успѣшенъ, нужно

прервать кровообращеніе въ сѣдалищной артеріи на нѣкоторое время. Такъ какъ достигнуть этого съ помощью однихъ пальцевъ очень трудно, то Нелатонъ велѣлъ построить особенный компрессоръ для прижиманія аорты. Подъ пелотъ его кладется рука, которая придавливаетъ артерію, а пелотъ только помогаетъ рукѣ, когда она устаетъ.

Противъ впрыскиванія желѣза въ аневризмы возражали многіе, говоря, что оно причиняетъ гангрену. Это, на самомъ дѣлѣ, случалось на конечностяхъ, вслѣдствіе того, что, вмѣсто облитераціи одного аневризматическаго мѣшка, облитерировали всю артерію и такимъ образомъ уничтожили совершенно притокъ крови къ члену. Но система кровообращенія въ сѣдалищной артеріи менѣе изолированная, поэтому отъ облитераціи ея не можетъ быть дурныхъ послѣдствій. Нужно только брать жидкость просто коагулирующую, а не ѣдкую, потому что цѣль операціи—простое свертываніе крови. Первое дѣйствіе впрыскиванія желѣза—свертываніе крови; слѣдующее за тѣмъ раздраженіе мѣшка и воспаленіе стѣнокъ его доканчиваютъ облитерацію

Нелатонъ сдѣлалъ впрыскиваніе 30 кавель хлористаго желѣза (20%); десять минутъ было задерживаемо кровообращеніе въ артеріи. Прежде впрыскиванія, онъ, по выходу крови изъ трубочки троакара, убѣдился, что онъ попалъ именно въ полость мѣшка, а не въ какую нибудь часть стѣнокъ его. Пульсація опухоли остановилась сейчасъ же и больше не возвращалась.

Anus praeternaturalis. Въ этомъ случаѣ я видѣлъ въ первый разъ наложеніе дюпюитреновскихъ щинцовъ. Въ патологическомъ отношеніи они не отличались ничѣмъ особеннымъ; они были безъ такъ называемой воронки Скарпы. Энтеротомъ сдѣлалъ свое; по снятію его, отдѣленія пошли естественнымъ путемъ, но, къ сожалѣнію, больной умеръ черезъ нѣсколько дней. При вскрытіи найденъ нарывъ въ печени. Нелатонъ объяснялъ происхожденіе его воспаленіемъ брыжеечныхъ венъ, которое было вызвано, вѣроятно, наложеніемъ энтеротома.

Кромѣ упомянутыхъ, я видѣлъ въ клиникѣ Нелатона нѣсколько другихъ любопытныхъ случаевъ, напр. выниманіе пули изъ паховой области, опухоли груди простыя и злокачественныя, переломы нижняго конца лучевой кости, наружной лодышки, вывихъ средняго ручнаго пальца, омертвѣнія костей. Каждый изъ нихъ представлялъ какую нибудь замѣчательность въ патологическомъ или практиче-

скомъ отношеніи, каждый изъ нихъ былъ болѣе или менѣе поучителенъ. Вообще весьма рѣдко случай, видѣнный въ клиникѣ Нелатона, былъ на столько безъинтересенъ, что не вызывалъ вниманія къ себѣ. Поэтому посѣщеніе этой клиники оставитъ въ душѣ на долгое время благодарное воспоминаніе о ней.

Varices venarum. Въ hôpital St-Louis, въ отдѣленіи Voillemier, я имѣлъ случай видѣть леченіе расширенія венъ впрыскиваніемъ хлористаго желѣза. Не смотря на частность этой болѣзни, не смотря на многочисленность предложенныхъ противъ нея способовъ леченія, надо сознаться, что успѣхъ рѣдко вѣнчалъ смѣлыя попытки хирурговъ; поэтому большая часть ихъ остановилась на самомъ невинномъ способѣ леченія, на простомъ бинтованіи ногъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ Правазъ обратилъ вниманіе на свертывающее дѣйствіе желѣза на кровь, леченіе венозныхъ расширеній значительно измѣнилось. Онъ умеръ, не воспользовавшись вполнѣ своимъ открытіемъ; но его товарищи докончили его работу. Попытки впрыскивать хлористое желѣзо въ вены стали вызывать болѣе и болѣе довѣрія къ себѣ.

Первые хирурги, дѣлавшіе впрыскиваніе желѣзнаго раствора въ варикозныя вены, имѣя всегда въ виду опасность операцій, производимыхъ надъ венами, принимали при этомъ большія предосторожности; однакожъ иногда все таки имъ приходилось видѣть непріятныя послѣдствія операціи. Случалось, что послѣ впрыскиванія желѣза невозможно было избѣгнуть образованія нарывовъ въ самыхъ венахъ или въ окружающей ихъ клѣтчаткѣ. Случалось также что больные, которыхъ считали вылеченными, возвращались чрезъ нѣсколько времени опять въ больницу, потому что свертокъ крови всасывался, и проходимость вены возстановлялась. Вуалемье измѣнилъ нѣсколько употребительный способъ операціи впрыскиванія желѣза и достигаетъ теперь всегда благопріятныхъ результатовъ.

Впрыскиваніе дѣлается шприцовкою Праваза. Растворъ желѣза 25%. Больной стоитъ на стулѣ, опираясь на плечо помощника. Хирургъ, садясь противъ него, схватываетъ лѣвою рукою оперируемый членъ, такъ что пальцы получаютъ точку опоры на сторонѣ, противоположной венной опухоли, а большимъ пальцемъ прижимаетъ вену на 3—4 сантиметра выше того мѣста, на которомъ должно быть сдѣлано впрыскиваніе. Потомъ беретъ троакаръ между большимъ и среднимъ пальцами правой руки, удерживая указательнымъ мандрэнъ въ трубочкѣ, и вонзаетъ въ вену тихо и косвенно

сверху внизъ. Какъ только отсутствіе сопротивленія показываетъ ему, что инструментъ прокололъ сосудъ, онъ останавливается. Помощникъ извлекаетъ мандрэнъ и быстро навинчиваетъ на трубочку шприцовку, наполненную желѣзнымъ растворомъ; и дѣлаетъ столько поворотовъ поршнемъ, сколько нужно впрыснуть въ вену. Послѣ этого хирургъ прекращаетъ сжиманіе вены; но больной остается на ногахъ 6—10 минутъ. По истеченіи этого времени, онъ осторожно ложится въ постель, а хирургъ удерживаетъ трубочку, которая извлекается только по прошествіи нѣсколькихъ минутъ. На уколъ въ кожѣ не кладется ничего для закрыванія раны; только послѣ нѣсколькихъ часовъ прикладываются къ члену мягчительныя припарки, которыхъ употребленіе продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока совершенно пройдетъ воспаленіе.

Самыя обыкновенныя непріятныя явленія послѣ впрыскиванія желѣза—нарывъ и рецидивъ болѣзни. Нарывы рѣдко происходятъ вслѣдствіе воспаленія вены, обыкновенно они развиваются внѣ вены, оттого что нѣсколько капель жидкости, попадая въ клѣтчатку, возбуждаетъ воспаленіе въ ней. Слѣдовательно, при производствѣ операціи нужно стараться предупреждать всякую инфильтрацію раствора внѣ вены. Съ этою цѣлью Вуалемье не дѣлаетъ перевязки члена бинтомъ, потому что остановка теченія венозной крови благопріятствуетъ выходу ея въ клѣтчатку, послѣ удаленія трубочки троакара. Производя давленіе только пальцемъ, онъ останавливаетъ кровообращеніе только въ оперируемой венѣ. Послѣ вынутія трубочки, на уколъ въ кожѣ не кладется ничего для закрыванія раны, потому что, если должно выдти нѣсколько капель инъекціи изъ вены, гораздо лучше позволить имъ выходить наружу, чѣмъ въ подкожную клѣтчатку. Чтобы обезпечить еще болѣе удерживаніе жидкости въ венѣ, трубочка вынимается только послѣ образованія свертка, на что полагается достаточнымъ 6—10 минутъ; давленіе пальцемъ на вену прекращается рано, вслѣдствіе чего уменьшается растяженіе вены и стремленіе крови выходитъ наружу, мимо трубочки. Поступая такимъ образомъ, Вуалемье не видѣлъ больше нарывовъ послѣ впрыскиванія желѣза въ вены.

Чтобы предотвратить возвраты болѣзни, нужны свои предосторожности. Пока свертокъ крови остается въ венѣ, возврата не бываетъ. Вена, чрезъ которую не протекаетъ кровь, съуживается по силѣ сократительности своихъ стѣнокъ. Но если свертокъ очень малъ, если желѣзо не вошло въ достаточномъ количествѣ въ со-

ставъ его, онъ не можетъ долго сопротивляться растворяющему дѣйствію крови, и варикозная опухоль возвращается. Нужно, поэтому, произвести въ венѣ свертокъ достаточной величины относительно величины опухули. Для этого надо было бы или впрыскивать растворъ болѣе крѣпкій, чѣмъ 25%, или въ бо́льшемъ количествѣ, если онъ слабѣе. Но слишкомъ крѣпкій растворъ можетъ вызывать сильное воспаленіе вены; растворъ 25% свертываетъ кровь менѣе быстро, но его соединеніе съ нею, болѣе медленное, позволяетъ ему распространить свое дѣйствіе довольно далеко и образовать болѣе длинный свертокъ. Этому послѣднему благопріятствуетъ стоячее положеніе больнаго, которое даетъ ему Вуалемье. Хлористое желѣзо, какъ тяжелѣе крови, опускается по силѣ своей тяжести внизъ; свертывающее дѣйствіе его распространяется на 12—14 сантим. и иногда даже въ боковую венозную вѣтвь. Такимъ образомъ бо́льшее количество хлористаго желѣза не увеличиваетъ опасности воспаленія вены, потому что его дѣйствіе разсѣевается на большомъ пространствѣ. Количество капель, впрыскиваемыхъ въ вену, простирается, смотря по величинѣ опухолей, до 10 — 15 — 20.

Нужно быть готовымъ побѣждать воспалительныя явленія, довольно обыкновенно слѣдующія за впрыскиваніемъ желѣза. Больной долженъ лежать покойно въ постели и, если явится раздраженіе, прикладывать мягчительныя припарки.

Впрыскиваніе хлористаго желѣза въ вены мнѣ удалось наблюдать еще въ hôpital du Midi, въ отдѣленіи Фолляна. Тамъ же я былъ свидѣтелемъ операціи *fissurae ani*. Болѣзнь эта была хорошо извѣстна еще Boyer, который указалъ на два существенныхъ явленія въ ней: на изъязвленіе, сидящее на мѣстѣ перехода кожи въ слизистую оболочку, и на постоянное спазмодическое сокращеніе сфинктера. Но какое отношеніе между этими двумя явленіями болѣзни? Развиваются ли они вмѣстѣ или происхожденіе одного вызывается другимъ? Boyer говорилъ, что при fissura ani сущность въ сокращеніи сфинктера и, на этомъ основаніи, для леченія ея предложилъ разрѣзъ мускула. Хотя онъ замѣчаетъ, что бываютъ иногда спазмодическія сокращенія мускула безъ трещины въ кожѣ, но такіе случаи принадлежатъ, вѣроятно, къ большимъ рѣдкостямъ. Обыкновенно первоначально является трещина, которая, при раздраженіяхъ, вызываетъ спазмъ сфинктера. Трещина можетъ быть причиняема проходомъ твердыхъ экскрементовъ или какого нибудь инороднаго тѣла. Сначала мало или вовсе безболѣзненная, она дѣ-

лается, вслѣдствіе раздраженій, чувствительною. Подъ вліяніемъ раздраженія слизистой оболочки, подлежащій мышечный слой дѣлается мѣстомъ спазмодическаго сокращенія. Подобное явленіе мы видимъ при раненіяхъ слизистой оболочки пищепріемника и въ особенности въ воспаленіяхъ уретры, гдѣ раздраженіе мышечной части дѣлается причиною стриктуры, которую, не безъ основанія, называютъ спазмодическою. Но спазмодическое сокращеніе сфинктера ani, въ свою очередь, можетъ дѣлаться причиною, поддерживающею fissuram, потому что выходъ экскрементовъ, смотря по силѣ сокращенія, дѣлаясь болѣе или менѣе затруднительнымъ, побуждаетъ больнаго къ усиленнымъ напряженіямъ, которыя способствуютъ еще большему раздиранію трещины.

Операція, предложенная Boyer, можетъ причинять воспаленіе венъ, поэтому отъ нея отказались. Дѣланная Бландэномъ подкожная міотомія, также передана забвенію. Рекамье замѣтилъ, что, при спазмодическомъ сокращеніи мускула, можно побѣдить эту контрактуру простымъ растягиваніемъ его, даже безъ разрыва волоконъ. Онъ написалъ мемуаръ объ употребленіи этого средства въ леченіи мышечныхъ контрактуръ и посвятилъ въ немъ параграфъ fissurae ani. Вотъ какъ онъ совѣтуетъ поступать: надо ввести указательный палецъ лѣвой руки въ проходъ, за нимъ указательный правой и, сильно разводя ихъ по различныхъ направленіямъ, стараться растягивать сфинктеръ до тѣхъ поръ, пока они перестанутъ чувствовать сопротивленіе. Эта операція принята теперь, кажется, всѣми въ Парижѣ. Она очень болѣзненна, но хлороформъ устраняетъ это неудобство. Впрочемъ Фоллэнъ не совѣтуетъ прибѣгать къ хлороформу, для того, чтобы лучше чувствовать сокращенныя волокна мускула. Операція почти всегда сопровождается успѣхомъ, не вызывая никакихъ припадковъ.

Эндоскопъ. Я познакомился съ устройствомъ и употребленіемъ этого аппарата у самаго изобрѣтателя его, Дезормо, въ hôpital Necker. Онъ состоитъ изъ трубки, въ которой помѣщается металлическое зеркало, съ отверстіемъ въ срединѣ, наклоненное къ оси инструмента подъ угломъ 45°. Трубка на одномъ концѣ съуживается и прилаживается этою частью къ зондамъ, назначеннымъ для введенія въ органы; на другомъ концѣ она снабжена діафрагмою, пробуравленною, какъ и зеркало, въ срединѣ. Необходимая принадлежность аппарата—лампа, поставленная въ особенномъ фонарикѣ, который соединяется съ трубкою (съ боку), такъ что свѣтъ лампы,

отраженный вогнутымъ рефлекторомъ, падаетъ на зеркало и оттуда направляется къ предметамъ, находящимся на концѣ зонда. Лампа должна быть небольшая, но давать достаточно яркій свѣтъ. Лучшимъ матеріаломъ для сожиганія служитъ смѣсь скипидарнаго масла съ алькоголемъ.

При употребленіи аппарата, въ трубкѣ его укрѣпляютъ винтомъ конецъ зонда, потомъ прилаживаютъ фонарикъ съ лампою, которую предварительно установливаютъ такъ, чтобы бѣлое пламя ея падало прямо на центръ вогнутаго зеркала. Нужно заботиться также о томъ, чтобы пламя не было очень маленькое, ни очень большое, потому что самый яркій свѣтъ, находясь не противъ центра рефлектора, будетъ освѣщать мало или совсѣмъ не будетъ освѣщать.

Когда всѣ условія соблюдены, предметы должны быть хорошо освѣщены на концѣ зонда и ясно видны, если смотрѣть въ отверстіе діафрагмы. Во все время изслѣдованія больнаго, нужно держать лампу вертикально, иначе она не будетъ освѣщать. Изслѣдованіе должно быть дѣлаемо въ темной комнатѣ, потому что предметы, наблюдаемые при искусственномъ освѣщеніи, представляются тѣмъ болѣе освѣщенными, чѣмъ слабѣе натуральный свѣтъ. Если поверхность предметовъ влажная, нужно осушить ее старательно; лучшее средство для этого маленькіе куски трута, укрѣпленные на длинныхъ палочкахъ, которые вводятся въ зондъ чрезъ боковое отверстіе его.

Зонды бываютъ различной величины и формы, смотря по назначенію ихъ. Для органовъ, наполненныхъ жидкостью, напр. для мочеваго пузыря, употребляется зондъ, запертый на углѣ изгиба стекломъ. Въ другихъ случаяхъ пользуются зондами, открытыми на обоихъ концахъ, съ ращепомъ на боку, для проведенія въ него прижигающихъ, рѣжущихъ, очищающихъ или другихъ инструментовъ.

Назначеніе этого аппарата довольно обширное: освѣщеніе уретры, мочеваго пузыря, матки, прямой кишки, носовыхъ полостей, глотки. Я видѣлъ приложеніе его только къ освѣщенію уретры, но не замѣтилъ, чтобы польза его была очень значительна въ діагностическомъ или оперативномъ отношеніи. Единственный случай, гдѣ эндоскопъ могъ бы приносить существенную пользу, представляетъ такъ называемая непроходимая стриктура; здѣсь можно было бы облегчать введеніе бужей, отыскивая, при помощи его, отверстіе съуженнаго мѣста. Но опыты, сдѣланные Дезормо, показали, что и это послѣднее не легко удается. Такимъ образомъ малая прак-

тическая польза аппарата составляетъ главное препятствіе распространенію его; а непомѣрно высокая цѣна его (240 франковъ) виною тому, что онъ до сихъ поръ остается, кажется, въ рукахъ только самаго изобрѣтателя.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о *госпитальномъ анатомическомъ амфитеатрѣ*, въ которомъ я провелъ болѣе шести мѣсяцевъ. Онъ построенъ въ отдаленной, тихой части города, въ близи jardin des plantes. Въ немъ четыре огромныхъ и высокихъ залы, изъ которыхъ въ каждой болѣе 50 столовъ. Здѣсь работать позволяется по положенію, отъ 9 часовъ утра до 4 пополудни. Въ зимнее время трудно найти незанятый столъ; около каждаго помѣщается 2—5 работающихъ. Воздухъ въ залахъ довольно чистъ. Кадаверы сохраняются долго безъ порчи, потому что ихъ наливаютъ сѣрнокислымъ натромъ или смачиваютъ хлористымъ цинкомъ.

Въ амфитеатрѣ работаютъ большею частію ученики медицинской школы, госпитальные экстерны и интерны. Иногда составляются между ними группы, которыя имѣютъ ежедневно общія бесѣды, или конференціи. На этихъ конференціяхъ кто нибудь болѣе опытный (руководитель бесѣды, нѣчто въ родѣ президента) предлагаетъ одному изъ членовъ группы описать какой нибудь предметъ, напр. кость, нервъ, артерію и т. п, изъ той части тѣла, которою онъ занимается. Когда кончится разсказъ, каждый изъ членовъ группы дѣлаетъ замѣчанія говорившему относительно неясности, неправильности или непослѣдовательности его изложенія. При этомъ обращается иногда вниманіе и на самую интонацію рѣчи его, потому что говорить плавно, звучно, съ эффектомъ, кажется каждый французъ считаетъ цѣлью, которой никогда не теряетъ изъ виду. Разсказывавшій, смотря по сущности замѣчаній, поясняетъ свою мысль или опровергаетъ возраженія, направленныя противъ него. Подобная конференція продолжается 20 — 30 минутъ. На другой день очередь говорить другому. Такимъ образомъ, пріучаясь объяснять научные предметы, студенты учатся вмѣстѣ съ тѣмъ и говорить.

Въ госпитальный амфитеатръ можно проникнуть и иностранцу безъ всякихъ затрудненій. Право на это пріобрѣтается отъ прозектора за извѣстную плату. Заниматься можно, чѣмъ угодно. Есть ли желаніе посвятить себя исключительно разработкѣ какой нибудь отдѣльной системы, или изслѣдованію какой нибудь области тѣла, всегда найдется обильный матеріалъ для этого. Мои занятія состояли преимущественно въ изученіи топографіи тѣла.

Въ амфитеатрѣ есть аудиторія, въ которой читаются курсы оперативной хирургіи (за плату), описательной, топографической и микроскопической анатоміи (публично). При немъ же довольно богатый анатомическій музей.

31-го марта 1864 года.

42) Причисленнаго къ министерству народнаго просвѣщенія, студента Михаила Владиславлева.

Въ предшествовавшемъ моемъ отчетѣ я имѣлъ случай развить характеристичныя особенности психологическаго ученія проф. Лотце о теоретическомъ развитіи. Я позволю себѣ теперь продолжить изложеніе важнѣйшихъ сторонъ ученія его о душевной жизни.

Фактъ чувства проф. Лотце относитъ къ числу характеристичныхъ явленій психической жизни, не выводимыхъ ни изъ какой другой способности души, ни изъ какихъ либо другихъ ея состояній. Чувство такимъ образомъ есть первичное свойство души. Такой взглядъ на него существенно разнится съ взглядомъ на него Гербартовой школы. Гербартъ пытался объяснить фактъ чувства, какъ само собою понятное слѣдствіе извѣстнаго взаимнаго отношенія представленій. Но все, что онъ вывелъ изъ нѣкоторыхъ случаевъ этого отношенія, доказываетъ, что они могутъ стать *поводами* къ развитію въ душѣ чувствованія; отъ повода же далеко до причиннаго соотношенія между ними. Объ условіяхъ, при которыхъ развиваются въ душѣ чувствованія, проф. Лотце полагаетъ, что во всѣхъ случаяхъ, когда какое либо внутреннее состояніе души — непосредственно ли оно возбуждено тѣлеснымъ впечатлѣніемъ, или нѣтъ — находится въ гармоніи, или дисгармоніи съ условіями безпрепятственной дѣятельности души, развивается въ ней чувство удовольствія, или неудовольствія. Говоря иначе, оба эти вида чувствованій суть формы, въ которыхъ душа оцѣниваетъ соотвѣтствіе, или несоотвѣтствіе своихъ состояній съ условіями собственнаго развитія и существованія. Очевидно, по такому взгляду на чувство всякое душевное состояніе непремѣнно должно возбуждать въ душѣ то или другое чувствованіе, такъ какъ вполнѣ индифферентныхъ состояній въ существѣ, способномъ дѣйствовать и страдать, мы допустить не можемъ. И проф. Лотце думаетъ, что, дѣйствительно, даже самыя отвлеченныя понятія, напр. тожества и противорѣчія, единства и т. п. непремѣнно сопровождаются, хотя довольно слабыми, чувствованіями.

На способности души чувствовать основывается и самосознаніе. Оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть удовлетворительно объяснено одною только эмпирическою привычкою различать *я* отъ не *я*, какъ душа обыкновенно различаетъ предметы. Вполнѣ отрицать значеніе опыта, при развитіи теоретической ясности и обособленности въ нашемъ понятіи о насъ самихъ, конечно, нельзя. Но та интенсивность самосознанія, съ какою даже животныя чувствуютъ свою особность отъ всякаго другаго посторонняго предмета, никогда не могла бы быть пріобрѣтена нами, если бъ мы въ этомъ случаѣ были ограничены обыкновенными теоретическими средствами для различенія одного предмета отъ другаго, а не владѣли бы въ непосредственномъ интересѣ своимъ бытіемъ болѣе цѣлесообразнымъ средствомъ. То самое, что нашъ интересъ собственными состояніями всегда выражается въ чувствѣ удовольствія, или неудовольствія, побуждаетъ насъ живѣйшимъ образомъ относить ихъ къ самимъ себѣ, а не считать какъ какой нибудь курьезъ, гдѣ нибудь случившійся.

Какъ въ ощущеніяхъ намъ неизвѣстны всѣ, образующіе ихъ процессы, а доступны нашему сознанію только качества ихъ (краснота, бѣлизна и т. д.), такъ и въ движеніяхъ, если и извѣстно что намъ, то представленіе только цѣли ихъ, а того, какимъ образомъ наши намѣренія дѣйствуютъ на нервы, нервы на мускулы, кости и т. д. мы положительно не знаемъ. Отсюда слѣдуетъ, что даже въ томъ случаѣ, когда мы совершаемъ движеніе съ сознательною цѣлію, вся дѣятельность воли нашей при этомъ состоитъ только въ томъ, что она представляетъ собою извѣстное внутреннее состояніе души, за которымъ, въ силу отъ нашей воли и отъ нашихъ намѣреній независимаго механизма, слѣдуетъ рядъ тѣлесныхъ процессовъ, результатъ которыхъ—желаемое движеніе.

Впрочемъ сознательная цѣль не есть причина всѣхъ движеній. Есть много движеній, совершающихся внѣ всякаго сознательнаго психическаго вліянія и представляющихъ обратныя дѣйствія страстей: напр. измѣненіе сердцебіенія, слезы и т. п., отчасти и мимическія движенія напр. лицевыхъ мускуловъ. Всѣ эти движенія, очевидно, находятся въ зависимости отъ состояній души, но они не входятъ въ ея цѣли, потому что она сама не знаетъ, почему съ удовольствіемъ связывается смѣхъ, съ неудовольствіемъ слезы. Поэтому ихъ можно отнести къ механическимъ слѣдствіямъ того дѣйствія, какое производятъ въ тѣлѣ извѣстныя состоянія души. Есть

за тѣмъ движенія, причина которыхъ — въ сообщеніи раздраженія чувствительныхъ нервовъ двигательнымъ; — послѣдніе производятъ уже сложныя движенія, таково напр. движеніе руки къ раздражаемому пункту тѣла. И эти движенія вовсе не добровольны, не изобрѣтаются нами и не производятся сознательно. Въ подражательныхъ движеніяхъ пунктомъ отправленія служитъ уже представленіе извѣстнаго движенія, которое, находясь въ сознаніи, тотчасъ же безъ посредствующаго импульса воли, производитъ движеніе. Таковы безсознательные жесты простыхъ разсказчиковъ. То же отсутствіе сознательной цѣли характеризуетъ и тѣ движенія, которыя хотя и не преформированы устройствомъ организма, и изучаются опытомъ, однако слѣдуютъ съ такою быстротою одно за другимъ напр. при игрѣ на фортепіано, или письмѣ, что едва ли необходимо для каждаго движенія въ отдѣльности допустить особенный сознательный импульсъ воли. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣятельность ея въ этомъ случаѣ состоитъ только въ томъ, что она желаетъ цѣлаго ряда процессовъ, а детали ихъ выполняются уже чисто механически.

Такимъ образомъ психическая жизнь проявляется въ трехъ невыводимыхъ одинъ изъ другаго фактахъ: представленіи, чувствѣ и стремленіи. Является вопросъ, какимъ образомъ это мыслящее, чувствующее и желающее существо можетъ находиться въ связи съ тѣломъ, и въ чемъ состоитъ сущность этой связи?

Вопросъ этотъ, конечно, можетъ быть только въ такъ называемой, спиритуалистической психологіи. Для матеріализма этотъ вопросъ не существуетъ, потому что онъ не признаетъ за душою субстанціональнаго бытія. На этомъ именно пунктѣ онъ старается показать, что всѣ, такъ называемыя, психическія явленія суть такія же отправленія мозга, какъ питаніе, дыханіе — отправленія другихъ частей тѣла. Вопроса этого проф. Лотце касался во многихъ своихъ сочиненіяхъ, и нельзя не сказать, что едва ли не у него можно найти основательнѣйшую и, главное, съ фактическимъ знаніемъ дѣла выполненную критику матеріализма. Я не могу, конечно, теперь входить въ детали ея и потому ограничусь только весьма краткимъ указаніемъ мыслей, существенно относящихся къ вопросу о связи души съ тѣломъ. Въ немъ прежде всего кажется непонятнымъ: можетъ ли существовать вообще какая либо связь между разнородными субстанціями — матеріальной и духовной, такъ какъ съ одной стороны матеріи противопоставляется душа, какъ бы ненаполненное пространство, тѣнь, слѣдовательно нѣчто, не могущее испытывать

вліяніе со стороны матеріи, съ другой же — душа, только представляющая, чувствующая, желающая, едва ли можетъ, въ силу такихъ своихъ дѣятельностей, производить въ матеріи какія либо измѣненія. Но это возраженіе, очевидно, основывается на томъ фальшивомъ предположеніи, что во всѣхъ другихъ случаяхъ между однородными элементами тайна взаимодѣйствія намъ извѣстна, а взаимодѣйствіе души съ тѣломъ принадлежитъ къ печальнымъ исключеніямъ. Въ этомъ пунктѣ проф. Лотце развиваетъ тѣ мысли о причинной связи, которыя имѣли такое важное значеніе въ вѣкъ, такъ называемой, догматической философіи, и которыя онъ усвоилъ въ своей метафизикѣ. Какъ я имѣлъ уже честь упоминать въ своемъ отчетѣ о ней, сущность дѣйствія одного предмета на другой, по его мнѣнію, остается для насъ непроницаемой тайной; слѣдовательно нельзя думать, что она остается для насъ непонятною только въ отношеніи души къ тѣлу. Фальшиво и то мнѣніе, что только однородное можетъ дѣйствовать на однородное, такъ какъ для воздѣйствія одной вещи на другую нужно только, чтобъ они имѣли субстанціональное бытіе, т. е. были способны дѣйствовать и страдать. Притомъ нѣтъ той совершенной разнородности между душой и тѣломъ, какую навязываютъ спиритуалистамъ матеріалисты. Наиболѣе ясное, по видимому, понятіе «матерія» при ближайшемъ анализѣ оказывается очень темнымъ. Всѣ предикаты, которыми мы опредѣляемъ матерію — протяженіе, непроницаемость и т. п. выражаютъ только отношенія и взаимодѣйствія между частями. Но они не даютъ никакого отвѣта на вопросъ о сущности и натурѣ частей, изъ которыхъ образуется цѣлое. Если спросить, что̀ же это въ сущности за вещь, дѣйствія которой выражаются въ непроницаемости, растяженіи, то окажется, что о природѣ этого реальнаго только тогда можно образовать представленіе, когда за нимъ признается существенный характеръ для себя бытія, именно то самое, что обще всѣмъ формамъ душевной жизни. Только о такомъ для себя существующемъ, т. е. душѣ, имѣемъ мы непосредственное знаніе и чувствуемъ, что̀ собственно выражается этими словами. Напротивъ, намъ совершенно непонятно существо, которое дѣйствовало бы, само того не замѣчая. Послѣ многихъ посредствующихъ выводовъ, мы можемъ сдѣлать заключительный выводъ, что все реальное въ мірѣ нѣсколько однородно душѣ, и то, что̀ мы называемъ душою есть, по своей натурѣ, богато одаренная, хотя по своему понятію, ни съ чѣмъ матеріальнымъ несравнимая субстанція; она находится во взаимодѣй-

ствіи съ тѣломъ, представляющимъ множество атомовъ и слѣдовательно, субстанцій.

Это доказательство устраняетъ затрудненія полуметафизическаго свойства въ вопросѣ о связи души съ тѣломъ, и показываетъ, что она не есть нѣчто чудесное, непонятное, и что безполезно искать какихъ то прикрѣпляющихъ средствъ между душой и тѣломъ, обходя самую натуральную и повсюдную въ природѣ связь вещей — ихъ взаимодѣйствіе. А что необходимо душу различать отъ тѣла и приписать ей самостоятельное бытіе — побужденія къ тому заключаются въ сущности психическихъ явленій. Какимъ образомъ можно вывести ихъ изъ свойствъ матеріи? Двѣ задачи долженъ былъ бы выполнить въ этомъ пунктѣ матеріализмъ: во первыхъ, какимъ образомъ возможно вывести характеристичныя свойства душевной жизни: представленіе, чувствованіе и стремленіе—изъ взаимодѣйствій матеріальныхъ элементовъ, на сколько они именно матеріальные элементы. Задача, очевидно, невозможная, потому что о матеріи и знаемъ мы только на столько, на сколько она дѣйствуетъ на насъ, слѣдовательно, чувственныя качества суть факты душевной жизни, и значитъ, то̀, что нужно еще выводить; во вторыхъ, даже если допустить въ матеріальныхъ элементахъ способность производить психическія явленія, то остается показать, что единство сознанія выводимо изъ ихъ взаимодѣйствій. Примѣръ параллелограмма силъ не доказываетъ ничего, потому что и тутъ требуется нѣчто третье, способное принимать на себя воздѣйствіе силъ и способное двигаться.

Анализируя связь души съ тѣломъ мы приходимъ къ вопросу: съ какими частями тѣла связь души наиболѣе интенсивна, и какія, слѣдовательно, мы можемъ считать наиболѣе важными, при развитіи въ ней страдательныхъ и дѣятельныхъ состояній, т. е. мы приходимъ къ вопросу о мѣстѣ души въ тѣлѣ. Три возможныхъ отвѣта представляются намъ въ этомъ случаѣ: 1) Или душа находится въ непосредственной связи со всѣми частями тѣла, такъ что раздраженіе всякаго пункта тѣла въ то же время есть впечатлѣніе для души. Невозможнаго въ этомъ отвѣтѣ ничего нѣтъ. Такъ мы представляемъ себѣ всеприсутствіе Божіе, и какъ въ этомъ случаѣ не думаемъ приписывать Богу безконечное растяженіе, или такой же безконечный объемъ, какъ и безконечному пространству, такъ и представляя душу всеприсущею въ тѣлѣ, мы не должны ее представлять растяженною. Но такой взглядъ не оправдывается опытомъ; потому что въ тѣлѣ есть много нечувствительныхъ веществъ

съ одной стороны, а съ другой — всякое раздраженіе, не доведенное до мозга посредствомъ нерва, не существуетъ для души. 2) Съ извѣстными элементами тѣла, занимающими опредѣленное пространство въ немъ, душа находится въ непосредственномъ взаимодѣйствіи, съ другими въ посредственномъ. Тогда душа занимала бы какой нибудь геометрическій пунктъ въ тѣлѣ, хотя и въ этомъ случаѣ ее нельзя представлять пространственно, или безконечно малою. Но и этотъ взглядъ не доказанъ опытомъ, потому что неизвѣстно, соединяются ли нервы въ мозгѣ въ одинъ пунктъ. 3) Душа находится во взаимодѣйствіи со многими, можетъ быть, со всѣми частями тѣла, хотя это взаимодѣйствіе не вездѣ одинаково интенсивно. Съ этимъ взглядомъ согласенъ и самъ проф. Лотце, хотя въ изданныхъ имъ сочиненіяхъ онъ казался болѣе склоннымъ ко второму взгляду.

Значеніе тѣла для души можетъ состоять или въ томъ, что оно своими функціями создаетъ въ душѣ способности, которыхъ душа сама по себѣ не имѣла бы, или въ томъ, что оно препятствуетъ свободной дѣятельности способностей, которыя имѣетъ душа сама по себѣ, или, наконецъ, тѣло вообще даетъ способностямъ души опредѣленное направленіе. Съ первымъ взглядомъ проф. Лотце рѣшительно не согласенъ, потому что онъ предполагаетъ нѣкотораго рода перенесеніе способностей съ одного существа на другое. Вообще онъ склоненъ допускать со стороны тѣла не прямое содѣйствіе, или нарушеніе психической дѣятельности. Такимъ образомъ онъ нѣсколько оригинально и не согласно съ господствующимъ мнѣніемъ физіологовъ объясняетъ явленіе сна, мгновенной потери сознанія, или обмороковъ.

Послѣ того, какъ за душою признана самостоятельность бытія и способность входить въ взаимодѣйствіе съ тѣломъ, спрашивается, что же такое въ сущности душа? Какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, полный отвѣтъ на этотъ вопросъ возможенъ только тогда, когда мы знаемъ: 1) какія основныя черты отличаютъ природу души отъ другихъ существъ; 2) какъ устроено ея бытіе въ дѣйствительности, т. е. къ какому роду субстанцій принадлежитъ она, или, что̀ она за реальный субъектъ, владѣющій извѣстнымъ содержаніемъ; 3) какое разумное значеніе имѣетъ это существо, что̀ составляетъ ея самую внутреннюю сущность. Вопросы эти, очевидно, чисто философскаго свойства, и полный отвѣтъ на нихъ весьма труденъ, чтобъ не сказать, невозможенъ въ настоящее время. Первый вопросъ ка-

сается примитивныхъ качествъ души, изъ которыхъ можно бы было вывести всю разнообразную ея жизнь. Популярнымъ образомъ, хотя и не совсѣмъ правильно, эти примитивныя качества обозначаются способностями души, и такъ какъ душа дѣятельна въ извѣстномъ направленіи только временно, то они представляются намъ, какъ возможности тѣхъ или другихъ видовъ психической дѣятельности; въ дѣйствительность же переходятъ они только тогда, когда есть къ тому необходимыя условія, — возбужденія. Понятіе способностей, или силъ души, въ сущности, понятіе очень недостаточное: оно выражаетъ, какъ напр. сила чувства, только однородное качество различныхъ душевныхъ состояній. Но оно не имѣетъ тѣхъ хорошихъ сторонъ физическаго понятія силы, которое съ качествомъ вещей всегда выражаетъ опредѣленный законъ, которому слѣдуютъ точно сравнимыя измѣненія ихъ дѣйствія сообразно съ точно же сравниваемыми измѣненіями условій (напр. сила тяготѣнія при различныхъ разстояніяхъ). Такими законами психологія еще не обладаетъ.

Но могутъ ли быть допущены въ душѣ различныя способности, такъ какъ существенный ея характеръ есть единство и слѣдовательно, не можетъ терпѣть различія, или разнородности. Возраженіе это развито особенно Гербартомъ, въ зависимости отъ общихъ метафизическихъ воззрѣній на качество субстанцій. Оно теряетъ силу, если о душевныхъ силахъ будетъ составлено правильное понятіе: именно, что всегда единая и себѣ самой равная натура души такова, что она при воздѣйствіи извѣстныхъ условій производитъ извѣстныя дѣйствія. Конечно, мы не можемъ допустить, чтобы способности и силы души находились въ ней, какъ бы одна подлѣ другой, безъ всякаго соотношенія. Есть всѣ основанія думать, что есть такое основное, намъ впрочемъ неизвѣстное, качество души, къ которому можно бы было свести всѣ ея многообразныя дѣятельности. Поэтому, ученіе о силахъ души, которыхъ мы не можемъ аналитически вывести одну изъ другой, есть знакъ нашего незнанія. Всѣ же бывшія попытки, въ томъ числѣ и Гербарта, помочь этому незнанію, проф. Лотце считаетъ неудавшимися.

Далѣе, вопросъ—что́ такое душа—заключаетъ въ себѣ частный вопросъ: какого рода ея реальная субстанція и какъ устроена она въ дѣйствительности. На этотъ вопросъ мы можемъ отвѣтить только, что въ дѣйствительности душа имѣетъ специфическія особенности, въ силу которыхъ она не только вообще мыслитъ, вообще чувствуетъ и стремится, но всегда мыслитъ извѣстнымъ образомъ, чув-

ствуетъ и стремится опредѣленнымъ образомъ. Какъ далеко простираются эти спецификаціи, и на сколько въ данныхъ случаяхъ особенности развитія должны быть поставлены въ зависимость отъ тѣхъ или другихъ особенностей тѣла, или случайностей развитія, а не специфическихъ особенностей души — мы опредѣлить не можемъ. Въ чемъ состоятъ индивидуальныя и видовыя особенности душъ — намъ неизвѣстно, и строгое сужденіе на основаніи ихъ еще невозможно.

Наконецъ, вопросъ, что́ составляетъ нѣчто постоянное въ душѣ, что́ проявляется въ дѣятельности представленія, чувства и воли — есть вопросъ отчасти невѣрно поставленный, отчасти же выше нашихъ силъ. Какъ и въ другихъ случаяхъ, намъ хотѣлось бы знать, какъ это устроена душа, что она представляетъ, стремится и т. д., т. е. намъ хотѣлось бы осязать нѣчто реальное, способное дѣйствовать извѣстнымъ образомъ. Но такое реальное для насъ недосягаемо, потому что оно получилось бы по отвлеченіи всѣхъ дѣятельностей души, всѣхъ ея проявленій. Очевидно, мы ничего не можемъ сказать о вещи, которая ни въ чемъ не проявляется, никакъ не дѣйствуетъ.

При указаніи идеальнаго значенія душевной жизни проф. Лотце отправляется отъ той мысли, что психическая жизнь вообще должна быть признана за единственно возможную и необходимую жизнь въ мірѣ. Идеальная и реальная стороны бытія, которыя, по мнѣнію новогегельянцевъ, должны быть отнесены къ абсолютному основанію міра, какъ примитивныя стороны, или направленія его существа, по мнѣнію проф. Лотце, примиряются въ высшемъ единствѣ абсолютно-идеальнаго существа. Въ основѣ всѣхъ матеріальныхъ явленій лежатъ идеальныя, или психическія свойства существъ, кажущіяся реальными только въ явленіи для наблюдающаго существа. Міръ поэтому, со всѣмъ его разнообразіемъ формъ, въ сущности, только форма явленія безконечнаго существа, опредѣлившаго себя къ безконечнымъ модификаціямъ своей природы. Средоточія же душевной жизни нельзя искать ни просто въ самосознаніи, ни въ теоретически точномъ познаніи, которое только отражало бы въ себѣ и такимъ образомъ повторяло бы окружающій міръ, но — въ чувствѣ живаго существа, и въ его способности радоваться и страдать. Мѣра наслажденія не зависитъ прямо отъ способности къ теоретическому развитію, а отъ способности быть въ тѣсныхъ и непосредственныхъ отношеніяхъ къ окружающему бытію. Поэтому низшія

формы психической жизни нельзя, по тому самому, что онѣ низшія, считать менѣе способными къ наслажденію, чѣмъ высшія. Полная задача психологіи была бы: изъ чувства, какъ способности къ радости и къ страданію, — средоточія міровой жизни, регрессивно вывести всѣ формы и условія бытія, и въ этомъ случаѣ, психологія могла бы положить основы и для естественныхъ наукъ, изъ нихъ аналитически выводились бы всеобщіе факты и всеобщіе законы.

Проф. Лотце старается соединить въ своей психологіи три различныхъ направленія этой науки, какія получила она послѣ Канта. Развитіе, данное психологической наукѣ Фризомъ и его школой, отличается строго экспериментальнымъ направленіемъ. Посредствомъ внутренняго чувства стараясь анализировать душевныя явленія, школа эта стремилась болѣе всего къ возможно полной классификаціи душевныхъ явленій. Направленіе, данное психологіи Гербартомъ, отличается стремленіемъ разъяснить причины тѣхъ или другихъ душевныхъ явленій, показать развитіе однихъ психическихъ формъ изъ другихъ, и въ то же время найти общіе законы ея хода. Метафизическое предположеніе единства души, понимаемаго въ извѣстномъ смыслѣ, повело къ попыткѣ изъ простѣйшихъ формъ представленій вывести все богатство душевной жизни. Въ законѣ соединенія однородныхъ, противодѣйствія разнородныхъ и положительной борьбы противоположныхъ представленій Гербартъ думалъ найти ключь къ разъясненію всей проблеммы. Наконецъ одновременно съ этимъ реальнымъ направленіемъ было положено гегельянскою и шеллингіанскою школами основаніе идеальному направленію психологіи. Для этой школы важенъ не анализъ психической жизни, не причины, условія и законы ея, а вообще міровой смыслъ и значеніе психической жизни. Частныя психическія явленія имѣли для нея тотъ смыслъ, что всѣ они — необходимыя ступени къ достиженію самой высшей формы жизни, а всѣ вмѣстѣ составляютъ необходимое условіе къ выраженію или раскрытію въ явленіи абсолютнаго существа. Психологія превращается такимъ образомъ въ феноменологію или міроваго духа, или индивидуальной души. Направленіе Фриза и его школы, конечно, нельзя назвать главнымъ направленіемъ проф. Лотце. Онъ пользуется работами этой школы, какъ матеріаломъ только. Полная классификація душевныхъ явленій дѣло, конечно, очень полезное. Но что такой именно методъ способенъ развить психологическую науку—остается вопросомъ, тѣмъ болѣе, что, по взгляду проф. Лотце, разсказывать про душевныя явленія

и сообщать понятія о нихъ — вещь едва ли не излишняя. Психическая жизнь есть единственно понятная намъ жизнь, и что́ такое чувство, что такое то̀ или другое стремленіе, — это мы непосредственно понимаемъ, потому что все это переживается нами. Всѣ, такъ называемыя, физическія явленія потому и понятны намъ, или мы думаемъ, по крайней мѣрѣ, что они понятны, что мы въ состояніи найти въ нихъ нѣкоторую аналогію своимъ собственнымъ душевнымъ состояніямъ. Поэтому кто захотѣлъ бы искать въ сочиненіяхъ проф. Лотце именно классификаціи душевныхъ явленій, тотъ остался бы очень неудовлетвореннымъ. За то оба другія направленія находятъ въ немъ одинаковое признаніе. Оба направленія проф. Лотце считаетъ другъ друга дополняющими и одинъ безъ другаго одностороннимъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ психической жизни есть законосообразность развитія и строгая зависимость отъ условій и причинъ. О законахъ въ психической жизни мы можемъ съ вѣроятностію предполагать, хотя въ настоящее время намъ извѣстенъ только законъ зависимости ощущеній отъ раздраженій; законы же теоретическаго развитія, законы чувства и стремленій намъ окончательно неизвѣстны. Зависимость вообще отъ условій и причинъ — мы можемъ тоже съ достовѣрностію предполагать, но создать точную, строго согласную съ опытомъ статику и механику душевныхъ явленій — мы положительно не въ состояніи. Необыкновенная сложность психическихъ явленій, и совмѣстно дѣйствующихъ причинъ, производящихъ безконечныя модификаціи общихъ законовъ, едва ли когда нибудь дастъ возможность человѣческому уму плодотворнымъ образомъ приложить математику къ психологіи, слѣдовательно, точной наукой въ родѣ теперешней физики едва ли когда нибудь будетъ она. Но каковы бы ни были виды на будущее, мы должны стараться подмѣтить реальныя условія и законы развитія душевной жизни, и въ этомъ то стремленіи заключается смыслъ направленія Гербарта. Правда, что проф. Лотце часто обрываетъ нить изслѣдованій только констатированіемъ фактовъ, выведеніе которыхъ изъ болѣе простыхъ фактовъ, по его мнѣнію, невозможно. Часто съ большимъ скептицизмомъ относится онъ къ тому, что̀, по мнѣнію школы, составляетъ прочные результаты, добытые наукой. Его скептическій способъ отношенія ко многимъ, такъ называемымъ, прочнымъ результатамъ науки, можетъ казаться даже излишнимъ, тѣмъ болѣе, что сокрушающій его анализъ не всегда создаетъ взамѣнъ разрушеннаго. Но нельзя ли видѣть въ

этомъ доказательство его особенной добросовѣстности въ изслѣдованіяхъ, его обширныхъ свѣдѣній и остроты ума, для которыхъ недостаточность разработки вопросовъ виднѣе, чѣмъ другимъ, менѣе счастливымъ въ этомъ отношеніи. Поэтому можно сказать, что едва ли не проф. Лотце сдѣлана лучшая критика Гербартовской психологіи. Признавая за ней основательность теоретическихъ стремленій, проф. Лотце находитъ однакожъ, что она не удовлетворяетъ эстетическимъ и этическимъ требованіямъ, такимъ образомъ не исчерпываетъ своего предмета и оставляетъ въ немъ не тронутою весьма важную сторону — именно его смыслъ и значеніе. Съ этой стороны онъ сочувствуетъ направленію въ психологіи гегелизма и новогегельянцевъ. Но соглашаясь вообще съ стремленіями этихъ школъ, проф. Лотце не думаетъ искать средоточія психической жизни въ теоретической сторонѣ ея, какъ напр. это случилось съ Гегелемъ и его школой, у которой къ сознанію себя самаго духъ стремится чрезъ всѣ низшія формы бытія и только въ человѣкѣ, наконецъ, приходитъ, такъ сказать, самъ къ себѣ, сознавши себя абсолютной идеей. Поправка въ этомъ пунктѣ проф. Лотце весьма значительна. По его мнѣнію, средоточіе жизни — въ чувствѣ, въ его радости бытіемъ; теоретическая же жизнь получаетъ значеніе только средства для другой цѣли, и слѣдовательно, не теоретическимъ развитіемъ измѣряется степень счастія, довольства живыхъ существъ. Изъ этого основнаго принципа должны быть выведены всѣ законы, факты, всѣ формы существующаго. Но идеалисты думаютъ безъ изученія фактовъ и законовъ дѣйствительности выполнить эту огромную задачу; оттого они сдѣлали много ошибокъ, и во многихъ пунктахъ стали прямо въ противорѣчіе съ естественными науками. Проф. Лотце считаетъ, напротивъ, необходимымъ заняться серьезнымъ изученіемъ реальныхъ условій, посредствомъ которыхъ осуществляется цѣнное содержаніе. Онъ хочетъ такимъ образомъ соединить оба направленія, и психологія его представляетъ попытку въ этомъ родѣ. Чтобъ вѣрно оцѣнить ее, нужно взять во вниманіе великость и необыкновенную трудность задачи, при маломъ количествѣ прочныхъ работъ въ обоихъ направленіяхъ. Конечно, есть всѣ причины сочувствовать его направленію и ожидать отъ него въ будущемъ времени успѣховъ для психологіи.

Я позволю себѣ теперь перейти къ лекціямъ проф. Лотце по логикѣ и энциклопедіи философіи, которую онъ соединяетъ съ логикой. Въ подробности содержанія послѣдней я не стану входить,

и ограничусь только указаніемъ характеристичнаго въ воззрѣніяхъ проф. Лотце на логическій матеріалъ. Тѣ лекціи, какія онъ читалъ въ прошлый семестръ, мало разнятся по направленію и существенному содержанію отъ сочиненія его «логика», изданнаго имъ еще въ 1844 году. Въ сочиненіи этомъ изложена имъ, такъ называемая, формальная, или чистая логика; на лекціяхъ же онъ прочелъ и прикладную, или индуктивную логику. Но и по тому сочиненію можно судить, что онъ еще тогда держался именно такого дѣленія логики: на чистую и прикладную. Очевидно уже, что онъ далекъ отъ воззрѣнія Гегеля на логику, которая должна была бы, по его мнѣнію, соединить въ себѣ старую метафизику съ, такъ называемой, формальной логикой, и превратиться въ объективную логику бытія. Но онъ далекъ также и отъ того стремленія къ формальнымъ классификаціямъ формъ мышленія, начатымъ еще Аристотелемъ, процвѣтавшимъ въ школѣ Вольфа, и усвоеннымъ даже Кантомъ. Существенный недостатокъ, такъ называемой, чисто формальной логики тотъ, что въ ней формы мышленія разсматриваются безъ всякаго вниманія къ содержанію его, къ тѣмъ реальнымъ задачамъ, какимъ должна удовлетворять каждая форма мышленія. Поэтому содержаніе такой логики имѣло видъ собранія логическихъ, невыводимыхъ одинъ изъ другаго фактовъ, и ни одинъ изъ нихъ ни чѣмъ не оправдывалъ своихъ правъ на существованіе. Логика проф. Лотце имѣетъ другой характеръ: она представляетъ какъ бы исторію мышленія, начинающаго съ самыхъ простѣйшихъ логическихъ операцій и восходящаго къ самымъ сложнымъ систематическимъ формамъ. Каждая форма мышленія потому и существуетъ, что она рѣшаетъ какую нибудь задачу при познаваніи предметовъ. Поэтому въ цѣломъ логика представляетъ движеніе задачъ и проблеммъ мышленія одновременно съ движеніемъ его формъ.

Двѣ характеристичныя особенности имѣетъ логика профессора Лотце. Во первыхъ, логическія операціи начинаются у него не представленіемъ, или понятіемъ, какъ у другихъ логиковъ, а еще въ формахъ языка. Первая логическая операція заключается въ томъ, что матеріалъ ощущенія получаетъ въ рѣчи: или субстанціональную форму имени существительнаго, или акцидентальную — имени прилагательнаго, или выражаетъ, такъ называемую inhaerentiam — соприсутствіе, нахожденіе,—въ глаголѣ. Вторая логическая операція состоитъ въ томъ, что въ склоненіяхъ и спряженіяхъ устанавливается слово въ болѣе опредѣленной формѣ, что особенно замѣтно

на имени существительномъ въ языкахъ, имѣющихъ членъ. По удачному сравненію проф. Лотце, эти первыя операціи точно также необходимы для дальнѣйшихъ пріемовъ мышленія, какъ квадратная, или вообще стороннія плоскости необходимы для камня, изъ котораго хотятъ строить домъ. Во вторыхъ, проф. Лотце принялъ въ логику и формы математическаго мышленія, о чемъ въ другихъ логикахъ даже упоминанія рѣдки. Въ такъ называемыхъ, аристотелевскихъ фигурахъ мышленіе приписывало извѣстный признакъ извѣстному субъекту на томъ основаніи, что послѣдній принадлежитъ къ извѣстному роду, или виду, имѣющему приписываемый признакъ. Но въ нихъ вовсе не упоминалось о томъ, съ какой модификаціей владѣетъ извѣстный субъектъ признакомъ рода: желѣзо напр. имѣетъ общій всему роду металловъ признакъ — плавкость, но плавится оно только при извѣстной температурѣ, а не при всякой возможной. Логически-математическія операціи и должны опредѣлить, какія измѣненія претерпѣваетъ предикатъ рода, становясь предикатомъ вида и индивидуума. Форма подстановленія стремится удовлетворить указанной нуждѣ. Въ этомъ видѣ умозаключеній первая посылка разлагаетъ общее понятіе на части и подстановляетъ комбинацію частей вмѣсто цѣлаго: $U = a + bx + cx^2 + \ldots$ Вторая посылка утверждаетъ, что извѣстный предметъ составляетъ не только вообще видъ рода U, но и извѣстнымъ образомъ опредѣленный видъ: $S = \varphi(U)$. Заключеніе должно показать, какія измѣненія въ предикатахъ рода составляютъ свойства субъекта: $S = \varphi(a + bx + cx^2 + \ldots)$. Строго выполнимъ и успѣшенъ этотъ видъ умозаключеній, конечно, только въ математикѣ, потому что съ одной стороны мы не можемъ сдѣлать полнаго подстановленія признаковъ вмѣсто цѣлаго: не всѣ признаки намъ извѣстны, а съ другой — очень трудно указать, въ чемъ заключается это измѣняющее вліяніе φ, которое модифицируетъ признакъ рода. Далѣе, намъ необходимо опредѣлить зависимость въ предметѣ одного признака отъ другаго; логическихъ основаній ея мы не знаемъ, она существуетъ для насъ, какъ фактъ. Такіе законы зависимости одного признака отъ другаго мы выражаемъ въ пропорціяхъ. Эта форма сравниваетъ единицы измѣненія интенсивности одного признака съ измѣненіями другаго: напр. въ пропорціяхъ мы выражаемъ законъ зависимости расширенія предметовъ отъ различныхъ ихъ температуръ. Но находя такую зависимость одного признака отъ другаго, пропорція даетъ поводъ къ заблужденію, какъ будто бы постоянное

и неизмѣнное отношеніе двухъ признаковъ вовсе не зависитъ отъ субъекта, въ которомъ они встрѣчаются. На томъ именно и основывается возможность зависимости одного признака отъ другаго, что они суть свойства однаго нераздѣльнаго предмета. Слѣдовательно, мы можемъ смотрѣть на натуру его, какъ на законодательный принципъ, формулу, опредѣляющую въ немъ взаимное отношеніе признаковъ. Математическія уравненія и стремятся выразить такую законодательную формулу, какъ напр. пропорціей между соотвѣтственнымъ увеличеніемъ абсциссы и ординаты выражается цѣлая натура кривой линіи, ея форма, направленіе и т. п. Распространить эту попытку на всѣ предметы, и напр. для натуры человѣка найти исчерпывающую формулу, какъ она найдена для эллипсиса — чрезвычайно трудно, по безконечной сложности предмета. Приблизительныя же попытки всегда существовали, когда напр. старались найти, такъ называемое, конститутивное понятіе, или идею предмета, которая, въ отличіе отъ понятій, только различающихъ одинъ предметъ отъ другаго, и понятій, только описывающихъ предметы, безъ всякаго отношенія къ ихъ специфическимъ отличіямъ, стремится опредѣлить примитивное содержаніе вещи, изъ котораго легко можно бы было вывести всѣ остальные признаки и способъ ихъ соединенія.

Такое конститутивное понятіе, или идея имѣетъ весьма большое значеніе вообще въ системѣ проф. Лотце, и, въ частности, въ его логикѣ; къ нему направляются всѣ формы мышленія, и оно именно служитъ цѣлію всѣхъ систематическихъ формъ. Чтобъ найти его, недостаточно разсматривать одинъ только предметъ безъ сравненія его съ другими: въ этомъ случаѣ, мы не имѣли бы никакого критерія къ различенію въ немъ существенныхъ и законодательныхъ признаковъ отъ случайныхъ и не существенныхъ. То, что́ въ предметѣ есть законодательнаго, мы можемъ найти только при сравненіи съ другими предметами. Такимъ образомъ мы приходимъ къ классификаціямъ: искусственнымъ и естественнымъ, общая цѣль которыхъ указать каждому предмету мѣсто между другими, соотвѣтствующее его значенію. Но классификаціи вовсе не даютъ намъ знать о томъ, какія реальныя условія содѣйствовали осуществленію общаго понятія и модификацій его, выразившихся въ опредѣленномъ видѣ существъ; при какихъ условіяхъ измѣняется или погибаетъ то, или другое живое существо, этотъ недостатокъ восполняется изъяснительною наукой, которая, оставляя въ сторонѣ путь

классификацій, начинаетъ съ общихъ законовъ, дѣйствующихъ въ реальномъ мірѣ, и съ общихъ фактовъ, въ которыхъ выражаются тѣ законы; роды и виды имѣютъ для нея значеніе только какъ примѣры примѣненія общихъ законовъ и общихъ фактовъ. Очевидно и то и другое направленіе сами по себѣ односторонни, и эстетическія и этическія потребности человѣка только тогда могутъ быть удовлетворены, когда съ изслѣдованіемъ реальной стороны существующаго соединится идеальное истолкованіе его смысла и цѣли, его идеи. Это уже составляетъ обязанность спекулятивнаго мышленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ—предметъ философіи.

Вторая часть логики называется у проф. Лотце, какъ я уже замѣтилъ, индуктивною, или прикладною. Онъ держится въ этомъ пунктѣ стараго дѣленія, и конечно, не безъ основанія. Объ индуктивной логикѣ въ новѣйшее время весьма много толковъ, особенно у философовъ съ сенсуалистическимъ направленіемъ. Натуралисты тоже склонны смотрѣть на индуктивную логику, какъ на лучшій результатъ новѣйшихъ успѣховъ въ естествознаніи, и какъ на единственно возможную логику въ настоящее время. Въ Англіи она получила полное право гражданства, что очень естественно, такъ какъ основанія ея положены Бакономъ, развиты потомъ Локкомъ и вполнѣ систематизированы въ новѣйшее время Милемъ: развитая національными мыслителями, она сдѣлалась нѣкоторымъ образомъ національной наукой. Но достаточно раскрыть трудъ Миля, чтобъ видѣть, что въ немъ трактуется не о какомъ нибудь особенномъ мышленіи, неизвѣстномъ формальнымъ логикамъ. Различіе между ними то, что въ первомъ сочиненіи вмѣстѣ съ основными формами мышленія разсматриваются комбинаціи ихъ, пріемы и методы, употребляемые при изслѣдованіи предметовъ въ наукѣ и жизни. Конечно, подобныя примѣненія могли бы быть внесены и въ такъ называемую чистую логику, но отчасти въ видахъ педагогическихъ, отчасти—систематическихъ, для нихъ обыкновенно создается особый отдѣлъ логики. Поэтому знаменитый вопросъ: «быть въ настоящее время индуктивной, или аристотелевской логикѣ»? гораздо скромнѣе и проще формулируется такъ: вмѣстѣ ли съ разсужденіемъ объ основныхъ логическихъ операціяхъ трактовать и о примѣненіяхъ ихъ въ наукѣ и жизни, или отдѣльно? очевидно, вопросъ касается только педагогическихъ цѣлей и интересовъ систематики.

Въ примѣненіи понятій мы прежде всего встрѣчаемся съ вопросомъ, какой методъ можемъ мы съ пользою избрать для сообщенія

своихъ понятій другимъ. Для насъ возможны тутъ три метода: или методъ отвлеченія, или — генетическаго развитія понятій, или опредѣленіе, т. е. указаніе или отличительныхъ, или существенныхъ составительныхъ признаковъ понятій. Главный же и важнѣйшій предметъ индуктивной логики составляютъ доказательства. Они могутъ требоваться или для готоваго уже, даннаго предложенія, — и въ этомъ случаѣ раздѣляются на прямыя и непрямыя (косвенныя), подраздѣляясь въ обоихъ случаяхъ на прогрессивныя и регрессивныя, или же намъ нужно еще найти общее положеніе, т. е. дѣло здѣсь касается уже или суммированія фактовъ, или указанія причинной зависимости одного явленія отъ другаго и мѣры этой зависимости. Въ этомъ именно пунктѣ и трактуется о методахъ точныхъ наукъ и ихъ вспомогательныхъ средствахъ — гипотезахъ. Сюда же вошло ученіе и о тѣхъ знаменитыхъ пяти методахъ индукціи, которые излагаются въ логикѣ Миля. Только у проф. Лотце методы естественныхъ наукъ раскрыты гораздо шире и, по его замѣчанію, могли бы быть развиты до безконечности.

Почему проф. Лотце соединяетъ энциклопедію философіи съ логикой — отвѣтъ на это заключается въ томъ, что разныя части философіи представляютъ сложные ряды мыслей, которые требуютъ особыхъ принциповъ и методовъ при изслѣдованіяхъ. Поэтому разсужденіе о способахъ изслѣдованій въ той, или другой области философіи представляетъ логическій интересъ, и слѣдовательно, въ нѣкоторой мѣрѣ составляетъ продолженіе логики.

Въ общемъ опредѣленіи философіи и дѣленіи ея проф. Лотце довольно близокъ къ Гербарту. Философія естъ изслѣдованіе, имѣющее предметомъ своимъ понятія, которыя въ спеціальныхъ наукахъ и жизни служатъ принципами сужденія о вещахъ и дѣятельности вообще, напр. понятіе о причинности составляетъ принципъ естественныхъ наукъ, свободной дѣятельности, или свободы воли — принципъ практической философіи. Побужденія къ такому изслѣдованію заключаются въ самомъ опытѣ, такъ какъ при безъотчетномъ употребленіи этихъ принциповъ мы впутываемся въ противорѣчія. Открывается поэтому необходимость уяснить себѣ смыслъ этихъ понятій и установить границы ихъ употребленія. Поэтому философія начинается скептицизмомъ, т. е. сомнѣніемъ въ точности и опредѣленности этихъ предположеній, какія мы привыкли прилагать къ обсужденію вещей.

Этотъ скептицизмъ не имѣетъ, впрочемъ, ничего общаго съ рѣ-

шительнымъ скептицизмомъ, заподозрѣвающимъ возможность найти какую либо истину, такъ какъ никакого ручательства въ томъ мы представить себѣ не можемъ: всякое доказательство предполагаетъ уже знаніе методовъ. Но онъ также разнится и отъ скептицизма, основаннаго Кантомъ, который мотивируется необходимостью изслѣдовать природу мышленія, прежде нежели мы станемъ утверждать что нибудь. Такія изслѣдованія всего менѣе умѣстны въ началѣ философіи, потому что они должны вести за собою изслѣдованія о природѣ души, о природѣ познаваемыхъ предметовъ и ихъ взаимодѣйствіи—что̀ принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ задачъ философіи. Поэтому она должна начать съ предположенія, что мы можемъ довѣрять способности нашего разума къ истинѣ. Это довѣріе подкрѣпляется убѣжденіемъ, что міръ не есть безсмысленная нелѣпость, что онъ, напротивъ, есть полное значенія и связи цѣлое, и что, слѣдовательно, познаніе и вещи какимъ бы то ни было образомъ такъ созданы другъ для друга, что необходимое въ нашемъ мышленіи вовсе не можетъ быть безъ всякаго значенія для натуры вещей. Къ философскимъ изслѣдованіямъ можно отправляться двумя путями. Одинъ выходитъ изъ предположенія, что міръ, какъ связное цѣлое, можетъ быть познанъ именно въ системѣ, развивающей частности изъ одного принципа. Но, очевидно, въ началѣ философіи мы всего менѣе можемъ считать себя въ обладаніи такого принципа и такой методы, и что задача дедукціи можетъ быть только конечной задачей философіи, когда мы будемъ въ состояніи дать систематическую форму найденному истинному содержанію. Поэтому, въ вопросѣ метода и пріемовъ философскаго мышленія профессоръ Лотце склоняется болѣе на сторону реализма, и, въ этомъ случаѣ, предпочитаетъ дедуктивному методу тотъ способъ изслѣдованій, при которомъ сначала ищется разрѣшеніе противорѣчій опыта, затѣмъ сродныя группы противорѣчивыхъ понятій сводятся къ способному варіироваться принципу, разрѣшающему эти противорѣчія, и наконецъ, такимъ образомъ образовавшіяся теоріи и науки сводятся къ еще болѣе общимъ точкамъ зрѣнія, такъ что изъ нихъ образуется связная система міра.

Что касается дѣленія философіи, то сообразно съ задачею ея уяснить: 1) что̀ есть, или бываетъ, 2) опредѣлить, что̀ должно быть, она раздѣляется на теоретическую и практическую. Первая должна объяснить явленія какъ физическаго міра—въ философіи природы, такъ и духовнаго—въ психологіи. Но кромѣ этихъ наукъ сама со-

бою образуется наука, имѣющая предметомъ своимъ необходимыя общія предположенія о природѣ и связи вещей въ мірѣ — метафизика, составляющая основу теоретической философіи. Вторая задача должна быть рѣшена практической философіей, которой Гербартъ, отчасти не совсѣмъ вѣрно, далъ имя эстетики, разумѣя подъ нею, какъ наукой, опредѣляющей цѣну и значеніе предметовъ, собственно эстетику и этику. Наконецъ задача: окончательно освободить наше міровоззрѣніе отъ противорѣчій и закончить связность его, равно какъ теоретическія требованія привести въ согласіе съ эстетическими и этическими—рѣшается въ философіи религіи.

Я не стану входить въ подробности методовъ, употребляемыхъ въ каждой наукѣ въ частности. О метафизическихъ убѣжденіяхъ проф. Лотце я имѣлъ уже честь сообщить. Отличіе ихъ отъ гегелистическихъ воззрѣній, главнымъ образомъ, заключается въ томъ, что онъ не признаетъ годнымъ для метафизики діалектическій методъ, иначе системазируетъ задачи ея. Въ отличіе отъ профессора Вейссе, основателя новогегельянской школы, проф. Лотце не думаетъ, чтобъ метафизическія понятія составляли замкнутое цѣлое, а что скорѣе они могутъ быть сведены къ отдѣльнымъ группамъ: къ понятіямъ онтологіи, космологіи и раціональной психологіи. Въ этомъ отношеніи, скорѣе можно указать близость проф. Лотце къ Гербарту, хотя близость эта ограничивается только систематикой; въ опредѣленіи же содержанія понятій они весьма расходятся. Въ методѣ этики профессоръ Лотце также существенно сходится съ Гербартомъ.

Какъ ни близки въ нѣкоторыхъ пунктахъ взгляды проф. Лотце къ взглядамъ Гербарта, я долженъ сказать то же, что сказалъ въ одномъ изъ прежнихъ моихъ отчетовъ, что онъ вовсе не гербартіанецъ. Вліяніе гербартіанизма на проф. Лотце ограничивается только систематическою стороною философіи. Что же касается содержанія ея, то, не говоря о метафизикѣ и философіи религіи, нужно сказать, что его логика и психологія далеко не въ гербартовомъ духѣ. Что взгляды Гербарта весьма часто, особенно въ психологіи, служатъ для него поводомъ къ изслѣдованію тѣхъ или другихъ вопросовъ, тѣхъ, или другихъ сторонъ ихъ — это не подлежитъ сомнѣнію. Но въ томъ то и заключается живая связь философскихъ системъ, и на томъ основывается ихъ живое движеніе, что философы, вѣрно понимающіе свою задачу, не оставляютъ безъ вниманія сдѣланныхъ работъ. Въ этомъ отношеніи, можно говорить только

о вліяніи на мыслителей извѣстныхъ философскихъ системъ, хотя оно вовсе еще не свидѣтельствуетъ объ отношеніяхъ ученика къ учителю. Сила гербартизма, главнымъ образомъ,—не въ томъ, что̀ имъ сдѣлано до сихъ поръ, что̀ прочнаго и вѣрнаго добыто имъ въ философіи, а въ его направленіи, тожественномъ съ направленіемъ естественныхъ наукъ. Оно всегда будетъ давать ему важное значеніе и открывать широкіе виды въ будущемъ. Съ этой именно стороны профессоръ Лотце и цѣнитъ гербартіанизмъ. Но онъ идетъ дальше и приближается къ идеализму, утверждая, что истинно существующее имѣетъ въ своемъ основаніи идеальный принципъ, изъ котораго долженъ быть выведенъ фактическій міръ со всею его реальной стороной. Въ этомъ случаѣ, о немъ можно сказать, что онъ стоитъ въ центрѣ современныхъ философскихъ стремленій. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ кажется идеалистомъ, никогда незабывающимъ реальныхъ условій, которыми осуществляется всякое идеальное содержаніе: послѣдняя черта отличаетъ его отъ идеалистовъ;—онъ кажется и реалистомъ, всегда помнящимъ, что истинно существующее, единственно цѣнное въ мірѣ, заключается въ идеальномъ его содержаніи,—этою чертою онъ отличается отъ реалистовъ. Въ немъ поэтому легко можно узнать *бывшаго* ученика Дробиша и Вейссе, профессоровъ лейпцигскаго университета. Въ концѣ же концовъ проф. Лотце можно назвать чистымъ идеалистомъ, потому что основаніе и реальныхъ условій и сторонъ бытія заключается, по его мнѣнію, въ одномъ идеальномъ принципѣ, лежащемъ въ основаніи міра. И если прибавить ко всему этому, что профессоръ Лотце такъ много сдѣлалъ для уясненія и развитія физіологическихъ и медицинскихъ понятій, то едва ли я впаду въ преувеличеніе, если назову его современнымъ представителемъ живой германской мысли и германскаго образованія.

Мѣстомъ для занятій въ наступающій лѣтній академическій семестръ я избралъ лейпцигскій университетъ, гдѣ намѣренъ посѣщать лекціи профессоровъ: Дробиша, Вейссе и Фехнера.

Лейпцигъ, 1/13 апрѣля 1864 года.

43) Причисленнаго къ министерству Александра Іонина.

(*За третій триместръ втораго года пребыванія за границей*).

Въ настоящемъ отчетѣ я намѣренъ представить продолженіе лекцій проф. Бёка о греческихъ древностяхъ, именно ту часть, въ

которой онъ проводитъ параллель между древнею и новою культурою.

Науку греческихъ древностей проф. Бёкъ раздѣляетъ на двѣ части: общую и особенную. Содержаніе первой составляетъ характеристика эллинской культуры, съ указаніемъ племеннаго различія по четыремъ, уже упомянутымъ мною въ предъидущемъ отчетѣ, категоріямъ: жизни государственной, семейной, искусству и наукѣ (къ послѣднимъ двумъ относится и религія); въ особенной части изложена въ прошедшемъ семестрѣ только общественная жизнь грековъ. Первую часть я считаю особенно важною, потому что она составляетъ какъ бы аріаднину нить въ громадномъ лабиринтѣ фактовъ древности, и только черезъ нее всякій отдѣльный фактъ получаетъ свое настоящее значеніе и мѣсто въ ряду другихъ.

Первая задача, которая представляется при опредѣленіи характера греческой культуры — указать мѣсто, какое она занимаетъ въ общемъ ходѣ развитія рода человѣческаго. Эллинская культура составляетъ середину между древнею восточною и новою христіанскою. Первая степень въ развитіи есть освобожденіе отъ вліянія природы. Оріентальная культура вся находится въ зависимости отъ этого вліянія; что касается до эллинской, то въ ней, сравнительно съ восточною, духъ болѣе приходитъ къ самосознанію; сравнительно съ новою, она менѣе эманципирована отъ вліянія природы, такъ что преобладающій элементъ греческой культуры *природа* а новой *духъ*, разумѣется, не абсолютно, но a potiori. Изъ этихъ двухъ основныхъ противуположностей естественнымъ образомъ вытекаетъ рядъ другихъ, напримѣръ, реализму древности противуполагается идеализмъ нашего времени, необходимости—свобода, разнообразію—единство, объективности — субъективность, партикуляризму — универсальность. Необходимо прослѣдить эту характеристику по главнымъ сферамъ жизни: государству, семейству, религіи, искусству и наукѣ.

1. *Государство.* Древнія восточныя государства, какъ произведенія врожденнаго человѣку политическаго инстинкта—что сознавали уже древніе греки*) —составляютъ, такъ сказать, вегетативный стадій государственной жизни. Первымъ результатомъ этого являются касты, потому что ничего нѣтъ естественнѣе, какъ пере-

*) Aristot. Politic. I, 2 (1): *πολιτικὸν ὁ ἄνθρωπος ζῶον πάσης μελίττης καὶ παντὸς ἀγελαίου ζώου μᾶλλον.*

ходъ занятій отъ отца къ сыну. Касты были и у грековъ, но они выработались изъ этого начала, и впослѣдствіи касты существовали только по имени. Въ самомъ дѣлѣ, это ничѣмъ лучше не доказывается, какъ тѣмъ обстоятельствомъ, что не было у грековъ государства, которое бы не состояло изъ филъ (φῦλαι) — слово, которое уже по своему этимологическому происхожденію (отъ φυω—рождаюсь) указываетъ на присутствіе природнаго элемента. Съ другой стороны, въ противуположность универсальнымъ стремленіямъ нашего времени въ древности мы видимъ разъединенность, партикуляризацію государствъ, и всемірная Александрова монархія не составляетъ здѣсь исключенія, потому что ея эпоха — эпоха смерти эллинизма. Далѣе, въ самомъ государственномъ устройствѣ та же естественность: представительнаго начала не было, но каждый гражданинъ непосредственно подавалъ свой голосъ въ народныхъ собраніяхъ. Въ нихъ заключалась верховная власть, и сознаніе необходимости этой формы государственнаго устройства было такъ глубоко, что даже тиранны, хотя для вида, собирали ихъ или прикрывали ими свои собственныя рѣшенія. Такимъ образомъ господствующая форма государственнаго устройства въ древности была республика, но при этомъ не надо думать, чтобы въ древности вообще было больше свободы, чѣмъ въ наше время: каждый человѣкъ имѣлъ значеніе только гражданина, и то гражданина извѣстнаго города; понятія о личности въ нашемъ смыслѣ не было, да нѣтъ даже и слова для этого въ древнихъ языкахъ; личность — результатъ космополитическаго элемента новой культуры. Еще болѣе ограничивается понятіе о свободѣ древняго міра, если упомянемъ объ угнетеніи женскаго пола и рабствѣ, которое даже лучшіе умы, какъ напр. Аристотель, не стыдились признавать явленіемъ совершенно законнымъ.

2. *Семейство.* Античный характеръ семейной жизни выразился въ томъ, что исключительною цѣлью брака было дѣторожденіе, тогда какъ у насъ, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, необходимое условіе брака составляетъ духовная любовь и равноправность супруговъ. Здѣсь кстати можно замѣтить, что идея платонической любви, которую такъ прекрасно развилъ философъ—поэтъ въ своемъ діалогѣ *Συμπόσιον*, хотя и получила начало въ древности, но для самой древности составляетъ такое же аномальное явленіе, какъ и космополитизмъ Сократа. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы въ семейной жизни древнихъ вовсе не было духовнаго элемента. На-

противъ того, въ лучшихъ фамиліяхъ изъ естественнаго отношенія супруговъ (amor) является уваженіе (caritas), изъ котораго могло развиться еще болѣе высокое чувство — pietas, выразившееся особенно въ почитаніи памяти усопшихъ и святости гробницъ *). Что касается до домашняго быта, то здѣсь двѣ особенности, характеризующія древній міръ: рабское отношеніе прислуги къ господамъ и полное подчиненіе женскаго пола. Исключеніе изъ послѣдняго обстоятельства составляетъ дорическое племя, въ которомъ женщины пользовались относительно большею свободою; но такое исключеніе имѣетъ основаніе въ характерѣ дорическаго племени: воинственныя племена болѣе другихъ способны подчиняться вліянію женщинъ, на что отчасти намекаетъ миѳъ о связи Марса съ Афродитой.

3. *Религія.* Здѣсь противуположность древняго міра съ новымъ рѣзка, хотя и не абсолютна. Въ древности господствовалъ принципъ разнообразія, выразившійся въ полиѳеизмѣ, въ христіанской религіи принципъ единства—моноѳеизмъ, отголоски котораго, впрочемъ, находимъ и въ древности, съ одной стороны въ миѳѣ, съ другой въ ученіяхъ философовъ. Древняя религія имѣла характеръ чувственнаго и внѣшняго, вслѣдствіе чего было такъ много обрядовъ и церемоній, и въ основаніи ея лежитъ обоготвореніе природы. Принципъ необходимости выразился въ фатумѣ, которому въ христіанской религіи противополагается провидѣніе, какъ принципъ свободы, такъ какъ христіанская идея провидѣнія, управляющаго міромъ безъ стѣсненія свободной воли человѣка, діаметрально противоположна древнему понятію о фатумѣ.

4. *Искусство.* Древнее искусство обыкновенно называется пластическимъ, а новое романтическимъ. Дѣйствительно, задача древняго искусства состояла въ томъ, чтобы выразить объективное въ точныхъ и опредѣленныхъ формахъ. Потому пластическое искусство въ собственномъ смыслѣ получило въ древности окончательное раз-

---

*) *Amor*, *caritas*, *pietas* синонимы, которые могутъ переводится по-русски словомъ любовь. Но это понятіе модифицируется, если взять во вниманіе исходныя точки, которыя при этихъ словахъ различны. Источникъ перваго одно только чувство, симпатія, втораго уваженіе къ нравственнымъ качествамъ, третьяго сознаніе святости предмета. Потому *amor* можетъ простираться и на неодушевленные предметы, *caritas* только на одушевленные, а *pietas* можетъ простираться и на сверхчувственные предметы. Впрочемъ это различіе не у всѣхъ писателей строго соблюдается. Ср. *Döderlein* Latein. Synon. IV, стр. 100 — 105.

витіе. Менѣе успѣха имѣла живопись, хотя и въ ней замѣчается въ древности пластическій элементъ: сюжетами брались ограниченныя изображенія, отличавшіяся пластическою группировкою предметовъ и простотою красокъ; перспектива имѣла самое незначительное примѣненіе. Въ музыкѣ пластическій характеръ древности выразился преобладаніемъ риѳма надъ мелодіею: риѳмъ даетъ образъ, форму музыкальному произведенію, а мелодія сообщаетъ этому образу болѣе или менѣе духовный характеръ. Что касается поэзіи, то и здѣсь древній міръ заботился преимущественно о развитіи формы, которая до такой степени сливалась съ содержаніемъ, что изъ поэтическаго произведенія составлялся ясно очертанный, почти осязаемый образъ. Въ наше время форма не имѣетъ такого значенія, и опытъ показалъ, что можно быть поэтомъ и въ прозѣ.

5. *Наука.* Въ древности она сравнительно съ искусствомъ имѣла меньшее развитіе, совершенно наоборотъ съ нашимъ временемъ. Тѣмъ не менѣе и въ ней выразился античный характеръ. Философія, которая составляетъ корень всякой науки, носитъ отпечатокъ племеннаго различія: іоническая школа, напримѣръ, имѣетъ совсѣмъ другой характеръ, нежели дорическая или элеатская, но каждая изъ нихъ тѣсно связана съ особенностями своего племени. Въ этомъ видѣнъ принципъ партикуляризма, разъединенности, составляющій принадлежность эллинской культуры. Наука имѣла объективный, и даже, можно сказать, пластическій характеръ: это особенно видно изъ математики, въ которой начертательный способъ имѣлъ рѣшительный перевѣсъ надъ аналитическимъ. Такъ и въ исторіи мы видимъ въ древности не изслѣдованіе внутреннихъ принциповъ развитія, не выводъ общихъ законовъ, а наглядное, живое изложеніе фактовъ, и въ этомъ искусствѣ они стоятъ недосягаемо высоко.

Пластически-объективный характеръ эллинской культуры отражается и въ языкѣ, въ которомъ замѣчаются двѣ отличительныя черты—полнота и опредѣленность формъ, что каждому слову сообщаетъ выразительность и характеръ. «Новые языки», говоритъ Отфридъ Миллеръ *), «прямо пролагаютъ дорогу къ уму, минуя слухъ, между тѣмъ какъ древніе языки производятъ аналогическое дѣйствіе на внѣшнія чувства, и помогаютъ силѣ мышленія, заставляя ухо напередъ угадывать заключенную въ словахъ мысль». Въ просодическомъ отношеніи въ древнихъ языкахъ двойной принципъ—

*) Gesch. der griech, Litt. I, 9.

количество и удареніе: это то же, что риѳмъ и мелодія въ музыкѣ. Въ заключеніе замѣтимъ, что древняя образованность не концентрировалась въ какихъ нибудь ученыхъ учрежденіяхъ, какъ академіяхъ, университетахъ, — а все таки могла переходить на другія племена, потому что изъ индивидуальности всегда происходятъ сила и ясность (Kraft und Klarheit), качества, въ силу которыхъ греки могли привести другіе народы въ интеллектуальную зависимость отъ себя. И Аристотель находитъ въ греческомъ характерѣ счастливое сочетаніе разсудка и мужества. «Народы сѣверные и обитатели странъ Европы», говоритъ онъ *), «исполнены мужества, но не одарены въ такой же степени разсудкомъ и смышленностью. Потому они очень свободны, но не составляютъ государствъ, и не могутъ владычествовать надъ сосѣдями. Народы Азіи надѣлены разсудкомъ и смышленностью, но не имѣютъ мужества, и потому находятся подъ владычествомъ и въ рабствѣ. Эллинскій же народъ, занимая по географическому своему положенію середину, надѣленъ и тѣмъ и другимъ: онъ и мужественъ и уменъ; потому онъ свободенъ и имѣетъ самое лучшее государственное устройство, и могъ бы владычествовать надъ всѣми, если бы составлялъ одно государство».

44) Кандидата В. Имшенецкаго.

Со времени отправленія послѣдняго моего донесенія, отъ 10-го декабря прошлаго года, я успѣлъ прослушать полные курсы лекцій 1-го семестра въ Сорбоннѣ и Collège de France и съ окончаніемъ ихъ воспользовался свободнымъ временемъ для переѣзда въ Берлинъ, гдѣ лекціи 2-го семестра должны скоро открыться. Въ истекшій семестръ я слушалъ лекціи гг. Бертрана и Льювилля въ Collège de France, Ламе и Серре въ Сорбоннѣ. Въ прошломъ отчетѣ я упоминалъ о своемъ намѣреніи посѣщать также лекціи высшей геометріи Шаля и физики Regnault; но изъ двухъ лекцій г. Шаля

---

*) Politic. VII, 7 (6): *Τὰ ἐν τοῖς ψυχροῖς τόποις ἔθνη καὶ τὰ περὶ τὴν Εὐρώπην θυμοῦ μέν ἐστι πλήρη, διανοίας δὲ ἐνδεέστερα καί τέχνης διόπερ ἐλεύθερα μὲν διατελεῖ μᾶλλον, ἀπολίτευτα δὲ, καὶ τῶν πλησίον ἄρχειν οὐ δυνάμενα. Τὰ δὲ περὶ τὴν Ἀσίαν διανοητικὰ μὲν καὶ τεχνικὰ τὴν ψυχὴν ἄθυμα δέ διόπερ ἀρχόμενα καὶ δουλεύοντα διατελεῖ. Τὸ δὲ τῶν Ἑλλήνων γένος, ὥσπερ μεσεύει κατὰ τοὺς τόπους, οὕτως ἀμφοῖν μετέχει καὶ γὰρ ἔνθυμον καὶ διανοητικόν ἐστι διόπερ ἐλεύθερόν τε διατελεῖ καὶ βέλτιστα πολιτευόμενον, καὶ δυνάμενον ἄρχειν πάντων μιᾶς τυγχάνον πολιτείας.*

одна совпадала съ лекціею г. Бертрана и я скоро убѣдился въ невозможности слѣдить за изложеніемъ, слушая черезъ лекцію; г. же Regnault къ сожалѣнію не могъ открыть объявленнаго имъ курса оптики, по случаю переправокъ въ физической аудиторіи.

Г. Бертранъ читалъ объ распредѣленіи электричества на поверхности проводниковъ и изслѣдованіе функцій, встрѣчающихся въ этой физико-математической теоріи. Сдѣлавъ въ началѣ историческій очеркъ главнѣйшихъ работъ, относящихся къ разсматриваемому вопросу, онъ представилъ затѣмъ довольно полное изложеніе теоріи потенціала; при чемъ показалъ важное мѣсто, занимаемое въ развитіи этой теоріи мемуаромъ George Green'a (An Essay on the applic. of math. anal. to the theorie of Electricity and Magnetism), мало извѣстнымъ въ началѣ и которому позднѣйшія работы Gauss'a и Chasles'я, предпринятыя впрочемъ когда сочиненіе Грина было почти неизвѣстно въ Европѣ, служатъ только дополненіемъ.

Возвращаясь нѣсколько разъ въ продолженіи курса къ упомянутому выше мемуару, г. Бертранъ передалъ довольно полно его содержаніе, также какъ и главнѣйшія предложенія, относящіяся къ тѣмъ же вопросамъ, доказанныя Chasles'емъ и Гауссомъ. При этомъ онъ старался указать первоначальныя соображенія и аналогіи, руководившія авторовъ при открытіи новыхъ предложеній, и обращать вниманіе на методы доказательствъ, которые они употребляли, замѣчая весьма справедливо, что во многихъ изслѣдованіяхъ методъ доказательствъ бываетъ важнѣе самаго результата. Чтобы передать содержаніе мемуара Пуассона о равновѣсіи статическаго электричества, необходимо было показать основныя свойства Лежандровои функціи X_n, при чемъ г. Бертранъ ограничился самымъ существеннымъ и необходимымъ. Перейдя затѣмъ къ этому мемуару, онъ оставилъ въ сторонѣ части его, относящіяся къ общей теоріи потенціала, уже изложенной имъ полно на основаніи позднѣйшихъ изслѣдованій, и занялся объясненіемъ остроумныхъ аналитическихъ пріемовъ, употребленныхъ авторомъ, обративъ особенное вниманіе на приложеніе теоріи къ частному вопросу о распредѣленіи электричества на 2-хъ прикасающихся сферахъ, при чемъ подробно изложилъ анализъ и рѣшеніе одного функціональнаго уравненія, къ которому приводится этотъ вопросъ. Что же касается окончательнаго вычисленія электрической плотности въ различныхъ точкахъ поверхности разсматриваемой системы, вычисленія изъ сравненія результатовъ котораго съ данными изъ опытовъ Coulomb'a выводится

подтвержденіе теоріи Пуассона, то г. Бертранъ оставилъ его, какъ не представляющее особеннаго интереса въ теоретическомъ отношеніи. Въ дополненіе къ изслѣдованіямъ Пуассона г. Бертранъ изложилъ позднѣйшія рѣшенія тѣхъ же вопросовъ Thomson'омъ и окончилъ свои лекціи замѣчаніями на теорію Лейденской банки. Я старался вести подробныя записки моей части курса, которая относилась къ общей теоріи потенціала. Мнѣ служили пособіемъ для уясненія и дополненія этихъ лекцій сочиненіе д-ра Клаузіуса «Die Potentialfunction und das Potential» и довольно полная глава о притяженіи во II т. сборника приложеній раціональной механики, составленнаго Жюльенемъ.

Г. Льювилль избралъ предметомъ своихъ чтеній теорію чиселъ. Онъ началъ доказательствомъ основныхъ, элементарныхъ предложеній теоріи чиселъ; потомъ, чтобы показать связь ея съ другими частями математическаго анализа, показалъ нѣсколько примѣровъ важныхъ предложеній о свойствахъ чиселъ, выводимыхъ какъ побочный результатъ изъ другихъ аналитическихъ изслѣдованій, напр. на основаніи свойствъ эллиптическихъ функцій; при этомъ обратилъ вниманіе на то, что всегда полезно результаты, полученные такимъ косвеннымъ путемъ, стараться найти путемъ прямымъ, при чемъ по большей части можно надѣяться или встрѣтить новыя предложенія, или упростить доказательства той аналитической теоріи, которая доставила эти результаты. Г. Льювилль имѣлъ планъ изложить теорію чиселъ (или лучше сказать часть ея) слѣдя шагъ за шагомъ извѣстное сочиненіе Гаусса, комментируя темныя мѣста его и приводя все разнообразіе доказательствъ, къ которому способны нѣкоторыя предложенія. При такомъ планѣ онъ успѣлъ прочесть въ прошлый семестръ только первыя четыре главы Гауссовыхъ «Recherches arithmétiques» но конечно съ большими дополненіями изъ сочиненій Эйлера, Лагранжа, Лежандра, Poinsot и др. Слушая эти лекціи, я считалъ полезнымъ въ то же время читать соотвѣтствующія имъ мѣста въ упомянутомъ сочиненіи Гаусса «Recherches arithmétiques, trad. par Poullet-Delisle, Poinsot: «Réflexions sur les principes fondamentaux de la théorie des nombres», Lejeune-Dirichlet: «Vorlesungen über Zahlentheorie», отложивъ впрочемъ болѣе полное изученіе 1-го и 3-го изъ этихъ сочиненій до другаго, болѣе свободнаго времени.

Г. Ламе читалъ теорію упругости и свѣта, слѣдуя извѣстнымъ его сочиненіямъ «Leçons sur la théorie math. de l'élasticité des corps

solides» и «Leçons sur les coordonnées curvilignes». Въ предъидущемъ отчетѣ я уже упоминалъ о принятой имъ формѣ изложенія лекцій по литографированнымъ листамъ, облегчающей трудъ профессора, но требующей усиленнаго вниманія слушателей, безъ чего легко теряется нить изложенія. Впрочемъ такой способъ преподаванія вполнѣ оправдывается слабымъ здоровьемъ почтеннаго профессора. Я считаю излишнимъ говорить подробно объ обширномъ и разнообразномъ содержаніи курса г. Ламе и думаю что достаточно ограничиться указаніемъ, что оно соотвѣтствуетъ 1-му изъ двухъ упомянутыхъ выше его сочиненій, съ нѣкоторыми дополненіями, и большей части втораго именно: пяти первымъ главамъ о свойствахъ ортогональныхъ поверхностей; затѣмъ слѣдовалъ непосредственный выводъ общихъ уравненій упругости въ криволинейныхъ координатахъ (вмѣсто чрезвычайно длинныхъ преобразованій этихъ уравненій изъ прямолинейныхъ координатъ въ криволинейныя), наконецъ, рѣшеніе обширной задачи о равновѣсіи сферической оболочки. Посвятивъ часть предъидущей вакаціи на изученіе 2-хъ упоминаемыхъ здѣсь сочиненій, я былъ уже предварительно знакомъ съ большею частью курса г. Ламе; однако считалъ полезнымъ посѣщать его лекціи, такъ какъ вообще книга не можетъ замѣнить устное изложеніе автора, въ особенности если этотъ авторъ, какъ г. Ламе, самъ открылъ или усовершенствовалъ большую часть излагаемаго имъ предмета. Каѳедру дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій, по отставкѣ г. Lefébure de Fourcy, занялъ г. Serret. Не смотря на элементарность предмета, лекціи г. Serret заслуживали полнаго вниманія по ихъ строго обдуманному содержанію и изящно выполненному изложенію. Сравнивая его чтенія съ преподаваніемъ того же предмета г. Бертраномъ, которое я имѣлъ случай посѣщать въ политехнической школѣ, я замѣтилъ большое различіе въ группировкѣ содержанія предмета тѣмъ и другимъ. Послѣдній ведетъ изложеніе теоріи и приложеній рядомъ, между тѣмъ какъ первый сперва излагаетъ главную задачу дифференціальнаго исчисленія дифференцированіе явныхъ и неявныхъ функцій и преобразованіе—дифференціальныхъ формулъ при различномъ выборѣ перемѣнныхъ, потомъ приложенія аналитическія и наконецъ геометрическія. Мнѣ кажется 1-й порядокъ изложенія естественнѣе и долженъ представлять предметъ въ болѣе понятномъ видѣ для начинающихъ. Не смотря на небольшое количество времени, которымъ располагалъ г. Serret, курсъ его, при сжатомъ и систематическомъ изложеніи, вышелъ довольно полный,

Такъ, говоря о разложеніи функцій въ строки, онъ ввелъ разсмотрѣніе функцій воображаемаго перемѣннаго и изложилъ этотъ вопросъ въ томъ же объемѣ, какъ въ своихъ прибавленіяхъ къ послѣднему изданію Lacroix. Статья о кривыхъ двоякой кривизны и и кривизна поверхностей изложена очень полно. Въ вопросѣ объ опредѣленіи особенныхъ точекъ алгебраическихъ кривыхъ высшаго порядка изложенъ пріемъ O. Hesse.

Предъ своимъ отъѣздомъ изъ Парижа я успѣлъ еще быть на вступительной лекціи г. Verdet, который во 2-мъ семестрѣ долженъ замѣнить г. Ламе и выбралъ предметомъ своего курса механическую теорію теплоты; на 1-й лекціи онъ объяснилъ предметъ и характеръ этой теоріи и ея различіе отъ обыкновенно называемой математической теоріи теплоты, которая обнимаетъ вопросы о равновѣсіи и движеніи теплоты въ проводникахъ и счелъ нужнымъ остановиться на объясненіи динамическаго начала живыхъ силъ. Вѣроятно этотъ курсъ будетъ одинъ изъ интересныхъ, но первая лекція нѣсколько теряла вслѣдствіе робости дебютанта.

Кромѣ упомянутыхъ выше занятій, находящихся въ связи съ лекціями, я продолжалъ чтеніе сочиненій, которыя считалъ полезными для пополненія своихъ свѣдѣній въ предметахъ моей спеціальности. Такъ въ это время я преимущественно занимался вычисленіемъ конечныхъ разностей при помощи большаго отдѣла по этому предмету въ III T. Lacroix «Traité du calc. diff. et intégr.» и сочиненія G. Boole'я «A treatise on the calc. of finite differences» и познакомился съ частью сочиненія Briot et Bouquet «Théorie des fonctions doublement périodiques».

Съ окончаніемъ лекцій 1-го семестра я выѣхалъ изъ Парижа въ Берлинъ. Лекціи здѣшняго университета вѣроятно откроются въ половинѣ апрѣля; различные предметы чистой математики будутъ читать во 2-мъ семестрѣ Вейерштрассъ, Куммеръ, Арндтъ, Гоппе. Но я еще не остановился въ выборѣ курсовъ, такъ какъ я думаю это удобнѣе можно сдѣлать прослушавъ первыя лекціи.

Берлинъ, $\frac{\text{6-го апрѣля}}{\text{26-го марта}}$ 1864 года.

45) Кандидата Михаила Вольскаго.

Первые начальные два мѣсяца нынѣшняго года, январь и февраль, были проведены мною въ Парижѣ, гдѣ я продолжалъ слушать лекціи въ Collège de France, консерваторіи искусствъ и ремеслъ

и въ Сорбоннѣ. Въ предшествовавшемъ моемъ отчетѣ я представилъ уже краткій отчетъ лекцій Бодрильяра, Воловскаго и Лабуле и потому, не возвращаясь къ нимъ снова, скажу нынѣ только нѣсколько словъ о лекціяхъ Мори, о которыхъ не упоминалъ прежде. Курсъ г. Мори въ Collège de France въ теченіе нынѣшняго года посвященъ сравненію нравственнаго и политическаго устройства древнихъ и новыхъ обществъ и представляетъ продолженіе прошлогоднихъ чтеній его. Прежде онъ изучалъ характеръ политическихъ учрежденій и общественныхъ перемѣнъ, происшедшихъ въ теченіе исторіи въ положеніи семьи, отдѣльныхъ лицъ, обществъ и политическихъ властей. Разсматривая измѣненія и перевороты, которымъ подвергались взаимныя отношенія лицъ, положеніе различныхъ членовъ общества, онъ старался показать, что во всѣхъ учрежденіяхъ, составляющихъ главную основу общественной жизни, въ теченіе исторіи совершался хотя и медленный, тѣмъ не менѣе постоянный и непрерывный прогрессъ. Но общественныя учрежденія, взятыя сами по себѣ, не даютъ еще вполнѣ яснаго и вѣрнаго понятія о переворотахъ, совершавшихся въ нравственномъ и политическомъ устройствѣ обществъ. Онѣ составляютъ только какъ бы одну теорію, но на ряду съ теоріею постоянно существуетъ практика: двѣ вещи, которыя не всегда согласуются между собою. Весьма часто то, что принимается въ теоріи, не соблюдается на практикѣ. Поэтому, чтобы представить полную и вѣрную идею постепеннаго движенія цивилизаціи, Мори считалъ необходимымъ, не ограничиваясь одними сужденіями, основанными на законахъ и учрежденіяхъ— этихъ внѣшнихъ проявленіяхъ народной жизни, вникнуть въ самую дѣйствительную жизнь человѣка и только на основаніи тщательнаго изученія историческихъ фактовъ, представляемыхъ нравами, обычаями и общественными состояніями различныхъ народовъ, сдѣлать окончательное заключеніе о нравственныхъ успѣхахъ, совершенныхъ человѣчествомъ въ теченіе его историческаго существованія.

Съ этою цѣлью онъ началъ послѣдовательно изучать бытъ различныхъ народовъ, начиная съ патріархальныхъ временъ, представляемыхъ книгами ветхаго завѣта, и постепенно переходя къ другимъ историческимъ народамъ, стоявшимъ во главѣ цивилизаціи. Священныя книги евреевъ и индійцевъ, пѣсни Гомера, творенія Гезіода и другихъ греческихъ и римскихъ поэтовъ и историковъ служили ему главными источниками, изъ которыхъ онъ по-

черпалъ свой матеріалъ для характеристики общественнаго быта и нравственнаго положенія древнихъ народовъ, именно евреевъ, индійцевъ, грековъ и римлянъ. При изученіи быта каждаго народа онъ обращалъ прежде всего вниманіе на перемѣны, происходившія въ различныя эпохи во взаимныхъ отношеніяхъ людей различныхъ состояній, половъ и возрастовъ въ ихъ ежедневной и общественной жизни, потомъ разсматривалъ человѣка, какъ члена извѣстнаго общества, какъ гражданина извѣстной страны въ его враждебныхъ и дружескихъ отношеніяхъ съ лицами другихъ странъ и народностей; далѣе изучалъ отношенія его къ представителямъ власти и наконецъ старался опредѣлить степень нравственнаго развитія человѣка по его отношенію къ самому себѣ, по тѣмъ понятіямъ, которыя человѣкъ составлялъ себѣ въ различныя эпохи о своихъ обязанностяхъ, о своей природѣ и своихъ правахъ, о своемъ положеніи въ обществѣ. Главная цѣль поученія состояла постоянно въ томъ, чтобы на основаніи фактовъ дѣйствительной жизни показать, какъ постепенно совершенствовался человѣкъ, какъ постепенно развивались нравственныя понятія въ теченіе историческаго развитія человѣчества и какъ на ряду съ обычными проявленіями ежедневной жизни, измѣнялись идеи и учрежденія, совершая паралельные успѣхи.

Послѣ шестимѣсячнаго пребыванія во Франціи, въ послѣднихъ числахъ февраля я рѣшился переплыть Ламаншскій проливъ и посѣтить Англію съ цѣлью дополнить свое знакомство съ этою страною, столь любопытною для всякаго путешественника и наблюдателя. Дѣйствительно, рѣдкая страна въ современную эпоху можетъ представить болѣе поучительное и любопытное поприще для наблюденія и изученія. Среди неумолкаемой дѣятельности, среди самой живой и кипящей жизни, среди всѣхъ современныхъ чудесъ промышленности, на ряду съ самыми блестящими проявленіями человѣческой свободы и человѣческаго могущества, вы встрѣчаете остатки старины, средневѣковые обычаи, памятники давно прошедшаго, предразсудки, глубоко врѣзавшіеся въ народную жизнь и поражающіе васъ своею наружною несоотвѣтственностью съ современною эпохою. Неудивительно, что Англія не разъ служила предметомъ самыхъ тщательныхъ изученій и изысканій, а вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ воззрѣній, самыхъ ожесточенныхъ споровъ. Въ то время, какъ одни, пораженные нѣкоторыми блестящими сторонами ея жизни, увлекались до

такой степени, что совершенно теряли правильный взглядъ на темныя стороны ея жизни и безусловно хвалили все, что только носило на себѣ отпечатокъ англійскаго духа, доводя свое пристрастіе до маніи; другіе, напротивъ, пораженные недостатками и темными сторонами, впадали въ противоположную крайность и съ такою же односторонностью являлись безусловными порицателями и противниками всего англійскаго. Уже это одно показываетъ, какъ любопытно и поучительно изученіе Англіи, ея обычаевъ, ея политическаго состоянія, ея общественнаго и экономическаго устройства.

Но, если Англія вообще представляется страною въ высшей степени интересною и привлекательною для всякаго путешественника и наблюдателя, то тѣмъ болѣе интереса представляетъ она для тѣхъ, которыхъ въ особенности интересуютъ экономическія отношенія. Нигдѣ народно-хозяйственная жизнь не достигала такой степени развитія; нигдѣ еще не сосредоточивались такія громадныя богатства, такая промышленная сила и торговая дѣятельность; нигдѣ еще не было такого широкаго приложенія принципа ассоціаціи, такой развитой системы раздѣленія труда, такой обширной кредитной системы, такого могущества механическаго производства. Но эта блестящая и свѣтлая сторона народно-хозяйственной англійской жизни, это громадное развитіе торговаго богатства и промышленной силы не составляютъ исключительнаго предмета размышленій экономиста. Другія отношенія и условія ея жизни, другія стороны ея экономическаго и соціальнаго устройства также привлекаютъ его вниманіе. Преобладаніе мануфактурнаго и промышленнаго населенія и несоразмѣрное отношеніе его къ земледѣльческому, быстрое развитіе народонаселенія вообще, постоянно усиливающееся сосредоточеніе капиталовъ и поземельной собственности, существованіе средневѣковаго законодательства относительно передачи поземельной собственности, исключительное господство большаго производства, страшное неравенство въ общественномъ положеніи, все болѣе и болѣе раскрывающаяся бездна между богатымъ и бѣднымъ, постоянно усиливающаяся язва пауперизма и чрезмѣрное возрастаніе налога въ пользу бѣдныхъ составляютъ также, хотя весьма мрачныя и печальныя явленія, тѣмъ не менѣе въ высшей степени поучительныя и назидательныя для экономиста.

Но интересъ, возбуждаемый Англіею во всякомъ экономистѣ, не ограничивается только одною практическою стороною ея жизни. Англія представляетъ для него не менѣе интереса въ чисто науч-

номъ отношеніи. Это не только та страна, гдѣ наука народнаго хозяйства впервые, можно сказать, получила свое научное достоинство, но и та страна, гдѣ она впослѣдствіи достигла наибольшей степени развитія и гдѣ истины ея наиболѣе распространены. Научные вопросы постоянно были здѣсь тѣсно связаны съ самою жизнью или, лучше сказать, самая жизнь постоянно выносила ихъ на дорогу и побуждала къ разрѣшенію ихъ. Жизнь послѣдняго столѣтія, столь богатая великими событіями и переворотами, была въ особенности замѣчательна въ Англіи. Начиная съ конца прошлаго вѣка въ ней совершаются самыя поразительныя экономическія явленія. Промышленный переворотъ вслѣдствіе различныхъ открытій, усовершенствованій и приложенія машинъ, преобладаніе большаго производства въ земледѣліи и промышленности, изчезновеніе сословія крестьянъ-собственниковъ и мелкихъ промышленныхъ хозяевъ, исключительное развитіе фермерской системы, громадное увеличеніе мануфактурнаго населенія въ Англіи и земледѣльческаго въ Ирландіи, континентальная борьба съ Наполеономъ, ограниченіе привоза иностраннаго хлѣба, борьба и уничтоженіе хлѣбныхъ законовъ въ 1848 году, прекращеніе выдачи звонкой монеты англійскимъ банкомъ въ 1797 году, возобновленіе выдачи въ 1819, необыкновенное увеличеніе общественныхъ налоговъ и повинностей, въ особенности налога въ пользу бѣдныхъ, съ 1795 г. частые коммерческіе кризисы и множество другихъ событій, столь же важныхъ въ политико-экономическомъ отношеніи, быстро смѣняя другъ друга, должны были находить себѣ проявленіе въ литературной экономической дѣятельности и дѣйствительно привлекали къ себѣ вниманіе самыхъ даровитыхъ людей въ Англіи и служили предметомъ постоянно возбужденнаго вниманія общества и правительства. Неудивительно, что при подобныхъ обстоятельствахъ наука народнаго хозяйства въ Англіи постоянно совершенствовалась и обогащалась новыми фактами и воззрѣніями и вообще сдѣлала замѣчательные успѣхи съ той поры, какъ Адамъ Смитъ въ концѣ прошлаго вѣка положилъ первыя прочныя основы для нея. Въ настоящее время современная экономическая литература представляетъ также не мало замѣчательныхъ дѣятелей, между которыми Милль, Макколохъ и Маклеодъ занимаютъ первостепенное мѣсто.

Такимъ образомъ, какъ современная народно-хозяйственная жизнь Англіи, такъ и экономическая литература ея являются въ высшей степени интересными и поучительными для всякаго эко-

номиста. Этимъ объясняется мое желаніе поближе познакомиться съ тою и другою. Въ настоящее время я постоянно посѣщаю здѣшнюю богатую публичную библіотеку, представляющую всѣ возможныя удобства для занятій. Она доставила мнѣ возможность воспользоваться нѣкоторыми сочиненіями, которыхъ я не могъ отыскать въ другихъ библіотекахъ. По окончаніи моихъ занятій въ Лондонѣ я намѣренъ посѣтить нѣкоторые наиболѣе замѣчательные мануфактурные и торговые города Англіи: Бирмингамъ, Манчестеръ, Ливерпуль и другіе.

Лондонъ, 11-го апрѣля, 1864 года.

46) Коллежскаго ассессора Л. Шварца.

Честь имѣю представить департаменту народнаго просвѣщенія отчетъ о занятіяхъ моихъ во время истекшихъ трехъ мѣсяцевъ съ 1-го января по 1-е апрѣля с. г. Я продолжалъ слушать лекціи, о которыхъ прежде подробно говорилъ. Я остался нынѣ особенно доволенъ изложеніемъ теоріи механическаго теплорода (Mechanische Wärme—Theorie), даннымъ г. докторомъ Пальцовымъ. Ученый докторъ въ своей лекціи о теплородѣ ограничился этой спеціальной отраслью теоріи теплорода, которая въ послѣднее время сдѣлалась чрезвычайно важной и получила прочное научное основаніе чрезъ работы Клаузіуса и Кирхгофа. Познакомившись съ нѣкоторыми разсужденіями Клаузіуса по этому предмету я былъ въ состояніи вполнѣ оцѣнить достоинство изложенія г. Пальцова. Незнакомому спеціально съ этой наукой трудно получить точное понятіе о началахъ, на которыхъ она основана, изъ сочиненій Клаузіуса, которыя написаны слогомъ весьма тяжелымъ; поэтому ясность и отчетливость, съ которыми г. Пальцовъ выставилъ эти начала, легкость и вмѣстѣ съ тѣмъ строгость, съ которыми онъ вывелъ двѣ главнѣйшія теоремы этой науки, составляютъ величайшую заслугу почтеннаго преподавателя. Г. профессоръ Фёрстеръ, окончивъ изложеніе системы Птоломея, бѣглымъ взглядомъ окинулъ огромное пространство времени, отдѣляющаго древную астрономію отъ новѣйшей; дѣйствительно, эти 1500 лѣтъ не ознаменованы какимъ либо замѣчательнымъ произведеніемъ въ отношеніи теоріи движенія небесныхъ тѣлъ. Но многочисленныя наблюденія солнца и неподвижныхъ звѣздъ, сдѣланныя аравитянами, имѣютъ большую важность, потому что на этихъ самыхъ данныхъ Коперникъ основываетъ одно изъ важнѣйшихъ доказательствъ своей системы; что г. профессоръ не

входилъ въ разборъ методы наблюденія аравитянъ и степени точности ихъ опредѣленій, объ этомъ я немогу не сожалѣть. Въ замѣнъ того онъ чрезвычайно подробно разбиралъ творенія Коперника, Тихона и въ особенности Кеплера и я весьма обязанъ г. профессору за многіе для меня новые факты касательно ученой дѣятельности послѣдняго изъ этихъ трехъ ученыхъ, особенно тотъ фактъ, что въ сочиненіи Кеплера «о звѣздѣ Марсѣ» появляется впервые мысль дифференціальнаго исчисленія, изобрѣтеніе котораго, какъ извѣстно, сдѣлано почти одновременно Ньютономъ и Лейбницомъ. Но кажется, что Кеплеръ не созналъ всей важности приложеннаго имъ новаго способа аналитическаго разсужденія.

Въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ весьма важное сочиненіе, — лекціи Якоби о небесной механикѣ. Въ немъ говорится между прочимъ о собственномъ движеніи нашей солнечной системы и утверждается, что направленіе этого движенія извѣстно пока только приблизительно. Когда столь знаменитый ученый, какъ Якоби, дѣлаетъ такой приговоръ, то нельзя не обратить большое вниманіе на его мнѣніе, и это для меня было поводомъ, познакомиться покороче съ литературой этой задачи. Важнѣйшее сочиненіе объ этомъ предметѣ есть разсужденіе профессора Аргеландра, которое отпечатано въ запискахъ иностранныхъ ученыхъ, издаваемыхъ академіей наукъ въ С.-Петербургѣ «Mémoires des savants étrangers St. Pét. 1837». Прежнія изслѣдованія этого интереснаго предмета не могли привести къ положительному результату потому, что число звѣздъ, коихъ собственное движеніе можно было принять за хорошо извѣстное, было очень малое; знаменитый Бессель, убѣдившись, что мѣсто Q на небѣ, куда стремится наше солнце, выходитъ чрезвычайно различно смотря потому какія изъ 71 звѣзды, надъ которыми онъ дѣлалъ свои изслѣдованія, онъ соединялъ между собой, оставилъ этотъ предметъ. Аргеландеръ, вычисливъ положеніе 560 звѣздъ изъ произведенныхъ имъ самимъ на обсерваторіи Обо наблюденій, и сравнивъ оныя съ каталогомъ Брадлея, выбралъ изъ этого числа 389 звѣздъ, собственное движеніе которыхъ ему показалось надежно. Изъ видимыхъ измѣненій въ прямомъ восхожденіи и склоненіи этихъ звѣздъ легко вычисляется видимое направленіе собственнаго движенія ψ каждой звѣзды. Но часть этого направленія ложная, именно та, которая происходитъ отъ собственнаго движенія нашего солнца. Означимъ эту часть чрезъ ψ', тогда $\psi-\psi'$ будетъ истинное направленіе собственнаго движенія звѣзды. Если бы

мы знали точку Q, куда стремится наше солнце, мы были бы въ состоянiи точно вычислить величину ψ'; но такъ какъ мы не знаемъ ея прямаго восхожденiя и склоненiя, то положенiе будетъ наивѣроятнѣйшее, которое имѣетъ то свойство, что, вычисливъ посредствомъ его величины ψ', сумма квадратовъ разницъ $\psi-\psi'$ будетъ наименьшая. Однакожъ не на всѣ видимыя направленiя ψ движенiе нашего солнца имѣетъ одинаково сильное влiянiе: звѣзды, отстоящiя на 90 градусовъ отъ точки Q, терпятъ наибольшее влiянiе, и назвавъ X угловое разстоянiе данной звѣзды отъ точки Q, sin X выразитъ вѣсъ, съ которымъ эта звѣзда имѣетъ быть введена въ вычисленiе. Вотъ сущность разсужденiй, на которыхъ Аргеландеръ основываетъ свои выводы; не лишнее еще замѣтить, что онъ даетъ всѣмъ видимымъ движенiямъ одинаковый вѣсъ. Окончательный результатъ его вычисленiй тотъ, что вѣроятнѣйшая точка на небѣ, куда стремится наше солнце, имѣла въ началѣ нашего столѣтiя прямое восхожденiе = 260° 51′ и склоненiе = + 31° 17′. Въ послѣдствiи времени О. Струве точнѣе изслѣдовалъ собственное движенiе звѣздъ и почти изъ тѣхъ же самыхъ звѣздъ Аргеландера онъ вывелъ положенiе точки Q: 261° 27′ и + 37° 36′; Галовей сравнилъ звѣзды южнаго неба каталоговъ Ла-Калья и Джонсона и нашелъ слѣдующiя координаты точки Q: 260° 1′ и + 34° 23′; наконецъ Медлеръ, въ обширномъ своемъ сочиненiи: «Изслѣдованiя надъ неподвижными звѣздами», выставилъ 2,163 звѣзды, коихъ собственное движенiе онъ принимаетъ за достаточно вѣрно опредѣленныя, и изъ этихъ звѣздъ онъ выводитъ положенiе точки Q: прямое восхожденiе = 261° 39′ и склоненiе = + 39° 54′. Правда, всѣ эти выводы сдѣланы по одной и той же методѣ, но за то число звѣздъ, принятыхъ въ разсужденiе и самое положенiе ихъ на небѣ въ трехъ приложенiяхъ этой методы столь различны, что поразительное согласiе этихъ четырехъ результатовъ межъ собой, даетъ право принять среднее изъ нихъ; 261° 0′ и + 35° 48′,5 за весьма близкое къ истинѣ положенiе точки Q на небѣ. Но мы должны будемъ довольствоваться на долгое время этимъ приближенiемъ; строгое опредѣленiе предѣловъ, между которыми заключается найденый результатъ, уже и тогда весьма сложная задача, если только это одно принять въ разсчетъ, что при звѣздахъ съ слабымъ собственнымъ движенiемъ, направленiе этого движенiя уголъ ψ — имѣетъ малый вѣсъ въ сравненiи съ величиною ψ звѣздъ значительнаго собственнаго движенiя и что при строгихъ выводахъ это обстоятельство не

должно быть оставлено безъ вниманія. На послѣднемъ собраніи астрономовъ въ Гейделбергѣ, въ августѣ 1863 года, Аргеландеръ самъ указалъ на необходимость вторичнаго вычисленія звѣздъ Брадлея; ожидаемыя поправки одной или другой координаты будутъ имѣть группами одинаковые знаки; но весьма малыя поправки прямаго восхожденія или склоненія у звѣздъ слабаго собственнаго движенія влекутъ за собой весьма значительныя измѣненія въ направленіи этого движенія и эти могутъ легко чувствительно измѣнить положеніе точки на небѣ, куда стремится наше солнце. Метода, приложенная Аргеландеромъ, требуетъ чтобы какъ можно больше звѣздъ были приняты въ разсчетъ; но на небѣ существуютъ только 227 звѣздъ, коихъ собственное движеніе превышаетъ 25 секундъ во сто лѣтъ; если увеличить число данныхъ для вывода положенія точки Q, надо прибѣгнуть къ звѣздамъ слабаго собственнаго движенія; эти послѣднія имѣютъ тѣмъ меньшій вѣсъ, чѣмъ слабѣе это движеніе, и такимъ образомъ достовѣрность результата будетъ возростать только медленно и никогда не превзойдетъ извѣстной границы. Наконецъ не должно упустить изъ виду того обстоятельства, что если въ собственныхъ движеніяхъ звѣздъ откроется законность, то въ такомъ случаѣ самыя начала, на которыхъ основано разсужденіе Аргеландера, будутъ невѣрны, въ чемъ Аргеландеръ самъ сознается.

Послѣ окончанія лекцій я продолжалъ заниматься на астрономической обсерваторіи; но пока только въ библіотекѣ. Задача опредѣленія долготы чрезъ лунныя разстоянія, о которой я взялся писать, со времени развитія мореходства до настоящаго времени, была рѣшена многоразличными способами и знаменитѣйшіе геометры занимались ею. Намъ должно казаться чрезвычайно страннымъ, что предложенные ими способы остались безъ примѣненія на практикѣ. Дунзорнскія таблицы, вошедшія въ употребленіе у англійскихъ моряковъ, и нынѣ употребляются, не смотря на то, что послѣ ихъ появленія Де Ламбръ, Лежандръ и наконецъ Бессель предлагали новые и точнѣйшіе способы вычисленія долготы; и я полагаю, что и всѣ будущіе останутся безъ примѣненія на морѣ. Мнѣ кажется, тутъ слѣдуетъ различать между мгновенной нуждой моряка и требованіемъ географа. Если морякъ не имѣетъ на суднѣ географическихъ картъ, ему и самое точное знаніе географическаго положенія корабля не послужитъ для того, чтобы оріентироваться; но если онъ имѣетъ такую карту, ему достаточно знать приблизительно на

полградуса это положеніе. Главная потребность его состоитъ въ томъ, чтобы имѣть способъ, какъ можно скорѣе вывести результатъ изъ сдѣланныхъ имъ наблюденій и онъ всегда предпочтетъ кратчайшій способъ, если даже получаемый результатъ будетъ менѣе точенъ, чѣмъ другой точнѣйшій, но требующій больше времени на вычисленіе. Вотъ причина, по которой до настоящаго времени удержались въ употребленіи дунзорнскія таблицы, не смотря на то, что въ иныхъ случаяхъ долгота можетъ выйти болѣе ошибочна, чѣмъ на полградуса. Дѣло становится совершенно иначе, когда вопросъ идетъ о составленіи карты по сдѣланнымъ на морѣ наблюденіямъ; тогда слѣдуетъ требовать вывода долготы со всей той точностію, которую допускаютъ самыя наблюденія. Однакожъ всѣ предложенные геометрами способы, за исключеніемъ способа Бесселя, нестроги потому, что не обращаютъ должнаго вниманія на измѣненіе азимута луны чрезъ параллаксъ. Ни одинъ изъ нихъ не изслѣдовалъ вліянія, которое такое опущеніе можетъ имѣть на искомую долготу. Но рѣшеніе задачи, данное Бесселемъ, также не войдетъ въ употребленіе; это рѣшеніе требуетъ вычисленія особаго рода эфемеридъ для лунныхъ разстояній и сопряженный съ такимъ вычисленіемъ трудъ можетъ быть не вознаградится частымъ примѣненіемъ этихъ эфемеридъ. Требованіе Бесселя, чтобы моряки не оставляли записывать во время наблюденій состояніе барометра и термометра, весьма основательное; пренебрегая этимъ моряки лишаютъ будущихъ вычислителей возможности дѣлать изъ наблюденій лунныхъ разстояній точнѣйшій выводъ долготы.

На Берлинской обсерваторіи нынѣ окончена весьма важная перестройка; большой рефракторъ получилъ новую установку. Извѣстно, что рефракторъ этотъ имѣлъ деревянный штативъ, одинаковаго устройства съ Дерптскимъ. Въ послѣднее время замѣчено было въ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ рефракторомъ колебаніе полярной оси инструмента, доходящее до шести минутъ. Точное изслѣдованіе этого явленія г. профессоромъ Фёрстеромъ, привело къ тому заключенію, что прикрѣпленіе металлическихъ частей къ дереву не имѣетъ надлежащей прочности. Такъ какъ вслѣдствіе этого обстоятельства перестройка оказалась неизбѣжной, рѣшились уничтожить деревянный штатифъ и замѣнить его каменнымъ. По опытамъ, сдѣланнымъ на другихъ знаменитыхъ обсерваторіяхъ, песчанникъ безъ прослоекъ оказывается самой надежной подставкой и берлинскій рефракторъ установленъ нынѣ на такомъ песчанниковомъ штативѣ.

Мнѣ остается еще присовокупить, что я надѣюсь, въ теченіе нынѣшней весны, приготовить къ печати первую часть моего сочиненія и я буду имѣть честь донести департаменту въ свое время объ окончаніи этого труда.

Берлинъ, $\frac{\text{26-го марта}}{\text{7-го апрѣля}}$ 1864 года.

47) Кандидата А. Вериго.

По окончаніи зимняго семестра я снова возвратился въ Цюрихъ, чтобы продолжать нѣкоторыя работы въ лабораторіи у профессора Вислиценуса и слушать лекціи механической теоріи теплоты у профессора Кляузіуса.

Въ одномъ изъ моихъ отчетовъ я сказалъ, что, изучая, по предложенію Вислиценуса, дѣйствіе хлористаго ацетиля на средній эѳиръ слизевой кислоты, я сдѣлалъ двоякій опытъ — реакція была произведена при помощи нагрѣванія и при обыкновенной температурѣ. Въ запаянныхъ трубкахъ, оставленныхъ при обыкновенной температурѣ, осадились короткіе, толстые кристаллы,—весьма, слѣдовательно, отличные отъ игольчатыхъ кристалловъ, осадившихся въ трубкахъ, подвергнутыхъ нагрѣванію въ водяной банѣ. Изъ этого можно было заключить, что кристаллы эти имѣютъ другой составъ, что въ реакцію при обыкновенной температурѣ вступаетъ меньше частицъ хлористаго ацетиля, но изслѣдованіе показало противное. Часть кристалловъ была перекристаллизована изъ алькоголя, при чемъ получились иглы, совершенно сходныя по формѣ съ кристаллами тэтръ ацетилево-слизеваго эѳира и показывающія тѣ же свойства. Эти иглы подвергнуты затѣмъ разложенію посредствомъ кипяченія со слабымъ растворомъ ѣдкаго кали по прежде описанному способу. Изъ 0,9647 гр. вещества получено 0,8496 гр. или 88,07% чистаго уксуснокислаго кали, такъ что полученное мною число разнится на 2% отъ теоретическаго числа 90,32% соотвѣтствующаго тэтръ ацетилево-слизевому эѳиру; но если принять въ соображеніе неточность методы, то потеря 2% не окажется значительною и число 88,07 можно считать достаточно близкимъ къ 90,32, тѣмъ болѣе, что тріацетилево-слизевый эѳиръ долженъ бы дать только 75% уксуснокислаго кали. Къ этому надо прибавить еще, что при разложеніи крупныхъ неперекристаллизованныхъ кристалловъ получилось 90,14% уксуснокислаго кали, а именно 0,7548 гр. вещ. дали 0,6804 гр. уксуснокислаго кали. Слѣдовательно, какъ при

нагрѣваніи, такъ и при обыкновенной температурѣ, въ реакцію съ 1 частицею слизеваго эѳира вступаютъ постоянно 4 ч. хлористаго ацетиля и даютъ одинъ и тотъ же продуктъ, кристаллическій видъ котораго обусловливается болѣе или менѣе быстрымъ ходомъ реакціи. Кромѣ того, я приступилъ къ слѣдующей работѣ. Въ общую реакцію, указанную Штрэккеромъ, для полученія аляниновъ я намѣренъ ввести вмѣсто амміака, аминныя основанія. Для этого я прежде всего, изслѣдуя дѣйствіи этильамина и другихъ основаній на альдегиды, надѣюсь, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, получить соединенія, соотвѣтствующія альдегидъ-амміаку, и эти соединенія обработаю синильною и соляною кислотами. Въ настоящее время я занятъ приготовленіемъ матеріаловъ, необходимыхъ для работы.

Цюрихъ, $^{4}/_{16}$ іюня 1864 года.

48) Кандидата Льва Модзалевскаго.

Окончаніе зимняго семестра и вновь наступившій срокъ представленія отчета за первые три мѣсяца текущаго 1864 года даютъ мнѣ поводъ высказаться нѣсколько опредѣленнѣе о ходѣ моихъ послѣднихъ занятій при Іенскомъ университетѣ, на главное направленіе которыхъ уже было указано въ предшествовавшемъ отчетѣ. Продолжая посѣщать лекціи проф. *Куно-Фишера* по исторіи новой философіи и проф. *Стоя* по энциклопедіи педагогики, я обратилъ особенное вниманіе на лекціи послѣдняго по *психологіи*, привлекшія даже болѣе постоянныхъ слушателей, чѣмъ сколько было ихъ въ аудиторіи заслуженнаго спеціалиста психолога *Фортляге* за лѣтній семестръ 1863 года.

Вниманіе мое къ преподаванію проф. Стоя, въ связи съ самостоятельно начатымъ мною изученіемъ психологіи, оправдывается, кромѣ непосредственнаго достоинства его лекцій, также и сущностью самаго предмета, столь важнаго для каждаго занимающагося педагогикой, и въ данномъ случаѣ излагаемаго самимъ педагогомъ. «По *цѣли*, говоритъ Гербартъ, педагогика обращаетъ воспитателя къ практической философіи; изысканіе же *мѣръ* въ борьбѣ съ препятствіями приводитъ его къ психологіи. Одна психологическая педагогика достаточно уясняетъ, *какимъ образомъ* обстоятельства могутъ сдѣлать подростающаго человѣка тѣмъ или другимъ. Она указываетъ каждому воспитателю, *почему* онъ долженъ дѣйствовать такъ, а не иначе, смотря по избранной имъ цѣли; почему каждое образо-

вательное средство — будетъ ли то книга или аппаратъ, поощреніе или принужденіе, тотъ или другой учебный предметъ — содержитъ въ себѣ извѣстное, ему свойственное образовательное значеніе по отношенію къ личности питомца» [1]). Благодаря Гербарту, педагогика, освободившись съ одной стороны отъ исключительнаго вліянія раціональной философіи, а съ другой стороны отъ школьной традиціонной рутины, съ особенною пользою для себя обратилась къ столь же молодой, какъ и сама она, и столь же жизненной, богатой опытомъ наукѣ, какова новѣйшая психологія. Вмѣстѣ съ Бенеке, Вайтцемъ, Дистервегомъ, Грубе, Дресслеромъ, Ф. Шнеллемъ, К. Шмидтомъ, Бертельтомъ и др. замѣчательнѣйшими педагогическими дѣятелями новѣйшаго времени, профессоръ Стой придаетъ психологіи то важное значеніе, которое она заслуживаетъ, и потому также работаетъ надъ ней въ интересахъ самой педагогики, но относится къ ней по своему. Чтобы опредѣлить отношеніе его къ существующимъ нынѣ школамъ, разработывающимъ психологію въ различныхъ направленіяхъ, я долженъ сказать нѣсколько словъ объ этихъ школахъ въ ихъ современномъ состояніи, чтобы потомъ остановиться исключительно на психологическо-педагогической системѣ проф. Стоя.

Вопросъ *о душѣ*, о ея сущности и свойствахъ, занималъ еще древнихъ, въ ученіи которыхъ и надо искать первыхъ зачатковъ нынѣ существующихъ психологическихъ системъ, но только зачатковъ. Уже средніе вѣка отвергли грубый матеріализмъ древности, имѣвшій въ Эпикурѣ своего главнаго представителя, и стали развивать аристотелевскій динамизмъ, только перифразируя или пародируя его, только играя его этнтелехіей (ἐντελέχεια), которая была по видимому менѣе враждебна новымъ христіянскимъ понятіямъ; но въ сущности ничего не объясняя. Какъ ни казались глубокими, логически-консеквентными всѣ подобныя теоріи этихъ первыхъ спиритуалистовъ, но въ дѣйствительности они были также несостоятельны, также бѣдны изслѣдованіемъ и опытомъ, какъ и наивныя матеріялистическія воззрѣнія древнихъ іонійцевъ, элеатовъ, атомистовъ, или мистическія откровенія пиѳагорейцевъ и платониковъ. Причиною такого отрицательнаго сходства двухъ противоположныхъ системъ было, конечно, единство принятаго ими спекулятивно-де-

---

[1]) Herbart's sämmtliche Werke. B. X. «Ueber die Anwendung der Psychologie auf die Pädagogik. S. 346 u. flg.

дуктивнаго метода, такъ долго и такъ исключительно господствовавшаго во всѣхъ наукахъ, особенно *въ философскихъ*, еще до сихъ поръ не совершенно освободившихся отъ его вліянія и вошедшихъ въ конфликтъ почти со всѣмъ реальнымъ міромъ. Правда, уже давно и въ нихъ началось поворотное движеніе, богатое многими плодотворными послѣдствіями. Здравый эмпиризмъ, возвѣщенный Бэкономъ и проведенный его многочисленными англійскими и французскими послѣдователями не въ одномъ естествознаніи, сталъ по немногу вліять и на интересующую насъ психологическую область. Уже Декартъ даетъ значеніе внутреннему наблюденію и на немъ основанной индукціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ прирожденность основныхъ идей, взглядъ, который еще и нынѣ имѣетъ своихъ поборниковъ. По мѣрѣ того, какъ философія переходила на германскую почву, когда совершилъ свое дѣло страдалецъ Спиноза и явился геніальный Лейбницъ съ его конгеніяльными послѣдователями, метафизика все болѣе и болѣе опутывала психологію, а спекулятивный произволъ устранилъ отъ нея всякое требованіе точности и положительности. Гипотетичность Вольфа дошла напр. до того, что, по его ученію, тѣло и въ такомъ случаѣ могло бы располагать всѣми своими движеніями, если бы души и во все не существовало, а душевная дѣятельность могла бы проявляться и безъ тѣла, которое даже не нужно для составленія въ душѣ различныхъ представленій внѣшняго міра. Геній Канта очистилъ и разъяснилъ многое, но, естественно, не могъ сдѣлать все, что предстояло его преемникамъ. Однако въ то же самое время, какъ умозрительная философія развивалась по направленію къ Гегелю, новый матеріялизмъ, или, вѣрнѣе, сенсуализмъ англійскихъ и отчасти французскихъ мыслителей готовилъ самые важные запасы для психологіи, конечно самъ того не сознавая. Точность наблюденія, уваженіе къ факту, строгая осторожность вывода, повѣрка синтезиса анализомъ и обратно, вотъ пріемы, внесенные этой дѣльной, хотя и односторонней, школой въ психологическую лабораторію. Такая работа, при вѣрности метода, естественно привела къ уразумѣнію тѣхъ первыхъ, простѣйшихъ элементовъ, которые какъ въ области природы, такъ и въ сферѣ человѣческаго духа, всего труднѣе поддаются изслѣдованію, несмотря на всю ихъ элементарную простоту, и потому всего менѣе доступны нашему разуму. Самъ Кантъ, критическій геній котораго поколебалъ все ветхое зданіе догматизма, не могъ имѣть такого рѣшительнаго вліянія на судьбу психологіи, какое имѣла

эта крайняя, для многихъ ненавистная школа, поставившая въ изученіи своемъ матерію прежде силы, тѣло прежде духа. Но крайности матеріалистовъ и вообще натуралистовъ были едва ли рѣзче крайностей ихъ противниковъ. Со времени Фихте, Шеллинга и Гегеля философія нѣмцевъ оторвалась отъ всякой твердой почвы, занявшись одной діалектической казуистикой, одними логическими тонкостями (Spitzfindigkeiten), столь противными свѣтлому уму Канта. Но его уроки на время были забыты, гегелевская философія закутала психологію, въ то время еще лишенную всякой самостоятельности, непроницаемымъ метафизическимъ туманомъ, и ея спекулятивныхъ детерминацій невозможно понять самому спекулятивному уму, если только онъ свободенъ отъ самообольщенія. По опредѣленію этой quasi-натуральной философіи «духъ есть могущество надъ матеріею, а матерія *еще не раскрывшійся духъ.*» Давно забытая аристотелевская энтелехія оказалась опять пригодною, являясь гдѣ нужно, какъ deus ex machina. И чѣмъ дальше заходила эта діалектическая игра понятіями и идеями; тѣмъ сильнѣе чувствовалась потребность реакціи, которая скорѣе всего могла выйти только изъ лагеря натуралистовъ, изъ матеріализма. Послѣднему, однако, необходимо было пережить очистительный процессъ, и только въ такомъ случаѣ для психологіи могла быть выиграна реальная почва. Крайнему дуализму, раздвоившему весь міръ, и не умѣвшему обойтись безъ примирительныхъ посредниковъ, надо было противопоставить на первый разъ хотя лейбницевскую монадологію; необузданному идеализму — локковскій сенсуализмъ, столь очищенный тѣмъ же Лейбницемъ; страсть философіи къ произвольнымъ выводамъ безъ достаточной критики основныхъ положеній, пагубную ея привычку къ скачкамъ прямо отъ частнаго къ самому отдаленному общему, необходимо было сдержать кантовскимъ критицизмомъ и точностью математическаго вычисленія [1]).

Но здѣсь мы уже подошли къ новѣйшей психологіи, въ области которой продолжается самая дѣятельная борьба, раздѣляющая борющихся на два главные лагеря. И въ томъ и въ другомъ постоянно являются новые партизаны, которые иногда хотятъ дѣйствовать даже отдѣльно и независимо отъ своего лагеря. Но эта независимость не простирается далѣе выбора оружія или средствъ, тогда какъ цѣль у всѣхъ одна — научная психологическая истина.

---

[1]) Geschichte der Psychologie von Karus. III Band. 1808.

Послѣдующее краткое изложеніе должно показать, которая изъ двухъ борющихся сторонъ имѣетъ болѣе партизановъ и болѣе успѣха, и которая изъ нихъ уже начинаетъ изнемогать, хотя еще не выпускаетъ изъ рукъ затупившагося оружія.... Конечно, никто, дѣйствительно уважающій чистый интересъ науки, не станетъ желать, чтобы борьба совершенно затихла: она необходима, пока не явится человѣкъ, который внутренно примиритъ раздѣляющія борцовъ крайности, устранитъ заблужденія, и покажетъ міру всю истину, во всей ея абсолютной непреложности. Численное превосходство поборниковъ той или другой теоріи еще не есть доказательство въ пользу самой теоріи, равно какъ ихъ крайности и увлеченія также не могутъ быть оставляемы безъ вниманія, ибо частицы истины или пути къ ней часто скрываются тамъ, гдѣ менѣе всего можно предполагать ихъ. Партіальность, раздражительность только препятствуютъ ясному пониманію всякаго дѣла, нарушая необходимое для того равновѣсіе духа и его проницательность.....

Кто же эти борющіеся, въ чемъ состоитъ борьба и каковы ея результаты?

Главное раздѣленіе нынѣшнихъ психологическихъ школъ удобнѣе всего сдѣлать, взявъ Гегеля за точку отправленія. Одни, какъ напр. Розенкранцъ, Мишеле, Эрдманнъ, Шубертъ, отчасти Карусъ, Куно-Фишеръ, Тренделенбургъ, принадлежатъ къ болѣе или менѣе вѣрнымъ его послѣдователямъ; другіе же — и ихъ большинство — къ его противникамъ, группирующимся преимущественно около Гербарта. Первые, отдавая предпочтеніе дедуктивному методу, являются идеалистами, представителями раціональной психологіи, тѣсно связанной съ метафизикой; они заподозрѣны въ самой крайней несостоятельности ихъ основныхъ началъ и отличаются неуваженіемъ къ опыту и наблюденію [1]). «Эмпирическая психологія — говорятъ ихъ противники — обладаетъ немногимъ, но это немногое уже прочно; метафизики же рѣшаютъ все, но стоитъ опровергнуть у нихъ что либо одно, чтобы сдѣлать сомнительнымъ все». Дѣйствительно, ихъ основные принципы, ихъ общія положенія не прочны, ибо они не представляютъ индуктивнаго вывода изъ массы отдѣльныхъ явленій душевной жизни, и даже вовсе не принадлежатъ психологической области: это чистѣйшія метафизическія гипотезы, произвольно поставленныя во главѣ всей системы. Метафизика бо-

[1]) Exner — Die Psychologie der Hegelschen Schule. 1842.

лѣе всякой другой науки чужда психологіи. Хотя въ царствѣ наукъ весьма обыкновенное явленіе, что одна область заимствуетъ свой свѣтъ изъ другой, но всего опаснѣе было бы дѣлать основаніемъ психологіи такую науку, которая сама не понимаетъ собственныхъ фактовъ; а именно такова, метафизика [1]). Гегель и его школа изъ небольшой суммы понятій обыкновенно строили цѣлыя науки, составляли схемы, и, за недостаткомъ живыхъ фактовъ, наполняли ихъ спекулятивно подобраннымъ содержаніемъ, такъ что у нихъ изчезала всякая генетическая связь явленій, связь, которая можетъ быть дознана и провѣрена только эмпирически. Сущность гегелевской энтелехіи та же, что и у древнихъ — *мышленіе*. Духъ есть ничто иное, какъ всеобъемлющее, всемогущее, всетворящее мышленіе. По опредѣленію Розенкранца «сознаніе есть самъ себя опредѣляющій *духъ*, постигающій свое отличіе отъ всего прочаго, есть актъ различенія. Какъ содержаніе же чистаго, свободнаго самосознанія во всей своей опредѣленности, духъ есть *разумъ*. Въ своемъ непосредственномъ единствѣ съ природой, и одновременно въ различіи съ нею, онъ является *душею*, или дремлющимъ духомъ; въ собственномъ же измѣненномъ бытіи (Anderssein) онъ становится самою природою или обнаружившимся духомъ. Въ этомъ заключается вся сила и возможность мышленія [2]). Отвращеніе кёнигсбергскаго профессора ко всякому точному изслѣдованію факта, столь характеризующее его какъ Гегеліанца, простирается до того, что онъ въ новѣйшемъ изданіи своей психологіи нападаетъ на Бокля за его философско-историческіе выводы, основанные на *статистическихъ* данныхъ. «Поистинѣ англійская выдумка! восклицаетъ Розенкранцъ. Нынѣшніе нѣмцы, по своей несчастной слабости все чужое цѣнить выше, чѣмъ свое собственное (?), немало удивляются этому пріему и даже подражаютъ. Прежніе нѣмцы, какъ Гердеръ и Гегель, вносили въ историческую науку только *идеи*, а англичанинъ замѣнилъ ихъ *числами*» (стр. 469). Къ счастію эта слабость къ англійскому реализму постоянно и быстро увеличивается въ нѣмецкихъ ученыхъ, не смотря на протесты гегелевской школы, всѣ нападки которой на своихъ противниковъ имѣютъ только ту справедливую сторону, что нерѣдко обличаютъ въ нихъ чрезмѣрную приверженность къ факту или поспѣшность вывода изъ недостаточнаго количества наблюденій,

[1]) W. Wundt — Beiträge zur Theorie der Sinneswahrnehmungen. 1862.

[2]) Rosenkranz — Psychologie od. Wissenschaft v. subjectiven Geist. 1843.

напр. въ рѣшеніи психологическихъ и нравственныхъ вопросовъ съ помощію статистики, и горячо отстаиваютъ непостижимое могущество духа, апріорически уразумѣвающаго связь вещей. Объяснить внутреннюю сущность этого духа они, конечно, также безсильны, какъ и ихъ многочисленные противники — эмпирики, реалисты и натуралисты разныхъ оттѣнковъ, которые въ своихъ попыткахъ тверже установить психологическіе законы впадаютъ въ другую крайность и разными матеріальными условіями совершенно оковываютъ дивную свободу человѣческаго духа. У иныхъ изъ психологовъ-натуралистовъ по методу вся наука о душѣ дѣлается похожею на механику или даже на статику представленій, а объясненія самыхъ сложныхъ явленій духа въ понятіяхъ о добрѣ и злѣ, въ чувствѣ стыда, любви, ненависти, въ категоріяхъ, въ идеяхъ о безконечномъ, о божествѣ, о загробной жизни, дѣлаются явно неудовлетворительными. Въ подобныхъ случаяхъ эти психологи бываютъ часто непослѣдовательны, впадаютъ во внутреннее противорѣчіе, измѣняютъ принятому въ основаніе методу и прибѣгаютъ даже къ помощи метафизики. Для примѣра стоитъ указать на Шиллинга [1]).

Вся гербартовская психологическая школа, въ различныхъ ея развѣтвленіяхъ болѣе или менѣе удалившаяся отъ иныхъ основныхъ положеній и пріемовъ своего основателя, принимаетъ одно общее положеніе: «такъ какъ душа есть естественный феноменъ, и такъ какъ наука о душѣ есть естественная наука; слѣдовательно къ ней долженъ быть примѣненъ эмпирическій методъ». Сперва этотъ методъ ограничивался только самонаблюденіемъ и иногда, для точности, прибѣгалъ къ математической повѣркѣ своихъ выводовъ (какъ у самаго Гербарта и отчасти у Дробиша), но мало по малу, вмѣстѣ съ успѣхами естествознанія, онъ расширялся и наконецъ вышелъ на чисто-экспериментальное поле. Труды знаменитыхъ натуралистовъ, особенно Дюбуа-Раймона, Гельмгольца, Вебера, Либиха, К. Фогта, Шлейдена (какъ антрополога) и другихъ, обратили психологовъ къ изслѣдованію простѣйшихъ психическихъ отправленій, изученіе которыхъ близко граничитъ съ изученіемъ отправленій нервной системы, головнаго мозга, органовъ чувствъ, кровообращенія и питанія организма. Съ другой стороны, историки, филологи, политико-экономы, разные приверженцы положительной философіи, какъ Бокль, Огюстъ Контъ и Литтре, представили мно-

[1]) Lehrbuch der Psychologie. Giessen. 1851. IV Abschnitt.

жество интереснѣйшихъ фактовъ для рѣшенія вопросовъ практической психологіи. Понятно, что педагоги также принялись за разработку прикладной психологіи, благодаря обилію данныхъ, представляемыхъ дѣтской и школой, ибо здѣсь особенно наглядна постепенность нашего психологическаго развитія подъ вліяніемъ окружающихъ обстоятельствъ. Въ настоящее время даже медики (психіатры) и криминалисты трудятся для психологіи и по своему содѣйствуютъ всестороннему развитію этой еще слагающейся обширной науки. Такимъ образомъ среди самихъ противниковъ гегелевской психологіи образовалось нѣсколько новыхъ школъ или, лучше сказать, партій, часто весьма одностороннихъ и даже враждебныхъ между собою. Но, какъ я уже упомянулъ, всѣ они, хотя бы и безсознательно, работаютъ надъ *однимъ дѣломъ* — надъ психологической истиной. Мнѣ необходимо ограничиться здѣсь только общимъ обзоромъ анти-гегеліянскихъ психологическихъ школъ по ихъ главнѣйшимъ представителямъ.

Бенеке, какъ извѣстно, довершилъ то, что̀ предчувствовали еще Берклей и Юмъ. Онъ окончательно отдѣлилъ сенсуализмъ отъ матеріализма, и вмѣстѣ съ Гербартомъ навсегда установилъ то понятіе о единствѣ души, на которое указывала еще лейбницевская монадологія. Онъ очистилъ психологію и отъ вольфовской идеологіи, и отъ гербартовскихъ математическихъ выкладокъ, которыя хотя и сообщали выводамъ видимую точность, но какъ бы лишали душу самобытнаго жизненнаго начала. Неудобство примѣненія математическаго метода къ философскимъ задачамъ доказалъ еще Кантъ. У Бенеке, какъ и у его предшественника, вся психическая дѣятельность объясняется игрой представленій, которыя то же для духа, что̀ атомы для матеріи. Ихъ происхожденіе находится подъ вліяніемъ внѣшняго міра, оставляющаго *слѣды* въ человѣческомъ организмѣ. Отсюда вытекаетъ связь психологіи съ естественными науками не по одному единству метода, но и по тождеству объекта, подлежащаго изслѣдованію. Однако Бенеке далеко не былъ матеріалистомъ. Душа, по его опредѣленію, есть существо невещественное, имѣющее различныя побужденія, способное къ возбужденію извнѣ, но сознательно усвоивающее и сохраняющее всѣ слѣды внѣшняго міра, изъ которыхъ и состоитъ нашъ внутренній міръ. Всѣ способности души имѣютъ опредѣленную степень силы, жизненности и воспріимчивости. По мѣрѣ того, на сколько способности проникаются возбуждающими ихъ агентами, и на сколько возбуж-

денія эти усвоиваются нервами, возникаетъ форма *представленій*. Но смотря потому, какъ раздраженіе изчезаетъ и способности дѣлаются снова свободными, является первая форма *желанія* (Begehren). *Чувствованіе* же есть непосредственное сознаніе различія въ образованіи одновременно или послѣдовательно совершающихся представленій. Качественное различіе между тѣломъ и душею у Бенеке отчасти уничтожается тѣмъ, что всѣ системы тѣлеснаго организма въ ихъ развитіи находятся подъ вліяніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ и только чрезъ это становятся какъ бы элементами всей психической жизни [1]). Изъ этого понятно то огромное значеніе бенековской психологіи, которое она пріобрѣла въ педагогикѣ, и то стремленіе послѣдующихъ психологовъ-бенекіанцевъ къ натурализму, перешедшее у иныхъ въ матеріализмъ подъ одностороннимъ вліяніемъ его современныхъ поборниковъ, отвергающихъ самый принципъ существованія самобытнаго духа; ибо этотъ, такъ называемый, духъ по ихъ опредѣленію есть только совокупность органическихъ отправленій (Collectivum von Stoffwechseln). Уже Бенеке возбудилъ противъ себя гегеліанцевъ, которые всѣми силами поднялись на защиту свободы духа (который иные начали, наконецъ, ставить въ прямую зависимость отъ вкушаемой человѣкомъ пищи) и въ полемическомъ жару часто не умѣли различить здороваго бенековскаго натурализма отъ грубаго матеріализма. Всю гербартовскую психологическую систему, вновь обработанную самимъ Бенеке и его учениками, они обвиняютъ въ крайнемъ механизмѣ и въ излишнемъ стремленіи къ наглядности и популярности. Въ ея терминологіи, изобилующей такими словами, какъ «пространство», «оболочка», «восхожденіе», «ниспаденіе», «задержка», «давленіе», «слѣдъ», «помощь», «отголосокъ», «остатокъ» и многія другія, гегеліанцы видятъ одну мнимую ясность, только обольщающую изслѣдователя души, свободной и невещественной. Въ картинности и пластичности такихъ психологическихъ выраженій, говорятъ они, есть заманчивая, почти поэтическая прелесть; но нѣтъ такого объясненія сущности душевныхъ процессовъ, которое удовлетворяло бы строгую критику разума. Въ самомъ Гербартѣ, отцѣ новой школы, они открываютъ непослѣдовательность, повторившуюся у многихъ изъ его учениковъ, ибо, говоря о психическихъ феноменахъ, онъ

---

[1]) Lehrbuch der Psychologie als Naturwissenschaft von Ed. Beneke. Zweites Kapitel.

трактуетъ ихъ иногда *механически:* «представленія задерживаютъ, давятъ, восходятъ, падаютъ»; иногда *химически*: «представленія соединяются и спаиваются»; иногда *архитектонически*: «представленія строятся рядами, располагаются сводами и кругами, заостряются» и т. п. [1]). Еще безсмысленнѣе кажется имъ примѣненіе высшей математики къ психологіи, и въ этомъ они едва ли не правы. Еще въ 1842 г. выступилъ новый послѣдователь Гербарта, извѣстный математикъ *Дробишъ* [2]), но и онъ значительно отступилъ отъ математическихъ пріемовъ своего учителя, и равно остался независимымъ отъ метафизики и философіи. Его послѣдующую попытку установить математическую психологію на прочныхъ основаніяхъ едва ли можно считать удачною. По крайней мѣрѣ она осталась безъ послѣдствій въ новѣйшей исторіи науки. Вскорѣ *Вайтцъ* въ своемъ учебникѣ психологіи, какъ естественной науки, доставилъ еще болѣе торжества гегеліанцамъ въ этомъ отношеніи, ибо у него, какъ и у Бенеке, уже нѣтъ болѣе математическихъ доказательствъ въ рѣшеніи исихологическихъ задачъ; но за то натуралистическій пріемъ нашелъ еще обширнѣйшее примѣненіе [3]). Разрывъ съ теоретической психологіей укрѣпился еще болѣе. *Фолькманнъ* въ своемъ еще новомъ и капитальномъ трудѣ [4]) открылъ критико-историческое изложеніе различныхъ философско-психологическихъ системъ; но самъ, какъ гербартіанецъ, отдаетъ предпочтеніе эмпирическому направленію, оставаясь свободенъ отъ школьныхъ увлеченій и партіальной раздражительности, которая иногда обнаруживается даже у наиболѣе терпимаго изъ Гегеліанцевъ — добродушнаго старика Эрдманна. Вслѣдствіе этого книга Фолькманна заслужила одобреніе всѣхъ партій, начиная чуть не отъ мистиковъ въ родѣ Бёме, и кончая матеріалистами, утверждающими, что «та же сила, которая варитъ пищу въ нашемъ желудкѣ, мыслитъ въ нашемъ мозгу» [5]). Оно и понятно: историческій взглядъ на науку всегда сопровождается объясняющимъ, примирительнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Притомъ же и крайній натурализмъ, и спиритуализмъ, не смотря на ихъ противуположность, носятъ въ себѣ тотъ общій признакъ, что, дойдя до извѣстнаго предѣла, они оба оказываются одинаково безсильными,

---

[1]) Rosenkranz — Psych. s. 460 — 61.

[2]) Drobisch — Empirische Psychologie nach naturwissenschaftl. Methode. Leipzig.

[3]) Waitz — Lehrbuch der Psychologie als Naturwissenschaft. Braunschweig. 1849.

[4]) Volkmann — Grundriss der Psychologie nach genetischer Methode. Halle, 1856.

[5]) Friedreich — allgemeine Diagnostik der psych. Krankheiten. S. 313.

и именно въ рѣшеніи вопроса о сущности души, о внутреннемъ процессѣ самопознанія. Почтенный историкъ психологіи Карусъ, въ своемъ возобновленномъ трудѣ (Psyche), справедливо называетъ нашу душу неопредѣлимымъ (indefinissable), вѣчнымъ X — омъ. Натуралистъ не можетъ показать, *какъ* нервъ мыслитъ, какимъ образомъ понятіе, сужденіе или умозаключеніе наглядно объясняется различными соотвѣтствующими имъ отправленіями нервнаго вещества; въ какой связи стоитъ напр. наше самосознаніе съ нервнымъ сотрясеніемъ или съ рефлексивными движеніями. По крайней мѣрѣ всѣ испытанные физіологическіе и патологическіе эксперименты оказываются еще неудовлетворительными, и еще нельзя обольщаться пониманіемъ непонятнаго, таинственнаго бытія нашей души. Но за то и спиритуалистъ долженъ сознаться въ полнѣйшемъ непониманіи этихъ существенныхъ вопросовъ психо-физики. Однако онъ едва ли научно поступаетъ, отказываясь отъ всякой попытки приподнять эту завѣсу и не признавая законности подобнаго желанія въ другихъ. Примиряющій и объединяющій научные результаты эклектицизмъ такихъ ученыхъ, какъ *Фихте* (младшій), извѣстный своей антропологіей, какъ *Лотце* и *Фортляге*, заслуживаетъ полнаго уваженія, хотя и у нихъ дѣло не обходится безъ натяжекъ, особенно у перваго въ его усиліи соединить натуралистическое пониманіе функцій нашей души съ непреложностью ея безсмертнаго бытія. Трудность и важность задачи вполнѣ объясняютъ это. Лотце самостоятельно относится и къ Канту, и къ Гегелю, и къ Гербарту; основательно знакомъ съ результатами физіологіи [1]), но умѣетъ различать ея истинныя открытія отъ преувеличеній. Изслѣдуя отдѣльныя психическія отправленія, и притомъ преимущественно простѣйшія, еще находящіяся въ очевидной связи съ тѣлеснымъ организмомъ, онъ снова прибѣгаетъ къ монадѣ (Monas directrix), безъ которой была бы непонятна гармонія психической жизни. Фортляге, лекціи котораго я посѣщалъ еще въ прошломъ году, всюду ищетъ объясненія души и ея отдѣльныхъ проявленій: и въ натурализмѣ Дюбуа-Раймона, и въ идеальномъ механизмѣ гербартовской психологіи, желая связать достовѣрные результаты всестороннихъ изслѣдованій. Въ лекціяхъ своихъ по психологіи онъ прямо высказываетъ, что многимъ обязанъ не только Канту, но и его даровитѣйшимъ продолжателямъ, каковы Рейнхольдъ, Тренделенбургъ, Шопенгауеръ

---

[1]) Lotze — Medicinische Psychologie. 1852.

и Бенеке. Признавая, поэтому, присутствіе въ насъ того фактора, который управляетъ всѣми нашими воспріятіями и отправленіями и приводитъ ихъ къ согласному единству, Фортляге неоставляетъ безъ вниманія и логическіе законы мышленія, очевидно вытекающіе изъ того же источника человѣческой природы. Побужденіе (Trieb) у него признается основаніемъ психической дѣятельности, и потому наблюденіе надъ проявленіемъ побужденія составляетъ существенную заслугу Іенскаго профессора. Ученіе же о перцепціи и спайкѣ представленій у него обогащено новыми фактами, благодаря его способности къ тончайшему внутреннему наблюденію, и изложено удовлетворительнѣе, чѣмъ у другихъ психологовъ, хотя и требуетъ отъ изучающаго самаго напряженнаго, утомляющаго вниманія. У Фортляге также нѣтъ и того предубѣжденія къ физіологическимъ пособіямъ, какимъ отличаются поборники спекулятивной психологіи. Критическому остроумію Ноака едва ли удастся уменьшить заслуги той достойнѣйшей и наиболѣе обѣщающей психологической школы, къ которой принадлежатъ вышеназванные нами ученые. Названіе романтиковъ, придаваемое имъ гегеліанцами, также мало справедливо и также мало роняетъ ихъ достоинства.

Отдѣльнымъ путемъ идетъ новая и замѣчательная школа, разработывающая, такъ называемую, «психологію народовъ» (Völkerpsychologie), результатами которой еще мало успѣла воспользоваться общая психологія. Школу эту можно разсматривать какъ дальнѣйшее развитіе гербартовской идеи, но только въ новомъ направленіи. Во главѣ ея стоитъ прославившійся своими провосходными психологическими монографіями *Лазарусъ* [1]). Кромѣ издаваемаго имъ, вмѣстѣ съ лингвистомъ *Штейнталемъ*, журнала — Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft — направленіе этихъ ученыхъ хорошо уясняется изъ недавно явившагося сочиненія послѣдняго «объ отношеніи филологіи и исторіи къ психологіи» [2]). Они вовсе не враждебны къ натуралистической или опытной психологіи, но желаютъ только расширить ея область, пополнивъ ее фактами и выводами изъ другихъ областей, въ которыхъ особенно ясно выражаются общечеловѣческія и народныя стороны нашего духа. «Наука о душѣ, — говоритъ Штейнталь въ названномъ мною

---

[1]) Lazarus — das Leben der Seele. 2 B. Berlin, 1856.

[2]) Philologie, Geschichte und Psychologie in ihren gegenseitigen Beziehungen. Berlin, 1864. Было читано на филологич. съѣздѣ въ Мейссенѣ.

сочиненіи — есть вполнѣ опытная наука, и также мало зависима отъ философовъ и ихъ пониманія высшихъ принциповъ, какъ и сестра ея — наука о природѣ. Какъ натуралистъ подъ матеріей разумѣетъ лишь содержаніе законовъ, которымъ слѣдуютъ вещественныя явленія, такъ душа для психолога означаетъ только содержаніе законовъ, управляющихъ психическими явленіями. Поэтому душа для насъ есть не что иное, какъ сумма тѣхъ психологическихъ законовъ, которые съ одной стороны составляютъ реальный принципъ исторіи, съ другой же стороны—основной принципъ для пониманія самой исторіи. Законы эти, постигаемые въ исторіи, по своему содержанію остаются одними и тѣми же, станемъ ли мы принимать ихъ законами извѣстныхъ мозговыхъ отправленій, или законами нематеріальной душевной субстанціи» (стр. 15 — 16). Все это можно отнести и къ языку, какъ выраженію психической дѣятельности въ условномъ сочетаніи звуковъ; и послѣ Вильгельма Гумбольдта едва ли еще нужно доказывать важность лингвистики для опытной психологіи, хотя сдѣлано по этому предмету еще не много, по причинѣ новизны самаго дѣла. Трудъ *Бастіяна* [1]) представляетъ дальнѣйшій опытъ въ этомъ отношеніи, ибо онъ фактически доказываетъ возможность даже миѳологію и политику поставить въ служебное отношеніе къ психологіи. Приверженцы гегелизма обличаютъ его въ крайностяхъ и излишнемъ пристрастіи къ психологическимъ выводамъ и изъ права, и изъ государства, и изъ церкви, и изъ искусства, и изъ нравовъ и народныхъ обычаевъ, и т. под.; но, какъ ни легко имъ подмѣтить въ авторѣ увлеченіе и экзажерацію, имъ трудно не признать вѣрности самаго пріема и значенія такихъ источниковъ, какъ напр. статистика, особенно когда она сдѣлается болѣе точною и многостороннею.

Между тѣмъ какъ въ области психологіи возникала школа за школой, натуралистическое направленіе быстро и совершенно послѣдовательно дошло до того, что представители его уже не ограничивались болѣе однимъ равнодушнымъ отношеніемъ къ сущности души, которая, по мнѣнію большинства ученыхъ, непостижима и можетъ быть познаваема только въ проявленіяхъ, какъ результатахъ внутренней сокровенной дѣятельности. Многіе изъ такихъ психологовъ-натуралистовъ, очевидно подъ вліяніемъ знаменитыхъ матеріалистовъ Карла Фогта, Молешотта, Бюхнера, Фейербаха и др.,

[1]) Der Mensch in der Geschichte. 1860. 3. B.

не будучи въ состояніи отрицать внѣшнихъ проявленій духа, столь очевидныхъ и столь поразительныхъ для каждаго, стали отрицать только то положеніе, по которому всѣ эти проявленія имѣютъ свою причину въ отдѣльномъ субъектѣ, который *качественно* отличается отъ матеріи. Духъ, по ихъ мнѣнію, есть только выраженіе извѣстнаго числа отправленій, замѣчаемыхъ въ человѣкѣ наравнѣ съ другими животными, и вся разница состоитъ лишь въ томъ, что въ человѣкѣ всѣ эти отправленія сложнѣе и тоньше, ибо самый мозгъ человѣка лучше конструированъ, гибче, жирнѣе, фосфористѣе. По этому и психологія животныхъ представляетъ тѣ же самыя душевныя отправленія, совершающіяся по тѣмъ же самымъ законамъ, какъ и психологія человѣка; все же различіе состоитъ въ степени и объемѣ. У Бенеке и у ближайшихъ къ нему психологовъ душа хотя и находится въ мозгу и нервахъ, но не тождественна съ ними; матеріалисты же, напротивъ того, отвергли всякій дуализмъ духа и матеріи, и это тѣмъ удобнѣе для нихъ, что они нейдутъ дальше явленія и не хотятъ задать себѣ вопросъ: какимъ образомъ мышленіе, приводящее человѣка къ самымъ общимъ понятіямъ, продуктируется его мозгомъ? Такимъ образомъ здѣсь уже кончается собственно психологическая область и начинается физіологическая, ибо съ главнѣйшимъ вопросомъ психологической науки эти приверженцы матеріализма покончиваютъ слишкомъ легко и безцеремонно, а потому вовсе не убѣдительно и совершенно теряютъ изъ подъ ногъ психологическую почву. Замѣтимъ кстати, что въ этомъ исключительномъ отношеніи къ одному внѣшнему проявленію духа крайній спиритуализмъ и новѣйшій матеріализмъ сходятся между собою; но только первый открыто сознается въ непониманіи души; — а второй вовсе отвергаетъ существованіе того, чего онъ не въ силахъ понять; притомъ же оба они одинаково мало приносятъ пользы для положительной психологіи. Отъ этихъ псевдопсихологовъ надо строго отличать такихъ почтенныхъ ученыхъ, какъ Лотце, Фехнеръ, Вундтъ, Грубе, Шульце-Шульценштейнъ и др. Ихъ натурализмъ еще не матеріализмъ, хотя и пошелъ дальше бенековскаго, ихъ труды интересны для каждаго психолога, — хотя онъ и не во всемъ удовлетворится ими. Дѣло въ томъ, что эти ученые не ограничиваются однимъ самодовольнымъ отрицаніемъ, и стараются обогатить психологію физическими и физіологическими наблюденіями, тщательными экспериментами не только надъ человѣкомъ, но и надъ животными. Понятно, что

у нихъ еще нельзя найти и цѣлой системы, преждевременность которой они признаютъ съ добросовѣстностью истинныхъ ученыхъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ фехнеровская *психо-физика*, т. е. физическія наблюденія надъ нервами чувствъ въ связи съ обусловливаемыми ими психическими феноменами. Къ сожалѣнію, этотъ строгій математикъ и наблюдатель отдѣльныхъ фактовъ является даже крайнимъ идеалистомъ въ вопросѣ о сущности души, которую онъ находитъ даже въ растеніяхъ и небесныхъ тѣлахъ. Вся земля у него есть одушевленное, божественное существо (*Γευδαίμον*), членами или органами котораго служатъ горы, моря, облака, растенія, животныя и люди. Но гдѣ розыгрывается фантазія, конечно за отсутствіемъ еще не добытыхъ фактовъ, тамъ уже потерянъ интересъ науки... Однако оцѣнку Фехнера надо дѣлать вовсе не съ этой стороны, на которую, какъ на слабѣйшую, тотчасъ и напали его противники. Шульце-Шульценштейнъ и Феухтерслебенъ также иногда впадаютъ въ странныя, совершенно произвольныя толкованія душевныхъ процессовъ, — но за то являются также апологетами свободы души по ея отношенію къ тѣлу, и тѣмъ отчасти сходятся съ Кантомъ. Дѣйствительно: искренняго, но безпристрастнаго натуралиста не можетъ не поразить тотъ фактъ, что между всѣми психическими отправленіями — представленіями, понятіями, мыслями, чувствами, желаніями — существуетъ внутренняя связь, недоступная непосредственному внѣшнему наблюденію; что хотя нашему сознанію и доступны всѣ эти отправленія, но связующее, объединяющее и направляющее ихъ начало лежитъ внѣ нашего сознанія, въ которое самыя отправленія входятъ какъ уже готовая работа, предварительно совершенная неизвѣстнымъ намъ факторомъ, называемымъ «душею». Къ такимъ безпристрастнымъ, не лишеннымъ зрячести натуралистамъ, принадлежитъ *Вундтъ* [1]), одинъ изъ даровитѣйшихъ учениковъ Гельмгольца. Въ новомъ, недавно явившемся сочиненіи этого молодаго ученаго — Ueber die Menschen- und Thierseele. Leipzig, 1863 — есть много интереснаго и самостоятельнаго. Въ немъ Вундтъ снова пытается проникнуть въ основные процессы душевной дѣятельности съ помощію физіологическихъ экспериментовъ и историческихъ фактовъ изъ жизни животнаго міра. Основанная Реймарусомъ психологія животныхъ и

[1]) Лекціи его по антропологіи я посѣщалъ въ бытность мою въ Гейдельбергѣ еще въ 1862 году.

разработанная другими натуралистами у Вундта имѣетъ ближайшее примѣненіе къ объясненію тѣхъ простѣйшихъ психическихъ явленій, по которымъ человѣкъ примыкаетъ какъ высшій видъ къ общему родовому понятію «животное». Вундтъ первый вводитъ въ психологическую область примѣненіе механическаго закона сохраненія силы и подкрѣпляетъ свои доказательства фактами изъ электрофизіологіи; опредѣляетъ отношеніе между ощущеніемъ и раздраженіемъ, изъ теоріи рефлективныхъ движеній выводитъ теорію чувственнаго воспріятія и изъ явленій стереоскопіи развиваетъ основные законы представительной дѣятельности и сознанія. Съ помощію измѣренія онъ опредѣляетъ временную быстроту психическихъ процессовъ въ сознаніи. Конечно, всѣми подобными работами психологія воспользуется еще въ будущемъ, когда явится возможность цѣльной системы; но во всякомъ случаѣ подобныя работы обѣщаютъ для нея болѣе, чѣмъ успокоительное отрицаніе собственно-матеріалистовъ въ родѣ Ноака, Шурихта, Фейербаха и др., ученіе которыхъ можетъ имѣть всякій другой интересъ, кромѣ психологическаго.

Между психіатрами, составляющими отдѣльную и довольно обширную школу, достаточно упомянуть кромѣ Фридрейха и Феухтерслебена, еще Вахсмута, Грисингера, Иделера, Спильмана, Домриха, труды которыхъ также имѣютъ посредственный интересъ для каждаго психолога, желающаго изучить свой предметъ во всѣхъ его развѣтвленіяхъ и примѣненіяхъ, будетъ ли то медицина, или криминалистика, лингвистика или педагогика. Безъ этого всесторонняго изученія не можетъ создаться и цѣльная психологическая система, полная живыми, неоспоримыми фактами, строгими, непреложными законами. Довершить это дѣло предстоитъ, конечно, геніальному, всеобъемлющему уму, а пока должна дѣятельно идти частная разработка науки.

Такъ далеко отошла основанная Гербартомъ опытная психологія отъ раціональной гегелевской, и въ наше время уже приняла такіе широкіе размѣры, что не только отдѣлилась отъ философіи, освободившись отъ ея зависимости, но и возъимѣла притязаніе произвести и въ ея области рѣшительный переворотъ. Она признаетъ себя связанной съ философіей только въ своей исторической части, но и то очень мало, ибо она готова войти въ разрывъ даже съ собственной исторіей и возродиться въ совершенно иномъ видѣ. Тогда многія науки, и особенно педагогика, получатъ отъ нея новый

свѣтъ; послѣдняя же и теперь есть ея вѣрная спутница и помощница. Со времени Гербарта и Бенеке многіе педагоги, какъ Вайтцъ, Дреселеръ, Грубе, Дистервегъ, не безъ пользы работали для психологіи, и къ этой-то группѣ педагоговъ-психологовъ принадлежитъ Іенскій профессоръ *Стой*, въ настоящее время приготовляющій къ печати собственный курсъ психологіи. Отдавая должное уваженіе психологическому знанію, онъ, вмѣстѣ съ другими компетентными въ этомъ вопросѣ судьями, очень далекъ отъ того, чтобы считать педагогику только *прикладной психологіей*, какъ думаютъ у насъ [1]). Онъ даже не считаетъ ея единственной вспомогательной наукой педагогики, которая имѣетъ болѣе или менѣе тѣсную связь и съ другими науками. «Педагогика, — говоритъ онъ — поставленная въ кругу наукъ, имѣетъ близкія отношенія ко многимъ изъ нихъ, какъ напр. къ философіи, этикѣ, теологіи, юриспруденціи, медицинѣ, политикѣ, исторіи, и вообще по всѣмъ гумманнымъ наукамъ; ибо, по извѣстному выраженію, omnes artes, quae ad humanitatem pertinent, habent quoddam commune vinculum. Онѣ могутъ многое удѣлять ей отъ себя и многое сами отъ нея заимствовать. Отъ этики педагогика беретъ нравственные законы; отъ *психологіи* — разъясненія и указанія; въ теологіи она находитъ не только утвержденіе религіозной точки зрѣнія, но и важныя опредѣленія какъ историческихъ, такъ и современныхъ церковныхъ отношеній; отъ медицины она принимаетъ основанія для тѣхъ правилъ и законовъ, по которымъ она воздѣйствуетъ на тѣлесный организмъ питомца въ интересахъ его духовной жизни; къ юриспруденціи она примыкаетъ посредствомъ обработки всѣхъ вліяющихъ на воспитаніе общественныхъ отношеній, отъ политики (обществовѣдѣнія), которая въ своей соціальной части имѣетъ такъ много точекъ соприкосновенія съ педагогикой, она заимствуетъ доказательства широкаго значенія педагогической дѣятельности. Эта связь наукъ является еще и въ обратномъ отношеніи. Этикѣ педагогика открываетъ новую обширную область нравственной дѣятельности; *психологіи* она то задаетъ вопросы для новыхъ изысканій, то сообщаетъ рѣшенія стоящихъ на очереди проблеммъ; для теологіи въ ея практическомъ отношеніи она является необходимой помощницей; юриспру-

---

[1]) По крайней мѣрѣ такъ было опредѣлено при рѣшеніи вопроса о соединеніи каѳедры *психологіи* съ каѳедрой *педагогики* въ русскихъ университетахъ, Журн. минист. народн. просвѣщ. за январь 1864, ч. оффиц., стр. 12.

денціи она открываетъ множество точекъ зрѣнія на условія воспитанія въ предѣлахъ гражданской жизни; медицинѣ она предлагаетъ множество фактовъ и задачъ, объясненіе и разрѣшеніе которыхъ лежитъ прямо на медицинѣ; политикѣ, наконецъ, она указываетъ на одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ народнаго богатства и на средства къ его достиженію. Конечно — прибавляетъ профессоръ — еще впереди то время, когда всѣ эти одна къ другой науки взаимно проникнутся, и еще много недостаетъ каждой изъ нихъ, чтобы онѣ могли какъ должно дѣлиться между собой своимъ достояніемъ» [1]). И въ самомъ дѣлѣ, основать всю педагогику, т. е. всѣ начала воспитанія, на одной психологіи *практически невозможно*, ибо содѣйствуя правильному развитію душевныхъ силъ питомца, невольно станешь сообщать имъ то или другое направленіе, и, слѣдовательно, необходимо войдешь въ столкновеніе со множествомъ другихъ началъ, установленныхъ другими науками и даже самой жизнью. Нимейеръ справедливо говоритъ, что нельзя воспитывать дитя, безъ того или другаго нравственнаго вліянія на него, безъ котораго онъ выросъ бы дикаремъ [2]). Всѣ окружащія питомца общественныя, нравственныя, религіозныя и политическія условія неизбѣжно будутъ воздѣйствовать на его душу и производить въ ней извѣстныя наклонности, симпатіи, антипатіи, убѣжденія и стремленія къ идеалу въ сферѣ практической дѣятельности. Всѣ эти окружающія условія должны быть критически разобраны педагогомъ и признаны неиначе, какъ послѣ строгаго научнаго оправданія, составляющаго предметъ философской педагогики. Съ этимъ не могутъ не согласиться поборники той фантастической, еще никѣмъ непримѣненной физиолого-психологической педагогики, которая нашла отголосокъ и въ нашей литературѣ [3]). Психологія, по мнѣнію профессора Стоя (да и не одного его), только дѣлаетъ понятными всѣ перемѣны въ душѣ питомца и полагаетъ тѣ опредѣленія и законы, по которымъ вызываются тѣ или другіе результаты въ его душевной области. По опредѣленію самаго жаркаго поборника индивидуальной свободы питомца, Ж. Ж. Руссо, при воспитаніи «tout consiste à ne pas gater l'homme de la nature, en l'appropriant

---

[1]) Encyclopedie der Pädagogik v. D-r Stoy. Leipzig., 1861.

[2]) Niemeyer — Grundsätze d. Erz. u. d. Unterr. Th. I, s. 359.

[3]) Современникъ 1863, №№ 1 и 9 — Педагогич. бесѣды А. Слѣпцова, не лишенныя интереса для опредѣленія современнаго состоянія педагогическихъ понятій въ Россіи.

à la société», слѣдовательно также предполагается въ воспитателѣ присутствіе извѣстнаго нравственнаго идеала, который не дается ни психологіей, ни физіологіей. Какъ ни важны эти науки для педагогики, но не могутъ составить для нея всего, и она также пострадаетъ отъ ихъ односторонняго вліянія, какъ страдала когда-то отъ теологіи и философіи, къ которымъ только послѣ долгой борьбы успѣла стать въ самостоятельныя, свободныя отношенія. Профессоръ Стой, какъ педагогъ и психологъ, съ большимъ вниманіемъ относится къ трудамъ натуралистовъ, но не впадаетъ въ преувеличенія: «значеніе тѣлесныхъ состояній для духовной жизни — говоритъ онъ — освѣщается все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ развивается эмпирическая психологія». Вмѣстѣ съ Лотце всѣ отношенія тѣла къ душѣ онъ приводитъ къ тремъ главнымъ формамъ: давленію, резонансу и содѣйствію, и какъ въ психологическихъ, такъ и педагогическихъ взглядахъ рѣзко расходится съ Розенкранцемъ, котораго до того ослѣпилъ спиритуализмъ, что, онъ напр., смѣется надъ требованіемъ гимнастики для дѣвочекъ, видитъ въ этомъ какое-то амазонство и рекомендуетъ исключительно танцы.

Наибольшее значеніе психологіи профессоръ Стой видитъ въ примѣненіи ея къ вопросамъ *дидактики*, о расположеніи учебнаго матеріала и о методахъ преподаванія, ибо здѣсь весь воспитательно-образовательный успѣхъ зависитъ не отъ количества, а отъ качества изучаемаго, отъ способа его усвоенія, что замѣтилъ еще Діогенъ въ своемъ знаменитомъ афоризмѣ: *πολυμαθίη νόον οὐ διδάσκει.* «Только психологія, говоритъ Стой вмѣстѣ съ Гербартомъ, можетъ уяснить намъ процессъ питанія духовнаго организма и указать какъ на потребнѣйшую для него пищу, такъ и на способы ея приготовленія». Изъ психологическихъ системъ онъ рекомендуетъ для педагога преимущественно ту, которая излагаетъ *исторію развитія человѣческаго духа.* Въ томъ же смыслѣ былъ и прочитанный имъ курсъ психологіи въ университетѣ, но самую исторію развитія человѣческаго духа онъ понимаетъ совершенно иначе, чѣмъ гегеліанцы. Понимаемая съ ихъ точки зрѣнія, она не можетъ оказать педагогу необходимой помощи, ибо, вмѣсто сообразнаго съ природой объясненія процессовъ, предлагаетъ одну фразеологію, расположенную по видимому логически, съ тончайшими діалектическими доказательствами. Точно также профессоръ Стой не могъ ограничиться и одной кантовской психологіей, какъ ни выше она гегелевской, и какъ ни уважалась педагогами прежняго времени, напр. Нимейе-

ромъ, Пёлитцемъ, Шварцемъ, Хергенрётеромъ и др. Эмпиризмъ самаго Бенеке кажется ему неудовлетворительнымъ, такъ какъ у него и у многихъ изъ его ученыхъ спутниковъ встрѣчаются пробѣлы, — что́ справедливо замѣтилъ еще Шлейермахеръ, — и труднѣйшія психологическія проблеммы разрѣшаются иногда одними фразами. Еще менѣе можетъ онъ принять психологическіе, или, скорѣе, антропологическіе принципы *Пальмера*, стоящаго во главѣ евангелическо-педагогической школы и враждебно относящагося къ психологіи, какъ къ самостоятельной опытной наукѣ, которую онъ даже называетъ «порожденіемъ древняго язычества и новѣйшаго натурализма, оскверняющимъ область христіанской педагогики» [1]. «Теоретическое воззрѣніе на природу, говоритъ професоръ Стой въ одномъ мѣстѣ своей энциклопедіи, должно быть совершенно устранено отъ нынѣшней психологической науки, и какъ прежде догматическая совѣсть церкви не могла подавить ученой совѣсти Галилея, такъ нынѣ свободное психологическое изслѣдованіе дивно-скрытыхъ путей человѣческой мысли, чувства и воли не можетъ быть остановлено никакими страхами и рано или поздно побѣдоностно войдетъ во всеобщее употребленіе, подобно астрономическимъ истинамъ (стр. 60)». Говоря о примѣненіи психологіи къ *годегетикѣ*, онъ снова высказываетъ свое отношеніе къ первой, съ которымъ нельзя не согласиться. Хотя при развитіи въ питомцѣ характера надо обращаться за идеалами къ философіи и христіанской этикѣ, на которыхъ главнымъ образомъ и должна быть построена вся педагогическая телеологія; но при анализѣ условій, образующихъ тотъ или другой характеръ, неизбѣжно придешь въ соприкосновеніе съ *психологіей*. Только она укажетъ намъ если не цѣль, то вѣрныя *средства* относительно мѣры, содержанія, времени и различныхъ другихъ условій [2]. Психологія, а тѣмъ болѣе физіологія, никогда не могутъ опредѣлить главной цѣли гумманнаго воспитанія, — въ чемъ и состоитъ главная ошибка бенековскихъ воззрѣній, обнаруженная въ его знаменитомъ Erziehungs-und Unterrichtslehre, — да и за средствами можно обращаться не ко всякой системѣ. Такъ годегетикѣ нечего искать въ шварцевой психологіи, ибо въ ней ничего нѣтъ, кромѣ фразъ «о побужденіи къ образо-

---

[1]) Palmer, Evangelische Pädagogik. 109.

[2]) Взглядъ вполнѣ гербартовскій. Только отсутствіемъ педагогической науки можно объяснить разгулъ и безпочвенность разныхъ педагогическихъ теорій въ Россіи, не мало повредившій воспитанію ея юношества въ послѣднее время.

ванію, о корняхъ, почкахъ, двойныхъ почкахъ,» или такихъ преувеличеній, которыя какъ бы обогнали все будущее развитіе психологіи, отважно провозглашая, будто «трехлѣтній ребенокъ уже имѣетъ свой характеръ (Gemüth), и если онъ однажды произнесъ свое *я*, это *я* неизмѣнно сопровождаетъ его черезъ весь жизненный путь. Все единичное — по Шварцу — переходитъ въ общее, и это общее есть характеръ (!) дитяти, который въ данный моментъ не можетъ быть инымъ, чѣмъ онъ былъ прежде, точно также какъ его душа и тѣло не могутъ быть душею и тѣломъ другаго индивидуума. Все, что можетъ измѣняться впослѣдствіи, есть только единичное, а не общее, которое постоянно» [1]). Профессору Стою кажется нелѣпымъ и противурѣчащимъ опыту это осужденіе человѣческаго и даже дѣтскаго *я* на подобную психологическую косность, вслѣдствіе которой вся личность развивающагося человѣка опредѣляется съ того момента, когда онъ впервые произнесетъ свое *я*. Еще рѣшительнѣе, какъ мы сказали, расходится онъ съ психологіей Розенкранца, представителя умирающаго въ наше время гегелизма, когда вся философія сдѣлала поворотъ къ Канту и готова къ примиренію съ естественными науками на почвѣ метода. Розенкранцъ, хотя и смѣется надъ бенековскимъ притязаніемъ давать психологическіе совѣты педагогикѣ, но самъ дѣлаетъ то же самое, и притомъ особенно неудачнымъ образомъ. Только со стороны точной психологіи, за которую ратуетъ профессоръ Стой, можетъ быть оказана педагогу дѣйствительная помощь въ извѣстныхъ отношеніяхъ его воспитательной дѣятельности, а потому онъ остается вѣренъ началамъ Гербарта, который, въ одной изъ своихъ монографій, говоритъ слѣдующее: «Ни одна щель не должна пропускать въ область воспитателя ни малѣйшаго вѣянія трансцендентальной свободы. Нравственно развивать характеръ значитъ — предоставлять самому питомцу принимать доброе и отвергать злое и такимъ образомъ чрезъ собственную дѣятельность возвышаться до самосознающей личности. Было-бы безсмыслицей, если бы воспитатель вздумалъ создать въ питомцѣ самую силу для этого: ему предстоитъ только уже данную природную силу питомца *поставить въ такія условія, чтобы она непремѣнно достигла этого возвышенія*».

Такимъ образомъ, хотя психологія въ современномъ ея состояніи еще далеко не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ и не соста-

---

[1]) Schwarz — Pädagogik B. II. § 371.

влнетъ полной, законченной науки, тѣмъ болѣе, что она еще такъ недавно сбросила съ себя цѣпи предразсудковъ, но она уже можетъ внести новый, яркій свѣтъ въ темное зданіе школьной традиціи, можетъ оказать серьезную помощь въ рѣшеніи многихъ педагогическихъ проблеммъ. Такъ, для усвоившаго себѣ напр. ученіе объ образованіи «мысленныхъ рядовъ» и о ихъ репродукціи теряютъ всякое значеніе всѣ фразы о матеріальномъ и формальномъ образованіи, о гуманизмѣ и реализмѣ, о пробужденіи разсудка или фантазіи; для него будетъ въ запасѣ надежный критеріумъ для рѣшенія напр. вопроса о преимуществахъ акроаматическаго или эроматическаго методовъ, наконецъ, ему ясно будетъ, что въ старой Vermögenspsychologie найдешь столько же дѣльныхъ данныхъ для уразумѣнія важнѣйшихъ явленій опыта, сколько могъ бы найти ихъ естествоиспытатель въ миѳологіи. При указанномъ нами пониманіи психологической науки, профессоръ Стой въ прочитанномъ имъ курсѣ совершенно оставилъ ученіе о способностяхъ души, хотя оно и освящено именами Аристотеля, Вольфа и Канта,—и былъ вполнѣ правъ въ этомъ. Способности не могутъ быть названы фактами духовной жизни, ибо каждый фактъ есть нѣчто отдѣльное; *способность* же есть понятіе общее, которое ученые дѣлили еще на роды, виды и особи. Ученіе о способностяхъ раздѣляло душу на клѣтки, вопреки опыту, и вело къ запутанности, такъ что даже утрачивалось сознаніе единства души. Изъ простаго опыта извѣстно, что въ насъ нераздѣльно и безпрерывно движутся представленія, стремленія, рѣшенія, переходящія въ поступки; ученіе же о способностяхъ не могло прослѣдить и объяснить этого явленія. Принятое имъ понятіе *силы* есть только сознаніе въ безсиліи понять условія данныхъ явленій, а потому вмѣсто объясненія органически постепеннаго развитія души, уснащивали ее множествомъ прирожденныхъ силъ и на гипотезахъ строили законы. Чаще же всего эти силы дѣйствовали безъ всякихъ законовъ и психологіи оставалось только удивляться *безграничной* свободѣ человѣческаго духа. Было время, когда подобнымъ образомъ понимали и всю вещественную природу. Наконецъ, ученіе о способностяхъ лишено даже логической твердости и носитъ вопіющее внутреннее противурѣчіе, ибо эти способности или силы прежде всего принимаются потенціально, только на основаніи ихъ проявленія, но будучи только *возможностями* въ головѣ наблюдателя, онѣ вмѣстѣ должны быть *реальностями* въ душѣ каждаго; отсюда выходитъ реальная потен-

ціальность, т. е. такая же безсмыслица, какъ четырехугольный кругъ. Не въ способностяхъ, а въ представленіяхъ надо искать сущность духовной жизни; представленія же не суть какія нибудь прирожденныя силы души, но возникаютъ въ ней во времени, при помощи извѣстныхъ органовъ, и находятся въ постоянной взаимной связи, обусловливающей въ свою очередь всѣ наши понятія, чувства, желанія и самое сознаніе. Это призналъ еще Кантъ въ своей трансцендентальной аналитикѣ.

Понимая психологію какъ естественную науку, совершенно отдѣльную и независимую отъ философіи, профессоръ Стой дѣлитъ ее на двѣ части по двумъ главнѣйшимъ ея задачамъ: на *описательную*, излагающую *факты* душевной жизни, и на *теоретическую*, указывающую на ихъ внутренніе, чрезъ опытъ дознанные, законы. Лучшимъ методомъ изслѣдованія онъ считаетъ *генетическій*, которому слѣдуетъ и самъ въ прочитанномъ имъ курсѣ, стараясь уяснить самый процессъ возникновенія и образованія психическихъ явленій, и въ то же время считаетъ необходимымъ положить въ основаніе психологическаго ученія заимствованный изъ философіи принципъ *души*, ибо помимо философіи еще ни одна изъ точныхъ наукъ, въ число которыхъ стремится стать и психологія, не смогла ни опредѣлить ея реальной сущности, ни отвергнуть ее въ принципѣ [1]). Познаніе психологіи начинается съ изслѣдованія *ощущенія* и главнымъ образомъ вращается на законахъ возникновенія и сочетанія *представленій*. Такъ какъ изложеніе всей психологической системы профессора Стоя здѣсь неудобно, то я ограничусь уже сказаннымъ мною о его отношеніи къ другимъ психологическимъ школамъ и о принимаемой имъ степени значенія психологіи для педагогики. Прибавлю, что профессоръ Стой, не будучи самостоятельнымъ изслѣдователемъ въ области психологіи, стоитъ на современной высотѣ этой науки и является противникомъ всякой фразеологіи. Онъ безпощадно преслѣдуетъ всякія до безсмыслія глубокомысленныя опредѣленія, въ родѣ напр. Розенкранцевскаго: «вкусъ относится къ слуху, какъ настоящее къ прошедшему и будущему», и вообще его курсъ былъ обиленъ критическимъ элементомъ. Уваженіе къ факту и къ требованію доказательности, вынесенное профессоромъ конечно изъ обширной педагогической

[1]) Едва ли можно придавать большое значеніе этому, болѣе кажущемуся, противорѣчію, если имѣть въ виду современное состояніе науки.

практики, также составляетъ характеристическую черту его лекцій, прочитанныхъ съ неподдѣльнымъ воодушевленіемъ. По содержанію системы и по направленію и пріемамъ ея развитія, курсъ профессора Стоя болѣе всего приближался къ психологическому руководству извѣстнаго педагога Вайтца, а въ историко-критической части часто напоминалъ Фолькманна. Къ недостаткамъ его курса надо отнести неполноту и нѣкоторую незаконченность, происшедшую отъ краткости академическаго срока. Прибавлю, что полной оцѣнки ученой дѣятельности профессора Стоя надо искать въ области собственно-педагогической литературы, для которой онъ въ настоящее время приготовляетъ второй томъ энцеклопедіи [1]), заключающій преимущественно библіографическую часть.

За лѣтній семестръ я намѣренъ продолжать свои занятія при Іенскомъ университетѣ и посѣщать лекціи профессора Куно-Фишера, о Кантѣ. Въ занятіяхъ психологіей мнѣ важно руководство обязательнаго профессора Фортляге. Профессоръ Стой будетъ читать курсъ практической педагогики, который также не могу оставить безъ вниманія, равно какъ и его педагогическую семинарію, но уже поставивъ ее на второй планъ. Во время пасхальныхъ каникулъ я посѣтилъ Галле, гдѣ осмотрѣлъ знаменитый франковскій *сиротскій домъ*, нынѣ представляющій уже не такъ много педагогическаго интереса, сколько было лѣтъ десять тому назадъ,—а потомъ проѣхалъ въ Гейдельбергъ.

Іена, $^{16}/_{28}$ апрѣля 1864 года.

49) Кандидата А. Пассовера.

Я занимаюсь политикой по заведенному порядку, т. е. дѣлю время и трудъ между профессорскими курсами и книгами, написанными по большей части тѣми же профессорами. О книгахъ я когда нибудь послѣ поговорю, а о профессорахъ, о каждомъ въ отдѣльности, я столько говорилъ въ прежнихъ моихъ отчетахъ, что пора, кажется, остановиться на мунуту и подвести сказанному итогъ. На первый взглядъ, избранный мною предметъ имѣетъ довольно опредѣленный характеръ, объемъ и границы. Политика не естественная наука и еще менѣе филологическая, не вполнѣ историче-

[1]) Первый томъ нашелъ и у насъ справедливую оцѣнку въ статьѣ г. Бѣлова Журн. мин. народн. просв. 1862 г. за май. Только требованіе легкости и занимательности отъ подобнаго труда, высказанное г. Беловымъ, едва-ли справедливо.

ская и не вполнѣ философская. Политика — наука о государствѣ. Но я прослушалъ три курса политики, и если бы не общее заглавіе, да нѣкоторое знакомство съ литературой, я могъ бы подумать, что въ два семестра слушалъ три разныя науки, съ тремя самостоятельными методами. Тогда какъ въ сущности я имѣлъ дѣло лишь съ тремя разными представителями одной и той же науки — политики.

Отчего это? Причинъ много и изчерпать всѣ значило бы написать нѣчто въ родѣ *Nova methodus discendae docendaeque* политики или *XL Bücher vom Staate.* Но, безспорно, первая и главная причина та, что какъ ни погружайтесь въ спеціальныя тонкости политики, всегда и вездѣ вы наткнетесь на вопросъ: что́ такое государство? Это по истинѣ роковой вопросъ въ нашей наукѣ. На него возможны всевозможные отвѣты, смотря по тому, съ какой точки смотрѣть на дѣло. Конечно, со словомъ государство всякій соединяетъ какое нибудь понятіе, потому что такъ или иначе всякій приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе и для всякаго оно имѣетъ практическій интересъ. Чтобы сознать необходимость государственныхъ властей, для этого не нужно непремѣнно читать Платона и Аристотеля въ подлинникѣ. Но можно ли себѣ составить научную идею о существѣ государства, наблюдая безсистемно одни элементарныя явленія окружающаго общественнаго быта? едва ли. Государство еще является организаціей человѣчества въ его развитіи отъ самыхъ первоначальныхъ клѣточекъ общежитія — семьи, рода и общины, до всеобъемлющихъ національныхъ организмовъ нашего времени. Государство есть продуктъ исторіи: это само по себѣ ясно изъ того, въ какія разнохарактерныя формы выливалась одна и та же идея то постепенно, то единовременно. Наконецъ философы много пишутъ объ идеѣ человѣчества, т. е. объ единствѣ человѣческой натуры. Если такъ, то вопросъ о существѣ государства необходимо привести въ какую нибудь связь съ основными законами человѣческой природы.

Въ итогѣ, стало быть, всегда получатся три элемента, съ которыми надо всякому считаться, кто занимается государственными науками. Это давно извѣстныя рубрики: идея государства; ея развитіе въ исторіи; ея практическое значеніе, т. е. воздѣйствіе на остальныя сферы жизни человѣка.

Эти три элемента, философскій, историческій и практическій, заключены въ понятіи государства, и ихъ то взаимнодѣйствіемъ

обусловливается нѣкоторая неровность въ развитіи науки о государствѣ. Сначала преобладаетъ одинъ какой нибудь на счетъ остальныхъ двухъ. Одна односторонность вызываетъ другую и т. д., до тѣхъ поръ пока какая нибудь личность не сознаетъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы возвести въ единство бывшее дотолѣ разрозненнымъ; къ такой синтетической дѣятельности призваны лишь великіе дѣятели. Единство существуетъ до тѣхъ поръ, пока дальнѣйшее развитіе не разрушитъ его, что́ въ свою очередь не помѣшаетъ наукѣ опять стремиться къ утраченному единству. Словомъ, въ политикѣ совершается тотъ же процессъ, что́ и въ другихъ сферахъ дѣятельности человѣческаго духа: эпохи разложенія смѣняются эпохами возсозданія.

Совершая обычный циклъ своего развитія, наука государства вотъ ужъ полвѣка переживаетъ критическій періодъ, и только по нѣкоторымъ признакамъ можно судить, что она наканунѣ вступленія въ періодъ, который съ Базаромъ можно назвать періодомъ *органическаго* возсозданія. Человѣку, стоящему совершенно отрѣшенно отъ этого движенія, оно покажется одной изъ тѣхъ фразъ, какими и въ прежнее время прикрывалась распущенность научныхъ направленій. Не даромъ во всѣхъ учебникахъ до тошноты повторяется фраза о необходимости гармоническаго сочетанія методовъ историческаго и философскаго въ наукѣ съ жизненнымъ опытомъ. Что эта и подобныя ей фразы иногда не лишены характера казенности, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но кто считаетъ выраженное въ нихъ требованіе простымъ и очень удобоисполнительнымъ, того я отсылаю въ аудиторіи *Рошера*, *Аренса*, *Блюнчли*.

Вмѣстѣ взятые, они гарантируютъ собой будущее науки, но каждый изъ нихъ въ отдѣльности ярко освѣтилъ для меня недостатки науки въ современномъ ея положеніи. Поэтому сопоставленіе этихъ трехъ именъ я не считаю случайнымъ.

Не то чтобы Блюнчли или Аренсъ отвергали вовсе значеніе исторіи для жизни и знанія, или чтобы Рошеръ ужъ вовсе былъ лишенъ общихъ идей о государствѣ. Я утверждаю только, что Блюнчли плохо удается мотивировать свои политическія разсужденія исторіей; Рошеръ не въ состояніи построить свою «практическую» политику на опредѣленныхъ началахъ; въ лекціяхъ Аренса не показана возможность примѣненія къ практикѣ его органическихъ идей. Вотъ что поучительно наблюдать. Я уже и прежде

имѣлъ случай замѣтить, что Блюнчли даже нисколько не заботится дать сколько нибудь полную теорію политики. Его лекціи скорѣе можно назвать остроумными размышленіями о разныхъ политическихъ матеріахъ *à la* Маккіавелли или блестящими *aperçus à la* Монтескьё. Передъ вами человѣкъ, много вращавшійся въ разныхъ сферахъ политической жизни, много наблюдавшій и обладающій завиднымъ умѣньемъ, не теряя должнаго равновѣсія, передавать молодому поколѣнію результаты, — результаты не столько придуманнаго, сколько видѣннаго, слышаннаго и пережитаго. Это драгоцѣнныя наблюденія умнаго человѣка, но не политика. Совсѣмъ напротивъ, у Аренса, кромѣ системы и теоріи, почти ничего нѣтъ. Теорія ясна, схемы чрезвычайно разнообразны и всеобъемлющи, но наполнить ихъ какимъ нибудь историческимъ или положительнымъ содержаніемъ — какъ будто не дѣло Аренса. Что̀ такое государство, что̀ общество, какія у нихъ точки соприкосновенія съ остальными сферами жизни, вотъ на этихъ вопросахъ онъ всегда готовъ остановиться съ любовью. Ничто не можетъ ему доставить такое глубокое наслажденіе какъ показать, что корень всѣхъ этихъ идей кроется глубоко, гораздо глубже чѣмъ обыкновенно думаютъ, такъ глубоко, что политика становится отдѣломъ метафизики. Но это ужъ метафизика, а не политика! Рошеру, я думаю, ни разу и въ голову не приходило ставить подобныя требованія. О себѣ онъ могъ бы сказать съ извѣстнымъ героемъ Диккенса: то, чего *я* требую — это факты, факты и факты. Въ самомъ дѣлѣ, какая несмѣтная масса мелкихъ историческихъ чертъ, остроумныхъ замѣчаній, тонкихъ наблюденій! Но какъ ни старайтесь умственно перелить весь драгоцѣнный матеріалъ въ цѣльную форму, вамъ это не удастся коль скоро вы удовольствуетесь двумя-тремя общими идеями, при помощи которыхъ Рошеръ приводитъ въ движеніе весь свой громадный снарядъ. Политика Рошера не политика, а политическая мозаика.

Въ частныхъ вопросахъ, достоинства и недостатки, вообще односторонности пріемовъ историка, философа и практика высказываются еще ярче. Напримѣръ, въ многострадальномъ вопросѣ о классификаціи государственныхъ формъ. Публицисты-историки насчитываютъ около полдюжины государственныхъ *цѣлей* и объясняютъ ими разнообразіе государственныхъ формъ. На это Аренсъ замѣчаетъ, что у государства можетъ быть только одна природа и одна идея, точно также какъ и у человѣка и у права идея одна. Основное единство

человѣческой природы даетъ намъ право подводить множество историческихъ формъ подъ одно общее титло *государства.* Это можно выразить еще такъ: на единствѣ идеи человѣка основано единство идеи права, а единство идеи права по необходимости обусловливаетъ единство идеи т. е. сущности т. е. цѣли всѣхъ формъ политической жизни человѣка. А разнообразіе ихъ объясняется разнохарактерностью условій, сопровождающихъ развитіе человѣка и его идей въ исторіи. Въ этомъ случаѣ мысль Аренса несравненно зрѣлѣе идей исторической школы. За то съ другой стороны для публициста-философа, политическая идея, имѣвшая нѣкогда великій историческій смыслъ, но утратившая самостоятельное значеніе, лишена интереса. Глядя на тощую характеристику аристократіи у Аренса, удивляешься, какъ это въ прежнее время аристократическія идеи могли имѣть такой громадный авторитетъ для человѣка. Рошеръ, по обыкновенію, берется за дѣло иначе. Обстоятельнымъ анализомъ духовной, рыцарской, денежной и городовой формъ аристократіи и сличеніемъ спартанской и венеціанской ему удается воскресить въ умѣ слушателя всю форму съ ея воззрѣніями, пріемами и учрежденіями. Съ философской перспективы Аренса понятенъ энергическій, но ничего не объясняющій отзывъ его о *ф. Галлерѣ: ein seichter Kopf!* Рошера ни мало не интересуетъ вопросъ о геніальности знаменитаго реставратора. Для него онъ имѣетъ совсѣмъ иной интересъ — какъ человѣкъ съ аномальнымъ въ наше время, *средневѣковымъ* складомъ ума; Рошеръ изучаетъ на немъ, словно на историческомъ препаратѣ, характерныя черты средневѣковой аристократіи. Въ томъ, какъ отнесся къ нашему вопросу Блюнчли, сказалась манера публициста-практика. Физіологія аристократіи, какъ самостоятельной формы государственной жизни, имѣетъ археологическій интересъ. Гораздо важнѣе практическая сторона дѣла: по его мнѣнію, аристократія уступила монархіи и демократіи, но на этомъ не покончила своего существованія. И въ монархіи, и въ демократіи она воскресла въ самой современной формѣ. Лекціи о значеніи аристократической идеи въ виду демократическихъ тенденцій нашего вѣка, о ея отношеніи къ идеѣ представительства принадлежатъ къ числу самыхъ умныхъ въ курсѣ Блюнчли. Все таки онѣ много теряютъ безъ твердой исторической подставки Рошера.

Итакъ три рода пріемовъ, три метода, возможные и необходимые въ политической наукѣ, ни въ одномъ изъ ея главныхъ пред-

ставителей не уравновѣшены до полной гармоніи. Это доказываетъ либо незрѣлость науки, либо близость кризиса. О незрѣлости такой пожилой науки какъ политика не можетъ быть рѣчи. Слѣдовательно, какъ оно ни покажется парадоксальнымъ, я думаю, что разсматривая Рошера, Блюнчли, Аренса, каждаго въ отдѣльности, мы не уловили бы ихъ настоящаго значенія. Передъ лицемъ науки какъ будто стушевываются почтенныя черты ихъ индивидуальности, неудержимо стараясь слиться въ единое научное цѣлое. Но какъ скоро завершится этотъ процессъ появленіемъ всеобъемлющей личности съ всеобъемлющей доктриной, и нѣмцамъ ли суждено подарить науку новымъ Аристотелемъ? Никто этого не можетъ знать.

Гейдельбергъ, $\frac{\text{31-го мая}}{\text{12-го іюня}}$ 1864 года.

50) Кандидата В. Имшенецкаго.

Въ предъидущемъ моемъ отчетѣ я имѣлъ уже честь довести до свѣдѣнія департамента, что по окончаніи зимняго учебнаго семестра въ Парижѣ я переѣхалъ въ Берлинъ, съ цѣлію ознакомиться съ преподаваніемъ предметовъ чистой математики въ здѣшнемъ университетѣ и съ намѣреніемъ заняться разсужденіемъ на степень магистра. Лекціи лѣтняго семестра здѣсь были открыты въ концѣ апрѣля. Въ сравненіи съ Сорбонною въ Берлинскомъ университетѣ читается значительно болѣе отдѣльныхъ математическихъ курсовъ и для каждаго изъ нихъ назначено большее число лекцій. Такъ напримѣръ, дифференціальное, интегральное и варіаціонное вычисленія въ первой читаются однимъ и тѣмъ же профессоромъ (въ настоящее время г. Serret) въ теченіе 2-хъ семестровъ при 3-хъ полутора-часовыхъ лекціяхъ, между тѣмъ какъ здѣсь тѣ же предметы тремя профессорами при 17 лекціяхъ въ недѣлю: (дифференціальное вычисленіе г. Норре 4 часа; интегрированіе функцій 4 часа и варіаціоное вычисленіе 2 часа г. Арндтъ; объ опредѣленныхъ интегралахъ 3 часа и дифференціальныхъ уравненіяхъ 4 часа г. Ohm).

Но такъ какъ эти послѣдніе курсы по научному объему не выше французскихъ, то мнѣ кажется значительная разность во времени, употребляемомъ на изложеніе тѣхъ и другихъ, объясняется только различіемъ способовъ преподаванія, которое обусловливается вѣроятно степенью подготовки слушателей. Взглядъ самаго профессора на подготовку студентовъ довольно ясно выражается въ степени объясненій процесса вычисленія и задачахъ. Напримѣръ г.

Serret на первыхъ лекціяхъ дифференціальнаго вычисленія предлагалъ задачи болѣе сложныя и трудныя, чѣмъ тѣ, которыя г. Ohm объяснялъ со всѣми подробностями счета въ началѣ курса дифференціальныхъ уравненій. Алгебраическій анализъ и аналитическая геометрія, входящіе въ программу среднихъ учебныхъ заведеній во Франціи, преподаются здѣсь 1-й г. Hoppe, 2-я, а также начала теоріи вѣроятностей, — г. Куммеромъ. Послѣдній въ началѣ курса предупредилъ, что для пониманія его лекцій потребуется только знаніе элементовъ геометріи и начала алгебры до уравненій 2-й степени и рекомендовалъ по аналитической геометріи извѣстныя сочиненія Сальмона (A Traetise on Conic sections) и Hesse (Vorles. u. analyt. Geom. des Raumes). Лекціи г. Куммера постоянно привлекаютъ много слушателей; изложеніе его въ высшей степени ясно, точно, каждое новое понятіе, встрѣчаемое по мѣрѣ изложенія предмета, онъ разъясняетъ со всѣхъ сторонъ и затѣмъ даетъ ему полное, строгое опредѣленіе; вообще преподаваніе этого профессора образцовое въ педагогическомъ отношеніи. Г. Вейерштрассъ читаетъ синтетическую геометрію, объявивъ, что онъ будетъ слѣдовать сочиненію покойнаго профессора Steiner'a (System. Entwick. der Abhängigkeit geom. Gestalten v. einander), а также пользоваться сочиненіями Möbius'a, Chasles'я и Poncelet; кромѣ того онъ читаетъ (1 разъ въ недѣлю) объ аналитической теоріи функцій со многими значеніями; къ сожалѣнію этотъ единственный спеціальный курсъ настоящаго семестра трудно слѣдить, потому что онъ составляетъ продолженіе лекцій того же профессора въ предъидущемъ семестрѣ. Нужно сознаться, что для иностранца, слушающаго въ 1-й разъ нѣмецкія лекціи, чтеніе г. Вейерштрасса труднѣе понимать, чѣмъ другихъ математическихъ профессоровъ.

Въ первое время по пріѣздѣ сюда я занимался теоріей вѣроятностей по сочиненіямъ Lacroix (Traité du calc. des probabilités), Cournot (Exposition de la théorie des chances), Laplace (Essai philosophique sur les probabilités) и Dienger'a О способѣ наименьшихъ квадратовъ. Въ настоящее же время главный предметъ моихъ занятій составляетъ магистерское разсужденіе. Избравъ предметомъ его уравненія съ частными производными 1-го порядка, я счелъ нужнымъ еще разъ возвратиться къ сочиненіямъ, уже извѣстнымъ мнѣ ранѣе, Лагранжа, Коши и Якоби, а также познакомиться съ нѣкоторыми статьями по этому предмету, которыхъ не имѣлъ случая прочесть ранѣе, напр. Serret (Comptes rendus 1861) Clebsch и Natani (Crell

Jour. Bd. 60, 58) и Вейлера (Zeitschrift der Mathematik VIII Jahrgang).

Изъ недавно изданныхъ книгъ я съ особеннымъ интересомъ читалъ нѣкорыя главы полнаго Traité de Calc. différentielle par J. Bertrand, тѣмъ болѣе что здѣсь я снова нашелъ нѣкоторыя интересныя лекціи автора, слышанныя мною въ политехнической школѣ.

Берлинъ, 18/6 іюня 1864 года.

51) Кандидата Николая Бакста.

Настоящій отчетъ мой, къ сожалѣнію, будетъ довольно бѣденъ, вслѣдствіе неблагопріятнаго времени моего пріѣзда въ Гейдельбергъ. Я пріѣхалъ въ Гейдельбергъ уже въ самомъ концѣ зимняго семестра, и Гельмгольцъ, въ физіологической лабораторіи котораго я разсчитывалъ заниматься, собирался уже уѣхать на весенніе каникулы въ Англію. По опредѣленіи съ Гельмгольцомъ предмета моего изслѣдованія въ лѣтній семестръ, онъ предложилъ мнѣ испробовать пока модель аппарата, о которомъ я буду говорить ниже и съ которымъ мнѣ предстоитъ работать въ настоящій семестръ. Аппаратъ этотъ, по мысли своей удивительно простой и разумлый, оказался—насколько можно было судить по предварительному опыту—весьма удовлетворительнымъ для предполагаемаго изслѣдованія, и послѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ измѣненій въ его устройствѣ, указанныхъ мною Гельмгольцу, аппаратъ былъ заказанъ.

Я рѣшился воспользоваться, въ ожиданіи аппарата, каникулярнымъ временемъ для занятій микроскопическою анатоміей глаза у здѣшняго профессора Фр. Арнольда, при чемъ я преимущественно руководствовался совѣтомъ сына его I. Арнольда. Кромѣ нѣкоторыхъ занимавшихъ меня вопросовъ по микроскопической анатоміи глаза, этотъ органъ, безъ сомнѣнія, представляетъ еще почти самую лучшую школу для упражненія въ микроскопической анатоміи. Въ продолженіе почти двухъ мѣсяцевъ я занимался микроскопической анатоміей глаза, инъекціями и проч., при чемъ успѣлъ познакомиться съ важнѣйшими методами изслѣдованія. За разработку спеціальнаго вопроса по анатоміи этого органа я однако не успѣлъ приняться *), такъ какъ инъекціи глаза отнимали у меня особенно много времени.

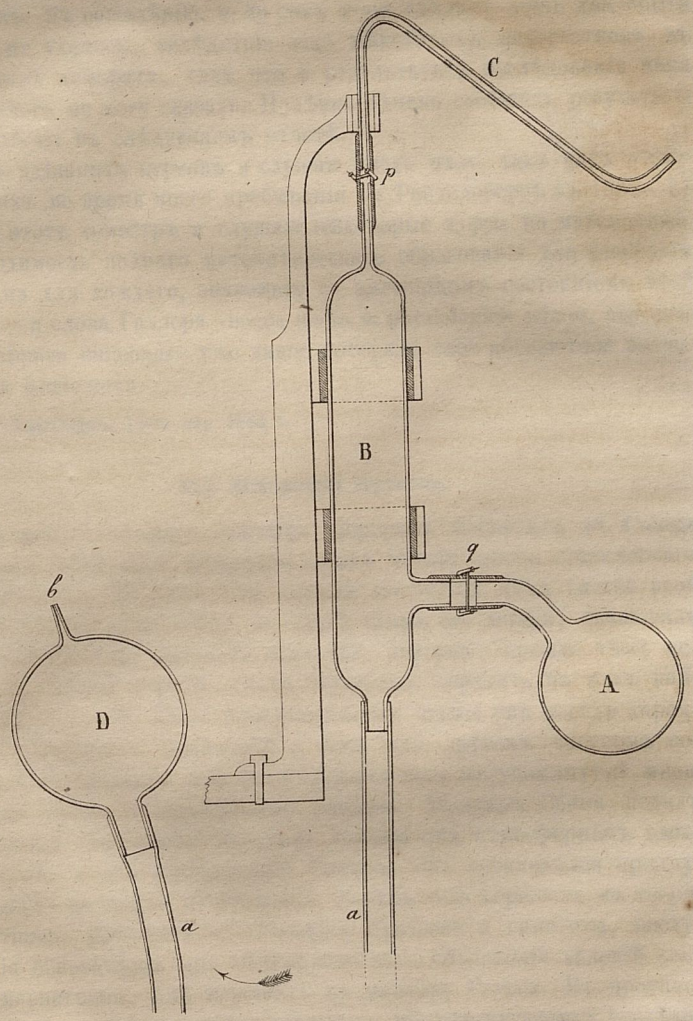
*) По предложенію Арнольда, я принялся было за изслѣдованіе арахноидальнаго пространства, Arachnoidealraum, глаза, описаннаго Арнольдомъ (Hand-

Съ наступленіемъ лѣтняго семестра я въ началѣ прошлой недѣли принялся за изслѣдованіе обмѣна газовъ въ мозгу, помощью аппарата, устроеннаго Гельмгольцомъ, о которомъ я упомянулъ выше. Аппаратъ этотъ, какъ видно по прилагаемому рисунку, состоитъ изъ небольшаго стеклянаго цилиндра *B*, сообщающагося внизу съ длинною каучуковою трубкой *aa*, сообщающеюся на другомъ концѣ съ шейкою небольшаго стекляннаго шара *D*, котораго другая шейка остается открытою. Вверху цилиндръ сообщается съ газоотводною трубкой *C*. Сбоку и снизу цилиндръ сообщается съ стекляною колбочкой *A*, въ которую собирается кровь для изслѣдованія ея газовъ. Цѣль этого аппарата, подобно аппарату Лудвига для работъ профессора Сѣченова, полученіе торичелліевой пустоты, въ которую отдѣлялись бы газы крови. Достиженіе этой цѣли уже видно по устройству аппарата. Въ самомъ дѣлѣ, если нальемъ ртуть въ шаръ *D* и поднимемъ этотъ шаръ немного вверхъ, ртуть поднимется на одинаковый уровень въ цилиндрѣ *B;* слѣдовательно можно поднимать шаръ *D*, пока ртуть поднимется черезъ цилиндръ *B* въ газоотводную трубку *C*, погруженную въ ртутную ванну. Если послѣ этого момента, т. е. по поднятіи ртути черезъ цилиндръ *B* и газоотводную трубку *C* въ ртутную ванну, запереть сообщенія между цилиндромъ и газоотводною трубкой у *p* и поустить шаръ *D*, въ цилиндрѣ очевидно образуется пустое пространство. Открывая затѣмъ сообщенія между цилиндромъ и колбой *A*, газы крови, содержащейся въ этой колбѣ, начинаютъ выдѣляться въ цилиндръ; запирая потомъ сообщенія между колбой и цилиндромъ и поднимая шаръ *D*, газы крови выгоняются черезъ газоотводную трубку (открывая при этомъ сообщеніе между нею и цилиндромъ) въ эвдіометръ. (Въ началѣ, какъ извѣстно, собираютъ газы въ трубку для помѣщенія CO_2). Повторяя затѣмъ нѣсколько разъ эту операцію при нагрѣваніи крови до 32° Р., можно наконецъ получить всѣ газы крови, какъ видно по устройству аппарата и какъ извѣстно по работамъ Сѣченова и другихъ.

О важности изслѣдованія обмѣна газовъ въ различныхъ органахъ считаю излишнимъ говорить здѣсь; необходимость этихъ изслѣдованій уже давно чувствовались въ физіологіи, и она достаточно

---

buch Anatomie des Menschen, Bd. II, 2-te Abthl., стр. 1,011) и подтвержденнаго, *по видимому,* Лушкой (Structor der serösen Häute). Но съ началомъ лѣтняго семестра занятія у Гельмгольца и нѣкоторыя лекціи отнимаютъ у меня все время, потому я долженъ былъ отложить на время занятія у Арнольда.



Апаратъ для изслѣдованія и собиранія газовъ крови.

указана въ статьѣ д-ра Щелкова (Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wiss. Bd. XLV), изслѣдовавшаго обмѣнъ газовъ въ мышцахъ. Къ сожалѣнію, я до сихъ поръ сдѣлалъ лишь два опыта и оба не удались, вслѣдствіе еще нѣкоторыхъ недостатковъ въ устройствѣ аппарата, такъ что о результатахъ изслѣдованія пока еще ничего не могу сказать. Надѣюсь однако сообщить результаты этой работы въ слѣдующемъ отчетѣ.

Изъ здѣшнихъ курсовъ я слушаю очень мало, такъ какъ я слушалъ ихъ во время моего пребыванія въ Гейдельбергѣ въ 1860—61 гг. Въ этотъ семестръ я слушаю нѣкоторые курсы по математикѣ. Необходимость полнаго математическаго образованія для физіолога очевидна для каждаго, знакомаго съ настоящимъ состояніемъ этой науки,—и слова Галлера «neque multa in physiologicis scimus, nisi quae per anatomen didicimus» уже давно потеряли свое абсолютное значеніе для физіологіи.

Гейдельбергъ, 12-го мая 1864 г.

52) Магистра Бугаева.

Въ началѣ втораго семестра Бертранъ посвятилъ въ Collège de France нѣсколько дополнительныхъ чтеній теоріи статическаго электричества. Въ нихъ онъ хотѣлъ коснуться тѣхъ частей этой теоріи, которыя, не войдя въ общій планъ его лекцій, заключали однако на столько научнаго интереса, что онъ, прежде чѣмъ перейти къ другой статьѣ, счелъ нужнымъ обратить на нихъ вниманіе слушателей. Какъ дополнительныя чтенія они носили характеръ отрывочныхъ замѣчаній о томъ или другомъ частномъ вопросѣ, и матеріаломъ для нихъ служилъ тотъ же упомянутый мною мемуаръ Грина и изслѣдованія Томсона. Мемуаръ Грина подалъ ему поводъ подробнѣе изложить статью объ атмосферномъ электричествѣ, а изъ изслѣдованій Томсона онъ остановился преимущественно на теоріи изображеній. Затѣмъ онъ перешелъ къ теоріи магнетизма. Изложивъ изслѣдованія Пуассона и гипотезы, послужившія основаніемъ для математическаго объясненія явленій земнаго магнетизма, онъ перешелъ къ мемуару Гаусса. Въ противоположность гипотетическому характеру предшествующихъ изслѣдованій, онъ старался указать на ту особенность мемуара Гаусса, что въ немъ главныя основанія теоріи земнаго магнетизма выводятся изъ общей теоріи потенціала безъ всякаго отношенія къ тому

или другому частному предположенію о распредѣленіи магнетизма. Въ настоящее время онъ излагаетъ работы Ампера, относящіяся къ теоріи динамическаго электричества.

Ліувилль въ своихъ чтеніяхъ по теоріи чиселъ остановился весьма подробно на различныхъ доказательствахъ закона взаимности, въ числѣ которыхъ онъ изложилъ и свое, предложенное имъ въ 12-мъ томѣ издаваемаго имъ журнала. За тѣмъ, изложивъ вкратцѣ общій характеръ изслѣдованій Гаусса относительно дѣленія круга на n частей при n простомъ, онъ перешелъ къ изложенію свойствъ квадратичныхъ формъ, гдѣ онъ имѣлъ въ виду упрощать методы, предложенные Гауссомъ, руководясь частію лекціями Дирикле «Vorlesungen über Zahlentheorie», изданными Dedekind'омъ, частію своими собственными изслѣдованіями. Судя по тому, что онъ прочелъ, можно полагать, что онъ имѣетъ въ виду сообщить только главныя основанія этой теоріи, обходя нѣкоторыя подробности, встрѣчающіяся у Гаусса.

Въ своихъ домашнихъ занятіяхъ теоріею чиселъ я останавливался преимущественно на квадратичныхъ формахъ. Познакомившись съ капитальнымъ сочиненіемъ Гаусса, я рѣшился заняться упрощеніемъ пріемовъ, предложенныхъ Гауссомъ. Гауссъ въ сочиненіи «Disquisitiones arithmeticae» даетъ методы чрезвычайно сложные и по видимому не старается упрощать своихъ вычисленій и обходить при доказательствахъ трудныхъ путей. Такой способъ изложенія заставлялъ нѣкоторыхъ ученыхъ, какъ Lejeune Dirichlet, посвящать многія страницы своихъ мемуаровъ чисто объясненію Гаусса. Укажу для примѣра на мемуаръ Dirichlet «Recherches sur diverses applications de l'analyse infinitésimale à la théorie de nombres», помѣщенный въ 19 и 21 томахъ журнала Крелля. Первая часть этого мемуара посвящена уясненію понятій и повторенію изслѣдованій Гаусса въ нѣсколько упрощенной формѣ. Въ упрощеніи пріемовъ Гаусса я имѣлъ въ виду стороны какъ педагогическую, такъ и научную. Одинъ изъ вопросовъ, которымъ я занимался, состоялъ въ томъ, чтобы найти по одному преобразованію $\begin{pmatrix} \alpha, & \beta \\ \gamma, & \delta \end{pmatrix}$ квадратичной формы (A, B, C) въ форму (a, b, c) всѣ остальныя подобныя преобразованія $\begin{pmatrix} \alpha', & \beta' \\ \gamma', & \delta' \end{pmatrix}$. Трудность и сложность вычисленій, употребляемыхъ Гауссомъ, заставляла ученыхъ искать болѣе упрощенныхъ способовъ для рѣшенія этого вопроса. Одинъ изъ такихъ пріемовъ предложенъ переводчикомъ Гаусса Pouillet Delisles'емъ.

Основная мысль его метода состоитъ въ томъ, что онъ каждое преобразованіе формы (A, B, C) въ форму (a, b, c) разсматриваетъ составленнымъ изъ a) преобразованія формы (A, B, C) въ самую себя и b) даннаго преобразованія $\begin{pmatrix}\alpha, & \beta\\ \gamma, & \delta\end{pmatrix}$.

Лежёнъ-Дирикле въ изданныхъ лекціяхъ нисколько не измѣнилъ основной мысли Pouillet-Delisles'я, а добавилъ только доказательство, что помимо этихъ не можетъ быть другихъ преобразованій двухъ квадратичныхъ формъ. Между тѣмъ этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ гораздо проще на основаніи другихъ соображеній. Если извѣстны корни двухъ неопредѣленныхъ уравненій $t^2 - Du^2 = m$ и $T^2 - DU^2 = p$, то по нимъ можно найти общее выраженіе корней уравненія $X^2 - DY^2 = mp$. Эта зависимость даетъ возможность опредѣлить по одному всѣ корни уравненія $t^2 - Du^2 = m$, принадлежащіе къ одному и тому же представленію числа $n = \sqrt{D}$ (mod. m), если знаемъ только всѣ корни уравненія $t^2 - Du^2 = w^2$, гдѣ $w = 1$ или 2.

Зная общее выраженіе корней $t^2 - Du^2 = m$, можно привести къ виду этой главной формы и квадратичныя формы, связывающія α' съ γ' и β' съ δ'. Затѣмъ общія формулы, связывающія всѣ корни квадратичной формы, въ которую входятъ α' и γ' по двумъ даннымъ α и γ даютъ и общую формулу для перваго и третьяго элементовъ общей подстановки $\begin{pmatrix}\alpha', & \beta'\\ \gamma', & \delta'\end{pmatrix}$. Тотъ же пріемъ можно употребить и для нахожденія общаго выраженія 2-го и 4-го элементовъ подстановки.

Такой способъ рѣшенія этого вопроса даетъ возможность обойтись совершенно безъ необходимости предварительно искать преобразованія формы самой въ себя и связываетъ еще тѣснѣе вопросъ о преобразованіи квадратичныхъ формъ съ вопросомъ о величинахъ, имъ удовлетворяющихъ. Другой вопросъ, интересовавшій меня, состоялъ въ томъ, что я хотѣлъ найти раціональное основаніе приведеннымъ формамъ (formes réduites) Гаусса, и пришелъ къ убѣжденію, что онѣ находятся въ тѣсной связи съ наименьшими величинами (minimum) квадратичной формы. По крайней мѣрѣ приведенная форма съ отрицательнымъ опредѣлителемъ имѣетъ крайними своими коэффиціентами двѣ изъ смежныхъ наименьшихъ величинъ. Величины этихъ коэффиціентовъ для формъ съ отрицательнымъ опредѣлителемъ найдутся, когда мы замѣнимъ перемѣн-

ныя въ данной формѣ величинами, имѣющими тѣсное отношеніе съ разложеніемъ въ непрерывную дробь количества $-\frac{b}{a}$.

Такимъ образомъ вся теорія двойныхъ квадратичныхъ формъ группируется около двухъ основныхъ статей: 1) изслѣдованія корней и взаимной ихъ зависимости и 2) изслѣдованія наименьшей величины квадратичной формы. Послѣдняя статья приводитъ къ формамъ приведеннымъ и теорія квадратичныхъ формъ, изложенная съ такой точки зрѣнія, могла бы принять бо́льшую цѣлесообразность и бо́льшую простоту.

Изъ другихъ статей по теоріи чиселъ я изучалъ мемуары, помѣщенные въ журналѣ политехнической школы: *Cauchy* «Recherches sur les nombres», *Binet* «Sur la résolution des équations indéterminées», *Poinsot* «Sur l'application de l'algèbre à la théorie de nombres» и мемуаръ *Lamé* «Mémoire d'analyse indéterminée, démontrant que l'équation $x^7+y^7=z^7$ est impossible en nombres entiers», помѣщенный въ V томѣ журнала Ліувилля.

Парижъ, $^{10}/_{22}$ іюня 1864 года.

53) Магистранта Іосифа Шиховскаго.

Въ послѣдніе три мѣсяца я слушалъ въ берлинскомъ университетѣ слѣдующіе курсы:

«Парламентская исторія Англіи въ теченіи двухъ послѣднихъ столѣтій» у профессора Ранке. Прежде всего профессоръ Ранке разобралъ главнѣйшіе труды, касающіеся исторіи Англіи, какъ-то: Юма, Лингарда, Галлама, Маколея, Лаппенберга и Паули; затѣмъ, сдѣлавъ краткій обзоръ англійской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до эпохи реформаціи, только съ царствованія короля Гейнриха VIII началъ онъ подробно излагать свой курсъ, который въ настоящее время доведенъ имъ до катастрофы короля Карла I Стюарта. Въ своемъ изложеніи профессоръ Ранке придерживается изданнаго имъ сочиненія: Englische Geschichte vornehmlich im sechszehnten und siebzehnten Jahrhundert. Berlin 1859—63 (послѣдній четвертый томъ кончается 1674 годомъ). Тѣмъ не менѣе лекціи эти интересны въ томъ отношеніи, что профессоръ Ранке дѣлаетъ на нихъ критическую оцѣнку источниковъ, которыми онъ пользовался при составленіи своего сочиненія и указываетъ на новѣйшую литературу предмета.

«Римскія гражданскія учрежденія» у профессора Моммзена. Вве-

деніемъ въ этотъ курсъ служило довольно подробное изложеніе историческаго развитія римскаго гражданскаго права, начиная съ такъ называемыхъ leges regiae и кончая законодательствомъ императора Юстиніана; затѣмъ профессоръ Моммзенъ приступилъ къ изложенію самихъ учрежденій. Кромѣ этого курса и семинаріи (въ которой я по прежнему принимаю участіе) слушаю я у профессора Моммзена же объясненіе избранныхъ писемъ Плинія Младшаго — при чемъ онъ знакомитъ слушателей съ юридическимъ и общественнымъ бытомъ римской имперіи временъ Траяна.

«Курсъ римской эпиграфики» у профессора Гюбнера. Во введеніи проф. Гюбнеръ указалъ на источники и пособія для изученія читаемаго имъ предмета; затѣмъ курсъ свой онъ раздѣлилъ на двѣ части: въ первой общей части проф. Гюбнеръ изложилъ главныя правила, по которымъ можно судить о достовѣрности надписей, опредѣлять время, къ которому онѣ относятся, наконецъ самыя необходимыя свѣдѣнія для самаго чтенія надписей; во второй спеціальной части своего курса онъ представляетъ въ настоящее время образцы каждаго рода надписей, объясняя ихъ особенности и отличія.

Въ связи съ послѣднимъ курсомъ мои домашнія занятія въ послѣднее время состояли въ ознакомленіи съ историческимъ матеріаломъ, заключающимся въ римскихъ надписяхъ. Изъ сборниковъ надписей, касающихся всего римскаго государства укажу только на два главные: *Orelli-Henzen:* Inscriptionum latinarum selectarum amplissima collectio etc. Turici. 1828—56 и *Th. Mommsen:* Inscriptiones latinae antiquissimae ad C. Caesaris mortem. Berolini. 1863. — Изъ сборниковъ, обнимающихъ надписи отдѣльныхъ провинцій римскаго государства, укажу на образцовое изданіе: *Boissieu*: Inscriptions antiques de Lyon reproduites d'après les monuments ou recueillies dans les auteurs. Lyon. 1846—54.

Берлинъ, $^{17}/_{29}$ іюня 1864 года.

54) Титулярнаго совѣтника Яковлева.

Честь имѣю довести до свѣдѣнія департамента, что я въ настоящее время нахожусь въ Берлинѣ. Изъ Парижа я уѣхалъ прежде окончанія чтеній въ Коллегіи и Сорбоннѣ, для того чтобы застать еще часть семестра въ берлинскомъ университетѣ. Въ пребываніе мое въ Парижѣ я продолжалъ посѣщать лекціи гг. Серре, Бріо и Ліувилля. О предметахъ ихъ чтеній я уже доводилъ до свѣдѣнія

департамента. Цѣль моего переѣзда въ Берлинъ была не та, чтобы посѣщать лекціи въ здѣшнемъ университетѣ, потому что послѣ превосходныхъ чтеній гг. Серре и Бріо, какъ по ихъ содержанію такъ и по изложенію, чтенія по астрономіи въ берлинскомъ университетѣ не представляютъ никакого интереса. Цѣль была та, чтобы застать въ Берлинѣ доктора Фёрстера, который здѣсь теперь единственный преподаватель астрономіи, и воспользоваться хотя нѣсколькими его приватными лекціями. Предметъ этихъ лекцій есть поясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ въ мемуарахъ г. Энке. Именно: въ прошедшемъ году г. профессоръ Энке излагалъ въ университетѣ свой способъ для вычисленія пертурбацій планетъ. Но по крайне-разстроенному состоянію своего здоровья онъ прекратилъ свои лекціи, далеко не окончивши этой статьи. Въ настоящее время я занимаюсь изученіемъ этого способа и, какъ необходимой его принадлежности, способа механическихъ квадратуръ какъ въ теоретическомъ отношеніи, такъ и со стороны его примѣненія.

Берлинъ, 19-го іюня 1864 года.

55) Кандидата Степанова.

Чтобы повѣрить на дѣлѣ усвоенные мною методы анатомическихъ изслѣдованій, я рѣшился взяться за обработку отдѣльнаго вопроса изъ исторіи развитія безголовыхъ мягкотѣлыхъ; работа эта составитъ главный предметъ моихъ занятій въ лабораторіи профессора Лейкарта въ продолженіи всего лѣтняго семестра. Я слушаю кромѣ того въ настоящее время лекціи физіологіи профессора Eckhardt'а.

Гиссенъ, 3-го іюня 1864 года.

56) Кандидата Копылова.

Домашнія мои занятія въ настоящемъ семестрѣ были главнымъ образомъ посвящены французской исторіи и, согласно однажды принятому плану, государственной исторіи Франціи по преимуществу. Изъ двухъ представлявшихся мнѣ пособій, долженствующихъ при подобномъ планѣ занимать первостепенное, мѣсто т. е. сочиненій Варнкенига—Штейна *) и Шефнера **) я ограничился доселѣ изученіемъ

*) Französische Staats und Rechts Geschichte von L. A. Warnkönig und L. Stein. 3 Bd. Basel. 1846 — 1848.

**) L. Schäffner, Geschichte der Rechtsverfassung Frankreichs von Hugo Capet bis auf die Revolution. I—IV Bd. 1849 — 50.

перваго, да и то не всего, а только перваго тома и той части третьяго, которая говоритъ о ленномъ устройствѣ. Мнѣ кажется, что къ этой части третьяго тома и нужно отнести жалобу Р. Моля на то, что авторъ вмѣсто того, чтобы излагать результаты основательныхъ историческихъ изслѣдованій, даетъ часто произвольныя построенія, не выдерживающія критики. Въ особенности грѣшитъ описаніе происхожденія и первоначальнаго развитія ленной системы, основанное на устарѣвшемъ мнѣніи о значеніи гелейта. Какъ бы то ни было, послѣ знакомства съ трудами Рота, Вайца и др., а также съ позднѣйшимъ состояніемъ леннаго быта XI — XIII столѣтія въ Германіи и Англіи, описываемый мною отдѣлъ не могъ мнѣ дать ничего интереснаго. Напротивъ, первый томъ, представляя наглядную картину государственнаго управленія въ разные періоды французской исторіи, былъ очень полезенъ. Нельзя было также не быть благодарнымъ за подробное исчисленіе источниковъ, хотя это исчисленіе, въ особенности по отношеніямъ къ новѣйшимъ сочиненіямъ, и не совсѣмъ полно. Другія книги, которыя заняли время послѣ прочтенія упомянутаго сочиненія, были, исторія Франціи, преимущественно въ XVI и XVIII стол. Ранке и исторія Франціи г. Мартена. Какъ ни объемистъ послѣдній трудъ и какъ ни неудобенъ онъ по своей формѣ, представляющей видъ пространной, наполненной утомительными подробностями хроники, я не могъ для себя найти ничего болѣе удобнаго. Пробовалъ было обратиться къ написанному на основаніи Гизо, Тьери, Форіеля и др. учебнику *Th. Lavalée*, но очень скоро его оставилъ. Картины внутренняго быта средневѣковой Франціи, заимствованныя по преимуществу изъ Гизо, не представили ничего новаго, а между тѣмъ описанія самыхъ важныхъ явленій внутренней и внѣшней политики, каковы напр. покровительство короля при составленіи коммунальныхъ хартій въ разныхъ, болѣе всего епископскихъ, городахъ, отношенія къ Плантагенетамъ, альбигойскія войны и т. п., составлены такъ, что для незнакомаго съ ходомъ этихъ событій понять ихъ, по причинѣ значительной безсвязности вводимыхъ въ разсказъ фактовъ, мудрено. Мартенъ имѣетъ для меня по крайней мѣрѣ то достоинство, что изъ него я знакомлюсь съ содержаніемъ собранныхъ въ немъ наиболѣе интересныхъ мѣстъ изъ относящихся къ исторіи Франціи хроникъ, что иначе пришлось бы, по всей вѣроятности судя, сдѣлать нескоро.

Въ теченіе настоящаго лѣтняго семестра здѣшній университетъ доставлялъ мнѣ слѣдующія средства для занятій:

1) Курсъ проф. Паули «Новая исторія XVI и XVII столѣтій». XVI столѣтіе, по представленію профессора, имѣетъ значеніе всемірно-исторической важности. Оно отдѣляетъ двѣ эпохи, изъ коихъ въ первой господствующее явленіе — борьба отдѣльныхъ мѣстностей, во второй — борьба двухъ великихъ, привлекающихъ вниманіе всего образованнаго европейскаго общества принциповъ — консервативнаго и прогрессивнаго. Три отдѣльныя большія группы, около которыхъ сосредоточивались средневѣковыя мѣстныя общества — германскій міръ, славянскій міръ и востокъ, въ новое время все болѣе и болѣе сближаются между собой, стремятся къ составленію одного европейскаго общества и получаютъ общій интересъ въ отношеніи къ борьбѣ обоихъ упомянутыхъ принциповъ. Роль славянъ заключается именно въ томъ, чтобы быть посредникомъ между западомъ (германскимъ міромъ) и востокомъ. Въ частности эта роль прежде всего принадлежитъ Россіи. Въ теченіе среднихъ вѣковъ и въ началѣ новаго времени Россія жила отдѣльной жизнью, представляя собою какой то неподвижный міръ. Огромную долю вліянія на подобную неподвижность Россіи имѣла, по мнѣнію проф. Паули, грековосточная церковь, заставлявшая своихъ приверженцевъ чуждаться интересовъ западно-европейскаго міра. Такъ напр., вслѣдствіе этого русскіе не могли принять участія въ крестовыхъ походахъ. Но со времени Петра Россія принадлежитъ къ европейской системѣ и страхъ Европы, что сѣверный колоссъ можетъ, подобно новымъ гуннамъ, погубить европейскую цивилизацію (что раздѣлялъ между прочимъ и Нибуръ) неоснователенъ. Напротивъ, Россіи по всей вѣроятности суждено распространять европейскую цивилизацію въ Азіи, гдѣ ея вліянію предстоитъ конкуренція съ вліяніемъ Англіи. Если обратиться къ уже совершившимся фактамъ, то нельзя не видѣть нѣкоторыхъ услугъ Россіи для европейской цивилизаціи, такъ, напр., новогреческое королевство одолжено ей своимъ существованіемъ. Хотя въ теченіе XVI и XVII столѣтій Россія проходила еще до-петровскій періодъ и потому не раздѣляла общеевропейской жизни, но въ ней происходило уже приготовленіе къ петровскому сближенію, а потому профессоръ не считалъ себя въ правѣ, подобно многимъ другимъ излагателямъ, выпустить ея исторію изъ своего курса.

Что касается до отдѣловъ, обнимаемыхъ лекціями, то вотъ ихъ вычисленіе: I. Консолидація большихъ западно-европейскихъ государствъ: Франціи, Англіи и Испаніи (въ качествѣ введенія). II. От-

крытія и колоніи. III. Образованіе европейской государственной системы, прежде всего въ южной Европѣ (итальянскія войны Карла VIII, Лудовика XII и Франциска I). IV. Реформація въ Германіи, на сѣверѣ, въ Швейцаріи и Британіи. V. Реакція католицизма и религіозныя войны въ западной Европѣ: a) реставрація католицизма; b) Испанская монархія и отпаденіе Нидерландовъ; c) религіозныя войны во Франціи. VI. Реакція на сѣверѣ: a) домъ Вазы въ Швеціи и Польшѣ; b) русское государство; c) тридцатилѣтняя война. VII. Англійская революція: a) время Елисаветы; b) 1603—1640 г.; c) революція; d) реставрація; e) революція 1688 г. Царствованіе Лудовика XIV, какъ составляющее введеніе къ исторіи XVIII стол. (время процвѣтанія и упадка абсолютной монархіи), въ составъ курса не входитъ. Доселѣ разобраны три первые отдѣлы и самымъ интереснымъ мѣстомъ были разумѣется тѣ части, гдѣ профессоръ касался своей спеціальности. Таково было въ первомъ отдѣлѣ изображеніе хода, которому слѣдовало развитіе государства и общества въ Англіи подъ управленіемъ Плантагенетовъ. Я долженъ однако, къ сожалѣнію, признаться, что и здѣсь, какъ въ большей части обзоровъ этого предмета, я не нашелъ полнаго объясненія важнаго явленія, происшедшаго въ Англіи въ концѣ XV вѣка; я подразумѣваю здѣсь возвышеніе значенія королевской власти, являющееся съ Тюдорами. Обыкновенно это возвышеніе приписываютъ паденію въ войнѣ бѣлой и алой розы старой норманнской аристократіи; но тогда надобно принять, что средневѣковый видъ англійскаго государственнаго устройства держался одними лишь большими баронами, т. е. разница между феодальнымъ періодомъ Англіи и Франціи, по отношенію къ силѣ и значенію аристократіи, была не такъ велика, какъ обыкновенно изображаютъ. Иначе, то есть принимая, что поддержка существовавшаго государственнаго порядка лежала главнымъ образомъ въ массѣ свободныхъ землевладѣльцевъ и горожанъ, трудно понять, почему война розъ могла имѣть приписываемое ей вліяніе. Большинство историковъ, въ томъ числѣ и проф. Паули, принимая значительное вліяніе большихъ бароновъ во времена Іоанна Безземельнаго, Генриха III и Эдуарда II, указываютъ на царствованіе Эдуарда III, какъ на содержащее доказательства того, что уже твердо и независимо отъ бароновъ установилось вліяніе на правительство Gentry и горожанъ и ихъ представительницы палаты общинъ. Но отчего же мы сейчасъ же за тѣмъ во время Ричарда II видимъ, что судьбу короля рѣшаютъ

опять большіе бароны, т. е. сначала Томасъ Глостерскій, потомъ Генрихъ Герфордскій при помощи Перси и др. Да и въ войнѣ розъ самые значительные города, въ томъ числѣ и Лондонъ, держатся совершенно пассивно, а масса небольшихъ землевладѣльцевъ группируется около становящихся подъ то или другое знамя аристократовъ. Примѣромъ такихъ аристократовъ служатъ Невили и ихъ представитель, знаменитый дѣлатель королей, Варвикъ. Въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ историковъ государственнаго развитія Англіи, какъ напр. у Гнейста, мы замѣчаемъ уже отклоненія отъ принятаго взгляда, но вообще для уясненія этого интереснаго вопроса сдѣлано еще очень мало.

О значеніи для моихъ занятій остальныхъ прочтенныхъ отдѣловъ курса проф. Паули я не имѣю сказать ничего особеннаго, такъ какъ эти чтенія, въ высшей степени привлекательныя по своей внѣшней сторонѣ и содержащія строго логически расположенный матеріалъ, заимствовали этотъ матеріалъ по большей части изъ извѣстныхъ сочиненій Ранке. Весьма полезную часть чтеній составляли свѣдѣнія о литературѣ, могущей быть пособіемъ для изученія цѣлаго періода или отдѣльнаго вопроса; такъ, между прочимъ, могли доставить интересъ сообщенія о результатахъ новѣйшихъ архивныхъ розысканій, какъ напр. Бергенрота въ Симанкѣ и т. п.

2) Въ семинаріи проф. Паули занимались разборомъ четвертой книги церковной исторіи Адама Бременскаго. Слишкомъ спеціальное содержаніе этой книги (географическое и этнографическое описаніе) дало семинарскимъ занятіямъ другой характеръ, чѣмъ въ предъидущемъ семестрѣ, и сдѣлало эти занятія болѣе трудными. Въ то время, какъ въ предъидущемъ семестрѣ задачей занимающихся было возстановленіе связи и достовѣрности въ текстѣ разбираемой хроники посредствомъ сравненія ея съ другими источниками, при теперешнихъ занятіяхъ имѣлось въ виду, по поводу передаваемыхъ Адамомъ Бременскимъ извѣстій, изслѣдовать на основаніи источниковъ и новыхъ результатовъ исторической критики древнѣйшій бытъ народовъ, населявшихъ Скандинавскій полуостровъ, Данію, берега Балтійскаго моря и сѣверную Россію. Разумѣется, что обращено надлежащее вниманіе на разборъ самыхъ источниковъ. Это доставило, между прочимъ, случай сдѣлать знакомство съ сочиненіемъ Іордана «De Gothorum origine» — обстоятельство тѣмъ болѣе пріятное, что чтеніе этого писателя и оцѣнка его извѣстій безъ помощи спеціальнаго знатока весьма затруднительны; доказа-

тельствомъ можетъ служить то, что извѣстный Бетманъ, которому поручено приготовить изданіе Іордана для Mon. Germ. Histor., употребилъ на это занятіе многіе годы и до сихъ поръ затрудняется считать свою задачу конченной. Кромѣ Іордана, разбирались многія мѣста изъ анонимнаго равенскаго географа и путешествія Вульстрема и Отера; послѣднее, относящееся къ раньшему времени, чѣмъ исторія Адама Бременскаго, содержитъ въ себѣ однако гораздо вѣрнѣйшія свѣдѣнія о берегахъ Балтійскаго, Сѣвернаго, Ледовитаго и Бѣлаго морей. Какъ пособіе употреблялись сочиненія Гримма, Цейсса (Die Deutschen und die Nachbarstämme) и Вендская исторія Л. Гизебрехта.

3) Окончивъ въ прошломъ семестрѣ чтеніе избранныхъ мною сочиненій по англійской государственной исторіи, я получилъ возможность продолжать занятія по этой части и въ текущемъ семестрѣ, благодаря обязательной добротѣ проф. Тудихума, который согласился давать мнѣ privatissima по исторіи англійскаго средневѣковаго законодательства. По первоначальному уговору занятія должны были состоять въ чтеніи Гнейстовой исторіи англійскаго общиннаго устройства и Гундерманова учебника англійскаго частнаго права, при чемъ слѣдовало предлагать другъ другу вопросы всякій разъ, когда что либо мнѣ показалось бы не вполнѣ яснымъ, или это замѣтилъ бы самъ профессоръ. Впрочемъ, этотъ планъ съ самаго начала былъ замѣненъ тѣмъ, что было положено, чтобы я для каждой лекціи приготовлялъ изустный рефератъ по составленной г. Тудихумомъ программѣ. Для подобной работы мало было довольствоваться упомянутыми сочиненіями и потому прибавлены были къ нимъ еще слѣдующія: исторія Англіи Лаппенбергъ-Паули (второй томъ особенно интересенъ для ознакомленія съ Doomesday book и разными классами народонаселенія въ началѣ норманскаго періода), Englische Reichs und Rechts Geschichte Филипса (отличается весьма яснымъ, сравнительно съ другими книгами подобнаго содержанія, изложеніемъ и очень удобна для ознакомленія съ первоначальными формами процесса), Гнейста объ образованіи суда присяжныхъ въ Германіи (содержитъ гораздо болѣе ясный, чѣмъ въ исторіи англійскаго общиннаго устройства того же писателя, обзоръ происхожденія и исторіи обоихъ жюри, обвинительнаго и карательнаго), Крабба (передаетъ исторію измѣненій въ законодательствѣ и управленіи въ хронологическомъ порядкѣ по царствованіямъ), Фишеля (для исторіи средневѣковаго законодательства справочной

книгой быть не можетъ, ибо составлено по источникамъ, выборъ которыхъ не всегда удаченъ) и проч. Какъ результатъ этихъ еще не очень давныхъ занятій я могу представить то, что кромѣ лучшаго уясненія леннаго быта и многихъ сторонъ книги Гнейста, я долженъ былъ отступить отъ нѣкоторыхъ составленныхъ прежде мнѣній, какъ напр. о тождествѣ названій tithing и frithborg, попадающихся въ административномъ дѣленіи англо-саксонскаго періода, и о томъ, что такъ называемый turnus vicecomitis былъ въ началѣ ничѣмъ другимъ, какъ спеціальной коммиссіей суда цѣлаго графства; происхожденіе послѣдняго, какъ кажется, слѣдуетъ скорѣе объяснять изъ собраній сотенъ (hundred), на кои дѣлилось графство. Какъ эти, такъ и другія положенія я, можетъ быть, буду имѣть случай объяснить впослѣдствіи.

4) Благодаря здѣшней университетской библіотекѣ и обязательности г. завѣдывающаго собраніемъ книгъ евангелической семинаріи, д-ра Прейнера, я получилъ большія удобства для начатія работы, касающейся одного изъ вопросовъ нѣмецкой исторіи. Въ настоящее время я ограничиваюсь пока изученіемъ относящихся сюда источниковъ первой руки, заключающихся въ нѣсколькихъ хроникахъ, помѣщенныхъ въ Monumenta Germaniae historica и у Duschesne, и въ собраніи писемъ въ codex epistolaris Udalrici Babenberg во 2-мъ томѣ Эккарда и у Boucket. Первымъ результатомъ этой работы выйдетъ аналитически расположенный выборъ матеріала, который я думаю представить на разсмотрѣніе проф. Паули во время семинарскихъ занятій. Въ какой мѣрѣ буду въ состояніи воспользоваться этимъ матеріаломъ, пока судить не могу, но во всякомъ случаѣ думаю, что подобнаго рода занятія уже по тому одному, что ведутъ къ ближайшему ознакомленію съ источниками, будутъ не безполезны.

Тюбингенъ, 1/13 іюля 1864 года.

57) Кандидата Льва Ждановича.

Прослушавъ въ предъидущіе семестры курсъ политической экономіи у профессора Рошера и курсъ финансовъ у профессора Дитцеля, я нашелъ для себя необходимымъ заняться еще, во время моего пребыванія за границею, государственнымъ правомъ вообще и государственною политикою въ особенности. Для этого я прочелъ сначала курсъ Блюнчли Allgemeines Staatsrecht и рѣшился прослу-

шать курсъ политики у профессора Эшера въ Цюрихѣ, объявившаго чтеніе означеннаго курса на нынѣшній семестръ. Къ сожалѣнію моему, пріѣхавъ въ Цюрихъ, я узналъ, что у профессора Эшера не составилось аудиторіи; поэтому мнѣ осталось только изучать политику по изданному имъ въ прошломъ году учебнику: Handbuch der praktischen Politik. Изученіе этого учебника осталось для меня не безъ пользы.

Не стану говорить о необходимости изученія государственной политики для каждаго экономиста, въ особенности же для того, спеціальность котораго составляетъ наука государственнаго благоустройства или финансы. Самая наука государственнаго благоустройства есть ничто иное, какъ государственная сельско-хозяйственная, индустріальная и торговая политика, направленная къ одной неизмѣнной цѣли — народному благосостоянію, но руководствующаяся въ своихъ примѣненіяхъ и осуществленіяхъ постоянно измѣняющимися принципами, сообразующимися съ общимъ ходомъ народной жизни и съ высшими государственными интересами. При неустановившемся до сихъ поръ точномъ опредѣленіи науки государственнаго благоустройства и при недостаткѣ яснаго разграниченія ея отъ другихъ юридическихъ и экономическихъ наукъ и ихъ частей, ее часто принимали за практическую или прикладную часть политической экономіи, составляющую въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ учебникахъ какъ бы продолженіе теоретической части. Познакомившись поближе съ государственнымъ правомъ и политикою, я нахожу этотъ взглядъ или это пониманіе сущности науки государственнаго благоустройства, какъ прикладной части политической экономіи, крайне невѣрнымъ, по слѣдующей причинѣ: то, что полезно или прибыльно для народнаго матеріальнаго благостоянія, можетъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ очень вредно даже разрушительно для общаго государственнаго организма (удовлетворяющаго собою не однѣмъ только матеріальнымъ и временнымъ потребностямъ народа), и наоборотъ, необходимое для послѣдняго можетъ иногда совершенно не согласоваться съ экономическими условіями успѣшности производства богатствъ или правомѣрности ихъ распредѣленія. Постараюсь доказать это примѣромъ. Предположимъ, что сила и значеніе извѣстной конституціонной монархіи опирается на многочисленное и богатое сословіе поземельныхъ владѣльцевъ, которые, съ одной стороны составляя оплотъ монархіи противъ демократическихъ элементовъ, даютъ съ другой стороны

народу богатый и надежный запасъ интеллигенціи и опытныхъ силъ къ отправленію всевозможныхъ государственныхъ обязанностей и развитію культуры; предположимъ при этомъ, что значительное землевладѣніе этого сословія, обусловливающее его политическую и соціальную силу, поддерживаемое основными законами государства, вредно для экономіи цѣлаго народа, вредно потому, что, безъ значительнаго раздробленія этой поземельной собственности (конечно только не до размѣровъ французскихъ parcelles), высоко интенсивная эксплуатація ея не возможна. Слѣдовательно, здѣсь интересъ экономическій сталкивается съ интересомъ чисто государственнымъ; но такъ какъ государство существуетъ не для исключительныхъ попеченій объ одномъ матеріальномъ благѣ народа, но имѣя еще въ виду нравственно-разумную сторону человѣческой природы, которая сообразно своему національному характеру обусловливаетъ самый духъ и самую форму государственнаго организма, оно безъ сомнѣнія обязано въ данномъ случаѣ пожертвовать экономическими интересами ради чисто-государственныхъ. Признавать въ общемъ строѣ государственной жизни превосходство или предпочтительность интересовъ матеріальныхъ предъ интересами нравственными, было бы, во 1-хъ, совершенно извращенно понимать цѣль существованія государства; а во 2-хъ, незамѣтнымъ образомъ войти въ колею соціалистическихъ ученій, порожденныхъ хотя изъ добрыхъ источниковъ попеченія и сожалѣнія о нуждающихся классахъ народныхъ, но создавшихъ фальшивыя теоріи изъ фальшиваго представленія цѣлей и обязанностей государства.

Поэтому устройство матеріальнаго благосостоянія народнаго должно быть только второстепенною цѣлью государства въ сравненіи съ цѣлями удержанія и охраненія извѣстнаго государственнаго порядка, съ цѣлями нравственнаго возвышенія гражданъ чрезъ созиданіе законовъ обезпечивающихъ разумную свободу ихъ, чрезъ введеніе основательнаго образованія и честнаго воспитанія юношества. Мы даже полагаемъ, что устройство матеріальнаго благосостоянія народа не должно быть цѣлью существованія государства, напротивъ оно должно быть только *средствомъ*, для выполненія тѣхъ высокихъ цѣлей, ради которыхъ государство вызвано къ жизни; но такъ какъ самая жизнь государства обусловливается его матеріальными средствами, то разумѣется государственная дѣятельность никогда не должна выпускать ихъ изъ виду и лишать

своего содѣйствія и покровительства; напротивъ, она должна устранять всѣми зависящими отъ нея законодательными и административными мѣрами всякія препятствія, могущія встрѣтиться для народной экономической дѣятельности на пути ея развитія; вмѣстѣ съ тѣмъ и не должна позволять этой дѣятельности идти въ разрѣзъ съ общимъ строемъ государственной жизни. Такъ по крайней мѣрѣ думаютъ лучшіе публицисты настоящаго времени: Роттекъ, Моль (хотя онъ болѣе другихъ желаетъ дать нѣкоторую независимость народнымъ матеріальнымъ интересамъ отъ надзора правительственной политики), Блунчли и Эшеръ; первый изъ нихъ выражается такъ: «задача государственныхъ экономическихъ наукъ состоитъ *въ непосредственномъ споспѣшествованіи государственнымъ цѣлямъ*» (или другими словами: экономическое законодательство должно быть подчинено цѣлямъ основнаго, органическаго государственнаго законодательства); кромѣ того, онъ говоритъ: «bei Feststellung dessen, was geschehen solle, um den Staatszweck zu erstreben, hat die Wirthschaft keine fordernde, sondern höchstens eine verneidende Stimme, indem sie lehrt, was nach den wirthschaftlichen Verhältnissen zulässig ist». Можетъ ли при подобныхъ положеніяхъ наука государственнаго благоустройства быть прикладною частью политической экономіи въ тѣхъ случаяхъ, когда практика, основанная на законахъ этой науки, не гармонируетъ съ общею государственною политикою? Могли ли бы законы государственнаго благоустройства составлять органическую часть какого нибудь кодекса, если бы они были, по духу своему, какъ продуктъ одной только чистой экономической теоріи, а не политики, въ совершенной дисгармоніи съ основными законами и съ другими частями этого кодекса?

Ближайшее заключеніе изъ всего сказаннаго то, что наука государственнаго благоустройства есть только одна изъ существеннѣйшихъ частей науки государственной политики, примѣняющая законы политической экономіи въ томъ направленіи дѣятельности, которое дается ей сообразно требованіямъ времени и степени развитія общества, матеріальное благополучіе котораго она устраиваетъ. Опредѣлять же ей самой направленіе своей дѣятельности сообразно законамъ политической экономіи, при извѣстныхъ обстоятельствахъ бываетъ совершенно невозможно; ибо она можетъ повести къ результатамъ совершенно противоположнымъ общей государственной политикѣ. Она можетъ, какъ я показалъ въ выше-

приведенномъ примѣрѣ, развить сильную демократію въ размѣрахъ для государства вредныхъ тамъ, гдѣ строй государственной и общественной жизни развился не изъ демократическихъ началъ; можетъ иногда разселить населеніе сельское и городское также несообразно цѣлямъ политическимъ; можетъ дать капиталамъ черезъчуръ космополитическое направленіе; а самое главное, можетъ развить въ массахъ сильное преобладаніе интересовъ матеріальныхъ предъ интересами нравственными (что уже такъ рѣзко отмѣчается въ характерѣ западной Европы), унизить этимъ достоинство самаго человѣка, сдѣлать биржу его храмомъ, а наживу единственною цѣлью его жизни и дѣятельности.

Если политика имѣетъ подобно важное значеніе для науки государственнаго благоустройства, то для финансовъ она имѣетъ едва ли не еще важнѣйшее. Многіе финансовые вопросы или весьма легко, или весьма фальшиво разрѣшаются въ области абстракта; между тѣмъ при оцѣнкѣ конкретныхъ явленій, соприкосновенныхъ этимъ вопросамъ, они рѣшаются и ближе къ истинѣ, и правомѣрнѣе. Политика же ставитъ каждое жизненное явленіе въ государствѣ на свое мѣсто и даетъ ему правильную оцѣнку, она и опредѣляетъ взаимоотношеніе этихъ явленій. Возможно ли правильно обсуживать бюджетъ извѣстнаго государства, не зная его внутренней и внѣшней политики? Многія цифры и статьи были бы тогда вещью совершенно темною и безсодержательною. Возвышеніе податей не обусловливается ли единственно, съ одной стороны, возвышеніемъ уровня народнаго благосостоянія, а съ другой, новыми нуждами государственными; а то и другое не есть ли продуктъ государственной политики? Кажется, что ни на одной части государственнаго организма не отражается такъ рельефно и понятно совокупность дѣйствій государственной политики, какъ на финансахъ; послѣдніе справедливо могутъ служить зеркаломъ безъ аберрацій для первой.

Упомянутая мною книга профессора Эшера, Handbuch der praktischen Politik (изъ двухъ частей, каждая часть въ 2 отдѣла; 2-й отдѣлъ 2-й части еще не вышелъ), отличается своимъ строгимъ критическимъ направленіемъ, что особенно важно при изученіи предмета построеннаго на миріадахъ жизненныхъ фактовъ, и по этому уже самому порождающаго множество разнородныхъ мнѣній. Въ предисловіи къ своему сочиненію, авторъ говоритъ, что основныя положенія своей системы онъ не беретъ изъ облаковъ и не имѣетъ

въ виду абстрактныхъ людей и утопій; но что онъ беретъ такихъ людей, которые существуютъ въ дѣйствительности съ ихъ различными свойствами и особенностями, а государственныя формы и соціальныя отношенія онъ разбираетъ принимая во вниманіе ихъ отличительныя условія и данные ими результаты. Такая система, которой онъ дѣйствительно держится во всѣхъ частяхъ своего сочиненія, дѣлаетъ его учебникъ предпочтительнѣйшимъ предъ другими, даетъ наглядную постановку предметамъ и дѣлаетъ самое изученіе науки легкимъ и быстрымъ. Нѣкоторые вопросы, весьма трудно разрѣшаемые по теоріи, какъ напр. вопросъ о національностяхъ (нынѣ весьма животрепещущій), онъ разрѣшаетъ довольно удачно, и не помощью подтянутыхъ теорій (большею частью весьма шаткихъ и чисто субъективныхъ, что вообще бываетъ при данномъ вопросѣ), а помощью однихъ только фактовъ и ихъ анализа; разумѣется удачное сопоставленіе фактовъ играетъ здѣсь важную роль. Если его приговоры относительно нѣкоторыхъ національностей нѣсколько можетъ быть и жестки, то по крайней мѣрѣ они не двуличны, откровенны, а самое главное логичны, ибо вытекаютъ изъ фактовъ.

Для меня всего интереснѣе въ его книгѣ были отдѣлы о народонаселеніи и о народномъ хозяйствѣ; въ первомъ онъ доказываетъ фальшивость и вредъ политики, поощряющей или задерживающей развитіе народонаселенія; поощреніе порождаетъ непредусмотрительность въ бѣдныхъ сословіяхъ, дѣлаетъ ихъ небережливыми и легкомысленными, а самое главное кладетъ начала невыносимымъ требованіямъ этого сословія къ правительству, или прямо ведетъ къ развитію соціалистическихъ идей; система же задерживающая рязвитіе народонаселенія, порождая страшную проституцію, подрывая семейственныя отношенія, дѣйствуетъ разрушительно на нравственность всего народа и замѣтно увеличиваетъ количество преступленій. Лучше всего, совѣтуетъ онъ, отдаться въ этомъ случаѣ на самую природу и на собственное благоразуміе здорово воспитаннаго народа. Въ отдѣлѣ о народномъ хозяйствѣ собственно изложены методы измѣренія народнаго богатства и довольства матеріальнаго извѣстной страны; для лучшей оцѣнки подобныхъ фактовъ онъ беретъ два государства, Англію и Францію, и сравниваетъ ихъ относительное и абсолютное богатство. Пріемы его для подобнаго измѣренія, кажущагося сначала почти невозможнымъ, очень ясны, по возможности точны и просты, основываются главнымъ образомъ на статистическихъ данныхъ, исчисляющихъ коли-

личества разнаго рода сырыхъ и обработанныхъ произведеній въ томъ и другомъ государствѣ, а потомъ на взаимномъ сравненіи этихъ количествъ и на отношеніи ихъ къ народонаселеню сравниваемыхъ странъ. Этотъ отдѣлъ не только интересенъ въ политико-экономическомъ отношеніи, но едва ли еще не интереснѣе въ статистическомъ.

Собственно же народно-хозяйственная и финансовая политика еще спеціально не изложена, ибо она будетъ помѣщена во 2-мъ отдѣлѣ 2-й части, который, какъ я сказалъ прежде, еще не вышелъ; въ вышедшихъ же отдѣлахъ своего сочиненія, профессоръ Эшеръ касался означенныхъ частей политики только поверхностно, въ общихъ чертахъ; что впрочемъ не помѣшало ему высказать свои основные взгляды и положенія на счетъ мѣры участія и вліянія правительства въ народно-экономической дѣятельности. Полной автономіи общества въ экономической и соціальной дѣятельности онъ не признаетъ, ибо общество не есть что нибудь самостоятельно-цѣлое, а только часть государственнаго организма (какъ территорія и государственная власть); никакой же государственный организмъ не можетъ нормально существовать подъ вліяніемъ двухъ разнородныхъ силъ — общественной и правительственной, особливо же если первая будетъ силою центрофугальною; поэтому онъ и не признаетъ существованія ново провозглашенной науки общества (Gesellschaftswissenschaft).

Занимаясь въ нынѣшнемъ семестрѣ болѣе кабинетно, я все таки по возможности удѣлялъ часть времени на посѣщеніе лекцій здѣшняго политехническаго института и университета (соединенныхъ въ настоящее время въ одномъ зданіи, недавно выстроенномъ на счетъ всего швейцарскаго союза). Въ первомъ читаетъ политико-экономическія науки профессоръ Шербулье, а во второмъ доцентъ Маршаль. Шербулье давно извѣстенъ въ экономической литературѣ и публицистикѣ, какъ одинъ изъ самыхъ жаркихъ бойцовъ противъ соціализма и коммунизма и какъ одинъ изъ плодовитѣйшихъ писателей прошлаго и позапрошлаго десятилѣтія; въ 1848 и 1849 году онъ былъ союзникомъ Фридерика Бастіа въ борьбѣ съ затѣями Луи Блана и теоріями Прудона и написалъ тогда слѣдующія сочиненія: Le socialisme c'est la barbarie; Simples notions de l'ordre social à l'usage de tout le monde — и еще краткую но весьма дѣльную по своей цѣли брошюрку — Entretiens populaires sur les questions sociales. Кромѣ того онъ написалъ еще — De la démocratie

en Suisse и издалъ въ прошломъ году Précis de l'Economie Politique. Лекціи его очень хороши и по содержанію и по системѣ изложенія, но онъ уже такъ старъ и слабъ, что его слушаешь съ большимъ напряженіемъ, если желаешь что нибудь понять и разслушать; на послѣднихъ скамьяхъ его голосъ уже вовсе неслышенъ. О Маршалѣ ничего не могу сказать, потому что всего два раза былъ на его лекціяхъ; читаетъ онъ не дурно и говорятъ, что онъ хорошій статистикъ.

Цюрихъ, 18/30 іюня 1864 года.

58) Магистра Вальца.

(Съ 15/27 марта по 18/30 іюня 1864 года).

Первый мой отчетъ я имѣлъ честь отправить въ началѣ зимнихъ вакацій. Во время этихъ вакацій я продолжалъ мои занятія подъ руководствомъ д-ра Hanstein'а и д-ра Ascherson'а, а съ наступленіемъ семестра я, кромѣ того, снова началъ посѣщать лекціи, но вскорѣ, противно моему предположенію остаться весь текущій семестръ въ Берлинѣ, я рѣшилъ переѣхать во Фрейбургъ (великое герцогство Баденское). Причины, заставившія меня такъ поступить, заключались въ слѣдующемъ: проф. Braun вслѣдствіе своей болѣзни и не начиналъ курса, а было совершенно неизвѣстно, когда онъ приступитъ къ чтенію лекцій; д-ръ Pringsheim, у котораго я занимался въ прошедшемъ семестрѣ наблюденіями надъ водорослями, получилъ совершенно неожиданно мѣсто профессора въ Іенѣ, а потому въ Берлинѣ я лишился руководителя при моихъ алгологическихъ занятіяхъ. Слѣдовать за Pringsheim'омъ въ Іену я не могъ, такъ какъ весь этотъ семестръ онъ будетъ занятъ устройствомъ ботаническо-физіологическаго института и приготовленіями къ лекціямъ и приглашалъ меня пріѣхать въ Іену на слѣдующій семестръ. Вотъ почему я и рѣшилъ переѣхать во Фрейбургъ, имѣя въ виду и то обстоятельство, что лѣтній сезонъ представляетъ особенныя удобства для работъ алгологическихъ. Личность же фрейбургскаго профессора de Bary достаточно извѣстна въ ученомъ мірѣ, такъ что дѣлаетъ излишнимъ мои дальнѣйшія объясненія касательно выбора моего настоящаго мѣстопребыванія. Долгомъ считаю прибавить впрочемъ, что едва ли найдется другой человѣкъ въ мірѣ, который бы въ такой степени посвящалъ себя занятіямъ съ работающими подъ его руководствомъ, какъ это дѣлаетъ профессоръ de Bary. Лабо-

раторія его открыта цѣлый день, онъ всегда въ ней находится и всегда готовъ помочь совѣтомъ, указаніями и т. п. Касательно моихъ занятій въ настоящемъ семестрѣ въ Берлинѣ я считаю излишнимъ распространяться, потому что понятіе о нихъ департаментъ уже имѣетъ изъ моего перваго отчета. Я ограничусь только сообщеніемъ результатовъ моихъ занятій подъ руководствомъ д-ра Hanstein'а и извѣщеніемъ о годичномъ собраніи Бранденбургскаго ботаническаго общества, на которомъ я присутствовалъ.

Подъ руководствомъ д-ра Hanstein'а я изслѣдовалъ сосудистые пучки еще у нѣсколькихъ видовъ Pterides, имѣя при этомъ преимущественно въ виду отысканіе такъ называемыхъ Siebröhren, но эти изслѣдованія подтвердили только результатъ, сообщенный въ моемъ первомъ отчетѣ. Кромѣ того, я изслѣдовалъ развитіе точки роста Selaginella stolonifera, при чемъ я употреблялъ слѣдующій методъ: точка роста очищается подъ лупой отъ покрывающихъ ее листьевъ, затѣмъ она кладется на 3—5—6 минутъ въ ѣдкое кали (время зависитъ отъ того до какой степени она была очищена, а также отъ индивидуальнихъ различій, которыя я не могъ опредѣлить), далѣе она тщательно промывается водой и послѣ этой промывки кладется въ глицеринъ, смѣшанный съ водой, покрывается тонкой пластинкой слюды и рисуется посредствомъ сложнаго микроскопа и камеры люциды. Точка роста Selaginella stolonifera имѣетъ видъ усѣченнаго конуса, сплюснутаго съ двухъ сторонъ, а именно конуса, котораго горизонтальный разрѣзъ представляетъ эллипсъ. Я дѣлалъ рисунки узкой и широкой стороны, поверхностные и осевые, а также смотря на точку росту сверху, и эти изображенія привели меня къ слѣдующему понятію о порядкѣ и направленіи дѣленій ея клѣточекъ. Вершинная клѣточка точки роста, если на нее смотрѣть съ широкой стороны, представляется въ видѣ треугольника, котораго одна сторона, а именно верхняя имѣетъ видъ дуги, а двѣ другія прямолинейны; если же поворотить точку роста на 90°, а именно на узкую ея сторону, то вершинная клѣточка является ограниченной двумя взаимно пересѣкающимися дугами, изъ которыхъ верхняя болѣе плоска, а нижняя болѣе выпукла; сверху же она представляется тоже ограниченной двумя дугами равной или неравной величины и выпуклости. Она размножается вслѣдствіе дѣленія и это дѣленіе совершается перегородками, наклоненными попеременно вправо и влѣво, то къ той, то къ другой изъ ея узкихъ сторонъ точки роста. Это размноженіе представляетъ исклю-

ченіе только при наступленіи развѣтвленія стебля—дѣленія точки роста. Въ этомъ случаѣ вершинная клѣточка дѣлится въ направленіи вертикальномъ и параллельномъ или къ узкой или къ широкой сторонѣ точки роста, что на различныхъ точкахъ роста различно. Въ обѣихъ дочернихъ клѣточкахъ или совершается дѣленіе параллельное поименованному или тотчасъ же начинаются дѣленія съ перемѣннымъ направленіемъ наклоненія.

Если же точка роста не дѣлится, то въ ея дочерной клѣточкѣ, въ клѣточкѣ второй степени, совершается дѣленіе въ направленіи перпендикулярномъ дѣленію вершинной клѣточки и параллельномъ узкой сторонѣ точки роста и дѣленіе это совершается иногда, уже въ сестрѣ вершинной клѣточки, или, что наичаще случается, въ сестрѣ ея матери, или же иногда въ сестрѣ ея бабушки. Затѣмъ наружныя клѣточки дѣлятся въ направленіи лучеобразномъ и параллельномъ дѣленію вершинной клѣточки и изрѣдка дѣленіе это совершается и во внутренней клѣточкѣ. Это дѣленіе иногда совершается уже въ клѣточкѣ, происшедшей изъ сестры вершинной, или, что чаще случается, въ клѣточкѣ происшедшей изъ сестры ея матери, или, что обыкновенно бываетъ, въ клѣточкѣ, происшедшей изъ сестры ея бабушки, или же еще позже. Далѣе совершается дѣленіе лучеобразное и параллельное широкой сторонѣ точки роста, которое тоже уже часто замѣчается въ клѣточкахъ, происшедшихъ изъ сестры матери вершинной клѣточки, и никогда не замѣчается въ клѣточкахъ, происшедшихъ изъ сестры вершинной клѣточки.

Изъ сказаннаго видно, что наблюденія мои несогласны съ показаніями Hofmeister'a (Vergl. Unters. über die Keimung etc. 1851) касательно развитія точки роста Selaginella и это различіе, быть можетъ, объясняется различіемъ изслѣдованныхъ нами видовъ. По его наблюденіямъ дѣленіе, которое я почитаю третьимъ, означая нулемъ дѣленіе вершинной клѣточки, первое.

Дальнѣйшее размноженіе клѣточекъ не можетъ быть подведено подъ общіе законы, такъ они происходятъ разнообразно или лучше сказать послѣдовательность дѣленій лучеобразныхъ и имъ перепендикулярныхъ представляетъ большое разнообразіе. Кромѣ того, вслѣдствіе расширенія клѣточекъ, въ перегородкахъ ихъ замѣчаются сдвиги, затрудняющіе изслѣдованія. Не смотря однакоже на эти сдвиги, въ особенности на нѣкоторыхъ точкахъ роста, можно опредѣлить потомства каждой клѣточки второй степени довольно далеко внизъ и такимъ образомъ опредѣлить, къ потомству какихъ изъ

этихъ клѣточекъ принадлежатъ матернія клѣточки самыхъ молодыхъ листьевъ. По моимъ наблюденіямъ, самые молодые листья образуются изъ потомства восьмой или девятой клѣточки, что почти согласно съ показаніями Hofmeister'a (8 — 10). Каждая изъ этихъ клѣточекъ даетъ начало двумъ листьямъ. Развитіе листьевъ начинается дѣленіемъ поверхностной клѣточки съ перемѣннымъ направленіемъ наклоненія подобно вершинной клѣточки точки роста стебля. Клѣточки второй степени дѣлятся въ направленіи параллельномъ краю, ихъ дочернія — клѣточки въ направленіи лучеобразномъ.

Алгологическія мои работы въ Берлинѣ ограничились опредѣленіемъ прѣсноводныхъ водорослей и наблюденіями подъ половыми органами Vaucheria sessilis.

Что касается до экскурсій, то я ихъ совершалъ подъ руководствомъ д-ра Ascherson'a, автора Flora von der Provinz Brandenburg etc. 1864 года. Я дѣлалъ ихъ въ окресностяхъ Берлина и кромѣ того участвовалъ въ пятидневной экскурсіи на пространствѣ между Берлиномъ и Виттенбергомъ чрезъ Потсдамъ, Belzig, Niemegk и Freuenbrietzen. Какъ продуктъ этой экскурсіи — отысканіе новыхъ мѣстонахожденій для многихъ растеній мѣстной флоры, что однакоже представляетъ интересъ мѣстный, а потому распространяться объ этомъ считаю излишнимъ. Для меня лично эта экскурсія принесла ту пользу, что познакомила со многими растеніями, и дала нѣкоторое понятіе о тамошней флорѣ и ея изслѣдованіи. Въ Виттенбергѣ я участвовалъ въ годичномъ собраніи Бранденбургскаго ботаническаго общества, къ которому и я принадлежу. Собраніе это было довольно неудачно вслѣдствіе болѣзни его президента проф. Braun'a и вице-призидента, а также и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ. Оно имѣло характеръ систематическо-и географическо-ботаническій и интересъ болѣе мѣстный. Члены сообщали свои наблюденія касательно мѣстонахожденія растеній, происходилъ обмѣнъ болѣе рѣдкихъ растеній и было нѣсколько научныхъ сообщеній, изъ которыхъ особенно интересно было сообщеніе д-ра Ascherson'a «Ueber die Vegetation der Elbe und Oder-Flüsse». Кромѣ того, были обсуждаемы дѣла общества и совершена была экскурсія по берегамъ Эльбы. На этомъ же собраніи я сообщилъ мои наблюденія надъ закрытыми цвѣтками Lamium amplexicaule L., предпославъ разсужденія о доморфизмѣ вообще — выводы изъ работъ Darwin'a и Mohl'a. По моимъ наблюденіямъ въ закрытыхъ цвѣткахъ Lamium

aplexicaule L. цвѣтень пускаетъ трубки внутри нерастреснувшихся пыльниковъ и эти трубки проникаютъ чрезъ столбикъ внутрь завязи и совершаютъ оплодотвореніе. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ цвѣткахъ независимо отъ этого происходитъ и нормальное опыленіе, но это послѣднее случается относительно рѣдко. Эти наблюденія вмѣстѣ съ описаніями закрытыхъ цвѣтковъ L. amplexicaule L. и замѣчаніямъ касательно закрытыхъ цвѣтковъ Oryza clandestina (Web.) A. Br. послано мною въ редакцію газеты — Botanische Zeitung von Mohl und Schlechtendal подъ заглавіемъ: «Ueber die geschlossenen Blüthen von Lamium amplexicaule L. und Oryza clandestina (Web.) A. Br. и напечатано уже въ 21-мъ номерѣ этой газеты.

Возвратившись изъ собранія, я тотчасъ же отправился во Фрейбургъ и по дорогѣ посѣтилъ профессора Mettenius'а въ Лейпцигѣ и профессора Hofmeister'а въ Гейдельбергѣ. Профессоръ Mettenius показалъ мнѣ лейпцигскій ботаническій садъ и тамошнюю карпологическую коллекцію, очень полную. Въ оранжереѣ профессоръ Mettenius на живыхъ экземплярахъ демонстрировалъ мнѣ справедливость своего взгляда на развѣтвленія папоротниковъ. Затѣмъ онъ сообщилъ мнѣ свои интересныя наблюденія надъ прорастаніемъ и первозародышами (Vorkeim, Proembryo, Prothalium) папоротниковъ группы Hymenophyllaceae, остававшейся до сихъ поръ совершенно неизслѣдованной въ этомъ отношеніи. Первыя ступени развитія изслѣдованы имъ на живыхъ экземплярахъ, а послѣдующія по экземплярамъ гербарія. Такъ какъ изслѣдованія эти еще не появились въ печати, то я считаю не лишнимъ сказать объ нихъ. По изслѣдованіямъ профессора Mettenius'а спора дѣлится на три клѣточки и дѣленіе это или совпадаетъ съ тремя ребрами споры или съ ними чередуется. Въ томъ и другомъ случаѣ каждая клѣточка дѣлится въ направленіи параллельномъ ея отдѣленію и дѣленіе поперечными перегородками повторяется въ вершинныхъ клѣточкахъ, такъ что развивается первозародышъ трехлучистый. Случается однакоже, что одинъ изъ этихъ лучей пропадаетъ. Этотъ первозародышъ развѣтвляется и образованіе его вѣтвей представляетъ сходство съ развитіемъ ихъ у Cladophora. Далѣе на немъ образуются лопатчатыя или ланцетовидныя расширенія, но никогда онъ не получаетъ формы сердцевидной, характеристической для первозародышей Polypodiaceae. Лопатчатыя или ланцетовидныя расширенія образуются по большей части на вѣтвяхъ трехъ главныхъ лучей и очень рѣдко на самыхъ лучахъ. На концахъ вѣтвей ните-

виднаго первозародыша развиваются иногда приплодныя клѣточки. антеридіи и архегоніи появляются на краю первозародыша. Первый попадается уже на нитевидномъ первозародышѣ, второй же на ланцетовидномъ или лопатчатомъ и край этихъ первозародышей состоитъ въ этомъ случаѣ изъ двухъ слоевъ клѣточекъ. Срединнаго же утолщенія здѣсь нѣтъ. Архегоніи по строенію не отличаются отъ архегоніи другихъ папоротниковъ, что же касается до антеридій, то онъ не могъ опредѣлить, состоятъ ли стѣнки ихъ изъ стѣнокъ одной клѣточки или они представляютъ клѣтчатый мѣшокъ.

Профессоръ Hofmeister также водилъ меня по ботаническому саду и оранжереѣ и показывалъ мнѣ свои препараты, касающіеся развитія папоротниковъ и оплодотворенія явнобрачныхъ растеній.

Во Фрейбургѣ я посѣщаю лекціи профессора de Bary и работаю въ его лабораторіи. Что касается до лекцій, то профессоръ de Bary упражняетъ студентовъ въ опредѣленіи растеній по 2 часа въ недѣлю; читаетъ спеціальную ботанику, т. е. характеристику семействъ и важнѣйшихъ родовъ, по 5-ти часовъ въ недѣлю, демонстрируя излагаемое на живыхъ растеніяхъ и экземплярахъ гербарія и читаетъ по $1^1/_2$ часа въ недѣлю особенный курсъ о грибахъ, предметѣ его спеціальныхъ занятій. Что же касается до моихъ работъ, то онѣ имѣютъ предметомъ опредѣленіе водорослей и наблюденія надъ развитіемъ нѣкоторыхъ водорослей и грибовъ. Исчислять всѣ мои наблюденія считаю излишнимъ а потому ограничусь сообщеніемъ моихъ изслѣдованій Hydrurus sp. и Batrachospermum moniliforme, представляющихъ болѣе интереса, такъ какъ Hydrurus еще почти совершенно не изслѣдованъ, а касательно Batrachospermum существуютъ только отрывочныя замѣчанія Kützing'a, Thuret'a и Braun'a.

Hydrurus имѣетъ видъ нитевидный и вѣтвистый и состоитъ изъ клѣточекъ болѣе или менѣе шаровидныхъ и погруженныхъ въ слизистою массу, составляющую также его наружную оболочку. Вершина, какъ главной оси, такъ и вѣтвей, состоитъ изъ одного слоя клѣточекъ, далѣе онѣ расположены въ два слоя, еще далѣе число слоевъ иногда увеличивается, вѣтвь и ось являются полыми и пустоты эти содержатъ слизистую матерію и пузырьки газа. Клѣточки, составляющія водоросль, имѣютъ собственныя оболочки очень тонкія, но замѣтныя даже и безъ употребленія реактивовъ. Эти стѣнки въ сѣрной кислотѣ, а также и въ ѣдкомъ кали, не растворяются, а только сильно разбухаютъ. Отъ іода и сѣрной кислоты,

а также отъ Chlorzinkjodlösung не получаютъ окраски. Содержимое ихъ состоитъ изъ протоплазмы и кромѣ того содержитъ аморфный пигментъ буровато-желтаго цвѣта. При умираніи клѣточекъ, а также при дѣйствіи крѣпкой сѣрной кислоты и при дѣйствіи эѳира онъ зеленѣетъ. Въ эѳирѣ онъ трудно растворимъ, а въ алкоголѣ легко. Отъ іода, а также отъ Chlorzinkiodlösung и отъ іода и сѣрной кислоты содержимое бурѣетъ. Отъ ѣдкаго кали оно почти не измѣняется. Этотъ пигментъ неравномѣрно расположенъ по всей клѣточкѣ; въ каждой клѣточкѣ занимаетъ только ея нижнюю половину, верхняя же часть остается безвѣтной. Исключеніе изъ этого представляютъ тѣ случаи, при которыхъ клѣточки дѣлятся въ поперечномъ направленіи. Такому дѣленію предшествуетъ равномѣрная окраска цѣлаго содержимаго клѣточки, но послѣ дѣленія въ обѣихъ дочернихъ клѣточкахъ происходитъ снова упомянутое разграниченіе содержимаго и оно совершается нерѣдко въ одной изъ нихъ раньше, чѣмъ въ другой. Что касается до развитія этой водоросли, то вершинная клѣточка, какъ главной оси, такъ и вѣтвей, не дѣлится, по крайней мѣрѣ мнѣ не попалось ничего, указывающаго на ея дѣленіе. Развитіе же совершается, главнымъ образомъ, вслѣдствіе дѣленія подвершинной клѣточки и ближайшихъ къ ней и происходитъ такъ, что подвершинная клѣточка дѣлится въ направленіи продольномъ или нѣсколько наклоненномъ, но никогда не дѣлится въ направленіи поперечномъ, что слѣдовало бы ожидать изъ расположенія клѣточекъ. Въ отсутствіи поперечнаго дѣленія, кромѣ недостатка прямыхъ наблюденій надъ ихъ образованіемъ, убѣждаетъ насъ еще и то обстоятельство, что въ этой клѣточкѣ никогда не замѣчается равномѣрнаго распредѣленія пигмента, а всегда онъ занимаетъ только ея нижнюю половину. Послѣ дѣленія измѣняется положеніе дочернихъ клѣточекъ, а именно, онѣ являются въ положеніи параллельномъ между собою и вершинной клѣточки и въ верхней изъ нихъ повторяется процессъ, совершившійся въ ея матерней клѣточкѣ, а нижняя тоже дѣлится въ продольномъ направленіи, но положеніе ея дочернихъ клѣточекъ не измѣняется. Затѣмъ рѣже обѣ, а наичаще одна изъ двухъ послѣднихъ клѣточекъ дѣлится въ такомъ же направленіи. Далѣе идутъ дѣленія въ направленіи продольномъ, параллельномъ и перпендикулярномъ предъидущему, а также и въ поперечномъ. Дѣленія эти совершаются на всемъ тѣлѣ водоросли, но не во всѣхъ ея клѣточкахъ, и съ удаленіемъ они происходятъ гораздо медленнѣе. Сли-

зистая масса, занимающая промежутки между клѣточками и облекающая всю наружную поверхность, происходитъ изъ стѣнокъ матернихъ клѣточекъ. Вѣтви образуются или въ близи вершины, или, что рѣже случается, на нѣкоторомъ отъ нея разстояніи и начало каждой вѣтви даетъ одна изъ поверхностныхъ клѣточекъ. Эти вѣтви иногда состоятъ изъ одного только ряда клѣточекъ, иногда же совершенно сходны съ главною осью и въ свою очередь развѣтвляются. Органы размноженія этой водоросли мнѣ остались неизвѣстными. Rabenhorst (Kryptogamenflora von Sachsen etc: 1864, p. 134) у. H. Ducluzelii Agardt. видѣлъ зооспоры, но показаніе это требуетъ подтвержденія, тѣмъ болѣе что онъ не описываетъ ихъ.

Batrachospermum moniliforme. У этой водоросли мы различаемъ главную ось и вѣтви. Главная ось состоитъ изъ одного ряда клѣточекъ, покрытаго корою, состоящею изъ одного слоя узкихъ клѣточекъ; но кора эта не находится при вершинѣ главной оси и образованіе ея принадлежитъ вѣтвямъ. Вершина главной оси состоитъ изъ 10 — 20 узкихъ и низкихъ клѣточекъ; далѣе внизъ длина и ширина клѣточекъ быстро и сильно увеличиваются, но еще онѣ голы; далѣе внизъ замѣчается неполная кора, еще далѣе кора совершенно покрываетъ каждую клѣточку оси. Развитіе главной оси, какъ уже это замѣтилъ профессоръ Al. Braun (Verjungung, p. 162 — 163), происходитъ исключительно вслѣдствіе дѣленія ея вершинной клѣточки въ поперечномъ направленіи. Вѣтви у Batr. moniliforme двоякаго рода: a) развитія ограниченнаго и b) развитія не ограниченнаго. Вѣтви ограниченнаго развитія тоже двоякія: безплодныя и плодоносныя. 1) Безплодныя вѣтви ограниченнаго развитія состоятъ изъ одного ряда удлиненныхъ и яйцевидныхъ клѣточекъ и являются дихотомически развѣтвленными много разъ. Развитіе ихъ происходитъ вслѣдствіе дѣленія ихъ вершинной клѣточки, а именно, такъ что при вершинѣ ея образуется сосочекъ, который постепенно увеличивается и отдѣляется перегородкой. Развѣтвленіе ихъ происходитъ такъ, что вмѣсто одного сосочка при вершинѣ вершинной клѣточки образуется два. Вѣтви эти образуются изъ клѣточекъ стебля, а именно, при вершинѣ каждой клѣточки стебля образуется 4 — 5 — 6 сосочковъ, которые отдѣляются перегородкой, и каждая изъ этихъ клѣточекъ даетъ начало вѣтви. Кромѣ того, вѣтви эти образуются и на клѣточкахъ коры, а именно, нѣкоторыя изъ клѣточекъ коры кнаружи образуютъ сосочекъ, который отдѣляется перегородкой и изъ образовавшейся такимъ образомъ клѣточки

развивается вѣтвь. Образованіе этихъ вѣтвей на корѣ особенно развито у Battrachospermum sucrorum и здѣсь, вслѣдствіе относительно меньшаго развитія вѣтвей образующихся при вершинѣ стеблевыхъ клѣточекъ, весь стебель является болѣе равномѣрно покрытымъ вѣтвями ограниченнаго развитія, чѣмъ у Batrachospermum moniliforme, у котораго число этихъ вѣтвей болѣе ограничено и притомъ онѣ гораздо менѣе развѣтвлены и короче вѣтвей, образующихся при вершинѣ стеблевыхъ клѣточекъ, отчего околышное расположеніе вѣтвей ограниченнаго развитія гораздо рѣзче выражено. Развитіе безплодныхъ вѣтвей ограниченнаго развитія оканчивается тѣмъ, что вершинныя ихъ клѣточки принимаютъ видъ или сидячей пуговки, или волоска, утончающагося при вершинѣ, или волоска съ шаровиднымъ расширеніемъ при вершинѣ, или же вершинная клѣточка сохраняетъ свою форму, но теряетъ только свое окрашенное содержимое и является наполненной безцвѣтной водянистой жидкостью. Основныя клѣточки околышныхъ вѣтвей образуютъ къ низу 1 — 2 сосочка, которые отдѣляются перегородками. Каждая такая клѣточка дѣлится въ поперечномъ направленіи; дѣленіе это повторяется въ нижней изъ двухъ образовавшихся клѣточекъ и т. д., такъ что основная клѣточка каждой вѣтви даетъ начало одной или двумъ нитямъ, которыя спускаются внизъ по стеблю и образуютъ его кору. По Kützing'у эти нити коры идутъ только до непосредственно ниже стоящаго околыша (Phycologia, p. 326 — 328); но этому противорѣчитъ его Fig. 6, Tab. 8, а также и мои наблюденія показываютъ, что эти нити иногда спускаются ниже и, обгибая вѣтви, заходятъ на ниже лежащую осевую клѣточку стебля, что особенно часто случается у Batr. sucrorum. 2) Что касается до вѣтвей ограниченнаго развитія плодоносныхъ, то къ этой группѣ я отношу два рода вѣтвей: *α*) однѣ изъ нихъ носятъ особенные органы, значеніе которыхъ неизвѣстно и которые по аналогіи съ подобными органами у Florideae можно назвать антеридіями. По Braun'у у Batr. coerulescens Bory и B. sucrorum K. (Alg. unicell. genera nova etc. p. 106) они сходны съ антеридіями Nemalium. Эти вѣтви при вершинѣ имѣютъ болѣе многочисленныя и болѣе короткія вѣточки, состоящія изъ одной, двухъ или трехъ клѣточекъ. При вершинѣ конечныхъ клѣточекъ этихъ вѣточекъ, или, что также случается, при вершинѣ ниже лежащихъ клѣточекъ этихъ вѣточекъ, развиваются одна или двѣ шаровидныя маленькія клѣточки. Внутри этихъ клѣточекъ образуется по одной клѣточкѣ,

снабженной нѣжной оболочкой. По образованіи ихъ чрезъ разрывъ на вершинѣ ихъ матернихъ клѣточекъ онѣ выходятъ наружу, не движутся, не проростаютъ, а чрезъ нѣсколько времени разрушаются. β) Другія плодоносныя вѣтви образуютъ споры. Эти вѣтви по околышному своему развѣтвленію, а также по своему положенію и по ширинѣ своихъ нижнихъ клѣточекъ (если сильно развитъ органъ, который поддерживаетъ вѣтвь), представляютъ сходство съ вѣтвями неограниченнаго развитія, отличаясь отъ нихъ недостаткомъ маленькихъ клѣточекъ при вершинѣ, которыя впрочемъ не замѣчаются и на молодыхъ вѣтвяхъ неограниченнаго развитія; а также и ограниченнымъ своимъ развитіемъ и развитіемъ органовъ, дающихъ начало спорамъ. Съ этими вѣтвями онѣ представляютъ также нѣкоторое сходство въ расположеніи, такъ какъ очень рѣдко на одной клѣточкѣ стебля находится двѣ такія вѣтви, а обыкновенно одна, и непосредственно выше стоящая такая вѣтвь находится почти всегда на противоположной сторонѣ стебля. При вершинѣ такой вѣтви находится glomerulus (A. Braun); этотъ glomerulus состоитъ изъ сильно развѣтвленныхъ и сближенныхъ вѣточекъ, образующихъ шарикъ. Образованіе его происходитъ такъ, что подвершинная клѣточка вѣтви развиваетъ околышъ вѣточекъ, которыхъ основныя клѣточки дѣлаютъ то же, и это повторяется на основныхъ клѣточкахъ вѣточекъ и вѣточекъ изъ нихъ происходящихъ. Впрочемъ, не во всѣхъ glomerulus развѣтвленіе повторяется только разъ, а иногда только два раза. Кромѣ того, одна, двѣ или три клѣточки, стоящія подъ подвершинной, развиваютъ околыши клѣточекъ и не удлиняются, а нѣсколько расширяются. На послѣднихъ вѣточкахъ, принадлежащихъ подвершинной клѣточкѣ образуются матернія клѣточки споръ. Al. Braun (l. c.) называетъ ихъ спорами, а именно, по его мнѣнію споры образуются durch Abschnürung der Endzellen, но мои наблюденія показали мнѣ, что эти органы образуются какъ на вершинной клѣточкѣ, такъ и при вершинѣ ниже лежащихъ клѣточекъ и что внутри ихъ образуется по одной спорѣ. Вершинная клѣточка или ниже лежащія образуютъ при вершинѣ одну или двѣ клѣточки совершенно такъ, какъ это происходитъ при нормальномъ развитіи или развѣтвленіи вѣтвей ограниченнаго развитія; но клѣточки эти не дѣлятся, а принимаютъ шаровидную форму, и внутри каждой изъ нихъ образуется по одной спорѣ, которая выходитъ наружу чрезъ разрывъ матерней клѣтотки при вершинѣ. При выходѣ, спора снабжена едва замѣтной, нѣжной оболочкой, ко-

торая затѣмъ утолщается и наконецъ спора проростаетъ. Утолщеніе ея оболочки происходитъ равномѣрно во всѣхъ ея частяхъ, такъ что незамѣтно никакихъ поръ. Еще, касательно вѣтвей, на которыхъ развиваются glomeruli, слѣдуетъ замѣтить, что вершинная ихъ клѣточка удлиняется и расширяется и получаетъ видъ булавы, имѣющей на вершинѣ небольшое шаровидное расширеніе, отдѣленное отъ булавы перетяжкой. Это расширеніе при дальнѣйшемъ развитіи отдѣляется перегородкой. Какъ расширеніе, такъ и булава наполнены безцвѣтной совершенно прозрачной или зернисто-слизистой жидкостью. Вблизи этого расширенія, этой головки, очень часто замѣчаются 1, 2, 3, 4, 5 пузырьковъ съ очень тонкою, замѣтною только при дѣйствіи реактивовъ оболочкою и съ мелкозернистымъ слизистымъ содержаніемъ. Они находятся въ непосредственномъ соприкосновеніи или съ булавой, или съ ея головкой, или же съ булавой и головкой. Значеніе какъ этихъ пузырьковъ, такъ и самой булавы и ея головки я опредѣлить не могъ. Я дѣлалъ посѣвъ этихъ пузырьковъ въ воду, при чемъ они получили болѣе толстую оболочку и затѣмъ изчезли вслѣдствіе разложенія. Изчезаніе произошло послѣ двадцатидневной культуры. Булавы находятся на всѣхъ вѣтвяхъ, образующихъ glomeruli, и образованіе ихъ предшествуетъ развитію glomerulus'a. Присутствіе ихъ внутри старыхъ glomerulus'овъ я опредѣлить не могъ.

в) Вѣтви неограниченнаго развитія образуются тоже при вершинѣ клѣточекъ стебля изъ сосочка. Развитіе ихъ происходитъ совершенно также, какъ и развитіе стебля. Подобно ему они покрыты корой и носятъ вѣтви ограниченнаго развитія, а также въ свою очередь даютъ начало вѣтвямъ неограниченнаго развитія. Касательно расположенія ихъ слѣдуетъ замѣтить, что онѣ всегда чередуются и никогда не образуютъ околышей и не бываютъ противоположны. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ даже одна и та же клѣточка стебля даетъ начало и вѣтви неограниченнаго развитія и вѣтви, имѣющей glamerulus.

Что касается до размноженія Batr. moniliforme, то оно происходитъ посредствомъ споръ, объ образованіи которыхъ я уже сказалъ. Споры эти въ водѣ проростаютъ и при проростаніи чрезъ узкій разрывъ наружной оболочки выходитъ узкій сосочекъ внутренней оболочки, который, удлиняясь и расширяясь, образуетъ короткую нить наполненную безцвѣтнымъ содержимымъ. Затѣмъ въ эту нить постепенно переходитъ окрашенное содержимое споры, которая дѣ-

лается совершенно безцвѣтной. Далѣе, въ нити появляются 1, 2 перегородки, клѣточки эти расширяются и размножаются, такъ что образуется многоклѣтный нитевидный органъ. На клѣточкахъ его образуются боковые сосочки, которые отдѣляются перегородками, и клѣточки эти размножаются тоже, такъ что органъ дѣлается вѣтвистымъ. Органъ этотъ стелется по поверхности предмета, на который упала спора (камень, дерево) и проникаетъ иногда внутрь и плотно соединяется съ этимъ предметомъ. Особенныхъ сосочковъ для этого соединенія я не замѣчалъ. На гниломъ деревѣ вѣтви этого органа проникаютъ внутрь между элементами дерева, такъ что органъ этотъ получаетъ сходство съ мицеліемъ грибовъ, но клѣточки его всегда наполнены зернистой зеленой матеріей, даже количество этой матеріи больше чѣмъ въ клѣточкахъ совершеннаго растенія. Такъ какъ въ этомъ ростцѣ мы не замѣчаемъ различныхъ органовъ, представляемыхъ полнымъ растеніемъ, то его можно назвать предростцомъ или первозародышемъ (Vorkeim, Proembryo, Prothalium). Подобный же органъ Dr. Wartmann (Beiträge zur Anatomie und Entwickelungsgeschichte der Algengattung Lemanea 1854 г.) нашелъ у водорослей рода Lemanea. Совершенное растеніе образуется на этомъ предросцѣ и образованіе его происходитъ такъ, что клѣточки этого ростца образуютъ вверхъ сосочки, которые отдѣляются перегородками; въ клѣточкахъ, такимъ образомъ происшедшихъ, совершается дѣленіе параллельное ихъ отдѣленію, и дѣленіе это повторяется въ вершинныхъ клѣточкахъ, такъ что молодыя растенія представляютъ сходство съ безплодными, неразвѣтвленными вѣтвями ограниченнаго развитія. Затѣмъ въ вершинной клѣточкѣ растенія одно дѣленіе быстро слѣдуетъ за другимъ, такъ что вновь образующіяся клѣточки не успѣваютъ удлиняться, отчего при вершинѣ образуется органъ, совершенно сходный съ тѣмъ, который мы замѣчаемъ при вершинѣ стебля, а также вѣтвей неограниченнаго развитія, т. е. нить состоящая изъ таблицевидныхъ, узкихъ и короткихъ клѣточекъ. Клѣточки же молодаго растенія, находящіяся подъ этимъ органомъ начинаютъ сильно расширяться и сильно удлиняться, и процессъ этотъ начинается въ основной клѣточкѣ растенія и идетъ вверхъ. При этомъ расширеніи при вершинѣ этихъ клѣточекъ образуются вѣтви ограниченнаго развитія и происходитъ развитіе коры. Число этихъ вѣтвей постепенно увеличивается; такъ, самая нижняя клѣточка имѣетъ иногда одну только вѣтвь, слѣдующая 2 или 3 и т. д. Нити коры, спускаясь, доходятъ

до предмета, на которомъ прозябаетъ растеніе и, стелясь по этому предмету, служатъ для сильнѣйшаго прикрѣпленія растенія. Неизвѣстно, когда погибаетъ предростецъ. На одномъ предростцѣ образуется множество совершенныхъ растеній.

Еще касательно Batr. moniliforme слѣдуетъ замѣтить, что стѣнка его клѣточекъ отъ іода и сѣверной кислоты, а также отъ Chlorzinkiodlösung получаютъ синій цвѣтъ; пигментъ отчасти аморфный, а отчасти зернистый. Этотъ пигментъ легко растворяется въ спиртѣ и труднѣе въ эѳирѣ; отъ ѣдкаго кали онъ получаетъ яркій желтый цвѣтъ, отъ слабой соляной кислоты тоже получаетъ желтый цвѣтъ, но если эту кислоту употребить послѣ дѣйствія кали, то сначала возстановляется зеленый цвѣтъ. На основаніи дѣйствія кали и кислоты можно назвать этотъ пигментъ Phycochrom'омъ (Nägeli — Gatt. einz. Algen 1849, p. 7).

До конца настоящаго семестра, т. е. до первыхъ чиселъ августа, я остаюсь во Фрейбургѣ.

Фрейбургъ, $^{18}/_{30}$ іюня 1864 года.

60) Кандидата М. Стефановича.

Настоящій триместръ я занимался въ Парижѣ изученіемъ исторіи новѣйшаго времени, преимущественно исторіи Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ. Съ этой цѣлью я посѣщалъ въ Collège de France лекціи профессора *Laboulaye:* L'histoire de la constitution fédérale des Etats-Unis. Чтенія профессора Лабулэ по справедливости могутъ стать на ряду съ чтеніями лучшихъ германскихъ историковъ и различіе его чтеній отъ нѣмецкихъ выходитъ изъ его точки зрѣнія на задачу профессора. Нѣмцы излагаютъ предъ своими слушателями такъ сказать науку для науки. Laboulaye напротивъ говоритъ: «Мнѣ кажется, что обязанность профессора совершенно другая, чѣмъ обязанность ученаго. Профессоръ есть посредникъ между учеными и мало знакомыми съ наукою; его миссія—заинтересовать сердца молодыхъ людей и возбудить въ нихъ любовь къ наукѣ; поэтому профессоръ долженъ выбирать предметы для своихъ чтеній, которые бы имѣли современный интересъ; ему не запрещено для выгодъ науки касаться нуждъ и потребностей своей родины. Поэтому я считаю себя счастливымъ, что буду преподавать вамъ этотъ годъ исторію конституціи Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ я нахожу много поучительнаго для насъ».

Въ каждой лекціи профессоръ Лабулэ проводитъ параллель между настоящимъ и прежнимъ состояніемъ Америки и Франціи. Эти сравненія въ высшей степени интересны, потому что г. Лабулэ говоритъ прямо то, что онъ считаетъ истиною, нисколько не льстя французскому слуху.

Курсъ чтеній профессора Лабулэ въ высшей степени интересенъ, но онъ довольно обширенъ, такъ что мы можемъ привести здѣсь на удачу только нѣкоторые отрывки, чтобы дать понятіе о простотѣ, ясности, силѣ изложенія и вообще о профессорскомъ талантѣ этого профессора, умѣющаго въ нѣсколькихъ чертахъ вполнѣ охарактеризовать личности и цѣлыя эпохи. Его характеристика личностей Вашингтона и Гамильтона напоминаетъ намъ подобный очеркъ личностей Лютера и Меланхтона, набросанный берлинскимъ профессоромъ *Ранке*. «Я не знаю въ исторіи, сказалъ Лабулэ, ничего трогательнѣе дружбы этихъ двухъ людей. Вашингтонъ имѣетъ за себя возрастъ, умъ, положеніе; Гамильтонъ человѣкъ ума болѣе живаго, но не имѣлъ ни характера, ни воли генерала. Эти два человѣка взаимно пополняли другъ друга. Почти всегда Гамильтонъ предвидѣлъ первый то, что́ нужно было дѣлать; Вашингтонъ съ холодностію немного тяжелою англійскаго характера сначала приходилъ въ ужасъ отъ предложеній Гамильтона. Спустя шесть мѣсяцевъ видѣли Вашингтона занятаго, послѣ долгаго и зрѣлаго обсужденія, приведеніемъ въ исполненіе идей своего друга; и тогда-то Вашингтонъ являлся во всемъ своемъ величіи; онъ имѣлъ самую рѣшительною волю, какую когда либо видѣлъ міръ. Когда онъ, послѣ долгихъ и усердныхъ размышленій, рѣшился на что-нибудь, онъ чувствовалъ, что предъ Богомъ и предъ совѣстію ему не остается ничего болѣе, какъ только дѣйствовать. Какая бы будущность его ни ожидала, онъ шелъ прямо къ своей цѣли. Это и дѣлаетъ изученіе этихъ личностей въ высшей степени интереснымъ: l'un est l'idée, l'autre est l'ame et le bras..... Когда Вашингтону предложена была диктатура и онъ отвѣчалъ съ своимъ обыкновеннымъ величіемъ: «власть, которую ему вручаетъ конгрессъ, служитъ для него побужденіемъ еще болѣе уважать свободу своихъ согражданъ» — Байронъ замѣтилъ на это, что Вашингтонъ первый сдѣлалъ подобный примѣръ и — послѣдній. «Послѣдній» — это слишкомъ много; исторія еще не окончилась; но всегда опасно для народа забывать слова Байрона».

Вообще лекціи Лабулэ дышатъ свѣжестью и благородствомъ

направленія. Каждая его лекція составляетъ какъ бы отдѣльное цѣлое; но въ каждой вы прослѣдите одну строго логическую нить и единство основной мысли, которая составляетъ плоть и кровь этого почтеннаго профессора.

Теперь я нахожусь въ Прагѣ для ознакомленія съ характеромъ и направленіемъ славянской исторіографіи.

Прага, 25-го іюня 1864 года.

61) Кандидата В. Власьева.

Очеркъ исторіи обязательнаго призрѣнія въ Англіи съ конца XVII вѣка до реформы 1834 года.

I.

Къ концу XVII вѣка, какъ мы видѣли изъ предыдущаго очерка, статутъ 1601 года получилъ полное примѣненіе по всей странѣ. Тяжесть, которая легла вслѣдствіе этого на приходы, возрастала неимовѣрно быстро, такъ что уже въ концѣ XVII вѣка мы встрѣчаемъ жалобы на увеличеніе подати для бѣдныхъ. Такъ въ памфлетѣ подъ заглавіемъ «Breod for the Poor», изданномъ въ 1698 году, который приводитъ Ruggles въ своей «History of the Poor», *) говорится, что издержки на содержаніе бѣдныхъ въ нѣкоторыхъ приходахъ Девоншира возрасли въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ съ 40 шиллинговъ на 40 ливровъ въ годъ, въ другихъ удвоились, въ теченіи же послѣднихъ 20 лѣтъ удвоились почти во всѣхъ, и по всей вѣроятности удвоятся снова въ очень короткое время. Подать же для бѣдныхъ, въ цѣломъ графствѣ, цѣнимая въ 38,991 ливръ, 30,000 ливровъ болѣе, чѣмъ было 50 или 60 лѣтъ тому назадъ.

Эти жалобы, а съ другой стороны и возрастающее число нищихъ сильно безпокоили правительство и заставляли думать о пріисканіи средствъ къ уменьшенію тяжести, а съ другой стороны къ сокращенію числа безплодно живущихъ на счетъ общества. Въ 1698 году Вильгельмъ III, касаясь этого вопроса въ рѣчи своей къ парламенту, говорилъ: «я думаю, что было бы счастіе, если бы можно было найти какое либо дѣйствительное средство занять работами бѣдныхъ, которое могло бы содѣйствовать развитію нашихъ ману-

*) Стр. 91 — 93.

фактуръ, равно какъ снять тяжелое бремя съ народа» *). Въ 1699— «увеличеніе нищихъ стало гнетомъ для королевства, а ихъ распутная и праздная жизнь въ нѣкоторой степени содѣйствуетъ той порчѣ нравовъ, на которую жалуются, я боюсь, съ большимъ основаніемъ. Вамъ надлежитъ изслѣдовать, заключается ли источникъ зла въ неудовлетворительности законовъ, или въ ихъ исполненіи. Какъ неизбѣжна обязанность, чтобы бѣдные, которые не могутъ содержать себя, были призрѣны, также точно я не могу не считать весьма желательнымъ, чтобы тѣ, которые въ состояніи и хотятъ работать, не нуждались бы въ работѣ, а которые упорствуютъ въ лѣни были принуждены работать.» Въ рѣчи къ парламенту въ 1700 году онъ снова коснулся этого вопроса — «регуляризація и развитіе нашей промышленности такое общественное дѣло, что я надѣюсь, что оно будетъ всегда составлять предметъ вашего серьознаго размышленія; и если вы можете найти надлежащее средство помѣстить бѣдныхъ за работу, то освободите себя отъ огромной тяжести и въ то же время прибавите много полезныхъ рукъ, которые будутъ употреблены въ нашихъ мануфактурахъ и другихъ общественныхъ занятіяхъ».

Въ 1696 году была назначена Board of trade, которой между прочимъ было поручено также изслѣдовать подлежащіе способы, какъ помѣстить бѣдныхъ за работу и сдѣлать ихъ полезными членами общества. Членомъ этой коммиссіи былъ также извѣстный философъ Локке. Въ отчетѣ, составленномъ Локкомъ, который приводитъ Еденъ въ своей исторіи, говорится, что зло (увеличеніе нищихъ) истекаетъ не отъ недостатка средствъ продовольствія и не отъ недостатка работы, но что причина лежитъ въ ослабленіи дисциплины и порчѣ нравовъ. Онъ думаетъ, что болѣе половины получающихъ вспомоществованіе отъ приходовъ въ состояніи выработать средства своего существованія, и что большая часть ихъ ни не совершенно неспособна къ работѣ ни не совершенно неохоча, но или по недостатку работы, которая была бы доставлена имъ, или по незнанію ея мало приноситъ пользы. Средство предлагаемое Локкомъ состоитъ въ устройствѣ рабочихъ школъ въ каждомъ приходѣ. Матеріалъ, необходимый въ этихъ школахъ, долженъ быть доставляемъ на счетъ сотенъ. Локке по видимому держится того мнѣнія, что каждый способный къ работѣ долженъ

*) Eden — State of the Poor т. 1 стр. 247.

быть снабженъ соотвѣтственнымъ занятіемъ на счетъ общества, которое должно это дѣлать въ своемъ собственномъ интересѣ. Подробное правило о приведеніи этого въ исполненіе вмѣстѣ, съ мѣрами противъ бродяжничества, составляютъ сущность его предложенія. Подобное начало господствуетъ во всѣхъ планахъ этого времени, о которыхъ довольно подробно говоритъ Еденъ. Мы упомянемъ здѣсь еще о планѣ Геля (Matthew Hale), мнѣнія котораго также какъ Локка имѣли сильное вліяніе на законодательство о бѣдныхъ прошлаго столѣтія. — Въ «Discourse touching Provision for the Poor», напечатанномъ въ 1683 году, Гель предлагаетъ, чтобы мировые судьи въ квартальныхъ засѣданіяхъ распредѣляли приходы въ своихъ графствахъ на округи, одинъ, два, пять, шесть приходовъ соединяя въ одинъ союзъ для общаго рабочаго дома, смотря по ихъ величинѣ. Рабочій домъ долженъ быть устроенъ для помѣщенія бѣдныхъ за работу, также какъ для обученія дѣтей промысламъ и ремесламъ и для сохраненія нужныхъ матеріаловъ. Въ каждомъ рабочемъ домѣ долженъ быть директоръ съ двумя надзирателями для наблюденія за выдачею и возвращеніемъ матеріала и для веденія отчета. Директоръ и надзиратели должны составлять корпорацію и подлежать отчетности квартальныхъ засѣданій. Если какое либо лице не въ состояніи себя содержать, но будучи въ состояніи работать откажется, то должно быть принуждаемо къ этому заключеніемъ въ рабочемъ домѣ вмѣстѣ съ умѣреннымъ исправленіемъ. Гель прибавляетъ далѣе, что никто не будетъ имѣть нужды нищенствовать и воровать, такъ какъ будетъ имѣть возможность добыть гораздо лучшее средство своего существованія трудомъ, равно какъ никто не будетъ такъ пустъ, чтобы подавать нищему, когда знаетъ, что онъ можетъ работою пріобрѣсти средства своего существованія.

Въ 1697 году, подъ вліяніемъ этой теоріи о извлеченіи пользы изъ работы нищихъ, приходы Бристоля были соединены актомъ парламента въ одинъ союзъ съ общимъ рабочимъ домомъ. Управленіе было передано корпораціи, для этой цѣли назначенной. Въ началѣ XVIII вѣка очень много большихъ городовъ получили подобные же акты: — въ 1703 Уорчестеръ, 1707 Плимутъ, 1711 Норвичь и др. Актомъ 1722 года Георга I мѣра эта была обобщена. Актъ этотъ даетъ право приходскимъ должностнымъ лицамъ, съ согласія приходскаго собранія, vestry, и мировыхъ судей, покупать или нанимать домъ или дома и договариваться съ какимъ либо

лицемъ объ отдачѣ въ наймы бѣдныхъ своего прихода, которые желаютъ получить вспомоществованіе отъ прихода, и пользоваться выгодами отъ ихъ работы, труда и услуженія. Если же приходы слишкомъ малы, чтобы купить или нанять такой домъ, они могутъ съ согласія приходскаго собранія и утвержденія мироваго судьи, живущаго въ нихъ или вблизи, соединяться для покупки или найма такого дома, чтобы въ немъ помѣщать или содержать своихъ бѣдныхъ и пользоваться выгодами отъ ихъ работы. Далѣе постановлено, что церковные старосты и надзиратели бѣдныхъ какого либо прихода, имѣющаго такой домъ или дома, могутъ съ согласія приходскаго собранія договариваться съ церковными старостами и надзирателями какого либо другаго прихода о содержаніи и работѣ бѣдныхъ этого прихода. Статутъ прибавляетъ только, что лица, такъ помѣщенныя въ рабочемъ домѣ, не пріобрѣтаютъ мѣста жительства въ приходѣ. Далѣе статутъ постановляетъ, что если какой либо бѣдный откажется жить въ такомъ домѣ, то долженъ быть исключенъ изъ книги, въ которую должны быть внесены всѣ лица, получающіе вспомоществованіе.

Это первая попытка ввести призрѣніе въ рабочемъ домѣ какъ правило — in door relief. Мы не должны впрочемъ смѣшивать рабочіе дома этого рода съ тѣми, которые введены послѣ реформы призрѣнія въ 1834 году. Рабочіе дома прошлаго столѣтія можно назвать скорѣе промышленными заведеніями, ибо въ нихъ имѣлся въ виду барышъ торговый. На сколько этотъ взглядъ на призрѣніе раціоналенъ, мы увидимъ далѣе изъ опыта. Были впрочемъ и въ это время лица, которые предусматривали вредъ этого исправленія. Такъ въ 1704 году De Foe, по поводу одного билля, внесеннаго въ парламентъ, о помѣщеніи бѣдныхъ за работу, говорилъ, что если бѣдные будутъ помѣщаемы за работу на фабрикахъ, которыя не существовали прежде въ Англіи, то это будетъ что-то странное. Заставлять же бѣдныхъ работать такія вещи, которыми заняты были другіе бѣдные, не увеличивая въ то же время сбыта, значитъ брать у одного то, что вы даете другому. Посадить бродягу за работу честнаго человѣка, значитъ заставить послѣдняго искать работы для поддержанія своего существованія. Вѣрность этого сужденія оправдывалась вездѣ, гдѣ дѣлаемы были попытки организировать работу нищихъ на подобныхъ началахъ. Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ дальнѣйшему ходу законодательства о способѣ призрѣнія, мы должны обратить вниманіе на администрацію.

Здѣсь же мы замѣтимъ только, что и это правило — о призрѣніи только въ рабочемъ домѣ способныхъ къ работѣ — скоро потеряло свою силу.

Статутъ Елисаветы, возложивши призрѣніе нищихъ какъ повинность на приходъ, наложилъ также на жителей прихода и завѣдываніе дѣломъ призрѣнія. Прихожане, назначенные мировыми судьями въ должность надзирателя бѣдныхъ (overseers), должны были отправлять эту должность въ теченіи года, подвергаясь штрафу въ случаѣ отказа. Контроль надъ ними принадлежалъ исключительно мировымъ судьямъ. Мировые судьи утверждали податные списки, они также провѣряли и отчеты. Съ увеличеніемъ расходовъ на призрѣніе злоупотребленія со стороны приходскихъ должностныхъ лицъ увеличились, между тѣмъ контроль мировыхъ судей, занятыхъ другими дѣлами, былъ лишь формальностью. Съ конца XVII в. законодательство, желая противодѣйствовать этимъ злоупотребленіямъ, начинаетъ сообщать приходамъ въ лицѣ приходскихъ собраній (vestry) участіе въ завѣдываніи дѣломъ призрѣнія. Актомъ 1691 года оцѣнка просьбъ о вспомоществованіи передана приходскому собранію, приходскимъ же надзирателямъ дозволено давать самостоятельно вспомоществованіе лишь въ случаяхъ крайней необходимости или по распоряженію мироваго судьи. Актъ говоритъ: «многія неудобства возникаютъ ежедневно въ городахъ и приходахъ съ большимъ населеніемъ вслѣдствіе неограниченной власти церковныхъ старостъ и надзирателей бѣдныхъ, которые подъ ничтожными предлогами (главнымъ же образомъ изъ своихъ собственныхъ частныхъ видовъ) даютъ вспомоществованіе такимъ лицамъ и такому числу, какое считаютъ нужнымъ, и такія лица, будучи внесены въ списки, становяться большою тяжестью для приходовъ, не смотря на то, что случай или предлогъ полученія вспомоществованія часто уже прекратился, вслѣдствіе чего подать для бѣдныхъ ежегодно возрастаетъ въ противность истинному смыслу статута Елисаветы». Для устраненія чего актъ постановляетъ, что въ каждомъ приходѣ должна быть заведена книга или книги, въ которыя должны быть вносимы имена всѣхъ лицъ, получающихъ вспомоществованіе отъ прихода, съ обозначеніемъ числа, съ котораго допущено лице къ полученію, и повода, поставившаго его въ эту необходимость, и ежегодно въ недѣлю пасхи или чаще, если это будетъ нужно, прихожане должны собираться въ приходское собраніе (vestry) или въ другое обычное мѣсто, и эта книга должна

быть положена передъ ними, и всѣ лица, получающіе вспомоществованіе, должны быть позваны, и причины полученія изслѣдованы, и новый списокъ долженъ быть составленъ такимъ лицамъ, которыя будутъ сочтены достойными получать вспомоществованіе отъ прихода *). Кромѣ этихъ лицъ, какъ мы сказали, никто не долженъ получать вспомоществованіе, развѣ по предписанію мироваго судьи или въ случаѣ крайней нужды, какъ то въ случаѣ чумы, моровой язвы, оспы и то только семейства, которыя заражены.

Далѣе въ статьѣ 12 говорится: «многіе церковные старосты и надзиратели бѣдныхъ и другія лица, заинтересованныя въ полученіи сборовъ для бѣдныхъ и другихъ общественныхъ денегъ въ пользу церквей и приходовъ, къ которымъ они принадлежатъ, часто расточаютъ эти деньги и употребляютъ ихъ въ свою пользу къ великому вреду этихъ приходовъ, бѣдныхъ и другихъ жителей; когда же вчинаются иски о взысканіи денегъ, такъ растраченныхъ, мировые судьи иногда не допускаютъ прихожанъ въ качествѣ свидѣтелей, хотя они единственно могутъ представить доказательства»; актъ постановляетъ, что «каждый прихожанинъ, за исключеніемъ такихъ, которые получаютъ вспомоществованіе изъ приходскихъ сборовъ, долженъ быть допускаемъ къ подачѣ показаній во всѣхъ такихъ случаяхъ».

Актомъ 1744 года приходамъ было предоставлено также извѣстное участіе въ раскладкѣ подати. Актъ этого года предписываетъ, чтобы податные списки, по утвержденіи мировыми судьями, были публично объявляемы въ церкви и каждый прихожанинъ могъ смотрѣть списки во всякое время и получать копію, платя 6 пенсовъ за каждые 24 имена. Въ то же время актъ даетъ право аппелировать на приходскихъ должностныхъ лицъ и мировыхъ судей въ квартальныя засѣданія, если какое либо лице будетъ недовольно оцѣнкою или раскладкою подати, или представитъ возраженіе противъ внесенія или опущенія какого либо лица въ спискѣ, или противъ суммы, положенной на какое либо лице. Квартальныя засѣданія получали право принимать и окончательно рѣшать по этимъ жалобамъ.

Рядомъ съ сообщеніемъ приходамъ участія въ управленіи призрѣніемъ начинается усиленіе и власти мировыхъ судей. Такъ уже актъ 1691 года, передавшій оцѣнку просьбъ о вспомоществованіи приходскому собранію, дастъ право мировымъ судьямъ назначать

*) 3 William and Mary cap. 11.

вспомоществованіе помимо приходскаго собранія. Актъ безъ сомнѣнія боялся, что приходскія собранія будутъ слишкомъ скупы въ вспомоществованіяхъ. Власть, данная мировымъ судьямъ, съ самаго начала повела къ другой крайности, ибо искатели обходили приходскія власти и обращались непосредственно къ мировымъ судьямъ, пользуясь ихъ щедростью. Такъ актъ 1722 года говоритъ: «многія лица обращаются къ мировымъ судьямъ въ то время, какъ приходскія власти не знаютъ объ этомъ, и подъ невѣрными и незначительными предлогами получаютъ вспомоществованіе, что́ много содѣйствуетъ увеличенію приходской подати». Актъ постановляетъ, что мировые судьи не прежде должны назначать вспомоществованіе, какъ по представленіи лицомъ подъ присягой разумной причины просьбы и того, что она была у надзирателей и приходскаго собранія, и не прежде, какъ надзиратели будутъ спрошены о причинѣ отказа. Это ограниченіе продолжалось впрочемъ не долго. Къ концу XVIII вѣка призрѣніе, собственно говоря, сосредоточилось въ рукахъ мировыхъ судей. Законодательство XVIII вѣка въ борьбѣ съ злоупотребленіями смотрѣло на мировыхъ судей какъ бы на единственную опору и считало ихъ лучшимъ орудіемъ для проведенія своихъ цѣлей. Актомъ 1796 года мировые судьи получили право назначать вспомоществованіе, срокъ его былъ ограниченъ мѣсяцемъ. Въ 1815 году срокъ этотъ продолженъ для одного мироваго судьи на три мѣсяца, но потомъ два мировые судьи могли продолжить вспомоществованіе на 6 мѣсяцевъ. Статутъ предоставилъ имъ право опредѣлять и способъ вспомоществованія, установивши лишь правиломъ, что если оно продолжается болѣе мѣсяца, то не должно превышать 4 шил. въ недѣлю, или $^3/_4$ издержекъ на содержаніе въ рабочемъ домѣ. — Отчетъ коммиссіи 1832 года говоритъ о мировыхъ судьяхъ, что «нельзя себѣ представить болѣе опаснаго орудія, чѣмъ должностное лице, управляемое благодушіемъ, вооруженное властью, на которую нѣтъ аппеляціи, и упускающее изъ вниманія слѣдствія ея употребленія». Такъ характеризуетъ коммиссія 1832 года дѣятельность мировыхъ судей въ дѣлѣ призрѣнія. Но въ то же время коммиссія упоминаетъ, что вредъ, который они причиняли, не былъ слѣдствіемъ ихъ личныхъ интересовъ, прастрастія, боязни или нерадѣнія, но былъ отчасти слѣдствіемъ ихъ общественнаго положенія, и юрисдикціи имъ врученной, а отчасти истекалъ изъ ложнаго пониманія пауперизма и призрѣнія, преобладавшаго во всѣхъ классахъ этого времени.

Возлѣ этихъ измѣненій, которымъ подверглась администрація призрѣніемъ, установленія статутомъ Елисаветы, мы должны упомянуть объ актѣ 1782, извѣстномъ подъ именемъ Гильбертовскаго. Актъ этотъ имѣлъ въ виду удовлетворить потребности устроить администрацію призрѣніемъ, которая лучше бы удовлетворила взгляду на призрѣніе, господствовавшему въ концѣ XVIII вѣка. Характеръ этого акта и его направленіе опредѣляются его вступленіемъ: «не смотря на множество законовъ (говорится въ немъ) о призрѣніи и занятіи бѣдныхъ работою и на огромныя суммы, собираемыя для этой цѣли, страданія и бѣдствія ихъ весьма значительны, и деньги, собираемыя для призрѣнія ихъ, часто по неспособности и нерадѣнію и злоупотребленіямъ приходскихъ должностныхъ лицъ растрачиваются на покрытіе издержекъ по процессамъ о мѣстѣ жительства, неблагоразумно и необдуманно начатымъ».

Неудовлетворительность прихода, какъ административной единицы, заставила Гильберта замѣнить его союзомъ изъ нѣсколькихъ приходовъ, который могъ представить болѣе однообразія и заключалъ въ себѣ болѣе средствъ для лучшей администраціи. Актъ оставилъ за прежними приходскими должностными лицами лишь сборъ и раскладку подати, всѣ же остальныя ихъ обязанности были перенесены на союзъ, состоящій изъ приходовъ, принявшихъ постановленія акта. Для дѣйствительности принятія приходомъ акта 1782 года требуется, чтобы постановленіе объ этомъ сдѣлано было въ приходскомъ собраніи, созванномъ именно для этой цѣли, и притомъ $^2/_3$ лицъ присутствующихъ и представляющихъ въ то же время $^2/_3$ цѣны собственности, подлежащей подати для бѣдныхъ въ приходѣ. Актъ не опредѣляетъ числа приходовъ, которые могутъ войти въ союзъ, но требуетъ только, чтобы ни одинъ изъ нихъ не отстоялъ болѣе 10 миль отъ рабочаго дома, который долженъ быть въ каждомъ такомъ союзѣ. Условіе о принятіи акта должно быть утверждено двумя мировыми судьями. Приходъ, вступившій въ союзъ, могъ выйдти не ранѣе какъ по истеченіи перваго трехлѣтія и т. д. Но для этого онъ долженъ былъ заявить за 12 мѣсяцевъ о своемъ желаніи и постановленіе должно быть сдѣлано въ собраніи, надлежащимъ образомъ созванномъ и квалифицированномъ, какъ выше сказано.

Администрація союза состояла изъ попечителей, по одному для каждаго прихода, назначаемыхъ мировыми судьями изъ лицъ, представленныхъ приходами, подписавшими условіе о принятіи акта.

Попечители (guardians) получили всю власть приходскихъ должностныхъ лицъ за исключеніемъ сбора и раскладки подати. Они должны были собираться ежемѣсячно въ засѣданіе. Приходскія должностныя лица должны были выплачивать имъ суммы, необходимыя для содержанія рабочаго дома и на другіе расходы по призрѣнію. Мировые судьи должны были назначить также директора рабочаго дома. Какъ директоръ такъ и попечитель должны получать жалованье. Одинъ изъ попечителей долженъ былъ быть назначенъ судьями округа казначеемъ и получалъ жалованье.

Кромѣ этихъ должностныхъ лицъ, мировые судьи округа должны были назначить визитора (visitor) изъ 3-хъ кандидатовъ, представленныхъ попечителями. Директоръ рабочаго дома и казначей должны были во всемъ повиноваться его распоряженіямъ. Онъ имѣетъ право назначить вмѣсто себя депутата.

На попечителей возложена была обязанность доставлять работу лицамъ просящимъ объ этомъ; въ рабочій домъ они могли посылать только тѣхъ, которые не въ состояніи работать. Пока же работа не найдена, они должны были велѣть содержать въ рабочемъ домѣ, издержки потомъ были вычитаемы изъ заработной платы. Если попечитель откажется найти работу или дать вспомоществованіе, то по жалобѣ мировому судьѣ на это, послѣдній, по изслѣдованіи подъ присягою обстоятельствъ жалобы, могъ или назначать лицу недѣльное или другое вспомоществованіе, или велѣть попечителямъ отправить его въ домъ для бѣдныхъ, или доставить работу какъ выше сказано. За нерадѣніе или неисполненіе предписанія мироваго судьи попечитель подвергался штрафу въ 5 ливровъ. За отказъ или уходъ съ работы, доставленной попечителемъ, виновный, по жалобѣ попечителя, могъ быть подвергнутъ заключенію съ тяжелою работою отъ одного до 3-хъ мѣсяцевъ.

Попечители должны были также преслѣдовать праздныхъ и безпорядочныхъ людей и требовать о ихъ наказаніи у мировыхъ судей согласно съ статутомъ 1744 года Георга II. За нерадѣніе объ этомъ они подлежали штрафу отъ 20 шил. до 5 ливровъ.

Попечители должны были помѣщать всѣхъ малолѣтнихъ, по счету прихода, съ согласія визитора въ домъ для бѣдныхъ или къ какому либо пользующемуся уваженіемъ лицу въ сосѣдствѣ за плату, какая будетъ положена до возраста, когда могутъ быть отданы въ ученіе или въ услуженіе. Списки всѣхъ дѣтей, такъ помѣщеныхъ, долж-

ны быть представляемы визитору, который долженъ наблюдать, чтобы они были надлежащимъ образомъ содержимы. Въ случаѣ нужды визиторъ могъ велѣть взять ихъ и передать другому лицу.

Въ 1834 году было 67 такихъ союзовъ, обнимавшихъ 900 приходовъ. Начало введенное актомъ Гильберта — оставленіе повинности призрѣнія нищихъ на приходѣ и устройство другой единицы для администраціи — было принято и реформою 1834 г. Но союзы Гильберта принесли мало пользы, послѣ же 1834 г. они составили одно изъ значительныхъ препятствій для проведенія новой системы, ибо центральное учрежденіе (Poor Law Board) не получило права расторгать ихъ. Начала, на которыхъ устроена администрація въ этихъ союзахъ, одинаковыя съ тѣми, которыя преобладали въ законодательствѣ этого времени. Вся власть въ оныхъ сосредоточена въ рукахъ мировыхъ судей и визитора, лицъ мало заинтересованныхъ въ бережливости, а по общественому своему положенію склонныхъ болѣе къ щедрой раздачѣ вспомоществованій. Попечители же суть только орудія мировыхъ судей и визитора.

Еще болѣе вертится въ кругу представленій своего времени актъ Гильберта въ воззрѣніи на призрѣніе, къ которому мы въ настоящее время переходимъ. Постановленіе статута Елисаветы о дачѣ бѣднымъ прихода работы обратилось въ обязательное доставленіе работы каждому просящему. Рабочій домъ назначенъ лишь для неспособныхъ къ работѣ. Способные къ работѣ, пока имъ не доставятъ работы, должны быть содержимы на счетъ прихода.

Законодательство около этого времени вполнѣ подчинилось гуманному направленію, господствовавшему въ обществѣ XVIII вѣка. Рабочій домъ, который считали въ началѣ столѣтія лучшимъ средствомъ сдѣлать нищихъ полезными членами общества, казался уже стѣснительнымъ. Актомъ 1796 г. отмѣнено постановленіе акта 1722 года о дѣлѣ вспомоществованія лишь въ рабочемъ домѣ. Актъ говоритъ: «такъ какъ это часто препятствуетъ трудолюбивому лицу получать такую временную помощь, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ его особливому случаю и въ нѣкоторыхъ случаяхъ ставитъ его внѣ возможности получать вспомоществованіе, обидное для комфорта домашняго положенія и счастія», то приходскія должностныя лица уполномочены съ согласія приходскаго собранія и письменнаго дозволенія мировыхъ судей округа давать вспомоществованіе трудолюбивому бѣдному на дому. Мировые судьи также получили право назначать вспомоществованія на дому.

Что касается до способовъ призрѣнія, какъ они сложились къ концу XVIII вѣка, то неспособные къ работѣ получали вспомоществованіе или на дому или въ alms houses, малолѣтніе до возраста, когда могли быть отданы въ ученіе оставались или у своихъ родителей, или въ рабочемъ домѣ. Обычай отдавать ихъ въ семьи, господствующій въ другихъ странахъ, не могъ образоваться въ Англіи вслѣдствіе законовъ о мѣстѣ жительства. По достиженіи извѣстнаго возраста они отдавались прихожанамъ въ ученіе по очереди и соотвѣтственно съ величиною платимой ими подати. Гораздо важнѣе для насъ призрѣніе способныхъ къ работѣ.

Преобладающими способами призрѣнія способныхъ къ работѣ были: 1) отдача въ наймы бѣдныхъ прихода — farming of the poor; 2) очередная работа у прихожанъ, при чемъ часть платы была уплачиваема приходомъ — rounds man; 3) добавка къ заработной платѣ, или дача для уплаты за квартиры и под. — allowence sistem.

Farming of the poor было введено, какъ мы видѣли, статутомъ 1722 года. Этотъ способъ призрѣнія по видимому былъ связанъ съ большими злоупотребленіями. Актъ Гильберта говоритъ, что по недостатку надлежащаго контроля право, данное въ 1722 г., не принесло желанныхъ результатовъ и бѣдные во многихъ мѣстахъ были притѣсняемы. Статутъ 1805 года счелъ нужнымъ даже принять мѣры для ихъ огражденія: «большія неудобства возникли, говоритъ статутъ, изъ договоровъ о содержаніи и работѣ бѣдныхъ, заключенныхъ на основаніи акта Георга I съ лицами, живущими внѣ приходовъ, вслѣдствіе недостаточной отвѣтственности и добросовѣстнаго исполненія такихъ контрактовъ». Актъ постановилъ, что для дѣйствительности такого контракта лице, заключающее его, должно жить въ приходѣ договаривающагося, или въ приходѣ, въ которомъ такіе бѣдные должны быть отданы въ работу, если два или болѣе прихода соединены въ которомъ либо изъ нихъ. Кромѣ того онъ требуетъ поручительства о дѣйствительномъ исполненіи контракта со стороны одного или двухъ домохозяевъ, одобренныхъ приходскими должностными лицами, или же контрактъ долженъ быть утвержденъ двумя судьями графства, въ которомъ приходъ лежитъ. Статутъ впрочемъ изъялъ изъ этого правила приходы съ спеціальными актами.

Гораздо важнѣе для опредѣленія характера призрѣнія до реформы два другіе способы — rounds man и allowence system, какъ по своему распространенію такъ и по характеру.

Rounds man. Въ 1788 году Уилліамъ Юнгъ предложилъ посылать лицъ, не имѣющихъ работы, on the round (рабочихъ сельскихъ, которые зимою не имѣютъ занятія). Приходское собраніе должно было назначить таксу заработной платы для зимнихъ мѣсяцевъ и посылать такихъ рабочихъ по очереди по прихожанамъ, соотвѣтственно съ величиною платимой ими подати для бѣдныхъ. Двѣ трети платы должны были уплачивать хозяева а $1/3$ приходъ *).

Еденъ приводитъ отчетъ прихода Winslow за 1795 г., по которому большая часть рабочихъ была on the round. Пока хозяева не давали имъ работы, они получали полную плату отъ прихода. Дѣти 10 лѣтъ были также on round. По отчетамъ Kilworth Beachamp хозяинъ долженъ былъ давать харчи и 6 дени въ день, приходъ добавлялъ 4 дени, т. е. всѣ 10 дени въ день, нужные для содержанія семьи.

Allowence system ведетъ свое начало съ 1795 г. и введено мировыми судьями Беркшира, почему и носилъ названіе Berkshire Breod scole также spean hamlet act. Во время голода, бывшаго въ это время въ Англіи, судьи этого графства постановили, что когда gallon хлѣба изъ муки втораго сорта будетъ стоить 1 шиллингъ, то каждый бѣдный и рабочій человѣкъ долженъ получать для своего собственнаго содержанія 3 шил. allowence изъ подати для бѣдныхъ, а для содержанія своего семейства 1 шиллингъ 6 дени. Когда же gallon будетъ стоить 1 шил. 4 дени, долженъ получать 4 шил. въ недѣлю и 1 шил. 4 дени на каждаго члена своей семьи и т. д.

Bread scole скоро сдѣлалось общею въ южныхъ и среднихъ графствахъ. Приходскимъ дожностнымъ лицамъ предложено было также разработывать пустопорожнія земли подъ картофель, давая бѣднымъ, работавшимъ, $1/4$ урожая, и продавая остальное по 1 шил. за bushel для покупки топлива и раздачи по низкой цѣнѣ.

Въ одинъ день съ собраніемъ мировыхъ судей въ Беркширѣ, собраніе въ Безингстокѣ постановило также, что лучшій способъ регуляризировать таксу заработной платы — установить отношеніе ея къ цѣнѣ пшеницы, но что ни въ какомъ случаѣ рабочій не долженъ получать менѣе 8 шил. въ недѣлю. Актомъ Елисаветы 1562 — 63 мировымъ судьямъ было предоставлено опредѣлять таксу заработной платы въ графствахъ.

Эти способы призрѣнія показываютъ намъ, что призрѣніе ни-

*) Eden — 397 v. II 30. 384.

щихъ къ концу XVIII вѣка носить скорѣе характеръ организаціи труда, чѣмъ призрѣнія. Положеніе рабочихъ классовъ въ Англіи въ XVIII вѣкѣ представляетъ эпоху переходную. Поземельная собственность, какъ мы видѣли, перешла въ руки небольшаго числа владѣльцевъ, все же остальное сельское населеніе обратилось лишь въ поденщиковъ или фермеровъ. Фабричное производство должно было задавить прежнее ремесленное и вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣсто прежнихъ учениковъ и подмастерьевъ, стоявшихъ съ мастеромъ болѣе въ семейныхъ отношеніяхъ, образовался классъ фабричныхъ рабочихъ. Во Франціи въ XVIII вѣкѣ подмастерья пытаются образовать общества подобныя цехамъ и съ помощію ихъ бороться съ мастерами, и правительство должно было принимать строгія мѣры противъ такихъ обществъ. Въ Ангіи въ XVIII вѣкѣ также издаются законы противъ обществъ рабочихъ, составленныхъ съ цѣлью вынудить высшую плату или уменьшить число рабочихъ часовъ. Въ 1720 году актъ «For regulating journeymen Tailors» говоритъ, что «множество подмастерьевъ, учениковъ и другихъ, обученныхъ портному мастерству, въ Лондонѣ и Уестминстерѣ, покинули въ послѣднее время свою работу безъ всякой удовлетворительной причины и сговорились между собою поднять свою заработную плату до неестественной высоты и убавить рабочіе часы, что составляетъ дурной примѣръ и очевидно наноситъ вредъ промышленности, покровительствуетъ лѣни и увеличиваетъ число нищихъ». Актъ объявляетъ такіе сговоры противозаконными и подвергаетъ двухъ-мѣсячному тюремному заключенію съ тяжелою работою всякаго кто приметъ участіе въ нихъ. Въ 1725 г. изданъ подобный же актъ относительно рабочихъ на шерстяныхъ мануфактурахъ.

Въ то время какъ другія государства европейскія развили свою полицейскую дѣятельность, въ Англіи, гдѣ вмѣшательство государственной власти въ пользу рабочихъ классовъ до парламентской реформы 1832 года было очень незначительно, призрѣніе можно сказать, заступило его мѣсто. Это расширеніе задачи общественнаго призрѣнія было особенно легко при той задачѣ, которая была поставлена для него въ началѣ XVIII вѣка — организовать работу нищихъ и сдѣлать ихъ такимъ образомъ полезными членами общества. Въ 1796 г. былъ внесенъ Питтомъ билль въ парламентъ, въ которомъ между прочимъ для улучшенія законовъ о бѣдныхъ предлагалось давать рабочимъ allowence къ ихъ заработной платѣ; открыть кредитъ лицамъ, чтобы давать имъ возможность пріобрѣтать

землю, держать корову или заняться промысломъ, равно какъ давать вспомоществованіе лицамъ, владѣющимъ небольшою собственностью *).

Билль, предложенный Питтомъ, не прошелъ въ парламентѣ, но на практикѣ призрѣніе вполнѣ было согласно съ началами руководившими составителемъ билля. Въ 1822 году въ «Eight Letters on the poor Laws» надзирателя бѣдныхъ въ приходѣ Southwell, впослѣдствіи бывшаго секретаремъ въ Poor Law Board, Никольса довольно наглядно представлено положеніе прихода этого времени. «Приходъ по цензу 1821 г. имѣлъ 3,051 душъ населенія. Годовой доходъ съ собственности въ приходѣ, обложенной податью, равнялся 9,681 ф. Годовой доходъ съ земли былъ обложенъ 19 шил. 9 дени съ фунта а со строеній на треть меньше или 13 шил. съ фунта. Деньги, израсходованныя исключительно на вспомоществованіе бѣдныхъ, отдѣльно отъ подати, собранной для графства, расходовъ на процессы и отчеты церковныхъ старостъ и констаблей, равнялись за годъ, кончавшійся въ благовѣщеніе 1821 г., 2,006 ф. 7 шил., т. е. 13 шил. 1¾ дени съ головы, что́ было конечно очень значительно, взявши во вниманіе число зажиточныхъ или богатыхъ лицъ, жившихъ въ приходѣ. Это составляетъ среднюю величину издержекъ за шесть лѣтъ, исключая 1818 годъ, когда онѣ были нѣсколько выше.

Рабочій домъ былъ построенъ въ 1808 г., содержаніе его обходилось очень дорого, но приносилъ онъ мало пользы, если не былъ скорѣе положительно преднымъ, ибо въ немъ было мало порядку и дисциплины и онъ сдѣлался притономъ праздныхъ и распутныхъ лицъ обоего пола. Приходъ имѣлъ надзирателя на жалованьи въ помощь обыкновеннымъ надзирателямъ въ отправленіи ихъ обязанностей. Въ немъ были также недѣльныя засѣданія мировыхъ судей, которые и отправляли всѣ дѣла прихода. Каждый просящій о вспомоществованіи, былъ почти увѣренъ въ благосклонномъ пріемѣ. Дѣло дошло до того, что почти все населеніе впало въ пауперизмъ. Вмѣшательство прихода уничтожило въ немъ всякую заботу о себѣ. Женится ли какой юноша на дѣвушкѣ столь же неопытной какъ и онъ, а можетъ быть еще моложе, они немедленно обращаются къ надзирателю съ просьбою доставить имъ помѣщеніе а также что либо, чтобы пріобрѣсти постель и сколько нибудь домашней посуды. При-

*) Eden «State of the Poor» приложеніе № II.

ближаются роды, опять къ надзирателю просьба о повивальной бабкѣ и о деньгахъ, чтобы помочь имъ на сносахъ жены. Можетъ быть ребенокъ умретъ — приходу непремѣнно придется его хоронить; если останется живъ, то безъ всякаго сомнѣнія приходъ долженъ будетъ помогать содержать его; и такъ было въ продолженіи всей ихъ жизни, въ молодости и старости, во время болѣзни и здоровья, въ періодѣ избытка и въ періодъ нужды, во время высокихъ цѣнъ и во время низкихъ — на приходъ смотрѣли и расчитывали какъ на неизчерпаемый источникъ, за который каждый хватался и каждый считалъ себя въ правѣ получать помощь въ каждой нуждѣ, хотя бы то былъ результатъ его собственной лѣни, порока или безпечности.

При такомъ положеніи дѣлъ естественно, что подать для бѣдныхъ должна была возрастать неимовѣрно быстро. Въ 1714 году, во время восшествія на престолъ Георга I, подать для бѣдныхъ равнялась 950,000 фунт., т. е. 3 шил. $3^3/_4$ дени на голову населенія, равнявшагося 5,750,000. При восшествіи на престолъ Георга III въ 1760 году населеніе равнялось 7,000,000 а подать для бѣдныхъ 1,250,000 фунт., т. е. 3 шил. $6^3/_4$ д. на голову. Въ 1818 году подать для бѣдныхъ равнялась 7,870,801 фунт., т. е. 13 шил. 3 д. съ головы — это maximum, котораго достигала подать для бѣдныхъ. Это постоянное и быстрое возрастаніе подати для бѣдныхъ заставило наконецъ парламентъ въ 1817 году назначить особую коммиссію для изысканія средствъ остановить, если не исцѣлить, зло. 4-го іюня 1817 года коммиссія эта, подъ предсѣдательствомъ Starge Bourn'a, представила свой отчетъ. Указывая въ своемъ отчетѣ на возрастающее число нищихъ и увеличеніе подати, коммиссія высказываетъ опасеніе, что существующая система сама порождаетъ бѣдность, для исцѣленія которой назначена, и въ то же время поглощаетъ массы средствъ, которыхъ сама не можетъ увеличить. Говоря объ обязательномъ доставленіи работы, какъ тогда толковался статутъ Елисаветы, она указываетъ на невозможность всегда доставить работу, ссылаясь при этомъ на экономическую теорію о запросѣ и предложеніи. Единственнымъ средствомъ, въ случаѣ уменьшенія запроса на работу, она считаетъ большее прилежаніе и предусмотрительность въ періодъ изобилія работы.

Коммиссія далѣе указываетъ въ своемъ отчетѣ на средство, которое можетъ содѣйствовать развитію самодѣятельности и предусмотрительности въ рабочемъ классѣ. Она предложила школы для обу-

ченія дѣтей бѣдныхъ, говоря, что если бы огромныя суммы, даваемыя теперь родителямъ, были бы употреблены на содержаніе ихъ дѣтей въ такихъ школахъ, то это вѣроятно болѣе чѣмъ покрыло бы издержки на нихъ и составило бы лучшее средство противъ обычая, преобладающаго преимущественно въ южныхъ графствахъ, покрывать то, что должно бы было составить заработную плату, изъ подати для бѣдныхъ, согласно съ числомъ членовъ, составляющихъ семью и цѣною хлѣба. Далѣе, съ цѣлью освободить рабочіе классы отъ зависимости отъ прохода, коммиссія предлагаетъ устройство приходскихъ benefit societies. Коммиссія упоминаетъ также о сберегательныхъ кассахъ—sovings banks *), толькочто устроенныхъ и говоритъ, что онѣ дѣйствуетъ успѣшно и обѣщаютъ очень хорошіе результаты.

Результатомъ дѣятельности коммиссіи 1817 года были два акта Parish vestry act и select vestry act. Оба они ограничиваются лишь

---

*) Сберегательныя кассы и прежде были не безъизвѣстны въ Англіи, но законною организаціею ихъ Англія обязана Георгу Розу (George Rose), внесшему въ февралѣ 1817 года билль объ этомъ. Два акта, 57 Георга III, cap. 130, составленный Розомъ и 58 Георга III, cap. 48, внесенный въ слѣдующемъ засѣданіи канцлеромъ казначейства для измѣненія предъидущаго, опредѣляютъ устройство и правила для всѣхъ лицъ. Акты уполномочиваютъ trustees и managers принимать вклады денежные въ пользу вкладчика, возвращая по востребованію часть или весь вкладъ съ вычетомъ лишь издержекъ по управленію. Trustees и managers не должны сами извлекать какихъ либо выгодъ изъ учрежденія, для котораго они должны составлять правила, внося ихъ въ книгу, открытую во всякое время для вкладчиковъ. Эти правила должны быть регистрированы въ засѣданіяхъ и мировые судьи могутъ устранять изъ нихъ тѣ, которыя не согласны съ актами. Вклады должны быть препровождаемы въ National Debt office, гдѣ должны быть включены въ отдѣльный фондъ, назначенный для этой цѣли, trustees же должны получать облигаціи, приносящія проценты—3 дени со ста въ день, т. е. 4 ф. 11 шил. 3 дени со ста въ годъ, по полугодно выплачиваемыя. Отчетъ о всѣхъ такихъ облигаціяхъ долженъ быть ежегодно представляемъ въ парламентъ. Friendly societies, законно конституированное, получили дозволеніе вносить часть или всѣ свои суммы въ сберегательныя кассы. Для предупрежденія злоупотребленій въ первый годъ не дозволено было вкладывать одному лицу болѣе 100 фун. и не болѣе 50 фун. въ годъ потомъ (шесть лѣтъ спустя вкладъ одного лица былъ ограниченъ 50 ф. въ первый годъ и 30 ф. въ слѣдующіе года и уничтожены проценты со вкладовъ, превышающихъ 200 фунт. Впослѣдствіи вкладъ одного лица ограниченъ 150 фунт. а вкладъ friendly societies 300 фун.). Съ 6-го августа по 11 марта 1818 года 657,000 фунт. были внесены уже въ эти кассы. 20-го ноября 1833 года въ Англіи и Уельсѣ было 408 сберегательныхъ кассъ, число вкладчиковъ равнялось 425,283, сумма вкладовъ 14,334,393 фун.

нѣкоторыми улучшеніями главнымъ образомъ въ администраціи призрѣніемъ.

Parish vestry act 1818 года пытается устранить одинъ изъ главныхъ недостатковъ администраціи, вслѣдствіе котораго завѣдываніе дѣломъ призрѣнія было въ рукахъ лицъ мало заинтересованныхъ въ бережливости и часто смотрѣвшихъ на призрѣніе съ точки зрѣнія своихъ личныхъ интересовъ. Мы видѣли, что актъ 1691 г., желая предупредить злоупотребленія со стороны приходскихъ должностныхъ лицъ, передалъ оцѣнку просьбъ приходскому собранію. Но это улучшеніе принесло мало пользы, ибо также личные интерессы руководили и членовъ собранія въ раздачѣ вспомоществованій, особенно когда право голоса было независимо отъ величины подати, платимой для призрѣнія. Отчетъ коммиссіи 1832 года представляетъ примѣры, что въ нѣкоторыхъ приходахъ кабаки содержались исключительно на счетъ лицъ, получившихъ приходское вспомоществованіе, гдѣ домовладѣльцы получали доходъ съ своихъ домовъ изъ подати для бѣдныхъ, а землевладѣльцы и фермеры содержали рабочихъ нужныхъ имъ въ извѣстное время года, въ продолженіи года, на счетъ прихода. Впослѣдствіи мы увидимъ, что эти частные интересы составляли одну изъ главныхъ трудностей при проведеніи реформы призрѣнія. Въ большей части случаевъ неудовольствія въ рабочихъ, проявившіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ во время введенія новой системы, были вызываемы подстрекательствами лицъ, заинтересованныхъ въ старой системѣ. Parish vestry act вводитъ извѣстный цензъ для подачи голосовъ въ приходскомъ собраніи. Лица платящія 50 фунт. или болѣе должны имѣть одинъ голосъ на каждые 25 фунт., платимой ими подати и такъ далѣе до 6-ти голосовъ. Болѣе 6-ти голосовъ никто не могъ имѣть какъ бы велика ни была уплачиваемая имъ подать. Лица, неходящія или отказывающіяся отъ уплаты подати, не должны имѣть голоса въ собраніи. Въ слѣдующемъ году этотъ актъ былъ измѣненъ тѣмъ, что право голоса въ приходскомъ собраніи было дано также лицамъ, уплачивающимъ подать, но не живущимъ въ приходѣ, соотвѣтственно величинѣ платимой ими подати. То же право получили агенты корпорацій, политическихъ учрежденій и компаній.

Гораздо болѣе вдается въ частности Select Vestry act. Актъ даетъ право приходскому собранію, надлежащимъ образомъ созванному, учреждать select vestry по дѣламъ о бѣдныхъ изъ нѣсколькихъ домохозяевъ или фермеровъ. Число членовъ такого собранія не должно

быть впрочемъ менѣе 5 и болѣе 20. Члены эти должны быть утверждены мировымъ судомъ въ своей должности и вмѣстѣ съ пасторомъ или другимъ духовнымъ лицемъ прихода и церковными старостами и надзирателями бѣдныхъ должны составлять select vestry, при чемъ трое изъ нихъ (въ числѣ этихъ трехъ не должны быть церковные старосты и надзиратели) должны составляютъ a quorum. Select vestry должно собираться разъ въ двѣ недѣли, или чаще, если это нужно, въ приходской церкви или въ другомъ приличномъ мѣстѣ, избирая при этомъ изъ среди себя предсѣдателя, который долженъ имѣть ящикъ для сбора голосовъ. Select vestry должно опредѣлять объекты призрѣнія, свойство и величину вспомоществованій, при чемъ должно было обращать вниманіе въ каждомъ данномъ случаѣ на характеръ и поведеніе бѣднаго, желающаго получить вспомоществованіе. Select vestry должно контролировать за сборомъ и употребленіемъ суммъ, собираемыхъ для призрѣнія, и приходскія должностныя лица въ отправленіи своей должности должны повиноваться распоряженію Select vestry. Всѣ постановленія Select vestry и всѣ суммы, израсходованныя по его распоряженію, должны быть вносимы въ книгу. Книга эта должна быть представляема два раза въ годъ—въ мартѣ и октябрѣ—полному собранію прихожанъ.

Въ случаѣ жалобы мировому судьѣ на недостаточныя вспомоществованія членамъ прихода, имѣющаго Select vestry или другой спеціальный актъ, мировый судья не могъ вмѣшаться въ дѣло, пока подъ присягою не будетъ доказано, что просьба была представлена въ Select vestry и послѣднее отказало въ ней. Въ послѣднемъ случаѣ мировой судья могъ призвать надзирателей для отвѣта, и въ случаѣ если находилъ, что просящій нуждается въ помощи и что ему было отказано въ надлежащей помощи, могъ назначать ему такое вспомоществованіе, какое по своему усмотрѣнію находилъ нужнымъ, обозначая при этомъ причину своего распоряженія. Вспомоществованіе это не должно однако продолжаться долѣе мѣсяца. Въ приходахъ безъ Select vestry два мировые судьи могли предписать приходскимъ должностнымъ лицамъ дать вспомоществованіе, но срокъ его также не долженъ быть болѣе мѣсяца. Въ случаяхъ крайней необходимости одинъ мировой судья могъ назначать вспомоществованіе, но оно должно продолжаться лишь до собранія Select vestry, гдѣ оно есть, или до ближайшаго petty session, если въ приходѣ его нѣтъ.

Актъ далѣе даетъ приходамъ право назначать помощниковъ

надзирателей — (assistant overseer) и опредѣлять какъ ихъ обязанности такъ и величину жалованья; два мировые судьи должны были лишь утверждать ихъ въ ихъ должности. Эти помощники надзирателей должны были отправлять всѣ обязанности возложенныя на нихъ какъ обыкновенныхъ надзирателей.

Вмѣстѣ съ Select vestry act, въ 1819 году изданъ также «On act to amend the laws respecting the settlement of the poor, so for as regards renting tenements. Коммиссія 1817 года въ своемъ отчетѣ коснулась также и законовъ о мѣстѣ жительства. Она говоритъ, что законы о мѣстѣ жительства служатъ поводомъ къ массѣ дорого стоющихъ и затруднительныхъ процессовъ. Деньги, израсходованные на этого рода процессы и удаленія изъ приходовъ, равнялись въ 1815 г. 281,000 фунт.; число аппеляцій на рѣшеніе судей объ удаленіи, поступившихъ въ послѣднія четыре квартальныя засѣданія, достигаетъ 4,700. Коммиссія прибавляетъ далѣе, что издержки эти еще не составляютъ худшей стороны системы. Говоря, что она не раздѣляетъ мнѣнія тѣхъ, которые предлагаютъ совершенное уничтоженіе законовъ о мѣстѣ жительства вмѣстѣ съ введеніемъ національной подати для призрѣнія нищихъ, коммиссія думаетъ, что достаточно упростить законы о мѣстѣ жительства. Актъ, о которомъ мы упомянули, постановилъ, что для пріобрѣтенія мѣста жительства въ приходѣ 40-ка-дневнымъ пребываніемъ на арендѣ нужно, чтобъ она состояла или изъ отдѣльнаго жилаго дома или другаго какого либо строенія, или изъ поземельнаго участка въ предѣлахъ прихода, или изъ того и другаго вмѣстѣ bona fide арендованныхъ на годъ и за ренту не ниже 10 фун., при чемъ домъ или земля должны быть заняты и рента за нихъ дѣйствительно уплачена по крайней мѣрѣ за годъ лицомъ арендовавшимъ. Такимъ образомъ все дѣло ограничилось лишь увеличеніемъ затрудненій пріобрѣсть мѣсто жительства.

Результаты коммиссіи, какъ мы видимъ, были очень незначительны. Впрочемъ время, къ которому относится ея дѣятельность, было мало благопріятно для болѣе рѣшительныхъ мѣръ. Переходъ отъ долгой и истощительной войны ко всеобщему миру сопровождался, какъ всегда, всеобщею остановкою работъ и нарушеніемъ правильныхъ отношеній между капиталомъ и его помѣщеніемъ. Бѣдность, слѣдствіе этихъ экономическихъ потрясеній, господствовавшая въ это время въ Англіи, возвысившая еще болѣе подать для бѣдныхъ, дѣлала неблагоразумными попытки сократить ее. Это

объясняетъ намъ, почему коммиссія, указывая напр. на неестественность обязательнаго доставленія работы и уплаты заработной платы изъ подати для бѣдныхъ, въ то же время предлагаетъ въ своемъ отчетѣ устроить приходскія фермы для занятія работою бѣдныхъ— предложеніе это вошло и въ актъ 1819 года.

Главная заслуга коммиссіи 1817 года состояла въ открытіи странѣ той бездны, куда при существовавшей системѣ призрѣнія она должна была идти, ибо до нея никто такъ ясно не выставлялъ зло. Послѣ коммиссіи 1817 года потребность реформы распространялась болѣе и болѣе въ обществѣ и высказывалась въ прессѣ въ дебатахъ парламентскихъ и наконецъ въ билляхъ, вносимыхъ въ парламентъ. Наконецъ, въ февралѣ 1832 года, лордъ Althorp по поводу запроса, сдѣланнаго ему, сказалъ, что общій вопросъ о законахъ о бѣдныхъ предметъ такой важности и заключаетъ въ себѣ столько разнообразныхъ соображеній, что ни членъ правительства, ни членъ палаты не могли бы быть оправданы, если бы предложили какую либо мѣру, которая касалась бы цѣлой системы законовъ о бѣдныхъ. Правительство, сказалъ далѣе министръ, того мнѣнія, что наилучшій путь, которому должно слѣдовать, состоитъ въ томъ, чтобы при посредствѣ изысканій и изслѣдованій на мѣстѣ узнать результаты разныхъ системъ призрѣнія, принятыхъ въ разныхъ приходахъ страны, сообразно съ чѣмъ будутъ назначены коммиссары съ цѣлью опредѣлить системы, дѣйствующія въ разныхъ предѣлахъ королевства. Когда результаты этихъ изслѣдованій будутъ передъ министрами, тогда послѣдніе будутъ въ состояніи опредѣлить, слѣдуетъ ли предложить какую либо мѣру по этому предмету. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этой рѣчи была назначена коммиссія, которой было предписано сдѣлать тщательное и возможно полное изслѣдованіе о примѣненіи къ практикѣ законовъ о бѣдныхъ въ Англіи и Уельсѣ, о способахъ какъ эти законы администрируются и представить свои соображенія о томъ — могутъ ли быть сдѣланы какія либо измѣненія, улучшенія или перемѣны въ означенныхъ законахъ, или въ способѣ ихъ администраціи и какъ лучше привести эти же измѣненія въ дѣйствіе. Коммиссія получила право назначать коммиссарамъ помощниковъ, которые посѣщали бы разные округи, какъ городскіе такъ и сельскіе, и доставляли бы свѣдѣнія о преобладающихъ въ нихъ способахъ призрѣнія коммиссіи, такъ чтобы свѣдѣнія эти могли послужить ей руководствомъ при составленіи проекта, какой она и можетъ счесть нужнымъ предложить.

Правительство, принявши эту мѣру, дѣйствительно сдѣлало то, чего требовало и положеніе страны и положеніе рабочихъ классовъ. При этомъ мы должны сказать, что и время, выбранное для этого, было весьма благопріятно. Что касается до положенія рабочихъ классовъ въ это время, то мы можемъ судить изъ слѣдующаго мѣста «History of England during thisty years of peace *), представляющаго слѣдующимъ образомъ положеніе южныхъ земледѣльческихъ графствъ къ концу 1830 года — «фермеры и ихъ семейства не имѣютъ покоя въ своей жизни. Съ крайнимъ подозрѣніемъ наблюдаютъ они ежедневно за наиболѣе бѣдными изъ своихъ сосѣдей и за каждымъ постороннимъ, приходящимъ въ ихъ приходъ. Всѣ ночи они проводили безъ сна или участвуя въ патруляхъ, или наблюдая за своими складами, или спѣша на шумъ пожарной трубы. Если кто либо, утомленный сторожкою въ продолженіи трехъ или четырехъ ночей, расчитывалъ соснуть одну ночь и отправлялся, покончивши всѣ другія дѣла, къ своимъ складамъ и осматривалъ каждый уголъ и побывалъ въ каждомъ закоулкѣ, то могъ найти свою комнату освѣщенною загорѣвшимися сараями, въ то время когда онъ входилъ только на крыльцо.... Солдаты были истомлены безплодными маршами и ихъ ночные переходы освѣщаемы пожарами сзади, въ какую бы сторону они ни обратились».

Причины, которыя привели къ такому положенію дѣлъ, конечно различны, но не можетъ быть также сомнѣнія о томъ, что дурное управленіе призрѣніемъ играло если не главную, то не малую роль въ этомъ. Ибо, гдѣ бы ни господствовала allowence sistem, въ какой бы то ни было формѣ и въ какомъ бы то ни было объемѣ, большая или меньшая часть платы работы будетъ уплачиваема ими въ формѣ приходскаго призрѣнія. Вслѣдствіе чего должна быть постоянная борьба между ними и приходскими властями т. е. фермерами и настоятелями — послѣдніе будутъ стараться давать елико возможно менѣе, первые получить елико возможно болѣе. Неудивительно, что послѣ этого между обѣими сторонами, такъ поставленными, будетъ мало расположенія и что rounds man или рабочій при allowence системѣ будетъ смотрѣть на своего хозяина, какъ на тирана и угнетателя, который препятствуетъ ему и его семьѣ получить allowence, на которую они имѣютъ право. Кромѣ этого этому чувству ненависти между двумя классами не могло не содѣй-

*) Т. I, стр. 13.

ствовать то, что подать для бѣдныхъ лежала исключительно на лицахъ состоятельныхъ; призрѣніе приходское, обнявши собою рабочіе классы, не могло не представлятся такимъ образомъ какъ право неимущаго жить на счетъ имущаго.

Но возлѣ этого вреднаго вліянія призрѣнія на рабочіе классы, подать для бѣдныхъ, поглощая массу средствъ совершенно безплодно, не могла не подѣйствовать вредно и на производительныя силы страны. До какихъ размѣровъ могъ дойти гнетъ ея, можно заключить изъ примѣра Cholesbury въ Букингамширѣ, гдѣ по отчету коммиссіи 1832 года сборъ податей для бѣдныхъ внезапно прекратился, вслѣдствіе невозможности продолжать его, ибо поземельные владѣльцы покинули свои ренты, фермеры свои аренды а духовенство свои церковныя земли и свои десятины. Отчетъ прибавляетъ однако, это другаго примѣра, подобнаго покинутія прихода неизвѣстно, но что много случаевъ, гдѣ гнетъ подати для бѣдныхъ уменьшилъ ренты въ половину или даже ниже противъ тѣхъ, которыя давались бы, если бы поземельные участки лежали не въ паупетирированномъ округѣ, равно какъ много случаевъ, въ которыхъ собственники не могли найти арендаторства, благодаря подати для бѣдныхъ.

Работы коммиссіи шли очень быстро, такъ что уже 19-го марта 1833 года она могла представить правительству томъ извлеченій, изъ свѣдѣній собранныхъ ею. При чемъ коммиссія замѣтила, что дурное управленіе призрѣніемъ, судя по свѣдѣніямъ, которыя она собрала, не ограничивается лишь нѣкоторыми земледѣльческими округами, какъ предполагалось обыкновенно, но распространено почти по всей странѣ и въ мануфактурныхъ городахъ, и что главный источникъ дурной администраціи — застращиваніе лицъ, которыя считаются нерасположенными къ щедрой раздачѣ вспомоществованій, и что зло, хотя и пріостановлено въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, благодаря чрезвычайной энергіи нѣкоторыхъ, въ цѣломъ постоянно и быстро растетъ. Этотъ томъ извлеченій былъ распространенъ по странѣ и произвелъ замѣтное дѣйствіе на общество. 20-го же февраля слѣдующаго года появился и полный и солидно обработанный отчетъ коммиссіи вмѣстѣ съ приложеніемъ, о которомъ коммиссія говоритъ, что свѣдѣнія, помѣщенныя въ немъ, получены *почти что* изъ каждаго графства и почти изъ каждаго города и изъ очень значительной части селъ, и собраны отъ многихъ тысячъ свидѣтелей разнаго званія, состоянія и занятій — чле-

новъ обѣихъ палатъ, духовенства, джентельменовъ, мировыхъ судей, фермеровъ, промышленниковъ, мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ и крестьянъ, различающихся по воспитанію, привычкамъ и интересамъ и сходныхъ только въ практическомъ знакомствѣ съ предметомъ, о которомъ идетъ рѣчь, въ описаніи способовъ, какъ прямо найти законы о призрѣніи бѣдныхъ, слѣдствій, которыя изъ этого уже возникли, и въ предостереженіи отъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Отчетъ подписали — епископъ Лондона, епископъ Честера, Sturge Bourne, Nussaw, W. Senior, Henry Bishop, Henry Gawler, W. Coubson, Jaimes Trail и Edwin Chadwick.

Предлагая планъ реформы призрѣнія, коммиссія замѣчаетъ напередъ, что она руководствовалась въ этомъ случаѣ правиломъ помѣщеннымъ въ ея наказѣ — чтобы тѣ способы администраціи призрѣніемъ, которые были испробованы вполнѣ или отчасти въ нѣкоторыхъ округахъ и дали хорошіе результаты, были введены повсюду съ измѣненіями, требуемыми мѣстными обстоятельствами.

Коммиссія не идетъ противъ обязательнаго призрѣнія и считаетъ нужнымъ лишь возстановить то значеніе его, какое оно имѣло въ законодательствѣ Елисаветы, которое управлялось не столько началомъ благотворительности, сколько цѣлями общественнаго блага, главнымъ же образомъ безопасности и порядка. Обязательное призрѣніе нищихъ, говоритъ коммиссія, можетъ быть устроено на здравыхъ началахъ, при чемъ дѣйствительно нуждающіеся будутъ лучше призрѣны, чѣмъ прежде, а нищіе и бродяги потеряютъ отговорку при ихъ преслѣдованіи. Такъ какъ главное зло, по мнѣнію коммиссіи, въ существовавшей системѣ, было связано съ вспомоществованіемъ способныхъ къ работѣ, то, оставляя въ сторонѣ призрѣніе неспособныхъ къ работѣ, гдѣ начало благотворительности не можетъ имѣть столь вредныхъ слѣдствій, она находитъ нужнымъ подчинить вспомоществованіе первыхъ исключительно полицейскимъ цѣлямъ. Основнымъ правиломъ по ея мнѣнію должно быть, чтобы положеніе вспомоществуемаго въ цѣломъ не было съ виду или на фактѣ одинаково съ положеніемъ самостоятельнаго рабочаго самаго низшаго разряда, ибо опытъ показываетъ, что въ той же самой степени какъ положеніе нищихъ возвышается надъ положеніемъ самостоятельныхъ рабочихъ, ухудшается положеніе независимаго класса, его промыслы уменьшаются, его занятія становятся жалкими, а заработная плата сбавляется; потому, по мнѣнію коммиссіи, всякая полушка, которая улучшаетъ положеніе нищаго сравнительно съ

положеніемъ самостоятельныхъ рабочихъ, есть награда, данная лѣни и пороку.

Лучшимъ средствомъ для достиженія этой двойной цѣли—дать помощь въ нуждѣ, и въ то же время не дѣйствовать вредно на рабочій рынокъ — коммиссія считаетъ правильно организованный рабочій домъ (workhouses), въ которомъ нуждающіеся могли бы найти во всякое время убѣжище, подвергаясь строгому изслѣдованію, строгому надзору и урочной работѣ (workhouse test). Коммиссія, предлагая такой рабочій домъ какъ лучшее средство для призрѣнія способныхъ къ работѣ, руководствовалась примѣромъ Southwell'а, гдѣ благодаря стараніямъ Никольса, о которомъ мы выше упоминали, былъ устроенъ такой рабочій домъ. Вмѣстѣ съ этимъ коммиссія предлагаетъ воспретить всякое вспомоществованіе лицамъ способнымъ къ работѣ или ихъ семьямъ внѣ правильно организованнаго рабочаго дома *). Всѣ побочныя злоупотребленія могутъ быть устранены, говоритъ далѣе коммиссія, но если существенное зло системы—вспомоществованіе способныхъ къ работѣ иначе какъ подъ условіемъ урочной работы останется, то мы убѣждены, что пауперизмъ, вмѣстѣ съ сопровождающими его бѣдствіями, долженъ постоянно возростать, какъ это видѣно въ приходахъ, гдѣ, благодаря строгому надзору и энергіи, была устранена или уменьшена большая часть побочныхъ или случайныхъ злоупотребленій.

На мысль сдѣлать изъ рабочаго дома средство для узнанія дѣйствительной нужды были наведены приходскія должностныя лица вслѣдствіе слишкомъ щедрой раздачи вспомоществованій мировыми судьями, парализировавшей старанія ихъ пріостановить развитіе пауперизма и увеличеніе подати для бѣдныхъ. Въ 1820 — 21 годахъ, какъ мы видѣли выше, въ приходѣ расходъ на призрѣніе равнялся 2,006 фун. 7 шил.; въ 1821—22 г. издержка уменьшилась на 1,425 фун. 18 шил.; въ 1822 — 23 г. на 589 фун. 7 шил.; 1823 — 24 г. на 517 фун. 13 шил.; въ 1832 — 33 г. она была нѣсколько выше— 605 фунт. 14 шил. Этотъ результатъ былъ достигнутъ главнымъ образомъ рабочимъ домомъ. По примѣру Southewell'а подобный же рабочій домъ былъ введенъ въ сосѣднемъ приходѣ Binghom'ѣ и при-

*) Правиломъ при устройствѣ рабочаго дома коммиссія полагаетъ то, чтобы обитатели его могли быть раздѣлены на четыре класса, изъ которыхъ каждый жилъ бы совершенно отдѣльно: 1) престарѣлые и дѣйствительно неспособные къ работѣ; 2) дѣти; 3) способныя къ работѣ женщины; 4) способные къ работѣ мужчины.

несъ подобные же результаты. Эти два примѣра и послужили коммиссіи руководствомъ.

Указавши на начала, которыя должны управлять призрѣніемъ, коммиссія переходитъ къ средствамъ, при помощи которыхъ эти начала могутъ быть приведены въ исполненіе. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ устройство администраціи. Извращеніе смысла законовъ непредвидѣнными обстоятельствами и примѣненіе ихъ несогласно съ волею законодателя, выраженною въ нихъ, заставили коммиссію не довѣрять силѣ постановленій, какъ бы они ясно и точно ни были составлены, пока не будетъ спеціальнаго учрежденія для надзора и контроля за ихъ исполненіемъ. Съ одной стороны, говоритъ коммиссія, мы не знаемъ ни одного статута, касающагося призрѣнія, который далъ бы результаты, которые имѣлъ въ виду законодатель при его составленіи; большинство же статутовъ сами создавали новыя бѣдствія или усиливали тѣ, которыя желали предупредить.

Между тѣмъ съ другой стороны препятствія надлежащему исполненію какой либо новой законодательной мѣры существующими должностными лицами гораздо значительнѣе, чѣмъ были прежде — личный интересъ, связанный съ дурнымъ управленіемъ, сильнѣе, а интересъ въ искорененіи злоупотребленій пропорціонально слабѣе. Кромѣ того, опасности, угрожающія лицу и собственности, при попыткѣ привести въ исполненіе статуты Елисаветы, значительнѣе, чѣмъ наказанія, какія могутъ быть установлены съ цѣлью поддержать законъ. Тамъ и сямъ какая либо особенная личность и можетъ занять должность и достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ, но вмѣстѣ съ ея удаленіемъ явится и старая система. Коммиссія приходитъ потому къ заключенію, что никакая односторонняя система не можетъ быть проведена, какъ бы хорошо она составлена ни была, равно какъ не можетъ быть и надежды на постоянное улучшеніе, пока не будетъ учрежденъ центральный и достаточно сильный контроль. Безъ этого существующіе интересы, страсти и мѣстные обычаи приходскихъ должностныхъ лицъ будутъ управлять дѣломъ призрѣнія, и какъ бы великъ ни былъ объемъ власти, предоставленный мѣстнымъ должностнымъ лицамъ, оно будетъ употребляться согласно съ существующими интересами и привычками. Гдѣ существуетъ allowence система, мы можемъ быть увѣрены, что постановленія закона о ея уничтоженіи будутъ встрѣчены всевозможными увертками. Дозволить out door relief, какъ

исключеніе, будетъ значить дозволить ее какъ правило. Въ пользу центральнаго учрежденія коммиссія приводитъ также невозможность опредѣленія закономъ всѣхъ частностей, и также то, что положеніе пауперизированныхъ округовъ не таково, чтобы новая мѣра могла быть разомъ введена. Коммиссія предлагаетъ потому казначея центральнаго учрежденія, которому долженъ быть ввѣренъ контроль и завѣдываніе дѣлами призрѣнія, говоря въ заключеніе, что та же власть установляла правила, которая теперь принадлежитъ болѣе чѣмъ 15,000*) незнающимъ дѣла и на практикѣ безотвѣтственнымъ властямъ, которыя легко могутъ подчиняться незаконнымъ интересамъ, должна быть сосредоточена въ центральномъ учрежденіи, въ которомъ отвѣтственность строго концентрирована и которое будетъ имѣть наиболѣе обширныя свѣдѣнія о дѣлѣ.

Далѣе коммиссія предлагаетъ образовать союзы изъ приходовъ, ибо большинство приходовъ не въ состояніи содержать надлежащаго рабочаго дома; изъ 15,000 приходовъ въ Англіи и Уельсѣ, говоритъ коммиссія, 737 имѣютъ не болѣе 50 душъ населенія, 1,907 не болѣе 100; 6,681 не болѣе 300. Такіе приходы, говоритъ коммиссія, не могутъ устроить рабочаго дома, хотя они можетъ быть и имѣютъ домъ для бѣдныхъ—жалкое зданіе, занятое безъ платы 3 или 4 распутными семьями, взаимно развращающими другъ друга. Въ приходахъ же имѣющихъ отъ 300 до 800 душъ (число ихъ равняется 5,353) въ рабочихъ домахъ обыкновенно живутъ отъ 60 до 80 бѣдныхъ,—состоящихъ изъ дюжины болѣе или менѣе безпризорныхъ дѣтей, изъ 20 или 30 взрослыхъ способныхъ къ работѣ, нищихъ обоего пола, и можетъ быть изъ такого же числа престарѣлыхъ и неспособныхъ къ работѣ лицъ, которыя и составляютъ собственно предметъ призрѣнія, между ними матери незаконнорожденныхъ дѣтей, распутныя и непотребныя лица живутъ безъ всякаго стыда и свободно сообщаются съ несовершеннолѣтними, которые такимъ образомъ имѣютъ передъ собою примѣръ и слушаютъ разговоры обычныхъ обитателей остроговъ, воровъ, бродягъ, и стаскавшихся нищихъ и другихъ личностей еще худшаго качества. Къ этому часто надо присоединить какого либо одинокаго слѣпаго, двухъ или трехъ идіотовъ, не рѣдко слышится между прочимъ крикъ какого либо сумасшедшаго, оставленнаго безъ всякаго попеченія. Коммиссія не ограничивается въ настоящемъ случаѣ, какъ то дѣлали предъиду-

*) Въ Англіи и Уельсѣ считается 15,000 приходовъ.

щіе статуты, дозволеніемъ приходамъ соединяться въ союзѣ, но предлагаетъ дать центральному учрежденію власть инкорпорировать такое число приходовъ, какое оно найдетъ нужнымъ для устройства и содержанія рабочаго дома, общаго для всѣхъ приходовъ союза, при чемъ каждый приходъ долженъ вносить на устройство и содержаніе самаго рабочаго дома сумму равную средней величинѣ издержекъ на призрѣніе, сдѣланныхъ въ немъ въ послѣдніе три года, а потомъ платить отдѣльно за пищу и одежду бѣдныхъ, отправленныхъ изъ него въ рабочій домъ. Также точно коммиссія предлагаетъ дать центральному учрежденію право составлять союзъ для назначенія чиновниковъ на жалованьи или для другихъ цѣлей.

Предложенія коммиссіи почти всѣ вошли въ статутъ 1834 года; потому въ настоящее время мы можемъ оставить дальнѣйшія предположенія коммиссіи, которыя касаются всѣхъ частностей вопроса. Билль, составленный на основаніи предложеній коммиссіи съ небольшими измѣненіями, сдѣланными въ парламентѣ, получилъ королевскую санкцію 14-го августа 1834 года — «An act for the amendment and better administration of the law relating to the Poor in England and Wales». Главная опозиція была направлена противъ центральнаго учрежденія, которая говорила несогласно съ существующимъ государственнымъ устройствомъ. Актъ 1834 года сначала былъ изданъ какъ опытъ лишь на 5 лѣтъ, но потомъ продолжался и составляетъ теперь основный законъ.

Мы разсмотрѣли такимъ образомъ два періода въ исторіи англійскаго призрѣнія — первый, когда законодательство обратило вниманіе на призрѣніе чисто съ полицейской точки зрѣнія, и если сдѣлало его обязательнымъ, то руководствовалось лишь этою точкою зрѣнія; второй, когда гуманизмъ устранилъ совершенно эту точку зрѣнія — единственно законную въ обязательномъ призрѣніи и придалъ ему характеръ вмѣшательства въ экономическій бытъ народа въ пользу рабочихъ классовъ. Опытъ XVIII вѣка показалъ къ какимъ вреднымъ результатамъ должно было вести этого рода вмѣшательство, нарушившее основные законы экономической жизни. Реформа 1834 года возратила призрѣнію то значеніе, которое оно имѣло вначалѣ, устранивши всѣ постороннія дѣла. Но съ другой стороны реформа не устранила вмѣшательства государства въ положеніе рабочихъ классовъ, но придала ему болѣе правильное направленіе. Мы видимъ, что уже коммиссія 1817 года указы-

вала на нѣкоторыя мѣры съ цѣлью поднять положеніе низшихъ классовъ общества. Коммиссія 1832 года пошла въ этомъ дѣлѣ далѣе.

Въ концѣ своего отчета коммиссія 1832 года говоритъ: — «мы предложили въ настоящее время мѣры, которыя, мы надѣемся, могутъ постепенно исцѣлить страшное зло, истекающее изъ существующей дурной администраціи законовъ о бѣдныхъ, но, прибавляетъ коммиссія, мы вполнѣ предусматриваемъ, что для общаго распространенія правильныхъ принциповъ и понятій мы должны не столько расчитывать на законы и указы, сколько на вліяніе нравственно-религіознаго воспитанія; далѣе, что одна изъ величайшихъ выгодъ всякой мѣры, которая устранитъ или уменьшитъ бѣдствія существующей системы, состоитъ въ томъ, что она въ то же время удалитъ препятствія, которыя теперь мѣшаютъ развитію образованія и задерживаютъ его результаты, и дастъ болѣе свободное поприще дѣятельности всѣмъ тѣмъ орудіямъ, которыя могутъ быть употреблены для подъема умственнаго и нравственнаго положенія бѣднѣйшихъ классовъ общества». На сколько въ настоящее время государство дѣйствуетъ въ этомъ духѣ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ чиселъ бюджета за 1835 и 1863 годъ: на народное образованіе, науки и художества въ бюджетѣ 1835 году было назначено 135,130 фунт., въ бюджетѣ 1863 года на тѣ же предметы назначено 1,386,417 фунт. стерл., т. е. 9,760,650 руб. сер. Годовая ассигновка, дѣлаемая парламентомъ на народное образованіе исключительно, равнялась въ 1840 году 30,000 фунт. стерл., въ 1848 году 83,406 фунт., въ 1850 году 180,110 фунт., въ 1854 году 326,436 фунт., въ 1858 году 668,873 фунт. и въ 1862 году 774,743 фунт. стерл. На сколько народное образованіе двинулось впередъ въ Англіи, можно заключить изъ того, что въ 1842 году, на 100 мужчинъ, вступившихъ въ бракъ, лишь 67 умѣли подписать свое имя и на 100 женщинъ лишь 51, тринадцать же лѣтъ спустя пропорція измѣнилась въ 76.96 для мужчинъ и 56.1 для женщинъ. Registrar General говоритъ, что въ 1860 году пропорція возвысилась на 74.5 для мужчинъ и на 63.8 для женщинъ.

Въ заключеніе настоящаго нашего очерка мы представимъ таблицу годовыхъ издержекъ на призрѣніе, за разсмотрѣнный нами періодъ, вмѣстѣ съ числомъ населенія и среднимъ числомъ подати, падавшей на голову.

ГОДЫ.	ЦАРСТВУЮЩІЕ ЛИЦА.	НАСЕЛЕНІЕ.	ПОДАТЬ ДЛЯ БѢДНЫХЪ.	СРЕДНЯЯ ВЕЛИЧИНА НА ГОЛОВУ.
1688	Во время революціи	5.500,090	700,000	2 шил. 6 дени.
1701	. . . . .	. . . . .	900,000	
1714	Во время смерти королевы Анны.	5.750,000	950,000	4 » 3¾ »
1760	Во время смерти Георга II . . .	7.000,000	1.250,000	4 » 6¾ »
1776	. . . . .	. . . . .	1.529,780	
1780	Къ концу американской войны.	8.000,000		
1784	. . . . .	. . . . .	2.004,238	5 » 0¼ »
1801	Первая народная перепись . . .	9.172,980		
1803	. . . . .	9.210,000	4.077,891	8 » 10¼ »
1813	. . . . .	10.505,800	6.656,106	12 » 8 »
1814	. . . . .	. . . . .	6.294,581	
1815	. . . . .	. . . . .	5.418,846	
1816	. . . . .	. . . . .	5.724,839	
1817	. . . . .	. . . . .	6.910,925	
1818	. . . . .	11.876,200	7.870,801	13 » 3 »
1819	. . . . .	. . . . .	7.516,704	
1820	. . . . .	. . . . .	7.330,254	
1821	. . . . .	11.378 875	6.959,251	
1822	. . . . .	. . . . .	6.358,704	
1823	. . . . .	. . . . .	5.772,962	
1824	. . . . .	12.517,900	5.736,900	9 » 2 »
1825	. . . . .	. . . . .	5.786,989	
1826	. . . . .	. . . . .	5.928,502	
1827	. . . . .	. . . . .	6.441,088	
1828	. . . . .	. . . . .	6.298,000	
1829	. . . . .	. . . . .	6.332,410	
1830	. . . . .	. . . . .	6.829,042	
1831	. . . . .	13.898,187	6.798,889	
1832	. . . . .	14.105,600	7.036,969	10 » 0 »
1833	. . . . .	. . . . .	6.790,800	
1834	. . . . .	14.372,000	6.317,255	8 » 9½ »

62) Кандидата Петра Алексѣева.

Продолжая заниматься въ лабораторіи Wurtz'a, я изучаю нѣкоторыя реакціи, но къ несчастію онѣ не дали мнѣ ожидаемыхъ результатовъ; такъ, дѣйствовалъ я цинкъ-этилемъ и амальгамой натрія на ацетохлоргидринъ гликоля, и іодистоводородной кислотой на коричную кислоту. Въ послѣднемъ случаѣ хотя реакція и идетъ, но не въ томъ направленіи какъ я ожидалъ; я думалъ именно на основаніи того, что водородъ прямо присоединяется къ коричной кислотѣ *), то не присоединится ли іодистоводородная кислота т. е. $\overset{\text{кор. кислота.}}{Є_9H_8Θ_2} + HJ = Є_9H_9JΘ_2$; или не будетъ ли происходить распаденіе такое $Є_9H_8Θ_2 + HJ = Є_2H_3J + \overset{\text{бензойн. кис.}}{Є_7H_6Θ_2}$. Но реакція идетъ не по тому и не другому уравненію, и потому я пока оставилъ ее, чтобы заняться другими вопросами. Такъ напр., введеніе группы этиля $Є_2H_5$ въ органическія соединенія — вопросъ весьма интересный въ синтетическомъ отношеніи. Цинкъ-этиль **) представляетъ весьма хорошій реактивъ для этого, но въ большей части случаевъ онъ даетъ чистую реакцію только съ соединеніями не содержащими кислорода ***). Такъ, очень многіе пробовали его дѣйствіе на бромоуксусную кислоту, думая получить $(Є_2H_5)^2Zn + {}_2Є_2H_3BrΘ_2 = ZnBr_2 + {}_2Є_4H_8Θ_2$ маслянную кислоту, но безъуспѣшно. Принимая во вниманіе большее постоянство ароматическихъ соединеній, мнѣ кажется, можно вѣрнѣе разсчитывать на успѣхъ, взявъ напр. бромобензойную кислоту. И потому я намѣренъ пробовать дѣйствіе $ZnEt^2$ на бромобензойный эѳиръ. Но, при полученіи бромобензойной кислоты, я встрѣтилъ неожиданное препятствіе — трудность полученія ея въ чистомъ состояніи. Я продолжаю заниматься этимъ въ настоящее время. Съ другой стороны я думаю, что введеніе группы $Є_2H_5$ можетъ быть можно будетъ произвести при помощи тетрастанэтила, соединенія не столь энергично дѣйствующаго, какъ $ZnEt^2$, но которое легко уступаетъ 1 пай $Є_2H_5$ (напр. при дѣйствіи J). Этимъ веществомъ я намѣренъ дѣйствовать на бромоуксусную кислоту, и быть можетъ я буду счастливѣе тѣхъ, которые дѣйствовали на эту кислоту $ZnEt^2$.

---

*) Смотри *Alexeyeff* u. *Erlenmeyer*, Liebig's u. Wöhler Ann. T. CXXI p. 375.

**) Смотри *Alexeyeff* u. *Beilstein*. Préparation facile du Zinc-ethyle. Comptes rendus 1864, № 3. Seance 18 Janv.

***) Такъ напр. съ бромоформомъ, см. *Alexeyeff* u. *Beilstein*. Synthèse du propylène. Comptes rendus 1864. № 3.

Но приготовленіе тетрастанэтила сопряжено также съ весьма немалыми затрудненіями и издержками (для приготовленія его требуется много іода и спирта), и я, слѣдуя указаніямъ Cahours'а, не могъ еще дойти до того, чтобы имѣть достаточное количество исходнаго матеріала.

При этомъ я честь имѣю присоединить оттискъ моей статьи изъ Bulletin de la société chimique de Paris, въ которой я старался показать, что недавно полученныя Strecker'омъ*) ацо-и гидроацобензойная кислоты а также ацоанисовая к.**), полученная мною, представляютъ большую аналогію съ давно извѣстными соединеніями, получаемыми при возстановленіи нитробензола. О чемъ я писалъ между прочимъ въ моемъ предпослѣднемъ отчетѣ.

Кромѣ лабораторіи, я посѣщалъ постоянно лекціи: *Berthelot* въ Collège de France: Sur la synthèse des combinaisons organiques (2 partie. 1-ю часть онъ читалъ въ зимнемъ семестрѣ); и 2) *Wurtz'а* тамъже, «Sur la philosophie chimique. Говорить объ этихъ лекціяхъ я буду въ статьѣ, которую я намѣренъ представить по возвращеніи моемъ въ Россію, въ журналъ министерства народнаго просвѣщенія: «о средствахъ изученія химіи въ Парижѣ». Теперь я замѣчу только, что лекціи Wurtz'а въ высшей степени интересны, заключаютъ въ себѣ много новаго и оригинальнаго и отличаются замѣчательною ясностью и понятностью изложенія. Онѣ скоро будутъ напечатаны въ книжкѣ — Leçons — этомъ превосходномъ сборникѣ, издаваемомъ ежегодно здѣшнимъ химическимъ обществомъ. И я вполнѣ убѣжденъ въ той большой пользѣ, которую принесетъ переводъ этихъ лекцій, предпринятый мною, людямъ изучающимъ у насъ химію.

Парижъ, $^{28}/_{16}$ іюня 1864 года.

63) Кандидата Николая Головкинскаго.

Апрѣль мѣсяцъ провелъ я во Франціи, преимущественно въ Парижѣ. Богатство остеологическаго музея въ Jardin des Plantes возбуждаетъ зависть въ человѣкѣ, принужденномъ постоянно страдать при палеонтологическихъ занятіяхъ отъ бѣдности коллекцій провинціальныхъ нѣмецкихъ университетовъ. Но промѣнять нѣ-

*) Это соединеніе независимо отъ Strecker'а получено вслѣдствіе очень интересной реакціи Н. Н. Зининомъ. Bulletin de l'Acad. impér. de S.-Pétersbourg.

**) Предварительная замѣтка *P. Alexeyeff*. Comp. rendus. T. LV p. 473. Болѣе подробная статья *P. Alexeyeff*. Liebig's u. Wöhler's Annalen. Bd. CXXIX S. 343.

мецкій университетъ (я говорю именно о Тюбингенскомъ) на парижскіе Jardin des Plantes и Sorbonne было бы невыгодно. Чтобъ убѣдится въ этомъ, не нужно долго всматриваться: отдаленныя, оффиціяльныя отношенія профессора къ аудиторіи представляютъ замѣчательный контрастъ съ патріархальностью, которою мы здѣсь пользуемся и отъ которой такъ много зависитъ успѣхъ дѣла. Отношеніе учащагося къ учащему здѣсь вполнѣ нормальное: вслѣдствіе значительнаго числа университетовъ и легкости сообщеній, студентъ свободно выбираетъ профессора, и послѣдній убѣжденъ, что слушатель пришелъ не просто въ аудиторію такого-то предмета, а лично къ нему; потому онъ принимаетъ его, съ своей стороны тоже не какъ безразличную единицу аудиторіи, а нѣкоторымъ образомъ, какъ частнаго человѣка, и радушно дѣлится своимъ знаніемъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ Парижѣ. Всякая солидарность профессора съ аудиторіей устраняется характеромъ послѣдней; студентская молодежъ изчезаетъ въ массѣ, состоящей изъ лицъ почтенныхъ лѣтъ, не рѣдко съ сѣдинами и неизвѣстной профессіи. Кто они и чего желаютъ — я, конечно, не знаю; но не могу допустить предположеніе, что это стекающіеся съ разныхъ сторонъ спеціалисты, потому что видѣлъ, какъ одни слишкомъ внимательно слушали совершенно элементарный курсъ профессора Hébert'a, а другіе слишкомъ безцеремонно дремали. Я слышалъ мнѣніе людей, лучше меня знающихъ Парижъ, что для многихъ лекціи представляютъ столь же легкія развлеченія, наполняющія день на лѣвомъ берегу Сены, какъ бульвары на правомъ. Значительное неудобство, находящееся въ связи сь измѣнчивымъ составомъ аудиторіи, состоитъ въ томъ, что на демонстративныхъ лекціяхъ предметы не даются въ руки слушателей и замѣняются развѣшанными по стѣнамъ рисунками. Такъ было на лекціяхъ геологіи профессора Hébert въ Sorbonne; на лекціяхъ палеонтологіи виконта d'Archiac въ Jardin des Plantes, гдѣ число слушателей, вслѣдствіе отдаленности отъ центра города, весьма не велико, окаменѣлости передавались въ руки; не знаю, всегда ли такъ бываетъ. Должно прибавить однако, что желающій спеціально заниматься наукой можетъ войти въ болѣе близкія сношенія съ профессоромъ и получитъ свободный доступъ къ коллекціямъ (гдѣ, разумѣется, все хранится за запертыми стеклами).

Помимо практическихъ неудобствъ, господствующее направленіе въ наукѣ не привлекало меня дольше оставаться въ Парижѣ. Тя-

желая гипотеза міровыхъ катастрофъ, doctrine dorbignyenne, какъ ее назвалъ однажды Barrande, слишкомъ пустила корни во французскую почву и производитъ на свѣтъ такія книги, какъ *Examen du livre de M. Darvin, par Flourens, 1864*, — предметъ гордости и тщеславія многихъ французскихъ натуралистовъ. Не говоря о неспособности къ строгому мышленію, грубо выдающейся въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ выражается заносчивая претензія на силу логики и лаконизма, я приведу изъ этой книги только слѣдующія слова, характеризующія ея общій тонъ: «Que d'idées obscures (въ книгѣ Дарвина), que d'idées fausses! Quel jargon métaphysique jeté mal à propos dans l'histoire naturelle, qui tombe dans le galimatias dès qu'elle sort des idées claires, des idées justes. Quel langage prétentieux! Quelles personnifications puérieles et surannées. O lucidité! o solidité de l'esprit français, que devenez vous?» (p. 65). Кто знакомъ съ книгой Дарвина, какихъ бы теоретическихъ убѣжденій онъ ни былъ, не можетъ не признать всю фальшивость, все неприличіе подобнаго отзыва.

На экскурсіи въ долинѣ Соммы я пріобрѣлъ, въ sablière de St. Acheul, близь Amiens, нѣсколько ископаемыхъ, кремневыхъ топоровъ, ножей, наконечникъ стрѣлы и шаровидныя, пористыя тѣла (coscinopora) употреблявшіяся, какъ полагаютъ, для ожерелья. Со времени исторіи съ ископаемою челюстью въ Moulin Quignon распространилось подозрѣніе, что кремневыя орудія поддѣлываются рабочими; я тоже явился на мѣсто настроенный очень подозрительно, но внимательный осмотръ орудій, ихъ мѣстонахожденія и вообще простота и естественность всѣхъ окружающихъ условій быстро разсѣяли мой скептицизмъ. Между орудіями можно различать два сорта: одни покрыты желтоватымъ, непрозрачнымъ слоемъ, происшедшимъ отъ нѣкотораго вывѣтриванія кремня, другія не имѣютъ такого слоя, представляя свѣжесохранившуюся поверхность; первыя не допускаютъ мысли о поддѣлкѣ и подозрѣваемы могутъ быть только послѣднія, но дѣло въ томъ, что между тѣми и другими есть всевозможныя градаціи и на многихъ орудіяхъ съ свѣжею поверхностью можно отыскать признаки измѣненнаго слоя. Я не находилъ никакого повода сомнѣваться въ подлинности всѣхъ тѣхъ орудій, которыя мнѣ случилось видѣть какъ въ St. Acheul, такъ въ Jardin des Plantes въ Парижѣ, и въ богатой археологической коллекціи г. Буше де Пертъ въ Аббевилѣ. Гораздо труднѣе и серьезнѣе вопросъ о ихъ древности, но послѣ столькихъ основательныхъ и спе-

ціальныхъ изслѣдованій Lyell'я, Hébert'а и множества другихъ извѣстныхъ ученыхъ, было бы странно взяться за этотъ вопросъ, на основаніи двухдневной экскурсіи.

Возвратившись 2-го мая въ Тюбингенъ, я продолжаю слушать лекціи палеонтологіи профессора Квенштедта и занимаюсь изученіемъ фаунъ и флоръ палеозойскаго періода.

Въ началѣ августа я располагаю оставить Тюбингенъ, объѣхать Швейцарію и, останавливаясь для небольшихъ экскурсій въ Богеміи и Саксоніи, возвратиться въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Россію.

Въ теченіи двухлѣтняго пребыванія за границею я долженъ былъ постепенно измѣнять планъ, предположенный мною сначала; прежде я разсчитывалъ посвятить не менѣе двухъ третей времени на геологическое путешествіе; склоняясь мало по малу къ палеонтологической сторонѣ науки, что требовало занятій на мѣстѣ и работы въ музеѣ, я постоянно сокращалъ планъ путешествій, на которыя, за оба года, оказывается потраченнымъ не болѣе пяти мѣсяцевъ времени. Такой ходъ дѣла, который, мнѣ кажется, былъ вынуждаемъ самою сущностью моихъ занятій, лишилъ меня возможности посѣтить нѣкоторыя замѣчательныя мѣстности Европы: такъ я не былъ въ Англіи, представляющей безспорно весьма важный интересъ для геолога; но я могъ располагать только такимъ количествомъ времени, которое едва позволило бы спѣшный проѣздъ по странѣ въ одномъ, или двухъ направленіяхъ. Польза подобнаго путешествія не выкупала бы ни потраченнаго на него времени, ни издержекъ, что однако неизбѣжно влекло бы за собою стѣсненіе въ другихъ сторонахъ занятій... Такимъ образомъ поѣздка въ Англію должна быть отложена до другаго, болѣе благопріятнаго времени.

Тюбингенъ, $^{30}/_{18}$ іюня 1864 года.

64) Старшаго учителя А. Чистякова.

Во второй половинѣ зимняго семестра $18^{63}/_{64}$ года я продолжалъ свои занятія при университетѣ въ Галле. Здѣсь мое вниманіе было почти исключительно сосредоточено на лекціяхъ профессора Бернгарди. Профессоръ Бернгарди излагалъ внѣшнюю исторію римской литературы, ограничивъ впрочемъ свои чтенія только исторіей римской поэзіи. Изъ классиковъ онъ комментировалъ трагедію Эврипида *Вакханки*, при чемъ постоянно входили въ разсмотрѣніе коммен-

таріи Эльмсли, Порсона и Готфрида Германа. Остававшееся за посѣщеніемъ и просмотромъ лекцій время посвящено было мною на изученіе исторической грамматики латинскаго языка и архаическаго періода римской литературы, О характерѣ чтеній профессора Бернгарди и о направленіи моихъ самостоятельныхъ работъ было изложено мною съ должною подробностью въ отчетѣ за первую половину зимняго семестра.

Въ текущемъ лѣтнемъ семестрѣ я продолжаю свои занятія при Іенскомъ университетѣ, посѣщая лекціи профессоровъ Геттлинга и Ниппердея, употребляя впрочемъ большую часть времени на приготовленіе диссертаціи на степень магистра.

Іена, іюля 2-го (нов. ст.) 1864 года.

65) Доктора медицины В. Стадіона.

По окончаніи зимняго семестра, и по закрытіи лекцій въ Берлинѣ, я отправился въ Парижъ. Зная заранѣе, что Парижъ не много представляетъ наставительнаго въ отношеніи внутренней медицины, я рѣшился посвятить пребыванію своему въ столицѣ Франціи то лишь время, которое въ Германіи назначено для весеннихъ вакацій. Дорогою я остановился въ Гейдельбергѣ, чтобы представиться Николаю Ивановичу Пирогову; но, къ сожалѣнію моему, я уже не засталъ Николая Ивановича въ Гейдельбергѣ, ибо наканунѣ моего пріѣзда ($^{7}/_{19}$ марта) онъ переѣхалъ съ своимъ семействомъ въ Берлинъ.

Прибывъ $^{9}/_{21}$ марта въ Парижъ, я вскорѣ замѣтилъ, что попалъ въ него въ самое неблагопріятное для меня время. Едва только успѣлъ я нѣсколько оріентироваться на счетъ клиникъ и другихъ медицинскихъ заведеній этого безконечнаго города, какъ тутъ же наступила страстная недѣля, а затѣмъ праздники, впродолженіе которыхъ доступъ къ госпиталямъ чрезвычайно затрудненъ для иностранцевъ. Съ исходомъ праздниковъ выжиданіе мое все еще не было къ концу. Клиническія лекціи, на которыя я преимущественно мѣтилъ, должны были открыться не раньше 15-го, отчасти даже и 18-го апрѣля. Но такъ какъ намѣреніе мое было къ 1-му мая, т. е. съ наступленіемъ лѣтняго семестра, возвратиться въ Германію, то у меня осталось не болѣе 15-ти дней для того, чтобъ свести хоть нѣкоторое знакомство съ французскою медицинскою клиникой. Но и въ это короткое время мнѣ очень не посчастливи-

лось. Главные центры внутренне-медицинской дѣятельности Парижа заключаются въ двухъ заведеніяхъ: «Hôtel-Dieu» и «Charité». Въ Hôtel-Dieu медицинскою клиникою завѣдываютъ профессоры Trousseau и Rostan, изъ которыхъ первый читаетъ въ теченіе зимняго, а послѣдній въ теченіе лѣтняго полугодія. Въ «Charité» медицинская клиника въ рукахъ профессоровъ Bouillaud и Piorry, которые также чередуются, такъ что Bouillaud читаетъ зимою, а Piorry лѣтомъ. Такъ какъ въ половинѣ апрѣля какъ разъ начинался лѣтній семестръ, то клиники двухъ знаменитѣйшихъ клиницистовъ Парижа Trousseau и Bouillaud должны были для меня остаться terra incognita. У меня затѣмъ остались клиники Rostan'а и Piorry. Но Rostan, по преклонности лѣтъ и слабости здоровья, передалъ клинику въ руки своего agrégé, Parrot'а. Я утѣшалъ себя тѣмъ, что услышу, по крайней мѣрѣ, молодаго представителя французской клиники, безъ сомнѣнія одного изъ лучшихъ учениковъ Rostan'а. Но и тутъ мое ожиданіе не сбылось. Въ тотъ самый день, когда лекціи Parrot'а должны были открыться ($^4/_{16}$ апрѣля), въ сѣняхъ Hôtel-Dieu было прибито объявленіе, что д-ръ Parrot заболѣлъ, и что дальнѣйшимъ объявленіемъ увѣдомитъ посѣтителей Hôtel-Dieu объ открытіи своихъ лекцій. Во все мое пребываніе въ Парижѣ, однакожъ, это вторичное объявленіе не было сдѣлано, и у меня изо всей парижской медицины остался всего одинъ плевелъ, т. е. клиника Piorry.

Профессоръ Piorry служитъ живымъ доказательствомъ до какой степени ослѣпленія и карикатурности можетъ дойти человѣческое самообольщеніе и тщеславіе. Онъ также явно собою доказываетъ, какъ непослѣдовательно отступленіе, сдѣланное во Франціи въ пользу профессоровъ, отъ закона, которымъ чиновники, достигшіе извѣстныхъ лѣтъ, неумолимо отставляются отъ должности и замѣняются свѣжими силами. Пожизненное профессорство — это самое грустное и безотрадное явленіе. Ибо въ то время, какъ всякая наука съ теченіемъ времени постоянно подвигается впередъ, человѣческій организмъ, на оборотъ, временемъ и трудами все болѣе и болѣе изнашивается и ослабѣваетъ, и, въ самомъ лучшемъ случаѣ, представляетъ собою подъ конецъ только caput mortuum бывшей нѣкогда силы и энергіи. Если же такому отжившему старику дана возможность умѣривать вѣчно свѣжую, вѣчно юную науку масштабомъ своихъ собственныхъ обветшалыхъ, потускнѣвшихъ, отчасти уже совершенно ложныхъ свѣдѣній; то это составляетъ зрѣ-

лище столь безотрадное, и наука при этомъ показывается въ такомъ чахоточномъ, поблекшемъ и недостойномъ видѣ, что поневолѣ отворачиваешь голову и безъ оглядки уходишь въ сторону.

Въ отдѣленіи Piorry въ парижской «Charité» ничего не знаютъ о существованіи физіологической химіи и о ея примѣненіи къ объясненію патологическихъ процессовъ. Вся статика животной экономіи, всѣ данныя обмѣна веществъ игнорируются такъ основательно, какъ будто на нихъ въ самомъ дѣлѣ не стоитъ обращать никакого вниманія. Съ такимъ же пренебреженіемъ смотрятъ и на микроскопъ, а гистологія вообще преслѣдуется профессоромъ съ особеннымъ остервененіемъ. «L'histologie», сказалъ при мнѣ Piorry, «est un objet de luxe», съ нею, дескать не далеко уйдешь. Но если гистологія un objet de luxe, то за то физіологія, вѣроятно по мнѣнію самаго Piorry, никакъ уже не objet de luxe, даже и для обыкновеннаго практическаго врача. Но любопытно бы знать, какъ профессору представляется физіологія безъ гистологическихъ познаній. Какъ напр. ему является физіологія и патологія почекъ безъ микроскопической структуры этихъ органовъ. Любопытно бы также знать, какимъ путемъ Piorry желаетъ объяснить себѣ и своимъ слушателямъ роль и значеніе лимфы и лимфатическихъ железъ, внѣ всякой связи съ данными микроскопической анатоміи. А если и физіологія у проф. Piorry превращается такимъ родомъ въ побрякушку, или пустое фразерство, то, спрашивается, что же такое сама его клиника?

Всю цѣль и задачу врача Piorry видитъ въ одной только перкуссіи, или, какъ онъ это называетъ, «Organographie». Обвести карандашемъ контуры сердца, печени, селезенки etc. — вотъ, по его мнѣнію и словамъ, квинтэссенція медицинскихъ познаній. Что перкуссія имѣетъ свою важность, и что Piorry по этой части усвоилъ себѣ большую ловкость — въ томъ и спора быть не можетъ. Другое дѣло однакожъ, какъ профессоръ передаетъ это своимъ ученикамъ. При мнѣ представленъ былъ больной, 32-хъ лѣтъ, съ транссудатомъ въ полости *лѣвой* плевры. Лекція началась напыщеннымъ гимномъ «органографіи» вообще; затѣмъ профессоръ сказалъ, что органографію упрекаютъ въ томъ, что она будто отнимаетъ у врача много времени. (Если точно кто нибудь сдѣлалъ подобный упрекъ перкуссіи, то это принадлежитъ къ числу возраженій, которыхъ обыкновенно не удостоиваютъ вниманія; мало ли чего не говорятъ). Piorry, чтобъ доказать несправедливость этого упрека, вынулъ свои

часы и пригласилъ студентовъ наблюдать сколько ему нужно времени, чтобъ опредѣлить контуры грудныхъ и важнѣйшихъ брюшныхъ органовъ. Оказалось, что ему для этого понадобилось 3 минуты и 45 секундъ. Описываніе контуръ важнѣйшихъ органовъ выставилось студентамъ какъ идеалъ, достиженіе котораго должно быть цѣлью всѣхъ ихъ помышленій. Но надобно замѣтить, что профессоръ проводилъ линіи не по тѣлу, а по рубашкѣ больнаго; а такъ какъ рубашка не плотно пристаетъ къ тѣлу, и постоянно сдвигивается, то полученные контуры, по необходимости, должны были быть крайне невѣрными. Профессоръ при этомъ нисколько не считалъ нужнымъ объяснить, почему онъ тупость звука по лѣвой сторонѣ груди приписываетъ транссудату, а не экссудату; отчего онъ думаетъ, что это не кровь, что это не гной. Вѣдь одною перкуссіею онъ этихъ вопросовъ не порѣшитъ. Не была отыскана никакая связь между явленіями; не было никакой рѣчи о раціональномъ планѣ леченія; даже не видно было, къ чему должны повести, на что должны указать отмѣченные контуры органовъ. Вся патологія состояла только въ томъ, что въ 3 минуты 45 секундъ можно провести по рубашкѣ больнаго извѣстное число линій, представляющихъ будто контуры внутреннихъ его органовъ, да качаніемъ больнаго произвести всплескиваніе жидкости въ полости лѣвой его плевры.

Въ другой разъ представленъ былъ больной, 38-ми лѣтъ, съ свѣжею Pleuritis. Перкутируя сердце Piorry нашелъ, что поперечный діаметръ этого органа имѣетъ $10^1/_2$ сантиметровъ, въ то время какъ, по его изслѣдованіямъ, нормальное сердце имѣетъ 12 сантиметровъ въ поперечномъ діаметрѣ. Звуки сердца между тѣмъ совершенно нормальны. Какъ бишь себѣ объяснить это явленіе? Piorry спрашиваетъ больнаго, не похудѣлъ ли онъ, больной, въ послѣднее время?—Да, похудѣлъ, отвѣчаетъ больной. Такъ это уменьшеніе поперечнаго діаметра сердца вполнѣ понятно: «le cœur a maigri». Что́ однакожъ Piorry понимаетъ подъ *худобою* сердца — это, кажется, извѣстно только ему одному. Если онъ подъ худобою понимаетъ уменьшеніе жира, то это положительно несправедливо; такъ какъ извѣстно, что даже при смерти вслѣдствіе голода, гдѣ снѣдаются составныя части самаго организма, жиръ въ нервахъ, въ полости глаза и на существѣ сердца остается неизмѣннымъ. Если же подъ худобою должно понимать атрофію сердца, то она дѣйствительно бываетъ, но только у стариковъ, или вообще у субъектовъ съ

атрофіею *всѣхъ* органовъ, а не нѣкоторой степени наружной худобы тѣла. Въ такомъ случаѣ худоба, или, вѣрнѣе, атрофія сердца составляетъ только частное явленіе общаго маразма. Конечно, бываютъ случаи и *мѣстной* атрофіи сердца; но или вслѣдствіе омѣлотворенія вѣнечныхъ артерій и недостаточнаго питанія сердца, или вслѣдствіе давленія какой нибудь опухоли, напр. аневризма аорты, либо большаго накопленія жира въ мускулатурѣ сердца, при чемъ однакожъ перкуссія показываетъ тупость звука въ *увеличенномъ*, а не въ уменьшенномъ объемѣ. Всѣхъ этихъ измѣненій однакожъ не было, по крайней мѣрѣ Piorry, который изслѣдовалъ больнаго, вовсе объ нихъ не упоминалъ. Затѣмъ діагнозъ о худобѣ сердца основывался на двухъ моментахъ: 1) на уменьшеніи поперечнаго діаметра сердца на $1\frac{1}{2}$ сантиметра; 2) на словахъ больнаго. Слова больнаго однакожъ, какъ всякому врачу извѣстно, едва заслуживаютъ вниманія, а въ данномъ случаѣ и подавно. Больной только машинально отвѣтилъ на заданный ему вопросъ, и этимъ способомъ отъ него можно было бы добиться совершенно противоположнаго утвержденія. Нѣмцы, по справедливости, это называютъ: «*hineinexaminiren*», т. е. искусство заставить больнаго утверждать, что́ угодно врачу. Остается поэтому одно только уменьшеніе поперечника діаметра сердца на $1\frac{1}{2}$ сантиметра. Но изъ *этого одного* момента заключить о худобѣ сердца можетъ только врачъ, непростительно односторонній, или совершенно ослѣпленный избыточною самонадѣянностью. Положеніе сердца въ грудной полости далеко не неизмѣнное и подвержено многимъ отклоненіямъ; отношеніе этого органа къ окружающимъ его, нормальнымъ либо измѣненнымъ, краямъ легкихъ также зависитъ отъ множества случайностей, такъ что, составляя себѣ мнѣніе о положеніи и объемѣ сердца по *одной только* перкуссіи, мы нерѣдко рискуемъ впасть въ самыя грубыя ошибки. Сто́итъ только выслушать устныя и печатныя слова лучшихъ знатоковъ грудныхъ болѣзней: Скоды, Оппольцера, Винтриха, Бамбергера, Гамерника, Траубе, Духека etc., чтобъ убѣдиться, какъ недостаточны данныя *одной только* перкуссіи въ подобныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ діагнозъ Piorry свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о непростительной односторонности, которая ему мѣшаетъ воспользоваться множествомъ другихъ явленій, могущихъ въ подобномъ случаѣ руководить врачемъ; съ другой стороны, и о чрезмѣрной самонадѣянности, которая даже у природы оспариваетъ право сдѣлать малѣйшее отступленіе отъ найденнаго имъ. Piorry, пра-

вила. Въ самомъ дѣлѣ, допуская уже, что сердце *всегда* имѣетъ у здороваго человѣка 12 сантиметровъ въ поперечномъ діаметрѣ, и исключая всѣ послѣродовыя случайности, развѣ не могутъ быть случаи, въ которыхъ сердце *отъ роду* нѣсколько меньше обыкновеннаго? Вѣдь бываютъ же люди съ малыми ногами, съ малыми руками, отчего не могутъ быть люди и съ малымъ сердцемъ, при совершенно нормальномъ тѣлосложеніи? Рокитанскій, впрочемъ, не разъ замѣтилъ подобную *врожденную* малость сердца. Спрашивается, какимъ образомъ Piorry, помощію *одной* перкуссіи, докажетъ, что въ данномъ случаѣ была именно худоба, а не врожденная, т. е. конгенитальная малость сердца?

Въ третій разъ представленъ былъ 58-ми лѣтній больной съ сильною болью на задней поверхности *праваго* плеча, преимущественно in fossa supraspinata. Боль эта усиливается при давленіи, и часто простирается на вся правую верхнюю конечность, поражая даже и пальцы. Позвоночный столбъ при давленіи не чувствителенъ; голова свободна, сознаніе неизмѣненно. Больной разсказываетъ, что лѣтъ 20 тому назадъ, послѣ припадка сильнаго гнѣва, онъ вдругъ получилъ параличъ верхнихъ и нижнихъ конечностей и жестокую головную боль. По прошествіи шести недѣль параличъ постепенно изчезъ; но головная боль долго еще продолжалась. Случай, какъ видно, весьма интересный и поучительный. Дѣйствительно самъ Piorry почувствовалъ потребность распространиться объ этомъ случаѣ подробнѣе. Онъ пригласилъ своихъ слушателей послѣдовать за нимъ въ амфитеатръ, по видимому, чтобъ не тревожить своими словами больнаго, который принадлежалъ къ числу мелкихъ литераторовъ. Чуть только студенты размѣстились въ амфитеатрѣ, какъ знаменитый Piorry разразился страшно напыщенною рѣчью, въ которой передавалась *исторія амфитеатра* въ «Charité». Тутъ когда-то дѣйствовалъ Корвизаръ, тутъ дѣйствовалъ Леннекъ; тутъ дѣйствуетъ нынѣ и достойный ихъ преемникъ, самъ онъ, Піорри. Онъ, Піорри, никому ничѣмъ не обязанъ, все онъ взялъ съ конкурса, всѣмъ своимъ положеніемъ онъ обязанъ самому себѣ. Всего этого однакожъ онъ достигъ, посвятивъ себя исключительно органопатіи и органографіи. Рѣчь заключалась диѳирамбомъ въ честь прогресса, даже прогресса не медицинскаго, а, просто, прогресса вообще. О больномъ литераторѣ съ болью въ правомъ плечѣ не было и помину; вѣроятно потому, что болѣзнь его не подходила къ новѣйшему рогрессу. Послѣ этой оды Піорри къ самому себѣ, оды, сказанной

въ плохой французской прозѣ, и пущенной въ ходъ подъ благовиднымъ именемъ клинической лекціи, я думалъ, что могу употребить мое время съ бо́льшею пользою въ какомъ нибудь другомъ медицинскомъ заведеніи, внѣ «Charité».

Другой предметъ, приковывавшій въ Парижѣ мое вниманіе, составляютъ накожныя болѣзни. Накожнымъ болѣзнямъ исключительно посвященъ Hôpital St.-Louis, и тамъ дѣйствуютъ три спеціалиста: Cazenave, Bazin и Hardy. Первые два, считающіеся наиболѣе извѣстными, должны были открыть свои лекціи въ первыхъ числахъ мая; послѣдній же, т. е. д-ръ Hardy, открылъ свою клинику 16-го апрѣля; но, къ сожалѣнію, читалъ всего 2 раза въ недѣлю, такъ что я успѣлъ слышать его всего 4 раза. Hardy принадлежитъ къ небольшому числу французскихъ преподавателей, чуждыхъ всякой эффектности, читающихъ безъ остентаціи и серьезно смотрящихъ на свое призваніе. Я видѣлъ въ клиникѣ д-ра Арди нѣсколько случаевъ сифилитическихъ сыпей, сверхъ того: eczemata, impetigines, erythemata papulosa, purpura haemorrhagica, prurigo, herpes circinatus etc. Одинъ случай былъ особенно для меня интересенъ. Больной, сильно золотушный, имѣлъ еще сифилитическую сыпь, преимущественно на нижнихъ конечностяхъ, со всѣми характеристическими признаками подобнаго рода сыпей, или, какъ выразился Арди: une syphilide entée sur une scrophulide. Но у того же больнаго, передъ правымъ его ухомъ, въ непосредственной близости козелка (tragus), находилась продолговатая, овальная опухоль величиною съ небольшое голубиное яйцо. Арди обозначилъ эту безбольную, впрочемъ, опухоль, какъ phlegmone scrophulosa, и замѣтилъ, что она находится *только* въ ткани самой кожи, всегда имѣетъ эту характеристическую овальную форму и постоянное мѣсто появленія, т. е. въ непосредственной близости уха, или нѣсколько ниже. Она продолжается мѣсяцы, нерѣдко и цѣлые годы, переходитъ наконецъ въ нагноеніе и оставляетъ за собой безобразный рубецъ.

Случаи, видѣнные мною въ клиникѣ Арди, были подробно разобраны и на дифференціальную діагностику обращено преимущественное вниманіе. Арди гораздо выше ставитъ этіологическій моментъ, чѣмъ форму сыпи — и это очень раціонально. Онъ нѣсколько разъ указывалъ на шаткость различій напр. между eczema и impetigo, такъ какъ и impetigo начинается пузырьками, и eczema нерѣдко переходитъ въ impetigo. Hardy далекъ отъ мысли считать накожныя болѣзни чисто мѣстными болѣзнями, какъ это дѣлаетъ напр. про-

фессоръ Гебра; но онъ ихъ далеко не всегда считаетъ слѣдствіемъ измѣненныхъ соковъ, «acrimonia», какъ это дѣлалось прежде. Леченіе у него представляетъ счастливое соединеніе общаго съ мѣстнымъ; кромѣ того обращено тщательное вниманіе на діэтетическія условія. Изъ мѣстныхъ средствъ ванны, деготь и его препараты, теплыя припарки, и небольшое число прижигательныхъ составляютъ весь его арсеналъ. Результаты, достигнутые въ клиникѣ Hardy, не менѣе благопріятны, чѣмъ результаты проф. Гебры, въ то время какъ больные подвергаются въ Парижѣ менѣе обременительнымъ пріемамъ, какъ въ Вѣнѣ.

Вмѣстѣ съ клиническими лекціями д-ръ Hardy соединяетъ и систематическое изложеніе сыпныхъ болѣзней въ амфитеатрѣ госпиталя St.-Louis, тоже дважды въ недѣлю, тотчасъ послѣ клиники. Лекціи эти черезвычайно живы, ясны и занимательны. Излагающій, видно, совершенно владѣетъ своимъ предметомъ и взглядъ его на сыпныя болѣзни очень самостоятеленъ. Одно только мнѣ показалось не вполнѣ удовлетворительнымъ. Разобравъ различныя системы классификаціи накожныхъ болѣзней, Hardy упомянулъ систему Willan'a, основанную на элементарной формѣ сыпей; систему d'Alibert'a, основанную тоже на наружной формѣ, но болѣе сложную и болѣе произвольную чѣмъ система Willan'a; прошелъ молчаніемъ анатомо-патологическую классификацію Гебры, которая однакожъ могла бы удостоиться побольше вниманія; наконецъ, предложилъ собственную свою классификацію, основанную на этіологіи сыпей. Съ клинической точки зрѣнія такое подраздѣленіе безспорно имѣетъ первенство передъ другими, такъ какъ оно находится въ тѣсной связи съ леченіемъ, которое гораздо болѣе сообразуется съ причиннымъ моментомъ, вызвавшимъ сыпи, чѣмъ съ наружнымъ ихъ видомъ. Но Арди не остается вѣрнымъ принципу своей собственной классификаціи и вводитъ цѣлые классы, которые нисколько не указываютъ на генетическій моментъ накожныхъ пораженій. Такъ напр. второй классъ въ системѣ Hardy составляютъ *простыя воспаленія* кожи; пятый классъ *гангренозныя воспаленія* кожи съ фурункулами; VII классъ замѣщенъ *кровоизступленіями* кожи: haemorrhagiae вмѣстѣ съ purpura. Всѣ эти классы однакожъ не даютъ ни малѣйшаго указанія на счетъ этіологіи тѣхъ болѣзней, которыя въ нихъ помѣщены. Какъ простыя, такъ и гангренозныя воспаленія, такъ и кровоизступленія въ кожѣ вмѣстѣ съ purpura *не причины* эффлоресценцій сами по себѣ, а только *послѣдствія* вліявшихъ уже при-

чинъ. Это столь очевидно, что не требуетъ никакого поясненія. Такимъ образомъ выходитъ, что и классификація Hardy, очень хорошая по принципу, на дѣлѣ оказывается непослѣдовательной и произвольной; такъ что по необходимости приходится отдать предпочтеніе анатомо-патологической классификаціи Гебры, которая, за исключеніемъ класса паразитовъ, гдѣ принятъ въ основу этіологическій моментъ, все таки отличается хоть научною послѣдовательностью.

Посѣщеніе медицинскихъ заведеній Парижа представляетъ иностранцу черезвычайно много затрудненій. Всѣ они размѣщены по разнымъ сторонамъ города, и отстоятъ другъ отъ друга на цѣлыя версты. Но самое главное неудобство преимущественно въ томъ, что всѣ клиническія заведенія открываются и закрываются въ одно и то же время, т. е. или отъ 8 до 9, или отъ 8—10 часовъ утра, такъ что въ теченіе дня можно успѣвать только въ *одно* клиническое заведеніе. Естественно, что при этомъ остается много незанятаго времени, и я это время употреблялъ на посѣщеніе лекцій теоретической медицины, отчасти же на обозрѣніе музеевъ Дюпюитрена и Орфилы.

Болѣе всего меня a priori заинтересовали чтенія проф. Monneret по общей патологіи, но вскорѣ и тутъ наступило полное разочарованіе. Не говоря уже о томъ, что въ огромномъ амфитеатрѣ de l'école de Médecine, тихій, едва внятный голосъ Monneret'a совершенно изчезаетъ,—и содержаніе его лекцій не представляетъ никако интереса. Проф. Моннере совершенно не знаетъ медицинской литературы Германіи. Ни Вирховъ со своею школою и своимъ направленіемъ, ни цѣлая плеяда первостепенныхъ физіологовъ Германіи съ ихъ преобразовательными открытіями ему нисколько неизвѣстны. Зато лекціи его пестрѣютъ именами безвѣстныхъ и незначительныхъ авторовъ французскихъ, коихъ вся заслуга въ томъ развѣ, что они извѣстны Monneret'y. Взглядъ его на патологію совершенно схоластическій и обветшалый. Если читать руководство общей патологіи бонскаго профессора Альберса, вышедшее еще въ 1843 году, то можно преспокойно сидѣть дома, и вынести гораздо болѣе пользы, чѣмъ изъ лекцій Monneret'a. Распространяясь объ этіологіи болѣзней, профессоръ между прочимъ говорилъ, что причины болѣзней бываютъ двоякаго рода: causes générales и causes locales. Causes générales вызываютъ и maladies générales, causes locales вызываютъ и maladies locales. Какъ примѣры *общихъ* причинъ были

приведены космическія и атмосферныя вліянія, какъ примѣры *мѣстныхъ* причинъ—давленіе, толчекъ, ушибъ etc. Такъ напр., сказалъ Monneret, сильнымъ ударомъ въ грудь можно вызвать пневмонію etc. Но профессоръ Monneret, видно, смѣшиваетъ haemorrhagia легкихъ съ пневмоніею. Если же онъ дѣйствительно думаетъ, что ударомъ въ грудь можно вызвать пневмонію, то это вовсе не говоритъ въ пользу свѣдѣній проф. Monneret'а въ области спеціальной патологіи. Но куда причислитъ Monneret оспу напр., либо сифилисъ? Они вызываютъ *общія* болѣзни, а способъ вступленія ихъ въ организмъ чисто *мѣстный*. Профессоръ Monneret на это, пожалуй, отвѣтитъ, что *Virus* составляютъ причину sui generis, особаго рода. Положимъ. Но тогда уже не два класса причинъ, а три: causes générales, causes locales, causes virulentes. Но вѣдь вопросъ въ томъ, къ чему вообще ведетъ такое схоластическое подраздѣленіе этіологіи? Вѣдь и causes générales имѣютъ свой point de départ съ какого нибудь пункта нашего организма, все равно, будетъ ли это съ поверхности кожи, съ поверхности дыхательныхъ путей, съ поверхности желудка, съ крови, съ лимфы, съ соединительной оболочки глаза etc. Далѣе же, и чисто-мѣстная причина, напр. мѣстное воспаленіе вены, можетъ подать поводъ къ самымъ распространеннымъ и сложнымъ измѣненіямъ, когда пыжъ, примѣрно, распадается, и весь онъ, или часть его уносится кровью въ центростремительное направленіе. Раздѣляя причинные моменты болѣзней на общіе и мѣстные, Monneret, видимо, предполагаетъ и подраздѣленіе самыхъ болѣзней на общія и мѣстныя; между тѣмъ въ теченіе своихъ лекцій онъ ничего объ этомъ не упомянулъ. А дѣло, кажется, стóило бы ближайшаго разбора.

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, *общая болѣзнь?* Точно ли она имѣетъ что нибудь существенно-различнаго, что нибудь особенно отличительнаго отъ болѣзни мѣстной? или это различіе только искусственное, случайное, временное? Недавно еще отвѣтомъ не затруднялись, и, при абсолютномъ преобладаніи гуморальныхъ взглядовъ въ патологіи, сказали, что *общая* болѣзнь есть болѣзнь жидкихъ частей, соковъ организма. Но хотя гласно говорилось о *сокахъ*, то въ душѣ имѣли въ виду все таки *одинъ* только сокъ, а именно: кровь. Кровь всегда намъ представлялась, какъ коренной разсолъ, какъ маточный щелокъ, изъ котораго выкристаллизовываются всѣ составныя части нашего организма, какъ и ихъ содержимыя. Но съ начала нынѣшняго столѣтія мнѣнія о роли и значеніи крови въ организмѣ

значительно видоизмѣнились, преимущественно въ недавнее время. Если сначала будемъ имѣть въ виду *массу* крови, то найдемъ, что количество этой жизненной жидкости полагалось фунтовъ во 100, а такъ какъ человѣческій организмъ круглымъ счетомъ имѣетъ отъ 140—150 фунтовъ, то $^2/_3$ вѣса всего нашего организма приходились на долю одной только крови. Веберъ и Леманнъ, помощію выпрыскиванія сосудовъ у обезглавленныхъ преступниковъ, высчитали у человѣка всего около 30-ти фунтовъ крови, или $^1/_5$ всего организма. Позднѣе Валентинъ, помощію своего остроумнаго способа, извѣстнаго всѣмъ сколько нибудь знакомымъ съ физіологіею, пришелъ къ заключенію, что у человѣка круглымъ числомъ отъ 20—25 фунтовъ крови, т. е. $^1/_6$ либо $^1/_7$ часть вѣса всего тѣла. Въ недавнее время Welcker и Heidenhain, при посредствѣ красящаго вещества крови, опредѣлили, точнѣе прежняго, количество ея въ 12 фунтовъ, или $^1/_{13}$ — $^1/_{14}$ вѣса всего тѣла. Такимъ образомъ количество крови въ человѣческомъ организмѣ понизилось, при болѣе точныхъ способахъ опредѣленія, отъ 100 фунт. на 12 фунт., или въ пропорціи 8:1. На столько же понизилась и самая роль, приписываемая крови въ организмѣ. Но сверхъ того мы нынѣ знаемъ, что кровь не есть болѣе тотъ коренной разсолъ, съ котораго все въ организмѣ профильтровывается, при чемъ железы играютъ лишь роль цѣдилокъ. Напротивъ, сосуды лишь *проводятъ* матеріалъ, а на долю железъ приходится все остальное, разумѣется, подъ вліяніемъ нервной системы. Такъ напр. Bernard показалъ, что чисто мѣстнымъ раздраженіемъ даннаго мѣста въ нервномъ центрѣ можно вызвать увеличенное образованіе сахара. Lehmann далѣе доказалъ, что кровь воротной вены содержитъ гораздо менѣе сахара, чѣмъ кровь печеночныхъ венъ; словомъ, что печень есть настоящимъ мѣсторожденіемъ сахара, который отсюда только *поступаетъ* въ кровь. Ludwig показалъ, что раздраженіемъ nervi facialis у обезглавленнаго кролика, гдѣ, стало быть, теченіе крови прекращено, можно вызвать усиленное отдѣленіе слюны. Hoppe въ Тюбингенѣ доказалъ, что почки дѣйствительно выдѣлываютъ, т. е. фабрикуютъ мочевую кислоту, которой въ крови или вовсе нѣтъ, или чрезвычайно мало. На этомъ дѣло еще не остановится, и можно надѣяться, что подобная самостоятельность вскорѣ будетъ доказана для яичекъ, для поджелудочной железы, для молочныхъ железъ etc. Всѣ эти данныя, вмѣстѣ взятыя, показываютъ намъ, что роль крови къ организмѣ далеко не столь важна, какъ предполагали прежде; что она

служитъ скорѣе *проводникомъ*, либо *посредникомъ* между кишечнымъ каналомъ и легкими, куда поступаютъ матеріалы, служащіе для питанія, и билліонами клѣтокъ въ периферіи, гдѣ именно совершаются какъ само питаніе, такъ и всѣ вообще животно-химическіе процессы, при чемъ нервамъ, какъ регуляторамъ движенія, сокращенія и проходимости стѣнокъ капилляровъ, принадлежитъ чуть ли не самая бо́льшая доля вліянія. Достаточно указать только на то, что, тетанизируя посредствомъ нерва какой нибудь мускулъ, находящійся внѣ всякой связи съ кровью, напр. въ вылущенномъ бедрѣ лягушки, мы тотчасъ можемъ нейтральный мышечный сокъ превратить въ кислый, какъ это показалъ Dubois-Raymond, и усилить образованіе креатина и сахара, какъ это нынѣ доказывается д-ромъ Ranke въ Мюнхенѣ. Кислая реакція мышечнаго сока зависитъ отъ образованія молочной кислоты, которая, равно какъ и креатинъ, какъ и сахаръ, дѣйствительно *образуются въ самомъ мускулѣ* вслѣдствіе сильнаго окисленія (oxydation), совершающагося въ немъ во время его сокращенія. Роль крови въ этомъ случаѣ ограничивается тѣмъ, что съ одной стороны она доставляетъ мускулу матеріалъ для его питанія, съ другой же стороны она тотчасъ уноситъ продукты дѣятельности мышечныхъ клѣтокъ, продукты, мѣщающіе дальнѣйшей функціи мускула; ибо то, что мы называемъ усталостью, происходитъ бо́льшею частію отъ накопленія избыточной молочной кислоты въ междуклѣтчатой жидкости мускула.

Но сверхъ всего этого не слѣдуетъ еще терять изъ виду, что въ большей части, такъ называемыхъ, общихъ болѣзней химическій анализъ до сихъ поръ не показалъ никакихъ постоянныхъ и положительныхъ измѣненій въ составѣ крови; о качественныхъ и говорить уже нечего, но и количественныя отклоненія бо́льшею частію мнимыя и должны быть отнесены отчасти къ недостаточности метода изслѣдованія, преимущественно же къ тому, что кровь не есть жидкость постояннаго состава, а напротивъ самаго измѣнчиваго, самаго лябильнаго состава—словомъ, хамелеонъ человѣческаго организма. Но даже въ тѣхъ крайне немногочисленныхъ случаяхъ, гдѣ измѣненія въ составѣ крови доказаны, какъ напр. in chlorosi, in cholera asiatica, всѣ вѣроятности въ пользу того, что кровь измѣнена *не первично*, а вторично. Въ хлорозѣ напр. точно уменьшено количество красныхъ кровяныхъ шариковъ, уменьшено количество haemato-globulin'a, или красящаго вещества крови, уменьшено затѣмъ и количество кислорода, вводимаго въ организмъ, ибо кислородъ

соединяется лишь съ гематиномъ. Но откуда взялась эта убавка въ количествѣ красныхъ кровяныхъ шариковъ? Образуется ли ихъ меньшее количество, или они разрушаются въ бо́льшемъ количествѣ? Въ настоящее время, гдѣ иные еще смотрятъ на селезенку, какъ на мѣсто рожденія, другіе, наоборотъ, какъ на мѣсто погребенія кровяныхъ шариковъ, трудно отвѣчать на эти вопросы; но вѣдь нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣло вскорѣ изъяснится, и тогда окажется, что мнимая болѣзнь крови ничто иное, какъ болѣзнь извѣстнаго органа, а что измѣненіе въ составѣ крови только *вторичное* явленіе. Тоже самое можно сказать и объ азіятской холерѣ, объ leukaemia, ischaemia, diabetes mellitus etc.

При такихъ условіяхъ, что же такое должно разумѣть подъ словомъ «общая болѣзнь»? Что же такое значитъ болѣзнь соковъ? Гдѣ доказательства для *первичнаго* существованія болѣзней крови? Не отвергая a priori возможности первичнаго измѣненія крови, какъ и всякой другой ткани, мы въ настоящее время все таки должны на это смотрѣть, какъ на вещь, нисколько еще недоказанную. Вопросъ, однимъ словомъ, sub lite, и можетъ обозначаться X, чѣмъ математики и физики вообще обозначаютъ всякій невѣдомый и отыскиваемый ими факторъ.

По Monneret'у дѣло однакожъ выходитъ вотъ какъ: causes générales называются такіе причинные моменты, которые вызываютъ и maladies générales. А если бъ у него спросить, что такое maladies générales, то ему пришлось бы отвѣчать: des maladies dont la généralité n'est pas encore prouvée. Словомъ, неизвѣстная величина Z опредѣляется другою неизвѣстною X. Трудно подумать, чтобъ это было научно, или хоть только логично; но за то нѣтъ сомнѣнія, что это крайне рутинно, и что такъ думали и писали въ медицинѣ лѣтъ 30 тому назадъ. Въ такомъ точно духѣ были и другія лекціи проф. Monneret. Внѣ всякой связи съ пріобрѣтеніями физіологіи, физіологической химіи и патологической анатоміи, онѣ содержатъ въ себѣ только то, что заключается въ каждомъ руководствѣ общей патологіи, появившемся въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія.

Другой профессоръ, лекціи котораго я посѣщалъ — Grisolle. Съ именемъ Гризолля у меня всегда соединялось понятіе о клиническомъ преподавателѣ. Въ Парижѣ однакожъ я узналъ, что у Гризолля нѣтъ вовсе клиники, а что онъ при университетѣ читаетъ общую терапію, предметъ, какъ извѣстно, чрезвычайно неопредѣленнаго, амфибіяльнаго свойства. Дѣйствительно, съ первой лекціи

я замѣтилъ, что общая терапія превратилась у Гризолля въ фармакологію, но не въ общую, какъ слѣдовало ожидать, а прямо въ спеціальную. Дѣло однакожъ не въ названіи, а въ сущности. Подавай общую терапію, либо спеціальную фармакологію, главное — лишь бы поданное было свѣжо и хорошо.

Гризолль читалъ какъ разъ о хинѣ и хининѣ. Многіе изъ слушателей составляли записки со словъ профессора. Но если бъ они понимали по-нѣмецки, то лучше всего имъ было бы купить Зобернгейма и углубиться въ чтеніи этого почтеннаго автора; тогда имъ незачѣмъ было бы безпокоиться въ авдиторію Гризолля, и заниматься составленіемъ скучныхъ записокъ. Книга Зобернгейма наврядъ ли уступаетъ лекціямъ Гризолля въ отношеніи монотонности и скуки.

Гризолль началъ свое дѣло ab ovo, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ хина была привезена изъ Бразиліи португальскою графиней, Цинхоной. Затѣмъ онъ насчиталъ тѣ сочиненія, которыя появились по поводу этого новаго лекарства. Между прочимъ онъ назвалъ сочиненіе съ XVII столѣтія, какого то итальянца, имени котораго я не разслышалъ, и рекомендовалъ эту книгу своимъ слушателямъ, comme le livre le plus complet et le plus scientifique sur le quinquina. Трудно себѣ представить послѣ этого, что́ проф. Гризолль понимаетъ подъ словомъ «scientifique». Мы теперь живемъ не въ XVII, а въ XIX столѣтіи; медицинскія науки въ теченіе этихъ двухъ вѣковъ успѣли сдѣлать большіе успѣхи; свѣдѣнія наши въ химіи и методы наши куда какъ съ тѣхъ поръ усовершенствовались. Тѣмъ не менѣе мы и теперь еще не имѣемъ ни малѣйшаго *научнаго* понятія о дѣйствіи хины. Мы только знаемъ эмпирически, что хина съ пользою дается въ перемежающихся лихорадкахъ, пожалуй, еще и въ другихъ болѣзняхъ; знаемъ, что хининъ очень скоро выдѣляется мочею; но больше и ничего. Если подъ научностью разумѣть *ясно сознаваемую* и *неминуемую* связь между причиною и эффектомъ, то научность нашихъ свѣдѣній о дѣйствіи хины совершенно такова, какъ во времена графини Цинхоны.

Распространяясь затѣмъ о свойствахъ хины, Гризолль замѣтилъ, что вещество это имѣетъ *ту странную особенность*, что оно разъ дѣйствуетъ какъ тоническое, другой разъ какъ разслабляющее средство. Такія странныя особенности приписывались лекарствамъ еще лѣтъ 30 или 40 тому назадъ; теперь однакожъ мы знаемъ, что лекарства дѣйствуютъ по *неотмѣннымъ* имъ всегда сроднымъ

(inhärent) свойствамъ, предполагая, конечно, что они сохранены въ неиспорченномъ, неизмѣненномъ видѣ. Если эффектъ ихъ на животный организмъ тѣмъ не менѣе весьма часто совершенно различенъ, то это происходитъ отъ *различности въ условіяхъ*, при какихъ лекарственное вещество развиваетъ свое дѣйствіе, а не отъ странныхъ особенностей самаго лекарства. Мышьякъ напр., который въ самомъ маломъ дозѣ уже вызываетъ смертельныя измѣненія въ человѣческомъ организмѣ, можетъ быть примѣшанъ къ корму лошадей, относительно, въ весьма значительномъ количествѣ (до полуунца), не принося этимъ животнымъ ни малѣйшаго вреда. Но не потому что у мышьяка *странная особенность* щадить благородную породу лошадей; а просто потому, что въ желудкѣ лошадей находится много извести, съ которою соединяется мышьякъ, образуя трудно-растворимую мышьяковисто-кислую известь. Если однакожъ количество мышьяка возрастаетъ, такъ что количество извести въ желудкѣ лошади не въ состояніи его нейтрализировать, то мышьякъ столь же безпощадно убиваетъ лошадь, какъ и человѣка. То же самое мы видимъ со всякимъ другимъ веществомъ вообще. Кусокъ говядины, который въ пустомъ и здоровомъ желудкѣ преспокойно растворяется желудочнымъ сокомъ, утоляетъ чувство голода и производитъ благодѣтельное дѣйствіе, тотъ самый кусокъ говядины, введенный въ желудокъ, уже переполненный пищею, или въ желудокъ карциноматозный, можетъ вызвать сильную рвоту. Но изъ этого не слѣдуетъ, что говядина имѣетъ *странную особенность* не только служить къ питанію нашего организма, но и къ возбужденію рвоты. Свойства этого бѣлковиннаго вещества остались въ одномъ и другомъ случаѣ неизмѣнными, одними и тѣми же; только *условія*, при какихъ говядина очутилась въ желудкѣ, отмѣнены, а отъ этого и эффектъ вышелъ различный. То же самое, разумѣется, и съ хиной; а если Гризолль хинѣ вдругъ приписываетъ une étrange propriété, то это только показываетъ сбивчивость его понятій о свойствѣ лекарства съ одной стороны, и о свойствѣ условій, при какихъ лекарство дѣйствуетъ, съ другой.

Въ Парижѣ я также побывалъ на лекціяхъ знаменитаго физіолога, Claude-Bernard'а, и профессора судебной медицины — Tardieu. Бернаръ тогда читалъ въ Sorbonne дважды въ недѣлю о различнаго рода движеніи въ животномъ царствѣ: о моллекулярномъ движеніи, о мерцательномъ движеніи (Himmerbewegung), о саркодѣ, о мышечномъ движеніи. Говоря о движеніи помощію мышицъ, Бернаръ

защищалъ свое прежнее ученіе о независимости мышечной сократительности отъ нервной системы, основываясь на своемъ, повторенномъ въ авдиторіи, опытѣ съ Curare. Словомъ, это было réhabilitation прежняго ученія Haller'a о мышечной раздражительности. Бернаръ считаетъ возраженія нѣмецкаго физіолога Schiff'a противъ дѣйствія «Curare» неосновательными, и принимаетъ, что нервы отъ этого вещества парализируются центростремительно, т. е. начиная отъ самыхъ тонкихъ периферическихъ развѣтвленій нерва въ направленіе къ большимъ стволамъ и къ центрамъ. Идіомускулярное сокращеніе (idiomuskuläre) мышицъ, замѣченное Schiff'омъ и противопоставленное имъ невромускулярному (neuromusculäre) сокращенію, не отвергается Бернаромъ какъ фактъ, но онъ въ немъ находитъ только подтвержденіе своего ученія о самостоятельной сократительности мышицъ. Судя съ безпристрастіемъ, надобно однакожъ сказать, что, хотя и выводы Бернара справедливы, опытъ его съ «Curare» не обезсиливаетъ возраженій Шиффа, такъ какъ Шиффъ именно-то противъ заключеній Бернара изъ этого опыта и возстаетъ. А заключеніе, оспариваемое противникомъ, не можетъ, вѣдь, слыть доказательствомъ противъ этого противника. Къ счастію для Бернара, на выручку къ нему явился Kühne. Kühne прекрасными микроскопическими изслѣдованіями показалъ, что существуютъ извѣстныя доли или части въ нѣкоторыхъ мышицахъ, которыя нервовъ вовсе не имѣютъ, такъ напр. концы портняжнаго мускула (m. sartorius) у лягушки, въ которыхъ самое тщательное изслѣдованіе лучшими микроскопами не показываетъ и слѣда нервныхъ развѣтвленій. Тѣмъ не менѣе эти безнервныя части мышицъ приходятъ въ сокращеніе отъ непосредственнаго и чисто мѣстнаго раздраженія. Далѣе, Kühne показалъ, что есть вещества, имѣющія свойства дѣйствовать лишь на мышечное, а *не* на нервное волокно. Такъ напр. дистиллированная вода не вызываетъ никакого дѣйствія при непосредственномъ соприкосновеніи съ нервомъ, но вызываетъ очень энергическое сокращеніе, когда, помощію сосудовъ, приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ мускулами. Такое же свойство имѣетъ и амміакъ. Наконецъ, Kühne нашелъ, что при извѣстныхъ условіяхъ, особенно при истощеніи (Ermüdung) мускула, мѣстное раздраженіе вызываетъ только мѣстное сокращеніе мускула, проявляющееся лишь на томъ мѣстѣ, гдѣ раздраженіе было произведено, и внѣ всякаго отношенія къ нервнымъ развѣтвленіямъ раздраженнаго пункта. Послѣднее, впрочемъ, въ сущности то же самое, что́ уже прежде по-

казано Шиффомъ, и что́ имъ же названо *идіомускулярнымъ сокращеніемъ*. Такимъ образомъ, благодаря трудамъ Бернара, Kühne и Шиффа, независимость мышечной сократительности отъ нервной вполнѣ нынѣ доказана, и прежнее ученіе Haller'a «de irritabilitate musculorum» возстановлено во всей силѣ.

Въ Collège de France Бернаръ тоже читалъ два раза въ недѣлю «sur la méthode expérimentale»; но такъ какъ онъ въ этомъ заведеніи позже открылъ свои лекціи, чѣмъ въ Сорбоннѣ, то я успѣлъ быть здѣсь у него всего на двухъ лекціяхъ, которыя служили только введеніемъ къ дальнѣйшему изложенію.

Лекціи этого знаменитаго физіолога отличаются ясностью и отчетливостью содержанія, и богатствомъ и разнообразіемъ опытовъ. Онѣ чужды всякой напыщенности, всякаго фразерства, всякой эффектности. Профессоръ всегда спокоенъ, ровенъ и серьезенъ. Хотя Бернаръ и мало знаетъ по-нѣмецки, тѣмъ не менѣе видно, что труды германскихъ физіологовъ ему не безъизвѣстны, и онъ охотно ихъ приводитъ въ своихъ лекціяхъ. Словомъ, Бернаръ вполнѣ оправдываетъ громкую свою репутацію, и изъ его аудиторіи нельзя выйдти безъ поученія.

Лекціи проф. Tardieu по судебной медицинѣ отличаются современностью и большою практичностью содержанія. Иной разъ такъ и чувствуется, что профессоръ какъ бы только что воротился изъ суда присяжныхъ. Болѣе всего однакожъ поражаетъ необыкновенная легкость и текучесть слова, и изумительное, въ самомъ дѣлѣ, краснорѣчіе профессора. Впрочемъ, спеціальность Tardieu черезъ-чуръ ужъ мало имѣетъ связи съ клинической медициной, чтобъ распространяться здѣсь подробнѣе о его чтеніи.

Въ Парижѣ меня сильно интересовало преподаваніе патологической анатоміи, тѣмъ болѣе что въ области микроскопической анатоміи отъ проф. Cruveilhier можно было ожидать бездну поученія. Къ сожалѣнію, проф. Cruveilhier такъ ужъ состарѣлся, что онъ держитъ себя совершенно въ сторонѣ, а изложеніе своего предмета передалъ своему agrégé, д-ру Labaulbène. Изложеніе Labaulbène'a уже сильно отзывается напыщенностью и фразерствомъ, этой эндемической болѣзнью французскихъ преподавателей, но въ немъ сверхъ того не замѣтно и тѣни новаго направленія въ области патологической анатоміи. Вмѣсто того, чтобъ слѣдить за генетическимъ развитіемъ измѣненій въ тканяхъ и органахъ, вмѣсто того, чтобъ показать этотъ безпрерывный рядъ метаморфозъ, слѣдующихъ однѣ

за другими, вытекающихъ однѣ изъ другихъ, Лябульбенъ предпочитаетъ передавать своимъ слушателямъ перечень литературныхъ статей, или реляцій вскрытій, писанныхъ по поводу какого нибудь анатомическаго измѣненія самыми безвѣстными и незначительными авторами. Послѣ классическихъ лекцій Вирхова, чтеніе какого нибудь Лябульбена можетъ произвести лишь грустное впечатлѣніе. Оно служитъ развѣ доказательствомъ, что со смертью великаго Bichat и съ появленіемъ въ Германіи сначала Рокитанскаго съ его школою, а затѣмъ Вирхова съ его школою, пальма первенства въ области патологической анатоміи исторгнута разъ навсегда изъ рукъ Франціи.

Итакъ, за исключеніемъ однѣхъ только накожныхъ болѣзней, всѣ другіе предметы, которые наиболѣе должны были меня занимать, какъ напр. терапевтическая клиника, общая патологія, патологическая анатомія, излагались такимъ безъотраднымъ и обветшалымъ способомъ, что для меня не предвидѣлось ни малѣйшей пользы отъ болѣе продолжительнаго пребыванія въ Парижѣ. Вотъ почему я рѣшился съ наступленіемъ лѣтняго семестра возвратиться въ Германію. Разставаясь съ Парижемъ, я только жалѣлъ, что мнѣ не суждено было познакомиться съ клиникою сыпныхъ болѣзей Bazin'a, которая, говорятъ, еще лучше клиники Hardy; мнѣ также жаль было лекцій знаменитаго Бернара. Все же остальное изъ медицины Парижа не дало мнѣ никакого поученія и не вызвало во мнѣ ни малѣйшаго сочувствія. Страна истиннаго поученія для врача все таки одна Германія.

Наступившій лѣтній семестръ уже послѣдній, который мнѣ приходится провести за границей. Продолжительность его не велика, всего отъ 3 — 3½ мѣсяцевъ, и въ это короткое время мнѣ осталось еще пополнить, по мѣрѣ возможности, мои свѣдѣнія по физіологической химіи. Съ этою цѣлью я изъ Парижа отправился прямо въ Тюбингенъ, гдѣ намѣренъ былъ провести все свое время въ лабораторіи проф. Гоппе.

Чтобъ извлечь всевозможную пользу изъ короткаго времени, мнѣ оставшагося, необходимо было составить себѣ заранѣе планъ занятій и изъяснить себѣ ихъ цѣль и объемъ. Въ этомъ отношеніи я не могъ долго оставаться въ нерѣшимости. Физіологическая химія для меня не цѣль, а лишь средство къ цѣли. Занятія мои по этому предмету должны были по преимуществу клониться къ клиническимъ цѣлямъ и сохранять въ виду случаи патологическіе. Глав-

нымъ образомъ мнѣ хотѣлось познакомиться *на практикѣ* съ общимъ ходомъ анализа животныхъ жидкостей; такъ напр. съ анализомъ крови и съ различными методами этого анализа; съ анализомъ желчи, молока, и патологическихъ жидкостей. Съ анализомъ мочи я успѣлъ достаточно познакомиться гораздо раньше еще, когда я писалъ свою статью объ дигиталинѣ. Да и анализъ желчи я могъ отодвинуть на второй планъ, такъ какъ химическое разложеніе этой жидкости производится бо́льшею частію при опытахъ надъ животными, и клиницистъ лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ найдетъ возможность примѣнить его къ дѣлу. Такимъ образомъ у меня на первомъ планѣ остались анализы крови и транссудатовъ. Тщательный качественный и количественный анализъ крови съ одной стороны, транссудатовъ и экскрементовъ съ другой, совершенно необходимы клиническому врачу. Какъ моча даетъ намъ во многихъ случаяхъ важные моменты для обсужденія обмѣна веществъ, такъ и транссудаты нерѣдко намъ указываютъ на сущность патологическаго процесса и на состояніе и качество крови. Всякій транссудатъ представляетъ намъ продуктъ нѣсколькихъ факторовъ: просвѣта, толщины стѣнокъ и распредѣленія волосныхъ сосудовъ, какъ это доказано классическими трудами дерптскаго профессора Карла Шмидта; далѣе, скорости кровообращенія, степени боковаго давленія въ сосудахъ, а наконецъ и химическаго состава крови. Транссудатъ, содержащій фибринъ, имѣетъ для врача совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ транссудатъ, лишенный фибрина. Транссудатъ, въ которомъ находится 2 процента бѣлка, указываетъ на другой составъ крови, либо на другія степени боковаго давленія въ извѣстной системѣ сосудовъ, чѣмъ транссудатъ съ полупроцентомъ бѣлка, etc. *Количественный* анализъ животныхъ жидкостей требуетъ между тѣмъ много снаровки и предполагаетъ знакомство со многими, на видъ очень мелочными, пріемами, отъ тщательнаго соблюденія которыхъ зависитъ однакожъ весь успѣхъ дѣла. Одно теоретическое знаніе здѣсь ни къ чему, и практика необходима.

Я сообщилъ свои намѣренія проф. Гоппе; но онъ мнѣ совѣтовалъ заниматься анализомъ животныхъ жидкостей лишь по временамъ, и по мѣрѣ того, какъ изъ клиники поступитъ необходимый для этого матеріалъ; а преимущественное мое вниманіе онъ обратилъ на изслѣдованіе дѣйствія таллія (thallium), отъ котораго онъ ожидалъ и терапевтическаго примѣненія.

Таллій принадлежитъ къ числу тѣлъ, очень недавно открытыхъ

помощію снаряда Бунзена и Кирхгофа, т. е. помощію спектроскопа Вещество это было открыто года два тому назадъ почти одновременно англійскимъ химикомъ W. Crookes, и французскимъ Lamy. Lamy однакожъ первый замѣтилъ ядовитыя свойства открытаго имъ вещества, ибо какъ собаки такъ и курицы, которымъ онъ давалъ растворъ таллія въ молокѣ, вскорѣ послѣ того околѣли. Лами однакожъ исключительно химикъ, и опытъ его о дѣйствіи таллія вышелъ, какъ и слѣдовало ожидать, чрезвычайно примитивнымъ, и безъ всякой претензіи на научность. Ближайшее изслѣдованіе дѣйствія таллія на животный организмъ представляло между тѣмъ много интереса, какъ по новизнѣ самаго вещества, такъ и по возможности открыть помощію спектроскопа присутствіе его въ различныхъ органахъ и жидкостяхъ даже въ количествѣ до невѣроятія маломъ.

Присутствіе таллія характеризуется именно въ спектроскопѣ чрезвычайно рѣзкою, *зеленою* линіею, которая по цвѣту и *мѣсту* появленія, т. е. по близости линіи натрія и *вправѣ* отъ нея, не допускаетъ смѣшенія съ какимъ бы то ни было другимъ химическимъ элементомъ. Линія эта еще видна въ спектроскопѣ при присутствіи стотысячной части грамма. Между тѣмъ, оперируя путемъ обыкновеннаго химическаго анализа, и съ весьма малыми дозами, мы до сихъ поръ не въ состояніи достигать такой тонкости ни съ однимъ лекарственнымъ веществомъ. Сверхъ того, меня увлекло еще содѣйствіе проф. Нимейера, который взялся доставлять мнѣ возможность примѣнить это средство къ его больнымъ, коль скоро, помощію животнаго опыта, я познакомлюсь съ дѣйствіемъ и дозировкою изслѣдуемаго вещества. Наконецъ я рѣшился было употребить свой собственный организмъ для изслѣдованія дѣйствія таллія на неизмѣненный *человѣческій* организмъ.

Первые опыты однакожъ уже показали мнѣ необыкновенно разрушительное дѣйствіе этого вновь открытаго элемента. Я давалъ своимъ животнымъ таллій въ весьма малыхъ дозахъ и нарочно подвергалъ ихъ только *хронической* интоксикаціи, прекращая тотчасъ употребленіе средства при первыхъ, даже самыхъ легкихъ, явленіяхъ интоксикаціи. Тѣмъ не менѣе животныя не могли болѣе оправиться, и по прошествіи 8, 10, либо 12 дней постоянно околѣвали. Lamy, видно, и не подозрѣвалъ ядовитости таллія въ такой сильной степени, тѣмъ болѣе что, по моимъ опытамъ, средство это дѣйствуетъ чрезвычайно энергично и съ поверхности кожи. Проф. Нимейеръ, узнавъ о результатахъ моихъ опытовъ, отступился вслѣд-

ствіе этого отъ своего прежняго обѣщанія, а проф. Гоппе убѣдительно отсовѣтовалъ мнѣ испытывать дѣйствіе средства на собственный мой организмъ. Такимъ образомъ у меня остался одинъ только животный опытъ, вслѣдствіе чего, трудъ мой могъ имѣть лишь токсикологическій интересъ. Вниманіе мое однакожъ обращено въ настоящее время не на токсикологію, а на клиническую медицину; а не предвидя для практической медицины никакой непосредственной пользы отъ моего труда, я рѣшился прекратить свои опыты съ талліемъ, округливъ и пополнивъ ихъ предварительно на столько, чтобъ можно было на ихъ основаніи составить отдѣльную статью, которая, какъ надѣюсь, не лишена интереса и вскорѣ появится въ печати.

Оставивъ опыты съ талліемъ, я принялся съ удвоеннымъ рвеніемъ за анализъ транссудатовъ. Случай, казалось, благопріятствовалъ мнѣ. Изъ клиники Нимейера поступилъ транссудатъ, полученный помощію прокола, изъ брюшной полости. Больной находился въ клиникѣ и одержимъ былъ ракомъ печени. Вскорѣ поступилъ и другой транссудатъ изъ той же полости. У больнаго, по всей вѣроятности, было cirrhosis hepatis (Wahrscheinlichkeits-Diagnose). По испражненіи жидкости изъ полости брюшины и селезенка оказалась сильно увеличенною, моча стала содержать примѣсь крови. Надобно было, не теряя времени, изслѣдовать тотчасъ и транссудаты и мочу, которые въ жаркое время года подвергались быстрому разложенію.

Но тутъ-то я, сверхъ ожиданія, встрѣтилъ непреодолимыя затрудненія и многочисленныя неудобства. Лабораторія проф. Гоппе находится въ древнемъ зàмкѣ, гдѣ первыя попавшіяся комнаты были отданы, безъ всякаго устройства, подъ лабораторію. Средства ея чрезвычайно скудны; недостаетъ въ ней самыхъ необходимыхъ вещей и снарядовъ, какъ, напр., хорошо устроенной печи, воздушной бани, титрирнаго аппарата, разнаго рода вѣсовъ etc. Сверхъ того, въ этихъ тѣсныхъ стѣнахъ занимается человѣкъ 15 студентовъ обыкновеннымъ качественнымъ анализомъ минеральной химіи. Такимъ образомъ всякая, даже чисто-механическая, операція требуетъ втрое, иногда и впятеро болѣе времени, чѣмъ въ хорошо устроенной лабораторіи. Конечно, кто не стѣсненъ временемъ, тому не трудно однакожъ примириться съ этими неудобствами; но въ виду того ограниченнаго срока, который предстоялъ моимъ занятіямъ по патологической химіи, я не могъ примириться съ такою безполезною и крайне чувствительною тратою времени. Въ добавокъ, по разъ за-

веденному профессоромъ Гоппе порядку, лабораторія его закрывается правильно отъ 12—2, а по полудни ровно въ 6 часовъ лѣтомъ, а зимою еще раньше. Никакая спѣшная работа не въ состояніи отсрочить ни на одну минуту этотъ неумолимый моментъ закрытія лабораторіи, такъ что самое лучшее время пропадаетъ безъ проку. Не будучи въ состояніи ни устранить, ни преодолѣть всѣхъ этихъ неудобствъ, я посовѣтовался на счетъ удобной лабораторіи съ тюбингенскимъ профессоромъ химіи, Штрекеромъ, и, по его рекомендаціи, переѣхалъ въ Мюнхенъ, къ проф. Фойту.

Проф. Voit, читая въ Мюнхенѣ физіологію, посвятилъ себя исключительно разработкѣ вопросовъ, относящихся до обмѣна веществъ животной экономіи. Его спеціальность—химическая часть физіологіи. Онъ для этого располагаетъ лабораторіею, которая недавно устроена нарочно для работъ по физіологической химіи, и снабжена всѣми удобствами и всѣми нужными по этой части снарядами. Студенты, обыкновенно занимающіеся качественнымъ минеральнымъ анализомъ, размѣщены въ находящейся въ томъ же зданіи лабораторіи проф. Петтенкоффера, такъ что у проф. Voit'а работаютъ лишь тѣ, которые избрали какой нибудь вопросъ по физіологической либо патологической химіи предметомъ своихъ занятій. Такимъ образомъ у него соединяется удобство съ просторомъ. Сверхъ того, въ Мюнхенѣ не существуетъ то чрезвычайно непріятное стѣсненіе на счетъ времени и продолжительности занятій, какъ это бываетъ въ Тюбингенѣ. Лабораторія здѣсь открыта *во всякое время дня и до поздней ночи.* Возможность практически заниматься здѣсь вовсе не связана съ присутствіемъ профессора, либо его ассистента въ стѣнахъ заведенія, а вполнѣ предоставляется на благоусмотрѣніе и потребность каждаго работающаго. Проф. Voit разрѣшилъ даже мнѣ заниматься у него въ каникулярное время, когда его не будетъ и въ городѣ. Словомъ, отдавая всякую справедливость какъ личности, такъ и многостороннимъ свѣдѣніямъ проф. Гоппе, я все таки душевно радъ, что оставилъ его лабораторію, гдѣ я чувствовалъ себя чрезвычайно стѣсненнымъ и гдѣ много времени у меня пропадало безъ всякой пользы.

У проф. Voit'а я занимаюсь уже недѣли три; срокъ слишкомъ еще непродолжительный, чтобъ сказать о своемъ трудѣ что нибудь рѣшительнаго. Я поэтому вынужденъ болѣе подробныя сообщенія о занятіяхъ своихъ въ Мюнхенѣ отложить до слѣдующаго отчета. Въ заключеніе мнѣ остается только прибавить, что всякій, кто же-

лаетъ заниматься физіологическою, либо патологическою химіею, найдетъ у проф. Фойта не только превосходную, щегольскую и всѣми удобствами снабженную лабораторію, но и рѣдко-любезнаго, чрезвычайно сообщительнаго и доступнаго руководителя въ лицѣ самаго профессора. Близость клиники и легкость доставки патологическаго матеріала довершаетъ остальное.

Мюнхенъ, $\frac{\text{25-го іюня}}{\text{7-го іюля}}$ 1864 года.

66) Льва Модзалевскаго.

Въ ходѣ моихъ занятій при Іенскомъ университетѣ не произошло особенныхъ перемѣнъ кромѣ тѣхъ, которыя я долженъ былъ сдѣлать въ виду недавно послѣдовавшаго новаго положенія о соединеніи каѳедры педагогики съ каѳедрою психологіи, и о которыхъ я уже упоминалъ прежде. Но поставивъ для себя занятіе психологіей на первый планъ, я тѣмъ не менѣе считалъ полезнымъ продолжать посѣщеніе педагогической семинаріи профессора Стоя. Такъ какъ *подобное* учрежденіе было бы, по моему мнѣнію, весьма полезно и потому желательно и для нашихъ университетовъ; я сообщаю здѣсь общій очеркъ этой семинаріи, какъ извлеченіе изъ отдѣльной монографіи моей объ учено-педагогической дѣятельности профессора Стоя.

Дѣятельность педагогической семинаріи при Іенскомъ университетѣ двоякая, имѣющая цѣлью какъ *ученое*, такъ и *практическое* педагогическое образованіе вступающихъ въ нее студентовъ, принадлежащихъ преимущественно къ теологическому и философскому факультетамъ *). Первая цѣль достигается посредствомъ университетскаго преподаванія педагогики во всѣхъ ея отдѣлахъ, и съ помощію спеціальныхъ студенческихъ работъ на предлагаемые профессоромъ вопросы изъ области педагогики; для достиженія второй цѣли студенты допускаются къ преподаванію въ спеціально устроенной для того школѣ для бѣдныхъ, и подъ руководствомъ профессора подвергаютъ преподаваніе каждаго изъ своихъ товарищей критикѣ въ отношеніи содержанія, методы, техники и манеръ.

Первый родъ дѣятельности сосредоточивается, независимо отъ лекцій, въ еженедѣльныхъ собраніяхъ всѣхъ членовъ семинаріи,

*) Къ философскому факультету причисляются, какъ извѣстно, историки, филологи и натуралисты.

или въ такъ называемомъ *Paedagogicum*. Въ началѣ каждаго семестра профессоръ педагогики и вмѣстѣ директоръ семинаріи предлагаетъ желающимъ заниматься у него студентамъ извѣстное число темъ для свободнаго выбора, и каждый, взявшій тему, назначаетъ срокъ, къ которому обязывается представить ея развитіе. Въ то же время вызывается желающій быть оппонентомъ или рецензентомъ работы, предпринятой его товарищемъ, — что, конечно, обязываетъ его также ознакомиться съ избраннымъ тѣмъ предметомъ. Такими темами служатъ, напр. слѣдующія: о фантазіи и средствахъ ея развитія; о преподаваніи отечественнаго языка въ младшемъ возрастѣ; объ образовательномъ значеніи географіи; прусскіе училищные регулятивы; гербартовская абеседа нагляднаго обученія; главнѣйшія методы обученія чтенію; пріюты и дѣтскіе сады; игра, какъ образовательное средство; отецъ Янъ, основатель нѣмецкой гимнастики; методы обученія рисованію Дюпюи и Петра Шмидта; Базедовское ученіе о природѣ; значеніе методы Белля и Ланкастера и т. под. Какъ университетская, такъ и директорская библіотеки всегда открыты для занимающагося тѣмъ или другимъ педагогическимъ вопросомъ, такъ что въ ученыхъ средствахъ никогда нѣтъ недостатка. За нѣсколько дней до срока представленія диссертаціи въ Pädagogicum, она выставляется въ сборной комнатѣ семинарской школы для просмотра каждому изъ желающихъ членовъ семинаріи, и уже тогда читается авторомъ въ полномъ собраніи членовъ въ одной изъ аудиторій университета *). Затѣмъ рецензентъ высказываетъ свой взглядъ на работу товарища, завязываются споры, въ которыхъ свободно принимаетъ участіе каждый изъ присутствующихъ членовъ, касаясь какъ матеріальной, такъ и формальной стороны разбираемаго сочиненія. Директоръ направляетъ споръ, слѣдитъ за порядкомъ и очередью, и, давъ достаточно высказаться каждому, сводитъ, наконецъ, всѣ результаты спора и объявляетъ собственное мнѣніе о трудѣ референта. Смотря по сущности вопроса, рецензія директора иногда переходитъ въ лекцію, особенно въ сложныхъ психологическихъ вопросахъ. Всѣ разсужденія и постановленія подробно записываются и вносятся въ протоколъ очереднымъ студентомъ, преимущественно же рецензіи корреферента и профессора. Самое сочиненіе идетъ въ архивъ се-

*) Обыкновенно по средамъ отъ 6-ти до 8-ми часовъ по полудни. Въ это же время собираются семинаріи и у другихъ профессоровъ.

минаріи. Въ прежнее время лучшія работы печатались въ издававшемся при семинаріи журналѣ подъ заглавіемъ «Aus dem pädagogischen Seminar an der Universität Iena», но въ настоящее время журналъ этотъ не издается по недостатку матеріальныхъ средствъ. Кромѣ того въ Pädegogicum входитъ разсмотрѣніе *учебныхъ программъ* (Lehrpläne) отдѣльныхъ учителей по взятымъ ими предметамъ преподаванія. Программы эти въ началѣ каждаго семестра передаются *классному учителю*, избираемому изъ болѣе опытныхъ студентовъ для каждаго изъ 4-хъ классовъ школы, и представляются въ Pädagogicum вмѣстѣ съ сдѣланными имъ замѣчаніями; здѣсь все пересматривается снова и утверждается. Точно такимъ же порядкомъ заносятся сюда *ежемѣсячныя таблицы* (Monatstabellen), въ которыхъ молодые практиканты обозначаютъ все относящееся къ преподаваемому ими предмету: успѣхи учениковъ, методу и технику, затрудненія, указанія на особенно успѣвающихъ или особенно отстающихъ дѣтей, различныя, общія или относящіяся къ индивидуумамъ психологическія замѣчанія, и все то, къ чему привелъ практиканта собственный опытъ. Разборъ этихъ отчетовъ въ Pädagogicum также часто приводитъ къ оживленной бесѣдѣ, затрогивающей самыя важныя стороны въ области воспитанія и обученія.

На этихъ же собраніяхъ всегда заранѣе опредѣляется, кто изъ студентовъ стоитъ на очереди для *Practicum*, которое состоитъ въ томъ, что одинъ изъ членовъ семинаріи даетъ въ своемъ классѣ *пробный урокъ* изъ преподаваемаго имъ предмета, въ присутствіи директора и всѣхъ остальныхъ членовъ. Это происходитъ еженедѣльно *); практикантовъ обыкновенно бываетъ двое, такъ что на каждый пробный урокъ приходится по получасу. Нормою полагается, чтобы въ теченіе семестра каждый студентъ далъ по крайней мѣрѣ по одному такому уроку, и въ распредѣленіи очереди начинается по обыкновенію съ новичковъ, наименѣе знакомыхъ съ пріемами преподаванія, такъ какъ въ теченіи семестра не всегда бываетъ достаточно времени для всѣхъ членовъ семинаріи, число которыхъ ежегодно колеблется между 20 и 25. Рецензія этихъ практическихъ опытовъ молодыхъ педагоговъ составляетъ главнѣйшій моментъ въ дѣятельности семинаріи. Она происходитъ въ особенныхъ вечернихъ собраніяхъ, называемыхъ *Kritica*, занятія которыхъ располагаются слѣдующимъ образомъ: сначала самъ практикантъ дѣлаетъ

*) По вторникамъ отъ 1 до 2-хъ. Иногда, смотря по необходимости, Practicum переносится и на другой день.

отзывъ о собственномъ преподаванiи, объ удачной и слабой сторонѣ даннаго имъ урока. Вслѣдъ за этою самокритикой, очередной рецензентъ читаетъ письменно составленную имъ оцѣнку пробнаго урока его товарища, входя при этомъ не только въ строжайшiй всестороннiй разборъ самаго урока, но и всего проподаванiя студента, на сколько онъ, рецензентъ, успѣлъ прослѣдить его при частномъ госпитированiи и при внимательномъ разсмотрѣнiи *классной книги*, въ которую заносится каждый урокъ. Такимъ образомъ и содержанiе преподаванiя, въ его связи и послѣдовательности, и техника выполненiя, и принятыя практикантомъ методы, и общiй результатъ его педагогической приктики, выражающiйся въ успѣхахъ цѣлаго класса, — все это подвергается внимательному разсмотрѣнiю. Послѣ защищенiя самаго практиканта, всѣ остальные члены семинарiи также высказываютъ ему свое мнѣнiе и выслушиваютъ его опроверженiе или согласiе относительно сдѣланныхъ ему замѣчанiй. Все это происходитъ, конечно, въ видѣ бесѣды, но лишь съ соблюденiемъ нѣкотораго порядка. Въ заключенiе произноситъ свой приговоръ самъ профессоръ, касаясь преимущественно дидактическихъ началъ, относящихся къ преподаваемому практикантомъ предмету, и также методы, техники, удачныхъ прiемовъ, и ошибокъ, замѣченныхъ имъ въ опытѣ молодаго педагога. Онъ разрѣшаетъ также тѣ вопросы, которые остались спорными или невѣрно рѣшенными во время разсужденiй и споровъ семинарiи. Хотя все это дѣлается безъ педантизма и колкостей, но основнымъ принципомъ служитъ открытая искренность, rücksichtslose Wahrheit, которая нерѣдко приводитъ къ раздраженному спору и рѣзкимъ замѣчанiямъ, безъ пощады для самолюбiя, въ интересахъ истины и дѣла. Общiй духъ и общее сознанiе высоты и разумности этого дѣла умѣряютъ личные порывы молодыхъ людей и не допускаютъ ихъ зайти слишкомъ далеко, во вредъ себѣ и своему педагогическому образованiю. Мнѣ не разъ приходилось дивиться ихъ раннему умѣнiю отличать личности отъ дѣла, и такту директора семинарiи, руководящаго дебатами. На этихъ такъ называемыхъ Kritica, кромѣ того, разбирается *катихизическая бесѣда* (Kathechese) одного изъ студентовъ съ учениками старшаго (1-го) класса о воскресномъ евангелiи; бесѣда эта происходитъ каждую субботу, и вообще наканунѣ праздниковъ. Въ Kriticum точно также, какъ и въ Pädagogicum, ведется возможно подробный протоколъ, и всѣ эти Acta Kritica переходятъ потомъ въ архивъ семинарiи.

Если вся вышеприведенная дѣятельность семинаріи направлена болѣе или менѣе на *научное* образованіе молодыхъ педагоговъ, какъ въ теоретическомъ, такъ отчасти и въ практическомъ отношеніи; то теперь слѣдуетъ упомянуть объ одномъ учрежденіи, которое имѣетъ чисто практическія цѣли. Это — *Sholasticum*, особенныя еженедѣльныя собранія *), на которыхъ подвергаются обсужденію всѣ вопросы, касающіеся собственно школы, такъ какъ въ ней студенты-учителя несутъ нѣкоторымъ образомъ службу, даютъ уроки (отъ 4-хъ до 8-ми въ недѣлю) и за все отвѣчаютъ предъ своей коллегіей и директоромъ. Здѣсь, какъ и на каждомъ собраніи, начинается съ чтенія протокола предшествовавшаго собранія и назначается новый очередной протоколантъ, который записываетъ номеръ предстоящей конференціи и все ея содержаніе. Такихъ конференцій со времени основанія семинаріи происходило уже около 1,400, — и притомъ онѣ отличаются особенной продолжительностью: обыкновенно отъ 8-ми до 12-ти часовъ ночи. Послѣ переклички всѣхъ членовъ, производимой избираемымъ самими студентами *сеніоромъ*, и послѣ выслушанія письменныхъ (или передаваемыхъ черезъ товарища) извиненій отсутствующихъ членовъ, собраніе переходитъ ко второму пункту: *къ церкви.* Каждое воскресенье ученики старшаго класса ходятъ къ обѣднѣ въ сопровожденіи нѣкоторыхъ, добровольно вызывающихся студентовъ, и служатъ пѣвчими въ университетской церкви. Одинъ изъ сопровождавшихъ ихъ студентовъ представляетъ собранію отчетъ (Kirchenbericht) о посѣщеніи учениками обѣдни, о порядкѣ и внимательности ихъ, объ отсутствовавшихъ изъ учениковъ и о присутствовавшихъ изъ членовъ семинаріи. Всѣ случаи изъ поведенія дѣтей сообщаются, и въ извѣстныхъ случаяхъ принимаются нужныя мѣры; вновь вызываются охотники идти съ учениками къ обѣдни въ ближайшій праздникъ. Непосредственно за этимъ, классные учителя отдаютъ отчетъ каждый о порученномъ ему классѣ, т. е. о бывшихъ впродолженіи недѣли манкировкахъ со стороны учителей-студентовъ или учениковъ, и о причинахъ подобныхъ манкировокъ; объ исправности или неисправности *классной книги*, въ которую долженъ вписываться самимъ учителемъ каждый данный имъ урокъ; о классномъ инвентарѣ, и, наконецъ, о нравственномъ состояніи учениковъ его класса,

*) Происходятъ гдѣ нибудь въ трактирѣ, иногда даже за городомъ. Для большей Gemüthlichkeit въ Sholasticum допускается пиво и куреніе.

о ихъ опрятности, прилежаніи и поведеніи. Отзывы эти должны быть и бываютъ не общими, а подробными, съ приведеніемъ самихъ фактовъ, съ указаніемъ на самыя личности; при чемъ все общество входитъ въ разсмотрѣніе всѣхъ частностей, подаетъ мнѣнія, установляетъ рѣшенія. Директоръ есть только предсѣдатель. Однимъ изъ источниковъ, по которымъ классные учителя судятъ о нравственномъ состояніи ихъ класса, служатъ особенныя *записныя книги* (Correspondenzbücher), въ которыя учителя записываютъ всѣ неисправности, наказанія и т. под., бывшія на ихъ урокѣ. Такъ какъ въ этихъ записныхъ книгахъ вмѣстѣ съ проступками учениковъ помѣчаются и присужденныя имъ наказанія, то и въ этомъ пунктѣ молодой педагогъ подлежитъ контролю всей коллегіи, которая часто входитъ въ подробное разбирательство каждаго отдѣльнаго случая и взвѣшиваетъ соотвѣтствіе наказанія проступку ученика, какъ отдѣльной и болѣе или менѣе всѣмъ извѣстной индивидуальности. На индивидуализированіе исправительныхъ мѣръ обращается особенное вниманіе. Послѣ классныхъ отчетовъ переходятъ къ отчету учителя гимнастики объ успѣхахъ каждаго изъ 4-хъ классовъ семинарской школы, но останавливаются на этомъ недолго, такъ какъ затѣмъ держитъ рѣчь *старшій учитель* школы (Ober - Lehrer), избираемый товарищами изъ наиболѣе опытныхъ и дѣятельныхъ членовъ семинаріи, обыкновенно, уже изъ окончившихъ курсъ (т. е. изъ державшихъ Staats - Examen), и утверждаемый директоромъ. Посвящая школѣ болѣе времени и труда, чѣмъ остальные члены семинаріи, онъ получаетъ кромѣ квартиры еще маленькое пособіе отчасти отъ города, отчасти отъ директора. Впрочемъ, даровую квартиру въ домѣ семинарской школы получаютъ еще кромѣ его всѣ четверо классныхъ учителей. Старшій учитель на Sholasticum сообщаетъ собранію о всемъ предпринятомъ или исполненномъ въ теченіи всей истекшей недѣли, и лѣтомъ преимущественно о ходѣ *садовыхъ работъ*. Работы эти происходятъ на небольшомъ участкѣ земли, прилежащемъ къ семинаріи, и отправляются двумя старшими классами вмѣстѣ съ добровольно участвующими въ этихъ занятіяхъ студентами. На это опредѣляется особое время: четыре раза въ недѣлю отъ 5-ти часовъ вечера, когда и классы и лекціи уже у всѣхъ окончены. Садовыя работы, представляя прекрасное образовательное и здоровое занятіе дѣтямъ отъ 10-ти до 14-ти лѣтняго возраста, для молодыхъ учителей представляютъ возможность сблизиться съ дѣтьми и свободно наблю-

дать и изучать индивидуальность каждаго, — что опять стоитъ въ связи съ дѣятельностью такъ называемаго *Seelsorgeverein'a*. Это кружокъ, составляемый нѣкоторыми, болѣе ревностными членами семинаріи, съ цѣлію имѣть въ виду исправленіе болѣе испорченныхъ дѣтей, изыскивая для этого всевозможныя педагогическія средства. Всѣ продукты, получаемые изъ сада и огорода, раздѣляются in natura между работавшими учениками, къ особенному удовольствію ихъ бѣдныхъ родителей. Кромѣ того, старшій учитель даетъ отчетъ о состояніи *семинарской библіотеки*, содержащей нынѣ болѣе 1000 томовъ, и по субботамъ (отъ 1 до 3) открытой для тѣхъ изъ учениковъ семинаріи, которые хотятъ взять что нибудь почитать или перемѣнить уже прочитанныя книги. Впрочемъ, эта библіотека доступна всѣмъ, желающимъ пользоваться ею, и состоитъ преимущественно изъ отборныхъ дѣтскихъ и народныхъ изданій, пріобрѣтенныхъ преимущественно чрезъ пожертвованіе благотворителей. Статистическія замѣчанія о чтеніи книгъ дѣтьми особенно интересны.

Упомянутый мною кружокъ студентовъ, предметъ занятій котораго составляетъ такъ называемое *Seelsorge* или *Individuum*, имѣетъ свои отдѣльныя еженедѣльныя собранія, конечно, открытыя и для прочихъ членовъ семинаріи. Они происходятъ обыкновенно по пятницамъ отъ 7-ми до 8-ми часовъ вечера. Здѣсь преимущественно развивается *воспитательная* практика молодыхъ людей. Такъ какъ посѣщающія семинарскую школу дѣти принадлежатъ по большей части къ самому бѣдному населенію города, то между ними встрѣчается наибольшая испорченность, происходящая отъ небреженія и крайней необразованности ихъ родителей. Естественно, что такія дѣти особенно нуждаются во вниманіи и исправленіи, ибо въ противномъ случаѣ они и сами останутся нравственными уродами, и испортятъ другихъ дѣтей, и прежде всего своихъ товарищей. Всѣ лучшіе, ревностнѣйшіе члены семинаріи, по преимуществу же теологи, принадлежатъ къ этому благотворительно-педагогическому кружку. Они раздѣляютъ между собою всѣхъ наиболѣе испорченныхъ дѣтей, обязываясь зорко слѣдить за ними не только въ школѣ, но и внѣ ея, и въ нужныхъ случаяхъ совѣщаются между собою на общихъ собраніяхъ или прибѣгаютъ за совѣтомъ къ профессору. Чтобы прослѣдить внимательно всѣ вліяющія на дѣтей условія, молодые педагоги по возможности входятъ въ семейную жизнь своихъ паціентовъ, знакомятся съ ихъ родителями и родственниками, стараясь

и ихъ расположить ко благу ихъ дѣтей. Дѣятельность эта требуетъ особенной любви къ дѣлу и даже самоотверженія, — но за то и результаты часто бываютъ весьма отрадные, весьма полезные для обѣихъ сторонъ: и для молодыхъ педагоговъ, и для взятыхъ ими на поруки дѣтей. Въ этомъ я лично убѣдился *). Собранія, на которыхъ разбираются проступки дѣтей, принятыя исправительныя мѣры, отношенія родителей къ дѣтямъ и къ ихъ опекунамъ, все это бываетъ исполнено богатаго жизненнаго, педагогическаго и психологическаго интереса. О каждомъ мальчикѣ ведется особая книга, съ результатами всѣхъ наблюденій и характеристическими примѣрами, доказывающими его испорченность и постепенное исправленіе (а иногда, увы, и ухудшеніе...). На главной конференціи, называемой Sholasticum, прочитывается только протоколъ этого «попечительнаго общества», и доводятся до общаго свѣдѣнія только замѣчательнѣйшіе факты, какъ-то: особенные проступки паціентовъ, принятыя противъ нихъ мѣры, особенные успѣхи или неудачи и т. под. Въ этомъ случаѣ совѣты директора бываютъ наиболѣе интересны и необходимы. Послѣ всего этого, Sholasticum конферируетъ о разныхъ экстренныхъ предметахъ, напр. о предстоящихъ школьныхъ праздникахъ, объ общей кассѣ для путешествія, о расположеніи предстоящаго путешествія и т. под., и собираются маленькія еженедѣльныя пожертвованія деньгами въ дѣтскую кассу. Такой же сборъ обыкновенно происходитъ и послѣ каждаго Pädagogicum; за годъ набирается такимъ образомъ отъ 30 до 40 талеровъ. На эти деньги каждое лѣто въ сентябрѣ мѣсяцѣ, т. е. во время вакацій, ученики старшаго класса съ охотниками изъ членовъ семинаріи отправляются дней на десять въ путешествіе въ одну изъ частей Тюрингенскихъ горъ. Учрежденіе это имѣетъ неоцѣненную важность въ дидактическомъ и воспитательномъ отношеніяхъ, такъ какъ дѣти обогащаются познаніями, наглядно, въ живыхъ бесѣдахъ съ ихъ учителями, и незамѣтно подчиняются ихъ воспитательному вліянію, привыкаютъ къ дружбѣ и взаимной помощи. Путешествіе есть одно изъ важнѣйшихъ событій въ жизни школы; и дѣти и студенты ждутъ его съ радостнымъ нетерпѣніемъ. Оно освѣжительно дѣйствуетъ на молодую душу своимъ разнообразіемъ, которое не мелькаетъ, какъ при ѣздѣ по желѣзной

*) Но, какъ иностранецъ, я не могъ принимать близкаго участія въ дѣятельности этого Verein'а.

дорогѣ, но по возможности внимательно изучается. Новыя красоты природы, новая жизнь, новые люди, — все влечетъ вниманіе дѣтей и расширяетъ ихъ духъ, проходя черезъ область сознанія. Обычай, по которому эти юные путешественники ведутъ *дневникъ* всего видѣннаго и испытаннаго, имѣетъ большое образовательное значеніе. Благотворительность бываетъ особенно дѣятельна передъ путешествіемъ; на собранную семинаріей и дополненную директоромъ сумму, ученики получаютъ новое платье и новую обувь, и, довольные обновками, стараются беречь ихъ въ путешествіи. Осенью 1863 года я также совершилъ это путешествіе вмѣстѣ съ семинарскими учениками, для которыхъ самъ директоръ пожертвовалъ два дня; въ это время я лично убѣдился въ укрѣпляющемъ, образовывающемъ и возвышающемъ вліяніи подобнаго учрежденія на дѣтей. Необходимая дисциплина не переходила въ стѣсненіе, а свобода не извращалась въ безпорядочность; воля дѣтей видимо вырабатывалась и крѣпла. Я не стану описывать всѣхъ праздниковъ, предпріятій и игръ, которыя въ такомъ ходу въ школѣ семинаріи, и такъ поддерживаютъ привязанность къ ней и въ дѣтяхъ, и въ ихъ молодыхъ учителяхъ; это заставило бы меня выйти изъ предѣловъ *очерка*.

Пробывъ въ семинаріи профессора Стоя около трехъ семестровъ, я близко знаю не только всѣ хорошія, но и всѣ слабыя ея стороны; но послѣднія проистекаютъ преимущественно изъ общихъ недостатковъ нѣмецкаго характера и нѣмецкаго воспитанія, а потому едва ли доступны радикальному исправленію, какъ ни старается освободиться отъ нихъ самъ профессоръ, во многомъ послѣдователь воспитательныхъ началъ Ж. Ж. Руссо и Локка, живо сознающій всѣ недостатки современной нѣмецкой школы. Цѣлью моею было только показать въ этомъ очеркѣ *образцовую организацію* семинаріи, намекнуть на ея богатую *внутреннюю жизнь*, — не входя ни въ критику, ни въ разсмотрѣніе удобопримѣнимости подобнаго учрежденія къ русской почвѣ, но въ то же время будучи убѣжденъ въ невозможности *цѣликомъ* перенести его къ намъ. Семинарія профессора Стоя выросла постепенно, подъ вліяніемъ всѣхъ окружающихъ условій, какъ благопріятныхъ, такъ и враждебныхъ, и потому есть явленіе вполнѣ *органическое*, съ глубокими и крѣпкими корнями. Этимъ нормальнымъ путемъ должно развиваться всякое истинно-жизненное учрежденіе... Семинарія профессора Стоя есть явленіе совершенно оригинальное и единственное

въ Германіи. Удивительно энергическая дѣятельность дирекора сообщаетъ духъ, направленіе и силу всему этому институту, который уже имѣетъ свою нелишенную блеска исторію, своихъ горячихъ приверженцевъ и заклятыхъ враговъ, и едва ли покажется вѣроятнымъ, если я скажу, что впродолженіи трехъ проведенныхъ мною въ семинаріи семестровъ, профессоръ Стой не пропустилъ ни одного собранія, — было ли то Pädagogicum, Practicum, Kriticum или Sholasticum, — не смотря на то, что онъ имѣетъ собственный институтъ, въ которомъ самъ учительствуетъ, и какъ профессоръ педагогики, читаетъ *пять* лекцій въ недѣлю въ университетѣ. Всѣхъ членовъ семинаріи связываетъ дружное товарищество, вытекающее изъ единства призванія и интересовъ; ихъ взаимныя отношенія просты и естественны, примѣры распрей хотя и были, но очень рѣдко, и вовсе не вытекали изъ общаго духа учрежденія. Въ этомъ духѣ можно также подмѣтить не мало корпоративнаго, выражающагося въ соотвѣтствующихъ ему, чисто нѣмецкихъ формахъ, — и профессоръ Стой даетъ полный просторъ и уваженіе этимъ національнымъ чертамъ нѣмецкаго характера. Наконецъ жизнь семинаріи, облекаясь въ безвредныя, хотя на нашъ взглядъ и странныя формы, скрѣпляетъ связь ея членовъ и удовлетворяетъ потребностямъ юношескаго духа. Сеніоръ, кнейпа, раздѣленіе на фуксовъ и буршей, знамена, неизбѣжное пиво, коммерши, свои отдѣльныя пѣсни, — все это внѣшности, безъ которыхъ однако немыслима студенческая жизнь въ Германіи. Дѣло только въ томъ, чтобы эти внѣшности не преобладали надъ содержаніемъ, а только давали ему выраженіе... Но помимо всего этого, нельзя не оцѣнить главнаго; того пониманія связи между *наукою* и *опытомъ*, которое присуще всѣмъ членамъ семинаріи, и которое такъ прекрасно выражается въ избранномъ самимъ директоромъ девизѣ дѣятельности его семинаріи: «Nichts in der Wissenschaft — was sich nicht auf die Praxis bezieht; Nichts in der Praxis — was durch die Wissenschaft nicht begründet ist».

Послѣ трехъ-четырехъ семестровъ, проведенныхъ въ семинаріи профессора Стоя, студенты въ это время успѣваютъ подготовиться къ Staats Examen'у, и такъ какъ къ профессору часто присылаютъ увѣдомленія о вакантныхъ мѣстахъ, съ просьбою рекомендовать достойнѣйшихъ, кандидаты-педагоги обыкновенно получаютъ на первый разъ хорошія мѣста въ гимназіяхъ, народно-учительскихъ семинаріяхъ, въ реальныхъ или городскихъ школахъ (Bürgerschulen),

или идутъ помощниками (Collaborator'ами) въ пасторскіе приходы, продолжая заниматься школьнымъ дѣломъ; иные, наконецъ, остаются въ частномъ институтѣ самаго профессора Стоя, или дѣлаются домашними наставниками. Нѣкоторые изъ его учениковъ теперь уже занимаютъ важныя инспекторскія и директорскія мѣста, и состоятъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ семинаріей. Особенно оживляется корреспонденція и присылка разныхъ пожертвованій въ пользу семинаріи около дня ея основанія (Grundsteinfest), памятнаго для всѣхъ ея прежнихъ членовъ и друзей. Такимъ образомъ между старыми и новыми ея членами существуетъ постоянная нравственная связь; духъ и преданія учрежденія переходятъ преемственно, сообщая ему жизнь и крѣпость. Ученики профессора Стоя въ настоящее время разсѣяны не только по всей Германіи, но также по Швейцаріи, Венгріи и славянскимъ землямъ.

Въ заключеніе этого отчета приведу одну *новость*, интересную для всѣхъ, занимающихся психологіей; на дняхъ явилась въ свѣтъ первая часть давно ожидаемой психологіи *Германа Фихте* — Psychologie. Die Lehre vom bewussten Geiste des Menschen, oder Entwickelungsgeschichte des Bewusstseins, begründet auf Anthropologie und innere Erfahrung. Leipzig. 1864. 744 s. in 8⁰ — изданіе которой было задержано другими работами почтеннаго ученаго. *Первая часть* его труда составляетъ нѣчто законченное; какъ изложеніе развитія *человѣческаго сознанія*, содержащее ученіе о чувственномъ познаніи, о памяти и фантазіи, но стоитъ въ прямой связи съ его Anthropologie — die Lehre von der menschlichen Seele, neu begründet auf naturwissenschaftlichem Wege, für Naturforscher, Seelenärzte und wissenschaftlich Gebildete überhaupt, Leipzig, — уже имѣвшей два изданія: 1856 и 1860 годовъ. *Вторая часть*, которая явится, вѣроятно, еще не скоро, представитъ ученіе о разумѣ, чувствѣ и волѣ, и закончитъ всю систему этого философа. При современномъ состояніи психологической науки, когда еще далеко не примирена противуположность между грубымъ эмпирическимъ реализмомъ и безсодержательнымъ апріорическимъ идеализмомъ, Германъ Фихте старается занять средину между ними, и, принявъ въ основаніе своихъ изслѣдованій индуктивный методъ, отстоять *трансцендентальное* начало человѣческаго духа, предшествующее нашему сознанію. Всѣ доказательства и выводы онъ приводитъ всегда прямо и рѣшительно, что сообщаетъ его сочиненію большую отчетливость и облегчаетъ возможность критической повѣрки. Факты, которымъ авторъ ста-

рается оказывать должное уваженіе, заимствуются по преимуществу изъ собственнаго опыта, — изъ самонаблюденія, и потому все ученіе Фихте отличается тѣмъ яркимъ *индивидуальнымъ* характеромъ, который онъ особенно высоко цѣнитъ, и который, какъ принципъ, лежитъ во всемъ міросозерцанія этого философа. Положенія, какъ бы вытекающія изъ его изслѣдованій, по большей части суть предвзятыя, и во многомъ напоминаютъ Канта, возвращеніе къ которому онъ считаетъ насущной необходимостью для современной философіи. Человѣческій духъ, по Фихте, есть существо реальное, проявляющееся въ условіяхъ времени и пространства (Raumzeitliches Realwesen). Дуализмъ природы и духа, ихъ взаимная противоположность, по его мнѣнію, есть одна несостоятельная абстракція. Все различіе между монадой духа и прочими міровыми субстанціями сводится на относительно бо́льшую высоту и тончайшую возбудительность этой монады, находящей въ нихъ первый источникъ своего сознанія.

Эти начала господствуютъ и въ антропологіи Фихте; но въ психологіи онъ идетъ еще въ дальнѣйшія опредѣленія аттрибутовъ человѣческаго духа, постепенно отклоняясь отъ своихъ собственно антропологическихъ воззрѣній. Духу приписываются прирожденныя способности, которыя хотя и обнаруживаются при необходимомъ воздѣйствіи внѣшнаго міра, но не противорѣчатъ *доэмпирическому* существованію духа, которое возможно однако неиначе, какъ въ *индивидуальной* формѣ. Всякое вдохновеніе, и особенно религіозное, есть возвышеніе, а не разслабленіе индивидуальнаго духа. Отношеніе индивидуализма къ универсальному принципу, какъ и все свое ученіе, Фихте старается объяснить и доказать съ помощію опыта и наведенія, отвергая всякую готовую метафизическую систему; пріемъ по видимому новый, рѣзко отличающій его и отъ Гегеля, и отъ Готтлиба Фихте, — но одно въ желаніи, а другое на дѣлѣ. Увѣренія автора въ его уваженіи къ эмпиріи и факту не мѣшаютъ подмѣтить въ его ученіи запасъ готовыхъ, любимыхъ имъ метафизическихъ положеній. Положенія эти, какъ бы они ни были тверды и неприкосновенны, все же находятся въ противорѣчіи съ его признаніемъ опыта, какъ единственнаго средства, предохраняющаго отъ преждевременной абстракціи и сильнаго убѣдительностью. Вообще убѣдительность — есть главное желаніе автора, изъ-за котораго онъ отрекается и отъ дедукціи, и отъ метафизики, но часто приводимыя имъ *онтологическія* доказательства едва ли соотвѣтствуютъ его желанію...

Самая существенная часть труда Фихте, это — указаніе на неразгаданное существованіе человѣческаго духа еще до всякаго индивидуальнаго опыта, значеніе котораго столь преувеличено бенековской школой, — не говоря уже о матеріалистахъ и грубыхъ сенсуалистахъ; указаніе на тотъ внутренній, таинственный источникъ духовной жизни, безъ котораго и сама эта жизнь была бы невозможна въ ея развитіи и внѣшнемъ проявленіи. Идеи эти — кантовскія, отчасти лейбницевскія, — но обработка ихъ съ помощію эмпиріи (хотя и не выдержанной) принадлежитъ Герману Фихте, исходный психологическій принципъ котораго, говоря его словами: «innere Ewigkeit und vorzeitliche Uranlage des Geistes». Задавшись этой старой мыслью, которую однако авторъ желаетъ представить какъ бы точный выводъ изъ наблюденій, онъ не всегда свободенъ отъ того благороднаго, задушевнаго мистицизма, который составляетъ характеристическую черту его личности, перенесенную на науку, и который всегда будетъ поставленъ ему въ упрекъ его многочисленными противниками, требующими отъ науки одной наглядно-осязательной, непреложной точности. «Наше вѣчное недовольство всѣмъ существующимъ, нашъ вѣчный порывъ отъ всего земнаго къ запредѣльному совершенству, происходящая отсюда раздвоенность, чувство какого-то отчужденія отъ этого чувственнаго міра, не есть ли все это доказательство полнаго *отрицанія* своего временнаго состоянія, въ пользу *высшаго, субстанціальнаго бытія внѣ его*». Таковъ основной взглядъ Фихте, проникающій весь его трудъ, и таковы почти всѣ его доказательства отъ факта... Противники могутъ не принять этого, но не обратить вниманія на затрогиваемыя имъ стороны они не въ состояніи. «Новѣйшая психологія, говоритъ онъ, если она хочетъ обнять и объяснить *весь* человѣческій духъ, не ограничиваясь одною половиною его бытія, одною чувственною жизнью, должна подвергнуть изученію и другую его половину, имѣющую совершенно иную жизнь и *иной способъ воспріятій*; ибо только въ такомъ случаѣ будетъ объясненъ человѣческій духъ во всемъ его объемѣ и во всей апріоричности». Требованіе справедливое, и еще никѣмъ изъ психологовъ невыполненное, не исключая, какъ намъ кажется, и самаго автора указываемой нами книги. Отвергнувъ исключительность сенсуалистическаго принципа, на которомъ зиждется все зданіе новой психологіи, онъ оказываетъ только критическую услугу, дѣлаетъ вновь геніальную попытку; но результаты ея нейдутъ

дальше кантовскихъ. Универсальный принципъ Канта, и трансцендентальное *я* Готтлиба Фихте нашъ авторъ прямо признаетъ единственными основаніями науки о душѣ и прямо говоритъ, что «истинная, основательная психологія, какъ проницательное *самопознаніе* духа, должна быть *трансцендентальна*». «Всякое идеальное развитіе человѣческаго сознанія, всякое культурное движеніе, есть только наитіе (Eingebung) Бога, который и есть истинный источникъ всѣхъ рождающихся въ насъ мыслей» — говоритъ онъ въ своей антропологіи (стр. 608), — и то же самое, но только обширнѣе, развивается имъ и въ психологіи. «Есть психологическія состоянія, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, необъяснимыя изъ одного взаимодѣйствія субъекта и объекта, духа и внѣшняго міра; они происходятъ изъ *внутренняго* принципа, воздѣйствующаго на нашъ духъ и сознаніе». Состоянія эти Фихте приписываетъ воздѣйствію божію, невидимому, но ощущаемому и постигаемому. Вотъ почему онъ придаетъ особенное значеніе такимъ психическимъ явленіямъ, какъ одушевленіе, вдохновеніе, энтузіазмъ, экстазъ, въ которыхъ выражается наше возвышеніе надъ земными, чувственными предѣлами.

Уже изъ сказаннаго достаточно явствуетъ, что Германъ Фихте, какъ не натуралистъ, при всемъ желаніи не можетъ оставаться послѣдовательно вѣрнымъ опыту и индукціи, и во многомъ напоминаетъ своего отца. По отношенію къ философіи, психологія, какъ онъ полагаетъ, должна занимать второе мѣсто, или, точнѣе, составлять вторую часть реальной философіи; но для этого психологія должна прежде сложиться въ совершенную систему, въ которой отразился бы «полный и вѣрный отпечатокъ міроваго порядка, во всей его связи и послѣдовательности, должна прежде съ помощію размышленія приблизиться къ тому первообразу (Vorbild), который существовалъ еще до начала міра въ мысли Создателя».

Таковы требованія и такова задача новаго труда Германа Фихте, и въ этомъ весь его интересъ. Почтенный мыслитель, котораго можно назвать болѣе философомъ, чѣмъ психологомъ, самъ предвидитъ, какъ его трудъ будетъ встрѣченъ его противниками, и спѣшитъ самъ указать себѣ мѣсто въ другой группѣ ученыхъ, которымъ онъ наиболѣе симпатизируетъ. «Фанатическое поклоненіе матеріи, говоритъ онъ въ предисловіи, есть самый характеристическій симптомъ той болѣзни, которою страдаетъ наше время. Во времена Канта, Шеллинга, Гегеля, со смѣхомъ принимали порожденія матеріалистической фантастики, а нынѣ вся литература рев-

ностно фабрикуетъ ея продукты... Но тѣмъ не менѣе идеальныя стремленія продолжаютъ несокрушимо жить въ человѣкѣ и заявлять свой кроткій протестъ. Пусть же эта скромная, никогда невымирающая община глубокихъ натуръ, уважающихъ въ человѣкѣ загадку, ожидающую разрѣшенія, пусть они въ трудѣ моемъ найдутъ для себя прочный, надежный оплотъ въ жизни».

Нельзя не признать, что обширный трудъ Германа Фихте дѣйствительно вызванъ современнымъ состояніемъ психологической науки, и останется звеномъ въ исторіи ея развитія. Но, повторяемъ, онъ только указываетъ на пробѣлъ, вновь ставитъ почти забытую и вовсе не рѣшенную задачу, самъ же рѣшаетъ её едва ли удовлетворительно, если имѣть въ виду требованія современной науки.

Іена, 8-го іюля нов. ст. 1864 года.

67) Тихоновича 2-го.

Въ прошедшемъ своемъ отчетѣ я высказалъ, что еще однажды имѣю въ виду остаться на весьма короткое время въ Гейдельбергѣ съ цѣлію послушать лекціи исторіи химіи, читанныя профессоромъ Коппомъ. Отъ Коппа, какъ отъ творца исторіи химіи, можно было ожидать глубокаго критическаго разбора всѣхъ обстоятельствъ, относящихся къ исторіи развитія науки. Вотъ почему мнѣ казалось вначалѣ полезнымъ выслушать даже полный курсъ его лекцій. Но какъ срокъ пребыванія за границею къ концу, а между тѣмъ многое хотѣлось бы еще повидать, то, не смотря на все мое желаніе, я пробылъ въ Гейдельбергѣ, на этотъ разъ, менѣе нежели предполагалъ. Поэтому-то мнѣ удалось слышать только весьма немногія лекціи Коппа. При мнѣ онъ прочиталъ исторію развитія алхиміи и такъ называемый медицинскій періодъ. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ изложить то ясно и отчетливо, что совершенно непонятно. Относительно изложенія періода алхимистовъ и ятрохимиковъ положительно возможно сказать это. Страхъ быть заживо сожженнымъ, преслѣдованіе со стороны высшихъ властей, гоненія со стороны черни заставляли алхимистовъ съ одной стороны прибѣгать при своихъ занятіяхъ къ такимъ терминамъ и къ такому языку, который, будучи понятнымъ и доступнымъ для нихъ, оставался постоянно загадочнымъ для непосвященныхъ; съ другой же стороны упомянутыя обстоятельства побуждали ихъ окружать себя предметами дѣйствующими на умъ и воображеніе своихъ посѣти-

телей. Если мы представимъ себѣ, что большинство документовъ, относящихся къ этому періоду были заимствованы изъ разсказа упомянутыхъ посѣтителей; что термины, а иногда и цѣлыя выраженія, обрисовывающія данную химическую реакцію, переданы совершенно непонятнымъ языкомъ; что большинство документовъ были изковерканы перепискою — тогда намъ будетъ понятно, почему почти невозможно критически изложить упомянутые два періода. Эта невозможность вполнѣ отразилась на лекціяхъ Коппа. Однимъ изъ лучшихъ достояній историка владѣетъ Коппъ, именно даромъ слова. Вотъ почему, не смотря на то, что лекціи его были въ сущности краткимъ извлеченіемъ давно уже напечатаннаго имъ объ этихъ двухъ періодахъ въ его «Geschichte der Chemie», — способъ передачи фактовъ, точная хронологическая послѣдовательность въ ихъ изложеніи, въ высшей степени краснорѣчивый разсказъ дѣйствуютъ обаятельно на слушателя. Сожалѣю, что за недостаткомъ времени невозможно было выслушать у него исторіи развитія науки отъ Лавуазье до нашего времени!

Въ прошедшемъ же отчетѣ сказано, что я имѣю въ виду пробыть нѣкоторое время въ Марбургѣ. Цѣль моя въ этомъ случаѣ была послушать ученіе Колбе, — выслушать теорію науки, отличающуюся особенною оригинальностію; ту теорію, которая нѣсколько разъ претерпѣвала страшное преслѣдованіе, снова воскресала и наконецъ въ послѣднее время пріобрѣла своихъ послѣдователей въ большинствѣ Германіи, Англіи и Америки. Въ этомъ семестрѣ Колбе читаетъ элементарный курсъ минеральной химіи, но по просьбѣ спеціалистовъ, работающихъ въ лабораторіи, онъ рѣшился передать свои воззрѣнія относительно конституціи органическихъ соединеній въ видѣ отдѣльныхъ лекцій. Эти лекціи начаты недавно и ихъ было три. На лекціяхъ онъ развилъ ученіе о раціональномъ составѣ органическихъ соединеній, о гликоляхъ и соотвѣтствующихъ имъ кислотахъ, о глицеринахъ, ацетонахъ и альдегидахъ. Лекціи его отличаются ясностію и отчетливостію изложенія. Излишне было бы передавать подробно содержимое лекцій, ибо, исключая нѣкоторыхъ немногихъ, весьма впрочемъ остроумныхъ замѣтокъ, все, что я слышалъ до сихъ поръ, наши химики вѣроятно уже читали: въ «Ausführliches Lehrbuch der Organischen Chemie von Herman Kolbe» 1-й томъ; Zeitschrift für Chemie und Pharmacie 1863 и 64 годъ; замѣтки профессора Казанскаго университета Бутлерова, напечатанныя въ Zeitschrift für Chemie und Phar-

macie 1863 года, 500 страницъ, подъ заглавіемъ «Ueber die verschiedenen Erklärungsweisen einiger Fälle von Isomerie. Наконецъ Annalen der Chemie und Pharmacie.

Лабораторія Колбе представляетъ истинный образчикъ небольшаго, чистаго, удобнаго и отлично устроеннаго помѣщенія для работъ. Все, что необходимо имѣть подъ руками при постоянныхъ спеціальныхъ работахъ, все можно получить въ этой лабораторіи. Отдѣльная, огромная, чистая комната для спеціалистовъ, съ большимъ притокомъ газа и воды, печами для элементарнаго анализа и хорошо устроенными вентиляторами. Особенное помѣщеніе для профессора, изъ котораго однакоже ему, занимаясь своими работами, весьма удобно можно слѣдить за ходомъ работъ каждаго спеціалиста. Отдѣльное помѣщеніе для начинающихъ. Отдѣльная комната: для перегонокъ *), запаянныхъ трубокъ **), работъ требующихъ каленія, упарокъ. Комната для анализа газовъ, имѣющая болѣе или менѣе постоянную температуру. Темная комната для спектральнаго анализа. Отдѣльная вѣсовая, погребъ, ледникъ, библіотека. Вещи, какъ-то: стекло, нѣкоторые аппараты-препараты, хотя не всѣ, можно также здѣсь получать. Семестръ стоитъ 32 талера безъ препаратовъ, посуды и лекцій. Слѣдовательно одно помѣщеніе имѣетъ помянутую стоимость. Я видѣлъ уже много лабораторій: въ Гейдельбергѣ три (Бунзена, Эрленмейэра, Каріуса), Гиссенѣ (знаменитую прежде гиссенскую лабораторію), Штутгардѣ, при политехнической школѣ, Тюбингенѣ двѣ (Гоппе и Штрекера); но такъ удобно устроенной лабораторіи еще не встрѣчалъ.

Что касается до направленія работъ въ лабораторіи, то его можно выразить весьма просто: всѣ работы направлены къ одной общей цѣли,—сколько возможно болѣе утвердить ученіе Колбе. Въ настоящее время весьма многіе изъ работающихъ заняты продолженіемъ изслѣдованій перехода одноосновныхъ кислотъ въ двуосновныя. Извѣстно, что, впродолженіи уже нѣсколькихъ лѣтъ, Колбе между другими работами занятъ былъ отыскиваніемъ метода перейти отъ одноосновныхъ кислотъ къ двуосновнымъ или, какъ

*) Для этой цѣли устроенъ огромный столъ съ постояннымъ притокомъ холодной воды и постояннымъ отводомъ. Шесть, семь перегонокъ могутъ быть производимы въ одно и то же время, не требуя особеннаго присутствія работающаго.

**) Прекрасно устроенный аппаратъ, въ которомъ, не подвергая себя опасности, можно наблюдать температуру.

онъ выражаетъ, отъ Monocarbonsäure въ Dicarbonsäure. Наконецъ въ прошедшемъ февралѣ этого года ему удалось это. Дѣйствуя на моно-хлоро-уксусный эѳиръ воднымъ растворомъ синеродистаго калія, онъ получилъ съ одной стороны хлористый калій, а съ другой ціано-уксусную кислоту. Дѣйствуя на послѣднее тѣло избыткомъ ѣдкаго кали, онъ получилъ малоновокислое кали. Разработываніе солей этой кислоты занимаетъ нѣкоторыхъ въ лабораторіи. Въ этомъ же направленіи испытывается дѣйствіе на хлоро-уксусную кислоту ціановокислаго кали. Изъ хлоро-протоновыхъ соединеній получается подобнымъ же образомъ янтарная. Далѣе извѣстно, что Колбе разсматриваетъ тирозинъ, какъ салицилевую кислоту, въ которой одинъ пай радикальнаго водорода замѣщенъ однимъ паемъ этиламида. Преслѣдованіе этого факта составляетъ предметъ работы для нѣкоторыхъ изъ студирующихъ. Остальныя, менѣе значительныя работы, направлены къ уясненію роли разныхъ кислородовъ и хлоровъ органическихъ соединеній.

Въ прошедшемъ же отчетѣ я высказалъ, что наиболѣе разработанную часть моего труда отошлю въ печать, но дальнѣйшія наблюденія, произведенныя непосредственно послѣ отсылки отчета, указали, что работа, почти вся, можетъ быть готова въ наискорѣйшемъ времени. Теперь она окончена. На дняхъ пишу и отсылаю въ редакцію одного изъ журналовъ. По отпечатаніи буду имѣть честь представить въ министерство корректурные листы. По полученіи денегъ, хотя на весьма короткое время уѣду въ Парижъ осмотрѣть лабораторіи.

Марбургъ, $\frac{\text{27-го іюня}}{\text{9-го іюля}}$ 1864 года.

68) Кандидата Мельникова.

Какъ ни велико значеніе коллекцій вообще, но никогда все таки никакое собраніе, какъ бы богато ни было оно, не исключитъ необходимости собственныхъ экскурсій. И это можетъ быть всего справедливѣе въ отношеніи зоологическихъ собраній, зоологическихъ экскурсій. Есть цѣлые ряды животныхъ, которыхъ, не смотря на довольно значительное уже теперь число извѣстныхъ консервативовъ, нельзя сохранять долгое время на столько удовлетворительно, чтобы невидавшему существа эти живыми, дать возможность составить объ нихъ хоть какое нибудь понятіе. Весь почти классъ Coelenterata, нѣкоторые порядки моллюсковъ и пр. еще останутся

всегда чуждыми не побывавшему на морѣ. Познакомиться-то съ формами и организаціею подобныхъ существъ было цѣлію моей поѣздки въ Неаполь.

Я пробылъ въ Неаполѣ мартъ, апрѣль и май. Самый удачный ловъ былъ въ первые полтора мѣсяца. Животныя, попадавшіяся въ это время были по преимуществу представители группъ — Coelenterata, Tunicata, Heteropoda и Pteropoda.

Въ половинѣ же апрѣля изчезли почти совершенно эти существа изъ Неаполитанскаго залива, только изрѣдка и то въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ появлялись Praja, Dyphies, Beroe и др. А потому остальные полтора мѣсяца, я, кромѣ заклейки микроскопическихъ рачковъ, червей и ларвъ, вылавливаемыхъ сачкомъ, занимался анатомированіемъ нѣкоторыхъ, болѣе интересовавшихъ меня морскихъ рыбъ. Amphioxus lanceolatus, водящійся въ громадномъ количествѣ у самой St. Lucia, составлялъ конечно главный предметъ изученія.

Изъ Неаполя вернулся я опять въ Гиссенъ. Занимаюсь теперь опредѣленіемъ привезенныхъ микроскопическихъ животныхъ и посѣщаю лекціи общей зоологіи профессора Леукарта.

Гисссенъ.

69) Александра Іонина.

(За четвертый триместръ втораго года пребыванія за границей).

Впродолженіе этого триместра я посѣщалъ лекціи профессоровъ Бёка и Гаупта. Первый читаетъ по 6-ть разъ въ недѣлю греческую и римскую метрику, при чемъ для слушателей главнымъ пособіемъ служитъ его трактатъ *De metris Pindari*, напечатанный въ первомъ томѣ изданія Пиндара, и отдѣльно. Не говоря уже о научномъ достоинствѣ, эти лекціи особенно важны въ томъ отношеніи, что представляютъ превосходный образецъ изложенія такого предмета, который по своей запутанности, по разнорѣчивымъ, часто даже противоположнымъ, воззрѣніямъ филологовъ, наконецъ по скудости и неясности свидѣтельствъ древнихъ грамматиковъ, болѣе чѣмъ всякій другой требуетъ отъ преподавателя не только полнаго и точнаго знанія дѣла, но и умѣнья принаравливаться къ своимъ слушателямъ, умѣнья быть яснымъ. Эту послѣднюю цѣль Бёкъ преимущественно имѣетъ въ виду при своихъ лекціяхъ, и потому всякое наблюденіе, всякій метрическій законъ сопровождается

у него множествомъ примѣровъ, опредѣленностью схемъ, математическимъ вычисленіемъ тактовъ, но особенно его собственнымъ неподражаемымъ чтеніемъ.

Профессоръ Гауптъ по 4 раза въ недѣлю комментируетъ сатиры Горація. Первыя 18 лекцій составляютъ введеніе, въ которомъ, кромѣ общаго историческаго обзора развитія римской сатиры, онъ особенно подробно изложилъ біографію и обзоръ авторской дѣятельности Горація, и представилъ характеристику дошедшаго до насъ текста гораціевыхъ произведеній.

Для біографіи Горація, кромѣ указаній, заключающихся въ его произведеніяхъ, главнымъ источникомъ служитъ *Vita Horatii*, написанная Светоніемъ, и составляющая, вѣроятно, отрывокъ изъ потеряннаго сочиненія его: *De viris illustribus*. Въ этой біографіи еще въ прошедшемъ столѣтіи замѣчены двѣ интерполяціи. Первая въ началѣ: *Ut vero creditum est*, *salsamentario*, *cum illi quidam in altercatione exprobrasset*: «*Quoties ego vidi patrem tuum cubito se emungentem*». На эту интерполяцію первый обратилъ вниманіе германскій филологъ прошедшаго столѣтія Христіанъ Яни, и поводъ къ ней, по всей вѣроятности, подали аналогическія мѣста у Діогена Лаэртійскаго IV, 6, § 47 *) и Auct. ad Herenn. IV, 54 **). Но Гауптъ совершенно основательно допускаетъ интерполяцію только послѣ слова *salsamentario*, которымъ однимъ только и могло быть мотивировано слѣдующее за нимъ поясненіе: *cum illi* etc. Другая вставка въ концѣ: *Ad res venereas intemperantior traditur* etc. заимствована изъ Сенеки Nat. Quaest. I, 16, гдѣ имя Гостія невѣжественные переписчики смѣшали съ именемъ Горація. См. *Lessing*. Rett. d. Hor. (Werke Bd. IV, стран. 215 etc.).

Что касается до литературной дѣятельности Горація, то поводомъ къ ней послужили не внѣшнія обстоятельства, не стѣсненное положеніе, хотя онъ и говоритъ о себѣ Epist. II, 2, 51: paupertas impulit audax, ut versus facerem. Основаніе этой дѣятельности лежало уже въ его поэтической натурѣ; обстоятельства же сдѣлали то, что онъ выступилъ на литературное поприще съ сатирами и эподами. Это были первыя его произведенія, писанныя между 714 и 724 го-

---

*) Въ біографіи Bion. Borysthen., гдѣ этотъ философъ разсказываетъ о себѣ Антигону: *Ἐμοῦ δ πατήρ μὲν ἦν ἀπελεύθερος, τῷ ἀγκῶνι ἀπομοσσόμενος* (*διεδήλον δὲ τόν ταριχέμπορον*).

**) Ut si salsamentarii filio dicas: Quiesce tu, cujus pater cubito se emungere solebat.

дами отъ построенія Рима. За изданіемъ сатиръ и эподъ послѣдовало изданіе первыхъ трехъ книгъ одъ, въ которыхъ нѣтъ указанія на событія позже 730 года*). Четвертая книга одъ написана позже, вѣроятно, между 737 и 741 годами. Посланія Горація и по серьезному тону и по обработанности формы составляютъ позднѣйшія произведенія, и въ этомъ отношеніи между ними послѣднее по времени посланіе *ad Pisones* (со времени Квинтиліана Ars poetica), хотя въ ней и нѣтъ на это прямыхъ указаній.

При изложеніи дипломатической исторіи гораціевыхъ произведеній Гауптъ обратилъ вниманіе на древнѣйшихъ комментаторовъ Горація, качество текста, и наиболѣе значительныя прибавки и искаженія, вкравшіяся въ него въ теченіи слѣдующихъ столѣтій. Горацій, который, подобно Виргилію, много читался въ школахъ, еще въ древности долженъ былъ найти себѣ комментаторовъ, и они дѣйствительно были. См. *Suringar* въ III томѣ *Historia critica scholiastarum latinorum* (Lugd. Bat. 1834 — 1835). Но изъ этихъ схолій до насъ дошли только два сборника, Акрона и Порфиріона, время которыхъ еще до сихъ поръ неопредѣлено съ точностью. Схоліи Порфиріона заслуживаютъ преимущество по вѣрности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, и хотя Акронъ упоминается у Порфиріона, едва ли можно на этомъ только основаніи признать за первымъ большую древность. Напротивъ, у Акрона часто встрѣчаются заимствованія изъ Порфиріона, и то большею частью въ искаженномъ видѣ. До сихъ поръ нѣтъ еще удовлетворительнаго изданія этихъ схоліастовъ. *Гауталь* (Hauthal) началъ было издавать ихъ въ Лейпцигѣ въ 1859 году; но изданіе это, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ **) пріостановилось въ самомъ началѣ, и только въ нынѣшнемъ году, въ Берлинѣ, явился первый томъ, заключающій схоліи (текстъ и apparatus criticus) къ одамъ, эподамъ и carmen saeculare; второй томъ долженъ выйти въ нынѣшнемъ же году. Кромѣ схолій Акрона и Порфиріона есть еще третій сборникъ, извѣстный подъ именемъ *scholia cruquiana*. Iacob de Crucque (Cruquius), голландскій филологъ 16 ст., при изданіи Горація, который составлялъ главный предметъ

*) Потому од. I, 3 нельзя относить къ поэту Виргилію, который отправился въ Грецію только 735 года. Это замѣчаніе подтверждается тѣмъ, что во всей одѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на поэтическую дѣятельность Виргилія. См. *Franke:* Fasti Horatiani p. 64 — 67.

**) *Hauthal.* Scholia Horatiana Acronis et Porphyrionis. Berol. 1864. Addenda et corrigenda. I.

его ученыхъ занятій, пользовался всѣми рукописями (числомъ 11), какія только онъ могъ найти въ Нидерландахъ, и которыя потомъ утратились во время волненій въ началѣ 17 столѣтія. Въ изданіи 1597 года въ первый разъ появился новый сборникъ схолій, составленный изъ замѣчаній и глоссъ, находившихся на поляхъ и между строками рукописей. Эти схоліи самаго разнообразнаго характера, но большею частью заимствованы изъ Акрона и Порфиріона, и могутъ служить къ поправкѣ и дополненію первыхъ двухъ сборниковъ.

Текстъ Горація въ рукописяхъ, сравнительно съ другими авторами, представляетъ меньше разнообразія: разницы чтеній происходятъ большею частію вслѣдствіе ошибокъ переписчиковъ и позднѣйшихъ интерпеляцій. Самыя древнія рукописи не раньше 8 вѣка, но, не смотря на то, господствующій теперь текстъ (vulgata) очень древній, что всего лучше доказывается цитатами, особенно у грамматиковъ, гдѣ текстъ тотъ же самый, что и теперь, даже иногда съ тѣми же ошибками. Рѣшительная заслуга въ исправленіи текста принадлежитъ Ричарду Бентли, который на основаніи отчасти бывшихъ у него подъ рукою манускриптовъ, отчасти собственныхъ конъектуръ, сдѣлалъ въ Горацiѣ больше 800 поправокъ. Пылкая натура его не давала ему иногда времени высказываться вполнѣ, и потому самыя геніальныя конъектуры не всегда удачно мотивированы. Въ новѣйшее время особенно замѣчательна критика Гофмана Перлькампа (Hofmann Peerlkamp); но онъ часто увлекался эстетическою критикою, вслѣдствіе чего востановляетъ скорѣе *идеалъ Горація*, чѣмъ дѣйствительную, живую личность.

Позднѣйшія прибавки особенно замѣтны въ неумѣстныхъ риторическихъ амплификаціяхъ. Такъ, напримѣръ, од. I, 12, которая прославляетъ родъ Марцелловъ и Юліевъ, и сосредоточивается въ апоѳеозѣ Августа, въ стихахъ 37 — 44 вдругъ нарушается естественный прогрессивный порядокъ перечисленія мужей, прославившихъ Римъ своими доблестями, и потому совершенно справедливо заподозрѣвается подлинность этихъ 8-ми стиховъ. Од. IV, 8 стихъ 17: *non incendia Carthaginis impiae*, неудачный и въ метрическомъ отношеніи, очевидно, не принадлежитъ Горацію, который не могъ быть до такой степени незнакомъ съ отечественною исторіей, чтобы приписать разрушеніе Карѳагена Сципіону Африканскому. Также трудно допустить, чтобы въ одномъ и томъ же стихотвореніи поэтъ сталъ противорѣчить самому себѣ, а между тѣмъ въ 6-й одѣ пер-

вой книги есть такое противорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ смыслъ риторическаго вопроса четвертой строфы тотъ, что никто не можетъ достойнымъ образомъ воспѣвать героевъ, кромѣ Гомера, а на основаніи первой строфы выходитъ, что Варій «лебедь (т. е. пѣвецъ) гомеровской пѣсни» можетъ описать геройскіе подвиги Агриппы не хуже Гомера; четвертая строфа здѣсь очевидно интерполирована. Всѣ эти риторическія распространенія одной мысли, одного историческаго факта или миѳа сдѣланы въ школахъ, гдѣ Горацій на ряду съ Виргиліемъ былъ учебной книгой. См. Juven. VII, 227. Вѣроятно, тамъ же получили начало и первые 8 стиховъ 10-й сатиры 1-й книги, неподлинность которыхъ доказывается тѣмъ, что 1) въ большей части рукописей ихъ нѣтъ, 2) къ нимъ нѣтъ схолій и 3) они нигдѣ не цитируются. Другаго рода искаженія текста, болѣе рѣзкія, слѣдуетъ приписать невѣжеству переписчиковъ. Такъ од. III, 4 въ третьей строфѣ:

Me fabulosae *Volture in Apulo*,
Altricis *extra limen Apuliae*,
Ludo fatigatumque somno
Fronde nova puerum palumbes
Texere и т. д.

Volture in Apulo (слѣдовательно въ Апуліи) и extra limen Apuliae очевидная безсмыслица, къ тому же и неправильное сокращеніе перваго слога въ словѣ *Apuliae*.

Берлинъ.

70) Кандидата Дмитрія Лебедева.

Послѣдніе три мѣсяца я провелъ въ Парижѣ, занимаясь преимущественно изученіемъ сочиненій по гидравликѣ, такъ какъ этотъ отдѣлъ механики былъ обойденъ мною при моихъ занятіяхъ въ Карлсруэ. Мною были изучены сочиненія: Арманго (Traité théorique et pratique des moteurs hydrauliques), Редтенбахера (Theorie und Bau der Wasser-Räder и Theorie und Bau der Turbinen) и Горесса (hydraulique). Практическія занятія рѣшеніемъ задачъ о построеніи водяныхъ двигателей я оставляю на слѣдующій мѣсяцъ.

Курсовъ, интересныхъ для моихъ занятій, въ настоящій семестръ въ Парижѣ нѣтъ. Tresca, читавшій зимою въ Conservatoire des arts et métiers спеціальный курсъ гидравлики, по открытіи лекцій послѣ Пасхи прочелъ только три лекціи о водоподъемныхъ машинахъ,

чѣмъ и заключилъ свой курсъ. Мнѣ удалось достать записки, и по нимъ ознакомиться съ этимъ курсомъ вполнѣ.

На первыхъ лекціяхъ Треска развивалъ ту мысль, что задача механики состоитъ въ изслѣдованіи способовъ обращать въ полезное дѣйствіе машины (N) возможно большую часть данной работы (T) движущей силы и что всякая машина тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ для нея отношеніе $\frac{N}{T}$ болѣе. Опредѣливши, такимъ образомъ, чего должно требовать отъ всякой машины, онъ перешелъ къ способамъ вычислять работу; изложилъ теорему о равенствѣ работы и живой силы и способы изображать работу графически. Если бы не существовало вредныхъ сопротивленій, то $\frac{N}{T}$ вообще равнялось бы единицѣ. Существованіе вредныхъ сопротивленій даетъ $\frac{N}{T} \angle 1$. Одно изъ важнѣйшихъ вредныхъ сопротивленій есть сопротивленіе тренія. Поэтому Треска за теоремою живыхъ силъ перешелъ прямо къ сопротивленію тренія и, какъ примѣръ, показалъ значеніе тренія при веревозкѣ тяжестей по обыкновеннымъ желѣзнымъ дорогамъ и по американскимъ. Объяснивъ средства для оцѣнки работы, онъ переходитъ уже къ предмету своего курса—къ гидравликѣ, и начинаетъ съ движенія воды въ каналахъ и истеченія ея изъ отверстій и черезъ водосливы. Затѣмъ слѣдовала теорія вертикальныхъ водяныхъ колесъ. Изложивъ устройство этихъ двигателей и опредѣливъ теоретически полезную работу каждаго изъ нихъ, Треска показалъ измѣреніе ихъ полезнаго дѣйствія помощью нажимовъ и разницу его отъ опредѣленнаго теоретически. Послѣ того онъ прочелъ теорію турбинъ и водоподъемныя машины.

Въ изложеніи г. Трески замѣчательно то искусство, съ которымъ онъ съумѣлъ, ограничиваясь при выводѣ различныхъ формулъ наипростѣйшими пріемами математики, сообщить всѣ, даже сколько нибудь важныя, положенія гидравлики. Правда, что ограничиваясь большею частію элементарными пріемами математики, онъ не могъ дать настоящей теоріи гидравлическихъ двигателей, требующей весьма много изъ области высшаго анализа; но отсутствіе этой теоріи нисколько не уменьшаетъ практическихъ достоинствъ его курса, ибо построеніе гидравлическихъ двигателей по правиламъ, даваемымъ ею, чрезвычайно дорого.

Изъ курсовъ, читанныхъ въ Sorbonne и Collège de France, я посѣщалъ только два курса въ Сорбоннѣ: кусъ интегральнаго исчи-

сленія г. Серре и курсъ теоретической механики Ліувиля. Оба эти курса не представили для меня ничего новаго. Это обыкновенные учебные курсы интегральнаго исчисленія и аналитической механики. Посѣщая эти лекціи, я интересовался единственно мастерскимъ изложеніемъ Серре и Ліувилля.

Парижъ, $\frac{\text{24-го іюня}}{\text{6-го іюля}}$ 1864 года.

71) А. Ильина.

(О занятіяхъ съ 1-го апрѣля по 1-е іюля 1864 г.)

Настоящій семестръ я провожу снова при Лейпцигскомъ университетѣ, продолжая слушать лекціи по тому же предмету, что въ прошломъ зимнемъ семестрѣ,—по теоріи эллиптическихъ функцій, и, кромѣ того, еще посѣщаю два раза въ недѣлю университетъ города Галле, отстоящаго отъ Лейпцига на полчаса ѣзды, гдѣ я пользуюсь лекціями профессора д-ра Гейне о гипергеометрическихъ рядахъ. Первоначальный планъ моихъ занятій въ этомъ семестрѣ былъ другой: я имѣлъ намѣреніе отправиться въ Геттингенъ, чтобы воспользоваться тамъ лекціями профессора Риманна по теоріи интегрированія частныхъ дифференціальныхъ уравненій; этимъ предметомъ я занимался, частью въ прошломъ, частью въ настоящемъ году, и, вслѣдствіе того, мнѣ было особенно интересно услышать изложеніе этого предмета отъ такого ученаго, какъ д-ръ Риманнъ.

Но, около того времени, какъ я собирался ѣхать въ Геттингенъ, я получилъ извѣстіе, что профессоръ Риманнъ, по болѣзни, прекратилъ чтеніе своихъ лекцій въ этомъ семестрѣ. Это измѣнило мои намѣренія: такъ какъ извѣстная мнѣ программа лекцій этого семестра въ Геттингенскомъ университетѣ не представляла послѣ того ничего выходящаго изъ предѣловъ обыкновенныхъ курсовъ, то я рѣшился остаться въ Лейпцигѣ и продолжать прежнія занятія, преимущественно по лекціямъ г. Шейбнера, который въ этомъ семестрѣ продолжаетъ, по два раза въ недѣлю, курсъ теоріи эллиптическихъ функцій, начатый имъ въ прошломъ семестрѣ. Кромѣ того, какъ я сказалъ выше, я сталъ посѣщать лекціи профессора Гейне, въ соединенномъ Галле-Витенбергскомъ университетѣ, по теоріи гипергеометрическихъ рядовъ. Имя профессора Гейне достаточно извѣстно, чтобы возбудить желаніе услышать его изложеніе. Близость же города Галле отъ Лейпцига и удобства сооб-

щенія подали мнѣ мысль воспользоваться также и лекціями г. Гейне; впрочемъ, также и въ теченіе прошлаго зимняго семестра я нѣсколько разъ посѣщалъ Галльскій университетъ. Лекціи г. Гейне о гипергеометрическихъ рядахъ мнѣ приносятъ пользу и въ отношеніи къ прослушаннымъ мною въ прошломъ семестрѣ лекціямъ г. Шейбнера «объ образованіи двояко-періодическихъ функцій», такъ какъ г. Шейбнеръ, при выводѣ разложеній въ ряды функціи $X(\tilde{\omega},q)$, опредѣляемой безконечнымъ произведеніемъ $\prod_{p=0}^{\infty} (1 - q^p \tilde{\omega})$, и преобразованіи этихъ разложеній, ссылался часто на труды г. Гейне по общимъ преобразованіямъ подобныхъ же рядовъ и связанныхъ съ ними гипергеометрическихъ рядовъ.

Кромѣ занятій эллиптическими функціями по лекціямъ, я занимался тѣмъ же предметомъ по недавно вышедшему сочиненію Шелльбаха «die Lehre von den elliptischen Integralen und den Theta-Functionen», которое я поспѣшилъ пріобрѣсти тотчасъ по его появленіи. Г. Шелльбахъ въ предисловіи къ своему руководству говоритъ, что поводомъ первоначальнымъ къ изданію этого руководства послужили записки по теоріи эллиптическихъ функцій, составленныя г. Борхардтомъ, настоящимъ издателемъ журнала Journal für die reine und angewandte Mathematik, по лекціямъ знаменитаго Якоби въ то время, когда послѣдній былъ профессоромъ Кенигсбергскаго университета, а г. Борхардтъ студировалъ тамъ же, хотя, впрочемъ, какъ планъ изложенія, принятый г. Шелльбахомъ, такъ и цѣль, преслѣдуемая его сочиненіемъ, отличаются отъ методы изложенія Якоби. Кромѣ г. Борхардта, способствовали къ изданію этого сочиненія многіе другіе и между прочимъ извѣстный профессоръ Берлинскаго университета Вейерштрассъ, котораго новыя изслѣдованія о приведеніи эллиптическихъ дифференціаловъ къ канонической формѣ составляютъ особую главу въ руководствѣ Шелльбаха.

Вообще же все сочиненіе распадается главнымъ образомъ на такія части: приведенія эллиптическихъ интеграловъ къ нормальной формѣ а также приведеніе къ эллиптическимъ интеграламъ такихъ интеграловъ, которые, по видимому, представляются въ болѣе общей формѣ; образованіе четырехъ функцій Θ (или функцій Θ и H по обозначенію употребленному Якоби въ его «Fundamenta nova», но котораго онъ, по словамъ г. Шейбнера, бывшаго также его ученикомъ, не придерживался впослѣдствіи на своихъ лекціяхъ); образованіе изъ нихъ двояко-періодическихъ функцій; свой-

ства ихъ и разложенія въ ряды; свойства эллиптическихъ интеграловъ всѣхъ трехъ видовъ; способы ихъ вычисленія. На послѣднее г. Шелльбахъ обратилъ особое вниманіе, имѣя въ виду, какъ онъ самъ замѣчаетъ, болѣе практическую цѣль; замѣчая, что «exempla plus prosunt quam praecepta, онъ прилагаетъ весьма много примѣровъ и упражненій; въ концѣ же сочиненія изложены имъ приложенія къ опредѣленію поверхности эллипсоида, наклоннаго конуса, къ теоріи геодезическихъ кривыхъ, сферическаго маятника и вращенія твердаго тѣла около неподвижной точки. Вообще, авторъ имѣлъ въ виду показать, какъ при помощи Якобіевыхъ функцій Θ большая часть задачъ механики, астрономіи и физики можетъ быть рѣшаема съ большею полнотою, чѣмъ при средствахъ, бывшихъ до того во власти математиковъ.

Въ заключеніе замѣчу, что руководство г. Шелльбаха всего только второе въ Германіи по этому предмету, за исключеніемъ классическаго сочиненія Якоби.

Лейпцигъ, $\frac{\text{7-го іюля}}{\text{24-го іюня}}$ 1864 года.

72) Магистра Троицкаго.

Чтеніе по логикѣ профессора Тренделенбурга.

Проф. Тренделенбургъ руководствуется въ своихъ чтеніяхъ по логикѣ собственнымъ сочиненіемъ, изданнымъ еще въ 1840 году подъ именемъ «логическихъ изслѣдованій» *).

Логическія изслѣдованія проф. Тренделенбурга были приняты весьма недружелюбно послѣдователями Гегеля и Гербарта, но обратили на себя вниманіе всѣхъ германскихъ мыслителей съ направленіемъ примирительнымъ.

Въ богатой критической долѣ своихъ изслѣдованій, проф. Тренделенбургъ обращается главнымъ образомъ противъ формальной логики Гербарта и діалектической методы Гегеля. Первая, по мнѣнію проф. Тренделенбурга, недостаточна; вторая невозможна. Первая, насильственно отдѣляетъ мышленіе отъ его содержанія и, начиная съ готоваго понятія, лишаетъ мышленіе возможности внутренняго развитія; вторая, обѣщающая больше самаго большаго и заставляющая мышленіе, неоплодотворяемое наблюденіемъ, производить

*) Logische Untersuchungen. Von Adolf Trendelenburg. 2 Bände, Berlin, 1840. Dasselbe, 2 Auflag. 2 B. 1862.

всякую истину единственно изъ себя самаго, есть въ концѣ простое самообольщеніе ума.

Діалектическое мышленіе начинаетъ самымъ отвлеченнымъ понятіемъ (бытія, равняющагося ничто). Отвлеченіе состоитъ въ насильственномъ отдѣленіи одного элемемента отъ другаго. Отдѣленное стремится выдти изъ этого принужденнаго состоянія и требуетъ своего дополнительнаго элемента; какъ скоро дополненіе состоялось, является новое понятіе, заключающее въ себѣ и предыдущее. Но это пока одинъ только шагъ изъ области отвлеченій назадъ, въ область воззрѣній; новое понятіе, какъ отвлеченное, заявляетъ то же самое стремленіе и требованіе дополненія; и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не возстановится въ цѣлости то воззрѣніе, отъ котораго сдѣлано первое отвлеченіе. Чѣмъ осторожнѣе было отвлеченіе одного понятія отъ другаго и строже соблюдалась послѣдовательность въ ихъ взаимномъ дополненіи, тѣмъ нагляднѣе представится постепенность происхожденія понятій одного изъ другаго. Такъ можетъ образоваться цѣлый міръ понятій; и въ этомъ-то мнимомъ творчествѣ мышленія скрывается, по мнѣнію проф. Тренделенбурга, вся разгадка діалектической методы.

Въ противоположность отвлеченному направленію формальной логики и діалектической методы, проф. Тренделенбургъ ищетъ такого начала, которое бы, какъ основная дѣятельность живаго мышленія, вело непосредственно въ область воззрѣнія.

Опора требованій логики есть существованіе науки или знанія. Спрашивается, какъ возможно знаніе?

Знаніе есть всегда знаніе существующаго. Слѣдовательно, въ знаніи выступаетъ противоположность мышленія и бытія. Спрашивается далѣе, какимъ образомъ мысль входитъ въ бытіе и бытіе проникаетъ въ мысль?

Если мышленіе и бытіе образуютъ высшую противоположность, то здѣсь, въ самомъ началѣ логическихъ изслѣдованій, нельзя требовать опредѣленія того или другаго; потому что опредѣленіе одного не избѣгло бы предположенія другаго.

Обращаясь снова къ факту знанія, найдемъ, что въ каждомъ знаніи противоположность мышленія и бытія является примиренною. Поэтому, первая задача логики, отыскать это общее мышленію и бытію или примиряющее ихъ другъ съ другомъ. Этимъ не можетъ быть покойное качество, потому что примиряющее должно

быть дѣятельно; слѣдовательно, надобно искать общей мышленію и бытію дѣятельности.

Проф. Тренделенбургъ полагаетъ эту дѣятельность въ пространственномъ движеніи. Въ мірѣ внѣшнемъ каждая дѣятельность связана съ движеніемъ; механическія давленія, химическія раздраженія и органическія отправленія невозможно понять безъ движенія и именно — пространственнаго движенія.

То же самое принадлежитъ и мышленію, конечно не такъ, чтобы извѣстный пунктъ въ движеніи мышленія покрывалъ внѣшнимъ образомъ соотвѣтственный пунктъ въ движеніи природы. Мышленіе въ воззрѣніи выступаетъ изъ себя, и это совершается чрезъ движеніе. Кто, напр., разсматриваетъ горы, тотъ долженъ описывать ихъ и производить движеніемъ своего взора. Кто хочетъ представить гору, тотъ долженъ начертить ее въ пространствѣ мысли и начертываетъ опять движеніемъ своего внутренняго взора. Внутреннее пространство, въ которомъ представленіе какъ бы рисуетъ, происходитъ для мысли только чрезъ движеніе, и то, что рисуется въ ономъ, создается опять пробѣгающими передъ умственнымъ взоромъ пунктами, сгибающимися и выпрямляющимися линіями, открывающимися и закрывающимися поверхностями.

Не только въ воззрѣніи и воображеніи, но и въ глубочайшей дѣятельности разсудка открывается то же самое движеніе. Мышленіе сводится къ двумъ простѣйшимъ дѣятельностямъ, сочетанію и раздѣленію понятій; но то и другое указываетъ на движеніе.

И такъ, движеніе есть дѣятельность общая мышленію и бытію. Съ тѣмъ вмѣстѣ, пространство и время, которыя считаются въ физикѣ элементами движенія, у проф. Тренделенбурга оказываются производными изъ него. Въ пространствѣ и времени мы созерцаемъ одно и то же первоначальное движеніе, но съ двухъ различныхъ сторонъ; время есть внутренняя мѣра движенія, а пространство, которое описывается или пробѣгается, есть внѣшнее, непосредственное явленіе. Пространство и время, какъ производныя изъ первоначальнаго движенія, суть, по этому, *чистыя* воззрѣнія, т. е. независимыя отъ опыта и составляющія его условіе. Но будучи чистыми воззрѣніями, они нисколько не теряютъ черезъ это своего предметнаго значенія.

Движеніе есть прежде опыта и условливаетъ опытъ, потому что есть единственный медіумъ, посредствомъ котораго мы принимаемъ и понимаемъ внѣшніе предметы; въ немъ коренится знаніе пред-

метовъ, которые не зависятъ отъ опыта и имѣютъ свое основаніе единственно въ духѣ. Это міръ *a priori* и прежде всего міръ математическихъ построеній.

Предметы апріорнаго знанія должны на первый взглядъ оканчиваться тамъ, гдѣ прекращается свободное произведеніе и начинается страдательное принятіе отвнѣ. Но если производительное движеніе должно примирять мышленіе съ бытіемъ, то въ принятіи отвнѣ оно должно быть по преимуществу дѣятельно. Опытъ вполнѣ подтверждаетъ это предположеніе. Наблюденія вида вещей, величины, направленія и перемѣны мѣста возможны только при посредствѣ движенія. Самыя чувственныя качества вещей, какъ свѣтъ и звукъ, объясняются въ наукѣ пространственными движеніями. Въ движеніи, какъ дѣятельности первоначальной, надо полагать основаніе и матерію; но при этомъ, проф. Тренделенбургъ не скрываетъ, что во всякой попыткѣ вывода матеріи изъ движенія остается пробѣлъ, въ который тѣснится что-то данное въ опытѣ.

Въ дальнѣйшемъ выводѣ изъ того же движенія, проф. Тренделенбургъ получаетъ *фигуру* и *число*, равно какъ и категоріи *качества, количества и отношенія.*

Всѣ понятія, полученныя изъ движенія, образуютъ аріаднину нить, съ которою умъ отыскиваетъ правильный путь въ лабиринтѣ пестрыхъ и сбивчивыхъ ощущеній. Но достаточно ли этихъ категорій, чтобы господствовать надъ цѣлымъ опытомъ? — Проф. Тренделенбургъ входитъ въ подробный разборъ явленій животной жизни и отвѣчаетъ отрицательно. Въ движеніи господствуетъ причина дѣйствующая, въ указанныхъ явленіяхъ выступаетъ кромѣ того другое понятіе, не выводимое изъ движенія, — понятіе причины конечной или *цѣли.*

Причина дѣйствующая производитъ цѣлое изъ частей; цѣль же напротивъ — части изъ цѣлаго.

Предположеніемъ безсознательной цѣлесоотвѣтственной дѣятельности отнюдь не объясняется присутствіе цѣлей въ природѣ; предустановленная гармонія органовъ тѣла указываетъ ясно на господство мысли. Мысль, какъ *prius* или основаніе факта, вотъ единственно возможное и указываемое опытомъ разрѣшеніе тайны цѣлесоотвѣтствія; гдѣ является цѣль, тамъ надобно различать идеальное содержаніе мысли, что Платонъ назвалъ божественнымъ въ вещахъ, и реальное средство, силу дѣйствующихъ причинъ, что Платонъ назвалъ необходимымъ. Но то и другое суть собственно

одно; какъ скоро мысль созидаетъ и достигаетъ цѣли, то она есть вмѣстѣ и дѣйствующая причина.

Понятіе цѣли даетъ возможность опредѣлить ближе отношеніе мышленія къ бытію. Это отношеніе двояко: или бытіе дѣйствуетъ на мышленіе, вещь на понятіе, или же мышленіе на бытіе, понятіе на вещь. Первое даетъ основаніе знанія (causa cognoscendi); второе даетъ понятіе цѣли (causa finalis). Возможность этого двоякаго отношенія лежитъ въ движеніи какъ дѣятельности общей мышленію и бытію; поэтому-то дѣйствующая причина представляется подъ направленіемъ *откуда*, а цѣль подъ направленіемъ *куда*.

Какъ внѣшнее движеніе мы познаемъ только чрезъ собственное движеніе духа, такъ и внѣшнюю, осуществляемую природою цѣль мы узнаемъ только потому, что духъ самъ начертываетъ цѣли и способенъ воспроизводить ихъ въ природѣ.

Такъ вступаетъ въ науку понятіе цѣли какъ второе *a priori;* задачи математики, проблемы механики, техники суть свободныя произведенія духа, поспѣшающаго навстрѣчу данному съ понятіемъ цѣли. Правда, тѣ элементы, съ которыми цѣль имѣетъ дѣло, даны ей; но то, что она изъ нихъ производитъ, есть всегда нѣчто новое.

Въ мысли о цѣли нельзя не признать участія движенія; потому что, если движеніе есть первоначальная дѣятельность духа, то оно должно быть присуще и созерцанію цѣли. Но если это вѣрно, то и всѣ категоріи, полученныя изъ движенія, должны точно также усвоить себѣ элементъ цѣли и черезъ это получить новый видъ.

Это преобразованіе категорій движенія даетъ новый рядъ понятій, какъ-то: механизма и организма, органическаго единства, органическаго взаимодѣйствія, органической дѣятельности, органической матеріи и проч.

Въ концѣ изслѣдованій, проф. Тренделенбургъ пытается поставить въ связь съ найденными понятіями содержаніе логики обыкновенной или формальной, т. е. понятіе, сужденіе, заключеніе и систему.

Этого краткаго очерка логическихъ изслѣдованій проф. Тренделенбурга достаточно, чтобы видѣть ихъ особенность.

Въ своемъ отношеніи къ логикѣ формальной, проф. Тренделенбургъ сходится съ Гегелемъ; вся разница между ними состоитъ въ томъ, что проф. Тренделенбургъ не признаетъ чистаго или творческаго мышленія, производящаго изъ себя бытіе, и всѣ категоріи

гегелевой логики (и отчасти философіи природы) выводитъ изъ чистаго или творческаго воззрѣнія.

Въ основаніи этого вывода лежатъ два понятія или, по мнѣнію проф. Тренделенбурга, два факта: движенія какъ дѣятельности, лежащей въ основѣ мышленія, и цѣли какъ осуществленія божественной мысли о мірѣ.

У Аристотеля, котораго проф. Тренделенбургъ являлся не разъ вѣрнымъ толкователемъ, понятія движенія и цѣли играютъ преобладающую роль, но только въ физикѣ и метафизикѣ; проф. Тренделенбургъ распространяетъ господство этихъ понятій и на логику.

Пространственное движеніе, какъ основная дѣятельность мышленія и бытія, есть понятіе очень давнее; мы застаемъ его въ самомъ младенчествѣ греческой философіи. Спрашивается: что новаго даетъ въ защиту этой теоріи логика проф. Тренделенбурга? — Не лучшій ли разборъ мышленія, бытія и движенія? — Но проф. Тренделенбургъ оставляетъ эти коренныя понятія безъ всякаго опредѣленія, какъ простыя и непосредственно извѣстныя предположенія. А пока намъ не дано болѣе глубокое изслѣдованіе мышленія, гипотеза пространственнаго движенія какъ его сущности остается неубѣдительною.

Взглядъ проф. Тренделенбурга на мышленіе не отличается глубиною; все содержаніе его ограничивается воззрѣніями и представленіями и ихъ сочетаніемъ и раздѣленіемъ. Спрашивается: неужели сочетаніемъ и раздѣленіемъ представленій можно изчерпать всю силу нашей разсудительности, толковости и здравомыслія и все безсиліе тупоумія, легкомыслія и напыщенныхъ взглядовъ? И какимъ образомъ сочетаніе и раздѣленіе представленій есть пространственное движеніе? Я различаю, напр., между болью головы и болью груди; въ чемъ же тутъ пространственное движеніе? Или тѣ воспоминанія, которыя хранитъ моя грудь и голова, въ то время какъ я различаю ихъ, спѣшатъ удалиться другъ отъ друга? Но въ такомъ случаѣ требуется доказать, что до того времени они находились гдѣ нибудь вмѣстѣ, напр. въ какой нибудь части моей шеи.

Мы, съ своей стороны, не раздѣляемъ взгляда проф. Тренделенбурга на мышленіе и думаемъ, что его логическія изслѣдованія въ цѣломъ — почтенная, но неудачная попытка.

Съ тѣмъ вмѣстѣ мы не можемъ не признать, что психологическій анализъ воззрѣнія, данный проф. Тренделенбургомъ, показы-

ваетъ до очевидности, что критика Канта далеко не рѣшила вопроса объ этой дѣятельности, и его понятія о пространствѣ и времени не выдерживаютъ строгой оцѣнки. Поэтому, не придавая особенной цѣны изслѣдованіямъ проф. Тренделенбурга какъ логикѣ, мы уважаемъ ихъ какъ трудъ поучительный для психолога.

73) Докторанта Харьковскаго университета Николая Залѣскаго.

Занятія мои въ теченіи трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ я ограничилъ тремя предметами. Именно — слушаю:

1) Физіологическую и патологическую химію съ химическою діагностикою болѣзней у профессора Гоппе (Hoppe).

2) Токсикологію у него же.

3) Терапевтическую клинику у профессора Нимейера (Niemeyer). Эту послѣднюю я посѣщаю только три раза въ недѣлю по той причинѣ, что въ нѣкоторые дни клиника совпадаетъ съ лекціями токсикологіи. Независимо отъ посѣщенія лекцій, я продолжалъ разработывать тѣ вопросы, о которыхъ я уже имѣлъ честь докладывать департаменту; въ настоящее время я окончилъ мои изслѣдованія о происхожденіи мочевой кислоты въ организмѣ: работа приготовляется къ печати, а извлеченіе изъ нея въ видѣ записки представлено будетъ, чрезъ посредство профессора Людивига, въ Вѣнскую академію (d. Kais. Akad. der Wissenschaft). Результаты моихъ изслѣдованій я постараюсь изложить въ настоящемъ моемъ отчетѣ, въ которомъ однако, для сбереженія времени, не могу представить ихъ въ той полнотѣ, въ какой они помѣщены будутъ въ оригинальномъ трудѣ. Изслѣдованія мои, начатыя въ ноябрѣ прошлаго года, имѣли цѣлію объяснить происхожденіе уреміи (uraemia) — вопросъ чисто патологическій, который я въ началѣ исключительно преслѣдовалъ; но, сдѣлавъ нѣсколько экспериментовъ, я получилъ результаты, потребовавшіе раздвинуть тѣ тѣсные предѣлы, въ которыхъ былъ поставленъ мой вопросъ, чрезъ что работа сдѣлалась сложною: я долженъ былъ преслѣдовать заразъ множество вопросовъ, результаты которыхъ я имѣю честь представить въ той послѣдовательности, въ которой я самъ ихъ слѣдилъ, но прежде, чѣмъ перейду къ изложенію ихъ, я представлю краткій обзоръ ученія объ уреміи.

Что такое уремія, отъ чего именно происходитъ и какими явленіями обнаруживается—вопросы, на которые весьма трудно отвѣтить положительно. Мы знаемъ, что уремія чаще всего встрѣчается какъ

слѣдствіе брайтова перерожденія почекъ (morbus Brightii), но не исключительно; затѣмъ она является весьма часто въ скарлатинѣ осложненной водянкою (anasarca), гидронефрозѣ, мочевой инфильтраціи, холерѣ, ракѣ почекъ и матки; примѣръ послѣднему я самъ имѣлъ случай наблюдать въ Hôtel-Dieu въ Парижѣ, и такихъ можно встрѣтить весьма много, на что въ послѣднее время обратилъ особенное вниманіе Dr. Wannebroucq [1]). Во всѣхъ сихъ случаяхъ отдѣленіе мочи бываетъ или значительно уменьшено или же совершенно прекращено, и чѣмъ менѣе отдѣляется ее, тѣмъ сильнѣй нервныя явленія, обнаруживающіяся, съ одной стороны, потерею дѣятельности чувствительныхъ нервовъ, доходящей до паралича; а съ другой стороны — сильнымъ возбужденіемъ моторныхъ — обратное явленіе бываетъ исключительно рѣдко. Вотъ слѣдовательно все, что мы знаемъ о происхожденіи этой болѣзни; мы въ этомъ отношеніи весьма немногимъ опередили древнихъ врачей, которымъ также было извѣстно, что въ слѣдъ за ишуріею (ischuria), весьма часто встрѣчающейся не только въ болѣзняхъ мочевыхъ органовъ, но и при другихъ обстоятельствахъ, обнаруживаются нервныя явленія болѣе или менѣе сильныя, часто смертельныя, состоящія въ эпилептическихъ, конвульсивныхъ движеніяхъ съ бредомъ и спячкою — они приписывали группу сихъ явленій мочевому метастазу, называя ихъ paralisis vesicae, Uradialysis, Uroplania. Слѣдовательно, имъ очень хорошо извѣстно было гибельное дѣйствіе мочи на организмъ; но какой именно дѣятель ея есть главный виновникъ нервныхъ явленій, объ этомъ они, при тогдашнемъ состояніи наукъ, не могли имѣть надлежащаго понятія. Нашъ прогрессъ состоитъ въ томъ, что для объясненія происхожденія нервныхъ симптомовъ мы построили множество гипотезъ, запутали ими не только причину явленій, но даже самые припадки, которыхъ набралось такое множество, что положительно нельзя сказать, что изъ нихъ принадлежитъ уреміи и что есть явленіе случайное или принадлежащее другой болѣзни, которыми быть можетъ ни одна изъ хроническихъ не способна къ такимъ осложненіямъ какъ брайтова болѣзнь. Осложненія, составляя въ свою очередь отдѣльную болѣзнь, часто органическую, вызываютъ собою группу симптомовъ, которые продолжаясь до конца жизни больнаго, умирающаго отъ уреміи, вносятся авторами безъ всякой критики въ рубрику явленій принадлежащихъ уреміи. Въ этомъ заключается

[1]) Bullet. méd. du Nord de la France, août 1863.

причина, породившая множество формъ уреміи (Aran, Picard, Fournier, etc.); и странно, что иногда изъ явленія одного какого либо симптома, принадлежащаго другой болѣзни, является новая форма уреміи, новый баластъ въ науку. Многіе авторы, признавая въ больномъ своемъ уремію, увѣряютъ, что количество какъ плотныхъ, такъ равно и жидкихъ составныхъ частей мочи во все теченіе болѣзни оставалось нормальнымъ, а иногда даже увеличеннымъ (Prof. Liebermeister) — спрашивается откуда же могла произойти уремія?

Патологическая анатомія мало помогла намъ для объясненія уреміи; она показала, что въ брайтовой болѣзни, которая, какъ я сказалъ, чаще всего даетъ начало уреміи, существуетъ извѣстнаго рода специфическое измѣненіе почекъ; наконецъ находимъ патологическія явленія въ кишкахъ, сердцѣ, легкихъ etc.; но все это нисколько не объясняетъ происхожденія тѣхъ нервныхъ явленій, какія составляютъ собою уремію. Самое тщательное изслѣдованіе нервныхъ центровъ у людей, умершихъ отъ этой болѣзни, за исключеніемъ весьма рѣдкихъ случаевъ, до сихъ поръ не открыло въ нихъ ничего ненормальнаго: встрѣчающаяся иногда гиперемія мозговыхъ оболочекъ или же анэмія самаго существа мозга должны быть разсматриваемы не какъ причина, а какъ слѣдствіе уреміи; притомъ нужно сознаться, что оба явленія, о которыхъ я упомянулъ, бываютъ въ такой незначительной степени, что, при самомъ лучшемъ желаніи, объяснить ими происхожденіе нервныхъ явленій рѣшительно бываетъ невозможно. Въ семи случаяхъ вскрытій уремическихъ труповъ, видѣнныхъ мною частію въ Тюбингенѣ, но преимущественно въ Парижѣ, я всегда находилъ мозгъ и его оболочки нормальными. Профессоръ Andral, будучи противникомъ солидарной теоріи уреміи вообще и особенно теоріи Traube [1]), на одномъ изъ вскрытій не найдя ничего въ мозгу, замѣтилъ, что *le cerveau aurait pu être un excellent sujet d'étude pour les personnes qui voudraient en faire l'anatomie normale.*

Извѣстно, что въ брайтовой болѣзни (morb. Brightii) существуетъ двоякаго рода измѣненіе крови, состоящее, съ одной стороны, въ обѣдненіи ея бѣлкомъ и гидреміи, съ другой же, въ задержаніи въ ней веществъ постороннихъ, назначенныхъ природою для удаленія ихъ изъ организма — эти послѣднія для насъ особенно интересны. Совпаденіе нервныхъ явленій (uraemia) съ уменьшеніемъ

---

[1]) Allg. med. Centralzeitg. 1861, 28 dec.

отдѣленія мочи, а еще болѣе открытіе Bostock'a [1]), Christison'a [2]), Babington'a [3]) и O'Shaughnessy [4]) мочевины въ крови людей одержимыхъ брайтовою болѣзнію, подали поводъ къ предположенію о токсическомъ дѣйствіи мочевины на организмъ. Первая теорія, которая была построена на этомъ, принадлежитъ Dr. Wilson'y [5]); онъ приписывалъ нервныя явленія присутствію въ крови большаго количества мочевины (intoxicatio uraemica). Здѣсь я не буду входить въ разборъ всѣхъ теорій уреміи, имѣющихъ для насъ лишь историческое значеніе, я представлю только ученіе Frerichs'a, которое хотя имѣетъ въ себѣ много загадочнаго, но тѣмъ не менѣе держится еще въ наукѣ.

Обстоятельство, что въ кровь животныхъ можно вприснуть значительное количество мочевины и даже профильтрованной мочи (лишенной эпителія и слизи), казалось Frerichs'y несовмѣстнымъ съ гипотезами, приписывавшими уремію накопленію послѣдней въ крови per se. Онъ предложилъ новую теорію, основанную на обращеніи мочевины въ углекислый амміакъ подъ вліяніемъ неизвѣстнаго фермента [6]). Ученіе свое Frerichs подтвердилъ двумя родами опытовъ надъ животными; въ первомъ изъ нихъ онъ вводилъ въ вены животныхъ, которымъ сначала сдѣлана была нефротомія, отъ 2—3 gran. мочевины, при чемъ въ первое за симъ время онъ не замѣчалъ никакихъ явленій въ состояніи здоровья животныхъ, затѣмъ же — спустя $1\frac{1}{4}$ — 8 часовъ послѣ операціи — являлось безпокойство, рвота, сначала кислой а потомъ щелочной реакціи; одновременно съ этимъ можно было находить въ выдыхаемомъ воздухѣ амміакъ, потомъ являлись конвульсіи, животное впадало въ коматозное состояніе, дыханіе дѣлалось хриплымъ (stertor) и наконецъ слѣдовала смерть. Впрочемъ конвульсіи не всегда замѣчались, иногда вмѣсто ихъ появлялся послѣдній фазъ страданій — сопоръ и кома. По смерти животныхъ ($2\frac{1}{4}$ — 10 ч.), Фрерихсъ всегда находилъ амміакъ въ крови въ большомъ количествѣ (?); содержимое желудка въ большей части случаевъ имѣло сильный мочевой запахъ и содержало много углекислаго амміака (?); только въ одномъ случаѣ онъ нашелъ

---

[1]) Report of medical cases by Bright. 1827, London.

[2]) The Edinburgh med. and Surg. Journal, octobre 1829.

[3]) Medico-chirurg. Transact. vol. XVI.

[4]) Report on the chemic. pathol. of cholera. London, 1832.

[5]) Lond. med. Gaz. 1833.

[6]) Frerichs. Die Bright'sche Nierenkrankheit und deren Behandlung. 1851.

въ желудкѣ слабокислую реакцію, но въ то же время прибавляетъ *aber ammoniakhaltig.*

Разсматривая выше приведенный результатъ перваго ряда опытовъ Frerichs'а, не трудно замѣтить въ нихъ множество такихъ промаховъ, которые уничтожаютъ достоинство экспериментовъ. Въ самомъ дѣлѣ, разберемъ самый важный пунктъ ученія его объ уреміи и посмотримъ, какъ онъ рѣшенъ. Во всѣхъ случаяхъ, для доказательства присутствія амміака въ крови равно какъ и въ другихъ продуктахъ, онъ пользовался реактивами крайне несостоятельными: реактивы эти были или стеклянная палочка, омокнутая въ соляную кислоту и затѣмъ приведенная въ соприкосновеніе съ кровью, или же ѣдкое кали, которымъ онъ дѣйствовалъ на кровь, или же, наконецъ, кровь, лишенную фибрина, онъ подвергалъ перегонкѣ и полученный перегонъ испытывалъ на амміакъ; всякому понятны недостатки упомянутыхъ реактивовъ, которые никогда, ни въ одномъ случаѣ, не могутъ указать даже, съ вѣроятностію, на присутствіе въ изслѣдуемыхъ веществахъ амміака, а еще менѣе показать его количество. Фрерихсъ же употреблялъ ихъ и для того и другаго анализа вмѣстѣ. Нѣтъ ни въ одномъ изъ его экспериментовъ сколько нибудь строгаго научнаго химическаго изслѣдованія, которое бы показало цифрою количество амміака въ крови; наконецъ, если бы и это мы нашли, то нѣтъ никакой возможности вывести правильное сужденіе, что дѣйствительно мочевина, вприснутая въ кровь животныхъ, переходитъ въ углекислый амміакъ, такъ какъ Frerichs не показалъ присутствія этого послѣдняго въ нормальной крови, въ которой амміакъ обыкновенно всегда и при всѣхъ условіяхъ находится въ извѣстномъ количествѣ — слѣдовательно мы не имѣемъ никакой единицы сравненія. То же самое я долженъ сказать относительно способа опредѣленія амміака въ выдыхаемомъ воздухѣ. Frerichs употреблялъ для открытія его соляную кислоту, которая, какъ извѣстно, образуетъ бѣлые пары при многихъ условіяхъ, вовсе независящихъ отъ амміака, присутствіе котораго всегда можно доказать лучшими реактивами въ дыханіи людей, даже совершенно здоровыхъ, не говоря уже о больныхъ одержимыхъ болѣзнями неимѣющими ничего общаго съ уреміею, напр. Syphilis, Scorbut, Tuberculosis pulmon., Catarrhus ventr. acut. et chron., Ulcus ventr. chron. и т. д. Что касается втораго рода экспериментовъ Frerichs'а, въ которыхъ онъ вводилъ въ кровь животныхъ отъ 1 — 2 gran. углекислаго амміака, то о нихъ я не буду входить въ разборъ; достаточно сказать,

что явленія, которыя онъ вызывалъ вприскиваніемъ упомянутаго вещества, могутъ быть вызваны множествомъ другихъ средствъ [1]), которыя слѣдовательно столь же будутъ виноваты въ уреміи, сколько и углекислый амміакъ; наконецъ стоитъ только ближе вникнуть въ характеръ явленій, слѣдующихъ за введеніемъ углекислаго амміака въ кровь, чтобы положительно отвергнуть, что явленія, слѣдующія за симъ, не имѣютъ ничего общаго съ тѣми симптомами, какими мы привыкли характеризовать уремію. О другихъ недосмотрахъ я не буду входить здѣсь въ разборъ; я имѣлъ въ виду лишь показать въ главныхъ чертахъ основаніе теоріи Frerichs'а, получившей въ наукѣ право гражданства, и затѣмъ приступить къ изложенію результатовъ моихъ изслѣдованій, имѣвшихъ въ виду повѣрить ученіе его съ тою строгостію, которой требуетъ важность вопроса.

Для этого я долженъ былъ рѣшить слѣдующія задачи:

I. Дѣйствительно ли можно обвинять мочевину или продуктъ ея разложенія, углекислый амміакъ, въ группѣ явленій называемыхъ уреміею.

II. Въ какомъ количествѣ въ нормальной крови здороваго индивидуума человѣка и животныхъ находятся мочевина, углекислый амміакъ и экстрактивныя вещества — въ мускулахъ же креатинъ.

III. Увеличиваются ли въ крови и мускулахъ больныхъ брайтовою болѣзнію сказанныя вещества.

IV. Есть ли разница въ симптомахъ слѣдующихъ у животныхъ за нефротоміею и перевязкою мочеточниковъ. Опредѣлить въ томъ и другомъ случаѣ въ крови, лимфѣ, содержимомъ желудка и кишекъ количество мочевины, въ мускулахъ же мочевины и креатина.

V. Показать явленія, слѣдующія за введеніемъ въ кровь животныхъ мочевины и углекислаго амміака и опредѣлить вліяніе сихъ веществъ на составъ крови.

1) Для рѣшенія перваго вопроса я долженъ былъ избрать предметомъ моихъ изслѣдованій такихъ животныхъ, которыхъ бы моча

---

[1]) Schottin (Arch. für physiol. Heilk. pag. 170, 1853) и особенно Hammond (Amer. Journ. of the med. sciences. 1861, pag. 55) доказали, что введеніе въ кровь не только углекислаго амміака, но и нѣкоторыхъ другихъ солей, влечетъ за собою явленія сходныя съ тѣми, какія замѣчалъ Frerichs при вприскиваніи углекислаго амміака; но они не показали причины, вызывающей извѣстныя явленія, ни различія ихъ отъ чисто уремическихъ симптомовъ.

въ составѣ своемъ не содержала мочевины; съ этою цѣлію я взялъ птицъ, у которыхъ, какъ извѣстно, моча состоитъ изъ мочево-кислыхъ соединеній, но не содержитъ въ себѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ мочевины, въ чемъ я убѣдился собственными изслѣдованіями, согласными вполнѣ съ изслѣдованіями надъ этимъ предметомъ Todd'a [1]), Hammond'a [2]), Davy [3]) и др. Я бралъ для моихъ изслѣдованій совершенно свѣжіе экскременты гусей изъ ящика, въ которомъ нѣсколько изъ этихъ животныхъ были заключены въ теченіи извѣстнаго времени. Въ первый разъ было взято 90,637 gran., а во второй 118,191 gran. экскрементовъ, но въ обоихъ случаяхъ я получилъ отрицательный результатъ. Къ тому же результату пришелъ я, собирая экскременты гусей непосредственно въ алкоголь въ моментъ выдѣленія ихъ изъ клоаки, чтобы сколько возможно препятствовать разложенію мочевины; этимъ способомъ добыто было отъ четырехъ животныхъ въ теченіи двухъ часовъ 37,893 gran. Убѣдившись такимъ образомъ въ отсутствіи мочевины въ мочѣ птицъ, я приступилъ къ новому изслѣдованію относительно амміака въ крови тѣхъ же животныхъ. Для этого я бралъ кровь, перерѣзывая art. vertebralis, которую я въ этомъ случаѣ предпочитаю шейнымъ сосудамъ (art. carotis et v. jugularis) по той причинѣ, что изъ нихъ не всегда удается извлечь кровь, не повредивъ пищепріемника, при чемъ, конечно, трудно ручаться за чистоту крови. Кровь я воспринималъ непосредственно изъ сказанной артеріи въ сосудъ, содержащій опредѣленное количество абсолютнаго алкоголя, и полученную такимъ образомъ смѣсь подвергалъ на водяной банѣ перегонкѣ, воспринимая перегонъ въ пріемникъ, соединенный съ особеннымъ аппаратомъ, содержащимъ въ себѣ около 20 CCm. предварительно испытанной химически чистой соляной кислоты разведенной водою (2 : 1); полученный перегонъ въ соединеніи съ упомянутою кислотою былъ выпаряваемъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ предосторожностей до суха, остатокъ растворенъ въ водѣ и обработанъ хлористою платиною — дальнѣйшая операція понятна. Этимъ методомъ, заимствованнымъ мною изъ сочиненія г. Петрова [4]), я добылъ слѣдующіе результаты, представленные здѣсь въ таблицѣ:

---

[1]) The Cyclopaedia of anatomy and physiolog. Vol. IV. pag. 1281.
[2]) Amer. Journ. of the med. Sciences Vol. XXXI, pag. 121. 1855.
[3]) Physiolog. Researches. By John Davy, page 185; 1863.
[4]) Virchow's Archiv. Bd. XXV. pag. 94.

Эксперименты.	Родъ животныхъ.	Количество крови.	NH_3 найдено.	NH_3 на 100 grm. крови.
I.	Гусь	22,445 grm.	0,0020 grm.	0,0089
II.	»	26,683 »	0,0021 »	0,0080
III.	»	34,998 »	0,0034 »	0,0097
VI.	»	25,497 »	0,0018 »	0,0071
V.	Курица . . .	21,803 »	0,0014 »	0,0064
VI.	» (mas.)	26.315 »	0,0014 »	0,0058

Если справедливо положеніе, что изъ крови вырабатываются мочевина, мочевая кислота и другія составныя части мочи, т. е., что вещества, входящія въ составъ мочи, находятся уже въ крови готовыми въ извѣстной степени, то, естественно, нельзя мнѣ было приступить къ дальнѣйшимъ моимъ изслѣдованіямъ, не подвергнувъ предварительно анализу кровь здоровыхъ животныхъ, составлявшихъ предметъ дальнѣйшихъ моихъ опытовъ; я долженъ былъ сначала опредѣлить, какъ велико въ крови птицъ содержаніе мочевой кислоты, чтобы такимъ образомъ имѣть въ дальнѣйшихъ моихъ работахъ мѣру для сравненія; что касается мочевины, то о ней не могло быть и рѣчи по той причинѣ, что она не входитъ въ составъ мочи птицъ а тѣмъ менѣе крови. Изслѣдованія Strecker'а [1]), о чемъ онъ упоминаетъ въ своемъ руководствѣ, показали присутствіе мочевой кислоты въ легкихъ (какихъ животныхъ?) и даже, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ, ему удавалось находить ее въ мозгу коровъ. Результаты эти имѣютъ для насъ второстепенное значеніе, потому что Штрекеръ не могъ дать мнѣ никакихъ положительныхъ данныхъ относительно возраста и здоровья животныхъ, у которыхъ сказанные органы содержали мочевую кислоту, получая ихъ изъ бойнъ, куда, какъ извѣстно, нерѣдко приводятъ на убой животныхъ больныхъ, а чаще всего старыхъ, у которыхъ иногда бываютъ патологическія отложенія въ различныхъ органахъ, состоящія изъ мочевокислыхъ солей; что же касается крови, то, какъ самъ Штрекеръ сознается, въ ней ему ни разу не удавалось открыть присутствія мочевой кислоты. То же самое мы находимъ въ сочиненіи Dr. Strahl'я и Lie-

[1]) Lehrbuch der Organisch. Chemie. 4 Aufl. pag. 649.

berkühn'a [1]). Работа эта имѣетъ для насъ особенный интересъ, потому что изслѣдованія свои они производили надъ кровью птицъ — результаты были отрицательны.

Собственныя мои изслѣдованія надъ кровью гусей привели меня къ тому же результату въ трехъ случаяхъ, изъ которыхъ въ одномъ количество крови было 97,752 gran., во второмъ 43,341 gran. а въ третьемъ 109,013 gran.; я не открылъ ни малѣйшихъ въ ней признаковъ мочевой кислоты и это мнѣ даетъ полное право заключить о совершенномъ ея отсутствіи въ крови при обыкновенныхъ условіяхъ жизни птицъ.

Узнавъ такимъ образомъ, что въ крови птицъ въ здоровомъ состояніи есть амміакъ и опредѣливъ количество его въ ней, мы можемъ теперь далѣе продолжать наши изслѣдованія, приступивъ окончательно къ рѣшенію перваго нашего вопроса — именно: *возможно ли произвести уремію у птицъ, перевязавъ имъ мочеточники; показать симптомы, слѣдующіе за симъ, и наконецъ опредѣлить составъ крови у нихъ.* Для рѣшенія этого вопроса, равно какъ и другихъ, имѣющихъ тѣсную связь съ настоящимъ, я сдѣлалъ 21 экспериментъ надъ птицами. Общій результатъ моихъ опытовъ я представлю далѣе, теперь же я приведу нѣсколько наблюденій, чтобы нагляднѣе представить тѣ интересныя явленія, которыя я наблюдалъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Наблюденіе I. 29-го ноября (1863), въ 9 часовъ утра, перевязаны гусю оба мочеточника близъ клоаки; операція продолжалась 14 минутъ, потери крови никакой. Въ теченіи первыхъ $3^1/_2$ часовъ животное было весело, нѣсколько разъ принималось за кормъ и вообще въ состояніи здоровья его незамѣчено ничего ненормальнаго; затѣмъ животное начало искать уединенія, сдѣлалось скучнымъ, сонливымъ, ложилось то на ту, то на другую сторону, опуская голову на землю; сонъ этотъ постепенно дѣлался глубже, животное не обнаруживало ни малѣйшаго безпокойства не только при приближеніи къ нему, но даже позволяло себя гладить, не открывая при семъ глазъ и не измѣняя своего положенія; дыханіе глубокое, медленное; испражненія жидкія, зеленыя, безъ примѣси къ нимъ того бѣлаго вещества (мочи), которое характеризуетъ экскременты птицъ.

---

[1]) Harnsäure im Blut. Nephrotomische und Chemische Untersuchungen. Berlin 1848, pag. 51 u. w.

Смерть наступила тихо безъ малѣйшихъ ковульсивныхъ движеній, въ глубокой спячкѣ (coma), чрезъ 35 часовъ послѣ операціи.

Секція сдѣлана чрезъ 12 минутъ послѣ смерти, слѣдовательно ранѣе появленія трупнаго окоченения; по вскрытіи брюшной полости, меня поразило обстоятельство, что вся наружная поверхность желудка, кишекъ, печени, брюшины и вообще всѣхъ органовъ, какіе можно было видѣть, удаливъ лишь брюшную стѣнку, была покрыта какимъ то бѣлымъ обложеніемъ въ видѣ перломутровой никрустаціи. Обложеніе это всюду имѣло одинъ и тотъ же характеръ, частію въ видѣ тонкихъ, болѣе или менѣе широкихъ, чешуекъ твердой консистенціи, удобно снимавшихся съ подлежащихъ органовъ, частію же зернистой массы различной величины. Инкрустація эта, или обложеніе, во многихъ мѣстахъ до такой степени было сильно, что органы покрытые ею казались буквально ярко бѣлыми; мѣстами же обложеніе, будучи менѣе сильно и равномѣрно, представляло собою островки сообщавшіе органамъ, по которымъ они сидѣли, мраморный видъ. Угадать не трудно было, что сказанный ненормальный покровъ, одѣвавшій со всѣхъ сторонъ всѣ органы брюшной полости, состоялъ изъ мочевокислой соли; предположеніе наше вполнѣ оправдалось реакціею на мочевую кислоту, давшею отличное пурпуровое окрашиваніе мурексида. Вскрывъ грудную полость, мы нашли въ ней то же самое явленіе, выраженное однако гораздо сильнѣй, чѣмь въ брюхѣ—именно: наружный видъ pericardii, имѣя на себѣ отложеніе до $1/4$ линіи въ толщину, расположенное густымъ, сплошнымъ слоемъ, и притомъ сильнѣй у основанія, чѣмъ у верхушки сердца, придавалъ околосердечной сумкѣ видъ, какъ бы она была покрыта мягкимъ слоемъ извести, легко удалимымъ струею воды или скалпелемъ; то же самое встрѣтили мы внутри pericardii, гдѣ, кромѣ небольшаго серознаго эксудата, тѣсно смѣшаннаго съ плавающими въ немъ ярко бѣлыми пластинками и зернами мочевокислой соли, легко можно было замѣтить такое же самое отложеніе на внутренней поверхности, какое я выше описалъ на наружной; съ внутренней поверхности околосердечной сумки отложеніе это переходило на наружную поверхность сердца, предсердій, сосудовъ, особенно венозныхъ, до мѣста выхода ихъ изъ грудной полости. Въ лѣвой половинѣ сердца найденъ небольшой кровяной сгустокъ, по удаленіи котораго, на мышицахъ и сердечныхъ заслонкахъ замѣтно было такое же бѣлое отложеніе, какое найдено было снаружи сердца, съ тѣмъ однако отличіемъ, что

внутри оно было менѣе обильно и представляло видъ малыхъ отдѣльно сидящихъ бѣловатыхъ блестокъ. Мышечный составъ сердца также былъ проникнутъ мочевокислою солью, которая здѣсь была расположена между гистологическими его элементами въ видѣ бѣлыхъ яркихъ массъ безъ всякаго слѣда кристаллизаціи. Правая половина сердца съ его предсердіемъ не содержала ни малѣйшихъ признаковъ крови, что же касается отложенія, то оно было и здѣсь въ той же самой степени, какъ это уже описано въ первой половинѣ. Кровеносные сосуды содержали много жидкой венознаго свойства крови, но ни малѣйшаго слѣда отложеній въ нихъ, за исключеніемъ наружной поверхности. Легкія сильно эдематозны, содержатъ много кровянистой сыворотки, вытекавшей изъ разрѣзовъ вмѣстѣ съ зернистою бѣлою массою мочевокислой соли, закрывавшей собою плотно всѣ малѣйшія развѣтвленія бронхъ; что касается дыхательнаго горла (trachea), то отложеніе въ немъ существовало лишь въ нижней трети и преимущественно на мѣстѣ развѣтвленія его на бронхи, въ остальныхъ же частяхъ, равно какъ и гортани (larynx), я ничего не встрѣтилъ ненормальнаго, исключая скопленія огромнаго количества густой пѣнистой слизи и гипереміи слизистой оболочки; наружная поверхность дыхательнаго горла носила обложеніе на себѣ только въ той ея части, которая заключена была въ грудной полости, въ шейной же была совершенно свободна.

Слизистая оболочка пищепріемника покрыта густою нечистою слизью, въ которой безъ труда можно было находить бѣловатыя зерна и пластинки мочевокислой соли, увеличивавшіяся въ числѣ по мѣрѣ приближенія къ желудку, железистая часть котораго имѣла ту странную особенность, что всѣ отверстія железъ, которыми такъ богата эта часть желудка, были закрыты бѣлыми пробками мочевокислой соли, сидѣвшими крѣпко въ своихъ отверстіяхъ, изъ которыхъ они, при давленіи на железы, выходили въ видѣ тонкихъ цилиндровъ, свернутыхъ въ спираль; что касается мышечной части желудка, то она ни въ составѣ мышцъ, образующихъ его, ни на внутренней своей поверхности не имѣла ничего посторонняго. Кишечный каналъ снаружи былъ до такой степени сильно покрытъ отложеніемъ, что представлялся совершенно бѣлымъ; покровъ этотъ, состоявшій, какъ и на всѣхъ другихъ органахъ, изъ мочевокислой соли, представлялъ собою главнымъ образомъ широкія пластинки, толщиною въ $1/3$ линіи, склеивавшія тѣсно между собою отдѣльныя петли кишекъ, при вынутіи которыхъ пластинки отпадали большими массами; сли-

зистая оболочка кишекъ мѣстами носила слѣды воспаленія и притомъ въ тонкихъ сильнѣй, чѣмъ въ толстыхъ, гдѣ этотъ процессъ ограничивался простою гиперемією, содержимое кишекъ состояло изъ жидкой зеленой массы амміачнаго запаха и щелочной реакціи. Печень, преимущественно на вогнутой своей поверхности, имѣла совершенно сплошное отложеніе, то въ видѣ толстыхъ пластинчатыхъ массъ, то въ видѣ тонкаго налета, сидящаго плотно на своемъ основаніи; микроскопическое изслѣдованіе паренхимы печени, кромѣ жироваго перерожденія ея, не показало ничего ненормальнаго и никакихъ слѣдовъ отложеній. Желчный пузырь сильно растянутъ желчью, снаружи представлялъ обильное обложеніе зернистаго свойства, внутри же содержалъ только небольшое количество густой темнозеленой желчи, остальная же часть пузыря занята была крупно зернистою бѣлою массою мочевокислой соли, относящеюся къ желчи, находившейся въ пузырѣ поверхъ плотнаго вещества, какъ 2 : 1. Почки на поверхности своей имѣли maximum обложенія, представлявшаго настоящую кору, которою онѣ были совершенно закрыты на всемъ своемъ протяженіи; микроскопическое ихъ изслѣдованіе показало сильную гиперемію корковаго вещества и совершенное закрытіе бѣлымъ аморфнымъ веществомъ мочевыхъ канальцевъ; въ мальпигіевыхъ сосудистыхъ клубочкахъ мнѣ не удалось найти отложеній; мочеточники сильно растянуты студенистою ярко-бѣлою массою до мѣста лежащей на нихъ лигатуры, окруженной съ одной стороны (правой) небольшимъ экстравазатомъ.

Мозгъ и его оболочки нормальны; соединительная оболочка вѣкъ и отчасти глазъ покрыта тонкимъ зернистымъ слоемъ мочевокислой соли, остальныя части глазъ нормальны, если исключить то обстоятельство, что humor aqueus, при изслѣдованіи его на мочевую кислоту обыкновенными реактивами, показалъ значительное присутствіе въ себѣ этой послѣдней. Въ мускулахъ всего тѣла, даже при микроскопическомъ изслѣдованіи ихъ, я не нашелъ ничего, хотя водяной экстрактъ мускуловъ давалъ отличную реакцію на мочевую кислоту. Во всѣхъ сочлененіяхъ найдены огромныя скопища частію оплотнѣвшей частію же полужидкой ярко-бѣлой массы мочевокислой соли, которою густо были покрыты какъ связки, такъ равно и составныя поверхности костей, входящихъ въ образованіе сочлененій, изъ которыхъ однако большія сочлененія были сильнѣе покрыты сказанною массою, чѣмъ малыя. Наконецъ, мнѣ остается прибавить нѣсколько словъ о тѣхъ интересныхъ явленіяхъ, которыя я нашелъ

въ лимфатической системѣ. Грудной протокъ (ductus toracicus) на всемъ своемъ протяженіи представлялъ сильно растянутый канатикъ, содержащій въ себѣ такую же ярко-бѣлую студенистую массу, какую мы нашли въ обоихъ мочеточникахъ, съ тою разницею, что въ первой помощію микроскопа можно было находить множество тонкихъ игольчатыхъ кристалловъ мочевокислой соли, сгруппированныхъ въ неправильныя фигуры; подобное же явленіе я нашелъ въ лимфатическихъ сосудахъ всего тѣла. Масса, наполнявшая лимфатическіе сосуды, быстро оплотнѣвала въ нихъ при обыкновенной комнатной температурѣ и вся принимала кристаллическое строеніе, которое легче можно было распознавать въ малыхъ сосудахъ, чѣмъ въ большихъ. Въ кровеносныхъ сосудахъ, при самомъ тщательномъ изслѣдованіи, невозможно было открыть ничего подобнаго. Вотъ въ общихъ чертахъ результаты перваго моего опыта, которые я здѣсь изложилъ возможно кратко, дабы имѣть время сообщить и другіе не менѣе интересные опыты; химическія изслѣдованія различныхъ продуктовъ оперированныхъ животныхъ на мочевую кислоту представлены въ слѣдующей таблицѣ:

(См. таблицу на слѣдующей страницѣ).

Сдѣлавъ такимъ образомъ нѣсколько экспериментовъ, дававшихъ всегда одни и тѣ же результаты, мнѣ оставалось убѣдиться, что сказанныя измѣненія, находимыя въ трупахъ, не суть явленія посмертныя, но что они существуютъ при жизни животныхъ. Съ этою цѣлью а также равно и для того, чтобы имѣть возможность опредѣлить вліяніе присутствія мочевой кислоты въ крови на содержаніе въ ней амміака, я перевязалъ нѣсколькимъ птицамъ мочеточники и по истеченіи нѣсколькихъ часовъ, когда уже всѣ симптомы уреміи были развиты въ значительной степени, я убивалъ животное и не медля приступалъ къ секціи — вотъ одинъ изъ подобныхъ опытовъ.

Наблюденіе XI. Въ $3\frac{1}{2}$ часа по полудни, (27-го января 1864 г.), перевязаны оба мочеточника молодому гусю: операція продолжалась 11 минутъ, потери крови не было. Чрезъ $3\frac{1}{4}$ часа наступила спячка, перешедшая къ утру слѣдующаго дня въ полную кому (coma), сопровождавшуюся глубокимъ рѣдкимъ дыханіемъ и легкою дрожью; смерть чрезъ 18 часовъ послѣ операціи.

Секція. Макроскопическое и микроскопическое изслѣдованія всѣхъ тканей и органовъ не показали въ нихъ никакихъ особенностей,

Эксперименты.	Родъ животныхъ.	1. Крови.	2. Мускуловъ.	3. Легкихъ.	4. Печени.	5. Брюшины.	Найдено мочевой кислоты.				
							1.	2.	3.	4.	5.
		grm.	grm.	grm.	grm.	grm.	grm.	grm.	grm.	grm.	grm.
I.	Гусь	5,061	156	30,533	72,113	34,652	0,054	0,022	0,108	0,213	0,473
II.	»	3,738	197	32,711	70,995	32,564	0,049	0,027	0,109	0,197	0,426
III.	»	7,533	175	29,362	73,572	36,266	0,063	0,019	0,101	0,193	0,479
IV.	»	4,037	219	31,419	67,957	34,197	0,047	0,024	0,096	0,201	0,413
V.	»	5,712	342	30,387	74,737	33,122	0,055	0,031	0,099	0,228	0,411
VI.	»	3,068	295	34,113	73,658	34,361	0,042	0,026	0,102	0,204	0,398
VII.	Курица (mas.)	2,021	140	22,759	69,312	16,208	0,024	0,023	0,079	0,156	0,220
VIII.	» . . .	1,369	117	17,467	65,791	23,114	0,016	0,020	0,054	0,171	0,247
IX.	» (mas.)	1,839	85	24,233	68,662	21,023	0,029	0,017	0,087	0,168	0,213
X.	» . . .	2,502	110	22,254	62,481	23,804	0,026	0,02	0,066	0,175	0,229

которыми бы настоящій случай отличался отъ предъидущаго; всѣ измѣненія, найденныя нами въ трупѣ, были совершенно тождественны съ тѣми, которыя я описалъ въ первомъ наблюденіи, съ тѣмъ развѣ отличіемъ, что отложеніе мочевой соли въ ткани и органахъ было

нѣсколько менѣе, чѣмъ въ предъидущихъ десяти; лимфатическіе сосуды какъ и прежде сильно растянуты кристаллическою массою. Это наблюденіе и еще четыре [1]), которыя описывать нахожу лишнимъ, ясно показываютъ что:

I. Отложенія мочевокислой соли, какъ на поверхность такъ равно и въ самое существо органовъ и тканей, совершаются при жизни и притомъ такъ, что чѣмъ продолжительнѣе существованіе животнаго послѣ операціи, тѣмъ сильнѣй и больше отложеніе. (Табл. А).

II. Присутствіе въ крови мочевой кислоты не измѣняетъ нормальнаго количества амміака въ ней. (Табл. В).

(См. таблицы на слѣдующей страницѣ).

III. Мочевая кислота образуется въ почкахъ, откуда, при существующемъ препятствіи для изверженія ее изъ организма, она переходитъ сначала въ лимфатическую систему и уже отсюда въ общій токъ крови [2]).

Дальнѣйшихъ экспериментовъ я не буду здѣсь приводить каждаго отдѣльно, но для полноты вышеизложенныхъ двухъ наблюденій я представлю общій результатъ, въ которомъ постараюсь изобразить картину тѣхъ измѣненій, которыя подробно описаны въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, указавъ на то, что я замѣтилъ общаго въ нихъ и чѣмъ въ нѣкоторыхъ исключительно рѣдкихъ случаяхъ они отличались другъ отъ друга.

Отличительный характеръ явленій, находимыхъ мною въ трупахъ животныхъ (птицъ), умершихъ отъ перевязки мочеточниковъ и слѣдовательно накопленія въ организмѣ веществъ, назначенныхъ природою къ изверженію, заключался не въ органическомъ измѣненіи структуры органовъ ни даже ихъ физическихъ свойствъ, но въ отложеніи мочевокислыхъ соединеній какъ на поверхность плотныхъ тканей и органовъ лежащихъ въ полостяхъ, такъ равно и самую субстанцію органовъ, которая была проникнута тѣмъ же самымъ веществомъ, какое мы видѣли на поверхности органовъ, съ тѣмъ отличіемъ, что въ паренхимѣ оно не было расположено такъ густо и равномѣрно, какъ на поверхности, гдѣ оно весьма часто представ-

---

[1]) Наблюденіе XII — смерть чрезъ 14 часовъ, XIII — чрезъ 10 ч., XIV — чрезъ 8 ч., XV — чрезъ 5 ч.

[2]) Положеніе относительно образованія мочевой кислоты почками я здѣсь не буду доказывать, по той причинѣ, что еще не окончены изслѣдованія мои надъ змѣями, предпринятыя мною для окончательнаго рѣшенія столь важнаго вопроса.

Табл. А.

Эксперименты.	Родъ животныхъ.	1. Крови.	2. Мускуловъ.	3. Легкихъ.	4. Печени.	5. Брюшины.	Найдено мочевой кислоты.				
							1.	2.	3.	4.	5.
		grm.	grm.	grm.	grm.	grm.	grm.	grm.	grm.	grm.	grm.
XI.	Гусь	51,442	412	32,953	72,111	31,846	0,482	0,324	0,097	0,186	0,447
XII.	»	48,804	500	30,717	76,187	34,071	0,341	0,301	0,082	0,172	0,433
XIII.	»	68,150	500	26,385	70,015	31,013	0,213	0,198	0,053	0,095	0,208
XIV.	»	59,728	500	28,644	68,441	26,179	0,106	0,088	0,049	0,026	0,147
XV.	Курица . . .	16,127	185	23,069	87.253	21,294	0,061	0,027	0,018	0,022	0,116

Табл. В.

Эксперименты.	Родъ животныхъ.	Количество крови.	NH_3 найдено.
XI.	Гуси	37.827 grm.	0,0038 grm.
XII.	»	40,131 »	0,0035 »
XIII.	»	23,293 »	0,0023 »
XIV.	»	35,256 »	0.0021 »
XV.	Курица . . .	36,012 »	0,0034 »

ляло болѣе или менѣе толстую сплошную массу, образующую настоящую кору, за которою скрывались органы. Легкія, сердце, почки, testiculi и т. п. содержали между гистологическими элементами пластинки и волокна бѣлой аморфной массы мочевокислой соли, частію

оплотнѣвшей, частію же полужидкой; изъ всѣхъ паренхиматозныхъ органовъ одна печень дѣлала исключеніе, въ ней я при самомъ тщательномъ микроскопическомъ изслѣдованіи не находилъ ни малѣйшихъ отложеній. Кристаллическія свойства отложеній я наблюдалъ постоянно въ лимфатической системѣ, на перепончатыхъ органахъ (peritoneum) и соединительной ткани, связывающей органы между собою; здѣсь всегда можно было наблюдать въ этихъ массахъ, особенно въ малыхъ, тонкіе иглообразные кристаллы совершенно безцвѣтные, расположенные группами въ пучки и розетки, которые группируясь по нѣскольку вмѣстѣ образовали сказанныя массы неправильной формы, въ центрѣ которыхъ невозможно было сказать ничего опредѣленнаго о формѣ кристалловъ. Микроскопическое изслѣдованіе серозныхъ перепонокъ дало возможность подмѣтить то важное обстоятельство, что лимфатическіе ихъ сосуды мѣстами были сильно растянуты на подобіе варикозныхъ узловъ бѣлою блестящею массою мочевокислой соли, которая въ этихъ расширеніяхъ не имѣла кристаллическихъ свойствъ, сохраняя ихъ на всемъ остальномъ протяженіи сосудовъ; въ капилярныхъ сосудахъ я никогда не замѣчалъ подобной инъекціи, напротивъ, я находилъ ихъ всегда пустыми. Лимфатическая система для насъ важна въ томъ отношеніи, что въ ней раньше всего появляются отложенія, въ чемъ меня убѣждаютъ XIII, XIV и XV наблюденія, въ которыхъ животныя были убиты мною ранѣе 12 часовъ послѣ операціи; ни въ одномъ изъ этихъ трехъ случаевъ я не замѣтилъ ни въ паренхимѣ органовъ ни на поверхности ихъ никакихъ признаковъ отложеній, тогда какъ въ лимфатической системѣ постоянно и притомъ уже по истеченіи 5-ти часовъ находимы были обильныя кристаллическія массы. Внутри органовъ отложенія всегда были въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ смерть слѣдовала не ранѣе 14 часовъ; раньше этого срока оно было находимо очень рѣдко, въ весьма маломъ количествѣ и только въ железистой части желудка и желчномъ пузырѣ, въ сердцѣ же никогда, тогда какъ по истеченіи опредѣленнаго термина бѣлыя массы мочевокислой соли были въ значительной степени выраженными на сердечныхъ мышицахъ, его заслонкахъ, слизистой оболочкѣ всего пищеварительнаго аппарата, соединительной оболочкѣ вѣкъ и иногда глазъ. Относительно желудка должно замѣтить, что отложенія въ немъ ограничивались лишь железистою его частью, гдѣ они расположены были въ видѣ мягкихъ ярко бѣлыхъ пробокъ, закрывавшихъ отверстія железъ, чрезъ что вся поверхность эта представлялась какъ бы усѣянною бѣлыми точками,

выходившими изъ своихъ логовищъ при давленіи на железы въ формѣ спиральныхъ цилиндровъ. Кишечый каналъ я находилъ всегда воспаленнымъ на слизистой его поверхности и содержащимъ жидкую зеленую фекальную массу амміачнаго запаха и щелочной реакціи; въ фекальныхъ массахъ равно какъ и на слизистой оболочкѣ всего кишечнаго тракта всегда можно было находить бѣлую зернистую массу мочевокислой соли, но только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ смерть произошла не раньше 20 часовъ послѣ операціи. Что касается почекъ, то онѣ постоянно были въ состояніи сильной гипереміи; мочевые ихъ канальцы растянуты содержащеюся въ нихъ ярко бѣлою студенистою матеріею, которой я никогда не находилъ въ мальпигіевыхъ клубочкахъ, равно какъ и въ сосудахъ, идущихъ въ большомъ количествѣ между канальцами. Мочеточники были находимы растянутыми такою же матеріею, какую встрѣчали мы въ мочевыхъ канальцахъ почекъ, и представляли видъ толстыхъ канатиковъ, на которыхъ пластами лежала мочевокислая соль; растянутость мочеточниковъ иногда была такъ значительна, что нерѣдко они находимы были лопнувшими. Въ мускулахъ ни микроскопомъ а еще менѣе простымъ глазомъ мы не могли замѣтить никакихъ слѣдовъ отложеній мочевой соли, что однако не даетъ намъ права отвергать присутствіе сей послѣдней въ нихъ потому, что во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, въ которыхъ мы изслѣдовали водяной экстрактъ мускуловъ, мы всегда получали отличную реакцію мочевой кислоты и, наконецъ, въ большей части нашихъ экспериментовъ мы успѣли выдѣлить ее изъ мышицъ въ чистомъ кристаллическомъ состояніи и опредѣлить количественно. Къ постояннымъ измѣненіямъ должно отнести еще тѣ отложенія часто огромныхъ, мягкихъ массъ мочевой соли, которыя мы въ большей части случаевъ находили въ составахъ пропорціонально величинѣ послѣднихъ; массы эти покрывали густымъ слоемъ составныя поверхности костей, но преимущественно лигаментозный аппаратъ, на которомъ онѣ сидѣли въ видѣ ярко-бѣлыхъ толстыхъ творожистыхъ скопищъ, не выходящихъ за предѣлы катулярной связки.

Теперь разсмотримъ другой родъ измѣненій, касавшихся жидкихъ частей организма какъ въ физическомъ, такъ равно и химическомъ ихъ свойствахъ. Ихъ я могъ прослѣдить только въ трехъ жидкостяхъ—именно: крови, желчи и глазныхъ влагахъ. Въ первой изъ нихъ въ тѣхъ случаяхъ когда животное умирало раньше 15 часовъ, внѣшній видъ крови не имѣлъ въ себѣ ничего особен-

наго, она створоживалась быстро и имѣла щелочную реакцію; въ тѣхъ же изъ нихъ, гдѣ смерть наступала поздно (26—36 ч.), кровь имѣла темный фіолетовый цвѣтъ и весьма слабую щелочную реакцію. Химическій анализъ (показанъ въ таблицахъ) въ обоихъ случаяхъ показалъ въ крови большое количество мочевой кислоты, но въ разной степени, такимъ образомъ, что если сравнить количество этой послѣдней съ кровью животныхъ, убитыхъ между 12—26 часами, съ тѣмъ, которое мы находили у животныхъ, умершихъ произвольно между 26—36 часами, то легко замѣтить, что содержаніе мочевой кислоты въ крови увеличивалось пропорціонально продолжительности жизни животныхъ. Измѣненіе желчи, за исключеніемъ одного случая, состояло въ обильномъ отложеніи въ желчный пузырь бѣлой, частію зернистой, частію же пластинчатой аморфной массы мочевокислой соли, занимавшей нижній слой, тогда какъ верхній состоялъ изъ густой зеленой желчи, относящейся къ плотному находящемуся въ ней веществу какъ 1:2 [1]); жидкая часть желчи давала отличную реакцію на мочевую кислоту. Что касается глазныхъ жидкостей, то хотя въ нихъ всякій разъ обыкновенная проба обнаруживала присутствіе мочевой кислоты, но отложеній я никогда въ нихъ не находилъ, равно какъ и въ камерахъ глаза; въ одномъ только случаѣ, желая выдѣлить изъ глазныхъ влагъ мочевую кислоту по способу Dr. Garrod'a [2]), я получилъ едва нѣсколько кристалловъ ея: conjunctiva же вѣкъ а иногда и глазъ носила на себѣ явственные слѣды отложенія, являвшагося на ней большею частью въ видѣ нѣжнаго бѣлаго налета. Кстати замѣтить, что мозгъ и его оболочки были всегда находимы нормальными.

Вотъ въ краткихъ чертахъ картина измѣненій, находимыхъ мною постоянно въ трупахъ животныхъ, умершихъ отъ перевязки мочеточниковъ и послѣдовательнаго затѣмъ отложенія мочевой кислоты во всѣ ткани организма. Что смерть во всѣхъ случаяхъ зависѣла отъ извѣстнаго обстоятельства, а не простаго раненія, доказываютъ весьма убѣдительно два случая, изъ которыхъ въ одномъ я перевязалъ только одинъ мочеточникъ, а въ другомъ разрѣзалъ лишь брюхо, наложилъ узловатый шевъ на рану съ цѣлью опредѣлить

---

[1]) Отложеніе впрочемъ было непостоянно и зависѣло отъ общихъ причинъ; въ одномъ случаѣ мнѣ удалось опредѣлить въ желчи количество мочевой кислоты, при чемъ я на 2,107 gran'овъ желчи (вмѣстѣ съ плотнымъ въ ней веществомъ) получилъ 0,309 gran'овъ чистой мочевой кислоты.

[2]) On Gout. 1859.

вліяніе раненія на продолжительность жизни животнаго. Первое изъ нихъ жило 53 часа, не обнаруживавъ при жизни никакихъ явленій, какія мы привыкли видѣть при перевязкѣ обоихъ мочеточниковъ и затѣмъ было убито; при вскрытіи, кромѣ закрытія бѣлою студенистою массою мочевокислой соли перевязаннаго мочеточника и мочевыхъ канальцевъ соотвѣтствующей почки, я не нашелъ въ тѣлѣ никакихъ измѣненій. Второе же животное умерло чрезъ 61 часъ при начавшемся въ ранѣ нагноеніи, котораго птицы не переносятъ. Періодъ жизни животныхъ послѣ операціи хотя былъ различенъ у гусей и куръ, однако, какъ показали наблюденія, каждый изъ этихъ видовъ птицъ имѣлъ постоянную цифру продолжительности своего существованія, которая для куръ есть 23 а для гусей 33, т. е. что средняя продолжительность ихъ жизни находится въ прямомъ отношеніи съ величиною тѣла животныхъ. Наконецъ, не лишнимъ считаю прибавить, что попытки мои сдѣлать нефротомію у птицъ ни разу не увѣнчались успѣхомъ, чему причиною анатомическое устройство и положеніе почекъ, а особенно форма скелета, отнимающаго всякую возможность войти въ брюхо полною рукою, не нанеся своею смѣлою попыткою такихъ поврежденій, которыя убьютъ животное на операціонномъ столѣ раньше, чѣмъ мы отыщемъ органы; я считаю операцію эту положительно невозможною по крайней мѣрѣ на птицахъ нашего климата; страусъ изъ всѣхъ птицъ болѣе всего представляетъ выгодъ для нефротоміи, но и здѣсь не нужно забывать, что если бы и удалось вырѣзать у него почку, то едва ли можно было бы безъ наложенія лигатуры на общій артеріальный стволъ, дающій сначала множество вѣточекъ въ паренхиму почекъ и потомъ выходящій изъ таза на конечности, избѣгнуть огромнаго кровотеченія, результатомъ котораго будетъ скорая смерть; наложеніе же лигатуры на самый стволъ будетъ неминуемо имѣть слѣдствіемъ параличъ конечностей. Невозможность сдѣлать нефротомію у птицъ заставила меня обратиться къ другимъ животнымъ, которыя бы также въ составѣ своей мочи не заключали мочевины и не имѣли бы тѣхъ неудобствъ относительно исполненія операціи, какія мы видѣли у птицъ; съ этою цѣлью я, по совѣту проф. Гоппе, предпринялъ новый рядъ опытовъ надъ змѣями, результаты которыхъ я буду имѣть честь представить въ слѣдующемъ моемъ отчетѣ.

Итакъ первый мой вопросъ рѣшенъ, опыты мои показали, что ни мочевину ни продуктъ ея распаденія, углекислый амміакъ, нельзя обвинять въ тѣхъ симптомахъ, которые мы называемъ уреміею; мы

видѣли, что характерныя явленія ея бываютъ даже у животныхъ, которыхъ моча вовсе не содержитъ мочевины; что касается другихъ выводовъ изъ представленныхъ наблюденій, то я въ настоящее время дѣлать не буду, чтобы новыми моими экспериментами надъ змѣями имѣть болѣе правъ высказать утвердительно то, отъ чего я теперь удерживаюсь, дабы не показаться слишкомъ смѣлымъ въ своихъ заключеніяхъ. Теперь перейдемъ къ рѣшенію втораго вопроса.

II. Какъ ни простъ настоящій вопросъ, однако рѣшеніе его встрѣтило огромныя препятствія: мнѣ положительно невозможно было получить крови изъ совершенно здороваго организма по крайней мѣрѣ въ томъ количествѣ и съ тѣми предосторожностями, какія необходимы были при моихъ изслѣдованіяхъ. Эти препятствія были причиною, что я въ самомъ началѣ долженъ былъ отказаться отъ идеи изслѣдовать кровь здоровыхъ людей и ограничиться кровью относительно здоровыхъ субъектовъ. Для трехъ анализовъ я извлекъ кровь банками; въ двухъ случаяхъ у людей, страдавшихъ общимъ полнокровіемъ (plethora universalis); въ третьемъ же у субъекта, получившаго contusio pectoris, вызвавшее pleuritis partialis въ легкой степени безъ замѣтныхъ лихорадочныхъ явленій; кровь, полученную такимъ образомъ, я употребилъ для опредѣленія въ ней количества мочевины

I Изслѣдованіе:
количество крови 102,016 grm.; найдено $C_2H_4N_2O_2NO5HO = 0,011$ grm.

II Изслѣдованіе:
количество крови 37,901 » » » = 0,003 »

III Изслѣдованіе:
количество крови 52,497 » » » = 0,006 »

Еще больше затрудненій я встрѣтилъ при анализахъ крови на амміакъ, потому что въ этомъ случаѣ негодился способъ извлеченія крови банками; строгость анализа требовала другаго метода — венесекціи, которую безъ достаточныхъ показаній сдѣлать невозможно, почему я и въ этомъ случаѣ долженъ былъ ограничиться кровью больныхъ людей, но такихъ, въ организмѣ бы которыхъ не было какой либо важной болѣзни, вліяющей на составъ крови, а тѣмъ болѣе болѣзней мочевыхъ органовъ; за отсутствіе послѣднихъ могу ручаться. Здѣсь въ матеріалѣ помогла мнѣ хирургическая клиника, въ которой я два раза успѣлъ достать крови неизмѣненной бо-

лѣзнью; въ одномъ случаѣ я получилъ ее у субъекта, имѣвшаго fractur. costarum, гдѣ въ дальнѣйшемъ теченіи болѣзни хотя и развилась pneumonia, однако обстоятельство это не могло имѣть вліянія на полученную нами кровь, потому что венесекція сдѣлана была раньше, чѣмъ развилась упомянутая болѣзнь, отъ которой больной вскорѣ выздоровѣлъ. Въ другой разъ я получилъ кровь отъ субъекта, имѣвшаго herniam incarcerat., которому въ слѣдъ за венесекціею сдѣлано было repositio viscerum. Въ обоихъ случаяхъ одна часть крови воспринимаема была непосредственно изъ вены въ сосудъ заключавшій опредѣленное количество абсолютнаго алкоголя и затѣмъ немедленно подвергаема дальнѣйшимъ операціямъ, другая же употреблена для опредѣленія въ ней экстрактивныхъ веществъ [1]).

1-й больной—колич. крови = 73,016 grm., найдено NH_3 = 0,041 grm.; экстрактивн. веществъ на 1000 ч. крови найдено = 14,013.

2-й больной—кол. крови = 118,481 grm., найдено NH_3 = 0,064 grm.; экстрактивн. веществъ на 1000 ч. крови найдено = 13,276.

Тѣ же изслѣдованія, которыя я выше описалъ, надъ кровью человѣка повторены были на собакахъ, какъ животныхъ для меня болѣе доступныхъ; кровь я получалъ всякій разъ ex v. jugular. exter. въ трехъ порціяхъ за разъ, изъ которыхъ одна употребляема была для опредѣленія количества NH_3, другая $C_2H_4N_2O_2$, третья же экстрактивныхъ веществъ. Въ мускулахъ я всякій разъ опредѣлялъ колич. креатина [2]) и мочевины, изъ которыхъ послѣдняя находима была въ ничтожномъ количествѣ—результаты въ таблицѣ

Эксперимен.	Количество крови.	NH_3 найдено.	Количество крови.	Найдено $C_2H_4N_2O_2NO_5HO$	Колич. крови.	Креотина найдено.
I.	92,036 grm.	0,0090 grm.	154,611 grm.	0,006 grm.	123 grm.	0,449 grm.
II.	123,109 »	0,0084 »	218,581 »	0,011 »	160 »	0,253 »
III.	76,274 »	0,0059 »	167,237 »	0,000 »	138 »	0,421 »
IV.	81,485 »	0,0067 »	240,796 »	0,016 »	174 »	0,697 »
V.	58,970 »	0,0043 »	229,032 »	0,017 »	370 »	1,012 »
VI.	84,463 »	0,0071 »	263,064 »	0,021 »	169 »	0,473 »

[1]) См. теорію уреміи Schottin'a; Beiträge für Characteristik der Urämie. Vierordt's Archiv XII Jahrg. pag. 170.

[2]) По методу Neubauer'a, Zeitschr. f. analyt. Chemie. 1863, pag. 26.

Экстрактивныхъ веществъ на 1000 част. крови.	I = 11,924 II = 13,572 III = 11,869 VI = 12,493 V. = 13,072 VI. = 12,006

Опредѣливъ въ крови человѣка и млекопитающихъ животныхъ количество NH_3, мочевины и экстрактивныхъ веществъ, мы теперь перейдемъ къ рѣшенію третьяго нашего вопроса и посмотримъ дѣйствительно ли въ крови субъектовъ одержимыхъ брайтовою болѣзнею и преимущественно уреміею, накопляются сказанныя вещества.

III. Здѣсь я приведу три случая брайтовой болѣзни, окончившейся въ двухъ изъ нихъ уреміею, въ третьемъ же уремическихъ явленій не было.

а) *Исторія болѣзни.* S. W. Крестьянинъ 29 лѣтъ, всегда пользовавшійся хорошимъ здоровьемъ, въ іюнѣ прошлаго 1863 года началъ замѣчать отекъ ногъ, который отъ времени до времени изчезалъ, то снова являлся и какъ другихъ при этомъ никакихъ явленій не было, то больной нашъ не считалъ обязанностію серьезно обратить на себя вниманіе. Такимъ образомъ болѣзнь продолжалась до сентября, въ концѣ котораго больной началъ жаловаться на головную боль рѣдко общую, но чаще мѣстную, сопровождавшуюся рвотою, приносившею больному значительное облегченіе, на одышку и ослабленіе зрѣнія; при этомъ отекъ увеличился, занялъ нижнія конечности, genitalia и брюхо, количество мочи уменьшилось до 585 CCm. (24 ч.), лихорадочныхъ явленій не было — въ этомъ состояніи больной былъ принятъ въ клинику 3-го ноября 1863.

Diagnosis. Atrophia renum (morb. Brightii) et hypertrophia cum dilatatione ventriculi cordis sinistri. Описывать подробно исторію болѣзни я считаю лишнимъ; за ней я буду слѣдить со дня появленія уремическихъ явленій, здѣсь же замѣчу, что подъ вліяніемъ леченія, состоявшаго въ ежедневномъ употребленіи молока въ количествѣ 5 — 7 Schoppen [1]), и соотвѣтственнаго гигіеническаго содержанія, всѣ явленія болѣзни значительно уменьшились, водянка при увеличенномъ отдѣленіи мочи (2800—3000 CCm.) и пота достигла minimum; это лучше всего видно изъ уменьшенія вѣса тѣла, который при

[1]) 1 Schoppen = 423 CCm.

поступленіи больнаго въ клинику равнялся 134 1/2 фунт., теперь же уменьшился до 113 фунт. и 9 лотовъ, т. е. болѣе чѣмъ на 21 фунт. въ 16 дней. *21-го ноября* явилась рвота сначала пищевою смѣсью а потомъ слизистая, кислой реакціи, продолжавшаяся съ небольшими интервалами въ теченіи 2 1/4 часовъ, затѣмъ обнаружилась головная боль въ темяни, быстро перешедшая въ коматозное состояніе; больной, будучи спрошенъ, отвѣчаетъ неохотно, протяжно и снова впадаетъ въ прежнее состояніе, глаза закрыты, зрачки расширены, dyspnoea, пульсъ 72 неправильный, дыханій 15, кожа холодная, температура тѣла 38,4 С., моча значительно уменьшена [1]). Назначена венесекція въ ℥viii и десять пьявицъ за уши. Къ вечеру коматозное состояніе меньше, пульсъ 70, дыханій 15, stertor, температура тѣла 38,9 С. назначено Infus. senn, composit. (alternis horis cochlear cibar.) et frigida capitis epithemata. *22-го ноября* сопорозное состояніе и dyspnoea, въ той же степени, больной лежитъ неподвижно, рвоты нѣтъ, пульсъ 96 малый, дыханій 18, испражненіе одно средней консистенціи, температура 38,6 С; изслѣдованіе выдыхаемаго воздуха на амміакъ растворомъ hämatoxylin'a имѣло отрицательный результатъ — назначено Flor. Benzöes gr. unum pro dosi чрезъ два часа. *23-го числа* ночь прошла покойно, сопорозное состояніе уменьшилось, больной на предложенные вопросы не медля даетъ отвѣты, жалуясь на давящую боль in fronte и темноту въ глазахъ (amauros.), препятствующую больному ясно различать предметы, глаза большею частію закрыты, зрачки расширены, dyspnoea меньше, пульсъ 88, дыханій 18, температура тѣла 38,2, испражненія кишечнаго канала непроизвольны — леченіе то же. *24-го числа* больной лежитъ неподвижно въ сильномъ сопорозномъ состояніи, изъ котораго съ трудомъ больной пробуждается и снова затѣмъ впадаетъ въ глубокій сопоръ при полномъ сознаніи, сильная dyspnoea, удары сердца неправильны, пульсъ 92 неправильный, слабый и перемежающійся, дыханій 19, температура 39,1 С., diarrhoea — леченіе то же; вечеромъ перемѣнъ въ состояніи здоровья не замѣчено, пульсъ 104 слабый, дыханій 30, сильный stertor; амміака въ выдыхаемомъ воздухѣ нѣтъ. *25-го числа* глубокій сопоръ, сознаніе потеряно, больной постоянно бормочетъ, на предложенные вопросы не отвѣчаетъ, дѣятельность сердца и грудныхъ мускуловъ слабы, неправильны, пульсъ 122, дыханій 34,

---

[1]) До появленія уремическихъ явленій среднее количество мочевины въ мочѣ равнялось 18,6 gram. въ сутки.

сильный stertor, языкъ сухой покрытый темнымъ обложеніемъ, испражненія какъ и прежде непроизвольны, моча вовсе не отдѣляется, температура тѣла 39,3 С., въ 5 часовъ по полудни смерть безъ конвульсивныхъ движеній. Трупосѣченіе вполнѣ оправдало діагнозъ, при чемъ, кромѣ атрофіи почекъ, найдена oedema pulmonum въ заднихъ и нижнихъ ихъ частяхъ; въ мозгу и его оболочкахъ ничего ненормальнаго неоткрыто.

b) *Исторія болѣзни.* К. В. 43 лѣтъ отъ роду, кромѣ болѣзней перенесенныхъ имъ въ дѣтствѣ (tussis convulsiva et scarlatina), былъ постоянно прежде всегда здоровъ; три недѣли тому назадъ, появилась эдема лица и ногъ, потеря апетита, отвращеніе отъ всякаго рода занятій, равнодушіе ко всему окружающему и поносъ, заставившій больнаго обратиться въ клинику, куда и былъ принятъ 29-го апрѣля 1863 года. Эдематозное состояніе лица и конечностей, анемія, тупыя боли, обнаруживавшіяся при давленіи на поясницу а особенно качественное и количественное измѣненіе мочи, содержавшей въ себѣ 4,3% бѣлка, множество эпителіальныхъ трубочекъ, прозрачныхъ мочевыхъ цилиндровъ и шариковъ крови составляли данныя, по которымъ нетрудно было узнать morbus Brightii; подробное изслѣдованіе больнаго, исключая катарра кишекъ и бронхъ, въ другихъ органахъ ничего ненормальнаго не открыло; общее состояніе здоровья удовлетворительно, лихорадки нѣтъ, пульсъ 76, дыханій 17, температура 37,5, вѣсъ тѣла 138 фунтовъ и 7 лотовъ.

Здѣсь, равно какъ и въ предъидущемъ случаѣ, при употребленіи молока 4—6 Schoppen[1]) и желѣза (Ferr. carbon. saccharat.) увеличилось отдѣленіе мочи а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшилась водянка, равно какъ и вѣсъ тѣла до 124½ фунтовъ, катарръ бронхъ совершенно прошелъ, испражненія сдѣлались консистентны, хотя по временамъ появлялся еще слизистый поносъ, много мѣшавшій правильному употребленію молока. *30-го мая* ночью, безъ всякихъ предварительныхъ симптомовъ, обнаружились общія конвульсіи эпилептиче-

[1]) Леченіе брайтовой болѣзни исключительно молокомъ по методу проф. Niemeyer'а заслуживаетъ особеннаго вниманія; изъ множества случаевъ этой болѣзни я весьма рѣдко встрѣчалъ такихъ, гдѣ бы молоко не принесло облегченія, напротивъ всегда при употребленіи его проходила водянка, изчезалъ бѣлокъ въ мочѣ и больные выходили изъ клиники безъ признаковъ ужасной болѣзни; проф. Niemeyer собралъ много наблюденій по этому предмету, изъ которыхъ часть напечатаны уже докторомъ Schmid'омъ подъ заглавіемъ Die Anwendung einer ausschliesslichen Milchdiät bei Bright'schem Hydrops. Tübingen, 1864.

скаго свойства, перешедшія въ сопорозное состояніе, достигшее въ теченіе двухъ послѣднихъ дней до высшей степени и прерывавшееся отъ времени до времени конвульсивными движеніями всего тѣла, продолжавшимися отъ 2—3 минутъ, при чемъ дыханіе стерторозное, изо рта вытекаетъ слюна, смѣшанная съ кровью, моча испражняется катетромъ въ маломъ количествѣ, сознаніе потеряно, зрачки расширены, strabismus, глаза постоянно закрыты, дыханіе и біеніе сердца неправильны, пульсъ 132, температура 39,8 С., испражненія непроизвольны, жидки, амміака въ выдыхаемомъ воздухѣ не найдено—всѣ явленія продолжались въ одинаковой степени до смерти, наступившей 2-го іюня съ конвульсіями и сильнымъ стерторознымъ дыханіемъ. Леченіе въ послѣдніе два дня состояло въ венесекціи ℥jv, приставленіи 6 пьявицъ за уши, внутрь же Flor. Benzöes omni bihor gr. tria pro dosi. При вскрытіи найдено брайтово перерожденіе почекъ, въ кишкахъ же измѣненія, которыя проф. Treitz [1]) называетъ folliculäre Verschwarung und Macerations - Dysenterie; черепной мозгъ и его оболочки нормальны.

Что касается исторіи третьяго больнаго, то болѣзнь (morb. Brightii), не бучи сопровождаема никакими особенными явленіями, не заслуживаетъ быть здѣсь описанною; гидремія въ настоящемъ случаѣ препятствовала сдѣлать венесекцію; я долженъ былъ довольствоваться кровью извлеченною банками, приставленными безъ особеннаго показанія на спину лишь съ цѣлью доставить мнѣ матеріалъ для анализа.

Анализъ крови 1-го больнаго:

Колич. крови = 62,179 grm., найдено $C_2H_4N_2O_2NO5HO$ = 0,008 grm.
» 27,431 » » NH_3 = 0,0024 grm.
на 1000 ч. крови » экстракт. веществъ = 15,741.

Анализъ крови 2-го больнаго:

Колич. крови = 48,913 grm., найдено $C_2H_4N_2O_2NO5HO$ = 0,007 grm.
» 36,572 » » NH_3 = 0,0022 grm.
на 1000 ч. крови » экстракт. веществъ = 16,882.

Анализъ крови 3-го больнаго:

Колич. крови = 44,591 grm. найдено $C_2H_4N_2O_2NO5HO$ = 0,005 grm.

Что касается химическаго изслѣдованія мочи первыхъ двухъ больныхъ, то, не желая приводитъ здѣсь анализовъ моихъ вполнѣ,

[1]) Ueber urämische Darmaffectionen; Prag. Vierteljahrsschr. Bd. 4. 1859 pag. 143.

замѣчу, что въ теченіе уремическаго періода я находилъ съ одной стороны, незначительное уменьшеніе мочевины—сравнительно съ количествомъ ея до уреміи—и ClNa, съ другой же, увеличеніе въ ней креатина; послѣдняго я находилъ среднимъ числомъ до 0,51 grm. въ сутки, реакція мочи всегда была кислая хотя въ различной степени, свойства эти достигали maximum въ обоихъ случаяхъ во время употребленія больными бензойной кислоты. Послѣднее обстоятельство въ этомъ случаѣ, какъ увѣряетъ проф. Гоппе, есть самое обыкновенное явленіе при внутреннемъ употребленіи сказаннаго вещества, которое слѣдовательно можетъ служить важнымъ пособіемъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно бываетъ нейтрализовать мочу, какъ напр. при щелочномъ ея броженіи въ пузырѣ и другихъ случаяхъ.

Итакъ изъ представленныхъ здѣсь анализовъ крови больныхъ уреміею и брайтовою болѣзнею нетрудно замѣтить, что приращеніе въ крови мочевины NH_3 и экстрактивныхъ веществъ незначительно.

IV. Перейдемъ наконецъ къ изложенію результатовъ четвертаго вопроса, важныхъ въ томъ отношеніи, что они позволяютъ мнѣ принять почки за органъ выработывающій мочевину. Изслѣдованія наши нормальной крови и особенно животныхъ, у которыхъ сдѣлана была нефротомія, показали, что мочевина въ ней дѣйствительно существуетъ, хотя далеко не въ тѣхъ огромныхъ количествахъ, въ какихъ находили ее нѣкоторые авторы, особенно Prévost и Dumas [1]); изслѣдованія этихъ послѣднихъ я считаю положительно ложными какъ на основаніи собственныхъ изслѣдованій, такъ равно и другихъ, неподтвердившихъ ни въ одномъ случаѣ ихъ анализовъ. Что почки приготовляютъ мочевину, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, сравнивъ находимыя нами количества ея съ тѣми, которыя показаны при перевязкѣ мочеточниковъ.

Для рѣшенія нашего вопроса я сдѣлалъ десять экспериментовъ надъ собаками такимъ образомъ, что у пяти изъ нихъ сдѣлана была нефротомія, а у остальныхъ перевязка мочеточниковъ. По три животныхъ изъ каждаго отдѣла были убиты съ химическою цѣлью, какъ скоро только я замѣчалъ, что угрожаетъ близкая смерть; остальныя же четыре собаки я оставилъ умереть произвольно, чтобы имѣть случай наблюдать явленія слѣдующія за той и другой опе-

[1]) Ann. de Chimie et de Physique T. XXIII. pag. 90. Examen du sang etc.

раціей. Что касается первыхъ шести животныхъ, то всѣ они были умерщвлены кровотеченіемъ, которое я производилъ разрѣзомъ шейныхъ сосудовъ, собирая кровь въ два различные аппарата, изъ которыхъ одинъ, содержавшій извѣстное количество абсолютнаго алкоголя, назначенъ былъ для той порціи ея, въ которой я опредѣлялъ количество NH_3; другой же для крови, изъ которой впослѣдствіи извлекалась мочевина. Получивъ такимъ образомъ возможно большее количество крови, я не медля приступалъ къ секціи, при чемъ всякій разъ не только изслѣдовалъ подробно всѣ ткани паренхимы, но и опредѣлялъ реакцію крови, содержимаго желудка, кишекъ, желчи, эксудатовъ и экстравазатовъ; каждый изъ поименованныхъ продуктовъ я бралъ въ достаточномъ количествѣ, обработывалъ тройнымъ объемомъ алкоголя (80%) и за тѣмъ подвергалъ дальнѣйшимъ операціямъ на мочевину. Методъ полученія мочевины, которому я слѣдовалъ при всѣхъ моихъ анализахъ, слѣдующій: всѣ продукты, въ которыхъ я искалъ мочевины, были сначала обработаны 80% алкоголемъ; полученный фильтратъ выпаренъ и извлеченъ абсолютнымъ алкоголемъ съ прибавленіемъ къ послѣднему небольшаго количества эѳира, второй фильтратъ тоже будучи выпаренъ былъ обработанъ концентрированною NO_5 для полученія азотнокислой мочевины, которую, очистивъ отъ веществъ постороннихъ, я растворялъ въ водѣ и оставлялъ кристаллизоваться подъ колоколомъ воздушнаго насоса — вотъ результаты:

(См. таблицу на слѣдующей страницѣ).

ЭКСПЕРИМЕНТЫ.		КОЛ. КРОВИ	НАЙДЕНО NH_3
нефротомія	1	57,316 grm.	0,0045 grm.
	2	49,953 »	0,0027 »
	3	63,025 »	0,0047 »
перевязка мочеточниковъ.	1	50,218 »	0,0028 »
	2	55,835 »	0,0036 »
	3	38,447 »	0,0033 »

Считаю не лишнимъ замѣтить, что при трупосѣченіи животныхъ, умершихъ отъ перевязки мочеточниковъ, я находилъ чрезвычайно интересныя явленія въ лимфатическихъ сосудахъ и особенно грудномъ протокѣ, сходныя съ тѣми, которыя показаны мною у птицъ; грудной протокъ я всегда находилъ сильно растянутымъ седержавшеюся въ немъ лимфою, окрашенною ненормальнымъ цвѣтомъ,

Вещества.	Нефротомія.			Перевязка мочеточника.			Найдено $C_2H_4N_2O_2NO5HO$.					
	Количество матеріала.											
	1.	2.	3.	1.	2.	3.	1.	2.	3.	1.	2.	3.
	grm.	grm.	grm.	grm.	grm.	grm.	grm.	grm.	grm.	grm.	grm.	grm.
Крови	79,016	58,402	96,439	81,172	52,754	74,547	0,004	0,002	0,006	0,036	0,042	0,034
Мускуловъ . . .	250	250	250	350	250	250	0,003	0,007	0,005	0,128	0,109	0,132
Содерж. желудка .	5,228	3,864	9,103	4,632	7,596	5,063	—	С	л	ѣ	д	ы.
» кишекъ .	22.265	53,852	20,172	27,317	16,931	38,242	0,011	0,043	0,016	0,018	0,007	0,021
Желчь	Въ	ней	ни разу	не от	крыто	ни ма	лѣй	шихъ	слѣ	довъ	моче	вины.
Лимфа	1,265	—	0.581	—	—	2,169	0,002	—	не найд.	—	—	0,008
Мозгъ	—	—	36,253	—	43,618	—	—	—	0,005	—	0,003	—
Эксудатъ	не	было	его.	378CCm	214CCm	546CCm	—	—	—	1,326	1,114	2,658
Трансудатъ . . .	не	бы	ло.	—	47,880	—	—	—	—	0,009	—	—

то же самое я встрѣчалъ и въ лимф. железахъ. Что касается различія въ симптомахъ, слѣдующихъ за нефротоміею и перевязкою мочеточниковъ, то я долженъ сознаться, что явленія эти весьма непостоянны и нѣкоторыя ихъ нихъ зависятъ отъ причинъ неимѣющихъ ничего общаго съ накопленіемъ въ организмѣ веществъ, назначеныхъ къ изверженію; вообще я долженъ сказать, что въ симптоматологіи животныхъ, по крайней мѣрѣ относительно нефротоміи и перевязки мочеточниковъ, существуетъ такая же неурядица, какъ и въ явленіяхъ уреміи у человѣка. Причины этому очевидны; эксперименты подобнаго рода дѣлаются часто спеціалистами въ физіологіи, но въ то же время невинными въ патологіи и патологической анатоміи, а отсюда происходитъ то, что они часто принимаютъ за существенныя явленія такія, которыя суть только слѣдствія раненія. Изъ сдѣлананыхъ вышеупомянутыхъ четырехъ экспериментовъ надъ собаками, не смотря на непостоянство явленій, я успѣлъ замѣтить нѣкоторое различіе въ симптомахъ, но зная, что для основательнаго рѣшенія этого вопроса требуется значительное число опытовъ, я отлагаю приговоръ свой до слѣдующаго отчета, въ которомъ новыми для сего экспериментами постараюсь пополнить этотъ пробѣлъ.

Изъ приложенныхъ къ настоящему вопросу двухъ таблицъ видно, что:

1) Количество амміака въ крови какъ при нефротоміи, такъ равно и перевязкѣ мочеточниковъ остается почти одинаковымъ.

2) Мочевина при перевязкѣ мочеточниковъ во всѣхъ продуктахъ организма накопляется почти въ четыре раза, тогда какъ при нефротоміи количество ея едва выше нормальнаго.

3) Желчь при всѣхъ условіяхъ не содержитъ въ себѣ мочевины.

4) Препятствіями къ отдѣленію мочи увеличивается въ крови количество экстрактивныхъ веществъ, въ мускулахъ же—креатина.

V. Результаты послѣдняго вопроса буду имѣть честь представить въ слѣдующемъ отчетѣ.

Въ послѣднее время, кромѣ того, я по порученію проф. Hoppe занимался опредѣленіемъ мочевыхъ пигментовъ in cirrhosi hepatis, съ цѣлію опредѣлить свойства ихъ и показать діагностическое значеніе въ болѣзни, гдѣ, какъ извѣстно, физикальный діагнозъ часто не въ состояніи бываетъ доставить врачу вѣрныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно бы было утвердительно сказать, что въ данномъ слу-

чаѣ мы имѣемъ болѣзнь печени или другихъ органовъ, напр. брюшины. Нѣсколько случаевъ cirrhos. hepatis, видѣнныхъ мною въ клиникѣ проф. Niemeyer'a, заставили меня обратить вниманіе на цвѣтъ мочи, который, какъ увѣряетъ Niemeyer, до такой степени характеренъ, что по нему одному, при отсутствіи другихъ признаковъ, можно составить безошибочно идею болѣни. Лучшимъ доказательствомъ сказаннаго можетъ служить примѣръ взятый изъ той же клиники, гдѣ у двухъ больныхъ съ одинаковыми болѣзненными явленіями и сильно развитою ascites, непозволявшею по причинѣ напряженности брюшныхъ покрововъ изслѣдовать органы сей полости, была сдѣлана діагностика болѣзни у того и другаго больнаго совершенно различная, и вполнѣ подтвердившаяся вскрытіемъ, лишь на присутствіи въ мочѣ пигмента доселѣ неизвѣстнаго по свойствамъ и происхожденію. Происхожденіе и значеніе пигментовъ въ мочѣ для насъ пока еще остается темнымъ; извѣстно только, что образованіе ихъ тѣсно связано съ дѣятельностію печени, въ болѣзняхъ которой моча часто пріобрѣтаетъ ненормальное окрашиваніе, дѣлается темною, даже черною; это вліяніе болѣзней печени замѣчено уже давно врачами особенно американскими, показавшими, что нѣкоторыя болѣзни печени всегда влекутъ за собою появленіе въ мочѣ какого-то ненормальнаго красящаго начала, сообщающаго ей темнокрасный, кофейный и даже черноватый цвѣтъ; кромѣ того присутствіе въ мочѣ пигмента служитъ вѣрнымъ доказательствомъ отложенія его въ различные органы, гдѣ о значеніи его мы еще меньше знаемъ. Что появленіе пигмента въ мочѣ есть доказательство отложенія его въ органахъ, въ этомъ я имѣлъ случай убѣдиться вскрытіемъ вышеупомянутаго больнаго, при чемъ найдены огромныя скопища пигмента въ селезенкѣ и особенно въ легкихъ. Golding Bird [1]) справедливо замѣчаетъ, что присутствіе пигмента въ мочѣ можетъ служить важнымъ діагностическимъ моментомъ для распознаванія водянокъ (ascites), зависящихъ отъ страданія печени и брюшины, потому что, какимъ бы болѣзненнымъ процессомъ ни была поражена брюшина, всегда въ этомъ случаѣ моча сохраняетъ нормальный цвѣтъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ лихорадки, потому что эта послѣдняя часто можетъ сообщать ей окрашиваніе болѣе или менѣе темное, но зависящее не отъ пигмента, а лишь отъ степени насыщенности мочи. Опредѣлить этотъ пигментъ доселѣ не удава-

---

[1]) On urinary deposits: their Diagnosis etc. Fifth Edit.

лось никому; причина его зависитъ вѣроятно отъ трудности его выдѣленія; изслѣдованія dr. Payne[1]) поверхностны; онъ показалъ, что красящее вещество мочи in cirrhosi hepatis отъ дѣйствія NO_5 принимало различные оттѣнки и затѣмъ становилось яхонтоваго цвѣта.

Мои изслѣдованія надъ этой мочей показали, что измѣненія въ ней двоякаго рода; одни изъ нихъ состоятъ въ измѣненіи количества нормальныхъ составныхъ частей ея, другія же въ присутствіи ненормальнаго пигмента, придающаго мочѣ кофейный цвѣтъ, о свойствѣ и происхожденіи котораго въ настоящее время ничего не могу сказать опредѣленнаго, потому что анализъ мой еще не оконченъ и приведенъ лишь въ то состояніе, что я успѣлъ получить пигментъ въ чистомъ видѣ. Къ измѣненіямъ перваго рода должно отнести уменьшеніе воды[2]), ClNa и увеличеніе количества мочевой кислоты, осѣдающей не медля по охлажденіи на стѣнки сосуда въ видѣ толстой коры. Причину этихъ измѣненій за исключеніемъ увеличенія мочевой кислоты (почти на 1%) понять нетрудно. Въ самомъ дѣлѣ, уменьшеніе здѣсь воды зависитъ отъ ненормальнаго кровообращенія въ печени и прижатія сосудовъ; это фактъ извѣстный и до того постоянный, что увеличенное количество мочи или же даже нормальное могутъ служить опроверженіемъ скирра печени. Подобнаго вліянія мы не встрѣчаемъ въ другихъ болѣзняхъ печени, какъ напр. жировомъ и амилоидномъ ея перерожденіяхъ, потому что кровообращеніе здѣсь почти бываетъ не нарушено и хотя въ амилоидномъ перерожденіи сосуды бываютъ измѣнены, однако калибръ ихъ остается нормальнымъ. То же самое должно сказать относительно рака печени (cancer hepatis), гдѣ количество мочи остается нормальнымъ а въ послѣднихъ стадіяхъ болѣзни нерѣдко даже увеличеннымъ; послѣднее обстоятельство весьма важно для дифференціальной діагностики, потому что при ракѣ печени моча всегда содержитъ въ себѣ такой же пигментъ какъ и при скиррѣ (говорю на основаніи цвѣта мочи), но количество мочи въ первомъ случаѣ нормально или увеличено, въ послѣднемъ же всегда значительно уменьшено. Что касается причины уменьшенія ClNa въ мочѣ in cirrhosi hepatis, то обстоятельство это находится въ связи съ водянкою (ascites), потому что, какъ извѣстно, эксудаты богаты ClNa и чѣмъ они богаче, тѣмъ бѣднѣе имъ моча.

---

[1]) Annales of Medical Science 1858.

[2]) Суточное количество равнялось 497 — 525 Cm.

Этимъ я оканчиваю мой отчетъ, при чемъ замѣчу, что онъ заключаетъ въ себѣ лишь весьма краткій перечень добытыхъ мною результатовъ о происхожденіи мочевины и мочевой кислоты въ организмѣ животныхъ. Стараясь сохранить время, я не могъ входить въ изложеніе тѣхъ подробностей, безъ которыхъ быть можетъ многое покажется поверхностнымъ а иногда темнымъ, но во всякомъ случаѣ я долженъ сказать, что вина лежитъ во мнѣ, а не въ предметѣ, о которомъ я имѣлъ честь сообщить краткія свѣдѣнія; смѣю надѣяться, что пробѣлы, оставленные мною въ настоящемъ отчетѣ, вполнѣ загладитъ мое сочиненіе, которое по обстоятельствамъ, отъ меня независящимъ, не можетъ быть напечатано ранѣе октября мѣсяца.

Наконецъ, въ заключеніе моего отчета считаю долгомъ выразить глубочайшую благодарность Николаю Ивановичу Пирогову за назначеніе мнѣ Тюбингена мѣстомъ занятій по медицинской химіи, которая, положительно можно сказать, ни въ одномъ изъ Германскихъ университетовъ не находится въ такихъ счастливыхъ условіяхъ, какъ здѣсь, имѣя представителемъ своимъ проф. Гоппе, въ которомъ знанія химіи соединены съ глубокими знаніями патологіи и патологической анатоміи. Трудно встрѣтить другаго ученаго съ такими многосторонними свѣдѣніями и столь доступнаго, какъ проф. Гоппе, который всегда готовъ помогать и словомъ и дѣломъ всякому, ищущему помощи въ его богатыхъ знаніяхъ; въ настощее время онъ по справедливости считается лучшимъ физіологическимъ химикомъ Германіи. Это обстоятельство можетъ объяснить годичное мое пребываніе въ такомъ небольшомъ университетѣ какъ Тюбингенскій, который я по приведеніи къ концу моихъ работъ долженъ буду оставить съ большою неохотою, переселясь въ другой университетъ, гдѣ я конечно найду химика, но едва ли въ то же время спеціалиста по другимъ наукамъ, безъ которыхъ медицинская химія то же, что тѣло безъ души. Что касается домашнихъ моихъ занятій, то, имѣя въ виду, что я не только долженъ поставить свои знанія въ уровень съ современнымъ состояніемъ науки — которая до-сихъ-поръ не имѣетъ сочиненій, которыя обнимали бы всю науку, исключая двухъ трехъ компиляцій безъ всякой критики—но и приготовить себя къ преподаванію ея, я долженъ былъ прослѣдить исторически развитіе главныхъ вопросовъ моего предмета, слѣдя въ то же время за медициною, особенно общей и частной паталогіей, чтобы имѣть возможность постоянно преслѣдовать тѣ темные во-

просы практической медицины, которые могутъ быть рѣшены помощію химіи. Медицинская химія безъ знаній медицины существовать не можетъ; она должна помогать развитію сей послѣдней, развиваясь въ свою очередь съ совершенствованіемъ чистой химіи и особеннно органической, въ которой, какъ справедливо замѣтилъ Hyrtl, «liegt die Zukunft der Medicin.»

Тюбингенъ, 4-го іюля 1864 года.

74) Магистра А. Коркина.

(О занятіяхъ за границею отъ 1-го апрѣля по 1-е іюля 1864 года).

Въ одномъ изъ предъидущихъ отчетовъ (за мѣсяцы сентябрь, октябрь и ноябрь 1863 года) я писалъ о нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ, сдѣланныхъ мною относительно свойствъ интеграловъ дифференціальныхъ уравненій. Продолжая ихъ, я дошелъ до результатовъ, которые изложу въ настоящемъ отчетѣ. Для избѣжанія недоразумѣній, я привожу тѣ опредѣленія, которыя необходимы для того, чтобы дать этимъ результатамъ надлежащій смыслъ.

Интеграломъ системы совокупныхъ уравненій

$$(1)\qquad \frac{dq_1}{dt}=A_1,\ \frac{dq_2}{dt}=A_2,\ldots\frac{dq_n}{dt}=A_n$$

гдѣ q_1, $q_2,\ldots q_n$, t суть перемѣнныя, связанныя этими уравненіями, и A_1, $A_2,\ldots A_n$ ихъ функціи, мы назовемъ всякую функцію v, дифференціалъ которой

$$(2)\qquad \frac{dv}{dt}dt+\frac{dv}{dq_1}dq_1+\frac{dv}{dq_2}dq_2+\ldots+\frac{dv}{dq_n}dq_n$$

обращается тождественно въ нуль, по замѣщеніи количествъ dq_1, $dq_2,\ldots dq_n$, соотвѣтственно, количествами A_1dt, $A_2dt,\ldots A_ndt$. Такая функція v, какъ непосредственно слѣдуетъ изъ опредѣленія, удовлетворитъ тождественно уравненію съ частными производными

$$(3)\qquad \frac{dv}{dt}+A_1\frac{dv}{dq_1}+A_2\frac{dv}{dq_2}+\ldots+A_n\frac{dv}{dq_n}=0.$$

Всякую функцію V отъ t, q_1, $q_2,\ldots q_n$, тождественно удовлетворяющую уравненію (3) мы назовемъ интеграломъ этого уравненія. Поэтому интегралы системы (1) и уравненія (3) одинаковы, то есть, всякій интегралъ системы (1) будетъ интеграломъ уравненія (3) и на оборотъ. Эти опредѣленія, которыя дѣлаетъ и Якоби, позволяютъ

отнести всѣ результаты, имѣющіе мѣсто для интеграловъ системы (1), къ интеграламъ уравненія (3). При изложеніи результатовъ, мною найденныхъ, я буду ихъ относить постоянно къ системамъ совокупныхъ уравненій.

Обыкновенное дифференціальное уравненіе

$$(4)\qquad \frac{d^n y}{dx^n} = f\left(x,\ y,\ \frac{dy}{dx},\ \frac{d^2y}{dx^2},\ \cdots \frac{d^{n-1}y}{dx^{n-1}}\right)$$

будучи написано, сообразно съ знакоположеніемъ Лагранжа, въ видѣ

$$y^{(n)} f(x,\ y,\ y',\ y'', \ldots y^{(n-1)}),$$

можетъ быть непосредственно приведено къ слѣдующей системѣ совокупныхъ уравненій:

$$(5)\ \frac{dy}{dx} = y',\ \frac{dy'}{dx} = y'',\ \frac{dy''}{dx} = y''', \ldots \frac{dy^{(n-2)}}{dx} = y^{(n-1)},\ \frac{dy^{(n-1)}}{dx} = f(x, y', y'', \ldots y^{(n-1)}),$$

которой соотвѣтствуетъ уравненіе съ частными производными

$$(6)\qquad \frac{dv}{dx} + y'\frac{dv}{dy} + y''\frac{dv}{dy'} + \cdots + y^{(n-1)}\frac{dv}{dy^{(n-2)}} +$$
$$f(x, y, y', y'', \ldots y^{(n-1)})\frac{dv}{dy^{(n-1)}} = 0.$$

Всякая функція $v = F(x, y, y', y'', \ldots y^{(n-1)})$, удовлетворяющая тождественно уравненію (6), даетъ одинъ изъ *первыхъ интеграловъ* уравненія (4), а именно:

$$(7)\qquad F\left(x, y, \frac{dy}{dx}, \frac{d^2y}{dx^2}, \cdots \frac{d^{n-1}y}{dx^{n-1}}\right) = \text{Постоян.}$$

Поэтому все, что можно сказать объ интегралахъ уравненія (6) или, что одно и то же, системы (5), можетъ быть непосредственно отнесено къ первымъ интеграламъ уравненія (4).

Я обращаю здѣсь вниманіе на эти опредѣленія особенно потому, что подъ именемъ интеграла системы совокупныхъ уравненій, или же обыкновеннаго уравненія, разумѣютъ часто не тѣ функціи, которыя мы опредѣлили. Напримѣръ, иногда называютъ интеграломъ системы (1) выраженіе какого либо изъ перемѣнныхъ $q_1\, q_2 \ldots q_n$ въ функціи отъ t и постоянныхъ произвольныхъ. Интеграломъ обыкновеннаго уравненія часто называютъ частныя рѣшенія, происходящія изъ общаго интеграла, когда постояннымъ произвольнымъ приписываются опредѣленныя значенія.

Въ упомянутомъ отчетѣ я писалъ, что розысканіе формулъ, производящихъ новые интегралы для данной системы (1) посредствомъ однихъ дифференцированій и алгебраическихъ исключеній, изъ одного или болѣе извѣстныхъ интеграловъ, приводится къ полному интегрированію системы (1) въ общемъ случаѣ. Тѣмъ не менѣе существуютъ обширные классы совокупныхъ уравненій, гдѣ можно открыть непосредственно нѣкоторыя изъ этихъ формулъ. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ классовъ представляютъ каноническія системы, гдѣ по даннымъ двумъ интеграламъ φ и ψ получается вообще третій по формулѣ $(\varphi_1 \psi)$.

Разсматривая различныя формы системъ совокупныхъ уравненій, я нашелъ одинъ обширный классъ уравненій, гдѣ достаточно вообще знать одинъ интегралъ для того, чтобы получить другой дифференцированіями. Онъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что всякая система посредствомъ одного изъ своихъ интеграловъ можетъ быть преобразована въ другую, относящуюся къ упомянутому классу, при чемъ число перемѣнныхъ въ данной и преобразованной системахъ остается одно и то же. Если бы данную систему нужно было преобразовать въ каноническую, то потребовалось бы увеличить вдвое число перемѣнныхъ. Система (1) будетъ принадлежать къ классу, о коемъ идетъ рѣчь, если коэффиціенты $A_1, A_2, \ldots A_n$, оставаясь какими либо функціями отъ $t, q_{m+1}, q_{m+2}, \ldots q_n$, будетъ удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: первые m коэффиціентовъ $A_1, A_2, \ldots A_m$ должны быть однородными функціями отъ $q_1\, q_2 \ldots q_m$ степени первой, остальные же $A_{m+1}, A_{m+2}, \ldots A_n$ степени нулевой относительно $q_1\, q_2 \ldots q_m$.

Въ такой системѣ для какого угодно интеграла φ формула

$$q_1 \frac{d\varphi}{dq_1} + q_2 \frac{d\varphi}{dq_2} + \ldots + q_m \frac{d\varphi}{dq_m} \tag{8}$$

будетъ также интеграломъ. Это обстоятельство имѣетъ мѣсто только для такихъ системъ, которыя удовлетворяютъ сейчасъ сдѣланнымъ условіямъ. Интегралъ, полученный по формулѣ (8), будетъ всегда новый, т. е., не функція отъ φ, если φ не можетъ быть представлено въ видѣ

$$\varphi = \Pi\left(q_n\, \Phi\left(\frac{q_1}{q_n}, \frac{q_2}{q_n}, \ldots \frac{q^{n-1}}{q_n}, t\right)\right). \tag{9}$$

Напротивъ, формула (8) не даетъ новаго интеграла, если φ будетъ вида (9).

Эта теорема прилагается непосредственно къ системамъ линейныхъ совокупныхъ уравненій, которыя принадлежатъ къ упомянутому классу. Въ приведенномъ мною выше отчетѣ, я указалъ уже на свойство формулы (8) производить интегралы системъ вида

$$(10)\qquad \frac{dq_1}{dt} = a_{11}\,q_1 + a_{21}\,q_2 + a_{31}\,q_3 + \ldots + a_{m_1}\,q_m, \ldots$$
$$\frac{dq_m}{dt} = a_{1m}\,q_1 + a_{2m}\,q_2 + \ldots + a_{mm}\,q_m$$

Но существуетъ еще другое средство получать интегралы системы (10) или системы болѣе общей, которая отличается отъ системы (10) тѣмъ, что къ выраженіямъ

$$a_{1i}\,q_1 + a_{2i}\,q_2 + \ldots + a_{mi}\,q_m$$

количествъ $\frac{dq_i}{dt}$ прибавляются произвольныя функціи t. Коэффиціенты a_{ik} суть также какія угодно функціи отъ t.

Преобразуемъ интегралъ $\varpi\,(t, q_1, q_2, \ldots q_n)$ системы (10) въ функцію отъ $t, p_1, p_2, \ldots p_n$ на основаніи уравненій

$$(11)\qquad \frac{d\varphi}{dq_1} + p_1, \frac{d\varphi}{dq_2} = p_2, \ldots \frac{d\varphi}{dq_n} = p_n,$$

гдѣ φ есть какой либо интегралъ системы (10). Пусть будетъ $\varpi\,(t, p_1, p_2, \ldots p_n)$ выраженіе интеграла ϖ въ $t, p_1, p_2, \ldots p_n$. Тогда формула

$$(12)\qquad \varpi_1\left(t, \frac{d\psi}{dq_1}, \frac{d\psi}{dq_2}, \ldots \frac{d\psi}{dq_n}\right)$$

даетъ интегралъ системы (10), каковъ бы ни былъ интегралъ ψ этой же системы.

Въ частномъ случаѣ можно сдѣлать $\varphi = \varpi$, и если указанное преобразованіе возможно, то изъ одного интеграла ϖ получимъ формулу (12), производящую новые интегралы.

Относительно системъ каноническихъ вида

$$(13)\qquad \frac{dx_1}{\frac{dH}{dy_1}} = \frac{dx_2}{\frac{dH}{dy_2}} = \ldots = \frac{dx_n}{\frac{dH}{dy_n}} = \frac{-dy_1}{\frac{dH}{dx_1}} = \frac{-dy_2}{\frac{dH}{dx_2}} = \ldots = \frac{-dy_n}{\frac{dH}{dx_n}},$$

гдѣ H есть данная функція отъ $x_1, x_2, \ldots x_n, y_1, y_2, \ldots y_n$, я доказалъ слѣдующее предложеніе:

Если H будетъ однородная функція перемѣнныхъ $x_1\, x_2 \ldots x_n$ и какая угодно относительно $y_1\, y_2 \ldots y_n$, или однородная функція отъ

$y_1 y_2 \ldots y_n$ и какая угодно относительно $x_1 x_2 \ldots x_n$, или же наконецъ однородная функція какъ перемѣнныхъ $x_1 x_2 \ldots x_n$, такъ и перемѣнныхъ $y_1 y_2 \ldots y_n$; тогда, кромѣ формулы

$$(\varphi, \psi) = \frac{d\varphi}{dx_1}\frac{d\psi}{dy_1} - \frac{d\varphi}{dy_1}\frac{d\psi}{dx_1} + \ldots + \frac{d\varphi}{dx_n}\frac{d\psi}{dy_n} - \frac{d\varphi}{dy_n}\frac{d\psi}{dx_n},$$

Которую даетъ теорема Пуассона, система (13) обладаетъ формулою

$$(14) \qquad X_1 \frac{d\varphi}{dx_1} + X_2 \frac{d\varphi}{dx_2} + \ldots + X_n \frac{d\varphi}{dx_n}$$

въ первомъ случаѣ; формулою

$$(15) \qquad Y_1 \frac{d\varphi}{dy_1} + Y_2 \frac{d\varphi}{dy_2} + \ldots + Y_n \frac{d\varphi}{dy_n}$$

во второмъ, и обѣими формулами (14) и (15) въ третьемъ случаѣ.

Формулы (14) и (15) даютъ новые интегралы изъ одного извѣстнаго φ. Случай уравненій механики, въ которыхъ имѣетъ мѣсто начало живыхъ силъ, заключается въ сейчасъ изложенной теоремѣ. Слѣдовательно, въ задачахъ механики, гдѣ имѣетъ мѣсто упомянутое начало, новые интегралы получаются не только изъ теоремы Пуассона, но и по одной изъ формулъ (14) или (15).

Я доказываю также, что теорема Пуассона имѣетъ мѣсто только для системъ каноническихъ и ни для какихъ другихъ. Относительно общей системы (1), можно доказать, что *она всегда можетъ быть преобразована на основаніи одного изъ своихъ интеграловъ въ другую, съ такимъ же числомъ n перемѣнныхъ, полное интегрированіе которой ведетъ къ полному интегрированію системы* (1) *посредствомъ простыхъ алгебраическихъ исключеній и преобразованій. Въ преобразованной же системѣ вообще достаточно знать одинъ интегралъ для того, чтобы получить другой дифференцированіями.*

Само собою разумѣется, что то же самое примѣняется къ системѣ (5), интегралы коей даютъ первые интегралы уравненія (4). Такимъ образомъ мы можемъ сказать, что всякое уравненіе обыкновенное

$$\frac{d^n y}{dx^n} = f\left(x, y, \frac{dy}{dx}, \frac{d^2y}{dx^2}, \ldots \frac{d^{n-1}}{dx^{n-1}}\right)$$

можно преобразовать, при помощи одного перваго его интеграла, въ другое, такого же порядка n; общій интегралъ преобразованнаго уравненія даетъ общій интегралъ даннаго безъ новыхъ инте-

грацій, и вообще достаточно знать одинъ первый интегралъ преобразованнаго уравненія для полученія другихъ посредствомъ дифференцированій.

Въ настоящее время я готовлю къ печати статью, заключающую какъ эти результаты, такъ и нѣкоторые изъ тѣхъ, о коихъ я говорилъ въ приведенномъ выше отчетѣ.

Берлинъ, $^{13}/_{25}$ іюня 1864 года.

75) Кандидата С.-Петербургскаго университета М. Авенаріуса.

Въ настоящее время нахожусь я въ Гейдельбергѣ и думаю пробыть здѣсь до конца семестра.

Занятія мои въ здѣшнемъ университетѣ ограничиваются слушаніемъ лекцій профессора Кирхгоффа и постояннымъ участіемъ въ такъ называемыхъ physikalische Uebungen, руководимыхъ тѣмъ же профессоромъ.

Во время пребыванія моего за границею, мнѣ пришлось познакомиться со многими курсами экспериментальной физики — частью по изданнымъ нѣкоторыми физиками руководствамъ, частью по запискамъ, переданнымъ мнѣ знакомыми студентами, частью наконецъ потому, что прослушалъ по этому предмету много лекцій: въ Берлинѣ, Гейдельбергѣ, Парижѣ *). Однако до сихъ поръ не случилось встрѣтить экспериментальнаго курса, удовлетворявшаго на столько условіямъ педагогическимъ и научнымъ, какъ курсъ Кирхгоффа. Поспорить съ нимъ можетъ развѣ только Магнусъ. У обоихъ курсы и полны и расположены систематически, однако въ то же время существенно отличны. У Магнуса на механическій отдѣлъ не посвящается много времени, почему тѣ или другія механическія начала, необходимыя при какомъ нибудь другомъ отдѣлѣ, тутъ же, исключительно для этого случая, и разсматриваются. Вслѣдствіе того каждый отдѣлъ представляетъ что-то самостоятельное, замкнутое, въ предѣлахъ котораго уже весь матеріалъ расположенъ строго систематично. Но такъ какъ, въ настоящее время, всѣ роды физическихъ явленій приводятся къ движенію, т. е. къ перемѣщенію частицъ тѣлъ, въ которыхъ происходятъ эти явленія, то Кирхгоффъ почелъ нужнымъ познакомить своихъ слушателей, прежде всего, съ главными началами статики и динамики, почему

*) Въ Парижѣ мнѣ пришлось пробыть всего 1 мѣсяцъ.

и посвятилъ много времени на механическій отдѣлъ. Всѣ явленія физическія, какъ частные случаи движенія вообще, разсмотрѣннаго въ этомъ отдѣлѣ, составляли какъ бы части его, и весь курсъ физики, имѣя своею исходною точкою начала механики, могъ быть изложенъ также строго систематично во всемъ своемъ объемѣ, какъ Магнусу это удалось сдѣлать для частныхъ отдѣловъ.

И Магнусъ и Кирхгоффъ подтверждали всѣ, излагаемые ими, физическіе законы опытами. Но въ то время какъ Кирхгоффъ, для обнаруженія какого нибудь факта, производилъ одинъ опытъ, всегда конечно удачный, въ которомъ фактъ выступалъ чрезвычайно чисто, Магнусъ подтверждалъ тотъ же фактъ цѣлымъ рядомъ опытовъ, изъ которыхъ каждый, по причинѣ лучшихъ приборовъ (а можетъ быть и большей экспериментальной опытности), превосходилъ по яркости опытъ Кирхгоффа. Однако, производя опыты только необходимые, Кирхгоффъ выигрывалъ много времени; въ лекцію онъ успѣвалъ насказать болѣе Магнуса и курсъ его оказывался болѣе полнымъ.

Такъ какъ семестръ еще только на половинѣ, то я не рѣшаюсь болѣе обстоятельно выразиться о лекціяхъ Кирхгоффа: почему и о содержаніи его лекцій «распредѣленіе электричества въ проводникахъ и магнетизма въ мягкомъ желѣзѣ» теперь еще не скажу ничего; что же касается формы ихъ, то строгость приводимыхъ доказательствъ, изящность и удивительная ясность самаго изложенія уже охарактеризовали этотъ курсъ.

О физическихъ упражненіяхъ, состоящихъ въ рѣшеніи отдѣльныхъ физическихъ задачъ, независимыхъ другъ отъ друга и представляющихъ потому, каждая сама по себѣ, нѣчто цѣльное, я уже теперь могу сообщить нѣкоторыя подробности.

Каждый понедѣльникъ Кирхгоффъ предлагаетъ слушателямъ (которыхъ на этой лекціи человѣкъ 6) рѣшеніе какого нибудь спеціальнаго физическаго вопроса. Напомнивъ въ нѣсколькихъ словахъ его теорію, онъ подробно излагаетъ, сюда относящуюся, экспериментальную часть. Каждый изъ слушателей выбираетъ себѣ, еще передъ началомъ семестра, опредѣленный въ недѣлю день, въ который занимается экспериментальнымъ рѣшеніемъ предложеннаго вопроса въ физическомъ кабинетѣ Кирхгоффа. Сообщивъ студенту нѣкоторыя подробности относительно приборовъ, которые ему здѣсь передаются на руки, Кирхгоффъ самъ удаляется, но только въ

ближайшую комнату, такъ что, въ случаѣ надобности, всегда можно еще воспользоваться его совѣтомъ.

Такимъ образомъ добытые экспериментальные результаты подвергаются на дому вычисленіямъ, и уже вполнѣ рѣшенный вопросъ, съ описаніемъ самаго опыта и приведеніемъ всѣхъ полученныхъ экспериментальныхъ данныхъ, передается Кирхгоффу, который, сдѣлавъ тѣ или другія замѣчанія, отдаетъ работу обратно.

До настоящаго времени были разсмотрѣны слѣдующіе вопросы:

1) Опредѣленіе длины секунднаго маятника.

2) Опредѣленіе горизонтальной составляющей силы земнаго магнетизма.

3) Опредѣленіе показателя преломленія данной стеклянной призмы для нѣкоторыхъ Фраунгоферовыхъ линій.

4) Опредѣленіе длины волны нѣкоторыхъ Фраунгоферовыхъ линій.

5) Опредѣленіе скорости колебанія даннаго камертона.

6) Опредѣленіе времени колебанія маятника съ быстро убывающими амплитудами.

7) Опредѣленіе угла между оптическими осями двуосьныхъ кристалловъ.

8) Опредѣленіе емкости (Capacität) лейденской банки.

Для экспериментальнаго рѣшенія этихъ вопросовъ существуетъ, какъ извѣстно, много пріемовъ, но ни однимъ изъ нихъ не приходилось пользоваться цѣликомъ. Кирхгоффъ или пополнялъ прежде извѣстный пріемъ, или существенно измѣнялъ его, или наконецъ предлагалъ новый. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны послѣдніе вопросы; но такъ какъ одинъ изъ нихъ, именно 7-й, уже изложенъ въ печати*), послѣдній, прикосновенный къ его новѣйшимъ работамъ, вѣроятно вскорѣ появится въ печати, то я здѣсь ограничусь описаніемъ его способа опредѣленія скорости колебанія даннаго камертона.

Положимъ, что имѣется камертонъ, который какимъ нибудь способомъ приведенъ въ сотрясеніе. Если чрезъ T означимъ время размаха, то перемѣщеніе какой ни есть точки его въ моментъ t (считая отъ положенія равновѣсія), выразится уравненіемъ:

$$(1) \qquad y = \sin \frac{t}{T} \pi.$$

*) Pogg. Ann. Bd. 108. S. 567.

Далѣе положимъ, что камертонъ снабженъ остріемъ, мимо котораго, съ равномѣрною скоростью, въ постояномъ направленіи проводится плоскость. Если перемѣщеніе послѣдней происходитъ въ неизмѣнной плоскости, т. е. въ самой въ себѣ, то легко къ ней прилегающее остріе опишетъ на движущейся плоскости кривую, абцисса которой x, пропорціональная скорости движенія v и времени считаемаго съ начала движенія t, выразится уравненіемъ $x = vt$.

Время черченія полуволны останется здѣсь прежнее T; если притомъ камертону дано положеніе, при которомъ конецъ острія, налегая на плоскость съ приблизительно одинакою силою, производитъ колебанія перпендикулярно къ направленію движенія плоскости, то и ординаты кривой будутъ имѣть тождественное значеніе съ y. Почему означивъ длину начертанной полуволны черезъ λ, получимъ для самой кривой уравненіе *).

$$(2) \qquad y = \sin \frac{x}{\lambda} \pi.$$

Число колебаній n въ секунду опредѣляется уравненіемъ $n = \frac{1}{2T}$, и такъ какъ $T = \frac{\lambda}{v}$, то имѣемъ

$$(3) \qquad n = \frac{v}{2\lambda},$$

т. е., для рѣшенія нашего вопроса достаточно знать скорость движенія плоскости и длину волны начерченной кривой. Микроскопъ, снабженный микрометромъ, даетъ возможность опредѣлить λ съ большимъ приближеніемъ; но гораздо труднѣе достигнуть той же точности при опредѣленіи v. Пріемъ, который предложилъ съ этою цѣлью Кирхгоффъ, состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что плоскость, на которой пишется кривая, непосредственно движется съ самимъ маятникомъ, скорость колебанія котораго точно извѣстна. Пусть u уголъ, на который отклоняется маятникъ во время t, a его амплитуда, T_1 время размаха, тогда для u имѣемъ выраженіе:

$$(4) \qquad u = a \sin \frac{t}{T_1} \pi,$$

Въ случаѣ наклонности направленія колебаній къ направленію движущейся плоскости войдетъ только постоянный множитель, такъ что уравненіе (2) приметъ видъ $y = a \sin \frac{x}{\lambda} \pi$.

а для угловой скорости во время t

$$(5) \qquad \frac{du}{dt} = \frac{\pi a}{T_1} \cos. \frac{t}{T_1} \pi.$$

И если чрезъ r означимъ разстояніе начерченной кривой отъ оси вращенія маятника, то получимъ для скорости v во время t

$$(6) \qquad v = \frac{\pi ar}{T_1} \cos. \frac{t}{T} \pi.$$

Чтобъ воспользоваться уравненіемъ (3), необходимо разсматривать движеніе равномѣрное; въ маятникѣ можетъ считаться такимъ только перемѣщеніе его близъ положенія равновѣсія; въ этомъ случаѣ $v = \frac{\pi ar}{T_1}$, почему для опредѣленія n получимъ

$$(7) \qquad n = \frac{\pi ar}{2\lambda T_1}.$$

И такъ, кромѣ a и r, опредѣляемыхъ масштабомъ, нужно найти численныя значенія длины A и времени T_1.

Разсмотримъ сначала послѣднее.

1) *Опредѣленіе* T_1.

Колебаніе даннаго маятника сравнивается съ колебаніями другаго маятника, время размаха котораго извѣстно (Methode der Coincidenzen).

Для секунднаго маятника изъ уравненія (4) имѣемъ:

$$u_1 = a_1 \sin t\pi.$$

Для испытуемаго маятника

$$u_2 = a_2 \sin \left(\frac{t}{T_1} - \delta\right) \pi.$$

Наблюдаемъ моменты совпаденій; разность фазъ въ эти моменты должна составлять цѣлое число 2π, т. е. $\left(\frac{t}{T_1} - \delta\right)\pi - t\pi = \pm 2n\pi$, или

$$\frac{t}{T_1} - \delta - t = \pm 2n,$$

Наблюдаемъ моментъ слѣдующаго совпаденія t^1, разность фазъ здѣсь увеличится на 2π, т. е.

$$\frac{t^1}{T_1} - \delta - t^1 = \pm 2(n+1),$$

откуда, полагая $t - t^1 = 2\triangle$, получимъ:

$$2\triangle\left(1 - \frac{1}{T_1}\right) = \pm 2.$$

Такъ какъ величина $\triangle$ всегда положительна, то этимъ и опредѣляется знакъ. Для разсматриваемаго маятника, время котораго немного менѣе одной секунды, имѣемъ потому:

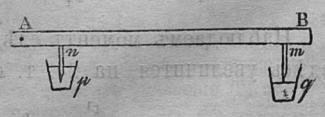
$$(8) \qquad T_1 = \frac{\triangle}{\triangle + 1}$$

Въ обыкновенно употребляемомъ способѣ наблюдаютъ цѣлый рядъ подобныхъ совпаденій. Пусть напр. число ихъ $(n+1)$ и времена крайнихъ совпаденій t_o и t_n, тогда $2n\triangle = t_n - t_o$, или $2\triangle = \frac{t_n - t_o}{n}$. Понятно, что точность полученнаго здѣсь времени простаго размаха T_1, обусловливается преимущественно величиною промежутка $t_n - t_o$, и будетъ увеличиваться по мѣрѣ увеличенія этого промежутка.

Вслѣдствіе того испытуемому маятнику стараются дать возможность колебаться значительное время, для чего снабжаютъ его обыкновенно стальными призмами, ребра которыхъ, служа подпорою всему маятнику, совпадаютъ съ его осью вращенія. Въ нами разсматриваемомъ случаѣ, гдѣ плоскость колебанія маятника должна сохраняться по возможности постоянною, нельзя было воспользоваться этими призмами; здѣсь маятникъ покоился на коническихъ остріяхъ, входящихъ въ соотвѣтственныя имъ углубленія. Это же обстоятельство увеличивало въ сильнѣйшей степени треніе, и амплитуды маятника могли считаться постоянными не болѣе, какъ въ промежутокъ времени между двумя послѣдовательными совпаденіями. Потому слѣдовало дать пріемъ точнаго опредѣленія временъ колебанія маятника изъ наблюденій 2-хъ совпаденій, и понятно, что точность результата зависѣла здѣсь исключительно отъ опредѣленія моментовъ совпаденій.

Пріемъ, который предложилъ для этого Кирхгоффъ, слѣдующій:

Секундный маятникъ снабженъ горизонтальнымъ плечомъ AB, вращающимся около оси A, и имѣющимъ два острія n и m. Эти острія входятъ въ чашки p и q, наполненныя ртутью. Остріе n постоянно находится въ ртути, остріе m въ моментъ прохожденія маятника чрезъ

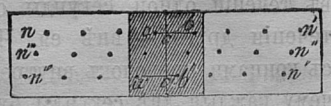


положеніе равновѣсія только касается поверхности ртути, такъ что въ теченіи одной секунды оно будетъ находиться въ ртути, въ теченіи другой — внѣ ея. Чашки p и q находятся въ сообщеніи съ концами проволокъ внутренней спирали прибора Румкорффа, почему каждыя двѣ секунды будетъ одинъ разъ прерываться, одинъ разъ замыкаться цѣпь.

Къ подставкѣ испытуемаго маятника придѣланъ крючекъ, дающій возможность отклонить маятникъ на опредѣленный уголъ. Самъ маятникъ снабженъ 6-ю винтами, служащими для прикрѣпленія къ нему стеклянной полоски. Винты эти захватываютъ полоску по 3 съ каждой стороны и даютъ возможность установить ее такимъ образомъ, чтобъ одна изъ плоскостей ея была перпендикулярна къ оси вращенія маятника. Назовемъ эту плоскость и винты, находящіеся съ этой стороны, передними. (Чтобъ убѣдиться, имѣетъ ли полоска требуемое положеніе, стоитъ только установить, въ весьма близкомъ отъ нея разстояніи, остріе и замѣтить, остается ли это разстояніе постояннымъ во время качанія маятника). Если придется снять полоску, то развинчиваютъ одни задніе винты, тогда при замѣщеніи прежней полоски какой ни есть другой, положеніе этой будетъ требуемое (т. е. ея передняя плоскость будетъ перпендикулярна къ оси вращенія), если для укрѣпленія ея воспользуемся опять только задними винтами. Полоску берутъ стеклянную, покрываютъ ее оловянымъ листомъ и прикрѣпляютъ сказаннымъ образомъ. Передъ полоскою помѣщаютъ два острія, соединенныя съ противоположными концами наружной Румкорфовской спирали. Одно изъ остріевъ (нижнее) могло бы находиться въ постоянномъ соединеніи съ оловянымъ листомъ; потому вообразимъ его такимъ образомъ соединеннымъ, и будемъ говорить только о другомъ остріѣ.

Предположимъ, что цѣпь замкнута и оба маятника приведены въ движеніе, тогда каждыя двѣ секунды, въ моменты прерыванія главнаго тока, наведенный такъ отъ наружной спирали перейдетъ въ остріе, отсюда (въ видѣ искры) на оловяную пластинку и далѣе опять въ наружную спираль. Такъ какъ прерываніе тока происходитъ только въ моменты прохожденія секунднаго маятника чрезъ положеніе равновѣсія, то перескакиваніе искры только тогда будетъ соотвѣтствовать совпаденію маятниковъ, когда и испытуемый маятникъ въ тотъ же моментъ пройдетъ чрезъ положеніе равновѣсія. Пусть *c* будетъ точка пластинки, на которую въ этомъ слу-

чаѣ перескочила бы искра. Вообще этого не будетъ, и моментъ совпаденій T долженъ быть вычисленъ изъ моментовъ t_1 и t_2, въ которые перескакиваютъ искры a и b, ближайшія къ c. Если означимъ разстояніе отъ a до c чрезъ α, отъ b до c чрезъ β, то моментъ совпаденій опредѣлится (такъ какъ $t_2 - t_1 = 2''$) уравненіемъ



$$(9) \qquad T = \left(2\, t_1 + \frac{2\alpha}{\alpha + \beta}\right)''.$$

Самый опытъ производится слѣдующимъ образомъ: оловяный листъ на стекляной полоскѣ покрываютъ, закопченной по срединѣ, бумагой и прикрѣпляютъ самую полоску къ маятнику. Приводятъ остріе по возможности въ близкое разстояніе отъ полоски и, отклоняя маятникъ, останавливаютъ его въ этомъ положеніи крючкомъ. Замыкаютъ цѣпь, опускаютъ крючокъ, считаютъ моменты перескакиванія искръ и отмѣчаютъ эти моменты, если искры падаютъ на закопченную часть. Если маятникъ былъ отклоненъ въ правую сторону, то 1-я искра упадетъ въ какую нибудь точку n, слѣдующая вправо отъ нея и т. д. до n'; здѣсь понижаютъ остріе и получаютъ рядъ искръ отъ n'' до n''', продолжая считать; еще понижаютъ остріе и получаютъ новый рядъ n^{IV} n^{V}, гдѣ моменты появленія искръ a' и b' опять записываютъ. Размыкаютъ цѣпь, останавливаютъ маятникъ, и, измѣняя положеніе острія, получаютъ, при мгновенномъ замыканіи цѣпи, на закопченной части бумаги одинъ разъ искру p, другой разъ q, соотвѣтствующія положенію равновѣсія.

Теперь опытъ конченъ. Снимаютъ съ маятника стеклянную полоску, съ этой наклеенную бумагу и обливаютъ закопченную ея часть слабымъ спиртовымъ растворомъ гумилака, для удержанія значковъ, сдѣланныхъ на ней искрами. Наконецъ проводятъ карандашемъ прямыя ab, $a'b'$, pq; пересѣченія ихъ дадутъ искомыя точки c и c'.

Пусть моментъ появленія искры a будетъ t, искры $a' - t_1$. Разстояніе ac означимъ чрезъ α, разстояніе bc чрезъ β, разстояніе $a'c'$ чрезъ α', разстояніе $b'c'$ чрезъ β'. Тогда моментъ 1-го совпаденія опредѣлится выраженіемъ $T = 2\left(t + \frac{\alpha}{\alpha + \beta}\right)''$; моментъ 2-го совпаденія выраженіемъ $T_1 = 2\left(t_1 + \frac{\alpha'}{\alpha' + \beta'}\right)''$. Разность ихъ даетъ 2Δ, зная которую, по уравненію (8) опредѣлимъ T_1.

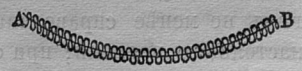
Для примѣра приведу численныя значенія этихъ величинъ въ сдѣланныхъ мною наблюденіяхъ:

1-е наблюденіе.	2-е наблюденіе.	3-е наблюденіе.
$t = 6$	6	6
$t_1 = 27$	26	26
$\alpha = 20{,}1^{mm.}$	$8{,}75^{mm.}$	$10{,}8^{mm.}$
$\alpha^1 = 4{,}6^{mm.}$	$14{,}6^{mm.}$	$16{,}6^{mm.}$
$\alpha + \beta = 23{,}3^{mm.}$	$21{,}7^{mm.}$	$23{,}6^{mm.}$
$\alpha^1 + \beta^1 = 18{,}8^{mm.}$	$18{,}7^{mm.}$	$19{,}8^{mm.}$
$T = 2\,(6{,}863)$	$2\,(6{,}403)$	$2\,(6{,}458)$
$T^1 = 2\,(27{,}245)$	$2\,(26{,}781)$	$2\,(16{,}838)$
$\triangle = 20{,}382$	20,378	20,380
$T_1 = 0{,}953233''$	0,953222	0,953228.

Взявъ среднюю величину найденныхъ T_1, получимъ для времени размаха маятника 0,953228.

2) *Опредѣленіе* λ_1.

Чтобъ начертить требуемую кривую, поступаютъ слѣдующимъ образомъ: стеклянную полоску покрываютъ тонкимъ слоемъ копоти и, пользуясь опять только задними винтами, прикрѣпляютъ ее къ маятнику. Испытуемый камертонъ, снабженный стеклянным остріемъ, прикрѣпляется къ подставкѣ маятника такимъ образомъ, чтобъ это остріе, по желанію экспериментатора, могло быть приведено въ соприкосновеніе съ стеклянной полоской или удалено отъ нея. Теперь маятникъ отклоняется и останавливается крючкомъ, остріе приводится въ прикосновеніе съ полоской, проводятъ смычкомъ по камертону, опускаютъ крючокъ и, послѣ полуразмаха маятника, отворачиваютъ камертонъ. Снова крючкомъ останавливаютъ маятникъ, остріе приводятъ въ прикосновеніе съ полоской, крючокъ опускаютъ и, послѣ полуразмаха маятника, опять сварачиваютъ камертонъ. На полоскѣ будетъ теперь начерчена кривая вида АВ.



Измѣряя разстояніе соотвѣтствующихъ точекъ двухъ волнъ, между которыми помѣщены, напр., 10 полныхъ волнъ (какъ это дѣлалось въ описанныхъ здѣсь опытахъ), получимъ длину этихъ 10 волнъ, а слѣдовательно, и длину одной волны.

Въ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ мною надъ 3-мя камертонами, я

получилъ для длины полной волны слѣдующія выраженія въ дѣленіяхъ микрометра:

$$2\lambda_1 = 4{,}6883 \qquad 2\lambda_2 = 3{,}7107 \qquad 2\lambda_3 = 3{,}0852.$$

Замѣтимъ здѣсь, что $1^{mm.}$ составлялъ 3,788 дѣленій микрометра; что разстояніе центра вращенія отъ нижняго края полоски $= 920^{mm.}$, а разстояніе начерченной кривой отъ этого края соотвѣтственно было

$$11{,}7^{mm.} \qquad 20{,}1^{mm.} \qquad 24^{mm.};$$

почему для r получаемъ:

$$r_1 = 908{,}3^{mm.} \qquad r_2 = 899{,}9^{mm.} \qquad r_3 = 896^{mm.}$$

Наконецъ, амплитуда, вычисленная изъ длины хорды полнаго отклоненія и ей соотвѣтствующаго r, равнялась 0,09126, если за единицу угла принять $\frac{180}{\pi}$. Уравненіе (7), вслѣдствіе того, приведется къ виду $n = \frac{3{,}1416.0{,}09126.3{,}778}{0{,}953228} \cdot \frac{r}{2\lambda}$, или $h = 1{,}1363\ \frac{r}{2\lambda}$, въ которое если вставить найденныя величины r и λ испытанныхъ камертоновъ, получимъ:

$$n_1 = 220{,}15 \qquad n_2 = 275{,}54 \qquad n_3 = 330{,}03.$$

Гейдельбергъ.

76) Кандидата С. Автократова.

И на текущій семестръ я остался тамъ, гдѣ, по выраженію «der Gedanke» Лотце treibt sein Wesen, потому что еще нигдѣ не надѣялся отъискать лекцій, которыя были бы для меня полезнѣе лотцевыхъ. Лотце не положилъ начала для новой эпохи философствованія, даже не высказалъ доселѣ ни одной новой мысли, но тѣмъ не менѣе справедливо считается величайшимъ мыслителемъ настоящаго времени; при общемъ умственномъ ослабленіи, господствующемъ теперь въ Германіи, онъ остался на столько самостоятельнымъ, что не увлекся потокомъ философскихъ фразъ, завѣщанныхъ настоящему поколѣнію предъидущимъ, и съумѣлъ предпочесть Лейбница Шеллингу, Гегелю и пр.

Въ настоящій семестръ онъ читаетъ философію религіи и философію природы. Лотце не думаетъ, чтобы то развитіе философіи религіи, которое въ сороковыхъ годахъ надѣлало столько шуму въ Германіи и не осталось безъ вліянія и у насъ, было прочнымъ пріобрѣтеніемъ науки. «Свѣтлый образъ личнаго Бога», къ кото-

рому такъ враждебно отнеслась новѣйшая философія, у Лотце — необходимый элементъ философскаго міросозерцанія. Къ сожалѣнію, въ своихъ настоящихъ лекціяхъ онъ ограничивается изслѣдованіемъ только того, въ какой мѣрѣ общія истины религіознаго сознанія согласны съ разумомъ, и хотя обѣщался дѣлать при случаѣ замѣтки объ его частныхъ историческихъ формахъ, но доселѣ еще не сдѣлалъ ни одной.

Основная идея лотцевой философіи природы та, что въ основаніи міра внѣшнихъ явленій лежатъ внутреннія духовныя отношенія между реальными элементами. И по сознанію Лотце, этой мысли достаточно для стихотворенія, а не объясненія какого нибудь дѣйствительнаго явленія; поэтому теперь онъ ограничивается тѣмъ, что объясняетъ ею общія основныя понятія философіи природы — о веществѣ, движеніи и пр., хотя и не теряетъ надежды, что со временемъ она получитъ болѣе точное и подробное развитіе въ наукѣ.

Геттингенъ, 12-го іюля 1864 года.

77) Магистра В. Бильбасова.

(За апрѣль, май и іюнь 1864 года).

> «Мы думаемъ, что для насъ полезно и выгодно доставить нашимъ подданнымъ возможность образовываться; потому что, будучи образованы, они лучше будутъ пользоваться своими правами и, опираясь на научныя познанія, будутъ въ состояніи лучше защищать и себя и отечество».
>
> *Слова императора Фридриха II.*

Желая ознакомиться съ исторіею отношеній двухъ наиболѣе великихъ институтовъ среднихъ вѣковъ — папства и имперіи, я, придерживаясь аналитическаго метода, началъ мои изысканія съ отдѣльныхъ событій и явленій, при помощи которыхъ главная цѣль должна все болѣе и болѣе выясняться, пока, наконецъ, сумма отдѣльныхъ монографій и изслѣдованій дастъ возможность всесторонне понять тѣ два средневѣковые института, составляющіе предметъ моихъ постоянныхъ занятій.

Папство и имперія, оспаривающія другъ у друга какъ давность происхожденія, такъ и святость учрежденія, при своемъ единовременномъ существованіи, неминуемо должны были войти во взаим-

ныя сношенія и породить ту великую борьбу, которая прошла чрезъ всѣ средніе вѣка, выставила съ обѣихъ сторонъ знаменитыя личности, достойныя вести великій споръ, и которая оканчивается если не очевиднымъ паденіемъ, то конечнымъ разложеніемъ обоихъ великихъ началъ, принесшихъ несомнѣнную пользу всему человѣчеству и бывшихъ въ свое время однимъ изъ величайшихъ историческихъ движеній впередъ, которыя дѣлала цивилизація.

Изъ этой великой борьбы, занимающей собою длинный рядъ вѣковъ, мы избрали для нашихъ спеціальныхъ занятій небольшой періодъ времени въ пятьдесятъ лѣтъ — первую половину XIII столѣтія, т. е. отношенія императора Фридриха II къ папамъ Иннокентію III, Гонорію III, Григорію IX и Иннокентію IV; рядъ изслѣдованій, сюда относящихся, я начинаю послѣдними годами правленія папы Иннокентія III и оканчиваю смертью императора Фридриха II. Какъ Иннокентій III можетъ считаться послѣднимъ папою, такъ Фридрихъ II послѣднимъ императоромъ. Та эпоха существованія апостольскаго престола, когда его представители стремятся къ неограниченному господству, къ водворенію абсолютной монархіи папъ, дѣйствительно заканчивается Иннокентіемъ III: онъ послѣдній съ гордымъ достоинствомъ носилъ тіару и вѣрно преслѣдовалъ цѣль, предложенную въ половинѣ XI столѣтія папскому престолу Григоріемъ VII, который твердо постановилъ принципъ самостоятельности церкви и главенства папы надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ; Иннокентій III — послѣдній изъ папъ, доказывавшій міру, что папство—учрежденіе божеское, а имперія—плодъ человѣческихъ заблужденій [1]); онъ послѣдній уже и потому, что сознательно понималъ ложь того принципа, который папство постановило въ основу своей политики. Послѣ Иннокентія III папское достоинство, какъ достоинство главы всего міра, падаетъ; его преемникамъ была не подъ силу великая задача апостольскаго престола, который все болѣе и болѣе теряетъ свой авторитетъ; нѣсколько лѣтъ спустя по смерти Иннокентія III, священникъ одной парижской церкви, торжественно, въ присутствіи прихожанъ, отлучаетъ папу отъ церкви! Съ Фридрихомъ II сходитъ въ могилу самая идея той императорской власти, которая началась Карломъ Великимъ и, по плану Фридриха II, должна была быть преобразована въ форму мощнаго абсолютизма, долженствовавшаго поглотить церковный институтъ:

---

[1]) Sacerdotium institutum fuit per ordinationem divinam, regnum autem per extorsionem humanam. Innoc. III. Ep. XVIII.

Конрадинъ, послѣдній изъ Гогенштауфеновъ, умирая на эшафотѣ, бросаетъ въ народъ свою перчатку, — вызовъ обращенный къ народу заключалъ въ себѣ глубокій, пророческій смыслъ. По уничтоженіи гогенштауфеновскаго дома, идея имперіи, казалось, воскресла въ лицѣ Генриха VII люксембургскаго: располагая самыми ограниченными средствами, онъ возбудилъ великія надежды и привлекъ вниманіе всего христіанскаго міра. Но это былъ обманъ; идея имперіи стала уже мечтою, серьезною, но невыполнимою; внукъ Генриха VII съумѣлъ сдѣлать ее смѣшною. Одинъ легистъ XIV столѣтія писалъ: «идея всеобщей монархіи есть плодъ насилія и несправедливости; она противна Богу, который подѣлилъ области на землѣ между королями, герцогами и князьями [1]).» Это лебединая пѣснь имперіи!

Начинается новая эра существованія обоихъ институтовъ, съ новыми задачами, которыя служатъ уже очевидными признаками паденія, съ новыми дѣятелями, которые съумѣли доказать несостоятельность началъ руководившихъ ими. Изъ величайшаго стимула цивилизаціи, папство становится тормазомъ всего живаго и плодотворнаго, становится формою, утерявшею свое внутреннее содержаніе и сохраняющею свою жизнь лишь святостью апостольскихъ традицій, которыя папство съумѣло нѣкогда поставить выше сомнѣнія и внѣ всякаго анализа. Имперія падаетъ вслѣдствіе союза габсбургскаго дома съ римскою куріею, вслѣдствіе соединенной реакціи противъ новаго духа XVI столѣтія. Оба начала, вызвавшія великую борьбу, теряютъ свой смыслъ и значеніе; но борьба этимъ не прекращается: противники мѣняютъ свои цѣли, мѣняютъ свои имена, но ихъ можно услѣдить и въ настоящее время. Императоры, по выраженію легиста XIV вѣка, уступаютъ свое мѣсто королямъ, герцогамъ и князьямъ; эти, въ свою очередь, сходятъ съ исторической сцены, уступая ее законнымъ ея владѣтелямъ, и въ наши дни самые опасные противники папскимъ тенденціямъ выходятъ изъ простаго народа.

Эпоха, избранная нами, чрезвычайно интересна. Англичанинъ Матвѣй Парижскій, доведя свою хронику до 1250 года, года смерти Фридриха II, продолжаетъ такъ: «Должно замѣтить и обратить тщательное вниманіе на то, что ни въ одно пятидесятилѣтіе, ко-

---

[1]) Le Songe de Vergier, l. 1, ch. 36 (Traités des libertés de l'Eglise gallicane, t. 11, p. 30 — 36.

торыхъ теперь протекло уже двадцать пять, не случилось столько сверхъестественныхъ явленій и необыкновенныхъ событій. Многіе, какъ историческіе писатели, такъ и скромные наблюдатели хода современныхъ событій, говорятъ, что ни въ одну эпоху не было ни такихъ явленій, ни такихъ историческихъ событій, какъ въ истекшую половину настоящаго столѣтія» [1]). Къ этому мнѣнію современниковъ можно лишь прибавить, что весь интересъ эпохи, все ее значеніе, болѣе чѣмъ можно было бы ожидать, сосредоточивается на великой личности Фридриха II. «Эта странная, можно сказать, страдавшая избыткомъ силъ личность» — говоритъ Т. Н. Грановскій — «не нашла себѣ мѣста въ современной ей обстановкѣ. Ни по идеямъ, ни по взгляду на жизнь, Фридрихъ II не принадлежалъ тому поколѣнію, среди котораго жилъ, и на разстояніи нѣсколькихъ вѣковъ протягивалъ руку людямъ новаго времени. Отсюда произошли всѣ его неудачи. Великій законодатель, мыслитель, воинъ, поэтъ, онъ стоялъ внѣ своей эпохи, былъ въ ней представителемъ лишь идей отрицательныхъ, враждебныхъ средневѣковому порядку вещей. Современники ненавидѣли и любили его страстно, но всѣмъ безъ изъятія онъ былъ непонятенъ, всѣмъ равно внушалъ недовѣріе и страхъ» [2]).

Въ исторіи царствованія Фридриха II я вижу три рѣзко обособленные отдѣла, сообразно тремъ землямъ, входившимъ въ составъ исторіи того времени: *α*) дѣла *сирійскія*, главнымъ центромъ которыхъ былъ крестовый походъ 1228—29 годовъ [3]); *β*) дѣла *германскія*, кульминаціоннымъ пунктомъ которыхъ является возстаніе и низложеніе германскаго короля Генриха VII и *γ*) дѣла *италья-но-сицилійскія* съ знаменитымъ кодексомъ Фридриха II [4]). Вотъ три главнѣйшіе вопроса, безъ удовлетворительнаго рѣшенія которыхъ непонятны ни главная цѣль, которую преслѣдовалъ Фридрихъ II въ продолженіи всей своей жизни, ни мотивы, руководив-

---

[1]) Notandum est et non leviter attendendum, quod in nulla illarum quinquagenarum, tot mirabilia et insolitae novitates evenerunt, ut in ultima, videlicet vigesima quinta. Et sunt quidam et multi historiarum scriptores et diligentes inspectores, qui dicunt, quod nec in omnibus aliis quinquagenis visa sunt tot prodigia et novitates admirandae, sicut in hac jam terminata. Matth. Par., Hist. maj. Angl., ad h. a.

[2]) Сочиненія Т. Н. Грановскаго, т. 1, стр. 443.

[3]) Этотъ вопросъ уже разсмотрѣнъ нами въ разсужденіи: Крестовый походъ императора Фридриха II. С.-Петербургъ, 1863.

[4]) Constitutiones regni Siciliae, tum Melfienses, tum quae postea diversis temporibus a Friderico Secundo editae fuerunt. Huillard-Bréholles, Hist. diplom. Frid. Sec., t. IV.

шіе политикой папъ; короче — эти три вопроса должны лечь въ основу при изслѣдованіи отношеній папъ и императоровъ въ первой половинѣ XIII столѣтія. Независимо отъ этихъ трехъ главныхъ центровъ дѣятельности Фридриха II, независимо отъ этихъ внѣшнихъ фактовъ, царствованіе послѣдняго императора изъ дома гогенштауфеновъ замѣчательно цѣлымъ рядомъ фактовъ, относящихся къ внутренней исторіи, фактовъ интеллектуальныхъ, культурныхъ, внутреннихъ фактовъ. Эта дѣятельность Фридриха II не можетъ быть уже ограничена какою либо территоріею, какою либо землею: факты интеллектуальной дѣятельности не принадлежатъ отдѣльному народу, они неотъемлемое достояніе всего человѣчества. Реформа, происшедшая въ XIII столѣтіи въ интеллектуальной сферѣ имѣла огромное значеніе; обращая вниманіе лишь на литературу, Шлоссеръ такъ характеризуетъ происшедшій переворотъ: «Переворотъ въ литературѣ, начавшійся въ XIII столѣтіи и окончившійся въ XIV, имѣлъ огромное политическое значеніе. Всѣ города и государства Италіи боролись за свою гражданскую свободу (эту борьбу можно услѣдить и не только въ Италіи), ибо воротились наконецъ отъ императорско-римской литературы — рекомендованной тогдашнимъ духовенствомъ, и которая проповѣдывала безусловную покорность и послушаніе къ духовенству и властямъ, — къ республиканской; и отъ чисто эгоистической и аристократической литературы римлянъ къ идеальной — и демократической литературѣ грековъ [1]). Посмотримъ же на участіе Фридриха II въ этомъ переворотѣ.

До начала XIII столѣтія, схоластика вполнѣ царила въ интеллектуальной сферѣ; она была «общею болѣзнію, общимъ зломъ, тѣмъ болѣе безвыходнымъ, что всякая школа особенно излагала всѣ вопросы и уничтожала иные пути для иныхъ цѣлей [2]). Логика и діалектика, столь необходимыя для теологическихъ споровъ, заняли въ школахъ первое мѣсто, оттѣснивъ грамматику на второй планъ, хотя еще въ IX столѣтіи Robanus Maurus [3]) называетъ грамматику краеугольнымъ камнемъ семи *свободныхъ искусствъ* (artes liberales, т. е. наукъ), къ которымъ онъ, кромѣ діалектики, причисляетъ

[1]) Всемірная исторія Шлоссера, въ русскомъ переводѣ, выпускъ VI, стр. 152.

[2]) Raumer, Geschichte d. Hohenst. u. ihre Zeit, Bd. VI, S. 364. См. Brandis — Geschichte d. Philosophie, 1, 19.

[3]) Аббатъ фульдскаго монастыря и архіепископъ майнцкій.

ариѳметику, астрономію, геометрію, математику и музыку [1]). Такое небреженіе къ грамматикѣ въ XIII столѣтіи было причиной тому, что, по словамъ одного ученаго того времени, тогда «много было учащихся, но мало знающихъ» [2]). Все преподаваніе происходило на, такъ называемой, средневѣковой латыни, составлявшей что-то среднее между итальянскимъ и древне римскимъ языками; этотъ средневѣковой латинскій языкъ былъ до того испорченъ, что нерѣдко сами современники не понимали рукописей другъ друга: папа Иннокентій III жалуется, что его посланія «дурно переводятъ и не понимаютъ во Франціи» [3]). Если въ школахъ направляли умъ мальчиковъ по преимуществу на теологическіе вопросы, то дѣвочкамъ, образованіемъ которыхъ пренебрегали, положительно запрещалось папскими эдиктами [4]) читать поэтовъ (tabulas poeticas) и пріобрѣтать мірскія познанія [5]). Знанія распространялись до чрезвычайности туго или, что вѣрнѣе, вовсе не распространялись, такъ что знаніе грамоты было въ нѣкоторомъ родѣ рѣдкостью, не смотря на то, что монастыри, при которыхъ находились школы, освобождали дѣтей недостаточныхъ родителей отъ платы за ученіе [6]). Въ началѣ XIII

---

[1]) Діалектика же считается имъ наукою всѣхъ наукъ. Haec ergo disciplina disciplinarum est, haec docet docere, haec docet discere, in hac se ipsa ratio demonstrat atque aperit, quae sit, quid velit, quid videat... Hraban. Maur., De instit. cleric. b. III, c. 20. (Opp. Colon. 1626).

[2]) Scholastici nostri aut nolunt, aut nesciunt modum congruum servare, et idcirco multos studentes, paucos sapientes invenimus. Hugo S. Victor. opp. 10, 7.

[3]) Innoc. III, Ep. XII, 27. Какъ противорѣчіе этому выставляютъ обыкновенно слѣдующее извѣстіе, какъ фактъ: Honorius Papa... deposuit Episcopum qui Donatum non legerat. Это извѣстіе взято изъ Memoriale Potestate Regiensium, actore anonymo; степень достовѣрности извѣстій, почерпаемыхъ изъ этого источника давно уже заподозрѣна; для подтвержденія этого результата исторической критики, достаточно будетъ привести все мѣсто памятника, изъ котораго видно будетъ отношеніе этого извѣстія къ предъидущему и послѣдующему сообщенію анонимнаго автора меморіи: Honorius... fecit concilium quod ipso jure sint excommunicati, qui faciunt constitutionem quamlibet contra libertatem Ecclesiae, non minus quod nullus Sacerdos vel Praelatus audiat leges, nec Parisius legantur. Et deposuit Episcopum qui Donatum non legerat. Et mandavit, quod lumen semper praecedat Eucharistiam, et quod Sacerdos eam portet ante pectus ad infirmum. Murat., R. S. It. t. VIII, p. 1083.

[4]) Regest. Honor. III, an. 1, n. 457.

[5]) Встрѣчались однакоже такія исключенія какъ Юдифь тюрингская, супруга Владислава богемскаго, которая умѣла даже писать по-латыни. Le-Paige, Biblioth. Praemonstr. ordinis, 826. Raumer, l. c. VI, 335.

[6]) Pauperes qui parentum opibus non juventur, per misericordiam Ecclesiae doctrinam sibi laetentur adesse. Jaffé, Regest. pontificum romanorum, 8758. Raum, VI, 332.

столѣтія дѣло образованія сдѣлало нѣкоторые успѣхи; и изъ странъ западной Европы, въ этомъ отношеніи, на первый планъ выдвигаются Франція и Италія. Въ Болоньѣ, Падуѣ, Феррарѣ, Павіѣ, Миланѣ, Пьяченцѣ, Пармѣ, Тревизо, Равеннѣ и другихъ городахъ были заведены школы съ болѣе свободнымъ направленіемъ; въ г. Салерно, въ салернскомъ медицинскомъ училищѣ, начали изучать даже естественныя науки, какъ необходимое вспомоществованіе для медицины, хотя еще долго не переставали ставить въ вину Іудеямъ ихъ медицинскія познанія; это, между прочимъ, ясно свидѣтельствуетъ, какъ слово наука мало относится къ системѣ знаній среднихъ вѣковъ, — мы употребляемъ его лишь за неимѣніемъ болѣе характернаго, такъ какъ средніе вѣка обладали извѣстною суммою познаній, но науки въ то время еще не существовало. Въ салернскомъ училищѣ для врачей, знанія передавались на природномъ языкѣ учащихся — на греческомъ, не рѣдко на еврейскомъ [1]) и др.; замѣчательно, что «даже женщины принимали участіе не только въ изученіи, но въ преподаваніи знаній, и многія изъ нихъ пріобрѣли въ то время особенную славу на этомъ поприщѣ [2]). Во время появленія на историческую сцену Фридриха II, салернское училище, какъ и многія изъ другихъ итальянскихъ школъ, пользовались уже своего рода извѣстностью.

Если научное направленіе находилось въ такомъ жалкомъ положеніи на итальянскомъ континентѣ, то въ сицилійскомъ королевствѣ, до Фридриха II, оно было въ совершенномъ пренебреженіи. «Въ то время въ сицилійскомъ королевствѣ было мало или, вѣрнѣе, вовсе не было людей свѣдущихъ; императоръ же (Фридрихъ II), желая развить свободныя искусства и познанія, учредилъ въ своемъ королевствѣ школы, вызвалъ изъ различныхъ странъ свѣта преподавателей, назначивъ имъ приличное вознагражденіе; онъ помогалъ также недостаточнымъ ученикамъ, тратя на это собственныя суммы, съ тою цѣлію, чтобы ни для кого его общественное положеніе и бѣдность не препятствовали изучать философію». Это драгоцѣнное

---

[1]) Впрочемъ, знаніе еврейскаго языка было такою рѣдкостію въ то время, что Михаилъ Скотъ удостоился за это особенной награды отъ папы: Гонорій III дозволилъ ему имѣть болѣе одного прихода. Reg. Honor. an. XI, n. 321.

[2]) Raum. III, 280. Panser, на котораго ссылается Раумеръ, прибавляетъ: Eines solchen Auftretens weiblicher Lehrer wird nur in Bezug auf die Medicin, nicht aber für andere Fächer, etwa die Rechtwissenschaft, gedacht. Gesch. d. Medicin. S. 291. (изд. 1853).

извѣстіе Николая Ямсиллы [1]) вполнѣ подтверждается показаніями другихъ источниковъ. Извѣстія о школахъ, основанныхъ Фридрихомъ II въ его королевствѣ, скудны и случайны; но здѣсь на первый планъ выступаетъ непреложный фактъ: Фридрихъ II первый основалъ въ королевствѣ первый университетъ. Тринадцатому столѣтію принадлежитъ честь основанія первыхъ университетовъ. Какъ дѣтски ни были бы они въ научномъ отношеніи, какъ ни мало удовлетворяли бы они аскетическимъ требованіямъ монастырской нравственности [2]), какъ бы наивны ни были первые шаги ихъ, — во всякомъ случаѣ фактъ зарожденія университетовъ останется на всегда лучшимъ памятникомъ той эпохи. Основаніемъ университетовъ началась великая реформа въ интеллектуальной сферѣ: образованіе переходитъ изъ рукъ церкви въ руки государства, не церковь — государство беретъ на себя заботу объ образованіи тѣхъ, которые позже должны служить государству по преимуществу! Quatuor studia generalia orbis christiani [3]) заключали въ себѣ сѣмена тѣхъ плодовъ, которымъ человѣчество обязано ходомъ своей цивилизаціи. Филиппъ Августъ, Альфонсъ IX и Фридрихъ II были этими великими сѣятелями; многое уже было подготовлено, они довершили великое дѣло, обративъ studium generale въ universitas. Такъ Фридрихъ II, кромѣ основанія университета въ Мессинѣ, произвелъ важную реформу въ неаполитанскомъ училищѣ, обративъ его въ университетъ [4]). Это было въ 1224 году. До основанія университета въ Неаполѣ, желавшіе получить образованіе должны были ѣхать въ Болонью, даже далѣе, въ Парижъ, покинувъ родину, что́ было сопряжено съ большими неудобствами и издержками. Выборъ

---

[1]) Tunc quidem ipsius felici tempore in Regno Siciliae erant Literati pauci vel nulli; ipse vero Imperator liberalium artium et omnis approbatae Scientiae Scholas in Regno ipso constituit, Doctoribus et diversis mundi partibus per praemiorum liberalitatem accitis, constitutoque tam eis solario quam pauperibus auditoribus, sumtum de sui aerarii largitate ut omnis conditionis et fortunae homines nullius occasione indigentiae a Philosophiae studio retraherentur. Nic. de Jams. 495 — 496.

[2]) Ecce quaeruntur — восклицаетъ одинъ монахъ въ 1227 году—clerici Parisiis artes liberales, Aureliani auctores, Bononiae codices, Salerni pyxides, Toleti daemones, et nuscqum mores. Päser l. c., S. 302.

[3]) Четыре университета: болонскій и неаполитанскій въ Италіи, парижскій во Франціи и саламанкскій въ Испаніи.

[4]) Въ то время оно называлось studium generale; но, по смыслу занятій, мы имѣемъ право называть его университетомъ, равно какъ и заведенія въ Парижѣ, Болоньѣ и Саламанкѣ.

мѣстъ для учрежденія университета основывался, какъ то было оффиціально объявлено самимъ Фридрихомъ II, на удобствѣ географическаго положенія Неаполя [1]); собственно же, на желаніи Фридриха II придать этому городу значеніе резиденціи императора. Рожденный въ Италіи, Фридрихъ II любилъ ее и «хотѣлъ въ ней основать тронъ новыхъ цезарей»; это одно могло уже измѣнить весь видъ Европы. C'est le noeud secret—прибавляетъ Вольтеръ—de toutes les querelles, qu'il eut avec les papes [2]). Но не входя въ разборъ невысказанныхъ императоромъ цѣлей и возникавшихъ отъ нихъ результатовъ, все говорило въ пользу выбора императоромъ мѣста для основанія университета [3]); «вызовъ же знаменитыхъ ученыхъ

---

[1]) Cumque civitatem Neapolitanam, antiquam utique matrem et domum studii, tam marinae vicinitatis habilitas, quam terrenae fertilitatis foecunditas reddant utiliter tanto negocio congruentem, generale studium in civitate ipsa mandavimus reformari. Petr. de Vinea Epp., l. III, Ep. X, p. 412.

[2]) Voltaire, Essai, ch. LII. Вышеприведенное мѣсто довольно односторонне.

[3]) Подробности касательно неаполитанскаго университета находятся въ четырехъ письмахъ Петра винейскаго: 1) Magistro Petro de Hybernia de studio Neapolitano, III, X, 411 — 413. 2) Invitat Scholares ad studium neapolitanum XI, 413—417. 3) Capitaneo Siciliæ, super reformatione studii Neapolitani, XII, 417 — 418 и 4) Justitiario Terrae Laboris ut non impediat magistros legentes particaluriter in Grammatica occasione studii generalis. XIII, 419. — Сисмонди основывался на этихъ четырехъ письмахъ при изложеніи исторіи основанія неаполитанскаго университета въ своей Histoire des républiques italiennes, 11,181. Чтобъ дать понятіе о слогѣ тѣхъ писемъ, привожу переводъ перваго изъ нихъ (l. III, ep. X):

«Магистру Петру иберийскому о неаполитанскомъ университетѣ (de studio Neapolitano).

«Наше стремленіе, которое мы направляемъ ко благу подданныхъ, постоянно обращено на то, чтобъ преславное владѣніе нашего сицилійскаго королевства, подобно тому какъ оно, богато одаренное природой, изобилуетъ (tripudiat) къ прославленію божескаго имени избыткомъ жизненныхъ припасовъ, сдѣлать его, въ силу нашего предусмотрительнаго эдикта, чрезъ усовершенствованіе научно-образованными людьми, при благопріятствованіи счастія, способнымъ также и въ этомъ отношеніи быть плодотворнымъ. Такъ какъ къ этому побуждаетъ насъ достойный воспоминанія примѣръ нашихъ предковъ и такъ какъ мы освѣдомились, что въ государствѣ есть много ученыхъ по разнымъ отраслямъ наукъ и что многіе чрезъ вліяніе наукъ, какъ и подъ защитой ихъ, устремляются къ научной высотѣ, которая безчеститъ и безславитъ природную грубость, то мы симъ изъявляемъ желаніе оживить прежнія времена, чтобы то, что въ теченіи времени какимъ бы то ни было образомъ поколеблено, теперь, когда раздоры, сопровождавшіе нашу юность, прекратились, вновь степенно омолодить (seniliter juvenescant); къ тому же, наши вѣрные подданные, отвѣдавъ приготовленныя для нихъ и предлагаемыя имъ яства, не только будутъ считать излишнимъ приглашать къ себѣ учителей изъ чужихъ

по всѣмъ отраслямъ знаній давалъ новому университету высокое научное значеніе [1]). Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что такое высокое значеніе неаполитанскаго университета, имѣло вредное вліяніе на учебныя заведенія въ другихъ городахъ, такъ какъ Фридрихъ II предоставилъ этому университету монополію высшаго образованія, возвышалъ его на счетъ другихъ школъ; такимъ образомъ онъ запрещалъ имѣть преподавателей въ другихъ мѣстахъ [2]) и вызывалъ всѣхъ въ Неаполь, какъ учащихъ, такъ и учащихся, поставивъ заботу объ этомъ въ особенную обязанность мѣстнымъ провинціальнымъ властямъ [3]). Изъ преподавателей

краевъ, но даже будутъ считать для себя славою вызывать чужестранцевъ къ принятію участія въ томъ преимуществѣ, которымъ они обладаютъ. И такъ какъ Неаполь, древняя мать и родина наукъ, своимъ счастливымъ положеніемъ по сосѣдству съ моремъ, равно какъ и изобиліемъ плодородной почвы, представляетъ для важнаго учрежденія всѣ полезныя удобства, то мы и отдали повелѣніе преобразовать въ немъ высшее учебное заведеніе, чтобъ неаполитанское королевство, такъ богато одаренное мѣстною природою, прославило бы какъ учащихъ, такъ и учащихся, всесторонне совокупленными въ немъ преимуществами. Тебя же, котораго рекомендовалъ намъ славной памяти родитель нашъ, какъ извѣстнаго старою вѣрностію и служебною честностію, тебя, испытанную ученую дѣятельность, извѣстную честность и систематическую ученость котораго, уже много разъ, и многое засвидѣтельствовало намъ, тебя мы съ радостію призываемъ къ торжественному празднеству учрежденія нашего университета (communis studium), поручая твоей вѣрности, чтобы ты, во всѣхъ отношеніяхъ увѣренный въ нашей къ тебѣ милости и благосклонности, ради уваженія къ нашему величеству, лично руководилъ бы нашимъ неаполитанскимъ университетомъ. И ради того, чтобъ ты имѣлъ увѣренность въ нашей щедрой благосклонности, мы желаемъ, чтобъ ты каждогодно получалъ тѣ 12 унцовъ золота (около 140 руб. сер.), которые мы по нашей щедрости назначили тебѣ, въ знакъ счастливаго начала».

[1]) Peeren, Geschichste d. Studiums d. Klass. Literatur. Ein Prof. d. Gramm. 1,233. Raumer, III, 279.

[2]) Etsi ad perfectionem studii generalis, quod nuper in civitate Neapoli providimus reformandum, particularia studia ubique per regnum mandaverimus interdici; nostrae tamen intentionis non fuit, sic loca quaelibet depauperare doctoribus, ut artis Grammaticae rudimenta novitiis velut lactantis matris ubera famelicis infantibus praecidantur. P. de V. III, XIII, 419. Черезъ два же года это повелѣніе было отмѣнено, см. Murat., S. R. St. XVIII, pp. 109. 254.

[3]) Volumus igitur et mandamus vobis omnibus qui provincias regitis, quique administrationibus praesidetis, ut haec omnia passim et publice proponatis, et injungatis sub poena personarum et rerum, ut nullus scholaris legendi causa exire audiat extra regnum, nec infra regnum aliquis addiscere audeat alibi vel docere; et qui de regno sunt extra regnum in scholis sub poena praedicta eorum parentibus injungatis, ut usque ad festum S. Michaelis proximo revertantur. P. V. XI, 415.

вызванныхъ такимъ образомъ въ Неаполь, имена нѣкоторыхъ сохранились до нашего времени [1]); многіе изъ нихъ пріобрѣли себѣ извѣстность, въ особенности профессора юридическаго факультета, если можно выразиться языкомъ новѣйшаго времени. Такого рода призывъ учащихъ и учащихся производился на извѣстныхъ условіяхъ, довольно точно опредѣленныхъ [2]). Вскорѣ по своемъ образованіи, неаполитанскій университетъ, какъ и другіе средневѣковые университеты, пріобрѣлъ силу и значеніе [3]).

---

[1]) Жіаноне, въ своей исторіи Неаполя, посвящаетъ особую главу неаполитанскому университету; здѣсь, между прочимъ, онъ упоминаетъ о четырехъ профессорахъ, отличившихся особенными заслугами на своемъ поприщѣ, именно: Pietro d'Ibernia и Robert di Varano — по гражданскому праву, Bartholomaeus Pignatello — по каноническому праву и одинъ монахъ изъ мон. S. Casino — по богословію. Giannone, Storia civile del regno di Napoli, XI, 11, 427.

[2]) Conditiones autem, quas scholaribus concedimus, erunt istae. In primis, quod in civitate praedicta doctores et magistri erunt in qualibet facultate. Scholares autem, undecunque venerint, secure veniant morando, stando et redeundo, tam in personis quam in rebus, nullam sentientes in aliquo laesionem. Hospitium, quod melius in civitate fuerit, scholaribus locabitur pro duarum unciarum auri annua pensione, nec ultra extimatio ejus asscendet. Infra praedictam autem summam et usque ad illam, omnia hospitia extimatione duorum civium et duorum scholarium locabuntur. Mutuum fiet scholaribus ab illis, qui ad haec fuerint ordinati, secundum quod eis necesse fuerit, datis libris in pignore et praecario restitutis, receptis a scholaribus fidejussoribus pro eisdem. Scholaris vero, qui mutuum recipiet, jurabit, quod de terra aliquatenus non recedit, donec praecaria restituet, vel mutuum ab eo fuerit exolutum, vel alias satis, factum fuerit creditori. Praedicta autem praecaria a creditoribus non revocabuntur quamdiu scholares voluerint in studio permanere. Item omnes scholares in civilibus sub eisdem doctoribus et magistris debeant conveniri. Omnes igitur a modo, qui studere voluerint in aliqua facultate, vadant Neapolim ad studendum, et nullus ausus sit pro scholis extra regnum exire, vel infra regnum in aliis scholis addiscere vel docere; et qui sunt de regno extra regnum in scholis, usque ad festum sancti Michaelis proximus venturum, sine morae dispendio revertantur. De frumento autem, vino, carnibus, piscibus, et aliis quae ad victum pertinent, modum nullum statuimus; cum in his omnibus abundet provincia, quae venduntur scholaribus secundum quod venduntur civibus et etiam per contradam. P. de V., XI, 415 — 416.

[3]) Это значеніе средневѣковыхъ университетовъ происходило главнѣйшимъ образомъ отъ четырехъ условій: *α*) при недостаткѣ школъ, книгъ, научныхъ пособій и т. п., они были и долгое время оставались почти единственнымъ средствомъ образованія; *β*) въ то время пренебрегали знаніями, а университеты увеличивали и оживляли участіе къ нимъ; *ν*) ихъ общее направленіе давало имъ особенную силу и *δ*) такъ какъ государи Европы (короли, князья, какъ свѣтскіе такъ и духовные, города) имѣли на нихъ почти только благопріятное, рѣдко ограничивающее вліяніе, то они пользовались полной свободой. Raumer, l. c., Bd, VI, S. 340.

Если нельзя съ точностію перечислить предметы, входившіе въ составъ университетскихъ каѳедръ, то съ большею вѣроятностію можно сказать, что медицинскія науки не входили въ этотъ составъ [1]), и для нихъ существовали особыя заведенія, какъ напр. медицинское училище въ Салерно. По дошедшимъ до насъ памятникамъ видно, что Фридрихъ II обращалъ большое вниманіе на медицинскія науки, которыя по самому существу своему имѣютъ такое важное практическое значеніе, — тутъ забота о наукѣ совпадала съ заботою о народномъ здравіи. Что касается послѣдняго, то въ постановленіяхъ (Constitutiones) можно встрѣтить довольно мѣръ медицинско - полицейскихъ [2]); но, какъ справедливо замѣчаетъ Раумеръ [3]), эти мѣры, эти заботы о народномъ здравіи, вслѣдствіе дурныхъ промышленныхъ постановленій не могли имѣть желаннаго успѣха. Въ этихъ постановленіяхъ, Фридрихъ II, между прочимъ, требовалъ отъ врачей, кромѣ спеціальнаго, общаго образованія, и съ точностію опредѣлялъ время, которое всякій, желавшій практиковать, обязанъ былъ провести въ занятіяхъ медициною, прежде чѣмъ могъ получить право лечить и подавать совѣты. Въ статьѣ *De medicis* именно говорится: «такъ какъ никто не можетъ дѣлать успѣховъ въ медицинѣ, не изучивъ логики, то мы желаемъ и повелѣваемъ, чтобъ никто не былъ допускаемъ къ изученію медицины, прежде чѣмъ онъ по крайней мѣрѣ три года изучалъ логику. Затѣмъ, если захочетъ, обязанъ въ теченіи пяти лѣтъ зани-

---

[1]) Этому повидимому противорѣчитъ слѣдующее мѣсто Constit. lib. III, tit. XLVII: presenti etiam lege statuimus ut nullus in medicina vel chirurgia nisi apud Salernum *vel Neapolim* legat (in regno) nec magistri nomen assumat, nisi diligenter examinatus in presentia nostrorum officialium et magistrorum artis ejusdem. Но мы основывались на чрезвычайно важномъ замѣчаніи издателей: *Vel Neapolim* deest in cod. latino et graeco. Regnante enim Friderico schola medicinae apud Neapolim jam non erat instituta. H. B. IV, 1, 151.

[2]) Constit. lib. III, tit. LXIV: de probabili experientia medicorum; tit. LXV: ut nullus audeat practicare nisi in conventu publice magistrorum Salerni sit comprobatus; tit. XLVII: de fidelium numero super electuariis et syrupis statuendo; tit. XLVIII: de conservatione aeris; tit. XLIX: de fide mercatorum in vendendis mercibus adhibenda; въ этой статьѣ перечисляются различнаго рода предметы, и между прочимъ жизненные припасы, при чемъ прибавлено, что они должны быть въ продажѣ свѣжими: ex quorum fraudibus maximum posset non rebus tantummodo, sed personis etiam damnum inferri. Много подобныхъ постановленій и замѣтокъ разсѣяно по другимъ статьямъ, въ которыхъ трудно было бы надѣяться встрѣтить подобныя замѣтки, что́ легко объясняется несистематичностію изложенія всего кодекса.

[3]) Raumer, l. c. III, 260; VI, 530.

маться медициной и хирургіей, составляющей часть медицины (qui est pars medicinae). Только послѣ этого, и не раньше, можетъ онъ быть допущенъ къ экзамену и къ практикѣ» [1]). Затѣмъ всякій долженъ былъ принести присягу, что твердо будетъ слѣдовать медицинскимъ постановленіямъ, что донесетъ на всякаго аптекаря, составляющаго лекарства не по установленному порядку и вѣсу, и наконецъ, что будетъ лечить больныхъ, людей недостаточныхъ, безплатно [2]). Кромѣ того, по прошествіи пяти лѣтъ, получивъ уже право практиковать, всякій обязывался въ теченіи перваго года практиковать подъ надзоромъ опытнаго уже врача [3]). Строго слѣдя также за уничтоженіемъ знахарства, Фридрихъ II самъ однако преступалъ эти законы; по крайней мѣрѣ общественное мнѣніе приписывало ему нѣсколько рецептовъ [4]), давать которые онъ не имѣлъ никакого права. Не мало заботился Фридрихъ II и о переводѣ сочиненій, касавшихся медицины: такъ, по его повелѣнію, медикъ Альдобрандинъ сьеннскій перевелъ одну медицинскую книгу съ греческаго на латинскій языкъ и, позже, съ латинскаго на французскій языкъ [5]).

---

[1]) Statuimus ut nullus in medicinali scientia nisi prius studeat ad minus triennio in scientia logicali; post triennium si voluerit ad studium medicinae procedat, in qua per quinquennium studeat, ita quod chirurgiam quae est pars medicinae infra praedictum tempus addiscat. Post quod et non ante concedatur sibi licentia practicandi, examinatione juxta curie formam prehabita et nihilominus recepto pro eo de praedicto tempore studii testimonio magistrali. H. B. IV, 235.

[2]) Iste medicus jurabit servare formam curie hactenus observatam, eo adjecto quod si parvenerit ad notitiam suam quod aliquis confectionarius (собств. дрогистъ) minus bene conficiat, curie denunciabit, et quod pauperibus consilium gratis dabit. Id.

[3]) Nec tamen post completum quinquennium practicabit, nisi per integrum annum cum consilio experti medici practicetur. Id.

[4]) MSS. Arundel, hr. 295, fol. 116 verso, 117 recto. H. B. Introd. DXXXIX.

[5]) Въ предисловіи, между прочимъ, говорится: «Tuit li acteurs qui onques traicterent de medicine, si dient, et voirs est, que medicine fu trouvé principalment pour garder le corps et en santé après (т. е. le corps en santé et en après) pour remouoir et pour ce Feldris, qui fuiadis empereres de Rome et puis fu condampnez à Lyon sur les maladies; le Rosne de pape Innocent en concile general, qui plus desiroit à garder le corps en santé que à conquerre le salut de s'ame, si comme il monstroit par ces (sic) euures, fist cest present liure translater de grec en latin et de latin en francois; et le translata maistre Halebrandis de Seenne, et fu faicte seste translation en l'an de l'Incarnation nostre Seigneur Ihesu Christ MCCXXXIII». Emile Littré дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе къ этому мѣсту: Tout cela est fort suspect. Le manuscrit est trop moderne pour inspirer de la confiance; et, de plus, on suppose difficilement qu'il ait existé en grec un livre où fussent cités les Arabes Johannitius, Isaac et Avicenne,

Въ 1224 же году Фридрихъ II основалъ университетъ въ Мессинѣ; въ 1250, въ годъ своей смерти — въ Павіѣ и Падуѣ; перечислять школы и другія, болѣе низшаго разряда заведенія, основанныя имъ же, тѣмъ болѣе не интересно, что въ подобныхъ учрежденіяхъ можно видѣть лишь намекъ на самую личность основателя, — и мы переходимъ къ фактамъ болѣе рѣзко характеризирующимъ какъ самаго Фридриха II, такъ и то участіе, которое онъ принималъ въ интеллектуальномъ движеніи первой половины XIII столѣтія.

Къ сожалѣнію, до нашего времени дошли очень скудныя извѣстія какъ о воспитаніи Фридриха II, такъ и объ его первоначальномъ обученіи. Всѣ наши свѣдѣнія касательно воспитанія ограничиваются однимъ письмомъ папы Иннокентія III къ Фридриху II [1]). Въ 1204 году папа писалъ о Фридрихѣ, которому тогда было десять лѣтъ: «со дня на день король пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе мудрости и прозорливости»; черезъ четыре года, въ 1208 году: «какъ бы на крыльяхъ летитъ король къ зрѣлости и старости по своей дѣятельности». Этимъ ограничиваются документальныя свѣдѣнія. Историческая литература въ Германіи, почти [2]) вся безъ исключенія, высказала свое удивленіе къ степени образованности Фридриха II. Знаменитый I. Миллеръ находитъ, что Фридрихъ II по своимъ геройскимъ подвигамъ равенъ древнимъ великимъ цезарямъ, а по образованности превосходитъ ихъ [3]); Функъ говоритъ, что въ этомъ отношеніи, онъ былъ на столько выше своихъ современниковъ, что немногіе понимали его и очень немногіе могли слѣдовать ему [4]); наконецъ въ новѣйшее время Ширмахеръ признаетъ, что образованность Фридриха I дала ему ту холодную обдуман-

---

à coté de Constantin, fondateur de l'école de Salerne. Littré, Hist. lit. de la France, XXI, 416 — 417.

[1]) H. B. I, 126, со словъ elevatio ad Deum corde. — Бильбасовъ, Крест. походъ Фр. II, с. 6 — 11.

[2]) Исключая конечно такихъ сочиненій, какъ напр. Höfler, Kaiser Friedrich II, München, 1844. Впрочемъ сочиненіе Гефлера и не считается за ученый трудъ, но разсматривается какъ пасквиль (Schmähschrift).

[3]) Kaiser Friedrich war an Heldensinn den alten grossen Cäsarn gleich, an Aufklärung den meisten überlegen. J. v. Müller.

[4]) Der Grad der Aufklärung, den er erreicht hatte, hob ihn so hoch über die mit ihm lebenden Menschen empor, dass nur Wenige ihn begreifen, Wenige seinen Plänen folgen können. Funck, Gesch. Kaiser Fr. II, Züllichau, 1792. Vorerinnerung.

ность, разсчетливый умъ и самостоятельность дѣйствія, которыя отличаютъ его [1]). Всѣ теперь признаютъ, что Фридрихъ II не щадилъ ни средствъ, ни личнаго труда, для пріобрѣтенія познаній. Довольно обширная переписка, веденная Фридрихомъ съ папами и другими государями Европы, не можетъ служить матеріаломъ для настоящей нашей задачи: въ своей перепискѣ Фридрихъ II является великимъ государственнымъ человѣкомъ и дипломатомъ, въ полномъ смыслѣ слова,—читая его письма, нерѣдко затрудняешься рѣшить, говоритъ ли онъ *да* или говоритъ *нѣтъ* [2]). Вотъ почему мы ограничимся лишь сводомъ тѣхъ фактовъ, которые подтверждаются извѣстіями современниковъ; и тутъ, не смотря на противорѣчія и непріязнь хроникеровъ къ Фридриху II, съ которымъ ихъ не могла примирить доморощенная мораль, онъ явится предъ нами естествоиспытателемъ, математикомъ и астрологомъ, философомъ, поэтомъ; онъ явился бы предъ нами и великимъ законодателемъ, еслибъ эта сторона его дѣятельности входила въ нашу задачу.

Фридрихъ II любилъ заниматься естественными науками. Раумеръ сравниваетъ его въ этомъ отношеніи съ Рожеромъ Бэкономъ [3]). Ему принадлежитъ честь устройства перваго звѣринца, въ которомъ итальянцы впервые увидѣли жирафа, видѣли слона [4]) и другихъ чуждыхъ итальянскому климату животныхъ. Любимѣйшими животными Фридриха II были соколы и лошади. Въ своемъ сочи-

---

[1]) Schirrmacher, G. Fr. II, 1, 35.

[2]) На дняхъ вышла 2-я тетрадь Histor. Zeitschr. за нынѣшній годъ; между прочимъ въ ней помѣщена небольшая статья: Kaiser Friedrich II von Ottokar Lorenz; мы съ удовольствіемъ выписываемъ изъ нее то мѣсто, въ которомъ очерченъ характеръ переписки Фридриха II съ папами: «Friedrich II hat als echter Staatsmann den doctrinären und überall aus den Kirchenrechtlichen Gedankenkreisen heraus polemisirinden Acten und Briefen der Päpste bis gegen Ende seiner Laufbahn nur selten mit principiellen Erörterungen etwa ueber das Verhältniss der beiden Schwerter geantwortet, — seine Schreiben sind vielmehr überall mehr besänftigend, entschuldigend, aber was er zu erwidern hatte, das wusste er sofort durch die Macht der Thatsachen geltend zu machen, die überall rasch und entscheidend seinen Ueberzeugungen Ausdruck geben. Es ist daher auch nicht leicht, von den Richtungen und Zielen seiner Politik ein sicheres und einheitliches Bild zu gewinnen. Hist. Zeit. von Sybel, 1864, 2-es Heft, S. 337.

[3]) Raumer, l. c., VI, 373.

[4]) Mense januarii 1248 bestia quae vocabatur elephans in Cremona obiit ex abundantibus humoribus; cujus corpus sepelitum fuit ut ossa ad avolii pervenirent. Chr. de reb. in It. gestis, 215. H. B. CXCIII.

пеніи *De arte venandi cum avibus* [1]), Фридрихъ II по преимуществу говоритъ о соколахъ; его сынъ Манфредъ сдѣлалъ къ книгѣ нѣсколько добавленій; позже, Альбертъ Великій написалъ сочиненіе *De falconibus, asturibus et accipitribus*, въ которомъ онъ копируетъ De arte venandi cum avibus. Замѣчательно, что въ средніе вѣка, лучшіе кречеты получались между прочимъ и изъ Россіи [2]). Соколиная охота была сильно развита въ XIII столѣтіи: про одного графа говорили, что онъ «звукъ охотничьяго рога ставитъ выше колокольнаго звона; лай гончей собаки ему пріятнѣе звука каплана; онъ пристальнѣе слѣдитъ за полетомъ сокола въ воздухѣ, чѣмъ за проповѣдью священника въ церкви» [3]). Конскіе заводы Фридриха II, въ Калабріи и Сициліи, содержались чрезвычайно роскошно; онъ самъ былъ знатокъ въ лошадяхъ и уходъ за ними былъ ему извѣстенъ не хуже его маршала Джордано Руффо, написавшаго особый трактатъ о лошадяхъ [4]). Многіе въ новѣйшее время признаютъ, что покупка Фридриха II у провансальскихъ купцовъ драгоцѣнныхъ каменьевъ [5]), что наконецъ тѣ богатства, которыя были найдены Карломъ Анжу въ одномъ изъ неаполитанскихъ замковъ (S. Salvador), служатъ знаками любви Фридриха II къ занятіямъ минералогіею [6]); это мнѣніе невольно возбуждаетъ улыбку и больше ничего; въ этомъ трудно даже видѣть знаки любознательности; намъ кажется, что простое желаніе придать блескъ своему двору собрало эти богатства. Занятія естественными науками были сопряжены въ то время съ большими неудобствами, главное изъ которыхъ заключалось въ невѣжествѣ и суевѣріи массы народа. Вотъ почему даже лучшіе люди того времени записали въ своихъ хроникахъ нелѣпыя обвиненія противъ Фридриха II. Такъ, между прочимъ, Фри-

---

[1]) Это сочиненіе издано Шнейдеромъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Reliqua librorum Friderici II imperatoris de arte venandi cum avibus, Lips., 1788, въ двухъ томахъ. Въ предисловіи издатель собралъ много данныхъ касательно занятій Фридриха II естественными науками. Многія изъ положеній выведенныхъ Фридрихомъ II впервые были подтверждены Клейномъ, въ концѣ прошлаго столѣтія. Klein, Verbesserte und vollst. Gesch. der Vögel; особенно интересенъ Th. III, § 49.

[2]) Le Grand d'Aussy, Vie privée, II, 4—5.

[3]) Hurter, Innocenz III, IV, 493.

[4]) Tractatus marischalciae domini Iordani Ruffi de Calabria. Capecelatro, Istor. di Napoli, II, 322. Объ измѣнѣ и казни Iordano Ruffo см. Sab. Malesp., Murat., VIII, 796.

[5]) H. B. V, 477.

[6]) Registre des Angevins, 93 fol., 1 vol. H. B. DXLVI.

дрихъ II, желая сдѣлать опытъ надъ пищевареніемъ, долго воспитывалъ двухъ собакъ при возможно одинаковыхъ условіяхъ, потомъ, накормивъ ихъ одинаковою пищею, заставилъ одну изъ нихъ бѣгать, а другую находиться въ покойномъ состояніи, послѣ чего, разрѣзавъ обѣихъ, дѣлалъ наблюденія надъ измѣненіемъ пищи; Салимбени же — ярый папистъ и отчаянный врагъ Фридриха II — записалъ въ своей хроникѣ будто бы Фридрихъ II сдѣлалъ подобный опытъ надъ людьми. Въ другой разъ, желая узнать происхожденіе перваго звука человѣческаго языка, Фридрихъ II воспитывалъ ребенка въ нѣмой тишинѣ; «дѣти могли умереть — говоритъ Салимбени — такъ какъ они засыпали безъ пѣсенъ и такъ какъ подобная нечеловѣческая тишина была невыносима.» Невѣжественный монахъ прибавляетъ, что Фридрихъ II часто дѣлалъ подобныя curiositates, superstitiones, perversitates, abusiones, credulitates etc. [1]).

Не мало посвящалъ Фридрихъ II времени на занятія математикою (ars mathematica). По этому поводу онъ долго держалъ при себѣ и позже находился въ частыхъ сношеніяхъ съ Леонардомъ Фибонацци (Leonardo Fibonacci), знаменитымъ въ свое время знатокомъ алгебры и великимъ геометромъ [2]). Это занятіе математикою дало современникамъ поводъ заподозрить Фридриха II въ желаніи быть равнымъ богамъ. [3]). При этихъ занятіяхъ Фридрихъ II отдалъ долгъ своему вѣку: онъ искренно любилъ и много занимался астрологіею, проводя много времени надъ математическими выкладками таинственнаго знанія. Современники видѣли въ этихъ занятіяхъ Фридриха желаніе унизить церковь и явное къ ней пренебреженіе [4]),

---

[1]) Adam de Salimbeni Parmensis (vixit saeculo XIII) chronicon. MSS. Bibl. Vatic. Nr. 7260. Raumer, III, 287.

[2]) Libri, Hist. des sciences mathém. en Italie, t. II, p. 27, 40, n. 1. Чрезвычайно интересно предисловіе, о которомъ упоминаетъ также П. В. Introd., DXXXIV.

[3]) Sed auditu mirabile! Iste Caesar qui fuerat in Orbe monarcha, et per universa mundi clima gloriosius coeperat venerari, credens fortassis suam cum superis per artis experientiam mathematicae coaequare naturam ac profunde coelestia perscrutari... Sab. Malesp., Murat., VIII, 788.

[4]) Alb. Beham, Bibl. der liter. Vereins von Stutgard, t. XVI, p. 128. H. B. DXXXI:

Amisit astrologos et magos et vates,
Beelzebuth et Astaroth, proprios penates,
Tenebrarum consulens per quos potestates
Spreverat Ecclesiam et mundi magnates.
Artes et auguria cessant Friderici

не смотря на то, что между самими высшими членами духовнаго общества, встрѣчаются не только вѣрующіе въ астрологію и некромантію, но даже изучающіе ихъ и дѣлающіе въ ней большіе успѣхи [1]). Впрочемъ, въ XIII столѣтіи вѣрою въ астрологію были заражены всѣ сколько нибудь знакомые съ математическими науками; одинъ изъ современниковъ даетъ прекрасное объясненіе [2]) этому увлеченію астрологіею: «мы не хотимъ настаивать на томъ, что никогда не внушало намъ довѣрія, мы боимся потерять время въ занятіяхъ астрологіею, хотя и нельзя порицать того, кто старается быть свѣдущимъ во всемъ, даже еслибъ онъ извлекъ изъ того самые незначительные результаты». При дворѣ Фридриха II жилъ философъ Ѳеодоръ, изъ Антіохіи, знаменитый двумя своими астрологическими промахами, не смотря на которые, Фридрихъ II нерѣдко совѣтовался съ нимъ, какъ съ знаменитымъ астрологомъ; впрочемъ, Ѳеодоръ занималъ много должностей при дворѣ Фридриха II и исполнялъ многія изъ его порученій, но особенно былъ онъ любъ Фридриху за какой-то сиропъ [3]), который Ѳеодоръ приготовлялъ особенно вкусно. Любовь Фридриха II къ астрономіи, какъ видно, была хорошо извѣстна его другу, султану вавилонскому, который такъ польстилъ императору, подаривъ ему (1232 г.) палатку, съ особеннаго рода механизмомъ: потолокъ представлялъ сводъ небесный, луна и звѣзды правильно вращались около солнца и весь механизмъ безошибочно показывалъ часы дня и ночи; эту палатку цѣнили въ то время въ 20,000 марокъ [4]). Тогда-то императоръ

Sibi nolunt obsequi daemones amici
Per quos emergentia solent saepe dici
Quia cedunt manui Domini ultrici.

[1]) Il cardinale Bianco (nel Roma) il quale era grande estrolago, e negromante. Ric. Malesp., Murat., VIII, c. CLXIX, p. 993. Наконецъ нельзя умолчать также о кардиналѣ Ubaldini.

[2]) Sed haec omittamus ad praesens, ne vidiamur in hiis aliquas phylacterias dilatare, in quibus numquam confisi sumus, nec in talibus perdere volumus tempus nostrum, quamquam nemmem redarguere deceat, qui pro posse (pro se) de omnis scientia student, cujus possit particulam qualem habere. Roland, 345.

[3]) Magistro Theodoro philosopho et fideli nostro damus in mandatis ut de sciropis et zuccaro violaceo, tam ad opus nostrum faciat, quam ad opus camerae nostrae, in ea quantitate sicut viderit expedire. H. B. V, 750.

[4]) Soldanus Babiloniae imperatori mittit tentorium mirifica arte constructum, in quo imagines solis et lunae artificialiter motae, cursum suum certis et debitis spatiis peragrant, et horas diei et noctis infallibiliter indicant. Cujus tentorii valor viginti

задалъ тотъ пиръ посламъ султана, за который позже такъ нападалъ на него папа, и при которомъ Θеодору, вѣроятно, пришлось выказывать свое поварское искусство.

Посвящая много времени наукамъ опытнымъ, Фридрихъ II не пренебрегалъ и занятіями умозрительными. По извѣстіямъ одной хроники, «онъ былъ свѣдущъ въ философіи [1]) и, какъ самъ старался изучить ее, такъ точно повелѣлъ распространять философскія свѣдѣнія и во всемъ своемъ королевствѣ [2]). Самымъ важнымъ плодомъ его занятій философіею былъ переводъ [3]) Аристотеля на латинскій языкъ. Извѣстно какую роль играли творенія Аристотеля въ средневѣковой образованности, — Аристотель былъ всеобщимъ руководствомъ и авторитетомъ науки среднихъ вѣковъ. Братъ императора Конрада III, знаменитый хронистъ Оттонъ фрейзингенскій, былъ однимъ изъ первыхъ лицъ, которыя старались распространить если не идеи Аристотеля, то тѣ взгляды на мнѣнія великаго грека, которые пріобрѣтали они при изученіи его твореній [4]). Императоръ Лотарь II послалъ въ Константинополь двухъ ученыхъ того времени — Якова Клерика изъ Венеціи и Ансельма, епископа

---

millium mercarum pretium dicitur transcendisse. Hoc apud thesauros regios apud Venusium est repositum. Accedente pascha Sarracenorum, in die Mariae Magdalenae, imperator nuncios Soldani et Vetuli de Montanis ad convivium vocat, et iis, multis episcopis assidentibus et multis nobilibus Teutonicis, festivas epulas parat. Godefr. Colon. ad a. 1232. Boehmer, Fontes, II, 364.

[1]) Frédéric II troubadour par goût et philosophe peut-être par ostentation. Ozanam, Oeuv. compl., VI, 68. Озанамъ не понялъ ни Гогенштауфеновъ, ни Фридриха II. Для доказательства довольно привести два мѣста: Le Sainte-Empire romain, deshonoré par les crimes des Hohenstaufen perdait les hommages de ses plus illustres feudataires et ses vieux titres de suprématie universelle. Id. p. 63. Еще, касательно Фридриха II: Le tyran Frédéric II, vaincu à son tour, poursuivi par une fatalité vengeresse, alla mourir étouffé sous coussins par la main d'un de ses tards. Id. 343. Серьезно опровергать подобныя нелѣпости — скучно.

[2]) Philosophiae studiosus erat, quam et ipse in se coluit et in Regno suo propagari ordinavit. Nic. de Jams., Murat. VIII, 495. Текстъ чрезвычайно испорченъ. Heic omnes Codices aliqui vitii habent, говоритъ издатель. Здѣсь же находится извѣстіе о вліяніи на него философіи: Multoque sane facisset majora, quam fecit, si cordis sui motibus potuisset absque freno Philosophiae obtemperare. Id. Я привелъ исправленный уже текстъ.

[3]) Объ этомъ переводѣ см. Jourdain, Recherches sur la traduction d'Aristote, p. 156—165.

[4]) Отто Фрейзинг., какъ и всѣ въ то время, вслѣдствіе вліянія церкви, занимался лишь діалектическими книгами Аристотеля. Fabric., Bibl. med. latin, V, 551.

гавельбергскаго — поручивъ имъ купить творенія греческихъ мудрецовъ и перевести ихъ на латинскій языкъ [1]). Но самыми ревностными распространителями Аристотеля были доминиканцы, которые однимъ изъ обѣтовъ своего ордена были обязаны посылать миссіонеровъ въ сарацинскія земли, что естественно знакомило ихъ съ арабскимъ языкомъ и арабскою образованностію, въ которой царилъ Аристотель; и «доминиканцы промѣнивали религію на ученость» [2]). То обстоятельство, что средніе вѣка познакомились съ Аристотелемъ чрезъ арабовъ — чрезвычайно важно: средневѣковая философія знала не греческаго Аристотеля, этого трезваго, систематическаго, великаго мыслителя древности, но арабскаго, до того переполненнаго неоплатоническими и мистическими комментаріями, что, по словамъ Бэкона, текстъ самый невозможно было понять [3]). Въ это-то время Фридрихъ II перевелъ Аристотеля, но опять съ арабскаго и греческаго на латинскій языкъ. Для насъ впрочемъ не такъ важенъ самый переводъ, какъ письмо Фридиха II, при которомъ онъ отправилъ этотъ переводъ въ Болонскій университетъ [4]); этому письму мы обязаны тѣмъ, что имѣемъ въ настоящее время довольно точное извѣстіе о взглядѣ Фридриха II на науку. Въ 1232 году, отсылая болонцамъ свой трудъ, Фридрихъ II писалъ: «Наука должна измѣнить образъ правленія, законоположенія и военное искусство; она покоряетъ прелести міра сего и невѣжество; безъ науки, человѣкъ или впадаетъ въ нерадѣніе или необузданно переходитъ всякіе дозволенные предѣлы. Мы, съ самой нашей юности, любили науку; мы старались пріобрѣсти познанія какъ общія, которыя всякій человѣкъ естественно старается узнать, такъ и частныя, которыя могутъ принести пользу. И позже, принявъ тяжелыя бразды правленія, мы не переставали заниматься наукой; мы посвящаемъ занятіямъ свободное отъ государственныхъ дѣлъ время, желая укрѣпить себя пріобрѣтеніемъ познаній, этимъ благомъ, безъ котораго не можетъ быть достойно выполнено назначеніе человѣческой жизни [5]). Одинъ изъ плодовъ нашихъ занятій —

---

[1]) Tiraboschi, St. lit. It., IV, c. 7, 143.

[2]) Fleury, Hist. éccles., XVI, 411.

[3]) Quoniam autem non potest textus Aristotelis propter perversitatem translationis intelligi. Baco Opp., p. 262 (изд. 1733).

[4]) Mittit magistris et scholaribus Bononiensibus libros Aristotelis de Graeco et Arabico in Latinum per eum noviter translatos. P. V. III, LXVII, p. 503—506.

[5]) Post regni vero nostri curas assumptas, quanquam operosa frequenter nego-

предлагаемыя книги Аристотеля, переведенныя нами съ греческаго и арабскаго на латинскій языкъ. И такъ какъ познанія не только не гибнутъ отъ распространенія ихъ и не терпятъ отъ того никакого вреда, но даже становятся тѣмъ болѣе прочными, чѣмъ болѣе распространены, то мы не хотимъ скрывать плоды трудовъ нашихъ, но, напротивъ того, стараемся подѣлиться съ другими, пріобрѣтенными нами свѣдѣніями [1]). Вы, которые благоразумно черпаете свѣжую воду изъ древнихъ цистернъ, вы, утоляющіе научный голодъ юности, примите же вы этотъ нашъ трудъ, какъ даръ отъ вашего друга — государя». Читая это посвященіе въ подлинникѣ, невольно относишься къ нему съ сомнѣніемъ; какъ-то не вѣрится, чтобъ такія строки могли принадлежать XIII столѣтію! — Занятія философіею въ средніе вѣка, вообще, носили на себѣ особенный характеръ. Если Гизо правъ, говоря, что философія, какъ и вообще все интеллектуальное развитіе унаслѣдовано нами отъ грековъ, чрезъ посредство римлянъ [2]), то эта родственная связь съ Греціею, бывшею въ интеллектуальной сферѣ представительницею свободы мысли, менѣе всего отразилась на философіи среднихъ вѣковъ и на средневѣковыхъ мыслителяхъ менѣе всего покоится этотъ античный духъ [3]) свободнаго изслѣдованія. Философія среднихъ вѣковъ до Р. Бэкона, занимавшаяся *чрезвычайно важнымъ* вопросомъ о сущности universalium, не шла далѣе разсмотрѣнія трехъ родовъ universalium [4]). Въ это-то время, Р. Бэконъ на с.,

---

ciorum turba nos distrahat et civilis sibi ratio vendicet, solicitudinis nostrae partes, quidquid tamen temporis de rerum familiarium occupatione decerpimus, transire non patimur ociosum; sed totum in lectionis exercitatione graturte libenter expendimus, ut animae clarius vigeat iustrumentum in acquisatione scientiae, sine qua mortalium vita non regitur liberaliter. P. V. III, LXVIII, p. 504.

[1]) Quia vero scientiarum generosa possessio, in plures dispersa non deperit et distributa per partes minorationis detrimenta non sentit, sed eo diuturnius perpetuata senescit, quo publicata secundius se diffundit; hujusmodi celare laboris emolumenta nolumus, nec aestimavimus nos eadem retinere jucundum, nisi tanti boni nobiscum alios participes faceremus. P. V. l. c., p. 505.

[2]) Le principe de la philosophie et de tout développement intellectuel est un don de la Grèce, qui nous a été transmis par Rome. Guizot, Cours d'hist., leç. XXX.

[3]) Chez tout les philosophes, les libres penseurs du moyen-âge, il y a un souffle de l'antiquité. L'hellénisme fut vaincu par le christianisme en tant qu'il s'identifiait avec le paganisme; mais il renfermait encore un autre élément qui ne pouvait périr, c'est la liberté de penser, le plus beau don de Dieu. Laurent, Droit des gens, VIII, 338.

[4]) Эти три рода были: universalia ante rem (Платонъ) universalia in re (Аристотель) и universalia post rem (стоики).

Фридрихъ II на югѣ Европы проломали довольно значительную брешь въ шанцахъ, которыми римская церковь старалась окопать интеллектуальное развитіе, и этимъ отчасти естественно объясняется непріязнь римской куріи къ подобнымъ занятіямъ философіею; римская церковь допускала, напримѣръ, изученіе Аристотеля лишь на столько, на сколько это изученіе не пробуждало свободы мышленія и, переплетенное непонятными выраженіями и еще менѣе понятными комментаріями, было далеко отъ истины. Папа Григорій IX, тотъ самый, съ которымъ Фридриху II приходилось такъ много разъ имѣть самыя непріятныя столкновенія, въ одномъ изъ своихъ писемъ парижскому университету упоминаетъ о противорѣчіи, въ которомъ, по его мнѣнію, стояла современная ему философія къ христіанской религіи [1]); немного позже, въ половинѣ XIII столѣтія, папскій легатъ запретилъ діалектикамъ заниматься теологіей и теологамъ вопросами философскими, на томъ основаніи, что смѣшеніе теологіи и философіи порождаетъ каждодневно новыя ереси [2]). Что касается Фридриха II, то до насъ, кромѣ перевода Аристотеля, не дошелъ ни одинъ изъ его самостоятельныхъ трудовъ по философіи. По увѣренію римской партіи, Фридрихъ II написалъ трактатъ De tribus impostoribus [3]). Церковь страшно ратовала противъ автора этого сочиненія. Но должно сказать, что если сочиненіе это и дѣйствительно появилось въ XIII столѣтіи, то еще ничто не дозволяетъ назвать Фридриха II его авторомъ, такъ точно, какъ ничто не доказываетъ, чтобы это сочиненіе было писано Петромъ винейскимъ по приказанію императора. Многіе ученые заподозрѣваютъ даже существованіе такого трактата [4]), и объясняютъ это лишь желаніемъ извѣстной партіи взвести какъ можно болѣе обвиненій на Фридриха II, что

---

[1]) Du-Chesne, Hist. fr. ser., V, 50 (Rigord. Vita Philip. Aug.). Neander, Kirchengesch., V, 1, 557.

[2]) D'Argentré, Coll. jud., I, 158. Laur., l. c., p. 327.

[3]) Renan (Averr. et l'Averr. p. 235) прекрасно доказалъ, что это сочиненіе въ XIII столѣтіи не существовало. Huillard-Bréholles (Gr. Chr. du M. P. t. IV, p. 594, n. II) посвящаетъ этому вопросу цѣлую главу и снимаетъ съ Фридриха II взводимое на него обвиненіе.

[4]) Sonderbar aber ist es, dass das Dasein eines Buches, worauf der römische Hof so oft seine Vorwürfe gründete, von vielen neuern bezweifelt wird. Funck, l. c., 104. Жіанноне даже не сомнѣвается въ несуществованіи подобнаго сочиненія. Giannone, l. c., II, 389.

можно встрѣтить и въ новѣйшихъ сочиненіяхъ этой партіи, но что уже не стоитъ труда опровергать [1]). Изъ самостоятельныхъ занятій Фридриха II философіею, сохранились лишь нѣкоторые изъ вопросовъ, съ которыми Фридрихъ обращался къ магометанскимъ ученымъ [2]).

Во всякомъ случаѣ, занятія философіею имѣли вліяніе на убѣжденія и на самую жизнь Фридриха II. Матеріалистическое ученіе, ставшее съ конца XII столѣтія доктриною Гибеллиновъ, въ первой половинѣ XIII столѣтія сдѣлало новые успѣхи: внуки Аверроеса были приняты при итальянскомъ дворѣ Гогенштауфеновъ [3]), въ то самое время, когда въ Nocera была основана сарацинская колонія. Эти два событія дали поводъ думать одному французскому ученому, что Фридрихъ II желалъ основать особую философскую школу, противоположную католическому ученію [4]). Крайніе приверженцы клерикальныхъ тенденцій съ неудовольствіемъ смотрѣли на тѣ мѣры Фридриха II, которыми онъ старался поднять научный уровень своихъ подданныхъ. Дворъ Фридриха II, какъ позже Манфреда, конечно не могъ удовлетворить слишкомъ требовательную, малотерпимую партію римской куріи и церкви; на Фридриха II сыпались обвиненія въ безвѣріи, и эти обвиненія не всегда были мирнаго характера, не всегда ограничивались словами. Подобныя обвиненія, при установившемся положеніи: de internis non judicat ecclesia —

---

[1]) Es ist bekannt, dass die Quellen über Friedrich II die mannigfaltigsten und widersprechendsten Mittheilungen machen und die reichlichsten Handhaben für seine Ankläger und Vertheidiger geben. Eine der sogenannten vernichtendsten Anklagen des Kaisers war wohl die, dass er ein Feind aller Kirche und Religion gewesen und dabei dennoch aus blosser Grausamkeit Kätzer verfolgt und abergläubischen Schwindeleien nachgejagt hätte. Seine Ankläger erzählen, wie er von Moses und Christus und Mahomet gleich unehrerbietig gesprochen.... Wir unsererseits gestehen, dass uns die ganze Frage durchaus untergeordneter Natur zu sein scheint und keinerlei ernste Würdigung verdient. Lorenz, l. c., 319.

[2]) Amari, Questions phylosophiques adressées aux savants musulmans par l'empereur Frédéric II. Помѣщено въ Journal asiatique, 1853, Nr 3.

[3]) Renan, 335.

[4]) Frédéric II ralliait autour de lui toutes les opinions perverses, et semblait vouloir constituer une école antagoniste de l'enseignement catholique. Ozanam, l. c., p. 99. Озанамъ ничѣмъ не подтверждаетъ своей догадки; одинъ изъ его соотечественниковъ, Лоранъ, на котораго мы уже часто ссылались, повторяетъ эту догадку, но въ распространенномъ уже видѣ и ссылается на Pistor, I, 1327. Laurent, l. c., p. 347.

непонятны; но въ XIII столѣтіи они имѣли большое значеніе. Сношенія Фридриха II съ востокомъ, занятія съ сарацинами, съ одной стороны, сдѣлали его приверженцемъ арабской культуры и поселили въ немъ религіозный индифферентизмъ [1]), съ другой, вмѣстѣ съ непріязнію и духовенства и народа къ раціонализму, породили самые нелѣпые толки, какъ объ немъ самомъ, такъ и объ его занятіяхъ [2]). Подозрительная ортодоксальность Фридриха II, по понятіямъ современниковъ, не дозволила ему быть однимъ изъ первыхъ людей своего вѣка [3]). Обвиненія подобнаго рода по самому существу своему до того эластичны, что еще ни одно изъ нихъ не было основано на очевидныхъ доказательствахъ; по этимъ обвиненіямъ легче узнать убѣжденія обвинителя, нежели обвиняемаго; что касается Фридриха II, то обвиненія его въ безвѣріи были до того шатки, что современникъ его, знаменитѣйшій изъ историковъ среднихъ вѣковъ [4]), упомянувъ объ нихъ, прибавляетъ: Si peccabant vel non, novit ipse qui nihil ignorat [5]). Настоящая историческая наука не въ состояніи лучше оправдать Фридриха II!

Многосторонняя интеллектуальная дѣятельность Фридриха II привлекала къ нему все, что было безпредразсудочнаго и развитаго въ то время. Въ числѣ лицъ, раздѣлявшихъ его труды на этомъ

---

[1]) La cour de Frédéric et plus tard celle de Manfred devinrent ainsi un centre active de culture arabe et d'indifférence religieuse. L'empereur savait l'arabe et avait appris la dialectique d'un musulman de Sicite (Amari, l. c., fevr. mars, 1853, p. 242). Le cardinal Ubaldini professait ouvertement le materialisme (Benvenuto Imola, ad Inf. c. X, v. 120). L'ortodoxie de Michel Scot et de Pierre des Vignes était fort soupçonnée. Renan, 288.

[2]) Les goûts arabes de Frédéric II, son amour de la science, dénaturés par la haine des Mendiants et par cette suspicion naturelle qu'eprouve le peuple pour la science rationelle, donnaient lieu aux rumeurs les plus étranges, au calomnies les plus extravagantes. On racontait des choses terrible de ses experiences: qu'il avait eventré des hommes etc. Renan, 291.

[3]) Si bene fuisset catholicus, paucos habuisset in imperio suo pares in mundo. Salimbene, p. 209 (ed. Parmae, 1857).

[4]) О Матвѣѣ Парижскомъ Бокль говоритъ: Mathew Paris, the most eminent historian during the thirternth century, and one of the most eminent during the Middle Ages. Buckle, Hist. of civil. in Engl., 1, 289. Собственно говоря, справедливый отзывъ этотъ должно отнести не къ Матвѣю Парижскому, а къ Рогеру Вендоверскому (Roger of Wendower), — см. Стасюлевича, Ист. сред. вѣковъ въ ея писателяхъ, II, 905.

[5]) Matth. Par, l. c., ad a. 1238.

поприщѣ, замѣчательны многіе изъ арабовъ [1]) и евреевъ [2]). Его сношенія съ иностранцами облегчались знаніемъ языковъ; Фридрихъ II зналъ латинскій, греческій, итальянскій, нѣмецкій, французскій и арабскій [3]), что́ не мало удивляло его современниковъ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи; самъ онъ не зналъ еврейскаго, но не пренебрегалъ имъ и, по его распоряженію, еврейскій языкъ преподавался въ салернскомъ медицинскомъ училищѣ [4]), такъ какъ евреи того времени обладали многими изъ медицинскихъ познаній, неизвѣстныхъ еще христіанской Европѣ. Особенно замѣчательны занятія Фридриха II итальянскимъ языкомъ, который въ XIII столѣтіи ясно уже обрисовывался. Итальянскій языкъ развивался по преимуществу въ Сициліи, и во времена еще Данте былъ извѣстенъ подъ именемъ сицилійскаго языка [5]). Фридриху II принадлежитъ честь одного изъ первыхъ итальянскихъ стихотворцевъ, творенія которыхъ дошли до насъ [6]). Почти возникшая въ то время *poesia volgare* [7]) скоро достигла высокаго совершенства: только одна ита-

---

[1]) Reinaud, Extraits des histoir. arab. rélatifs aux crois., p. 626, 431 sqq. Арабскій языкъ преподавался во многихъ училищахъ, что видно изъ письма Фридриха II отъ 24 дек. 1239 г. Н. В. V, 603,

[2]) Двое изъ евреевъ особенно замѣчательны: 1) Jacob ben Abba Mari (De Rossi, Cod. mnscr. hebr. t. II, p. 162) и 2) Juda Cohen ben Salomon (Renan, l. c.). Н. В. DXXVI.

[3]) E fu uomo ardito (Federigo), e franco, e di grande valore, e scienza, e di senno naturale fue savissimo, e seppe lingua latina, e il nostro parlare, e'l Tedesco, Francese, e Greco, Saracinesco... Далѣе слѣдуютъ обычныя обвиненія Фридриха II за его отвращеніе къ монашеской жизни: e tenne molte concubine, e malmalucchi a guisa di Saracini, e in lutti diletti corporali si diede, e tenne quasi vita Epicuria, non facendo che mai posse altra vita. Ricordano Malespini, Ist. Fiorent., CXII. Murat. VIII, 953. Объ арабскомъ языкѣ упоминаетъ Ренанъ въ выпискѣ, приведенной нами выше.

[4]) Chron. MSS. n. 4936. Cod. Epist. n. 4957, fol. 39. Raumer, III, 417. Н. В. DXXXIX.

[5]) Tiraboschi, Storia della lit. It., t. IV, l. III, c. 3, § 5. — Sismondi, l. c. II, 200.

[6]) Объ итальянскихъ стихахъ Фридриха II см. Dante, De volgare eloquio. Gregorio, Discorsi intorno alla Sicilia, t. I, p. 241. Crescimbeni, Storia della volgar poesia, v. II, p. 185. Во Флоренціи хранился сборникъ его провансальскихъ стиховъ, подъ рубрикою Dompn Frederic de Cecilia; теперь они уже изданы. Объ латинскихъ стихахъ см. Huill. Bréholles, Recherches sur l'hist. et les monum. etc., p. 69.

[7]) Функъ говоритъ, что Фридрихъ II основалъ въ Палермо eine Akademie di volgar favella. Funck, l. c., 76. Къ сожалѣнію, онъ не указываетъ источника, изъ котораго онъ почерпнулъ это извѣстіе; объ этомъ никто не упоминаетъ.

льянская литература пользуется честью говорить на страницахъ своихъ о Данте, о которомъ можно сказать его же словами [1]):

Di cui la fama ancor nel mondo dura
Et durerà quanto il mondo [2]) lontana.

Говоря о произведеніяхъ Фридриха II нельзя умолчать объ его любви къ поэзіи; это была въ высшей степени поэтическая натура и въ этомъ отношеніи картина Крелинга отличается историческою вѣрностью [3]). Фридрихъ II особенно любилъ провансальскую поэзію [4]), бывшую «первымъ проявленіемъ новаго элемента, который въ связи съ остатками античной цивилизаціи и съ идеями христіанства образовалъ духъ среднихъ вѣковъ» [5]). Трубадуры менѣе всего посѣщали Германію и сношенія съ ними происходили лишь въ Италіи, при посредствѣ императоровъ [6]), особенно Фридриха II. Первыя строки итальянской поэзіи принадлежатъ провансальцу-трубадуру, Raymbaut de Vaqueiras написалъ въ концѣ XII ст. небольшую пьеску изъ шести куплетовъ, въ которой первые пять куплетовъ написаны на пяти языкахъ — провансальскомъ, итальянскомъ, французскомъ, гасконскомъ и кастильскомъ, а шестой куплетъ состоялъ изъ смѣси всѣхъ шести языковъ [7]).

---

[1]) La Divina Commedia giusta la lezione del codice Bartoliniano, Inf. II, 59—60. Въ русскомъ переводѣ г. Мина:

Чья слава свѣтъ наполнила далеко,
И будетъ въ немъ, пока продлится свѣтъ.

[2]) Чтеніе: quanto'l *moto* lontana отвергается издателями не безъ основанія. Ib., 1, 17 — 18.

[3]) См. снимокъ въ Illustrirte Zeitung, 1862, 21 Juni, Nr. 990. Фридрихъ II представленъ юношей, голова увѣнчана лавровымъ вѣнкомъ, въ правой рукѣ арфа (Sängerharfe), — ein Bild von anziehender Schönheit und Poesie, говоритъ очевидецъ, S. 421. Картина находится въ Нюрнбергѣ; директору Нюрнбергской академіи Kreling'у поручено украсить залъ портретами въ ростъ всѣхъ императоровъ, посѣщавшихъ Нюрнбергъ.

[4]) Ep. Frid, ab 5 febr. 1240. H. B. V, 722.—Paulin-Paris, Les manus: franc. de la Bibl. du roi, t. II, p. 346.

[5]) La poésie provençale est la première manifestation de l'elément nouveau, qui dans sa combinaison avec les restes de la civilisation antique et avec les idées chrétiennes a formé l'esprit du moyen-âge. Fauriel, poés. prov. 1, V.

[6]) Faur., III, 238. Трубадуры въ Италіи назывались *giullari*. Tiraboschi, l. c. I, 37.

[7]) Такого рода пьесы назывались *le descort*; нерѣдко формы куплета были различны. Faur. III, 276 — 277.

И въ этомъ отношеніи Фридрихъ II съумѣлъ сдѣлать свой дворъ сборнымъ и любимымъ мѣстомъ поэтовъ; многіе изъ его приближенныхъ отличались поэтическимъ талантомъ [1]); итальянская поэзія съ начала XIII ст. развивается все болѣе и болѣе и, зачавшись въ Сициліи, при Фридрихѣ же II переходитъ на континентъ Италіи, въ Флоренцію, Сьенну и др. города [2]). Ему же обязана Италія тѣмъ, что, начиная съ XIII столѣтія, эпическіе романы цикла Карла Великаго и Круглаго Стола стали народными. Во *Fiesole*, въ трехъ миляхъ отъ Флоренціи, въ каверне фей, Роландъ дѣлается неуязвимымъ; здѣсь волшебникъ *Maugis*, племянникъ Renaud de Montaban, впервые познаетъ некромантію; въ Ломбардіи нашелся мечь Тристана; на горѣ Этнѣ было главное сѣдалище Артура, который не умеръ, но лишь чудесно изчезъ изъ Бретаніи, онъ снова туда явится, и снова будетъ царствовать [3])!

Сохранились также извѣстія о томъ, какъ Фридрихъ II любилъ искусства [4]), — но наиболѣе всего живопись [5]); собиралъ произведенія изящныхъ искусствъ [6]). Его замки были изящно изукрашены и въ архитектурномъ отношеніи были наилучшими произведеніями своего времени, какъ напр, увеселительный замокъ *Foggia* [7]) въ ко-

---

[1]) Болѣе извѣстные поэты: сицильянецъ Ciullo di Alcamo, Giacomo da Zentino. Guittone d'Arezzo, Guido Cavalcanti и др. Tiraboschi, IV, 364. Знаменитый Petro de Vinea изобрѣлъ сонетъ, прелестнѣйшую форму поэтическихъ произведеній.

[2]) Le lever du treizième siècle est célébré par des chantes d'une harmonie j'us qu'alors inconnue. Les hommes libres de Florence et de Sienne échangeaient des vers d'amour avec les courtisans siciliens de Frédéric II, tandis que sur les montagnes d'Ombrie on entendait le cantique de saint François d'Assise. Ozanam, l. c., VI, 38.

[3]) Fauriel, l. c., 1, 51.

[4]) Omnium artium mechanicarum quibus animum advertit artifex peritus. Ricob. Ferr., Murat. IX, 132.

[5]) Tunc ab ista parte Capuae fieri super montem Castellum jubet, quod ipse manu propria consignavit. Ric. s. Germ., Murat, VII, 1034.

[6]) Statuam hominis aeream, et vaccam aeream similiter, quae diu steterant apud S. Mariam de Crypta ferrata et aquam per sua foramina artificiose fundebant, in Regnum, apud Lucceriam Apuliae civitatem, ubi Saraceni degebant, portari jubet. R. I. l. c., 1050.

[7]) Сохранилась надпись, см. Cenni, Storia di Foggia, p. 70. H. B. DXLVII:

Sic Cesar fieri jussit opus istud
Bartolomeus sic construxit illud
Anno ab Incarnatione MCCXXIII
Mense Junii XI indictione, regnante
Domino nostro Frederico Imperatore

торомъ покоилось въ первое время его тѣло; стѣны замка *Roseto* были раскрашены [1]), и Фририхъ II дорого платилъ венеціанскимъ купцамъ за ту великолѣпную мебель, которою былъ украшенъ замокъ *S. Salvador* [2]). До нашего времени сохранились нѣкоторые портреты отъ того времени [3]): итальянецъ Вильгельмъ Ботта послалъ Карлу анжуйскому, графу Прованса, книгу [4]), украшенную изображеніемъ императора Фридриха II и этотъ портретъ считается наилучшимъ [5]). Живопись того времени насчитываетъ именъ не много, но именъ славныхъ: таковъ Nicolaus Pisanius, жившій долгое время при дворѣ Фридриха II въ Неаполѣ, который «по духу, стилю и естественности былъ выше всего, что осталось отъ паденія древняго міра» [6]); таковъ Cimabo, который, по словамъ Данте, долго не находилъ себѣ соперника [7]) и др. Раумеръ говоритъ, что въ отношеніи къ живописи Фридрихъ II сдѣлалъ болѣе, чѣмъ многіе князья позднѣйшаго времени [8]). Патрономъ живописи признавался евангелистъ Лука; быть можетъ это вызвало законъ противъ нецѣломудренныхъ и суетнаго содержанія картинъ [9]).

Romanorum semper Augusto anno III
Et rege Sicilie anno XXVI, hoc opus
Feliciter inceptnm est prephato
Domino precipiente.
Hoc fieri jussit Fridericus Cesar ut urbs sit
Fogia regalis sedes inclita imperialis.

[1]) Quod autem ostraca castri nostri Roseti.... pluvialis aqua penetrabat in destructionom picturarum et lignaminum etc. H. B. V, 588.

[2]) Registre des Angevins, 93 fol. H. B. DXLVI.

[3]) О каринѣ изображавшей Фридриха II и Петра винейскаго см. Franc. Pipin. Chr., Mutat, IX, 660.

[4]) Liber imperatoriae majestatis effigie decoratus. Papon, H. de Prov., t. II, Preuves, n. 74.

[5]) Отпечатанъ у Seroux d'Agincourt, Hist. de l'art par les monum., V, pl. 73

[6]) Kugler, Geschichte der Malerei, 1, 170 sqq. Онъ работалъ при гробницѣ св. Доминика въ Болоньѣ, во многихъ церквахъ въ Сьеннѣ, гдѣ онъ получалъ 8 солидовъ въ сутки, въ Пизѣ и др. городахъ. Что онъ оставилъ по себѣ въ Неаполѣ, достовѣрно неизвѣстно. Raumer, VI, 495.

[7]) Dante, Div. Com., Purg., XI, 94 — 96:

Credette Cimabò nella pittura
Tener lo campo, et ora ha Giotto il grido
Si che la fama di colui oscura.

[8]) Raumer, l. c., 494.

[9]) Et quae in se habeant materiam vanitatis. Le Paige, Bibl. Praem. ordinis. 663, Raumer, VI, 601.

Фридрихъ II первый дозволилъ дѣлать раскопки въ видахъ (археологической) пользы [1]).

Такое многостороннее развитіе, такая обширность познаній Фридриха II даетъ ему полное право занять почетное мѣсто въ кругу представителей интеллектуальнаго развитія XIII столѣтія; и интересующійся исторіею XIII столѣтія, съ любовью останавливаясь на такихъ личностяхъ какъ Аланъ риссельскій, выставившій свое знаменитое положеніе [2]), какъ Альбертъ болштедскій, прозванный великимъ за силу своего генія [3]), какъ Рожеръ Бэконъ, doctor mirabilis, вызвавшій удивленіе Гумбольдта [4]), какъ Альбертъ Великій (1195 — 1280), какъ Снорро-Стурлезонъ, какъ св. Бонавентура, doctor seraphicus, какъ Ѳома аквинскій, doctor angelicus [5]), какъ Михаилъ Скотъ, — интересующійся исторіею XIII слолѣтія, говоря объ этихъ дѣятеляхъ въ сферѣ интелектуальной жизни того общества, не имѣетъ права умолчать о римскомъ императорѣ германской націи Фридрихѣ II Гогенштауфенѣ.

Говоря о мѣрахъ, которыя принималъ Фридрихъ II для просвѣщенія и благоденствія своего народа, говоря о данныхъ культуры того времени, нельзя умолчать о распоряженіяхъ, касавшихся торговыхъ операцій, которыя лучше всего могутъ дать понятіе объ экономическомъ состояніи королевства. Какъ промышленность, такъ и торговля наибольшимъ образомъ зависятъ отъ государственнаго и общественнаго быта страны. «Гдѣ лице — говоритъ Милль — извѣстное за человѣка, имѣющаго что нибудь порядочное и цѣн-

---

[1]) Quod in partibus Augustae sunt loca in quibus sperat firmiter inventiones maximas invenire, si nos sibi daremus, licentiam fodendi in partibus ipsis. Nos autem sperantes inde habere posse proficuum etc. H. B. V, 825.

[2]) Fides est supra opinionem. . . . De arte 1, 17.

[3]) Альбертъ еп. регенсбургскій, 1114 — 1203. Albert nous semble le plus digne à la fois des hommages de la postérité et de l'examen de l'historien; il offre le spectacle de l'intelligence la plus vaste, la plus complète de son epoque etc. Caraman, Révol. de la philos. en France, III 170. Raumer, Ozanam, VI, 398.

[4]) Humbold, Untersucht ueber die neue Welt. 1, 69.

[5]) Albert le Grand, Roger Bacon, St. Bonaventure et St. Tomas d'Aquin constituent entre eux, pour ainsi dire, une représentation complète (?) de toutes les puissances intellectuelles; ce sont les quatre docteurs qui soutiennent la chair de la philosophie dans les temple du moyen-âge. Leur mission était vraiment l'instauration des sciences, mais non point la consommation définitive. Ozanam. VI, 87.

ное, должно ожидать, что это имущество будетъ у него взято, тамъ, конечно, едва ли кто захочетъ производить больше, чѣмъ то необходимо ему на простое поддержаніе жизни [1])».

Въ средніе вѣка, внѣшняя торговля запада съ востокомъ [2]) по преимуществу вращалась на сѣверѣ Германіи; привозъ восточныхъ товаровъ, чрезъ посредство Россіи, ограничивался сафьяномъ, шелкомъ и мѣхами [3]); позже, чему особенно способствовали крестовые походы, венеціанскіе и генуезскіе корабли, перевозившіе на В. крестоносцевъ, завязали тамъ довольно значительныя торговыя операціи. Во время вступленія Фридриха II на престолъ, торговля сѣвера Италіи, торговля Венеціи, Милана, Генуи и др. городовъ, значительно разнствовалась отъ торговли южной ея части, отъ торговли собственно королевства Неаполя и Сициліи. Въ то время какъ сѣв. Италія вела обширную торговлю съ востокомъ и не менѣе важную и правильную съ остальною Европою [4]), преимущественно же съ Германіею, неустроенное и обуреваемое междоусобными распрями наслѣдственное королевство Фридриха II должно было отказаться отъ тѣхъ слабыхъ зачатковъ промышленной и торговой дѣятельности, которые можно замѣтить при господствѣ королей норманскаго дома. Фридрихъ II, такъ много времени и трудовъ посвятившій на устройство и благосостояніе своего королевства, поднялъ цѣну труда, оградилъ собственность и тѣмъ оживилъ промышленность и торговлю своего наслѣдственнаго королевства [5]).

Не вдаваясь въ мелочныя изысканія по этому вопросу, мы укажемъ лишь на болѣе важные и крупные факты. Кажется, спеці-

---

[1]) Милль, Основанія политич. экон., переводъ Чернышевскаго, т. I, гл. VII, § 6, стр. 238.

[2]) Начинаю съ внѣшней торговли съ востокомъ, такъ какъ это составляло главную заботу Фридриха II, и такъ какъ тутъ мы имѣемъ положительныя данныя, высказавшіяся въ сношеніяхъ Фридриха II съ восточными султанами.

[3]) Fischer, — Geschichte des teutschen Handels, Th. 1, S. 248. Изъ новѣйшихъ сочиненій замѣчательно соч. Franz Ruby, Der deutsche Handel im Norden Europa's bis zum Jahre 1370, — въ немъ изложена исторія торговли до возникновенія Ганзы.

[4]) Les venoient acheter droitement en Venise, Alemans et Baivers, Franceis et Lombars, Toscans et Ongers et totes gens qui vivent de marchandises et les conduisaient en lors pays. Martino do Canale, MSS. p. 13. Raumer, V, 340.

[5]) Мы конечно говоримъ по отношенію къ положенію страны до Фридриха II, и мнѣніе Раумера, взятое само по себѣ, признаемъ справедливымъ.

альныя изслѣдованія исторіи торговли сицилійскаго королевства въ XIII столѣтіи должны будутъ признать, что Фридрихъ II былъ сторонникомъ свободы торговли, что въ ней онъ видѣлъ источникъ народнаго благосостоянія; по крайней мѣрѣ всегда, когда внѣшнія событія не служили тому препятствіемъ, Фридрихъ дѣйствовалъ въ этомъ духѣ. Такъ напр., въ 1239 г., Фридрихъ II уменьшилъ пошлины [1]) на вывозъ хлѣба съ одной трети на одну пятую, а въ нѣкоторыхъ провинціяхъ на одну шестую часть [2]), что онъ дѣлалъ вопреки общему мнѣнію своихъ приближенныхъ. Вывозная торговля ему же обязана тѣмъ, что многоразличные поборы, которымъ до того времени подвергались вывозные товары, были уничтожаемы по мѣрѣ возможности [3]). На это же его направленіе указываетъ уничтоженіе внутреннихъ заставъ [4]), такъ систематически задерживающихъ развитіе внутренней торговли. Но нерѣдко политическія событія и вліяніе вѣка заставляли его отступать отъ этого пути и значительно стѣснять торговлю различнаго рода стѣснительными и запретительными мѣрами; должно однако замѣтить, что запрещенія относительно вывоза и ввоза [5]) касались по преимуществу предметовъ войны, — такъ въ одно время былъ запрещенъ вывозъ изъ королевства оружія и лошадей [6]); нерѣдко это запрещеніе касалось лишь извѣстныхъ народовъ, и издавалось именно во время непріязненныхъ къ нимъ отношеній, — такъ одно

---

[1]) Cum sit regnantium gloria tuta et affluens conditio subjectorum, statutum quod in praemissis fieri mandavimus nolumus immutari, praesertim cum ad omnem locupletationem nostrorum fidelium intendentes et eis volentes gratiam super gratia facere, praedictam tertiam partem quam de venditione frumenti pro curia nostra mandavimus recipi, postmodum deduci statuerimus in quintum. H. B. V, 509.

[2]) H. B., Introd., CDXXIII.

[3]) Regnante imperatore Friderico ad exportanda victualia e portu Thermarum Amalfiam nihil solvi praeter jus doanae. Sylbab. membran. 1, 5. H. B. l. c.

[4]) Cum victualia et hujusmodi res eorum volunt per terram in domos suas adducere, eas deferre, sicut asserunt non permittis, tanquam si pro eo quod sunt de jurisdictione divisa essent alterius regionis. Cum igitur praedicti mediatio fluminis Salsi officialium sit tantum, non provinciae discretiva, fidelitati tuae praecipiendo mandamus etc. H. B. V, 773 — 784.

[5]) Haec videlicet ut in partibus Terrarum Ecclesiasticarum Regni nullum applicet lignum, nullaque barcha, vel vas marinum aliud oneretur; horumque portuum auxiliaria litora censuit odiosa districtio in sua solitudine remanere deserta et inapplicabilia navigantibus ordinavit. Sab. Malasp., l. c., 868.

[6]) His diebus jubetur a Cesare ut nullus de Regno equos aut arma vendere vel trahere extra Regnum praesumat. R. S. G. Murat. VII, 1048.

время было запрещено продавать оружіе сарацинамъ [1]). Но нерѣдко, даже во время войны, были дѣлаемы исключенія, — такъ Фридрихъ II повелѣлъ смотрѣть сквозь пальцы на иностранцевъ, которые во время войны и безъ охранной грамоты прибудутъ въ страну для мирной и выгодной [2]) торговли; такъ что строгіе законы войны не всегда строго примѣнялись къ торговымъ людямъ.

Какъ на вспомогательныя средства для развитія торговли можно указать на учрежденіе ярмарокъ [3]), и особыхъ складочныхъ магазиновъ; такъ напр. въ Ахенѣ, въ королевскомъ домѣ Фридриха II продавался хлѣбъ по установленной цѣнѣ [4]), чѣмъ уничтожалась возможность монополіи на существенный предметъ потребленія.

Одно изъ наибольшихъ затрудненій для торговыхъ операцій заключалось въ дурномъ устройствѣ паспортной системы. Фридрихъ II [5]) желая устранить подобное стѣсненіе раздавалъ обыкновенно листы свободнаго пропуска по всѣмъ дорогамъ Италіи и Германіи [6]); и такъ какъ въ XIII столѣтіи паспорты не всегда представляли достаточную гарантію, то Фридрихъ II нерѣдко бралъ купцовъ подъ свою особенную защиту, — такъ были ограждены купцы, посѣщавшіе франкфуртскую ярмарку [7]).

Какъ на результатъ заботъ Фридриха II о торговлѣ вообще, можно указать на его сношенія съ востокомъ [8]): Фридрихъ II былъ другъ всѣхъ восточныхъ султановъ — пишетъ Матвѣй Парижскій — и принималъ участіе въ ихъ торговыхъ операціяхъ, такъ что агенты его доходили землею и моремъ даже до Индіи [9]).

Мѣры къ народному просвѣщенію, болѣе правильное развитіе торговли, установленіе болѣе законной администраціи и суда, эти мѣры, въ которыхъ онъ долженъ былъ идти на перекоръ понятіямъ и убѣжденіямъ своего вѣка, принесли тѣ результаты, ко-

---

[1]) Ne Christiani Saracenis arma vendunt. M. P. l. c., 382.

[2]) Salubriter et quiete. H. B. V, 576 et passim.

[3]) H. B. IV, 2, 840 — въ г. Оппенгеймѣ; H. B. IV, 891 — въ г. Любекѣ; и др.

[4]) In qua panni integri vendunt. Würdw. Subs. nor. XI, 21. Raumer V, 319.

[5]) Der — замѣчаетъ при этомъ Раумеръ — in so vielen Dingen der späteren Zeit vergriff.

[6]) Gudeni cod. II, 933. Raumer, VI, 531.

[7]) Lünig, Reichsarch. von Frankf., Ark. 1. Ranm. V, 313.

[8]) Бильбасовъ, крест. походъ Фридр. II, стр. 144 — 146.

[9]) Erat enim omnibus Soldanis Orientis particeps in mercimoniis institoriis et amicissimus, ita ut usque ad Indos sui currebant ad commodum suum, tam per mare quam per terras institores. M. P. 544.

торые служатъ наилучшимъ оправданіемъ Фридриха II отъ нападокъ извѣстной партіи. Источникъ этихъ обвиненій лежалъ отчасти въ невѣжествѣ духовенства, отчасти въ тѣхъ поборахъ, которые Фридрихъ II налагалъ на церковныя имущества, довольно безцеремонно. Такъ, въ 1241 году, онъ потребовалъ отъ аббатства монкассинскаго (Monte - Cassino) и друг. присылки людей для работъ и аббатскія драгоцѣнности для украшенія замка Foggia [1]); въ другой разъ онъ приказалъ отобрать всѣ драгоцѣнности изо всѣхъ церквей своего королевства [2]). Не смотря на такіе поборы, не смотря на налоги, правительство постоянно нуждалось въ деньгахъ [3]). Поборы съ церковныхъ имуществъ и налоги служили лишь дополненіемъ къ тѣмъ громаднымъ суммамъ, которыя получались изъ вестфальскихъ и тирольскихъ рудниковъ; въ 1241 году были открыты рудники олова въ Богеміи, которые въ то время прославились гораздо болѣе рудниковъ англійскихъ [4]). Частое обращеніе Фридриха II къ помощи ростовщиковъ [5]) ясно свидѣтельствуетъ о дурномъ состояніи финансовъ при Фридрихѣ II. Въ этомъ отношеніи католическая церковь не нападала на императора только потому, что римская курія сама слишкомъ нуждалась въ ростовщикахъ и въ XIII столѣтіи ростовщичество уже не служило темою для проповѣдей. По этому поводу въ одной хроникѣ записанъ довольно любопытный скандалъ,

---

[1]) Statuit insuper, ut ad opus civitatis ejusdem venire debeat certa quantitas hominum de abbatia Cassinensis, Abbatia S. Vincentii de Volturno . . . mandans, ut thesauri ecclesiarum ad ipsum apud Fogiam deferantur. R. S. G. l. c. 1048.

[2]) Omnes thesaurus Ecclesiarum suae jurisdictionis apud S. Germanum congregari jubet. Id.

[3]) Письмо Фридриха II отъ 2-го марта 1240 г. H. B. V, 800.

[4]) Eodemque anno inventum est stannum in Alemannia primum et purissimum, copiosius quam in partibus Angliae. Quod ab initio mundi antea nisi tantum in Cornubia aliquo loco non legitur fuisse repertum. Et eodem pretium ejus in Anglia, propter copiam abundantem, quam in Angliam transmisit Alemannia, fuit minoratum ac vilificatum. M. P. ad a. 1241, p. 386.

[5]) Въ хроникахъ встрѣчается: caursines, caorsines, cahorsines, corsines и т. п. Происхожденіе этого слова до настоящаго времени точно не опредѣлено; существуютъ три рода толкованія: 1) отъ фамиліи *Corsini* во Флоренціи; коммерческія общества въ Италіи довольно часто назывались по фамиліи болѣе богатаго изъ участниковъ; 2) отъ французскихъ ростовщиковъ, которыхъ главное мѣстопребываніе было въ городѣ *Cahors* (Le Grand d'Aussy, l. c. III, 348); и 3) отъ извѣстныхъ въ средніе вѣка ломбардскихъ ростовщиковъ, изъ города *Caours* въ Пьемонтѣ. Le duc de Luynes, Gr. Chr. du M. P., t. IV. p. 121 — 122.

бывшій съ однимъ изъ епископовъ: лондонскій епископъ, старикъ уже, сильно ратовалъ противъ ростовщичества и наконецъ, не справившись съ Римомъ, проклялъ отдающихъ деньги въ ростъ; проклятіе было произнесено не во время, и папа такъ пугнулъ епископа, что тотъ впослѣдствіи находилъ ростовщичество вполнѣ законнымъ, согласнымъ съ своими убѣжденіями и обыкновенно говаривалъ своимъ прихожанамъ словами ап. Павла: «даже если ангелъ станетъ проповѣдывать вамъ противное: то да будетъ онъ проклятъ»! [1]) Въ средніе вѣка ростовщики вообще играютъ важную роль, и въ числѣ должниковъ своихъ они считаютъ многихъ королей [2]) и изъ императоровъ, конечно, не одного только Фридриха II. — Всѣ приведенные нами факты ясно свидѣтельствуютъ, что Фридриху II, для выполненія его разнообразныхъ и обширныхъ плановъ недоставало тѣхъ средствъ, какими онъ могъ располагать; и, читая письмо папы Климента IV къ Карлу анжуйскому — въ которомъ папа укоряетъ Карла въ расточительности и въ жизни несообразной съ доходами государства, при которыхъ Фридрихъ II умѣлъ не только обогатить себя и своихъ приближенныхъ, но сверхъ того помогалъ Ломбардіи, Турціи и Германіи» [3]) — мы поймемъ, что Климентъ IV, врагъ швабскаго дома, погубившій фамилію Фридриха II и весь родъ Гогенштауфеновъ, писалъ эти строки, основываясь не на дѣйствительномъ убѣжденіи, не на непреложныхъ фактахъ, а только руководствуясь собственною выгодою, желаніемъ отказать Карлу въ матеріальномъ вспомоществованіи. Вообще, финансовая часть управленія Фридриха II, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ и междоусобицъ, была далеко не въ томъ цвѣтущемъ состояніи, какъ то пишетъ папа; военныя издержки страшно истощали казну Фридриха II, которая не всегда такъ удачно пополнялась восточнымъ золотомъ и серебромъ [4]), какъ то

---

[1]) Et si Angelus vobis his contraria praedicaverit, anathema sit. M. P. 286.

[2]) Etiam ipse Rex, debito inestimabili eis tenebatur obligatus. Id.

[3]) De qua vir nobilis Fridericus, Romanorum olim imperator, ut nosti, majores te sumptus faciens, in immensum se suoque ditabat et insuper Lombardiam et Turciam et utramque marchiam er Alamanniam satiabat. Martene, Thes. anecd., II, 524. (ad a. 1267).

[4]) Говоря о духовномъ завѣщаніи Фридриха II, хронистъ прибавляетъ: Amicis autem suis et aliis filiis suis et ministris multa distribuit in auro praecipue et argento. Et credibile fuit, quia eodem (1250) anno venerunt ad eum duodecim cameli onusti auro et argento, de partibus orientalibus. M. P. 544.

случилось, по словамъ Матвѣя Парижскаго, не задолго до кончины Фридриха II.

Мы передали, въ возможно связномъ порядкѣ, тѣ убогія извѣстія, которыя дошли до насъ или, что будетъ вѣрнѣе, которыя мы до настоящаго времени отыскали въ хроникахъ, письмахъ и постановленіяхъ, извѣстія о тѣхъ фактахъ культуры первой половины XIII столѣтія, которые ставятъ Фридриха II несравненно выше, чѣмъ внѣшнія событія, не смотря на то, что въ нихъ онъ является то крестоносцемъ, коронующимся въ Іерусалимѣ іерусалимскою короною, то борцемъ противъ папскихъ притязаній, въ церковной же области предписывающимъ папѣ условія мира, то нещаднымъ судьею своего собственнаго сына, короля Германіи, въ Вормсѣ же подписывающимъ страшный приговоръ пожизненнаго заключенія. Бэконъ справедливо говоритъ, что въ исторической дѣятельности человѣка заслуги научныя выше гражданскихъ и военныхъ,— первыя распространяются на весь міръ, вторыя относятся къ одной странѣ [1]). — Мы передали эти свѣдѣнія какъ сырой матеріалъ, въ которомъ, конечно, многаго не достаетъ, многое не полно, но который тѣмъ не менѣе достаточно обрисовываетъ личность Фридриха II, о которомъ знаменитый французскій ученый сказалъ, что «главная идея этого человѣка была цивилизація въ самомъ новѣйшемъ смыслѣ этого слова» [2]). И Ренанъ не ошибся; въ подтвержденіе приводимъ тѣ слова Фридриха II, которыми мы начали настоящій отчетъ: «Мы думаемъ, что для насъ полезно и выгодно доставить нашимъ подданнымъ возможность образовываться; потому что будучи образованы, они лучше будутъ пользоваться своими правами и, опираясь на научныя познанія, будутъ въ состояніи лучше защищать и себя и отечество [3])».

Вотъ какъ думалъ Фридрихъ II въ первой половинѣ XIII столѣтія.

Боннъ, 25-го іюня 1864 года.

---

[1]) Bacon, Nov. organ., 1, 129. Стасюлевичъ, Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ, 1, 22.

[2]) L'idée dominante de cet grand homme fut la civilisation dans le sens le plus moderne de ce mot, je veux dire le développement noble et libérale de la nature humaine. Renan, l. c., 228.

[3]) Martene, Coll. ampliss., II, 1141.—Raumer, l. c., III, 278.

78) Доктора Зарубина.

(За апрѣль, май, іюнь 1864 года).

Съ окончаніемъ зимняго семестра кончалось и время, опредѣленное мною для моего пребыванія въ Парижѣ. Лѣтній семестръ я предполагалъ провести въ Германіи. Въ промежуточное, свободное время я поѣхалъ въ Лондонъ. Такъ какъ это время было весьма ограниченное, то я и не могъ поставлять въ задачу своей поѣздки слишкомъ много предметовъ, съ которыми долженъ былъ ознакомиться. Кромѣ общаго знакомства съ гошпитальною жизнью, я имѣлъ въ виду преимущественно музей Гунтера и нѣкоторыя операціи, усовершенствованныя въ Англіи. Между послѣдними первое мѣсто занимала оваріотомія. Эта операція на континентѣ чисто феноменъ, между тѣмъ какъ въ Англіи она довольно обыкновенное событіе. Она сдѣлалась тамъ предметомъ почти спеціальнаго изученія и практики. Благодаря этому особенному вниманію, она упрочила свое существованіе въ области оперативной хирургіи, значительно усовершенствовалась и сдѣлалась менѣе опасною, чѣмъ какая нибудь другая подобная большая операція. Къ сожалѣнію, мнѣ не посчастливилось видѣть производство ея. Въ то короткое время (13 дней), которое я пробылъ въ Лондонѣ, не было ни одного случая, требовавшаго этой операціи.

Лондонскіе гошпитали отличаются отъ парижскихъ какъ устройствомъ, такъ и администраціею. Большею частію они малыхъ размѣровъ и почти не отличаются отъ обыкновенныхъ гражданскихъ домовъ. Но на сколько они просты снаружи, на столько чисты и удобны внутри; очевидно, что внѣшнія украшенія принесены, при устройствѣ ихъ, въ жертву внутреннимъ удобствамъ. Залы вообще небольшія, на 4—10 больныхъ; разстоянія между кроватями значительныя, иногда почти 3 аршина (Guy's hospital); вентиляція довольно удовлетворительная и постоянная посредствомъ каминовъ и простаго провѣтриванія; стѣны и полы чистые, бѣлье на больныхъ и на кроватяхъ чистое, опрятность почти вездѣ безукоризненная. Всѣ этажи снабжены обильно теплою и холодною водою. Въ нѣкоторыхъ гошпиталяхъ есть машина, посредствомъ которой пища и лекарства передаются изъ нижнихъ этажей въ верхніе. Въ London Surgical home я видѣлъ, что такимъ образомъ переносятъ и больныхъ. Въ госпитальныхъ залахъ совсѣмъ неслышно того непріятнаго запаха, который распространяется корпіею, пропитанною гноемъ,

припарками и т. п. Малость гошпиталей, безъ чрезмѣрнаго накопленія больныхъ въ комнатахъ, исправная вентиляція, опрятность и хорошій уходъ за больными служатъ, безъ сомнѣнія, не малою причиною того, что гошпитальная смертность, въ сравненіи съ Франціею, менѣе велика, хотя абсолютной статистики невозможно сдѣлать.

Всѣ лондонскіе гошпитали образовались изъ приватныхъ учрежденій, управляются сами по себѣ особенными администраторами и поддерживаются частными капиталами или временными пожертвованіями. Въ нѣкоторыхъ, напр. Guy's hospital, основной капиталъ такъ великъ, что пожертвованія дѣлаются лишними. Въ каждомъ гошпиталѣ есть президентъ, казначей и капелланъ. Главное управленіе находится въ рукахъ комитета, выбраннаго изъ числа благотворителей. Этому комитету подлежитъ даже опредѣленіе врачей. Врачи посѣщаютъ своихъ больныхъ отъ 2 до 4 часовъ послѣ полудня, а не утромъ, какъ это принято въ другихъ государствахъ.

Особенно интересовалъ меня London Surgical home, въ которомъ главнымъ хирургомъ Baker-Brown. Эта маленькая больница учреждена для пріема страдающихъ излечимыми хирургическими болѣзнями. Нѣкоторыя болѣзни, исключительно свойственныя женщинамъ, хотя тяжелаго характера, большею частію способны къ излеченію посредствомъ хирургической операціи. Страдающія такими болѣзнями часто, по ихъ соціальному положенію или симпатіямъ, не могутъ поступить въ обыкновенный гошпиталь; между тѣмъ какъ въ то же самое время неизбѣжныя издержки, сопряженныя съ производствомъ операціи на дому, могутъ превосходить ихъ денежныя средства или потребуютъ слишкомъ большихъ пожертвованій. London Surgical home устроенъ именно для такихъ больныхъ, которыя въ состояніи содержать себя. Заведеніе расположено въ самой выгодной, можетъ быть, самой здоровой мѣстности, въ одномъ изъ предмѣстій столицы. Оно содержитъ комнаты различной величины, меблированныя экономически, но съ комфортомъ, и можетъ помѣщать до 34 больныхъ. Отъ принимаемыхъ въ больницу паціентокъ требуется извѣстная плата.

Baker-Brown сдѣлалъ при мнѣ одну операцію fistulae vesicovaginalis и двѣ операціи fistulae recto-vaginalis. Въ первомъ случаѣ было наложено 11 швовъ, въ послѣднихъ по 4 шва.

Операція fistulae vesicovaginalis произведена по американскому способу, значительно упрощенному Бэкеръ-Брауномъ. Бываютъ фи-

стулы, которыя закрываются сами собою. Многія наблюденія доказали возможность этого явленія не только при маленькихъ, но и при большихъ фистулахъ. Въ большинствѣ случаевъ однакожъ fistula vesicovaginalis представляетъ чрезвычайно упорное страданіе, противъ котораго иногда и помощь искусства остается безуспѣшною. Жоберъ (de Lamballe), основатель такъ называемаго французскаго способа операціи, думалъ, что причина частыхъ неудачъ ея состояла въ слишкомъ большомъ расхожденіи краевъ фистулы и въ значительномъ напряженіи ихъ послѣ соединенія швами. Для предупрежденія послѣдняго онъ дѣлалъ боковые разрѣзы. Если фистула находится какъ разъ подлѣ маточной шейки, то Жоберъ, оттягивая впередъ матку, отсепаровываетъ стѣнку мочеваго пузыря отъ шейки матки, не доходя до дугласовой складки брюшины, дѣлаетъ такимъ образомъ заднюю часть влагалищной стѣнки болѣе подвижною и удобно достигаетъ сближенія освѣженныхъ краевъ фистулы.

Американскій способъ есть результатъ совокупныхъ трудовъ многихъ хирурговъ (въ особенности Marion Sims, Bozeman). Онъ состоитъ въ простомъ швѣ, безъ всякихъ побочныхъ разрѣзовъ, которые, какъ показалъ опытъ, не только безполезны, даже вредны. Для производства ихъ нужно оттягивать матку къ низу и къ переди; уже одинъ этотъ (неизбѣжно грубый) пріемъ можетъ вызвать воспаленіе брюшины, но самая частая причина послѣдняго въ разрѣзахъ. Когда бистури проникъ въ промежутокъ между маткою и мочевымъ пузыремъ, онъ попадаетъ въ подбрюшную клѣтчатую ткань, откуда воспаленіе легко можетъ передаваться самой брюшинѣ.

Освѣженіе краевъ фистулы должно быть дѣлано на значительномъ пространствѣ; чѣмъ большую поверхность имѣетъ свѣжая рана, тѣмъ больше точекъ соприкосновенія послѣ наложенія шва, тѣмъ больше надежды на успѣхъ. Это достигается косвеннымъ обрѣзываніемъ краевъ отверстія. Если обрѣзывать ихъ прямо (вертикально къ стѣнкамъ), какъ дѣлалъ Жоберъ, то при наложеніи шва, слизистая оболочка пузыря или влагалища, заворачиваясь, можетъ помѣщаться между губами раны и препятствовать срощенію ихъ. Кромѣ того, освѣженіе не должно распространяться на пузырную часть фистулы, какъ въ способѣ Жобера, но преимущественно только на влагалищную. Если освѣженіе распространять до самаго пузыря, то рана будетъ находиться въ соприкосновеніи съ мочею, отъ этого можно бояться или воспаленія слизистой оболочки пузыря или инфильтраціи мочи въ подслизистую клѣтчатку.

Наконецъ, способъ проведенія нитокъ чрезъ ткани для сближенія краевъ раны заслуживаетъ особеннаго вниманія. Жоберъ проводитъ иглу насквозь чрезъ всю толщину стѣнки. Американцы поступаютъ иначе: они вкалываютъ иглу въ слизистую оболочку влагалища, въ разстояніи полусантиметра отъ края раны и проводятъ ее косвенно такъ, чтобы она вышла на освѣженной поверхности подлѣ пузырной части рубца. Выгода этого въ томъ, что пузырные края заворачиваются въ полость пузыря, рана находится въ точномъ соприкосновеніи и безпрепятственно заживаетъ, моча не пробивается около нитокъ и не обусловливаетъ происхожденія капиллярныхъ отверстій, послѣ вынутія ихъ.

Что касается до соединенія швовъ, то американцы употребляютъ для этого множество побочныхъ средствъ, свинцовыя пластинки, бляшки, тиски и т. п. Бэкеръ-Браунъ отказался отъ употребленія ихъ. Сблизивши края раны, онъ просто закручиваетъ одну нитку около другой помощью пальцевъ. Этимъ чрезвычайно упрощается операція, а, можетъ быть, обусловливается значительно и успѣхъ ея. Въ прежнее время Бэкеръ-Браунъ употреблялъ, для соединенія швовъ, средства, предложенныя американцами. Его отказъ отъ нихъ заставляетъ подумать о томъ, нѣтъ ли въ американскомъ способѣ особенностей, которыя совершенно излишни или, можетъ быть, даже вредятъ успѣху операціи, напр. соприкосновеніе свинцовой бляшки или тисковъ съ линіею соединенія. Обширность и точность освѣженія фистулы на счетъ влагалищной слизистой оболочки, проведеніе нитокъ только чрезъ эту оболочку, безъ затрогиванія пузырной, обильное количество швовъ и точное соединеніе ихъ, такъ чтобы всѣ точки раны находились въ тѣсномъ соприкосновеніи,—вотъ, кажется, важнѣйшіе моменты, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ операціи.

Инструменты, для производства операціи, Бэкеръ-Браунъ употребляетъ американскіе, съ небольшими собственными измѣненіями. Положеніе, какое онъ даетъ больной, такое, какъ при литотоміи. Оно дѣлаетъ возможнымъ употребленіе хлороформа, которое трудно въ боковомъ положеніи и невозможно въ положеніи на локтяхъ и колѣнахъ. Нитки серебрянныя. Никакой послѣдовательной перевязки, кромѣ вставленія Sonde à demeure. Швы удаляются на 10-й день.

Операція fistulae rectovaginalis была произведена почти такимъ же образомъ. Эта операція, въ сравненіи съ предъидущею, по мнѣнію Бэкеръ-Брауна, гораздо проще, успѣхъ ея не растраивается никакими

послѣдовательными припадками. Задержка экскрементовъ, произведенная опіумомъ, обезпечиваетъ покой раны и предотвращаетъ ее отъ опасности разрыва, который могъ бы случиться при выходѣ ихъ. Fistula rectovaginalis не нуждается въ постоянномъ соприкосновеніи инструмента во все время репаративнаго процесса, между тѣмъ какъ fistula vesicovaginalis требуетъ для успѣха операціи введенія катетера. Однакожъ Бэкеръ-Браунъ считаетъ весьма важнымъ временное вставленіе катетера и послѣ операціи fistulae rectovaginalis (каждые 6 часовъ), съ цѣлію предупредить движенія больной и растяженіе частей, соединенныхъ швами. Послѣдовательное леченіе самое простое. Главное дѣло — въ покоѣ больной и раненыхъ частей. Лежаніе въ постели и употребленіе опіума ведутъ къ достиженію той или другой цѣли. Опіумъ нужно употреблять утромъ и вечеромъ. Больной позволяется давать немного вина, между тѣмъ при fistulae vesicovaginalis гораздо лучше не давать его, если не требуютъ особенныя показанія. Діэта.

Послѣ этихъ операцій, кстати упомянуть о наложеніи шва при разрывѣ промежности, видѣнномъ мною въ гошпиталѣ св. Варѳоломея. Операцію произвелъ Skey. Perineoraphia рѣдко удается, если она состоитъ только въ простомъ освѣженіи краевъ разрыва и соединеніи ихъ швами. Глубина разрыва, трудность сближенія краевъ раны, растяженіе ихъ представляютъ главныя препятствія для успѣха операціи. Чтобы уничтожить сильное напряженіе краевъ разрыва, Диффенбахъ совѣтовалъ дѣлать полулунные разрѣзы въ нѣкоторомъ растояніи отъ нихъ; но и этого часто недостаточно, потому что настоящая причина натяженія, вреднаго для швовъ, менѣе въ недостаткѣ кожи, чѣмъ въ сокращеніи сфинктера. Поэтому вспомогательнымъ средствомъ, необходимымъ для удачи perineoraphiae, считается разрѣзъ сфинктера назадъ, вправо или влѣво. Такъ поступаетъ Бэкеръ-Браунъ, такъ поступаетъ и Шассеньякъ. Операція, которую я видѣлъ, въ гошпиталѣ св. Варѳоломея, произведена совершенно такъ, какъ она описана Бэкеръ-Брауномъ въ его хирургическихъ женскихъ болѣзняхъ.

Гунтеровскій музей (museum of the royal college of surgeons) назначенъ для облегченія изученія явленій здоровой и больной жизни, на знаніи которыхъ должна опираться раціональная медицина. Соотвѣтственно этому назначенію, музей состоитъ главнымъ образомъ изъ двухъ отдѣловъ, физіологическаго и патологическаго. Кромѣ этихъ двухъ, есть въ немъ собраніе предметовъ, интересныхъ въ

историческомъ или общемъ отношеніи, напр. различныя формы инструментовъ, которые употреблялись въ хирургической практикѣ, различные способы бальзамировки умершихъ и т. п. Основаніе этому музею положилъ знаменитый Гунтеръ. По смерти его, музей былъ купленъ парламентомъ за 15,000 фунтовъ стерлинговъ и отданъ хирургической школѣ съ нѣкоторыми условіями, изъ которыхъ важнѣйшее состояло въ томъ, чтобы каждый годъ былъ прочитанъ однимъ изъ профессоровъ курсъ, не менѣе 24 лекцій, по сравнительной или патологической анатоміи. Съ того времени музей увеличился значительно и потребовалъ на содержаніе и обогащеніе до 250,000 фунтовъ стерлинговъ.

Все собраніе помѣщается въ трехъ большихъ залахъ съ двумя галереями. Въ одной изъ залъ преимущественно физіологическіе препараты, въ другой—палеонтологическіе, въ третьей—патологическіе. Физіологическій отдѣлъ посвященъ главнымъ образомъ остеологіи позвоночныхъ животныхъ; на галереяхъ его сохраняются въ спиртѣ препараты, представляющіе замѣчательныя модификаціи каждой части организма во всемъ животномъ царствѣ. Палеонтологическій отдѣлъ содержитъ остатки различныхъ ископаемыхъ животныхъ и растеній. Въ патологическомъ, внизу, помѣщаются сухіе препараты, показывающіе болѣзни костей; здѣсь же инъекціи, восковыя анатомическія модели, муміи и хирургическіе инструменты. Галереи посвящены исключительно спиртнымъ препаратамъ, уродствамъ. Въ ящикахъ на первой галереѣ—богатое собраніе мочевыхъ камней и другихъ конкрементовъ.

Этотъ чрезвычайно обширный музей представляетъ весьма благопріятный случай познакомиться съ явленіями жизни. Всѣ препараты отдѣланы отчетливо и сохраняются весьма чисто. Этого послѣдняго далеко недостаетъ въ дюпюитреновскомъ музеѣ, гдѣ нѣкоторые препараты пылью или другими инородными примѣсями до того измѣнены, что только изъ надписи можно узнать, какую часть или ткань тѣла представляютъ они, не говоря уже о патологическихъ измѣненіяхъ. Размѣщеніе препаратовъ въ гунтеровскомъ музеѣ удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ систематики. Препараты расположены большею частію такъ, что первый въ ряду представляетъ только начало болѣзненнаго процесса, слѣдующіе за нимъ дальнѣйшее развитіе его, и наконецъ рядъ заканчивается препаратами, показывающими изглаживаніе болѣзни. Такимъ образомъ, въ каждомъ отдѣлѣ можно прослѣдить начинающееся заболѣваніе органа, его

измѣненіе или разрушеніе и за тѣмъ возвратъ нормальнаго состоянія или возстановленіе потери. Напр., процессъ омертвѣнія костей открывается препаратами съ только что зарождающимся измѣненіемъ надкостной плевы; за ними слѣдуютъ—отдѣленіе періоста отъ кости, образованіе грануляцій, окостенѣніе ихъ, образованіе клоакъ, совершенное отдѣленіе омертвѣлой кости и произвольное выхожденіе ея наружу, съ послѣдовательнымъ возрожденіемъ потери. Послѣ этого общаго обзора болѣзни слѣдуютъ препараты, показывающіе некротическій процессъ въ отдѣльныхъ костяхъ скелета. Практическая польза такой систематической разстановки препаратовъ очевидна. Хирургическое общество заботится о чистотѣ и богатствѣ собранія, доставшагося ему, не для того только, чтобъ поражать любопытнаго; оно желаетъ, чтобы музей годенъ былъ для изученія, чтобы онъ приносилъ дѣйствительную пользу всѣмъ и каждому. Въ дюпюитреновскомъ музеѣ есть каталогъ, изъ котораго однакожъ гораздо меньше можно узнать, чѣмъ изъ надписей, приклеенныхъ къ препаратамъ. Въ гунтеровскомъ музеѣ подлѣ каждаго отдѣла препаратовъ лежатъ каталоги съ обширнѣйшимъ описаніемъ ихъ, такъ что желаніе узнать всѣ подробности, относящіяся къ препарату, можетъ быть удовлетворено вполнѣ. Нѣкоторые препараты, какъ въ высокой степени интересные для меня, я разсмотрѣлъ обстоятельно и записалъ для воспоминанія.

№ 3093. Голова перувіанца, на которой всѣ кости лица, лобная и прилегающія къ ней части основной и темянныхъ костей расширены и утолщены. Носовыя полости и глазныя впадины почти закрыты, верхняя челюсть и орбитальный отростокъ скуловой кости превратились въ бугристыя массы, въ которыхъ невозможно узнать ихъ первоначальной формы. Нижняя челюсть чрезвычайно увеличена въ объемѣ, особенно на правомъ углѣ, большая часть правой половины ея имѣетъ болѣе 5 дюймовъ въ окружности. Наружная поверхность всѣхъ костей усѣяна большей или меньшей величины бугроватостями; она тверда и пронизана тонкими дырочками, служившими, вѣроятно, для прохода сосудовъ. На разрѣзѣ поверхность нижней челюсти представляется составленною изъ равномѣрно плотнаго, компактнаго, но порознаго, вещества кости.

№ 3223. Большая и малая берцовыя кости съ огромною костяною опухолью.

Опухоль выросла преимущественно изъ передней и боковыхъ частей двухъ верхнихъ третей большеберцовой кости. Она непра-

вильно овальной формы, 10″ сверху внизъ, 14″ справа на лѣво. Малая берцовая кость отодвинута къ наружи и такъ сдавлена опухолью, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она имѣетъ почти два дюйма въ ширину и только двѣ линіи въ толщину.

№ 3226. Кости лица съ остеоидными опухолями. Опухоли состоятъ изъ двухъ широкихъ массъ, почти симметрической формы, которыя мѣстами срослись на средней линіи лица. Онѣ совершенно выполняютъ обѣ орбиты, носовыя полости и, вѣроятно, гайморовы пещеры, потому что онѣ распространяются назадъ до крыловидныхъ отростковъ основной кости.

№ 3254. Черепъ съ огромною костяною опухолью на правой половинѣ лица. Опухоль получила начало въ гайморовой пещерѣ, росла 5 лѣтъ и разрушила всю правую глазную впадину, всю скуловую кость, небную и верхнечелюстную кости.

№ 3367. Скелетъ человѣка 39-ти лѣтъ, замѣчательный костными новообразованіями. Нѣкоторыя изъ нихъ образуютъ свободные экзостозы, другія идутъ отъ одной кости къ другой и обусловливаютъ неподвижность ихъ (synostosis). Экзостозы находятся на лобной кости, на сосцевидномъ отросткѣ, на затылочной кости и на нѣкоторыхъ другихъ костяхъ на мѣстѣ прикрѣпленія мускуловъ. Второй и болѣе обширный рядъ окостенѣній образовался на ходу длинныхъ мускуловъ. Они видны, на правой сторонѣ, на мѣстѣ дельтовиднаго мускула, соединяютъ ключицу и лопаточный отростокъ съ плечевою костью; далѣе на мѣстѣ Supraspinati, teretis majoris et latissimi dorsi. На спинѣ обширныя окостенѣнія мускуловъ, соединяющія лопатки съ тазовыми костями, съ отростками грудныхъ и поясничныхъ позвонковъ. На тазу окостенѣнія распространяются отъ крестцовой и подвздошной кости по направленію большаго ягодичнаго мускула, отъ сѣдалищнаго бугра и лобковой кости по направленію приводящихъ мускуловъ бедра. Большеберцовая и малоберцовая кости соединены на многихъ пунктахъ костяными отростками.

№ 3472. Аневризматическій мѣшокъ подколѣнной артеріи отъ человѣка, котораго оперировалъ Гунтеръ въ 1785 г. Это былъ первый удачный случай леченія аневризма перевязкою артеріи по способу Гунтера. Больной умеръ отъ лихорадки чрезъ 15 мѣсяцевъ послѣ операціи. На мѣстѣ аневризма осталась плотная опухоль, выполнявшая промежутокъ между бедренными мыщелками. Бедренная артерія была непроходима послѣ отдѣленія отъ нея глубокой артеріи. Мѣшокъ былъ совершенно ограниченный и не представлялъ

ни малѣйшихъ остатковъ нижняго отверстія, которое вело въ подколѣнную артерію. Онъ содержалъ плотный свертокъ крови, который приросъ къ внутренней поверхности его и состоялъ изъ концентрическихъ пластинчатыхъ слоевъ.

№ 3472. А. Часть нижней конечности, на которой бедренная артерія была перевязана также Гунтеромъ за пять лѣтъ до смерти больнаго. Это — четвертый случай перевязки артеріи вдали отъ аневризма. Мѣшокъ остался въ видѣ опухоли чрезвычайно незначительной величины.

№ 3489. Скелетъ 25-ти лѣтняго человѣка, страдавшаго хроническою головною водянкою и искривленіемъ позвоночнаго столба. Полость черепа весьма расширена; кости, особенно на правой сторонѣ, растянуты и истончены. Черепъ вполнѣ окостенѣвшій. Окружность его 48″. Многочисленныя ворміевы косточки преимущественно на ходу ламбдовиднаго шва. На лѣвой сторонѣ, на мѣстѣ вѣнечнаго шва, черепъ образуетъ большой бугоръ. Орбиты при основаніи расширены, но къ верхушкамъ уменьшены вслѣдствіе смѣщенія костей, образующихъ покрышку ихъ. Кости лица растянуты, кости основанія черепа неизмѣнены. Искривленіе позвоночнаго столба на право.

Галереи патологическаго собранія, какъ я сказалъ, заняты преимущественно препаратами, сохраняющимися въ спиртѣ. Здѣсь мнѣ казались наиболѣе интересными ряды омертвѣній, переломовъ, грыжъ и болѣзней предстательной железы. Съ особеннымъ любопытствомъ я пересмотрѣлъ препараты переломовъ шейки бедренной кости. Большею частію головка оставалась свободною, безъ малѣйшей наклонности къ сращенію съ бедромъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отломки были соединены фиброзными капатиками, на 5-ти препаратахъ я нашелъ совершенную костяную спайку между ними (522 — 526).

Все количество препаратовъ въ гунтеровскомъ музеѣ простирается до 40,700.

Въ патологическомъ отдѣлѣ 7,463, не считая микроскопическихъ.

Большую половину лѣтняго семестра (май, іюнь) я хотѣлъ провести въ Вюрцбургѣ, въ намѣреніи заняться тамъ исключительно одною гистологіею. Къ несчастію, вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Вюрцбургъ умеръ проф. Мюллеръ; поэтому мнѣ оставалась только надежда студировать патологическую гистологію у проф. Фёрстера. Я имѣлъ прежде случай пользоваться большимъ патолого-анатомическимъ матеріаломъ, но онъ былъ довольно однообразенъ и мало относился къ моей спеціальности. Мнѣ недоставало ближайшаго

знакомства съ нѣкоторыми новообразованіями. Ими то, благодаря обстоятельствамъ, мнѣ представилась возможность заняться у проф. Фёрстера частію на свѣжихъ препаратахъ, получаемыхъ изъ хирургической клиники проф. Лингарта, частію на засушенныхъ или сохраняемыхъ въ спиртѣ въ патолого-анатомическомъ кабинетѣ. При этихъ занятіяхъ, меня также интересовали нѣкоторые спеціальные вопросы, для разслѣдованія которыхъ я пользовался каждымъ представлявшимся мнѣ матеріаломъ. Важнѣйшіе между ними были: образованіе гноя въ легкихъ и отношеніе костнаго тѣльца къ костоѣду и воспаленію костей. Первый вопросъ приходитъ въ тѣсное соприкосновеніе съ вопросомъ о существованіи эпителія въ воздухоносныхъ пузырькахъ и объ участіи его въ процессѣ образованія гноя; поэтому здѣсь нужно было прежде всего убѣдиться въ томъ, есть ли эпителій въ воздухоносныхъ пузырькахъ. Не смотря на доказательныя работы послѣдняго времени, вопросъ объ этомъ еще не приведенъ къ концу. Не имѣя положительныхъ данныхъ для сомнѣнія въ существованіи эпителія въ легочныхъ пузырькахъ, я однакожъ, по своимъ наблюденіямъ, очень склоненъ отвергать значеніе его въ происхожденіи гноя въ легкихъ. Легочные пузырьки обыкновенно бываютъ наполнены уже готовымъ гноемъ, между шариками котораго невозможно найдти никакихъ переходныхъ формъ къ эпителіальнымъ клѣточкамъ. Но при этомъ и самая паренхима легкихъ представляется инфильтрированною гнойными шариками. На нѣкоторыхъ мѣстахъ удается видѣть, какъ они, раздвигая эластическія волокна, пробиваются въ полость воздухоноснаго пузырька. Поэтому болѣе чѣмъ вѣроятно, что образованіе гноя совершается не въ воздухоносныхъ пузырькахъ, не изъ эпителія, а въ паренхимѣ легкихъ, изъ соединительной ткани. Дальнѣйшія изслѣдованія должны подкрѣпить это мнѣніе.

Второй вопросъ занимаетъ въ послѣднее время многихъ. Если, съ одной стороны, прямое наблюденіе до сихъ поръ показало очень немногимъ дѣятельное участіе костной клѣточки въ процессѣ костоѣда и воспаленія костей, то, съ другой, нерѣшимость отказать ей въ этомъ заставляетъ очень многихъ удовлетворяться однимъ предположеніемъ, изъ боязни подорвать у себя вѣру въ клѣточныя территоріи. При поверхностномъ костоѣдѣ кость разрушается, изчезаетъ незамѣтно, слой за слоемъ, не претерпѣвая однакожъ никакихъ перемѣнъ въ слояхъ, близкихъ къ мѣсту разрушенія. Поверхность ея дѣлается неровною, усѣянною маленькими ямочками и бо-

роздками различной формы, которыя отдѣлены другъ отъ друга болѣе или менѣе заостренными гребешками или перегородками. Сдѣлавши тонкій разрѣзъ кости, захватывающій поверхность ея, мы находимъ край этого разрѣза, соотвѣтствующій поверхности ея, изъѣденнымъ, какъ бы вызубреннымъ. Изъѣдины или полулунной формы, или круглой, или овальной. Круглыя или овальныя дыры (Resorptionslocher) бываютъ почти одинаковой величины. Сливаясь по нѣсколько вмѣстѣ, онѣ обусловливаютъ болѣе или менѣе широкую и глубокую потерю ткани кости, съ характеристическимъ вызубреннымъ видомъ. О способѣ происхожденія этихъ изъѣдинъ мнѣнія расходятся. Вирховъ принимаетъ, что онѣ образуются изъ костныхъ клѣточекъ, которыя, увеличиваясь немного въ объемѣ на счетъ растворяющагося костнаго вещества, въ свою очередь также растворяются. Между тѣмъ Бильротъ, на основаніи чрезвычайно интереснаго наблюденія, пришелъ къ совершенно противоположному заключенію. Замѣчено было многими, что диффенбаховы гвоздики изъ слоновой кости, которые вбиваютъ въ кости для леченія ложныхъ суставовъ, оказываются послѣ нѣкотораго времени на поверхности своей разрушенными, изъѣденными. Даже можетъ случиться, что это разрушеніе, если гвоздикъ долго остается въ кости, можетъ дойдти почти до совершеннаго растворенія и всасыванія вколоченной части его. Бильротъ сдѣлалъ микроскопическое изслѣдованіе подобнаго гвоздика и нашелъ, что на этомъ мертвомъ тѣлѣ, безъ костныхъ клѣточекъ, изгрызенная поверхность представляла почти совершенно такой же видъ, какъ каріозная кость. И здѣсь оказалось, что разрушеніе, распространяясь съ поверхности въ глубину, было причиняемо также образованіемъ сливающихся полостей и изъѣдинъ, какъ на живыхъ костяхъ. Оставалось заключить изъ этого, что костныя тѣльца, при разрушеніи живой кости, не играютъ никакой роли, что процессъ здѣсь чисто пассивный, идущій снаружи внутрь и обусловливаемый, вѣроятно, какою нибудь кислотою, которая развивается совмѣстно съ грануляціями. Хотя отыскиваніе этой кислоты осталось вполнѣ безуспѣшнымъ, хотя самое предположеніе развитія ея довольно шатко, потому что кислота дѣйствовала бы только на известь, оставляя костный хрящъ нетронутымъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности все костное вещество, известь и хрящъ, равномѣрно и въ одно время разрушаются; однакожъ мнѣніе о роли костнаго тѣльца находитъ постоянную опору въ наблюденіяхъ. По изслѣдованіямъ, которыя я успѣлъ сдѣлать, если

я не могу совершенно отрицать главнаго участія костной клѣточки въ костоѣдѣ, то во всякомъ случаѣ скептицизмъ мой въ этомъ отношеніи подкрѣпился довольно важными фактами. Я всегда находилъ, что костныя тѣльца, непосредственно на границѣ разрушаемой поверхности, нисколько не измѣнены, изрѣдка только они кажутся немного раздутыми, съ блестящими стѣнками. На нѣкоторыхъ препаратахъ, сдѣланныхъ мною, можно видѣть очень ясно, какъ полукруглая изъѣдина затронула костное тѣльцо и разрушила значительную часть стѣнокъ его, между тѣмъ какъ оставшаяся часть совершенно сохранила свою нормальную форму и величину.

Не смотря на смерть проф. Мюллера, я все-таки не покинулъ своего желанія заняться въ Вюрцбургѣ и нормальною гистологіею. Здѣсь я не имѣлъ никакого спеціальнаго вопроса для разрѣшенія, я желалъ только ознакомиться хорошо и съ тѣмъ, что уже извѣстно въ наукѣ, какъ фактъ. Въ гистологіи простая начитанность оказывается сейчасъ несостоятельною, какъ только придется въ первый разъ стать лицомъ къ лицу съ какою нибудь микроскопическою картиною. Если открываешь въ ней сходство съ чѣмъ нибудь, подводя ее подъ извѣстное описаніе или сравнивая съ рисунками, то и тутъ все-таки сомнѣваешься въ дѣйствительности сходства, пока опытный учитель не подтвердитъ его своимъ приговоромъ. Если же, по обстоятельствамъ, нѣтъ подъ рукой учителя, то по неволѣ долженъ оставаться въ сомнѣніи,—но изъ одного сомнѣнія не выработается убѣжденіе. Поэтому я старался простудировать всѣ ткани и органы тѣла. Эти занятія происходили у д-ра Эберта.

Оставивши Вюрцбургъ 10-го іюля, въ намѣреніи переѣхать въ Берлинъ, я остановился въ Лейпцигѣ и познакомился съ клиниками Вундерлиха и Гюнтера. Въ Берлинѣ я намѣренъ посѣщать клинику Грефе до возврата въ Россію. Хирургическая клиника Лангенбека закрыта, по случаю отъѣзда его въ Шлезвигъ.

Берлинъ, 18-го іюля 1864 года.

79) Магистра Л. Шварца.

Честь имѣю представить департаменту отчетъ о занятіяхъ моихъ во время истекшихъ трехъ мѣсяцевъ отъ 1-го апрѣля по 1-е іюля сего 1864 года.

Каталогъ лекцій при Берлинскомъ университетѣ на лѣтнее полугодіе не былъ богатъ объявленіями предметовъ чтенія, важныхъ

для моихъ спеціальныхъ цѣлей; только одни лекціи имѣли для меня интересъ, именно лекціи г. профессора Фёрстера о теоріи микрометрическихъ измѣреній, которыя я посѣщалъ по настоящее время. Г. профессоръ изложилъ до сихъ поръ теорію кольцоваго микрометра и нынѣ перешелъ къ теоріи экваторіала и микрометра нитей; теоретическія изслѣдованія онъ преподаетъ съ обычной подробностію и основательностію къ величайшей пользѣ слушателей. Затѣмъ, онъ намѣренъ перейти къ изложенію теоріи геліометра. Кромѣ того, г. профессоръ Фёрстеръ читаетъ сферическую астрономію и часть теоріи наименьшихъ квадратовъ. На чтеніе спеціальныхъ лекцій у него не было свободнаго времени; онъ до того обремененъ дѣлами по управленію обсерваторіей, руководствомъ практическихъ занятій молодыхъ студентовъ, занимающихся на обсерваторіи, и наконецъ производствомъ астрономическихъ наблюденій, что онъ долженъ былъ ограничиться самыми необходимыми лекціями. Нынѣ впрочемъ окончены опредѣленія относительныхъ долготъ мѣстъ: Бреслау, Лейпцига и Боннъ, телеграфическимъ способомъ; на этихъ трехъ пунктахъ наблюдали поочередно г. полковникъ Форшъ и г. докторъ Тилэ; въ Берлинѣ, гдѣ производились соотвѣтствующія наблюденія надъ тѣми же звѣздами, наблюдалъ г. профессоръ Фёрстеръ. Результаты обѣщаютъ быть въ высшей степени удовлетворительными; особенно хорошо удались наблюденія Лейпцигъ-Берлинъ. Можно надѣяться получить, кромѣ весьма точныхъ относительныхъ долготъ, еще нѣкоторые другіе результаты не менѣе высокаго интереса, напримѣръ касательно постоянства личныхъ уравненій.

Изслѣдованія мои надъ примѣнимостію Писторова круга къ опредѣленію географическихъ долготъ были прерваны, на нѣкоторое время, чтеніемъ и изученіемъ одного весьма важнаго сочиненія, съ которымъ я къ сожалѣнію только нынѣ познакомился. Это сочиненіе составляетъ первый выпускъ журнала: «Recherches astronomiques de l'observatoire d'Utrecht, publiées par M. Hoek, directeur de l'observatoire et professeur de l'université» и содержитъ одно въ высшей степени замѣчательное разсужденіе г. профессора Гука, подъ заглавіемъ: «de l'influence des mouvements de la terre sur les phénomènes fondamentaux de l'optique dont se sert l'astronomie». A la Haye, 1861. При первомъ взглядѣ, мнѣ показалось, будто бы нѣкоторыя неправильности въ результатахъ измѣреній угловъ посредствомъ Писторова круга могли быть частію объяснены чрезъ вліяніе дви-

женія земли на отраженіе свѣта; впослѣдствіи оказалось, что это вліяніе ничтожно, но тѣмъ не менѣе я чрезвычайно доволенъ, что употребилъ время на изученіе этой замѣчательной книги.

Основные законы отраженія свѣта, какъ извѣстно, слѣдующіе: 1) падающій лучъ, отраженный лучъ и нормальная линія на отражающую плоскость лежатъ въ одной и той же плоскости; 2) уголъ паденія равенъ углу отраженія. Эти законы не трудно вывести изъ теоріи свѣта, но при этихъ доказательствахъ принимается, что отражающая плоскость находится въ спокойствіи и что отраженіе происходитъ въ пустомъ пространствѣ. Въ дѣйствительности при нашихъ опытахъ и наблюденіяхъ ни то ни другое условіе не исполнено, ибо скорость движенія земли вокругъ солнца составляетъ круглымъ числомъ одну десяти-тысячную часть скорости движенія свѣта, и земля наша окружена воздухомъ. Какое вліяніе имѣютъ эти два обстоятельства на явленія отраженія свѣта и остаются ли во всей строгости примѣнимы два основные закона? Это первый вопросъ, который рѣшаетъ авторъ, предполагая при этомъ, что въ теченіе того короткаго времени, въ которое плоскость отражаетъ лучъ свѣта, принято движеніе земли за прямолинейное, т. е., что отражающая плоскость не претерпѣваетъ вращенія, но остается параллельной къ самой себѣ. Онъ доказываетъ, что при такихъ условіяхъ первый законъ не нарушенъ, но что уголъ отраженія уже не равенъ углу впаденія. Обозначая уголъ падающаго луча съ нормальной линіей чрезъ букву i, уголъ отраженнаго луча съ той же нормальной линіей чрезъ букву R, тогда разница между этими двумя углами выражается посредствомъ безконечнаго ряда, коего первый членъ

$$= -2\frac{\varepsilon}{\delta}\cos.\ r.\ \sin.\ i$$

гдѣ $\frac{\varepsilon}{\delta}$ есть отношеніе скорости свѣта къ скорости земли и буква r означаетъ уголъ направленія движенія земли съ нормальной линіей на отражающую плоскость. Если движеніе это происходитъ по направленію самой нормали, т. е. когда $r = o$, тогда $R - i$ имѣетъ максимумъ, который, если $\frac{\varepsilon}{\delta} = 0{,}0001$ и $i = 45^o$, достигаетъ величины 29,2 секунды.

Получивъ этотъ замѣчательный результатъ, авторъ переходитъ къ явленіямъ переломленія свѣта; онъ слѣдитъ за лучемъ свѣта, переходящимъ изъ одной средины въ другую; онъ принимаетъ, что

эти двѣ средины имѣютъ различную силу переломленія, произвольныя направленія и различную скорость движенія. И здѣсь онъ приходитъ къ тому заключенію, что извѣстны два закона переломленія — 1) падающій лучъ, переломленный лучъ и нормаль лежатъ въ одной и той же плоскости; 2) синусъ угла паденія имѣетъ постоянное отношеніе къ синусу угла переломленія — по всей строгости вѣрны только въ томъ случаѣ, когда скорость движенія переломляющихъ срединъ есть безконечно малая величина въ отношеніи къ скорости движенія свѣта. Если направленіе движенія срединъ происходитъ параллельно къ плоскости падающаго луча, тогда первый законъ остается ненарушеннымъ, второй, напротивъ, терпитъ маленькое измѣненіе; если же движеніе срединъ происходитъ по направленію нормальному къ плоскости падающаго луча, второй законъ остается ненарушеннымъ, но плоскость переломленнаго луча уже болѣе не совпадаетъ съ плоскостію падающаго луча.

Изучивъ такимъ образомъ вліяніе движенія на явленія отраженія и переломленія свѣта, авторъ переходитъ къ главному предмету его изслѣдованія, къ аберраціи. Здѣсь онъ разсматриваетъ отдѣльно тѣ случаи, гдѣ свѣтящая точка находится въ отношеніи къ размѣрамъ солнечной системы въ конечномъ, чрезвычайно большомъ, и въ безконечномъ разстояніи и соединяетъ эти предположенія съ тѣми, гдѣ земля не имѣетъ атмосферы или окружена воздухомъ. Я не стану разбирать отдѣльные результаты этихъ изысканій, но ограничусь указаніемъ на важнѣйшій выводъ, а именно: «законъ зависимости максимума аберраціи отъ зенитнаго разстоянія». Нѣкоторыя числа объяснятъ совершенно и мнѣніе автора и самый законъ. Въ зенитѣ аберрація имѣетъ абсолютный максимумъ, именно тотъ, который опредѣлилъ В. Я. Струве съ такой удивительной точностію = 20″,4451; она выведена изъ наблюденій зенитальныхъ звѣздъ. Но еслибъ для опредѣленія аберраціи выбрали звѣзды, далеко отстоящія отъ зенита, тогда максимумъ аберраціи вышелъ бы не 20″,4451, но меньше. Слѣдующая таблица даетъ относительные максимумы аберраціи, соотвѣтствующіе различнымъ зенитнымъ разстояніямъ:

зенитное разстояніе	отношеніе къ единицѣ	соотв. абсол. максимумъ
0.° 0′	0,9997.	20,″45
30. 0.	0,9996.	20, 44
50. 0.	0,9993.	20, 43

60.° 0′	0,9989.	20,″42
70. 0.	0,9979.	20, 40
75. 0.	0,9959.	20, 36
80. 0.	0,9916.	20, 27
85. 0.	0,9732.	19, 90
87. 30.	0,9356.	19, 13
88. 30.	0,8968.	18, 33
89. 30.	0,8252.	16, 87
89. 55.	0,7918.	16, 19

Безъ сомнѣнія, такая слабая зависимость максимума аберраціи отъ зенитнаго разстоянія не могла быть выведена прямо изъ наблюденій, тѣмъ болѣе что вовсе не подозрѣвали такой зависимости; но съ другой стороны этотъ теоретическій результатъ можетъ быть употребленъ съ пользой при редукціи наблюденій надъ неподвижными звѣздами, въ особенности при сравненіи среднихъ результатовъ долговременныхъ наблюденій, полученныхъ на обсерваторіяхъ, лежащихъ подъ весьма различными географическими широтами. Опредѣленія прямаго восхожденія звѣзды, близкой къ полюсу, сдѣланныя на обсерваторіи, лежащей близко къ экватору, могли бы, по моему мнѣнію, служить къ прямому рѣшенію того вопроса, имѣетъ ли это соотвѣтствующее зенитному разстоянію уменьшеніе существенное значеніе. Я приведу примѣръ для яснѣйшаго изложенія своего мнѣнія. Обсерваторія Мадрасъ лежитъ подъ 13° сѣверной широты; звѣзда δ ursae min. имѣетъ въ нижней кульминаціи приблизительно 10° надъ горизонтомъ Мадраса; прямое восхожденіе δ ursae min. $= 18^h 16^m = 274^0$, значитъ синусъ его близко $= -1$ и косинусъ $= 0$. Приведеніе видимаго прямаго восхожденія къ среднему, зависящее отъ аберраціи, въ этомъ случаѣ будетъ $= 20'',4451 \sin. \Theta \sec \delta$ — гдѣ Θ означаетъ долготу солнца и δ склоненіе звѣзды. Спрашивается теперь, уменьшится ли вѣроятная ошибка отдѣльнаго опредѣленія — выведенная изъ согласія большаго числа опредѣленій — если приведеніе вида прямаго восхожденія къ среднему будетъ сдѣлано, принимая не 20,″4451, но 20,″27 за максимумъ аберраціи, соотвѣтствующій, по Гуку, зенитному разстоянію $= 80^0$. Разница приведенія отдѣльныхъ опредѣленій видимаго прямаго восхожденія къ среднему равна 0,20 sin. Θ секундъ во времени; изъ большаго ряда хорошихъ опредѣленій вліяніе такой поправки должно показаться.

Въ послѣднемъ отдѣленіи сочиненія, авторъ разбираетъ отдѣльные оптическіе снаряды, и доказываетъ, что вліяніе возмущенія законовъ отраженія и переломленія свѣта, зависящее отъ движенія земли и ея атмосферы, есть безконечно малая величина втораго порядка отношенія скорости земли къ скорости свѣта.

Прибавленія къ этому сочиненію относятся почти исключительно къ знаменитому опыту Физо для опредѣленія скорости свѣта посредствомъ вращающихся зеркалъ. Не имѣя сочиненія Физо въ рукахъ, я не могу судить о важности замѣчаній г. Гука, и мнѣ неизвѣстно, повторилъ ли Физо свои опыты съ снарядами новаго устройства или нѣтъ. Физо не только опредѣлилъ скорость движенія свѣта, но изъ цѣлаго ряда его опытовъ можно будетъ, какъ кажется, вывести направленіе и величину движенія всей нашей солнечной системы. Что касается до первой величины—скорости свѣта—астрономія будетъ вѣроятно скоро въ состояніи *точно* повѣрить это число; все указываетъ на то, что до-нынѣ принятый параллаксъ солнца слишкомъ малъ — среднее разстояніе солнца отъ земли меньше, чѣмъ принимали. Это слѣдуетъ не только изъ таблицъ Ганзена, изъ наблюденій надъ Марсомъ въ 1862 году Виннеке въ Пулковѣ и другихъ астрономовъ на другихъ обсерваторіяхъ, но также изъ напечатаннаго на дняхъ разсужденія г. доктора Повалки «Neue Untersuchung des Venusdurchganges von 1769 zur Bestimmung der Sonnenparallelaxe» Kiel, bei Mohr 1864, въ которомъ дано новое вычисленіе параллакса солнца на основаніи точнѣйшихъ географическихъ долготъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ наблюдали въ 1769 году это знаменитое прохожденіе Венеры передъ солнцемъ. Извѣстно, что донынѣ принятый параллаксъ солнца есть выводъ Энке изъ всѣхъ наблюденій 1769 года. Новыя и лучшія опредѣленія географическихъ долготъ тѣхъ мѣстъ, сдѣланныя впослѣдствіи времени, показали, что нѣкоторыя изъ этихъ долготъ—преимущественно пунктовъ сѣверной Америки—были ошибочны до 24 секундъ во времени. Новое вычисленіе г. доктора Повалки даетъ за вѣроятнѣйшую величину параллакса солнца 8",86. Не менѣе важенъ въ этомъ отношеніи будетъ окончательный выводъ, къ которому придетъ г. докторъ Тилэ, въ Боннѣ, который предпринялъ новое вычисленіе скорости свѣта изъ затмѣній юпитеровыхъ спутниковъ, на основаніи наблюденій этихъ явленій, произведенныхъ въ Гриничѣ посредствомъ зрительныхъ трубъ одинаковой оптической силы.

На дняхъ вышла въ свѣтъ книга г. профессора Тёплера «Neue

optische Methode, Bonn, 1864», которая тѣмъ замѣчательна, что авторъ даетъ въ ней способъ опредѣлить малѣйшія неправильности въ составѣ оптическихъ стеколъ. Какъ я слышалъ, г. Тёплеръ опредѣленъ профессоромъ при технологическомъ институтѣ въ Ригѣ.

Берлинъ, $\frac{\text{27-го іюня}}{\text{9-го іюля}}$ 1864 года.

80) Кандидата Н. Михайлова.

По нашему мнѣнію, при изложеніи исторіи искусствъ, также какъ и при изложеніи исторіи литературы, можно обойтись безъ біографическихъ подробностей о художникахъ и писателяхъ. Кто заинтересованъ произведеніями одного только художника, не знакомъ вообще съ ходомъ художественной дѣятельности, съ значеніемъ художественныхъ произведеній, тотъ для пониманія произведеній этого художника долженъ заинтересоваться его біографіею. Оттуда онъ узнаетъ объ отношеніи этихъ произведеній къ самому художнику, къ современнымъ дѣятелямъ, къ эпохѣ; такимъ образомъ онъ приготовится къ пониманію этихъ произведеній. Кто излагаетъ исторію искусствъ вообще, излагаетъ прошедшую жизнь по произведеніямъ искусствъ, тому вдаваться въ разборъ біографій художниковъ некогда, да и не особенно нужно. Произведенія искусствъ какой нибудь эпохи или цѣлой художественной дѣятельности народа, взятыя во всей ихъ полнотѣ и послѣдовательности, говорятъ ясно и сами за себя и за отразившуюся въ нихъ жизнь. Произведенія искусствъ одно другимъ объясняются лучше, чѣмъ изъ біографій художниковъ. Если произведеніе выхвачено изъ ряда однородныхъ явленій, то оно, конечно, не всегда вполнѣ понятно. Вмѣсто того, чтобъ вдаваться въ біографическія, иногда совсѣмъ не нужныя, подробности, и ограничиваться при этомъ, какъ бы за неимѣніемъ времени и мѣста, одними первоклассными представителями художественной дѣятельности и ихъ главнѣйшими произведеніями, гораздо выгоднѣе разсмотрѣть и разобрать нѣсколько лишнихъ произведеній, постараться изчерпать ихъ всѣ, и, не ограничиваясь искусствомъ на высотѣ его развитія, снизойти до низшей степени его, до грубыхъ проявленій и зародышей его. Объясняя произведенія искусствъ одно другимъ, мы, быть можетъ, будемъ упускать изъ виду кое-что личное, принадлежавшее тому или другому художнику, но ничто изъ общаго, историческаго, не ускользнетъ.

Предисловія къ книгамъ, не заключающія никакихъ біографическихъ подробностей о художникахъ, бѣгло и кратко обозрѣвающія цѣлые вѣка, часто даютъ большее понятіе о значеніи и развитіи искусства, чѣмъ самыя книги съ біографическими прибавленіями. Гдѣ нѣтъ возможности вывести ряда біографическихъ свѣдѣній, тамъ умѣютъ обходиться и безъ нихъ. О новѣйшемъ искусствѣ судятъ и рядятъ, не справляясь съ біографическими секретами художниковъ.

Біографіи художниковъ, конечно, всегда нужны и желательны. Для исторіи искусствъ онѣ черновая подготовительная работа; историку онѣ нужны для справокъ разнаго рода. Потомъ онѣ могучее средство для воспитанія, для образованія художниковъ. Онѣ, на ряду съ созданіями искусства, составляютъ силы и средства искусства къ отыскиванію и пріобрѣтенію для себя служителей, къ пропагандѣ художественной дѣятельности. Притомъ, не всякій имѣетъ желаніе, время и средства отдаться изученію искусства и его исторіи вообще; иной долженъ ограничиться тою или другою личностью, тѣмъ или другимъ явленіемъ. Всякому свое. Но изъ ряда біографій художниковъ, какъ пытаются, исторіи искусства не составишь, будутъ ли эти біографіи расположены въ алфавитномъ, хронологическомъ или иномъ порядкѣ. Путь этотъ слишкомъ длиненъ и труденъ, вносится лишнее, вносится много личнаго, частнаго, въ ущербъ общему, историческому, приходится по-неволѣ ограничиваться представителями и ихъ главнѣйшими произведеніями.

Въ настоящее время дѣятельность людей, разработывающихъ науку объ искусствѣ, посвящена большею частію составленію біографій художниковъ, составленію каталоговъ ихъ произведеніямъ, приведенію въ извѣстность произведеній искусствъ, хранящихся въ какой либо странѣ, въ какомъ либо мѣстѣ. Къ нѣкоторымъ, прежде названнымъ нами трудамъ въ этомъ родѣ, прибавимъ еще слѣдующіе, явившіеся въ послѣднее время: къ столѣтнему юбилею г. Шадова (20-го мая, 1864 г.) вышло изданіе его писемъ и статеекъ, къ нимъ приложенъ каталогъ его произведеній, впервые явившійся въ такой полнотѣ. Альфредъ фонъ-Вольцогенъ напечаталъ брошюру (публичные чтенія) о Шинкелѣ, какъ архитекторѣ, живописцѣ и философѣ въ наукѣ объ искусствѣ. Каталогъ къ созданіямъ Шинкеля имѣемъ при изданіи его литературно-ученыхъ трудовъ. Къ брошюрѣ Альтена «Корнелисъ Плоосъ фонъ-Амстель, любитель художествъ и граверъ» также приложенъ каталогъ его извѣстнымъ

гравюрамъ. Андресенъ первымъ томомъ своего «Der deutsche Peintre-Graveur» или «Нѣмецкіе живописцы, какъ граверы на мѣди, ихъ жизнеописанія, ихъ произведенія, съ послѣдней трети XVI до конца XVIII вѣка», началъ обширный трудъ, какъ продолженіе прежнихъ подобныхъ трудовъ. Вышедшій томъ (XIV, 448) содержитъ краткія біографическія замѣтки и каталоги гравюръ Цюндта, Страуха, Стиммера, Гёдига «Іоста Аммана» (99—448). Каталогъ къ послѣднему весьма обширенъ. Ваагенъ напечаталъ каталогъ къ картинной галереѣ Эрмитажа, и къ другимъ собраніямъ, осмотрѣннымъ имъ въ Петербургѣ. Тутъ почти всѣ новости научной нѣмецкой литературы по исторіи искусства за послѣднее время. Лучшую часть ихъ составляютъ каталоги, или въ первый разъ являющіеся, или доведенные до возможной полноты.

То же направленіе и у французскихъ ученыхъ. А. Лависъ далъ «Revue des Musées d'Espagne ou catalogue detaillé et raisonné» къ произведеніямъ живописи и скульптуры, находящимся въ общественныхъ и частныхъ галереяхъ и въ церквахъ (Парижъ, 1864 г.). Тоже сдѣлано имъ для Италіи. Біографіи художниковъ и каталоги къ ихъ произведеніямъ, составленные французами, ни въ чемъ не уступаютъ нѣмецкимъ трудамъ въ этомъ родѣ, хотя французы и считаются отсталыми въ этой области. Для примѣра можно привести книгу Giacomelli: Raffet, son oeuvre lithographique et ses eaux-fortes (Парижъ 1862 г.), книгу «Les frères Le Nain par Champfleury» (Парижъ, 1863 г.), монографіи Эдмонда и Жюля де Гонкуръ о Сентъ-Обенахъ, Прудонѣ, Ватто, Бушэ, Грёзѣ, книгу Лагранжа «Joseph Vernet et la peinture au XVIII siècle (Парижъ, 1864 г.) и т. д. Книги съ такими же достоинствами, какъ и нѣмецкія. И французы, у которыхъ интересъ изученія исторіи искусствъ въ послѣднее время замѣтно поднялся, пошли дальше біографическихъ изслѣдованій, составленія каталоговъ и описанія выставокъ. Укажемъ на трудъ Риголло «Histoire des Arts du dessin depuis l'époque romaine jusqu'à la fin du XVI siècle (Парижъ I, 1863, II, 1864) и на «Исторію (французскаго) искусства во время революцій»—Ренувье (2 ч. Парижъ, 1863 г.). Оба изданія посмертныя. Это попытки исторіи искусства, съ обширною номенклатурою, съ обильнымъ запасомъ біографическихъ замѣтокъ. Попытки неудачны, потому что для удачныхъ онѣ преждевременны; при всемъ томъ, онѣ полезны и интересны. Двѣ трети книги Ренувье, напр., наполнены біографическими очерками художниковъ разбираемой эпохи и перечисленіемъ ихъ произведеній, иногда

съ легкимъ переводомъ содержанія текстовъ. Но, пересматривая эти книги, видишь, какой богатый и незамѣнимый матеріалъ даютъ произведенія искусствъ историку этой эпохи, видишь, какъ эпоха относилась къ искусству и на оборотъ, какъ эпоха отразилась въ искусствѣ. Книга собственно представляетъ матеріалъ, сгруппированный въ извѣстномъ порядкѣ и извѣстной полнотѣ. Въ концѣ книги, подъ рубрикою «Sujets», слѣдуетъ разработка этого матеріала. Авторъ группируетъ и объясняетъ аллегорическія изображенія, бывшія въ большомъ ходу, изображенія совершавшихся въ эту эпоху торжествъ и памятныхъ событій, группируетъ портреты лицъ, каррикатуры, рисунки интересные для костюма эпохи и пр. Эти страницы, при всей краткости ихъ, очень интересны. Книгѣ предпослано также нѣсколько интересныхъ словъ объ академіи художествъ, о выставкахъ, музеяхъ, о современной теоріи искусствъ. Какъ на почтенный спеціальный трудъ, нужно указать на книгу Грюйе: «Raphaël et l'antiquité» (2 ч. Парижъ, 1864 г.). Авторъ имѣетъ въ виду произведенія художника съ содержаніемъ изъ классическаго міра, произведенія, явившіяся подъ вліяніемъ классическаго искусства. Въ этомъ случаѣ онъ не ограничивается однимъ Рафаэлемъ, указываетъ на одинаковыя по содержанію произведенія другихъ художниковъ, даетъ и то, что нужно для объясненія ихъ. Дѣльное направленіе этого автора, извѣстнаго уже сочиненіями о ватиканскихъ фрескахъ Рафаэля, позволяетъ надѣяться на интересъ приготовляемаго имъ къ печати сочиненія: «Les Vierges de Raphael et l'iconographie de la Vierges».

Соображая прошедшее нашей науки и ея настоящее, можно представить, что предстоитъ ей впереди. Для нея сдѣлано уже замѣтно много, но мало въ сравненіи съ тѣмъ, что остается сдѣлать. Собираются біографическія замѣтки и пишутся біографіи художниковъ. Послѣднія всѣ на перечетъ. На вопросъ — для всѣхъ ли художниковъ должны быть написаны біографіи? — можно отвѣчать только утвердительно. Этого пожелаетъ и наука и искусство. Трудъ біографическихъ изслѣдованій, поэтому, весьма великъ, потому что число художниковъ было всегда велико: стоитъ раскрыть любую книгу, гдѣ есть роспись именамъ художниковъ, или какой нибудь словарь художниковъ, чтобъ увидѣть сотни и тысячи именъ. Андресенъ въ своемъ трудѣ «Нѣмецкій живописецъ-граверъ» за два съ половиною столѣтія обѣщаетъ матеріалъ для біографій и каталоговъ къ произведеніямъ 1,200 художниковъ.

Потребность въ каталогахъ къ произведеніямъ художниковъ — новая и сознана отчетливо недавно. Къ біографіямъ художниковъ, писаннымъ и въ послѣднее время, иногда прибавлялись каталоги произведеній, иногда и нѣтъ. Гриммъ не далъ каталога при біографіи Микель Анджело. Опперманъ къ книгѣ о Ричелѣ приложилъ роспись его произведеніямъ, но въ жалкой формѣ: «1837: Статуя нимфы для г. Квандта (цинковая). — Гофратъ Карусъ, бюстъ. — Надгробный памятникъ». Такую же роспись произведеніямъ приложилъ Цоллеръ къ біографіи Л. Роберта: «Молящійся разбойникъ съ женою. У князя Альдобрандини-Боргезе въ Римѣ. Римскій пастухъ, у барона Ротшильда въ Неаполѣ». Между этими каталогами и тѣми, которые встрѣчаемъ при другихъ сочиненіяхъ, большая разница; новые каталоги обстоятельнѣе. По видимому, простая задача составить такой каталогъ, но на самомъ дѣлѣ это не легко. Цѣль такихъ каталоговъ понималась и понимается различно. Полагали, что каталогъ въ концѣ книги о художникѣ не безполезенъ для того, чтобъ напомнить о прочитанномъ. Желающему ознакомиться съ дѣятельностью какого нибудь художника каталогъ перечислялъ его произведенія, какія зналъ, указывалъ на мѣсто нахожденія, представляя любопытствующему разъѣзжать по свѣту и созерцать эти произведенія, не заботясь о томъ, имѣетъ ли онъ средства для этого. Думали, что перечисленіемъ произведеній художника давали исторію его дѣятельности; рядъ такихъ каталоговъ прибавленіемъ біографическихъ замѣтокъ прямо связывали въ исторію искусства. Теперь, отъ каталога къ произведеніямъ художника, или къ какому нибудь собранію произведеній искусствъ, желаютъ только одного: чтобъ онъ, будучи до послѣдней возможности полнымъ, далъ всякому, на всякомъ мѣстѣ, во всякое время, возможность составить понятіе о занесенномъ въ него произведеніи. Для этого каталогъ называетъ произведеніе; указываетъ, гдѣ находится оригиналъ. Содержаніе произведенія, будетъ ли это произведеніе скульптуры, живописи, передается по оригиналу словомъ, что́ и составляетъ весьма трудную задачу, требуетъ большаго умѣнья, точности. Затѣмъ указываются повторенія, копіи, подражанія, студіи, картоны, модели и т. п.; указывается, какъ и гдѣ видѣть или пріобрѣсти ихъ, что ближе и лучше знакомитъ съ оригиналомъ. Кто не можетъ видѣть оригинала, тотъ, по указанію каталога, обращается къ копіи, гравюрѣ, фотографіи и т. д. Затѣмъ указываются описанія очевидцевъ, критики и мнѣнія знатоковъ и ученыхъ, вообще библіографія

произведенія. Для кого недоступны ни оригиналъ, ни копія, тотъ уже обращается къ тексту, къ книгѣ, слушаетъ очевидца; тѣмъ или инымъ путемъ онъ знакомится съ произведеніемъ. Кромѣ этого главнаго содержанія, въ каталоги вносятся другія подробности; напр. мѣра произведеній, помѣтки, цѣны оригиналовъ, копій, особенности, что́, при сравнительномъ изученіи, также любопытно и съ большимъ удобствомъ помѣщается въ каталогѣ, чѣмъ гдѣ либо. Интересно, напр., слѣдить за цѣнами на произведенія какого нибудь художника, за колебаніемъ ихъ, возвышеніемъ или паденіемъ въ какой нибудь странѣ, въ какой либо періодъ. Но такихъ каталоговъ не много. Писаніе такихъ каталоговъ также составляетъ задачу ученыхъ и стоитъ на очереди; труда опять много. Быть можетъ эти каталоги окажутся нужными только временно, облегчатъ предпріимчивымъ издателямъ составленіе альбомовъ, изданіе художниковъ. Начало труду есть.

Составленіемъ каталоговъ много облегчится трудъ историка, сбережется время, будетъ болѣе возможности къ усидчивости, систематичности и послѣдовательности въ трудѣ. Разъѣзды для осматриванія галерей и музеевъ соединены съ большими неудобствами и даютъ не тѣ результаты, которыхъ ожидаемъ. Это можно доказать многолѣтними опытами, напр., нѣмецкихъ ученыхъ-путешественниковъ. Уже и теперь ученые съ большею довѣрчивостью останавливаются на гравюрахъ, даже фотографіяхъ; гравюры даютъ больше простора и приволья, допускаютъ болѣе систематичности и послѣдовательности въ работѣ. Ренувье писалъ свою «Исторію искусства во время революціи» преимущественно по гравюрамъ. Отсюда же происходитъ и то вниманіе, которое удѣлено исторіи гравированія и граверамъ.

Теперь еще весьма неудобно заниматься исторіею искусства; средствъ къ успѣшному занятію мало. Старыя книги и каталоги не всегда годны къ употребленію; изъ писемъ и описаній путешественниковъ, ученыхъ и туристовъ, извлечешь мало пользы; гравюры не всегда въ желаемомъ количествѣ къ услугамъ; за оригиналами не угоняешься; приходится пользоваться тѣмъ, что есть, и не желать того, что нужно, какъ бы справедливы ни были желанія. Мы задавали себѣ задачи и пробовали рѣшать доступными средствами; любопытство всегда оставалось не вполнѣ удовлетвореннымъ. Примѣръ на Грёзѣ. Его избрали мы потому, что всего менѣе встрѣчались съ произведеніями его въ осмотрѣнныхъ нами галереяхъ, и

тѣ проскользнули при множествѣ другихъ; между тѣмъ, случайно, притекъ свѣжій матеріалъ для его (какъ бы) изученія, при посредствѣ біографовъ, историковъ и очевидцевъ-свидѣтелей. Вотъ «Etude sur Greuse» Ж. Ренувье, прибавленіе къ его «Исторіи искусства во время революціи» (II, 499—527); вотъ «Ж. Б. Грёзъ»—В. Беккера въ его книгѣ «Искусство и художники» (III, I, 55—66); еще «Грёзъ» братьевъ Эдмунда и Ж. де Гонкуръ, 5-й выпускъ ихъ труда «Искусство XVIII вѣка» (1—28); вотъ интересная замѣтка о Грёзѣ и его подражателяхъ и копистахъ въ «Guide théorique et pratique de l'amateur de tableaux»—Лежёня (Парижъ, 1863, I, 276—290). Названныя статьи—новы, прошлаго и нынѣшняго года. Къ величайшему сожалѣнію, у насъ не оказалось подъ руками выпусковъ Ш. Блана о Грёзѣ. Затѣмъ мы имѣли статью Арс. Гуссея «Грёзъ» въ его «Исторіи французскаго искусства въ XVIII вѣкѣ», заглянули въ книгу Стерна и Оппермана «Жизнь живописцевъ», въ словари, въ учебники, руководства, исторіи искусствъ, въ каталоги, въ замѣтки путешественниковъ. За неимѣніемъ Блана, можно было помириться и на томъ, что нашлось; не для всякаго художника и не всегда найдется столько матеріала.

Просмотрѣвъ статьи, мы увидѣли всѣ секреты и слабыя стороны ихъ. Мы познакомились съ біографіей Грёза, но любопытство наше осталось неудовлетвореннымъ по отношенію къ его произведеніямъ. Гуссей анекдотически представилъ жизнеописаніе Грёза, освѣтивъ его жизнь, разумѣется, только въ нѣкоторые моменты ея; познакомилъ съ нѣкоторыми чертами его характера, на сколько дозволяли анекдоты. Говорить о произведеніяхъ Грёза онъ не считалъ нужнымъ и обязательнымъ. Де-Гонкуръ разсказалъ о жизни Грёза то же, что и Гуссей, прибавивъ еще документы объ отношеніяхъ Грёза къ его злой женѣ, — чего нѣтъ у Гуссея. Беккеръ, хвалимый за книги, частицу которыхъ составляетъ и его «Ж. Б. Грёзъ», разсказалъ по-нѣмецки то, что̀ Гуссей сообщилъ по-французски. Беккеръ писалъ о Грёзѣ, не стѣсняясь, зная только Гуссея. Ренувье умѣренно воспользовался біографическими свѣдѣніями; онъ, замѣтно, старался ознакомиться съ произведеніями Грёза. Стернъ и Оппермaнъ для Грёза въ своей книгѣ переписали то, что сказалъ о немъ Ваагенъ въ «Kunstwerke und Künstler», удержавъ даже и ошибки. Кто чѣмъ пользовался для біографіи Грёза—ясно. Кто, изъ писавшихъ о Грёзѣ, знакомъ съ его произведеніями, кто какія изъ нихъ видѣлъ лично—не видно. Гуссей какъ будто совсѣмъ не знакомъ

съ ними; Беккеръ видѣлъ тѣ, которыя находятся въ Луврѣ; этого, при знаніи Гуссея, уже было достаточно ему для того, чтобъ писать о Грёзѣ. Де-Гонкуръ знакомъ тоже съ немногими произведеніями Грёза. Ренувье знакомъ съ ними по гравюрамъ. Немудрено послѣ этого, что всѣ избѣгаютъ говорить о произведеніяхъ Грёза. Немногія изъ нихъ называются даже по имени; упоминаются онѣ всегда ради и по поводу чего нибудь. Рѣдко заводится рѣчь о произведеніи ради и по поводу его самаго. По нѣсколькимъ словамъ, мимоходомъ сказаннымъ объ отдѣльныхъ картинахъ, нельзя составить о нихъ понятія. Всѣ стараются говорить о всѣхъ картинахъ гуртомъ. Біографіи обыкновенно предшествуются вступленіями и оканчиваются заключеніями, въ которыхъ и говорится обще и вообще о произведеніяхъ Грёза. Помимо оцѣнки техники, читатель узнаетъ, что Грёзъ первый началъ писать романы на полотнѣ, сантименталенъ, былъ ученикомъ и другомъ Дидро, родственъ по духу Геснеру, темы для картинъ бралъ изъ низшаго и средняго классовъ общества, рисовалъ добродѣтельныхъ отцовъ и матерей семействъ, что все онъ любилъ принарядить, всему придавалъ позу, съ особенною любовью рисовалъ молоденькихъ дѣвочекъ, что они противъ воли его, по винѣ вѣка, вышли у него üppig, voluptueuses, что у него часто встрѣчаются лица съ однимъ и тѣмъ же выраженіемъ, что ему удавались дѣтскія головки и т. д. Подобныхъ поверхностныхъ примѣтъ можно набрать на двѣ-три страницы. Такія же поверхностныя сравненія сдѣланы между Грёзомъ и нѣкоторыми другими художниками. Для повѣрки этихъ общихъ выводовъ, въ статьяхъ нѣтъ данныхъ, нужно вѣрить на слово; при чтеніи могутъ представиться вопросы, на которые не найдешь отвѣта: самыхъ произведеній не видно. Попытки передать содержаніе картины словомъ сдѣланы въ четырехъ или въ пяти случаяхъ: Беккеръ (въ разнорѣчіи съ Ваагеномъ) передалъ содержаніе «Деревенской невѣсты» и (въ разнорѣчіи съ Гуссеемъ) содержаніе аллегорій на счастливый и несчастный бракъ. Де-Гонкуръ пытался передать содержаніе «Чтенія библіи» и «Разбитаго кувшина». Познакомить мимоходомъ съ двумя-тремя картинами уже достаточно для статьи.

Тѣмъ, что сообщили названныя статьи о Грёзѣ, какъ художникѣ, мы не удовольствовались. Винить ли ихъ за скудость сообщеннаго, не знаемъ. Самую полную роспись произведеніямъ Грёза нашли мы у Лежёня. Онъ назвалъ около 130 картинъ; 86 изъ нихъ уже находятся въ 56 различныхъ владѣніяхъ. Лежёнь поименовалъ далеко

не всѣ картины Грёза; распредѣленіе ихъ по разнымъ владѣльцамъ и мѣстамъ, конечно, еще неудобнѣе для любопытныхъ. Что оставалось дѣлать авторамъ статей о Грёзѣ? Видѣть оригиналы нѣтъ возможности; альбомовъ къ Грёзу нѣтъ; каталога его произведеніямъ, удовлетворяющаго новымъ требованіямъ, нѣтъ; а у Беккера и у де-Гонкуръ, для ихъ изданій, статьи о Грёзѣ стояли на очереди. Собирать свѣдѣнія о Грёзѣ по крохамъ, изъ вторыхъ рукъ, справляться о его произведеніяхъ у путешественниковъ-очевидцевъ, они не захотѣли; а можетъ быть и пытались.

Заинтересовавшись произведеніями Грёза, мы стали эксплуатировать путешественниковъ съ цѣлью изученія исторіи искусствъ. Ваагенъ между ними знаменитость; ѣздилъ, видѣлъ и писалъ много; знатокъ, опытенъ, преданъ своему дѣлу. Онъ былъ въ Англіи, во Франціи, въ Италіи, Германіи и Россіи. Онъ видѣлъ много грёзовскихъ картинъ, писалъ и печаталъ о нихъ, конечно, ради общей пользы. Раскрываемъ его «Kunstwerke und Künstler in England und Paris» (II, 184). Ваагенъ въ частной галлереѣ Короля Георга IV. Читаемъ: «Грёзъ. Мать съ троими дѣтьми; взглядомъ даетъ она знать старшему, мальчику, чтобъ онъ игрой на флейтѣ не тревожилъ сонъ младшаго. Тонкость и вѣрность въ выраженіи этого момента, большая опредѣленность во всѣхъ формахъ, вездѣ тщательное исполненіе даютъ этой картинѣ преимущество предъ вѣтренными, распущенными женскими головками Грёза, встрѣчающимися такъ часто. Хотя краски не такъ блестящи, какъ тамъ, за то онѣ sättiger и нѣжнѣе». Мы послѣ такой замѣтки остаемся въ полномъ невѣдѣніи на счетъ картины; мать можемъ представлять, какую намъ вздумается; троихъ дѣтей можемъ представлять, какихъ вздумается; можемъ всѣхъ ихъ представлять, гдѣ и какъ намъ вздумается. Почему Грёзъ нарисовалъ такую картину, зачѣмъ онъ выбралъ такой моментъ? Моментъ ли самъ важенъ, характеризуетъ ли мать, дѣтей, воспитаніе, или лица важны? Что это за мать? Что это за дѣти? Послушается ли сынъ взора матери? Какъ онъ велъ себя прежде? Можетъ быть, тутъ видна французская семья съ ея нравственными достоинствами или недостатками, въ ея обстановкѣ; можетъ быть, картина ни что иное, какъ распредѣленіе красокъ на полотнѣ въ извѣстномъ порядкѣ; ничего мы не видимъ изъ сказаннаго. Ваагенъ, въ картинной галлереѣ лорда Жарборо, отмѣтилъ: «Дѣвочки—Грёза, краски особенно ярки, но они очень üppig». Ваагенъ въ Луврской галлереѣ предъ картинами Грёза: «Нельзя,

говоритъ онъ, объ этомъ художникѣ судить по множеству его изображеній милыхъ, но страстныхъ, вѣтренныхъ дѣвочекъ, въ чемъ онъ служилъ испорченному вкусу своего времени; нужно судить о немъ по семейнымъ сценамъ изъ низшаго и средняго классовъ общества, въ которыхъ достигаетъ иногда паѳоса, юмора и сантиментальности, живо напоминающихъ Стерна. Конечно, при такихъ изображеніяхъ, впадаетъ онъ очень часто въ театральность». За этимъ слѣдуетъ: «№ 62. Деревенская невѣста. Картина, извѣстная подъ этимъ именемъ, представляетъ отца семейства, который въ распростертыя объятія принимаетъ дочь, сопровождаемую ея женихомъ; между тѣмъ, мать и сестра, на плечо которой склонила она свою голову, ласкаютъ ее. Нотаріусъ занятъ составленіемъ брачнаго договора. Маленькая дѣвочка кормитъ куръ. Мотивы весьма удачны, вѣрны, живы; выраженіе радости во всѣхъ превосходно, въ особенности схвачено приникновеніе невѣсты къ сестрѣ; она чувствуетъ, что скоро должна покинуть милую семью. Національность французская здѣсь также хорошо передана, какъ въ картинахъ превосходнаго Вильки англійская. Ясное солнечное освѣщеніе удачно, исполненіе тщательное, но тонъ необыкновенно розовъ и холоденъ». По описанію Беккера скорѣе и иначе представляешь себѣ картину: «сцена представлена въ большой жилой крестьянской комнатѣ, въ которой съ семьей хозяина очутилась и домашняя птица. Отецъ, почтенный старецъ, только что вручилъ жениху приданое и передаетъ ему съ живыми жестами свою милую дочь. Молодая, хорошенькая дѣвочка освобождаетъ свою руку изъ руки жениха, обращаетъ взоръ къ рядомъ сидящей матери, берущей ее за правую руку; подъ впечатлѣніемъ счастливой любви и вмѣстѣ горести, она не рѣшается подойти къ столу подписать брачный договоръ. Подруга, съ участіемъ приклонившаяся къ ней, по видимому, ободряетъ ее. Справа группу замыкаетъ нотаріусъ, только что кончившій чтеніе контракта; на лѣво, возлѣ матери, маленькая дѣвочка кормитъ насѣдку съ цыплятами, не заботясь о важномъ совершающемся событіи. На заднемъ планѣ видно еще нѣсколько лицъ; это, вѣроятно, домашняя прислуга». Ни Ваагенъ ни Беккеръ не описали картины на столько, чтобъ ее можно было вѣрно представить себѣ; момента не опредѣлили, понимаютъ его различно. И Куглеръ былъ въ Луврѣ, стоялъ предъ этой картиной и напечаталъ: «вполнѣ прелестная картина, извѣстная «Деревенская невѣста» Грёза, но недостаетъ также и ей tiefere Kraft der Farbe und Lufthauch». О другихъ кар-

тинахъ Грёза въ Луврѣ Куглеръ умолчалъ. Ваагенъ отмѣтилъ еще слѣдующія: «63. Отецъ предаетъ проклятію старшаго сына, который собирается покинуть домъ; двѣ сестры и братъ стараются отклонить его отъ этого, между тѣмъ третья сестра, ставъ на колѣни, старается смягчить гнѣвъ отца. 64. Съ раскаяніемъ возвратившійся сынъ застаетъ отца на смертномъ одрѣ, окруженнаго своими. Въ этихъ двухъ картинахъ мотивы и выраженія лицъ нѣсколько утрированы и театральны, тонъ также нѣсколько холоденъ, но исполненіе тщательное». Едва ли возьмется кто нибудь представить, чему на полотнѣ Грёза соотвѣтствуютъ эти строки Ваагена. «1,299. Разбитый кувшинъ. Молоденькая крестьянская дѣвочка держитъ черепки разбитаго кувшина и сильно задумалась надъ ними. Между картинами Грёза въ томъ же родѣ эта, по выраженію, по ясности тона, старательной отдѣлкѣ, одна изъ лучшихъ. Тѣло имѣетъ обыкновенный теплый, но нѣсколько подкрашенный тонъ. 65. Собственный портретъ Грёза. Не смотря на всю тщательность, нѣсколько пустъ, краски темны. 66. Портретъ Жората. Я ничего не знаю объ этомъ господинѣ, но ясно, что это хорошій образчикъ бонвивана; исполненъ нѣжно, старательно; освѣщеніе яркое». Это все, что Ваагенъ, какъ очевидецъ, сообщилъ о грёзовскихъ картинахъ, видѣнныхъ имъ во время путешествія въ Англіи и Франціи. Умалчивая объ остальныхъ, онъ только даетъ почувствовать, что онъ видѣлъ ихъ много, и знаетъ Грёза. Какая польза отъ этихъ замѣтокъ.

Положимъ, что «Kunstwerke und Künstler» написаны и напечатаны давно; судить ихъ нужно при тогдашнихъ условіяхъ. И взгляды и требованія со временемъ измѣнились. Но вотъ Ваагенъ былъ въ Петербургѣ, осматривалъ картинныя галереи, и издалъ книгу, прибавившую ему славы. Грёзовскія картины въ Россіи не рѣдкость. Раскрываемъ новую книгу Ваагена и справляемся, что сообщаетъ онъ ученому міру о произведеніяхъ Грёза, хранящихся въ русскихъ собраніяхъ картинъ. Ваагенъ въ эрмитажѣ. Предпославъ такую же общую замѣтку о Грёзѣ, какую мы уже разъ привели, говоритъ онъ о картинахъ: «1,520. Смерть одержимаго параличемъ отца семейства. Распростертый въ креслахъ, окруженъ онъ своими дѣтьми и внуками; нѣкоторые изъ нихъ предлагаютъ ему освѣжительныя средства. Дѣвочка держитъ въ рукахъ книгу, которую читала для него. Не молодая жена его смотритъ на него заботливо. Вѣрность, съ какою передано это событіе, живость лицъ, тщательное испол-

неніе при теплотѣ красокъ, причисляютъ эту картину къ главнѣйшимъ его произведеніямъ. 1,517. Дѣвочка въ ночномъ чепцѣ. Очень наивна, рѣдкой теплоты и ясности красокъ, необыкновенна по свободному, остроумному изложенію. 1,518. Мужскій портретъ, половина лица отѣнена широкими полями шляпы, по техникѣ (она указана) близокъ къ рембрандтовскимъ. 1,519. Портретъ мальчика съ книгой въ рукахъ. Очень вѣрно и наивно изображенъ, въ противоположность предъидущей картинѣ, тонъ слишкомъ блѣденъ для Грёза». Ваагенъ, въ другой картинной галереѣ, отмѣчаетъ: «изъ французской школы особенно нужно замѣтить (тому, кто поѣдетъ въ Петербургъ,—услужилъ) девять, въ маленькомъ кабинетѣ (точность) расположенныхъ, картинъ Грёза; большею частію это головки. Особенно замѣчательны — сидящій бѣлокурый мальчикъ въ голубомъ платьѣ, дѣвочка съ собачкой, крестьянка и пьяный. Особенно интересны оригинальные рисунки Грёза къ двумъ знаменитымъ картинамъ его: «Деревенской невѣстѣ» и «Одержимому параличемъ». Надѣемся встрѣтить это мѣсто въ другой какой нибудь книгѣ съ ссылкою внизу на книгу Ваагена. Ваагенъ еще посѣтилъ галерею, записываетъ: «весьма важныя четыре картины Грёза; одна такой же величины и такой же важности, какъ и «Деревенская невѣста». Въ академіи художествъ Ваагенъ видѣлъ: «Дѣвочку съ куклой». Въ галереѣ князя Юсупова: «между множествомъ болѣе или менѣе важныхъ картинъ Грёза замѣчательна одна очень молоденькая дѣвочка, № 72, по своей граціи, превосходнымъ краскамъ, замысловатому изложенію». Въ другой галереѣ: «Грёзъ: 1. Картина по богатству композиціи, объему, живости и красотѣ лицъ, тщательности исполненія стоитъ на одной высотѣ съ «Деревенской невѣстой!» 2. «Мать съ сыномъ; тоже, особенно по мотиву и по выраженію лицъ, принадлежитъ къ лучшимъ картинамъ его». Ваагенъ въ галереѣ графа Шувалова: «Грёзъ. 1. Одна для Грёза слишкомъ большая картина съ богатой композиціей на открытомъ воздухѣ. Между множествомъ людей изображены и запряженные волы. Отличнѣйшее произведеніе! (Дѣльно сказано). 2. Дѣвочка, почти совсѣмъ en face. Принадлежитъ къ привлекательнѣйшимъ картинамъ въ этомъ родѣ; влажность глазъ, тонкость sfumato въ колоритѣ — рѣдкость въ своемъ родѣ. 3 и 4. Портретъ дѣда графа и женскій фамильный портретъ доказываютъ, какъ хорошъ былъ Грёзъ въ этомъ родѣ живописи». Въ картинной галлереѣ г. Нарышкина Ваагенъ замѣтилъ; «дѣвочку съ необыкновенно большими глазами. Besonders

weich und zart in der Behandlung». Въ галереѣ сенатора Смирнова: «Грёзъ, Дѣвочка; очень мила и нѣжна».

Можно подумать, что мы съ злымъ умысломъ отыскиваемъ слабыя мѣста въ книгѣ; между тѣмъ мы съ доброю цѣлью ознакомиться съ произведеніями Грёза прочли въ книгѣ все отъ слова до слова, что сообщено о Грёзѣ.

Ученый не разъ высказывалъ негодованіе, что къ нашимъ собраніямъ произведеній искусства нѣтъ порядочныхъ каталоговъ. Теперь они есть. Наука объ искусствѣ должна сдѣлать крупный шагъ впередъ.

Мы пробовали Ваагена къ случаю на Грёзѣ. Къ такимъ же результатамъ приводятъ пробы его и другихъ путешественниковъ на другихъ художникахъ. Другихъ путешественниковъ мы здѣсь обходимъ. За Ваагеномъ нѣсколько лѣтъ занятій и научной дѣятельности; онъ много говорилъ о Грёзѣ. Выходитъ странная вещь: Ваагенъ какъ будто старался показать только то, что онъ видѣлъ много грёзовскихъ произведеній, а затѣмъ старался утаить, что видѣлъ въ нихъ, боялся проговориться объ этомъ. Дѣйствительно, нужна ловкость, нуженъ навыкъ, чтобъ умѣть разсказывать такія незамѣчательныя вещи. А явленіе объяснимо.

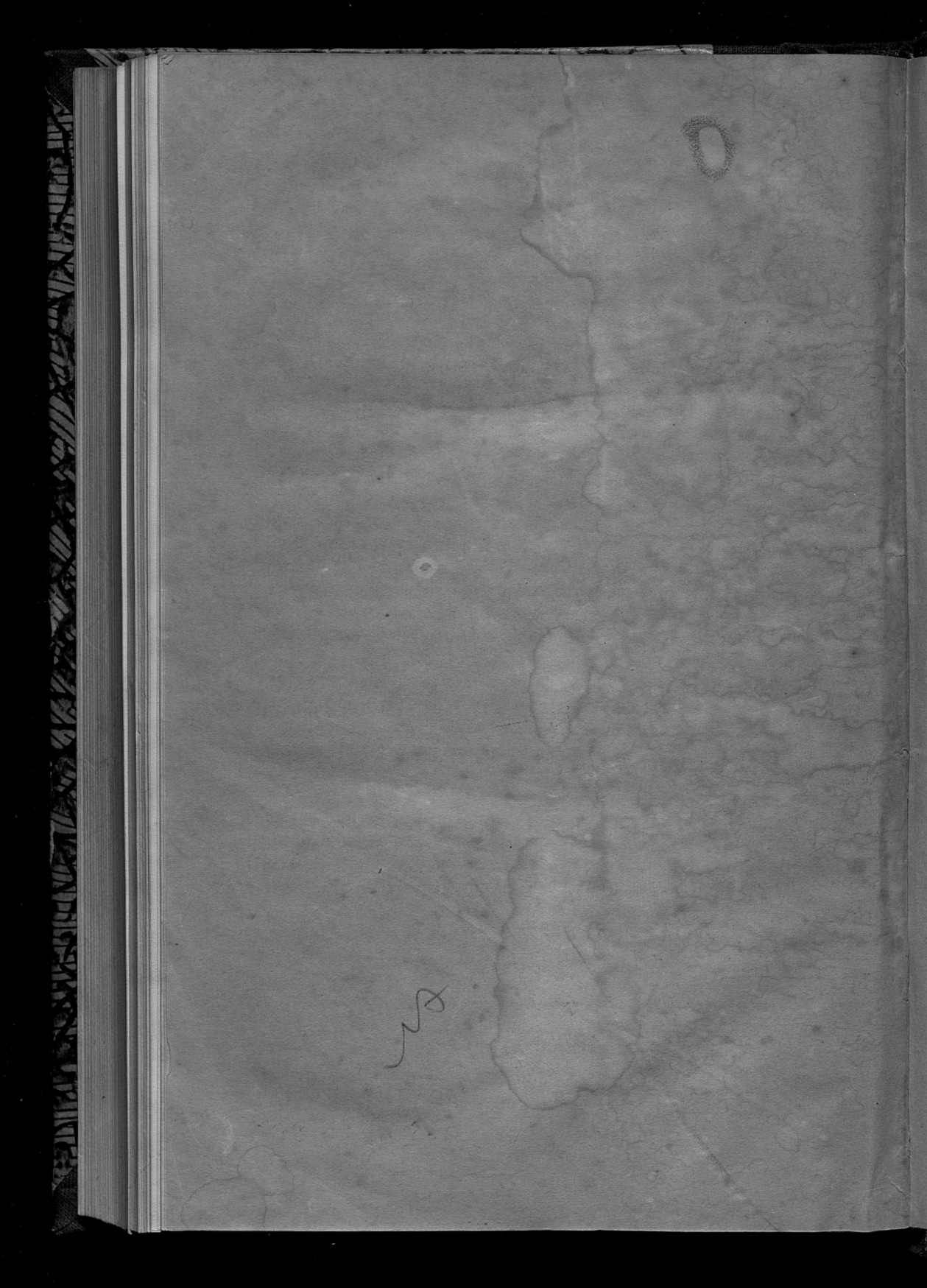
81) Адъюнкта Харьковскаго университета Стоянова.

Въ послѣднемъ отчетѣ моемъ, за три мѣсяца, отъ января до апрѣля настоящаго года, представлена была мною, въ общихъ чертахъ, та программа, которую я составилъ для работъ своихъ во Франціи.

Занятія мои, отъ апрѣля до послѣдняго времени, были выполненіемъ этой программы. Я старался ознакомиться съ лучшими историками Франціи. Библіотека св. Женевьевы представила мнѣ возможность собрать матеріалы, которые должны служить важнымъ пособіемъ къ уясненію спеціальныхъ вопросовъ по исторіи французскаго законодательства. Изученіе средневѣковой и позднѣйшей юридической литературы въ сочиненіяхъ Бомануара, Демаре, Мазюера, Луизеля, и Делорьера составило вторую часть работъ моихъ. Устарѣвшій языкъ большей части этихъ любопытныхъ произведеній представлялъ затрудненія, которыя приходилось одолѣвать съ помощію спеціальныхъ лексиконовъ. Изъ древнихъ памятниковъ законодательства, обратилъ я особенное вниманіе на

законъ Салическій. Разъясненіе текста его имѣетъ, какъ доказано это многими замѣчательными работами, весьма существенное значеніе для исторіи юридическаго и общественнаго быта древней Франціи. *Pardessus* былъ для меня здѣсь главнымъ руководителемъ. Въ библіотекѣ института нашелъ я матеріалы для разрѣшенія вопроса о томъ: какія причины способствовали образованію той системы обычнаго права, которую представляетъ намъ исторія Франціи? Здѣсь былъ естественный переходъ къ разсмотрѣнію того вліянія, которое имѣлъ феодализмъ на развитіе французскаго законодательства, и къ изученію важнаго памятника іерусалимскихъ ассизовъ.

Собраніе королевскихъ ордоннансовъ, отъ среднихъ вѣковъ до ближайшей къ намъ эпохи, представляетъ массу разнороднаго матеріала, подробное изученіе котораго можетъ быть только дѣломъ многихъ лѣтъ. Благодаря историческимъ объясненіямъ издателей этихъ памятниковъ, отъ Секусса до Пардессю, пользованіе ордоннансами не представляетъ неодолимыхъ затрудненій для того, кто стѣсненъ въ этомъ отношеніи сравнительною краткостію времени. Парламенты, генеральные штаты и адвокатура во Франціи показались мнѣ тѣми предметами, которые должны найти для себя мѣсто въ программѣ университетскаго нашего преподаванія. Я старался собрать для этой цѣли всѣ тѣ матеріалы, которые были доступны для работъ и средствъ моихъ. Наконецъ, недавнее и превосходное изданіе (Archives Parlementaires) представило капитальное пособіе для исторіи французскаго законодательства отъ 1800 до 1860 года.

Такова программа, въ которую старался я ввести подготовительную работу свою. Избирая теперь мѣстопребываніемъ своимъ Германію (на первый разъ Гейдельбергъ), я буду имѣть честь своевременно извѣстить департаментъ о дальнѣйшемъ ходѣ моихъ занятій.

Парижъ, $\frac{\text{10-го іюля}}{\text{25-го іюня}}$ 1864 года.